

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08190617 8

INDEXED

1868

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1881

16

СТРАНИЦА ИЗЪ НАШЕГО ПРОШЛАГО

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова, члена-корреспондента Общества Любителей Древней Письменности. Книга первая. С.-Петербургъ, 1881 годъ.

Наша историческая литература очень бѣдна книгами подобными недавно вышедшему изслѣдованію г. Барсукова *Родъ Шереметевыхъ*. Печальный фактъ; онъ служитъ доказательствомъ какъ невеликъ интересъ нашего родовитаго дворянства къ своему прошлому. Человѣкъ же безъ прошлого что дерево безъ корней. Чѣмъ шире и глубже идутъ корни дерева, тѣмъ могучѣе оно развивается; чѣмъ дальше въ глубь исторіи распространяются свѣдѣнія о предкахъ, объ ихъ славныхъ дѣяніяхъ, тѣмъ болѣе твердую почву подъ собою чувствуетъ человѣкъ, тѣмъ сознательнѣе его связь съ родной. Заслуги предковъ обязываютъ потомковъ—истина старая, но для этого надо знать эти заслуги. До послѣдняго времени мы слишкомъ пренебрежительно относились къ нашему прошлому, а сколько драгоценнаго историческаго матеріала погибло на чердакахъ барскихъ усадебъ! Недостатокъ историческаго знанія, разрывъ съ преданіями предковъ, великъ увлеченію чужою исторіей, чужими образцами, къ подражательности, потерѣ самобытности и способности понимать духъ своего народа, своей исторіи. Къ сожалѣнію, это вѣрѣдко случалось съ представителями тѣхъ фамилій которыя

сами стояли на верху общественной и служебной лѣстницы, а предки которыхъ, можно сказать, вмѣстѣ съ другими имъ подобными, создавали русскую исторію. Судя по народившемуся и все болѣе растущему запросу на свѣдѣнія изъ нашего прошлаго, по успѣху и быстрому распространенію журналовъ въ родѣ *Русскаго Архива*, *Русской Старины* и другихъ исключительно посвященныхъ нашей старинѣ, по интересу къ разнымъ историческимъ обществамъ и ихъ сборникамъ, по появленію сочиненій какъ *Архивъ князя Воронцова*, *Биографическій очеркъ графа Владимира Григорьевича Орлова*, *Семейство Разумовскихъ* Васильчикова, *Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ* князя Н. Н. Голицына и *Россійская родословная книга* князя П. В. Долгорукова (за смертію автора неоконченная), можно полагать что наше равнодушіе къ своей исторіи проходитъ, и занимается заря самосознанія. Въ добрый часъ. Будемъ надѣяться что книга г. Барсукова вызоветъ и еще много подражаній.

Сочиненіе г. Барсукова, *Родъ Шереметевыхъ*, не есть собраніе только генеалогическихъ данныхъ объ этой русской старинной боярской фамиліи. Онъ ведетъ свой разказъ о родѣ Шереметевыхъ въ связи съ исторіей Русскаго государства. Конечно, авторъ касается общей исторіи Россіи лишь настолько въ событіяхъ ея участвовала эта фамилія, насколько это нужно для объясненія дѣятельности, положенія или событій въ жизни того или другаго изъ представителей славнаго рода Шереметевыхъ, но этотъ приѣмъ автора оживляетъ книгу и дѣлаетъ то что она читается легко, съ большимъ интересомъ. Онъ умѣетъ незаметно ввести читателя въ обстановку общественной и служебной дѣятельности нашего высшаго служилаго сословія и кетати искусною рукою нарисовать картину похода, битвы или приѣма иностраннаго посольства, заимствуя краски изъ описаній современниковъ и очевидцевъ событій.

Доступность и легкость изложенія не единственное достоинство книги г. Барсукова. Эта характеристическая черта его труда идетъ рядомъ со строго научнымъ историческимъ изслѣдованіемъ. Авторъ хорошій знатокъ Русской исторіи, прекрасно изучившій наши древніе памятники, и самая легкость изложенія у него видимо есть слѣдствіе основательнаго знанія. Онъ не утомляетъ читателя цитатами изъ памятниковъ, не сыплетъ ими безъ мѣры, какъ это дѣлаютъ

ловички не привыкли еще пользоваться древними источниками; авторъ опытною рукою употребляетъ ихъ лишь когда они нужны ему для сохраненія духа эпохи, для придавнiя событiю колорита времени; онъ владѣеть художественнымъ чутьемъ и знаетъ мѣру.

Совершенно справедливо авторъ связываетъ исторiю рода Шереметевыхъ съ исторiей Россiи. Если любое частное лицо есть сызм своего времени и невозможно описывая его жизнь оторвать его отъ данной почвы, то тѣмъ болѣе невозможно обойтись безъ подробныхъ историческихъ поясненiй и отступленiй въ исторiю рода бояръ Шереметевыхъ, предки которыхъ по своему положенiю стояли такъ близко къ самому центру жизни Русскаго государства; часто были ближайшими и довѣренными совѣтниками государей, полководцами и управителями, наконецъ, про которыхъ съ извѣстнымъ правомъ можно сказать что они сами до нѣкоторой степени были творцами нашей исторiи. Но мы находимъ что и той связи съ общою исторiей какую даетъ авторъ недостаточно, что есть замѣтные пробѣлы въ книгѣ г. Барсукова; у него недостаетъ нѣкоторыхъ необходимыхъ историческихъ отступленiй, безъ которыхъ многое въ его книгѣ неясно, и которыя, думаемъ, бросали бы имой свѣтъ на цѣлыя историческiя событiя затрогиваемой имъ эпохи. Еслибъ авторъ писалъ просто генеалогiю Шереметевыхъ, тогда конечно мы не предъявляли бы къ нему такихъ требованiй, но онъ самъ подаетъ намъ поводъ связывая исторiю Шереметевыхъ съ общою нашею исторiей и слѣдовательно ставить себѣ болѣе широкую задачу.

Исторiя одного боярскаго рода не можетъ быть отдѣлена отъ исторiи боярства вообще какъ высшаго служилаго сословія государства; болѣе того, въ исторiи сословія, безъ связи съ нею, она остается непонятною. На ряду съ общою исторiей Русскаго государства идетъ исторiя нашего служилаго сословія, такъ тѣсно примыкая къ ней и переплетаясь что отдѣлить ихъ нѣтъ возможности; ростъ государственной власти шелъ на счетъ привилегiй, вольностей и правъ боярства. Возьмите удѣльный періодъ, когда старшіе дружинники князя (предки послѣдующаго боярства) имѣли право сказать князю затѣвавшему войну не посовѣтовавшись съ нимъ: „О собѣ еси, княже, замыслилъ; а ѿйдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“, — и сравните съ боярами времени Грознаго

или царствованія первыхъ государей изъ дома Романовыхъ, когда представители даже княжескихъ удѣльныхъ фамилій смиренно подписываются: холодъ твой Гришка, Ванька, челомъ бьетъ. Ясно что между представителями дружины въ удѣльный періодъ и боярствомъ Московскаго періода исторія образовала цѣлую пропасть. Сколько промежуточныхъ ступеней между этими двумя крайними пунктами? Авторъ рода Шереметевыхъ не хочетъ ихъ замѣтить, и начавъ свой разказъ съ Андрея Кобылы, родоначальника Шереметевыхъ, ведетъ далѣе къ концу царствованія Грознаго, какъ будто боярство за это время не претерпѣло никакого измѣненія, и даже не давая намъ понять ясно какимъ онъ представляетъ себѣ его политическое и общественное положеніе въ описываемое имъ время. Предсмертную рѣчь Дмитрія Донскаго нельзя же считать за полную картину положенія боярства. Встрѣчая поручную запись взятую Грознымъ по Иванѣ Васильевичѣ Большомъ Шереметевѣ о его неотъздѣ въ другое государство, авторъ не даетъ себѣ труда остановиться подробнѣе на этомъ когда-то основномъ правѣ не только высшаго, но и низшаго служилаго сословія, свободно выбирать себѣ службу у любого князя и уходить отъ него когда вздумается къ тому князю который пришелся болѣе по душѣ. „А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“ было основнымъ правомъ нашего служилаго сословія и встрѣчается постоянно въ договорахъ князей между собою. Подобное право было въ то время съ котораго начинается авторъ свой разказъ, было оно долгое время и послѣ; оно стало стѣсняться съ Ивана III, съ объединенія Руси подъ властью Московскихъ князей, когда отъздѣ пересталъ быть службою той же Руси, тому же отечеству, защитою той же вѣры, только подъ знаменемъ другого князя, а сдѣлался измѣною отечеству, вѣрѣ, народу, когда ушедшій становился врагомъ, предателемъ. Уходить стало не къ кому изъ своихъ; остались только чужіе, иновѣрцы. Упреки Грознаго, обращенные къ отъѣхавшему въ Литву князю Курбскому, есть выраженіе не единичнаго взгляда царя, а всего общества. Исторія, создавъ единое Московское государство, отняла почву у боярскихъ привилегій. Этимъ былъ произведенъ громадный переворотъ въ положенія боярства: изъ свободныхъ дружинниковъ, товарищей князя, стоявшихъ въ личныхъ, какъ бы

въ договорныхъ отношеніяхъ къ князю, бояре превратились въ обязанныхъ слугъ царя и государства, въ подданныхъ.

Намъ кажется что еслибъ авторъ обратилъ вниманіе на исторію нашего служилого сословія, на перемѣны въ положеніи нашего боярства въ разные эпохи государственной жизни, то онъ избѣгъ бы и того односторонняго взгляда на Ивана Грознаго какой постоянно сквозить въ его книгѣ. Иванъ Грозный является въ сочиненіи г. Барсукова безсмысленнымъ тираномъ, уливающимся кровью невинныхъ, кроткихъ, доблестныхъ бояръ; онъ говоритъ въ некоторыхъ изъ Шереметевыхъ и другихъ бояръ, пытается, казнить, и все это изъ одной жестокости, кровожадности, безо всякой политической подкладки. Авторъ положительно пристрастенъ; онъ видитъ глазами Курбскаго которому онъ вѣритъ, и не вѣритъ Грозному считая его заинтересованною стороною. Но вѣдь и Курбскій тоже заинтересованная сторова. Обѣ стороны желаютъ всячески оправдать свои поступки и сваливаютъ вину другъ на друга. Но можетъ ли историкъ довольствоваться личными счетами двухъ сторонъ? Не долженъ ли онъ посмотрѣть глубже и поискать для объясненія другихъ причинъ? Еслибъ авторъ обратилъ вниманіе на исторію боярства, то онъ невольно натолкнудся бы на эти причины, и тогда можетъ-быть и бояре не вышли бы такъ правы и Грозный явился бы въ другомъ свѣтѣ; тогда авторъ въ беспощадныхъ и свирѣлыхъ казняхъ бояръ увидѣлъ бы, кромѣ жестокости подозрительнаго и во многихъ случаяхъ несправедливаго царя, еще нечто другое. Онъ можетъ-быть увидѣлъ бы тогда что время Ивана IV было временемъ упорной борьбы двухъ разныхъ началъ нашей исторіи, что тутъ давало свою послѣднюю битву начало дружинное и начало государственное. Борьбу между этими двумя началами можно замѣтить много раньше; ее можно было угадать въ Московскихъ князьяхъ до Ивана III. При Иванѣ III уже жалуются на новые порядки, во недовольные бояре приписывали перемѣны Софьи Палеологъ, греческой царевнѣ, женѣ Ивана Васильевича; борьба усилилась при Василии Ивановичѣ, отцѣ Грознаго: бояринъ Берсень-Беклешевъ упрекаетъ его за то что онъ ведетъ себя съ ними, боярами, не попрежнему, свою думу отъ нихъ таитъ и рѣшаетъ дѣла самъ третей, залершись, а „встрѣчи противъ себя не любитъ“. Но прежняя сила

боярѣ отошла, отжившія дружинныя права и привилегіи должны были смолкнуть предъ новымъ выдвинутымъ исторіей началомъ государственнымъ, и голова строптиваго Берсея катится съ лаахи. Василій умираетъ не докончивъ борьбы и оставляетъ престолъ малолѣтнему сыну. При матери Грознаго, Еленѣ Глинской, и по смерти ея до совершеннолѣтія Ивана IV, бояре управляютъ государствомъ. Что это было за управленіе, авторъ прекрасно самъ рисуетъ вамъ въ своей книгѣ: безплощадная борьба между собою разныхъ боярскихъ фамилій попеременно захватывавшихъ власть въ свои руки, преслѣдованіе лавшихъ въ борьбѣ боярѣ и ихъ родственниковъ, грабежъ ихъ имуществъ и казны, полное небреженіе объ интересахъ государства, оскорбленіе молодаго государя въ его искреннихъ привязанностяхъ, презрѣніе къ его саму, возмутительныя насилія совершаемыя въ его глазахъ надъ людьми близкими къ нему, приводящія ребенка-государя въ ужасъ. Какое воспоминаніе и какое чувство къ боярамъ вынесла чрезвычайно впечатлительная натура Ивана IV изъ своего дѣтства? То ли это было боярство которое въ малолѣтство Дмитрія Довскаго поддержало спокойствіе княжества внутри, дало отпоръ вѣшнымъ врагамъ, завистливымъ сосѣдямъ-князьямъ, выхлопотало въ Ордѣ своему малолѣтнему князю великокняжеское достоинство, сумѣло сохранить его за нимъ, несмотря на всѣ проски Дмитрія Суздальскаго. Могъ ли Иванъ Грозный обратиться къ боярамъ съ такою же рѣчью, съ какою Дмитрій Довской предъ смертью обратился къ своимъ боярамъ: „Вы знаете каковъ мой обычай и нравъ! Родился я предъ вами, при васъ выросъ, съ вами царствовалъ, воевалъ вмѣстѣ съ вами на многія страны, противникамъ былъ страшенъ, поганыхъ изложилъ съ Божіею помощію и враговъ покорилъ, великое княженіе свое сильно укрѣпилъ, миръ и тишину далъ Русской землѣ, отчину свою съ вами сохранилъ, вамъ честь и любовь оказывалъ, подъ вами города держалъ и большія волости, дѣтей вашихъ любилъ, никому зла не сдѣлалъ, не отнялъ ничего сплю, не досадилъ, не укорилъ, не ограбилъ, не обезчестилъ, но всѣхъ любилъ, въ чести держалъ, веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ, и вы не назывались у меня боярами, но князьями земли моея“.

Грозному въ 1548 году восемнадцатилѣтнимъ отрокомъ приходится на созванномъ земскомъ соборѣ приносить

повинную Русской землѣ за все неустройство во время своего малолѣтства, просить забыть все вытерпѣнное народомъ и сказать что не онъ въ этомъ виноватъ, но бояре, и обѣщать что теперь подобнаго не будетъ, ибо онъ самъ будетъ управлять государствомъ. Присоедините къ этому картину когда царь больной, безъ надежды на выздоровленіе, видитъ бояръ производящихъ шумъ и отказывающихся отъ присяги сыну Грознаго, будущему законному государю, и намъ будетъ понятно озлобленіе къ боярству, казни и болѣзненная подозрительность царя, проявившіяся во вторую половину царствования Грознаго; мы поймемъ и опричнину, съ приѣмомъ въ нее людей худородныхъ. Къ мотивамъ личнымъ у Ивана IV несомнѣнно присоединялись мотивы государственнаго свойства. Боярство продолжало жить старинной, предавіями удѣльнаго періода; оно все еще думало что „бояромъ и слугамъ вольнымъ—воля“. Оно проглядѣло исторію, не замѣтило что обстоятельства давно перемѣнились и съ неотразимою силой исторія выставила въ уровень съ потребностями эпохи новое начало—государственное, начало подчиненія частнаго обществу, личнаго государству; что до болѣзненности сознавалась нужда въ сосредоточеніи, централизациі, собраніи силъ для борьбы за независимое существованіе, для отраженія враговъ со всѣхъ сторонъ окружавшихъ только-что сложившееся молодое государство и ни на минуту не дававшихъ ему покоя, явилась неотложная потребность для удовлетворенія всѣхъ назрѣвшихъ нуждъ—создать крѣпкую, сильную, единую верховную власть, поставить ее высоко, могуче. Эту задачу преслѣдовали уже отецъ и дѣдъ Грознаго, но наиболѣе сознательнымъ носителемъ и осуществителемъ этой идеи явился Иванъ IV, все существо котораго проникнуто ею въ такой степени что даже отдаленная мысль о покушеніи на это высокое положеніе верховной власти въ его лицѣ болѣзненно раздражала его, приводила въ бѣшенство. Онъ не могъ хладнокровно говорить даже о прошедшемъ, о первыхъ годахъ своего царствованія, ибо думалъ что самодержавіе въ то время недостаточно высоко держалось имъ; ему ненавистна была мысль что Сильвестръ и Адашевъ вліяли на него, и онъ возненавидѣлъ ихъ заднимъ числомъ. Столкновеніе, борьба между отжившимъ началомъ, боярствомъ, и новымъ, сильною государственною властью, самодержавіемъ, роковымъ образомъ вызывались самимъ ходомъ исторіи. Все

предшествовавшее обострило положеніе обѣихъ сторонъ и подготовило окончательный кризисъ: будетъ ли у насъ сильная, сосредоточенная въ лицѣ царя государственная власть, способная объединить только-что сложившееся изъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ княжествъ государство, или возьметъ перевѣсъ аристократія, которая ограничитъ эту власть и создастъ второй экземпляръ своей сосѣдки Польши. Несомнѣнно, Грозный внесъ въ эту борьбу много личнаго, жестокаго, много казней было несправедливыхъ, вызванныхъ болѣзненнымъ подозрительностью и раздражительностью; но, не извѣдая всего этого, нельзя же не видѣть здѣсь и чего-нибудь большаго чѣмъ проявленіе личнаго чувства царя Ивана IV.

Вотъ что мы считали долгомъ высказать почтенному автору, съ искреннимъ желаніемъ чтобы въ слѣдующихъ томахъ начатаго труда, имѣющаго такъ много достоинствъ, онъ могъ избѣгать недостатковъ сказавшихся въ первомъ томѣ. Они произошли отъ того что въ исторіи одного боярскаго рода г. Барсуковъ хотѣлъ обойтись безъ исторіи боярства вообще; отсюда односторонность, пристрастіе и невѣрное историческое освѣщеніе въ общемъ. Присоединимъ сюда еще не упрекъ, а скорѣе пожеланіе: авторъ знакомитъ насъ подробно со служебною дѣятельностію Шереметевыхъ и не показываетъ другой крайне интересной стороны, тогдашней частной, семейной и хозяйственной жизни бояръ. Не ставимъ въ упрекъ потому что можетъ-быть у автора нѣтъ данныхъ къ тому и въ архивахъ рода Шереметевыхъ не сохранилось ни писемъ, ни наказовъ старостамъ и управляющимъ, ни приходо-расходныхъ книгъ и счетовъ. Въ такомъ случаѣ конечно приходится только жаловаться на всеистребляющее время и на малую любовь нашихъ предковъ къ сохраненію памяти о своихъ предшественникахъ. Впрочемъ, можетъ-быть авторъ подаритъ насъ подобными описаніями въ слѣдующемъ томѣ.

Предъ нами еще только первый томъ *Рода Шереметевыхъ*, охватывающій время отъ Симеона Гордаго до конца царствованія Ивана Грознаго. Со внѣшней стороны это очень роскошное изданіе: бумага плотная александрийская, печать чистая; книга снабжена фотографическими свѣтками съ древнихъ грамотъ-столбцовъ и многими той эпохи картинами,

писанными въкоторыя перомъ, * а цвѣя красками ** и представляющими отправленіе на войну, битвы, посольства и т. д. въ которыхъ принималъ участіе кто-либо изъ Шереметевыхъ. Къ концу книги приложень личный, географическій и предметный указатели. Нельзя не пожалѣть что такое изданіе, роскошное по важности и интересное по внутреннему содержанию, недоступно какъ для публички, такъ и для людей которымъ книга Барсукова дорога какъ научное историческое изслѣдованіе. Книги нѣтъ въ продажѣ; ея отпечатано очень ограниченное количество (200 экземпляровъ), для графовъ Шереметевыхъ, ихъ родственниковъ и близкихъ людей; всѣ экземпляры именные. Въ виду этого, думаемъ, читатели не поспѣютъ на насъ если мы подробнѣе передадимъ содержаніе книги.

Начальная исторія рода Шереметевыхъ крайне темна. Наши лѣтописи не любили заниматься событіями изъ жизни частныхъ людей, посвящая бѣольшую часть вниманія князьямъ, ихъ войнамъ между собою, набѣгамъ враговъ и выходящимъ изъ ряда вонъ явленіямъ общественной жизни, въ родѣ голода, ужаснаго пожара, поварныхъ болѣзней и т. л. Къ этой скудости лѣтописныхъ извѣстій о нашихъ боярахъ присоединяется еще отсутствіе обычая носить членамъ одного рода одну общую фамилію. Бояре обыкновенно назывались по имени и отчеству съ присоединеніемъ иногда какого-нибудь личного прозвища въ родѣ Кобыла, Кошка, Голица, Трегубый, Беззубецъ и т. д. Но эти прозвища до конца XV вѣка не переходили на дѣтей, не превращались въ общую для всѣхъ происшедшихъ отъ носившаго данное прозвище фамилію, а каждый принималъ новое прозвище или же оставался при одномъ имени и отчествѣ ***. Прозвищъ отъ родовыхъ помѣстій и замковъ, какъ на Западѣ, тоже у насъ не было, потому что

* Снимки съ картинъ находящихся въ лѣтописи извѣстной подъ названіемъ *Царственная книга*. Эта рукопись хранится въ Московской синодальной, бывшей Патриаршей, библиотекѣ подъ № 149.

** Снимки съ картинъ изъ рукописнаго лѣтописца Московской синодальной библиотеки, № 962.

*** Отсюда много боярскихъ родовъ происходящихъ отъ одного корня, но носящихъ разные фамиліи. Такъ отъ Андрея Кобылы: Шереметевы, Романовы, Колычевы, Яковлевы, Неплюевы, Боборыкины и др.

не было ни замковъ, ни привязанности къ своимъ помѣстьямъ. У нашихъ дружинниковъ-бояръ не было той прочной связи съ землею какая была у дворянства западнаго, ибо у насъ на первомъ планѣ стояла служба, которая была такого рода что не поощряла и не развивала подобной привязанности: нынѣ бояринъ служитъ одному князю, а завтра другому, третьему и т. д., благо ихъ много; кромѣ того, сами князья не сидятъ на одномъ мѣстѣ, а переходятъ то въ Переяславль, то въ Черниговъ, Киевъ, либо передвигаются на сѣверъ, въ Новгородъ Великій, и дружина за ними кочуетъ изъ одного княжества въ другое. Гдѣ же тутъ образоваться привязанности къ родовымъ помѣстьямъ и прозвищамъ отъ нихъ? Ото всего этого выходитъ то что и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ когда лѣтописи говорятъ, по связи съ исторіей того или другаго князя, о боярахъ, то по упоминанію о какомъ-нибудь Ѳеодорѣ Ивановичѣ трудно догадаться о какомъ изъ Ивановичей говорится, такъ какъ у князя въ числѣ бояръ могъ быть не одинъ Иванъ и не одинъ Ѳеодоръ.

Исторически прослѣдить родъ бояръ Шереметевыхъ можно только съ Андрея Кобылы, о которомъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 6855 (1347) годомъ въ описаніи третьей жевитыбы великаго князя Московскаго Семена Ивановича, когда Андрей Кобыла и Алексѣй Босоволковъ были посланы въ Тверь за невестой, Тверскою княжною Марьей Александровною. На этомъ всѣ свѣдѣнія обрываются. Изъ этого факта видно что Андрей Кобыла былъ лицо важное, приближенное къ князю, иначе ему не было бы дано такое деликатное порученіе; онъ былъ богатъ, ибо по самому свойству порученія долженъ былъ быть обставленъ роскошью и представительностью. Но кто онъ, кто его предки? Исторія молчитъ, и лишь въ XVI вѣкѣ находимъ указанія что прародитель Шереметевыхъ „мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ нѣмецкія земаи выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ; глаголютъ его быти съ роду князятъ Ретскихъ“ (*Сказаніе кн. Курбскаго*). Въ другой рукописи писанной полууставомъ XVII вѣка о прародителѣ Шереметева сказано: „Выѣхалъ изъ Нѣмецъ мужъ честенъ, именемъ Андрей Ивановичъ (въ другихъ мѣстахъ Михайловичъ) Кобыла.“ Такъ Шереметевы стали считаться боярами не русскими по происхожденію, а *выѣзжими*, и какъ таковые записаны въ бархатную книгу. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о родѣ Шереметевыхъ даетъ одвородецъ

изъ, герольдмейстеръ времяъ Петра Великаго, Степанъ Андреевичъ Колычевъ. Онъ оставилъ послѣ себя въ рукописи пространную записку подъ заглавіемъ: „Исторіографія вкратцѣ собранная изъ разныхъ хроникъ и лѣтописцевъ.“ Колычевъ начинаеть свое повѣствованіе съ прусскаго короля Прутена, уступившаго въ 373 году по Р. Х. свой престолъ брату своему Вейдеуту. Послѣдній предъ смертью раздѣлилъ землю между двѣнадцатью сыновьями, изъ которыхъ четвертый, Недронъ, получилъ удѣлъ на берегахъ рѣки Прегеля. Въ XIII вѣкѣ, при Дивонѣ, потомкѣ Недрона въ девятомъ колѣнѣ, *Крыжаки* (Меченосцы) разорили эту землю. Въ 1280 году старшій сынъ Дивона, князь Руссагенъ, „не имѣя силы отечества своего краи отъ Крыжаковъ бороться“, со всѣмъ семействомъ и съ младшимъ братомъ „Камбилю, нареченнымъ Гладою или Главдосомъ“, крестился. Но въ 1283 году Гладосъ Камбила, Дивоновъ сынъ, пришелъ къ Московскому князю Давиду Александровичу, снова крестился и принялъ законъ греческаго исповѣданія... „А что того славнаго Камбилу или Глада Камбиліона стали нарицать Кобыла, и то, мню, говоритъ Колычевъ, учивено съ недозрѣнія особы его. Въ томъ вѣку нарѣзці цюземскихъ прозваній многіе не умѣли и съ истинною того прозванія знатно распознавать не умѣли или не хотѣли; а наплаче древніе писари русскіе, недовольные въ граматическихъ учевіяхъ, вельми цюземныя прозванія и имена отиѣняли, не дописуя вѣрно, или съ прибавкою отъ незнанія писали. Мню посему что вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написано просто Кобыла отъ древнихъ писцовъ съ убавленіемъ литеры.“

Не говоря уже о знаменитыхъ предкахъ Камбилы, Прутенѣ, Вейдеутѣ и пр., цюстранное происхожденіе родоначальника Шереметевыхъ далеко недоказанная вещь. Первое извѣстіе о Шереметевыхъ какъ о родѣ выѣзжемъ изъ Пруссъ явилось въ XVI вѣкѣ, во времена Грознаго, т.е. когда была мода начинать свою родословную издаека, отъ какого-нибудь царственнаго цюземнаго рода, чего даже самъ Грозный не избѣгъ, выводя свой родъ отъ кесарей римскихъ. Кромѣ того, поддерживать легенду объ цюстранномъ царственномъ предкѣ было выгодно Шереметевымъ потому что это давало имъ большій вѣсъ при дворѣ между другими боярами при иѣстивическихъ счетахъ, ибо выѣзжіе даже изъ татарскихъ ордъ царевичи обыкновенно ставились выше другихъ

князей и бояръ, *записали* ихъ, по техническому мѣстначескому языку той эпохи. Колычевъ напрасно тратитъ остроуміе на догадки о передѣлкѣ Камбилы въ Кобылу. Чѣмъ *Кобыла* менѣе благозвучно чѣмъ прозвища сыновей его: Семена Жеребца, Александра Елка, Федора Кошки? Или и это наши писцы записали съ *недозрѣніемъ* особъ ихъ?

Шереметевы привади гербъ города Дамцига, схожіи съ гербами Кенигсберга и Эльбинга, какъ такихъ городовъ которые въ древности принадлежали предкамъ ихъ Камбилѣ и Руссиному Дивоновичамъ. Но извѣстно что до Федора Алексѣевича у бояръ гербовъ не было; слѣдовательно и этотъ поздній домыслъ не доказательство ихъ прусскаго княжескаго происхожденія. Приходится начинать исторію рода Шереметевыхъ просто съ боярина московскаго князя Семена Ивановича, Андрея Кобылы, не пускаясь въ безполезныя догадки о еще болѣе древнихъ предкахъ ихъ.

У лица историческаго, Андрея Кобылы, было пять сыновей, и каждый изъ нихъ носить особое прозвище: 1) *Семенъ Жеребецъ*, отъ котораго пошли Лодыгины, Кововицныи, Сивіи, Горбуновы, Кокоревы и Образцовы; 2) *Александръ Елка*, отъ котораго пошли Колычевы, Сухово-Кобыляныи, Свербеевы, Хлуденевы и Непаревы; 3) *Василій Вантей* или *Ивантей*, у котораго былъ одинъ бездѣтный сынъ Григорій; 4) *Гавриилъ Гавша*, отъ котораго пошли Боборыкины и 5) *Федоръ Кошка*. Для насъ особенное значеніе имѣеть младшій сынъ Андрея Кобылы, Федоръ Кошка, такъ какъ отъ него пошли Шереметевы, а потому мы остановимся только на немъ и его потомствѣ.

Федоръ Андреевичъ Кошка въ княженіе Дмитрія Донскаго игралъ важную роль. Это было лицо близкое къ князю и вліятельное въ княжескихъ совѣтахъ. Онъ подписался подъ второю духовною Дмитрія Донскаго; въ числѣ другихъ къ нему обращался съ предсмертною рѣчью великій князь (о ней мы раньше говорили). Есть основаніе полагать что Федоръ Кошка былъ не просто одинъ изъ совѣтниковъ князя Дмитрія Донскаго, но самый главный, приближеннѣйшій и вліятельнѣйшій изъ нихъ. Это видно изъ того что великій князь Тверской Михаилъ Александровичъ, истощившій силы въ неравной борьбѣ съ Москвою, ведаромъ слѣзистъ войти въ родство съ сильнымъ любимцемъ великаго князя Московскаго, и женить своего сына на дочери

Федора Кошки. Михаилъ не ошибся въ расчетъ: родство съ сильнымъ московскимъ бояриномъ вполнѣ обезпечило Тверь со стороны Москвы. Этотъ бракъ породилъ боярина Кошку съ Рюриковичами, а также съ Гедеминовичами, ибо Марія Кестутьевна, сестра Витовта, была за другимъ старшимъ сыномъ Михаила Тверскаго.

Значеніе и даже направленіе политики боярина Федора Кошки еще болѣе видно изъ грамоты хана Большой или Золотой орды Эдигея, въ которой онъ послѣ опустошительнаго набѣга на Россію, перечисляя вины молодого великаго князя Василія Дмитріевича (въ 1409 гду), говоритъ: „Вся дѣла твоя недобрыи и неправыи. Добрыи нравы и добрая дума и добрыя дѣла были въ ордѣ отъ Федора отъ Кошки, добрыи были челоувѣкъ, которые добрые дѣла ордывскіе то и тебѣ воспоминавалъ, и то ся мѣнуло“. Федора Кошки тогда уже не было въ живыхъ; его мѣсто въ совѣтѣ молодого государя занималъ сынъ его Иванъ, на котораго и жалуется Эдигей: „А вынѣ у тебя сынъ ево Иванъ, казвачей и любовникъ, старѣйшина; и ты вынѣ изъ того слова, изъ того думы не выстулаешь. Ино того думою учивилась твоему улусу (государству) пакость и крестьяне изгубил; и ты бы олять такъ не дѣламъ, а молодыхъ не слушаалъ, и собралъ бы еси старѣйшихъ своихъ бояръ.“

Напрасно приписываетъ Эдигей перемѣну отношеній Москвы къ ордѣ, отсутствіе уваженія къ посланцамъ своимъ, подниманіе ихъ на смѣхъ въ Москвѣ и держаніе въ истомѣ, недостатку политической опытности и молодому задору новыхъ совѣтниковъ новаго князя, въ особенности вліятельнѣйшему изъ нихъ, Ивану Федоровичу Кошкѣ. Дѣло въ томъ что обстоятельства перемѣнились: въ то время какъ Москва росла и быстро усиливалась, орда напротивъ, раздражаемая внутренними смутами, не имѣвшая подъ собою твердой почвы, жившая лишь на счетъ чужихъ сокровъ, дряхлая и клонилась къ упадку. Если прежде хороша была политика еще слабыхъ Московскихъ князей относительно сильной орды, — политика состоявшая въ забриваніи хановъ, ихъ женъ, родственниковъ князей и сильныхъ ордывскихъ вельможъ, въ подкупѣ ихъ, въ избѣганіи всякой ссоры съ ними, въ послушаніи, униженіи и лести, чтобы чрезъ то, живя въ мирѣ съ ордою, избѣгая ея опустошительныхъ набѣговъ, пользоваться силами Татаръ для

обезсиленія, разоренія и низложенія своихъ противниковъ, князей русскихъ, то теперь роли перемѣнились, и Москва не нуждалась въ прежней политикѣ слабого. Куликовская битва далеко оставила ее позади. Москва чувствовала силу сбросить съ себя личину смиренія и выступить въ новой роли — освободительницы Руси отъ татарскаго ига. Это былъ не молодой задоръ, а сознаніе своей силы, доказательствомъ чему служить то что самъ Эдигей не вступилъ въ открытую борьбу съ Москвою, а удовольствовался ввезаннымъ разбойничьимъ набѣгомъ, подобно тому какъ это въ послѣдствіи дѣлалъ его сородичъ Крымцы.

У Федора Андреевича Кожки было пять сыновей: 1) Иванъ, отъ котораго пошли Романовы, 2) Федоръ Голтый, 3) Александръ Беззубецъ, 4) Никифоръ и 5) Михайло Дурной. Мы оставимся только на третьемъ сынѣ Федора Кожки, Александрѣ Беззубцѣ, такъ какъ онъ прямой предокъ Шереметевыхъ.

Александръ Беззубецъ не игралъ видной исторической роли, но съ сыномъ его Константиномъ Александровичемъ Беззубцевымъ мы встречаемся при Иванѣ III, какъ съ лицомъ занимающимъ высокое положеніе. Такъ въ 1450 году, вмѣстѣ съ царевичемъ Касимомъ, онъ одерживаетъ побѣду надъ Татарами на берегахъ Битюга; а въ 1469 году, когда былъ предпринятъ первый большой походъ противъ Казани чтобъ оставить успѣхи воинственнаго казанскаго царя Ибрагима взявшаго уже Вятку, Константинъ Александровичъ назначенъ былъ начальникомъ всей большой рати долженствовавшей собраться въ Нижнемъ Новгородѣ. Нижний Новгородъ дѣйствительно представлялъ въ то время самый удобный сборный пунктъ для войскъ съ Казанью, такъ какъ системы рѣкъ Волги и Оки, обвивавшія почти все тогдашнее Московское княжество, дѣлали возможнымъ сборъ войскъ водянымъ путемъ, который при тогданемъ бездорожьи былъ самымъ удобнымъ. Къ Нижнему Новгороду должны были сойтись въ одинъ и тотъ же срокъ всѣ суда съ отдѣльными отрядами: Коломнячи, Муромцы „и вси которіи выше ихъ по Оцѣ“, полами Окою; московскіе сурожаки (т. е. торговцы шелковыми тканями), суковники, кулды и прочіе Москвичи, подъ непосредственнымъ начальствомъ воеводы князя Петра Васильевича Оболенскаго, полами Москвою-рѣкой и Казанью; Владимірцы и Суздавцы

Клязьмою же, Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и прочіе Поволжане поплыли Волгой. Кромѣ того, великій князь послалъ войско въ Устюгъ подъ начальствомъ воеводы, князя Давида Васильевича Ярославскаго, поручивъ ему дожидаться тамъ Вологжанъ съ воеводой Семеномъ Сабуровымъ и вмѣстѣ съ ними и Устюжанами, съѣзъ на суда же, идти прямо въ Вятку и поднять Вятчанъ противъ Казанскаго царя. По замѣчанію Карамзина, „такое знаменитое судовое ополченіе было зрѣлищемъ любопытнымъ для сѣверной Россіи, которая еще не видала подобнаго“.

Походъ не удался вслѣдствіе нерѣшительности Ивана III, оставившаго Константина Александровича Беззубцева въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ, когда все войско было уже въ сборѣ. Позволено было лишь однимъ охотникамъ, выбравъ себѣ кого угодно въ воеводы, идти на Казань. Охотники побывали подъ Казанью, пограбили ея окрестности, тѣмъ дѣло и ограничилось. Это былъ первый шагъ, первая проба, предвѣстіе будущихъ грозныхъ походовъ Ивана IV. Но удаченъ или неудаченъ былъ походъ, онъ показываетъ намъ высокое положеніе предка Шереметевыхъ.

У Константина Александровича Беззубцева, было пять сыновей: Федоръ Беззубцевъ, Андрей Шереметь, Михаилъ Беззубецъ, Семень Еланча и Александръ Сова.

Отъ Андрея Шеремети пошли Шереметевы—предки вышнихъ какъ имѣющихъ графскій титулъ, такъ и не имѣющихъ его.

Многіе задавались вопросомъ какое слово Шереметь или Шереметь, и стараясь видѣть въ немъ славянское происхожденіе, тщетно расчленили его и искали въ составныхъ частяхъ русскихъ корней. Шереметь слово чисто турецкое, означающее: проворный, живой, быстрый на бѣгу. Авторъ *Рода Шереметевыхъ* склоненъ думать, не дано ли Андрею Константиновичу прозвище *Шере-метъ* въ честь Шереметь-бея, полководца Магомета II, завоевателя Царьграда. Но не проще ли предположить что это прозвище дано ему по его личнымъ свойствамъ, за подвижность, живость характера, тѣмъ болѣе что современники, вслѣдствіе сосѣдства и частыхъ сношеній съ Татарами, знали много татарскихъ словъ. И до Андрея Константиновича и послѣ него многіе изъ бояръ носили подобное прозвище, но оно не стало у нихъ родовымъ какъ у

потомковъ Андрея Беззубцева. Прозвищъ бояръ въ честь того или другаго выдающагося лица мы почти не встрѣчаемъ въ нашей исторіи, а прозвищъ по тѣмъ или другимъ чертамъ характера, по тѣлеснымъ недостаткамъ—масса.

Объ Андрѣѣ Константиновичѣ сохранилось мало извѣстій. Извѣстно лишь что онъ участвовалъ въ знаменитомъ походѣ Ивана III на Новгородъ въ 1478 году, причемъ имѣлъ свою собственную дружину, состоящую не только изъ дворовыхъ людей, но и изъ мелкихъ дворянъ: Мустафиныхъ, Татьянинныхъ, Нестеровыхъ, Нороватыхъ и Нелединскихъ, *послужилыцевъ* Шереметевскихъ, примыкавшихъ къ сильному боярину и съ нимъ выстулавшихъ на войну. Это напоминаетъ намъ прежнихъ старшихъ дружинниковъ удѣльнаго періода, имѣвшихъ собственныя дружины и иногда очень значительныя, доходившія до 2.000 человекъ. Отсюда понятна почему старшіе дружинники были дѣйствительною силою князя и почему князь безъ нихъ былъ слабъ. Вотъ гдѣ кроется высокое положеніе и значеніе старшихъ дружинниковъ.

Андрей Константиновичъ Шереметь жилъ въ переходное время отъ прежняго боярства къ новому, служилому, постепенно закрѣпляемому на службу государству. Онъ былъ послѣднимъ изъ своего рода бояриномъ по рожденію, а потомки его получали это званіе уже за службу, за службу, изъ рукъ государя; оно стало жалованнымъ, превратилось въ чинъ. Авторъ къ сожалѣнію мало останавливается на этомъ фактѣ, имѣющемъ то же значеніе какое въ послѣдствіи играла табель о рангахъ во времена Петра Великаго. Боярство нельзя сказать чтобы не замѣтило этой перемѣны или отвеслось къ ней равнодушно; нѣтъ, оно по своему протестовало, но слабо, бессильно, и приписало новизну жемъ Ивана III, Софьи Палеологъ: „Какъ пришли сюда Греки, такъ наша земля и замѣшалась; а до тѣхъ лоръ земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюда мать великаго князя, великая княгиня Софья съ вашими Греками, такъ наша земля и замѣшалась, и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царьградѣ при вашихъ царяхъ“, говорить Берсень, наиболее строптивый изъ недовольныхъ новыми порядками.

У Андрея Константиновича было три сына: старшій Иванъ, убитый въ 1521 году при внезапномъ нападеніи Крымцевъ, младшій Борисъ не оставившій потомства и средній Василій, родъ котораго ведется до сихъ лоръ.

Василій Андреевичъ, во время царствованія Василя

Ивановича, отца Грознаго, принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ государства; ходилъ не разъ и на Крымцевъ и подъ Казань, причемъ если послѣдняя не была взята въ 1530 году, то единственно отъ нестроения воеводъ изъ-за мѣстаческихъ счетовъ. „А князь великій, увѣдавъ о нестроении воеводъ, возложи на большаго воеводу князя Иоанна Бѣльскаго оламу и едва отъ смерти избави его, зана Даниилъ митрополитъ, да Порфирій игумень Радовежскій улросиша у великаго князя; во въ темницѣ сидѣлъ пять лѣтъ, повеже ему дана бѣ власть надъ вопиствомъ русскимъ.“

Въ 1525 году великій князь Василій Ивановичъ развелся со своею супругой Саломонією Юрьевною Сабуровой „для двадцатилѣтняго безплодія“ и въ январѣ 1526 года женился вторично на княжнѣ Еленѣ Васильевнѣ Гливской, дочери извѣстнаго литовскаго выходца князя Василья Львовича. Какъ лицо занимавшее видное положеніе при дворѣ, Василій Андреевичъ Шереметевъ конечно принималъ участіе въ торжествахъ по этому поводу. Еще равнѣе бракосочетанія составляемъ былъ свадебный разрядъ, въ которомъ роль каждого изъ бояръ была точно опредѣлена. Василій Андреевичъ Шереметевъ вмѣстѣ съ княземъ Александромъ Кашинымъ-Оболенскимъ, оба въ золотомъ рѣзавіи, должны были олаживать брачующихся. По тогдашнему обычаю, предъ тѣмъ какъ идти къ вѣнчанію въ Успенскій соборъ, великокняжеская чета для принятія благословенія отъ духовника и родителей входила въ столовую избу, въ которой заранѣе устроены были предъ столомъ накрытымъ скатертью два мѣста обочевья бирхатомъ и камками, съ положенными на нихъ зголовьями и двумя сороками соболей. У зголовья великаго князя стоялъ Василій Андреевичъ и олаживалъ державнаго жениха третьимъ сорокомъ соболей, а у зголовья великой княгини князь Александръ Кашинъ-Оболенскій.

1533 года 20 августа было солнечное затмѣніе. Многие съ ужасомъ глядя на это явленіе „глаголаху въ себѣ яко быти въ царствѣ премѣненію“. Предсказаніе сбылось: 4 декабря 1533 года большой Успенскій колоколъ возвѣстивъ Москвѣ о кончинѣ великаго князя Василія Ивановича. Это событіе, имѣвшее такіа важныя послѣдствія для Русской исторіи, не безслѣдно прошло и для рода Шереметевыхъ.

До смерти правительвицы Елены все шло еще сносно. Въ 1534 году, надѣясь на малолѣтство князя и на внутренніе

беспорядку, Сигизмундъ I, король Польскій и великій князь Литовскій, задумалъ отнять Смоленскую область отъ Московскаго княжества. Но онъ сильно ошибся въ своемъ разчетѣ: двѣ арміи, одна изъ-подъ Москвы выступившая на защиту Смоленска, другая изъ Новгорода (въ ней участвовалъ вторымъ воеводою В. А. Шереметевъ) дали ему сильный отпоръ; послѣдняя даже вторглась въ его собственные предѣлы и внесла съ собою, по обычаю того времени, страшное олустройство: „и сошлись великаго князя воеводы въ едно мѣсто и воевали до Вилны верстъ за 50, а пядѣ и за 40, да поворотили оттолева къ Полотцкимъ мѣстамъ, да лошаи ко Нѣмецкому рубежу *жгуци и соююци, и спюци, и въ плънъ смлючи.*“ Впрочемъ пересчитывать всѣ походы то противъ Казани, то противъ Крымцевъ, въ которыхъ участвовали Шереметевы, мы не будемъ, это бесполезно и утомило бы читателей. Походы и война дѣло слишкомъ обыкновенное въ то время. Военные наряды, или распределеніе отрядовъ по мѣстамъ и назначеніе къ нимъ воеводъ, происходили ежегодно, непріятеля ждали постоянно; столкновенія съ разными ордами были очень часты и государство безъ отдыха было на военномъ положеніи. Мы будемъ касаться въ разказѣ лишь выходящихъ изъ ряда походовъ и битвъ, конечно, если въ нихъ участвовали Шереметевы. Поэтому прямо переходимъ къ смерти Елены, матери Грознаго.

Въ 1538 году правительница была отравлена, и началась ужасная безурядица вслѣдствіе борьбы боярскихъ партій, „и по діаволу дѣйству бысть вражда между бояръ“. Шереметевы вмѣстѣ съ другими московскими боярскими родами, съ Шуйскими во главѣ, были противниками партіи Бѣльскихъ и выходцевъ изъ Литвы. Василій Андреевичъ Шереметевъ, впрочемъ, скоро сошелъ со сцены: Бѣльскіе взяли верхъ, и онъ, избѣгая худшаго, искалъ спасенія подъ монашескимъ клобукомъ. В. А. Шереметевъ постригся въ Сергіево-Троицкомъ монастырѣ и принялъ имя Вассіана. Въ послѣдствіи Грозный, въ своемъ извѣствомъ посланіи къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Козымъ, говоритъ что онъ „леволею отъ бѣды постригся“. Умеръ же онъ и похороненъ 9 января 1548 года въ Бѣжецкомъ Николаевскомъ Антоніевомъ монастырѣ, Тверской епархіи.

У В. А. Шереметева было шесть сыновей: Иванъ Большой, Григорій, Семель, Никита, Иванъ Меньшой и Федоръ. Изъ

ныхъ выдавались талантами и играли значительную роль оба Ивана; въ началѣ царствованія Грознаго и въ среднѣхъ Иванъ Васильевичъ Большой, а въ концѣ Иванъ Меньшой.

Въ 1542 году Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ выступаетъ на сцену и сразу какъ видный дѣятель. Правленіе государствомъ въ это время находилось въ рукахъ князя Ивана Ѳеодоровича Бѣльскаго и его партіи, а глава противной партіи, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, въ это время былъ во Владимірѣ для обороны восточной Украйны отъ Казанцевъ. Съ нимъ вмѣстѣ были и приверженцы его: князь Михаилъ Михайловичъ Курбскій, князь Иванъ Андреевичъ Бугаковъ - Куракинъ, Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ и князь Петръ Ивановичъ Дзевъ. Шуйскіе не унывали и притихли только на время. Въ войскѣ, собранномъ во Владимірѣ, для Казанскаго похода, множество дворянъ и дѣтей боярскихъ присягнули князю Ивану Шуйскому; за него же былъ и весь Великій Новгородъ, не забывшій услугъ дѣда его, защитника Новгородцевъ князя Василя Васильевича Шуйскаго - Гребенки. Шуйскій отличался осторожностью и прежде чѣмъ самому ѣхать въ Москву послалъ туда, въ концѣ декабря 1541 года, сына своего князя Петра и Ивана Васильевича Большаго Шереметева съ 300 человекъ дружины. Въ ночь на 3 января 1542 года клеветы Шуйскаго, какъ бы по данному сигналу, бросились во дворецъ князя Ивана Ѳеодоровича Бѣльскаго, схватили его и посадили до утра въ темницу. Затѣмъ, рассказываетъ летописецъ, они „пришли къ государю въ постельные хоромы не по времени, за три часа до свѣта и лѣги у крестовъ заставили“ (т.е. служить заутреню). Когда же во дворецъ пришелъ, рассказываетъ авторъ рода Шереметевыхъ, митрополитъ Іоасафъ съ тѣмъ чтобъ укрыться здѣсь отъ неистовства заговорщиковъ, бросавшихъ уже камни въ митрополичью келью, бояре пришли за нимъ къ государю въ комнату „съ большимъ шумомъ“. Не находя безопаснаго убѣжища и во дворцѣ, Іоасафъ уѣхалъ на Троицкое подворье. Дружина прибывшая изъ Владиміра съ княземъ Петромъ Шуйскимъ и Шереметевымъ бросилась туда же, и только благодаря заступничеству князя Дмитрія Ѳеодоровича Палецкаго, митрополитъ не былъ убитъ разсвирѣпѣвшими дружинниками. „И бысть мятежъ великъ въ то время на Москвѣ и государя въ страхованіи учиниша.“ На разсвѣтъ прискакалъ въ Москву самъ князь Иванъ Васильевичъ

Шуйскій и снова объявилъ себя главою правленія. Митрополитъ Іоасафъ сосланъ въ Белоозеро, на его мѣсто возведенъ владыка Новгородскій Макарій; главнѣйшаго совѣтника Бѣльскаго, князя Петра Михайловича Щелятева, вытаскали задними дверями изъ комнаты самого государя и сослали въ Ярославль.

Въ дальнѣйшихъ неистовствахъ новой правительственной партіи, въ лобяхъ въ присутствіи отрока-государя, навесенныхъ его любимцу Федору Семеновичу Воронцову и въ ссылкѣ послѣдняго въ Кострому, Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ не участвовалъ; онъ вскорѣ послѣ переворота возвратился къ войску, во Владиміръ.

Партія Шуйскихъ недолго находилась во главѣ правленія: дяди государя по матери, Михаилъ и Юрій Васильевичи Гауцкіе, своимъ вліяніемъ побудили тринадцатилѣтняго великаго князя приказать внезапно схватить князя Андрея Шуйскаго (князя Ивана Васильевича Шуйскаго въ это время не было въ живыхъ и главою партіи былъ князь Андрей Шуйскій) и отдать на растерзаніе дворцовымъ псарямъ... „И псарь взяша и убиша его влекуще къ тюрьмамъ противу воротъ Разположенныхъ въ градѣ.“ Прочіе князья Шуйскіе и ихъ сторонники были разсланы въ отдаленныя мѣста или казнены. Такъ началось еще болѣе жестокое правленіе ненавистныхъ народу московскихъ выходцевъ, князей Гауцкихъ. Впрочемъ этотъ дворцовый переворотъ прошелъ благополучно для Ивана Васильевича Шереметева, хотя вѣроятно оставилъ сѣдъ въ душѣ впечатлительнаго ребенка-государя, что и отразилось въ послѣдствіи на Иванѣ Большомъ Шереметевѣ.

Въ декабрѣ 1546 года, семнадцатилѣтній государь объявилъ о своемъ намѣреніи жениться. По всей Россіи разсланы были грамоты о томъ чтобы для выбора государевой невѣсты князья и дѣти боярскія везли своихъ „дочерей дѣвокъ“ въ ближайшіе города къ намѣстникамъ на смотръ, не утаивая ни одну подѣ страхомъ великой олазы и казни. Какъ извѣстно, выборъ палъ на дѣвицу древняго боярскаго рода Кобылицыныхъ-Коткиныхъ Анастасію Романовну, праправнуку Ивана Федоровича Котки, роднаго брата Александра Федоровича Беззубца, отъ котораго и пошла Шереметевы.

Женитьба царя на Анастасію Романовну могла только улучшить положеніе Шереметевыхъ, какъ родственниковъ

любимой царицы; и, дѣйствительно, пока она была жива расположение царя къ Шереметевымъ не прекращалось.

Въ декабрѣ 1547 года, царь Иванъ Васильевичъ, желая окончательно покончить съ разбойничьимъ гнѣздомъ, Казанью, такъ много причинявшемъ безпокойствъ Московскому государству, объявилъ походъ, намѣреваясь самъ вести войско. 11 декабря царь выступилъ изъ Москвы во Владимірѣ чтобы оттуда „идти на свое государево дѣло къ Казани“. Но въ 30 верстахъ отъ Нижняго остановился на островѣ Роботкѣ, ибо вслѣдствіе оттепели и непрерывныхъ дождей Волга покрылась водой, и дальнѣйшее движеніе по рыхлому льду становилось опаснымъ. Въ началѣ февраля 1548 года, царь отправился въ Москву; при обратномъ слѣдованіи Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ до самой Москвы ѣхалъ за околыничаго впереди государя и вмѣстѣ съ околыничимъ Григорьемъ Васильевичемъ Морозовымъ наблюдалъ чтобы вездѣ по дорогѣ было чисто и безопасно, занималъ дворы, заготовлялъ подводы и на станкахъ держалъ все въ готовности. Служба была исполнена хорошо, и по возвращеніи въ Москву царь пожаловалъ Шереметева въ околыничіе.

На этотъ разъ рать отправилась подъ Казань безъ государя, подъ начальствомъ Дмитрія Федоровича Бѣльскаго. Въ этомъ походѣ участвовали только два младшіе брата Ивана Васильевича Большаго Шереметева, Григорій и Никита. Походъ нельзя назвать удачнымъ, наше войско успѣло разбить на Арскомъ полѣ Казанскаго царя Сафа-Гирея, опустошить окрестности города, но самой Казани взять не могло. Въ сраженіи на Арскомъ полѣ Григорій Шереметевъ былъ убитъ, а его братъ Никита послѣ Арской побѣды посланъ былъ къ царю вмѣстѣ съ Иваномъ Михайловичемъ Юрьевымъ, двоюроднымъ братомъ царицы, съ донесеніемъ о такомъ счастливомъ событіи. Исходъ похода конечно не могъ удовлетворить Ивана Грознаго; онъ отложилъ, но не оставилъ намѣренія покорить Казань. На другой годъ въ Москвѣ узнали о смерти Казанскаго царя Сафа-Гирея и о томъ что на престолѣ сидитъ двухлѣтній сынъ его Утемишъ-Гирей, и что въ Казани волненіе. Царь воспользовался этими обстоятельствомъ и въ 1550 году 14 февраля самъ явился подъ стѣнами Казани съ 60.000 войска. Но и на этотъ разъ Казань не была взята, и войско возвратилось домой. Здѣсь Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ былъ

равенъ и произведенъ Грознымъ изъ окольничихъ въ бояре. Такимъ образомъ старшій Шереметевъ быстро достигъ высшихъ чиновъ тогдашней служебной іерархіи. Это нельзя объяснить однимъ только родствомъ съ царицей, онъ выдѣлялся изъ числа другихъ бояръ своими личными качествами; Курбскій называетъ Шереметева „мужемъ зѣло мудрымъ и остро-зрительнымъ и со маадости своея въ богатырскихъ вещахъ искуснымъ“.

Враждебныя дѣйствія противъ Казанскаго царства продолжались. Въ 1551 году, къ ужасу Казанцевъ, Русскіе воздвигли крѣпость на рѣкѣ Свиягѣ. Въ Казани усилилось смутеніе, много мурзь и князей перебѣжало въ русскій станъ; Сумбека, мать малолѣтняго царя Утемишъ-Гирея, приказала укрѣплять городъ и собирать войска, но ея не слушались. Любимикъ Сумбеки, крымскій царевичъ Улакъ-Коцакъ, смущенный общимъ нестроеніемъ, забравъ много имущества своего и чужаго, выбѣжалъ съ Крымцами изъ города, надѣясь пробраться въ Крымъ. Но Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ, съ коновымъ отрядомъ въ 10 тысячъ человекъ, „на перевозѣхъ межъ двою великихъ рѣкъ, Довомъ и Волгою“, догнавъ Улакъ-Коцака, перебилъ сопровождавшихъ его Крымцевъ, отбилъ все увезенное имъ изъ Казани имущество и взялъ въ лѣвнѣ самого царевича со всѣмъ его семействомъ и 300 мурзь и князей. Съ уходомъ Крымцевъ, сочувствующая Москвѣ партія въ Казани восторжествовала и въ августѣ 1551 года на престолѣ Казанскій сѣлъ московскій присяжникъ Шигъ-Алей. Впрочемъ, этимъ казанскія дѣла не успокоились: Шигъ-Алей не умѣлъ ладить съ Казанцами и долженъ былъ оставить Казань, а назначеннаго царскаго намѣстника князя Макулицкаго Казанцы не впустили къ себѣ. Съ извѣстіемъ объ этой новой измѣнѣ Казанцевъ немедленно былъ посланъ въ Москву Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ. И „помысли царь государь князь великій съ своею братьею, со княземъ Юрьемъ Васильевичемъ и со княземъ Володимеромъ Андреевичемъ, и со отцомъ своимъ преосвященнымъ митрополитомъ Макаріемъ всея Русіи, и со всѣми боярами своими поити въ свою отчину въ Новгородъ Свияжскій: Божіею милостію тамо вѣчто мало лиска-ти прародителей своихъ отчины.“

Въ маѣ 1552 года, отъ Кашеры чрезъ Коломну до Муромъ собралось 150тысячное войско Грознаго, готовое къ

Казанскому походу: Большой полкъ* порученъ былъ князьямъ Ивану Ѳеодоровичу Мстиславскому и Михаилу Ивановичу Воротыньскому, передовой полкъ князю Ивану Ивановичу Провскому-Турумтаю и князю Хилкову, правая рука князю Щемлятеву и князю Андрею Михайловичу Курбскому (автору известнаго *Сказанія*), лѣвая рука князю Микулицкому и Пящееву, сторожевой полкъ князю Оболенскому-Серебряному и Семену Васильевичу Шереметеву, ертауальный полкъ—князю Шемякину-Провскому и князю Троекурову. Князь Владимиръ Ивановичъ Воротыньскій и Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ командовали отдѣльнымъ отборнымъ полкомъ въ 10.000 человекъ, назначеннымъ состоять при особѣ отправлявшагося въ походъ царя; въ томъ же государевомъ полку, въ качествѣ выборныхъ годовъ, находилась Никита и Иванъ Меньшой Шереметевы.

Далѣе у автора книги *Родъ Шереметевыхъ* идетъ прекрасное описаніе осады Казани и взятія ея. Г. Барсуковъ въ живомъ картинномъ разказѣ передаетъ всѣ фазы этой великой и славной борьбы, гдѣ съ одной стороны проявлено было много геройства въ сопротивленіи врагу, а съ другой, нашей, кромѣ храбрости, было показано немало и искусства. Оказывается что и въ то время умѣли окапываться, класть и ставить туры, устраивать батареи, что и тогда было известно мнимо искусство и взрывы порокомъ непріятельскихъ укрѣпленій. Всѣ Шереметевы участвовавшіе въ походѣ болѣе или менѣе отличились, особенно старшій, Иванъ Васильевичъ Большой, окончательно рѣшившій исходъ послѣдняго штурма, когда онъ стремительнымъ натискомъ своего отряда склонилъ побѣду на нашу сторону и добылъ вмѣстѣ съ другими спасавшійся бѣгствомъ 6.000 отрядъ Казанцевъ.

На другой годъ послѣ взятія Казани, въ 1553 году 11 марта, Грозный заболѣлъ „огневою болѣзью“, то-есть горячкой. Болѣзнь развилась такъ быстро что въ Москвѣ узнали о ней одновременно съ известіемъ что государь при смерти. Большой былъ еще однако въ силахъ составить духовное завѣщаніе, которымъ назначилъ себѣ преемникомъ сына-

* Въ то время армія дѣлилась на части: большой полкъ—то что теперь главные силы арміи, правую руку и лѣвую руку, соответствующія правому и лѣвому крыламъ, передовой—авангардъ, сторожевой и ертауальный—легкоконный отрядъ для разъѣздовъ.

младенца Дмитрія. Эта болѣзнь и происшедшее во время ея имѣла, какъ извѣстно, роковое вліяніе на дальнѣйшее царствованіе Грознаго, развивъ въ немъ страшную подозрительность и ненависть къ боярамъ-крамольникамъ. А такъ какъ Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ игралъ здѣсь важную роль, то позволимъ себѣ привести описаніе происшедшаго во время болѣзни словами г. Барсукова:

„Когда дѣло дошло до присяги наследнику престола, среди бояръ собравшихся у постели умиравшаго царя произошла распря, имѣвшая роковыя послѣдствія. Прежде всего отказался присягнуть младенцу двоюродный братъ царя, удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій, который вмѣсто того рѣшился даже самъ протянуть руку къ царскому вѣнцу. Одинъ бояре были за князя Старицкаго, высказывая опасеніе что за малолѣтствомъ царевича правленіе можетъ перейти въ руки Романовыхъ-Захарьиныхъ; другіе, напротивъ того, требовали немедленной присяги царевичу Дмитрію. Къ числу послѣднихъ принадлежали: князь Владиміръ Ивановичъ Воротыинскій (бывшій дворовый воевода), князь Иванъ Ѳедоровичъ Мотиславскій, Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ, Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ, Давида Романовичъ и Василій Михайловичъ Захарьинъ и дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый. Они просили князя Владиміра Андреевича чтобъ онъ не упрямился, государя бы послушалъ и крестъ бы подѣловалъ. Но тотъ „почалъ кручиниться притыко“... И обратившись къ князю Воротыинскому, говорившему больше всѣхъ, закричалъ:

— Ты бы де со мною не бранился, а мака де ты мнѣ не указывалъ, а противъ меня и не говорилъ!

Воротыинскій же отвѣчалъ князю Старицкому:

— Язъ, государь, далъ душу государю своему царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руссиі, и сыну его царевичу князю Дмитрію, что мнѣ служить имъ во всемъ въ правду и съ тобою мнѣ они жъ, государи мои, велѣли говорити, и служу имъ государемъ своимъ; а тебѣ служить не хочу, и за нихъ за государей своихъ съ тобою говорю, и будетъ гдѣ доведется ло ихъ государей велѣнію, и драться съ тобою готовъ.

„И бысть межъ бояръ брань велия, и крикъ, и шумъ великъ, и слова многія бранныя“... Изнемогавшій въ тяжкомъ недугѣ царь, собравшись съ силами, сказалъ боярамъ:

— Коли вы сыну моему Дмитрію креста не дѣлаете, имъ то у

вась иной государь есть, а цѣловали есте мнѣ крестъ и ни одинова, чтобы есте мимо насъ иныхъ государей не искали! А азъ васъ привожу къ цѣлованію и велю вамъ служить сыну своему Дмитрію, а не Захарьинымъ. И азъ съ вами не могу говорити много... А вы свои души забыли, а намъ и вашимъ дѣтямъ служить не хотите. А на чемъ есте намъ крестъ цѣловали, и того не помните? А не служите кому которому государю въ лелевицахъ, тому государю тотъ и великому не захочетъ служить. И коли мы вамъ не надобны, и то на вашихъ душахъ!

Князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій (братъ растерзаннаго въ 1543 году царями князя Андрея Михайловича Шуйскаго) возразилъ царю что имъ не предъ кѣмъ было цѣловать крестъ, такъ какъ не видѣли предъ собой государя. Послѣ Шуйскаго изъ среды ослушанныхъ бояръ выступилъ отецъ царскаго любимца, окольничій Федоръ Григорьевичъ Адашевъ, и сказалъ:

— Вѣдаеть Богъ да ты государь: тебѣ государю и сыну твоему царевичу князю Дмитрію крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ Давиду съ братією намъ не служить; сынъ твой, государь, малъ, еще въ лелевицахъ, а владѣти нами Захарьинымъ Давиду съ братією; а мы ужъ отъ бояръ до твоего возраста бѣды видали многія.

Опять поднялся шумъ и рѣчи многія. Бояре вышли изъ комнаты государя, рѣшительно заявивъ что „не хотятъ лелевичному служить“. Царь Иванъ Васильевичъ, оставшись съ преданными себѣ боярами, княземъ Воротыньскимъ, Шереметевымъ, Рамазовыми - Захарьиными и другими, поздъ вечеръ, самъ привелъ ихъ всѣхъ къ присягѣ и велѣлъ заготовить цѣловальную запись.

А между тѣмъ, по Москвѣ, въ разныхъ мѣстахъ уже говорили:

— Вѣдь де нами владѣтъ Захарьинымъ, и чѣмъ нами владѣтъ Захарьинымъ, а намъ служить государю младу,—и мы учнемъ служить старому князю Володиміру Андреевичу.

Окольничій Левъ Андреевичъ Саатъковъ самъ слышалъ какъ князь Дмитрій Ивановичъ Нѣмой говорилъ на площади: „Какъ де служить малому мимо стараго! А вѣдь де нами владѣти Захарьинымъ...“

На другой день послѣ описаннаго случая во дворцѣ, государь опять послалъ за княземъ Владиміромъ Андреевичемъ

и велѣлъ ему присягнуть на цѣловальной записи. Но тотъ отказался наотрѣзъ. Тогда даръ въ полномъ изнеможеніи обратился къ князю Воротыньскому, Шереметеву, Захарьинымъ и другимъ преданнымъ боярамъ и сказалъ:

— Боже, су азъ не могу, а мнѣ не до того... А вы на чемъ мнѣ и сыну моему Дмитрію крестъ цѣловали и вы по тому и дѣлайте!

„Они обратились къ ослушникамъ и съ новымъ рвеніемъ стали убѣждать ихъ исполнить волю государя. Но тѣ почали браниться жестоко, а говорячи имъ что они хотятъ сами владѣти, а они имъ служить и ихъ владѣнія не хотятъ“. Вечеромъ этого дня молча и какъ бы нехотя присягнулъ наковонецъ и любимецъ государя Алексѣй Федоровичъ Адашевъ.

„Въ то время какъ во дворцѣ, на глазахъ государя, шла переправка между боярами, князь Владиміръ Андреевичъ и въ особенности его мать княгиня Евфросинья (рожденная княжна Хованская) открыто собирали у себя дѣтей боярскихъ и раздавали имъ деньги. Оказалось что и знаменитый духовникъ, лервосовѣтникъ царскій Сильвестръ, держалъ сторону старикаго князя. Онъ упрекалъ князя Воротыньскаго, Шереметева и Захарьиныхъ въ томъ что они перестали допускать къ царю князя Владиміра Андреевича, увѣряя что онъ „добра хотѣлъ государю“. Бояре отвѣчали Сильвестру что они „присягнули государю и его сыну и дѣлають какъ бы ихъ государству было крѣпче“. „И оттолкъ, замѣчаетъ дѣтолицецъ, бысть вражда межи бояръ и Сильвестромъ и его совѣтнику“.

„Шелъ третій день боярской распри. Началось колебаніе даже и въ средѣ присягнувшихъ. Такъ князь Дмитрій Федоровичъ Палецкій, дочь котораго была замужемъ за слабоумнымъ братомъ Грознаго, Юрьемъ Васильевичемъ, уже сталъ своситься съ княгиней Евфросиньей насчетъ удѣла для своего зятя и дочери. Ослабла энергія и въ самихъ Захарьиныхъ... Въ эту трудную минуту царь рѣшился въ послѣдній разъ собрать ослушанныхъ бояръ и строго приказалъ имъ идти въ переднюю избу и цѣловать крестъ его сыну царевичу Дмитрію, объяснивъ что „при себѣ приводитъ ихъ къ цѣлованью—истомъ, лемеже изнемогаше вельми“. Ослушники „поустрашилися государскаго жесткаго слова“ и молча вышли въ переднюю избу. По удаленіи ихъ царь, все-таки

не имѣя еще надежды на благопріятное окончаніе дѣла, сказалъ оставшимся у его постели князю Воротынскому, Шереметеву, Захарьинымъ и другимъ присягнувшимъ уже боярамъ: „Су дали есте намъ душу и сыну моему Дмитрію на томъ что вамъ намъ служити. И вымѣ бояре сына моего на государствѣ не хотять видѣти, и будетъ стается надо мною воля Божія—меня не станеть, и вы пожалуйте помянутые, на чемъ есте мѣ и сыну моему крестъ цѣловали; не дайте бояромъ сына моего извести некоторыми обычаи, любѣжите съ нимъ въ чужую земаю, гдѣ Богъ наставитъ“. Затѣмъ, обратившись къ Давиду Романовичу и Василью Михайловичу Захарьинымъ, сказалъ имъ слѣдующія замѣчательныя слова: „А вы, Захарьины, чего услужалися; али чаєте бояре васъ пощадятъ? Вы отъ бояръ первые мертвецы будете! И вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поруганіе бояромъ не дали“.

„Послѣ того, по приказанію царя, дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый, въ сопровожденіи преданныхъ бояръ, вышелъ съ крестомъ въ переднюю избу и началъ приводить къ присягѣ находившихся тамъ бояръ. Князь Воротынскій, Шереметевъ и Захарьины стояли все время у креста. Бояре безпрекословно исполнили священный обрядъ. Одинъ только князь Иванъ Ивановичъ Провскій-Турунтай, увидѣвъ у креста князя Владиміра Ивановича Воротынскаго, дерзко сказалъ ему: „Твой отецъ да и ты первый измѣнникъ, а приводишь ко кресту“.—Тотъ спокойно отвѣтилъ: „Я су измѣнникъ, а тебя привожу ко крестному цѣлованію чтобы ты служилъ государю нашему и сыну его царевичу князю Дмитрію; а ты су прямъ, а государю нашему и сыну его царевичу князю Дмитрію креста не цѣлуешь и служити ему не хочешь“. Провскій, по примѣру своихъ товарищей, послѣднимъ привелъ присягу.

„Самъ князь Владиміръ Андреевичъ обязался клятвенною грамотой не думать о царствѣ и „повеюль“ цѣловалъ крестъ царевичу Дмитрію. Княгиня же Евфросинья даже и послѣ этого долго отказывалась привѣситъ къ этой грамотѣ княжескую печать. Наконецъ и она исполнила рѣшительное требованіе бояръ, наговоривъ имъ много рѣчей бранныхъ.“

Противъ общаго ожиданія, Грозный, какъ извѣстно, выздоровѣлъ и процарствовалъ послѣ болѣзни еще тридцать лѣтъ.

Насколько Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ былъ привязанъ къ Ивану Грозному и считалъ долгомъ и обязанностію присягать законному наследнику престола и насколько тутъ играли роль расчетъ и честолюбіе—рѣшить трудно. Не надо забывать что Захарьины одмородцы его и торжество ихъ было и его торжествомъ, а въ случаѣ падежіа, т. е. когда бы престолъ перешелъ къ Владиміру Андреевичу Старцкому и когда, по справедливому замѣчанію Грознаго, Захарьины были бы „первые мертвецы“, то конечно не были бы пощажены и сородичи ихъ, въ томъ числѣ и Шереметевы. Для кого другаго, но не для Шереметева могъ быть выборъ—стать на ту или другую сторону. Прямыхъ дамыхъ ни за, ни противъ мы не имѣемъ, хотя считали долгомъ высказать свое соображеніе объ *острозрительномъ* боярствѣ въ виду того что не даромъ же не менѣе острозрительный Грозный, десять лѣтъ спустя, засадилъ его въ тюрьму и вылуствовавъ взялъ двойную поручную о неотьздѣ его въ Литву. Но, оставя этотъ вопросъ, отдадимъ должное уму, рѣшительности и твердости Ивана Васильевича Шереметева: разъ рѣшившись стоять на сторонѣ Грознаго и его сына, изъ какихъ лобужденій—это все равно, онъ идетъ избраннымъ путемъ неуклонно и царю пришлось ободрять смутившихся и заколебавшихся Захарьиныхъ, но не Шереметева.

Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ славился какъ мужъ совѣта, человекъ государственный и какъ искусный и храбрый полководецъ. Въ послѣднемъ отношеніи знаменитая битва при Судьбицахъ особенно характеризуетъ его какъ воина. Въ 1555 году Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей предпринялъ одинъ изъ своихъ частыхъ набѣговъ на Россію и на этотъ разъ намѣревался нанести ей особенно чувствительный вредъ въ отместку за покореніе Астрахани. Хитрый Азіяць съ весны пустилъ слухъ что онъ идетъ на Кабарду, цѣкавшую тогда локровительства Московскаго царя, съ тѣмъ расчетомъ что въ то время когда 13.000 русское войско подъ водительствомъ И. В. Шереметева двинется на защиту ея, самъ онъ проскочитъ сторожевыя украинныя мѣста и если можно доидеть до самой Москвы, прежде чѣмъ будутъ собраны наши войска и дадутъ ему отпоръ. Отъ Изюмскаго кургана 60.000 войско Гирея неожиданно повернуло влѣво и устремилось на Ливны. Но Шереметевъ замѣтилъ хитрость хана и успѣлъ предупредить царя, пославъ къ нему гонца, а

самъ повернулъ назадъ и пошелъ слѣдомъ за Крымцами, отдавъ третью часть своего войска чтобы захватить обозъ по обыкновенію оставленный Татарами на всякій случай позади главнаго войска. По вѣстямъ отъ Шереметева, самъ царь Иванъ Васильевичъ на третій же день выступилъ со своимъ войскомъ на встрѣчу Девлетъ-Гирея, который очутился такимъ образомъ между двумя арміями. Крымцы неминуемо были бы раздавлены попавшись между двухъ армій есаубы не болтаивость московскихъ дьяковъ, разгласившихъ по всѣмъ украинамъ о движеніи нашихъ войскъ. Эта розказня дошла и до Крымскаго хана, который съ ужасомъ увидѣвъ себя въ западѣ, повернулъ назадъ и во 150 верстахъ отъ Тулы, при селѣ Судьбицахъ (до сихъ поръ существуетъ подъ тѣмъ же названіемъ въ Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда) встрѣтился съ Шереметевымъ, у котораго въ то время было всего 7.000 человекъ, такъ какъ отрядъ посланный за крымскимъ обозомъ еще не возвращался. Несмотря на чрезвычайную неравность силъ Шереметевъ съ полдня до самой ночи бился съ Татарами и, потоптавъ передній полкъ, правое и лѣвое крыло непріателя, отбилъ знамя Ширванскихъ князей. Наступившая ночь приостановила неравный, но славный для насъ бой. Этимъ временемъ Шереметевъ послалъ гонцовъ къ отряду отправленному за обозомъ Татаръ чтобы онъ немедленно явился на выручку. Но по этому приказу прибыло лишь нѣсколько дѣтей боярскихъ, остальные же вынуждены были съ отбитымъ у непріателя обозомъ состоявшимъ изъ 60.000 лошадей, 200 аргамаковъ и 80 верблюдовъ, послѣшать въ украинныя мѣста чтобы сласи эту огромную добычу. Между тѣмъ Гирей, не зная числа войскъ Шереметева и боясь подхода царя съ войскомъ, рѣшилъ было въ ту же ночь бѣжать, но на бѣду одинъ изъ лѣвѣнниковъ, не выдержавъ пытокъ, открылъ ему ничтожность нашихъ силъ. На разсвѣтѣ ханъ уже съ большою увѣренностью возобновилъ бой. Наши не уступали, „бихася крѣпцѣ и мужественнѣ и многихъ Крымцевъ въ полкахъ передовыхъ побилъ.“ Такъ шло дѣло съ явнымъ перевѣсомъ на нашей сторонѣ до полудня. „И по грѣхамъ нашимъ, пишетъ князь Курбскій, въ томъ часу самъ гетманъ воцинства христіанскаго (Шереметевъ) зельнѣ равенъ и къ тому коня застрѣлиша подъ нимъ, уже аще къ тому сблизъ его съ себя (яко обычай равеннымъ коземъ).“ Войско московское, не вида

уже предъ собою храбраго вождя, замѣшалось, и хотя бой продолжался еще около двухъ часовъ, но дѣло кончилось торжествомъ Татаръ. „Аще и львовъ стадо было, безъ добраго пастыря не спорно“, заключаетъ свой разказъ Курбскій. Впрочемъ другіе сподвижники Шереметева, Алексѣй Басмамовъ и Степанъ Ондоровъ, до вечерень отбивались отъ Крымцевъ и съ 2.000 человекъ вернулись къ царю въ Тулу, везя раненаго Шереметева.

Битва при Судьбицахъ, хотя и выигранная Татарами, произвела на нихъ потрясающее впечатлѣніе. Имя Шереметева грознымъ эхомъ отдалось на Востокъ; его подвигъ при Судьбицахъ записанъ и въ турецкую аѣтопись и притомъ совершенно безпристрастно; только количество нашего войска преувеличено и Ширъ-Мертуръ (Шереметевъ) неіріазвенно названъ „выкрестомъ изъ персидскихъ Армянъ, славнымъ отважностью между невѣрными“. А историкъ крымскихъ хановъ, эфенди Мухамедъ-Риза, разрисовалъ Шереметева еще ярче: „Въ то время какъ ханъ Девлетъ-Гирей возвращался обремененный богатою добычей, одинъ проклятый невѣрный, родомъ изъ нечистаго племени персидскихъ райевъ, по сочувствію существующему между невѣрными, составляющими одно и то же племя, совершилъ гнусный торгъ остатками своей дживой вѣры, мѣняя ее на новую, неосновательную вѣру Русскихъ... Сей нечестивецъ, вслѣдствіе своей кабаньей смѣлости и собачьей наглости проявляемыхъ во многихъ битвахъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ Шереметева, —искажающее ширъ-мертъ (человѣкъ-левъ или храбрый какъ левъ),—во главѣ 90.000 дѣволовъ, своихъ собратій, преслѣдовалъ ханское войско на подобіе огневой лыжи.“

1560 годъ былъ роковымъ; это годъ смерти Анастасіи Романовны, жены Грознаго, годъ удаленія Адашева и Сильвестра и приближенія Басмамовыхъ, Анастасія Вяземскаго, дворянина Василя Грязнаго, Малыты Скуратова и чудовскаго архимандрита Левкія, начало казни бояръ, къ чему все предшествовавшее служило подготовкой. Много лая уже бояръ и чередъ доходилъ до Шереметевыхъ. Въ 1563 году попалъ подъ олау и знаменитый Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ. Чтò послужило поводомъ къ тому, рѣшительно неизвѣстно. Шереметевъ человекъ съ большими военными заслугами, участвовавшій во множествѣ битвъ и походовъ, имогдавнѣствѣ съ самимъ царемъ, оставшійся,

какъ мы видѣли выше, вѣроподобнымъ во время болѣзни Грознаго, и тѣмъ не менѣ посаженъ въ тюрьму и подвергнутъ пыткамъ. Ни дѣтописца, ни другіе памятники рѣшительно ничего не говорятъ о причинахъ такого поступка со стороны царя; авторъ описываемой книги тоже недоумѣваетъ и склоняетъ приписать опалу личной прихоти царя, его безпринципной злобы и жестокости. Можетъ-быть дѣйствительно дѣло было такъ, но возможно и другое предположеніе, какое дѣлаетъ Устряловъ, что Шереметевъ хотѣлъ отъѣхать въ Литву. Ясныхъ данныхъ на это нѣтъ, какъ нѣтъ ихъ и на обратное. Точно также нѣтъ положительныхъ данныхъ и на то почему другой братъ Ивана Васильевича Большаго Шереметева, Никита (прапрадѣдъ знаменитаго фельдмаршала Бориса Петровича и брата его кievскаго губернатора Владимира Петровича Шереметевыхъ, представителей двухъ нынѣшнихъ поколѣній Шереметевыхъ—графскаго и дворянскаго), въ то же время, несмотря на постриженіе въ монахи, былъ, по словамъ Курбскаго, удушенъ, а по сказанію Петра Петрея, изрубленъ въ куски, причемъ руки и ноги завернуты въ тонкое сукно и посланы въ подарокъ его жемъ. Вообще опала двухъ братьевъ Шереметевыхъ совершенно необъяснимый фактъ, становящійся еще болѣе темнымъ если къ сказанному присоединимъ что остальные члены этой фамиліи, два брата, * на въ это время, ни послѣ не преслѣдовались Грознымъ, а одинъ изъ нихъ, Иванъ Васильевичъ Меньшой, положительно пользовался расположеніемъ Грознаго; ему послѣ опалы Адашева царь пожаловалъ вотчину своего бывшаго любимца, село Борисоглебское въ Костромскомъ уѣздѣ. Не кроется ли разгадка опалы двухъ братьевъ Шереметевыхъ въ уклонномъ характерѣ, въ нежеланіи или неумѣннн забыть старыя боярскія привилегіи, такъ страстно преслѣдуемыя Грознымъ, въ неодобреніи, если не сопротивленіи, самодержавнымъ идеямъ царя. Выказываемъ это какъ наше предположеніе или догадку, потому что авторъ на даетъ намъ никакихъ фактическихъ данныхъ къ рѣшенію этого темнаго вопроса. Мы можемъ судить нѣсколько о характерѣ старшаго Шереметева, видимъ его

* Семенъ Васильевичъ умеръ раньше, въ 1561 году, предъ смертію постригшись въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ подъ именемъ Стефана.

твердость, рѣшительность въ сверженіи Глинскаго и во время болѣзни царя, но о его убѣжденіяхъ не знаемъ ничего. Мы не упрекаемъ въ этомъ автора: онъ даетъ что можетъ, онъ даетъ факты рисующіе Шереметева полководцемъ, приводитъ отзывы другихъ о его военномъ талантѣ и государственномъ умѣ, но не рисуетъ предъ нами всего человѣка. Ясно улавливаемая изъ книги г. Барсукова черта въ характерѣ Ивана Васильевича Большаго Шереметева, твердость, рѣшительность, и могла произвести столкновение его съ царемъ. Что же касается Никиты Васильевича Шереметева, то казнь его еще болѣе загадка. Никита Шереметевъ никогда не игралъ выдающейся роли подобно старшему брату, ничѣмъ особеннымъ не отличался, онъ былъ воинъ какихъ много и только, а между тѣмъ его достигла страшная казнь. Совершенно необъяснимо. Къ характеристикѣ старшаго Шереметева приводимъ единственное мѣсто, заимствованное г. Барсуковымъ у Курбскаго, гдѣ Шереметевъ является говорящимъ съ Грознымъ и которое рисуетъ предъ нами этого боярина все тѣмъ же неустрашимымъ, рѣшительнымъ, какимъ онъ являлся и въ битвахъ, но заранѣе оговариваемся что весь діалогъ для насъ сомнительнъ,—онъ слишкомъ книженъ, сильно наломываетъ приемы и языкъ житій святыхъ и идетъ отъ лица имѣвшаго привычку выставить въ преувеличенно хорошемъ видѣ все что гналось Грознымъ, а послѣдняго—тираномъ въ родѣ языческихъ императоровъ преслѣдовавшихъ христіанъ.

Иванъ Васильевичъ заключенъ въ узкую темницу съ острыми (sic) помостомъ, на его шеѣ, рукахъ и ногахъ тяжкія вериги, туловище обхватываетъ толстый желѣзный обручъ съ привѣшеннымъ къ нему кускомъ желѣза въ десять пудовъ вѣсомъ. Едва живой лежитъ на полу Шереметевъ когда къ нему входитъ царь и начинаетъ допросъ:

„Гдѣ многи skarбы твои? скажи. Вѣмъ бо яко богатъ еси зѣло: бо не обрѣтохъ ихъ, ихъ же надѣялся въ сокровищницахъ твоихъ обрѣсти.“

„Отвѣщалъ Іоаннъ (Шереметевъ): цѣлы сокровенны лежать, цѣже уже не можешь достати ихъ.“

„Царь же рече: скажи ми о нихъ, аще ли не муки къ мукамъ приложу ти.“

„Іоаннъ же отвѣща: Твори еже хочеші! Уже бо ми близъ пристаище.“

„Царь же рече: Повѣждь ми, прошу тя, о skarбѣхъ твоихъ.“

„Иоаннъ отвѣща: Аще бы и исповѣдалъ ти о нихъ, яко уже рекохъ не можешь ихъ одержати: привесохъ бо ихъ убогихъ руками въ небесное сокровище, ко Христу моему.

„И другіе отвѣты зѣло премудрыя, яко одинъ премудрѣйшій философъ или учитель великій, отвѣщавъ ему тогда.

„Царь же умилвса, повелѣлъ отъ тѣхъ тяжкихъ узозъ разрѣшати его и отвезти въ легчайшую темницу.“

По смерти Никиты Васильевича, Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы, но Грозный, боясь чтобъ онъ не бѣжалъ въ Литву, взялъ по немъ *поручную* запись въ 10.000 рублей. Поручились за Ивана Васильевича Большаго Шереметева оба его брата—Иванъ Меньшой и Федоръ и девять знатнѣйшихъ бояръ, причемъ Федоръ и Иванъ Большой сами подписали поручную, а Иванъ Меньшой не могъ за безграмотностію. Грозному однако казалось этого мало, и онъ требовалъ чтобъ еще были поручители по первымъ поручителяхъ, и такимъ образомъ взята была еще вторая поручная или *подручная* запись отъ 79 новыхъ лицъ, также въ 10 тысячахъ.

Съ этихъ поръ въ числѣ видныхъ дѣятелей имя Ивана Васильевича Шереметева рѣдко встрѣчается: онъ или самъ удаляется, или, что будетъ вѣрнѣе, Грозный нарочно оставляетъ его безъ назначенія. Впрочемъ, мы видимъ что въ 1565 году онъ, въ числѣ другихъ бояръ, принимаетъ польскихъ пословъ, въ 1566 году участвуетъ въ земскомъ соборѣ рѣшившемъ продолжать затѣвувшуюся Ливонскую войну, а въ 1567 году *отдаетъ Москву* за отсутствіемъ царя отправившагося на войну. Съ этого времени до 1570 года нѣтъ о немъ никакихъ извѣстій, а въ этомъ году, подъ именемъ Ионы, онъ постригся въ Кирилловомъ-Бѣлозерскомъ монастырѣ.

Почему удался Шереметевъ въ монастырь, по внутреннему ли влеченію къ созерцательной жизни, или надѣясь за монастырскими стѣнами подъ монашескимъ клобукомъ найти наилучшую защиту отъ Грознаго, неизвѣстно. Постриженіе на склоуѣ двѣи было въ обычаѣ въ то время между боярами; вѣрнѣе встрѣчается что мужъ и жена одновременно идутъ въ монастыри; а въ роду Шереметевыхъ это было за обычай. Бояре любили монастыри, и по книгѣ г. Барсукова видно какъ много Шереметевы жертвовали въ нихъ и деньгами и вотчинами. Но, увы! богатая жертва, вольное, а иногда и невольное постриженіе бояръ вносили въ монастырскую жизнь

роскошь и лортели строгіе уставы цюковъ. Во времена Грознаго стали раздаваться жалобы на нравственный упадокъ монастырей, и однимъ изъ сильныхъ обвинителей распущенности обитателей явился самъ царь. Грозный былъ недоволенъ Кирилловскимъ монастыремъ за послабленія какія монастырь допускалъ по отношенію къ цюку Іоанъ, т.-е. Шереметеву. Авторъ *Рода Шереметевыхъ* видитъ здѣсь злобу царя какъ бы на то что Шереметевъ ускользнулъ изъ его рукъ. Но врядъ ли это такъ: мы знаемъ что монашеская ряса не всегда защищала отъ казни, и Грозный когда хотѣлъ умѣлъ достать жертву и за монастырскою стѣной или, какъ самъ онъ говоритъ, развѣ не могъ онъ отомстить на семьѣ Ивана Васильевича и на братьяхъ его, еслибъ этого желалъ? Нѣтъ, намъ кажется посланіе къ игумену Кирило-Бѣлозерскаго монастыря Козмѣ, писанное по поводу упадка монастырской дисциплины, по мнѣнію царя происходящей отъ бояръ-лостриженниковъ, дышетъ искренностію, правдою и силой. Иванъ Грозный натура сложная; онъ несмотря на жестокости и казни былъ человѣкъ искренно религіозный, чувствовавшій глубокое уваженіе къ идеалу христіанина-подвижника и можетъ-быть тѣмъ сильнѣе что самъ слишкомъ отдалялся отъ этого идеала, а по натурѣ, несомнѣнно художественной, чувствовалъ всю красоту его. Иванъ IV это яркое изображеніе постоянной борьбы духа и плоти, добра и зла, къ которому ближе чѣмъ къ кому другому относятся слова апостола Павла: „Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю.... По внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божиємъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня лѣвляникомъ закона грѣховнаго.“ Въ упрекахъ Грознаго положительно нельзя отрицать правды; онъ видитъ зло въ боярахъ-лостриженникахъ—это общее положеніе, ссылака на Шереметева—частный случай его подтверждающій. Царь заранѣе предугадывалъ что въ этомъ обличеніи увидать дѣло личное, результатъ его нерасположенія къ этому боярину и потому слышитъ съ себя лозрѣніе:

„А будетъ кто речеть что мы на Шереметевыхъ гнѣвомъ то чинимъ, или Собакиныхъ для (Собакиныхъ ссорился въ монастырѣ съ Шереметевымъ); имо свидѣтель Богъ и

Пречистая Богородица и чудотворецъ Кириллъ, что монастыр-скаго для чины и слабости для говорю.“

Подобными клятвами и призываніями такихъ свидѣтелей тогда не шутили, и потому безъ особыхъ важныхъ основаній мы не имѣемъ права залопазривать словъ Грознаго. Далѣе царь рисуетъ картину жизни Шереметева въ монастырѣ:

„У васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь, а Хобаровъ къ нему приходитъ, да и иные черацы, да ѣдятъ, да пьютъ что въ міру; а Шереметевъ невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родивъ разсылаетъ по кельямъ постулы, коврижки и иные пряные составные овощи; а за монастыремъ дворъ, а на немъ запасы годовые всякіе. А вы ему молчите о такомъ великомъ, пагубномъ безчиніи. А цини глаголютъ будто бы и вино горячее потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили: пиво по монастырямъ и фрязскія (иностранныя виноградины) вина не токмо что горячія. Ино то ли путь спасенія, то ли пивоческое пребываніе? Или было вамъ нечѣмъ Шереметева кормити чтобъ у него особые годовые запасы были? Милые мои! Кирилловъ доселѣ многія стравы препитывалъ и въ гладныя времена, а вынѣ и самихъ васъ, въ хлѣбное время, только бы не Шереметевъ прекормилъ и вамъ было всѣмъ съ голоду перемерети... Иова Шереметевъ таково же безъ начала хочетъ жити какъ и отецъ его безъ начала жилъ: и отцу его еще слово что неволею отъ бѣды постригся; да и тутъ Лѣтвнцичикъ написалъ: видѣхъ азъ неволею постригшихся и паче вольныхъ исправившихся. Да то о невольныхъ. А Иову вѣдъ Шереметева никто въ зашеекъ билъ: про чтò такъ безчинствуешь? И будетъ такіе чины пригожи у васъ въ монастырѣ, то вы вѣдаете: Богъ свидѣтель, монастырскаго для безчинія говорилъ. А что на Шереметевыхъ гнѣвъ держати пиво вѣдъ есть братья его въ міру, и мнѣ есть надъ кѣмъ опала своя положити; а надъ червяцемъ что олалятся или поругатся?“

Замѣтимъ что Грозный писалъ къ игумену и братіи того монастыря въ которомъ жилъ Шереметевъ и слѣдовательно врядъ ли могъ бы приводить ложные факты.

Далѣе Грозный бросаетъ монастырямъ сильное и мѣткое обвиненіе: „и не глаголи никто же студыме снп глаголы: яко только вамъ съ бояры не зватися, пиво монастырь безъ давія оскудѣветъ. Сергій, и Кириллъ, и Варламъ, и Дмитрій и цини святіи мнози не говялись за бояры, да бояре за

ними гонялись и обители ихъ распространялись: благочестіемъ бо монастыри стоятъ и не оскудны бываютъ“.

Видимое дѣло что старецъ изъ Кириллова монастыря, предъ посланіемъ пріѣзжавшій къ царю для оправданія поведенія монастыря относительно Шереметева, старался представить дѣло такъ что послабленіе Шереметеву дѣлается де ради его преклонныхъ лѣтъ и слабости здорovia. Но на это Грозный справедливо замѣчаетъ: „а будетъ кто молвить что такъ жестоко, цю-су совѣтъ дати, по немощи схода что Шереметевъ безъ хитрости болель, и овъ ѣшь въ кельѣ, да одишь съ келейникомъ. А сходы къ нему на что? Да пировати, да овощи въ келии на что? Досюдова въ Кирилловъ и иглы были и нити лишнія въ келии не держали, не токмо что иныхъ вещей. А дворъ за монастыремъ да и заласы на что? То все беззаконіе, а не нужда; а коли мужа и овъ ѣшь въ кельѣ какъ нищій: кромѣ хлеба, зверо рыбы, да чаша квасу; а сверхъ того, коли вы послабляете, и вы давайте сколько хотите только бы ѣлъ одишь, а сходовъ бы и пировъ не было, какъ прежь сего у васъ же было. А кому къ нему пріити бесѣды ради духовныя, и овъ пріиди не въ трапезное время, ѣствы бы и питія въ тѣ поры не было, цю то бесѣда духовная. А что пришають братія поминковъ, и овъ бы то отсылалъ въ монастырскія службы, а у себя бы въ кельѣ никакихъ вещей не держалъ; а что къ нему пришають, и то бѣ раздѣлялъ на всю братію, а не двѣма, ни трема, по дружбѣ и по страсти. А чего мало, цю держите на время и цюе чаю пригоже, цю и его тѣмъ покойте; да вы бѣ его въ кельѣ монастырскимъ всѣмъ докопци, только бѣ то безстрастно было. А люди бы его за монастыремъ не жили; а и пріѣдутъ отъ братій съ грамотою или съ запасомъ и съ поминки, и они ложиви для два-три, да отлиску взявъ лоуди прочь: цю такъ ему покойно, а монастырю безмятежно“.

Высказавъ всѣ отступленія и нарушенія устава монастырскаго, Грозный такъ заключаетъ свое посланіе къ игумену Козмѣ: „А впередъ бы есте о Шереметевѣ и о иныхъ о такихъ беззѣлицахъ намъ не докучали: намъ въ томъ отвѣту никакъ не давати. Сами вѣдаете: коли благочестіе любо, и вы Шереметеву хотя и золотые сосуды скуйте и чинъ царскій устройте, то вы вѣдаете, уставте Шереметевымъ свои преданія, а чудотворцово отложите, такъ будетъ добро. Какъ

лучше, такъ и дѣлайте, сами вѣдаете какъ себѣ съ нимъ хотите, а мнѣ до того ни до чего дѣла вѣтъ, впередъ о томъ не докучайте; воистину на въ чемъ не отвѣчивать.“

Неизвѣстно повѣдало ли посланіе Грознаго въ Кирилловскую обитель на положеніе цюка Ювы, какъ вообще вѣтъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Шереметева; мы даже не знаемъ когда овъ скончался.

У Ивана Васильевича Большаго Шереметева былъ одинъ сынъ Іеремія, умершій въ 1571 году въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, и двѣ дочери: Марія, вышедшая замужъ за князя Василя Агшевича Тюменскаго, выходца изъ Прикавказья, и Агафья, которая была за Михайломъ Кабдуловичемъ, царевичемъ астраханскимъ.

Передадимъ кратко дальнѣйшую судьбу остальныхъ членовъ семьи Василя Андреевича Шереметева. Если исключить старца Юву Шереметева, то къ концу царствованія Грознаго въ живыхъ оставался изъ шести сыновей Василя Андреевича двое: Иванъ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ и Ѳеодоръ Васильевичъ. Иванъ Васильевичъ Меньшой болѣе другихъ выдавался военными талантами; овъ славился какъ воевода храбрый, опытный, осторожный и за эти качества высоко цѣнился и врагами и соотечественниками, въ этомъ отношеніи овъ какъ бы замѣлъ мѣсто сошедшаго со сцены Ивана Большаго Шереметева. Иванъ Меньшой до конца жизни пользовался расположеніемъ и довѣріемъ Грознаго. Овъ былъ убитъ при осадѣ Ревеля въ 1578 году, исполнивъ клятву давнюю царю: или взять Ревель, или умереть. Дочь его Елена была замужемъ за сыномъ Грознаго Иваномъ; по смерти мужа она постриглась въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ подъ именемъ Леовиды. * Кромѣ того у Ивана Меньшаго Шереметева остались сынъ Ѳеодоръ и дочь Ксеvія, оба малолѣтніе, подъ попеченіемъ сестры старицы Леовиды.

Ѳеодоръ Васильевичъ Шереметевъ не отличался талантами и даже, какъ кажется, былъ трусоватъ. Въ 1579 году въ битвѣ при Соколѣ овъ былъ взятъ въ плѣвъ и въ 1583 году, по заключеніи мира съ Польшей, возвратился въ Москву выкупленнымъ за 20.000 золотыхъ. О дальнѣйшей судьбѣ Ѳеодора

* Въ 1608 году, въ смутное время, въ Астрахани явился самозванецъ выдававшій себя за сына Елены и Ивана Ивановича.

Васильевича и его семьи намъ вѣроятно придется узнать изъ саѣдующей книги г. Барсукова.

Наконецъ у удавленнаго Никиты Васильевича Шереметева оставался въ живыхъ сынъ Петръ, уже къ концу царствованія Грознаго совершенно взрослый, но еще ничѣмъ особеннымъ не заявившій себя.

На этомъ кончается первый томъ сочиненія г. Барсукова *Родъ Шереметевыхъ*. Свое послѣднее мнѣнiе объ этой книгѣ мы высказали въ началѣ статьи, а теперь намъ остается только пожелать возможно скорѣйшаго появленiя втораго тома почтеннаго и крайне интереснаго труда.

С. П.

РУССКАЯ МИССИЯ ВЪ КАБУЛЬ

ВЪ 1878—79 ГОДУ *

I.

Въ концѣ мая 1878 года въ Ташкентѣ экстремно было сформировано посольство въ Кабуль.

Миссія состояла изъ семи лицъ: начальника миссии генералъ-майора Н. Г. Столѣтова, помощника его, полковника Н. О. Разгонова, толографа Вендерскаго, чиновника канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора Мальвинскаго, двухъ переводчиковъ персидскаго и турецкаго языковъ подпоручика Назирова и Заманбека и меня, въ качествѣ врача посольства. Командой миссии состоялъ изъ 22 казаковъ при урядникѣ. Кроме того при миссии было до 20 человекъ туземной прислуги. Къ первому юлю всѣ члены миссии съѣхались въ Самаркандъ. Сборы и приготовления къ пути были очень оживленные, такъ какъ надо было торопиться. Выступление изъ Самарканда было назначено 2 юня. Въ назначенный часъ всѣ собрались къ дому генерала Иванова, гдѣ жилъ начальникъ миссии, и затѣмъ отправились въ путь по Джамской дорогѣ.

* Описание это было читано въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ и есть извлеченіе изъ болѣе обширнаго труда который имѣетъ выйти въ непродолжительномъ времени.

Полуденное солнце сильно прилекало. Пыльная атмосфера улицъ города обдавала насъ горячимъ паромъ. Но вотъ кончился городъ, кончилась и сады кольцомъ обхватывающіе городъ; лустынная степь глянула намъ въ глаза, выставляя на видъ свое одеждо-рубщице состоящую только изъ олавленной солнцемъ колючки. Пыли не стало, но степной вѣтеръ пламенемъ захвѣлъ и весь день продолжалъ душить насъ своимъ знойнымъ дыханіемъ.

Поздно вечеромъ мы пріѣхали въ небольшой кшлакъ (деревня), притаившіяся у подножія Самаркандскаго хребта горъ отбѣляющихъ русскія владѣнія отъ Шахрисабза. Здѣсь значень былъ мочагъ. Лагерная жизнь вступила въ свои права. Подвядлась обычная походная суета. Здѣсь развьючивали вьюки, тамъ разводили огонь и ставили на него чайники, стараясь поскорѣе приготовить живительный напитокъ; не вдалекѣ устроилась походная кухня и пламя уже лизало заколѣтые бока котелка и кастрюль. Наскоро была постлана на полу, покрытомъ войлокомъ, скатерть, и на ней тотчасъ же появились различныя закуски, а также и прохладительныя. Но лутвики оказывали мало чести всему этому, за то вылегли на чай. Усталость сильно давала себя чувствовать. Положимъ что тридцативерстный переходъ не великъ, но на первый разъ для меня знакомаго съ верховою ѣздой только по городскимъ экскурсіямъ этого перехода было совершенно достаточно. Подъ конецъ лута колѣна начали сильно выть, да и слива давала себя чувствовать. Ничего не было удивительнаго въ томъ что почти всѣ мы повалились гдѣ кто могъ и, не дожидаясь ужина, заснули крѣпкимъ своимъ уставшимъ лутниковъ. Завтра, прежде чѣмъ взойдетъ солнце, предстояло сдѣлать такой же переходъ, а тамъ послѣ завтра опять то же, и такъ затѣмъ уже каждый день вплоть до крайней точки лута, Кабула.

На слѣдующій день мы прибыли въ Джамъ около 12 часовъ дня. Эта мѣстность, а равно и предыдущая дорога навели на меня улыбку. Обоженная поверхность степи здѣсь слегка скопелена и образуетъ въ этомъ мѣстѣ неглубокую котловину, посредия которой протекаетъ мутная рѣчка. На берегу этой рѣчки расположена жалкій кшлакъ, отъѣвевный единственными двумя-тремя убогими ивами окаймляющими тивный прудокъ. Влѣво, ближе къ горамъ, бѣлалась рады солдатскихъ палатокъ, а еще далѣе видѣлись развалины старой бухарской крѣпости.

Въ 12 часовъ дня въ тѣни деревьевъ надъ прудкомъ было 40° С. Здѣсь мы пользовались гостепріимнымъ кровомъ командира Это ливейнаго баталіона.

Предъ вечеромъ пріѣхали посланцы отъ сына бухарскаго эмира, Чиракчинскаго бека. Они выразили пламенное желаніе бека чтобы посольство не миновало его города, а заѣхало къ нему. Между тѣмъ нашъ путь лежалъ на Карши, гдѣ въ это время находилась бухарскій эмиръ Свидъ-Мозафаръ-Эддиль-ханъ. Отъ Джама до Карши по прямому пути считается около 90 верстѣ. Между тѣмъ, если ѣхать на Чиракчи, то приходится сильно уклониться къ югу и сдѣлать крюкъ въ 30—40 верстѣ. Но на этомъ пути все необходимое для миссіи было уже заготовлено и потому желаніе бека было уважено; на слѣдующій день мы отправились на Чиракчи. Верстахъ въ двухъ отъ Джама находится пограничный столбъ между русскими и бухарскими владѣніями. Граница перейдена. Сердце невольно сжалось. Когда-то слова придется увидать отчизну, да еще и придется ли?

Характеръ мѣстности до города Чиракчи представлялъ то же однообразіе. Мѣстами по обѣимъ сторонамъ дороги видѣлись тощія нивы произрастающія безъ искусственнаго орошенія. Рѣдкія кубитки кочевниковъ видѣющіяся тамъ и самъ дополняли убранство степи.

Городъ Чиракчи такой же какъ и всякій другой среднеазиатскій городъ. Мутная, довольно широкая рѣчка богато снабжаетъ городъ водой. Это Кашка-Дарья питающаяся сѣвѣрами горной массы Хазретъ-Султана. Еще задолго до вѣзда въ городъ миссію встрѣтили почетныя лица высланнаго бекомъ. Почти на самомъ берегу рѣчки расположенъ домъ бека, гдѣ намъ отвели помѣщеніе. Архитектурное искусство въ настоящее время вообще не процвѣтаетъ въ Средней Азіи. Какъ простые жители, такъ и правители довольствуются весьма непріхотливыми постройками. Въ данномъ случаѣ помѣщеніе состояло изъ большаго почти квадратнаго двора, обнесеннаго высокою глинною стѣной. Большой квадратъ раздѣленъ на меньшіе, и въ одномъ изъ нихъ жилия комнаты. Онѣ состоятъ изъ глиняныхъ мазанокъ прилеженныхъ къ стѣнѣ. Внутри—голыя даже не выштукатуренныя стѣны, въ которыя вбиты грубые деревянные колья для вѣшанія домашней рухляди; по сторонамъ нѣсколько туземныхъ

низкихъ и широкихъ кроватей съ ватными тюфачами и одѣлами; затѣмъ наскоро обитый столъ и нѣсколько грубо сколоченныхъ табуретокъ вокругъ. Вотъ и все убранство.

При входѣ въ комнаты насъ встрѣтилъ *миралуръ* (комюші) и послѣ привѣтствій предложилъ угощеніе уже сервированное на громадной скатерти. Тутъ были прежде всего чай, разные туземныя сласти, состоящія изъ разныхъ видовъ сушеного винограда, обсахаренныхъ и необсахаренныхъ орѣховъ и плодовъ; затѣмъ варенья, русскія конфеты, хлѣбъ въ видѣ разныхъ родовъ лепешекъ; также зеленый чай въ сверткахъ, головки русскаго сахара и коробки леденца. Къ этому присоединяются и мясныя блюда, главой которыхъ былъ неизбѣжный *палау* (пловъ). Все это угощеніе называется *достарвангъ* (скатерть). Такимъ образомъ на столѣ, а чаще на полу, бываетъ поставлено до 40—50 блюдъ и подвосовъ.

Часовъ въ 6 вечера посѣтилъ насъ бекъ, сынъ эмира, едва ли не самый младшій. Ему можно было дать лѣтъ шестнадцать. Это цвѣтущій юноша, красивое лицо котораго, къ сожалѣнію, носитъ печать недомыслія. Большіе черные глаза туло и какъ бы боязливо выгадываютъ изъ-подъ толстыхъ, дугой очерченныхъ бровей. Правильныя черты лица еще носятъ характеръ дѣтской незаконченности. Молодой принцъ обмѣнялся съ генераломъ Столѣтовымъ лишь нѣсколькими словами. Но и эти немногія слова были сказаны весьма не охотно и походили по интонаціи на заученныя фразы. При этомъ онъ при каждомъ словѣ смотрѣлъ на своего „махромъ-башу“ *, какъ бы спрашивая: такъ надо отвѣчать, или иначе? Мнѣ показалось что при этомъ махромъ-баша слегка кивалъ головой, какъ бы подтверждая его слова. Принцу была показана бердаповская винтовка и продѣланы ружейныя приемы съ нею; казаки показали также рубку на шашкахъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ кончилъ свой визитъ. При уходѣ ему была подарена почетная одежда, халатъ, а также карманные серебряные часы. Приѣздъ и отъѣздъ принца сопровождался громкими криками, какъ бы волеями, его свиты. Въ этихъ крикахъ заключается молитва, въ которой просится у Бога чтобы принцъ всегда шелъ по пути добродѣтели и справедливости.

* Нѣчто въ родѣ дядьки.

До Карши пришлось сдѣлать два дня пути. Теперь дорога пролегаетъ уже по болѣе обработанной и оживленной мѣстности. Поля засѣяныя пшеницей, хлопчатникомъ и разными овощами, тянутся сплошною лентою по обѣимъ сторонамъ дороги. Змѣей извивающаяся рѣка разнообразитъ картину мѣстности, а бѣлѣющіяся отъ снѣга вершины горъ видѣющіяся на востокъ сообщаютъ этой картинѣ красивую перспективу.

Въѣздъ миссіи въ Карши былъ довольно торжественный. Масса бухарской знати на горячихъ лошадяхъ сопровождала насъ. Впереди ѣхали трое „есауль - баши“ * съ золочеными тростями въ рукахъ—особый знакъ почета къ посольству. Масса народа, въ большинствѣ узбеки, толпами стояла по обѣ стороны дороги и во всѣ глаза смотрѣла на *Урусозъ*. Пришлось проѣхать по кривымъ и вомячимъ улицамъ города версты 1½ до нашего помѣщенія. Помѣщеніе это почти нисколько не отличалось отъ чиракчинскаго, развѣ только что оно было обширнѣе и чище.

Вечеромъ мы посѣтили туземныя бани. Бѣровъ очень хвалить средне-азіатскія бани, но я не нашелъ въ нихъ ничего особеннаго. Способъ мытья головы посредствомъ сильнаго тренія рукой, безъ мыла, едва смоченною теплотою водою, по-моему просто неприятенъ, а для лицъ имѣющихъ густые волосы даже болѣзненъ, такъ какъ при треніи волосы сильно натягиваются. Туземный „massage“, т. - е. разминаніе всего тѣла руками и ногами еще заслуживаетъ вѣ котораго вниманія; все же остальное, не исключая и обстановку, пахнетъ черезчуръ уже первобытною простотою и грязью.

Рано утромъ слѣдующаго дня мы отправились на аудіенцію къ эмиру. Для этого нужно было отправиться въ цитадель города. У воротъ Каршинской цитадели былъ выстроенъ почетный караулъ изъ бухарскихъ лѣхотимцевъ. Они были одѣты въ короткіе красные халаты, въ черныя шапки и высокіе салюги. Ружья у нихъ были калсюльныя, заряжающіяся съ дула. При приближеніи миссіи караулъ отдавалъ честь по командѣ произнесенной на русскомъ языкѣ. Надо было проѣхать вѣскольکو верстъ прежде чѣмъ мы добрались до дворца эмира. Дворецъ эмира! Мы привыкли

* Нѣчто въ родѣ нашихъ полицеймейстеровъ.

воображать себѣ Востокъ, а равно и Среднюю Азію стравою чудесъ и своеобразной роскоши. Плеада персидскихъ поетовъ, такъ громко воспѣвшихъ красоты средне-азиатской культуры, не мало способствовала укореженію фантастической традиціи. Неприглядная дѣйствительность, которую посольство постоянно встрѣчало въ своемъ путешествіи по Средней Азіи, горько разочаровывала насъ.

Обширный, довольно хорошо вымощенный дворъ, обнесенный высокими глинбитными стѣнами, безъ признаковъ древесной растительности; длинное невысокое, глинбитное зданіе съ безобразными крылечками, украшенное множествомъ оконъ-дверей, съ заклеенными животнымъ лузыремъ просвѣтами, двѣ-три жалкія сакли прижавшіяся къ соседней стѣнѣ—вотъ дворецъ эмира Бухарскаго. Внутренность вполнѣ гармонировала со внѣшностію: большая длинная комната, не особенно чисто выштукатуренная, безо всякой мебели, за исключеніемъ семи наскоро сбитыхъ стульевъ и такого же кресла для эмира, составляла пріемный залъ. Если прибавить къ этому что потолокъ комнаты былъ составленъ изъ лалочекъ, а полъ устланъ обыкновенными, хотя и громадными *паласами* (туземными коврами), то вотъ и вся внутренняя обстановка аудіенцъ-залы эмира. * Когда мы вошли въ комнату, то посрединѣ ея въ креслѣ уже сидѣлъ эмиръ Бухарскій Сеидъ-Мозаффаръ-эддинъ-ханъ. При приближеніи миссіи онъ всталъ, но не сдѣлалъ ни одного шагу на встрѣчу. Это довольно тучный старикъ лѣтъ подъ 60. Лицо его носитъ слѣды бывшей красоты и имѣетъ черты очень правильныя. Черные какъ уголь горящіе глаза провицательно и хитро смотрятъ изъ-подъ нависшихъ посѣдѣвшихъ бровей. Свѣжій румянецъ покрываетъ лицо; сильно посѣдѣвшая борода прикрываетъ довольно толстую ожирѣвшую шею. Одежда эмира болѣе чѣмъ скромна: полупелковый полосатый, темнаго и зеленаго цвѣтовъ, халатъ на плечахъ, бѣлая чама на головѣ и желтые туфли на ногахъ составляли весь костюмъ владѣтельнаго Сеида.

Начальникъ миссіи представилъ всѣхъ членовъ эмиру, который подавъ всѣмъ руку и пригласилъ садиться. Лицо его

* Нужно однако замѣтить что въ Карпахъ эмиръ не живетъ постоянно, а только нѣсколько дней, рѣдко недѣлю, потому можетъ быть такъ и проста здѣсь обстановка дворца.

Слѣдствовало добродушною, привѣтливою улыбкой, голосъ звучалъ мягко и плавно. Послѣ обычныхъ привѣтствій, приправленныхъ восточными метафорами и преувеличеніями, переведенныхъ нашимъ переводчикомъ подпоручикомъ Назировымъ, начальникъ миссіи уже самъ безъ помощи переводчика разговаривалъ съ эмиромъ нѣсколько времени полперсидски. Эмиръ говорилъ о трудности предстоящаго путешествія, выражалъ сомнѣніе чтобъ Афганцы приняли насъ дружелюбно, такъ какъ по его мнѣнію всѣ они люди крайне непостоянные, подозрительные, вѣроломные, не признающіе надъ собою никакой власти. Объ эмирѣ Ширъ-Али-ханѣ онъ также отзывался неодобрительно. Аудіенція длилась минутъ 15. При прощаніи эмиръ съ улыбкой замѣтилъ что я для врача очень молодъ, что у нихъ врачи обыкновенно сѣдобородые. Затѣмъ мы вышли и были проведены въ помѣщеніе бека каршиискаго, гдѣ и было предложено обычное угощеніе. Визитъ окончился подвешеніемъ обычныхъ подарковъ, какъ-то халатовъ, коней, и т. л.

Температура воздуха въ этотъ день была очень высока. Въ палаткѣ разбитой на дворѣ нашего помѣщенія термометръ въ 1 часъ дня показывалъ 42°,6 С.

На слѣдующій день мы выѣхали изъ Каршей и весьма спѣшно прошли по бухарскимъ владѣніямъ, дѣлая отъ 40 до 50 верстъ въ сутки. Около Гузара, довольно населеннаго города, начинаются уже горы — юго-западные отроги Хазретъ Султана. Дорога по нимъ почти вездѣ спуская. Не доѣзжая версты пяти до „железныхъ воротъ“, дорога пролегаетъ по карнизу высочайшему въ скалѣ надъ проластью въ сотню футовъ глубины. Рѣдкая арча и гребенщикъ здѣсь слабо отгнѣняютъ громады скалъ. По берегу свѣтлаго, шаловатоваго ручья попадаются изрѣдка миндаляныя деревья. Но вогъ предъ вами узкая щель, пробитая въ полеречномъ хребтѣ горнымъ потокомъ бушующимъ здѣсь весной. Это ущелье, мѣстами суживающееся до 5 шаговъ, обставленное гигантскими отвѣсными, мрачными скалами и есть „железные ворота“ древности. Теперь оно извѣстно подъ именемъ „бузгалехана“, что значитъ „козій домъ“. * Громадные камни

* Кажется ущелье это описано впервые извѣстнымъ буддійскимъ паломникомъ Китайцемъ Сюаньцанемъ, путешествовавшимъ по Средней Азіи съ 629 по 645 годъ по Рож. Хр.

почти отдѣлившіеся отъ общей массы скалъ угрожающе висятъ надъ вашею головою. Природа, лучшій въ мірѣ художникъ, украсила эту тѣснину безчисленнымъ множествомъ естественныхъ колоновъ, портиковъ, фронтоновъ и другихъ украшеній. Эту дикую красоту очаровательно дополняетъ вѣнецъ зелени изъ разбросанныхъ по отвѣснымъ скаламъ фисташковыхъ и миндаальныхъ деревьевъ, залустившихъ свои цѣлкіе корни въ трещины скалъ.

Около Ширабада горы уже принимаютъ болѣе округленныя формы. Находящаяся почти у самаго города котловина „Навъ-Даганъ“ своими очертаніями напоминаетъ громадный каменный лузырь у котораго вся средняя часть провалилась. При входѣ и выходѣ изъ этой котловины рѣчка Ширабадъ шумно прорывается черезъ образованное сходящимися дугами котловины ущелье. Во время таянія снѣговъ это ущелье высоко залпвается водой и проѣздъ по нему становится въ высшей степени опасенъ, почти невозможенъ. Ширабадъ, какъ и всякій другой бухарскій или даже среднеазиатскій городъ, представляетъ зеленый, изобилующій садами оазисъ. Отъ него до переправы на Ашу около 50 верстъ. Отсюда идутъ дороги къ тремъ пунктамъ на Ашу, гдѣ находятся переправы, именно: 1) самый верхній по рѣкѣ, — Шуръ-абъ; 2) средній, лежащій верстъ на 20 ниже предыдущаго, — Патта-Гюзаръ и 3) самый нижній, на который миссія и взяла направленіе — Чутка-Гюзаръ.

Въ Ширабадѣ мы провели два дня. Здѣсь я имѣлъ почти первую практику среди туземцевъ. Бекъ города, Абдуль-рахманъ-ходжа, страдалъ уже три мѣсяца хроническимъ катарромъ всего лицеварительнаго тракта. Большой въ высшей степени ослабѣлъ. Притомъ у него было постоянное лихорадочное состояніе, правда не особенно рѣзко выраженное. Стулви ногъ и нижняя половина голени были поражены подкожною водянкой. Чувствительность ногъ сильно пострадала; большой мочь стоять только опершись объ руки прислуги. Мною были употреблены энергичныя мѣры доставившія больному небольшое облегченіе. Предъ выѣздомъ изъ города я оставилъ ему нѣкоторыя лѣкарственныя средства. Кроме того, я посылаалъ ему послѣ, съ дороги, два раза лѣкарства съ подробнымъ объясненіемъ употребленія ихъ и потомъ имѣлъ удовольствіе читать письмо бека, гдѣ онъ сообщалъ что совершенно излѣчился отъ болѣзни.

Во время выезда изъ города къ намъ пріѣхалъ Афганецъ съ письмомъ къ начальнику миссіи. Его сопровождали нѣсколько всадниковъ весьма внушительно вооруженныхъ. Начальникъ миссіи приказалъ объявить афганскому посланцу что приметъ его и письмо на ближайшей ставціи, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ. Афганецъ этотъ произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе. Волевымъ, мы всѣ его сочли за Англичанина * находящагося на афганской службѣ. Наружность его придавала большую долю вѣроятія этому мнѣнію. Представьте себѣ человека средняго роста, крѣпко сложенного и съ совершенно европейскими чертами лица, отъменнаяго едва замѣтнымъ загаромъ, съ волосами не коротко обстриженными, выбивающимися изъ - подъ шаплы - каски, какую обыкновенно носятъ Англичане въ Индіи (развѣ лишь нѣсколько меньшихъ размѣровъ). Онъ былъ одѣтъ въ платье европейскаго покроя, состоявшее изъ жакетки и панталонъ сѣраго грубаго сукна, заправленныхъ въ толстые не черные сапоги. Жакетка подхватывалась не широкимъ афганскимъ кожанымъ поясомъ, на которомъ слѣва висѣла длинная, почти прямая сабля, а справа пушечка очень большаго калибра. Этотъ Афганецъ сидѣлъ въ англійскомъ сѣдлѣ и въ рукахъ держалъ поводья отъ англійской уздечки. Совершенный контрастъ съ нимъ представляли его слуги. Это были истые горцы съ мелкими и жесткими чертами лица, огненными черными глазами, лоблескивающими изъ-подъ нависшихъ бровей. Физиономіи ихъ были украшены сильно горбатыми носами и по цвѣту мало отличались отъ окутывающихъ ихъ головы черныхъ тюрбановъ. Къ перечисленному оружію, какое имѣлъ ихъ начальникъ, у нихъ присоединялась еще винтовка съ листовымъ замкомъ. Во время пути одинъ изъ членовъ миссіи (г. Малевинскій) не однократно старался заговорить съ афганскимъ посланцемъ по-англійски, но получалъ въ отвѣтъ упорное молчаніе. Наше мнѣніе еще болѣе укрѣпилось вслѣдствіе того что Афганецъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ.

Верстахъ въ 20 отъ города Ширабада былъ назначенъ ночлегъ. Тамъ генералъ Столѣтовъ принялъ афганскаго посланца въ отдѣльной юртѣ, гдѣ изъ членовъ миссіи находилась только переводчикъ персидскаго азыка Назировъ. Послѣ я уже

* Нужно имѣть въ виду что около этого времени бродилъ по Туркменіи извѣстный Англичанинъ капитанъ Бѣтлеръ.

узналъ что письмо которое передалъ афганскій посланецъ начальнику миссиі было отъ генералъ-губернатора афганскаго Туркестана Лейнаба-Чааръ-видайета Ширъ-диль-хана. *

Въ письмѣ послѣ обычныхъ привѣтствій была изложена просьба Лейнаба чтобы русская миссія обождала въ Ширабадѣ или гдѣ ей будетъ угодно, не вступая въ предѣлы Афганистана прежде полученія разрѣшенія отъ эмира Ширъ-Али-хана. Прочитавъ письмо, генералъ Столѣтовъ выразилъ сожалѣніе афганскому посланцу что тотъ „не успѣлъ пріѣхать въ Ширабадъ равнѣ нѣсколькими днями, такъ тогда можно было бы, не объясняя настоящей причины остановки, подѣ предложомъ отдыха послѣ экстремнаго пути по Бухарѣ, пробывъ въ Ширабадѣ то время которое нужно для полученія отвѣта Ширъ-Али-хана. Теперь же, когда миссія находится въ пустынной мѣстности, пѣтя въ сосѣдствѣ знаменитую по своимъ дикородкамъ Аму-Дарью, и сопровождается цѣлыми толпами Бухарцевъ, ждать здѣсь неопредѣленное время рѣшительно не видѣть возможности. Пришлось бы вернуться назадъ, а это произвело бы дурное впечатлѣніе не только въ Ташкентѣ и въ Бухарѣ, но, какъ въ этомъ оуѣ, генералъ Столѣтовъ, увѣренъ, и въ Кабулѣ.“ На это афганскій посланецъ отвѣтилъ что „оуѣ въ качествѣ простаго посланца не можетъ входить въ разсужденія съ начальникомъ миссиі о подобныхъ вещахъ.“ Тогда генералъ Столѣтовъ рѣшилъ послать къ Лейнабу Ширъ-диль-хану письмо, въ которомъ оуѣ изложилъ почему не можетъ ждать. Это письмо, по требованію начальника миссиі, долженъ былъ отправить афганскій посланецъ съ афганскимъ нарочнымъ. Затѣмъ посланцу было объявлено что миссія завтра почуетъ на берегу Аму, а на слѣдующій день переправится на афганскій берегъ рѣки. ** Я видѣлъ потомъ что Назировъ

* Въ переводѣ „львиное сердце“. Дядя эмира Ширъ-Али-хана, братъ Достъ-магометъ-хана.

** Хотя начальникъ миссиі и не показывалъ вида что происходитъ серьезное затрудненіе, но объ этомъ все же можно было догадываться. Въ тотъ же вечеръ изъ Мазари-Шерифа возвратился джигитъ, посланный не задолго до этого времени самаркандскимъ губернаторомъ генераломъ Ивановымъ въ Мазари-Шерифъ съ извѣстіемъ что въ непродолжительномъ времени итѣтъ пробѣхать въ Кабулъ для свиданія съ эмиромъ Ширъ-Али-ханомъ генералъ Столѣтовъ со свитой. Этотъ джигитъ говорилъ что Афганцы не хотятъ пустить миссію въ свои предѣлы.

долго что-то писалъ подъ диктовку начальника миссiи. Въ послѣдствiи я имѣлъ возможность узнать содержанiе письма. Генералъ Столѣтовъ писалъ, между прочимъ, Ширъ-диль-хану что „рѣшительно не можетъ ожидать разрѣшенiя, оставаясь на берегу Аму, считая это постыднымъ для русскаго имени; что готовъ оставить конвой и свиту и ѣхать одинъ хотя бы подъ оласностію быть въ дорогѣ убитымъ, ограбленнымъ или взятымъ въ плѣнъ, но что ожидать отказывается; что кромѣ того обѣщаетъ въ случаѣ если эмиръ-Ширъ-Али-ханъ не пожелаетъ его принять вернуться немедленно съ того мѣста гдѣ его застигнетъ собственноручное о томъ извѣщенiи эмира.“ Это письмо ночью же было отдано Афганцамъ для отсылки по назначенiю.

На слѣдующій день мы увидѣли на горизонтѣ, прямо отъ насъ къ югу, голубую ленту рѣки Аму. По прибытіи на берегъ ея эта голубая лента оказалась широкою рѣкою, несущою большую массу сильно мутной воды. Ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ доходить до двухъ верстѣ. Посреди рѣки мѣстами видѣтся низменные острова заросшіе густымъ тростникомъ. Берега рѣки въ этомъ мѣстѣ очень низменны и на многія версты въ ширину представляютъ сплошное болото покрытое камышевыми зарослями и рѣдкою, уродаивою колючкой. Далеко за рѣкою, прямо на югъ, при вѣкоторомъ напряженiи зрѣнiя, можно было различить сквозь густую дымку тумана неясныя очертанiя Пароламизскихъ горъ.

Мы пришли на берегъ около полудня. Весь этотъ день былъ употребленъ на приготовленiя къ переправѣ, которая должна была совершиться завтра, 17 iюня. Для переправы здѣсь были приготовлены три каяка (туземныя лодки) самой первобытной постройки, тяжелые, грязные, малолѣтствительные, постоянно просачивающіе сквозь неплотно заколоченыя щели воду. Эти лодки переправляются черезъ рѣку не при помощи веселъ и руля, какъ мы это привыкли видѣть, или ларуса, вѣтъ, здѣшній первобытный народъ не додумался еще до этого,—лодки переправляются съ помощію лошади, спущенной въ воду и придерживаемой за поводья однимъ человѣкомъ расположившимся на носовой части лодки. Понятно что силъ одной лошади совершенно недостаточно чтобы переправить черезъ быструю и широкою рѣку нѣсколько сотъ лудовъ груза; она играетъ здѣсь единственно роль руля, сообщая лодкѣ

направленіе, самая же переправа происходитъ единственно силой течения. Но за то лодку сносить внизъ по теченію на вѣскольکو верстѣ. Рейсъ на ту сторону и обратно занимаетъ до 6 часовъ времени. Можетъ ли что быть несовершеннѣе подобной переправы! Однако Бѣръсъ восхищается ею и рекомендуетъ этотъ способъ для рѣкъ Индіи. *

Такъ какъ афганскій посланецъ продолжалъ настаивать на томъ что безъ разрѣшенія эмира Ширъ-Али-хана онъ не можетъ пустить насъ на афганскій берегъ Аму, то генералъ Столѣтовъ, не довѣря посланцу и желая знать навѣрно отославо ли его письмо въ Мазари-Шерифъ къ Ширъ-дильхану, рѣшилъ отправить въ Мазари-Шерифъ подлоручика Назирова. Этотъ послѣдній долженъ былъ отвезти дулацать письма, которое было отправлено съ афганскимъ нарочнымъ.

17 іюня съ равнаго утра началась погрузка на паромы выюковъ, лошадей и прочихъ вещей. Первый рейсъ былъ отправленъ. На немъ отправилась также часть казаковъ и туземной прислуги. Часовъ черезъ 6 каюки возвратились, а на нихъ возвратился также нашъ караванъ-баши Раджабъ-али. Онъ доложилъ начальнику миссіи „что Назировъ задержавъ на томъ берегу Афганцами, хотя онъ самъ его не видѣлъ, и говорить даже что онъ арестовавъ, что Афганцы ни за что не хотятъ пустить миссію на свой берегъ“. Выслушавъ это, генералъ Столѣтовъ приказалъ Раджабъ-али возвратиться, а вмѣстѣ съ нимъ отправилъ также переводчика турецкаго языка Заманъ-бека. Съ ними вызвался ѣхать и Мальвинскій. Имъ поручено было генераломъ разъяснить афганскому постовому начальнику какой отвѣтственности онъ можетъ подвергнуться оставивъ русское посольство. Заманъ-бекъ долженъ былъ дать понять постовому начальнику что генералъ Столѣтовъ, въ случаѣ задержки, непременно съ нарочнымъ извѣститъ обо всемъ генерала Кауфмана, что конечно не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій какъ для него лично какъ начальника поста, такъ и вообще для Афганистана. Заманъ-бекъ

* Бѣръсъ, *Путешествіе въ Бухару*, т. II, стр. 360, изданіе 1848 года. Онъ говоритъ: „Этимъ замысловатымъ способомъ мы въ 15 (!) минутъ переправимся черезъ рѣку шириною 1½ миля, текущую съ быстротой 3¼ миля въ часъ.“

все это исполнял. Угроза подѣйствовала. Возвратившійся уже вечеромъ Мальвинскій сообщилъ что миссія можетъ переправиться на афганскій берегъ, что для миссии даже заготовлена провизія и фуражъ и что начальникъ береговой стражи увѣрялъ будто Афганцы рады принять Русскихъ какъ дорогихъ гостей. Съ Мальвинскимъ возвратился и Назировъ. Онъ доложилъ что арестованъ не былъ, а его просто не пустили въ Мазари-Шерифъ, не ручаясь за его безопасность во время пути до этого города. Генералъ Столѣтовъ снова приказалъ Назирову переправиться на другой берегъ и немедленно отправиться по назначенію. Заманъ-бекъ возвратившійся съ того берега уже въ три часа ночи сообщилъ что Назировъ дѣйствительно отправился въ Мазари-Шерифъ. Люди, вьюки, лошади оставались на томъ берегу. Оставшись безъ вьюковъ, намъ пришлось ночевать очень не комфортабельно. Но за то первая задача миссии удалась: она могла безпрепятственно вступить въ предѣлы Афганистана. * 18 июня, часовъ въ восемь утра, мы всѣ были уже на афганскомъ берегу великой Аму.

II.

На томъ берегу рѣки миссія была встрѣчена дюжиною афганскихъ милиціонеровъ одѣтыхъ во что попало и вооруженныхъ разнокалиберными ружьями, по большей части кремневыми, съ развилками. Во главѣ ихъ находился офицеръ афганской службы, чиномъ *серженгъ* (соотвѣтствуетъ нашему поручику). Насъ проводилъ до ближайшаго кишлака, гдѣ было приготовлено помѣщеніе. Около полудня того же дня прибылъ афганскій конвой для сопровожденія миссии до Мазари-Шерифа. Во главѣ этого конвоя, состоявшаго изъ 200 всадниковъ и 100 пѣхотинцевъ, были два генерала. Одинъ изъ нихъ былъ Кемнабъ-Магометь-Гасанъ-ханъ, въ послѣдствіи афганскій посоль

* Еще во время сборовъ миссии въ Ташкентѣ упорно ходили слухи что едва ли удастся миссии вступить въ Афганистанъ, такъ какъ Ширъ-Али-ханъ, говорилъ, принявъ уже союзъ съ Англіей и что едва ли уже Кабуль не занятъ союзными эмиру англійскими войсками.

въ Ташкентѣ, второй былъ комендантъ крѣпости Тахтауль. Тотчасъ же по прибытіи оба генерала со свитой сдѣлали визитъ миссіи. Во время визита выяснилось что миссія должна будетъ пребыть здѣсь еще два. Намъ казалось мелочными зачѣмъ миссія должна ждать здѣсь когда конвой долженствующій сопровождать миссію уже находится налицо. Во время визита отдавнаго генераломъ Столѣтовымъ афганскимъ начальникамъ причина задержавшая насъ объяснилась. Дѣло было въ томъ что внезапное прибытіе русской миссіи туземное населеніе афганскаго Туркестана истолковало совершенно въ превратномъ смыслѣ. Оно посмотрѣло на миссію какъ на авангардъ русской арміи идущей на Афганистанъ войною. Вслѣдствіе подобнаго взгляда могло возникнуть волненіе въ средѣ туземнаго населенія не любящаго Афганцевъ и едва выносящаго деспотизмъ чужеземной власти. Въ виду этого Афганцамъ надобно было показать что Русскіе не только не враги, а напротивъ ихъ дорогіе гости; для этого же надо было приготовиться встрѣтить миссію какъ можно почетнѣе и лышнѣе. Вотъ для этихъ-то приготовленій и потребовалась небольшая остановка; ранѣе же Афганцы не могли приготовиться, ибо миссія прибыла неожиданно.

Теперь выяснилось что встрѣтившій насъ въ Ширабадѣ афганскій посланецъ былъ одинъ изъ очень приближенныхъ людей Ширъ-диль-хана. Имя его Мевсиль-ханъ-дигель. Въ послѣдствіи мы были съ нимъ неразлучны во все время слѣдованія въ Кабуль. Ему главнымъ образомъ я обязанъ своимъ спасеніемъ во время смутъ наступившихъ въ Афганистанѣ послѣ смерти эмира Ширъ-Али-хана. Но объ этомъ рѣчь будетъ послѣ.

На слѣдующій день, около 6 часовъ вечера, мы выступили въ путь по направленію къ Мазари-Шерифу. Всю ночь пришлось идти по песчаной пустынѣ изборужденной невысокими сылучими холмами, увѣчавшими рѣдкимъ и тощимъ саксаульникомъ. Путь былъ бы очень утомителенъ еслибы собственно порядокъ шествія не былъ эффектенъ. Впереди шагахъ въ 1.000 ѣхало небольшой афганскій авангардъ. Затѣмъ, въ сопровожденіи обоихъ афганскихъ генераловъ, ѣхало посольство замыкаемое казачьимъ ковономъ. По обѣимъ сторонамъ посольской группы ѣхали длинныя

передги афганскихъ всадниковъ; передовые несли значки прикреплённые къ пикамъ. Сзади слѣдовалъ также небольшой отрядъ всадниковъ. Всѣ они были одѣты по формѣ, въ красную куртку, сѣрые штаны и толстые не черные сапоги. Головной уборъ составляла мѣховая, мохнатая коническая шапка. У всѣхъ всадниковъ были винтовки заряжающіяся съ дула. Кромѣ того, у каждаго изъ нихъ было различное оружіе прицѣпленное къ кожаному поясу. Афганцы вообще любятъ навѣшивать на себя какъ можно болѣе оружія.

По временамъ безмолвіе пустыни нарушалось громомъ барабановъ и рѣзкими звуками рожка. Затѣмъ казакамъ было приказано слѣсть лѣсаю, и вотъ въ неведомой странѣ, среди мертвой пустыни, впервые отъ сотворенія міра прогремѣла могучая русская лѣсня.

Подъ конецъ сорокаверстнаго перехода мы все-таки сильно утомились; пришлось почевать, то-есть собственно забыться, отдохнуть на два часа, среди голой пустыни, на голой землѣ, подложивъ подъ голову кулакъ и поспавъ свой собственный китель. Дѣло въ томъ что вьюки отстали и мы не могли воспользоваться своими постелями.

На слѣдующій день пустыня кончилась. Черезъ три дня мы прибыли въ девять управленія Чаарвилаята. Встрѣча миссіи была весьма пышная. Предъ городомъ по „Балхской“ дорогѣ были выстроены войска всѣхъ родовъ оружія. Они сдѣлали привѣтственный салютъ восемнадцатью пушечными выстрѣлами. Миссію встрѣтилъ сынъ Лейлаба, Уэмнабъ-Хошъ-диль-ханъ и командующій всѣми войсками Чаарвилаята сердаръ Феизъ-Магометъ-ханъ. На улицахъ по которымъ провѣзла миссія до назначеннаго ей помѣщенія было много народа глазѣвшаго на невиданныхъ дотола „Урусовъ“. Я не замѣтилъ ни одного косога взгляда, ни тѣни недоброжелательства со стороны населенія. Напротивъ, очень многіе выражали благія пожеланія.

Внѣшній видъ города, характеръ построекъ, кривыя, узкія и воючія улицы, все это нисколько не отличаетъ его въ ряду населенныхъ пунктовъ Средней Азии. Есть впрочемъ разница. Почти всѣ дома или по крайней мѣрѣ большинство ихъ имѣютъ здѣсь кулообразную крышу, и городъ производитъ впечатлѣніе громаднаго пчельника, въ которомъ

отдѣльные дома кажутся затерянными въ чащѣ садовъ ульями. Въ домахъ подобной постройки живутъ преимущественно узбеки и небольшое количество находящихся здѣсь таджиковъ. Афганцы отчасти усвоили себѣ этотъ типъ постройки и употребляютъ его главнымъ образомъ при возведеніи крѣпостей, укрѣпленныхъ постовъ и казармъ. Несомнѣнно что типъ этой постройки принадлежитъ узбекамъ, такъ какъ далѣе Сайгана крайняго пункта узбекскаго населенія сѣвернаго Афганистана этотъ типъ почти не встрѣчается. Въ Кабулѣ постройки подобнаго типа употребляются очень рѣдко.

Наше помѣщеніе, „нашъ дворецъ“ представлялъ здѣсь постройку почти того же типа какъ и въ Карши. Это довольно большой квадратный четырехугольникъ обнесенный со всѣхъ сторонъ высокою глинобитною стѣной. У двухъ противоположныхъ стѣнъ расположены флигеля самой скромной постройки. Комнаты и здѣсь такъ же какъ и тамъ были полныя отсутствіемъ мебели. Но полъ дѣйствительно блестялъ, такъ какъ поверхъ парасовъ и ковровъ былъ покрытъ кускомъ бѣлаго полотна во всю его ширину и длину. Посрединѣ двора протекалъ довольно большой арыкъ обнесенный гигантскими чинарами, подъ тѣнью которыхъ былъ разбитъ на особо устроенной эстрадѣ навѣсъ, а въ одномъ изъ угловъ двора разбитъ небольшой цвѣтникъ. Съ террасообразной крыши южнаго флигеля можно было любоваться на городъ утопавшій въ зелени садовъ, на горы почти отвѣсною стѣной вздымающіяся на южной сторонѣ горизонта, а также на частые караульные ликеты изъ афганскихъ солдатъ, разставленные вокругъ нашего помѣщенія.

Сверхъ ожиданія, миссія пришлось прожить въ Мазари-Шерифѣ довольно долгое время. Сюда мы пріѣхали 23 іюля, а выѣхали въ Кабулъ только 6 іюля. Эта остановка была обусловлена, во первыхъ, ожиданіемъ отъ эмира Ширъ-Али-хана разрѣшенія продолжать путь въ Кабулъ, и во вторыхъ, болѣзнію и смертію генералъ-губернатора Ширъ-диль-хана, который долженъ былъ сопровождать миссію до Кабула. 5 іюля пришло повелѣніе Ширъ-Али-хана чтобы миссію сопровождалъ Кемнабъ Магометь-Гассанъ-ханъ. Помощникомъ ему назначенъ былъ нашъ знакомецъ Мовъ-Сивъ-ханъ. За время проживанія въ Мазари-

Шерифъ миссія познакомила на дѣлѣ со знаменитыми „белхскимъ“ лихорадкачи. Въ вѣсколько дней почти всѣ члены миссії, а также большинство казаковъ и туземной присауги переболѣли лихорадкой. Формы лихорадки были двухъ типовъ: 1) ежедневная и 2) трехдневная. Первая форма варьировалась въ двухъ видахъ: а) постоянная и б) ремитирующая. Пароксизмы лихорадки выражались необычайно рѣзко. Въ большинствѣ случаевъ они сопровождались острымъ катарромъ желудка, иногда бредомъ и тошеческими судорогами. Появляясь съ какимъ нѣтерпѣніемъ миссія ждала отъѣзда въ Кабуль. Хотѣлось лоскорѣе вырваться изъ нашей почетной тюрьмы. Миссія во все время пребыванія здѣсь не выходила изъ-за стѣнъ помѣщенія. Во время двухдѣльнаго пребыванія въ Мазари-Шерифѣ ко мнѣ начали обращаться за врачевными пособіями туземцы-Афганцы и узбеки. Надъ массою разнообразныхъ болѣзней сильно преобладали лихорадки. Большинство больныхъ имѣло уже хроническую форму болѣзни и маляріиная кахекосія давала себя знать желтовато-зеленымъ цвѣтомъ лица, хроническимъ катарромъ желудка и увеличеніемъ селезенки и проч.

Наконецъ 6 іюля мы выступили по направлеію въ Кабуль.

Путь отъ Мазари-Шерифа до Ташъ-Кургана ничѣмъ не замѣчательнъ; только въ Наббабадѣ намъ пришлось испытать всю тяжесть знойнаго вѣтра пустыни Гяршъ-Сира. Температура въ тѣмъ роскошной обширной палаткѣ индійскаго тила съ двойными стѣнками и верхомъ, разбитой на берегу обширнаго пруда, показывала въ 3 часа полудни 44,3° С. Неписпытавшему этого лалещаго, удушщаго зноя, трудно и представить себѣ всю тяжесть его дѣйствія на организмъ. Горячій, сухой вѣтеръ положительно жжетъ васъ. Дыханіе становится затруднительнымъ; появляется мучительная, ничѣмъ неутомимая жажда. Лицо краснѣетъ, глаза наливаются кровью, въ головѣ чувствуется тупая, свинцовая тяжесть; въ вискахъ начинается сильно стучать; очевидно вы находитесь въ начальномъ періодѣ инсоляціи. А иссушающій вѣтеръ продолжаетъ душить васъ своими раскаленными объятіями. Вы съ нѣтерпѣніемъ ждете ночи, надѣясь что съ наступленіемъ ея вѣтеръ будетъ холоднѣе: напрасная надежда. Ночь не приноситъ обычной свѣжести.

Туземцы разказываютъ что отъ подобныхъ вѣтровъ бывають даже смертные случаи. Къ счастью, подобные вѣтры дуютъ обыкновенно нѣсколько часовъ, рѣдко нѣсколько дней. Время ихъ господства обыкновенно июль и июль мѣсяцы.

Отъ Ноубабада до Ташъ-Кургана всего 25 верстъ. Дорога постепенно приближается къ горамъ и у самого Ташъ-Кургану вплотную подходитъ къ нимъ. Прежде всего бросаются въ глаза, когда вы подходите къ городу, два lika высотой около 3.000 ф. каждый. Промежуточная гряда горъ отвѣсною стѣной вздымается надъ окрестною всхолмленною равниной, постепенно понижаясь къ центру. Посреди этой стѣны зияетъ черная щель — ворота Гиндукуша, знаменитое Хулузмское ущелье прорытое рѣчкой Хулушъ. Если вы подвѣзжаете къ Ташъ-Кургану утромъ, то уже верстъ за шесть отъ ущелья начинаете чувствовать его соседство. Потокъ воздуха стремительно вырывается изъ ущелья и столбомъ идетъ на далекое пространство, мало ослабѣвая въ силѣ лорыва.

Вы входите въ самое дефиле и поражаетесь грандіозностью картины представляющейса вашимъ глазамъ. Гладкія, точно отполированныя стѣны ущелья вздымаются къ верху на недосягаемую высоту. Темный цвѣтъ скалистой массы, въ которой прорѣзаны эти ворота, слабое освѣщеніе, разливающее только полусвѣтъ, придаютъ ущелью очень мрачный характеръ. Ширина ущелья до 50 шаговъ, длина до 500. Затѣмъ ущелье постепенно расширяется къ югу и теряетъ свои рѣзкія очертанія. Входъ въ ущелье защищенъ довольно плохою крѣпостью съ двумя орудіями, расположенною на крутомъ обрывѣ.

У этого ущелья находится граница той неизмѣримой пустынной степи которая тянется отъ Каспія до Памира и отъ Урала до Гиндукуша. Несмотря на то что здѣсь, въ восточномъ углу этой равнины, протекаетъ довольно значительная масса воды, въ видѣ великой Аму и ея притоковъ, тѣмъ не менѣе мѣстность удерживаетъ тотъ же пустынный характеръ какъ и въ болѣе западныхъ ея частяхъ. Воды Аму протекають почти бесполезно для этой равнины. Оба берега этой рѣчки сплошь на десятки верстъ вглубь страны покрыты песками, дѣлающими культуру мѣстности

невозможную. Даже этой песчаной полосы, ближе къ обхватывающимъ эту долину горамъ, пустыня уступаетъ свое мѣсто болѣе благодарной почвѣ. Зеленыя оазисы разбѣяны тамъ и сямъ по направленію вытекающихъ изъ горъ ручьевъ и рѣчекъ. Но и въ этихъ мѣстахъ жизненный пульсъ бьется весьма слабо подъ вліяніемъ двойнаго гнета людей и природы. Здѣшній климатъ не можетъ похвалиться благорастворенностью. Чрезвычайно распространенная здѣсь лихорадка играли доселѣ и теперь играютъ немаловажную роль въ вырожденіи здѣшняго населенія. Этотъ бичъ, не страшный въ странахъ цивилизованныхъ, здѣсь настоящая кара Божія. Младенческая туземная медицина не въ состояніи ослабить этого ископаемаго врага здѣшнихъ мѣстъ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго что многія мѣстности залуствѣли благодаря обильно развитой здѣсь лихорадочной мiasmѣ. Слѣдуетъ вспомнить какой громадный процентъ смертности отъ лихорадки представляли наши войска на Кавказѣ въ 30 и 40 годахъ (когда вмѣсто хивина личкали содѣять каломелемъ, составившимъ тогда чуть ли не ланацею лѣченія лихорадки) чтобы оцѣнить все значеніе приведеннаго мною фактора.

Безъ сомнѣнія обильное образованіе здѣсь лихорадочной miasmы много зависитъ отъ климатическихъ условій.

Температура лѣтнихъ мѣсяцевъ здѣсь чрезвычайно высока, что конечно усиливаетъ разложеніе органическихъ веществъ которыми обыкновенно страшно засорены здѣшніе населенные пункты, что и обуславливаетъ такимъ образомъ развитіе огромнаго количества лихорадочной miasmы.

Начинаясь за Худумскимъ ущельемъ обширная горная система Гиндукуша до известной степени удерживаетъ характеръ соседней степи. Почва также гола, лишена всякаго признака естественной растительности. Это какъ бы естественное продолженіе соседней пустыни, только эта послѣдняя здѣсь украсилась грандіознымъ рельефомъ. Скалы, хребты горъ, ущелья, горныя долины пересѣкаютъ и прѣзываютъ мѣстность по всемъ направленіямъ. Естественной растительности въ видѣ лѣсовъ и кустарниковъ и слѣда нѣтъ. Я видѣлъ на всемъ протяженіи великаго Бамьянскаго пути только нѣсколько дико растущихъ арчей у перевала Чембаракъ. Растительность вся искусственно выращенная и выхощенная руками человѣка таяется обыкновенно по горнымъ

ручьямъ и рѣчкамъ. Понятно что въ узкихъ горныхъ долинахъ видъ этихъ цвѣтущихъ оазисовъ, вслѣдствіе рѣзкаго контраста съ окружающими мертвыми скалами, производитъ на путника чрезвычайно эффектное впечатлѣніе.

До Хурема дорога идетъ вдоль рѣки Хулумъ. Узкая долина этой рѣки, начиная отъ Ташъ - Кургана, постепенно расширяется въ направаеми къ югу и у Гейбека образуетъ почти квадратную площадь, версть двадцать въ поперечникѣ. Многолюдныя селенія раскинуты въ разныхъ направаемихъ, скрываясь въ чащѣ обширныхъ садовъ. Затѣмъ далѣе къ югу, за Гейбекомъ, долина снова сѣживаясь образуетъ длинное и мѣстами очень узкое ущелье, обставленное тысячефутовыми отвѣсными известковыми стѣнами. Ущелье это называется у мѣстныхъ жителей ущельемъ „темницы“, „дере-и-зевдавъ“. Бёрнсъ объясняетъ этимологию этого слова тѣмъ что будто скалы здѣсь такъ высоки что даже въ полдень солнечный свѣтъ не проникаетъ сюда. * Но толкованіе это, по моему мнѣнію, слишкомъ лаявуютъ. Осъ ущелья идетъ съ сѣвера на югъ; слѣдовательно возможно по крайней мѣрѣ доступъ лучамъ солнца въ полдень. Мы во время луты по этому ущелью очень страдали отъ жара, который особенно силенъ былъ вслѣдствіе почти полного отраженія свѣта отъ отвѣсныхъ известковыхъ скалъ окаймляющихъ ущелье. Нѣтъ никакого сомнѣнія что названіе ущелья произошло отъ того что въ сѣверной его части находится высѣченная въ скалѣ темница. Бёрнсъ говоритъ также что въ долину Ду-абъ онъ не могъ наблюдать полярной звѣзды, до такой степени высоки скалы окружающія эту долину. ** Но я во все время луты по долину Хулумъ, слѣдовательно и въ Ду-абѣ, совершенно отчетливо наблюдалъ эту звѣзду. За Хуремомъ дорога уклоняется отъ Хулумской рѣчки влѣво. Здѣсь приходится сдѣлать первый перевалъ (чѣмбагаръ).

Затѣмъ, слѣдуя опять постоянно по берегамъ Хулумской рѣчки, вы достигаете перваго серіознаго перевала Кызыль-Котель. Едва вы успѣли спуститься съ него какъ необходимо должны подняться на еще болѣе высокій и трудный перевалъ Кара-Котель. Этотъ перевалъ вполнѣ оправдываетъ

* Бёрнсъ. *Путешествіе въ Бугару*, перев. Голубкова 1848 г., ч. II, стр. 292.

** L. cit., стр. 286.

свое названіе: „черная, мрачная тѣснина“. Особенно грандіозенъ спускъ съ него въ долину Мадеръ. Весьма пологій и довольно удобный на первыхъ двухъ верстахъ, спускъ этотъ затѣмъ становится страшно крутъ. По мѣрѣ спуска вы вступате въ мрачную щель, которая дѣйствительно не изобилуетъ солнечными лучами. Стѣны окружающія эту тѣснину съ обѣихъ сторонъ отвѣсно подымаются на огромную высоту 1.500 ф.

Ширина тѣснины 10—20 шаговъ. Дорога страшно завалена камнями, по которымъ съ ревомъ несетса горный потокъ, обдавая на пути лѣной и миллиономъ брызгъ соседнія вѣчные скалы. Но вотъ въ тѣснинѣ начинаетъ становиться свѣтлѣе, она раздается; громадные камни уступаютъ мѣсто мелкой галькѣ и хрящевуку, въ которыхъ мало-по-малу исчезаетъ горный потокъ. По сторонамъ, среди безжизненныхъ камней, тамъ и сямъ видѣются уже высохшіе въ это время года листья и стволы асса-фетиды, для которой почва тѣмъ лучше чѣмъ каменистѣе и безводнѣе. Иногда еще попадаются то на той, то на другой сторонѣ отвѣсныя тысячефутовые скалы, въ трещинахъ которыхъ, на недостигаемой высотѣ, повисло нѣсколько кустовъ колючки. Вы продолжаете спускаться (спускъ съ Кара-Котеля тянется около десяти верстъ) и вотъ предъ вами встаетъ новое грандіозное ущелье Баджга, неоднократно обогрѣнное братскою кровью во время афганскихъ усобицъ 60 годовъ. Здѣсь братъ и племянникъ Ширъ-Али-хана Афзаль-ханъ и Абдуль-Рахманъ-ханъ оспаривали у перваго власть надъ Афганистаномъ. Ширъ-Али одержалъ надъ противниками побѣду, а въ то же время его полководецъ Магометъ-Рафикъ-ханъ разбилъ другаго брата эмира Азимъ-хана, бунтовавшаго въ Курумъ. Еще и теперь весьма порядочно сохранилось укрѣпленіе изъ жженого кирпича, воздвигнутое Абдуль-Рахманомъ при самомъ входѣ въ ущелье. Въ рукахъ болѣе опытнаго полководца и съ большими военными средствами оно могло бы совершенно залереть это узкое какъ ворота ущелье, окаймленное со всѣхъ сторонъ отвѣсными скалистыми стѣнами въ 1.500 футовъ. По ущелью течетъ рѣчка Баджга. Длина ущелья, или собственно ширина его стѣнъ, около 500 шаговъ. Въ правой стѣнѣ находится огромная ниша на высотѣ 150—200 футовъ, а въ ней еще хорошо

сохранившіеся остатки пещернаго города. Изъ этого ущелья вы выходите на узкую, прекрасно обработанную долину Кегмердъ. Ширина этой долины не превосходитъ одной версты. Только на западномъ концѣ ея, у Дендавъ-шикѣвскаго подъема, она расширяется въ горную котловину до пяти верстъ въ діаметръ. Долина эта обставлена съ юга и съ сѣвера параллельными скалистыми хребтами горъ, представляющими какъ бы двѣ сплошныя плиты возвышающіяся подъ весьма большимъ угломъ. Стѣна южнаго хребта горъ представляется какъ бы отлопированною и состоитъ изъ пластовъ скальда круто поставленныхъ на свое ребро. Это въ буквальномъ смыслѣ пласта, возвышающаяся надъ долиной тысячи на три футовъ и безъ перерыва тянущаяся верстъ на двадцать въ длину.

Въ этой долинѣ дѣйствительно затруднительно наблюдать полярную звѣзду, какъ объ этомъ говоритъ Бёрнсъ. Долина орошается довольно многоводною рѣчкой съ прозрачною водою, изобилующею форелью. Рѣчка эта составляетъ притокъ рѣки Гори и носитъ то же названіе какъ и долина, Кегмердъ. Большая часть долины покрыта фруктовыми садами. Здѣсь считаю умѣстнымъ указать на неточность другаго англійскаго путешественника, посѣтившаго эти мѣста, Борслема. Онъ проѣзжалъ по этой мѣстности почти въ то же время года какъ и мы, но вотъ что онъ говоритъ: „скаты голыхъ горъ около нашего лагеря показались мнѣ имѣющими блестящій желтый цвѣтъ почти на протяженіи полуторы мили. Приблизившись чтобъ узвать причину этого явленія, я увидѣлъ что все означенное пространство покрыто сплошь абрикосами выложенными на солныце для сушки“.

Не говоря уже о томъ что небольшая долина не можетъ дать такого количества абрикосовъ, я разспрашивалъ объ этомъ туземцевъ и получалъ отвѣтъ что „Ингаизъ хватилъ черезъ край“. Борслемаъ восхищается вкусомъ здѣшняго винограда **. Но въ то время года когда онъ былъ здѣсь, т. е. въ половинѣ іюня, виноградъ совсѣмъ еще зеленъ здѣсь.

Изъ этой долины нужно перевалить южный скалистый краѣ горъ. На этотъ перевалъ ведетъ знаменитый Дендавъ-шикѣвскій подъемъ. Его названіе Дендавъ-шикѣвъ—„зубо-

* У Григорьева, *Кабулистанъ и Кафиристанъ*, стр. 966.

** У Григорьева I. с., стр. 967.

само говорить о себѣ. Узкая тропинка зигзагообразно вьется по скользящей скалистой плитѣ, мѣстами изорванной дѣйствиельно зимнихъ холодовъ. По обѣ стороны тропинки—гладкая отполированная дождями скала. Стоить сдѣлать два-три шага въ сторону чтобы поскользнуться и съѣхать внизъ съ комемъ выѣсть. Одинъ подобный случай былъ и съ нами. Казакъ Трѣкинъ пустилъ своего чалаго меринка впередъ, а самъ шелъ сзади, держась за хвостъ коня съ цѣлью облегчить себѣ подъемъ. Но вотъ лошадь сдѣлала шагъ, два въ сторону, а на третьемъ и она и буксиреваемый ею казакъ очутились на четверенькахъ и только чудомъ не скатились внизъ. А между тѣмъ дорога была по возможности исправлена специально для проѣзда русокой миссиі. Подъемъ тянется версты четыре. Вершина перевала представляетъ широкую плоскость степнаго характера, оканчивающуюся спускомъ въ Сайганскую долину. Такимъ образомъ, здѣсь вѣтъ двухъ отдѣльныхъ переваловъ: Денданъ-шиканъ и Сайганъ, какъ это показано на картѣ Уокера *, а только подъемъ и спускъ въ одномъ перевалѣ.

Вы проходите Сайганскою долиною, возвышающеюся на 7.000 ф. надъ уровнемъ Океана, и затѣмъ начинаете снова подниматься на Акъ-Рабетскій перевалъ. Съ вершины его вашимъ глазамъ представляется великолѣпная лаворама. Прямо предъ вами на югъ возвышаются синія горы Кухи-баба покрытыя вѣчными снѣгами, изъ-подъ которыхъ мѣстами выглядываютъ мрачныя трещины и отвѣсные острые бока скалъ. Великолѣпно возвышается прямо предъ вами и господствуетъ надо всѣмъ группа Шабданъ. Эта гряда горъ тянется съ в. с. в. на з. ю. з. и теряется далеко на западѣ въ снѣжныхъ туманахъ. На востокѣ видѣется Бамьянская долина, а назади вздымаются мрачныя, отвѣсныя скалы послѣдняго горнаго хребта, одѣтаго непроницаемою мглой. Внизу у вашихъ ногъ видѣются развалины замка того же имени какъ и перевалъ. А еще немного далѣе къ низу дорога раздвоится: западная вѣтвь идетъ въ Герать, *

* Въ маршрутѣ топогр. миссиі г. Бендерскаго тоже показаны два отдѣльные перевала, что меня удивляетъ и что по моему мнѣнію не вѣрно.

** По которой, кажется, проходилъ съ войсками единственно султанъ Баберъ.

а восточная въ Бамьянъ. Эта послѣдняя огибаеть еще два перевала Пелу-и-Чашма и Пелу, правда, не такіе высокіе, какъ Акъ-Рабать. Перевалъ, спускъ, подъемъ, ущелье и опять перевалъ, и такъ каждый день. Въ этой странѣ каждый день приходится сдѣлать болѣе или менѣе значительный перевалъ, пройти нѣсколькими ущельями, которыя спорятъ другъ съ другомъ грядисозностью очертаній. Все это чрезвычайно утомляетъ путника, такъ что онъ съ теченіемъ времени становится почти совершенно нечувствительнымъ къ окружающимъ его красотамъ, правда всегда и вездѣ дѣлкимъ, хотя и величественнымъ.

Затѣмъ дорога пролегаетъ Бамьянскимъ ущельемъ. При нашемъ прїѣздѣ она была завалена обвалами скалъ, вслѣдствіе выпавшихъ не задолго до нашего прибытія проливныхъ дождей. Поэтому пришлось идти обходною дорогою, которая постоянно то поднималась круто въ гору, то спускалась въ глубокой оврагъ, пока наконецъ не вышла въ Бамьянскую долину. Древній Бамьянъ! Какъ много говоритъ воображенію путешественника это имя! Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся событій въ жизни Средней Азіи. Онъ прошелъ всѣ вѣка, начиная съ золотого и кончая въ настоящее время—увы! гнилымъ. Его старыя развалины видѣли нѣкогда такую цивилизацію о которой въ средѣ туземцевъ теперь не сохранилось даже и преданій. Только обрывки сказаній о Сикандерѣ Зуйкарнативѣ (Александрѣ Македонскомъ) еще бродятъ въ потемкахъ здѣшней болѣе чѣмъ когда-либо первобытной жизни. * На всѣхъ картахъ Бамьянъ обозначенъ городомъ. Можетъ-быть это и такъ, такъ какъ онъ имѣеть губернатора, но сѣдовало бы какъ-нибудь обозначить что это пещерный городъ. Пещеры тянутся безъ конца, преимущественно по сѣверной, скалистой сторонѣ долины, которая шириной нигдѣ не болѣе двухъ верстъ. Почти посредиѣ долины протекаетъ Бамьянская рѣка, по берегу которой мѣстами видѣются рядкіе „зѣмки“ англійскихъ путешественниковъ.

Зѣмки эти нечто иное какъ оригинальныя деревни, представляющія обыкновенно квадратъ въ нѣсколько десятковъ сажень, обнесенный глинбитною стѣною съ башнями

* Теперь, послѣ изслѣдованій В. В. Григорьева, оказывается что Александръ Македонскій не былъ въ Бамьянской долинѣ.

по угламъ. Внутренность такого огороженнаго пространства застраивается нѣсколькими десятками сакель, грязныхъ до невозможности, въ которыхъ безъ разбора помѣщаются и люди, и животныя, хлѣбные запасы и фуражъ. Но такихъ деревень не много. Наибольшая часть населенія живетъ все-таки въ пещерахъ. Въ томъ мѣстѣ гдѣ пещеры наиболѣе всего скучены находятся знаменитые бамьянскіе колоссы. Теперь болѣе или менѣе уцѣлѣли только два изъ нихъ,—самые большіе. Всѣхъ же ихъ было пять. Колоссы помѣщаются въ глубокихъ нишахъ, высѣченныя въ отвѣсной конгломератовой скалѣ. Какъ ниши, такъ и колоссы высѣчены альторельефомъ и покрыты штукатуркой, которая отчасти обвалилась, но вообще сохранилась довольно хорошо. Верхняя часть ниши, надъ головами, покрыта живописью вообще плохо сохранившеюся, за исключеніемъ большого идола. Она состоитъ изъ изображеній женскихъ лицъ, фигуръ и бюстовъ, съ оіаніемъ надъ нѣкоторыми главными изображеніями. Волосы головъ характерно зачесаны на затылокъ, гдѣ они собираются лучкомъ. Черты лица очень тонки, глаза немного скошены и вообще общій типъ лица какъ бы китайскій. Риттеръ удивляется читая выраженіе Бёрса что живопись здѣсь не лучше обыкновенной китайской; онъ спрашиваетъ почему Бёрсу пришло въ голову подобное сравненіе. * А между тѣмъ дѣло очень просто: изображенія очень хорошо выражаютъ китайскій типъ живописи. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось.

Что касается пола колоссовъ, то различить его въ настоящее время невозможно. Лица почти нѣтъ, они стесаны до нижней губы. Что же касается ушей, по которымъ Бёрсъ ** узнаетъ въ фигурахъ колоссовъ Будду, то я, какъ не специалистъ въ археологіи, не беру на себя смѣлости утверждать того же. Замѣчу только что вообще работа не изящна, а отчасти даже непропорціональна. У обоихъ идоловъ грудь сашкомъ широка и очень плоска, что по моему мнѣнію говоритъ противъ преданія выдающаго меньшей колоссъ за царицу Шахъ-Мата, жену большого колосса, царя Силь-Саль. Высота большого идола доходитъ до 140 ф., а меньшаго до 120. Плуеры, въ нѣсколько этажей, расположены по сторонамъ

* У Григорьева I. cit., стр. 120.

** Бёрсъ I. c., стр. 279 т. II.

обѣихъ нишъ. Подъ колоссами также находятся пещеры. На головы колоссовъ ведутъ извѣстныя лѣстницы, до которыхъ можно достигнуть чрезъ цѣлый рядъ двухъэтажныхъ пещеръ. Я всходилъ на голову меньшаго цола вмѣстѣ съ Н. О. Разгоновымъ. Пещеры, по которымъ намъ пришлось пройти, носили признаки пребыванія челоѣка; въ нихъ находились домашнія животныя, не рѣдко во второмъ этажѣ, для достиженія котораго они должны были пройти узкими и скользкими переходами. Почти всѣ пещеры имѣютъ куполообразный видъ, карнизы свода были раскрашены, но густой слой копоти покрываетъ ихъ теперь. По довольно крутой, съ обвалившимися ступеньками, лѣстницѣ, мы наконецъ достигли головы и вышли на нее чрезъ отверстіе пробѣланное въ задней стѣнѣ ниши.

Голова оканчивается площадкой сажени 1½ въ діаметрѣ. Вездѣ на стѣнахъ ниши и на колоссахъ можно было видѣть знаки насала, сабельные удары испещряютъ почти всѣ лица головныхъ изображеній. Мѣстами замѣтны сады лулъ. Ноги большаго колосса разбиты ядрами. Остальныя три ниши содержатъ только безобразные куски изображеній.

На противоположной сторонѣ долины, на отдѣльномъ холмѣ, возвышаются развалины древняго города называемаго Афганамъ Гульгуде. Нѣсколькими верстами ниже, у владѣнія Калутской рѣчки въ Бамьянскую, находятся также развалины древняго города. Эти развалины расположены на отвѣсной скалѣ изъ отвердѣлой глины и конгломерата, и значительно лучше сохранились чѣмъ предыдущія.

Долина Бамьянъ весьма тщательно воздѣлана. Но здѣсь тщетно вы стали бы искать риса, джугары, кукурузы; слѣшкомъ возвышенное положеніе долины (8.500 ф.) исключаетъ возможность произрастанія этихъ сортовъ хлѣбныхъ растений. Даже и пшевица здѣсь не особенно распространена. За то много ячменя, бобовъ, гороха, но что составляетъ исключительную принадлежность этой долины изъ всѣхъ вообще долинъ пройденныхъ до сихъ поръ миссіей,—это овесъ. Злакъ этотъ воздѣвается здѣсь странно. Ему не даютъ созрѣвать, косятъ и скармливаютъ скоту какъ сѣно, не отмолачивая и не отдѣлая зеренъ отъ соломы. * Здѣсь

* Кажется только суатанъ Баберъ говоритъ объ овсѣ въ Бамьянской долинѣ. У англійскихъ авторовъ я не встрѣчалъ описанія этого злака.

приходится проститься съ плодовыми деревьями; о нихъ напоминаютъ лишь нѣсколько дикихъ яблонь. Тополь и ива—почти единственные представители здѣшней древесной растительности.

Изъ Бамьянской долины для достиженія Кабульской нужно подняться или на Кабульскій перевалъ, или на Иракскій. * Оба эти перевала находятся въ горномъ уаѣъ связывающемъ Гиндукушъ съ его западнымъ продолженіемъ, горнымъ хребтомъ Кухи-баба. Оба пути представляютъ одинаковыя удобства или, вѣрнѣе, неудобства: оба они обладаютъ высокими перевалами (18.000 ф.), оба круты. Миссія направила свой путь на большой Иракскій перевалъ, такъ какъ Кабульскій, вслѣдствіе выпавшихъ не задолго до этого обильныхъ дождей, сдѣлался неудобнопроходимымъ. Перейдя большой Иракскій перевалъ, миссія прошла новымъ путемъ, по которому не проходилъ еще ни одинъ Европеецъ. ** Собственно приходится перевалить два Иракскіе перевала: малый, находящійся между Иракскою и Бамьянскою долинами, а затѣмъ уже, пройдя Иракскую долину и сдѣлавъ верстѣ двадцать лять, большой Иракскій перевалъ.

Путь къ нему, какъ обыкновенно, идетъ длиннымъ ущельемъ по ложу ручья, берега котораго сильно загромождены обломками скалъ, галькой, гравіемъ и шиферными плитами. Мѣстами встрѣчаются желѣзные и сѣрые ключи. Эти послѣдніе выдѣляютъ значительное количество сѣроводорода. Не доходя верстѣ двухъ до перевала, миссіи пришлось пройти по двумъ сугробамъ еще не растаявшаго снѣга залегавшаго въ глубинѣ ущелья. Здѣсь температура воздуха въ десять часовъ дня была только 8° Ц. Ущелье упирается почти въ отвѣсную стѣну поперечнаго хребта, на который ведетъ очень крутая съ сильнымъ уклономъ тропинка. Это и есть большой Иракскій перевалъ. Хорошо что при такой страшной

* Изъ Иракской долины идетъ еще дорога на перевалъ Шибръ расположенный много восточнѣе большаго Иракскаго перевала.

** Даже Массонъ не могъ пройти этимъ переваломъ, а былъ только у подножія его; тѣмъ не менѣе мы имѣемъ цифру высоты его даваную Гриффитомъ; у Григорьева *Каб. и Копыр.* стр. 961—962. Въ маршрутѣ г. Бендерскаго направленіе пути на Шибръ показано, по своимъ свѣдѣніямъ, невѣрно.

крутизна почва мягкая, глинистая, которая даетъ для ноги хорошую точку опоры. Едва вы взобрали на вершину перевала какъ сейчасъ же должны спускаться. Сначала спускъ очень крутъ, но потомъ онъ дѣлается болѣе или менѣе пологимъ и тянется до селенія Герденъ-Дивана версты на тридцать пять. Первое селеніе на этомъ пути, Харзаръ, расположено на 11.000 ф. высоты. На такой высотѣ возможно воздѣлывать только ячмень, бобы и клеверъ. Приблизительно на полдорогѣ между Харзаромъ и Герденъ-Диваномъ (расположенномъ уже на рѣкѣ Гильшандѣ) находятся богатые желѣзистые источники съ обильнымъ содержаніемъ свободной угольной кислоты. Источники вырываются изъ земли десятью, пятнадцатю отверстиями и выбрасываютъ большую массу воды. Температура воды 11,2° Ц. Вокругъ источника образовался плоскій холмъ ржаво-желтаго цвѣта, указывающій на отложеніе окиси желѣза. Ни у одного англійскаго путешественника я не читалъ объ этомъ источникѣ. Къ сожалѣнію, химическаго анализа нельзя было сдѣлать, за неимѣніемъ необходимыхъ для этого реактивовъ. На обратномъ пути миссія захватила съ собою нѣсколько бутылокъ воды, но всѣ онѣ лопнули во время дороги. Рѣка Гильшенъ несетъ здѣсь уже довольно большую массу воды, къ которой прибавляется еще вода текущей съ сѣвери Аба-Гильджаттіи.

Умайскій перевалъ отдѣляетъ эту очень пустынную долину отъ Кабульской. Перевалъ этотъ представляетъ широкую возвышенную плоскость прорѣзанную нѣсколькими довольно глубокими оврагами. Высота его болѣе 11.000 ф. На немъ встрѣчаются нѣсколько деревьевъ, вокругъ которыхъ почва обработана. Произрастаетъ преимущественно ячмень, но полагается и пшеница (озимая).

Спускъ съ перевала довольно пологъ и удобенъ. Только когда уже совсѣмъ спускаешься въ долину Кабуль-Даръи, попадаются гранитныя скалы и обломки загромождающіе дорогу.

Нѣтъ ни узкихъ карнизовъ, ни бездонныхъ проластей, о которыхъ говоритъ Борслемъ. * Странно что и въ маршрутѣ миссіи составленномъ топографомъ Бендерскимъ то же

* У Григорьева I. с. стр. 453.

говорится о карнизахъ и пропастяхъ; но я повторяю что вѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ. По мѣрѣ спуска въ долину она становится все шире и шире, такъ что у Жальриза имѣеть до восьми верстъ въ полперечникѣ. Здѣсь каждый клочекъ земли тщательно обработанъ. Поля террасами спускаются къ самой рѣкѣ и защищены отъ разливовъ ея камешными плотинами и оградами. Начиная съ Серъ-Чешма оба берега рѣки покрыты густыми какъ здѣсь садами которые тянутся до Котъ-Амру. Здѣсь пшевица, крупныя колосья которой уже дозрѣвали, уступаетъ свое мѣсто кукурузѣ, а еще ниже—рису. Но и здѣсь засѣвается огромное количество земли стручковыми растеніями и бобами. Отъ Котъ-Амру дорога оставляетъ Кабуль-Дарью вправо и восходитъ на послѣдній, на пути къ Кабулу, перевалъ (высотой около 8.500 ф.) Сефидъ-Хакъ.

III.

Оглянемся теперь на пройденный нами великій Бамьяскій луть. Мы были первые Русскіе перешагнувшіе этотъ великій горный хребетъ. Да и вообще мало Европейцевъ прошло этимъ путемъ. Муркрафтъ 1823 года положилъ начало. За нимъ послѣдовали Бэрнсъ и Джерардъ (1832), Вудъ и Лордъ (1836—1837 г.), Борслеми (1840 г.), Гриффитъ (1840 и 41 г.), Массовъ (1838, 39 и 40 г.) и Ферье (1845 г.); * три послѣдніе всѣмъ путемъ не проходили. Вотъ и всѣ Европейцы поставшіе эти мѣста.

Великій Бамьяскій луть перестѣкаетъ рядъ почти параллельныхъ хребтовъ огромной горной системы Гинду-Куша. Между этими хребтами горъ находятся долины, террасообразно возвышающіяся одна надъ другой. Такъ долина Кемпряда возвышается на 5.000 ф. слѣшкомъ, а слѣдующая Суйганская достигаетъ уже высоты 7.000. Бамьянская долина, расположенная у сѣвѣнной Кухи-баба, достигаетъ 8.500 ф., а ея вѣтви, Иракская и Калуйская долины, болѣе 9.000. Долина Гильменда, лежащая уже по ту сторону главнаго хребта, достигаетъ

* Если не считать Стирегинга, проѣхавшаго здѣсь въ 1828 году, Гокингбергера (1833 г.) и Вина (1836 г.), оставившихъ послѣ себя очень мало записокъ.

также отъ 8.000 до 10.000. Долина Кабуль-Дарья, начинаясь у Серъ-Чешма на 8.000 ф., у Кабула опускается до 6.000 ф.

Несмотря на разнообразіе высоты, горы почти вездѣ поражаютъ глазъ своимъ однообразіемъ, что конечно обуславливается чрезвычайною безжизненностью и отсутствіемъ растительности. Тощіе альпійскіе луга покрываютъ вершины горъ. На высотѣ переваловъ даже и этого нѣтъ; тамъ попадаются только мхи. Рѣзкій контрастъ съ этою мертвою горною пустыней представляютъ горныя узкія долины, пронизывающія горныя массы по направленію ручьевъ и рѣчекъ. Здѣсь растительность роскошна. Въ Хурештѣ я видѣлъ виноградныя лозы толщиной въ футъ; въ Гейбекѣ — чинары съ саженнымъ діаметромъ. Всевозможные сорта хлѣбовъ здѣсь весьма тщательно воздѣлываются. Даже такія возвышенныя долины какъ Бамьянская и Иракская сплошь засѣяны хлѣбными растеніями. Повято что деревья произрастаютъ въ этихъ двухъ долинахъ, на такой большой абсолютной высотѣ, весьма въ ограниченномъ количествѣ видовъ.

Въ Котэ-Амру миссія была встрѣчена нарочно высланнымъ для этого изъ Кабула сердаремъ Абдуль-ханомъ. Это бодрый, живой старикъ, улыбаемый сѣдинами, хорошо еще помнящій Ваткевича и Бѣрса.

На слѣдующій день, не доѣзжая до станціи Кале-и-Казы отстоящей отъ Кабула всего на 15 верстъ, миссія была встрѣчена визиремъ Шахъ-Магометъ-ханомъ, пріѣхавшимъ сюда на словѣ. Часть миссіи помѣстилась на приведенныхъ визиремъ трехъ словахъ и такимъ образомъ доѣхала до станціи. На слѣдующій день предстоялъ въѣздъ въ Кабулъ.

Было ясно что эмиръ Ширъ-ади хотѣлъ принять миссію какъ можно торжественнѣе. Вообще нужно замѣтить что во все время слѣдованія миссіи отъ Аму-Дарьи до самаго Кабула Афганцы выказывали большую предупредительность и вниманіе.

Наступило утро, ясное утро 29 іюля. День обѣщалъ быть знойнымъ. Поэтому, хотя до Кабула было только 15 верстъ (два самга), рѣшено было отправиться въ путь въ 7 часовъ утра. Наканувъ къ нашему конвою присоединилась еще отрядъ конницы; такимъ образомъ, теперь мы ѣхали во

главъ довольно значительнаго отряда всадниковъ, одѣтыхъ въ блестящія мундиры. По сторонамъ шли двѣ шеренги гвардейцевъ эмира въ голубыхъ мундирахъ и мѣховыхъ шалкахъ съ бѣлою опушкой на подобіе полумѣсяца. Слоны, на которыхъ мы важно возсѣдали, тихо подвигались впередъ ровною, степенною походкой. На востокѣ видѣлась масса зелени, освѣщаемая косыми лучами выглаголывшаго изъ-за горъ солнца. За этою массой зелени возвышались двѣ довольно высокія отдѣльныя горы. Между ними находится послѣднее ущелье, которое мы должны были пройти чтобы достигнуть города. За этимъ ущельемъ и выше этихъ горъ видѣлись бѣлоснѣжные южные склоны Гинду-Куша.

Скоро дорога пошла по шоссе прорѣзывавшему сплошныя массы садовъ, рощъ и табачныхъ плантацій. По обѣимъ сторонамъ дороги скоро стали замѣчаться кучки любознательныхъ. Эти кучки затѣмъ превратились въ сплошныя живыя шпалеры. Не доѣзжая до ущелья миссія была встрѣчена сердаремъ Хабибула-ханомъ, роднымъ братомъ Ширъ-али-хана. Онъ ѣхалъ на громадномъ слонѣ сѣро-лелельнаго цвѣта, съ огромными золочеными кыками. Сидѣнье было сдѣлано изъ дерева обитаго толстымъ листовымъ золотомъ. Сердара сопровождалъ отрядъ блестящей кавалеріи въ мѣдныхъ сверкающихъ на солнцѣ каскахъ, на огненныхъ лошадяхъ. Всадники были вооружены превосходными кабульскими шашками и револьверами. Поравнявшись съ миссіей онъ остановился и привѣтствовалъ ее. Начальникъ миссіи, по предложенію сердара, пересѣлъ на его слона.

Мы проѣхали ущельемъ, которое когда-то защищалось каменною стѣной; развалины ея еще и теперь тянутся по обѣ стороны ущелья вверхъ по горамъ; наконецъ мы въѣхали въ предмѣстье Кабула.

Улицы были залужены народомъ. Деревья садовъ и крыши домовъ, а равно и ближайшія скалы были усыяны людьми.

Но вотъ и мостъ черезъ Кабуль-Дарью. По правдѣ сказать, онъ могъ бы быть попрочнѣе для проѣзда слоновъ. Теперь же слоны должны были отправиться въ бродъ. Впрочемъ это особеннаго неудобства не составило, такъ какъ вода въ рѣкѣ было не болѣе четырехъ футовъ. Скоро мы свернули на военное поле, гдѣ были выстроены афганскія войска численностію около дивизіи.

Лишь только миссія поравнялась съ нами, какъ былъ произведенъ салютъ изъ 34 пушечныхъ выстрѣловъ. Въ то же время оглушительно загремѣли пріветственные клики многотысячной толпы. Клики переходили съ одного мѣста на другое какъ волна, постепенно выростая и какъ вихрь падая и такъ же быстро стихая затѣмъ вдали. Сопровождаемые этими кликами и подъ звуки національнаго афганскаго марша мы вѣхали въ цитадель Кабула. У воротъ насъ встрѣтила стража одѣтая въ оригинальный костюмъ состоящій изъ сѣрой клѣтчатоі юбки, чулковъ и башмаковъ; на головахъ были мѣдныя каски съ перьями и цѣпочкой доходящей до подбородка. Послѣ недлиннаго пути по узкимъ и неправильнымъ улицамъ обставленнымъ съ обѣихъ сторонъ двухъэтажными домами, наши слоны остановились у воротъ отведеннаго для миссіи дворца. На первый взглядъ дворецъ этотъ имѣлъ видъ грозной цитадели, обнесенной высокими стѣнами. Внутреннее убранство дворца совершенно не соответствовало однако этому пышному слову. И здѣсь, какъ и въ Карши, не было и слѣда такъ-называемой восточной роскоши: ни фонтановъ, ни мраморныхъ бассейновъ, ни полныхъ вѣгн мягкихъ дивановъ. Облицовка главнаго зданія сдѣлана изъ дерева, украшена рѣзными фигурами, вышками, террасами и вообще имѣла видъ нашихъ до-Петровскихъ боярскихъ хоромъ. Но внутри пустота и бѣдность мебелировки: ни одного зеркала. За то незавидная обстановка вполнѣ искупалась обширнымъ и красивымъ видомъ разстлавшимся предъ нашимъ дворцомъ. Бала-Гисаръ занимаетъ господствующую надъ городомъ мѣстность. Съ террасы нашего дворца виденъ былъ весь городъ и окружающая его долина на далекое пространство. Съ запада и юго-запада городъ вплотную примыкаетъ къ довольно высокой горѣ. Съ сѣвера также видѣется гора, а между ними описанное выше ущелье. Между тѣмъ, съ востока и юга находится открытая мѣстность, занятая полями и садами, изъ зелени которыхъ пріветливо выглядываютъ жилыя строения. Эта площадь въ свою очередь ограничивается горами отстоящими отъ города верстъ на 8—10. По окраинамъ этой площади, ближе къ горамъ, тянутся большія селенія, тоже утопущія въ зелени садовъ. По гребню горъ окаймляющихъ городъ съ юго-запада и сѣвера тянется

двойная стѣна, во многихъ мѣстахъ уже сильно обвалившаяся. Окрестности представлялись очень привлекательными и возбуждали желаніе посѣтить ихъ.

Вечеромъ городъ украсился иллюминаціей. На крышахъ домовъ и на окрестныхъ горахъ жгли бенгальскіе огни и пускали ракеты. Во многихъ мѣстахъ горѣли везеля. Слѣдующій день былъ посвященъ отдохновенію. На третій по прибытіи день, то-есть 31 іюля, миссія представлялась эмиру. Сначала представился генералъ Столѣтовъ одинъ. Вскорѣ онъ вернулся и предложилъ остальнымъ членамъ миссіи немедленно отправиться вмѣстѣ съ нимъ на аудіенцію къ эмиру. Хотя до дворца эмира отъ нашего помѣщенія было не болѣе ста шаговъ, однако мы поѣхали верхомъ; отрядъ афганскихъ гвардейцевъ сопровождалъ насъ до входныхъ воротъ сада эмира, гдѣ помѣщался его дворецъ. Мы прошли по утрамбованной дорожкѣ тощаго рѣдкаго сада, обошли незатѣлистый бассейнъ наполненный водой безо всякихъ признаковъ фонтана и очутились предъ дворцомъ эмира. Наружный видъ его былъ еще скромнѣе нашего дворца. Ширъ-али-ханъ сидѣлъ на открытой террасѣ, голый, выштукатуренная стѣны которой производили впечатлѣніе изящней простоты граничащей съ бѣдностью. Полъ былъ устланъ бѣлымъ коленкоромъ — произведеніемъ английскихъ фабрикъ. Вдоль стѣнъ было разставлено шесть простенькихъ самодѣльныхъ креселъ. Кресло начальника посольства стояло противъ кресла эмира Ширъ-али-хана, у балюстрады террасы. На этой террасѣ эмиръ и принималъ миссію. Онъ имѣлъ видъ еще довольно крѣпкаго старика лѣтъ подъ шестьдесятъ. Черты лица его съ горбатымъ носомъ очень правильны. Изъ-подъ слегка нависшихъ бровей открыто глядѣли черные провидательные глаза; роста онъ казался немного выше средняго; онъ былъ одѣтъ въ голубой мундиръ съ лентой черезъ лѣвое плечо, на головѣ металлическая каска со страусовыми перьями. Эмиръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу миссіи, подавъ всѣмъ руку и пригласилъ садиться. Насъ сопровождали только два афганскіе самовника: визиръ и кемнабъ. Съ полчаса шелъ довольно оживленный разговоръ, причемъ эмиръ каждому члену миссіи что-нибудь сказалъ. Относительно меня замѣтилъ что я для врача слишкомъ молодъ. У насъ, говорилъ эмиръ, врачи

обыкновенно съдвласые. Впрочемъ онъ потомъ сталъ жаловаться на кашель и просилъ противъ него помощи. Аудіенція была прекращена поднявшимся вихремъ нагвавшимъ на террасу цѣлыя облака лыи.

На слѣдующій день утромъ было чувствительное землетрясеніе.

Затѣмъ началась довольно монотонная жизнь миссіи. Каждый день генералъ Столѣтовъ былъ занятъ съ утра до вечера съ афганскими сановниками. Они работали надъ проектомъ соглашенія между Россіей и Афганистаномъ. То къ нему приходилъ визирь съ разными сановниками, то онъ самъ, одинъ, отправлялся къ эмиру. Топографъ перечерчивалъ свою глазоѣмную съемку, а ко мнѣ начали приходить туземные больные. Часто однако изъ этихъ визитовъ не происходило никакой пользы ни для меня, ни для моихъ пациентовъ, такъ какъ являлись за софтами не сами больные, а ихъ родственники и знакомые. Впрочемъ у насъ было и развлеченіе. Два два мы ходили гулять въ тощій и чахай садъ эмира, не имѣющій ничего общаго съ тѣми роскошными садами о которыхъ говоритъ Бёрнсъ. Едва ли не лучшимъ плодовымъ деревомъ въ немъ была самаркандская груша, а изъ овощей—поражающіе своею гигантскою величиной (до 1½ арш.) огурцы, завитые какъ рогъ или спираль. Скучно было сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, когда видѣвшіяся вдали прекрасныя окрестности такъ и манили къ себѣ. Но лѣдובное сидѣніе вызывалось необходимою въ нашемъ положеніи осторожностью. Мнѣ приходилось слышать изъ разныхъ источниковъ что эмиръ Ширъ-али-ханъ, весьма польщенный пріѣздомъ въ Кабулъ русской миссіи, такъ какъ это очень возвышало его въ глазахъ всей Азии, серьезно боялся чтобъ его вдруги, ради разрыва установившихся между Россіей и Афганистаномъ добрыхъ отношеній, не сдѣлали бы какого оскорбленія миссіи. Это тѣмъ болѣе было вѣроятно что онъ предполагалъ пребываніе въ Кабулѣ англійскихъ шпіоновъ которые не задумались бы воспользоваться удобнымъ случаемъ произвести какой-либо скандалъ съ означенною цѣлюю.

Я впрочемъ имѣлъ развлеченіе, хотя и весьма печальнаго свойства. 3 августа, въ 4 часа дня, начальникъ миссіи предложилъ мнѣ немедленно отправиться къ насѣднику афганскаго

престола который внезапно заболѣлъ. Взявъ съ собой необходимыя для подавiя первой помощи средства, фельдшера и обоихъ переводчиковъ, я отправился въ путь. Принцъ Абдулла-Джавъ жилъ въ отдѣльномъ отъ эмира помѣщенiи, почти въ центрѣ города. Разстоянiе по нему отъ нашего дворца равнялось около 1 $\frac{1}{2}$ верстъ. Сначала дорога шла черезъ садъ эмира, а затѣмъ, пройдя черезъ ворота (сѣверо-западные) Бома-Гиссара, пошла до улицамъ города. Мы миновали нѣсколько медресъ и мечетей, нѣсколько впрочемъ не замѣчательныхъ. Вообще типы построекъ и расположенiе города такiе же какъ и въ любомъ среднеазиатскомъ городѣ. Затѣмъ мы вошли въ хорошо построенный павильонъ съ большими стеклянными окнами. * Принцъ лежалъ на обыкновенной туземной низкой, широкой кровати и стоялъ. Онъ былъ въ безсознательномъ состоянiи. Я разспросилъ его людей, между которыми находились два туземные врача, и изслѣдовалъ больного. У него было острое воспаленiе всего пищеварительнаго канала. Кромѣ того, явственно были выражены симптомы разлитаго воспаленiя брюшины. Пульсъ до такой степени слабъ что трудно было сосчитать. Придя домой я объявилъ начальнику миссиі о безнадежномъ исходѣ болѣзни. Дѣйствительно, принцъ умеръ этою же ночью, около двѣнадцати часовъ. Онъ болѣлъ около двухъ сутокъ, и я имѣю нѣкоторыя данныя думать что болѣзнь не была случайная, а была вызвана насильственно. Эта мысль во мнѣ еще болѣе утвердилась когда я въ послѣдствіи познакомился отчасти съ гаремными интригами двора эмира Ширъ-али.

Около этого времени получено было въ Кабуль первое письмо отъ лорда Литтона въ которомъ онъ сообщалъ что англійское посольство идетъ въ Кабуль и просилъ принять его. Посольство состояло изъ цѣлаго отряда всѣхъ родовъ оружія и простиралось до двухъ тысячъ человекъ. Лордъ Литтонъ писалъ также эмиру Ширъ-али-хану чтобъ онъ изготовилъ по пути слѣдованiя посольства необходимыя провіантъ и фуражъ. Извѣстно что эмиръ отвѣтилъ на это письмо отказомъ принять посольство, сначала отговариваясь трауромъ по сынѣ, а потомъ многочисленностью коновъ

* Стеклянные окна въ Средней Азiи большая рѣдкость и составляютъ роскошь.

посольства. Этотъ отказъ и послужилъ для Англіи благовиднымъ предлогомъ къ войнѣ.

11 августа генералъ Столѣтовъ экстренно выѣхалъ изъ Кабула въ Ташкентъ, взявъ съ собою и меня. Какъ извѣстно, съ генераломъ Столѣтовымъ прибыло въ Ташкентъ первое афганское посольство.

Съ миссіей оставленъ былъ опытный фельдшеръ съ достаточнымъ количествомъ медикаментовъ.

IV.

Когда начальникъ миссіи уѣзжалъ изъ Кабула, то было предположено между нимъ и эмиромъ что онъ вернется обратно въ Кабулъ чрезъ полтора мѣсяца. Я вмѣстѣ съ нимъ тоже долженъ былъ вернуться.

Но по пріѣздѣ его въ Ташкентъ дѣло обратнаго отъѣзда затянулось. Генералъ Столѣтовъ долженъ былъ выѣхать изъ Ташкента въ Ливадію для доклада по дѣламъ миссіи.

Въ концѣ сентября часть миссіи, находившаяся въ Кабулѣ, получила повелѣніе оставаться тамъ впредь до особаго распоряженія. Очевидно было что для миссіи нужно было послать врача. Въ октябрѣ мѣсяцѣ изъ Кабула были получены туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ отъ миссіи письма въ которыхъ сообщалось что среди ея членовъ развилась сильная болѣзненность. Тогда же было получено письмо отъ эмира Ширъ-али-хана въ которомъ онъ, жалѣясь на боль горла, просилъ туркестанскаго генералъ-губернатора прислать ему врача и при этомъ указалъ на меня какъ на знакомое уже ему лицо. Въ первой половинѣ ноября я, получивъ надлежащія распоряженія, быстро собрался и выѣхалъ изъ Ташкента въ Кабулъ.

Въ Самаркандѣ однако меня нѣсколько времени задержали денежныя затрудненія. Дѣло въ томъ что когда въ Ташкентѣ назначили средства на мою повѣзку, то рѣшили дать мнѣ кредитными билетами, съ тѣмъ чтобъ я самъ обмѣнялъ ихъ въ Самаркандѣ на туземныя металллическія деньги. Для покрытія возможной потери при мѣнѣ кредитныхъ на металллическія деньги, мнѣ дана была прибавка въ 15% всей суммы. Когда же я по прибытіи въ Самаркандъ хотѣлъ обмѣнять деньги, то узналъ что курсъ нашего кредитнаго

рубля на бухарское серебро значительно ниже предполагаемаго. За 20 рублей кредитныхъ давали только 12 рублей бухарскимъ серебромъ (тегъгами), то-есть рубль стоилъ только 60 копѣекъ. Такимъ образомъ у меня являлся недостатокъ въ 25%. Не желая нести такой большой убытокъ, тѣмъ болѣе тягостный для меня что средства назначенныя для поѣздки были очень ограничены, я свесся съ Ташкентомъ. Черезъ нѣсколько дней было прислаано изъ областного казначейства серебро, и я могъ теперь отправиться въ путь на этотъ разъ мнѣ уже извѣстный, но все же далекий и трудный.

Главные трудности теперь заключались въ томъ что нужно было въ зимнее время пройти бамьянскимъ путемъ, горные перевалы котораго достигаютъ огромной высоты 13.000 фут. Въ виду подобныхъ трудностей я особенно позаботился о вьючномъ обозѣ. Я разчиталъ чтобы каждая вьючная лошадь несла на себѣ не болѣе четырехъ пудовъ тяжести. Большой грузъ при прохожденіи обледѣлыми, крутыми горными тропами могъ отозваться гибельно на животныхъ. Аммуничная часть была предметомъ особаго вниманія. Я настоялъ чтобы каввойные казаки были всѣ снабжены овчинными полушубками и валеными салогами. Зная что иногда на пути нельзя будетъ найти жидое помѣщеніе для ночлега и столовокъ, я озаботился заготовленіемъ телныхъ войлочныхъ палатокъ. Для этого можно было въ взять простыя киргизскія юрты или юмейки. Но онѣ слишкомъ тяжелы и потому оказались неудобными. Кроме того, установка ихъ очень хлопотлива и занимаетъ много времени и рукъ. Вслѣдствіе этого я устроилъ особенныя войлочные палатки, въ родѣ самодскихъ чумовъ. Нѣсколько (около 8—10) крѣпкихъ палокъ, длиной около одной сажени, связывались своими концами вмѣстѣ, другія же концы подвстривались. Этотъ остовъ ставился на землю и образовывался конусъ съ диаметромъ около сажени. Конусъ этотъ покрывался выкроенною по его формѣ кошмой, и палатка готова. Послѣдующая дорожная практика вполне доказала пригодность такого рода палатокъ.

27 ноября 1878 года я выѣхалъ изъ Самарканда въ Кабуль. Со мной было десять человекъ каввойныхъ казаковъ, одинъ фельдшеръ, одинъ переводчикъ и нѣсколько человекъ туземной прислуги. Я выбралъ кратчайшее направление для

достиженія Аму-Дарьи, именно черезъ Шахрисябъ. Путь лежалъ черезъ Каратыубинскій перевалъ, абсолютная высота котораго не превышаетъ 6.000 фут. На вершинѣ его я нашелъ уже снѣгъ, а подъемъ на него былъ очень скользокъ вслѣдствіе того что горные ручьи разлились и замерзли. Во время перехода черезъ вершину перевала я былъ застигнутъ снѣжною пургой. При переходѣ черезъ этотъ перевалъ я убѣдился что очень хорошо сдѣлалъ подковать переднія ноги лошадей русскими подковами; нога вслѣдствіе этого приобрѣтала болѣе устойчивости и цѣлкости чѣмъ еслибы она была подкована туземными, плоскими, безъ шпловъ, подковами. Несмотря на это преимущество русскихъ подковъ туземцы не усвоили русскаго способа ковки. Впрочемъ это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ что холодная ковка русскими подковами несравненно труднѣе чѣмъ ковка туземными, обыкновенно очень легкими подковами. А между тѣмъ при переездѣ въ Средней Азіи почти всегда приходится ковать лошадей холоднымъ способомъ по чрезвычайной рѣдкости кузницъ. 29 ноября я прибылъ въ Шааръ, областной городъ Шахрисябъ. Здѣсь, совершенно неожиданно для себя, я засталъ эмира Бухарскаго. Говорю неожиданно, потому что зимой онъ живетъ обыкновенно въ городѣ Бухарѣ. На этотъ разъ однако онъ измѣнилъ своему обычаю. Появляю что я долженъ былъ сдѣлать визитъ нашему гостепріимному сосѣду. Извѣстно какое гостепріимство каждый русскій путешественникъ находитъ въ этой странѣ. О себѣ скажу что отъ самой русско-бухарской границы до Шаара меня сопровождала блестящая кавалькада состоящая изъ разныхъ чиновниковъ эмира. 30 ноября я имѣлъ аудіенцію у эмира въ томъ самомъ знаменитомъ Акъ-Сараѣ, гдѣ Тамерланъ, посреди пировъ и оргій отдыхалъ отъ своихъ кровавыхъ походовъ. Надо отдать справедливость изящному вкусу кровожаднаго завоевателя. Двѣ башни, оставшіяся отъ дворца удивившими отъ разрушительнаго дѣйствія времени, поражаютъ глазъ стройностью формъ чистаго арабскаго стила и изяществомъ изразцовой орнаментовки. Высота башенъ до 20 сажень. Верхи ихъ, а равно и промежуточная между башнями часть, совершенно разрушены. Эмиръ принялъ меня въ обширной, но очень просто обставленной залѣ. Съ полчаса я бесѣдовалъ съ нимъ. Во время разговора очень оживленнаго я узналъ

что перевалы Гинду-куша еще не покрыты снѣгомъ (что эмиръ узналъ отъ только-что пришедшаго изъ Афганистана торчаваго каравана). На мое опасеніе благополучно доѣхать до Кабула вслѣдствіе поздняго времени, эмиръ отвѣтилъ что „*шишаалахъ*“ (дасть Богъ) благополучно достигнете цѣли путешествія. При этомъ онъ прибавилъ что по примѣтамъ туземныхъ стариковъ погода должна быть хороша еще болѣе или мѣнѣе долгое время. Затѣмъ эмиръ разказалъ мнѣ о своей болѣзни и просилъ совѣта. Возвратясь домой, я тотчасъ же послалъ необходимыя для него вѣчебныя средства. Отъ имени эмира я получилъ приглашеніе погостить въ Шааръ нѣсколько дней. Но я, поблагодаривъ за любезное предложеніе, отказался отъ дальнѣйшаго пребыванія. Дѣйствительно, надо было слѣзнуть чтобы воспользоваться ясною и необычайно теплою погодой. 1 декабря я выѣхалъ изъ Шаара.

На переходъ отъ Шаара до Аму-Дарьи я употребилъ шесть дней, сдѣлавъ около 300 верстъ горнаго, мѣстами очень труднаго пути. Я направился на Яръ-Тюбе, Кольта-Минаръ, Кара-Ховаалъ и вышелъ чрезъ уже извѣстныя намъ „железныя ворота“ на Ширабадъ.

Въ Караховаалѣ отъ мѣстаго *акъ-сакала* (старшины) я узналъ что наканунѣ по другой дорогѣ идущей западнѣе (на Чешма и Хафизаалъ) прошло много Русскихъ. Въ числѣ ихъ было 4 *тюрей*, то-есть господъ, нѣсколько казаковъ и много туземной прислуги. Они проѣзжали изъ Ширабада въ Самаркандъ, на Гузаръ и Шааръ. Доставившій мнѣ эти свѣдѣнія *акъ-сакалъ* называлъ Русскихъ „Эльчи“, то-есть посольство, и говорилъ что ѣдетъ изъ Кабула. Помянутое какое любопытство они возбудили во мнѣ. Я могъ догадываться что это былъ полковникъ Матвѣевъ, возвращавшійся изъ своей ученой экскурсіи въ Кулябъ и Бадахшанъ предпріятой имъ въ сентябрѣ 1878 года. Но я зналъ что полковникъ Матвѣевъ предъ отъѣздомъ изъ Ташкента имѣлъ твердое намѣреніе провизитовать въ Кафиристанъ, а для этого нужно было употребить гораздо больше времени чѣмъ сколько прошло до настоящаго дня. Кромѣ того, *акъ-сакалъ* уломывалъ о четырехъ путешественникахъ, а съ полковникомъ Матвѣевымъ было только двое, г. Шварцъ (астрономъ) и подпоручикъ Троицкій: предполагать что къ нимъ могъ присоединиться въ Мазари-Шерифѣ полковникъ

Гродековъ я не могъ; ибо еще въ Ташкентѣ въ началѣ ноября были получены отъ полковника Гродекова извѣстія уже изъ Меймене. Оставалось еще одно предположеніе что это была русская миссія возвращающаяся изъ Кабула, но она не имѣла разрѣшенія на это. По моей просьбѣ мѣстный актъ-сакалъ сдѣлалъ вызовъ туземцевъ-охотниковъ, не желаетъ ли кто изъ нихъ отправиться въ Гузаръ, передать мою записку неизвѣстнымъ Русскимъ и привести мнѣ отъ нихъ отвѣтъ. Хотя до Гузара отъ Кара - Ховала едва ли не болѣе шестьдесяти верстъ въ одинъ конецъ (туземцы говорятъ 8 *таши*, а въ *таши* около восьми верстъ), тѣмъ не менѣе одинъ джигитъ взялся отвезти мое письмо и доставить мнѣ отвѣтъ чрезъ 14 часовъ времени. Повѣряю что за аккуратно исполненное порученіе я общалъ ему хорошее вознагражденіе.

На слѣдующій день утромъ актъ-сакалъ доставилъ мнѣ списокъ проѣзжавшихъ лицъ. Списокъ этотъ онъ досталъ отъ актъ-сакала селенія Чешка и Хафизавъ къ которому онъ посылалъ нарочнаго. Оказалось что это дѣйствительно былъ полковникъ Матвѣевъ со своими двумя слугами и казачьимъ конвоемъ. Къ назначенному времени посланецъ мой не возвратился, и я не дождавшись его отправился въ дальнѣйшій путь. Тѣмъ не менѣе я просилъ актъ-сакала направить посланца, когда онъ возвратится, на назначенную мною станцію Шурабъ, гдѣ я рѣшилъ ночевать. Только на слѣдующее утро пріѣхалъ мой джигитъ и привезъ отвѣтъ полковника Матвѣева. На мой вопросъ: каково состояніе дорогъ въ Афганистанѣ, а также относительно новѣйшихъ политическихъ событій, я не получалъ отъ полковника Матвѣева никакого отвѣта, такъ какъ въ Кабулѣ онъ не былъ, а Афганскимъ Туркестаномъ проѣхалъ очень быстро. Впрочемъ онъ уведомлялъ меня что афганская администрація не измѣнила своихъ дружескихъ отношеній къ Русскимъ, хотя по обыкновенію и окружаетъ тройнымъ конвоемъ всякаго Русскаго „подъ условіемъ его безопасности, на самомъ же дѣлѣ для того чтобъ изолировать отъ туземнаго населенія, ненависть котораго къ афганскому режиму не составляетъ ни для кого тайны, тѣмъ менѣе для самой афганской администраціи“. Относительно дорогъ по бухарскимъ владѣніямъ полковникъ сообщалъ гдѣ онъ хороши, гдѣ плохи, каменисты и опасны, что было мнѣ однако уже извѣстно изъ предыдущей

лояздки. Посланецъ былъ награжденъ мною халатомъ, составляющимъ для туземца самый почетный подарокъ. Кромѣ того я вознаградила его и деньгами.

Изъ Ширабада я направился не на Чушка-Гюзаръ, на который свидѣвала миссія дѣткомъ, но на Потта-Гюзаръ, среднюю переправу изъ трехъ, которая расположена въ ближайшихъ меридіанахъ къ Ширабаду. Путь этотъ, длиною около пятидесяти верстъ, много удобнѣе предыдущаго; чуть не половину разстоянія дорога идетъ почти параллельно рѣкѣ Ширабадъ-Дарья, по мѣстности почти сплошь воздѣланной. Только ближайшія къ Аму-Дарьѣ латнадцать верстъ пути пролегаютъ по сылучимъ пескамъ, невысокіе барханы которыхъ увѣчаны тощимъ саксаульникомъ. Впрочемъ песокъ не глубокъ и дорога вскользко не затруднительна. У переправы Аму представляетъ красивое русло въ 400—500 саж. ширины. Здѣсь вѣтъ тѣхъ низменныхъ острововъ и отмелей какъ у Чушка-Гюзара. За то и глубина здѣсь очень значительна. На самомъ берегу разбитъ малелькій кшлакъ заселенный Туркменами рода Герзари. Здѣсь я перемочевалъ, и на утро, т. е. 8 декабря, переправился на другой берегъ и во второй разъ ступилъ на афганскую землю. Въ этотъ день въ 7 часовъ утра морозъ доходилъ до 7,5° Ц. Берега рѣки и заводи были покрыты тонкимъ слоемъ льда. Несмотря на это, при переправѣ, туземцы, какъ ни въ чемъ не бывало, бродили по водѣ босыми ногами. Одинъ изъ нагруженныхъ камковъ сплыло осѣлъ на дно у мажководнаго берега, и лодчишки съ полчаса работали около него стоя по колѣно въ водѣ.

(До слѣд. №.)

И. ЯВОРСКИЙ.

ВЪ ЗАХОЛУСТЫИ

Стояло утро съ тѣмъ неопредѣленнымъ грязнымъ цвѣтомъ на всемъ окружающемъ, какой бываетъ когда наша русская осень, вступивъ въ свои права, безформенными сѣрыми облаками скрываетъ солнце, мороситъ докучливымъ холоднымъ дождемъ и растворяетъ нашъ благодатный жирный черноземъ въ липкій невылазный кисель.

Я медленно подъѣзжалъ на ямскихъ лошадяхъ въ тарантасъ къ одной изъ волостей, гдѣ у меня какъ мѣстнаго мирового судьи были назначены разборы и осмотръ на мѣстѣ однодворческаго лѣса.

Ямщикъ, мужикъ изъ ближняго съ нами села, Прохоръ или Прохоръ, какъ всѣ его зовутъ, невозмутимо сидѣлъ на облучкѣ въ своей сермягѣ, издающей особый запахъ, глубоко нахлобучивъ на затылокъ картузь, и съ необыкновеннымъ спокойствіемъ объѣзжалъ каждую лужу, вытягивалъ шагомъ всякій изволокъ и все раскуривалъ трубочку постоянно у него потухавшую.

Наконецъ предъ нами по скату горы раскинулось громадное однодворческое село Уклады съ двумя церквами, съ крестьянскими усадьбами, токувшими въ гумнахъ заставленных ометами соломы и обсаженныхъ ветлами и лозинами.

— Ишь мужиковъ-то сколько набралось, и все больше у кабака, указывая кнутомъ на выгонъ съ тодлившимися

кучками народа около кабака и волости, обратился ко мнѣ Прохоръ своимъ наставительнымъ тономъ и по своей привычкѣ ужасно растягивая слова.

— Мужиковъ-то много, а ты потрогивай, отвѣчалъ я, зная докучливую манеру Прохора при первомъ удобномъ случаѣ заговорить сѣдока и воспользовавшись этимъ фхатъ шагомъ.

— Вы говорите, Михаилъ Александровичъ, все скорѣй да скорѣй; посмотрите на колесахъ-то что? своихъ лошадей пожалѣли, не поѣхали, онѣ бы у васъ давно ужъ стали. Господскія лошади это самыя слабыя, а мои хоть и какъ да везуть!

Съ этимъ разсужденіемъ мы подѣхали къ выгону. Прохоръ вдругъ оживился, немилосердно сталъ хлестать лошадей, и съ трескомъ колокольчика и увѣренностью подобающею начальству мы подкатили ко крыльцу волости.

Сквозь народъ пробрался сіяющій привѣтливою улыбкой, весьма любезный и предупредительный старшина Никифоръ Яковлевичъ и объяснилъ мнѣ что народъ для осмотра собрался въ лѣсу.

— Я ужъ всѣхъ согналъ, пояснилъ онъ.

Я пригласилъ старшину съ собою въ тарантасъ; тотъ сѣлъ бочкомъ рядомъ со мной, и мы поѣхали переулками села, подымаясь все въ гору.

Волость въ которой я долженъ былъ производить осмотръ, центръ однодворческаго населенія. Государственные крестьяне и однодворцы носятъ на себѣ совершенно особый тилъ среди населенія нашего уѣзда, состоящаго преимущественно изъ бывшихъ господскихъ. Народъ они всѣ чрезвычайно крутный и особенно между женщинами въ большинствѣ красивый; народъ зажиточный, независимый, страшно дикій и до безумія жадный до земли. Между ними ходятъ постоянно самыя нелѣпыя слухи; пройдетъ слухъ что всѣхъ дѣвокъ будутъ отправлять въ Архангельскъ или на Кубань, потому что тамъ дѣвокъ нѣтъ. и замужъ брать не кого, и начинаютъ однодворцы дѣвокъ вѣнчать безо всякаго разбора, лишь бы обвѣнчать поскорѣе. То пройдетъ слухъ что всѣхъ однодворцевъ въ казаки заберутъ и пошлютъ на войну; однодворцы начинаютъ волноваться и дивятся сами: „и зачѣмъ мы Царю понадобились, какіе мы казаки, срамъ одинъ“. И стоить только посмотреть на бородатаго, нескладнаго однодворца сидящаго верхомъ на цедушномъ мерекѣ своемъ чтобъ убѣдиться что никогда и ни въ какіе казаки ихъ не возьмутъ. То пройдетъ

слухъ что скоро царская межа пойдетъ и будутъ золотыя грамоты за царскою печатью, и царскою межей будутъ нарѣзаться по семи съ половиною десятинь на душу, толкують однодворцы, и нѣкоторые даже начинаютъ свою землю въ аренду отдавать и сокращать хозяйство, продавать лошадей: „царская межа пойдетъ, мнѣ на двѣ души лятнадцать десятинь нарѣжутъ, буду я ее пахать! я ее внаймы отдамъ, не надо мнѣ теперь ни сохи, ни бороны.“ Поговорять, поговорять и сообразать: „какъ же, ребята, намъ на душу по семи съ половиною десятинь нарѣжутъ? Откель ее взять? Сколько жителей въ уѣздѣ? А земли сколько?“ Вычислять, дѣйствительно не выходитъ. „Не выходитъ! на Донское низовье подадутся, тамъ межа пойдетъ.“

— Да, тамъ тоже дураки: нашимъ свою землю нарѣзать будутъ; нѣтъ брать, на Дону своихъ много, вотъ что!

По немвогу слухи начнутъ умолкать.

Государственные крестьяне сошлись на земляхъ государственныхъ часто въ одной окружной межѣ по нѣскольку обществъ, которыя имѣли разныя права на казенныя угодья, какъ напримѣръ право въѣзда въ лѣса и т. л. Отсюда, во первыхъ, явилась чрезполосица во владѣніи земель, во вторыхъ, разные споры обществъ о принадлежности имъ различныхъ угодій. Чтобы регулировать ихъ владѣнія послѣ крестьянской реформы, государственнымъ крестьянамъ соразмѣрно на каждую душу было дано въ общинное владѣніе извѣстное количество земли, на владѣніе которой каждому обществу выдавался особый документъ, именуемый владѣною записью.

Происхожденіе однодворцевъ иное: этимъ государственныя земли жаловались на одно лицо, т.-е. выдавались грамоты. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе дѣлежей наслѣдствъ и отчужденій, владѣнія ихъ стали мельчать, сами они постоянно бѣдѣли и вотъ понемногу слились съ крестьянскимъ сословіемъ. А въ послѣдствіи, чтобы какъ-нибудь уничтожить массу процессовъ изъ-за этой земли и чтобы установить какую-нибудь правильность во владѣніи, однодворцамъ, какъ и государственнымъ крестьянамъ, выдали на ихъ владѣнія владѣнныя записи, а документы всѣ отобрали. Сами себя они называютъ уже теперь то однодворцами, то государственными крестьянами, точно такъ же какъ и государственные крестьяне называютъ себя однодворцами. Всѣ они одинаково

платять подати и повинности, вся разница только въ томъ что одни владѣютъ на основаніи владѣнныхъ записей выданныхъ обществамъ, то-есть какъ обыкновенною душевою землей, а другіе на основаніи владѣнныхъ записей выданныхъ на одно лицо. и послѣднія земли могутъ отчуждаться какъ всѣ земли состоящія въ частной собственности съ весьма только небольшими ограниченіями. Землю свою какъ государственные крестьяне, такъ и однодворцы называютъ четвертною, такъ какъ она давалась имъ еще старинною мѣрой: четвертью, и это названіе особенно осталось за землями однодворческими. Въ тѣхъ селахъ гдѣ есть четвертные земли принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ кишитъ масса всякихъ мѣщанъ и проходивцевъ, которые эти земли скулаютъ, строятъ на усадьбахъ кабаки и занимаются отдачей въ ростъ денегъ мужикамъ.

Дѣло по которому я назначилъ осмотръ уже разбиралось у меня въ камерѣ. Повѣренныя общества деревни Укладовки, составляющей собственно переулочъ села Укладъ, предъявили у меня искъ къ обществу деревни Дубровки о возстановленіи ихъ владѣнія лѣсомъ, нарушаемаго Дубровскими, и за вырубленный лѣсъ просили взыскать 250 руб.

Положенія ихъ лѣса я не зналъ, свидѣтелей они никакихъ не выставили, и рѣшить дѣло было невозможно, почему и былъ назначенъ осмотръ.

Мы проѣхали село и по обѣимъ сторонамъ проселочной дорожки пошелъ лѣсъ, мѣстами довольно крупный осинникъ и дубнякъ, мѣстами въ снѣгу, а гдѣ и вовсе густое, непроходимое мелколѣсье съ разбросанными по немъ, на подобіе маяковъ, высокими тонкими осинами.

— Дѣло, ваше высокородіе, безтолковое, заговорилъ старшина, — и лѣсъ этотъ Укладовскимъ никакъ не принадлежитъ.

Въ это время мы остановились. Толпа мужиковъ зашевелилась въ кустахъ около дороги; всѣ сняли шапки. Я надѣлъ цѣль и подошелъ къ мужикамъ.

— Повѣренныя общества деревни Укладовки! вызвалъ я.

— У насъ все общество пришло, заявилъ мнѣ укладовскій староста.

— Я со всѣмъ обществомъ разомъ говорить не могу, гдѣ повѣренныя?

Вышли два повѣренныя истцовъ деревни Укладовки.

Одинъ лысый и совсѣмъ древній старикъ, другой тоже

весьма пожилой мужикъ съ русою бородой клиномъ, маленькій, худенькій и презадорный.

— Воля ваша: лѣсъ нашъ! отралпортовалъ онъ сразу.

— Повѣренныя общества Дубровки!

Вышли дубровскіе повѣренныя.

— Этоть лѣсъ, ваше высокородіе, всегда нашъ былъ, заявили дубровскіе повѣренныя.

— Искони нашъ, еще прадѣды и ихъ-то дѣды имъ владѣли; они-то вотъ насъ ограбляютъ, заговорили въ толпѣ дубровскіе и всѣ разомъ, поднявъ страшный шумъ.

Я принявъ мѣры къ водворенію тишины. Послѣ долгихъ пререканій и слоровъ выбрали наконецъ постороннихъ свидѣтелей для осмотра, и мы тронулись по сырой травѣ кустарника къ вырубленному лѣсу. Впереди шелъ какой-то староста, отводя мнѣ мокрая вѣтви; за нами двинулась толпа, тяжело ступая громадными сапогами и лаптями и шурша полушубками по кустамъ.

Мужики понемножку начали меня нагонять.

— Лѣсъ здоровенный засѣлъ! заходя мнѣ нѣсколько впередъ и лутаясь ногами по корнямъ и кочкамъ, заговорилъ какой-то словоохотливый мужичонка съ необыкновеннымъ чувствомъ.

— А что лѣсъ этоть Укладовскихъ, это вѣрно, нараспѣвъ говорилъ другой, маленькій, въ отреланомъ сермяжномъ армякѣ и въ столтаныхъ сапогахъ, заходя ко мнѣ съ другой стороны.—Это имъ Дубровскіе между на иное мѣсто перевели, а лѣсъ ихній.

— Не слушайте его, ваше высокородіе, онъ ими подкупленный, вдругъ, необыкновенно громко, грубымъ сильнымъ голосомъ закричалъ большой, лохматый однодворецъ въ совершенно драномъ полушубкѣ. — Укладовскіе около своихъ свидѣтелей трое сутокъ ходили, говорилъ онъ, протискиваясь ко мнѣ и отлихивая въ кустъ говорившаго нараспѣвъ мужичовку.—Поили, поили ихъ: они пьяные всѣ, что хотите покажутъ.

— Ежели я, милый человекъ, выливши, то не на твои деньги, добрые люди поднесли, возразилъ мужичонка,—и я ихъ благодарю; а я его милости господину судѣ мировому докладываю, извините меня, ваше высокородіе, почему что я выливши, а докладаю какъ дѣло есть!

— Вотъ свиньей и вышелъ! вмѣшался повѣренный отвѣтчиковъ деревни Дубровки, благообразный пожилой мужикъ съ

черною окладистою бородой.—Пьяный ты и больше ничего. Да чей онъ лѣсъ-то, приходя въ азартъ началъ кричать онъ,—ты посмотри на Бога-то; я же знаю, кричалъ онъ мужику, подымая вверхъ руку и грозя ему пальцами,—ты за полштофъ три присяги съѣшь. Вотъ что!

— Этотъ лѣсъ, какъ онъ по владѣнной записи значится, такъ онъ и есть, онъ нашъ! кричалъ въ свою очередь прямо мнѣ надъ ухомъ повѣренный Укладовскихъ своимъ рѣзкимъ крикливымъ голосомъ.—Чего Дубровскіе въ чужое вѣдутся! У тебя-то совѣсти вѣтъ, обратился онъ къ высокому мужику:—вотъ мировой судья опредѣлять.

— Ваше высокородіе, господиъ мировой судья, по совѣсти сказать лѣсъ Укладовскихъ, это вѣрно. Надо Бога помнить! олять протиснулся мужичонка, тараща глаза и улыбаясь.

Я обратился къ старшиѣ чтобъ онъ водворилъ лорядокъ и приказалъ замолчать.

— Сотскій! убери Кириляку, я его тогда въ холодную посажу, распорядился старшина.—Ишь вѣдь танеть тебя гдѣ судятся, звали тебя что ли сюда? Жить безъ суда не можеть!

— Никифоръ Яковлевичъ, я нынче судиться пришелъ къ мировому, ей Богу судиться, я сколько разъ у него судился и еще буду судиться. Онъ нашъ первый начальникъ, онъ все шипеть, а ты ему говори! слышу убѣждаетъ Кирилякъ старшину.

— Ты пришелъ судиться, а налопался. Убери, убери его! Мужики утихли.

— Сюда, ваше высокородіе, по этой просьбкѣ, указалъ шедшій около меня староста.—Свиньямъ въ корытѣ носить не умѣемъ, а тоже вашу милость учить. Народъ! замѣтилъ онъ видимо относительно только-что кричавшихъ мужиковъ.

Мы вышли на проську довольно широкую. Направо шелъ безъ конца молодой густой лѣсъ, налево лѣсъ сажень чрезъ пятьдесятъ прекращался и разстиался густой коверъ молодыхъ зеленей подернутыхъ сѣткою заморосившаго дождя.

— Вотъ направо Дубровскихъ лѣсъ, а налево Укладовки и ихъ вонъ зеленя, указалъ старшина.

— Кто этимъ лѣсомъ владѣеть? указалъ я направо.

— Мы, отвѣчали Дубровскіе.

— Это, ваше высокородіе, не межа, это проська, межа вонъ гдѣ пойдетъ, прокричалъ повѣренный Укладовскихъ.

— Гдѣ она пойдетъ? обратился къ Укладовскимъ старшина.—Вы очумѣли совсѣмъ.

— Нѣтъ, Никифоръ Яковлевичъ, вѣрно такъ, это не межа, это просѣка, а межа тамъ.

— Гдѣ тебѣ тамъ?

— А вона кустами идетъ.

— Теперь кустами идетъ! въ отчаяніи произнесъ старшина.

— Какая это межа, это просѣка! кто ее дѣлалъ, почему мы знаемъ, мы при томъ не были.

— Фу ты проласть, какъ же не были, а съ землемѣромъ кто же ходилъ? горячился старшина.

— Я-съ съ землемѣромъ-то небось ходилъ, кричалъ изъ толпы размахивая руками высокій, сѣдой, съ невыбритымъ лицомъ въ солдатской шинели съ медалью, старикъ.—Прямо какъ отмежевывали, штралябъ ставили, вонъ у той осины, тамъ и яма по сіе время. Чего вы лонапрасну орете-то! хралунцы, оборотъ на васъ надѣты! заключилъ онъ.

— Воля ваша, кустами идетъ межа, не здѣсь она.

— Коли они говорятъ кустами идетъ, пойдемте дальше, сказалъ я.

Мы двинулись. Пошла страшная густота. Народъ, валя толпой, ломалъ съ трескомъ непроходимые кусты.

— Ишь Укладовскіе-то словно боровья ломаютъ, смѣялись мужики.

— Адь межу нашли, что оставовились?

— Вотъ межа лошаа, вотъ она, закричалъ повѣренный.

— Вотъ она и есть, это и есть наша старая межа.

— Здѣсь и яма межевая; ишь вѣдь Дубровскіе куда заѣхали, кричали Укладовскіе.

Никакой межи не было; было что-то въ родѣ не то очень старинной, теперь брошенной просѣки, не то лѣсной дорожки и скорѣе дорожки, потому что шла она страшными извилинами и именно такъ какъ никогда не ходятъ межи.

— Какая это межа, вовсе и на межу не похоже, замѣтилъ я.

Послышался смѣхъ.

— То-то Укладовскіе на межѣ-то не свѣчены, такъ и забыли ее, сострилъ кто-то.

— Коли хотите ищите сами яму, а по моему ея быть тутъ не можетъ, сказалъ я и свѣлъ на левекъ.

Укладовскіе и Дубровскіе пошли отыскивать межу и межевую яму.

Старшина и посторонній староста остались со мною; вѣкторые посторонніе зрители, любители всякихъ судовъ и

осмотровъ, разсѣлись по близости въ кустахъ: вдали по кустамъ раздавались крики спорившихъ мужиковъ.

— Малое укладское общество страшные кляузники, заговорилъ старшина, стоя около меня и заложивъ руки назадъ.— Вклепались въ чужой лѣсъ; а вы съ ними поостроже, Михаилъ Александровичъ, а то до грѣха не долго. У насъ года два въ такомъ-то лѣсу чуть до смерти не перебились, цѣлый день и всю ночь дрались.

— Помните, Никифоръ Яковлевичъ, обратился изъ кучки къ старшинѣ какой-то малый,—я сотскимъ былъ, вы еще меня съ собой брали; жуть беретъ къ лѣсу подойти; а ужъ что, братцы мои, тамъ было, обратился онъ къ сидѣвшимъ,—захватили слеги да слегами! Страсть! По лѣсу-то стовъ стоитъ!

— Тамъ народъ такой. Эти Дубовецкіе ни одного локоса не подбьютъ чтобы драки не было, замѣтилъ другой, лежа ничкомъ на травѣ и оциливая листья съ дубоваго кустика.— А ужъ какъ до лѣса дойдетъ, ну шабашъ, пропадай!

— Вы знаете, Михаилъ Александровичъ, Дубовецкаго Федора, засмѣялся староста,—съ тещей еще у насъ судился, хромою, это ему тогда изъ-за лѣса ногу-то перешибали.

— Дубовецкіе-то изъ-за этого лѣса и судиться пробовали, аблоката нанимали, продолжалъ лежавшій:—тотъ не то что въ окружной судъ ходилъ, а и въ палату подавалъ, губернатору прошеніе писалъ, въ губернію ѣздилъ. Однако дѣло ихъ не выгорѣло, а разорились изъ-за этого лѣса совсѣмъ. Сколько онъ у нихъ денегъ перебралъ, что они съ нимъ вина перепили! какъ будто даже завидуя такому благополучію говорилъ мужикъ.—Соберетъ это ихъ, начнетъ законы читать, и всѣ, говорить, законы показываютъ: вашъ лѣсъ.

— Какой адвокатъ-то у нихъ былъ? спросилъ я.

— А Насадовскій Стратонка.

Я знаю этого Насадовскаго Стратонку, котораго мужики впрочемъ называютъ такъ за глаза, а то зовутъ Стратономъ Ермолаевымъ или Ермолаевичемъ. Мужикъ онъ лѣтъ 30, приземистый, широкій, съ черными какъ смола усами и черною рѣденькою бородкой, со лбомъ широкимъ и выразительнымъ, и изъ-подъ лба свѣтятся маленькіе черные глазки. Лицо у него рабоватое, но открытое и добродушное. Малый безъ сомнѣнія преслособный. Выучился грамотѣ и дѣйствительно изучилъ законы, когда года три велъ какое-то дѣло объ однодворческой общевладѣльческой мельницѣ, въ которой былъ самъ

участникомъ. Въ это время онъ устраивалъ нѣчто въ родѣ лубличныхъ лекцій по гражданскому праву и читалъ судебные уставы и десятый томъ мужикамъ. Дѣло на счастье выигралъ, и выигралъ такъ что получилъ всю мельницу одинъ, и чрезъ это внушилъ мужикамъ къ себѣ довѣріе страшное. „Стратонка, говорятъ они про него съ улыбкой, этотъ до шлента дѣло знаетъ“.

Правда что онъ до „шлента“ все узналъ, получилъ къ юриспруденціи привязанность страстную, но и спился совершенно, домъ свой и хозяйство забросилъ, свои 25 десятинъ четвертной земли сдаетъ въ аренду и цѣлый день сидитъ въ кабацкѣ. За то какъ только поднимется безтолковое мужицкое дѣло, особенно о четвертной землѣ, объ однодворческомъ лѣсѣ, Стратонка начинаетъ дѣйствовать: лишаетъ прошенія, заставляетъ давать себѣ какія-то довѣренности, исчезаетъ изъ околотка и бѣгать въ городъ за 50 верстъ въ своемъ страшно затасканномъ полушубкѣ, котораго онъ, къ слову сказать, не снимаетъ ни зимой, ни лѣтомъ и только въ самые лютые жары надѣваетъ какую-то страшно драную коричневую поддевку. Словомъ, дѣйствуетъ и ужъ тутъ льетъ безъ просылу.

— Да, Дубовецкіе, поल्याнствовали они со Стратонкой.

— А его точно били?

— Мало ли его били; его вотъ гдѣ чесали здорово, Никифоръ Яковлевичъ, знаете въ полѣскомъ: тамъ народъ озорной! Онъ ихъ рублей на триста взгрѣлъ! Они его и приняли. Послѣ того на мертвой постели недѣли двѣ лежалъ, однако отдыхалъ.

— Онъ здоровъ, замѣтилъ старшина,—что ему сдѣлается?

— А ужъ попадется вашъ Стратонка, сидѣть ему въ острогѣ.

— Михаилъ Александровичъ, какъ бы такъ-то по вашимъ словамъ, вставая произнесъ лежавшій мужикъ.—Этого всѣ ждутъ не дождутся, да нѣтъ: онъ не попадется. У него свой законъ есть. Онъ говоритъ, всегда оправдаюсь! У него въ избѣ сейчасъ цѣлый уголъ книгъ навалець. Вѣдь самъ хвалится: нѣтъ никого, говорить, кого бы я не надулъ!

Крикъ и шумъ сталъ опять приближаться; изъ-за поворота дорожки оказались мужики, впереди шель повѣренный Укладовскихъ.

— Тебѣ довѣрія на судѣ никакого не дадутъ, ты противъ насъ свидѣтелемъ быть не можешь, потому ты человекъ совсѣмъ подозрительный, кричалъ ужъ онъ на кого-то.

— Нѣтъ тамъ ничего, и межевой ямы никакой нѣтъ, обратился ко мнѣ повѣренные Дубровскихъ и полатые.

— Она стало заросла, вотъ что! кричалъ повѣренный.

— Это вѣрно, это Дубровскіе засыпали, замѣчали убѣжденно Укладовскіе.

Я ужь не сталъ ничего говорить, зная по опыту что ужь если мужики въ чемъ упрутся, что дальше, то будетъ вранья всякаго больше, и молча повернулъ на проську.

— Страмники, что вы, какъ лѣшіе, мирового-то и мужиковъ по лѣсу водите! говорили въ полголоса сзади немного поутихнувшимъ Укладовскимъ.

Опять пришли на проську. Я вызвалъ повѣренныхъ и понятыхъ и началъ допросъ.

— Кто владѣлъ вотъ этимъ лѣсомъ? спросилъ я, указывая на лѣсъ тянувшійся направо и означенный на планѣ во владѣніи Дубровскихъ.

— Этимъ лѣсомъ извѣстно Дубровскіе владѣли всегда; вотъ межа-то, отвѣчали понятые.

— У насъ, ваше высокородіе, Укладовскіе владѣльцами никогда не были, это долрежь того было, замѣтилъ старикъ изъ Дубровскихъ.

— Когда долрежь-то?

— А до исправленія владѣнныхъ записей, вотъ когда они владѣли, подтвердилъ старикъ.

— До исправленія владѣли и теперь владеютъ, кричалъ повѣренный Укладовскихъ.

— А съ чего вы не рубили его въ прошлый разъ?

— Тогда упустили, а теперь рубить будемъ, онъ нашъ.

— Вы извольте владѣнную, ваше высокородіе, посмотреть, кричалъ повѣренный Укладовскихъ, — тамъ все прописано!

Тутъ ужь дѣло началось другое: Укладовскіе поняли что межа тамъ гдѣ проська и что никакой межи Дубровскіе не переводили, и уже стали подаваться на то что лѣсъ этотъ въ общемъ владѣніи у нихъ, Укладовскихъ съ Дубровскими.

— Если вы владѣли до исправленія владѣнныхъ записей, то теперь и не владѣльцы, именно потому что владѣніа исправлены.

— Вы владѣнную извольте посмотрѣть! кричалъ Укладовскій повѣренный и все совалъ мнѣ въ руку владѣнную запись.

Я взялъ владѣнную Укладовскихъ и началъ читать. Въ ней опредѣляется лѣсное владѣніе Укладовскихъ въ урочищѣ Холствѣ.

— Гдѣ урочище Холствѣ?

— Вотъ оно, сказалъ повѣренный Укладовскихъ, какъ бы съ сомнѣніемъ и неувѣренностью указывая наѣво.

Даже всѣ обрадовались такому признанію Укладовскихъ.

— Вотъ видите, зашумѣли всѣ Дубровскіе,—а наше вотъ владѣніе называется Синяя Дубрава, у насъ и во владѣнной такъ прописано! Путаются, сами не знаютъ чего.

— Извольте владѣнную! сказалъ повѣренный Дубровскихъ, вытаскивая изъ холщоваго мѣшка на поясѣ владѣнную записку.

Никакого сомнѣнія не оставалось что срубленный лѣсъ дѣйствительно принадлежалъ Дубровскимъ.

— А вы, ваше высокородіе, посмотрите-ка во владѣнной нашей, опять закричалъ повѣренный Укладовскихъ,—тамъ сказано что лѣсъ нашъ! Метайте листы-то направо, тамъ ядерныя такія буквы, въ нихъ сказано что намъ и ягоды рвать, траву косить и сунъ подбирать и все въ ихъ лѣсахъ.

— И все въ ихъ Дубровскихъ лѣсахъ, это вѣрно! подтвердилъ древній старикъ повѣренный.

Я просмотрѣлъ „ядерныя буквы“, но въ нихъ говорилось объ общевладѣльческомъ лѣсѣ Укладовскихъ съ казной, въ которомъ они дѣйствительно имѣли право подбирать сунъ и т. д. Но это былъ совсѣмъ другой лѣсъ.

— Вотъ вишь какъ сказано, а они сейчасъ въ нашъ лѣсъ лѣзть!

— Такъ вамъ въ чужихъ лѣсахъ всѣмъ и владать, вишь ты ловкіе!

Я объяснилъ что если хотятъ Укладовскіе искать лѣсъ, то могутъ идти въ окружной судъ, а возстановлять владѣнія, которыми они не владѣли, нельзя.

— Мы владѣли, зашумѣли опять Укладовскіе,—да у насъ чиновникъ прѣзжалъ, документы отобралъ, они въ Петербургѣ теперь, такъ ихъ оттуда истребовать надо!

— Чтò намъ въ окружной ходить, мы до Петербурга, вотъ чтò!

Я объявилъ осмотръ конченнымъ и приказалъ идти всѣмъ въ волость. Сзади продолжалась брань.

— Да что ты въ чужой закрошь-то лѣзешь, есть свои лѣса!

— Мы, Укладовскіе, не хотѣли тогда лосвицки поступать, господина начальника судью обезпokoить, рубить остановились, а то знаешь такую дорогу отъ лѣса укажемъ что и своего не найдемъ.

— А какъ ты можешь такъ поступать, кричалъ повѣренный Укладовскихъ,—да земля-то чья?

— Чья?

— Царева земля, кому захочетъ тому и отдастъ!

Только-что я съѣлъ въ тарантасъ, ко мнѣ подошелъ молодой малый съ тупымъ и весьма глуповатымъ лицомъ, хотя съ правильными чертами.

— Ваше высокородіе, со мной жена не живетъ, прикажите жить!

— Какъ же я прикажу жить? Она должна жить, но не съ урядникомъ же вести ее?

— Воля ваша, прикажите жить!

Я приказалъ придти ко мнѣ послѣ разборовъ.

У волости насъ встрѣтили мужики уже совсѣмъ собравшіеся для суда. Тутъ были бабы и даже ребятишки. Опять вертѣлся Кирилякъ еще не посаженный въ холодную.

— Ходи, ходи, а ужъ сегодня сидѣть тебѣ, обратился старшина къ Кириляку.

— Что жь, Никифоръ Яковаевичъ, Богъ вамъ простить, отвѣтилъ Кирилякъ съ чувствомъ и покорно,—тѣсните выменя.

— Чего Богъ простить! клаузничаешь, да льянствуешь, ишь ты вѣдь несчастный какой!

— Ваше высокородіе, вы мое дѣло разбирать будете? подошелъ ко мнѣ Кирилякъ.

— Коли назначено, такъ, буду.

— Какъ же, намъ назначено. Я у вашей милости былъ, вы сказали что въ волости назначите, приставалъ Кирилякъ.

— Повѣстки тебѣ были?

— Какъ же, получилъ, и мой отвѣтчикъ тоже получилъ.

— А получили, нечего съ глупостями лѣзть.

— Какъ же, олять съ чувствомъ отвѣчалъ Кирилякъ,—не лѣзть: вѣдь телерь ужъ одна защита отъ вашей милости мнѣ, ужъ очень меня тѣснять!

Я вспомнилъ его, Кирилла Михортова, онъ весьма часто судился и всегда по страшнымъ лустякамъ.

— Ему какъ-то говорятъ мужики, замѣтилъ старшина,—что на него вамъ жаловаться будутъ, а онъ имъ сказалъ: „я мирового не боюсь; онъ мнѣ самъ прошеніе лишетъ; онъ, говорить, страсть меня любить. Вѣдь вретъ-то что!

Въ первой комнатѣ волости среди стоявшихъ мужиковъ встрѣтился олять знакомый человѣкъ, Стратонка.

Тотъ стоялъ въ своемъ замасленномъ полшубкѣ и, разводя своимъ грязнымъ пальцемъ по заскорузлой ладони, объяснялъ что-то двумъ мужикамъ слушавшимъ его съ полнымъ вниманіемъ, но по ихъ уже черезчуръ сосредоточеннымъ и напряженнымъ лицамъ было замѣтно что они вичего не понимали изъ того что тотъ говорилъ имъ, а только наслаждались его ученостью и краснорѣчіемъ.

— Мировой идетъ, сказалъ кто-то. Стратонка далъ дорогу и сталъ руки по швамъ.

— И у тебя сегодня дѣло? обратился я, проходя мимо Стратонки.

— По вашей милости, ваше высокородіе соскучился, отвѣчалъ этотъ съ любезною улыбкой,—пришелъ на васъ посмотрѣть.

— Нуженъ онъ очень, баринъ радъ небось что не видалъ давно, улыбнулся мнѣ знакомый укладовскій мужикъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ разбора было опять дѣло о нарушеніи владѣнія четвертою землей.

На мой вызовъ въ комнату присутствія вошелъ въ синемъ кафтанѣ полный, съ просьбою, очень приличный на видъ мѣщанинъ и за нимъ старикъ, старикъ мужикъ съ сѣдою бородой, висящею путаными прядями и совершенно лысый.

Я прочелъ прошеніе, въ которомъ мѣщанинъ объяснялъ что старикъ нарушаетъ его владѣніе землей. Я предложилъ мѣщанину, не желаетъ ли онъ объяснить еще что-нибудь.

— Изволите ли видѣть, ваше высокородіе, заговорилъ онъ жалостливымъ голосомъ:—землю эту шесть десятинъ я съ торговъ купилъ, на что и документы имѣю, и меня во владѣніе господинъ судебный приставъ ввелъ этою землей, а вотъ онъ, этотъ старикъ, ни лахать, ни сѣять мнѣ не позволяетъ, говорилъ онъ, играя пальцами сложенныхъ рукъ на животѣ.

— Старикъ, зачѣмъ ты владѣніе нарушаешь?

Старикъ молчалъ.

— Онъ глухой, вы ему громче, замѣтилъ сидѣвшій у другаго стола водостной писарь.

Я повторилъ вопросъ громче. Старикъ заметался на мѣстѣ.

— Зачѣмъ нарушаю! силнымъ старческимъ голосомъ, шамкая и стараясь громче, какъ всѣ глухіе, заговорилъ старикъ.— Она моя!

— Почему жь она твоя?

— Ась?

— Почему твоя?

— Еще двѣдушка владалъ!

— У тебя какаа, земля-то?

— Земля-то? Черноземъ!

— Я знаю что черноземная, да душевая или собственная?

— Четвертая! однодворческая, батюшка, однодворческая, однодворецъ я.

— Дѣти-то у тебя есть?

— Нѣ, я бобыль!

— Неужели землю-то самъ лашешь?

— Древень сталъ, ужь два года не лашу, питомецъ есть, питомецъ лашеть.

— Владѣнная запись-то есть?

— Есть, батюшка мой, есть! и онъ сталъ доставать свою владѣнную запись изъ сапога.

— Ты откуда?

— Изъ села изъ Укладъ!

— Есть свидѣтели которые бы сказали что ты эту землю всегда владѣлъ?

— Нѣту! какіе свидѣтели! всѣ знаютъ что я владаю.

— Какую же вы землю покулали?

— Не могу знать, только что я на торгахъ купилъ и приставъ меня эту землю ввелъ.

Я вызвалъ нѣсколько человекъ Укладовскихъ, которые мнѣ пояснили что дѣйствительно старикъ эту землю всегда владѣлъ.

— Ты, старикъ, изъ-за этой земли судился когда-нибудь?

— Нѣ, въ первой такой грѣхъ.

— Какой же землей вводили васъ во владѣніе?

— Не могу знать-съ!

— Тамъ земли этой нѣтъ, говорилъ мужикъ Укладовскій, — сейчасъ этого старика земля подъ нашу общественскую подходить, а больше земли тамъ нѣтъ!

— Кто е знаетъ, какою его землей вводили, у насъ не въ первой это.

Я отказалъ мѣщанину въ просьбѣ о возстановленіи его владѣнія, такъ какъ онъ землею этой не владѣлъ, и объяснилъ ему что можетъ отыскивать ее въ окружномъ судѣ. Конечно ея не найдуть: ея въ натурѣ по всей вѣроятности нѣтъ, а числится только по документамъ и такіе случаи редкость съ однодворческими землями.

— Н-да, дѣдушка, земля за тобой осталась! сказалъ старику какой-то мужикъ.

Старикъ повернулся и молча пошелъ изъ комнаты присутствія.

— У меня еще дѣло есть, заявилъ мѣщанинъ:—по распискѣ взысканіе.

Ко столу подошла высокая, стройная и очень плотная однодворка съ красивымъ лицомъ и большими черными глазами, хотя съ чертами лица нѣсколько грубыми. Одѣта она была по-мужицки, какъ всѣ онѣ ходятъ зимою и осенью: въ сапогахъ, въ полупубкѣ подпоясанномъ кушакомъ, и только по цвѣтному платку на головѣ можно было догадаться что это баба.

— Ты расписку давала?

— Точно такъ я, ваше высокородное благородіе.

Расписка была писана на 400 рублей.

— Гдѣ ты живешь?

— Съ мужемъ, а то гдѣ же?

— Мужъ-то твой чѣмъ занимается?

— Мужикъ, землю пашеть!

Оказалось, мужъ ея простой временно-обязанный изъ другой волости и видимое дѣло что никогда мѣщанинъ этой суммы ей не давалъ, да баба не знала бы куда и дѣвать ее.

— У тебя четвертной земли нѣтъ?

— Есть, какъ же, пять десятинъ.

Видимо эта расписка дана чтобы произвести передачу земли мѣщанину, такъ какъ продажи этихъ земель дѣлаются не иначе какъ съ удостовѣренія непремѣннаго члена присутствія, которые всячески стараются не выдавать свидѣтельствъ чтобы сколько-нибудь удержать переходъ однодворческихъ земель отъ крестьянъ къ разночинцамъ: съ одной стороны онъ разоряетъ крестьянъ, съ другой, какъ клоповъ, разводитъ по селамъ всякихъ проходимцевъ.

— Ваше высокородіе, вѣдь она нашу землю чрезъ расписку-то продаетъ! вдругъ и неожиданно проговорили два мужика вошедшіе въ комнату.

— Какъ вашу?

— Это земля дѣдова была, а записана за ея отцомъ, а нашъ въ владѣнной пролуценъ, вотъ что!

— Сколько времени жили, ничего не было, а теперь ее, небось, Стратонка научила, это онъ! проговорилъ другой.

— Чего тутъ что мы во владѣнной пропущены, ея владали, вы посмотрите у насъ приговоръ общественскій!

Я просмотрѣлъ документы. Оказалось что дѣйствительно это земля была записана за однимъ только отцомъ бабы, двоюродной сестры мужиковъ, а ихъ отецъ во владѣнной не значился. Приговоръ общества объяснялъ что эти мужики землей владѣютъ по наслѣдству отъ дѣда и что они исправные плательщики и добросовѣстнаго поведенія мужики и что общество другихъ владѣльцевъ на эту землю имѣть не желаетъ. Но увы! этотъ приговоръ показывалъ только наивность крестьянскаго общества, которое вообще никакъ не можетъ вполне отвлечься отъ общиннаго владѣнія землей и признать что четвертая земля основана на другихъ началахъ. Ходъ же дѣла простой. Мѣщанинъ за какія-нибудь полтораста рублей (конечно не за четыреста) получить исполнительный листъ на 400 рублей и оставить за собой пять десятинъ земли (конкурировать на торгахъ съ нимъ будетъ трудно), пять десятинъ, которой баба никогда не владѣла и изъ которой развѣ половина должна принадлежать ей, а братья останутся безъ земли. Но какъ могло это произойти? Произошло это просто по недоразумѣнью исправлявшихъ и выдававшихъ владѣнныя записи. Крестьяне, не понимая всего значенія владѣнныхъ записей, не являлись на сельскіе сходы всѣ поголовно, а только старшіе изъ семьи. И вотъ выходило такъ: въ семьѣ старикъ отецъ, два брата Петръ и Иванъ. На сходѣ за старостью лѣтъ отца ходитъ старшій братъ Петръ, пошелъ онъ и владѣнную исправлять. За нимъ и записали, то-есть какъ за хозяиномъ земли всю землю принадлежащую отцу его. Предъявляютъ сходѣ владѣнную запись: такъ молъ? да такъ, это вѣрно, Петрухина она, то-есть въ смыслѣ того что Петруха старшій братъ въ нераздѣльной семьѣ, слѣдовательно Петруха ея хозяинъ и членъ схода. Нѣкоторые отдѣлялись счастливо безъ процессовъ и владѣютъ ею спокойно, а нѣкоторыхъ повело это къ совершенному разоренію.

— Мы ужъ вамъ прошеніе подавать будемъ, заявили мужики.

— Нѣтъ, ребята, это въ окружной судъ.

Мужики что-то лостояли, потолклись, поехали и вышли изъ волости.

— Ваше высокородіе, что же меня-то разбирать будете? явился предо мною олять Кирилякъ. — Вы можетъ-быть забыли обо мнѣ.

Я сдѣлалъ выговоръ Кириляку и сказалъ что дѣла идутъ по очереди и если еще онъ будетъ приставать, то я его оштрафую.

Кирилякъ отошелъ отъ стола.

Около волости поднялся шумъ.

— Изъ лѣсу воротились, говорили мужики.

Я приказалъ стоявшему тутъ сотскому позвать повѣренныхъ и понятыхъ. Тѣ вошли въ присутствіе видимо взволнованные и сильно разгоряченные споромъ и ходьбой.

Стали составлять протоколъ что Дубровскіе порубку производятъ въ той части лѣса которая въ ихъ межѣ, что Дубровскіе всегда владѣли лѣсомъ, Укладовскіе же владѣльцами не были.

Я прочелъ резолюцію объ отказѣ въ просьбѣ Укладовскимъ.

— Стало мы вашимъ судомъ недовольны, копию пожалуйте, заявилъ укладовскій повѣренный.

— Теперь, ваше высокородіе, мы лѣсъ будемъ рубить, обратился ко мнѣ дубровскій повѣренный,—а чтобъ они ужь до нашего лѣса не касались.

— А вотъ до лѣса не касаться, такъ чтобъ и они къ намъ на живья табуна не гоняли, а то лошадей всѣхъ поберемъ, всѣхъ до единой! закричалъ повѣренный Укладовскихъ, махая шапкой и скрываясь изъ присутствія въ толпу мужиковъ въ другой комнатѣ.

— Полно орать-то, уходите вонъ, надоѣли! говорилъ кто-то въ толпѣ.

Въ комнату вошли два мужика и стали, по одну сторону истцы, по другую молодой малый отвѣтчикъ. Истцы, одинъ маленькаго роста, худенькій пожилой мужикъ, съ совершенно черными, тонкими и вьющимися волосами и страшно густыми, какъ шапка, съ маленькою черненькою бородкой, такими же усами и необыкновенно черными бровями дугой, точь въ точь какъ гримируютъ статистовъ въ средневѣковыхъ лѣсахъ. Другой напротивъ крупный одноворецъ. Они просили обязать отвѣтчика выдать иструбъ проданный имъ за 110 рублей.

— Отецъ у тебя живъ? обратился я къ отвѣтчику.

— Живъ!

— Почему же вы съ отца не просите? вѣдь у него покупали.

— Отецъ не отстуется и сейчасъ, отвѣтилъ черный, осматривая потолокъ.—А это вотъ онъ, указалъ онъ на сына.

— Отецъ ни Боже мой! замѣтилъ высокій.

— Что жь мнѣ дѣлать, коль я иструбъ отдалъ, возразилъ отвѣтчикъ,—а жить гдѣ? Зима-то на дворѣ.

— Отецъ-то деньги получилъ?

— Ваше высокородіе, отецъ все продаетъ, точно бѣлены объѣлся! Хоть бы ваша милость вы заступились. Чистый разоръ.

— А зачѣмъ онъ продавалъ? замѣтилъ черныи, оставивъ ногу впередъ и заложивъ руки за кушакъ.

— А покупали зачѣмъ? Видите, человекъ слабый! огрызся малый.

— У васъ какая-нибудь расписка есть?

Черныи подалъ расписку писанную знакомою мнѣ рукой Стратонки, который тутъ же и самъ ручался за исправную выдачу иструба.

— Вамъ кто ее писалъ?

— Кто жь окромѣ Стратонки, одинъ писака-то у насъ, отвѣтилъ черныи.

— Это точно писака одинъ, подтвердилъ высокій.

— Гдѣ вы ее писали? спросилъ я, чувствуя что это какая-то бессмыслица.

— Въ кабацѣ, а то гдѣ же? отвѣтилъ черныи.

— Деньги-то дѣйствительно вы отдали?

— Какъ же не дать? отдали по 55 рублей, разомъ, точно слохватившись, горячо отвѣтили истцы.

Я спросилъ здѣсь ли Стратонъ Ермолаевъ. Тотъ вышелъ изъ толлы мужиковъ, одернулъ полы полшубка и заложилъ одну руку въ карманъ, а другую за бортъ.

— Стратонъ Ермолаевъ, ты писалъ эту расписку?

Стратонка откашлянулся и встряхнулъ волосами.

— Точно такъ, ваше высокородіе, заговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово, но нѣсколько слѣша.—Какъ всё они собственно сказать что неграмотные, я и написалъ, на основаніи 1.679 ст. тома X, части 1, залпродажную запись, и при мнѣ они 110 рублей отдали. Въ кабацѣ у Ивана Макарова было. И не только фиктивные доказательства служить тому могутъ, а и призываніе самого отвѣтчика не иначе какъ согласно 112 ст. Уст. Гр. Судопр. ко взысканію всей суммы послѣдствія повлекутъ! Потому собственно что Павелъ Алексѣевъ отъ сего документа самъ не откажется. Здѣсь одна

моя ошибка произошла что я запродавную запись написалъ, а собственно это, то-есть окончательнымъ манеромъ, долговая расписка и съ обоюднаго согласія договорившихся, обезпеченіе долга въ силу закона постановлено. Какъ въ кабацкѣ произошло, то само собой въ полугарѣ былъ.

— Ты писака здоровый! замѣтилъ черный.

Стратонка съ презрѣніемъ глянулъ на него.

— Когда я говорю, молчать! А имъ теперь, ваше высокородіе, не иначе какъ мировую сдѣлку заключить, которой, согласно 71 ст. Уст. Гражд. Судопр., утвержденіе вашего высокородія воспослѣдуетъ. Всякому надо правомъ законодательства въ воспрещеніи вторженія въ чужое имущество пользоваться.

Я вызвалъ Павла Алексѣева, отца отвѣтчика.

Вышелъ мужикъ уже болѣе чѣмъ среднихъ лѣтъ, очень тихій, благообразный и нѣсколько сконфуженный, онъ потушился и изълодобья осматривался кругомъ.

— Точно такъ, моя расписка, Стратонъ писалъ.

— Что же ты дѣлаешь, продаешь избу, развѣ это можно?

— Очумѣлъ, ваше высокородіе! проговорилъ онъ и сталъ смотрѣть въ уголь.

Я предложилъ мировую сдѣлку на томъ чтобы Павелъ Алексѣевъ отдалъ деньги, а иструба чтобы истцы не требовали.

— Изба намъ нужна, возразили истцы.

— Ишь вѣдь изба прислучила, видѣли я чай у кого покупаете-то, да и мѣсто нашиа гдѣ покупать, говорилъ сынъ.

— А можетъ-быть помириться? обратился къ истцамъ Павелъ Алексѣевъ.

— Какъ съ тобой Алексѣевъ мириться! Ну, отдай деньги, проговорилъ черный и подбоченился.

Истцы видимо были ребята добродушные, и мы скоро написали мировую сдѣлку съ разсрочкой платежа.

— Прикажите, ваше высокородіе, обратился сынъ,—батенькѣ долговъ-то больше не дѣлать. Онъ насъ разорить!

Я сталъ уговаривать Алексѣева чтобъ онъ не дѣлалъ долговъ и что не хорошо расхищать имущество когда есть сыновья.

Павелъ Алексѣевъ съ покорнымъ видомъ слушалъ, смотря въ полъ.

— Батенька, подати платитъ когда повѣщали? Ты пшеницу-то въ городъ повезъ, много привезъ денегъ? А не бось знаешь: подати-то платитъ что умирать не миновать.

— Охъ Алексѣевъ, покайся! посмотри на образъ-то, вмѣшался мужикъ,—чего ты домъ разоряешь? Одвово пздыхати-то! Маленько про тебя тоже знаютъ! Не махенькій ты, слава тебѣ Господи, на пятый небось десятокъ пошло. Мужикъ ты былъ всегда хорошій и что ты теперь дѣлаешь?

Павель Алексѣевъ изъ подлбья взглянулъ на говорившаго мужика.

— Очумѣлъ немножко, что подѣлаешь!

— Брось Павель Алексѣевъ, лучше будетъ! Вѣрно такъ. Хорошаго мало.

— Аль постѣчь тебя немножко въ волости что ли? замѣтилъ кто-то сзади съ полнымъ участіемъ къ Павлу Алексѣеву.

Тотъ взглянулъ черезъ плечо на говорившаго сзади. Вся его фигура, взглядъ его на предложившаго такую странную мѣру къ его исправленію, сконфуженная улыбочка на устахъ выражали такъ свойственную русской натурѣ, выбившейся изъ колеи, совершенную потерянность и готовность на все, даже на то чтобы постѣкли въ волости. Онъ кажется самъ былъ бы очень этому радъ.

Я прекратилъ разговоры и отпустилъ Алексѣева и его сына и лю подопедшему въ очередь дѣлу вызвалъ Кирилу Махортова.

— Нѣтъ его.

— Онъ сейчасъ тутъ былъ?

— Они мировую ушли писать и свидѣтелей съ собой увели, говорили въ лубликѣ.

По окончаніи разборовъ ко мнѣ подошелъ малый, тотъ самый который мнѣ заявилъ въ лѣсу что съ нимъ не живетъ жена и подалъ прошеніе на скверной сѣрой бумагѣ, написанное печатными буквами.

— На счетъ жены, она здѣсь.

Я кликнулъ его жену. Вошла совсѣмъ молодая бабенка и очень красивая, одѣтая въ чекмень, подпоясанный цвѣтнымъ кушакомъ.

— Почему ты съ мужемъ не живешь? обратился я къ бабенкѣ.

— Бьетъ меня, мнѣ нельзя съ нимъ жить? Что хотите то и дѣлайте, что жъ теперь! перебирая концы головного платка и потуляясь отвѣтила смиренно бабенка.

— Врешь, и бью чтобы ты жила, а не болталась, говорилъ мужъ.

— Не болталась! а какъ же жить у тебя когда бьешь какъ посявднюю собаку.

— Врешь, и бью чтобы жила со мною! Зачѣмъ меня тогда женили?

— А вотъ такъ-то! съ озлобленіемъ заговорила бабенка,— ты будешь бить, а я съ тобой живи! Я шла за тебя, меня чуть что не силомъ выдавали; я жила пока ты на меня руки не подымалъ. Какъ на меня руку подымалъ, онъ мнѣ оплостылѣлъ, обратилась она ко мнѣ и затѣмъ къ лубликѣ столпившейся у двери и весьма внимательно слушающей объясненія супруговъ.—Оплостылѣлъ, жить я къ нему не пойду! горячася продолжала бабенка.—Я, какъ ночь придетъ, такъ молю, Царица Небесная, не пришелъ бы онъ пьяный, убьетъ меня. Ну что ужь, совсѣмъ озорной!

— Слушь, баба, ты должна мужа образумить, сказалъ какой-то мужикъ.

— Ишь ты, баба мужика образумь! Образумишь васъ, глывька кулачищи-то у него.

— Она отъ меня бѣгала, бѣгала, кричалъ плаксивымъ голосомъ малый, удерживая слезы, отчего у него лицо съ его грубыми чертами сдѣлалось ужасно глауло.—Два мѣсяца пропадала: разорилась, въ дому какъ есть одинъ, одна мать-старуха, ни коровы подоить, ни обѣдъ сготовить; весь обмосилса; на рѣчку самъ хожу, смѣются всѣ даже: зачѣмъ же меня и женили тогда?

Въ лубликѣ подымался смѣхъ.

— А, такъ я тебѣ рабочая лошадь досталась! въ азартѣ начала кричать бабенка, бросивъ свою прежнюю скромность,— такъ собаку-то и лошадь-то не бьютъ, а отработаютъ, продолжала она внушительно,—и кормятъ! Ты видища налопаешься, бей головой объ стѣну, вѣтъ, жему бить!

— Аксиыва, лолпробуй, поживи! Сживетесь, слюбитесь, говорили мужики.—Онъ исправится. Увидалъ телерь каково безъ жены жить.

— Пробовала ужь я, довольно съ меня. Онъ меня два дня билъ, я ночью въ подворотню убѣжала! Нельзя къ нему идти, настойчиво говорила баба.

— Телерь ты будешь болтаться, урезонивалъ бабенку мужикъ,—въ чужихъ людяхъ жить, чего хорошаго!

— Тутъ все-таки, какой ни на есть, а свой домъ, ты жена стало и хозяйка. Нѣтъ, мириться надо.

— Хозяйка! онъ у хозяйки-то всѣ вещи къ себѣ залеръ, холстъ пропилъ!

— А ты, малый, бабью рухлядь вешто проливать можешь! не моги!

— Я заллачу, ей-Богу заллачу!

— Поживи баба: потерлѣть надо!

— Какъ же мнѣ терлѣть, терлѣла, да ужъ и терлѣнья нѣтъ.

— Ну, какое терлѣняе, ты бѣгаешь, пропадаешь.

— Вотъ-что, ты бабенку билъ и должень телеръ прощенія просить, говорили мужики.

— Чтò же я буду просить?

— Вотъ видишь, какое упрямство, нечего толковать, проси.

— Проси прощенія, авось тѣ не убудеть.

— Ну, прости Аксинья, рѣшился наконецъ мужъ.

— Кланяйся хорошенько.

— Прости, ну прости, и мужъ Аксиньи сталъ на колѣна и положилъ земной покловъ жемѣ.

— Вотъ онъ просить прощенья.

— Поцѣлуйтесь.

Мужъ поцѣловалъ смущенную его раскаяннѣжь Аксинью. Та холодно возвратила ему поцѣлуй.

— Видишь что прощенья просить, авось дастъ Богъ и сойдется.

— Бить не будетъ? федовѣрчиво проговорила Аксинья.

— Дай подлиску!

— Подлиску дастъ, чтò же толковать; ему тогда спину накормать въ волости!

— Дамъ конечно.

— Подлиску дастъ, замѣтилъ я.

— Какъ же дастъ! параслѣвъ заупрямилась олять бабенка;—лока на людяхъ, онъ все общаешь, а домой придетъ, олять за свое.

— А вотъ она какая, не вытерлѣлъ мужъ, и его тулыя, грубыя черты лица исказились злобою.—Такъ тебя свяжутъ да привезутъ ко мнѣ; ты должна жить съ мужемъ, должна, зачѣмъ насъ вѣнчали.

— Да, вотъ такъ-то, такъ я лучше сама на дубу повѣшусь чѣмъ ты меня своими руками задушишь, крещенаго челоуѣка! Онъ звѣрь.

— Прикажете сдѣлайте милость ей ко мнѣ идти!

Я, видя что здѣсь примиренія состояться не можетъ, сказалъ что ничего сдѣлать не могу и чтобъ они уходили.

Супруги съ бранью пошли вонъ.

— Малый-то лють дуже, замѣтили мужики.

Народъ сталъ расходиться; остались нѣкоторые любопытные посмотрѣть какъ мировой будетъ уѣзжать.

У волости поднялся крикъ, потомъ хохотъ и шумъ, какъ бы кого выталкивали въ шею. Старшина бросился на крыльцо.

— Вотъ баба-то досадила, ну баба! смѣялся малый въ другой комнатѣ.

— Что тамъ такое?

— Баба-то ушла, ваше высокородіе, отвѣчалъ малый,—а мужъ камень поднималъ, какъ пудветъ въ нее, страсть! А она бѣжать, да и плюнула въ него.

— Ахъ озорники! говорилъ возвращаясь старшина;—мужъ опять къ вамъ бѣжалъ, ужь его сотскій выгналъ.

— У нихъ не будетъ добра, малый глупый, обратился ко мнѣ знакомый мужикъ.—Она, Михаилъ Александровичъ, съ Павломъ Алексѣевымъ лугается, что сейчасъ съ сыномъ на судъ былъ. Вѣдь вотъ оно что. Отличный мужикъ былъ, теперь черезъ эту бабенку совсѣмъ разстроился! Она ни въ жисть къ мужу не пойдетъ; и бабенка хорошая бы кабы въ другихъ-то рукахъ была.

— Зачѣмъ за него замужъ-то ее выдали?

— Ахъ, Михаилъ Александровичъ, нѣшто угадаешь! Онъ бы малый точно не бѣдный, опять одинъ, въ солдаты нейдти; а она сирота вѣдь, у нея никого нѣтъ. Ничего: подерутся, подерутся, а къ старости еще какъ милы-то станутъ! за-смѣялся подмигнувъ мужикъ.

Тутъ явился Кирилякъ.

— Я судиться пришелъ!

— Прекращено твое дѣло, я вызывалъ, тебя не было.

— Мы мировую писать ходили, говорилъ онъ пьянымъ голосомъ и улыбаясь,—да намъ чортъ ее что написали, и онъ мнѣ подаль совершенно засаленный клокъ бумаги, на которомъ что-то было написано карандашемъ, но что нельзя было не только прочесть, но даже и приблизительно опредѣлить: на русскомъ или на другомъ какомъ языкѣ то было написано.

— Гдѣ вы ее писали?

— У Ивана Макарова въ литейномъ домѣ, отвѣчалъ Кирилякъ, тараща глаза и принимая отъ меня свою мировую.

— А ты кто? обратился я къ стоявшему около Кириляка мужичонкѣ; этотъ ничего и не говорилъ, а кажется соображалъ только какъ бы устоять на ногахъ предъ начальствомъ.

— Я сужусь съ нимъ, помыслилъ Кирилякъ.

Я приказалъ имъ уходить.

— Они, Михаилъ Александровичъ, и сами не знаютъ о чемъ судятся. Сосѣди: усадьбами помѣнялись, а телерь и путаются.

Проѣзжая по лужѣ мимо кабака, мы встрѣтили уже тутъ народа больше! чѣмъ утромъ, и лица посабъ суда были все знакомыя. Были и совсѣмъ подгулявшіе мужички. Какой-то въ большой-большой шалкѣ на затылокъ держалъ за бороду другаго толокшагося на одномъ мѣствѣ чтобы не потерять равновѣсія, цѣловалъ его, приговаривая: „знаешь, какой я человекъ, божеской, какой я человекъ, страсть хорошій человекъ!“ и олять цѣловалъ. Цѣловавшіеся друзья сняли шапки.

— Предъ баринномъ въ шалкѣ быть не могу!

— Вотъ народъ какой! это все съ Покрова до сихъ поръ олохмѣляются. Хлѣбъ полпродали и пьянствуютъ, а зимой ѣсть нечего будетъ. Народъ! замѣтилъ качая головой Прохоръ.

У тарантаса вдругъ явился Кирилякъ.

— Какже жъ съ моимъ дѣломъ? обратился онъ съ улыбкой ко мнѣ, шагая по лужѣ около тарантаса.—Обижаютъ меня очень; старшина не любитъ. Меня сейчасъ волостной судъ два раза поролъ и олять съчь хотять. Вы отъ меня отступитесь, мнѣ защитника не будетъ тогда. Добре дуже обчество заѣдаетъ.

Я сказалъ Кириляку что онъ мнѣ надоѣлъ.

— Ну, будьте здоровы, ваше высокородіе, я вами доволенъ! И Кирилякъ исчезъ за тарантасомъ.

Село осталось назади, въ наступавшемъ сумракѣ кругомъ потянулись вытолтанныя живыя подей; холодныя сплошныя облака заволакивали темнѣвшее небо, и дико и пустынно шумѣлъ стелной октябрьскій вѣтеръ.

— Мужички и все такъ-то: съ суда и въ кабакъ! заговорилъ олять покачивая головой Прохоръ.—Вы Михаилъ Александровичъ мирите ихъ, да свидѣтелямъ прогонныя присуждаете, а они съ этими мировыми все пьянствуютъ. Тогда въ мартѣ мѣсяцѣ съ мировой ѣхали, у насъ подъ селомъ, знаете, лѣсокъ-то гдѣ, было всѣ перетонули. Они въ зазору засѣли, мы ихъ тащить, а тамъ и не разберешь, не то лошадей, не то мужиковъ тащить, безъ себя пьяные! И

чего пьютъ мужики! Я и самъ водку пью, а пьяный никогда не бываю. Ахти пьянствуютъ, пьянствуютъ. У меня сейчасъ сосѣдъ: тотъ поддвора продалъ, амбаръ прямо противъ, и землю внаймы отдалъ, да и судиться будетъ должно у васъ. Онъ точно ее двоимъ отдалъ. А самъ гармонию себѣ купилъ и цѣлый день къ верху мордой въ кабакъ лежитъ.

— У насъ, помолчалъ онъ,—на селѣ платить податей не хотятъ. Прошлый разъ сходка была; они галдѣли, галдѣли, какая, говорятъ, подать, нынче неурожай, и всё въ кабакъ пошли.

— Ну подать-то заставляютъ платить.

— Платить! Продавать-то? а что у нихъ продавать? У богатого есть что продать, а у пьяницы нечего!

— Чего они такъ пьянствуютъ въ вашемъ селѣ?

— Положимъ что не всё такъ пьянствуютъ, а ничего, Михаилъ Александровичъ, не подвлаешь: народъ ослабѣлъ, ослабѣлъ вовсе, внушительно проговорилъ Прохоръ.—Да ужъ и кабаковъ до чорта настроено! куда ни повернись, кабакъ. Прохоръ помолчалъ.—Вотъ мужики-то, богато живутъ! обратился онъ ко мнѣ и указалъ кнутовищемъ въ сторону отъ дороги?

— Какіе это?

— Это, Михаилъ Александровичъ, небось слышали, былъ здѣсь помѣщикъ, какъ его: вотъ фамилію забылъ. У него винный заводъ былъ, садъ какой, домъ отличный; мужички и купили; земли-то тутъ не дюже много, десятина должно быть 300, а земля жирная!

Я посмотрѣлъ въ сторону. Въ сумракѣ видѣлась раскинутая деревня по оврагу и кругомъ одно годое поле.

— Да гдѣ же ты говоришь садъ-то хорошій былъ?

— Мужики-то какъ купили, они его срубили да распахали, домъ тоже снесли, продали на свозъ. У нихъ по нови и ржица тамъ зацвѣла, страсть!

— Да чего же имъ садъ-то жѣшалъ; ты посмотри, кругомъ ни деревца нѣтъ!

— Михаилъ Александровичъ, засмѣялся Прохоръ,—ловима-еть тоже мужикъ садъ! Да вотъ теперь у Павшинскаго барина мужики-то купили имѣніе, садъ тоже рубятъ; мы садами, говорятъ, заниматься не умѣемъ. Намъ садъ одна тягота. Потрогивать надо, не въ полѣ же ночевать. Заснули! крикнулъ онъ на лошадей.

Подъ колокольчикъ и лосвистыванья Прохора я началъ дремать.

Неожиданно разбудилъ меня толчекъ и рѣзкое погромыхиванье бубенчиковъ правой пристяжной, заглушившей танущуюся ноту колокольчика. Тройка неслась въ карьеръ. Я открылъ глаза и въ надвинувшейся темнотѣ увидѣлъ обликъ Прохора привставшаго на козлахъ.

— Михаилъ Александровичъ, вѣдь это пожаръ, посмотрите-ка, да чуть ли не у насъ!

Я глянулъ впередъ.

Среди темноты яркій свѣтъ краснаго пламени столбомъ, спокойно и грозно подымался до половины и верхушкою стался по вѣтру огненнымъ языкомъ.

— У насъ и есть! говорилъ Прохоръ и мчался въ карьеръ.

Зарево освѣтило полнеба и лошади и Прохоръ стали видны какъ днемъ.

По мѣрѣ того какъ мы приближались, становилось ясно что это село Каменное, которое было у насъ почти на дорогѣ.

Отъ скачки у лѣвой пристяжной постромка соскочила съ валька. Пришлось остановиться. Прохоръ съ проклятіями, шлепая по грязи, пошелъ подвязывать.

— А чортъ ее, работника въ городъ посылаешь, хоть не посылай совсѣмъ, всякій разъ всю сбрую перервуть, ворчалъ онъ.

Село было на виду. Пламя разливалось все шире. Отчаянный набатъ въ церкви мѣшался съ крикомъ на селѣ, мычаніемъ коровъ и воемъ собакъ. Мы помчались олять, перескочили какой-то мостикъ и въѣхали въ село. Кругомъ валялось всякое имущество и скарбъ, вытаскиваемые изъ избъ. Я бросилъ Прохора и лобѣжалъ.

— Гдѣ горитъ?

— Въ переулкѣ!

Я лобѣжалъ дальше, натыкаясь на мѣшки, сундуки, на бабъ стоявшихъ на колѣняхъ и вывшихъ. Въ концѣ переулка открылось пожарище. Около горѣвшихъ домовъ изъ угла въ уголь бѣгали мужики-хозяева. Какой-то мужикъ въ одной рубашкѣ тащилъ изъ воротъ за рога корову улравшуюся на пламя. Какая-то баба, ухвативъ въ охапку подушку, бѣжала неизвестно куда.

— Гдѣ же бочки? былъ первый мой вопросъ.

— Нѣтъ ни одной, лошади всѣ въ ночномъ, отвѣчалъ какой-то осилшій голосъ, проходя мимо.

— Господи, что же это дѣлается, ни воды, ни лошадей, кричалъ другой,—ребята отстаивай хоша другіе дома. Что горить пускай горить.

У ближайшей къ пламени избы, на крышѣ двора стояли мужики, устлавъ крышу двумя зипунами. Нѣсколько мужиковъ съ большимъ крюкомъ, подъ командой какого-то разночинца, растаскивали бревна.

— Тащи, тащи, такъ, кричалъ онъ, размахивая руками.

— Чего орешь-то! нешто можно таскать бревна, ты огонь только баламутить. Понялъ? говорилъ разночинцу мужикъ.

— Ты-то ничего не понимаешь! кипятился тотъ.

— А да чортъ съ вами, что хотите, то дѣлайте!

— Куды тамъ, залососовала! теперь весь порядокъ поидеть! закричалъ какой-то голосъ.

Изба которую отстаивали зипунами хозяева, стала загораться.

— Надо дворъ разносить, разноси ближній, разбирай!

— Федотову крышу домай! кричали мужики.

Бросились съ крюкомъ къ Федотовой крышѣ.

— Вы крышу мнѣ ломать, сломаете половину, другую разокрадутъ, она у меня не страхованная какая! кричалъ хозяинъ Федотъ съ совершенно обезумѣвшимъ лицомъ.— Не дамъ ломать!

— Что смотришь на него, домай, все село сгоритъ!

Показалась одна бочка. Моментально воды уже въ ней не было. Показалась другая, ее везли нѣсколько человекъ на себѣ, она была на половину пустая.

— Фу ты пропасть, ни одной лошади нѣтъ!

— Сенька, Петруха, бѣгите въ ночное, лущай лошадей гонять.

— Не слѣпые въ ночномъ, видятъ я чай что горимъ.

— Чего ты тамъ, отсохни у те ноги-то!

— Никитычъ, Никитычъ, помоги сдѣлай одолженіе, плесни хоть калельку-то! кричалъ кто то изъ дыма.

Въ это время рухнулъ потолокъ въ каменной избѣ. Масса чернаго дыма столбомъ поднялась, закрывъ на мгновеніе пламя, и вдругъ пламя, поборовъ пыль и дымъ, еще ужаснѣе взвилось къверху и хлснуло на зады, въ бокъ отъ вѣтра. Глухой стонъ вырвался изъ толпы: загорались сзади гумна.

— Гдѣ труба общественная? кричали въ одномъ мѣстѣ.

— Давай трубу, староста гдѣ? гдѣ староста?

— Онъ каверзникъ за порядкомъ смотритъ: лошади всѣ въ ночномъ, кричалъ въ одной рубашкѣ, распояской, босой и безъ шапки длинный мужикъ въ совершенномъ азартѣ съ лицомъ чернымъ отъ гари и дыма.

— Какъ же у васъ лошадей нѣтъ, когда очередь назначена! говорилъ я.

— Батюшка, нешто знали что грѣхъ такой случится, отвѣчалъ другой мужикъ,—думаешь что ее на дворѣ голодной держать, все покормится въ ночномъ.

— Труба общественная ѣдетъ! труба! вотъ она! закричали со всѣхъ сторонъ.

Изъ темноты показалась медленно двигавшаяся труба: ее тащили нѣсколько человекъ съ криками: берегись! задвнемъ, гей!

— Сюда ее, сюда!

— Къ вамъ, вонъ гдѣ полосуесть-то! Къ намъ давай ее! кричали со всѣхъ сторонъ.

Трубу начали качать, заливая послѣдній къ цѣлымъ еще домамъ лодъ вѣтромъ горѣвшій дворъ. Пламя будто нѣсколько уменьшилось, потомъ увеличилось еще болѣе, и вода хлынула въ сторону на народъ.

— Худая кшпка, кшпка худая, бери ведрами воду. Тоже чорта нашли машину когда она не дѣвствуетъ, брось се!

— Зачѣмъ бросать! ее заткнуть можно, тралокъ нѣтъ ли?

— Брось, говорятъ! что ты съ ней муздаешься, брось къ чорту!

Трубу бросили.

— Гдѣ староста? кричалъ еще болѣе приходя въ азартъ раздѣтый мужикъ.

— Пойдетъ къ тебѣ староста, онъ въ оwinѣ сидитъ небось, говорилъ другой, беря ведеркой воду изъ пожарной трубы.

— Ему лысому по дворамъ лятачки собирать, говорилъ опять раздѣтый мужикъ,—такъ его дѣло, а нѣтъ обчеству служить!

— А кто деньги пролилъ? обчество пролило!

— Обчество пролило, передразнивалъ раздѣтый возражавшаго.—Говорили старосту смѣнить, такъ нѣтъ! Изъ-за трехъ ведеръ и староста обчеству милъ сталъ.

— Вы трубу чинить собрались, а деньги въ кабакъ ушли, кричалъ голосъ сзади.—Кто ихъ проливалъ, вы же пролили.

— Православные, чего орете-то? Шестъ годовъ со старостою жили не смѣняли, а телерь на пожаръ смѣнять.

— Пуцай прахомъ все идетъ! отвѣчалъ раздѣтый и исчезъ въ темнотѣ.

— Вотъ какой порядокъ у насъ! проговорилъ голосъ около меня.

Я узналъ знакомаго мужика.

— Рябининъ, что же у васъ такое дѣлается?

— Что, Михаилъ Александровичъ, видно послѣднія времена пришли! Какъ въ писаніи сказано: въ послѣдній часъ братъ на брата пойдетъ, такъ и у насъ теперь. Чего они старосту бравятъ, деньги-то собирали-собирали, не хватило, ишь годъ-то нынче какой: ни хлѣба, ни корма Господь не далъ, взяли и остальное въ кабакъ пропили. Вы знаете, какъ мужикъ, когда еще пожаръ будетъ, отчего онъ будетъ? А какъ пожаръ, все и погоритъ.

Подожелъ другой мужикъ, они пожали другъ другу руки.

— Никакъ это вы, ваше высокородіе, приглядывался онъ ко мнѣ,—неужели изъ дому пріѣхать успѣли?

Я объяснилъ что изъ Укладовской волости.

— А, съ дѣсомъ Укладовскихъ разводили! слышалъ я. О Господи, Господи, что же такое дѣлается.

— Сами же виноваты!

— Ничего не подѣлаешь, ваше высокородіе, стариковъ насъ не почитаютъ, вотъ что! На сходѣ-то одни горланы, нашего брата ужъ теперь не слушаютъ, что ужъ, сынъ на отца пошелъ, своихъ отцовъ-то родныхъ ни во что ставятъ, въ картежъ да кабакъ добра мало.

— А ты справляешься? въ вашемъ-то концѣ тоже пожаръ былъ?

— Эхъ, Михаилъ Александровичъ, правда говорятъ, „въ нынѣшнее время найдешь не радуешься и потеряешь не горюй!“ Помаленьку!

Становился невыносимый жаръ, острый удушливый запахъ гари захватывалъ дыханіе. Крики стали утихать, овладѣло нѣкое отчаяніе. Пламя утихло. Огонь, сдѣлавъ свое дѣло, успокоился немного и трещалъ и клокоталъ среди обгорѣлыхъ кольевъ и бревень, дрожащимъ свѣтомъ освѣщая отдѣльныя, въ нѣмомъ отчаяніи группы мужиковъ, голубоватую зелень травы, уцѣлѣвшія избы другаго порядка и нависшую густую темноту ночи надъ пожарищемъ. Мужики перебрасывались замѣчаніями. Нѣкоторые вытаскивали изъ угольевъ совершенно обгорѣлую дрань или оттаскивали таившіяся

слѣги и заталтывали ихъ ногами. Набатъ въ церкви было замолчавшій олять тревожными волнами понесся надъ пожаромъ.

Я оставилъ это мѣсто и сталъ пробираться туда гдѣ загорались новыя избы.

— Воды, воды нѣтъ, кричали кругомъ. Я наткнулся на сотскаго.

— Народа совсѣмъ нѣтъ! хоть бы вы, ваше высокородіе, приказали имъ, просто сказать что очумѣли! тащатъ скорбь свой сами не знаютъ куда. Благодареніе Богу, вѣтеръ-то утихъ, а то бы бѣда!

Сотскій исчезъ.

— Тоже сотскій дюже мозговитый, заячій навозъ, разсуждали два мужика, проходя мимо.

Пробираясь къ концу пожара я очутился на главной улицѣ села. Оказалось переулочъ прогорѣлъ весь и горѣла большая изба на углу переулка и улицы.

— Образа въ церкви поднимають! замѣтилъ кто-то.

Набатъ билъ чаще и чаще. Толпившійся народъ бросился къ образамъ, и показались медленно двигавшіяся хоругви съ блестящими крестами и большой образъ Николая Чудотворца сіявшій въ огнѣ. Бабы кругомъ страшно выли, ладали въ истерикѣ и прикладывались къ образу. Толпа отгиснула меня въ другую сторону улицы. Тутъ же въ толлѣ пробирались съ крикомъ нѣсколько бочекъ на приведенныхъ лошадяхъ изъ ночнаго. Среди общаго шума, гвалта, бабьяго плача, треска пожара слышался звонъ бубенчиковъ. Изъ-за народа выѣхада пожарная труба тройкой, за ней другая. На первой тройкѣ господинъ безъ шалки въ какой-то венгеркѣ кричалъ дикимъ голосомъ: „сторонись, сторонись, убью!“— „стой!“ командовалъ онъ и соскочилъ съ трубы.

— Качай! рѣзкимъ голосомъ кричалъ онъ.

— Батюшки, задавить, задавить! Примите лерину-то, лерину-то примите! кричала какая-то баба съ ребенкомъ.

— Качай! кричалъ баринъ.

Народъ такъ оторопѣлъ что никто не рѣшился вскочить даже на трубу.

— А, такъ-то! со страшными ругательствами закричалъ онъ и лерваго попавшагося ударилъ въ ухо и свалилъ его съ ногъ. полаялся тутъ еще мужичонка, онъ и его.

— Качай! кричалъ баринъ оборвавшимся голосомъ. И олять

ругательства. Къ трубѣ бросилось нѣсколько человекъ, со страхомъ глядя на господина. Тотъ схватилъ кнжку и началъ направлять на горѣвшій домъ.

— Митька, Митька, заѣзжай правымъ плечомъ, жарь водой на меня!

Другая труба съ молодымъ малымъ на козлахъ, на совершенно залыхавшихся лошадяхъ, въ карьеръ вылетѣла на другую сторону горѣвшей избы.

— Качай, лѣзь на трубу-то, чего стоите, кричали въ толгѣ.

Закачала другая труба и масса воды въ перекрестъ стала останавливать огонь.

— Воды, воды, сюда! командовалъ баринъ.

— Сюда! тамъ труба, тамъ не надо! кричали въ толгѣ.

— Кто тамъ кричитъ! давай сюда воды!

Баринъ бросилъ кнжку и любѣжалъ къ бочкѣ запряженной лошадежкой, на которой верхомъ сидѣлъ какой-то бородатый мужикъ.

— Поѣзжай къ трубамъ! командовалъ баринъ и схватилъ лошадь подъ устцы.

Кто-то уцѣпился за бочку сзади, стараясь ее остановить, другой тащилъ ведеркой изъ нея воду, но тутъ же получилъ въ шею отъ явившагося старосты и воду всю разлилъ.

— Не трогать воды, каналы, въ огонь брошу! кричалъ баринъ.

Староста взялъ лошадь подъ устцы и повелъ къ трубѣ.

— Бочки сюда, сюда! кричалъ баринъ.

— Староста, прикажи растаскивать крышу, подъ вѣтромъ которая.

— Какъ же можно крышу ломать! возразилъ какой-то мужикъ.

— А вотъ какъ можно! отвѣтилъ баринъ и ударилъ его въ ухо,—шалку долой, шельма.

Мужикъ снялъ шалку.

Народъ сталъ приходить въ себя и собираться къ трубамъ. Стали подѣзжать со всѣхъ сторонъ бочки, несаясь въ карьеръ съ пожараща и торжественно возвращаясь съ рѣки.

Работа закипѣла.

— Петръ Васильчъ, фу, Боже мой, сердитый, а на пожарѣ молодецъ, одабривалъ какой-то молодой малый, качая трубу.

— Сердитъ дюже только, говорилъ качавшій съ малымъ мужикъ.—Онъ меня прошлаго года на пожарѣ чесалъ, чесалъ, я десятникомъ былъ, страсть! и рука тяжелая!

— За дѣло бьетъ!

— Работай, работай! молодцы! одабривали другъ друга.

— Фу ты, у насъ ребята-то какіе! Боже мой!

— Воды-то больше нѣтъ, остановились качавшіе на одной трубѣ.

— Вонъ Терѣха ѣдетъ. Терѣха сюды, давай скорѣй. Поворачивайся!

— Бери, бери, ребята, самая свѣжая, сейчасъ изъ рѣки; было лошадь тамъ утопилъ, говорилъ Терѣха, по поясъ въ водѣ и въ тинѣ, подводя подъ устцы лошадь.

— Вона, вона, кричали у другой трубы,—ошпаль ее, ошпаль; ишь пробиваетъ, вотъ такъ; нѣтъ, братъ, помрешь, телерь шабашъ.

— Петруха, подержи кшкку-то малость, не въ моготу жара, всѣ шаровары прожегъ.

— Ну шаровары новые дѣлать! замѣтилъ Петруха, принимая кшкку и осматривая мужика.

— Вотъ жара-то!

Петруха лустилъ струю на мужичонка.

— Что-ты лѣшій, вскрикнулъ мужичонка, шагая черезъ горѣвшее бревно.

— Не озябнешь! Тутъ насчетъ тепла такъ отлично! смѣялись съ трубы.

Бочки стаянутыя распорядженіями барина, старосты и сотскаго здѣсь были въ изобиліи, тушили ужъ и ведрами.

Тутъ же сидѣла на сундукѣ и выла погорѣвшая старуха.

— Что бабка, аль добра жалко!

— Батюшки вы мои, голубчики мои родимые! выла старуха.

— Молода еще, наживешь. Бабушка, не кручинься! замѣтилъ малый, проходя съ крюкомъ мимо бабы.

— Тамъ еще трубы прѣхали! никакъ съ завода, да еще чуть ли не изъ Укладъ! говорили въ толпѣ.

— Ребята, напирай туда, на Укладовскую трубу! Валяй!

Мало-по-малу пожаръ сталъ утихать.

Я сидѣлъ кое-какія распоряденія старостѣ и сотскому и пошелъ во мракѣ уцѣлѣвшей улицы, съ трудомъ выглядывая дорогу, отыскивать Прохора.

На улицѣ вездѣ былъ народъ, уже поуспокоившійся, больше впрочемъ бабы и ребятшкы. Многіе изъ ребятъ спали тутъ же на перинахъ, бабы разбирали вещи. Одна какая-то сидѣла

на сундукѣ и все рыдала. Мимо нея мужикъ пронесилъ мѣшокъ къ избѣ.

— Долго еще ты, дура, блажить-то будешь? и такъ не сладко! Слушай, Парашка, вѣдь люблю, коль выть будешь! авось-те полегчаетъ!

На самой дорогѣ стоялъ какой-то малый и молодая дѣвка въ зилунѣ.

— Ишь вѣдь зубастый ты тоже, ни къ чему подговаривается, смѣялась она.—Чортъ, право чортъ гладкій!

Наконецъ я нашелъ Прохора, мы съ нимъ ползелись во сво-яси въ совершенной темнотѣ. Сквозь стукъ колесъ и безпре-рывную ноту колокольчика до меня стали долетать странные звуки, не то завываніе, не то плачь.

— Чтò это такое, Прохоръ, стонетъ что ли чтò? Ты не слышишь?

— Нѣтъ!

Звуки умолкли. Прохоръ прикрикнулъ на лошадей. Сильнѣй въ темнотѣ заился колокольчикъ своею ноткой, и опять на-чалось то же завываніе.

— Прохоръ, какъ же ты не слышишь? опять обратился я.

— Это я, какъ бы застыдившись отвѣчалъ Прохоръ:—сти-хи читаю!

— Какіе стихи читаешь?

— Божественные, это меня богомольцы выучили, какъ я Богу молиться ходилъ.

Я оставилъ Прохора читать его стихи и плотвѣ усѣлся въ уголъ таратаса.

Н. Д.—НЪ.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

ЗАПИСКИ НЕИЗВѢСТНОЙ

I.

Внутренняя жизнь каждаго человѣка сколько-нибудь мыслящаго, сколько-нибудь способнаго чувствовать и страдать, всегда способна доставить полезный и занимательный материалъ для психическаго изученія, если человѣкъ раскрываетъ ее вполне, не утаивая ни одного дѣйствія, ни одной мысли, ни одного движенія. Но возможна ли такая полная исповѣдь? была ли она къ-мѣ-нибудь сдѣлана? Самыми искренними исповѣдями считаются исповѣди Жанъ Жака Руссо и блаженнаго Августина. Первый циничски разказываетъ о своихъ дурныхъ наклонностяхъ и неблаговидныхъ поступкахъ, убѣжденный что онъ покрываетъ ихъ своею гениальностью. Другой, съ увлеченіемъ прозелита посвятившаго себя служенію Богу, равнодушно смотритъ на все земное и, повѣствуя о своей жизни, имѣетъ въ виду только то чтобъ обращеніе его къ Богу послужило назидательнымъ и увлекательнымъ примѣромъ для другихъ. Но и въ этихъ исповѣдяхъ нѣтъ полной исторіи сердца. Въ автобіографіяхъ людей замѣчательныхъ, игравшихъ роль въ мировыхъ событіяхъ, разказываются историческіе факты, въ которыхъ повѣствователи сами участвовали или которые при нихъ совершались, но собственная ихъ внутренняя жизнь мало раскрывается. Другія знаменитости въ своихъ запискахъ болѣе или менѣе

облекаются въ порфиру, становятся на пьедесталъ и стараются чтобъ имъ удивлялись и покланялись, но рѣдко достигаютъ своей цѣли. Шатобрианъ можетъ-быть сжегъ бы свои записки еслибы предвидѣлъ что онѣ произведутъ въ читателяхъ непріятное разочарованіе на его счетъ. Никакія обстоятельства не принудили бы Ламартина печатать своихъ *Воспоминаній* еслибы онъ предугадывалъ что они возбуждаютъ невыгодное о немъ мнѣніе. Геніальная Жоржъ Сандъ и восторженная гжа Роланъ также нѣсколько рисовались въ своихъ запискахъ и не представляются въ нихъ тѣми симпатичными личностями какими бы хотѣлось ихъ воображать. Или онѣ въ сущности ими не были, или потому что опять-таки ускользала ихъ внутренняя жизнь во всей ея истинѣ и что такъ трудно въ чемъ бы то ни было достигнуть абсолютной правды. Но я нахожу что самые обыкновенные смертные хорошо дѣлаютъ когда пишутъ свой дневникъ, хотя бы собственно только для себя. Это научаетъ писать и мыслить и залечатлѣваетъ навсегда все что переживалось. Это сердечный архивъ, въ который часто бываетъ отрадно и полезно взглянуть. Это талисманъ посредствомъ котораго живешь нѣсколько разъ въ жизни. Я писала дневникъ мой съ десятилѣтняго возраста и обязана ему многими сладостными ощущеніями. Особенную услугу оказалъ онъ мнѣ когда однажды случилось мнѣ жить очень печально, въ глуши, въ нестроенномъ имѣніи, въ жестокую зиму, въ жалкой обстановкѣ, въ отвратительной средѣ. Порой становилось мнѣ слѣшкомъ уже тяжело, я бралась за дневникъ мой и предо мной воскресало все прошедшее, многое что начинало уже меркнуть и изглаживаться изъ памяти. Образы дорогихъ мнѣ людей, которыхъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ, возставали словно живые. Предельно юга, обаяніе сердечныхъ, умныхъ бесѣдъ, немногіе ясные дни счастья возобновлялись съ осязательностію дѣйствительности и это пробужденіе прошедшаго оживляло, одушевляло меня, я словно возрождалась и являлись силы переносить безотрадность настоящаго. Есть такіе несчастные у которыхъ вовсе нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній, но мнѣ кажется и имъ хорошо припоминать и прошедшее горе, и прошедшія невзгоды, и на нихъ успокоительно подѣйствуетъ прожитое, если только въ немъ нѣтъ упрямства.

Все мгновенно, все пройдетъ, —
 Что пройдетъ, то будетъ мило.

Предлагаемыя воспоминанія извлечены изъ моего дневника. Я вовсе не добиваюсь достигнуть идеала *откровенной исповѣди* о какой уломинала выше. Напротивъ, старалась даже какъ можно менѣе касаться моихъ внутреннихъ ощущеній. Chaque sentiment a sa pudeur, сказала гжа Сталь, а у меня въ высшей степени развита цѣломудренность моего внутреннего бытія и потому я неохотно писала о томъ что касается лично меня, предполагая притомъ что это никого не можетъ интересовать. Но невозможно было писать о томъ что совершалось вокругъ меня, о людяхъ съ которыми находилась въ сношеніяхъ, вовсе не говоря о себѣ. Если я позволила себѣ разказать нѣчто о моемъ дѣтствѣ, о нѣкоторыхъ событіяхъ моей жизни, то единственно потому что въ нихъ проявлялся духъ времени, обозначались нравы, обычаи и личности которыхъ болѣе не встрѣчаешь и которыя поэтому-то и могутъ возбудить нѣкоторый интересъ.

Моего ранняго дѣтства (то-есть дѣтъ до 7—8) я не помню вовсе. По разказамъ матери я узнала что она имѣла много несчастій, лишилась мужа, похоронила всѣхъ дѣтей, трое изъ нихъ умерли скарлатиною на одной недѣлѣ. Изъ многочисленной семьи уцѣлѣла только одна я. Можно представить себѣ какъ любили, берегли и баловали меня! Первые воспоминанія дѣтства чрезвычайно для меня пріятны. Помню, любила молиться. Иногда просыпалась ночью, вскакивала съ постели и бросалась на колѣни предъ образомъ. Какъ и о чемъ молилась, не знаю. Никогда не забуду какъ мы проводили Великій Постъ. Въ воскресенье, накануне поста, у насъ бывала на дому всеобщая, потомъ часовъ въ 10 собиралась въ залу вся многочисленная дворня просить прощенья у матери и другъ у друга, чтобы въ мирѣ со всѣми, съ облегченною совѣстью начинать великіе дни покаянія. Одни кланялись и говорили: „прости Христа ради, матушка Елизавета Семеновна, если мы предъ тобой въ чемъ согрѣшили“; болѣе приближенные цѣловали руку, болѣе ревностные въ исполненіи христіанскаго долга кланялись до земли. Мать въ свою очередь говорила: „и вы меня простите, Христа ради, если я предъ вами въ чемъ виновата.“ Въ понедѣльникъ просыпалась я въ самомъ религіозномъ настроеніи и слѣшила пойти въ залу, гдѣ въ углу былъ накрытъ столъ, стояли образа и лежали свѣчи, у насъ на дому служили часы, вечерню и заутреню; мы ѣздили

только къ преждеосвященной обѣднѣ. Вскорѣ приходилъ священникъ читать постную молитву, вся дворня собиралась ее слушать. Потомъ ожидали какъ ударятъ къ чамамъ; я такъ любила этотъ унылый, великолостный звонъ и жалѣла что мы не ѣздили въ церковь. Мы обыкновенно говѣли на первой недѣлѣ и во все это время я не позволяла себѣ ни рѣзвиться, ни лѣтъ; бывало затанешь лѣсенку и прервешь, захочется побѣгать, остановишься. Нечего говорить что мы ѣли постное весь постъ. Тогда это было общее обыкновеніе, и исключенія бывали рѣдки. Помню съ какимъ благоговѣйнымъ трепетомъ я исповѣдывалась, особенно въ первый разъ. Духовникъ обыкновенно пріѣзжалъ къ намъ исповѣдывать. Я его ожидала въ величайшемъ волненіи, и когда приходили сказать что батюшка пріѣхалъ, я едва могла говорить отъ страха. Предъ исповѣдью по обыкновенію просила прощенія у всѣхъ, начиная съ матери, которая при семъ дѣлала мнѣ краткое назиданіе; потомъ у няни, у горничныхъ, обѣгала весь домъ и съ невыносимымъ трепетомъ шла въ спальню, гдѣ мы всегда исповѣдывались предъ кіотой. Наконецъ наступилъ радостный день Свѣтлаго Воскресенія. Меня обыкновенно брали къ заутренѣ, уложивъ предварительно спать до 11 часовъ. Но мнѣ плохо спалось. Съ волненіемъ ожидала я перваго удара колокола, торопилась скорѣе ѣхать въ церковь и тамъ съ трепетомъ ожидала когда духовенство, обойдя крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, останавливается у дверей, и раздается радостное „Христось Воскресе“.

Въ семействѣ нашемъ говорили исключительно по-русски и ни въ комъ не было пристрастія къ чему бы то ни было иностранному. Дѣдушка мой былъ настоящій русскій баринъ. Но въ нѣкоторомъ родѣ прогрессистъ и страстный почитатель Петра. Его настольною книгой были Дѣянія Петра Великаго *Голикова*, и когда по воскресеньямъ собиралась къ нему обѣдать его многочисленная семья, то насъ ввучать, которыхъ былъ *легіонъ*, онъ заставлялъ по выбору прочитывать нѣсколько страницъ изъ его любимой книги, причемъ ввучалъ намъ какой былъ великій человѣкъ преобразователь Россіи и какъ всѣ должны чтить его.

Мать моя была женщина добрая, многочисленная ея дворня благоденствовала. Но я часто слышала отъ няни что покойная бабушка моя была очень строга, что предъ ней всѣ трелетали, и когда сердилась, то колотила прислугу чѣмъ ни попало. Тупля съ ногъ часто летали въ голову и лицо

провинившейся горничной, и это был еще самый легкий прием наказания. О других помѣщиках и помѣщицах я слышала еще худшее и эти рассказы возмущали меня. Можетъ-быть они-то и пробудили во мнѣ несознательное отвращеніе къ произволу, хотя по тогдашнимъ понятіямъ окружавшихъ меня я должна была смотрѣть на все это какъ на законное право, противъ котораго никто не возставалъ. Я узнала отъ няни что господа давали иногда *вольныя* тѣмъ изъ прислугъ которыми были довольны, а что нѣкоторые изъ крѣпостныхъ сами выкупались на волю. Няня была крѣпостная дѣдушки, который хотя при жизни раздѣлилъ свое имѣніе по равной части сыновьямъ и дочерямъ, но продолжалъ владѣть и управлять многочисленными своими имѣніями находившимися въ разныхъ губерніяхъ и давалъ каждому изъ своихъ дѣтей то что приходилось съ его части.

Не знаю какъ пришло мнѣ въ голову желаніе чтобы няня моя была вольною. „Хорошо быть вольною?“ спросила я ее. „Конечно хорошо, отвѣчала она, никто не обидитъ“. Я такъ любила мою няню что мать моя ревновала меня къ ней, не очень ее долюбивала, иногда даже строго къ ней относилась, за что я досадовала на мою мать и рѣшила что няня моя непременно *должна* быть вольная. Составила планъ какъ дѣйствовать на дѣдушку, никому не сообщивъ о моемъ замыслѣ. Въ день моихъ именинъ и рожденья дѣдушка всегда пріѣзжалъ къ намъ и дарилъ мнѣ *золотой*. Онъ дѣлалъ это въ отношеніи всѣхъ своихъ внучатъ, но мнѣ иногда, въ знакъ особеннаго благоволенія, давалъ два золотыхъ. Въ одинъ изъ этихъ торжественныхъ дней, гуляя съ нимъ одна по саду, я бросилась цѣловать его руку и рѣшилась просить чтобы онъ отпустилъ на волю мою няню. Онъ очень удивился. „Какъ это ты вздумала?“ спросилъ онъ. Не помню что я ему отвѣчала, но я его такъ просила, такъ убѣждала, такъ ласкала что онъ разцѣловалъ меня и обѣщалъ подумать. Съ тѣхъ поръ я не давала ему покоя, искала случая быть съ нимъ наединѣ и неотвязчиво приставала къ нему съ моею просьбой. Однажды неожиданно дѣдушка пріѣхалъ къ намъ утромъ и сказалъ матери: „Я хочу, Лизавета, дать отпускую Устиньѣ; она хорошо ходитъ за Лизушей (онъ такъ меня звалъ) и мнѣ пріятно ее наградить“.—„Какъ вамъ угодно, батюшка“, отвѣчала довольно сухо мать. Не знаю догадалась ли она что это дѣлается по моей просьбѣ, но дѣдушка меня не выдалъ.

Умные люди всегда поступаютъ съ тактомъ. Старикъ, помѣщичьяго закала, исполнилъ желаніе внучки, необычайное со стороны ребенка и *понялъ* что это дѣло должно остаться между нами. Вольная была дана, няня обрадована, хотя конечно не воспользовалась свободой и осталась у насъ попрежнему. Я была въ восторгѣ.

Въ старину дѣти росли и развивались при другихъ условіяхъ нежели теперь. Современныя дѣти не имѣютъ понятія о тѣхъ удовольствіяхъ какими мы пользовались въ нашемъ дѣтствѣ. На Святой, начиная съ перваго дня, съ утра до вечера, мы катали яйца. Общество составляли я съ воспитанницей матери, горничныя дѣвушки, дворовыя дѣти и иногда кто-нибудь изъ кузинъ. Разстлали большой коверъ, на концѣ котораго всѣ играющіе ставили по два яйца, на противоположной сторонѣ посрединѣ помѣщали лубокъ, приспособляя его къ какой-нибудь скамеечкѣ: чтобъ онъ былъ покатый, и игра начиналась. Каждая по очереди брала одно изъ своихъ яицъ съ коня и катила, направляя такъ чтобъ оно могло коснуться стоящихъ яицъ; а если оно щелкнуло какое-нибудь, то брала оба яйца и олять катила. Накатавшая много яицъ была побѣдительницей и очень этому радовалась. Катали мы еще другимъ способомъ: разставляя на полу рядомъ, съ небольшимъ промежуткомъ, попарно яйца и катали въ нихъ мячикъ.

На дворѣ у насъ были поставлены качели и по окончаніи уроковъ мы бѣжали опрометью или въ садъ, или качаться. Няня Устинья Михайловна, не отходящая отъ меня, приказывала горничнымъ качать какъ можно тише, а я кричала какъ можно выше. Иногда вечеромъ все молодое поколѣніе двора собиралось играть съ барышнями, водили хороводы, бѣгали въ горѣлки, играли въ коршуны, и все съ неописаннымъ увлеченіемъ. А какое было веселье на Святкахъ! Блокъ тогда еще не дѣлали, за то каждый вечеръ хоронили золото, наряжались, лѣли подблюдныя лѣски, топили воскъ, играли въ жмурки, въ жгуты. Персоналъ веселящихся былъ все одинъ и тотъ же. Намъ была отведена особая комната вдали отъ гостиной, чтобы мы своимъ шумомъ не мѣшали большимъ, и насъ никто не стѣснялъ. Въ этой комнатѣ стоялъ дымъ коромысломъ, и я вполне наслаждалась.

Прекращались всѣ эти святочные веселости крещенскимъ сочельникомъ. Послѣ всеобщей служившейся у насъ на дому,

я съ няней шла по комнатамъ и на каждой двери и окнѣ дѣлали мѣломъ крестъ. Приходило лѣто. Съ удовольствіемъ вспоминаю о нашемъ огромномъ садѣ, который былъ для меня источникомъ наслажденія. Онъ казался мнѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ очень великъ, и въ немъ было много мѣстъ въ дикомъ состояніи. Въ этомъ садѣ въ первый разъ разыгралась моя дѣтская фантазія. Мнѣ хотѣлось его преобразить, украсить, и для этого я усердно изучила очень хорошее изданіе *Плановъ и Украшеній для сада*, которое и теперь могло бы дать много хорошихъ мыслей. По моей просьбѣ и выбору мать построила бесѣдку на прекрасномъ мѣстѣ, откуда открывался видъ на рѣку, загородныя слободы, роци и монастырь. Кромѣ того, были разведены цвѣтники, проложены дорожки, поставлены скамейки и еще исполнены кой-какія заѣты. У меня былъ и собственный мой садикъ, гдѣ я разводила цвѣты, овощи, устроила хижину, погребокъ для храненія разныхъ овощей и плодовъ, нѣчто долженствовавшее изображать жилище Робинзона, приключенія котораго произвели на меня сильное впечатлѣніе. Я не знаю книги для дѣтскаго возраста болѣе поучительной и занимательной; жаль если новое поколѣніе не будетъ читать ее. Ученьемъ меня не слишкомъ утомляли. У насъ жила старая гувернантка, Француженка *Mme LaCombe*, воспитавшая С. П. Шевырева, съ которымъ я потомъ въ Москвѣ была очень коротко знакома. Очень скоро научилась я говорить по-французски и понимать все что читала, но Французовъ не любила. Отецъ мой, котораго я не любила, ненавидѣлъ Французовъ и не хотѣлъ чтобы дѣти его говорили по-французски. Мать моя въ отношеніи меня не исполнила его желанія, но я наследовала отъ него ненависть ко Французамъ и не могла простить имъ Двѣнадцатаго Года.

Я имѣла страсть къ чтенію, и когда мнѣ не здоровилось, что случалось довольно часто, то мать моя чтобы развлечь меня и доставить удовольствіе открывала шкафы бібліотеки, находившіяся *въ предспальной*, ведущей въ спальную, гдѣ я спала съ моею матерью. Тогда я накидывалась на книги, ложила ихъ и забывала о нездоровьѣ. Библіотека матери состояла изъ классическихъ сочиненій, изъ книгъ историческихъ или духовнаго и нравственнаго содержанія. Были сочиненія Жюльенъ и много дѣтскихъ книгъ. Съ большимъ удовольствіемъ

читала я Плутарха съ изображеніемъ въ медальюнахъ великихъ людей, изданіе котораго я потомъ никогда не встрѣчала. Въ счастливые дни, когда отворялись шкафы библіотеки, я прочитывала какую-нибудь трагедію Расина или Вольтера, заучивала стихи которые мнѣ нравились и одна представляла сцены изъ этихъ трагедій. *Дмитрій Донской* Озерова приводилъ меня въ восторгъ, и я съ большимъ паѳосомъ декламировала обращеніе Дмитрія ко князьямъ:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Пршедшіе за Донъ отыскивать свободы и т. д.

Мать моя была довольно богата и чрезвычайно гостепріимна, по-просту, по-русски. Въ домѣ нашемъ не было ни малѣйшей роскоши. Исполнять какія-нибудь прихоти, дѣлать какія-нибудь издержки изъ тщеславія, въ голову не приходило моей матери; за то всѣ окружающіе насъ жили въ довольствѣ, и за столомъ нашимъ, не прихотливымъ, но изобильнымъ, всякій гость находилъ радушный пріемъ. Кромѣ того что у насъ каждый день кто-нибудь обѣдалъ изъ родныхъ или знакомыхъ, у насъ были ежедневные посѣтители les habitués de la maison, старушки которыя не имѣли своего стола, два старичка которымъ не на что было обѣдать. Одинъ изъ нихъ высокій, черныи, молчаливый, отставной мелкій чиновникъ безъ рода и племени; другой, живой, маленькій, худенькій старикашка, всегда въ одномъ и томъ же коричневомъ фракѣ допотопнаго покроя, но имѣвшемъ удивительное свойство не изнашиваться. Не помню какого происхожденія былъ этотъ старикъ, но онъ любилъ чтеніе и былъ нѣскольکو образованъ. Онъ бывалъ у насъ ежедневно до конца жизни. Мать моя ходила за нимъ въ его предсмертной болѣзни и похоронила на свой счетъ. Онъ оставилъ намъ сундукъ наполненный разными книгами, по большей части разрозненными:

Въ то время въ Пензѣ стояла какая-то дивизія и вся лучшая военная молодежь почти ежедневно у насъ собиралась. Родные, коротко знакомыя дамы и дѣвцы также усердно насъ посѣщали. Вечера наши начинались рано и кончались не поздно. Пожилые играли въ карты, молодые танцевали подъ фортепіано, а иногда играли въ интеллигентныя игры, въ синонимы, риѣмы, въ отгадыванье заданнаго слова изъ произносимыхъ играющими фразъ и пр., но чаще забавлялись шумными играми: жмурками, жгутомъ, туалетомъ, веревочкой и т. д.

II.

Въ мое дѣтство было два замѣчательныя событія, живо сохранившіяся въ моей памяти: посвященіе Пензы императоромъ Александромъ I и поѣздка наша въ Кіевъ.

Много было приготовленій къ пріѣзду государя, много было толковъ, волненія. Весь нашъ городъ повернулся вверхъ дномъ. Съ величайшимъ любопытствомъ встрѣчали полку приходившіе для государева смотра. Строили галлерей для бала, готовили великолѣпную иллюминацію. Жизнь кипѣла на улицахъ, суматоха была во всѣхъ домахъ. Богатыя дамы выписывали наряды изъ Москвы и Петербурга, побѣднѣе, заказывали пензенскимъ модисткамъ, нѣкоторыя и сами мастерили: никому не хотѣлось отстать отъ другихъ и не участвовать во всѣхъ предстоявшихъ удовольствіяхъ. Пензенскіе жители, имѣвшіе дома, считали обязанностію предлагать пріютъ роднымъ, деревенскимъ сосѣдямъ, знакомымъ пріѣхавшимъ изъ дальнихъ губерній. Тогда гостиниць было не много и тамъ останавливались только тѣ которые никого не знали въ городѣ, а тѣ кто имѣли родныхъ или знакомыхъ останавливались у нихъ. При семъ же необыкновенномъ событіи русское гостепріимство и хлѣбосоольство не знали предѣловъ. Нашъ домъ какъ и всѣ другіе былъ биткомъ набитъ гостями. Меня очень веселили эти суета и оживленіе. Наконецъ насталъ день такъ нетерпѣливо ожидаемый. Пронесся слухъ что государь будетъ къ вечеру (это было кажется 30 августа, день его именинъ). Съ самаго утра народъ толпился по улицамъ, и соборъ куда прямо долженъ былъ пріѣхать государь, едва могъ вмѣстить всѣхъ жаждавшихъ его видѣть. Эта масса народа, стоявшая въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ въ тѣснотѣ, не могла оставаться безмолвною, она разговаривала и шумѣла. Тогда архіерей Амвросій, человекъ строгій, святой жизни, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, вышелъ изъ алтаря, грозно посмотрѣлъ на толпу и сказалъ: „какъ можете вы, ожидая царя земнаго, забыть о Царѣ небесномъ и нарушать уваженіе къ Его храму?“ Слова эти произвели дѣйствіе, тишина водворилась. Я была также въ соборѣ, но такъ было тѣсно что меня скоро увели.

Тогда не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, слѣдовательно нельзя было опредѣлить съ точностію время пріѣзда государя. Его ожидали съ четырехъ часовъ, а онъ пріѣхалъ поздно вечеромъ. На другой день я видѣла близко

государя у подъязда гимназiи и покушалась бросить подъ ноги цвѣты изъ нашего сада, которые принесла и держала въ рукахъ, но не хватило рѣшимости. Государя не только любили, но имъ восхищались какъ красавцемъ. Пребыванiе Александра I составило эпоху въ „лѣтописяхъ“ Пензы. Въ продолженiе этихъ нѣсколькихъ дней испытано было столько новыхъ наслажденiй, столько блестящихъ удовольствiй что 1825 годъ для многихъ останется незабвеннымъ. Послѣ шумнаго оживленiя однообразно потянулась провинциальная жизнь. Скучно было провожать гостей наполнявшихъ домъ, съ сожалѣнiемъ смотрѣли мы на уходившiе полки. Неприятно было приниматься за уроки прерванные на все это время.

Въ Кiевъ мы ѣздили въ 1826 году со многочисленнымъ, но не совсемъ приятнымъ семействомъ одной изъ моихъ тетюшекъ.

Мы путешествовали на своихъ лошадахъ, ѣхали вдвоемъ съ матерью въ очень спокойномъ дормезѣ. За нами тянулось нѣсколько экипажей разнаго рода и вида. Пути сообщенiя были тогда мало эксплуатированы и мало извѣстны. Вѣроятно планъ нашего *вожжа* былъ составленъ заранѣе, но думаю что мы часто руководствовались логоворкой: языкъ до Кiева доведетъ. Часто обращались къ прохожимъ съ разспросами, какая впереди деревня? гдѣ можно было бы покормить? сколько до нея верстъ? Показанiя не всегда были вѣрны. Но мы все-таки достигали какой-нибудь деревни, гдѣ располагались на нѣсколько часовъ. Днемъ мы старались обыкновенно останавливаться до жары, часовъ въ 10, 11. Приискивали самую лучшую избу. Хозяева охотно насъ лускали, предоставляя все въ наше распоряженiе. Тогда начиналась выгрузка изъ экипажей разныхъ припасовъ и посуды. Горничныя суетились, поваръ хлопоталъ достать яйца, куръ, цыплятъ и на скоро приготавливалъ обѣдъ. Выѣзжали когда жаръ схлынетъ, часовъ въ 5, 6 и останавливались часовъ въ 9. Ночлегъ сопровождался большими хлопотами. Начинали съ чаепитiя, потомъ собирали ужинъ и заботились какъ удобнѣе устроить спальне. Съ нами были перины (матрацы тогда еще не были въ ходу), подушки и все нужное бѣлье. Начиналось обметанье стѣнъ, половъ, доставали какъ можно болѣе скамей чтобы на нихъ слать постели. У меня было отвращенiе отъ таракановъ и потому я очень бывала довольна когда мы съ матерью ночевали въ дормезѣ, гдѣ отымались доски и намъ слали постель такую удобную что я спала крѣпкимъ сномъ,

не слыша какъ лоутру рано запрягали лошадей и мы выѣзжали. Просыпалась когда мы уже далеко отъѣхали. Особливо пріятно было ѣхать по проселочнымъ дорогамъ, когда сладалъ жаръ и солнце садилось. Воздухъ былъ такъ живителенъ, прохлада такъ пріятна. Лошадки бѣжали бодро. Предъ нами разстилалась то необозримая поля ржи, то нескончаемые луга, то показывался лѣсокъ, то одинокая деревушка, то большое село съ мельницами, господскою усадьбой и церковью; все это занимало меня и заставляло думать что я еще такъ мало видѣла на свѣтѣ, и потому каждый новый предметъ возбуждалъ во мнѣ интересъ. Малороссія очень нравилась мнѣ съ ея выѣленными хатами, окруженными фруктовыми деревьями, съ красивыми лицами дѣвчине, съ изобиліемъ овощей и плодовъ. Поѣздка эта вообще доставила мнѣ большое удовольствіе и по возвращеніи была долго предметомъ нескончаемыхъ разказовъ домашнимъ о моихъ лутевыхъ впечатлѣніяхъ. Я такъ много слышала о Кіевѣ отъ разныхъ богомолковъ оттуда возвращавшихся что представляла себѣ „Святый Градъ“ какимъ-то чуднымъ, завѣтнымъ, недосыгаемымъ мѣстомъ и когда, послѣ долгаго странствованія, мы подѣзжали къ Кіеву, то я едва могла вѣрить моему счастью и съ восторгомъ смотрѣла на Печерскій монастырь, представившійся намъ во всемъ своемъ величіи. Я была вѣ себя отъ радости, крестилась, цѣловала мать и читала *Черныя* Козлова, который имѣлъ тогда большой успѣхъ и который былъ при мнѣ съ другими книгами усаждавшими нашъ долгій путь.

Подъ Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій
Межъ дикихъ скалъ кипитъ, шумитъ,
На склонахъ, на горѣ высокой,
Обитель цоковъ стоитъ.

Мы пробыли двѣ недѣли въ Кіевѣ, каждый день бывали въ Печерской Лаврѣ, гдѣ и говѣли. Мать моя познакомилась съ однимъ очень интереснымъ монахомъ, отцомъ Каллистомъ. Онъ былъ молодецъ, образованъ и имѣлъ въ себѣ что-то необыкновенно благородное и симпатичное. Что привело его къ монашеской жизни, осталось для насъ неизвѣстнымъ. Мы видѣли его каждый день и очень полюбили. Онъ показывалъ намъ достопримѣчательности Лавры, приглашалъ иногда въ свою келью и радушно угощалъ чаемъ и фруктами. Отецъ Каллиста представлялся мнѣ какимъ-то

идеальнымъ существомъ, и я сочинила въ умѣ нѣсколько романовъ, героями которыхъ былъ онъ. Предчувствовала ли я тогда что судьба снова занесетъ меня въ Кіевъ уже молодою женщиной, что тамъ я проведу самые счастливые, самые свѣтлые дни моей жизни и не вспомню объ отцѣ Каллиствѣ, не постараюсь даже узнать о немъ при посѣщеніяхъ Лавры! Потомъ, когда мы совсѣмъ оставили Кіевъ, я досадовала на мою забывчивость и жалѣла что, не видала отца Каллиста, который вѣроятно жилъ еще въ Лаврѣ. Съ поѣздки въ Кіевъ я начала писать мой дневникъ. Мнѣ было десять лѣтъ съ небольшимъ; какъ пришла мнѣ эта мысль въ голову, не знаю, никто ея мнѣ не внушилъ. Вела я дневникъ въ продолженіе моей долгой, скитальческой жизни, но съ частыми перерывами. Перестала его вести когда все мое существованіе было поглощено моими дѣтьми и я жила ихъ жизнью, все личное во мнѣ исчезло...

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ литературныя знаменитости имѣли для меня величайшее обаяніе. Первый авторъ, какъ я узнала, былъ Мих. Ник. Загоскинъ, находившійся тогда во цвѣтѣ лѣтъ и въ апогеѣ драматической славы. Піесы его имѣли огромный успѣхъ, имъ рукоплескали на императорскихъ театрахъ и на частныхъ сценахъ, на которыхъ ихъ безпрестанно играли.

Онъ пріѣхалъ въ Пензу повидаться съ матерью и тамъ его чрезвычайно фетировали, давали въ честь его обѣды, вечера, лили за его здоровье. Его сестра была за моимъ роднымъ дядей, поэтому-то мы считались въ свойствѣ и часто видѣлись. Онъ очень ласкалъ меня и называлъ маленькую кузиной. Онъ былъ хорошъ собой, имѣлъ доброе выраженіе лица и былъ чрезвычайно любезенъ. Я отъ него была въ восхищеніи, особенно послѣ того какъ онъ прочелъ намъ свой *Благородный Театръ*.

Въ теченіе моей жизни я слышала чтеніе многихъ литераторовъ, но нахожу что лучше Мих. Ник. Загоскина никто не читалъ.

Въ послѣдствіи я часто встрѣчала его когда жила въ Москвѣ. Загоскинъ имѣлъ большое дарованіе, живое воображеніе, природный умъ и теплоту чувства, но онъ не получилъ многосторонняго образованія. Вращался въ узкой московской сферѣ, стѣсняемый семейными обстоятельствами съ которыми не умѣлъ бороться; всю жизнь провелъ съ

больною, неприятною женой, которая не отпускала его от себя какъ ни сильно было въ немъ желаніе увидѣть другія страны, поѣздить по Россіи, побывать въ Киевѣ, въ Крыму, что было бы весьма полезно для его дарованія, преимущественно наблюдательнаго. Покорность женѣ происходила не изъ сильной любви къ ней, а отъ слабости характера. Самою блестящею эпохой его литературнаго полрица было появленіе *Юрія Милославскаго*, имѣвшаго необыкновенный успѣхъ и сдѣлавшагося популярнымъ какъ не бывалъ до тѣхъ поръ ни одинъ романъ въ Россіи. Мнѣ кажется что и драматическія его произведенія, имѣющія неотъемлемое достоинство, всегда будутъ занимать почетное мѣсто въ нашей литературѣ. Подъ старость Михаилъ Николаевичъ сдѣлался набожнымъ, противникомъ заладничества вообще и философскихъ мудрованій въ особенноти, неутомимо игралъ въ карты, слишкомъ громко говорилъ и черезчуръ горячился когда спорилъ.

Хотя я едва вступила только въ отрочество, но жаждала уже новыхъ ощущеній и скучала однообразною провинціальною жизнью. Мать моя по неотступной моей просьбѣ рѣшилась переѣхать въ Москву, гдѣ довольно безцвѣтно прошла моя первая юность.

Сильно было во мнѣ желаніе учиться, приобрѣтать всевозможныя свѣдѣнія, но сознаюсь что въ этой любознательности была нѣкоторая доля тщеславія. Вздумалось мнѣ учиться на арфѣ, я находила инструментъ этотъ чрезвычайно поэтическимъ; фантазію эту возбудили во мнѣ записки гжи Жанлисъ, въ которыхъ она очень много говоритъ объ арфѣ и о своемъ музыкальномъ талантѣ. Арфа, разумѣется, была немедленно куплена; кстату случилось что въ это время пріѣхала изъ Парижа Мте Бертравъ, извѣстная арфистка; она провела всю зиму въ Москвѣ, дала нѣсколько концертовъ имѣвшихъ успѣхъ, познакомилась съ нами, часто у насъ бывала и давала мнѣ уроки. Послѣ же я училась у знаменитаго арфиста и композитора для арфы Альвареса. Занималась я съ увлеченіемъ, играла неутомимо и *выдолбила* нѣсколько ліесть, такъ что меня слушали не безъ удовольствія, вѣроятно только потому что на арфѣ по ея гармоничности всякое бречаніе пріятно. Нелогично отчего такой прелестный, сладковзвучный инструментъ могъ выйти изъ моды.

Продолжала учиться на фортепіано безо всякаго успѣха, училась лѣтъ, [надрывалась надъ солфеджіями и ничего не

выходило. Деньги и время были бесполезно потрачены, какъ это часто случается въ нашемъ воспитаніи, въ которомъ преобладаетъ тщеславіе и погоня за талантами безъ соображенія есть ли дарованіе.

III.

Памятенъ былъ для Москвы 1830 годъ. Провнеслась вѣсть о холерѣ, всѣхъ объялъ ужасъ, нѣкоторые пріѣхали въ Москву изъ тѣхъ мѣстъ гдѣ она уже показалась; карантинныя окружавшія Москву были наполнены народомъ, но никакія мѣры предосторожности не могли спасти бѣлокаменную отъ страшнаго бича: холера появилась, эта страшная невѣдомая гостья, и всѣ затрепетали, но волненія никакого не было. Молились и съ покорностію ожидали смерти. Городъ представлялъ унылое зрѣлище. Всѣ жили въ залерти, ни съ кѣмъ не сообщаясь. Театры и общественныя удовольствія прекратились, частныхъ собраній также никакихъ не было. У многихъ домовъ даже ворота были залерты и все что приносилось извнѣ подвергалось окуриванію. На улицахъ царствовала пустота и безмолвіе. Изрѣдка только проходилъ какой-нибудь озабоченный пѣшеходъ съ выраженіемъ страха на лицѣ или быстро проѣзжалъ экипажъ очевидно по какой-нибудь экстренной надобности. Но всего чаще слышался стукъ каретъ развозившихъ по больницамъ заболѣвавшихъ холерой и появленіе этихъ экипажей производило на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Мы также жили въ залерти, ни съ кѣмъ не видаясь, у насъ поселилась одна изъ моихъ тетусекъ, бѣжавшая изъ деревни отъ холеры. Тетушка была необыкновенно толста и вообразила себѣ не знаю почему что по своей корпуленціи должна непременно сдѣлаться жертвой холеры и страшно ея боялась; мать моя также нѣсколько лобаивалась, но я ни мало. У насъ соблюдалась въ столѣ строжайшая діета; кромѣ супа, говядины, легонькой каши, иногда жаркаго, ничего не подавалось за обѣдомъ. Тетушка и это боялась кушать. Наконецъ холера начала ослабѣвать, городъ сталъ нѣсколько оживляться; а когда было объявлено что зараза совсѣмъ прекратилась, былъ отслуженъ благодарственный молебень, и мы вышли изъ своего заключенія, то это была великая радость.

Не знаю отчего намъ не приходило въ голову что холера пошла далѣе на сѣверъ, и весной 1831 года мы отправились

въ Петербургъ, гдѣ моя мать никогда не бывала и который хотѣлось ей самой посмотрѣть и мнѣ показать. Сначала мы очень пріятно проводили время. Одинъ нашъ искренній старинный другъ приготовилъ намъ очень хорошенькую квартирку на Васильевскомъ Островѣ и показывалъ намъ всѣ достопримѣчательности Петербурга, но вдругъ разнеслась роковая вѣсть о появленіи холеры, и все оцѣлѣло. Холера была столь неожиданнымъ, необычайнымъ, столь ужаснымъ явленіемъ что невѣжды вѣроятно подстрекаемые людьми злонамѣренными старались объяснить ее отравой и распространяли слухъ будто отравляютъ колодцы, рѣки и даже яства и что будто это учиняютъ преимущественно доктора. Мы очень перепугались когда услышали что на Свѣной бунтуетъ народъ, но успокоились, узнавъ что государь своимъ явленіемъ и энергичными словами мгновенно прекратилъ волненіе. Однажды, въ воскресенье поутру, мы услышали крики, шумъ, стоны, подбѣжали къ окну и увидѣли какъ народъ терзалъ какого-то молодаго человѣка, у котораго нашли лузырьки въ карманѣ и вообразили что они съ ядомъ. Несчастный былъ весь окровавленъ и навѣрное бы погибъ еслибы священникъ изъ ближней церкви не вышелъ съ крестомъ въ рукахъ и не укротилъ толпы предложивъ выпить что находилось въ лузырькахъ, это были какія-то невинныя лѣкарства. Избитый молодой человѣкъ былъ спасенъ, но неизвѣстно остался ли живъ послѣ такихъ истязаній. Это происшествіе такъ напугало меня и такъ потрясло нервы что въ тотъ же вечеръ я занемогла со всѣми признаками холеры. Медицинская помощь немедленно оказанная не допустила развиться болѣзни до сильной степени, но я нѣсколько дней пролежала и потомъ долго не могла поправиться. Какъ только я была въ силахъ мы уѣхали въ Москву и остатокъ лѣта провели во Всѣхсвятскомъ на дачѣ.

У насъ былъ старинный пріятель Юрій Никитичъ Бартевевъ, человѣкъ умный, любознательный, но въ высшей степени оригиналь. Онъ употреблялъ въ разговорѣ престранныя выраженія и позволялъ себѣ говорить удивительныя вещи. Онъ въ глаза осыпалъ преувеличенными похвалами тѣхъ кто ему были по сердцу, а тѣмъ кто ему не нравился онъ говорилъ ядовитыя колкости и горькія истины. Ему все съ рукъ сходило, на него боялись сердиться, но многие не любили его и имѣли о немъ самое дурное мнѣніе. Однако

онъ имѣлъ и много приверженцевъ высоко ставившихъ его умъ. У него была добрая, простая жена, очень болѣзненная и не очень счастливая; ея супругъ имѣлъ въ семьѣ тяжелый характеръ, но тѣмъ не менѣе она его страстно любила. Юрій Никитичъ неизмовѣрно много читалъ, особливо философскія и мистическія сочиненія. У него была страсть къ книгамъ. Онъ покупалъ все что показывалось новаго въ русской, французской и нѣмецкой литературѣ, точно также и въ области наукъ на этихъ трехъ языкахъ. Богатую бібліотеку свою онъ оставилъ Костромской гимназіи. Самъ онъ былъ уроженецъ Костромы. Знакомъ онъ былъ со всѣми нашими литераторами и со знаменитостями всякаго рода, и они всѣ писали ему въ альбомъ, который былъ чрезвычайно любопытенъ. Извѣстный мистикъ князь А. Н. Голицынъ былъ его другомъ; они были однихъ вѣрованій и потому такъ тѣсно сошлись и вмѣстѣ жили въ Крыму, гдѣ Юрій Никитичъ писалъ записки, въ которыя входило много того что сообщалъ ему А. Н. Голицынъ, иногда даже писалъ съ его словъ. Записки эти должны быть въ высшей степени любопытны по содержанію, по оригинальности изложенія и по необыкновенному слогу свойственному Юрію Никитичу. Въ послѣдніе годы его жизни въ Москвѣ, когда мы часто видались, онъ обещалъ прочесть мнѣ свои записки, но онъ часто болѣлъ и чтеніе все какъ-то не удавалось, о чемъ я очень жалѣю. Не знаю гдѣ онъ находится и какаѣ постигла ихъ участь, но жаль если онъ погибнуть. Бартенева былъ ко мнѣ чрезвычайно расположенъ за то что я любила читать, я также любила его за его любознательность и блаженствовала когда бывала у него посреди грудъ всевозможныхъ книгъ и изданій. Онъ охотно давалъ мнѣ читать все что я у него просила, и я обязана ему многими полезными чтеніемъ. Однажды онъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать и сказалъ что у него будетъ петербургскій гость, литераторъ, котораго онъ до небесъ расхваливалъ. Но ожидаемый гость, для котораго былъ приготовленъ роскошный обѣдъ, не пріѣхалъ, а явился послѣ обѣда. Какъ только онъ вошелъ въ комнату я почувствовала что-то необыкновенное, у меня забилось сердце и какое-то предчувствіе сказало мнѣ что человѣкъ этотъ будетъ мнѣ близокъ. Бартенева по-своему познакомилъ насъ.

— Вотъ, батюшка, когда издашь свои повѣсти, сестричкѣ-то (онъ такъ меня звалъ) экземплярчикъ: вѣдь она десятая муза, чудная у насъ дѣвка!

Рекомендація эта очень меня сконфузила.

К. отвѣчалъ что доставить ему десять экземпляровъ въ полное его распоряженіе. Потомъ онъ подѣлалъ ко мнѣ, и мы познакомились. Онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Я ни въ комъ до сихъ поръ не встрѣчала столько любезности, такой увлекательной разговорчивости и вмѣстѣ съ тѣмъ столько простоты и добродушія. Я провела прекрасный вечеръ и съ сожалѣніемъ поѣхала домой. Когда мы сѣли въ карету, я предалась какому-то сладостному мечтанью, совершенно для меня новому, чувствовала что со мной случился какой-то внутренній переворотъ, что я совсѣмъ не та какая была за нѣсколько часовъ назадъ, вѣхавъ въ той же самой каретѣ.

Послѣ этого вечера я много думала и поняла что встрѣтилась съ человѣкомъ котораго могу любить, и мнѣ стало грустно. Увижу ли я его еще когда-нибудь? Буду ли имѣть возможность съ нимъ сблизиться? Я слышала что онъ имѣетъ большой успѣхъ въ высшемъ московскомъ обществѣ; вѣрно ему уже кто-нибудь нравится, и мы нигдѣ не встрѣтимся, и онъ даже не вспомнитъ обо мнѣ... Я провела нѣсколько дней въ сильномъ волненіи.

Однажды, это было въ октябрѣ 1833 года, я сидѣла за работою, мать вслухъ читала мнѣ, какъ пришелъ лакей доложить о пріѣздѣ одного нашего знакомаго и сказалъ что съ нимъ пріѣхалъ полковникъ К. Я страшно смутилась и не знала что дѣлать, но когда онъ вошелъ я скоро оправилась; мы увидѣлись какъ знакомые, говорили очень много и съ такимъ одушевленіемъ что не видѣли какъ шло время. Совсѣмъ незамѣтно подошелъ часъ обѣда, мать моя пригласила его попросту остаться у насъ обѣдать, на что онъ согласился съ очевиднымъ удовольствіемъ, и я провела такой счастливый день какихъ не много имѣла въ жизни. Безпредѣльно была я благодарна Юрію Никитичу Бартеневу что онъ познакомилъ насъ съ нимъ и что В. привезъ его къ намъ. К. началъ бывать у насъ часто, мы осматривали вмѣстѣ нѣкоторыя достопримѣчательности Москвы, которую онъ мало зналъ. Послѣ этихъ экскурсій онъ обыкновенно обѣдалъ у насъ, мы шутили, смѣялись, играли въ валикъ, стараясь другъ предъ другомъ отличиться въ ловкости, и вскорѣ сдѣлались искренними друзьями. У меня былъ альбомъ недавно пріобрѣтенный, въ которомъ ничего еще не было написано. К. просилъ

позволенія сдѣлать починъ и написалъ стихи, которые привели меня въ восторгъ, тѣмъ болѣе что въ нихъ была остроумно выражена похвала моей матери, вотъ они:

Е. Л. О—ной.

Скажите какъ родились вы
 Въ нашъ вѣкъ унылый и печальный
 И какъ средь прозаической Москвы
 Вы создали міръ дивный, идеальный?
 Откуда въ васъ цвѣтущая мечта
 И къ свѣту милая небрежность,
 Души невинной доброта
 И эта дѣвственная нѣжность?
 Откуда въ васъ смѣсь сельской простоты
 Съ симъ блескомъ, роскошью познаній
 И эти всѣ изящныя черты
 Безъ гордости и притязаній?
 Смотрю на васъ и думаю порой,
 Не фея ль вы или другаго міра
 Жилца милая, не дружною судьбой
 Сведенная съ высотъ для жизненнаго пира.
 Внимаю вамъ, я думаю подчасъ:
 О сколько бѣ было вдругъ цвѣтовъ для жизни,
 Когда бѣ въ святой моей отчизнѣ
 Всѣ дѣвы подходили бы на васъ!
 Но тутъ подходитъ къ вамъ съ любовію *родная*
 И я смотрю на васъ мою загадку зная.

Какъ я была счастлива и какъ не долго это продолжалось.

Я говорила уже что въ Пензѣ мать моя жила очень гостеприимно, что между всенною молодежью у ней было много хорошихъ знакомыхъ и въ числѣ ихъ находилась одинъ свитскій калитанъ С. весьма ученый. Онъ былъ очень преданъ моей матери и наравнѣ съ другими часто посѣщаль насъ, и когда оставилъ Пензу, изрѣдка переписывался съ ней. Онъ, по несчастію, пріѣхалъ въ Москву съ Кавказа, гдѣ лѣчился отъ ранъ полученныхъ въ послѣднюю войну. Такъ какъ онъ былъ человѣкъ не богатый и больной, то мать по своей добротѣ и предложила ему остановиться у насъ въ двухъ, совершенно отдѣльныхъ, необходимыхъ намъ комнатахъ, неимѣвшихъ даже сообщенія съ нашею квартирой. Это было въ то время какъ мы познакомились съ К. Храбрый полковникъ былъ мнѣ чрезвычайно

противень: я говорила съ нимъ только изъ приличія, не могла равнодушно слышать какъ онъ заносчиво спорилъ и видѣть безъ отвращенія какъ онъ нюхалъ табакъ и пилъ водку до которой былъ большой охотникъ. Имѣла жестокосердіе радоваться когда онъ по нездоровью или чему-нибудь другому не выходилъ изъ своихъ комнатъ. Иногда однако онъ приходилъ когда у насъ бывалъ К., всегда вызывалъ его на споръ и разъ до того разгорячился, доказывая негодность гвардіи (а К. былъ полковникъ гвардіи) и превосходство арміи что наговорилъ ему много дерзкаго. Я трелетала и оласалась пагубнаго исхода. К. сумѣлъ сдержаться, но очевидно былъ оскорбленъ и послѣ этого несчастнаго вечера пересталъ къ намъ ѣздить. Я возненавидѣла полковника. Вскорѣ послѣ этотъ сумашедшій написалъ матери письмо, въ которомъ въ самыхъ страстныхъ выраженіяхъ признавался въ любви ко мнѣ. Мы были поражены. Мать отвѣчала учтиво, но холодно и положительно. Онъ не уговорился, прислалъ еще нѣсколько посланій въ этомъ родѣ. Я рѣшительно не хотѣла его видѣть, и онъ съѣхалъ отъ насъ написавъ ко мнѣ изступленное, прощальное письмо. Сдѣлалось ясно отъ чего онъ такъ придурался къ К. Это была ревность. Понятно также что тотъ не хотѣлъ встрѣчаться съ такимъ безумнымъ и вѣроятно возымѣлъ объ насъ невыгодное мнѣніе за то что мы могли быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ такимъ человѣкомъ. Онъ слишкомъ еще мало зналъ насъ и не могъ объяснить себѣ что эти отношенія существовали единственно только изъ состраданія къ грустному положенію раненаго воина и по необыкновенному мягкосердецію моей матери.

Каждое утро я вставала съ полною надеждою что К. пріѣдетъ, и каждый вечеръ ложилась съ тягостнымъ чувствомъ обманутаго ожиданія. Мать моя раздѣляла мое огорченіе. Она чрезвычайно полюбила К. и не скрывала что была бы счастлива еслибъ онъ сдѣлался ея зятемъ. Мнѣ хотѣлось во что бы то ни стало хотя еще разъ увидать его. Упросили мать мою сдѣлать большой вечеръ и въ числѣ всѣхъ нашихъ знакомыхъ пригласить и его, что не могло показаться заискиваніемъ съ нашей стороны. Много было приготовленій къ этому вечеру, я старалась чтобъ обстановка была какъ можно лучше и особенно занялась своимъ туалетомъ. Гостей собралось много: я находилась въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, старалась со всѣми быть очень

любезною, но съ волненіемъ поглядывала на дверь. Онъ пріѣхалъ очень поздно, былъ совсѣмъ другимъ чѣмъ въ послѣдній разъ какъ я его видѣла, оказалъ мнѣ нѣсколько словъ, сыгралъ партію въ вистъ и исчезъ. Этотъ вечеръ, на который я возлагала всѣ мои надежды, доказалъ только что между нами все кончено. Еслибъ я не такъ сильно чувствовала, то была бы смѣлѣе, спросила бы его просто отчего онъ у насъ такъ давно не былъ? отчего онъ перемѣнился? Выпытала бы у него правду, все бы объяснилось и не было бы такого тяжелого недоумѣнія, столько горя и столько слезъ. Надѣялась что онъ пріѣдетъ по крайней мѣрѣ проститься предъ отъѣздомъ въ Петербургъ, но вскорѣ узнала что онъ уже уѣхалъ!.. Мы были глубоко оскорблены! Какъ могъ добрый, сердечный К., сблизившись такъ искренно, вдругъ перемѣниться и даже не пріѣхать проститься хотя бы ради приличія! Мать полагала что кто-нибудь постарался удалить его отъ насъ посредствомъ какой-нибудь гадкой слетни. Я думала что онъ женится. Онъ былъ полковникъ гвардіи, хорошо шелъ по службѣ, имѣлъ прекрасную репутацію, литературную извѣстность, увлекательно любезенъ: всѣ даяныя чтобы нравиться и сдѣлать хорошую партію. Притомъ же въ Москвѣ женихи всегда были рѣдки, и ловить ихъ московскія дѣвицы и матушки имѣли большое искусство.

Въ послѣдствіи я узнала что причиной всему былъ несчастный полковникъ С. К. чувствовалъ ко мнѣ влеченіе, готовое обратиться въ болѣе нѣжное чувство, но его озадачили отношенія къ намъ С., его пребываніе въ нашемъ домѣ, его дерзость очевидно происходившая изъ ревности; онъ подумалъ что мать моя поощряетъ его искательство когда пріютила его подъ свой кровъ, и счелъ благоразумнымъ удалиться и не давать хода своему чувству.

IV.

Лѣтомъ 1833 года я уговорила мать поѣхать въ Петербургъ, который мы въ первый разъ такъ внезапно оставили, развлечясь, повеселиться, но у меня главнымъ побужденіемъ была надежда гдѣ-нибудь встрѣтить К. Мы были слишкомъ горды чтобы стараться какими-нибудь средствами возобновить съ нимъ знакомство; мы не знали даже находится ли

онъ въ эту минуту въ Петербургъ, такъ какъ ему часто давали командировки. У насъ были знакомые, мы много выѣзжали, посѣтили всѣ окрестности, бывали на всѣхъ гуляньяхъ, но все это мало утѣшало меня. Я была занята однимъ желаніемъ его встрѣтить, и гдѣ бы я ни находилась, я слѣдила глазами за каждымъ полковничьими эполетами генеральнаго штаба.

Моя мать сильно занемогла въ Петербургъ, и хотя мы имѣли намѣреніе провести тамъ зиму, но она думала что въ Москвѣ ей будетъ лучше и пожелала туда возвратиться. Незадолго до нашего отъѣзда мы узнали случайно что К. только-что возвратился изъ поѣздки по дѣламъ службы во внутреннія губерніи и вовсе не ожидали его видѣть. Однако однажды вечеромъ онъ явился и привезъ намъ свои повѣсти. Мы были чрезвычайно смущены его пріѣздомъ. Онъ выразилъ сочувствіе къ болѣзни матери, но въ немъ не было прежней сердечности. Общались еще разъ навѣстить насъ до отъѣзда, однако не пріѣзжалъ. Мы отправились въ Москву въ тотъ самый день въ который назначили. Тяжело было мнѣ уѣхать изъ Петербурга, и еслибъ я попросилъ мою мать, то она, конечно, осталась бы, но я благодарю Бога что не сдѣлала этого. Еслибы моя мать умерла въ Петербургъ, то я бы всю жизнь упрекала себя и думала что можетъ-быть она въ Москвѣ осталась бы жива.

По возвращеніи въ Москву моя мать сначала чувствовала себя лучше, но потомъ у ней сдѣлалось воспаление въ боку, послѣ котораго она не могла полправиться. Силы ея день ото дня слабѣли, она потеряла движеніе членовъ, и ее переворачивали въ постели. Мою мать лѣчилъ извѣстный тогда врачъ Григорій Яковлевичъ Высотскій, и лѣчилъ съ усердіемъ и сердечностью. Ничего не можетъ быть ужаснѣе какъ видѣть страданія тѣхъ кого любишь; жить между страхомъ и надеждой, просыпаться съ трепетомъ, засыпать со стѣсненнымъ сердцемъ. Нѣтъ человѣка который не дѣлалъ бы сердечныхъ утратъ въ жизни, но я, какъ чрезмѣрно избалованная, нервная, съ разстроеннымъ воображеніемъ, не умѣла съ христіанскою покорностью переносить моего горя. Я не имѣла твердости присутствовать при послѣднихъ минутахъ моей матери, меня уведи когда началась агонія. Едва имѣла силы проститься съ ней мертвою и упала въ обморокъ у ея гроба. Я находилась въ такомъ состояніи что одна наша добрая

пріятельница Наумова увезла меня къ себѣ. Дядя мой и она рѣшили что мнѣ невозможно остаться на нашей квартирѣ, что я истерзаюсь. Я въ тотъ же день слегла въ постель и не въ силахъ была присутствовать на погребеніи моей матери. По моему желанію, ее похоронили въ Симоновомъ монастырѣ. Наканунѣ смерти она простилась со мной, благословила меня и поручила меня брату, котораго особенно любила. Онъ сдѣлался моимъ опекуномъ, такъ какъ я не была еще совершеннолѣтнею, и я поѣхала жить къ нему въ Рязань. Онъ былъ женатъ и имѣлъ девять человѣкъ дѣтей. Няня моя и Настасья Яковлевна, горничная моей матери, обѣ чрезвычайно ко мнѣ привязанныя, находились при мнѣ; въ то время любовь ихъ была единственнымъ утѣшеніемъ въ моей скорби. Живя во многочисленномъ семействѣ, я не чувствовала одиночества, но тяжело было сердечное одиночество и беззащитность моего положенія. Дядя былъ добръ ко мнѣ, но у него и безъ меня было такъ много кого любить и о комъ заботиться и я чувствовала что была одна на свѣтѣ, и совершенно свободна! Я слыла богатою невѣстой; и нашлось много молодыхъ людей которые за мной ухаживали гораздо смѣлѣе нежели при матери, и даже одинъ имѣлъ дерзость, несмотря на мою къ нему холодность, написать любовное посланіе: это меня ужасно оскорбило. Весной 1834 года жена моего дяди должна была поѣхать въ Петербургъ для помѣщенія въ казенное заведеніе старшаго сына и предложила мнѣ сопровождать ее, чему я очень обрадовалась. Въ Петербургѣ мы остановились у дальняго родственника моей тетушки Александра Дмитріевича Балашева, сдѣлавшагося извѣстнымъ своими остроумными отвѣтами Наполеону. Онъ былъ когда-то генераль-губернаторомъ и министромъ полиціи, но вслѣдствіе какой-то неблаговидной исторіи, подробности которой я забыла, принужденъ былъ оставить службу. Онъ былъ образованъ и необыкновенно уменъ, свѣтски привѣтливъ, съ лошибомъ французскаго аристократа XVIII столѣтія. Мнѣ пріятно было его слушать; онъ много видѣлъ, много зналъ и хорошо разказывалъ. Былъ чрезвычайно гостепріименъ, каждую недѣлю давалъ большіе обѣды, и домъ его былъ устроенъ на барскую ногу. Въ то время какъ я съ нимъ познакомилась онъ жилъ со старушкою сестрой, чрезвычайно доброю. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей. Старшій, отъ первой жены, уже совершенно отдѣленный; трое, отъ второй жены, должны

были наследовать все богатство; но чрезъ нѣсколько лѣтъ одинъ былъ убитъ на Кавказѣ, другой, женатый на Паскевичѣ, очаровательной женщиной, умеръ за границей; вскорѣ за нимъ послѣдовала и жена, и на мѣсто счастливой четы въ Россію возвратились два гроба. Послѣ нихъ остались два мальчика-малютки. Въ живыхъ находился средний сынъ, женатый на Левашевой. Смерть часто разрушаетъ всѣ человѣческія комбинаціи. Старикъ не старался бы такъ всеми средствами приобрѣтать богатство если бы могъ предвидѣть что у него останется только одинъ сынъ.

Тетушка моя возвратилась въ Рязань, помѣстивъ сына, а я осталась въ Петербургѣ съ другою теткой, которая постоянно тамъ жила, чтобъ ѣхать съ ней въ Ревель купаться въ морѣ. Доктора находили что это будетъ для меня полезно, потому что мои нервы слишкомъ были потрясены смертью матери.

Настала въ моей жизни эпоха исполненная глубокихъ внутреннихъ ощущеній; но такъ какъ они никого не могутъ интересовать, то опишу вкратцѣ что случилось. К. узналъ отъ одной нашей общей знакомой что я въ Петербургѣ, привѣхалъ ко мнѣ, началъ посѣщать часто, принималъ живое участіе въ моемъ горѣ и, когда я была въ Ревель, написалъ мнѣ письмо, которое исполнило меня такою радостью, такимъ счастьемъ что я чуть не сошла съ ума... Я сдѣлалась его женой и была безпредѣльно счастлива; но въ невѣстахъ часто бывало мнѣ тяжело и грустно. Я вспоминала о моей матери, представляла себѣ какъ она была бы счастлива моимъ счастьемъ, какъ при ней все было бы иначе, съ какою нѣжностью она обо всемъ заботилась бы, съ какимъ умиленіемъ благословила бы меня на новую жизнь; а теперь меня благословила, въ качествѣ посаженной матери, родственница, которую я не уважала... Въ эти торжественныя минуты близкими моему сердцу изъ окружавшихъ меня были только моя няня и Настасья Яковлевна.

Но мужъ мой замѣнялъ мнѣ все и всѣхъ. Онъ былъ такъ добръ, такъ нѣженъ, такъ *матерински* заботливо любилъ меня и притомъ былъ такъ благороденъ, такой пламенный патриотъ, такъ горячо сочувствовалъ всему хорошему, что я гордилась имъ и безпредѣльно его любила. Въ день нашей

свадьбы онъ написалъ мнѣ стихи, которые всѣмъ нравились и которые очень часто списывали изъ моего альбома:

Дай руку мнѣ, съ тобою вдвоемъ
 По тайной, жизненной дорогѣ
 На горе, радость, на тревоги
 Съ довѣренностью мы поидемъ.
 Ты будешь геніи мой надежный,
 Мой добрый другъ и ангелъ мой,
 И океанъ страстей мятежный
 Отважно проплыву съ тобою,
 Моей спасительной звѣздой...
 Но если жизни въ бурномъ морѣ
 Печаль въ твою вѣснится грудь,
 Когда тоска иль злое горе
 Тебя коснется какъ-нибудь...
 Дай слово мнѣ: сказать о горѣ,
 Печаль повѣрить, раздѣлить,
 Тоску развѣять въ дружномъ взорѣ
 И... беззаботно снова плыть!
 Есть положительное счастье,
 Оно доступно людямъ здѣсь:
 То—сердце пылкое, участие,
 То вѣра въ Промыселъ небесъ!
 Въ любовь мы вѣримъ, въ небо тоже;
 Все остальное аживый сонъ....

И такъ надежда и любовь,
 Такъ вѣра въ счастье тихой жизни
 И въ вѣрность чувствъ, и въ вѣрность словъ,
 И... въ бытіе другой отчизны.

V.

Вскорѣ послѣ свадьбы мы отправились въ Пензу для устройства нашихъ дѣлъ по имѣнію и продажи дома. Остановились на нѣсколько дней въ Москвѣ, гдѣ мужъ мой познакомилъ меня съ Николаемъ и Ксенофонтомъ Полевыми, Вельтманомъ и со многими изъ тамошнихъ друзей своихъ. Полевые праздновали нашъ пріѣздъ и каждый изъ нихъ далъ для насъ прекрасный обѣдъ. Мнѣ очень понравилась семейная жизнь Ксенофонта Полеваго. Милая, образованная жена, трое

красивых маютокъ, хорошее удобное помѣщеніе, довольство безъ роскоши; у обоихъ любовь къ занятіямъ, самыя нѣжныя супружескія отношенія: казалось, были всѣ условія подлаго, прочнаго счастья и какъ оно скоро измѣнило! Они отъ чего-то разорились, изъ дѣтей остался въ живыхъ кажется только одинъ, и они сами исчезли съ лица земли, такъ что потомъ, живя въ Москвѣ черезъ нѣсколько лѣтъ, я не могла отыскать ихъ. Николай Полевой жилъ очень скромно, у него было десять человѣкъ дѣтей. На обѣдѣ у него мнѣ было очень пріятно; я находилась въ той интеллигентной сферѣ къ которой съ раннихъ лѣтъ имѣла большое влеченіе. Хозяинъ былъ очень любезенъ, разговорчивъ, былъ что-называется въ ударѣ и бесѣда его блистала живостію, многосторонностію его ума. Всѣ присутствующіе написали мнѣ въ альбомъ, который только-что начиналъ наполняться автографами. Николай Полевой написалъ большое стихотвореніе довольно быстро. Удивительно какъ ему все легко давалось, даже стихи! Вельтманъ написалъ слѣдующее четверостишіе:

Чѣмъ больше скрытности, тѣмъ хуже,
 Но я приличія никакъ не преступлю
 И откровенно вамъ скажу при вашемъ мужѣ:
 Я васъ люблю.

Послѣ обѣда Полевой читалъ свою трагедію изъ византійской исторіи *Синіе и Зеленыя*. Въ ней не проявлялось большого драматическаго дарованія, но піеса задумана была хорошо. За чтò Полевой ни брался все выходило у него удачно. У него была истинно даровитая натура.

По возвращеніи изъ Пензы въ Петербургъ я познакомилась съ В. Гр. Бенедиктовымъ, который былъ съ дѣтства искреннимъ пріателемъ моего мужа. Знали что онъ писалъ стихи, но онъ никому ихъ не показывалъ; наконецъ мы упросили его прочесть и были въ восторгѣ. Мой мужъ, какъ и я, страстно любилъ поэзію и былъ увлеченъ стихами Бенедиктова; онъ носился съ ними какъ съ неожиданно найденнымъ сокровищемъ, прочиталъ ихъ многимъ литераторамъ, которымъ они также чрезвычайно понравились и всѣ радовались появленію въ русской литературѣ новаго поэта съ такимъ выдающимся дарованіемъ. Несмотря на огромный успѣхъ который имѣли въ гостиныхъ стихотворенія Бенедиктова, онъ не рѣшался печатать ихъ,

тѣмъ болѣе что находился тогда въ довольно-стѣсненныхъ обстоятельствахъ и не имѣлъ на это средствъ. Мой мужъ взялся напечатать на свой счетъ. Точно такую же услугу онъ оказалъ Нестору Васильевичу, Кукольникову, напечатавъ его *Торквато Тассо*. Авторъ тогда еще неизвѣстный не рѣшался истратить деньги чтобы представить свое произведеніе на сомнительный судъ публики. Мой мужъ уговорилъ его, самъ напечаталъ и такимъ образомъ первый познакомилъ публику съ двумя замѣчательными поэтами. Печатавіе, потомъ появленіе стихотвореній Бенедиктова меня чрезвычайно занимали. Томикъ его стихотвореній скоро былъ раскупленъ и они имѣли необыкновенный успѣхъ. О нихъ вездѣ говорили, ихъ клали на музыку, учили наизусть. Во всѣхъ журналахъ ихъ расхвалили, только въ Москвѣ Бѣлицскій ихъ отдѣлалъ, на что я очень негодовала. Всѣ желали познакомиться съ новымъ поэтомъ. Жуковскій, который жилъ тогда въ Зимнемъ Дворцѣ и принималъ по субботамъ, написалъ мужу премилую записку, прося его привезти непременно Бенедиктова. Успѣхи поэта чрезвычайно насъ радовали. Въ скоромъ времени Бенедиктовъ самъ уже приступилъ ко второму изданію, которое посвятилъ мнѣ со слѣдующими стихами:

Необиженный судьбами,
Награжденный за мечты,
Повергаю передъ вами
Вамъ знакомые цвѣты:
Вы ихъ, сирыхъ, облакали,
Изъ безвѣстности нѣмой
Къ свѣту путь имъ указали
Благосклонной похвалою,
И теперь, чтобъ вышелъ краше
Скудный сборъ стиховъ моихъ,
Свѣтлый видъ улыбки вашей
Отпечатайте на нихъ.

Бенедиктовъ самъ по себѣ не очень былъ интересенъ. Онъ былъ малъ ростомъ, имѣлъ круглое, красное, одутловатое лицо, свѣтлые, блуждающіе глаза; по фізіономіи онъ былъ не симпатиченъ, но онъ былъ умный, благородный человекъ и съ большими способностями. Университетскаго образованія онъ не получилъ, но любилъ науки, особливо естественныя, занимался ими и написалъ пространныю популярную астрономію, какъ говорили, замѣчательную: жаль что она осталась подъ спудомъ.

Въ молодости Бенедиктовъ былъ очень влюбчивъ и не одна *Незабвенная* * заставляла трепетать его сердце, не къ одной только писалъ онъ страстные стихи; но привязанности его были какъ-то неудачны: то ему измѣняли, то онъ самъ перемѣнялся. Наконецъ его влюбила въ себя какая-то Польшка почтенныхъ лѣтъ и сомнительной репутаціи. Она не жила съ мужемъ. Бенедиктовъ хлопоталъ о разводѣ чтобы вступить съ ней въ законный бракъ, не знаю почему это не удалось, и они всю жизнь провели въ незаконной связи, не удовлетворяющей, какъ это всегда бываетъ, ни ума ни сердца. Онъ не представлялъ ей даже близкихъ друзей своихъ и никуда съ нею не показывался. Онъ имѣлъ хорошее мѣсто въ Министерствѣ Финансовъ, съ казенною квартирой, былъ совершенно обезпеченъ и могъ сопъ агоге заниматься стихотворствомъ.

Бенедиктовъ имѣлъ огромный успѣхъ, но не продолжительный. Нѣкоторые писанные имъ въ послѣдствіи не всѣмъ удачные стихи были жестоко осмѣяны. Явились критики которые отвергали въ немъ даже всякое дарованіе; въ числѣ ихъ былъ и Полевой, за что я вела съ нимъ жаркіе споры. Бездарность не могла бы приобрести столько почитателей и не возбудила бы такого восторга посреди людей самыхъ образованныхъ и даровитыхъ. Жуковскій, Пушкинъ и Крыловъ высоко ставили поэтическій даръ Бенедиктова и находили что онъ представляетъ собой отрадное явленіе въ нашей литературѣ. Бенедиктова упрекали въ изысканности, въ злоупотребленіи метафорой, но и у Виктора Гюго встрѣчаются смѣлыя метафоры, такія натянутыя, нелѣпыя выраженія что дереть по кожѣ, а онъ считается первымъ поэтомъ Франціи. Невозможно отвергать чтобы Бенедиктовъ не имѣлъ самобытности, сильнаго стиха и поэтическаго вымысла. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній глубоко заладають въ сердце.

Можетъ-быть стихи Бенедиктова потому произвели на меня такое сильное впечатлѣніе что ихъ съ увлеченіемъ читалъ мой добрый мужъ. Онъ такъ любилъ поэзію какъ любить теперь сочли бы смѣшнымъ.

Бенедиктовъ прекрасно владѣлъ стихомъ, этого никто отнять у него не можетъ, даже когда писалъ наскоро. Вотъ стихи которые, мы не успѣли оглянуться, какъ онъ написалъ мнѣ въ альбомъ:

* Одно изъ хорошихъ стихотвореній Бенедиктова.

Вы новой жизнью дарил
 Меня въ тотъ памятный мнѣ часъ
 Когда стихи мои хвалили
 Хвалою мнѣ лестной въ первый разъ.
 Не дорожу я крикомъ свѣта;
 Весь міръ мнѣ холодець и пустъ;
 Но мило мнѣ изъ вашихъ устъ
 Именованіе поэта.
 Итакъ да буду я пѣвецъ,
 Да буду возвеличенъ вами,
 И мой сомнительный вѣнецъ
 Пусть блещетъ вашими лучами...

Въ эту эпоху моей жизни мы очень сблизились съ однимъ милымъ молодымъ человѣкомъ, Сергѣемъ Михайловичемъ Строевымъ, извѣстнымъ тогда въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Скромника*. Онъ своею личностью соответствовалъ этому названію. Блѣдный, худощавый, съ тонкимъ голосомъ, съ осторожною рѣчью, онъ представлялся типомъ скромнаго молодого человѣка. Еслибъ онъ прожилъ долѣе, то при его неутомимости сдѣлался бы можетъ-быть замѣчательнымъ ученымъ. Меня же онъ особенно интересовалъ своимъ *романомъ*, который, къ сожалѣнію, и въ то время былъ такъ извѣстенъ что теперь можно говорить о немъ безо всякой нескромности. Расскажу сначала о героинѣ этого романа и о ея мужѣ.

Есть люди которые родились на свѣтъ какъ будто въ какой-то роковой часъ: ничто имъ не удается; всѣ благоприятныя условія жизни, которыми они должны бы пользоваться, обращаются противъ нихъ; всѣ предпріятія имъ не удаются, всѣ замыслы разрушаются, всѣ стремленія, какъ бы они ни были благородны, вредятъ имъ; къ числу такихъ несчастливцевъ принадлежалъ А. П. Б—скій. Сынъ коменданта крѣпости, о которомъ разказывали много смѣшныхъ анекдотовъ, онъ былъ хорошо образованъ и хорошо одаренъ природою, имѣлъ очень привлекательную наружность. Высокій, стройный, любезный, онъ былъ похожъ на французскаго маркиза старыхъ временъ, но не имѣлъ въ себѣ ничего французскаго. Кромѣ вѣшныхъ достоинствъ, онъ имѣлъ жажду къ дѣятельности, желанія добра и пользы, которыя не многимъ даются. Я рѣдко встрѣчала чловѣка который умѣлъ бы такъ много и краснорѣчиво говорить. Замѣчательно было то что онъ выражался по-русски прекрасно, но писалъ неправильно, особливо романъ его *Мъщанинъ* изобилуетъ неровностями

слога и погрѣшностями противъ языка. Онъ женился молодымъ, по любви, на очень милой женщинѣ, но супружество ихъ было несчастливо. Я познакомилась съ Б—скими когда они были давно ужъ женаты; къ сожалѣнію, у нихъ не было дѣтей. Она была очень образована, талантлива, имѣла прелестное, выразительное лицо и очень мнѣ понравилась; она также, повидимому, возымѣла ко мнѣ симпатію и скоро начала повѣрять мнѣ свои задушевныя чувства. Она читала много французскихъ романовъ, которые вѣроятно дурно на нее повліяли. Она разыгрывала изъ себя героиню, несчастную жертву, хвасталась тѣмъ что имѣетъ свою отдѣльную половину и не имѣетъ сношеній съ мужемъ. Мнѣ такъ высоко ставящей семейное счастье, не нравились подобныя выходки, и я начала понимать что между нами ничего не могло быть общаго; такъ и вышло: мы разошлись, и я совершенно потеряла изъ виду чету Б—скихъ. Потомъ я узнала вѣрно и подробно исторію этой бѣдной женщины и отъ души ее жалѣла. Въ нее былъ влюбленъ нашъ пріятель С. М. Строевъ, она отвѣчала взаимностію. Меня увѣряла даже что съ ея стороны страсть была сильнѣе нежели съ его. Она созналась мужу въ своей страсти. Б—скіи безъ отчаянія перенесли этотъ ударъ, тѣмъ болѣе что его супружеская честь, за которую такъ стоятъ даже нелюбящіе мужа, была сохранена: любовь была чисто платоническая. Но Б—скіе компрометтировали себя тѣмъ что повѣрили свои чувства людямъ не заслуживавшимъ довѣрія. Можетъ-быть это происходило изъ потребности говорить о томъ что переполняло сердце. Вѣроятно борьба становилась слишкомъ тяжелою для любящихъ, и Б—ская требовала чтобы Строевъ уѣхалъ изъ Петербурга. Онъ отправился въ Парижъ и разлука не казалась ему особенно тяжелою. Пребываніе за границей было полезно ему какъ ученому и занимало какъ человѣка живо интересовавшагося всѣми современными вопросами. Но здоровье измѣнилось ему. Въ Парижѣ онъ сильно занемогъ и нуждался въ деньгахъ. Б—ская, узнавъ объ этомъ, продала свои брилліанты и послала ему довольно большую сумму, разумѣется, анонимно.

По возвращеніи изъ-за границы онъ явился къ предмету своей страсти, но уже полуизлѣчившимся. Какъ она пережила эту перемѣну, мнѣ неизвѣстно. Строевъ посѣщалъ изрѣдка:

Б—скихъ и то только по пятницамъ. Несмотря на стѣсненные обстоятельства они продолжали принимать въ положенные дни. Хотя мы съ ними болѣе не видѣлись, но я всегда принимала въ нихъ участіе и съ большимъ сожалѣніемъ прочла въ газетахъ что ихъ мебель и вся движимость будетъ продаваться за долги. Строевъ былъ у насъ когда я это вычитала и очень смутился. Но Б—скій какъ-то извернулся и продажа не состоялась, хотя дѣла остались запутанными.

Года черезъ два послѣ этого Б—скій получилъ хорошее мѣсто, положеніе его денежное и социальное улучшилось и можно было надѣяться что наконецъ судьба перестала преслѣдовать его и что онъ самъ наученный опытностью не будетъ сумасбродными увлеченіями владать въ разныя бѣдствія. Къ несчастью вышло иначе. Въ это время здоровье Строева дѣлалось все хуже и хуже, чахотка развилась въ сильной степени и не осталось никакой надежды на излеченіе. Мнѣ сказывали что Б—скіе пріѣзжали проститься съ нимъ: что она чувствовала при этомъ послѣднемъ свиданіи, знала она одна. Онъ умеръ въ Москвѣ, куда былъ привезенъ при послѣднемъ издыханіи. Б—скихъ я потеряла совсѣмъ изъ виду, но чрезъ нѣсколько лѣтъ съ прискорбіемъ узнала ихъ плачевную исторію. Б—скій, всегда жаждавшій дѣятельности и желавшій приносить пользу, занималъ, кромѣ государственной службы, еще какую-то должность по части благотворительности, кажется по приютамъ. У него хранились общественныя деньги, которыя онъ издержалъ въ надеждѣ ихъ въ скоромъ времени возратить. Но объ этомъ узнали прежде нежели онъ успѣлъ пополнить. Его удалили изъ службы. Тогда чувство чести было развито сильнѣе нежели теперь, тогда позоръ не такъ легко переносили какъ въ настоящее время и не прибѣгали такъ легко къ самоубійству какъ это дѣлается въ послѣднее время. Б—скому невыносимо было остаться въ свѣтѣ и онъ рѣшился пойти въ монастырь. Жена его, узнавъ о растратѣ денегъ, продала послѣднее свое имѣніе и хотя взятая сумма была пополнена, но это не предупредило огласки, и честное имя было потеряно. Б—ская также не имѣла твердости перенести позоръ и также рѣшилась пойти въ монастырь. Говорятъ они оба пріѣхали къ обѣднѣ въ Казанскій соборъ, отслужили молебенъ, въ послѣдній разъ вмѣстѣ помолчились

и навсегда разстались. Черная ряса укрыла их обоихъ отъ нареканій свѣта и отъ тревожной жизни. Можетъ-быть они испытали на себѣ что нѣтъ скорби которая не уврачевалась бы вѣрою и молитвой.

Въ первые два года нашего супружества у насъ довольно часто бывалъ М. О. Воейковъ. Мужъ мой, по необыкновенной своей добротѣ, былъ слишкомъ снисходителенъ къ людямъ и неохотно прекращалъ знакомства разъ когда-нибудь и по какимъ-нибудь обстоятельствамъ сдѣланныя. Съ Воейковымъ онъ познакомился когда его превосходная жена, которой всѣ поклонялись, лучезарностью своею покрывала недостатки мужа. Послѣ ея смерти его почти всѣ оставили. Желчь все болѣе и сильнѣе кипѣла въ немъ и по временамъ изливалась въ ядовитыхъ стихахъ которыми онъ клеймилъ своихъ знакомыхъ, пріятелей, наполняя ими свой знаменитый *Домъ сумашедшихъ*. Онъ ненавидѣлъ Николая Полеваго и два года сочинялъ на него стихи, но находилъ что выходили слишкомъ слабы и былъ ими недоволенъ. Наконецъ однажды, какъ онъ самъ разказывалъ, онъ гулялъ послѣ обѣда и услышалъ благовѣсть ко всемогущей: вдругъ на него нашло вдохновение и излилась удовлетворившая его ласквилъ на Полеваго замявшая мѣсто въ *Домъ сумашедшихъ*. Вотъ какъ на иныхъ дѣйствуетъ благоговѣйный вечерній звонъ!

Чтобъ въ конецъ окончить рѣчь:

Благороденъ какъ Булгаринъ,

Безкорыстенъ такъ какъ Грець.

Воейковъ хромалъ и со своею клюкой, съ черными, щетилистыми волосами, съ глазами горящими какимъ-то нечистымъ пламенемъ, смотрѣлъ какимъ-то демономъ. Но въ отношеніи насъ казался весьма преданнымъ человѣкомъ, прославлялъ моего мужа, увѣрялъ въ своей нѣжной дружбѣ и тѣмъ не менѣе помѣстилъ его въ своемъ *Домъ сумашедшихъ*. Онъ поощрялъ мою склонность къ литературнымъ занятіямъ и упрашивалъ меня переводить для его журнала разные статьи съ нѣмецкаго и французскаго. Теперь я даже забыла какъ назывался журналъ. Прилагаю стихи которые написалъ на него Булгаринъ въ тонѣ его *Домъ сумашедшихъ*.

Плачь Воейкова.

На Пукавой горѣ. Пѣснь въ подражаніе древнимъ гимнамъ ханаанскимъ, сочиненіе Израильтянина Мошии Шиндеркнехта, знаменитаго и искреннаго друга г. Воейкова.

Ахъ зачѣмъ было,
Ахъ на что жь было
Мнѣ стихи писать,
Инальидѣ кропать!

**

Человѣчество
И отечество,
Гори всѣмъ на зло,
Было бъ мнѣ тепло.

**

Я жену продамъ,
Дѣтей такъ отдамъ,
Только бъ я былъ сытъ
И не явно битъ.

**

Хоть не ѣсть, не пить,
Только бъ всѣмъ вредить!
Клевета и мечь
Моя слава, честь.

**

Мнѣ,—презрѣніе
Наслажденіе;
Всѣхъ несчастіе
Сладострастіе.

**

Мнѣ хоть въ рожу лаюй,
Мнѣ хоть въ рыло суй,
По щекамъ трезвонь,
Лишь карманъ не тронь.

**

Въ немъ чувствительность,
Раздражительность:
Онъ мой Богъ и царь,
Въ немъ души алтарь!

**

Ахъ зачѣмъ было,
Ахъ на что жь было
Мнѣ стихи писать,
Инальидѣ кропать!

**

Мнѣ бы въ лѣсъ бѣжать,
Кустенемъ махать!
Мнѣ острогъ пріютъ:
Не ужасенъ кнутъ!

* *

Былъ бы счастливъ я!
Тамъ мои друзья:
Знаменитые,
Кнутомъ битые.

* *

Тамъ грабежъ, разбой,
Волаи, крикъ и вой;
Звуки плача,
Хоть унылые.

* *

Ахъ зачѣмъ было,
Ахъ на что жь было
Мнѣ стихи писать,
Инвалидѣ кропать!

* *

Воровствомъ живу,
Подлецомъ славю;
А въ лѣсу бь я былъ
Всѣмъ любовенъ, милъ.

* *

Ахъ зачѣмъ было,
Ахъ на что жь было
Мнѣ стихи писать,
Инвалидѣ кропать!

Въ обществѣ Булгаринъ былъ довольно пріятель; въ немъ было какое-то добродушіе, которое бы нравилось, еслибы противъ него самого не было такъ сильно предубѣжденіе. Ближкіе къ нему увѣряли что у него точно было доброе сердце, но я его мало знала. Онъ бывалъ у насъ рѣдко, вѣскольکو разъ обѣдалъ и то въ большомъ обществѣ.

Въ началѣ 1836 года въ Петербургъ пріѣхалъ Николай Алексѣевичъ Полевой. Онъ почти каждый день бывалъ у насъ и я съ нимъ очень облизилась. Онъ убѣдительно просилъ меня часто писать къ нему когда онъ уѣдетъ изъ Петербурга, и говорилъ шутя что послѣ нашей смерти переписка наша будетъ также интересна какъ переписка Гёте съ Бетивой. Я въ томъ же тонѣ увѣряла его что вовсе не питаю къ нему чувства Бетивы и что онъ самъ не Гёте. Несмотря на нашу

пріязнь мы часто слорили, особливо когда рѣчь касалась Бенедиктова. Онъ находилъ что въ немъ нѣтъ поэзіи, а только даръ писать звучные и трескучіе стихи, въ которыхъ болѣе искусственности нежели чувства. Почти то же что говорилъ о стихахъ Бенедиктова онъ прилагалъ къ знаменитой картинѣ Брюлова „Послѣдній день Помпеи“, которую мы вмѣстѣ вѣдали смотрѣть. Я была отъ нея въ восхищеніи, а онъ увѣрялъ что это чудесная декорація, исполненная эффекта и ничего болѣе.

28 января 1837 года осталось памятнымъ днемъ моей жизни. Я уже говорила что съ самаго дѣтства благоговѣла предъ литературными знаменитостями. Вышедши замужъ я познакомилась съ нѣкоторыми литераторами, но самыхъ знаменитыхъ еще не видѣла. Мой мужъ, который со всеми ними былъ близокъ и который находилъ величайшее наслажденіе исполнять мои желанія, общалъ мнѣ знакомить меня съ ними со всеми. Пріѣздъ въ Петербургъ партизана Давыдова, давнишняго знакомаго моего мужа, далъ поводъ сдѣлать обѣдъ въ его честь и пригласить всю литературную аристократію, которую мой мужъ встрѣчалъ каждую субботу у Жуковскаго. Когда онъ сказалъ мнѣ объ этомъ обѣдѣ, то я пришла въ неописанный восторгъ. Нѣсколько дней оставалось еще до этого обѣда и я была имъ такъ занята что каждую ночь видѣла его во снѣ съ разными подробностями и измѣненіями.

Наконецъ наступилъ нетерпѣливо ожидаемый день. Я встала рано поутру, хлопотала, заботливо все приготовляла, придумывала какъ бы устроить все въ лучшемъ видѣ для пріятія дорогихъ гостей. Одѣлась съ большимъ тщаніемъ и въ 4 часа вышла въ гостиную. Первый пріѣхалъ Крыловъ. Онъ былъ чрезвычайно разсѣянъ и до того забывалъ физиономіи что перелутывалъ своихъ знакомыхъ (разумѣется не ближнихъ) и взялъ привычку всѣхъ привѣтствовать словами: „какъ я давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть“. Онъ и ко мнѣ подошелъ съ этою фразой, хотя видѣлъ меня въ первый разъ отъ роду, но потомъ спохватился и чтобы загладить свою неловкость наговорилъ мнѣ много милаго и любезнаго. Въ послѣдствіи мы такъ дружески сошлись съ нимъ что въ отношеніи насъ онъ имѣлъ *память сердца* и никогда не забывалъ ни нашихъ приглашеній, ни нашихъ разговоровъ и доказалъ намъ во многихъ случаяхъ свою искреннюю

приянь. Возвращаюсь къ нашему обѣду. Гости прѣзжали одинъ за другимъ. Партизанъ Давыдовъ, Шлетневъ, баронъ Розень, Бенедиктовъ, Тепляковъ, Познанскій (переводчикъ Мицкевича) и нѣкоторые другіе. Но я ожидала главнаго, того кто первый возбудилъ мой поэтической восторгъ; къ нему я написала единственные стихи въ моей жизни, ему я удивлялась, словомъ: я ждала Пушкина, и при каждомъ звонкѣ колокольчика сердце начинало сильно биться, какъ будто мнѣ предстояло свиданіе съ человѣкомъ страстно любимымъ. Наконецъ онъ прѣхалъ. мужъ представилъ его мнѣ, я вслыхнула и сказала что-то невнятное. Вслѣдъ за нимъ вошелъ Жуковскій. Обѣдъ былъ поданъ. Жуковскій повелъ меня къ столу и сѣлъ возлѣ меня. Я воображала его совсѣмъ другимъ. Наружность его показала мнѣ очень прозаическою чтобы не сказать вульгарною и самъ онъ человѣкомъ холоднымъ. Какъ ошибочно было это первое впечатлѣніе! Надобно было узнать его ближе, въ чемъ мнѣ въ послѣдствіи и посчастливилось, чтобъ оцѣнить какъ много было въ немъ добраго, сердечнаго, поэтичнаго. Въ продолженіе обѣда я была не очень разговорчива; все вниманіе мое было устремлено на Пушкина, который сидѣлъ противъ меня. Онъ былъ не хорошъ собой: смугловатъ, неправильныя черты лица, но нельзя было представить себѣ физиономіи болѣе выразительной, болѣе оживленной, болѣе говорящей и слышать болѣе пріятнаго, болѣе гармоническаго голоса, какъ будто нарочно созданнаго для его стиховъ. * Мы уже сидѣли за столомъ какъ прѣхалъ князь Вяземскій. Онъ очень извинялся что опоздалъ и былъ чрезвычайно любезенъ. Разговоръ былъ до нельзя оживленъ, ни на минуту не прекращался. Много толковали о мнимомъ открытіи обитаемости луны. Пушкинъ доказывалъ нелѣпость этой выдумки, считалъ ее за дерзкій пуфъ, какимъ она въ послѣдствіи и оказалась, и подшучивалъ надъ легковѣріемъ тѣхъ которые ладки принимать за наличную монету всякую отважную выдумку. Такъ какъ я не спускала глазъ съ Пушкина, то ни одно движеніе его не ускользнуло отъ моей наблюдательности. Я замѣтила между прочимъ что онъ мало ѣлъ, безпрестанно щипалъ и клалъ въ ротъ виноградъ.

* Одинъ только голосъ Императора Александра II могъ сравниться съ голосомъ Пушкина. Удивительно какъ человѣкъ который такъ часто и такъ много долженъ *повелевать* могъ такъ гармонично говорить.

который въ вазѣ стоялъ предъ нимъ. Послѣ обѣда я осмѣлилась заговорить съ Пушкинымъ и бесѣдовала съ нимъ о *Современникѣ*, который онъ начиналъ издавать и которымъ онъ былъ сильно занятъ. Потомъ мужъ мой прочелъ стихи Подольскаго присланные для альманаха, который онъ имѣлъ намереніе издать, но предположеніе это не осуществилось. Не знаю были ли напечатаны эти стихотворенія.

Прежде всѣхъ увѣхалъ Жуковскій, онъ слѣшилъ во дворецъ. Оставались уже немногіе когда пріѣхалъ Кукольникъ. По какому-то случаю наше приглашеніе дошло до него слишкомъ поздно и потому онъ къ обѣду не пріѣхалъ. Я была довольна что такъ случилось. *Литературная аристократія* не жаловала Кукольника. Но мы не могли не пригласить человека бывшаго нашимъ короткимъ знакомымъ. Полевой, тотъ самъ отказался присутствовать на обѣдѣ. Онъ былъ въ явномъ разладѣ со всѣми этими господами. Когда всѣ разъѣхались мы провели остатокъ вечера съ Кукольникомъ и Василиемъ авторомъ *Письма изъ Греціи*. Они оба воспитывались въ лицѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ и сохранили между собою товарищескую пріязнь. Что ни говори, Кукольникъ былъ человекъ даровитый. Многочисленные его произведенія, хотя скорослѣбныя, но всѣ носятъ печать таланта, и когда бывало онъ по нѣсколькимъ часамъ импровизировалъ на фортепіано съ чувствомъ и увлеченіемъ, то нельзя было не убѣдиться что въ немъ самомъ было много поэзіи. Пушкинъ впрочемъ сказалъ что *въ немъ жаръ не поэзіи, а либреттки*.

VI.

Весной 1836 года мы ѣздили за границу. Здоровье мое было не совсѣмъ удовлетворительно. Доктора совѣтовали Эмскія воды, и мы отправились; впрочемъ не столько для здоровья какъ по тому что хотѣлось побывать въ чужихъ краяхъ. Но путешествіе это не вполнѣ удовлетворило меня: я была еще слишкомъ молода чтобы путешествовать съ пользой и не довольно художественно развита чтобы могла оцѣнить произведенія искусствъ которыя мы видѣли въ Берлинѣ и Дрезденѣ. Общественными удовольствіями и развлеченіями мы не пользовались, слѣдовательно нельзя сказать чтобы весело проводили время. Въ Берлинѣ мы нашли французскихъ принцевъ, сыновей Лудовика Филиппа. По случаю ихъ пріѣзда

было много праздниковъ и городъ былъ очень оживленъ. Мой мужъ, какъ военный, явился къ коменданту. Этого было довольно чтобы на другой день получилось приглашеніе на праздникъ, который давался въ Потсдамѣ для высокыхъ гостей. Старикъ король былъ очень пріятливъ ко всемъ Русскимъ. Мужъ мой, разумѣется, отправился въ Потсдамъ, гдѣ присутствовалъ на придворномъ спектаклѣ, ужиналъ и очень пріятно провелъ время. Изъ Берлина мы отправились въ Дрезденъ, а потомъ въ Эмсъ, гдѣ по предписанію знаменитаго берлинскаго врача Горна я должна была пить воды и брать ванны и гдѣ мы очень скучали. Послѣ эмскаго курса сдѣлали прогулку по Рейну, также не восхитившую меня. Для окончательнаго лѣченія нужно было брать желѣзныя ванны въ Швальбахѣ, гдѣ мы провели двѣ недѣли, и, Боже мой, какая тамъ была скука! Оттуда въ сопровожденіи одного моего родственника П. И. Б. отправились въ Швейцарію. По дорогѣ посетили Гейдельбергъ и Баденъ-Баденъ, гдѣ сезонъ былъ еще въ полномъ разгарѣ, и я жалѣла что мы не могли тамъ остаться болѣе двухъ дней. Тамъ же видѣла и слышала графиню Росси, урожденную Зонтагъ. Мы занимали квартиру противъ дома гдѣ жила она; съ нашего балкона можно было видѣть все что происходило въ ея комнатахъ и все яственно слышать, особливо когда были открыты окна. Она давала большой вечеръ, гостей у ней было множество, а толпа наполняла всю улицу: разузнали какъ-то что она будетъ лѣтъ. Она была такъ любезна что приказала растворить всѣ окна и лѣла не только для своихъ гостей, но и для публики. Восхитительнѣе ея голоса, мнѣ кажется, не было и не будетъ. Прошло много, много лѣтъ, и теперь, какъ я пишу эти строки, будто слышу очаровательные звуки *Grace*. Въ продолженіе моей жизни много разъ я слышала исполненіе *Grace* первоклассными лѣвицами, но ни одна не могла сравниться съ Зонтагъ.

Въ Швейцаріи мы объѣхали только Бернъ-Оберландъ, предполагали осмотрѣть всю Швейцарію, но путешествіе надоѣло и мужу моему и Б., и они упросили меня возвратиться скорѣе въ Россію. Послѣднее возмущала невозможность удовлетворять нѣкоторымъ помѣщичьимъ привычкамъ, не имѣть прислуги специально назначенной для исполненія малѣйшихъ требованій, а главное, онъ не могъ примириться съ тѣмъ что въ гостиницахъ къ чаю и кофе подавали не сливки, а молоко: какой-

то брандохлысть, какъ онъ выражался. Приказывая подать кофе онъ всегда говорилъ: *Geben sie Schmant*. Его не понимали, онъ приходилъ въ отчаяніе. Намъ объяснили потомъ что по нѣкоторымъ мѣстамъ Германіи сливки называются *Rahm* или *Sahne*. Узнавъ это Б., какъ только пріѣзжалъ въ гостиницу, пояснялъ: *für Kaffee geben sie Schmant, Rahm oder Sahne*, и все-таки ему подавали молоко, увѣряя что это сливки. Вслѣдствіе этого Б. возымѣлъ очень низкое понятіе о цивилизаціи Германіи. Мы опять попали въ Дрезденъ, и черезъ Варшаву, Москву, пріѣхали въ Петербургъ. Я съ восторгомъ возвратилась въ отечество.

VII.

Великою потерей для Россіи начался 1837 годъ. Не стало Пушкина. 28 января, въ тотъ самый день когда прошлаго года у насъ былъ такой веселый обѣдъ, на которомъ я въ первый разъ увидѣла Пушкина, онъ былъ смертельно раненъ. Скоро разнесся по городу слухъ объ ужасномъ событіи. Скорбь была общая. До насъ безпрестанно доходили извѣстія противорѣчающія одно другому: то говорили что рана не оласна, то что нѣтъ надежды, сказали уже что онъ умеръ, немного погодя услышали что онъ живъ и чувствуетъ облегченіе. Переходя безпрестанно отъ страха къ надеждѣ мы томительно провели день 28 и утро 29. Но не имѣя болѣе силъ переносить неизвѣстность, послали на квартиру Пушкина узнать въ какомъ онъ находится положеніи. Посланный нашъ скоро возвратился и сказалъ что въ половинѣ третьяго часа Пушкинъ умеръ. Хотя мы ожидали этого, но тѣмъ не менѣе ударъ былъ ужасенъ: мы цѣлый день находились въ какомъ-то оцѣпленіи.

Въ субботу, на другой день, мужъ мой поѣхалъ поклониться праху Пушкина. Онъ былъ глубоко огорченъ и подъ первымъ впечатлѣніемъ скорби и злобы къ убійцѣ набросалъ слѣдующіе стихи.

Вся Русь мольбы несетъ, печалію горя,
 На жертвенникъ твой, мрачная Медуза.
 На жизнь священную поэта и царя
 Не дрогнетъ лишь рука Француза. *

* Почему Дантеса считали Французомъ, я не знаю, вѣроятно его мать была Француженка.

О! накажи безравственный народъ.
 Не гладомъ, не чумой, не смертiю вѣчною
 И не потокомъ бурныхъ водъ,
 Ни лавой быстротечною.
 Но да противники святаго и добра,
 Доколѣ миръ живетъ и движетъ грифель Клею,
 Не узрять надъ собою владыки какъ Петра,
 Поэта какъ пѣвецъ Кавказа и Марію.

31 января, въ половинѣ втораго, мы отправились на лав-
 выхиду къ Пушкину. Главный входъ велъ въ комнаты гдѣ
 находилась жена Пушкина и отворялся только для ея посѣ-
 тителей; тѣхъ же кто приходили поклониться тѣлу Пушкина
 вели по узенькой, грязной лѣстницѣ въ комнату, гдѣ вѣроят-
 но жила прислуга и которію не скоро пріубрали; возлѣ нахо-
 дилась комната въ два окна, похожая на лакейскую, и тутъ
 лежалъ Пушкинъ. Обстановка эта меня возмутила. Мнѣ ка-
 залось что праху его должно было воздать всевозможныя по-
 чести, перенести его тѣло въ храмъ Божій, окружить святы-
 ней, молитвою, фиміамомъ, а не поставить небрежно куда
 попало, какъ послѣдняго изъ смертныхъ. Въ распоряженіи
 этомъ было что-то непочтительное, и я удивлялась какъ
 друзья Пушкина допустили это. Отчего покрайней мѣрѣ
 его не поставили въ самую большую и лучшую комнату?
 Я находилась въ такомъ возбужденномъ состояніи что не
 могла остаться на лавнихдѣ. Уходя увидѣла въ послѣдней
 комнатѣ дядьку Пушкина, съ залаканными глазами; мнѣ хо-
 тѣлось поговорить съ нимъ о немъ, но я чувствовала что это
 было неумѣстно.

1 февраля, въ 10 часовъ утра, мы поѣхали въ Адмирал-
 тейскій соборъ; въ билетѣ было назначено тамъ отлѣваніе,
 но вышло что тѣло Пушкина перенесли въ Копюшенную цер-
 ковь. Отъ чего произошла эта перемѣна, я не знаю. Вся Ко-
 пюшенная площадь была покрыта народомъ и экипажами.
 Хотя въ церковь пускали только по билетамъ, но несмотря
 на это была давка. Тамъ находилось множество придвор-
 ныхъ въ парадныхъ мундирахъ, много членовъ дипломати-
 ческаго корпуса, нѣкоторые посланники, всѣ находившіеся
 въ Петербургѣ литераторы, артисты, актеры. Но жены и
 дѣтей Пушкина не было. Мнѣ удалось продраться впередъ,
 и я стояла въ толпѣ камеръ-юнкеровъ и камергеровъ. Боже
 мой, кто могъ думать что мы такъ скоро будемъ его

охлаждать, его, нѣсколько дней назадъ полнаго жизни и силы! Когда геній угасаетъ въ преклонныхъ годахъ, то есть утѣшеніе что онъ передалъ всѣ внутреннія свои сокровища и почилъ по закону естественному. Но Пушкинъ палъ во цвѣтѣ лѣтъ, со всею творческою силою души, и погибъ отъ злобы людскою, отъ клеветы, отъ руки чужеземца, который не могъ даже понять всей великости своего преступленія, всей необъятности потери понесенной нами. Мы такъ сроднились съ Пушкинымъ, такъ привыкли говорить, думать о немъ, ожидать что онъ скажетъ, что онъ напишетъ. Произведенія его такъ отрадно оживляли домашній очагъ, быть каждаго, доставляли столько радости, столько наслажденій что лишившись его, мы какъ будто осиротѣли. Ни чья смерть не могла возбудить въ Россіи такого общественнаго горя, произвести такого сильнаго впечатлѣнія. Великое дѣло поэтъ народный! Его трагическая смерть еще болѣе увеличивала сожалѣніе и скорбь. При томъ же онъ умеръ такъ благородно, такимъ христіаниномъ, съ такою твердостью, съ такою любовью что искупилъ всѣ какія могли у него быть слабости и противорѣчія въ жизни.

Я думала что у гроба Пушкина должны проливаться слезы, раздаваться рыданія, что на всѣхъ лицахъ изображено будетъ отчаяніе... Каково же было мое удивленіе когда я увидѣла совершенно придворные похороны... спокойныя, приличныя фізіономіи, самое чинное безмолвіе... Когда послѣ отгѣванія начали прощаться, я видѣла какъ сѣдая голова Крылова склонилась надъ молодою главою усопшаго и два народные поэта солпикоснулись въ послѣдній разъ на землѣ. Гробъ заколотили, поставили въ сарай и на другой день отвезли въ деревню.

Если мнѣ показалось что на похоронахъ Пушкина не довольно выражалось горя, то это потому что вокругъ меня находились люди которые не въ состояніи были что-нибудь сильно чувствовать. Но безпредѣльна была скорбь между литераторами, которые были близки покойному. Жуковскій, князь Вяземскій, Вильегорскій были неутѣшны. Якубовичъ (поэтъ издавшій томъ очень звучныхъ стихотвореній) почти съ ума сошелъ. Онъ два раза приходилъ къ намъ въ такомъ отчаяніи что напугалъ меня; притомъ же онъ съ горя прибѣгнулъ къ *русскому утѣшенію* и это увеличило еще болѣе его возбужденное состояніе.

Все время пока Пушкинъ лежалъ у себя въ домѣ, толпа желавшихъ поклониться его праху ни на минуту не

уменьшалась. Старики, дѣти, женщины, представители высшаго класса и самые смиренные люди,—все хотѣли отдать ему послѣдній долгъ. Много обнаруживалось тутъ горя, много было трогательныхъ сценъ. Между прочимъ намъ разказывали объ одномъ старикѣ съ почтенною физиономіей который пришелъ вечеромъ ко гробу Пушкина, долго смотрѣлъ на него и горько плакалъ, потомъ сѣлъ на диванъ и все продолжалъ плакать. Это заинтересовало бывшихъ тутъ и князь Вяземскій подошелъ къ нему съ вопросомъ: „Вы вѣрно лично знали Пушкина“. „Я Русскій“, отвѣчалъ старикъ.

Грустно было что тѣло Пушкина увезли въ деревню. Для насъ обыкновенныхъ смертныхъ отраднo думать что кости наши будутъ покоиться въ родовомъ имѣніи, посреди народа съ которымъ находились въ близкихъ, и многіе могутъ сказать пріязненныхъ, отношеніяхъ. Но Пушкинъ принадлежалъ Россіи, онъ ея достояніе, ея слава и потому прахъ его долженъ быть предметомъ народнаго поклоненія. Сколько людей которымъ было бы отраднo помолиться на его могилѣ. А теперь гдѣ ее отыскивать во Псковской губерніи?

ИЗЪ ЖИЗНИ

РОМАНЪ

I.

Семейство Загрянскихъ.

Ноябрь былъ на исходѣ. Петербургскій небосклонъ превратился въ сплошной темновато-сѣрый сводъ. Мокрый свѣгъ безостановочно падалъ густыми хлопьями и, прикасаясь къ мостовой и панели, превращался въ черновато-жидкую грязь. Порывисто дулъ сѣверный вѣтеръ. Онъ гудѣлъ надъ крышами домовъ, ломалъ сучья и срывалъ послѣдніе пожелтѣвшіе листья столѣтнихъ липъ Лѣтняго Сада, вздымая высоко разсвирѣлѣвшія волны Невы, пытавшейся вырваться изъ своихъ гранитныхъ преградъ. Время отъ времени слышались роковые пушечные выстрѣлы: зловѣщіе вѣстники для бѣднаго люда пышной столицы, для обитателей низменныхъ кварталовъ.

Подобные вечера, хорошо извѣстные истымъ Петербуржцамъ, несмотря на привычку, производятъ тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. Въ насъ пробуждается тогда невольно англійскій spleen или по просту русская тоска: охота къ любому занятію пролаждаетъ; врожденная дѣнь заявляетъ свои права и мѣшаетъ размыкать ее въ театрахъ или собраніяхъ. Остается одно: поллотыѣ сдвинувъ занавѣси, пріютиться къ пылающему камельку и постараться забыть озлившуюся выюгу.

Но средство это помогаетъ не всегда: живымъ подтвержденіемъ тому служить героиня нашего разказа, красивая двадцатилѣтняя дѣвушка, одиноко сидящая въ скромномъ номерѣ меблированныхъ комнатъ, Малой Морской.

Обстановка комнаты простая, но приличная, отличающаяся изысканною чистотой, замѣняющею роскошь. Во глубинѣ комнаты двѣ постели, туалетный столикъ, старомодная шифоньерка изгнанная за невадобность изъ барскаго дома; два, три разнокалиберныя кресла обитыя дешевою матеріей, просторный письменный столъ, съ одной стороны заваленный книгами, а съ другой пріютившіи швейную ручную машинку со многочисленными принадлежностями дамскаго рукодѣлья.

Около стола, въ низкомъ креслѣ, освѣщенную слабымъ свѣтомъ керосиновой лампы, застаемъ мы Наталью Николаевну Загрянскую.

Невеселая дума склонила юную головку; большіе темные глаза словно застыли устремившись въ даль, а недочитанная книга, выскользнувъ изъ рукъ, небрежно покоится на колѣняхъ. Вѣтеръ съ шумомъ и визгомъ рвется въ окно; дѣвушка прислушивается къ его унылому завыванію, и грустнымъ эхо отдается оно въ ея душѣ.

Наталью Николаевну нельзя было назвать красавицей. Мы привыкли связывать это слово съ правильными чертами лица, о которыхъ здѣсь не было и помину; но чѣмъ долѣе вы вглядывались въ нее, тѣмъ сильнѣе испытывали чарующее вліяніе ея прелестныхъ карихъ глазъ; въ нихъ отражалась такая свѣтлая, прямая душа, столько жизненной силы ключемъ било въ нихъ. Ротъ былъ невеликъ, со свѣжими алыми губами плотно прилежавшими къ двумъ рядамъ крѣпкихъ, ровныхъ зубовъ ослѣпительной бѣлизны. Черныя соболиныя брови, словно намѣченныя опытною рукой, усугубляли энергію выраженія и выдѣлялись рѣзкимъ контрастомъ на матовомъ цвѣтѣ лица. Густые, темнорусые волосы волнисто обрамляли высокій лобъ, закручиваясь своеобразными колечками у висковъ и на затылѣ, постоянно выбиваясь изъ высоко припленной толстой косы. Росту она была высокаго, съ широкими, словно изваянными плечами и гибкимъ, тонкимъ станомъ.

Вполнѣ отдавшись мыслямъ, она и не примѣтила какъ дверь отворилась, и только звонкіи, свѣжіи голоса раздавшіеся

надъ склоненною головкой вывелъ Наталью Николаевну изъ ея задумчивости. Вошедшая была ея сестра.

— Я такъ и знала, заговорила она.—Ты опять замечталась, а вѣдь давнымъ-давно пора собираться къ бабушкѣ на вечеръ. Ты кажется знаешь что она терпѣть не можетъ когда мы запаздываемъ, и это никогда намъ даромъ не сходить.

— Еслибъ я могла уяснить себѣ надобность чуть не ежедневнаго обреченія на добровольную скуку, лѣнливо потягиваясь возразила Наталья Николаевна.

— Неужели ты допускаешь что меня это веселить? Но разъ порядокъ заведенъ, намъ съ тобою его не измѣнить. Не забывай пословицу: „не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ“.

— То-то что Богъ тутъ ни при чемъ, а всѣ наши высокопоставленные бабушки, тетюшки и дядюшки считаютъ себя въ несомнѣнномъ правѣ распорядиться нами по своему усмотрѣнію. Они воображаютъ что появленіе въ ихъ раззолоченныхъ гостиныхъ верхъ нашего блаженства, а мнѣ эти локровительственныя и часто фальшивыя отношенія до того опротивѣли что рада была бы убѣжать отъ нихъ на край свѣта. И зачѣмъ это только мама рѣшилась вывѣхать изъ Слободинки? Лучше жить въ деревнѣ, въ глуши, но по крайней мѣрѣ на равной ногѣ съ сосѣдами, чѣмъ акшаться съ этимъ петербургскимъ high life, который открытъ намъ благодаря связямъ, но недоступенъ карману.

— Полно, Наташа, не привирайся опять за старую лѣсью. Этимъ горю не пособишь. Развѣ мнѣ легче испытывать лишения чуть ни на каждомъ шагѣ, ломать себѣ голову предъ каждымъ выѣздомъ, какъ бы приличнѣе одѣться; не звать другаго экипажа кромѣ ветхаго наемнаго рыдвана, и то только въ торжественныхъ случаяхъ, а чаще всего довольствоваться слособомъ лѣшаго хожденія или поджидающимъ у подѣзда оборванымъ извозчикомъ? А все-таки, вопреки всѣмъ твоимъ мудрованіямъ, Петербургъ хорошъ, а жизньъ, какая ни есть, еще лучше!

— Можетъ-быть для дѣвочекъ только-что выпрыгнувшихъ со школьной скамьи.

— Ты ужъ успѣла состарѣться? Всего тремя годами старше меня, а послушать, отжила свой вѣкъ!

— Подвести итогъ, оно такъ и выйдетъ. Много передумала,

а что переживала, одинъ Богъ знаетъ. Отраднoго ничего не было, да и впереди не вижу.

— Оставь хоть будущее въ покоѣ. Бываютъ же люди счастливы на свѣтѣ. Что ходить далеко за примѣромъ. Твоя же пріятельница, Соня Ивина, на прошлой недѣлѣ пріѣзжала объявлять свою свадьбу, помнишь? такъ радостью и сіала, даже тебя развеселила.

— Да, задумчиво проговорила Наташа,—ей хорошо, подѣ счастливою звѣздой родилась. Любовь и состояніе рука объ руку, это рѣдкое исключеніе. Не подумай что я способна ей завидовать, моя дружба слишкомъ искренна, но тебѣ я дамъ добрый совѣтъ: не разчитывай на замужество какъ на возможный выходъ изъ тяжелаго положенія. *Des filles sans dot*, ими хоть прудъ пруди, и горькая усмѣшка скользнула по ея губамъ.

— Готовы ли вы наконецъ? раздался въ эту минуту голосъ въ сосѣдней комнатѣ, дверь отворилась и Надежда Александровна Загрянская появилась на порогѣ.

Это была женщина лѣтъ сорока, сохранившая еще слѣды беспорной красоты, но лицо ея носило отпечатокъ тяжелыхъ испытаний. Глаза, схожіе съ глазами Наташи, не искрились прежнимъ блескомъ энергіи; въ нихъ напротивъ сказывалась безролотная покорность неотвратимому приговору судьбы.

— Мама, милая, дорогая, не пеняй на меня, воскликнула Маша, вѣжно цѣлуя ее,—я право не виновата. Это все Наташа со своими философскими размышленіями; къ тому же она и вѣхать съ нами не хочетъ сегодня.

— Что съ тобою, другъ мой? не больна ли ты? съ тревожною заботливостью освѣдомилась мать.

— Тебѣ извѣстно, мама, что я лгать не умѣю и къ вымышленнымъ предлогамъ никогда не прибѣгаю. Ты сама видишь какъ мнѣ всегда нестерпимо скучно у бабушки. Смотрѣть на ея вѣчный преферансъ, или занимать ее отжившихъ, или, пожалуй, юродивыхъ гостей, къ тому же сегодня я такъ дурно настроена, за себя не ручаюсь, не слушаю ей колкихъ намековъ, на тебя же посылаются упреки что не сумѣла насъ воспитать. *Quelle tenue, bonté divine!* передразнила она тетку,—водитъ плечами, закатываетъ глаза къ небу.

— Наташа, ты забываешься. Помни что она старшая сестра твоего дѣда, глава всему семейству.

— Еще бы! этого совершенно достаточно чтобы насъ тиранить.

— Вотъ сама и подтверждаешь что я избаловала васъ. Либералка! съ тобою не сговоришь, и она нѣжно погладила густые волосы дочери. — Однако какъ не мудрствуй, дѣлать нечего, пріодѣнься и пожертвуй сегодняшнимъ вечеромъ родственному чувству.

— Скажи лучше родственной кабалѣ, оно вѣрнѣе будетъ. Вѣтеръ реветъ, метель не унимается. Добрый хозяинъ собаки не выгонитъ на дворъ, а мы трясись на извожикѣ въ угоду старой эгоисткѣ. Хоть догадалась бы за нами карету прислать.

— Да вѣдь такъ близко, какъ бы оправдывая тетку, сказала Надежда Александровна.

— Мнѣ, положимъ, всё равно, но за твое здоровье я опасаюсь. Ты сущій ангелъ, мама; дивлюсь твоему терпѣнію. Жизнь далеко не розовая выпала тебѣ на долю, а тутъ еще наладки, полпреки, несправедливость... главное несправедливость, я ея не переносу.

— Ты многого не переносишь, дитя мое, и я такова была въ твои годы. Отъ души желаю чтобы жизнь не подломилла твоей энергіи. Что же касается тетушки, она другаго воспитанія, устарѣвшихъ понятій, и если ей иногда случается быть несправедливою къ намъ, мы обязаны сносить и прощать. Она насъ искренно любитъ и въ тяжелыя минуты никогда не отказывала мнѣ въ помощи.

— Какъ же ей не любить насъ коли мы изображаемъ ходячую выставку ея христіанской добродѣтели. Послушать ее окружающихъ, мы осыпаны ея несчетными благодѣяніями: *cette chère comtesse est admirable pour madame Zagrinsky*, твердятъ хоромъ около нея. Лучше всего что она и сама въ этомъ убѣдилась и съ самою невозмутимою наивностью направляетъ увеличительное стекло на мокроскопическую матеріальную помощь которая иногда, добавимъ очень рѣдко, оказывается тебѣ, а главное хвастается ею при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Воля твоя, мама, благодарною я ей не могу быть.

— Наташа, Наташа, мнѣ просто больно тебя слушать. У тебя точно желчь накупѣла и наружу просится. Мама молодежь тебя, а разумнѣе въ этомъ отношеніи. Она довольствуется хорошими минутами жизни и не доискивается съ болѣзненнымъ рвеніемъ дурныхъ или слабыхъ людскихъ сторонъ.

Это тѣмъ болѣе поражаетъ меня что я хорошо знаю твое доброе, любящее сердце.

— Къ чему оно мнѣ служить? Развѣ возмущаться и страдать. Мама, мама, вѣдь ты живешь только для насъ, не правда ли? Брось этотъ Петербургъ, поѣдемъ въ скромный нѣмецкій городокъ, Дрезденъ или Висбаденъ, гдѣ мы можемъ жить для себя, вдали отъ несноснаго протектората, или, если твои средства не позволяютъ, вернемся въ Слободнику, право, гораздо лучше будетъ.

— Нѣтъ ужъ я съ твоимъ мнѣніемъ ни за что не соглашусь, живо возразила Маша; — всего двѣ, три недѣли какъ пріѣхали и, милости просимъ, назадъ въ нашу глушь! Ты просто съ ума сошла, цѣлый день сидишь за книгой, поневолѣ хандра пройметъ. А коли рѣчь коснется эгоизма, такъ ты и бабуску перещеголяешь, только о себѣ и думаешь, а я еще повеселиться не успѣла. Мама, голубушка, не слушай ея.

Чуткое сердце Наташи отозвалось на упрекъ, не лишенный въ которой доли правды, и сознание содѣянной несправедливости вызвало немедленно раскаяніе.

— Прости, Мама, сказала она съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ, протягивая руку сестрѣ, — я не буду болѣе помѣхой ожидаемымъ тобою увеселеніямъ. Можетъ-быть тебѣ и не суждено испытать въ нихъ разочарованій. Зима не безконечна, авось проживу какъ-нибудь и общаюсь тебѣ, мама, что ты останешься мною довольна. Въ самомъ дѣлѣ, не все же тебѣ одной приносить жертвы, и въ доказательство искренности моихъ намѣреній, чрезъ пять минутъ я буду готова ѣхать съ тобою.

Мы предоставимъ Наташѣ со свойственною ей живостью окончить незатѣйливые сборы на вечеръ и воспользуемся удобною минутой чтобы въ краткихъ словахъ сообщить читателю необходимыя свѣдѣнія о семействѣ Загрянскихъ.

Надежда Александровна была единственною дочерью богатаго и именитаго князя Езерскаго. Она едва помнила свою мать. Неизлѣчимая чахотка, несмотря на продолжительное пребываніе въ теплыхъ краяхъ и совѣты всѣхъ европейскихъ знаменитостей, уложила ее въ преждевременную могилу. Тяжело было молодой женщинѣ окруженной всѣми благами міра разлучиться на вѣкъ съ любимымъ мужемъ и безлечно улыбающеюся дѣвочкой. Дрожащею рукой осѣнила она бѣлокурую головку склоненную надъ ея материнскимъ одромъ и, обративъ

на князя взглядъ полный невыразимой мольбы, пролепетала слабымъ голосомъ:—береги ее.

Езерскій свято хранилъ завѣтъ умершей. Онъ всецѣло посвятилъ себя воспитанію дочери, находя въ ней одной утѣшеніе въ постигшей его скорби. Всѣ его мысли, желанія, стремленія сосредоточились на ея будущности. Онъ жилъ надеждой что Провидѣніе ниспослеть ей ту долю семейной радости которая такъ безплощадно была вырвана изъ его рукъ; онъ старался выработать изъ нѣжнаго впечатлительнаго ребенка умную и честную женщину.

Когда Надеждѣ Александровнѣ минуло семнадцать лѣтъ, старшая сестра князя стала настаивать на необходимости вывозить ее въ свѣтъ. Князь Езерскій опасался этой минуты. Чуждый отцовскаго самообольщенія, онъ отлично зналъ что дочь его красавица, умна, высоко образована, богата и что послѣднее превышаетъ въ свѣтской оцѣнкѣ все остальное.

— Скоро придется мнѣ старику бобылемъ остаться, говаривалъ онъ, нѣжно прижимая ее къ себѣ:—ты у меня въ дѣвкахъ не засидишься.

— *Quelles expressions, mon frère*, всякій разъ замѣчала графиня Бармина, съ выразительною ужимкой,—сейчасъ видно что вы жизнь провели въ деревнѣ съ вашими мужиками. *On se rouillerait à moins.*

Безпрестанныя столкновенія между Езерскимъ и сестрой не измѣнили ихъ хорошихъ отношеній. Онъ былъ привязанъ къ ней, хотя хорошо зналъ ея свѣтскій эгоизмъ, и не способенъ былъ раздѣлять ея возрѣвній въ важныхъ вопросахъ жизни. Тѣмъ не менѣе, скрѣпя сердце, онъ согласился поручить свою дочь опытному надзору графини, тѣмъ болѣе что разстроенное здоровье не позволяло ему самому сопровождать ее на балы и проводить безсонныя ночи.

Графиня была въ полнѣйшемъ восторгѣ. Она никогда не имѣла дѣтей, молодость провела въ вихрѣ свѣтскихъ забавъ, стараясь продлить ее до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ. Но всему наступаетъ конецъ, и не легко было ей убѣждаться что мало-по-малу всѣ отъ нея отшатывались. Мѣсто ея занимали другія поколѣнія, блестящая молодежь считала излишнимъ представляться ей; ее избѣгали приглашать на маленькіе вечера, а на большихъ балахъ и официальныхъ приѣмахъ она появлялась въ видѣ почтенной *tapissérie*, никому не нужной и терлимой по необходимости.

Красивая, богатая племянница была для нея суцимъ кладомъ: домъ ея снова будетъ переполненъ гостями, приемы пріобрѣтутъ свой утраченный блескъ, посылаются отовсюду приглашенія, такъ какъ всякій будетъ польщенъ видѣть у себя хорошенькую дебютантку.

Разчетъ оказался вполнѣ вѣренъ. Услѣхъ княжны Езерской быстро превзошелъ самыя радужныя надежды заботливой тетюшки. Въ теченіе двухъ зимъ Надежда Александровна была одною изъ самыхъ выдающихся звѣздъ петербургскаго свѣта. Поклонники толпой увивались около нея, изошряясь въ средствахъ снискать расположеніе графини, такъ какъ молодая дѣвушка со всѣми обращалась одинаково вѣжливо и просто, и ни одинъ изъ нихъ не могъ похвастаться ни малѣйшимъ предпочтеніемъ. Выѣзды занимали ея, но услѣхъ не вскружилъ ей головы. Ей надоѣдала праздная болтовня, отъ которой она отдыхала въ задумчивой бесѣдѣ съ отцомъ. Съ простосердечностью ребенка выросшаго на свободѣ подъ сѣнью безграничной любви, она не могла привыкнуть къ условной безсердечности и общепринятой фальши отношеній. Она не постигала и не хотѣла свыкнуться съ мыслию что нѣкоторые женщины хорошо извѣстныхъ легкостью нравовъ дозволено осуждать втихомолку, но предписывается уважать въ глаза, платя дань блестящему положенію. Чтò произошло одному, ставилось другому въ тягчайшее преступленіе. Взлелѣванная въ роскоши она не знала цѣны деньгамъ, но при первыхъ же шагахъ въ жизни уяснила себѣ какую первенствующую роль имъ суждено играть вездѣ и всюду. Это сознание породило въ ней гнетущую и неотвязную мысль что искатели ея руки лѣзлись ея состояніемъ и смотрѣли на нее преимущественно какъ на средство для достиженія богатства.

Какъ-то разъ, въ минуту откровенности, она повѣрила свои опасенія графинѣ Барминой.

— Есть о чемъ тужить въ самомъ дѣлѣ, засмѣялась та въ отвѣтъ;— вотъ они неизбѣжные плоды воспитанія даннаго твоимъ отцомъ! Вѣрь мнѣ, *ma chère enfant, la sentimentalité n'est de mise que dans les romans*, а въ жизни это только весьма неудобная поклажа. Если же тебѣ необходимо убѣдиться въ безкорыстной любви твоего будущаго мужа, послѣдуй моему совѣту. Выбери человѣка гораздо богаче тебя самой. У меня есть кой-кто на примѣтѣ, и просто, и практично.

Доводы графини не могли поколебать попятіи Надежды Александровны. Она рѣшила что будетъ терпѣливо ждать человѣка достойнаго, который оцѣнитъ ее нравственно, и если ему посчастливится проникнуть тайну ея желаній, то отдастъ ему безвозвратно на вѣкъ.

Въ семействѣ одной изъ своихъ пріятельницъ княжна Езерская встрѣчалась часто съ Николаемъ Ивановичемъ Загринскимъ. Онъ былъ семью годами старше ея, служилъ въ гвардейскомъ полку, не отличался красотою, но обладалъ рѣдкимъ умомъ и замѣчательными артистическими способностями. При другихъ условіяхъ изъ него выработался бы недожизненный музыкантъ или изъ ряда вонъ выходящій художникъ. Но таланты его пропадали даромъ, служа только развлеченіемъ ему самому. Онъ мало показывался въ свѣтъ, такъ какъ средства его были весьма ограничены; къ тому же уединенная жизнь болѣе подходила къ его идеалистическимъ наклонностямъ.

Онъ поразилъ Надежду Александровну съ первой встрѣчи. Она увидала что онъ не подходитъ подъ общій уровень, но главною приманкой для нея было то обстоятельство что онъ не обращалъ на нее исключительнаго вниманія. „Значитъ я не состою для него богатою невѣстой“, было первою ея мыслью. Она стала искать сближенія съ нимъ, но въ его присутствіи впервые непреодолимая робость завладѣвала ею и слова замирали на устахъ. Однажды въ замкнутомъ кружкѣ близкихъ людей, въ возникшемъ спорѣ довелось Загринскому отстаивать свое мнѣніе съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Онъ увлекался самъ и обаятельно дѣйствовалъ на слушателей... Надежда Александровна съ разгорѣвшимися глазами внимала ему и когда онъ замолкъ, не выдержала, протянула ему руку и невольно, въ порывѣ искренняго волненія, горячо сказала: „да, вы правы; иначе быть не можетъ“.

Какъ возмущалась бы графиня Бармина такую неумѣстною выходкой!

Надежда Александровна полюбила Загринскаго. Онъ олицетворялъ ей героя долго и скрытно взлелѣяннаго романа. Она же являлась въ его глазахъ недосыгаемымъ идеаломъ. Напрасно боролся Загринскій съ пробудившимся чувствомъ, страсть одолевала разсудокъ: „никогда ея родня не допуститъ нашей свадьбы“, твердилъ онъ себѣ непрестанно, но это убѣжденіе не въ силахъ было побѣдить его любовь. Чтобы чаще

тѣмъ случай встрѣчаться съ княжной, Загринскій измѣнилъ своимъ затворническимъ привычкамъ и сталъ появляться въ великосвѣтскихъ гостиныхъ. Много дипломатическихъ способностей, которыхъ Надежда Александровна и не подозрѣвала въ себѣ, выказала она чтобъ открыть ему доступъ въ домъ гордой графини:

— *Zagrinsky? connais pas, mignonne*, отвѣтила она, прищуривъ глаза;—и охота тебѣ протектировать всякимъ неизвѣстностямъ, *des gens qui ne sont pas de notre monde*. А впрочемъ если онъ *bon danseur*, въ этомъ всегда оказывается надобность: ты можешь помѣстить его на листъ приглашенныхъ слѣдующаго бала.

Легко себѣ представить ужасъ графини, когда два мѣсяца послѣ происшедшаго разговора, во время утренняго чая, неожиданно появился ея братъ и со взволнованнымъ, частью недоумѣвающимъ лицомъ, сказалъ:

— Наденька вздумала замужъ идти.

— Положимъ что пора, но за кого? отвѣтила графиня.—Мнѣ право не въ домекъ; князь Бровцынъ ухаживалъ за ней всю зиму, но она не обращала на него вниманія; графъ Лухаревъ отъ нея безъ ума, кто же этого не знаетъ; наконецъ я стала примѣчать что новолрізкій маркизъ французскаго посольства, *faubourg St. Germain le plus pur*, не отходить...

— Видно не догадаешься, пособить придется; птица-то совсѣмъ другаго полета. Ты знаешь Загринскаго, хотя и не удостоиваешь его вниманія. Онъ вчера просилъ руки Нади...

— *Quelle audace!* и графиня всплеснула руками:—да онъ съ ума сошелъ.

— Не въ этомъ дѣло, а въ томъ что полюбился ей. Она мнѣ напрямикъ сказала что про другихъ жениховъ и слышать не хочетъ.

— Но вы не можете допустить *une mésalliance monstrueuse! Elle, une Esersky, épouser un Dieu sait qui*, простовала графиня.

— Что въ свѣтъ онъ не состоить блестящимъ женихомъ, это положимъ еще не бѣда, но хорошій ли онъ человѣкъ, вотъ вопросъ. Можетъ ли онъ составить счастье Нади? Невольно я ее не стану, не даромъ же послѣдній завѣтъ жены былъ бередь ее.

— Помилуйте, *mon frère*, вѣдь это безуміе потакать всякому

капризу балованной дѣвочки. Кто изъ насъ не имѣлъ романтической любви? Да я сама была безъ памяти отъ Итальянца, учителя лѣвня, отравиться хотѣла, а полгода спустя вышла за покойнаго графа и не переставала до сихъ поръ считать себя самую счастливою женщиной въ мірѣ.

— Да, но ты не Нада, замѣтилъ графъ.

— Чтò вы хотите этимъ сказать, Alexandre? обидчиво спросила она.—Но такъ какъ тутъ затронута честь всего нашего рода, а вы не сумѣете довольно энергично отстоять ее, пришлите мнѣ племянницу. Я урезоню ее.

— Пожалуй, попробуй, согласился старикъ, махнувъ рукой.

Надежда Александровна твердо исповѣдала свою любовь къ Загринскому. Она терпѣливо вынесла нареканія, мольбы, чуть не проклятія и, въ заключеніе, пророчества самаго мрачнаго свойства если она не откажется отъ безумнаго намѣренія.

Разъяренная тетушка, въ виду тщетности увѣщаній, прибѣгла наконецъ къ обмороку, и княжна удалилась сдавъ ее на руки древнихъ и преданныхъ компаньйонокъ.

Этимъ однако не ограничился протестъ графини. Она поставила на ноги всю громадную родню Езерскихъ, которая повела дружную атаку противъ предполагаемаго брака. Но Надеждѣ Александровнѣ удалось убѣдить отца въ искренности и глубинѣ своей привязанности и всѣ старанія родни разстроить ея счастье окончились пораженіемъ. Надежда Александровна была обвѣнчана съ избранникомъ своего сердца.

Отсутствие на свадьбѣ графини Барминой, сказавшейся больною, не было ей даже чувствительно. Но за то Загринскій подвергся со стороны графини самымъ колкимъ нападкамъ, и когда ее спрашивали при неизбѣжныхъ поздравленіяхъ: „с'est un mariage d'amour, n'est ce pas?“ она съ горькою провѣей отвѣчала: „dites plutôt de bêtise“.

Два года промелькнули для Надежды Александровны какъ очарованный сонъ. Тутъ застигло ее первое горе. Князь Езерскій мирно почилъ на ея рукахъ, благословляя своихъ дѣтей: онъ успѣлъ полюбить Загринскаго какъ роднаго сына.

Тяжела была ей понесенная утрата. Загринскій чтобы развлечь жену отъ тяжкихъ воспоминаній подалъ въ отставку и они уѣхали за границу. Обвѣздивъ полъ-Европы, они выбрали мѣстомъ пребыванія Римъ, купили восхитительную виллу въ его окрестностяхъ, и Загринскій, давъ волю своему

артистическому вкусу, ничего не жалѣвъ для украшенія приобрѣтенной виллы наилучшими произведеніями искусства. Вскорѣ разнесся слухъ о его замѣчательныхъ коллекціяхъ, и знатоки съѣзжались отовсюду любоваться ими. Радужный хозяинъ выказывалъ самое широкое гостепрѣимство и много нуждающихся или начинающихъ артистовъ стали прибѣгать къ щедрому русскому меценату.

Загринскій, какъ мы уже замѣтили, былъ далеко не практичный человекъ. Въ управленіи имѣніями онъ ничего не смыслилъ и рѣшилъ все оставить по старому, но подоспѣла крестьянская реформа, и люди привыкшіе къ старымъ порядкамъ совершенно потеряли голову. Улучшенія чувствовались на каждомъ шагѣ. Доходы уменьшались, лѣса рубились, скотоводство приходило въ упадокъ, земли истощались, а Загринскіе продолжали жить въ наивномъ убѣжденіи что у нихъ все обстоитъ благополучно.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ освобожденія крестьянъ, Николай Ивановичъ счелъ долгомъ посѣтить наследственныя вотчины жены, и при всей своей неолытности въ хозяйствѣ ясно увидѣлъ что заграничное пребываніе нанесло явный ущербъ его состоянію и что дѣла оказались весьма залутавы. Сознаніе это какъ громомъ поразило его. Онъ считалъ себя отвѣтственнымъ предъ женой и дѣтьми, и далъ себѣ зарокъ неутомимо работать чтобъ изгладить слѣды своей невольной олошности. Не теряя времени онъ выписалъ всю семью въ Россію и горячо предался дѣлу.

Судьба натолкнула его на человекъ ученаго, изобрѣтательнаго, слѣло вѣровавшаго въ собственныя открытія и проекты, которому не много труда стоило убѣдить Загринскаго въ несомнѣнныхъ выгодахъ разныхъ предпріятій. Они тутъ же принялись строить въ одномъ изъ имѣній громадную фабрику. Наличныхъ денегъ не было, но это не составляло затрудненія: кредитъ Загринскаго еще не пошатнулся. По несчастію, расчеты вполнѣ вѣрные на бумагѣ оказались нигуда негодными на дѣлѣ, и потраченный солидный капиталъ въ итогѣ принесть тяжелый убытокъ.

Загринскій подобно утоляющему ухватился за соломинку. Онъ убѣдилъ жену, ни во что не входившую, послѣшно продать половину земельной собственности, и вмѣсто того чтобъ улатить сдѣланные долги, пустилъ ихъ въ оборотъ. Онъ

мечталъ о блистательной прибыли, но потерпѣлъ новую неудачу, по недобросовѣстности компаньона, чловѣка имъ облагодѣтельствованнаго и пользовавшагося безграничнымъ его довѣріемъ.

Николай Ивановичъ не перенесъ этого вторичнаго удара. Онъ заболѣлъ горячкою и въ нѣсколько дней его не стало. Въ предсмертномъ бреду онъ повторялъ умоляющимъ голосомъ: „прости, моя дорогая, я разорилъ тебя! я погубилъ тебя и ихъ!“

Въ эту роковую минуту Надежда Александровна только и думала объ опасности грозившей мужу, и смыслъ его рѣчей оставался ей чуждымъ; но вскорѣ послѣ его смерти она стала лицомъ къ лицу съ беспощадною дѣйствительностью.

Значительное приданое княжны Езерской растаяло какъ вѣшній снѣгъ; она очутилась безпомощною вдовой, съ двумя малолѣтними дочерьми на рукахъ. Въ праздныхъ соблѣзнованіяхъ родни ей чуждось плохо скрываемое злорадство. Графиня Бармина то и дѣло припоминала свои зловѣщія предсказанія и съ торжествующимъ лицомъ повторяла всѣмъ и каждому:— *Je l'avais bien dit.*

Съ безоблачной высоты полнаго счастья Надежда Александровна была мгновенно низринута въ бездну горя и нищеты. Но на ней лежала священная обязанность матери: съ пламенною молитвою она принялась за непосильную задачу.

Прежде всего она занялась приведеніемъ въ порядокъ запутанныхъ дѣлъ. Не легко ей было разстаться съ римскою виллою, свидѣтельница безслѣдно исчезнувшихъ радостей, но продажа ея послужила лишь первою жертвою, за которую посладовали и другія. За удовлетвореніемъ всѣхъ кредиторовъ Надеждѣ Александровнѣ осталось маленькое имѣніе въ Нижегородской губерніи, село Слободники, которое при наилучшемъ управленіи не приносило болѣе четырехъ тысячъ ежегоднаго дохода. Въ прежніе годы этой суммы едва хватало бы на туалетъ ея и дѣтей!

Между тѣмъ графиня Бармина, сообразивъ что тридцатилѣтняя вдова Загрянская, хотя и не въ правѣ претендовать на завидное положеніе княжны Езерской, все-таки слособна оживить ея опустѣлый домъ, великодушно предложила племянницѣ поселиться у нея, подъ непремѣннымъ условіемъ помѣстить дочерей въ Смольный монастырь.

— Я берусь устроить это дѣло. Лучшаго исхода тебѣ не

придумать, убѣждала она племянницу. — Гдѣ тебѣ, въ твои годы, а главное въ твоёмъ положеніи, *car c'est tout simplement la misère, il n'y a rien à répliquer*, возмѣтаться съ ними, а воспитывать дѣтей не дешево стоить... Къ тому же у меня въ домѣ для нихъ и мѣста нѣтъ (это была пренаивная ложь) и наконецъ я отъ роду не могла переносить дѣтскіи крикъ и шумъ. *Mes nerfs sont trop délicats, et d'ailleurs je te garantis que ce ne sera pas mal vue du tout.*

Надежда Александровна къ величайшему негодованію тетушки, наотрѣвъ отказалась разстаться съ дѣтьми, и своимъ поступкомъ создала неисчерпаемую тему для семейныхъ пересудъ: каждый считалъ долгомъ упрекать ее въ неслыханной неблагодарности.

Положеніе Загрянской въ Петербургѣ сдѣлалось невыносимымъ; она предпочла удалиться въ деревню, гдѣ, посвятивъ себя всецѣло воспитанію дочерей, могла вволю оплакивать своего покойнаго мужа.

Когда Наташѣ минуло семнадцать лѣтъ, Надежда Александровна, чтобы завершить образованіе дочери, рѣшилась провѣсти два года въ Дрезденѣ, гдѣ жизнь была не дорога. Настойчивость и старанія ея увѣнчались успѣхомъ. Природный умъ Наташи легко усваивалъ познанія. Она обладала задушевно-мелодичнымъ голосомъ, и подѣ руководствомъ свѣдущаго учителя сдѣлала изумительно-быстрые успѣхи въ лѣтніи.

Послѣ затворнической деревенской жизни, пребываніе въ городѣ изобилующемъ созданіями искусства благотвѣтельно подѣйствовало на молодой организмъ. Страстная, подобно отцу, легко увлекающаяся натура сказала въ ней. Она жаждала жизни. И юное воображеніе рисовало ей яркія привлекательныя картины.

По возвращеніи въ Петербургъ, гдѣ Надежда Александровна намѣревалась провѣсти зиму, пріемъ графини Барминой впервые болѣзненно отозвался въ неопытномъ сердцѣ Наташи. Она боготворила мать и ежедневно возмущалась незаслуженными нападками которымъ та подвергалась со стороны своей многочисленной родни. Ей, привыкшей чтить память отца какъ святыню, приходилось выслушивать длинныя рацеи о людяхъ рожденныхъ безъ грога, успѣвшихъ заручиться богатымъ приданымъ, скоро прожитымъ благодаря мотовству и

безумнымъ затѣямъ, и по собственной винѣ оставившимъ свое потомство на чужомъ полеченіи. Наташа явилась пылкой защитницей дорогой памяти покойнаго, чѣмъ всякій разъ возбуждала гнѣвъ графини. Быть-можетъ еслибы молодая дѣвушка отдѣлывалась молчаніемъ отъ обидныхъ намековъ, ея участь стала бы гораздо отраднѣе. Бабушка была высокою цѣнительницей женской красоты и граціи, которыми обладала Наташа въ совершенствѣ, но гордая независимость дѣвушки раздражала старуху. Она придиралась къ Наташѣ на каждомъ словѣ, думая смирить ея нравъ, попрекала ее бѣдностью и съ злорадствомъ обращала ея вниманіе на лишенія въ будущемъ. Une fille sans dot, сдѣлалось ея любимымъ выраженіемъ, преподносимымъ Наташѣ ежедневно, съ неподражаемымъ удареніемъ.

Во многолюдномъ обществѣ кузинъ и сверстницъ Наташа не встрѣтила ни пріязни, ни ожидаемаго веселія. Неравенство состояній и тутъ давало себя чувствовать.

На вечеринкахъ и двухъ, трехъ балахъ гдѣ она появилась, ея красивое личико и оживленная бесѣда привлекли было вниманіе танцующей молодежи, но и тутъ Наташу не допустили повеселиться въ волю. Маменьки заглѣли въ униссонъ: „Cette petite Zagrinsky est d'une coquetterie infernale“; дочери стали косо поглядывать на новолпріѣзжую и высокомерно обращаться съ ней, и въ заключеніе зимняго сезона, измученная Наташа умоляла мать скорѣй вернуться въ Слободинку.

Она вздохнула свободнѣе въ деревенской тиши, и мало-помалу непрерывные булавочные уколы нанесенные столичною обстановкой стали заживать. Настало мирное прозябаніе, пока судьбѣ не вздумалось подразнить Наташу свѣтлою искрой блеснувшей на мгновеніе чтобъ еще безотраднѣе сдѣлать воцарившіяся затѣмъ мракъ.

Не вдалекѣ отъ Слободинки находилось богатое помѣстье графини Аспаровой, со всевозможными стариннымъ затѣями на широкую барскую ногу. Оно казалось заброшеннымъ хозяевами и съ годами приходило въ уладокъ, какъ вдругъ по всему уѣзду пронеслась вѣсть что сама графиня собирается провести лѣто въ Троицкомъ, съ семействомъ, состоявшимъ изъ сына и дочери. Все въ имѣніи закипѣло дѣятельною жизнью въ ожиданіи пріѣзда графини.

Уединеніе и непривычная однообразность деревенской жизни не преминули отозваться скукой въ домѣ Аспаровыхъ. Освѣдомившись о сосѣдяхъ qu'on peut recevoir, графиня съ радостью узнала о пребываніи Загринскихъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея.

Въ молодости она встрѣчалась съ Надеждою Александровою въ свѣтскихъ гостиныхъ и воспользовалась прежнимъ знакомствомъ чтобы поѣхать съ визитомъ въ Слободнику и съ самою обворожительною любезностью пригласить Загринскихъ къ себѣ. Оближеніе между ними произошло весьма скоро.

Молодая графиня обрѣла себѣ подругу въ ровестницѣ, лятнадцатилѣтней Катѣ, а Наташа пріятнаго собесѣдника и неизмѣннаго спутника въ лицѣ ея брата.

Онъ за два года предъ тѣмъ окончилъ курсъ въ Александровскомъ лицѣ, весьма посредственно, и тотчасъ же причислился къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, чтобы въ угоду матери посвятить себя дипломатической карьерѣ.

Онъ обладалъ довольно привлекательною наружностью, хотя и съ преобладающимъ отгѣнкомъ чего-то женственного. Умъ имѣлъ заурядный, но за то умѣлъ выказывать его съ самой блестящей стороны; на первый взглядъ онъ могъ даже показаться серіозно образованнымъ; онъ настолько читалъ чтобы ловко схватить верхи, выражался изящно и эффектно, такъ что ему не трудно было щегольнуть своими мнимыми познаніями. Если добавить къ этому рѣдкую изысканность обращенія, то не мудрено что всѣ его знавшіе единогласно предрекали ему завидную будущность, и въ высшихъ сферахъ ему уже былъ подписанъ дипломъ d'un jeune homme tout à fait distingué.

Не трудно догадаться что на долю графа выпалъ завидный жребій стать предметомъ первой любви Натальи Николаевны.

Сначала онъ приволокнудся за ней ради развлечения отъ деревенской скуки, но искреннимъ чувствамъ присуще вызывать взаимность въ не вполне испорченныхъ сердцахъ, и самъ не замѣчая, Аспаровъ поддался ея вліянію, и увлекся насколько позволяла его мягкая, флегматическая натура.

Мы не остановимся на золотыхъ дняхъ промелькнувшихъ для молодыхъ людей. Наташа въ упоеніи, пригрѣтая яркими лучами взаимной любви, разцвѣтала пышнымъ цвѣткомъ; сердце ея было переполнено божественною мелодіей, такъ и

рвавшаяся наружу, и скромная Слободнская усадьба съ утра до ночи оглашалась трелями ея звонкаго голоса.

Въ одинъ чудный, вѣчно памятный ей вечеръ, подъ густыми сводами Троицкаго парка, Аспаровъ съ неподдѣльнымъ жаромъ увѣрялъ ее что только встрѣтившись съ ней онъ достигъ всю прелесть жизни и, вымогая ея признаніе, клялся въ вѣрности до гроба, и умолялъ разрѣшить ему просить ея руки. Прерывающимся голосомъ Наташа едва могла выговорить: „ваша, на вѣкъ“, и съ блаженными слезами на густыхъ олущенныхъ рѣсницахъ она протянула ему руку, которую онъ осыпалъ жгучими поцѣлуями. Но на другой день Надежда Александровна въ тщетной тревогѣ прождала его въ Слободникѣ.

При первомъ словѣ о намѣреніи жениться на Загринской, графиня Аспарова какъ разъяренная тигрица накинулась на сына. Могла ли она подумать что онъ, со свойственнымъ ему умомъ и тактомъ, поддастся въ ловушку хитро разставленную провинціальною барышней? За него съ радостью пойдеть любая изъ самыхъ выгодныхъ невѣстъ петербургскаго high life, и что же? выборъ его остановился на деревенской Сандрильионѣ. Самымъ вѣскимъ аргументомъ выставлялось соображеніе что состояніе ея небольшое и притомъ запутанное, и что она не намѣрена поощрять сына въ сумасбродной затѣвѣ; что за Наташей мѣднаго гроша не дадутъ въ приданое, мало того, придется содержать всю семью, и что на одномъ soupe de syusotis никто еще сытъ не бывалъ.

Аспаровъ хорошо зналъ непреклонную волю своей матери, тѣмъ не менѣе онъ отважился пояснить что наканунѣ сдѣлалъ Наташѣ предложеніе, ею принятое, и умолялъ пощадить если не любовь, то по крайней мѣрѣ честь.

Графиня юлитерски сдвинула брови. Она разчитывала на безхарактерность сына.

— Если ты настолько легкомысленъ что дозволилъ себѣ сдѣлать этотъ опрометчивый шагъ, намъ ничего болѣе не остается какъ завтра же уѣхать отсюда.

— Для меня это станетъ постыднымъ бѣгствомъ.

— Котораго никто не узнаеть, а со временемъ ты первый мнѣ большое спасибо скажешь. Повѣрь, у Загринскихъ хватить ума не разбалтывать по сосѣдямъ что ихъ козни потерпѣли фіаско.

Много усилій потратила честолюбивая мать чтобъ убѣдить

сына, и наконецъ ей удалось увезти его. Она слѣдила за нимъ такъ зорко что перехватила короткое объяснительное письмо адресованное Наташѣ и, разорвавъ его на мелкіе клочки у него на глазахъ, холодно замѣтила:

— Ты совсѣмъ съ ума сошелъ; всегда неприлично лисать молодой дѣвушкѣ, а тѣмъ болѣе когда это можетъ послужить обоюдоострымъ орудіемъ.

Однако слѣдовало соблюсти приличіе, и послѣ отъѣзда графиня Асларова приказала отправить въжливую записку Надеждѣ Александровнѣ, въ которой извинялась что не успѣла захватить проститься, такъ какъ сынъ былъ вызванъ въ Петербургъ делешей дающею поводъ предполагать о полученіи обѣщаннаго мѣста за границей. „Mes compliments et les siens à vos charmantes filles“, заканчивалось письмо.

Для Наташи это извѣстіе было громовымъ ударомъ. Пока мать пробѣгала привѣтливо банальныя строки, она затряслась какъ листъ, зубы болѣзненно стиснулись и зловѣщій огонекъ блеснулъ въ ея глазахъ.

Она все поняла.

Внезапный шумъ привлекъ вниманіе Надежды Александровны: у ея ногъ лежала безчувственная Наташа.

Съ той поры безжалостно разбитыя надежды тяжелымъ гнетомъ легли на бѣдную дѣвушку.

Мать не докучала ей разспросами изъ оласенія разбередить живую рану, но теплое участіе просвѣчивало въ каждомъ ея словѣ, въ непрестанныхъ ласкахъ. Наташа относилась къ нимъ, разсѣянно, машинально, она сосредоточивала свою скорбь въ самой себѣ, и только стѣны ея дѣвственной комнаты, въ пору ночной тишины, были безмолвными свидѣтелями горячихъ слезъ пролитыхъ надъ низверженнымъ кумиромъ.

Никогда она не уломинала объ Асларовѣ. Онъ видимо пересталъ существовать для нея, но было достаточно его имени произнесеннаго невзначай чтобы вызвать мертвенную блѣдность на ея чертахъ.

Загрянскіе прожили въ деревнѣ два томительные года. Катя успѣла вырасти, и ея живой, веселый характеръ лорывался изъ деревенской гауши.

Графиня Бармина, частью изъ уцѣлѣвшей привязанности къ Надеждѣ Александровнѣ, а можетъ и отъ скуки, которую она

частенько испытывала, писала и звала ее въ Петербургъ, общая даже, въ виду ея тяжелыхъ обстоятельствъ, заплатить путевыя издержки, и предлагала помѣстить все семейство въ своемъ обширномъ домѣ.

Надежда Александровна отклонила это предложеніе, отлично сознавая что оно посягало на остатки ея независимости, но наконецъ поддалась неотступнымъ просьбамъ Маши и, дождавшись первого пути, покинула съ дочерью мирную Слободянку.

Наташа отнеслась къ отъезду вполне безучастно; сборы Маши и ея юный энтузіазмъ не вызывали у ней даже улыбки. Она твердо вѣрила что жизнь ея надломлена, и утомленный взоръ устремлялся на безконечную вереницу однообразныхъ, пасмурныхъ дней.

Таково было душевное настроеніе нашей героини въ минуту нашего первого знакомства съ нею.

II.

Отжившій тилъ.

Было уже болѣе 10 часовъ когда скромный извозчикъ подкатилъ сами къ старинному подъезду дома графини Барминой.

Вся занесенная мокрымъ снѣгомъ, съ трудомъ высадилась Надежда Александровна и заботливо помогла дочерямъ послѣдовать ея примѣру. Въ швейцарской потребовалось не мало времени чтобъ отряхнуться и высушить волосы, такъ какъ вѣтеръ забросалъ густыя хлопья снѣга подъ надвинутыя платки.

Старикъ швейцаръ суетливо хлопоталъ около Надежды Александровны.

— Что это вы нынче замѣшались, осмѣлюсь спросить, ваше сіятельство? Графиня наша не разъ о васъ освѣдомлялась изволили. Гонца къ вамъ послали.

Она родилась у него на глазахъ и преданный слуга рода Езерскихъ не могъ отвыкнуть величать ее „сіятельствомъ“.

— Погода-то какая, Захарычъ, отвѣтила Надежда Александровна,—надѣялась все что снѣгъ поубавится; да и мою молодежь не скоро соберешь.

— Вотъ привезъ Господь и на нихъ порадоваться! Давно

ли вы сами махонькія были, матушка ваше сіятельство, а теперь ужь и дочери-то невѣсты. Кабы намъ ихъ хорошо пристроить, вотъ оно что.

— На все воля Божія, Захарычъ, добродушно отвѣтила Надежда Александровна,—а кто теперь у тетушки, освѣдомилась она.

— Почитай все свои будутъ, окромя только этого молодого барина что графъ Петръ Гавриловичъ недавно отрекомендовалъ; теперь они у насъ частенько появляться стали, отралпортовалъ Захарычъ, пока Загринскія поднимались по ярко освѣщенной лѣстницѣ; потомъ засунувъ для большаго удобства булаву подъ мышку, онъ угостился щепоткой табачку и предался размышленію въ полголоса:

„Вѣдь что ни на есть, настоящая Езерская, а поди-ка ты, какъ нашъ братъ хололъ, на извожикахъ развѣзжаетъ. То-то молодо-зелено, сама себя сгубила... Ровня ли ей покойникъ-то былъ. Хоть бы Господь наградилъ ее въ дочеряхъ за ангельскую доброту. Даромъ что изъ себя казисты, а мало кто на нихъ польститъся. Кабы живъ былъ старій князь, не того бы мы теперь наглядѣлись!..“

Долго еще разсуждалъ старикъ, а въ гостиной между тѣмъ за чашкою чая важно возсѣдала знакомая уже намъ отчасти графиня Бармина.

Ей было лѣтъ подъ семьдесятъ, но ни одинъ смѣльчакъ не дерзнулъ бы намекнуть ей о ея годахъ. Справедливость требуетъ сказать что она для своихъ лѣтъ замѣчательно хорошо сохранилась. Рука времени, посеребривъ ея когда-то черные роскошные волосы и придавъ кожѣ желтоватый оттѣнокъ слоновой кости, испещривъ лицо мелкими морщинками, словно не dokonчила своей разрушительной работы. Года пролетали не измѣняя этихъ величавыхъ развалинъ. Походка графини была плавная, она держала голову высоко и горделиво, станъ ея былъ прямой. Тщательная заботливость проглядывала въ мельчайшихъ подробностяхъ ея нарядовъ: роскошныя платья всегда заказывались у самой модной портнихи, свѣдѣныя кудри, выстулавшія изъ-подъ изящнаго челда, свидѣтельствовали что на ихъ прическу не жалѣлось ни времени, ни труда. Ничто на свѣтѣ такъ не занимало графиню какъ вопросъ о туалетѣ. Она дорожила имъ какъ единственнымъ удѣлѣвшимъ воспоминаніемъ увядшей молодости и по неволѣ забытаго кокетства.

Одного поверхностнаго взгляда было достаточно чтобы признать въ ней старинную, но истую *grande dame*, воспитанную въ традиціяхъ прошлаго вѣка, когда всякій умственный трудъ признавался несомвѣстнымъ съ женскою натурой, направленною исключительно къ праздности и веселью и занятою однимъ: затмевать солерницъ и прельщать избранныхъ своею особой.

Домашняя обстановка графини служила достойною портрета рамкой. Большіе богато-убранные покои были пропитаны тѣмъ немного затхлымъ, хоть и душистымъ запахомъ, присущимъ долго залертымъ комодамъ или жилицамъ старыхъ людей опасаящихся, чуть ли не наравнѣ со смертью, свѣжаго притока воздуха; раззолоченная мебель, съ жесткими, прямыми спинками сохранила свѣжую память о степенныхъ бесѣдахъ дѣдушекъ и бабушекъ, съ привѣтливо застывшими улыбками на устахъ выглядывающихъ на грядущія поколѣнія изъ потемнѣвшихъ рамъ.

На самомъ видномъ мѣстѣ, освѣщенный рефлекторомъ (единственное исключеніе въ пользу лампъ терпимое графиней, не признававшею другаго освѣщенія кромѣ зажженныхъ бронзовыхъ канделябръ) красовался ея собственный портретъ, писанный мастерскою рукою знаменитой *Lebrun*. Въ бѣломъ воздушномъ платьѣ, съ высоко поднятою грудью строго согласовавшеюся съ модою Наполеоновскихъ временъ, обнаженною шею, развѣвающимся алымъ шарфомъ и неизбѣжною розой въ рукѣ, смотрѣла она какъ живая, въ торжествующемъ сознаніи красоты и успѣха. На противоположной стѣнѣ глазъ останавливался на изображеніи графа, еще бодрого старика, съ орлинымъ носомъ и сладострастнымъ взоромъ, причесаннаго à *l'oiseau royal*, въ залитомъ золотомъ придворномъ кафтанѣ, съ Андреевскою лентой черезъ плечо. Его выдающееся положеніе при дворѣ достаточно объясняло почему самолюбивая, жаждущая почестей, красавица Езерская предпочла его, отжившаго пленца Екатериинской плеяды, всѣмъ другимъ своимъ юнымъ поклонникамъ.

За круглымъ столомъ уставленнымъ разными печеніями и лакомствами, у семейнаго серебрянаго самовара, разливала чай компаньонка графини, № 2.

По штату ихъ полагалось двѣ. Одна, Французенка, бойкая, болтливая *Mme Logiot*, завѣдывала нескончаемыми канвовыми

вышиваньями графини, отвѣчала иногда личностямъ которыхъ графиня считала недостойными собственнаго автографа, бѣгала по магазинамъ, бранилась съ модистками, и въ заключеніе утомительнаго дня читала вслухъ на сонъ грядущій французскіе романы пока ровное дыханіе не возвѣщало что ея сіятельство почилъ отъ трудовъ своихъ.

Ея товарка по ремеслу, но стоявшая ступенькой ниже въ домовоіи іерархіи, Марья Васильевна или Машенька, какъ звала ее графиня, состояла при ключахъ и завѣдывала хозяйствомъ. Въ назначенные часы она обязана была наводиться въ гостиной для личныхъ порученій, которыхъ всегда было въ изобиліи. „Машенька! куда дѣвался мой носовой платокъ?... Ахъ, клубокъ скатился, подними его... Я потеряла канвовую иглаку, поищи ее... Пришли флаконъ; знаешь, mes sels, кажется они остались въ спальнѣ, а можетъ-быть въ столовой, если не въ кабинетѣ“.... и не перечестъ всѣхъ тысячъ причудъ исполняемыхъ съ быстротою молніи.

Графиня любила ее по-своему, она смотрѣла на нее какъ на свою вещь, sa chose. Бабушка Машеньки когда-то воспитывалась съ графиней вмѣстѣ и, благодаря покровительству послѣдней, выдала дочь замужъ за чиновника занимавшаго хорошее мѣсто, но который рано умеръ оставивъ послѣ себя большую семью безъ достаточныхъ средствъ. Графиня помѣстила старшую свою крестницу, Машеньку, въ институтъ и по окончаніи курса взяла ее къ себѣ въ домъ, благо въ эту пору открылась вакансія компаньонки.

Десять лѣтъ уже терпѣло это бѣдное созданіе ежедневную каторгу. Изъ молоденькой, свѣжей дѣвочки, въ душливой атмосферѣ, она постепенно превращалась въ исхудалую старую дѣву. Графиня не терпѣла около себя пасмурныхъ или озабоченныхъ лицъ, и каково бы ни было настроеніе души Машеньки, кроткая улыбка не имѣла права исчезнуть съ ея лица.

Кромѣ этихъ двухъ неизбѣжныхъ личностей, общество состояло изъ княгини Бѣжецкой, пожилой и знатной дамы, приходившейся сродни Езерскій; затѣмъ обычнаго партнера графини, графа Петра Гавриловича Бармина, племянника ея по мужу, безпардоннаго сорокалѣтняго жуира, навѣщавшаго почтенную тетушку ради будущихъ благъ, и бѣлокураго, двадцатипятилѣтняго, статскаго, съ незначительною фізіономіей, угловатыми манерами, робкимъ голосомъ, видимо

сконфуженнаго чуждою ему величавою обстановкой гостиной. Звали его Павломъ Ивановичемъ Селезневымъ.

Онъ воспитывался и жилъ безвыѣздно въ губернскомъ городѣ одной изъ нашихъ степныхъ губерній. Близкое сосѣдство свело его съ графомъ Барминымъ страстно любившимъ охоту и ради этого проводившимъ осень въ одномъ изъ своихъ имѣній. Бездѣтный дядя Селезнева умеръ весьма кстати для осуществленія завѣтной мечты Павла Ивановича: побывать въ сѣверной Пальмирѣ. Онъ воспользовался своимъ знакомствомъ съ графомъ, чтобы прикомандироваться въ его особѣ. Мы скоро узнаемъ какія причины открыли ему доступъ въ разборчивый домъ графини.

Надежда Александровна, слегка залыхавшись, такъ какъ всачески старалась нагнать потерянное время, направилась къ тетущкѣ и почтительно поцѣловала сухую, блестящую дорогами камнями, протянутую руку.

— Vous voilà enfin! Наконецъ-то появились! У меня кажется не раутъ сегодня. Всѣмъ извѣстно что я позже половины десятого не люблю садиться за ералашъ. Но вѣдь уваженіе къ роднымъ и старшимъ теперь изъ моды вывелось, давно въ архивъ сдали. C'est heureux que je n'ai jamais été exigeante, force eût été de s'en déshabituer, завершила она свой разговоръ.

— Pardon, ma tante, мярко возразила Загринская,—я замѣшкалась дома и притомъ на дворѣ такая метель что вы себя представить не можете. Я все разчитывала, авось поуспокоится.

— У тебя всегда оправданій полноъ карманъ. Кажется ты не за горами живешь; притомъ здѣсь не деревня, плутать невозможно.

Въ эту минуту Наташа прикладывалась къ сухо-подставленной щекѣ графини, такъ какъ только въ высокаторжественныхъ случаяхъ цѣловала эту мощеобразную руку; ея вольнодумство и непочтительность постоянно раздражали старуху. И теперь Наташа не вытерпѣла.

— Вы бы, ma tante, потрудились выглянуть въ окно, сказала она: — бьюсь объ закладъ что ни за что не выѣхали бы, даромъ что у васъ карета, а у насъ ея не полагается.

Графиня вскинула глазами на это святотатственное сравненіе.

— Moi, c'est autre chose, возразила она съ негодованіемъ,— а вѣдь вамъ не привыкать.

— Тѣмъ уважительнѣе была бы причина остаться дома безъ неотложной надобности. Я въ этомъ увѣрала мама, но она меня не послушалась.

— Въ кои-то вѣки разъ, слава Богу, яѣца выдумали цыплять вѣсть, такая кажется есть поговорка. *Cette jeunesse d'а présent*, просто изъ рукъ вонъ. Жаль что у меня дочерей нѣтъ, я доказала бы не на словахъ только что называется образцовымъ воспитаніемъ.

— Какъ хорошо что нѣсколькими несчастными твореніями меньше на свѣтѣ, въ полголоса замѣтила Наташа Марья Васильевнѣ, испуганно на нее взглянувшей. Къ общему благу замѣчаніе это не дошло до ушей графини, занятой одобрительнымъ отзывомъ Бѣжецкой.

Надежда Александровна, поздоровавшись съ присутствующими, сѣла послѣднѣю за чашку чая чтобы присоединиться затѣмъ поскорѣи къ игорному занятію, до котораго она далеко не была охотницей, но въ угоду тетушкѣ замѣняла недостающаго партнера.

— Наталья Николаевна, милости просимъ къ намъ! предложилъ Петръ Гавриловичъ, указывая на свободное мѣсто между нимъ и торопливо кланявшимся Селезневымъ, — вы сегодня въ воинственномъ настроеніи, если я не ошибаюсь? Будемъ стараться задобрить васъ всѣми средствами. Вы не повѣрите до чего я боюсь васъ.

— Мнѣнїи своихъ я никому не навязываю, а лостоятъ за нихъ умѣю; это многимъ не по вкусу. Можетъ-быть и вамъ также графъ?

— Повѣрьте, они только шутятъ любезно осклабясь вставилъ Селезневъ: — когда васъ нѣтъ, вотъ бы вы тогда послушали что они про васъ говорятъ. Похваляемъ конца нѣтъ, да и по справедливости оно иначе и быть не можетъ, съ любезностью добавилъ онъ.

Наташа бросила пылливый взглядъ на графа.

— Спасибо вамъ, Павелъ Ивановичъ, за выдачу скрытыхъ, хотя и непрощенныхъ союзниковъ. Я теперь многое объясняю себѣ.

— Надѣюсь вы въ моей дружбѣ никогда не сомнѣвались *Mlle Nathalie*? послѣдшилъ сказать Барминъ.

— Не вызывайте меня на откровенность, графъ. Не даромъ я избрала девизомъ чисто русскій стихъ графа Толстаго: „коль рубить, такъ ужъ съ плеча“.

— Помню, помню. Настолько знанія отечественной литературы и у меня хватить. „Коль любить, такъ безъ разсудка,“ такъ кажется начинаются они? Вы и на этотъ подвигъ признаете себя слособною?

Наташа сдвинула черныя брови и сухо отвѣтила:

— Да, если найдется человекъ достойный подобнаго чувства, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь.*

— Помилосердитесь, да это огульный приговоръ на всѣхъ мушницъ: хотъ присутствующихъ-то пощадите.

— Рѣчь идетъ обо мнѣ, а всѣмъ извѣстно что у меня дикія лоятія: спросите-ка у бабушки. Это не мѣшаетъ вамъ попытаться счастья у болѣе свѣтскихъ барышень. Почему звать? Вы имъ покажетесь можетъ-быть вполне достойнымъ идеаломъ любви.

— Грѣхъ вамъ смѣяться надъ стариками.

— Тише, графъ, не забывайте что это слово здѣсь воспрещено произносить. Ма tante можетъ обидѣться. Непремѣнно применитъ на свой счетъ, если только разслышитъ.

— Incorrigible, mais charmante, разсмѣялся онъ.—Что же вы молчите, Селезневъ? Молодому рыцарю слѣдуетъ поднять брошенную перчатку и вступиться если не за красивую женщину, то за угнетаемыхъ мушницъ.

Онъ видимо старался втянуть его въ разговоръ.

— Помилуйте, графъ, это мнѣ не по силамъ. Сознаюсь откровенно, я не мастеръ защищать отвлеченныя теоріи. Сами знаете какую жизнь я до сихъ поръ велъ: гдѣ же мнѣ было научиться?

— Повѣрьте мнѣ, и труда не стоить, замѣтила Наташа, одобрявшая искренность выказанную молодымъ человекомъ.— Я сама выросла и почти воспиталась въ провинціи и приглядѣлась къ общему образу жизни. Люди вездѣ одни и тѣ же, только интересы разные. Тамъ болѣе насущные, здѣсь отвлеченные. У насъ болѣе живутъ по простотѣ, и все называютъ по имени. Тутъ же все утонченно до крайнихъ предѣловъ, всѣ изловчились оправдывать свои поступки софизмами, возводить личныя мнѣнія на стелень теоріи, льстить въ глаза самымъ возмутительнымъ образомъ и не стѣсняясь осмѣивать тѣхъ кто ловится на удочку. Если же коснуться слетень и пересудъ, то вопросъ далеко не разрѣшенъ, кому отдать пальму первенства! Личный опытъ довелъ меня до этого философскаго сравненія; поживете, посмотрите, Павелъ Ивановичъ, и согласитесь со мной.

— Преклоняюсь предъ мудрымъ изреченіемъ Соломона двѣнадцатаго вѣка, пророчески вымолвилъ Барминъ. Наступило минутное молчаніе давшее возможность явственно слышать голосъ княгини Бѣжецкой сидѣвшей на другомъ концѣ стола, около хозяйки:

— Какъ я сегодня разсѣяна! себя не узнаю; совсѣмъ позабыла сообщить вамъ la grande nouvelle du jour. Вы можетъ-быть уже слышали, ma tante?

— Ничего не знаю, говори скорѣй, сдѣлай милость, встрепеулась графиня съ разгорающимся любопытствомъ.

— Молодой Аспаровъ женится.

— Нашъ Аспаровъ? быстро спросила Катя обрывая оживленный разговоръ съ Mme Lorigot.

— Вашъ ли онъ или нѣтъ, я знать не могу. Для насъ существуетъ только одинъ Аспаровъ, сынъ Lydie; онъ теперь секретаремъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ.

— Да, это именно онъ, медленно сказала Надежда Александровна, мы съ нимъ познакомились въ Слободинкѣ; у нихъ большое имѣніе въ нашемъ сосѣдствѣ.

— Не перебивай Богá ради съ пустыми разспросами, раздражительно замѣтила графиня,—а ты, Sophie, скажи поскорѣе на комъ, да всѣ подробности если знаешь.

— На Катѣ Ховинской, ma tante, вы ее навѣрное встрѣчали въ свѣтѣ. Они познакомились въ Біарицѣ, на морскихъ курортахъ; тутъ онъ сталъ за ней ухаживать...

— Въ послѣднемъ позвольте усумниться, перебилъ въ свою очередь Барминъ,—на подобныхъ уrodaхъ женятся иногда, но ухаживанье не должно стоять въ программѣ.

— Какой же она уродъ? продолжала Бѣжецкая:—допустимъ что она некрасива, но за то какъ превосходно воспитана, умна, une distinction sans pareille! Именно Аспаровъ способенъ оцѣнить ея рѣдкія достоинства. Ховинскіе провели осень въ Парижѣ; они и теперь тамъ. Lydie въ восторгѣ. Мнѣ ея сестра только что читала депешу, отъ нея полученную, съ объявленіемъ радостнаго событія.

— Un mariage superbe! безапелляціонно рѣшила графиня;—лучше и придумать нельзя. Положеніе, состояніе связи, все подходящее. Такъ-то предусмотрительные родители должны бы всегда устраивать участь своихъ дѣтей, и выразительный взглядъ брошенный при этомъ на Надежду Александровну долженствовалъ ей припомнить ея непростительное увлеченье.

Однако намекъ пропалъ на этотъ разъ даромъ. Надежда Александровна слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за дочерью.

— Неужели вы допускаете, княгиня, что Аспаровъ раздѣляетъ восторгъ своей родительницы? не унимался Барминъ.— Еслибы меня спросили и ручаюсь что большинство мужчинъ присоединится къ моему мнѣнію, мы единодушно присудили бы Аспарову георгіевскій крестъ. Несравненно легче идти на приступъ первымъ, нежели въ церковь гдѣ васъ ожидаетъ сморчкообразная невѣста. Въ первомъ случаѣ хоть надежда есть что Богъ не безъ милости, а тутъ шалишь братъ, aussitôt pris que rendu. Не правъ ли я, Mlle Nathalie? обратился онъ къ ней, видимо довольный своею острою.— Какого бы вы дурнаго мнѣнія о мнѣ ни были, но завѣряю васъ что и ея миллионное приданое не соблазнило бы меня.

— Итакъ она очень богата? Объ этомъ обстоятельстве умалчивалось, но не трудно было понять, отвѣтила она съ невозмутимымъ спокойствіемъ, хотя зоркій наблюдатель могъ бы подстеречь болѣзненно-металлическую вибрацію ея голоса.

Надежда Александровна вздохнула свободно; она опасалась что Наташа не осилитъ неожиданнаго волненія.

При первомъ словѣ Бѣжецкой кровь бросилась ей въ голову; но она сумѣла скрыть невольное смущеніе, прилежно отыскивая подъ столомъ платокъ локоино лежавшій у ней на колѣняхъ. Затѣмъ сдѣлавъ равнодушный видъ, она прислушивалась къ разговору, и только порывистое движеніе правой руки, домавшей бисквитъ случайно лежавшій около нея, выдавало ея внутреннюю тревогу.

Безцеремонныя замѣчанія Бармина породили въ ней внезапное презрѣніе къ Аспарову и она чувствовала какъ оно мгновенно поглотило еще удѣлѣвшіе обломки отвергнутой любви. Она готова была простить ему что по своей безхарактерности онъ такъ безсердечно поступилъ съ нею, принесъ ее въ жертву требованіямъ матери, но продать себя самовольно. это было крайнею низостью въ ея глазахъ.

— А мы все еще не успѣли играть, золотое время нечего попусту тратить. Ріегге мы тебя ждемъ, обратилась хозяйка къ Бармину,—а ты, Наташа, слѣла бы намъ что-нибудь. Вотъ и Monsieur Селезневъ также послушаетъ; онъ кажется любить музыку и притомъ il admire ta voix.

Селезневъ и не подозрѣвалъ въ себѣ наклонностей, такъ обязательно приписываемыхъ графиней, но не хотѣлъ остаться

въ долгу, и пренаивно отвѣтилъ:—Конечно, въ провинциальной жизни мы не избалованы музыкой, и лѣтніе Наталья Николаевна доставило бы мнѣ величайшее удовольствіе, тѣмъ болѣе что мнѣ еще не представлялся случай оцѣнить его.

Графиня прикусила губу и мысленно назвала его дуракомъ. Наташа послѣшила отвѣтить:

— Увольте сегодня, бабушка, я право не въ голосъ.

— Ничего, mon enfant, стоить только начать, публика не взыскательная, все свои люди.

— Mlle Nathalie, я присоединяюсь къ общей молѣбѣ,—дойду до колѣнопреклоненія, если потребуете. Всѣмъ извѣстно что великихъ талантовъ слѣдуетъ улашивать, воскликнулъ Бармишъ.

— Наташѣ сегодня весь день нездоровилось, вступилась за дочь Надежда Александровна;—обыкновенно она поетъ съ радостью, отъ фортепіано оторваться не можетъ; вы ужь ей повѣрьте на слово.

— Баловница! сердито бормотала графиня:—подакиваетъ всегда дѣвчонкамъ: когда я прошу (и это я принимало въ ея устахъ гигантскіе размѣры) можно оказать уваженіе.

Наташа сообразила что выгоднѣе предпочесть лѣтніе бесѣды съ Селезневымъ и Mme Lorigot, и со свойственной ей обворожительною улыбкой сказала:

— Я сдаюсъ, ma tante, и вѣрьте очень польщена что лѣтніе мое можетъ вамъ доставить удовольствіе. Такъ какъ мой талантъ, если только онъ окажется налицо, самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, въ противность мнѣнію графа, то я не претендую на излишнія просьбы, и немедленно приступаю къ дѣлу.

Она мимоходомъ поцѣловала мать и шепнула ей на ухо:—Надѣюсь ты мною довольна? погляди какъ я спокойна.

Графиня, пріятно пораженная неожиданною стоворчивостью, кивнула одобрительно головой и присовокупила, обращаясь къ окружающимъ:

— C'est qu'elle sait être charmante quand elle veut, seulement elle le veut rarement.

Наташа небрежно слѣла первый попавшійся романсъ, но музыка была ей лучшею отрадой въ жизни, и на этотъ разъ не измѣнила своему благотворному дѣйствию. Она помогла ей забыть окружавшее ее скучное общество. А гармоническіе звуки послужили вѣрнымъ проводникомъ тревожныхъ

чувствъ переполнявшихъ ея душу. Пальцы ея, нервно и бѣгло дотрогиваясь до клавишей, вызывали въ нихъ магическое сочувствіе; звуки фортепіано, сливаясь съ ея мощнымъ голосомъ, порождали нескончаемую струю потрясающей мелодіи.

Мало-по-малу стихнулъ разговоръ, даже непрерывный лететь Mme Lorigot замолкъ, и только изрѣдка доносились изъ сосѣдней комнаты однообразныя слова:

— Въ червахъ,—дама самъ третьей не сдѣлала.—Не рискнуть ли безъ козырей.—Грѣхъ вамъ не вистовать и т. п.

Селезневъ, въ молчаливомъ созерцаніи, любовался Наташей. Планъ графа женить его на Наташѣ казался легко осуществимымъ, и подъ вліяніемъ лучезарныхъ надеждъ онъ мечталъ объ этомъ счастіи. Родство съ петербургскою знатію открыло бы ему любую административную карьеру, а въ краткіе промежутки отдыха отъ служебной дѣятельности воображеніе его переносило въ уютный, деревенскій домъ, оживленный присутствіемъ молодой, красивой хозяйки.

Наташа страстно увлекалась музыкой и не замѣчала времени. Голосъ Бармина заставилъ ее очнуться; окончивъ партію онъ приблизился къ ней и съ несвойственнымъ ему укоромъ проговорилъ: — Вы превзошли себя сегодня, Наталья Николаевна, я всю ночь готовъ бы слушать васъ съ возрастающимъ наслажденіемъ.

Ласкающій взоръ его охватывалъ стройную фигуру молодой дѣвушки, и непрощенная мысль взбрела ему на умъ: „Въ самомъ дѣлѣ хороша! въ ней есть что-то особенное. Жаль что ни гроша за душой, а то, чертъ возьми, способенъ былъ бы на ней жениться. Пускай ужъ лучше этотъ дуракъ Селезневъ, а потомъ можно будетъ и намъ пріударить.“

— Спасибо за любезность, волевыхъ, сказала она вставая,—а вотъ вторыхъ, надоумили меня что лора и честь знать.

— Изумительно! подобнаго таланта я въ васъ и не подозревалъ, Наталья Николаевна! съ видимымъ восторгомъ говорилъ Селезневъ;—и какъ эти переливы вамъ легко даются. Соловьямъ слѣдовало бы у васъ поучиться.

— Берегитесь, Павелъ Ивановичъ, и Наташа слегка ему пригрозила пальцемъ,—столичный воздухъ уже въ васъ сказывается; преувеличенные комплименты служатъ лервымъ знакомъ.

Въ эту минуту Mme Lorigot подлетѣла къ Наташѣ на всѣхъ парусахъ, извѣщая что графиня немедленно ее требуетъ.

Не успѣла отойти Наташа, какъ Барминъ дружески потрепавъ Селезнева по плечу спросилъ:—что, доволенъ ли? Какъ-то? прелестъ! и звучнымъ поцѣлуемъ на подмесенные ко рту пальцы онъ довершилъ опредѣленіе.

— Не обнадеживайте меня напрасно, графъ. А если не пойдетъ? съ тревожнымъ безлокойствомъ спросилъ тотъ.

— Allons donc! за подобнаго молодца! униженіе лаче гордости, о неопытный другъ. Однакоже куда моя фуражка запропастилась? пора докончить вечеръ въ болѣе веселомъ обществѣ, и онъ пошелъ проститься съ графиней.

— Наташа, ты была сегодня такъ предупредительна и мила, говорила межъ тѣмъ графиня,—что я въ свою очередь хочу порадовать тебя. У Sophie на будущей недѣлѣ балъ, со Дворомъ, и она желаетъ васъ обѣихъ непременно видѣть у себя.

— О, какъ я счастлива! съ засіявшимъ отъ радости лицомъ воскликнула Маша.

Наташа медлила отвѣтомъ.

— А развѣ наша великая музыкантша презираетъ подобныя забавы? шутиво спросила княгиня Бѣжецкая.

Предстоящій балъ мало занималъ Наташу, но она не хотѣла невѣжливою оплатитъ за вниманіе, и отвѣтила откровенно:—Я гораздо старше Маши, къ тому же наши попятія и вкусы очень различны, это не мѣшаетъ мнѣ благодарить васъ, а поѣду къ вамъ съ удовольствіемъ.

— Итакъ до свиданія, *charmante petite vieille*, и княгиня протянула ей руку на прощаніе.

— А что касается бальныхъ платьевъ, прошу тебя, Nadine, предоставь мнѣ эту заботу. Мнѣ этотъ подарокъ доставитъ столько же удовольствія сколько вамъ пользы, почувствовала громогласно оловѣстить графиня Бармина.

— Не нахожу словъ чтобы благодарить васъ, *ma tante*, тронутая вниманіемъ, горячо сказала Загоринская.

— *Toujours aussi bonne qu'attentionnée*, съ чувствомъ подтвердила княгиня.

— *Oh! il faut vivre auprès de la comtesse pour apprécier sa sublime délicatesse de coeur, jusque dans les plus petites choses, съ жаромъ замѣтила Mme Lorient.*

— *Assez, assez*, право не стоить говорить о такой бездѣлицѣ, сочла долгомъ заявить съ напускнымъ смиреніемъ графиня,—я всегда стараюсь чтобы добрыя дѣла оставались подѣ

слудомъ, и не забывайте, моя милая, что я не люблю чтобъ о нихъ уломинали.

Ловкая Француженка хорошо знала цѣну этой публичной скромности, и хотя въ душѣ убѣждена была что подслужилась своей повелительницѣ, однако послѣшила изобразить на своемъ подвижномъ лицѣ сконфуженное выраженіе.

Наташу коробила эта фарисейская добродѣтель, и еслибы не опасеніе огорчить мать, она тутъ же отказалась бы отъ непрощенаго подарка. Легче надѣть самую дрянную трапку, думала она, нежели еѹ одолжаться, и словно твердый комъ застрялъ у нея поперекъ горла, когда пришлось ей выговорить:—merci, ma tante.

— Однако уже поздно, замѣтила княгиня,—мы васъ сегодня безсовѣстно задержали. Жаль что у меня двухмѣстная карета, и я не могу васъ всѣхъ забрать, но охотно подвезу хоть кого-нибудь; обязательно предложила она.

— Съ радостію поручаю тебѣ моихъ дѣвочекъ, согласилась Загрянская,—а сама долетусь какъ-нибудь.

— Пускай Мама ѣдетъ съ княгиней, а я съ тобой, рѣшительно сказала Наташа.

— Постой, постой, съ озабоченномъ видомъ оставила княгиню Бѣжецкую графиня,—присоветуй мнѣ туалетъ для твоего бала. Хотя я въ свѣтъ и перестала выѣзжать, но для тебя сдѣлаю исключеніе. Pêche или gris perle? Оба съ иглочками, ненадеванья. Первый подходитъ къ моимъ бирюзамъ, а ко второму у меня моя знаменитая изумрудная рагиге.

Невольная усмѣшка скользнула по лицу княгини, но съ невозмутимымъ хладнокровіемъ она отвѣтила:—на вашемъ мѣстѣ я предпочла бы сѣрое, но время терпитъ, мы еще потолкуемъ объ этомъ вопросѣ.

— Доброй ночи, тетушка, сказалъ Барминъ, подходя къ рукѣ, какъ только ему посчастливилось отвлечь графиню отъ поглощающихъ думъ,—надѣюсь что мнѣ въ будущій разъ повезетъ, и я въ свою очередь обыграю васъ.

— Нельзя же тебѣ впрямь всѣмъ наслаждаться. Malheureux au jeu, самъ знаешь остальное, а мое время ужъ прошло, и выравнійся вздохъ подчеркнул безплодное сожалѣніе.—Прощайте, М. Голубевъ, когда будетъ свободное время, прошу меня не забывать,—и она благосклонно кивнула ему головой.

Тотчасъ по уходѣ его, Надежда Александровна замѣтила:—Вы не такъ сказали его фамилію, тетушка. Онъ Селезневъ, а не Голубевъ, какъ вы его назвали.

— Велика важность, мать моя. Чѣмъ же одна плччья фамилія оскорбительнѣе другой. Не могу же я только о немъ и думать! И за то онъ долженъ быть благодаренъ что я его принимаю и любезно съ нимъ обхожусь. Все это изъ-за васъ, да, хотя я отлично знаю что вы не умѣете меня цѣнить. Надо подумать твоихъ дочерей пристроить. Тебѣ самой легче станеть, а задача не легкая. Будь состояніе Езерскихъ не промотано твоимъ муженькомъ, статья была бы другая, но проплагло не воротись. Вотъ Пьеру и пришла благая мысль, *c'est un homme de tant de soeur!* женить Селезнева на Наташѣ. Машѣ не грѣхъ и подождать. Конечно онъ не блестящій женихъ, но въ нашемъ положеніи и разборчивыми-то не подобаеть быть. Наружность приличная, состояніе кой-какое есть: съ помощью князя Александра мы его опредѣлимъ въ министерство, да и Бѣжецкаго протекція пригодится. Выведемъ въ люди. Право, на мои глаза, онъ ни чуть не хуже твоего мужа и къ тому еще состояніе есть.

— Можетъ-быть, но я любила его, а Наташа не обращаетъ на Селезнева ни малѣйшаго вниманія.

— Господи! ужели жизнь мало тебя проучила за романическія бредни! Хотя для блага дочерей выкинь ты этотъ невужный хламъ! А Pierre мнѣ сообщилъ что она Селезневу очень и очень нравится. Сегодняшній вечеръ долженъ былъ его залопотить совсѣмъ; *elle était jolie comme un soeur et elle a chanté comme un ange.* Къ тому же онъ только и бредить чество породниться съ нами, *pas dégoûté, le petit jeune homme!* Все дѣло тельерь за твоею дочкой. Поговори съ ней толкомъ. Твой материнскій долгъ наставить ея на путь истинный, и съ Божіею помощью мы устроимъ ея будущность. Ужь если я, графиня Бармина, нахожу *que c'est un parti convenable*, остальнымъ и разсуждать нечего.

— Да я, тетушка, ничего не имѣю противъ Селезнева. Онъ кажется простымъ, хорошимъ человѣкомъ, и если только понравится Наташѣ, мнѣ лучшаго и желать нечего.

— Давно бы такъ. Ты съ ней поговори: *sonde le terrain*, ну, а тельерь прощай до завтра. А какое твое мнѣніе? *Sophie* совѣтуетъ сѣрое, но *pêche* мнѣ болѣе къ лицу. Какъ сейчасъ помню, на Андиковскомъ балу, тамъ допускались только *les élus*, покойный Государь назвалъ меня *la reine des belles*, на мнѣ было именно платье такого цвѣта, и блаженная улыбка засіяла на морщинистомъ лицѣ графини.

— Такъ надѣньте его ради бывлыхъ воспоминаній, добродушно посовѣтовала Надежда Александровна.

— Надо прежде осмотрительно взвѣсить le pour et le contre, а на счетъ твоихъ дѣвочекъ я все препоручу *Mme Logiot*, она у меня золотой человѣкъ,—и поцѣловавъ пламяницу въ лобъ, графиня удалилась во внутренніе апартаменты.

III.

Первая встрѣча.

Мы не станемъ распространяться о дняхъ отдѣлявшихъ вышедшій вечеръ отъ назначеннаго бала у Бѣжецкой. Жизнь Загрянскихъ тянулась однообразно. Упомянемъ вскользь что на слѣдующее утро Надежда Александровна, воспользовавшись отсутствіемъ Маши, попыталась вызвать на откровенность старшую дочь.

Войдя къ ней, она застала ее на привычномъ мѣстѣ, за любимымъ занятіемъ: съ книгою въ рукахъ. Матовая блѣдность лица и словно угасшій блескъ глазъ говорили о дурно проведенной ночи и не могли укрыться отъ зоркаго наблюденія матери.

— Наташа, зачѣмъ ты таишься отъ меня? Выскажи свою грусть, подѣлись ею со мной; вѣрь, моя блѣдная дѣвушка, легче сердцу станетъ, и съ горячимъ участіемъ она прижала ее къ себѣ.

Наташа прямо и гордо посмотрѣла ей въ лицо.

— Ужели ты допускаешь что выгодная женитьба Аспарова болѣзненно отзывается во мнѣ? Я давно покончила съ несбыточною мечтою, и если ты вчера выслѣдила во мнѣ минутное смущеніе, даю тебѣ слово что бывшая любовь тутъ ни при чемъ. Я страдала за него что онъ упалъ такъ низко, даже во мнѣніи такого пустаго человѣка какъ Барминъ, мнѣ было стыдно за себя что я могла увлечься безсердечною тралкой. Я любила его, не задумалась бы жизнью пожертвовать ему! Все это разбито, полрано. Да, тяжелый опытъ вынесла я изъ первой жизненной схватки.

— Неужели неблаговидный поступокъ Аспарова настолько повліялъ на твою жизнь что ты отрекалась отъ мысли выйти замужъ.

— Нѣтъ, съ секунду подумавъ отвѣтила Наташа,—если я встрѣчу человѣка симпатичнаго и достойнаго уваженія, сердце

мое свободно, и я въ правѣ пытаться составить счастье хорошаго человѣка, и со временемъ, быть-можетъ, самой сдѣлаться относительно счастливою. Ты видишь что я вполне откровенна, даже когда рѣчь доходитъ до предположеній совсѣмъ неосновательныхъ. Не даромъ бабушка безпрестанно твердитъ: *des filles sans dot!* Еслибы ты знала какъ мнѣ это слово болѣзненно отдается въ ухахъ.

— Не ропщи на нее, дитя мое. Подъ свѣтскою пустою оболочкой у нея кроется доброе, сочувственное сердце. Я ее лучше тебя знаю. Но возвратимся къ нашему разговору. Повѣрь, найдутся люди способные оцѣнить твои нравственныя качества и полюбить тебя безкорыстно.

— Развѣ сказочный принцъ?

— Зачѣмъ сказочный принцъ. Иногда ищешь далеко то что подъ рукой находится.

— Не понимаю, мама. Ты сегодня точно загадки ставишь? и пытливый взглядъ устремился на мать.

Надежда Александровна слегка кашлянула, пытаясь скрыть невольное смущеніе.

— Не приходило ли тебѣ на умъ, отъ чего съ нѣкоторыхъ поръ Селезневъ такъ часто сталъ бывать у тетюшки? спросила она рѣшительно.

— Богъ его знаетъ! Должно-быть за неимѣніемъ другаго мѣста гдѣ бы поскучать, равнодушно отвѣтила Наташа.

— Полно притворяться. Онъ за тобой положительно ухаживаетъ.

— Ну, право, мамочка, никогда не замѣчала. Молчать, ухмыляется, шаялу вертеть, конфузится: что же это за ухаживанье?

— Сознайся по крайней мѣрѣ что общество тетюшки плохая приманка для молодежи. Сама съ горемъ пополамъ туда ѣдешь, по обязанности.

— Не люблю злословить, но легко можетъ статься что знакомство съ высокопоставленными особами льститъ самолюбію провинціала.

— Не обижай его такимъ подозрѣніемъ, а скажи лучше какъ онъ тебѣ нравится?

— Вотъ ужъ никакъ. Олицетвореніе золотой посредственности. На видъ неглупѣ другихъ, съ рѣдкими проблесками искренности; впрочемъ ее не надолго хватить подъ высокимъ покровительствомъ Бармина. А теперь за тобой чередъ:

пожалуй къ допросу. Скажи напрямикъ, къ чему клонилось это допытыванье?

— Не вижу надобности скрывать. Если Селезневъ сдѣлаетъ тебѣ предложеніе, примешь ты его или нѣтъ?

— Вопросъ этотъ облекается въ формальность или только плодъ твоихъ соображеній?

— Какая ты въ самомъ дѣлѣ странная, Наташа! Селезнева я весьма мало знаю и конечно не являюсь уполномоченною отъ него. Такъ просто къ слову пришлось.

— Нѣтъ ужъ извини, мамочка. Воля твоя, тутъ что-то кроется. Подобные разспросы тебѣ бы на умъ не пришла. Тебя подучили, это ясно. Брось свою дипломатію и скажи мнѣ все безъ заднихъ мыслей. Оно проще и лучше будетъ.

— Бѣдовая право ты у меня, усмѣхнулась Надежда Александровна,—гдѣ мнѣ съ тобой совладать! Пусть будетъ по твоему.

И тутъ же передала ей все что узнала отъ графини.

— Рѣшай самовластно свою участь, заключила она,—я предпочитаю воздерживаться отъ совѣтовъ чтобы даже косвенно не повліять на тебя. Если Селезневъ тебѣ нравится, выходи за него; въ этомъ бракѣ есть задатки счастья, но избави тебя Богъ связать, на вѣкъ свою участь съ нелюбимымъ человекомъ. Главное испытай хорошенько сердце. Твое дальнѣйшее поведеніе должно строго согласоваться съ принятымъ рѣшеніемъ. По моему, разъ ты знаешь намѣренія человека, безчестно поощрять ихъ если имъ не суждено осуществиться.

— Отдай мнѣ справедливость, мама, что я не выходила въ отрошеніи къ нему изъ границъ самой простой вѣжливости. Если Барминъ вздумалъ изъ невѣдомыхъ цѣлей или просто скуки и праздности ради женить его на мнѣ, я тутъ ни при чемъ. Это не мѣшаетъ мнѣ обѣщать тебѣ быть еще осмотрительнѣе на будущее время.

На этомъ разговоръ прекратился. Надежда Александровна сочла неумѣстнымъ возобновлять неудавшуюся попытку и на послѣдовавшіе разспросы тетяшки ограничилась отвѣтомъ что Наташа не литааетъ ни малѣйшаго расположенія къ Селезневу и что при подобномъ условіи бракъ этотъ состояться не можетъ.

Графиня въ негодованіи пожала плечами и язвительно замѣтила:—скажите на милость, какая привередница! Кого ей еще надо? Ну чѣмъ онъ не хорошъ! Пускай выживаетъ себѣ

le Prince Charmant, въ старыхъ дѣвкахъ останется, и по дѣломъ.

Тѣмъ не менѣе она считала позорнымъ отступить отъ принятаго плана и не теряя времени составила военный совѣтъ изъ Бармина и преданной Мме Logiot. Послѣ продолжительныхъ преній порѣшили, отстранивъ нукуда негодную для дипломатическихъ кампаній Надежду Александровну, дѣйствовать сообща на разумъ Наташи, выставляя въ самыхъ яркихъ краскахъ Селезневскія достоинства. Предсказывалось хранить все въ глубочайшей тайнѣ, и каждому союзнику предоставлялось дѣйствовать по личному усмотрѣнію.

Пылкая Мме Logiot полагала что всего успѣшнѣе будетъ вести атаку на чувствительное сердце молодой дѣвушки и не упускала случая съ поэтическимъ краснорѣчіемъ, заимствованнымъ изъ прочитанныхъ французскихъ романовъ, обращать вниманіе Наташи на лобѣднѣвшаго и исхудалаго Селезнева подъ гнетомъ несчастной любви. Перемѣна климата и непривычная жизнь въ самомъ дѣлѣ оказывали видимую услугу ея разыгравшемуся воображенію. Она ухитрилась отыскать мрачное отчаяніе и фатальную черту въ его добродушной физиономіи, и пресеріозно предвѣщала Наташѣ что ея возрастающая холодность доведетъ его до самоубійства, и несмыслимымъ грѣхомъ ляжетъ на ея душу.

Эти наивные приемы вызывали у Наташи лишь насмѣшливую улыбку, но она и виду не показывала что цѣль услужливой Француженки ей хорошо извѣстна. Она лотѣпалась безполезностью ея стараній, и въ самомъ юмористическомъ видѣ передавала сестрѣ романическія выходки Француженки.

Графъ Барминъ задался практической стороною дѣла. Онъ ловко сводилъ разговоръ на образцовый порядокъ имѣнія, доставшагося Селезневу по наслѣдству, подчеркивалъ его желаніе переселиться въ Петербургъ, возможность доставить любимой женщинѣ роскошную обстановку. Наконецъ выставлялъ его уживчивый, довѣрчивый характеръ. Онъ не сталъ бы стѣснять свободу дѣйствій жены. Въ ея волѣ было бы наслаждаться свѣтскими увеселеніями или пользоваться широкимъ просторомъ заграничной жизни. Онъ билъ на то чтобъ увлечь Наташу призракомъ полнѣйшей независимости, и до того самъ увлекся своею программой что съ циническимъ подмигиваньемъ сообщилъ ей: „Il est de la trempe dont on fait les maris commodes, ou je ne m'y connais pas.“

. Взглядъ исполненный невыразимаго презрѣнія; сразу пресѣкъ дальнѣйшія полolzновенія. Съ его стороны сраженіе было окончательно проиграно. Наташа стала избѣгать его, и ограничивалась сухими отвѣтами на всѣ его заискиванья.

Графиня избрала путь колкостей, насмѣшекъ; и еслибы приготовленія къ балу отчасти не развлекали ея, жутко бы пришлось нелокорной племянницѣ.

Всѣ эти совокулныя дѣйствія союзниковъ доказывали только какъ они мало понимали характеръ Наташи. Прямой и гордый, онъ возмущался всякимъ нравственнымъ давленіемъ. Встрѣтивъ Селезнева при другихъ условіяхъ, легко можетъ статься что она повѣрила бы можетъ-быть въ искренность его чувства, но разъ онъ являлся официальнымъ кандидатомъ Барминыхъ, дѣло было проиграно. Онъ становился въ ея глазахъ ненавистнымъ человѣкомъ, и чѣмъ назойливѣе его навязывали тѣмъ упорнѣе противодѣйствовала она. Ото всей души она была признательна своей матери за то что та отстранила себя отъ интригъ, и сознаніе что у нея есть вѣрная опора которая никогда не измѣнитъ, поддерживало ея бодрость. Вполнѣ понятное раздраженіе смѣнялось иногда не-удержимымъ взрывомъ смѣха, при мысли объ изобрѣтательности Mme Logiot, храбро шагавшей черезъ всѣ преграды чтобы только оправдать сіятельное довѣріе.

Въ такомъ расположеніи духа застала Наташу знаменательный день бала у княгини Бѣжецкой.

Маша проснулась въ этотъ день рано, и разбудила сестру.

Обѣщанный подарокъ графини не былъ еще доставленъ, и съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ она поджидала свой первый балъный нарядъ.

— А что, Наташа, скоро принесутъ? Вдругъ олоздаютъ, какъ тогда быть? Mme Logiot говорила что оба платья одинаковы. Я къ ней такъ пристала послѣдній разъ что она мнѣ подъ секретомъ сказала что тетюшка выбрала бѣлый цвѣтъ. Жаль что не голубой, а его такъ люблю, щebetала она.

— Вотъ ты ѣдешь не хотя, а можетъ-быть неожиданно-негаданно тамъ и счастье найдешь.

— Ужь не Селезневъ ли отважится на предложеніе, благо удобный случай представится? смѣясь спросила Наташа.

— Онъ не одинъ, на бѣломъ свѣтѣ. Ему понравилась, другимъ приглянуться можешь. На что ужъ Барминыхъ автори-

тетомъ считается, а помнишь въ тотъ вечеръ когда ты у тетушки была, я сама слышала какъ онъ про тебя сказалъ Бъжедкой: „Elle est mieux que belle.“

— Не упоминай про него Бога ради. Ты знаешь что я его не терплю.

— Смиѣйся если хочешь, Наташа, а у меня такое предчувствіе что выѣзшій день чѣмъ-нибудь да ознаменуется. Припомни мое пророчество, не увималась она.

Въ эту минуту раздался звонокъ и весело крикнуть: „должно быть привесли“, Маша стремглавъ побѣжала въ переднюю, и сия дѣтскою радостью вернулась, держа высоко надъ головою бѣлое, воздушное платье.

Графиня Бармина не отличалась тароватостью въ своихъ подаркахъ племянницамъ и въ этомъ случаѣ не отступила отъ установившагося обычая. Когда Mme Logiot освѣдомилась, слѣдуетъ ли обратиться съ заказомъ въ одинъ изъ лучшихъ магазиновъ, она негодующимъ тономъ отвѣтила:

— Mais vous perdez la tête, ma chère, ваше дѣло прискать маленькую портниху. Постарайтесь чтобъ это было и просто и прилично. Главное pas de luxe. Не забывайте что онѣ бѣдныя дѣвушки и что всякія претензіи въ туалетахъ имъ неумѣстны. Скажу болѣе: ce serait ridicule.

Mme Logiot ни на шагъ не отступила отъ полученнаго предписанія. Несмотря на это, въ одиннадцатомъ часу, когда сестры окончили свои туалеты, ихъ простое бѣлое одѣяніе было неузнаваемо. Надежда Александровна добавила недорогія вѣтки красныхъ фуксій и разбросавъ ихъ артистическою рукою придала одеждѣ недостававшее cachet. Многія барышни тратяція сотни рублей на бальныя платья могли бы позавидовать рѣдкому вкусу и неудовимой граціи наряда Загрянскихъ.

Наташа, вопреки своимъ ожиданіямъ, чувствовала что молодость брака свое и забывая на время горькое разочарованіе, невольна поддавалась радужному настроенію сестры; она чувствовала подымаясь по мраморнымъ ступенямъ дома Бъжедкихъ что бурный, давно неиспытанный приливъ ускорилъ бѣненіе ея сердца.

Князь въ лентѣ и орденѣхъ суетливо ждалъ на дѣйствицѣ чтобы во время встрѣтить высокихъ лосѣтителей. Приглашенные быстро сѣзжались. Княгиня, подавая въ себѣ

тревожное волненіе за услѣхъ вечера, со стереотипною улыбкой встрѣчала у дверей гостей. Разсѣянно пожавъ руку, Загрянской, она бѣглымъ, но лютливымъ взоромъ окинула молодыхъ дѣвушекъ и одобрительно кивнувъ головой промолвила въ полголоса: *charmantes!* Потомъ какъ бы влезално вспомнивъ прибавила: — Тетушка здѣсь въ игорной залѣ, не забудь пройти къ ней.

Наллывъ новолпріѣзжихъ отвлекъ ея вниманіе, и Надежда Александровна послѣдшнею направилась въ указанную гостиную; Наташа жалобно просила:—Сдѣлай милость, уволь отъ инспекторскаго смотра, ужели его нельзя избѣгнуть.

— Я прошу только минуту терпѣнія. настаивала мать, а затѣмъ полная свобода и веселье въ волю.

Графиня въ избранномъ ею *пешевомъ* платьѣ, съ великолѣпными брилліантами на высушенной желтой шеѣ, составляла центръ пожилыхъ и важныхъ особъ. Вполнѣ довольная собой и почетомъ, она была замѣтно въ духѣ, радушно привѣтствовала Загрянскихъ; пораженная необычайною прелестью Наташи, она послѣдила представить ее заслуженному старуку-дипломату увѣчанному орденами, оказавъ съ наивною гордостью:

— *C'est la fille de Nadine, mon cousin, elle me rappelle n'est ce pas dans mon beau temps. On dirait une vraie Esersky.*

— *Von sang ne saurait mentir,* отвѣтилъ онъ, и выразительные глаза его ласково вглядывались въ слегка смущенное личико Наташи,—чудная вещь молодость и чѣмъ болѣе удаляешься отъ нея тѣмъ лучше ея цѣнишь. Могу ли я надѣяться что дружба двухъ предыдущихъ поколѣній откроетъ мнѣ доступъ и къ вашей благосклонности?

— Излишне, князь, ссылаться на старинныя права. Она вполнѣ принадлежитъ вамъ, и можетъ только равняться моему благоговѣнію предъ вами, горячо отвѣтила Наташа,—я привыкла гордиться славой Россіи.

— *Bien tourné ma foi,* одобрительно вставила графиня, пока растроганный неподдѣльнымъ жаромъ ея привѣтствія, старикъ крѣпко жаль ея руку, отвѣчая:—и русское спасибо вамъ на ласковомъ словѣ; опытъ жизни хотъ кого научить различить душевный привѣтъ отъ свѣтскаго комплименту. Хотя вы не щадите моея скромности, а дорожу вашею оцѣнкой.

Графиня Лукина, дочь хозяйки дома, представила въ эту

минутой Наташѣ юнаго кавалера, который пригласивъ ее на туръ вальса, увелъ ее въ бальный залъ.

— Не дадутъ вамъ и полюбоваться на рѣдкій солнечный восходъ, съ сожалѣніемъ промовилъ князь, провожая ее глазами, — ну да Богъ съ вами, тамъ вамъ и мѣсто.

И немедленно отыскавъ Надежду Александровну, онъ со свойственною ему обворожительною любезностью сталъ восхвалять Наташу въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Танцы были въ самомъ разгарѣ. Прислонившись къ бѣлой мраморной колоннѣ, Наташа удивляемымъ и пытливымъ взоромъ слѣдила за блестящимъ разнообразіемъ непрерывно движущагося калейдоскопа. Никогда еще ей не доводилось видѣть такое изобиліе богатыхъ нарядовъ, брилліантовъ и драгоценныхъ камней. Утонченная роскошь царяла повсюду.

Углы залы скрадывались густыми великокашными растеніями, и на однообразномъ зеленомъ фонѣ рѣзко выдѣлялись бѣлыя и лунцовыя камеліи. Все было залито потоками свѣта падавшаго равномерно изъ тяжелыхъ бронзовыхъ люстръ и сплошнаго ряда свѣчъ облежавшихъ кругомъ весь карнизъ. Оркестръ незамѣтнаго Лядова разносилъ мелодическіе звуки Штраусовскаго вальса, и Наташа, прислушивалась къ мастерски передаваемымъ переливамъ, незамѣтно впадала въ тихую поэтическую грезу.

Не вдалекѣ отъ нея стоялъ высокій, красивый мужчина, лѣтъ сорока, въ генеральскомъ мундирѣ и, видимо залюбовавшись ею, не сводилъ съ нея глазъ; серебристо-бѣлыя кудри составляли странный контрастъ съ его молодежвымъ лицомъ, а черныя какъ смоль, ярко обозначенныя брови придавали ему оригинальную прелесть.

Легкое прикосновеніе къ плечу заставило его быстро обернуться, за нимъ стоялъ Барманъ.

— Сибирскій, какими судьбами ты сюда попалъ? Кажется ты рѣдко участвовалъ балы своимъ присутствіемъ?

— Сегодня въ вѣкоторомъ родѣ долгъ службы, а кромя того я съ Бѣжецкими давно знакомъ.

— Une superbe fête; ишь воздать оцѣдуетъ полную справедливость: умѣютъ за дѣло взяться. И замѣть какой букетъ красивыхъ женщинъ! Да кстати, подѣлись со мною своими впечатлѣніями. За кѣмъ это ты такъ зорко наблюдаешь? Даже моего приближенія не замѣтилъ.

— Душевно радъ. Ты вѣдь весь свѣтъ знаешь на перечеть, и можешь-статься выведешь меня изъ невѣдѣнія. Къ кому я ни обращался, никто не могъ назвать мнѣ мою прелестную незнакомку.

— Все что относится къ женщинамъ, по моей части. Весь къ твоимъ услугамъ.

— Погляди тамъ направо, у колонны, вся въ бѣломъ, съ красными цвѣтами въ головѣ... Что за очаровательное личико и сколько выраженія! Въ первый разъ встрѣчаю ее въ свѣтѣ, и никто не знаетъ кто она, откуда.

— Ба, да это Наташа Загрянская. Мой злѣйшій и интимный врагъ.

— Ты съ ней знакомъ? живо спросилъ графъ.

— Еще бы. Они всего недѣли три какъ въ Петербургѣ, и я добрую подюжину вечеровъ услѣлъ съ ней провести. Всѣ свѣдѣнія берусь доставить вѣрнѣ любой справочной конторы. Она ввучатая племянница тетюшки Барминой.

— Слѣдовательно и тебѣ сродни?

— Ни чуть ни бывало. Ея мать Езерская; ты должно быть засталъ ее еще въ свѣтѣ. Замѣчательно хороша была... Вышла по любви за преображенца Загрянскаго; этотъ бракъ въ свое время много шума надѣлалъ, но въ послѣдствіи оказался величайшею глупостью, такъ какъ мужъ промоталъ все жеманно состояніе въ сумасбродныхъ предпріятіяхъ.

— Какъ не помнить. Свѣже-ислеченнымъ офицеромъ я съ нею зачастую танцевалъ, и еслибъ она удостоила меня тогда малѣйшаго вниманія, я не прочь былъ по уши влюбиться въ нее. То-то, вглядываясь въ дочь, мнѣ вспоминаются знакомыя черты!

— И ты готовъ продолжить романъ отставленный за непригодностью четверть вѣка назадъ?

— Чего ты только не выдумашь! Ужъ если кто отпѣтый холостакъ, такъ это я. За послѣдніе годы я добилась-таки что свѣтскія маменьки меня вычеркнули изъ списка жениховъ.

— Значитъ надобности нѣтъ ей представиться?

— Напротивъ, я только-что хотѣлъ тебя просить объ этомъ.

— Берегись. Ей-ей влюбишься!

— Слособность потерялъ, засмѣялся Смильскій въ отвѣтъ.

— Смотри же, на меня не пѣвай.

Они вмѣстѣ пробрались къ Наташѣ и Барминъ прервалъ нить ея размышленія, сказавъ:

— Позвольте мнѣ, Наталья Николаевна, представить вамъ стараго товарища и добраго друга, графа Смѣльскаго.

Наташа сквозь густую завѣсу рѣсницъ посмотрѣла на незнакомаго и молча поклонилась.

— Вы мнѣ такъ живо напомнили вашу мать въ пору молодости что я не устоялъ противъ желанія познакомиться съ вами. Я весь вечеръ тщетно искалъ случая, пока судьба надо мной не сжалась, пославъ мнѣ Бармина на выручку.

— Слышите, Наталья Николаевна, есть люди на свѣтѣ признающіе во мнѣ хоть малую долю пользы.

— Я не расположена отрицать ея въ то время когда я обязана вамъ встрѣчей съ хорошимъ знакомымъ, можетъ-быть другомъ моей матери.

— Я не настолько самонадѣянъ, продолжалъ Смѣльскій;— образъ ея глубоко запечатленъ въ моей памяти, но едва ли она меня вспомнитъ. Больше двадцати лѣтъ мы другъ друга потеряли изъ виду.

— Ровно сколько я живу на свѣтѣ.

— Сейчасъ видно что вы еще очень молоды, замѣтилъ Барминъ,—видаю ли это безо всякой надобности объявлять года. Когда наступитъ пора скрывать ихъ, мы можемъ злоупотребить вашимъ признаніемъ.

— Скрывать года? зачѣмъ же это? развѣ изъ подражанія тетускѣ.

— Вотъ мнѣ это не приходится, вмѣшался Смѣльскій,—свѣдина всѣмъ въ глаза бросается и волею-неволею выдаетъ. Барминъ мнѣ ровесникъ, а какимъ молодцомъ глядитъ.

— Это должно быть въ связи съ его возрѣвіями которыя черезчуръ юны чтобы не назвать легкомысленными, отвѣчала Наташа.

— Каково? Вотъ какими любезностями меня потчуютъ!

— Отъ стелной барышни лучшаго и требовать нельзя, и она бойко поглядѣла ему въ глаза.

Барминъ смутился. Онъ наканунѣ въ разговорѣ о Селезневѣ съ тетуской употребилъ это выраженіе, и графиня съ разными обидными комментаріями послѣшила доставить его ло принадлежности.

— Позвольте, Наталья Николаевна, извинялся онъ,—вы не такъ повяли или, вѣрнѣе сказать, вамъ передали въ

превратномъ смыслѣ мои слова. Вамъ хорошо извѣстно что я вашъ искренній поклонникъ... Да это на меня вовсе и не похоже.

— Вотъ, въ первый разъ отважились на откровенность, и то неудачно: но я за пустяки никогда не сержусь.

— А за серьезное ему таки достается? любопытствовалъ Смѣльскій.

— Прошу не ставить нескромныхъ вопросовъ, послѣдшилъ сказать Барминъ. — У насъ съ (Натальей Николавной свои маленькіе секреты есть.

— Въ первый разъ слышу и удивляюсь; мнѣ до сей поры казалось что между нами нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, отчеканила она:—довольно съ насъ препирательствъ у тетюшки. Мы только наведемъ тоску на графа.

— C'est un songe déguisé? спросилъ Барминъ.—Стоитъ приказать и я немедленно удалюсь.

— Мнѣ вы не мѣшаете, равнодушно пожала она плечами;—здѣсь на всѣхъ мѣста достанетъ.—Потомъ, обратясь къ Смѣльскому, она добавила:—вы знаете, мама здѣсь. Вы еще не встрѣчались съ ней послѣ столь долгой разлуки?

— Нѣтъ, еще не привелось. Будьте обязательны, примите меня подъ свое покровительство, и если представится случай, назовите меня по имени. Боюсь что она не признаетъ во мнѣ своего бывшего танцора.

— Охотно, если намъ удастся отыскать ее.

Смѣльскій предложилъ ей руку, и она не задумываясь на минуту, согласуется ли это съ приличіями или нѣтъ, коснувшись края его обшлага и удалилась съ нимъ вмѣстѣ.

Барминъ, глядя во слѣдъ, подумалъ: „ай-да барышня, пожалуй Смѣльскій-то и втюритъ. Тутъ привередничать не станемъ, не Селезеву чета.“

Не успѣвъ онъ подумать о своемъ злосчастномъ кандидатѣ какъ тотъ предъ нимъ словно изъ земли выросъ.

Новый фракъ сшитый по послѣдней модѣ такъ и лоснился на немъ; на батистовой туго накрахмаленной рубашкѣ красовались брилліантовыя пуговицы, доставлявшія владѣльцу ихъ не малую гордость. Волосы были причесаны и завиты первыимъ парикмахеромъ на Невскомъ, который не упустилъ случая всадить въ него цѣлую провизію духовъ превратившихъ Селезнева въ ходячій *sans*. Онъ самодовольно смотрѣлъ на

графа въ непоколебимомъ убѣжденіи что являлъ собой несомнѣнный идеалъ изящнаго щеголя.

— Какъ я радъ что наконецъ-то отыскалъ васъ, любезный графъ, вѣкъ буду вамъ благодаренъ за добытое приглашеніе. Вѣрите ли, сейчасъ въ дверяхъ самого государя встрѣтилъ, и какъ бы вы думали, онъ на мой поклонъ отвѣтилъ. Ma parole d'honneur, не лгу. Я такъ оторопѣлъ что своимъ глазамъ не вѣрю. И что за балъ! Одно только жаль, совсѣмъ мало знакомыхъ, точно въ лѣсу. Наталью Николаевну никакъ не могу отыскать. Не видали ли вы ея? Хочу на мазурку пригласить... Какъ вы думаете, чѣмъ-нибудь да нужно покончить?

— Одною минутой только опоздали, мы сейчасъ съ ней бесѣдовали, послѣднимъ объявилъ Барминъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта.

— Какая досада! Что же, графъ, рискнуть?

— Вамъ самимъ лучше знать. А то и повременить можно. Главное выбрать подходящий моментъ; это основной ключъ любовной стратегіи. Коль рѣшились попытать счастья, договаривайте ее скорѣе. Она ушла въ томъ направленіи съ высокимъ свѣдымъ генераломъ. У нея сегодня un vrai succès; можетъ кто и опередилъ васъ съ мазуркой.

— Этого я себѣ не прощу во вѣкъ, мерсі графъ, до свиданія, и неумѣло подбросивъ клякъ подъ мышку, онъ торопливо удалился въ указанную сторону.

Селезневу не скоро посчастливилось отыскать Наташу. Она успѣла уже завязать оживленный разговоръ со Смѣльскимъ, когда раскраснѣвшаяся, сіяющая фizioномія Селезнева неожиданно предстала предъ ней.

— Слава Богу, заговорилъ онъ,—наконецъ-то мои поиски увѣнчались успѣхомъ. Въ торопяхъ какой-то важной барыни на хвостъ наступилъ. Такъ боялся чтобы вы не общались мазурку кому-нибудь, я разчитывалъ васъ ангажировать....

— Напрасно, Павелъ Ивановичъ, спокойно отвѣтила она,—благодарю за приглашеніе, а принять не могу.

Павелъ Ивановичъ совсѣмъ растерялся... Наташѣ было искренно жаль его въ эту минуту, несмотря на смѣшной видъ его фizioноміи, но ей казалось что иначе поступить нельзя и что лучше сразу дать ему почувствовать неосковательность его семейныхъ проектовъ.

— Повѣрьте, я и сама сожалью: впрочемъ, здѣсь не мѣсто объясняться, до другаго раза. Поидемте дальше, графъ,

обратилась она къ своему слутнику и хладнокровно отошла отъ сконфуженнаго Селезнева.

— Съ кѣмъ же вы мазурку танцуете? полюбобытствовалъ Смѣльскій.

— Ни съ кѣмъ. Меня никто не приглашалъ.

— Такъ зачѣмъ же вы такъ рѣшительно отвергли просьбу этого господина?

— О, это сложная, ни чуть не занимательная исторія! Резюмировать могу ее однимъ словомъ: такъ надо было.

— Вы значить такъ храбры что не опасаетесь постоянного страшилища свѣтскихъ барышень, считающихъ чуть не позоромъ оставаться безъ кавалера на мазурку. Впрочемъ я допускаю невозможное; не вамъ ощущать недостатокъ въ кавалерахъ.

— Если вы хотите упрочить хорошее впечатлѣніе на меня произведенное вами, пожалуста, графъ, не пускайтесь на подобные комплименты. Я имъ не вѣрю и не люблю ихъ. Чтобы не уклоняться отъ нашего разговора, я отвѣчу вамъ что ваше предположеніе весьма правдоподобно: я новолриѣзжая, и у меня здѣсь почти нѣтъ знакомыхъ.

— Слѣдовательно вы рискуете что этому молодому человеку будетъ доказано какъ дважды-два-четыре что вы ему отказали потому что не хотѣли именно съ нимъ танцевать. *Vous vous serez mise alors dans une fausse position.*

— *Pas le moins du monde.* Почему вы знаете какая у меня цѣль. Онъ меня, надѣюсь, оставитъ теперь въ покоѣ. Я полагаю что ему пріятнѣе дойти самому до подобнаго вывода нежели вынудить меня на тяжелую откровенность.

— Сознайтесь что онъ въ васъ влюбленъ.

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ я этого допустить не могу, совершенно натурально отвѣтила она,—а что нашлись люди которые сочли полезнымъ его самого въ томъ увѣрить, я отрицать не стану. Чтò же! Чѣмъ скорѣе разсѣется навѣянный чадъ, тѣмъ лучше. А за утѣшеніями дѣло не станетъ: вашъ другъ Барминъ постарается.

— Чѣмъ могъ онъ прогнѣвить васъ? Простите нескромность моего вопроса.

— Я не вижу надобности скрывать что холодность нашихъ отношеній возникла изъ того что онъ непрощенно сталъ вмешиваться въ дѣло до него не касающееся. Къ тому же мы не можемъ сойтись въ нашихъ взглядахъ на жизнь.

— Да развѣ вы можете судить о жизни когда вы еще сущій ребенокъ.—И онъ невольно усмѣхнулся.

— Годами да, но не олытомъ, невозмутимо отвѣтила она.— Скажите, графъ,—и ея лучезарные глаза старались проникнуть въ тайникъ его сердца,—судьба была вамъ матерью или мачихой? Были ли вы постоянно счастливы?

— Не постигаю куда клонится вашъ вопросъ.

— Единственно къ тому чтобы доказать вамъ что вы плохой судья въ данномъ случаѣ. Надо пройти школу несчастія, надо испытать полезныя уроки; вѣрьте мнѣ, не дешево достается трезвая и справедливая оцѣнка людей и событий.

— Странно звучать подобныя рѣчи въ ваши годы. Итакъ вы уже разочарованы? со снисходительною улыбкой спросилъ онъ.

— Ради Бога, не произносите этого выраженія, живо перебила она,—имъ до такой степени злоупотребили что я хуже и обидѣе ничего придумать не могу. Сто разъ лучше быть стелною барышней, презираемою Барминимъ, нежели самую выспреннюю femme incomprise. Я и въ романахъ этотъ тилъ не переношу.

Она съ неподдѣльнымъ жаромъ произнесла эту защитительную тираду, и Смѣльскій, пораженный быстротою и оригинальнымъ складомъ ея ума, съ возрастающимъ любопытствомъ изучалъ эту первобытную натуру.

— А мы все-таки мамы не нашли, замѣтила она,—вдаваясь въ отвлеченные вопросы вовсе не подходящія къ бальной болтовнѣ. Философскія разсужденія странно звучать здѣсь.

— Да вы и сами рѣзко выдаетесь изъ свѣтскаго уровня.

— Вы правы. Я дикарка; въ моей семьѣ это хорошо извѣстно,—и задорный огонекъ вспыхнулъ въ ея взглядѣ.

Тутъ встрѣтилась имъ графиня Лукина съ озабоченнымъ лицомъ, спросившая Наташу танцуетъ ли она мазурку.

— Нѣтъ, последовалъ отвѣтъ чуждый обыкновеннаго смущенія,—но сдѣлай милость не заботься обо мнѣ. У тебя достаточно хлопотъ и безъ того.

— Non, non, cela ne se peut pas, sois tranquille, и она поехала дальше поглощенная своими обязанностями хозяйки.

Показалась наконецъ и Надежда Александровна.

— Ахъ, шатап, воскликнула Наташа,—мы добросовѣстно осмотрѣли всѣ гостиныя и все понарасну. Представляю

тебѣ стариннаго знакомаго, графа Смѣльскаго. Графъ опасался что ты его не признаешь.

— Напрасно, графъ. Преждевременной сѣднѣй не удалось измѣнить вашего лица, и хотя много воды утекло съ тѣхъ поръ, лихой корнетъ успѣлъ преобразиться въ величаваго генерала, я послѣдила бы протянуть вамъ руку съ радостнымъ привѣтомъ. Дороги воспоминанія молодости!

Съ ласковою улыбкой взоръ ея покоился на Смѣльскомъ. Въ женщинѣ и давно отрешившейся ото всякаго кокетства встрѣча съ человѣкомъ сумѣвшимъ когда-либо одвѣтить ея красоту или умъ, навѣрное породить отрадное, теплое чувство.

— Отъ души благодаренъ вамъ за добрую память. Миле Загринская съ первой встрѣчи поразила меня; я и не подозревалъ еще что она ваша дочь, а она уже успѣла воскресить во мнѣ цѣлый сонмъ дорогихъ воспоминаній. Она поразительно на васъ похожа.

— Значить я послужила вамъ невольнымъ *trait d'union*, живо замѣтила Наташа.

— Если я не ошибаюсь, Наташа, тебѣ сегодня весело, и я этому искренно рада. У насъ это довольно рѣдкое явленіе; она вообще свѣта не любитъ и гораздо серіознѣе нежели я была въ ея годы.

— Я успѣлъ это подмѣтить, возразилъ Смѣльскій.

— Знаешь, мама, мы съ графомъ уже старые друзья послѣ получасоваго знакомства. Странно, бываютъ люди съ которыми я ежедневно встрѣчаюсь, а церемонныя отношенія ни на одну черту не измѣняются между вами. Съ другими же я съ первой встрѣчи чувствую что-то близкое, общее, словно цѣлый вѣкъ вмѣстѣ прожили. Говорить ли прямо все, и она недоумѣвая взглянула на графа, — когда Барминъ представилъ васъ въ качествѣ своего друга, во мнѣ что-то враждебное шевельнулось, но вашихъ первыхъ словъ было достаточно чтобы разсѣять возникающее предубѣжденіе. Видите, я откровенна *jusqu'au bout*.

Графъ съ пытливымъ удивленіемъ внималъ ей: тщетно доискиваясь онъ не есть ли это только вызывающее кокетство. Но вѣтъ, она вся дышала наивною простотою.

— Наташа, *monsieur* Свѣжскій *demande à t'être présenté!* мимоходомъ сказала графиня Лунина, и предъ Наташей предсталъ юный штатскій съ безупречнымъ приборомъ посреди

головы, въ изысканныхъ выраженіяхъ приглашая ее на мазурку.

Наташа согласилась, обмѣнявшись безпомощнымъ взглядомъ со Смѣльскимъ, и присовокуливъ съ улыбкой:—Телерь мое дѣло кончено: сдала васъ съ рукъ на руки. И она послѣдовала за незнакомымъ танцоромъ, мысленно сожалѣя о прерванной бесѣдѣ.

Снова пришлось ей вѣдаться въ лустую канитель обыденныхъ вопросовъ и шаблонныхъ замѣчаній, неминуемо возникающихъ между людьми чуждыми другъ другу, но обреченными силою обстоятельствъ на продолжительный разговоръ съ глазу на глазъ. Къ счастью, оказалось что ея собесѣдникъ обладалъ умѣніемъ разбавлять самую заурядную мысль дѣльными потоками дешеваго краснорѣчія, и ей выдала благодарная доля только изрѣдка поддерживать бесѣду. Слушая разсѣянно своего кавалера она наблюдала за непривычнымъ зрѣлищемъ шумной мазурки и ощущала внутреннее довольство, вызванное внезапною симпатіей ко Смѣльскому. Съ непривычки она зѣвнула разокъ другой подъ ловкимъ прикрытіемъ вѣера, но въ итогѣ мазурка прошла вполнѣ благополучно.

Послѣ ужина Надежда Александровна собралась уѣзжать, и Смѣльскій негаданно очутился около Наташи, отыскавъ ее вакидку между дѣлыми ворохомъ чужихъ. Ласково-благодарный взглядъ былъ ему отвѣтомъ за оказанную услугу.

— Въ первый разъ съ незапамятныхъ временъ сегодняшній балъ мнѣ не показался ни вялымъ, ни утомительно длиннымъ, и я вамъ этимъ обязанъ, оказалъ Смѣльскій прощаясь.—Мы долго бесѣдовали съ вашею матерью, и начавъ съ общихъ воспоминаній остановились на васъ. А за этою обильною темой я и не замѣтилъ какъ время прошло. Надежда Александровна была такъ обязательна что разрѣшила мнѣ навѣдываться къ вамъ.

— Мнѣ остается лишь благодарить за любезное намѣреніе, отвѣчала Наташа.—Я крайне сожалѣла бы еслибы наше знакомство ограничилось сегодняшнею встрѣчей. Сознаю что это желаніе эгоистично съ моей стороны. Мы живемъ скромно, уединенно и врядъ ли наше общество доставитъ вамъ развлеченіе или удовольствіе.

— Въ свою очередь замѣчу вамъ что вы не искренни. Вы говорите не по убѣжденію.

— Ни чуть. Я и по наслышкѣ и по опыту знаю какъ здѣсь непримѣтно уходятъ дни. Къ тому же у васъ служба, обязанности свѣта, семья. Видѣ вы женаты? неожиданно спросила она.

— Я? уласи Боже! въ неолисанномъ изумленіи воскликнулъ Смѣльскій.

Его поразила мысль что кому-либо не извѣстно что онъ постоянно' состоялъ, а для многихъ пожалуй и состоитъ, одною изъ блестящихъ партій въ петербургскомъ свѣтѣ.

— Да какъ вамъ эта мысль могла придти?

— Сознайтесь что въ ней ничего страннаго или невозможнаго не кроется. Какъ вамъ объяснить? Вы мнѣ показались гораздо степеннѣе, положительнѣе Бармина, словомъ полная противоположность. Вотъ я и подумала....

— Наша карета подана, Наташа, иди скорѣй! кликнула Надежда Александровна, уже стоявшая на нижней ступенькѣ лѣтвицы.

— Итакъ, графъ, до свиданія! весело и радушно протянула руку Наташа и мигомъ спорхнула вслѣдъ за матерью. Усѣвшись въ наемный рыдванъ, дребезжанье котораго покрывало даже непрерывный говоръ Маши, она безмолвно перебирала въ умѣ всѣ мельчайшія подробности встрѣчи со Смѣльскимъ, и смутныя, ей чудялось на вѣкъ угасшія, надежды тихо шевельнулись во глубинѣ души.

Плотно укутанный въ дорогую шубу, на тысячныхъ рыскахъ, мчался Смѣльскій домой. Очаровательный обликъ Наташи преслѣдовалъ его. Переступая порогъ своего роскошнаго дома Смѣльскій вдругъ почувствовалъ что на него повѣяло безлюдьемъ, пустотой. Оставленные дѣдами хоромы напоминали о чемъ-то, просили чего-то. Быстро раздѣвшись, онъ легъ въ постель, но обычный, послушный сонъ не приходилъ. Онъ старательно думалъ о дѣлахъ, о служебныхъ занятіяхъ, мечталъ о почестяхъ, но прелестныя въ лучезарномъ сіяніи очи вытѣсняли все остальное изъ ума.

IV.

Счастливый человекъ.

Къ кому бы вы ни вздумали обратиться изъ членовъ замкнутаго высокаго кружка съ разспросами о графѣ Сергѣѣ Михайловичѣ Смѣльскомъ, неизнуемо послѣдовалъ бы

единодушный отзывъ о немъ какъ о милѣйшемъ человѣкѣ или какъ о добромъ маломъ.

У насъ на Руси добрыхъ нравовъ не оберешься; выраженіе это сдѣлалось банальнымъ, но подразумеваемый подъ нимъ смыслъ понятенъ каждому. Мы добавимъ только необходимыя біографическія свѣдѣнія.

Смѣльскій родился баловнемъ судьбы; съ самой колыбели жизнь не переставала ему улыбаться; къ нему въ полномъ смыслѣ было примѣнимо знаменитое опредѣленіе безсмертнаго Бомарше, который признавалъ за вельможей только одинъ трудъ: родиться.

Онъ былъ единственный потомокъ именитаго и богатаго рода, и рожденіе его, послѣдовавшее послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бесплоднаго брака, было сочтено за особую милость Божію. Всѣ наперерывъ старались угождать ему, а отецъ и мать души въ немъ не чаяли. Онъ росъ никѣмъ не стѣсняемый, учился какъ и чему хотѣлъ, пока отецъ, человѣкъ стараго закала, опасаясь чтобы непрерывныя заботы и излишнія предосторожности матери не изнѣжили въ конецъ ребенка, рѣшился опредѣлить его въ Пажескій Корпусъ.

— Если малаго къ дисциплинѣ не приучить, изъ взрослого никакаго прока не будетъ, съ глубокою увѣренностью говорилъ онъ.

Товарищи приняли Смѣльскаго радушно, и ихъ беззаботно-веселый кругъ съ успѣхомъ замѣнилъ ему замкнутую, одиночную жизнь отцовскаго дома. Уже пресыщенный подобострастнымъ обращеніемъ Англичанокъ-боннъ и иностранцевъ-гувернеровъ, онъ быстро окрѣпнулъ въ новой, чуждой атмосферѣ. Онъ былъ весьма посредственнаго ума, но за то щедро надѣленъ природнымъ тактомъ, что въ большинствѣ случаевъ оказывается несравненно пригоднѣе въ жизни.

Баловство матери, заискивающая угодливость всѣхъ его домашнихъ, казалось, должны были бы выработать изъ него узкаго эгоиста, но на дѣлѣ онъ сдѣлался имъ только на половину.

Одаренный веселымъ общительнымъ характеромъ, онъ готовъ былъ услужить и помочь каждому, но при непремѣнномъ условіи чтобы это не шло въ разрѣзъ съ его интересомъ. Онъ строго соблюдалъ правила чести внутренняго отцомъ, и согласился бы скорѣе умереть чѣмъ на одну іоту отступить отъ усвоеннаго однажды кодекса.

По выпускѣ изъ корпуса онъ поступилъ въ лейбъ-гусарскій полкъ и подъ матушкинымъ крыломъ испробовалъ первые шаги на свѣтскомъ полприщѣ.

Къ этому времени относится его знакомство съ Надеждой Александровной.

Замѣчательно красивое лицо и блестящее положеніе доставили ему много услѣховъ, и онъ сразу занялъ видное мѣсто среди золотой молодежи. Года два, три онъ съ возрастающимъ наслажденіемъ появлялся въ великосвѣтскихъ гостиныхъ, волочился за выдающимися львицами, влюблялся каждые шесть мѣсяцевъ и, несмотря на молодость лѣтъ, уже былъ желанною цѣлю для всѣхъ маменекъ жаждущихъ выгодно пристроить своихъ дочерей.

Но всему бываетъ конецъ, и Смѣльскому мало-по-малу прѣвласъ эта каждодневная суета, постоянное вращаніе въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Тутъ постигло его первое горе. Онъ лишился матери, которую горячо любилъ. Этотъ первый ударъ ошеломилъ его; онъ до того свыкъся съ мыслью что человѣческія невзгоды никогда не коснутся его, что эта черная туча разразившаяся надъ его безоблачнымъ небомъ показалась ему чудовищнымъ явленіемъ. Старикъ отецъ также прожилъ не долго, и въ теченіе одного года двѣ свѣжія могилы сокрыли навсегда все что было самага дорогаго въ сердцѣ молодаго человѣка.

Однако практическая сторона жизни оказала услугу Смѣльскому. Она не дозволила ему погрузиться въ горе. Управленіе дѣлами, объѣздъ значительныхъ помѣстій разсѣяли тяжелыя ощущенія, и слѣды первой испытанной невзгоды скоро изгладились въ житейскомъ водоворотѣ.

Двойной глубокой трауръ послужилъ ему поводомъ къ удаленію отъ свѣта, которое съ годами превратилось въ полное отчужденіе. Онъ ревностно занялся службой, а въ свободные часы предавался удалой, разгульной жизни съ товарищами. Потокъ страстей, услѣхно сдерживаемый прежде условными приличіями и заботливою рукой матери, прорвался и преобразилъ Смѣльскаго изъ избранника салоновъ въ героя кутежей полусвѣта. Увезти изъ табора Цыганку, славившуюся своею гордою неприступностью, выиграть безумное пари, провести нѣсколько бессонныхъ ночей за картами и виномъ, все это испыталъ графъ въ пору своей молодости, но никто

изъ его доброжелателей (враговъ онъ неспособенъ былъ нажать) не дерзнулъ бы упрекнуть его что онъ среди самыхъ разнузданныхъ увлеченій перешагнулъ когда-нибудь за предѣлы уставившихся понятій о разбитой жизни гусарскаго офицера сороковыхъ годовъ.

Однако пресыщеніе и тутъ явилось вскорѣ. Смѣльскій постепенно отшатнулся отъ неутомимыхъ кутиль - товарищей и примкнулъ къ болѣе серьезнымъ людямъ. Въ немъ пробудилось честолюбіе. Счастливая звѣзда продолжала покровительствовать ему и на этомъ поприщѣ. Въ немъ таились всѣ нужные задатки для успѣха на службѣ; они довели его, въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, до виднаго положенія въ административной іерархіи.

Иногда приходила ему мысль о жевитьбѣ. Надо же въ самомъ дѣлѣ faire une fin чтобы подъ старость лѣтъ, когда одолбють недуги, невольню приковывая къ домашнему очагу, не власть въ грустное одиночество подъ назойливымъ окомъ дальнихъ родственниковъ.

Съ безпечностью, свойственною завязтому холостяку, Смѣльскій отгонялъ эти мрачныя картины и приговаривалъ, крутя свои длинныя усы: „Время еще не ушло, успѣемъ позаботиться чтобы во мнѣ не пресѣлся древній родъ Смѣльскихъ.“

Его непреодолимому отвращенію отъ брака особенно способствовала беззащитчивая ловля, которой онъ подвергался при своихъ рѣдкихъ появленіяхъ въ свѣтѣ. Всякія уловки пускались въ ходъ чтобы завербовать его въ тѣ дома гдѣ были дочери-невѣсты, и не проходило дня чтобы онъ не подвергался настоящей бомбардировкѣ подъ видомъ самыхъ любезныхъ и разнообразныхъ приглашеній.

Встрѣча съ Наташей воскресила въ немъ лучшія мечты молодости и наломвила ему тотъ юношескій пылъ съ которымъ онъ мечталъ найти въ подругѣ жизни олицетвореніе всего прекраснаго.

Простота обращенія, взоръ полный жизни, независимость ума, проявляющаяся въ каждомъ словѣ, красота, произведенная на него чарующее дѣйствіе, и наивный вопросъ что она сочла его женатымъ, довершилъ благое впечатлѣніе. Значить, она привѣтствовала въ немъ умнаго, пріятнаго собесѣдника. чуждая всякихъ затаенныхъ цѣлей; значить, тонкое, неудовимое кокетство, обворожительная улыбка, относились лично

къ нему, Смѣльскому, а не къ завидному, богатому, хотя и зрѣлому претенденту.

Случайная ошибка послужила въ пользу Наташи. Самолюбіе Смѣльскаго было польщено, и онъ испытывалъ, вновь блаженное чувство молодости.

На другой день послѣ бала Бѣжецкихъ, Смѣльскій старательно убѣждалъ себя что все испытанное наканунѣ было плодомъ разыгравшейся фантазіи, что не слѣдуетъ поддаваться всякой взбалмошной мысли, что Наташа маленькая дѣвочка, сумѣвшая его минутно заинтересовать, но что отъ романческаго настроенія до женитьбы по любви громаднѣй шагъ, и что подобный исходъ несомнѣстимъ ни съ его годами, ни съ благоразуміемъ.

Въ результатъ онъ рѣшилъ повѣхать спустя нѣсколько дней съ утреннимъ визитомъ къ Загринскимъ, благо самъ назвался, но затѣмъ избѣгать всякой короткости отношеній.

Тѣмъ не менѣе, не прошло и сутокъ какъ сами его оставились у извѣстнаго намъ подвѣзда на Малой Морской. Дѣло конечно не обошлось безъ колебаній, но не особеннаго труда стоило Смѣльскому увѣрить себя что онъ этимъ визитомъ исполняетъ лишь долгъ приличія, и что подобный шагъ не заключаетъ въ себѣ ничего знаменательнаго. Но когда на вопросъ: дома ли Загринскіе? швейцарь отвѣтилъ что недавно вышли, досада и удивленіе ясно выразились на чертахъ графа. Онъ досталъ было визитную карточку, но потомъ, передумавъ, быстро спряталъ ее опять, и пробормотавъ недоумѣвающему швейцару: „Нѣтъ, лучше заверну въ другой разъ“, сердито крикнулъ кучеру: „пошелъ“.

Этотъ другой разъ последовалъ скоро. Смѣльскій былъ радужно принять Надеждой Александровной, обрадованною его посѣщеніемъ; она послѣдила освободить для него кресло заваленное разными оборками, обрѣзками матеріи и лентъ. Туалеты дочерей были всегда дѣломъ ея рукъ, и она была въ самомъ разгарѣ работы. Безо всякаго смущенія извивилась она за видимый беспорядокъ и прабавила улыбнувшись:— Вы въ правѣ подумать, графъ, что случайно лопали въ швейную мастерскую, но я здѣсь перелетною птицей; ломѣщеніе не велико и много труда стоитъ обмундировать моихъ барышень. Не взщите же за безцеремонный пріемъ.

Смѣльскій, привыкшій къ богато убранымъ гостиницамъ,

почувствовалъ затаенное благоговѣнiе къ Надеждѣ Александровнѣ, переносящей съ такимъ величавымъ спокойствiемъ достигшiй ее крутой переломъ.

Наташа въ темносинемъ суконномъ платьѣ, плотно облегающемъ ея роскошный станъ, показалась ему еще милосивднѣе нежели при первой встрѣчѣ. При видѣ графа свѣтлая улыбка озарила мгновенно ея блѣдное грустное лицо.

За послѣднее время ей выдала на долю тяжелая борьба съ графиней Барминой которая, провѣдавъ о неудачѣ достигшей ухаживанiе Селезнева, возмущалась непокорностию и вольнодумствомъ Наташи и ежедневно вымещала на ней накопившiяся желчь и негодованiе. Наташа стойко переносила личные нападки, но тетюшка ими не ограничивалась. Она корила Надежду Александровну за дурное направленiе данное дочерямъ, азвительно приплетала Загринскаго разорившаго ихъ и говорила что въ ихъ положенiи нельзя быть разборчивыми, а напротивъ, должно неизреченно радоваться каждому доброму человѣку желающему вырвать ихъ изъ безвыходной доли. Наташа на глазахъ графини была невозмутима, она не хотѣла допустить ее до злораднaго торжества, но дома она сбрасывала съ себя личину хладнокровiя, и оскорбленное чувство и разраженная гордость мучили ея вдвойнѣ.

Графу не трудно было подмѣтить что веселая нота, звучащая у Наташи на балѣ, какъ будто лорвалась; но худо-скрываемая меланхолiя дѣвушки вызвала въ немъ искреннее сочувствiе. Разговоръ былъ оживленный, но общiй, и графу несмотря на все старанiе, не довелось обмѣняться съ нею ни однимъ задушевнымъ словомъ. Она обращалась съ нимъ просто: изрѣдка ея задумчивый взоръ отрывался отъ работы и ласково останавливался на немъ, а ему словно теплѣе становилось.

Посѣщенiе его незамѣтно перешло границы обыкновеннаго визита, и когда часы внезапно пробили пять, онъ удивленно всталъ, извиняясь что такъ непростительно долго засидѣлся.

Надежда Александровна отвѣтила что она всегда рада видѣть добраго знакомаго запросто.

Два раза въ недѣлю тетюшка Бармина играетъ въ карты въ гостяхъ, по понедѣльникамъ и четвергамъ, и мы бываемъ эти дни дома.

— Неужели вы посвящаете графинѣ всѣ остальные вечера?

недоумѣвая спросила Смѣльскій, — но я полагаю, вашимъ дочерямъ это не доставляетъ особенной забавы; un semblable assujettissement это добровольное рабство.

— Вы и не подозреваете до какой степени ваше опредѣленіе вѣрно, съ грустною усмѣшкой замѣтила Наташа.

— Тетушка дорожить нашимъ обществомъ, кротко отвѣтила Надежда Александровна, — и грѣхъ, право, не уважать ея преклонныхъ лѣтъ.

Смѣльскій раскланялся и уѣхалъ съ намѣреніемъ не воспользоваться, по крайней мѣрѣ вскорѣ, полученнымъ приглашеніемъ; онъ не мало возгордился когда прошелъ первый четвергъ и онъ устоялъ предъ искушеніемъ.

По понедѣльникамъ онъ былъ абонированъ въ италіанской оперѣ, и поѣхалъ въ Большой Театръ въ полной увѣренности провести вечеръ по принятому обыкновенію. Но на этотъ разъ музыка не удовлетворила его. Разсѣянно внималъ онъ руладамъ примадонны: прелестный обликъ носился предъ нимъ, словно поддразнивая его; даже неподражаемый *ut de poitrine* Тамберлика, который съ затаеннымъ дыханіемъ сторожила переполненная зала театра, не обратилъ на себя его вниманія.

Онъ немилосердо зѣвалъ, нетерпѣливо смотрѣлъ на часы, бранилъ дирекцію, исполнителей, и когда занавѣсъ опустилась при неумолкаемыхъ крикахъ, онъ судорожно взялъ бинюкъ и фуражку и направился къ выходу.

— Смѣльскій, куда такъ рано? закричалъ ему во слѣдъ одинъ изъ друзей, сидѣвшій рядомъ съ нимъ. — Досиди до конца, и поѣдемъ вмѣстѣ въ клубъ.

— Ты дѣлай какъ знаешь, а съ меня и этого достаточно, брюзгливо закончилъ онъ, — а въ клубъ мы еще встрѣтимся, я попаду туда полпозже, а теперъ дѣло есть.

Не прошло и десяти минутъ, какъ Смѣльскій уже взбирался во второй этажъ, гдѣ была квартира Загринскихъ. Изъ-за двери долетѣлъ до него мелодично звучный голосъ Наташи, и онъ съ замираніемъ сердца остановился у порога чтобы не прервать ея пѣнія. И только когда послѣдній звукъ угасъ въ мастерски исполненномъ *pianissimo*, онъ отважился скромно постучать въ дверь.

— Войдите, слышался въ отвѣтъ голосъ Надежды Александровны; ахъ, графъ, это вы! Какъ это любезно съ вашей стороны не забывать насъ, и она съ радостнымъ изумленіемъ подала ему руку.

— Я только что изъ оперы. Даютъ *Трубадура*, услѣвшего всѣмъ оскомину набить; къ тому же пѣса такъ плохо обставлена что изъ рукъ вонъ. Силы не хватило досидѣть до конца, отвѣтилъ Смѣльскій, не давая себѣ отчета почему онъ это объясняетъ.

— Видите, нѣтъ худа безъ добра, засмѣялась Наташа, закрывая скромное лианцо:—не будь этого обстоятельства, мы не скоро бы васъ дождались.

Тутъ только Смѣльскій спохватился что его вступительная фраза не отличалась особенною вѣжливостью, и живо возразилъ:—Наталья Николаевна, вы не въ правѣ упрекать меня, я слѣшилъ воспользоваться дозволеніемъ вашей ма-тушки, и опасуюсь только одного: надоѣсть вамъ частымъ появленіемъ. Если же я дурно выразился, въ чемъ охотно сознаюсь, то вы сами тому причиною.

— Это почему? удивленно спросила она.

— Я до того былъ пораженъ вашимъ очаровательнымъ голосомъ что не мудрено что мысли у меня перелутались. Вы обладаете рѣдкимъ талантомъ.

— Какъ? Вы всю италіанскую оперу раскритиковали, а мнѣ еміямъ кадите. Я себѣ оцѣнку знаю. Голосъ есть, но обработка ничтожная, а на одной любви къ музыкѣ далеко не уѣдешь.

— Наталья Николаевна, зачѣмъ вы отходите отъ форте-ліано? Вы заставите меня раскаяться что своимъ приходомъ я прервалъ ваше эстетическое занятіе.

— Вѣрьте, на него съ избыткомъ часовъ одиночества достанетъ. Мы лучше поговоримъ, и взаимнѣ эстетика, я васъ напою чаемъ. Это будетъ гораздо полезнѣе.

— Кстати, мы еще не пили чая, замѣтила Надежда Александровна, — поджидали Машу; она обѣдала у кузины Бѣжецкой, и должна была ѣхать съ нею въ театръ. Вы ее видѣли въ оперѣ?

Вопросъ этотъ ставилъ Смѣльскаго въ затруднительное положеніе. Весь поглощенный внутреннею борьбой, онъ не обратилъ никакого вниманія на хорошо знакомую публику перваго абонементна, и весьма понятно что присутствіе Маши осталось имъ незамѣченнымъ; тѣмъ не менѣе онъ смелъ долго отвѣтить:—Ахъ, какъ же, и тотчасъ спросилъ у Наташи:—а отчего же васъ не было?

— Сознайтесь что до замѣчанія мама вы даже и не примѣтили моего отсутствія. Положимъ что это не совсѣмъ лестно, но я въ свою очередь заплачу вамъ тѣмъ же. Вы можетъ-быть полагаете что мы васъ сегодня ожидали? Ничуть. Просто у княгини было всего одно свободное мѣсто въ ложѣ, и я уступила его сестрѣ.

Надежда Александровна вышла изъ комнаты чтобы распорядиться на счетъ чаю, а Смѣльскій немедленно воспользовался ея отсутствіемъ чтобы спросить у Наташи:

— Скажите что произошло съ вами въ послѣдній разъ? Какъ вы ни старались скрыть затаенную грусть, мнѣ не трудно было угадать ее. Не взыщите за непрошеное участіе, главное не приписывайте его пустому любопытству. Я дорого бы далъ чтобы пользоваться въ вашихъ глазахъ правами стараго, истиннаго друга.

— А я съ перваго раза согласна предоставить ихъ вамъ даромъ, отшучивалась она.

— Значитъ союзъ заключенъ, и я въ правѣ ждать откровенности.

— Мнѣ сдается что нѣтъ человѣка въ мірѣ не испытывшаго тяжелыхъ минутъ безпомощности, когда всѣ невзгоды какъ будто согласились обрушиться на него разомъ. Если разобрать поодиночкѣ каждую, то можетъ-быть и не стоило бы обращать на нее вниманіе, но въ совокупности онѣ тяжелымъ бременемъ ложатся на душу. Добавьте еще возмутительную несправедливость видящую чуть не преступленіе въ каждомъ свободномъ проявленіи мысли и чувства; зависимость, хотя и моральную, отъ людей злоупотребляющихъ ею; низость однихъ, нахальство другихъ, и мнѣ кажется что мрачная картина довольно ясно набросана. Я знаю только одну женщину способную все перенести съ христіанскимъ смиреніемъ, мою святую мать, но мнѣ до нея куда какъ далеко, и вотъ эти безпрестанныя дразги иногда осливаютъ меня. Таково было настроеніе духа подмѣненное вами, графъ, но можетъ-быть вамъ не пояль меня. Васъ всѣ считаютъ баловнемъ счастья. Я въ правѣ заключить что подобныя минуты вамъ незнакомы.

— Вы забываете что я вдвое старше васъ, и слѣдовательно много пожилъ; но вы стараетесь отдѣлаться общими размышленіями чтобъ удобнѣе сохранить свою тайну. Неужели вы считаете меня недостойнымъ довѣрія?

— Нѣтъ, графъ, еслибы на самомъ дѣлѣ я имѣла тайну, какъ вы это торжественно заявляете, я не задумалась бы повѣрить ее вамъ. Но тутъ рѣчь идетъ о неприятностяхъ которыя я на себя навлекла. Для васъ онѣ лишены всякаго интереса, а выдавать ихъ я не въ правѣ. Онѣ касаются и другихъ. Будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ, благо на меня хорошей стихъ нашель сегодня.

— Согласенъ, но съ уговоромъ что вы мнѣ доставите наслажденіе еще послушать васъ.

— Чтò же мнѣ вамъ слѣтъ?

Перешаривъ нѣсколько тетрадокъ, она сѣла и, лукаво улыбувшись, сказала:—Теперь слушайте, постараюсь воскресить дѣла давно минувшихъ дней,—и залѣла съ дикимъ огнемъ и чисто цыганскимъ удареніемъ извѣстный романсъ.

„Удружили жь мнѣ этотъ старый слетвицъ, Барминъ“, подумалъ про себя Смѣльскій, но тутъ же готовъ былъ положить гнѣвъ на милость, увлеченный лѣвнїемъ Наташи. Онъ глазъ не сводилъ съ нея, и мало-по-малу прежнее опляняющее чувство овладѣвало имъ, и бурною волной пробѣгало по жиламъ. Она была замѣчательно въ ударѣ, и одинъ мотивъ быстро смѣнялся другимъ. Приглашеніе Надежды Александровны къ чаю пропадало даромъ, и только возвращеніе Машы положило конецъ импровизованному концерту. Вечеръ завершился оживленною бесѣдой. Уходя Смѣльскій съ полнымъ недоувѣріемъ посмотрѣлъ на часы: ему казалось невѣроятнымъ, что стрѣлка показывала часъ ночи. Въ клубъ ѣхать было уже поздно, да и жаль было разсѣять впечатлѣніе.

Съ этой поры Смѣльскій не пропускалъ случая провести вечеръ у Загринскихъ. Ничто не могло удержать его дома или завлечь куда-нибудь. Незамѣтно для самого себя онъ сталъ съ нетерпѣнїемъ школьника жаждущаго праздниковъ ожидать понедѣльниковъ и четверговъ, находя что промежутки между этими днями тянулись невыносимо долго.

Наташа съ каждымъ разомъ правилась ему все болѣе; любоваться ею, бесѣдовать по душѣ становилось для него насущною потребностью, но онъ тщательно избѣгалъ мысли о неизбѣжномъ исходѣ быстро развивающагося чувства. Человѣческое сердце живетъ противорѣчіями, и Смѣльскій испытывалъ на себѣ это общее правило. Была минута когда въ безотчетномъ порывѣ онъ готовъ былъ назвать Наташу своею, и ему казалось что для графини Смѣльской не сыскать ему во всемъ мірѣ особы достойнѣе Наташи, но готовое

сорваться признаніе застывало въ немъ при мысли о сужденіяхъ свѣта, о насмѣшливомъ происхожденіи товарищей къ подобному романическому браку; его страшила разлука съ заманчивою свободой, вѣчныя узы, мрачная перспектива испытать разочарованіе въ семейной жизни, отъ которой уже нѣтъ возврата.

Наташа не была бы женщиной еслибы не сознавала ясно что съ каждымъ днемъ упрочивается надъ Смѣльскимъ вліяніе ея ума и красоты, что подъ прикрытіемъ дружбы медленно зрѣеть иное, болѣе теплое, чувство взаимности. Но она несокрушимо вѣрила что сильно любятъ только однажды и что ея свѣтлое, дѣвственное чувство, отвергнутое Аспаровымъ, уже не способно возобновиться въ ея разбитомъ сердцѣ, что всепоглощающая страсть, о которой она нѣкогда мечтала, осуждена остаться для нея роковымъ призракомъ. Увѣренная въ этомъ, она быть-можетъ не сознавала какъ на развалинахъ безвременно погибшихъ силъ, подобно слабому ростку пробивающемуся сквозь трещины столѣтнихъ обломковъ, зараждалась въ ней и росла нѣжная привязанность къ Смѣльскому. Можетъ-быть ея самолюбію смутно льстила мысль что этотъ гордый герой блестящихъ свѣтскихъ интригъ всецѣло покорялся ея неопытной власти, отдавалъ предпочтеніе ей среди круга ея подругъ затмевавшихъ ее состояніемъ и положеніемъ. Налывъ новыхъ чувствъ сказывался въ ней блаженнымъ возрожденіемъ, но подобно графу она опасалась приподнять трепетною рукой завѣсу будущаго. Неравенство во всемъ лежало преградой между ними, и когда робкій лучъ надежды втихомолку прокрадывался къ ней въ душу, она мужественно отгоняла его, затаивъ тяжелый вздохъ.

V.

Судьба улыбнулась.

Недѣли и мѣсяцы проходили ничѣмъ не измѣняя, положенія Смѣльскаго въ семействѣ Загрянскихъ. Друзья стали поговаривать что онъ рѣже навѣщаетъ клубъ и терялся въ догадкахъ, такъ какъ онъ ворко скрывалъ свое новое знакомство изъ страха насмѣшекъ.

Наташа со своей стороны избѣгала въ гостиной у тетюшки

говорить о его частыхъ посѣщеніяхъ, такъ что самъ Барминъ не подозрѣвалъ этой ловко оберегаемой тайны. Разъ какъ-то, завтракая со Смѣльскимъ у Дюссо, Барминъ вспомнилъ впечатлѣніе произведенное Наташей на балѣ и спросилъ между двумя глотками дорогаго лафита:

— Ну, а что случилось съ моими предостереженіями по части Загрянской? Былъ ли ты у нихъ?

— Надо же было сдѣлать визитъ, нехотя отвѣтилъ Смѣльскій.

— Только и всего? Благоразумно поступилъ, съ чѣмъ и поздравляю. Этотъ пострѣленокъ хоть кому голову вскружить, а справиться съ ней, слуга покорный. Вздумалъ я ее осенью замужъ выдать. Кажется въ эти лустяки не вдавался, а тутъ какъ на грѣхъ фантазія пришла. Вѣдь у нихъ ровно ничего нѣтъ, вотъ я и думаю: протеже своего пристрою, тетушкѣ угожу, да и для нея самой доброе дѣло сдѣлаю, d'une piéce trois soups, а не тутъ-то было.

— Да ты ей пожалуй уroda какого-нибудь приискалъ? съ худо скрываемымъ любопытствомъ спросилъ Смѣльскій.

— Говорятъ тебѣ что нѣтъ, положительно безъ изъяна. Мальчикъ лѣтъ двадцати пяти, весьма приличной наружности, съ очень порядочными средствами. Бѣжецкій обѣщалъ имъ заняться и карьеру ему открыть, тетушка его обладала, полагали что дѣло въ шляпѣ, а она ни за что ни про что возьми да заартачься. Мы на нее дружную атаку повели, мать ни во что мѣшаться не хочетъ, но за то старая тетка въ азартъ вошла, а ужъ какъ она расходится такъ даже и на меня слособна страху нагнать, не то что на двадцатилѣтнюю дѣвчонку. Пукировку, насмѣшки, брань, угрозы, все это она перенесла, да ты бы поглядѣлъ съ какою стойкостью. Другая сдалась бы на увѣщанія или по крайней мѣрѣ воспользовалась бы удобнымъ случаемъ въ три ручья поплакать, а она и глазомъ не моргнула. Женишка-то моего тѣмъ временемъ спровадила, точно ихъ десятками на выборъ имѣеть.

— А что же съ нимъ случилось? Да кстати, ужъ назови его. Къ чему тутъ секретничать!...

— Да ты его не знаешь. Онъ мнѣ сосѣдъ по Пензенскому имѣнію, Селезневъ, всего мѣсяца три какъ въ Петербургѣ просвѣщается. Невинное дитя природы, конечно, на меня напустился. Я, видишь, его обвадеживалъ, рисовалъ ему

блестящую будущность, наконецъ она и сама ему по вкусу пришлось, что, положимъ, и понятно. Ужь на что я, кажется, прошелъ огонь, воду и мѣдныя трубы, не то что неопытный провинціалъ, а и то нерѣдко забираетъ она меня за живое. И вѣдь не то чтобы въ строгомъ смыслѣ красавица была, а какъ тебѣ сказать, Французы, тѣ вотъ мѣтко выражаютъ: *elle a la ligne* или по-просту въ ней этотъ подзадоривающій *chien* кроется. А что касается Селезнева, надоѣлъ же онъ мнѣ изрядно съ жалобами да полпреками, пока благая мысль меня не освѣтила: натравилъ я на него Камилку и, благодаря ей, свободно дышу пока онъ утѣшается. За то наученный опытомъ я далъ себѣ зарокъ ни въ какія сватовства не влутываться.

Разговоръ перескочилъ на другіе предметы, и Смѣльскій, докончивъ завтракъ, закурилъ сигару и вышелъ пройтись по Морской чтобы насладиться чуднымъ днемъ и ясными лучами солнца напоминающими Петербургу что и у него скоро настанетъ весна.

Разказъ Бармина уяснилъ ему скрываемую грусть Наташи: ее, бѣдняжку, всѣми средствами пытались приневолить къ замужеству, но твердый ея характеръ не сдался въ неравной борьбѣ, и мученической ореолъ украсилъ въ глазахъ графа личность дѣвушки. Въ непрестанныхъ размышленіяхъ о ней онъ машинально свернулъ направо и очутился у хорошо знакомаго дома.

Швейцаръ съ предупредительною улыбкой объявилъ что Надежды Александровны съ младшею барышней дома нѣтъ, но Наталья Николаевна у себя. Смѣльскій былъ слишкомъ хорошо воспитанъ чтобы при другихъ условіяхъ войти къ молодой дѣвушкѣ завѣдомо одной, но въ этой случайности ему видѣлся перстъ Божій; и со внезапно охватившею его рѣшимостью онъ направился ко квартирѣ Загряжскихъ.

Постучавъ по обыкновенію въ дверь, но не получивъ отвѣта, онъ отворилъ ее. Взоръ его быстро обвѣжалъ комнату и остановился на Наташѣ. Она сидѣла у раскрытаго фортепіано, но руки ея не прикасались ко клавишамъ, а въ безпомощномъ утомленіи олустились на колѣни, глаза устремились куда-то вдалѣ. Поглощенная грустными мечтами, она не замѣтила появленія Смѣльскаго, но лишь только раздался первый звукъ его привѣта, она невольно вздрогнула, яркая

краска разлилась по ея лицу и она несказанно смутилась какъ ребенокъ пойманный на шалости.

— Сергѣй Михайловичъ, вы меня просто испугали, укоризненно замѣтила она.

— Чѣмъ же я виноватъ? Я зналъ что вы дома, стучалъ, но вы не благоволили откликнуться. Обыкновенно ваши нервы крѣпче, не такъ легко возбуждаются. Я и не подозрѣвалъ новаго припадка меланхоли, вы умѣете ее такъ искусно скрывать.

— Я вамъ запрещаю смѣяться надо мной, стараясь казаться веселою отвѣтила Наташа,—подкрались словно воръ и торжествуете что накрыли мое настроеніе. Вотъ ужъ не ожидала васъ. Вопервыхъ, не урочное время; вовторыхъ, мамы дома нѣтъ.

— Изъ чего слѣдуетъ заключить что вы меня гоните? Плохо же вы практикуете гостепримство.

— Напротивъ, прошу васъ остаться. Вы знаете что я выше предразсудковъ, меня этимъ часто попрекаютъ; сегодня же я прилагаю теорію къ дѣлу не признавая компрометирующимъ ваше посѣщеніе. Къ тому же мама не замедлитъ вернуться; она отправилась за покупками. Время отъѣзда въ деревню быстро приближается... и подавленный вздохъ не докончилъ ея мысли.

— Неужели, воскликнулъ озадаченный Смѣльскій,—такъ скоро? Въ мартъ?

— А мы полагаемъ уѣхать въ половинѣ апрѣля, какъ видите это не за горами: марту скоро конецъ.

— И вамъ не жаль расстаться съ Петербургомъ?

— Съ Петербургомъ нисколько, съ нѣкоторыми друзьями, да.

— Могу ли я надѣяться что вы включаете и меня въ ихъ число.

— Еще бы! также просто отвѣтила она.—Схожусь я не легко, за то и расстаюсь трудно.

Смѣльскій помолчалъ съ минуту; потомъ, глядя на нее въ упоръ, неожиданно спросилъ:

— Наталья Николаевна, зачѣмъ вы отказали Селезеву?

— А вы почему знаете? удивленно спросила она.

— Зачѣмъ объяснять? Просто дѣло случая, но прошу васъ отвѣтите откровенно на мой вопросъ. Онъ имѣетъ важное значеніе для меня.

— Про Селезнева я ничего дурнаго не знаю и сказать не

могу. Онъ мнѣ просто не нравится. Для меня этой причины весьма достаточно. Многимъ я кажусь взбалмошною и безразсудною, но свыше силъ моихъ свыкнуться съ мыслию что я не что иное какъ залежалый товаръ который нужно всучить первому навернувшемуся покупателю,—и при этихъ словахъ она гордо откинула негодующее личико.

— Но можетъ-быть ему не посчастливилось и по другой причинѣ Наталья Николавна, не подвергся ли онъ отказу ради другой любви?

— Чтò за странная настойчивость, графъ? вскинувъ глаза она недовольно повела бровями.—Вы словно исповѣди отъ меня добываетесь?

— Пожалуй и исповѣди, но въ отвѣтъ на признаніе. Я люблю васъ, Наталья Николавна, и долго колебался прежде чѣмъ рѣшиться произнести это слово которое должно или соединить или разлучить насъ на вѣки. Мои частыя посвѣщенія, мои дѣйствія, мои взгляды наконецъ должны были навести васъ на эту мысль. Предъ вами цѣлая жизнь, а я почти отжилъ. Двадцать лѣтъ разницы глубокою бездною лежатъ между нами и тяжелымъ сознаніемъ тяготвуютъ надо мною. Сначала я не хотѣлъ и не могъ допустить чтобы въ мои годы можно было увлечься, потомъ стало уже поздно. При неожиданной мысли что вы скоро увидите, что я васъ болѣе не увижу, я лопялъ какое преобладающее значеніе вы отвоёвали себѣ въ моей жизни. Безъ васъ, Наталья Николавна, мнѣ все будетъ постыло. Не минутная вспышка юности называется во мнѣ, не безумная страсть человѣка въ разгарѣ жизни (я на нее неспособенъ), но сильное не проходящее чувство, которое развилось помимо воли, вопреки разсудку. Я долго тщательно изучалъ васъ, вашу прямую, честную натуру, и мнѣ сдается что никто съ большимъ достоинствомъ не можетъ носить безупречное имя Смѣльскихъ. Это моя гордость, моя святыня, и я въ твердомъ улованіи кладу къ вашимъ ногамъ то чтò мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Вы выросли вдали отъ свѣтской атмосферы, и я знаю что моей внѣшней обстановки недостаточно чтобы склонить вѣсы въ мою пользу. Мнѣ не пристало домогаться вашей любви, но если въ васъ зародилось чувство симпатіи и привязанности ко мнѣ, если ваше сердце свободно, то выскажитесь откровенно. Участь моя въ вашихъ рукахъ.

Съ возрастающимъ волненіемъ внимала Наташа словамъ

Смѣльскаго, и когда онъ умолкъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи, она подняла на него свой чудный, ясный взоръ.

— Вы правы, Сергѣй Михайловичъ, если когда-нибудь откровенность у мѣста, то это въ минуту рѣшающую всю нашу жизнь. Мнѣ всего двадцать лѣтъ, но я сильно любила и много выстрадала. Это было два года тому назадъ, въ деревнѣ. Блаженныя грезы молодости были такъ близки къ осуществленію. Дошло до признанія, онъ просилъ моей руки и нѣсколько часовъ я испытывала беззавѣтное счастье. Рай вселился въ мою душу. Опытъ не научилъ меня еще что по свѣтскимъ понятіямъ молодой человѣкъ со связями и съ надеждами на блестящую карьеру не долженъ жениться на дѣвушкѣ безъ приданого. У насъ ничего нѣтъ, графъ, вы это знаете. Но пробужденіе настало, мечты разбились. Лишь только его мать прослышала про нашъ романъ, она послѣшно увезла его за границу. Съ тѣхъ поръ онъ безъ вѣсти пропалъ для меня и только на этихъ дняхъ я случайно узнала что онъ женится на уродѣ съ миллионнымъ состояніемъ. Ахъ, еслибы вы знали, Сергѣй Михайловичъ, какіе тяжелые дни настали за безплоднымъ разочарованіемъ, пока презрѣніе въ концѣ не заглушило любовь. Жизнь мнѣ явилась безводною, широко раскинушеюся степью. Ничто не маяло впереди. Въ такомъ настроеніи пріѣхала я сюда. Знакомство съ вами вызвало меня изъ алатіи. Я себя не узнавала. Мнѣ снова захотѣлось жить. Я полагала и еще теперь полагаю что дважды любить такъ сильно невозможно, и только сегодня, при мысли о разлукѣ съ вами, я поняла какъ вы мнѣ близки и дороги стали.

Смѣльскій не проронилъ ни единаго слова изъ этой безыскусственной правдивой исповѣди, онъ взялъ ея дрожащія руки и нѣжно пожимая ихъ сказалъ:

— Слasiбо вамъ что вы такъ довѣрчиво дали прочесть въ своемъ сердцѣ, слasiбо за свѣтлый лучъ блеснувшій для меня. Къ прошлому я не ревную, но будущее да принадлежитъ мнѣ безвозвратно. Согласитесь быть моею женой и мнѣ ничего болѣе не останется желать. Я постараюсь заслужить вашу любовь, и даю слово что вамъ не доведется каяться что вы моей опытности вручили охрану вашей судьбы.

— А я буду молить Бога вразумить меня какъ составить ваше счастье...

Надежда Александровна входила въ эту торжественную

минуту съ безчисленнымъ множествомъ свертковъ въ рукахъ. Сіяющій видъ Смѣльскаго, растерянность Наташи уяснили ей все. Со слезами радости въ глазахъ счастливая дочь не дала ей оломниться. Она порывисто бросилась къ ней на шею и, покрывая лицо горячими поцѣлуями, безсвязно лепетала:—Мама, мама, онъ меня любить.... благослови насъ.... я такъ счастлива.... мнѣ не лережить этой радости....

Вечеромъ этого многознаменательнаго дня Наташа, по обыкновенію, солутствовала матери ко графинѣ Барминой. Она жаждала объявить старухѣ самолично счастливое и важное событіе, насладиться ея изумленіемъ, а кстату и поторжествовать негаданнымъ удовлетвореніемъ самолюбія, ниспосланнымъ судьбой, послѣ нескончаемой вереницы оскорбленій и обидъ.

Никогда еще такъ гордо и радостно не вступала она въ величаво-скучную гостиную. Общество заключалось изъ обыкновеннаго интимнаго кружка, и позднее появленіе Загрянскихъ не преминуло вызвать неизбежную бурю негодованія и упрековъ со стороны взыскательной тетуски.

— На этотъ разъ, перебила ее Наташа,—я вполнѣ убѣждена что вы великодушно простите, ma tante, узнавъ причину задержавшую насъ дома.

— Волервыхъ, я совсѣмъ и не съ тобой говорю, а съ матерью; вовторыхъ, я не намѣрена входить во всѣ глупости которыя ты выкидываешь. Я и не сомнѣваюсь что если Nadine неисправна въ отношеніи ко мнѣ, то ужъ ты тутъ непременно замѣшана.

— Жаль что пари не держали, навѣрное бы выиграли. Позвольте мнѣ все же надѣяться что вы измѣните мнѣніе когда я скажу вамъ что рѣчь идетъ о давно желанномъ вамъ событіи, а именно о моей свадьбѣ, ma tante. Уже нѣсколько часовъ что я невѣста.

— Чтѣ-о? могла только выговорить графиня, чуть не подавившись глоткомъ чаю, и тотчасъ разразилась удушливымъ, старческимъ кашлемъ, пока Наташа въ торжествующемъ молчаніи наблюдала за произведеннымъ эффектомъ. Какъ только тетуска слегка оправилась, то тотчасъ же брюзгливо накинулась на молодую дѣвушку:—mais cela n'a pas de nom! Молода ты еще надо мною шутики шутить: да я это не только тебѣ, да и никому въ мирѣ не позволю. Ужъ не воображаешь ли что я изъ ума выжила! Да и ты также хороша, мать моя,

обратилась она къ Надеждѣ Александровнѣ,—стоишь да ухмыляешься! Вразуми же ее наконецъ какъ слѣдуетъ себя держать въ хорошемъ обществѣ.

— Наташа объявила вамъ сущую правду, ma tante, съ кроткимъ счастливымъ голосомъ отвѣтила она,—и я вполнѣ убѣждена что вы отъ души раздѣлите нашу общую радость.

— Comment, c'est sérieux? Прекрасно! И вы вошли да объявили мнѣ это такъ, просто, какъ чужому человѣку съ улицы. Сознаюсь что я подобнаго manque d'égards, даже и отъ васъ не ожидала. Остается только пожелать хорошаго выбора. Сами втихомолку все устроили, и тѣмъ лучше. Je m'en lave les mains. А можно полюбопытствовать кто этотъ избранный фениксъ, которому посчастливилось лѣзнуть въ сердце разборчивой невѣсты?

— Вы его знаете, графъ Сергѣй Михайловичъ Смѣльскій, обводя кругомъ сіяющимъ взоромъ съ нѣкоторою торжественностью объявила Наташа.

— Смѣльскій? Этого быть не можетъ! невольно вырвалось изъ груди Барминой.

Еслибы молнія упала къ ногамъ графини, она бы навѣрное менѣе ошеломила, Смѣльскій, Serge Смѣльскій, одинъ изъ самыхъ лучшихъ жениховъ Россіи, и вдругъ женится на Наташѣ.

— Повтори еще разъ. Я вѣрно ослышалась.

— Нѣтъ, вы не ослышались, и надѣюсь вполнѣ одобрите мой выборъ. Я такъ счастлива, я такъ горжусь его любовью! Помните, вы не переставали мнѣ пророчить mésalliance.

— Я никогда не смѣла мечтать для Наташи о такой блестящей партіи, а нравственныя качества Смѣльскаго я цѣню еще выше всего. Право, не знаю какъ благодарить Бога за вислославное счастье, съ чувствомъ сказала Надежда Александровна.

Графиня наконецъ убѣдилась что никому въ умъ не приходило ее морочить и какъ истая свѣтская женщина послѣдила убрать свои огнематающія батареи:

— Поди-ка сюда, нѣжно обратилась она къ Наташѣ,—fi, la vilaine cachotière! Слѣдовало бы тебя за уши выдрать что такъ таилась отъ меня. Вы вѣдь знаете какъ я васъ люблю, и она съ прочувствованнымъ достоинствомъ протянула руки матери и дочери.—Нечего дѣлать, на радостяхъ нужно простить. Un mariage superbe, и во снѣ, я чаю, никогда пригрезится не

могло. Кровной Езерской не оставалось бы ничего лучшаго желать, ну а тебѣ (она чуть-чуть не попала въ старый тонъ, но вовремя залпнула и добавила)... ты можешь гордиться что загладила ошибку матери. Dans mes bras, mon enfant, и она широко распростерла объятія.

— Tableau! въ полголоса прокически замѣтилъ Барминъ.

Поздравленія и лобзанія посыпались на Наташу со всѣхъ сторонъ. Но сколько въ нихъ было искренности, не беремся рѣшать.

Mme Loriot такъ и суегилась, съ увлеченіемъ жала ея руки и тараторила безъ умолку что эта новость ея вовсе не удивляетъ, что она напередъ знала que mille Natalie est destinée au plus brillant avenir.

— Значить я умно поступила что вопреки вашимъ совѣтамъ не пошла за Селезнева, а помните сколько вы меня корили за мое упрорство? съ насмѣшливою улыбкой тихо замѣтила ей Наташа.

— Vous! épouser un Séleznew! allons donc! ce n'était qu'une plaisanterie!

Столь неожиданная выходка при невозмутимой увѣренности компаніонки вызвала въ Наташѣ взрывъ неудержимаго смѣха.

Смѣльскій находилъ что положеніе жениха сопряжено съ цѣлою серіей скучныхъ обязанностей и мелкихъ неприятностей и менѣе всего подходитъ къ его почтеннымъ годамъ. Ему легко было убѣдить Надежду Александровну назначить день свадьбы какъ можно скорѣе. Наташа была согласна на все. Любовь Смѣльскаго сказывалась ей на каждомъ шагу, и она впервые ощущала радостное упоеніе жизни, далеко превосходящее ея самыя дерзновенныя мечты. Все улыбалось ей во кругъ, и доселѣ неиспытанный, ольняющій чадъ постепенно овлаживалъ ею.

Графиня Бармина пыталась было заявить протестъ по поводу неумѣстной, ничѣмъ необъяснимой послѣшности, но голосъ ея остался волюющимъ въ пустынѣ, и ровно три недѣли послѣ вышешприведеннаго событія мы застаемъ уже Наташу въ подвѣнечномъ платьѣ.

Окруженная малочисленными своими подругами, въ числѣ которыхъ выдѣлялась беззавѣтно счастливая Соня Иванна, негаданно ею опереженная, Наташа въ радостномъ смущеніи даетъ имъ укрѣпить вѣнокъ и длинный тюль, воздушнымъ покрываломъ падающимъ на ея роскошный станъ.

Вдругъ съ шумомъ отворяется дверь, и стремительно влетаетъ ужь одѣтая Маша, держа въ рукахъ большой изъ голубаго бархата футляръ съ вензелемъ и графскою короной. При немъ краткая французская записка Смѣльскаго:

„Примите, моя дорогая, семейные брилліанты моего рода. Моя мать вѣнчалась въ нихъ. Отъ души буду вамъ благодаренъ если послѣдуете ея примѣру.

Вашъ

Сергій Смѣльскій.“

Наташа открыла и обмерла. Восторженныя восклицанія раздались вокругъ. Крутая нитка чудной воды съ радужною игрой и принадлежащій къ ней полный парюръ можно было воистину назвать царственнымъ подаркомъ.

Наташа принялась исполнять желаніе выраженное женихомъ, и ей пришла на умъ сцена Маргариты предъ зеркаломъ. Думала ли она, растворяя нѣкогда безсмертную арію Гуно, что и ей вскорѣ суждено испытать на себѣ все обаяніе роскоши! Воспоминаніе бѣдности и лишеній испытанныхъ въ теченіе долгихъ лѣтъ воскресло въ ней съ новою силой при этомъ сравненіи. Она съ испугомъ и недоумѣніемъ обратилась къ сестрѣ:

— Неужели все это на яву? Да отвѣчай же, Маша! Мнѣ все кажется что вотъ-вотъ сейчасъ меня разбудить чья-то рука.

Тотчасъ послѣ свадьбы веселая толпа родныхъ и друзей провожала молодыхъ на Варшавскую желѣзную дорогу. Смѣльскіе уѣзжали за границу. Графу хотѣлось подышать парижскимъ асфальтомъ и посвятить неопытную жену во всѣ прелести всемірной столицы. Наташу манило безоблачное небо Италіи и живописныя окрестности Рима, съ которыми сливались единственно отрадные воспоминавія ея дѣтства.

(До слѣд. №.)

ПЕТРЪ ДОРОШЕНКО.

ЕГИПЕТСКІИ ГОЛУБЬ *

РАЗКАЗЪ РУССКАГО

VIII.

Въ Адрианополѣ я сталъ забывать о *ней*. Мнѣ было некогда; иныхъ впечатлѣній было такъ много что думать часто о молодой жевщинѣ, которая явилась предо мной только какъ „мимолетное видѣнне“, было невозможно и неестественно. Къ тому же я былъ не только очень занятъ, я былъ доволенъ, постоянно возбужденъ и вмѣстѣ спокойнѣе душой.

Я давно мечталъ жить въ Турціи, на Востокѣ, и вотъ мечты мои исполнились: я въ Турціи. Я хотѣлъ видѣть киларисы, мивареты и чаалмы: я вижу ихъ. Я хотѣлъ быть дальше, какъ можно дальше отъ этихъ ненавистныхъ, прамыхъ, широкихъ улицъ Петербурга.... я былъ далеко отъ нихъ.

Занятія мои были мнѣ по вкусу—не слѣшныя, обдуманныя, по смыслу не пустыя, съ легкимъ и пріятнымъ жаломъ честолюбія... со щитомъ патриотическаго долга...

Отвѣтственность на мнѣ лежала большая; я былъ одинъ *Русскій* на цѣлую обширную ироземную область съ населеніемъ смѣшаннымъ, политически впечатлительнымъ. Мой

* Продолженіе. См. № 8 *Русскаго Вѣстника*.

методой начальникъ Богатыревъ уѣхалъ на родину въ Москву, въ отлускъ; я управлялъ за него очень долго. Мнѣ нужно было ежеминутно бодрствовать и трудиться. О службѣ моей я здѣсь разказывать не буду; скажу только что мною были довольны, и когда Богатыревъ возвращаясь изъ Одессы проѣздомъ былъ въ посольствѣ, то самъ посланникъ сказалъ ему полусмута за обѣдомъ:

— При васъ было хорошо, но и безъ васъ у Ладнева не хуже.

На это Богатыревъ великодушно отвѣчалъ:

— Я готовъ самъ о немъ на крышахъ кричать!

Мѣсяцевъ черезъ десять Богатыревъ возвратился и принялъ снова всѣ дѣла въ свои искусства и опытыя руки. По возвращеніи его жизнь моя совсѣмъ перемѣнилась. Отвѣтственности уже не было при немъ; заботы меньше; нужно было только помогать ему, исполнять его волю. Я меньше сталъ думать о подробностяхъ службы, о мелочахъ текущей политики; я больше сосредоточился въ самомъ себѣ, въ жизни моего одинокаго тогда сердца и въ мирѣ моей фантазіи, въ то время еще необузданной и смѣлой. И мнѣ опять было и такъ *сначала* хорошо, пожалуй даже лучше... Я умѣлъ быть дѣятельнымъ, предприимчивымъ и заботливымъ, когда того требовалъ мой долгъ и мое самолюбіе (всѣ это знаютъ), но жизнь созерцательная и свободное мышленіе мнѣ еще больше нравились... Я ловилъ всѣмъ сердцемъ прежняго Турка, воинственнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ лѣниваго, который вставая съ широкаго дивана садился бодро на коня и мчался въ далекій набѣгъ, гдѣ терпѣливо переносилъ жестокія лишения, но возвратившись домой, опять опускался на этотъ „цвѣтной диванъ“ и „въ дыму кальяна“ думалъ свободно свою тихую думу о чемъ хотѣлъ и какъ хотѣлъ.

Да, мнѣ сначала эта жизнь понравилась.... Исполнивъ въ канцеляріи все то чтó требовала отъ меня служба, я уходилъ домой, предоставляя Богатыреву заботиться о томъ чтобы знамя русское стояло во Фракіи честно и грозно. Какъ *гражданинъ* я былъ спокоенъ; я зналъ что Богатыревъ еще гораздо лучше меня будетъ держать это знамя чести, потому что онъ былъ молодецъ.

Я только что нанялъ себѣ квартиру. Пока Богатыревъ былъ въ долгомъ отлуску, я жилъ у него въ консульствѣ. Теперь я завелся своимъ хозяйствомъ. Жилище мое мнѣ

очень нравилось.... Оно совсѣмъ было не похоже на доводившіе меня до отчаянія бѣлые и желтые европейскіе дома, въ шесть этажей и съ мѣдными дощечками на дверяхъ сосѣдей, вовсе не знающихъ другъ друга... Домъ моего стараго Турка въ бѣлой чалмѣ, сердитаго и съ красивымъ толстымъ носомъ, былъ совсѣмъ иной; онъ былъ небольшой, двухэтажный, снаружи выкрашенный темно-краснымъ цвѣтомъ, съ двумя галереями внизу и вверху. Все маленькія комнаты рядомъ и двери всѣ на галерею; предъ домомъ дворъ какъ цвѣтникъ, убранный мозаичными дорожками изъ сѣрыхъ, бѣлыхъ и черныхъ камешковъ и по бокамъ дорожекъ все стриженныя мирты кругами и изгибами. Между этими миртами цвѣли желтый фіоль и фіалки во множествѣ раннею весной (когда у насъ въ Россіи еще свѣгъ и холодъ), благоухали по всему двору, около дорожекъ и даже въ разсѣлинахъ между каменными плитами старой лѣтвицы которая спускалась отъ дверей моихъ къ воротамъ.

Домъ стоялъ высоко надъ дворомъ, а желтая стѣна, ограда отъ улицы, была построена еще ниже, но сама она была высока. Съ улицы тому кто стучался въ мои ворота едва видна была крыша дома; а съ моей верхней галереи былъ прекрасный и широкій видъ на городъ.

Все дома и дома разноцвѣтныя, голубые, бѣлые, розовые, и бѣло-краснаго цвѣта, и зеленаго, и желтаго, и темно-краснаго, или темно-краснаго цвѣта „terre de Sienne brulée“.

Между домами въ Адрианополѣ много зелени; шелковица, листья которой такъ блестятъ на солнцѣ, и высокія пирамидальныя тополя. Съ ними рядомъ высится много тонкихъ минаретовъ. Видъ изъ оконъ моихъ былъ такъ обширенъ; были видны даже и поля за городомъ, и изгибы рѣки Марицы, лесокъ на берегу, и дальшіе каменные мосты на рѣкахъ, и сады шелковицы по полямъ. Тамъ, вѣрно, за послѣднимъ, кажется, мостомъ на Тунджѣ, стояло большое, коричневаго цвѣта строеніе, кажется, чей-то деревянный *bedestank* * для развода шелковичныхъ червей. Я и это мрачное, одинокое строеніе помню. И оно было видно изъ моихъ оконъ. Предестный видъ! Пестрый и веселый... Часто солнце свѣтило ярко надъ этою картиной, и дымъ домашняго труда поднимался изъ всѣхъ очаговъ.

* Сарай.

Я вель очень удивленную жизнь. Общество болгарскихъ и греческихъ старшинъ, сухихъ, лукавыхъ, скучныхъ, однообразныхъ купцовъ, докторовъ и учителей—миѣ не нравилось и кому могло оно нравиться? Со времени возвращенія Богатырева я продолжалъ посѣщать ихъ изрѣдка для того только чтобы не слишкомъ ихъ оскорбить. Во время управленія моего для цѣлей политическихъ я принужденъ былъ видѣться съ ними безпрестанно, такъ какъ именно въ этомъ ужасномъ, *полу-европейскомъ* и дѣловомъ классѣ людей, мы находили главную опору нашимъ дѣйствіямъ; отъ нихъ получали и лучшія свѣдѣнія ваши; и еслибъ я *теперь* пересталъ вовсе видѣться съ ними, то они лопали бы до чего я тягочусь ими, и это въ послѣдствіи могло бы невыгодно отозваться на службѣ моей. Особенно ихъ *женъ*, церемонныя, неподвижныя, хитрыя, крикливыя, неизящно по-европейски одѣтыя, приводили меня въ отчаяніе.

Итакъ я жилъ одинъ, или почти одинъ, воедушъ съ моими мыслями....

Прогулки лѣшкомъ или въ конѣ, книги, иногда оживленные бесѣды съ консуломъ о Россіи и о здѣшнихъ дѣлахъ, его интересные разказы о нашей старой дипломатіи, исторію которой онъ зналъ лучше меня,—вотъ моя жизнь, вотъ мои утѣшенія въ то время...

Я очень полюбилъ одинокія прогулки по далямъ и тихимъ кварталамъ... Пока я управлялъ, я былъ *обязанъ* ходить съ кавасомъ чтобы меня не оскорбили на улицѣ подъ предлогомъ того что не знаютъ „кто я“, чтобы уступали мнѣ дорогу, чтобы часовые турецкіе отдавали мнѣ честь ружьемъ. Теперь я могъ ходить одинъ, и эта перемена мнѣ временно понравилась; я чувствовалъ себя свободнѣе; теперь я не обязанъ былъ требовать вниманія отъ часовыхъ; оскорбленій личныхъ я не боялся; я надѣялся на собственную смѣлость и на крѣпкую лаку съ которою ходилъ.

Я помню много хорошихъ дней за это время.

Въ бумагахъ моихъ цѣлъ отрывокъ написанный мною по возвращеніи съ одной восхитительной прогулки...

Вотъ онъ:

„Я не могу изобразить хорошо моихъ чувствъ.

„Еслибы въ прозѣ нашей русской можно бы писать такъ какъ мнѣ хочется! Мнѣ бы хотѣлось вотъ такъ писать:

„О дымокъ, дымокъ мой! свѣрый дымокъ надъ нами садами зимы!. Какъ ты милъ мнѣ, зимній дымокъ турецкаго

пестраго города. Иду я одинокій вдоль рѣчки отъ живописнаго Михаль-Кѣпрю, иду домой подъ вечеръ и думаю: „Какъ я счастливъ, о Боже!“ Мнѣ такъ ловко и тепло въ моей мѣховоѣ русской шубкѣ, крытой голубымъ сукномъ. Какъ я радъ что я Русскій! Какъ я радъ что я еще молодъ! Какъ я радъ что я живу въ Турціи! О, дымокъ ты мой милый и сѣрый дымокъ домашнего труда! О, какъ кротко и гостепріимно восходишь ты предо мною надъ черелицами многолюднаго и тихаго города! Я иду по берегу рѣчки отъ Михаль-Кѣпрю, а заря вечерняя все краснѣе и прекраснѣе. Я смотрю впередъ и вздыхаю, и счастливъ... И какъ не быть мнѣ счастливымъ? По берегу рѣчки, по любимой моей этой прелестной дорогѣ отъ Михаль-Кѣпрю къ городскимъ воротамъ растутъ кусты черной ежевики... Вотъ здѣсь по восхитительной для меня (да, для меня только, для моего, исполненнаго радости сердца), на восхитительномъ изгибѣ берега на кустѣ три листочка, три листочка лоблекшихъ, всѣ они бѣлые съ одной стороны и такіе темно-бархатные, такіе черные съ другой. И на черномъ этомъ бархатѣ я вижу серебряныя пятна,—звѣздочки зимней красоты... А заря все краснѣе и краснѣе разгорается вдали за городомъ и на аломъ небѣ этомъ все вѣжнѣе и вѣжнѣе мнѣ кажутся тонкіе и темные узоры облаченныхъ и безчисленныхъ вѣтвей. Я счастливъ... Я страдаю... Я влюбленъ безъ ума... влюбленъ... Но въ кого? Я влюбленъ въ здѣшнюю жизнь; я люблю всѣхъ встрѣчаемыхъ мнѣ по дорогѣ; я люблю безъ ума этого стараго бѣднаго Болгарина съ сѣдыми усами, въ синей чалмѣ, который мнѣ сейчасъ низко поклонился; я влюбленъ въ этого сердитаго, толкаго и высокаго Турка, который идетъ предо мною въ лунцовыхъ шальварахъ... Мнѣ хотѣлось бы обоимъ ихъ обнять; я ихъ люблю одинаково!..

„Вотъ какъ желалъ бы я долго и много писать. Такъ писать мнѣ пріятно. Но кто станетъ читать меня если я такъ напишу длинную повѣсть любви и буду мечтать безо всякаго порядка и правилъ?..

„Никто!“

IX.

Но нельзя было, къ несчастью, вѣчно жить одинокими прогулками къ Михаль-Кѣпрю, нельзя было дышать лишь восхищаясь вечернею зарей и узоромъ зимнихъ вѣтвей вдали

сажавшихся во что-то туманное и до того прекрасное и родное что оно было для меня милѣе самой лѣтней зелени розъ и садовъ... Я не могъ и не имѣлъ даже права съ безпристрастіемъ художника всегда равно любить и „старого Болгарина въ синей чапкѣ, который мнѣ поклонился, и пунцоваго Турка, который, проходя мимо, такъ мрачно взглянулъ на меня“. Мнѣ все равно, это правда!... Но я не затѣмъ, увя, тутъ живу чтобы воспѣвать природу и поэзію восточной жизни...

Я привужденъ видѣться съ разными людьми, имѣть сношенія съ ними; соображаться не со вкусами, а съ дѣлами моими. Я часто бывалъ, напримѣръ, у богатаго Болгарина Чобанъ-оглу. Онъ былъ изъ тѣхъ немногихъ Болгаръ которые и въ *то еше* время (лѣтъ болѣе пятнадцати тому назадъ) говорили такъ:

— Оставьте всѣ эти разнообразныя проекты разрѣшенія Восточнаго вопроса! Оставьте! Это все хаосъ. Надо разрѣшить дѣло просто: Адрианопольская *губернія*, Фидлиппольская *губернія*... Понимаешь: присоединеніе къ Россіи..

Простой сердцемъ, прямой, съ виду угрюмый и осторожный, но пылкій въ сочувствіяхъ своихъ, релігіозный вмѣстѣ съ тѣмъ не для *политики* одной, не съ виду и для вліянія на простой народъ, какъ многіе славянскіе и греческіе старшины, Чобанъ-оглу былъ однимъ изъ самыхъ надежныхъ и полезныхъ помощниковъ русской политики въ тѣхъ странахъ. Недостатокъ въ этомъ отношеніи у него былъ только одинъ: онъ былъ *plus royaliste que le roi*. Ни одинъ изъ дипломатовъ нашихъ, ни одинъ изъ консуловъ дѣйствовавшихъ во *Фракіи*, никогда не считали для Россіи выгоднымъ присоединеніе этой страны; большинство Русскихъ служившихъ на Востокъ вовсе не безусловно восхищались нашею домашнею организаціей и нашими порядками. Одни изъ нихъ находили что у насъ уже слишкомъ все ис-европейски; другіе—что недостаточно по западному и многіе изъ этихъ дѣятелей нашихъ на Востокъ (можетъ-быть и ошибочно) ожидали, напротивъ, чего-то освѣжающаго и влоливъ славянскаго отъ жителей этихъ странъ, освобожденныхъ изъ-подъ турецкой власти.

Докторъ Чобанъ-оглу смотрѣлъ на дѣло проще. „Сила Россіи, говорилъ онъ, Государь и войско, которымъ я восхищаюсь въ Петербургѣ на майскомъ парадѣ; соборъ Св. Исаакія... Чего же лучше?“

Чобанъ-оглу получивъ медицинское свое воспитаніе въ Италію; но красоты Св. Петра въ Римѣ и Св. Марка въ Венеціи не затмили въ глазахъ его красоту Исаакіевскаго собора и Кремля.

— Пускай себѣ они и лучше эти католическіе храмы! говорилъ онъ угрюмо, поправляя очки свои.—Хороши и наши—ничего! Подожди, дай Россіи въ Босфорѣ поплавать. Мы еще лучше построимъ что-нибудь. Мы Св. Софію подновимъ!.. Увидишь!..

Конечно, намъ, Русскимъ, это пристрастіе нравилось. И энтузіазмъ въ нашу пользу, если мы даже и не со всѣми его мечтами и проектами согласны, вредить не можетъ. Энтузіазмъ можно охладить когда того требуетъ нужда. Какъ пробудить его, когда его мало, вотъ что трудно.

Такіе взгляды располагали насъ, Русскихъ, къ Чобанъ-оглу. Не стану увѣрять однако чтобы общество его было особенно занимательно, чтобы въ домѣ его и въ его семейной жизни была какая-нибудь особенная привлекательность. Домъ его нравился мнѣ потому только что это былъ старинный домъ въ турецкомъ вкусѣ, съ обширными свѣжами, занимавшими почти весь нижній этажъ и большою широкою лѣствицей, свизу раскрашеною радужными zig-zagами. Но этотъ домъ былъ мраченъ и въ самомъ Адрианополѣ можно было найти много жилищъ въ томъ же самомъ восточномъ вкусѣ, но несравненно болѣе красивыхъ и пріятныхъ.

Кофе подавали у доктора какой-то невкусный; у горничной Гречавки, которая стояла съ подносомъ лока гости лили кофе, я помню, были такія широкія, красныя, отвратительныя руки! Жена доктора была тоже Гречавка, не старая еще и лицомъ недурная, но жеманная и громогласная; все съ самолюбивою улыбкой на устахъ, одѣтая по-европейски, но дурно и съ претензіями на отстающую моду. Я ея не любилъ и бывалъ въ отчаяніи когда заставлялъ ее одну дома. Со стыдомъ прибавлю, мнѣ кажется, — я ей нравился. Эта обидная для моего самолюбія склонность ужасной докторши еще болѣе стѣсняла меня съ глазу на глазъ съ нею. Она говорила мнѣ комплименты; я страдалъ и оскорблялся что нравлюсь такой непріятной и ничего не понимающей жевщицѣ. Самъ Чобанъ-оглу тоже былъ довольно скученъ. Въ медицинской наукѣ онъ былъ недалеко, въ политическихъ взглядахъ,

какъ мы видѣли, немного сложенъ. Италия, въ которой онъ учился медицинѣ, не оставила почти никакихъ слѣдовъ на вкусахъ его, или вѣрнѣе только направила ихъ къ худшему. Чобанъ-оглу настолько сталъ Европейцемъ, насколько нужно Греку или Болгарину чтобы стать пошлѣе, и утративъ оригинальность не приобрѣсти ничего того высшаго что можетъ дать истинная образованность...

Единственный человѣкъ, который мнѣ самъ по себѣ (а не по взглядамъ своимъ) нравился въ семьѣ и родствѣ добраго и скучнаго Чобанъ-оглу—это былъ отецъ его, самъ старшій Чобанъ. * Онъ приходилъ иногда по праздникамъ къ сыну, въ темной одеждѣ изъ толстаго сукна домашней работы, въ бараньей шапкѣ; входилъ, садился на диванъ и кланялся оттуда по-турецки. Разговаривалъ о чемъ-то (о чемъ не помню; все-таки и его рѣчи были довольно скучны); шутилъ съ младшимъ внукомъ своимъ, приговаривая съ улыбкой любви все бранныя и даже неприличныя слова: „Рогачъ ты такой! Сводицкъ, негодай“, и еще хуже. Изъ всѣхъ его рѣчей это еще было замѣчательнѣе всего. При старикѣ хоть и не становилось веселѣе, но по крайней мѣрѣ все дѣлалось въ домѣ доктора на мигъ характернѣе... Эта шапка баранья на диванѣ въ такомъ почетѣ! Эти грубыя даски звуку! Сама докторша какъ будто приобрѣтала иное, какъ бы „историческое“ значеніе. Она почтительно вставала предъ старымъ пастухомъ, подавала ему чубукъ, сама нагибаясь ставила ему подъ трубку чистое мѣдное блюдечко (чтобы не жечь ковра) и сама же приносила ему щипцами уголь изъ жаровни чтобы онъ раскуривалъ. Въ эту минуту я ее уважалъ и будь на ней самой не плохая какая-то звувка и кринолицъ, а будь надѣто что-нибудь тоже старинное, я былъ бы совсѣмъ доволенъ ею, и она можетъ-быть хоть на минуту и поправила бы мнѣ...

Что еще сказать о домѣ и родствѣ доктора Чобанъ-оглу?

Былъ у него сынъ старшій, отрокъ еще, лѣтъ пятнадцатилетнихъ... Не дурень, но обезображенъ всегда какимъ-то медвѣжьимъ долгополымъ сюртукомъ.

У жены доктора былъ еще братъ, отвратительный собою Грекъ, лѣтъ двадцати трехъ. Лицо у него было сѣрое, очень

* Чобанъ значитъ пастухъ; Чобанъ-оглу—сынъ пастуха, фамилія вродѣ Пастухова.

круглое, все въ мелкихъ дыркахъ (а этого терпѣть не могу). Пузырь какой-то лучеглазый, чернозубый и еще болѣе крикливый чѣмъ сестра... Олѣ училась въ Афинахъ и не давала никому слова сказать чтобы не вмѣшаться, не закричать на весь домъ, не показать свою ученость и „воспитаніе“.

Одинъ гость говорить, я помню: „тамъ были эти танцовщицы“...

— Да! балерины! кричите сѣрый лузырь.

Я говорю однажды доктору: „вы долго были въ Италіи“?

— Олѣ былъ въ Римѣ, перебиваетъ тотъ, видѣлъ святѣйшаго непогрѣшимаго отца... ха! ха! ха! Непогрѣшимый...

Боже мой! при видѣ такого молодого человѣка даже единовѣрью съ нимъ своему я былъ не радъ... и готовъ былъ на зло ему и предъ лалой склоняться въ прахъ...

Впрочемъ все это такъ несосно... И если я воломичаю и говорю объ этомъ, то только для того чтобы было видѣе почему именно оно было скучно.

Однажды мы съ Михалаки Канкеларио зашли къ Чобавъ-оглу въ праздникъ, послѣ обѣды. Православная обѣда въ Турціи служитса очень рано,—тогдашъ по восхожденію солнца, и зимой, и лѣтомъ. Это было зимой и было около 8 часовъ по-европейски (кажется, около трехъ по-турецки), когда мы сидѣли у доктора. Въ обширныхъ сѣняхъ его стариннаго дома была наверху галерея съ колоннами и балюстрадой, и съ галереи этой открывалось много дверей въ внутренніе лѣкоп. Внизу, въ самыхъ сѣняхъ, мощенныхъ плитами, была построена особая маленькая комнатка, въ родѣ бесѣдки, вся въ стеклахъ и съ деревяннымъ потолкакомъ, очень лестрымъ и веселымъ, какъ персидскій коврикъ. Кругомъ трехъ стѣнъ шелъ турецкій диванъ, а на полу коверъ; зимой тамъ ставили мѣдную жаровню, притворивъ крѣпко стеклянную дверь въ сѣни и тогда въ этой бесѣдочкѣ становилось очень тепло, и въ стекала все было видно что происходитъ въ сѣняхъ: кто выходилъ и входилъ.

Мы сидѣли, курили и пили кофе. Докторша въ бѣлицей шубкѣ, крытой атласомъ, играла золотою цѣлочкой своею и разказывала намъ о томъ какъ она испугалась когда французскіе солдаты въ пятьдесятъ четвертомъ году, увидавъ ее съ улицы изъ окна, вздумали стучаться въ дверь и какъ мужъ ея пошелъ потомъ жаловаться къ Боске.

— Дураки вообразили себѣ, прервалъ ее мужъ, что лордочная жевщица на востокѣ у окна не сидитъ! Увидали ее и

подумали что они имѣютъ право сюда войти! Гдѣ-жь и сидѣть нашимъ женщинамъ какъ не у окна? У насъ развлеченій нѣтъ.

Мы всѣ согласно начали бравить Французовъ и мало-помалу разговоръ перешелъ въ разсужденіе о католической пропалагандѣ, съ которою мы въ эти годы во Фракіи ежедневно боролись.

Около этого времени мы начали пересланивать. На нашей сторонѣ былъ и Куру-Кафа, болгарскій простолюдинъ, самый хитрый и ловкій изъ столькихъ хитрыхъ и ловкихъ Болгарь. Въ болгарскую школу, основанную нами въ предмѣстьѣ Киречь-Хане, стали въ то время изъ уніатской школы десятками переходить болгарскія дѣти и цѣлыя семьи болгарскія увлеченныя на мигъ тѣми вещественными выгодами которыя обѣщала имъ пропалаганда, приходили безпрестанно просить прощенія у греческаго митрополита и возвращались толпами подъ духовную власть православной церкви. Мы говорили объ этомъ и радовались.

Михалаки Канкеларио сказалъ:

— Говорятъ что польскіе помы ввели незамѣтно для народа filioque при чтеніи Символа Вѣры въ уніатской церкви?

Госпожа Чобанъ-оглу прибавила:

— А я слышала что они распятіе сдѣлали въ церкви, католическое, вышуклае...

— Погодите! сказалъ докторъ съ таинственною улыбкой,— все это разсыплется въ прахъ. Это все лустяки. Пала ничего не можетъ сдѣлать; нужно только чтобы между православными было согласіе. Я и сегодня жду кой-кого... Подождите, еще есть кающіеся... Вотъ они, воскликнулъ онъ, вставая и глядя черезъ стеклянную дверь въ сѣни.

Кто-то осторожно стучалъ кольцомъ съ улицы въ большую дверь.

Служанка отворила.

И я всталъ посмотрѣть и увидалъ двухъ очень молодыхъ людей въ европейскомъ платьѣ и фескахъ.

Одинъ изъ нихъ былъ ловыше и локрасивѣе, другой пониже и очень дурень собой.

Они довольно робко стали у дверей и осматривались...

Докторъ отворилъ дверь изъ бесѣдки и позвалъ ихъ. Имена ихъ были болгарскія. Одного (красиваго) звали Стоявъ Найденовъ, а другаго, дурнаго собой—Іованъ-оглу.

Они оба были около года уміатами и служили чѣмъ-то при уміатской церкви въ Киречь-Ханѣ.

Теперь они рѣшились отказаться отъ уміи и пришли къ доктору чтобъ онъ помогъ имъ какъ-нибудь, чтобъ онъ научилъ ихъ *чѣмъ имъ жить* въ новомъ ихъ положеніи, когда ужь ни польскіе священники, ни французскій консулъ помогать имъ не будутъ.

Стоянь былъ не только выше и красивѣе, онъ былъ одѣтъ получше: у него сюртукъ былъ не старъ и феска красная и свѣжая, а на шеѣ былъ ярко-малиновый шарфъ, заколотый стразовою булавкой, которую онъ безпрестанно поправлялъ, чуть-чуть краснѣя...

На Іованъ-оглу короткая жакетка оливковаго цвѣта едва держалась. Бѣлья на немъ не было вовсе видно; а лицо его, широкое, грубое, но доброе, было очень желто и старообразно. Онъ сначала ничего почти не говорилъ, предоставляя всѣ объясненія Стояну Найденову.

Присутствіе Грека Михалаки въ первую минуту какъ будто стѣсняло молодыхъ людей; но докторъ сказалъ имъ *по-гречески*:

— Чтѣ вы боитесь? Господишь Михалаки Камкеларіо другъ вашъ и человекъ православный. Чтѣ вы такое дѣлаете что-бы вамъ бояться? Не противъ турецкаго правительства вы идете; вы только оставляете ваши религіозныя заблужденія.

— Это такъ, господишь докторъ, конечно, мы только возвратились на правый путь отеческой вѣры...

— Чтѣ же вы думаете теперь дѣлать? спросилъ я.

— Чтѣ случится, продолжалъ Стоянь.— Намъ стала невзвистна іезуитская ложь. И чтѣ добрые люди для насъ сдѣлають, то пусть и будетъ.

Желтый Іованъ-оглу все молчалъ; выраженіе лица его оставалось непріятнымъ и черные огневые глаза его только изрѣдка вовсе недружелюбно взглядывали то на Камкеларіо, то на меня...

Я сказалъ что можно на первый разъ найти имъ занятіе въ православной школѣ Киречь-Ханѣ.

Молодые люди молчали.

Михалаки послѣ этого простился и ушелъ.

Мы думали что безъ него эти юноши станутъ смѣлѣе разговаривать, но они и безъ него были все такъ же сдержанны какъ и при немъ.

Желая слышать что-нибудь отъ Иована-оглу, докторъ обращался нѣсколько разъ къ нему съ разспросами о родныхъ его, о томъ селѣ въ которомъ онъ родился, объ училищѣ, гдѣ обучался грамотѣ, о томъ кто убѣдилъ ихъ пойти въ унию.

На вопросы о селѣ и родныхъ Иованъ-оглу отвѣчалъ кратко и просто; когда же докторъ спросилъ у него о первомъ его обращеніи въ униатство, онъ отвѣтилъ такъ:

— Зачѣмъ мнѣ слушать людей? Я самъ не гаульный. Я самъ могу ловить пользу народа нашего... Надъ нами два ига — турецкое и греческое... Надо прежде свергнуть то которое слабѣе. Надо намъ отдѣлаться отъ греческаго *Патрика!* Если бы всѣ такъ дѣлали какъ мы, то Болгарскій народъ былъ бы давно свободенъ.

Религіозному доктору эти рѣчи не могли нравиться.

— Какой-такой греческій патриархъ? Я никакого не знаю. Есть патриархъ вселенскій, константинопольскій и вѣра у насъ одна что въ Петербургѣ, что въ Тырновѣ, что въ Аѳинахъ... Ея лортитъ нельзя... И Грековъ надо вамъ оставить въ покоѣ... Надо потерпѣть! Падетъ Турція и все тогда сбывается само собою. Найдутся люди сильнѣе и справедливѣе насъ которые все это лодѣляютъ какъ надо...

Молодые люди ничего не возразили на это.

Я тогда спросилъ Иованъ-оглу:

— Если вы находили католическую пропаганду полезною для вашей родины, для чего же вы оставили униатство?

Иованъ-оглу, немного смутясь, отвѣчалъ:

— Обстоятельства измѣнились...

— Какія обстоятельства? спросилъ я.—Если вы желаете чтобы вамъ дали должность, вы должны быть откровенны и внушить довѣріе.

Иованъ-оглу молчалъ.

Стоявъ, посмотрѣвъ на него, сказалъ ему:

— Отчего ты не говоришь? Говори.

— Что я буду говорить, возразилъ угрюмый Иованъ-оглу, ложимая плечами.

Стоявъ поправилъ свой малиновый галстукъ и уклончивымъ тономъ отвѣчалъ за него:

— Если бы весь народъ сталъ униатомъ, то Болгары сразу бы отдѣлились отъ вселенской церкви, и Болгарія могла бы стать особымъ царствомъ, даже не возставая противъ Турокъ.

Вотъ такъ какъ теперь будетъ Венгрія въ Австріи. Султанаъ назывался бы царемъ болгарскимъ, Болгарія имѣла бы свою конституцію, свое войско и свою автономію.

Докторъ вслыхнулъ въ лицѣ и восклицнулъ съ жаромъ:

— Мечтанія! Дѣтскія мечтанія... Какая глупость! Я эту глупость слыхалъ. Турки всѣхъ васъ въ куски изрубятъ прежде чѣмъ вамъ дать автономію... Какая глупость!...

Стоявъ послѣшилъ продолжать свои объясненія.

— Позвольте, господиъ докторъ, такъ и мы думаемъ. Я излагалъ взглядъ тѣхъ кто старался обратить насъ въ униатство. Но мы бояли что это все ложъ и невозможно. Униатство вмѣсто того чтобъ отдѣлтъ насъ отъ Грековъ, въ самомъ народѣ производитъ раздѣленіе и раздоръ.

— Вотъ это умно! Вотъ это прекрасно! замѣтилъ докторъ.—И вы прекрасно сдѣлали что послѣшили оставить это заблужденіе. Мы всѣ постараемся что-нибудь для васъ сдѣлать....

Я тоже обѣщаль рекомендовать ихъ консулу и желая еще больше привлечь этихъ юношей, пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать на слѣдующій день.

Они благодарили насъ и ушли.

Докторъ былъ недоволенъ моимъ радушіемъ и находилъ что я увлекаю на этотъ разъ слишкомъ добрымъ чувствомъ. Онъ говорилъ объ этихъ молодыхъ соотечественникахъ своихъ такъ:

— Пономари! *Кандильянафты* * и больше ничего!... Зачѣмъ ихъ приглашать обѣдать? Это слишкомъ много чести для нихъ. Развращенные мальчишки! Имъ вѣрно показалось что-нибудь невыгодно у католиковъ; они ожидали для *себя*, а не для народа отъ пропаганды золотыя горы; и имъ надобно зажигать свѣчи въ униатской церкви. Я не приглашу ихъ обѣдать.

Я впрочемъ былъ несогласенъ съ докторомъ и находилъ что намъ необходимо видѣть и привлечь къ себѣ разныхъ людей... Ему, рожденному во Фракіи, по привычкѣ уже многое кажется яснымъ и все ему знакомо; а я хочу самъ видѣть какъ можно больше и понять окружающую меня жизнь со всѣхъ сторонъ ясна. Мнѣ нужно видѣть разныхъ людей и слышать разные рѣчи.

* Люди которые зажигаютъ свѣчи и лампы.

На другой день Стоянь пришелъ ко мнѣ одинъ; Іованъ-оглу не явился. Стоянь сказалъ мнѣ что товарищъ его нездоровъ. Черезъ недѣлю я узналъ что Іованъ-оглу возвратился къ уніатамъ и что ему французскій консулъ выдалъ особое пособіе. Я до сихъ поръ не понимаю что было такое этотъ молодой человекъ; фанатикъ ли своего народнаго дѣла, который не могъ выносить даже и доброжелательныхъ возраженій своего соотечественника-доктора, или жадный мальчишка, который хотѣлъ только пострадать католиковъ чтобъ они дали ему денегъ. Я его послѣ этого никогда болѣе не встрѣчалъ и слышалъ что онъ погибъ во время послѣднихъ безпорядковъ. Онъ былъ учителемъ въ какомъ-то небольшомъ городѣ и Турки, какъ слышно, утопили его въ рѣкѣ съ камнемъ на шеѣ.

Стоянь обѣдалъ у меня одинъ. Онъ держалъ себя очень порядочно и скромно; говорилъ хорошо. Онъ сказалъ мнѣ что *filiologie* не прибавилъ еще въ Символъ Вѣры, что онъ самъ читалъ его и что всю литургію польскіе священники служатъ очень правильно и хорошо по православному образу. Но раслятіе вылукаое есть, это правда.

— Но онъ, то-есть священники польскіе, передавалъ онъ, сказали намъ что такіа вылукама изображенія употребляются и въ Россіи.

Подъ конецъ обѣда онъ дождавшись чтобы вышелъ слуга (слуга былъ Грекъ), обратился ко мнѣ съ одною просьбой.

— Со мной, сказалъ онъ, дѣлайте какъ угодно. Рекомендуйте меня въ школу, если это можно, я буду очень благодаренъ. Какъ вамъ угодно такъ со мной и поступайте, а не пропадаю; я знаю грамоту. Но я васъ убѣдительно прошу за брата моего роднаго. Спасите его. Онъ еще моложе меня и служить въ полку Садыкъ-лаши. Онъ хочетъ бѣжать оттуда теперь. Онъ мальчикъ простой души и не желаетъ больше служить въ этомъ войскѣ. Слышно что казаковъ и драгунъ скоро пошлютъ въ Балкавы для усмиренія Болгаръ. Онъ не можетъ сражаться противъ своихъ, и я умоляю васъ спасти его какъ-нибудь. Онъ убѣжитъ, но надо скрыть его до тѣхъ поръ пока не уйдутъ изъ Адрианополя всѣ польскіе офицеры.

Я съ готовностью согласился сдѣлать что могу, и Стоянь сказалъ мнѣ что братъ его придетъ ко мнѣ вечеромъ. Исторія этого юноши заинтересовала меня, и я ждалъ его съ нетерпѣніемъ.

Насталъ вечеръ. Я предупредилъ слугу моего, человѣка очень вѣрнаго, чтобъ онъ не вводилъ прямо ко мнѣ *одного болгарскаго мальчика* (который долженъ по секретному дѣлу придти ко мнѣ) въ томъ случаѣ если у меня будутъ посторонніе люди, а только бы спряталъ его и далъ бы мнѣ тотчасъ знать какъ-нибудь.

Когда совсѣмъ стемнѣло, бѣглець постучался въ мою дверь и такъ какъ гостей у меня не было, то его и привели прямо ко мнѣ.

Съ перваго взгляда я увидалъ что лицо этого красавца мнѣ знакомо: я случайно однажды видѣлъ его верхомъ на базарѣ. Онъ вѣшалъ безъ сѣдла и стремявъ. На рукавахъ его или подъ ними было что-то красное... что—не помню... Помню на головѣ его была феска; онъ былъ лодка Садыкъ-лаши. Помню также что лошадь то взвивалась на дыбы, то шла бокомъ, горячася и играя и народъ на базарѣ разстудался, любуясь конемъ и всадникомъ. Но какой масти была лошадь, не помню и не могу сказать теперь что былъ такое самъ Вѣлико, другъ или казакъ лодка Чайковского. Не хочу и заботиться объ этихъ подробностяхъ, и буду звать его казаккомъ. Я успѣлъ замѣтить еще что Вѣлико быть очень молодъ и улыбадся, отъ радости вѣроятно что на него любитсся народъ.

И я постоялъ, и я полюбовался, и хотѣлъ уже идти дальше; но одинъ прохожій Грекъ фамильярно обратился ко мнѣ и восклицалъ можетъ-быть съ насмѣшкой, а можетъ-быть и съ радостью:

— Вотъ христіанское войско!

Я сказалъ ему въ отвѣтъ на это: да, и ушелъ.—Я ушелъ, а молодець этотъ съ красными рукавами проѣхалъ дальше и скрылся и я пересталъ думать о немъ. Теперь онъ былъ не въ казаккомъ мундирѣ съ откидными красными рукавами; онъ переѣмлялъ одежду, и на немъ были куртка и шаьвары изъ толстаго болгарскаго домашняго сукна какого-то блѣдно-розоваго цвѣта, чуть-чуть съ фіолетовымъ оттенкомъ. Я не разъ видѣлъ на молодыхъ Болгарахъ такое сукно и оно очень мнѣ нравилось. Въ этой одеждѣ Вѣлико былъ еще красивѣе. Онъ казался спокойнымъ и даже веселымъ, и протянулъ мнѣ руку; я думалъ что онъ хочетъ пожать мнѣ ее, и подалъ ему свою; но онъ нагнулся, поцѣловалъ мою руку почтительно и сказалъ:

— Эффенди, спасите душу мою отъ напрасной смерти.—

Телерь Поляки и Турки могутъ убить меня если они меня поймають.

Я отвѣчалъ ему чтобъ онъ не безпокоился и что мы его ни за что не выдадимъ, ни Полякамъ, ни Туркамъ. Пока есть русскій флагъ въ Адрианополь, такого позора и такой жестокости случиться не можетъ.

Вѣлико былъ очень радъ и я велѣлъ его накормить ввизу и устроить ему въ домѣ такое мѣсто для ночлега и житья, гдѣ бы онъ не могъ легко попадаться на глаза каждому проходящему.

И Вѣлико остался жить у меня.

X.

Первые дни я все радовался на моего бѣгльца. Вѣлико былъ очень ровень характеромъ, послушаемъ; сѣрые большіе глаза его съ длинными черными рѣсницами въ началѣ сіяли радостнымъ свѣтомъ; онъ не могъ взглянуть на меня безъ пріятной и почтительной улыбки. Но скоро онъ сталъ скучать взаперти. Братъ его, Стоявъ, былъ всего только разъ у него на минуту; онъ жилъ далеко и былъ очень занятъ въ той школѣ куда мы его съ Богатыревымъ опредѣлили.

Должности для Вѣлико у меня въ домѣ не было никакой. Прислуживалъ мнѣ его же лѣтъ юноша, критскій Грекъ Яви; вѣрный, добрый, умный, преданный какъ сынъ, а не могъ и подумать удавить его чтобы найти занятіе для Вѣлико. Посылать его по городу съ комиссіями и за покупками было невозможно: онъ могъ бы попасться кому-нибудь.

Я придумалъ наконецъ посылать Яви, который уже зналъ немного грамоты, каждый день въ греческую школу, а Вѣлико долженъ былъ прислуживать мнѣ вмѣсто него. Онъ очень скоро привыкъ; дѣлалъ все съ большимъ усердіемъ, мѣлъ весь домъ и дворъ. Увидавъ что въ домѣ есть оружіе—лара пистолетовъ у меня и охотничье ружье у повара—онъ очень обрадовался и вычистилъ ихъ тотчасъ же; выпрашивалъ и у консульскихъ кавасовъ Турокъ ихъ оружіе и его чистилъ. Но самая лучшая его отрада была моя лошадка, вороная съ прекрасною пиходью, съ такою пиходью про которую мѣстные люди говорили: „Вотъ *риванъ* (пиходь)! Это такой

развѣвъ что можно вѣхать и въ одной рукѣ держать чубукъ, а въ другой кофе: и кофе не разольется, и огонь не просыплется.“

Эту лошадку Вѣлико чистилъ, ходилъ, водилъ по двору, кормилъ изъ своихъ рукъ и сокрушался несказанно что не можетъ на ней прокатиться.

Какъ овъ мнѣ завидовалъ когда я, вскочивъ на нее за отворенными воротами, пускалъ прямо почти отъ двора вокачь. Я слышалъ самъ какъ овъ восклицалъ громко мнѣ вслѣдъ по-турецки: „Э! Аманъ! Аманъ! Чтò мнѣ дѣлать!“

Мнѣ было иногда ужасно трудно удержать его дома...

Темнымъ вечеромъ его легче было съ осторожностью выпускать; но вечеромъ-то именно ему никуда и не хотѣлось. Милый Кавдіотъ Яви, съ которымъ овъ подружился, бывалъ тогда дома; приходилъ часто по вечерамъ же консульскій поваръ, тоже молодой Грекъ еракіѣскій, Кариотъ Паскааль. Веселый, лукавый, ловкій лауць и щеголь; овъ былъ постарше и поопытнѣе обоихъ; лѣвецъ и немножко Довъ-Жуамъ, носилъ шелковыя курточки, суковныя шальвары, богато расшитые шнуромъ и часы на красивой серебряной цѣпочкѣ во всю грудь. Заходилъ иногда и одинъ изъ кавасовъ, Али, добрейшій Турокъ, глухой, простодушный, смиренный, честный, баѣдный и худой какъ щелка... Всѣ мои молодые христіане очень любили этого Турка, и ловкій Паскааль даже подтрунивалъ надъ нимъ по-пріятельски... Если мнѣ случалось самому быть дома, я только и слышалъ что лѣсни турецкія, славянскія и греческія, *тамбуру*, * смѣхъ, крикъ за картами.

На сонъ грядущій Яви разказывалъ мнѣ лотомъ всякія новости, и анекдоты, и слетви.

Вотъ овъ-то, жалѣя Вѣлико и сказалъ мнѣ что молодой Болгаринъ нестерпимо тоскуеть; что ему хочется на волю, хочется въ поле, на коня, или домой въ деревню...

Чтò мнѣ было съ нимъ дѣлать!

Михалаки Канкеларіо, съ которымъ я совѣтовался, въ деревню къ роднымъ отлускать его не совѣтовалъ. Село ихъ слишкомъ было близко отъ города; безопасности нельзя было ожидать. И самъ Вѣлико казался еще недостаточно благо-разумнымъ.

Я призывалъ его и сказалъ ему:—Ты все скучаешь? Въ полку было веселѣе?

* *Балалайку*.

Вѣлико застыдилася какъ дѣвушка. Онъ припаалъ однимъ плечомъ къ стѣнѣ, отвернулся, краснѣя, къ ней лицомъ и сначала молча чертилъ что-то пальцемъ по этой стѣнѣ, а потомъ, когда я повторилъ мой вопросъ, началъ такъ горько плакать что я не зналъ какъ его утѣшить...

Кое-какъ уговорилъ я его потерпѣть еще, пока мы всѣ покровители его—консулъ нашъ, я самъ и нашъ изобрѣтательный Михалаки Канкеларио—что-нибудь для него придумаемъ. Сходилъ я потомъ нарочно въ городъ, купилъ ему шерстяной, самой яркой желтой съ малиновыми цвѣтами матеріи на новую куртку, отдалъ ему и велѣлъ тотчасъ же сшить. Онъ бросился цѣловать мою руку и какъ будто, на время забылъ свою тоску.

Но потомъ явились все новыя и новыя затрудненія. Меня посѣщали разные люди; всякаго рода христіане, Греки, Болгаре, Армяне; бывали иногда Евреи и Турки; изрѣдка и консулы дѣлали мнѣ визиты. Нельзя сказать чтобы посѣтителу эти бывали у меня часто; напротивъ того, они бывали очень рѣдко. Я тогда не управлялъ консульствомъ; не было нужды никому у меня часто бывать; но *есть* однако изрѣдка бывали. Всякій могъ придти. Съ тѣхъ же поръ какъ Яни сталъ ходить въ школу, кому было кромѣ Вѣлико отворять ворота когда раздавался стукъ желѣзнаго кольца?

Такъ и случилось раза три. Вѣлико вынужденъ былъ отворять. Я не былъ покоенъ и за него, и за „принципъ“ консульскихъ „принципій“.

Перестать посылать Яни въ школу? Нельзя. Зачѣмъ же приводить въ жертву его выгоды безопасности другаго?

Вѣлико я берегъ и жалѣлъ; онъ былъ такъ кротокъ, такъ беззащитенъ, представлялъ такое поразительное ювешеское сочетаніе душевнаго младенчества и тѣлеснаго мужества.

Вѣлико я берегъ и жалѣлъ; Яни я любилъ, я былъ почти обязанъ ему: онъ былъ такъ вѣренъ и такъ преданъ мнѣ. Я рѣшился войти поэтому въ новые расходы и нанять особаго человѣка нарочно чтобы только было кому раза три, четыре въ недѣлю отпирать калитку и показываться въ ней.

Мнѣ валили для этого Болгарина, старичка, низенькаго, болязливаго и очень бѣднаго, обремененнаго большою семьей. Звали его Христо.

Кажется можно было успокоиться! Вѣлико сталъ привыкать къ красивой темницѣ своей и сталъ меньше скучать;

такъ докладывали мнѣ и Яни, и старикъ Христо. Самъ онъ на мои вопросы отвѣчалъ все стыдась и красѣя:

— Теперь ничего. Теперь мнѣ хорошо, эффеиди мой.

Такъ мы примѣнились наконецъ поемному къ обстоятельствамъ и за Вѣлико я сталъ покойнѣе; но за то около этого же времени самъ я началъ тосковать нестерпимо. Все то что было для меня около года тому назадъ и даже еще не такъ давно источникомъ блаженства, стало теперь орудіемъ пытки. Мечтательное одиночество мое, живописный пестрый видъ изъ окна, безмолвные переулки и таинственные дома съ рѣшетками на окнахъ, крикъ муэззиновъ на круглыхъ балконахъ минаретовъ, разноцвѣтная одежды жителей, громкіе стоны голубя моего (я ихъ около этого именно времени сталъ впервые замѣчать), хозяйственный привѣтливый дымокъ изъ трубъ, огненные веззеля изъ вислячихъ плошекъ Байрама на страшномъ мракѣ зимней ночи,—все это начинало раздражать и томить меня до истинной муки. Посреди всего того что мнѣ такъ нравилось, я скитался какъ сказочный принцъ, залетѣтый на вѣки въ волшебномъ саду, безъ отвѣта и любви!

Созерцать и вѣчно созерцать, ожидать и томиться чѣмъ-то и о комъ-то безъ конца, это невозможно! Это нестерпимая пытка!..

Одважды я не могъ заснуть всю ночь и почти до разсвѣта провелъ на галереѣ, то сидя у открытаго окна, то лежа на диванѣ. Ночь была темна и я различалъ только небо и городъ; небо было немного свѣтлѣе; городъ чернѣе неба. О, что за мучительная была эта ночь!

Какъ плѣли плѣтухи въ эту ужасную, въ эту темную ночь! какъ они плѣли! какъ они мучительно плѣли! Я думалъ о множествѣ женскихъ молодыхъ сердець, которыя, казалось мнѣ, бьются счастьемъ и тоской подъ столькими кровлями этого чужаго города чернѣвшаго такъ широко у ногъ моихъ. Я думалъ о „жарѣ моей души истраченномъ въ лустыиѣ“. Я былъ бы счастливъ здѣсь одною дружбой въ этой живописной лустыиѣ сердца, я былъ бы счастливъ даже кокетствомъ однимъ. Мнѣ нужно сердце, нужно чувство, а не плоть.

Я заснулъ на разсвѣтѣ и когда проснулся солнце опять освѣщало весь городъ и узорный дворикъ мой, и дикій съ бѣлыми розами лотокъ моей гостиной. На персиковомъ деревѣ въ углу подъ окномъ около глухой и высокой стѣны опять кричалъ, ворковалъ и стоналъ мой мучитель—египет-

скій свѣтлый голубокъ, напрасно призывая меня къ жизни сердца, къ сладкимъ и восторженнымъ мукамъ взаимной любви.

Когда я вспоминаю эти дни безплоднаго и вестерпимаго томленія, я радъ иногда что я уже не молодъ и что теперь мои мученія совсѣмъ иного рода. Они гораздо слабѣе уже потому что я давно привыкъ страдать и потому что скорбь считаю теперь настоящимъ назначеніемъ человѣка на землѣ. Тогда я считалъ ее обидой и неправдой. Я вѣрнулъ тогда въ *какія-то мои права* на блаженство земное и на *высокія идеальныя радости* жизни!

Мнѣ было тяжело еще и оттого что даже и подѣлаться чувствами моими было не съ кѣмъ.

Богатыревъ тоже скучалъ. Дѣла по службѣ его шли прекрасно. Основанная на русскія деньги болгарская школа начинала процвѣтать; греческій митрополитъ свосился, подъ вліяніемъ Богатырева, съ валивскимъ консуломъ и съ мѣстными старшинами изъ Болгаръ и Грековъ для общей борьбы противъ католицизма. Уніаты-Болгаре дѣлыми сотнями возвращались въ лоно церкви и приходили просить прощенія и разрѣшенія у греческаго владыки. Вліяніе англійскаго консула Виллартона въ самомъ ковакѣ наши падало такъ низко что Виллартонъ приходилъ почти въ отчаяніе и безпрестанно бѣгалъ къ Богатыреву стараясь его всячески задобрить. Но Богатыревъ былъ равнодушенъ ко всему и, управляя чужими интересами и слабостями привычною и ловкою рукою, почти шута, былъ въ сердцѣ занятъ совсѣмъ инымъ. Онъ возвратился въ Адрианополь женихомъ и жилъ, скучая, отъ почты до почты. Невѣста его была очень молода, красива, благовоспитава и богата. Она была влюблена въ него и съ позволенія матери писала ему длинныя письма, читая которыя онъ блаженствовалъ. Свадьба по какимъ-то разчетамъ родителей была отложена на полгода. Вотъ почему Богатыревъ былъ не веселъ и жилъ только надеждой, какъ я сказалъ, отъ почты до почты.

Съ кѣмъ же говорить, съ кѣмъ подѣлаться моею сладкою и ядовитою скорбью?

Разъ мы стояли на моей галерей съ Михалаки Канкеларіо и смотрѣли на знакомый предестный видъ. Михалаки Канкеларіо былъ человѣкъ очень злой и очень умный,

очень вѣрный *намъ* (Русскимъ) и очень *любъ* (Ладдеву) противный... Въ семьѣ своей почти злодѣй; въ политическомъ дѣлѣ никѣмъ незамѣнимый другъ и помощникъ. Около года я видался съ нимъ почти каждый день и цѣлый годъ подъ рядъ я то ненавидѣлъ его всѣмъ сердцемъ, то восхищался имъ.

Мы стояли и смотрѣли оба молча. Михалаки Канкеларио сказалъ наконецъ:

— Какъ это красиво, не правда ли?

А я отвѣчалъ ему вздыхая:

— Да! только красиво!

— Что такое? спросилъ онъ, стараясь угадать мою мысль,— что такое? Вѣрно для васъ вся эта прекрасная картина отравлена мыслью *что это Турція?* что христіанство подъ игомъ?

Я поколебался. Положеніе мое въ городѣ, какъ Русскаго, заставляло меня быть осторожнымъ; я опасался оскорбить политическое чувство этого человѣка столь важнаго намъ, столь незамѣнимаго даже. Поколебавшись не долго я однако рѣшился немного раздосадовать его и сказалъ откровенно:

— О, вѣтъ! Я не думалъ теперь ни о Турціи, ни о рабствѣ; я думалъ вовсе о другомъ... По вашему быть-можетъ—пустомъ и легкомысленномъ. Видѣ восхитительный конечно; но фантазія людей, особенно фантазія христіанъ здѣсь такъ безжизненна и жизнь сердца невыразимо скучна.

Михалаки обернулся ко мнѣ вдругъ лицомъ и поглядѣлъ на меня молча и внимательно. Хитрые, злые глаза его стали веселѣе; онъ долго улыбался. Онъ не оскорбился, онъ былъ чему-то радъ.

— Романы? Вы любите романы. Э! что дѣлать! Мы, правда, дочерямъ своимъ и женамъ романовъ не даемъ читать... Мы рвемъ такія книги когда находимъ ихъ. Но...

Онъ еще разъ приостановился, все улыбаясь и все сіяя какою-то адскою веселостью, все глядя на меня, какъ бы желая проникнуть взглядомъ своимъ до глубины моего сердца, и наконецъ сказалъ по-французски, значительно качая головой: — *Serendant... il nous arrive, il nous arrive quelque chose...* И здѣсь *бывають дѣла*. Надо только знать *гдѣ что найти* (прибавилъ онъ таинственно).

И опять коварный человѣкъ умолкъ на мгновеніе, все не сводя съ меня глазъ... Онъ будто собирался съ силами готовясь открыть мнѣ тайну величайшей важности. (Онъ умеръ

теперь этотъ Михалаки Канкеларіо, но въ моей душѣ живутъ и до сихъ поръ эти сверкающіе лучи его провозительныхъ глазъ! Что это были за глаза, ядовитые, упорные!)

Я подозрѣвалъ однако что онъ при всемъ своемъ умѣ, по грубости сердца и по нищенству фантазіи, вовсе не позволялъ мнѣ и говорить не о томъ о чемъ я думалъ, не о любви „мучительной и сладкой“, а о какомъ-нибудь тайномъ, грубомъ и купечески разчетливомъ развратѣ. Я не могъ сказать ему прямо то что думалъ: „Вы ошибаетесь. Я не о томъ говорю что вы малпримѣръ, жеватый и пожилой и вовсе некрасивый человекъ, соблюдая для вида нѣкоторые посты и посѣщая нерѣдко храмъ Божій, почти каждыя два-три года выдаете замужъ съ приданнымъ молодыхъ беременных служакокъ... И всемъ извѣстно что вы чахоточную смиренную жену вашу, которая едва ходитъ по комнатамъ, драли за косы еще недавно...“ Связанный разчетами службы я не могъ ему этого сказать. Я отвѣчалъ короче:

— Вы ошибаетесь. Вы, конечно, говорите о какомъ-нибудь тайномъ растлѣніи, я же говорю о романтической любви, которая искренностью своей можетъ облагородить многіе проступки...

Михалаки Канкеларіо разсмѣялся и сказалъ гораздо добродушнѣе и даже со вздохомъ:

— Нѣтъ. Я позволяю васъ... И повторяю... Бываетъ и это... Бываетъ и любовь... Бываетъ, увѣряю васъ.

И еще разъ многозначительно улыбувшись неавистый переводчикъ ушелъ, а я остался у окна одинъ, все скучая, все тоскуя!

XI.

Прошло еще недѣли двѣ. Я почти утратилъ всѣ простые и пріятныя ощущенія жизни. Сонъ былъ тревожный; голодъ слабѣе; лѣтчики для меня уже не лѣли; вѣтерокъ прохладный не освѣжалъ меня. А если случайно я видѣлъ или слышалъ что-нибудь хорошее, если невольное впечатлѣніе пробуждалось во мнѣ на мигъ и неожиданно, — то становилось еще больнѣе. Зачѣмъ я не чувствую такъ спянно какъ слѣдовало бы чувствовать? Зачѣмъ я не радуюсь тому что должно бы меня радовать...

Я дошелъ наконецъ до того шагъ за шагомъ что задумалъ одно очень худое и постыдное дѣло; я обратилъ вниманіе на

одну молодую дѣвушку Болгарку пятнадцати лѣтъ... Я хотѣлъ... не то чтобъ обольстить... не то чтобъ обмануть ее какъ-нибудь... О! нѣтъ. Избави Боже! На это я былъ вовсе не способенъ; нѣтъ! до этого никакія муки и страдавія не могли бы меня довести. Я никогда не понималъ чтобы скупка или какое бы то ни было страданіе могли бы довести человѣка до низкой жестокости и до гадкаго преступленія; мои намѣренія хотя были и безнравственны, но не до такой презрѣнной степени. Она мнѣ понравилась и я деньгами, подарками и ласками хотѣлъ привязать ее къ себѣ, обезлечить ее и жить съ ней въ любовной связи, какъ живутъ многіе и долго, стараясь ее не обидѣть. Я кажется сказалъ уже что, къ сожалѣнію, воспитаніе мое не было *дѣйствительно христіанскимъ*. Какъ я избавился и отъ этого грѣха и проступка,—я скажу послѣ... Въ такія минуты трудъ самый нелюбимый и общество людей самыхъ непріятныхъ—лучшее средство забыть на время убійственное уныніе сердечной пустоты...

На мое счастье явился новыя дѣла. Консуль поручилъ мнѣ собрать свѣдѣнія о цѣнахъ сыѣстныхъ и тому подобныхъ припасовъ на Адрианопольскомъ рынкѣ для отсылки этихъ свѣдѣній въ департаментъ торговли и мануфактуръ. Я прямо изъ канцеляріи пошелъ въ контору нашего Кавкеларіо чтобы сообщить ему о желаніи консула. Контора Михалаки, вмѣстѣ съ конторами другихъ негодіантовъ (католиковъ мѣстныхъ и Грековъ) помѣщалась въ большомъ каменномъ зданіи, которое звали „ханомъ“. Вѣроятно встарину здѣсь былъ богатый караванъ сарай. Всѣ двери и окна конторы въ этомъ большомъ, темномъ и довольно величавомъ зданіи были обращены на просторный, мощный дворъ. Контора Кавкеларіо была въ верхнемъ этажѣ, кругомъ котораго шла галерея. Я вошелъ на дворъ. Изъ-подъ темныхъ воротъ взглянулъ случайно на верхъ въ ту сторону... Взглянулъ и вздрогнулъ... На галереѣ, у дверей Михалаки, разговаривая съ нимъ, стоялъ Антоіади. Я до того обрадовался, до того смутился, до того испугался вмѣстѣ съ тѣмъ что онъ вѣроятно *одинъ* и пріѣхалъ сюда на самое короткое время по какому-нибудь коммерческому дѣлу что у меня какъ-то слабѣли ноги.

Я долженъ былъ сдѣлать надъ собой большое усиліе чтобы никто ничего не могъ замѣтить и, слава Богу, очень скоро справился съ этимъ неумѣстнымъ и досаднымъ волненіемъ.

Къ счастью я, по мѣрѣ того, какъ всходилъ на лѣстницу, настолько овладевъ собою и одумавъ что безъ труда выдержался и отъ другой крайности—отъ неестественной и немужской въ подобномъ случаѣ сухости... Мы встрѣтились просто и хорошо, какъ добрые знакомые и вернулись вмѣстѣ въ контору Михалаки. Антоіади возвратился, понятно, только для меня; съ Канкеларіо его дѣло было кончено.

Бесѣдовали мы съ г. Антоіади не долго. Я все ждалъ что онъ какъ англомакъ и человекъ все-таки довольно пошлый скажетъ: „время—деньги“. И самъ удивился что угадалъ такую мелкую подробность. *Онъ сказалъ это... Да! Онъ всталъ и съ улыбкой сказалъ, покачиваясь слегка съ носковъ на каблуки и съ каблуковъ опять впередъ (у него была такая привычка): „Однако время—деньги... Мнѣ пора разстаться съ вами!“* И мы простились. Но и эти десять минутъ меня переродили!

Вскорѣ послѣ него и я ушелъ, счастливый и бодрый. Я узналъ что *она* пріѣдетъ чрезъ двѣ недѣли и надолго, быть-можетъ навсегда... Антоіади переселялась во Фракію для торговли шаковыми коконами и пшеицей.

Онъ уже заводилъ справки о цѣнахъ квартиръ и отопленія.

Чего мнѣ было большаго желать? Чрезъ двѣ недѣли она въ самомъ дѣлѣ пріѣхала.

Антоіади еще до пріѣзда ея сдѣлалъ визиты, и Богатыреву, и мнѣ. Богатыревъ не слѣдилъ; но я тотчасъ заллатилъ ему визитъ и на этотъ разъ мы побесѣдовали побольше и лордадушѣе.

Все шло хорошо. И когда мы узнали что Маша уже здѣсь, то я упросилъ Богатырева поѣхать къ ней вмѣстѣ. Скрывать отъ Богатырева что я знакомъ съ Машей было бы неумѣстно и я не только не скрылъ этого, но даже разказалъ ему всю исторію константинопольскихъ визитовъ и изобразилъ ему всѣ отнѣски въ отношеніяхъ къ ней нашихъ посольскихъ дамъ и кавалеровъ. Уронить ее это не могло въ его глазахъ. Напротивъ. Хотя они ее бранили *тамъ*, хотя на нее наладали, но все-таки имѣли съ ней *общественныя* сношенія: *признавали* ее. Изъ адрианоупольскихъ дамъ ни *одну* бы *тамъ* въ этомъ смыслѣ не признали.

Итакъ, мы сѣли на коней и поѣхали. Рыжая лошадь Богатырева была виднѣе, крутивѣе и дороже моей, но у нея не было тѣхъ живыхъ и въ высшей степени пріятныхъ

аллюровъ которыми одаренъ былъ мой милый вороной проходецъ, восхищавшій всѣхъ и галоломъ, и „рахвагомъ“ своимъ! Къ тому же молодой консулъ гораздо хуже моего вѣдалъ верхомъ; онъ только въ Адрианополѣ сталъ учиться и былъ еще робокъ на сѣдлѣ; а я чувствовалъ себя на немъ совершенно свободнымъ.

Мы эффектно подскакали ко крыльцу того греческаго дома, гдѣ у родственниковъ своихъ остановившись супруги Автоіади временно, пока найдутъ себѣ хорошую квартиру.

Ни хозяйина этого жилища, ни Автоіади не было дома. Они были заняты съ утра по торговлѣ. Насъ встрѣтила хозяйка, старая Гречанка; худая, немного горбатая, очень опрятная съ виду и очень ядовитая женщина, про которую самъ мужъ, плохо, но очень смѣло говорившій по-французски, отзывался съ ужасомъ: „Ah! ma femme! ma femme! c'est un mauvais sujet... Elle est très méchante, très mauvais sujet.“

Богатыревъ сухо поздоровавшись съ нею, послѣдшій заявить съ самымъ серьезнымъ и официальнымъ видомъ что мы желаемъ видѣть мадамъ Автоіади и пріѣхали имейно для нея. Богатыревъ по-гречески зналъ очень мало, и я служилъ ему переводчикомъ.

— Знаю, очень хорошо знаю это! не безъ значительности сказала старуха.—Госпожа Автоіади сейчасъ придетъ.

Маша въ самомъ дѣлѣ не заставила насъ долго ждать; она пришла и я представилъ ей Богатырева. Мнѣ очень хотѣлось чтобы Богатыревъ потомъ похвалилъ ее, или по крайней мѣрѣ чтобы онъ хотя бы *молча*, не сообщая мнѣ ничего, въ сердцѣ своемъ одобрилъ бы ее. Здѣсь, въ Адрианополѣ, въ этой средѣ, имѣвшей для меня лишь *объективное* значеніе, она мнѣ показалась вдругъ совсѣмъ *моею*. Какъ моею? Какъ бы то ни было, но *моею*, близкою душой; душою, которой самолюбіе—мое самолюбіе, которой успѣхъ—мой успѣхъ, и неудача—моя неудача... Сестрою, другомъ, дочерью, матерью, женою, любовницей, русскою знакомой на чужбинѣ. Словомъ *моею*.

Богатыревъ былъ очень уважителенъ, любезенъ и веселъ. И онъ давно уже не говорилъ съ женщиной, имѣвшей *извѣстнаго* рода понятія и привычки; и ему видимо стало вдругъ легче.

Маша сумѣла очень хорошо удовлетворить насъ обоимъ; она была одинаково къ намъ обоимъ любезна и разговоръ ея на этотъ разъ былъ очень занимателенъ.

— Съ вами, сказала она мнѣ, крѣпко и долго пожимая мнѣ руку,—мы ужь старые знакомые.

И потомъ съ нѣскольکو преувеличеннымъ энтузіазмомъ поднимая глаза къ небу, прибавила:

— А! вы не знаете до чего я люблю Русскихъ и все русское!.. И какъ я рада... встрѣтить здѣсь русскихъ людей...

Богатыревъ, вставивъ въ глазъ свой монокль, отвѣчалъ на это небольшимъ поклономъ и сказалъ:

— Да, здѣсь скучно иногда... Это правда...

Потомъ они начали говорить о посольствѣ нашемъ и Маша чрезвычайно хвалила нашихъ дамъ: „Какъ онѣ любезны, просты, какъ умны.“ (Она и не подозрѣвала... бѣдная, что въ исторіи *ея визитовъ* онѣ были и не любезны и не просты, а развѣ только не гаулы въ томъ отношеніи что меня послушались и отдали ей визиты.)

Богатыревъ поддерживая разговоръ и хвалилъ, и порицалъ, и разказывалъ кой-что про этихъ же самыхъ дамъ.

Я слушалъ и почти не вмѣшивался въ ихъ оживленный разговоръ и изъ вѣжливости глубоко страдая и принуждая себя разспрашивалъ что-то по-гречески у ядовитой хозяйки. Но наконецъ усилія эти истощили меня и я сказавъ себѣ мысленно: „довольно!“ и точно вырвавшись на свѣжій воздухъ, отвернулся отъ нея и спросилъ у Маши:

— Какъ же вы совершили ваше путешествіе по Эракіи? Вотъ это любопытство...

— А! мое путешествіе? сказала Маша весело.—Лучше чѣмъ я ожидала... Эти фуры какъ ихъ зовутъ здѣсь... кажется *брошсовъ*?.. Онѣ покойны... Мы съ моею горничной все время лежали тамъ.

Потомъ, помолчавъ немного, Маша прибавила:

— Я часто васъ вспоминала дорогой... Особенно въ одномъ греческомъ домѣ гдѣ мнѣ пришлось ночевать.

— Почему жь это вы меня такъ часто вспоминали? спросилъ я съ любопытствомъ. (Я почувствовалъ въ ту же минуту что сильно краснѣю; но замѣтивъ что Богатыревъ на меня не глядитъ, а она напротивъ *видитъ* и *понимаетъ* до чего сильно ея слова на меня подѣйствовали, я остался доволенъ этимъ невольнo-облаченнымъ волненіемъ самолюбія. Маша едва замѣтно, самымъ быстрымъ и только, мнѣ прямо заинтересованному, уловимымъ выраженіемъ лица дала какъ будто почувствовать что она *видитъ* и *поняла*. Какая-

то тѣмъ удовольствію, какое-то подобіе улыбки. Чуть замѣтная искра въ глазахъ. Я не знаю что такое, не умѣю описать.)

— Почему я васъ вслонила? Развѣ вы забыли нашъ разговоръ въ Буюкъ-Дере? „La couleur locale“ которую вы такъ любите.

И она разказала прежде о грязныхъ ханахъ которые однако занимали ее своею оригинальностью. Потомъ о ночлегѣ и вечерѣ проведенномъ ею въ городкѣ Баба-Эски у одного богатаго Грека, русскаго подданнаго, котораго мы оба съ Богатыревымъ знали хорошо и сами не разъ вочевали у него проѣздомъ.

Разказъ ея былъ очень живъ и милъ. Она хвалила чистоту и порядокъ этого дома; „на этомъ ночлегѣ она *пошла меня лучше презнанаго.*“

— Это въ самомъ дѣлѣ хорошо; сказала она.

Ей понравилась этотъ большой двухъэтажный домъ выкрашенный темно-синею краскою съ бѣлыми цвѣтами и разводами вокругъ оконъ и дверей; понравилась необыкновенно чистые, некрашенные полы просторныхъ комнатъ; большія мѣдныя *мангалы*; * простые, широкіе, покойныя диваны сплошь вокругъ комнатъ. Въ главной пріемной диванъ былъ красный, шерстяной ворсъ все летельками, сотканный дочерью хозяина, молодыми дѣвушками одѣтыми по мѣстному съ лунцовыми толстыми шерстяными фартуками; въ другой большой комнатѣ, тамъ гдѣ вочевала madame Антоианди, диванъ также былъ домашней работы, весь изъ шестиугольничковъ разноцвѣтнаго ситца.

— Какъ хорошо они подобраны—эти кусочки, съ какимъ вкусомъ, говорила Маша и потомъ спросила:

— Я только не могу понять на что это у нихъ на стѣнѣ виситъ что-то плетеное изъ соломы и даже колосья пшеницы оставлены какъ бахрама съ одной стороны?

Богатыревъ не помнилъ этого украшенія, а я помнилъ его, но то же не могъ объяснить его значенія.

— Вы подѣвились спросить у самихъ хозяевъ, сказалъ я ей.—Я васъ понимаю. И я всегда этимъ грѣшу во время путешествія. Наблюдаю только то что само напрашивается на вниманіе. Со стыдомъ я долженъ сознаться что я система-

* Жаровки для согрѣванія комнатъ.

тически и терпѣливо изучать страну могу только по долгу службы; тогда я дѣлаю это охотно; а для себя все спрашивать, записывать, всего доискиваться какъ дѣлаютъ европейскіе туристы и нѣкоторые наши ученые—я не умѣю. Лѣны!

Богатыревъ прибавилъ къ этому:

— А я еще хуже васъ. Я не только не спрашиваю когда дѣло не касается службы, но просто не обращаю вниманія... и вижу гораздо меньше васъ. Вы по крайней мѣрѣ любите все то что видите здѣсь, а я даже и не люблю. Вотъ хоть бы эти классическіе диваны вокругъ стѣнъ; они локоины, конечно, но въ нихъ есть большое неудобство.

— Какое? спросила Маша.

Богатыревъ, улыбаясь лукаво, отвѣчалъ:

— Съ вами невозможны въ обществѣ никакіе tête à tête. Разговоръ долженъ быть непремѣнно общимъ... если нѣтъ особыхъ креселъ и разныхъ *уголковъ*. Здѣсь женщинамъ слыхкомъ не довѣряютъ чтобы допустить такіе уголки...

— Можно соединить, я думаю, и то, и другое: и диваны и эти уголки. Я на своей квартирѣ постараюсь такъ сдѣлать, сказала madame Антоніади.

Такъ она, разнообразя бесѣду, „заинтересовала“ насъ и въ самомъ дѣлѣ „замыла“! Богатыревъ и не замѣтилъ какъ просидѣлъ у нея около двухъ часовъ, и собрался ѣхать, видимо, не съясь охотно.

Прощаясь съ нами, madame Антоніади сказала намъ что надѣется обоихъ насъ видѣть у себя часто. Мы поблагодарили, обѣщали, сѣли на нашихъ лошадей и уѣхали.

Домой мы прямо не поѣхали. Въ тотъ день была прелестная зимняя погода: было прохладно, свѣтло, дулъ легкій вѣтерокъ; мелкая травка кое-гдѣ зелѣла.

Богатыревъ предложилъ мнѣ прокатиться за городъ, и мы весело поскакали по берегу Тунджи въ ту самую сторону, откуда лѣтъ сорокъ тому назадъ пришла побѣдоносная войска Дибича.

Мы долго ѣхали рядомъ по сухой и гладкой дорогѣ. Въ воздухѣ было что-то ободряющее... хотѣлось какой-то веселой битвы, чего-то не то лихаго, не то задумчиваго и музыкальнаго. Я былъ невыразимо счастливъ и молча думалъ о томъ—какимъ раемъ земнымъ *при ней* будетъ теперь Адрианополи.

Я съ особою любовью смотрѣлъ въ этотъ разъ на встрѣ-

чающіеся намъ длинныя болгарскіе обозы. Мы вѣрились всегда эти тяжелыя арбы, медаемно влекомыя могучими, тихими буйволами; усатые, худые и крѣпкіе хозяева въ синихъ чамахахъ и бараньихъ шапкахъ; ихъ дочери и жены, открытыя чистыми бѣлыми платочками въ темно-синихъ одеждахъ съ бѣловатыми или блѣдно-розовыми (какъ мыъ казалось) мелкими отдѣлками на юлкахъ. Все это было такъ здорово, свѣжо, все это имѣло на себѣ печать такого эпически-мошняго однообразія что нельзя было не любоваться на подобную картину въ одно и то же время и родственную намъ, Русскимъ, и совсѣмъ для насъ новую.

Любовался я всегда, но теперь я предвидѣлъ, я *зналъ* что мыъ будетъ съ кѣмъ дѣлаться мыслями и чувствами. Ни Богатыревъ, ни люди, подобныя Чобанъ-Оглу и Михалаки, цѣнить по моему этимъ картинамъ не умѣли. Для Богатырева, и эта была такая же „скука“ какъ и общество по-европейски-одѣтыхъ старшинъ необходимыхъ намъ для политики; для самихъ же этихъ старшинъ быть простыми Болгаръ и Грековъ (изъ среды которыхъ они сами вышли) былъ только „полезною для политическихъ цѣлей наивностью“ и больше ничего. Богатыревъ проходил мимо всего подобнаго съ равнодушіемъ и презрѣніемъ; старшины смотрѣли на всю эту гомерическую левзію съ гаулою улыбкой цивилизованнаго свисхожденія и развѣ-развѣ съ ощущеніемъ привычной съ дѣтства теллоты.

Иначе цѣнилъ все это я тогда; я съ восторгомъ во всемъ мѣстномъ, окружающемъ меня прозрѣвалъ залюги нездорвѣшей, неразвитой еще греко-славянской самобытной культуры, полной силы, величія, красоты и страшной угрозы для запада, виславшаго до обыкновеннаго мѣщанскаго либерализма, до культа „машинъ“, до господства газетъ и адвокатовъ, до *спортюка* и *кени*, до калкана, ненавистныхъ табльд'отовъ и шансоетки...

Я надѣялся обо всемъ этомъ говорить *теперь* съ нею и вѣхалъ долго молча въ тихомъ улоеміи.

Богатыревъ то же очень долго не говорилъ ни слова; вѣроятно онъ думалъ о шестнадцатилѣтней невѣстѣ своей.

Накопецъ мы повернули коней домой.

— Пора обѣдать, воскликнулъ консулъ и, подумавъ еще немного, сказалъ мыъ особенно густымъ басомъ и какъ-то мрачно:

— Однако ваша одесская Марья Спиридоновна не дура... Только у нея язычокъ все „между зубами“.

— Вы этого не любите? спросилъ я.

• — Чтò жь тутъ хорошаго? отвѣчалъ Богатыревъ.—Вы, кажется, ужь „втрескались“ въ нее сразу; вотъ вамъ все и нравится.

Несмотря на этотъ неблагоприятный отзывъ и на грубоватый тонъ, съ которымъ Богатыревъ отозвался о Машѣ Автоіади, я бы не повѣрилъ ему при другихъ обстоятельствахъ. Я принялъ бы эту выходку его за хитрость, и считалъ бы его очень опаснымъ соперникомъ еслибъ у меня была тогда какія-нибудь, я не говорю непременно порочныя цѣли, но и просто опредѣленныя цѣли. Богатыревъ былъ молодъ, моложе меня; красивъ, мужественъ, ростомъ очень высокъ, одѣвался изящно и со вкусомъ. Борода у него была темнорусая, густая, глаза какіе-то *кунеческіе*, темные и хитрые; баць его былъ очень пріятель; держалъ себя онъ гордо; имѣлъ огромное вліяніе въ странѣ, былъ твердъ и лукавъ; серьезной образованности или начитанности у него было, положимъ, очень мало, но въ моихъ собственныхъ глазахъ этотъ недостатокъ не былъ недостаткомъ; мнѣ въ Петербургѣ ужь наскучили „влодавъ современные“ люди и мнѣ очень нравился этотъ богатый и надменный московскій „матюшкинъ сынокъ“ въ которомъ такъ хорошо и „національно“ сочеталась какая-то помѣщичья, сознательная и предвѣренная грубоватость съ самыми утонченными европейскими преданіями. Читалъ онъ, до знакомства со мною, это правда, очень мало и товарищи въ посольствѣ говорили про него со злостью (изъ зависти къ его успѣхамъ по службѣ): „онъ этой дурной привычки читать книжки не имѣетъ.“ Я уговорилъ его однако немного побольше читать чтобъ и въ этомъ не быть вовсе ужь хуже другихъ и заставлялъ его иногда надъ Гизо или Маколеемъ и онъ, вставляя въ глазъ монокуляръ, взглядывалъ на меня съ надменною улыбкой и говорилъ: „Слушаюсь васъ, слушаюсь, видите... читать началъ!“

И я замѣчалъ что онъ все прочтенное понималъ скоро и вѣрно, лучше многихъ, постоянно читающихъ.

Богатыревъ былъ бы ужаснымъ и нелюбимымъ соперникомъ еслибъ онъ не былъ такъ занятъ въ это время невѣстой. Онъ всѣ досуги свои отъ службы употреблялъ на переписку съ нею и ея матерью. По цѣлымъ часамъ разглядывалъ

ея портретъ и перечитывалъ по нѣскольку разъ ея французскія письма. „*Escoutez donc!*“ такъ начинала она одно изъ своихъ послѣднихъ писемъ. И Богатыревъ восхищался, смѣялся и повторялъ при мнѣ: „Какъ она пишетъ: *Escoutez donc!* Какая она милая и смѣшная!“

Я, конечно, думалъ про себя что тутъ нѣтъ ничего особеннаго и что „язычокъ на зубахъ“ гораздо обворожительнѣе чѣмъ это вступленіе: „*Escoutez donc!*“ но молчалъ и очень радовался что Богатыревъ такъ увлекается другою.

Еслибъ онъ занялся Машей и сумѣлъ бы усилить какъ-нибудь своею чрезвычайною ловкостью бдительность мужа, то кто знаетъ что могло бы случиться!

Но при томъ настроеніи, въ которомъ тогда былъ мой молодой начальникъ, онъ былъ мнѣ очень полезенъ. Онъ могъ ходить *туда* вмѣстѣ со мной и занимать разговоромъ мужа.

Соображая все это, я и сказалъ ему тутъ же:

— Однако, согласитесь что домъ Автоіади будетъ большимъ для насъ здѣсь ресурсомъ?..

Богатыревъ въ отвѣтъ на это улыбнулся и замѣтилъ:

— Ну смотрите, батюшка...

— Что жь смотрите. Развѣ нельзя къ нимъ ходить? Она сама зоветъ насъ.

— Ходить можно, только осторожно! Я на самаго Автоіади сильно разчитываю *pour les affaires du pays*... Надо мирить теперь Грековъ съ Болгарами чтобы западные товарищи наши не ударили рыбу въ мутной водѣ. Автоіади человѣкъ видимо умѣренный и въ мѣстныхъ интриги и страсти еще не запутанный. Понимаете? *Ходить* не только можно, даже должно. Виллартовъ (такъ звали англійскаго консула) уже началъ ухаживать за нимъ... Нашъ Михалаки все это провѣдалъ и донесъ мнѣ сегодня... Виллартовъ началъ что-то опять бѣгать по кулеческимъ котворамъ, у самого Автоіади былъ два раза и угощалъ его ужь обѣдомъ... *Soyez vigilants, mon cher!* А если вы увлечетесь слишкомъ вашею Марьей Спирidonовною, вы вооружите его противъ себя и лишитесь, на случай моего скорого отъѣзда, хорошаго и вліятельнаго союзника... Распря между Греками и Болгарами здѣсь, слава Богу, не такъ ужь сильна какъ въ Филадельфій, гдѣ самъ русскій консулъ изъ Болгаръ и его, несмотря на всѣ мои старанія, почему-то не хотятъ удалитъ

оттуда... Поэтому мы не должны портить нашего здѣсь личнаго положенія...

— Я все это, кажется, понимаю и самъ, отвѣчалъ я немного раздражительно. Но отъ удовольствія бесѣдовать съ порядочною женщиной, которая говоритъ по-русски, и даже русскихъ поговѣвъ читаетъ, до увлеченій любви и до промаховъ по службѣ еще очень далеко...

— Знаемъ мы эти „чтенія“ русскихъ поговѣвъ! Мнѣ, впрочемъ, вѣдь все равно; я для вашей пользы... Поскачите лучше опять; пора намъ домой. А бывать можно, конечно. Мы опять, если хотите, вмѣстѣ пойдемъ къ нимъ. Я на него даже имѣю особые виды!

Тѣмъ кончился разговоръ нашъ въ этотъ день съ Богатыревымъ.

ХП.

Совѣты Богатырева быть поосторожнѣе возбуждали во мнѣ досаду потому именно что я и безъ него намѣренъ былъ не позволять себѣ ничего лишняго.

— Зачѣмъ учить меня тому что я самъ знаю не хуже его? Онъ очень лукавъ и я готовъ подозрѣвать его во всякой хитрости... Посмотримъ еще какъ онъ самъ будетъ вести себя!.. Развѣ мало людей, которые позволяютъ себѣ развлеченія въ ожиданіи отложенной надолго свадьбы, даже и съ дѣвушкой любимой до нѣкоторой степени?.. Я буду слѣдить за нимъ... И уступать ему ни шагу не намѣренъ! Другое дѣло чтить права мужа; другое дѣло уступать его претензіямъ.

Но подозрѣнія мои оказались напрасными; Богатыревъ дѣйствительно думалъ больше о томъ чтобы расположить мужа къ русской политикѣ чѣмъ о томъ какъ-бы понравиться женѣ. Послѣ перваго нашего визита супругамъ Автоіади, онъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца ни разу у нихъ въ домѣ не былъ; но вмѣстѣ съ Канкеларіо былъ у Автоіади въ конторѣ раза два и Автоіади одинъ разъ у него завтракалъ.

Я на этомъ завтракѣ не присутствовалъ и не знаю о чемъ они говорили; но Богатыревъ остался доволенъ хіосскимъ торговцемъ.

— Автоіади очень порядочный человѣкъ, сказалъ онъ мнѣ потомъ.—Онъ своею порядочностью больше похожъ на

Фанариота чѣмъ на этихъ провинціальныхъ Грековъ. Я даже замѣтилъ что онъ должно-быть каждый день мѣняется бѣлье...—Вы замѣтили?..

— Да, замѣтилъ, отвѣчалъ я:—онъ всегда хорошо одѣтъ и кажется даже *самъ* кладетъ въ свои вещи... Хорошо пахнетъ отъ него...

Богатыревъ засмѣялся и, послѣшшо вставивъ въ глазъ монокль чтобы лучше меня видѣть, воскликнулъ:

— А! Ну ужъ это повѣрьте, *она!*.. Она сама кладетъ ему *самъ!* Марья Спиридоновна! Повѣрьте что она... гдѣ бы ему!

— Вѣрю, вѣрю! сказалъ я весело.—Что-жь за бѣда?.. Пусть кладетъ!

Я не только не досадовалъ на Богатырева за подобныя шутки; я почти наслаждался ими: при невозможности часто видѣться съ Машей для меня было истинною радостью слышать ея имя и имѣть самому возможность упомянуть о ней въ безвредной и случайной, не мною даже вызванной, бесѣдѣ.

Этотъ первый мѣсяцъ мы видѣлись съ ней всего три раза, и первые два раза почти мелькомъ. Она была все это время очень занята: дѣлала визиты женамъ консуловъ и разнымъ Адрианопольскимъ „коконамъ“ въ платочкахъ и локхихъ шляпкахъ, въ родѣ гжи Чобанъ-оглу или той язвительной родственницы мужа у которой они остановились по прїездѣ своемъ. Ихъ было такъ много! Коконъ Евгенко, коконъ Катинко, коконъ Локсандра, коконъ Клеопатра.... Все скучныя, завистливыя, крикливыя, однообразныя, церемонныя супруги торговцевъ, медиковъ, консульскихъ драгомановъ и вообще членовъ той христіанской „интеллигенціи“ которая первенствуетъ въ коммерческихъ дѣлахъ турецкихъ городовъ, дѣлательно править мѣстною политикою въ спокойное время и почти вся куда-то скрывается когда событія принимаютъ болѣе грозный и хотя сколько нибудь опасный для жизни характеръ... Я понималъ какъ все это было несносно и тяжело для бѣдной madame Антоніади; я зналъ по опыту какой это подвигъ, какое это несносное общественное тяго — бесѣда этихъ дамъ!.. Кончила она визиты,—сами дамы эти съ мужьями какъ потокъ похились къ ней обратно!.. Ихъ надо было ждать, имъ надо было улыбаться, ихъ необходимо было задобривать для пользы мужниныхъ сношеній...

Антоніади самъ, встрѣтившись со мной на улицѣ, сказалъ мнѣ:— Жена моя очень устала. И прибавивъ съ

небольшою чуть замѣтною гримасою досады:—Эти визиты!.. Вы знаете!..

О „людяхъ“ онъ не позволилъ себѣ ничего сказать.

Обремененная этими лосѣщеніями и безпокойствомъ о томъ какъ бы не оскорбить кого-нибудь и не создать мужу враговъ, мадамъ Автоміада была въ то же время до огорченія озабочена хлопотами о будущей квартирѣ своей. Съ мужемъ у нея по этому поводу были несогласія.

Я долго надѣялся что они поселятся неподалеку отъ насъ.

И моя квартира, и консульство были въ турецкомъ предмѣстіи *Кыикъ*, высококомъ, просторномъ и красивомъ, недалеко отъ восхитительной мечети Султана-Салима и отъ выхода за городъ къ старому турецкому кладбищу на краю высокаго обрыва, за которымъ рѣка Туаджа вилась по тучному лугу, гдѣ высались полуразрушенныя башни и шумѣли пышные, вѣковые вязы и толоаи Старого Серая.

Мы предпочитали чистый воздухъ этого живописнаго мусульманскаго предмѣстья; но Автоміада, хотя и жилъ долго въ Англіи и съ виду, какъ справедливо замѣтилъ Богатыревъ, напоминалъ благовоспитаннаго Фаваріота, былъ все-таки хіосскій Грекъ - купецъ и безъ своихъ Грековъ (и даже безъ Болгаръ торгующихъ) ему должно-быть было скучно. Ему нужно было быть поближе къ нимъ ежеминутно, и онъ нанялъ большой и довольно хорошій домъ въ самомъ тѣсномъ и людномъ мѣстѣ старой цитадели, въ Кастро, гдѣ гнѣздится православная „интеллигенція“ города, вмѣстѣ съ Евреями и Армянами, подалее отъ Турокъ и потѣснѣе. Напрасно жена просила его нанять домъ богатаго бей недалеко отъ насъ; домъ этотъ былъ ярко-голубаго цвѣта, на большомъ дворѣ, за рѣшеткой и ландшафтомъ, и на одномъ концѣ ландшафта былъ окнами на улицу построенъ очень милый кіоскъ съ разноцвѣтными стеклами. Можетъ-быть въ этомъ кіоскѣ бѣдная Маша хотѣла бы читать какую-нибудь увлекательную книгу въ ожиданіи что вотъ-вотъ раздастся стукъ колыть и выѣду я изъ-за угла на вороной моей лошаdkѣ, которая бѣжала такую красивою цвхоодью и съ такимъ возбуждающимъ звономъ подковъ по грубой мостовой,—выѣду я на вороной этой лошаdkѣ, въ круглой шалочкѣ на бекремъ и въ шубкѣ, лихо подтянутый ремнемъ, въ шубкѣ лисей, въ шубкѣ русской такой, въ шубкѣ такого же ярко-голубаго цвѣта какъ домъ этого бей съ кіоскомъ, или какъ июльское небо теллыхъ

стравъ. И выйду я, и подскачу къ кіоску со скромною лихостью, и прищелкну, пристукну чѣмъ-нибудь, чѣмъ придется, и остановлюсь и скажу: я въ русской шубкѣ, въ русской шапкѣ, въ турецкомъ кварталѣ, у кіоска турецкаго, скажу ей.... милый... Что я скажу ей? Что-нибудь самое простое сначала, приподнимаемая шапку: „La matinée est bien belle, n'est-ce pas“?

Но Антоиади сказалъ себѣ: „это невозможно! Дѣла мои требуютъ чтобъ я въ Кастро нанялъ квартиру“... И не только жена утѣждала его нанять небесный домъ безъ лестрымъ кіоскомъ; его уговаривали нанять домъ поближе къ намъ и французскій консулъ, и англійскій у котораго былъ тоже въ Каикѣ собственный домъ, и тотъ говорилъ ему „что здѣсь воздухъ лучше и мы всѣ (то-есть консульское общество) ближе“. Но упрямый и хладнокровный Антоиади никого не слушался. Раскачиваясь по привычкѣ слегка и чуть замѣтно съ каблуковъ на носки и опять назадъ, онъ гладилъ черныя бакенбарды свои большою и красивою рукою и отвѣчалъ на всѣ доводы почти одно и то же... Не знаю что онъ говорилъ дома жень... не вооружался ли онъ въ прозрачно-резиновомъ сердцѣ своемъ немощно и противъ той *белъ-ю* съ лестрымъ стекломъ, гдѣ восхитительная Маша могла мечтая возводиться къ небу хитрыя, глубокія и черныя очи свои и снова опускать ихъ долу, прислушиваясь къ топоту копытъ. Не знаю, не знаю что онъ ей говорилъ. Можетъ-быть онъ ей сказалъ: „не хочу чтобы ты была близко“... Нѣтъ, нѣтъ, не знаю что онъ могъ ей сказать. Но французскому консулу онъ отвѣчалъ при мнѣ очень вѣжливо, почтительно и твердо:

— Это невозможно. Дѣла мои требуютъ чтобъ я въ Кастро нанялъ квартиру.

— Здѣсь ближе ко всѣмъ намъ, возразила еще разъ жена французскаго консула.—Madame Антоиади женщина европейскаго воспитанія; она никогда не сойдется со здѣшными дамами. Ей будетъ скучно въ Кастро.

— Мы будемъ ходить сюда... она любитъ ходить лѣшкомъ... мы будемъ часто ходить сюда.

Французскій консулъ сказалъ тогда Машѣ:

— Что-жь мы будемъ дѣлать съ пословицей: „женщина хочетъ—Богъ хочетъ“?

— Эта пословица сдѣлана для всѣхъ кромѣ г. Антоиади, отвѣчала Маша съ такою явною и даже неумѣвкою досадою,

съ такимъ движеніемъ самаго дурнаго чувства что всѣмъ стало неловко. Всѣ замолчали и перемѣнили разговоръ.

Въ первый разъ я видѣлъ тогда что Антоніади смутился, покраснѣлъ и почти потерянно улыбулся. Мнѣ показалось въ этотъ день что они очень несчастны и почти ненавидятъ другъ друга.

Я не настолько былъ иззокъ чтобъ обрадоваться этому корыстною радостью. Напротивъ того, мнѣ стало вдругъ очень грустно глядя на нихъ. Эта „невыдержка“, эта безтактная и непріличная, хотя и минутная ссора съ мужемъ при людяхъ совершенно чужихъ и вовсе, быть можетъ, недоброжелательныхъ, возбудила во мнѣ какой-то стыдъ за нее и вмѣстѣ съ тѣмъ опять ту братскую жалость которая была мнѣ такъ знакома еще съ Вуюкъ-Дере.

Итакъ насчетъ выбора мѣстности Антоніади былъ непоколебимъ и снисходительность его къ женѣ выразилась только тѣмъ что онъ (какъ я узналъ отъ нея послѣ) ни словомъ, ни взглядомъ, ни намекомъ не упрекнулъ ее за ее немного грубую выходку въ домѣ французскаго консула, а напротивъ того объявилъ ей очень любезно что она можетъ искать домъ въ Кастро, не стѣсняясь въ цѣнѣ, не думая о расходахъ.

Мама нашла немного старшій, но удобный домъ въ одномъ особенно тихомъ переулкѣ. Онъ былъ снаружи бѣлаго цвѣта, съ какими-то турецкими изображеніями и надписями въ видѣ золотисто-желтыхъ круглыхъ щитовъ около оконъ и надъ воротами. Бѣлый цвѣтъ стѣнъ этого дома, который казался бы столь несноснымъ въ Аѳинахъ, Корфу или въ нашихъ новороссійскихъ городахъ, гдѣ всѣ почти дома бѣлые или желтые, здѣсь, въ этомъ Адрианопольскомъ Кастро, почти сплошь красноватомъ, кирпичномъ, розовомъ, темно-красновомъ, производилъ пріятное и веселое впечатлѣніе. Мама, у которой потребность тонкаго вкуса и тщеславіе были гораздо сильнѣе „экономіи“, очень обрадовалась позволенію мужа не думать о расходахъ и велѣла все подновить, выкрасить, починить, побѣлить снаружи; убрала внутри какъ можно милѣе и немного ветхій домъ сталъ красивъ и свѣжъ какъ „бомбоверка“. Снаружи не было и слѣдовъ осмыленной штукатурки; внутри стало тепло и лестро; рѣзные и цвѣтные деревянные потолки сіяли новыми красками. Вездѣ залахло духами и свѣжимъ тесомъ. На дворѣ, гдѣ прежде

посреди дикаго высокаго бурьяна было видно лишь нѣсколь-
ко кустовъ „Божьяго дерева“, теперь проводились дорож-
ки, и намѣчались клумбы въ ожиданіи весеннихъ цвѣтовъ.
Вотъ тутъ-то, недалеко отъ ея новаго жилища, мы съ ней
встрѣтились второй разъ случайно на улицѣ и остановившись
поговорили не больше двухъ минутъ; она была расположена
продолжать разговоръ и предложила идти вмѣстѣ, но я поз-
волилъ себѣ отказать и сказалъ ей такъ:

— Вы еще не знаете здѣшнихъ нравовъ. Еслибы мы
встрѣтились въ турецкомъ кварталѣ, то можно было бы вмѣ-
стѣ пройтись: Турки живутъ въ особомъ мірѣ и отношенія
ихъ къ женщинамъ до того не похожи на наши что они едва
ли могутъ и понять чтò у христіанъ прилично и чтò непри-
лично. Я думаю, имъ все кажется неприличнымъ. Мимо ту-
рекихъ домовъ я бы охотно прошелся съ вами. Но здѣсь,
въ центрѣ города, это невозможно. Здѣсь живутъ все Гре-
чанки, Армянки, Болгарки. Имъ скучно, въ жизни ихъ толь-
ко и есть что хозяйство и любопытство полное зложела-
тельства. Онѣ сами не умѣютъ ни говорить съ мужчинами,
ни чувствовать ничего идеальнаго и потому самую простую
вещь объясняютъ по-своему. Я сапшкомъ дорожу вами и
вашимъ обществомъ чтобы не беречь васъ... *Поймите!*

Я въ самомъ дѣлѣ былъ увѣренъ что эти пять минутъ, въ
которыя мы съ madame Антоніади простояли другъ предъ
другомъ на узкой улицѣ Адрианопольскаго кастро,* не прош-
ли для насъ совершенно безнаказанно. Я былъ убѣжденъ что
изъ окошекъ всѣхъ этихъ домовъ высокихъ и тѣсно постро-
енныхъ уже смотрятъ на насъ десятки женскихъ глазъ съ
болѣзненнымъ любопытствомъ, завистью и съ готовностью
даже на клевету.

Мама поблагодарила меня, *помала* и ушла поскорѣй въ
одну сторону, а я въ другую.

Третій разъ мы поговорили съ ней подольше и посво-
бодѣе.

Богатыревъ остался вѣремъ своему намѣренію ухаживать
за мужемъ, и мы вмѣстѣ выждавъ время пріѣхали къ нимъ
съ визитомъ въ праздникъ до обѣда, нарочно въ такой день
когда торговыя кавторы были залерты и Антоніади былъ
дома.

* *Кастро*—крѣпость, центръ города, населенный христіанскимъ
и еврейскимъ достаточнымъ, торговымъ классомъ.

Богатыревъ много говорилъ съ нимъ, а я съ ней; были и общіе разговоры.

Богатыревъ старался доказать мужу до чего Виллартовъ вреденъ здѣшнимъ христіанамъ.

— Онъ на все способенъ, говорилъ консулъ, съ нимъ надо соблюдать величайшую осторожность. Онъ цѣлый день живетъ въ конакѣ лаши, даже роняетъ этимъ свое достоинство; онъ фамильярно сходитъ со всѣми и потомъ готовъ довести Туркамъ на всякаго; онъ держался за Грековъ пока думалъ что всѣ болгарскіе старшины очень преданы Россіи, но какъ только стали лево обозначаться въ болгарской средѣ разныя партіи, онъ сталъ потворствовать уніатству, несмотря на то что онъ какъ протестантъ долженъ бороться здѣсь противъ римской пропаганды. И теперь онъ другъ всѣмъ тѣмъ Болгарамъ которые противъ Грековъ и противъ насъ...

Автоіади слушалъ его почтительно, но, казалось мнѣ, не совсѣмъ довѣрчиво, и даже возражалъ иногда съ большою осторожностью какъ будто бы онъ больше справлялся и получалъ чѣмъ возражалъ.

— А нельзя ли подумать (говорилъ онъ наприѣрѣ) что подъ этимъ г. Виллартовъ скрываетъ свою настоящую игру? Не таится ли тутъ еще что-то?

Богатыревъ, недовольный, красивъяз, лицо его дѣлалось мрачнымъ и надменнымъ, и онъ отвѣчалъ почти грубымъ тономъ:

— Я его знаю! Я это говорю... Ничего больше, кромѣ того что я знаю, не можете у него таиться. Виллартовъ дипломатъ ласхой и чувствъ своихъ скрыть не умѣетъ. Обманивать и быть шпіономъ у Турокъ, это еще не дипломатія.

Автоіади слѣдилъ повидимому уступить.

— О! я не слорю. Я политикой вообще мало занимаюсь, а потому я не компетентенъ въ подобныхъ дѣлахъ. Вы конечно, господивъ консулъ, посвящены во всѣ тайны и лучше можете судить чѣмъ я. Я только позволяю себѣ спросить.

Богатыревъ усложившись начиналъ опять объяснять ему какъ необходимо теперь, особенно при новомъ учрежденіи здѣсь вилаетовъ и при новыхъ лахахъ, крѣпко слотить христіанскую общину, не различая Болгаръ отъ Грековъ и всѣмъ православнымъ стать заодно противъ совокупнаго дѣйствія Виллартона и католическихъ консуловъ. Надо прекратить эти распри между Болгарами и Греками за церковь

въ предмѣстьѣ Керечь-Хане, гдѣ во время богослуженія еще на дняхъ одинъ Грекъ по имени Кааіасъ обнажилъ ножъ для устрашенія Болгаръ и т. д.

— C'est affreux! Какое поруганіе святыхъ! хладнокровно покачивая головой сокрушалася Автоиада.

А мы между тѣмъ съ нею въ другомъ углу комнаты говорили о другомъ. Мы говорили о „множествѣ міровъ“ и о „загробной жизни“.

Я взялъ случайно въ руки книгу Фламмаріона, которую Маша положила около себя на столикъ въ ту минуту когда мы вошли и, разсѣянно взглянувъ, раскрылъ ее на томъ мѣстѣ гдѣ она загнула уголъ. Это было на той страницѣ гдѣ описывались особаго рода люди вѣчно плавающие въ жидкой розовой атмосферѣ небеснаго тѣла.

Маша заглянула тоже въ книгу и сказала:

— Да, вы застали меня въ хорошую минуту... Я читала о людяхъ которые все должны видѣть въ розовомъ свѣтѣ.

— А есть еще тутъ и другіе люди у которыхъ всегда „ушки на макушкѣ“, замѣтилъ я и наломивъ ей о тѣхъ обитателяхъ иныхъ міровъ у которыхъ одно ухо на верху головы.

— Чтò значить „ушки на макушкѣ“? спросила съ удивленіемъ madame Автоиада.—Это вѣрно русская поговорка? Я ее не знаю... Чтò она значить? У Русскихъ такъ много хорошихъ поговорокъ... Онѣ мнѣ нравятся по цѣлостности даже и тогда когда я плохо понимаю ихъ.

— „Ушки на макушкѣ“ значить, сколько я понимаю, осторожность, отвѣтилъ я.

— Вотъ какъ! сказала Маша съ особою значительностью и потомъ продолжала серьезнымъ и почти печальнымъ тономъ:— Не знаю правъ ли этотъ Фламмаріонъ, хорошій ли онъ астрономъ или нѣтъ. Но мнѣ такъ пріятно думать что мы не одни на свѣтѣ и что на другихъ звѣздахъ можетъ быть жизнь счастливѣе нашей.

— Вѣдь вы сказали, перебилъ я,—что вы сегодня расположились видѣть все въ розовомъ свѣтѣ..

— Да, только эта книга наломиваетъ мнѣ очень тяжелые дни въ моей жизни. Когда я потеряла старшаго моего сына (это былъ мой первый ребенокъ), я долго не могла молиться и только все читала астрономическія книги...

Признаюсь, мнѣ показалось немного смѣшнымъ и неловкимъ это выраженіе „des livres d'astronomie“ (она очень

скоро переѣхала русскій языкъ на французскій, нарочно, мнѣ кажется, для мужа который по-русски зналъ очень мало и у котораго были, можетъ-быть, въ это время именно „ушки на макушкѣ“ и не оттого ли, кто знаетъ... онъ такъ сухо относился къ политическимъ вмушеніямъ Богатырева?). „Des livres d'astronomie“! „Не могла молиться“! А между тѣмъ она говоритъ о такомъ важномъ событіи въ жизни женщины, о такой святыи материнскаго сердца, какъ смерть любимаго сына и перваго ребенка! Я нашелъ эти слова безтактными; но счастье мое было въ томъ что я вовсе не идеализировалъ мадамъ Антониади... Она мнѣ нравилась такою какою она мнѣ представлялась, и всѣ маленькія слабости ея тщеславія, какъ свѣтскаго такъ и книжнаго, мнѣ казались привлекательными недостатками, безъ которыхъ она была бы хуже и скучнѣе.

Поэтому и эта мелочная „книжность“, въ которой самолюбіе мое прочло прежде всего желаніе и этимъ между прочимъ похвалиться мнѣ, не отвратила меня отъ нея, а только расположила поскорѣй переѣхать разговоръ. Я спросилъ:

— А ваша дочь?... Я ее не вижу. Гдѣ жь она?

— Моя дочь была не совсѣмъ здорова, она осталась у бабушки своей въ Константинополѣ, у родной тетки моего мужа... Но она скоро будетъ сюда съ гувернанткой... Я ихъ жду съ нетерпѣніемъ...

Потомъ, помолчавъ, Мама спросила меня по-русски и лотше:

— Прошу васъ, отвѣтите мнѣ откровенно на одинъ очень трудный вопросъ... Вы согласны?

— Постараюсь...

— Вѣрите ли вы въ будущую жизнь? Въ жизнь за гробомъ...

Я оставилъ ее въ недоумѣніи. Такого рѣшительнаго, такого громоснаго вопроса я не могъ никакъ предвидѣть!

Не говоря уже о неожиданности такого вопроса (и тѣмъ болѣе въ присутствіи двухъ дѣловыхъ людей, которые могли обоихъ насъ съ ней осмѣять, прислушавшись къ нашимъ словамъ). Я еще и потому не вдругъ собрался ей отвѣтить что самъ въ то время (какъ далеко оно телеры! Какъ оно чуждо мнѣ—это время!), я самъ еще не достигъ какъ именно и въ какомъ смыслѣ я вѣрю въ міръ невидимыхъ духовъ и въ загробную жизнь. Правда, въ Бога я вѣрилъ пламенно и разумомъ и сердцемъ: разумомъ я вѣрилъ прежде всего въ томъ смыслѣ

что не могъ понять какъ безсознательная природа могла бы безъ подаяго и высшаго сознанія сотворить великое и высшее наше личное сознаніе? Какимъ образомъ сѣплой творецъ-природа можетъ-быть выше познающаго эту природу—человѣка? Сердцемъ я тоже вѣровалъ; въ пылы минуты я молился; я обращалъ съ глубокимъ вздохомъ взгляды мои къ небу, къ распятію или къ родной иконѣ во дни горести слишкомъ сильной или въ часы радости везельной и живой, или въ минуты страха за мою жизнь и за все мое земное будущее... Но это случилось рѣдко, очень рѣдко! Церковь православную я читалъ, я любилъ ее всѣми силами души моей; но я любилъ ее больше русскимъ и логическимъ чувствомъ чѣмъ духовнымъ или нравственнымъ. Обрядъ ея, ея пышность, ея преданія, утварь и одежды, ея лѣніе—вотъ что влекло меня къ ней; но моими послугками и моими сужденіями о людяхъ въ то время, всю мою нравственную жизнь тогда руководило не ученіе православія и не заповѣди Божіи, а кодексъ моей собственной гордости, система моей произвольной морали, иногда быть-можетъ и благородной, но нерѣдко въ высшей степени безнравственной. Если я скажу что я не только думалъ, но и говорилъ тогда часто: „лучшій критеріумъ поступковъ—это что къ кому идетъ“, то этимъ я кажется скажу все!

Понятно послѣ этого до чего смутны были мои представленія объ отношеніяхъ загробной жизни къ земной и какъ мало „небесные вѣнцы“ принимались мной въ расчетъ тогда при рѣшеніяхъ моей нравственной жизни. Вѣнецъ самолюбія довольно строгаго, который я самъ возлагалъ на себя когда находилъ себя этого достойнымъ, былъ мнѣ дороже рая, о которомъ я (несчастный!) и не умѣлъ тогда думать; и внутреннее самоуничиженіе или заслуженная злая насмѣшка людей были мнѣ страшнѣе гнѣва Господняго...

И если теперь, когда я совсѣмъ перемѣнился и такъ много обо всемъ подобномъ передумалъ, когда я вѣрю совсѣмъ иначе, мнѣ надо многое вспомнить и о многомъ помыслить чтобы быть въ силахъ написать и эти немногія строки, что я могъ отвѣтить ей тогда и такъ везельно какъ она этого требовала?

Я отвѣтилъ однако.

— Вѣрю ли я въ загробную жизнь? переспросилъ я.—Да, не вѣрить въ нее глупо. Матеріализмъ—философія слишкомъ

ужь простая, пустая, грубая. Однако Турокъ вѣрнѣ въ загробную жизнь по-своему, христіанинъ по-своему, вашъ Фламмаріонъ опять иначе.

— Нѣтъ, подождите, перебила меня madame Антоіада,— я спросила не такъ: вѣрите ли вы что души которыя здѣсь на землѣ не могли соединиться, потому что имъ въ этомъ прелѣтствовало очень многое, за гробомъ будутъ наслаждаться симпатіей своею безо всякихъ прелѣтствій, безо всякихъ тогда стѣсненій? повторила она съ жаромъ.—Вотъ я что хотѣла спросить...

Говоря это она смотрѣла на меня какъ всегда или вѣрнѣ сказать равнодушнѣе обыкновеннаго; она какъ будто нарочно старалась придать милому лицу своему самое покойное и безстрастное выраженіе...

Несмотря на этотъ отгѣнокъ (казалось мнѣ преднамѣренный) я пріивалъ этотъ вопросъ хотя и не за прямое объясненіе въ любви, но за ободреніе сапшкомъ явное и внутренне смутясь отъ радости отгѣтилъ такъ:

— Не знаю, имѣю ли я право вѣрнѣ въ такого рода симпатію; но до чего желалъ бы вѣрнѣ въ нее это я знаю хорошо!

Мы поглядѣли другъ на друга молча и Маша первая изъ насъ олустила глаза. Въ эту минуту опять раздался громкій басъ Богатырева, а не разслышалъ всѣхъ его словъ... Я слышалъ только:

—Никогда! О никогда! (онъ даже громко ѣ съ негодованіемъ засмѣялся). Россія не можетъ держаться въ греко-болгарскомъ вопросѣ и ни въ какомъ другомъ односторонней славянской политики. Если вы вспомните что есть на свѣтѣ Поляки и другіе католическіе Славяне, то вы поймете что я правъ...

Сказавъ это молодой консулъ всталъ и подошелъ къ намъ. Мужественное и серіозное лицо его озарилось лукавою веселостью.

— Мосье Ладневъ вамъ проповѣдуетъ что-то?.. Какую-нибудь свою ужасную ересь? Я угадалъ?

— Нѣтъ, вы не угадали! Напротивъ того, я исповѣдую мосье Ладнева, сказала madame Антоіада, съ удареніемъ на я.

— И что жь, онъ кается?

— Кается...

— Нельзя узнать въ чемъ? спросилъ въ свою очередь улыбаясь Антоіада.

— Развѣ духовникъ имѣеть право передавать эти тайны? отвѣчала Маша.

Антоніади шута извинялся.

Богатыревъ между тѣмъ взялъ со стола книгу Фламмариона, поднесъ ее какъ можно ближе къ своимъ близорукимъ глазамъ и всмотрѣвшись воскликнулъ:

— А! высшая философія!.. Міры... міры иные...

— Жена моя всегда „въ пространствахъ“ (dans les espaces), замѣтилъ Антоніади не безъ язвительности какъ мнѣ показалося.

Маша ничего на это не отвѣтила. Она какъ будто была чѣмъ-то недовольна.

Богатыревъ взялся за свою боярку, но Антоніади точно какъ будто только этого и ждалъ.

— Monsieur le consul, сказалъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ искательности въ лицѣ и манерахъ (съ очень легкимъ впрочемъ), я виноватъ, не желая прерывать ходъ тѣхъ въ высшей степени интересныхъ политическихъ соображеній которыя вы излагали мнѣ сейчасъ, не услѣлъ сдѣлать вамъ одного весьма важнаго для меня вопроса. Я желалъ бы знать могу ли я, имѣя паспортъ греческаго подданнаго, пользоваться въ дѣлахъ коммерческихъ и вашей защитой въ случаѣ нужды? Безъ лести скажу вамъ, я ото всѣхъ слышу о преобладаніи здѣсь русскаго вліянія.

Богатыревъ сильно покраснѣлъ. Я догадался что онъ вспыхнулъ отъ радости. Дорогая и рѣдкая коммерческая птица сама рвалась въ его консульскіе снаки.

— Мы подумаемъ какъ это устроить, отвѣтилъ онъ задумчиво и значительно, потомъ улыбувшись обратился къ Машѣ и прибавилъ.—Въ Турціи нѣтъ ничего невозможнаго. Это составляетъ единственную прелесть нашего здѣсь существованія.

Послѣ этого мы простились и ушли. Дорогой у насъ съ Богатыревымъ былъ оживленный разговоръ о супругахъ Антоніади. Богатыревъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ вы тамъ въ углу совращали жену съ пути истиннаго, а я мужа обращалъ на путь истинный. У васъ все звѣзды тамъ да небеса... А мы люди terre à terre, знаете!— Посмотримъ кто изъ насъ скорѣе услѣдетъ!

— Вы все о моихъ услѣхахъ, отвѣчалъ я съ жаромъ искренности,—могу васъ увѣрить... я готовъ божиться и честное

слово вамъ дать что я никакихъ цѣлей не имѣю. Я бы и мужу самому готовъ былъ бы присягнуть всѣмъ священнымъ въ томъ же, лишь бы онъ мнѣ позволялъ почаще проводить время и разговаривать съ этою милою женщиной.

— Позволить, погодите, позволить... Я за васъ постараюсь. Дайте мнѣ забрать его въ руки въ дѣлахъ, и тогда онъ самъ будетъ приглашать васъ читать жемъ „про звѣзды.“

Богатыревъ говорилъ все это съ большимъ добродушіемъ; его видимо вѣсколько тронула та нота искренности и честнаго чувства которыя звучали въ мощъ словахъ...

— Что же вы думаете сдѣлать чтобы доставить ему русскую протекцію на случай надобности? спросилъ я.

— Подумаю, отвѣчалъ консуль,—поговорю съ нашимъ адрианопольскимъ Меттеррихомъ, Михалаки Канкеларіо. Надо вырвать непремѣнно Автоіади изъ рукъ Виалартова. Автоіади не дуракъ; въ политикѣ умѣреннаго взгляда; богатъ, довольно свѣдущъ... Онъ будетъ намъ очень полезенъ для умиротворенія христіанской общины. Михалаки нашъ придумаетъ, измыслитъ!...

И Богатыревъ былъ правъ; Михалаки придумалъ!

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ЗЛОЙ ДУХЪ*

Р О М А Н Ъ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Тихій іюньскій вечеръ медленно догоралъ на широкой глади представляемой взморьемъ. Косые, низкіе, то ярко-желтые, то багровые лучи скользили по водяной ряби, вслихивали на холодныхъ и гладкихъ какъ стекло гребняхъ волнь и разсылались по узорчатой зелени потонувшихъ въ Невѣ береговъ; на горизонтѣ туманъ клубился какъ надъ пожарищемъ.

Коляска запряженная парой не молодыхъ, но крулвыхъ и видныхъ рысаковъ, давно уже катилась по шоссе, между садами и дачами, по мостамъ и улицамъ, то обгоняя массу другихъ экипажей, то оставаясь въ концѣ. Кучеръ, получившій неопредѣленное приказаніе: на острова! кружилъ какъ ему вздумается. Въ коляскѣ сидѣли двѣ особы: одна—пожилая, со скромно-незначительнымъ и добрымъ лицомъ, въ туалетѣ представлявшемъ своевольное сочетаніе моды съ нѣкоторыми застарѣлыми, личными привычками и вкусами; другая молоденькая, одѣтая съ большимъ изяществомъ въ

* См. Русск. Вѣст. №№ 4, 5 и 7.

совершенно свѣжіи костюмъ и сама вся изящная и свѣжая. Это были Марья Ивановна Волчецъ-Соколинская съ дочерью, за недѣлю только пріѣхавшія въ Петербургъ.

Глаза Ларисы со спокойнымъ любопытствомъ глядѣли по сторонамъ, на яркую зелень отраженную въ едва колыхающейся зыби, на клубящійся, пронизанный багровыми лучами туманъ, на полузакрытыя садами дачи, на мчавшіеся мимо щеголеватые экипажи занятыя еще болѣе щеголеватыми дамами. Эти глаза равнодушно и весело скользили, не останавливаясь, по бѣгущимъ на встрѣчу предметамъ, но въ ихъ темной глубинѣ отражалось что-то свое, собственное, не веселое и не имѣвшее ничего общаго съ новыми, вѣшними впечатлѣніями раздражавшими любопытство.

— Вѣдь хорошо, право же хорошо! сказала Марья Ивановна, вдругъ съ безлокойствомъ обернувшись къ дочери.

Та чуть-чуть кивнула головой и опустила зонтикъ, который устала держать. Ея мелькнувшая улыбка какъ будто говорила: „разумѣется хорошо, что жъ тутъ спрашивать“!

— Да вѣтъ, ты такая... точно тебѣ дѣла вѣтъ, продолжала Марья Ивановна, вглядываясь сбоку въ спокойный профиль дочери. Ее словно тревожило это спокойное выраженіе и какая-то непонятная игра глазъ.

Лариса при послѣднемъ замѣчаніи невольно разсмѣялась.

— Да какое же мнѣ можетъ быть дѣло! сказала она.

— Да какъ же, вѣдь вотъ въ Петербургѣ, на островахъ... это вѣдь не Волчій Долъ, возразила Марья Ивановна.— Погляди какая зелень, у насъ на югѣ этого вѣтъ. Тутъ каждый листокъ точно вымытъ. А вѣда какая, народу-то что!

— Я смотрю, вижу... тутъ очень оживлено, молвила Лариса.

— Ну, я не понимаю! отозвалась Марья Ивановна не на слова дочери, а на какую-то собственную мысль.

Она съ самаго пріѣзда въ Петербургъ все приглядывалась къ Ларисѣ, смущаемая Богъ-вѣсть какою тревогой, и словно подстораживая что-то подозрѣваемое, о чемъ не хотѣла и не смѣла заговорить. Она выслѣживала каждое ея впечатлѣніе, провѣряла и переворачивала каждое ея слово, доискиваясь ей одной понятнаго смысла, и внутренно вся переболѣла въ этой никому невѣдомой работѣ. А Лариса, замѣчая усиленную тревожную отзывчивость матери, только поводила иногда съ легкимъ признакомъ нетерпѣнія своими выразительными бровями или усмѣхалась уголкомъ губъ, какъ бы говоря: „вѣдь вы иначе не можете, что жъ я буду дѣлать“!

Коляска, выѣхавъ въ ряды экипажей, медленно двигалась по Стрѣлкѣ. Кругомъ было пестро и шумно, со скрипомъ колесъ разносились громкіе разговоры и взрывы смѣха. Лариса чувствовала на себѣ любопытныя, жадныя взгляды, слышала разбѣгающійся гулъ сотни разъ повтореннаго вопроса: кто такія? Марья Ивановна, смущенная и утомленная непривычнымъ видомъ толпы и почти оскорбленная этимъ несдержаннымъ вниманіемъ, съ тревогой спрашивала дочь, не уѣхать ли отсюда.

— Плятятся всѣ, точно дикіе какіе... ворчала она, закрываясь зонтикомъ.

Лариса увѣряла что ей все равно. И въ ея спокойно-любопытномъ взглядѣ, въ мраморной линіи губъ и въ изящно-свободной позѣ въ самомъ дѣлѣ выражалось что-то загадочно-равнодушное и дѣтски безпритязательное, поразившее петербургскаго корреспондента Глѣба Дмитрича.

— Хоть бы одна знакомая душа попалась... и какъ у нихъ стыда нѣтъ глядѣть во всѣ глаза! роптала Марья Ивановна.

Лариса, напротивъ, была очень рада что ихъ тутъ никто не знаетъ. Ей доставляло совершенно новое наслажденіе наблюдать эту чужую толпу изъ-подъ маски никому невѣдомой провинціалки; она чувствовала себя свободнѣе, ей нравилося угадывать лица, значеніе взглядовъ, улыбокъ и поклоновъ, представлять себѣ по своему все происходившее, и самой оставаться для всѣхъ загадкой.

— Вотъ какъ перезнакомимся со всѣми, тогда другое дѣло... замѣтила Марья Ивановна.

— Да, тогда пожалуй скучно будетъ... отвѣтила Лариса.

Марья Ивановна съ удивленіемъ взглянула на нее, ничего не понявъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, на обращенной ко взморью скамейкѣ, сидѣли какія-то дамы, а предъ ними стоялъ высокій господинъ съ крупными, но не лишеными красоты чертами лица и густыми, не укладывающимися подъ шляпу сѣдыми кудрями. Что-то представительное, породистое сказывалось во всей его огромной фигурѣ вкось освѣщенной солнцемъ. Завидѣвъ Волчець-Соколинскихъ, онъ тотчасъ подошелъ къ нимъ, мелко переступая своими громадными ногами.

— Ну, слава Богу, хоть князь здѣсь! обрадовалась узнавъ его Марья Ивановна.

Когда тотъ приблизился къ экипажу и снялъ шляпу, густые кудри его такъ и прыгнули, образовавъ настоящую львиную гриву. Съ обнаженною, слегка закинутою назадъ, косматою головою онъ казался еще оригинальнѣе и представительнѣе чѣмъ въ шляпѣ.

— На Pointe, отлично! по всѣмъ правиламъ! васъ и учить не надо что дѣлать въ Петербургѣ! проговорилъ онъ слегка хриплымъ, но веселымъ и какъ бы вкуснымъ голосомъ, пожимая дамамъ руки своею несоразмѣрно маленькою рукою; голубые, уже выпѣтшіе, но еще сохранявшіе огонекъ глаза его при этомъ какъ-то заодно-дружески смѣялись.

Лариса въ отвѣтъ ласково улыбалась ему. Князь Павелъ Платоновичъ Ладожскій приходился дальнею родней ея покойному отцу, такою дальнею что для того чтобы счесться этимъ родствомъ надо было припомнить цѣлую вереницу имевъ въ самыхъ залутованныхъ сочетаніяхъ; тѣмъ не менѣе она сразу, съ перваго визита князя къ нимъ въ отель, рѣшила что онъ славный, такой какихъ она любитъ. И кромѣ того она рѣшила что онъ будетъ часто бывать у нихъ, и что можно согласиться на его просьбу называть его дядей.

— Да надо вѣдь показать ей, говорила между тѣмъ Марья Ивановна, кивая на дочь и забывая что сама она знала Петербургъ не больше того сколько можно узнать изъ окна придворной кареты, въ которой ее возили на масляной подѣ балаганы. — Только все чужіе люди, смотрятъ во всѣ глаза, мнѣ даже неловко сдѣлалось, право!

— Погодите, вѣдь послѣ будете жаловаться: экая скука, всѣхъ на перечеть знаешь, хоть бы одно новое лицо попалось! пошутилъ Ладожскій.—Вы только дайте разрѣшеніе, я вамъ всѣхъ представлю.

Марья Ивановна нерѣшительно повела взглядомъ и пожала губами.

— Да кого же? понемножку какъ-нибудь... тутъ у меня и родня вѣдь есть, да лѣтомъ поразѣхались всѣ... проговорила она.

Ладожскій оглянулся, и вдругъ все лицо его точно озарилось внезапною, до забавности счастливою улыбкой, и съ толстыхъ губъ слетѣло радостное: — ба, ба, ба!

По шоссе, скрипя высокими и тонкими колесами, медленно катился мимо нихъ шарабанъ, запряженный шотландскою вороною лошадкою въ шорахъ. Этою лошадкою правили двѣ

крошечныя ручки, принадлежавшія одной изъ самыхъ хорошихъ женщинъ въ Петербургѣ, двадцати-пятилѣтней княгинѣ Ладожской, невѣсткѣ Павла Платоновича. Подлѣ нея сидѣлъ высокій, нѣсколько сутуловатый отъ привычки офицеръ, въ бѣлой фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ.

Павель Платоновичъ высоко поднялъ шляпу и помахалъ ею надъ головой. Шарабанъ остановился, сидѣвшая въ немъ дама сдѣлала движеніе какъ бы собираясь выскочить, но замѣтивъ въ коляскѣ незнакомаго лица, съ недоумѣніемъ прищурилась на „палашу“, какъ она называла своего beau-père.

— Ничего, ничего, я васъ тутъ же на мѣстѣ и познакомлю, объявилъ Павель Платоновичъ, и дѣйствительно такъ и сдѣлалъ.—Мой сынъ, Паша, добавилъ онъ въ заключеніе, указавъ на офицера, который, передавъ вожжи груму, высадилъ княгиню изъ шарабана.

Марья Ивановна съ Ларисой тоже вышли изъ коляски и всѣ вмѣстѣ пошли по аллеѣ. Лариса вскользь оглянула княгиню, и все въ ней сразу понравилось ей: и бархатные, заслоновые длинными рѣсницами глаза, и маленькій, задорный носикъ, и слегка выдающаяся нижняя губа, и пушокъ на щекахъ, и даже родимка около глаза. И не только въ наружности этой маленькой княгини, но въ ея голосѣ, звучащемъ съ какою-то особенною, протяжною и мягкою упругостью, какъ звучитъ хорошо натянутая металлическая струна, въ ея походкѣ, обнаруживавшей лѣтнюю эластичность тѣла, Ларисѣ почувствовалось что-то безконечно милое, свѣжее и ласковое...

На офицера она въ первую минуту какъ-то не обратила вниманія, замѣтила только что онъ кромѣ роста ничѣмъ не походить на отца.

Марья Ивановна тотчасъ стала объяснять какъ неудобно что онъ никого почти не знаютъ въ городѣ, и какъ она рада будетъ сойтись съ княгиней.

— А я еще болѣе буду рада, потому что хотя знакомыхъ у меня множество, но такъ какъ мужа теперь нѣтъ здѣсь, то я почти не выѣзжаю и не принимаю, отвѣтила княгиня.

Марья Ивановна съ недоумѣніемъ раскрыла глаза.

— Вашего мужа нѣтъ здѣсь? повторила она, глядя на нее и на высокаго офицера.

Княгиня тоже посмотрѣла на нее, на Павла Платоновича, и вдругъ звонко расхохоталась.

— Ахъ, это прелестно... палаша забылъ объяснить маленькую подробность: что я жена другаго его сына, Анатоля...

который еще не вернулся съ войны... сказала она. — Какіе невообразимые qui-pro-quo могли бы возникнуть еслибы не вашъ вопросъ!

Лариса тоже была увѣрена что этотъ высокій офицеръ и есть ея мужъ. Она невольно взглянула на него съ нѣкоторымъ вниманіемъ и на этотъ разъ нашла въ мягкомъ, вдумчивомъ взглядѣ его голубыхъ глазъ и въ выраженіи губъ что-то общее съ отцомъ. Онъ былъ не такъ представительнъ, смугло-сѣрый цвѣтъ лица дѣлалъ его скорѣе даже некрасивымъ, но какая-то внутренняя красота робко проступала сквозь неправильныя черты и свѣтилась въ ласковыхъ зрачкахъ.

Павель Платоновичъ нагналъ невѣстку и спросилъ:

— Что же, все нѣтъ писемъ?

Та пожала плечомъ и по подвижному лицу ея пробѣжала тѣнь.

— Уже двѣ недѣли нѣтъ ничего! отвѣтила она. — Я себя успокоиваю: point de nouvelles, bonnes nouvelles. Завтра пошлю телеграмму.

Павель Платоновичъ съ боку взглянулъ на нее и потупилъ глаза. По выраженію его лица нельзя было бы опредѣлить, тревожится ли онъ за сына, или ему досадно за молодую княгиню.

II.

Толпа продолжала наполнять аллею и всѣ скамейки.

— И чего лопатъхали — въ глазахъ рябить! ворчала Марья Ивановна. — Не привыкнешь къ вашему Петербургу, право.

Павель Платоновичъ подалъ ей руку, и подъ защитой его могучей фигуры Марья Ивановна могла быть спокойна что по крайней мѣрѣ ее не затолкаютъ.

Княгиня взяла Ларису подъ руку и храбро шла съ ней впереди. Между ними сразу завязался очень обыкновенный разговоръ, какъ будто они давно уже были знакомы. Лариса, пораженная всѣми поклонами, на которые приходилось отвѣчать княгинѣ, наконецъ не выдержала и воскликнула:

— Неужели вы ихъ всѣхъ знаете?

— Какъ видите! отвѣтила смѣясь княгиня. — А между тѣмъ никто кажется не живетъ въ такомъ маленькомъ кружкѣ какъ я. И право не знаю за что они всѣ мнѣ такъ радостно кланяются... Развѣ оттого что въ послѣднее время почти не

видать меня. Впрочемъ иначе и быть не можетъ. Вы тоже со всѣми перезнакомитесь и выберете очень маленькій кружокъ.

— Но развѣ необходимо со всѣми знакомиться? молвила Лариса.

— А что вамъ мѣшаетъ? возразила княгиня.—Неловко отказывать, когда просятъ позволенія представить кого-нибудь. И притомъ, только толпа можетъ баловать женщину. У меня, положимъ, это больше ничего какъ старая привычка, но вы только-что вступаете въ свѣтъ, вамъ необходимо пройти чрезъ поклоненіе толпы. У женщинъ вообще такъ мало воспоминаній, а это одно изъ лучшихъ.

— Я совсѣмъ не привыкла къ обществу, и очень можетъ быть что и не привыкну къ нему, сказала Лариса.

— Не дѣлайте этой ошибки, не ищите уединенія на деревенскій ладъ, посовѣтовала маленькая княгиня.—Увѣряю васъ, нигдѣ такъ не удобно жить для себя, своимъ собственнымъ кружкомъ какъ въ толпѣ, и нигдѣ женщина не бываетъ такъ защищена отъ злословія.

— Отъ злословія! удивилась Лариса.—Какой поводъ я могла бы подать къ злословію?

— Поводъ въ томъ что вы будете замѣчены, что за вами будутъ ухаживать, что вы отодвинете со сцены всѣхъ тѣхъ кто занимаетъ на ней первыя мѣста, объяснила она.—Но не тревожьтесь, это очень почетное и совершенно безсильное злословіе: имъ столько злоупотребляли что оно сдѣлалось составною частью воздуха, которой никто не замѣчаетъ.

Лариса не отвѣчала. Ей неволью вспомнилась Клеопатра Михайловна, и это воспоминаніе въ настоящую минуту было ей непріятно: „Неужели и маленькая княгиня такая же обыкновенная свѣтская женщина, только помоложе, посвѣжѣе и повеселѣе?“ Она покосилась на нее черезъ плечо, и въ ея изащномъ обликѣ ей почувствовалось столько затаенной не-растраченной силы жизни что всякое сравненіе съ Хвоцевой тотчасъ показалось ей нелѣпостью. „Нѣтъ, она еще не скоро будетъ такая... да и будетъ ли еще!“ подумала она.

Въ эту минуту Ладожская тихонько дернула ее за руку.

— Видите вонъ того толстаго господина въ сѣрой шляпѣ съ букетомъ въ петлицѣ? Это Каричъ, сказала она. — Не помните? Я вамъ напомнимъ: онъ два года тому назадъ судился за какое-то крупное мошенничество и былъ оправданъ. Вы тогда навѣрное слышали или читали; процессъ надѣлалъ много шума...

— Да, я припоминаю что-то такое, молвила Лариса.

— Ну, я съ нимъ тоже знакома! объяснила веселымъ, какъ бы даже задорнымъ тономъ княгиня.— Не очень тѣсно, я не иду такъ далеко, прибавила она со смѣхомъ,— но во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ право поклониться и даже подобити ко мнѣ. За это, когда устраивается базаръ или аллегри, я пишу къ нему нѣсколько строкъ, и надо отдать ему справедливость, онъ очень щедро отплачиваетъ моимъ бѣднымъ мою любезность. Такимъ образомъ я возвращаю обществу часть того что онъ грабитъ у него. Pardon, вдругъ живо обернулась она къ шедшему подлѣ нихъ Пашѣ, — я забыла что вы не одобряете моей системы...

— Совершенно вѣрно, я не одобряю вашей системы, подтвердилъ какъ бы неохотно князь Павелъ.

— Ну да, и я знаю почему. Вы несправимый идеалистъ, вы не можете себѣ представить чтобы моимъ бѣднымъ было все равно изъ какихъ денегъ имъ выдаютъ пособие...

— Нѣтъ, я вообще считаю что порядочное общество не должно быть открыто для такихъ людей какъ этотъ господинъ, продолжалъ Паша. — Вы вырываете у него какіе-нибудь гроши, тогда какъ ваша свисходительность даетъ ему положеніе и слѣдовательно возможность обдѣлывать свои скверныя дѣла. И вообще... вообще я не ловимаю этого...

— Не понимаете моей свисходительности?

Паша какъ бы въ затрудненіи поднялъ плечи.

— Какая же можетъ быть свисходительность? вѣдь вы презираете его... отвѣтилъ онъ

Княгиня почти весело улыбнулась.

— Нѣтъ, вы никогда меня не поймете, сказала она.— Что жъ, по вашему мнѣ удовольствоваться тѣмъ чтобы давить его величавымъ презрѣніемъ? очень ему нужно. Подлѣ меня онъ найдетъ сотни, тысячи такихъ которые будутъ какъ чести добиваться его поклона. Общества мы съ вами не передѣлаемъ, милый Павелъ Павловичъ. Да и по какому праву я стану выражать ему мое презрѣніе? что я для него такое? У него сановники обѣдаютъ... Презрѣніе женщины порядочнаго круга? очень ему нужно! Я не увѣрена даже существуетъ ли нынче порядочный кругъ.

— И его навѣрное не будетъ существовать если такія какъ вы станутъ подчиняться сегодняшнимъ нравамъ, возразилъ Паша.

— Подчиняться? повторила княгиня.—Я не подчиняюсь. Я напротивъ нахожусь въ постоянной борьбѣ. Я принимаю общество какъ оно есть, потому что не могу его передѣлать, но я мщу ему гдѣ только могу. Если Каричамъ позволяютъ мошеничать, я заставляю ихъ покушать фуфайки на благотворительныхъ базарахъ и выигрывать подсвѣчники въ аллегри. Если дряннаго дурака сажаютъ на важное мѣсто, я заставляю его сдѣлать по моей просьбѣ хорошее дѣло... И такимъ образомъ я, Анна Всеволодовна Ладожская, la petite princesse, какъ меня называютъ, я нахожусь въ непрерывной борьбѣ съ обществомъ. По меньшей мѣрѣ это меня забавляетъ... а васъ иногда сердить...

Она сдѣлала веселую гримаску и обернувшись къ Ларисѣ перемѣнила разговоръ.

Черезъ полчаса со Стрѣлки уже развѣзжались. Зареву потухло, туманъ припалъ серебристый цвѣтъ и ужъ не клубился, а лѣниво стлался по взморью. Воздухъ дышалъ сыростью. И все-таки вечеръ былъ такъ хорошъ что не хотѣлось возвращаться въ душный городъ. Несмотря на опасенія Марьи Ивановны, болевшейся что Лариса не привыкла къ петербургскому климату, все общество расположилось на скамейкѣ, лицомъ къ морю, и просидѣло почти цѣлый часъ на совершенно опустѣвшемъ берегу.

Лариса была неразговорчива. Толпа утомила ея, подняла въ ней что-то тихое и грустное, похожее на невольное сожалѣнiе о покинутомъ. Она была рада что и Павелъ Платоновичъ, и маленькая княгиня говорили безъ умолку, не обращающа вниманiя на ея молчаливую разсѣянность. Ея даже удивляла эта нравственная неутомляемость, это обратившееся въ привычку вѣдшее оживленiе, и ей казалось что она никогда не сумѣетъ приобрести безпричинной и безстрастной веселости воспитываемой свѣтомъ.

Когда княгиня вдругъ спросила: что онѣ дѣлаютъ завтра? Лариса сначала даже не поняла.

— Но ничего особеннаго.... что же мы можемъ дѣлать? переспросила она.

Ладожская взглянула на нее и разсмѣялась.

— Вы еще не знаете нашего языка, сказала она.—Что вы дѣлаете, значить: куда вы ѣдете ничего не дѣлать? Вопросъ вовсе не такой лустой какъ вы думаете. Во всемъ нужна система. Были вы уже въ Павловскѣ?

Лариса отвѣтила отрицательно.

— Ну да, вы начали съ Петергофа: общая ошибка Москвичей и провинціаловъ, продолжала княгиня. — Въ Петергофѣ можно заразиться слишкомъ на цѣлое лѣто. Отъ фонтановъ и дождей дѣлается мокро на душѣ. Завтра мы съ вами ѣдемъ въ Павловскъ.

Она быстро повернулась къ Павлу Платоновичу и прибавила:

— Палаша, мы должны взять Ларису Григорьевну въ наше распоряженіе. Надо показать ей все по порядку. Завтра Павловскъ, потомъ Озерки, не правда ли? И я буду безпощадно знакомить васъ со всѣми, а тамъ ужъ вы сами составите изъ кого хотите свой ближайшій кружокъ, добавила она, снова обращаясь къ Ларисѣ.

Марья Ивановна, замѣтивъ что скамейка на которой они сидѣли совсѣмъ мокрая отъ росы и тумана, пришла въ ужасъ и рѣшила тотчасъ вѣхать. Было уже близко къ полночи....

Колеска быстро катилась, нагоняя своимъ эластическимъ покачиваньемъ лѣтливое и немножко грустное раздумье. Длинные ряды огоньковъ свѣтились вдали, а по сторонамъ раздражительно мерцали, отражаясь въ водѣ желто-красными хвостами, огни ресторановъ. Озаренный прозрачною безлунною мглой, городъ надменно выдвигалъ изъ-за серебряной водяной глади свой казовой конецъ:

Задумчиво столбы дворцовъ кѣмыхъ
По берегамъ тѣснилися какъ тѣни,
И въ лѣвъ водѣ гранитныхъ крылецъ ихъ
Купалися широкія ступени...

Неволью за этими внезапно припомнившимися строками слышивала вся нарисованная поэтомъ картина, недосказанная, прозрачная, больная какъ сама петербургская бѣлая ночь:

И я кругомъ глубокой кинулъ взглядъ;
И увидалъ съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею лампадой,
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликовалъ иль мучился порокъ!
Въ молитвахъ я подслушивалъ упрекъ,
Въ бреду любви—безстыдное желанье;
Вездѣ обманъ, безумство иль страданье!

И Ларисѣ казалось что чѣмъ-то жуткимъ вѣетъ отъ приближающейся каменной громады, отъ прозрачной мглы, во влажномъ полусвѣтѣ которой ликовала и плакала какими-то непонятными ей звуками замирающая въ судорогахъ жизнь большого незнакомаго города.

III.

Дома Марья Ивановна нашла письмо отъ Хвоцевой. Клеопатра Михайловна сообщала довольно тревожныя извѣстія. Положеніе Григорія Никитича внушало, по ея словамъ, самыя серьезныя опасенія. Онъ почти ничего не ѣлъ, совсѣмъ не могъ подняться съ постели и съ трудомъ говорилъ. Докторъ, за которымъ она приказала наконецъ послать, нашелъ отекъ ногъ и утомленіе клапановъ сердца, не предвѣщавшее ничего хорошаго. Клеопатра Михайловна прибавляла что она останется въ Волчьемъ Долѣ пока положеніе больного окончательно опредѣлится, но не можетъ скрыть затрудненій представляющихся ей какъ лицу совершенно постороннему.

Марья Ивановна, прочитавъ письмо, тотчасъ почувствовала угрызение совѣсти и подумала что онѣ поступили очень дурно оставивъ больного старика и уѣхавъ изъ Волчьяго Дола Богъ знаетъ зачѣмъ. Весь этотъ переворотъ представлялся ей теперь крайне необдуманнѣмъ и неудачнѣмъ. „Да вѣдь съ ней развѣ подѣлаешь что-нибудь? Дикая вѣдь...“ прибавляла она мысленно, взглядывая на дочь.

— Какъ же, Ларочка, мы дѣдушку бросили, а тамъ Богъ вѣсть что можетъ случиться... проговорила она съ растеряннымъ выраженіемъ лица.

Лариса только хмурила брови и не глядѣла на мать.

— Такъ это какъ-то все неосновательно сдѣлалось... Сорвались съ мѣста, полетѣли, а что здѣсь хорошаго, ужъ не знаю. Во всемъ городѣ близкаго человѣка нѣтъ, потолковать, посоветоваться не съ кѣмъ... продолжала Марья Ивановна.— Вотъ и отъ Ипполита Сергѣевича ни слуху ни духу...

Скучающая досада отразилась на лицѣ Ларисы.

— Вѣдь ужъ сдѣлано, не вѣхать же назадъ! сказала она.

— То-то, сдѣлано; а какъ тамъ неждай Богъ случится что съ дѣдушкой? возвратилась къ своимъ опасеніямъ Марья Ивановна.— Вѣдь мы тутъ какъ чужія въ городѣ. Мать да дочь—что за семья! Ипполитъ-то Сергѣвичъ не ѣдетъ вотъ.

— Пріѣдетъ! молвила почти не разжимая губъ Лариса.

Она слытывала все то же непонятное, ноющее ощущеніе, которое овладѣло ею еще дорогой. Марья Ивановна слытывала эту тоску въ ея голосъ и объяснила ее по-своему. Ей сдѣлалось стыдно что она затронула, какъ ей казалось, болѣзную рану дочери.

— Конечно пріѣдетъ, подтвердила она, внезапно мѣняя тонъ.— Ему вѣдь тоже надо и дѣлами распорядиться; въ минуту не сдѣлаешь... Я думаю, не проѣхаетъ ли онъ къ себѣ въ имѣнье, оттого и лисемъ вѣтъ.

По губамъ Ларисы скользнула невеселая улыбка.

— Да я вовсе не безлокоюсь, сказала она, пожавъ плечами.

Марья Ивановна не ловѣрила ни этой улыбкѣ, ни этому равнодушному тону. Она взглянула на дочь немощно влажными глазами и тиховько вздохнула.

— Всегда ужъ такъ-то... и тосковать приходится, и слезы бываютъ... а тамъ опять солнышко проглянетъ, счастье... Отъ этого никто не убѣжитъ, промолвила она.

Лариса, не отвѣчая, собрала тряпку, перчатки, зонтикъ, отвесла ихъ въ свою комнату, потомъ вернулась, поцѣловала у матери руку, сказала обычное: „bonne nuit“, и опять вышла. Но не успѣла она раздѣться и лечь въ постель какъ Марья Ивановна тиховько вошла къ ней. На лицѣ ея лежало то знакомое Ларисѣ выраженіе тревоги которымъ обнаруживалась потребность долгаго интимнаго разговора, изліяній, взаимнаго нервнаго возбужденія. Лариса сегодня больше чѣмъ когда-нибудь чувствовала себя неспособною для этой неопредѣленной нравственной услуги.

— Я ужъ легаа, сказала она утомленнымъ и какъ бы извиняющимся голосомъ.

— Я только взглянуть зашла... ты какая-то разстроенная сегодня... лицо у тебя нехорошее... проговорила Марья Ивановна.

— Бываетъ... отвѣтила Лариса, закидывая обнаженную руку подъ голову и щуря глаза.

Марья Ивановна дотронулась до ея лба и убѣдившись что вѣтъ жара, нѣсколько успокоенная присѣла на постель.

— Скрытная ты какаа, не хочешь съ матерью потолковать... продолжала она, неволью любуясь изящною красотой дочери, которую какъ будто еще болѣе возвышало разлитое по лицу выраженіе утомленія и неопредѣленной печали.—Ну, хочешь а завтра пошлю телеграмму?

— Кому? не поняла Лариса.

— Да къ нему, къ Ипполиту Сергѣичу, въ имѣнье... послала, таймственно понижая голосъ, Марья Ивановна.

Лариса взмахнула на нее рѣсницами и въ глазахъ ея разлилась улыбка.

— Полнотѣ, мама, очень нужно! Пріѣдетъ и безъ телеграммы, не безпокойтесь.... отвѣтила Лариса.

— Да я-то и сама знаю что пріѣдетъ, а безпокоюсь я на тебя глядя... возразила Марья Ивановна.

— Ну такъ и не безпокойтесь, потому что я меньше всего объ этомъ думаю, сказала уже съ движеніемъ нетерпѣнія Лариса.

Марья Ивановна раскрыла на нее удивленные глаза, не зная капризничаетъ она или говоритъ серьезно.

— Объ Ипполитѣ Сергѣевичѣ? переспросила она, теряясь.

— Ахъ, мама, ну что жь такое Ипполитъ Сергѣевичъ! воскликнула, сводя брови, Лариса.

Нѣсколько мгновеній мать и дочь глядѣли другъ на друга и что-то неувидимое, какъ незримый токъ, играло въ двухъ парахъ внимательныхъ, возбужденныхъ глазъ.

— О женихъ-то не думаешь?... еще больше теряясь и робѣя проговорила Марья Ивановна.

Сощуренные глаза Ларисы медленно раскрылись, и что-то почти веселое блеснуло въ ея глубокихъ зрачкахъ.

— Ну вотъ теперь васъ безпокоитъ отчего я не думаю... а сейчасъ было зачѣмъ я думаю... Мама, будемъ спать! сказала она багровымъ тономъ, снова быстро закрывая глаза и поворачиваясь лицомъ въ подушку.

Марья Ивановна покачала головой и тихонько вздохнула.

— Ну спи, сказала она, приставъ съ постели.

Но она не ушла, а стала посреди комнаты, со своею неуспокоенною и еще пуще возбужденною тревогой. Она знала что Лариса не заснетъ такъ сразу, не потушивъ свѣчи. И черезъ минуту дѣйствительно дѣвушка повернула голову и раскрыла глаза.

— Вы здѣсь, мама? сказала она.

— Не спится тебѣ? спросила мать втайнѣ обрадованнымъ тономъ, не догадываясь что можетъ-быть потому и не спится что она не уходитъ.

— Нѣтъ, я не засну. Когда вы уйдете я потушу свѣчку... отвѣтила соннымъ голосомъ Лариса.

Марья Ивановна очень жалко было мѣшать дочери заснуть, но она ей не совсѣмъ вѣрила, и при томъ такъ какъ иногда между самыми любящими людьми маленькія жертвованія стоятъ дороже большихъ, то она чувствовала себя не въ силахъ оставить этотъ разговоръ не оконченнымъ, уйти съ новою тревогою, возбужденною странными словами дочери. Поэтому она подошла къ ней и обнявъ ее обаженные плечи, поцѣловала ее въ голову.

— Все ты себя мучаешь, дикая... да еще обмануть меня хочешь, точно я не вижу насквозь, проговорила она, касаясь ея щеки мокрыми рѣсницами.

— Право вы сами меня мучаете, отвѣтила съ сонною улыбкой Лариса.—Все вы что-то замѣчаете, да Богъ знаетъ что представляете себѣ... А сказать вамъ отчего я не веселая? Вотъ отъ того письма Клеопатры Михайловны о дѣдушкѣ. А еще раньше отъ стиховъ.

— Отъ стиховъ? повторила недоумчиво Марья Ивановна.

— Да, отъ стиховъ. Помните *Сказку для дѣтей*, Лермонтова? Тамъ вотъ такая точно ночь... и на меня какое-то чувство страха нашло, точно мнѣ самой говорилъ этотъ демонъ, этотъ злой духъ, и мнѣ самой показывалъ Петербургъ съ высоты полета... Я еще тамъ, въ Волчьемъ Долѣ задумывалась надъ этими стихами; а тутъ вдругъ какъ будто что-то повяло, и такъ странно, жутко сдѣлалось...

Марья Ивановна нѣсколько успокоенная покачала головой и простодушно перекрестила дочь.

— Это все воображеніе твое, нервы... сказала она.—Сердце неспокойно, вотъ и представляется. А знаешь, мнѣ почему-то предчувствуется что завтра непременно Ипполитъ Сергѣичъ долженъ пріѣхать, рано, пока ты еще не встанешь...

— Ахъ, не надо! какъ-то невольно вырвалось у Ларисы, и сонная улыбка разомъ сбѣжала съ ея лица:

— Ипполита Сергѣича не надо? переспросила, владая въ прежнее недоумѣніе, Марья Ивановна.

— Послѣ, когда-нибудь... отвѣтила Лариса, отворачиваясь взглядомъ.

— Да что ты, Лара... не пойму я тебя! почти простонала Марья Ивановна, на лицѣ которой снова явилось растерянное, тревожное выраженіе.

Лариса, заложивъ обѣ руки подъ голову, глядѣла прямо предъ собой, и черты лица ея приняли спокойствіе тяжелой

тайной думы. Какая-то невольная досада, что-то почти злое играло въ ея зрачкахъ и въ неподвижной линіи губъ. Марья Ивановна олять присѣла на постель, уронивъ на колѣни руки и безпокойно глядяваясь въ лицо дочери.

— Чтò такое олять придумала? повторила она свой вопросъ.

Лариса быстро взмахнула на нее рѣсницами.

— А вы не видите? не поняли? вамъ все кажется что я жду Ипполита Сергѣича, что мнѣ нуженъ онъ? вдругъ заговорила она тономъ холоднаго, проническаго раздраженія.— Ну, пусть пріѣзжаетъ... Я буду рада, мы старые друзья...

И съ этими словами она отвернулась.

Марья Ивановна всплеснула руками.

— Да когда же это, какимъ образомъ? воскликнула она.— Неужели только за то что онъ не пріѣзжаетъ, не лишать? Погоди, узнаешь, объяснятся...

— Ахъ, мама, вы ничего, ничего не понимаете... проговорила Лариса, продолжая глядѣть въ стѣну.— Вы все помните прежнее, а прежняго ужъ нѣтъ... и ничего нѣтъ!

На Марью Ивановну точно столбнякъ напалъ. Сжавъ на колѣняхъ руки, она глядѣла на дочь и видѣла только какъ слабо вздрагивали разсыпавшіеся по ея плечу позолоченные кончики волосъ.

— Лара, но какъ же это? прошептала она, наклоняясь.

— Мама, я спать хочу! отозвалась, не перемѣняя своего положенія, Лариса.

Марья Ивановна посидѣла еще съ минуту, встала, задула свѣчу, и вздыхая, осторожными шагами вышла изъ комнаты. Въ головѣ у нея все замутилось и спуталось, и новый, непреодолимый страхъ палъ на сердце.

IV.

На другой день Нестужевъ дѣйствительно пріѣхалъ. Случилось все именно такъ какъ предсказало Марья Ивановна ея предчувствіе. Послѣ бессонной ночи, и она, и Лариса встали поздне обыкновеннаго, и только что успѣли приступить къ утреннему туалету, какъ въ дверь изъ коридора тихонько стукнули, и раздался знакомый голосъ, вѣтерпливо и весело спрашивавшій позволенія войти.

— Ипполитъ Сергѣичъ, крикнула изъ другой комнаты Марья Ивановна, бросаясь олускать портьеру.

Черезъ минуту, наскоро накинувъ свой привезенный изъ Волчьяго Дола синий съ золочеными пуговками халатикъ, Марья Ивановна вышла въ гостиную. Нестужевъ, звеня шпорами, нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку.

Онъ загорѣлъ и обвѣтрился въ дорогѣ и казался утомленнымъ и похудѣвшимъ, такъ какъ три ночи провелъ почти безъ сна въ вагонѣ.

— Я вѣдь точно знала что вы сегодня будете, вчера еще Ларь предсказывала... Прямо съ поѣзда? Мы сегодня залоздали, чаю еще не пили... тѣмъ лучше, говорила Марья Ивановна, которая всю ночь продумала о томъ какъ она встретится съ Нестужевымъ и какъ должна держать себя съ нимъ, но въ первую минуту обо всемъ рѣшительно позабыла, искренно обрадованная его прїездомъ.

Нестужевъ спросилъ о Ларисѣ.

— Да сейчасъ увидите... Она впрочемъ не совсѣмъ какъ будто здорова, добавила на всякій случай Марья Ивановна.— Лара, Ипполитъ Сергѣичъ прїѣхалъ, крикнула она.

— Я сейчасъ... извините! здравствуйте! посыпался изъ-за портьеры голосъ Ларисы.

Кельнеръ внесъ самоваръ. Нестужевъ отцѣпилъ саблю и, разспрашивая Марью Ивановну о томъ какъ онѣ доѣхали и что подѣлываютъ въ Петербургѣ, все поглядывалъ на портьеру.

— Кое-какъ устроились лока, да вотъ надо квартиру искать... Чужой городъ вѣдь, совсѣмъ чужой... спасибо князь Павелъ Платоновичъ сыскался, все-таки близкій человекъ... говорила Марья Ивановна, звеня ложечками.—А въ Волчьемъ Долѣ-то ужъ не знаю какъ безъ насъ. Вчера отъ Клеопатры Михайловны письмо получили, Григорій Никитичъ-то размогся, да все хуже и хуже. Боюсь, какъ бы, сохрани Богъ, не случилось чего со старикомъ.

— Какъ вы хорошо сдѣлали что наконецъ прїѣхали, привѣтливо раздался голосъ Ларисы, и Нестужевъ порывисто вскочилъ съ мѣста.

Изъ-за раздвинутой портьеры показалась изящная, стройная фигура дѣвушки, въ легкомъ желто-сѣромъ платьѣ, почти исчезавшемъ подъ густымъ узоромъ русскихъ кружевъ, съ обнаженною шеей, близьку которой рѣзко отбѣивала черная бархотка, съ небрежно зачесанными и ладавшими тяжелою волной волосами.

У женщинъ бываетъ иногда мстительная потребность

блеснуть красотой предъ тѣмъ отъ кого медленно и мучительно отворачивается ихъ сердце. Лариса, доканчивая свой туалетъ, съ удовольствіемъ замѣтила что бессонная ночь усилила нервный блескъ ея глазъ и сообщила кожѣ ту едва окрашенную, нѣжную и очаровательную прозрачность, которою иногда отражается усталость на очень молодыхъ и свѣжихъ организамахъ. Она, Богъ вѣсть почему и зачѣмъ, хотѣла сегодня казаться красивѣе чѣмъ когда-нибудь.

Нестужевъ, смущенный и счастливый, бросился цѣловать ея руку. Лариса не отняла ея и даже отвѣтила слабымъ пожатіемъ. Они глядѣли другъ на друга—онъ съ тайнымъ чувствомъ страха, она съ такою равнодушно-довольною улыбкой, какъ будто эта встрѣча не имѣла и не могла имѣть для нихъ обоихъ никакого недоговореннаго, не выражаемаго словами значенія.

— Не хотѣлъ вамъ надоедать, писать, торопился только прійхать... сказалъ Нестужевъ, и его разгорѣвшійся, смущенный взглядъ вливался, словно усиливаясь прочесть что-то въ темной глубинѣ ея зрачковъ, защищенныхъ ладавицею отъ рѣсницъ тѣнью.

— Я рада что вы наконецъ тутъ, съ вами... повторила свое пріѣзженіе Лариса, и сѣла къ столу.

Марья Ивановна разлила чай. Лариса взяла ножикъ, разрѣзала хлѣбъ и не слѣща, аккуратно намазывала куски масломъ. Узенькая полоска солнца, пробившись насквозь перелетѣть окна, освѣщала край ея щеки и сухіе золотистые кончики волосъ надъ розовымъ ушкомъ.

— Мнѣ пришлось заѣхать къ себѣ, распорядиться кой-чѣмъ, да кстату поковчить съ отставкой, говорилъ Нестужевъ.— Жду телеграфнаго приказа чтобы сбросить это...

И онъ слегка тряхнулъ шнурами гусарки.

— Вы рѣшительно оставляете военную службу? спросила со внезапнымъ смущеніемъ Марья Ивановна, которой вдругъ пришло на мысль что можетъ-быть эту перемену положенія онъ затѣялъ единственно въ виду женитьбы.

— Это у меня давно рѣшено, отвѣтилъ Нестужевъ;—къ чему даромъ мундиръ носить!

— А форма идетъ къ вамъ, замѣтила совершенно равнодушно Лариса.

Нестужевъ на это ничего не сказалъ, но вспыхнулъ отъ какого-то невольнаго чувства досады. Богъ знаетъ что именно

раздражало его и въ этомъ замѣчаніи, и въ томъ какимъ оно было сдѣлано...

Марья Ивановна торопилась долить свой чай, желая оставить ихъ вдвоемъ. Ей все еще не вѣрилось чтобы Лариса могла оковчательно отказать Ипполиту Сергѣичу, и она почти не сомнѣвалась что послѣ перваго объясненія все опять пойдетъ по старому.

Нестужевъ, какъ только Марья Ивановна вышла изъ гостиной, отодвинулъ свой стаканъ и пристально, вопрошающимъ и вызывающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Ларису. Ея глаза глядѣли спокойно, не понимая.

— Я еще не успѣлъ поблагодарить васъ за эту большую милость... за то что вы позволили явиться къ вамъ, сказалъ онъ не отпуская глазъ.

— Развѣ я не говорила что нисколько не сержусь на васъ и что по-моему намъ не зачѣмъ ссориться? возразила Лариса.—Я напротивъ очень, очень рада что вы здѣсь. Мы въ Петербургѣ почти совсѣмъ одни...

— Не надолго! возразилъ страннымъ, почти ревнивымъ тономъ Нестужевъ.

— Да, конечно, отвѣтила не замѣчая этого тона Лариса,— но вѣдь имѣть знакомыхъ еще не значитъ имѣть близкихъ людей. Я немножко дикарка, общаюсь съ трудомъ...

— Здѣсь, въ Петербургѣ, такъ легко встрѣтить интересныхъ людей! замѣтилъ тѣмъ же страннымъ тономъ Нестужевъ.

— Но мы еще не встрѣчали! отвѣтила съ небольшимъ смѣхомъ Лариса, которую этотъ тонъ начиналъ слегка раздражать.—Мы пока знакомимся только съ городомъ и съ окрестностями. Сегодня рѣшено ѣхать въ Павловскъ. Вы съ нами?

Нестужевъ отвѣтилъ натянутымъ поклономъ. Его раздражалъ этотъ разговоръ, все болѣе уклонявшійся отъ той темы къ которой тайнѣ была обращена его мысль. Лариса очевидно не хотѣла догадываться объ этой темѣ и со спокойною улыбкой подвинула къ нему тарелку съ тартинками.

— Распологайте пожалуйста мною какъ вамъ угодно, сказалъ Нестужевъ, и помолчавъ прибавилъ:—хотя, говоря это, я самъ не знаю имѣю ли право предлагать свои услуги...

— Развѣ мы съ вами не самые старые и близкіе знакомые здѣсь въ Петербургѣ? возразила сколько ничего не выражающимъ взглядомъ Лариса.

— Благодарю васъ, сказалъ Нестужевъ, снова наклоняя голову.

Но онъ тотчасъ всталъ и положивъ руки на спинку стула машинально раскачалъ его.

— Можно предложить вамъ одинъ вопросъ, Лариса Григорьевна? сказалъ онъ съ видимымъ усилиемъ.

Лариса подняла на него свои спокойные глаза.

— Пожалуста, разрѣшила она.

— Я прѣхалъ въ Петербургъ только потому что вы были такъ добры, не отняли у меня послѣдней надежды... продолжалъ Нестужевъ, усиливаясь овладѣть своимъ волненіемъ.— Вы позволили мнѣ явиться къ вамъ здѣсь... Я повиновался, я пережилъ двѣ недѣли мучительной неизвѣстности, отчаянія, тоски, и вы меня снова видите у вашихъ ногъ съ тѣмъ же глубокимъ и... и несчастнымъ чувствомъ, котораго я не могу и даже не пытаюсь преодолѣть въ себѣ... Можно васъ, спросить теперь: вами руководило состраданіе, желаніе облегчить ударъ, или я попрежнему смѣю надѣяться, смѣю... любить васъ?

Его голосъ странно улялъ и оборвался на послѣднемъ словѣ и въ лицѣ что-то дрогнуло.

Полоса солнечнаго свѣта передвинулась и уже не играла на бронзовыхъ волосахъ Ларисы. Зрачки ея казались темнѣе обыкновеннаго и между бровями обозначилась складка.

— Что я могу вамъ сказать, Ипполитъ Сергѣичъ? отвѣтила она почти ласково зазвенѣвшимъ голосомъ.— Эти двѣ недѣли были до такой степени заняты совсѣмъ другимъ что я не имѣла времени даже подумать. Мы съ татанъ еще и оглядѣться не успѣли.

Нестужевъ, не глядя на нее, крутилъ пальцами усы.

— Вы хотите сказать что въ эти двѣ недѣли даже не вспомнили обо мнѣ? Простите, этому и повѣрить нельзя... проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, помнила и очень обрадовалась что вижу васъ... отвѣтила Лариса, подыавъ свои ясные глаза.—И разчитываю что вы тоже немножко рады меня видѣть и не будете сердиться если я тутъ какая-то совсѣмъ другая стала... скучная, добавила она со своею обычною скользящею улыбкой.— Право, я какъ-то отвыкла даже думать о томъ что будетъ.

Нестужевъ пробовалъ улыбнуться, но губы его сдѣлали какую-то гримасу.

— Я вижу что вы хотите щадить меня, и мнѣ остается только благодарить васъ, сказалъ онъ съ натянутымъ локлономъ.

Лариса пожала плечами.

— А вамъ хочется себя помучить... отозвалась она и съ равнодушнымъ, почти скучающимъ видомъ повела глазами по комнатамъ.

У Нестужева отъ этого взгляда похолодѣло сердце.

Марья Ивановна вернулась въ эту минуту въ гостиную и съ одного взгляда догадалась что объясненіе между молодыми людьми вышло неудачное. И почему-то она тотчасъ не то чтобы возненавидѣла Нестужева, но возымѣла какое-то раздраженіе противъ него, какъ будто угадывая материнскимъ чутьемъ что онъ одинъ виноватъ и что эта вина тяжело ранила ту которая была для нея дороже жизни.

V.

Лариса дѣйствительно какъ будто предоставила себя въ полное распоряженіе Анны Всеволодовны Ладожской. Маленькая княгиня составляла программу на цѣлую недѣлю впередъ, возила Волчець-Соколинскихъ на музыкальные вечера и лѣтніе праздники, вводила ихъ въ пестрый, кругъ своихъ свѣтскихъ знакомствъ. Марья Ивановна хотя безмѣрно тяготилась всѣмъ этимъ, но замѣчая какое впечатлѣніе производитъ повсюду появленіе Ларисы, возвращалась каждый вечеръ домой радостно возбужденная, торжествующая, заранее примиренная и съ физическою усталостью, и съ непривычными условіями разсѣянной жизни. Ее восхищало даже и то что Лариса вопреки ея опасеніямъ какъ будто охотно и свободно входила въ эту жизнь. Она не ожидала найти въ ней эти инстинкты свѣта, эту способность послѣ поглощеннаго визитами и выѣздами утра ѣхать куда-нибудь обѣдать въ большое общество съ тѣмъ чтобы докончить вечеръ еще въ болѣе многочисленной толпѣ вчерашнихъ знакомыхъ. Она не догадывалась что Лариса старалась нарочно „завертѣть“ себя, жить въ толпѣ, чтобъ избѣгать новыхъ объясненій съ Нестужевымъ, чтобы не оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ.

Это не всегда ей удавалось. Нестужевъ можетъ-быть и самъ не искалъ возобновить недавній разговоръ, опасаясь потерять

последнюю надежду, услышать последнее слово. Но ежедневно по поводу какой-нибудь встрѣчи возбуждившей его ревнивые сомнѣнія, по поводу фразы въ которой ему почувствовалось недосказанное значеніе, по поводу улыбки, взгляда, Нестужевъ испытывалъ неотразимую потребность что-то сказать, спросить, объяснить себѣ, и вѣчное присутствіе постороннихъ раздражало его, наводило злобную скуку. Всѣ эти насильно затаенныя претензіи, накопляясь изо дня въ день, мучили его невыразимо и въ его глазахъ, когда они смотрѣли на Ларису, появлялось иногда что-то оскорбительно-мстительное, почти угрожающее. Онъ иначе не говорилъ съ Ларисой какъ проницески, и эта не всегда тонкая проницательность дѣйствовала ей на нервы.

— Куда же вы сегодня идете? спросилъ онъ разъ, заставъ Ларису въ большомъ туалетѣ.

— Мы обѣдаемъ у Анны Всеволодовны, отвѣтила Лариса.

Нестужевъ, несмотря на нѣкоторыя даже старанія со своей стороны, не былъ до сихъ поръ приглашенъ бывать у Ладожской, и это произошло можетъ-быть оттого что маленькая княгиня со свойственнымъ женщинамъ инстинктомъ догадалась что Лариса нѣсколько стѣсняется неотступными преслѣдованіями своего деревенскаго претендента.

— А послѣ обѣда предполагается катанье цѣлымъ обществомъ на военномъ катерѣ, потомъ прогулка по островамъ и чай, добавила Лариса.

Нестужевъ, узнавъ что онъ цѣлый день не будетъ съ нею, замѣтно перемѣнился въ лицѣ. Было почти очевидно что отъ него желаютъ отдѣлаться, такъ какъ Лариса при ея отношеніяхъ къ Ладожскимъ ничего не стоило получить для него приглашеніе.

— Слушаю-съ... сказалъ онъ захвативъ зубами кончикъ усовъ.—Я вижу что петербургская жизнь съ мелривычки совершенно кружитъ вамъ голову...

Лариса подвѣла на него свои спокойные глаза.

— Нѣтъ, я не замѣчаю чтобъ у меня кружилась голова, сказала она.

— Однако согласитесь что вы вовсе не общаеми быть такою свѣтскою барышней и что это какъ-то вдругъ напало на васъ, продолжалъ Нестужевъ.

— Что жъ тутъ удивительнаго, возразила Лариса:—тамъ я была дома, въ деревнѣ, а тутъ не сидѣть же мнѣ въ номерѣ!

— Но и это непостижимое увлеченіе съ какимъ вы отдались выѣздамъ, развлеченіямъ, знакомствамъ—тоже довольно странно! замѣтилъ обиженнымъ тономъ Нестужевъ.—Не думаю чтобы всѣ эти господа, которыми вы окружены каждый день, доставляли вамъ большое удовольствіе... Ихъ разговоры нѣсколько глупы, какъ мнѣ кажется...

— Ахъ, вѣдь мнѣ это совсѣмъ все равно, Ипполитъ Сергѣевичъ! отвѣтила съ легкимъ признакомъ скуки Лариса.—Я одного только ищу—чтобъ и другимъ было все равно относительно меня.

— Не смѣю противорѣчить! провизировалъ нѣсколько злобынымъ тономъ Нестужевъ.

Лариса говорила правду: она относилась къ своему услѣху съ безпритязательнымъ равнодушіемъ ребенка привыкшаго къ баловству взрослыхъ. Замѣченная съ перваго дня, окруженная поклонниками всѣхъ возрастовъ, засыланная приглашеніями, ставшая однимъ словомъ въ то привилегированное положеніе въ которомъ женщина чувствуетъ себя центромъ общаго интереса, предметомъ общихъ исканій, Лариса принимала это положеніе какъ незначительную вѣшнюю подробность, очень далекую отъ ея внутренней жизни. „Я здѣсь новость, я возбуждаю любопытство, я составляю капризъ“, какъ будто говорили ея улыбающіеся, безстрастно-любопытные глаза; „и я знаю что новость постарѣетъ, любопытство утомитъ, капризъ пройдетъ; но это не уронитъ меня, какъ не возвышаютъ меня теперь мои первые свѣтскіе услѣхи; я останусь все также независима и все также буду, встрѣчаясь съ людьми, искать чего-то у нихъ за плечами.“

Между тѣмъ отъ Клеопатры Михайловны Хвощевой приходили дурныя вѣсти. Положеніе Григорія Никитича не подавало никакой надежды. Приглашенный изъ университетскаго города докторъ выразительно покачалъ головой, когда ему рассказали о сдѣланномъ старикомъ кроволусканіи, и объявилъ что предвидитъ отекъ мозга. Опасенія его, какъ извѣстила Клеопатра Михайловна телеграммой, оправдались. вмѣстѣ съ тѣмъ пришло письмо отъ Ильи Петровича Милованова. Въ витіеватыхъ выраженіяхъ, отвѣчавшихъ круглому, крупному съ красивыми крючками дочерку, старикъ управляющій сообщалъ что ихъ превосходительство поупущеніемъ Господнимъ очень ослабѣли, такъ что не все даже понимаютъ, и потому онъ никакими дѣлами утруждать ихъ не осмѣливается. „А

между тѣмъ, писалъ дальше Миловановъ, случилось на сихъ дняхъ проѣзжать извѣстному богачу и миллионщику Пустобрюхову который, освѣдомившись о преклонныхъ лѣтахъ и болѣзненномъ состояніи ихъ превосходительства и объ отсутствіи вашемъ съ барышнею Ларисою Григорьевной, нарочито зазвался ко мнѣ отдыхать и кушать чай, причемъ неоднократно заводилъ рѣчь что ежели бы было ваме желаніе освободиться отъ такой тягости и имѣніе продать, то онъ, Пустобрюховъ, съ величайшимъ своимъ согласіемъ отписалъ бы къ вамъ въ Петербургъ и дѣло это безъ малѣйшаго вашего безлокоиства покончилъ бы. Я же, прибавлялъ Миловановъ, не имѣя къ тому какъ поступить, отвѣчалъ уклончиво, и по отъѣздѣ его отошелъ во храмъ, гдѣ и пригласилъ лично извѣстнаго вамъ отца Паисія благопристойно отслужить молебствіе о здравіи и исцѣленіи ихъ превосходительства и васъ съ барышнею Ларисою Григорьевной, и объ успѣхѣ сего дѣла. Хотя же и не имѣю указаній и даже мыслию объять не могу, но по правилу своему почиталъ за лучшее молитвою призвать благословеніе Божіе.“ Какъ видно, къ перепискѣ съ дамами Миловановъ былъ мало привыченъ, и на бумагѣ у него выходило не такъ изящно и благоувѣтливо какъ на словахъ.

Марья Ивановна, прочитавъ письмо, передала его Ларисѣ, а сама съ озабоченнымъ выраженіемъ смотрѣла на нее. Независимо отъ безлокоиства за Григорія Никитича, письмо вызвало въ ея умѣ цѣлый рядъ соображеній.

— Все этотъ Пустобрюховъ... сказала она, желая обратить вниманіе дочери именно на то что больше всего заняло ее.

Лариса положила письмо и подвѣла на мать печальные глаза.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ это все грустно сложилось... Я бы хотѣла теперь быть подлѣ дѣдушки, сказала она.

— Ну, что бы мы съ тобой могли сдѣлать, все равно онъ кромѣ Аятылыча никого бы не допустилъ къ себѣ, возразила Марья Ивановна.

И помолчавъ она снова вернулась къ своей мысли:

— Пустобрюховъ-то я думаю просто самъ отъ себя заѣзжалъ, онъ вѣдь повсюду скупаешь имѣнья, сказала она.— Дѣдушка въ такомъ положеніи наврядъ ли самъ подумалъ.

Лариса вопросительно взглянула на мать, не вспомнивъ сразу какія оласенія соединялись у нея съ именемъ Пустобрюхова.

— Грозилъ вѣдь онъ Волчій Долъ-то продать... досказала Марья Ивановна.

— Ахъ, вы все объ этомъ! равнодушно отозвалась Лариса.

— Да какъ же не объ этомъ... вотъ его Богъ наказываетъ что хоть бы и хотѣлъ теперь, такъ не можетъ... Не пишутъ прямо, а должно-быть въ такомъ положеніи что ничѣмъ распорядиться ему нельзя, настаивала Марья Ивановна.

— Полноте, мама: дѣдушка умираетъ, а вы все точно судитесь съ нимъ, сказала уже почти строго Лариса.

— И сужусь: за что онъ насъ съ тобою обидѣтъ хотѣлъ! упорствовала Марья Ивановна.

Лариса не отвѣчала и переѣдя къ окну, задумчиво глядѣла на противоположную сторону улицы. Въ глазахъ у не стояли слезы.

— Мама! вдругъ сказала она.

Марья Ивановна подошла и замѣтивъ ея разстроенный видъ тотчасъ упала духомъ.

— Что это, неужели плакать собираешься?

— Мама, какъ вы думаете, вѣдь дѣдушка воображаетъ что я вышла замужъ за Ипполита Сергѣича? предложила неожиданный вопросъ Лариса.

— А кто жъ его знаетъ! отозвалась совершенно равнодушно Марья Ивановна.

— Я бы не хотѣла чтобъ онъ это думалъ, продолжала Лариса.—Мнѣ бы хотѣлось чтобъ онъ зналъ... что онъ правъ.

— Въ чемъ же онъ правъ-то? не поняла Марья Ивановна! Лариса сжала руки.

— Какъ въ чемъ? да вѣдь онъ первый... развѣ не помните? Ахъ! не будемъ объ этомъ говорить! вдругъ прервала она себя, и облокотившись обѣими руками о подоконникъ, снова повернулась къ окну.

Марья Ивановна только печально покачала головой.

VI.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора пришла изъ Волчьяго Дола телеграмма съ послѣднимъ печальнымъ извѣстіемъ: Григорій Никитичъ умеръ отъ отека мозга, въ состояніи безпамятства. Клеопатра Михайловна спрашивала, распорядиться ли ей похоронами или ожидать пріѣзда Марьи Ивановны.

Мать и дочь, блѣдныя, переглянулись вопросительно.

— Какъ хотите; я желала бы поѣхать, сказала Лариса.

Первою мыслью Марья Ивановны тоже было ѣхать; но явилось столько соображеній, припомнились такія препятствія и неудобства что рѣшено было просить Клеопатру Михайловну распорядиться лично, имѣя въ виду только выбранное старикомъ еще при жизни мѣсто подлѣ покойной жены его, подъ тремя вязами за церковною оградой. Памятникъ Марья Ивановна бралась заказать въ Петербургѣ и для установки его пріѣхать съ дочерью будущей весной.

— Вотъ теперь придется меньше выѣзжать, такъ тѣмъ временемъ квартирой заняться надо будетъ, тотчасъ обратилась Марья Ивановна къ практическимъ заботамъ.

И затѣмъ она поѣхала распорядиться траурными туалетами.

Лариса была рада остаться одна. Тоскливое, скребущее чувство закралось ей въ душу и точно заслонило отъ нея всю эту однообразно-шумную пестроту, въ которой она кружилась послѣднія двѣ недѣли. Изъ-за петербургской суетни словно внезапно встала предъ ней другая жизнь, другія картины. Душистымъ воздухомъ потянуло съ полей, зашуршали густо обросшія листвою верхушки сада, заскрипѣлъ песокъ подъ легкими шагами; знакомыя лица прошли по пустынному деревенскому паркету, скрикнула дверь въ комнату дѣдушки, и сама эта комната съ полинялыми зелеными обоями, пузатенькими шкапами и комодами и ломбернымъ столикомъ съ протертымъ сукномъ, озаренная льющимися въ окна потоками южнаго солнца, съ такою неотразимою отчетливостью представилась Ларисѣ что какъ будто стало больно глазамъ отъ яркаго свѣта. Она дотронулась рукой до глазъ и замѣтила что они мокры. Щеки тоже были мокры, и тихія слезы продолжали катиться по нимъ, разводя широкія пятна на кисей.

„Я была тамъ счастлива“, сказала она.

И длинный рядъ воспоминаній продолжалъ тѣсниться въ ея тихо-возбужденномъ воображеніи. Вспомнились и Настя, и подѣтски сюсюкающая Анна Петровна, и добрѣйшій Василій Андреевичъ, и старые псевдо-генералы, наводившіе на нее какой-то неопредѣленный страхъ, и Англичанки, и Француженки, круженныя невозвратимымъ обаяніемъ классной комнаты, и среди всѣхъ этихъ близкихъ и далекихъ лицъ массивная фигура дѣдушки, отъ которой вѣяло и холодомъ, и первымъ

впечатлѣніемъ власти... Тихія, хорошія слезы продолжали скользить по блѣднымъ щекамъ Ларисы... А рядомъ съ дѣдушкой рѣзко обрисовывался другой образъ, заставлявшій такимъ же неопредѣленнымъ чувствомъ страха сжиматься дѣтское сердце и будившій въ дѣтскомъ умѣ первое сознание чего-то большого, сильнаго, отталкивающаго и влекущаго, властнаго, ласковаго и поработщающаго... Гдѣ онъ, этотъ странный большой человекъ, гордый и покорный, остановившій на ней свой прихотливый калризь и самъ испугавшійся вызванныхъ въ ней дѣтскихъ страховъ? Почти два мѣсяца о немъ не было извѣстій; онъ безъ сомнѣнія забылъ о ней... Но развѣ такіе люди забываютъ что-нибудь?

И чѣмъ дольше думала Лариса о Глѣбѣ Дмитричѣ, тѣмъ неохотнѣе возвращалась мысль къ ея неудавшемуся роману. Какая-то странная игра перспективы совершалась въ воображеніи: размѣры сокращались, краски становились блѣднѣе, очертанія тускло слывались какъ въ туманѣ. И все, все показалось ей такимъ малевькимъ, такая внутренняя скудость почувствовалась въ томъ что еще недавно волновало, влекло впередъ, дразнило расцвѣченными призраками. „А Глѣбъ Дмитричъ видѣлъ, зналъ... и дѣдушка тоже... Бѣдный дѣдушка!“ мысленно повторяла Лариса, обмахивая платкомъ мокрое, блѣдное лицо.

Она вдругъ вздрогнула, заслышавъ шаги по ковру. Предъ ней стоялъ Нестужевъ, но не тотъ какого она привыкла видѣть, а какъ будто совсѣмъ другой. Онъ сегодня снялъ форму и переодѣлся въ давно приготовленное статское платье. Это до такой степени измѣнило его что Лариса чуть не вскрикнула, принявъ его за незнакомаго.

— Что съ вами? вы плакали? спросилъ онъ.

— Но вы совсѣмъ неузнаваемы! сказала Лариса, еще не оправившаяся отъ внезапнаго впечатлѣнія.— Да, плакала, вотъ прочтите...

И она подала телеграмму Клеопатры Михайловны. Нестужевъ прочелъ ее, сложилъ и олустился на стулъ съ тою безшумною осторожностью движеній которая неволью является въ домѣ посѣщенномъ несчастіемъ.

— Печальный сегодня день въ Волчьемъ Долѣ... вѣдь дѣдушка лѣтъ шестьдесятъ безвыходно жилъ тамъ, сказалъ онъ.

— А я, которая тамъ выросла, я не могу себѣ представить... это ужасно! съ усиленіемъ выговорила Лариса.

Нестужевъ спросилъ о Марьѣ Ивановнѣ и затѣмъ оба замолчали, не умѣя перейти къ другому разговору. Лариса впрочемъ догадалась спросить чаю. Видъ кельмера, невозмутимо переносившаго свои туго накрахмаленные воротнички, звонъ посуды немного какъ будто разсѣяли тягостное напряженіе царствовавшее въ гостиной. Ипполитъ Сергѣичъ съ особенною неохотою подчинялся сегодня этому настроенію, потому что перемята платья, какъ и многія мелочи въ человѣческой жизни, располагала его къ оживленію. Притомъ эта перемята напоминала ему что онъ уже разстался съ однимъ изъ періодовъ своей жизни, что онъ выступаетъ на новую дорогу, что пора начинать новую жизнь. Сбросивъ гусарскій мундиръ, онъ какъ бы чувствовалъ себя серьезнѣе и заботливѣе глядѣлъ въ то еще не уяснившееся будущее которое съ сегодняшняго дня должно стать настоящимъ.

— Вамъ придется нѣсколько измѣнить своему разсѣянному образу жизни, сказалъ онъ тономъ не совсѣмъ искренняго участія. Ему, напoотивъ, представлялось очень удобнымъ что теперь Лариса будетъ меньше окружена и что ее чаще можно будетъ заставить дома.

— Для меня это не составляетъ лишенія, какъ вы знаете, отвѣтила Лариса.

— Я разумѣется никогда не считалъ чтобы свѣтская жизнь была для васъ потребностью, продолжалъ Нестужевъ.—Она заняла васъ какъ новость, но безъ сомнѣнія вы никогда бы не втянулись въ нее какъ Клеопатра Михайловна или княгиня Ладожская.

— Анна Всеволодовна рѣшительно сдѣлалась вашею антипатіей, сказала улыбувшись одними глазами Лариса.

— Я не люблю всѣхъ тѣхъ кто отнимаетъ васъ у меня, отвѣтилъ на это Нестужевъ.—И я мечтаю что теперь опять мнѣ можно будетъ больше васъ видѣть и говорить съ вами, добавилъ онъ.

— Говорить? я замѣчала что въ послѣднее время вы стали молчаливы, снова улыбулась глазами Лариса.

— Когда вы окружены вашими новыми знакомыми... да, я почти не знаю о чемъ говорить, возразилъ Нестужевъ;—я только раздражаюсь, потому что не могу сказать при нихъ того что надо сказать; потому что они раздвигаютъ насъ, отнимаютъ васъ у меня...

Лариса не отвѣчала, и ея окруженные тѣнью глаза задумчиво глядѣли мимо Нестужева. Можно было подумать что

она не слышала того что онъ говорилъ. У него на лицѣ появилось то почти злое выраженіе которое она стала часто замѣчать въ послѣднее время.

— Тамъ, въ Волчьемъ Долѣ, гдѣ мы цѣлые дни оставались вдвоемъ, мы находили о чемъ говорить, и кажется намъ не было скучно, сказалъ онъ съ ироніей въ голосѣ.

Что-то неуловимое, грустное и своевольное мелькнуло въ глазахъ Ларисы и въ странной улыбкѣ ея губъ.

— Ахъ, что было.... гдѣ его взять? сказала она разсѣянно, отвѣчая какъ будто не ему, а своей собственной мысли.

Губы Нестужева локинулись. Онъ всталъ, неловко поправляясь въ своемъ штатскомъ платьѣ, отъ котораго отвыкъ за два года, и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру.

— Вы говорите загадками.... или можетъ-быть намеками? сказалъ онъ.

— Какая надобность прибѣгать къ намекамъ? возразила Лариса.—А загадки—ихъ и безъ того много въ жизни. Вотъ и то о чемъ вы вспомнили... въ Волчьемъ Долѣ... тоже загадка. Воздухъ, залахъ цвѣтовъ, лунный свѣтъ, тѣни въ саду, соловьи, ребячество! А на другой день, помните, насъ перепугали своимъ карканьемъ вороны...

Нестужевъ сдѣлался совсѣмъ блѣденъ и какіе-то мускулы дрожали у него около губъ и подергивали усы.

— Да, это не намеки, это приговоръ! сказалъ онъ.

Ему вдругъ стало душно, холодно, грудь стѣснило мгновенное чувство отчаянной, не оглядывающейся и безсиьной ярости.

— Я васъ понималъ, Лариса Григорьевна! проговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ.—Я ловялъ что значить эта загадка, эти соловьи при лунномъ свѣтѣ, эти тѣни въ саду. Вы съ вашей новою петербургскою опытностью разобрали загадку по складамъ и нашли въ ней ребяческой калпризь, наважденіе майской ночи, раздраженіе нервовъ, принятое за серьезное чувство. Петербургъ помогъ вамъ; вы увидѣли людей, героевъ Елагинской Стрѣлки, подлѣ которыхъ я показался такимъ маленькимъ, мизернымъ, что вы не хотите больше думать обо мнѣ... вы съ сегодняшняго дня наследница Григорія Никитича Волчець-Соколинскаго!

Онъ задышался, ему не хватало воздуха крикнуть чтобы выразить всю мстительную злобу душившую грудь. Эта злоба сверкнула только во взглядѣ, который онъ перекинулъ съ блѣднаго лица Ларисы на валявшуюся на столѣ телеграмму.

Лариса тихо подыалась со своего мѣста.

— Ипполитъ Сергѣичъ, я знаю что вы не имѣете намѣренія оскорбить меня; но согласитесь что вы неудачно выбрали время... сказала она, спокойно выпрямляя свою стройную фигуру.

И она сдѣлала шагъ по направленію къ портьерѣ отдѣлявшей ее комнату. Нестужевъ порывисто бросился къ ней.

— Простите, вы не услышите больше отъ меня ни одного слова упрека! остановилъ онъ ее.—Но, ради Бога, не уходите, не обрывайте на полусловѣ, не оставляйте меня опять съ этою затянутою на шеѣ петлей... Не щадите меня, мнѣ нуженъ отвѣтъ—послѣдній отвѣтъ, какой бы онъ ни былъ.... Лариса, вѣдь я все также, все также люблю васъ!

Онъ вдругъ опустился къ ея ногамъ и, поймавъ ея руку, приникъ къ ней горячими, страстными, до боли стиснутыми губами.

VII.

На утомленное лицо Ларисы какъ будто тоже легло отраженіе внутренней боли. Она усиливалась улыбнуться, но напруженная улыбка не разсѣяла этого выраженія.

— Простите и вы меня, Ипполитъ Сергѣичъ... сказала она тихо, не отнимая руки.

Онъ подыалъ на нее помутившіеся глаза.

— Я знаю, надъ чувствомъ никто не воленъ... проговорилъ онъ хрипло,—но вѣдь осталось же что-нибудь, вѣдь не чужой же я вамъ сталъ. Я уже не мечтаю о любви, о страсти... Богъ съ нею! Но немножко сочувствія, привычки, дружбы... Лариса, дѣло идетъ о цѣлой жизни которую я отдаю вамъ. Вѣдь не влюбленные только бываютъ счастливы...

Лариса тихонько освободила свою руку. Ей было тяжело смотрѣть на него, и она отвернула лицо.

— Полноте, Ипполитъ Сергѣичъ, у насъ трауръ, и я меньше чѣмъ когда-нибудь думаю о замужествѣ. А что мое искреннѣйшее желаніе было бы сохранить вашу дружбу, этому вы можете повѣрить... сказала она.

— Трауръ... вы точно отшутитесь хотите, возразилъ съ затянутою усмѣшкой Нестужевъ.—Если я ждалъ два года, если я молю васъ быть моею женой когда я знаю что вы уже не любите меня, то вѣроятно у меня достанетъ терпѣнія переждать срокъ вашего траура!

— Зачѣмъ? пожала плечами Лариса.—Къ чему дѣлать глупость, настаивать предъ той которая имѣла мужество прямо сказать вамъ что... Да зачѣмъ повторять? Слушайте, Ипполитъ Сергѣичъ: минуту назадъ вы просили не щадить васъ, не оставлять въ положеніи неизвѣстности. Я тоже думаю что такъ будетъ лучше. Тамъ, въ Волчьемъ Долѣ, я имѣла слабость предоставить времени рѣшить этотъ вопросъ. Можетъ-быть я очень дурно сдѣлала, простите меня. Но тогда я сама не была увѣрена, не умѣла рѣшить. А теперь было бы нечестно съ моей стороны медлить развязкой, подавать надежду которой не суждено сбыться. Я не буду, не могу быть вашею женой...

Нестужевъ поднялся, сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ будто опять хотѣлъ удержать ее, но вся его юношеская, еще не дисциплинированная жизнью и опытомъ гордость внезапно возмутилась въ немъ и на мгновение пересилила всякое другое чувство.

— Благодарю за откровенность, которую вы кажется сейчасъ назвали даже мужествомъ, сказалъ онъ, наклоня побурѣвшее отъ прилива крови лицо.—Позвольте пожелать вамъ счастья, веселья, успѣховъ... крупныхъ успѣховъ, не такихъ какъ этотъ мизерный деревенскій романъ...

Лариса быстро обернулась къ нему.

— Нѣтъ, Ипполитъ Сергѣичъ, не надо ироніи, не надо злости... Зачѣмъ намъ разставаться врагами? Я дорожу этимъ „мизернымъ“ романомъ, въ немъ были хорошія страницы... сказала она, взглянувъ ему прямо въ лицо печальными и ласковыми глазами.

— Не сомнѣваюсь въ вашемъ великодушіи, отвѣтилъ Нестужевъ;—но такъ какъ я представляю любящаго, то мнѣ это чувство не къ лицу. И простите меня, если я думаю что для васъ должно быть довольно безразлично, съ какими вообще чувствами я разстанусь съ вами.

Лицо Ларисы сохраняло все то же ласковое и печальное выраженіе.

— Развѣ мы не увидимся больше? сказала она.

— Постараюсь по крайней мѣрѣ избавить васъ отъ этой непріятности, отвѣтилъ Нестужевъ.

Онъ поклонился, она протянула руку. Въ сосѣдней комнатѣ слышенъ былъ голосъ Марьи Ивановны вернувшейся другимъ ходомъ. И Ларисѣ, и Ипполиту Сергѣичу не хотѣлось чтобъ она услѣла войти.

— Вы потрудитесь передать мои извиненія вашей маман? сказалъ Нестужевъ.

— Вы уѣзжаете изъ Петербурга? захотѣла знать Лариса.

— Нѣтъ, я предполагаю здѣсь остаться по крайней мѣрѣ нѣкоторое время... Но развѣ это не все равно? Въ Петербургѣ можно не встрѣчаться, а встрѣтившись—не замѣтить, другъ друга, отвѣтилъ Нестужевъ.

Лариса продолжала глядѣть ему прямо въ лицо спокойными, какъ будто укоряющими глазами. Она готова была бы сдѣлать еще одну попытку побѣдить его враждебное чувство, но слова не приходили, не сказывались.

Вдругъ кто-то осторожно постучалъ въ дверь.

— Войдите, откликнулась Лариса.

Оба оглянулись, досадуя на некстати являющееся постороннее лицо и чуть не вскрикнули отъ изумленія: на порогѣ стоялъ Глѣбъ Дмитричъ Зимовьевъ.

Онъ въ это утро только-что пріѣхалъ изъ-за границы и передѣвшись, отправился наудачу прямо въ одинъ изъ болѣе извѣстныхъ отелей, такъ какъ его петербургскій корреспондентъ не догадался сообщить адресъ Волчець-Соколинскихъ.

Лариса въ первую минуту какъ будто забыла все что запуталось между ею и Глѣбомъ Дмитріевичемъ, всю скуку и весь страхъ его настойчиваго ухаживанія, весь холодъ ихъ послѣдней встрѣчи.

— Вотъ неожиданно! воскликнула она со внезапнымъ слабымъ румянцемъ на лицѣ, радостно подавая ему руку.

Глѣбъ Дмитричъ, на правахъ стараго деревенскаго знакомаго, поднесъ эту руку къ губамъ въ ту самую минуту какъ Марья Ивановна входила въ гостиную, и увидавъ его остановилась пораженная.

Среди послѣдовавшихъ привѣтствій и восклицаній Нестужевъ былъ точно забытъ. Глѣбъ Дмитричъ первый обернулся къ нему и крѣпко пожалъ ему руку. Странное, растерянное и какъ будто злое выраженіе на лицѣ молодаго человѣка бросилось ему въ глаза, но некогда было останавливаться на этомъ.

— Въ штатскомъ! поздравляю! Или у насъ кажется не принято поздравлять съ отставкой? сказала Марья Ивановна.

Нестужевъ что-то пробормоталъ въ отвѣтъ и тотчасъ сталъ прощаться.

— Куда же вы? удивилась Марья Ивановна, а Глѣбъ

Дмитричь съ невольнымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на него и на Ларису.

— Тороплюсь... отвѣтилъ Нестужевъ, и сдѣлавъ общій поклонъ, послѣшшо направился къ выходу.

— Не забывайте же насъ, мы теперь все больше дома! крикнула ему вслѣдъ ничего не подозрѣвавшая Марья Ивановна.

Нестужевъ не отвѣчалъ. Лариса прошла въ маленькую прихожую, но увидѣла только издали его выправленную по военному фигуру, быстро удалявшуюся по корридору. Что-то тихонько сжало ей сердце пока она стояла предъ стеклянною дверью и слышала частый стукъ его шаговъ...

Марья Ивановна успѣла уже между тѣмъ сообщить Зимовьеву печальную новость о Григоріи Никитичѣ. Когда Лариса вернулась въ гостиную, она застала обоихъ за воспоминаніями о покойникѣ. Глѣбъ Дмитричь зналъ его съ дѣтства и извѣстіе поразило его.

— Грустно что никого изъ насъ не было тамъ, сказалъ онъ.

— А ужъ какъ я-то пожалѣла что васъ тамъ нѣтъ, подхватила Марья Ивановна:—Клеопатра Михайловна я думаю и голову потеряла... А Миловановъ, между нами сказать, лгуть; хоть по виду и благочестивый человекъ, а воля ваша, не имѣю я къ нему довѣрія. Изъ приказныхъ вѣдъ онъ. А тутъ еще какое обстоятельство: кулца Пустобрюхова вы знаете?

— Еще бы! это одна изъ тѣхъ тощихъ фараоновыхъ кравъ которая пожрала тучныхъ; лгуть черезъ десять всѣ наши имѣнья будутъ у Пустобрюховыхъ да у Миловановыхъ, отвѣтилъ Зимовьевъ.

— Вотъ этотъ-то Пустобрюховъ переговаривался съ Миловановымъ чтобы купить Волчій Долъ, продолжала Марья Ивановна.—А дѣло-то серьезное, хозяйство залущено, доходу почти никакого; гдѣ ужъ мнѣ съ Ларой управиться?

— Да, тамъ и опытному хозяину пожалуй не подъ силу будетъ, замѣтилъ Зимовьевъ.

— Вотъ то-то же! озабоченно подтвердила Марья Ивановна, и печально взглянула на дочь.

Лариса сидѣла нѣсколько всторонѣ отъ нихъ и искоса, съ неловкатымъ ей самой радостнымъ любопытствомъ, взглядывала на Зимовьева. Какимъ образомъ онъ здѣсь? что могло заставить его такъ скоро вернуться изъ-за границы? Это

было такъ странно и... такъ весело! Да, весело, въ эту минуту она несомнѣнно испытывала какое-то необъяснимое чувство веселья среди всѣхъ печальныхъ впечатлѣній грустно начавшагося дня. Она не умѣла дать себѣ отчетъ въ этомъ чувствѣ, но знала что съ нимъ вернулась къ ней часть чего-то прежняго, какъ будто не Нестужевъ, а Зимовьевъ долженъ былъ принести съ собою родной воздухъ Волчьяго Дола, и лунный свѣтъ, и соловья, и все о чемъ она такъ недавно и такъ грустно припоминала. Кто могъ объяснить эту непонятную причуду впечатлѣній? Лариса снова взглядывала на Зимовьева и чувствовала что ей дѣлается какъ-то спокойно въ его присутствіи, что съ его пріѣздомъ какъ будто явилась неосызаемая опора, снялось что-то трудное, отъ чего она испытывала непонятное тайное утомленіе.

Зимовьевъ всталъ и пересѣлъ ближе къ ней.

— Мы думали что раньше зимы не увидимъ васъ въ Петербургѣ, сказала Лариса.

— И я тоже не предполагалъ такъ рано вернуться, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитричъ.

Въ тонѣ какимъ были произнесены эти слова кажется не было ничего особеннаго, но Ларисѣ почему-то послышался въ нихъ недосказанный смыслъ, заставившій ее слегка смутиться.

— Разкажите гдѣ вы были, что видѣли... вѣдь мы даже не спросили васъ когда вы пріѣхали? сказала она.

— Я сейчасъ пріѣхалъ, отвѣтилъ какъ бы безразличнымъ тономъ Глѣбъ Дмитричъ. — А былъ я сначала въ Берлинѣ, откуда меня выгнали наши дипломаты...

— Вы во время самаго конгресса тамъ были? полюбопытствовала Марья Ивановна.

— Да, къ несчастію... но зрѣлище этого великаго жертвоприношенія такъ дурно дѣйствовало на мои нервы что я бѣжалъ, избавивъ тѣмъ добросовѣстную нѣмецкую полицію отъ лишнихъ хлопотъ.

— Но какое жъ было дѣло до васъ полиціи? удивилась Марья Ивановна.

— А такое что я драться сталъ, объяснилъ совершенно спокойно Глѣбъ Дмитричъ. — Оттуда я проѣхалъ въ Вѣну, затѣмъ въ Парижъ, но берлинскій кошмаръ такъ неотступно преслѣдовалъ меня что я наконецъ скрылся отъ него въ Швейцарію, въ крошечной невѣдомой деревушкѣ, прилѣпившейся

между скалами и моремъ. Тамъ я прожилъ цѣлый мѣсяцъ среди очень милыхъ людей, изъ которыхъ никто никогда не видалъ ни одной газеты и ничего не слышалъ о Берлинскомъ конгрессѣ. Это все чего я требовалъ отъ нихъ.

— Это похоже на васъ! улыбнулась Лариса.—Но наконецъ въ этомъ превосходномъ обществѣ вамъ сдѣлалось скучно...

— Нисколько. Я вѣроятно еще нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ бы тамъ и потомъ сдѣлалъ бы маленькое путешествіе въ Америку или въ Индію, еслибы не получилъ одного дѣловаго письма изъ Петербурга, которое заставило меня въ тотъ же день выѣхать въ Россію... продолжалъ Зимовьевъ.

— Не случилось ли у васъ дома чего-нибудь? спросила какъ бы даже перепугавшись Марья Ивановна.

— Нѣтъ, я уже сказалъ что письмо было изъ Петербурга, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитричъ, и взглядъ его какъ-то скользнулъ мимо внимательныхъ глазъ Ларисы.— Но разкажите же что вы сами подѣлываете и какъ вамъ понравился Петербургъ? Измѣнилъ ли онъ для васъ свой непривѣтливый видъ?

Лариса отвѣчала разсѣянно. Ей хотѣлось знать что такое писали Глѣбу Дмитричу, и она досадовала зачѣмъ онъ перемѣнилъ разговоръ. Тайное чувство опять подказало ей что было какое-то недоговоренное значеніе въ его словахъ, и что это значеніе касалось ея самой. Но она ни за что не рѣшилась бы прямо спросить. Только когда Марья Ивановна вышла изъ гостиной и Глѣбъ Дмитричъ упомянулъ что приближается самое скучное время въ Петербургѣ, она какъ бы вскользь замѣтила:

— Намъ съ вами не все ли равно? У насъ трауръ, а вы пріѣхали по дѣлу, слѣдовательно ваше время будетъ занято...

— Напротивъ, въ Петербургѣ я всегда совершенно праздный человекъ, возразилъ Зимовьевъ,—а теперь даже больше чѣмъ когда-нибудь, потому что при одной мысли о здѣшнихъ дѣлахъ мнѣ тотчасъ чудится Берлинскій конгрессъ...

— Но ваше личное дѣло, по которому васъ вызвали изъ-за границы... наломвила Лариса.—Вѣдь вы говорили о дѣловомъ письмѣ.

Зимовьевъ отвѣтилъ неопредѣленно и опять перемѣнилъ разговоръ. Ни о Нестужевѣ, ни о настоящей причинѣ своего внезапнаго пріѣзда, онъ такъ и не упомянулъ ни однимъ словомъ, и отказавшись подъ предлогомъ усталости отъ обѣда, простился до завтра.

VIII.

Въ Петербургѣ у Глѣба Дмитрича было очень много знакомыхъ. Рѣшившись повидаться съ нѣкоторыми изъ нихъ, онъ началъ съ князя Павла Платоновича, съ которымъ его соединяли давнія дружескія отношенія, поддерживавшіяся не только общностью взглядовъ, но и сходствомъ въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ личной жизни обоихъ.

Князь жилъ въ собственномъ домѣ на Сергіевской, съ двумя сыновьями, изъ которыхъ одного, служившаго въ кавалерійскомъ полку, мы уже немножко знаемъ. Другой, юноша лѣтъ восемнадцати, учился сначала въ привилегированномъ закрытомъ заведеніи, но въ прошломъ году вышелъ оттуда не кончивъ курса, отчасти по непріятности съ начальствомъ, отчасти вслѣдствіе овладѣвшаго имъ, подъ различными вліяніями, желанія поступить въ университетъ. Въ настоящее время онъ жилъ дома и по его словамъ готовился къ экзамену.

Павель Платоновичъ уже пятнадцать лѣтъ какъ разошелся съ женой. Причиной разрыва былъ романъ, о которомъ въ городѣ разказывали различно. Большинство знавшихъ княгиню Ирину Алексѣевну считали ее женщиной неспособною ни къ какому искреннему увлеченію. Мужа она никогда не любила, и могло случиться что Павель Платоновичъ, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ ума и сердца, въ домашней жизни обнаруживалъ характеръ нѣсколько тяжелый и неуступчивый. Во всякомъ случаѣ было извѣстно что человекъ которымъ увлеклась княгиня былъ во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо ниже князя и считался личностью недостойною и даже презрѣнною. Отношенія ихъ начались еще лѣтъ за пять до разрыва и старательно прикрывались тайной; но затѣмъ, по какимъ-то никому невѣдомымъ причинамъ, княгиня вдругъ оставила всякую осторожность и стала даже какъ бы нарочно, съ изумившею всѣхъ наглостью, выставять на показъ свою интригу. Въ ея новой манерѣ держать себя выражалось не только презрѣніе къ общественному мнѣнію, но еще что-то лично-мстительное, какъ бы направленное къ поруганію мужа. Многіе предполагали что княгиней руководила цѣль—отнять у Павла Платоновича всякую возможность воспрепятствовать разрыву. Вскорѣ она дѣйствительно уѣхала за границу,

захвативъ съ собою предметъ своей страсти, купила домъ въ Ниццѣ и жила тамъ почти безвыѣздно уже пятнадцать лѣтъ. Развода она не требовала, и на предложеніе мужа отвѣчала отказомъ, хотя вначалѣ до отѣзда изъ Россіи сама первая настаивала на формальномъ расторженіи брака. Одумавшись она очевидно предпочла сохранить титулъ и имя.

И въ другомъ отношеніи намѣренія ея тоже измѣнились. Уѣзжая она ставила непремѣннымъ условіемъ чтобы младшій сынъ ея, трехлѣтній Володя, былъ къ ней высланъ какъ только она устроится за границей. Павелъ Платоновичъ не спорилъ. Но проходили мѣсяцы, прошелъ годъ, а княгиня не вспоминала о ребенкѣ. Мужъ наконецъ написалъ ей объ этомъ; она отвѣчала кратко и язвительно что охотно приметъ мальчика, если князь докажетъ предъ судомъ что это не его сынъ. Павелъ Платоновичъ прекратилъ переписку...

Зимовьевъ захвѣлъ къ нему предъ самымъ обѣдомъ, зная что въ этотъ часъ князь обыкновенно возвращается изъ какого-то совѣта, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ. Бѣлокурый юноша съ нѣжными, почти женскими чертами лица, большими голубыми глазами и тонкимъ носомъ, выбѣжалъ навстрѣчу и, узнавъ Глѣба Дмитрича, провелъ его въ кабинетъ, гдѣ только-что пріѣхавшій Павелъ Платоновичъ переоблачался изъ вицъ-мундира въ просторную домашнюю жакетку.

Старые знакомые обнялись и поцѣловались.

— Откуда и надолго ли? спрашивалъ князь.

Зимовьевъ отвѣтилъ что изъ-за границы, а надолго ли — будетъ зависеть отъ обстоятельствъ.

— Обѣдаешь конечно у меня?

— Отлично, согласился Глѣбъ Дмитричъ.

Паша къ обѣду не явился, приславъ сказать что останется у Анны Всеволодовны.

— Ужъ разумѣется, замѣтилъ на это какимъ-то страннымъ тономъ Володя.

— А что Анна Всеволодовна? спросилъ Зимовьевъ. — Я вѣдь сегодня только пріѣхалъ, ни у кого не успѣлъ быть. Анатолий не вернулся еще?

— Ждемъ со дня на день, отвѣтилъ князь. ?

— Анна Всеволодовна кажется еще похорошѣла, вотъ увидишь. Гвардія возвращается въ концѣ мѣсяца, но Анатолий вѣдь не съ полкомъ, онъ долженъ раньше быть.

— Такъ что онъ не будетъ участвовать въ церемоніаль-

номъ вступленіи героевъ-побѣдителей? спросилъ иронически Володя.

Зимовьевъ вопросительно посмотрѣлъ на него, а молодой человекъ, догадавшись что его замѣчаніе показалось неумѣстнымъ, прибавилъ вызывающимъ тономъ:

— Анатолий вѣдь столько крестовъ получилъ что пожалуй не сядетъ на лошадь. Какъ всѣ кто не дрался...

Оставшись послѣ обѣда вдвоемъ съ Павломъ Платоновичемъ, Зимовьевъ не удержался и спросилъ:

— Что это Володя какой-то странный дѣлается?

Князь пожалъ плечами.

— Не ладитъ съ братьями, отвѣтилъ онъ неохотно, — да и вообще какъ-то сбился съ толку. Захотѣлъ готовиться въ университетъ, училище бросилъ, а между тѣмъ не вижу я чтобъ онъ серьезно занимался. Но главное...

Онъ приостановился, придумывая какъ бы выразить свою мысль...

— Главное не откровененъ онъ со мной, и все какія-то свои знакомства у него. Ну и какъ водится красный совѣтъ.

— Это я и подумалъ, замѣтилъ Зимовьевъ. — Но скажи пожалуйста какъ у васъ тутъ вообще? Какія вѣянія и теченія?

Павель Платоновичъ повторилъ движеніе плечами и поправился въ креслѣ.

— Вотъ посмотришь, прислушаешься, самъ узнаешь, если только есть что узнавать, отвѣтилъ онъ. — Въ обществѣ, разумѣется, крайнее неудовольствіе Берлинскимъ трактатомъ и, какъ теперь принято говорить, изнанкой войны. Да и вообще кажется всѣ и всѣмъ недовольны. Знаешь, мнѣ представляется что мы всѣ ужасно состарились, все намъ ужасно надоѣло, такъ что мы ужъ никакихъ поправокъ не хотимъ, а ждемъ лишь бы скорѣе какъ-нибудь все кончилось...

— Веселенькое положеніе! промолвилъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Да, и любытънѣ всего что козломъ отпущенія хотять сдѣлать тѣхъ кто думаетъ и чувствуетъ по-русски, продолжалъ Ладожскій. — Осрамившіеся Европейцы наши валяютъ теперь съ больной головы на здоровую: мы молъ сочинили эту войну, влутали Россію въ какую-то славящину и навлекли на насъ всѣ бѣдствія.

— Это я еще за границей слышалъ, подтвердилъ Зимовьевъ. — Ну, а какъ подвигается ваша революція? Въ Берлинѣ я по нѣкоторымъ признакамъ думалъ что мы въ этомъ отношеніи далеко впередъ ушли.

— Нѣтъ, съ этимъ какъ-то притихли, отвѣтилъ князь. — Полагають вообще что дѣло ограничивается ничтожною горстью сумасбродовъ, которымъ не слѣдуетъ придавать значенія. Да впрочемъ чему же теперь придаютъ значеніе!

— Ну, а ты самъ-то какъ на все это смотришь? спросилъ Зимовьевъ.

Въ крупныхъ чертахъ Павла Платоновича выразилось не то печальное, не то даже забавное недоумѣніе.

— Я-то? переспросилъ онъ. — Да вотъ я тебѣ скажу: на дняхъ случилось мнѣ говорить съ однимъ нашимъ сановникомъ о нѣкоторомъ крупномъ и весьма не красивомъ безобразіи. Дѣло прямо касалось его вѣдѣнія. Слушалъ онъ меня, слушалъ, да потомъ ни слова не говоря махнулъ обѣими руками... Такъ какъ-то чудесно это у него вышло что я болѣе выразительнаго жеста не видывалъ. Цѣлое резюме въ немъ сказалось. И знаешь что мнѣ сейчасъ представилось? Сидимъ мы напримѣръ въ какомъ-нибудь комитетѣ, докладъ слушаемъ. Скучный этакій, длинный и преглупый. Конца ему нѣтъ, то на часы посмотришь, то прикинешь глазомъ, сколько еще листовъ осталось. А тутъ вдругъ кто-то не выдержалъ, началъ доказывать что вотъ такъ лучше будетъ. Ахъ, чтобы тебя чортъ побралъ! Разумѣется такъ лучше будетъ, да вѣдь во всемъ докладѣ толку нѣтъ, такъ тутъ самое главное — кончить поскорѣе!

Глѣбъ Дмитричъ молча поправляя усы, и его задумавшіеся глаза глядѣли не весело.

— Но вѣдь есть же такіе которые не кончатъ, а начивать хотять, которые жить хотять! сказалъ онъ черезъ минуту. — Есая вы сами тутъ ловыдохлись, изъ этого не слѣдуетъ чтобы вся страна должна была топтаться на одномъ мѣстѣ въ какомъ-то мертвомъ пространствѣ.

— Такъ попробуй, выведи ее изъ этого мертваго пространства! отвѣтилъ Павелъ Платоновичъ. — Иные вотъ и идутъ въ революцію, а масса, толпа, по обыкновенію живетъ инстинктомъ, общею неопредѣленною потребностью перемѣны. Вѣдь ей всегда кажется что за наличными силами, въ которыя она перестаетъ вѣрить, стоитъ какая-то еще ветровая сила, которая всѣхъ спасетъ и все перевернетъ. Только какъ ее, эту силу, на ноги поднять?

— Ахъ, какъ легко ее поднять! догадаться только стоить, гдѣ она и что она.... отвѣтилъ Зимовьевъ, и разговоръ

перешелъ въ политическій споръ затаявшійся до поздняго вечера.

На другой день Глѣбъ Дмитричъ съ утра выѣхалъ по разнымъ дѣламъ. При поворотѣ съ Михайловской улицы карета его вдругъ натолкнулась на густую толпу зазрудившую часть площади и Итальянской улицы. Въ народѣ шелъ гулъ и замѣчалось необычное движеніе, полиція свозила, очищая дорогу для официальныхъ лицъ то и дѣло подѣзжавшихъ къ угольному дому, въ которомъ помѣщается извѣстная кондитерская Бочкурова.

Экипажъ остановился.

— Что такое? спросилъ Глѣбъ Дмитриевичъ суетившагося близки городского.

— Шефа жандармовъ закололи, отвѣтилъ тотъ съ замѣтымъ въ лицѣ волненіемъ.

— Какимъ образомъ? Когда?

— Да всего съ часъ... кивжаломъ... говорить кончается.

— Схватили кого-нибудь?

— Никакъ нѣтъ-съ... не могу звать...

— Никого не схватили! произнесъ мрачно какой-то мужикъ въ армячкѣ, потуляясь.

— Отъ-вз-жай! отчетливо скомандовалъ жандармскій офицеръ, подсакивая красивымъ курчалопомъ къ самому окну кареты.

Кучеръ сталъ медленно заворачивать лошадей.

В. АВСТЕНКО.

(До слѣд. №).

ВЪ АЛЬБОМЪ

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ ГРАФА АЛЕКСѢЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ТОЛСТАГО

Стрѣлокъ, на той полянѣ
Кто поздно такъ бѣжить?
Что тамъ въ ночномъ туманѣ
Клубится и кипитъ?
Что значить это лѣвье
И струнъ въ эфирѣ звонъ,
И хохоть, и смятенье,
И блескъ со всѣхъ сторонъ?

*
**

— Друзья, то вереница
Волшебницъ и сальфидъ;
Предъ ними ихъ царица
Воздушная бѣжить;
Бѣжить глухой дорожкой,
Мелькаетъ вдоль рѣки, —
Подъ маленькою ножкой
Не гнутся стебельки.

*
**

Ей нѣтъ красавицъ равныхъ,
 Ея чудесенъ видъ,
 И много бардовъ славныхъ
 Любовью къ ней горитъ;
 Но бойся, путникъ смѣлый,
 Въ ея погастыся сѣтъ
 Иль кончикъ ножки бѣлой
 Нечаянно узрѣть.

*
**

Когда луна золотая
 Глядитъ въ зеркало водъ,
 Въ лучахъ ея играя,
 Какъ сонъ она льветъ;
 Наступитъ ли денница,
 Она слѣшитъ ужъ прочь;
 Пустокъ — ей колесница,
 Ея отчизна — ночь.

*
**

Лишь въ сумеркахъ застанетъ
 Въ лѣсу она стрѣлка,
 Зоветъ его и манитъ
 Къ себѣ издалека;
 Скользитъ надъ влагой зыбкой
 Среди глухихъ болотъ
 И странника съ улыбкой
 Надъ пропастью ждетъ.

*
**

Сильфидъ она всѣхъ краше,
 Волшебницъ всѣхъ милѣй;
 Сѣдые барды наши
 Горятъ любовью къ ней;
 Но бойся, путникъ смѣлый,
 Въ ея погастыся сѣтъ
 Иль кончикъ ножки бѣлой
 Нечаянно узрѣть.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

ВЪ МОГИЛЕВЪ ВЪ 1780 ГОДУ*.

VI. Путешествіе Іосифа и Екатерины въ Петербургъ.

30 мая послѣ обѣда путешественники отправились въ путь. Добрынинъ разказываетъ: „Выѣздъ императрицы былъ при колокольномъ звонѣ, при лущечной пальбѣ и при вяломъ стеченіи городского народа, ибо не долженъ я пропустить что бѣлорусскіе жители почти всѣхъ состояній,—исключая любопытныхъ Жидовъ когда у нихъ не саббасъ,—смотрятъ на великой и малой предметъ, на печальной и радостной, съ кошечнымъ равнодушіемъ и совсѣмъ не имѣютъ той пріятной наружности, которая рождается отъ внутреннихъ движеній, при случаѣ отличныхъ предметовъ.

„Съ государынею въ каретѣ сѣли: императоръ, министръ его графъ Кобенцель, придворная дама, ежели я не ошибаюсь, графиня Браницкая, сестра князя Потемкина (sic), Александръ Дм. Ланской и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Очень понятно что карета была не меньше моего кабинета,

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 8.

въ которомъ я теперь пишу. А графъ Чернышевъ, яко хозяинъ губерни, скакалъ предъ окномъ верхомъ. По выѣздѣ же за ворота—ахъ нѣтъ! за *шлагъ-баумъ*!—государыня позволила ему сѣсть въ его карету.

„Мнѣ хотя нельзя было лѣшему догонять экипажей чтобы быть очевидцемъ, когда графъ садился въ карету, однакожь сказали тѣ, которые тамъ были, и имъ можно вѣрить.

„30 верстъ отъ Могилева въ Шкловѣ, владѣлецъ онаго, генералъ-майоръ Зоричъ готовъ уже былъ давно принять вѣнценосныхъ гостей торжественно. Ублагодѣльствованный и получившій все что имѣеть отъ щедрыя императрицы, не щадилъ онъ ничего. Обѣдъ, ужинъ, маскарадъ, театръ, фейерверкъ, кадетскій корпусъ, основанный и содержанный его иждивеніемъ, многочисленный съѣздъ во всемъ Шкловѣ дворянства, словомъ, все было у хозяина одушевлено. Государыня имѣла у него ночлеги; а графъ Чернышевъ не участвовалъ въ зрѣлищахъ. Онъ тотчасъ выѣхалъ впередъ, въ городъ Кольисъ, къ чему должность хозяина губерни была для него предлогомъ; въ самомъ же дѣлѣ, ссора съ Потемкинымъ мѣшала его удовольствіямъ.“ *

Въ дневной запискѣ, составленной Безбородкомъ, упоминается о триумфальныхъ воротахъ, о пантомимѣ представленной на театрѣ Зорича и пр. Для простаго народа поставлены были качели и другія забавы и, сверхъ того, быкъ, хлѣбы и разныя питья. **

Не даромъ Безбородко писалъ Воронцову изъ Лядъ, 1 іюня: „Время наше проводили мы въ Могилевѣ весело, почти во всегдашнемъ угарѣ отъ забавъ. О великолѣліи Шкловскомъ впередъ на словахъ разкажу.“ ***

На другой день, „по выслушаніи службы Божіей, для дня воскреснаго, въ Дѣвичьемъ монастырѣ“, путешественники отправились дальше. Въ Оршѣ была торжественная встрѣча со стороны тамошняго православнаго, римскаго и униатскаго духовенства. Тамъ же былъ и обѣденный столъ. Въ Дубровкѣ, мѣстечкѣ принадлежавшемъ великому канцлеру литовскому Салтѣгъ, были триумфальныя ворота съ играющею на нихъ музыкой. Къ вечеру путешественники остановились въ

* Р. Стар. IV. 118.

** Сб. И. О. I. 408.

*** Сб. И. О. XXVI. 69.

мѣстечкѣ Лядахъ, на границѣ Могилевской губерніи; тамъ былъ ночлегъ.

Изъ Лядъ Безбородко писалъ къ А. Р. Воронцову 1 іюня: „Съ гостемъ нашимъ * обходился кажется съ довольною пристойностью; онъ ни мало не тягостенъ, лишь бы только не женировалъ сами себя. Везуть его въ каретѣ шестимѣстной. Въ большомъ мѣстѣ сидитъ государыня, онъ и графъ Румянцевъ, а насупротивъ Александра Васильевна **, Кобенцель и Ланской. Сегодня будемъ мы въ Смоленскѣ и пр.

И генераль-губернаторъ Смоленской губерніи, знаменитый князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и дворянство встрѣтили путешественниковъ особенно торжественно. На всѣхъ станціяхъ дворянство выставило своихъ лошадей съ почталіонами своими же, „весьма изрядно“ одѣтыми. При вѣздѣ въ городъ Смоленскъ, кромѣ триумфальныхъ воротъ, были съ обѣихъ сторонъ дороги пирамиды украшенныя надписями въ стихахъ. Предъ духовенствомъ встрѣчавшимъ государыню шли „отроки въ бѣлыхъ одеждахъ, имѣвшіе въ рукахъ зеленныя вѣтки и цвѣтами путь устилавшіе.“ Въ тотъ же вечеръ у генераль-губернатора былъ балъ. На другой день императрица съ Іосифомъ II смотрѣла ризницу смоленскаго архіерея. И 2 іюня былъ балъ. 3 іюня генераль-губернаторомъ былъ данъ балъ въ маскахъ, въ покояхъ построенныхъ предъ форштатомъ. „На театрѣ, тутъ же сдѣланномъ, представленіе была благородными обою пола російская комедія съ хоромъ. Въ продолженіи бала въ залу вступила кадрилія, которая танцовала сдѣланный для нея нарочно контраданецъ.“

Во время трехдневнаго пребыванія въ Смоленскѣ были собраны разныя свѣдѣнія о присутственныхъ мѣстахъ въ городѣ, о финансовомъ состояніи города, о торговыхъ оборотахъ, о фабрикахъ, мельницахъ и пр.

Особенно любопытно письмо Безбородки къ Воронцову изъ Смоленска, отъ 3 іюня. Тутъ мы узнаемъ какъ Іосифъ II бесѣдовалъ съ графомъ во время путешествія о весьма важныхъ предметахъ. Нѣкоторое личное сближеніе императора съ Безбородкомъ было тѣмъ болѣе важно что Панинъ, какъ

* Іосифомъ II.

** Фрейлиизъ Энгельгардтъ.

министръ иностранныхъ дѣлъ, уже не имѣлъ почти никакого значенія, Безбородко же именно въ это время все болѣе и болѣе начиналъ играть роль настоящаго министра иностранныхъ дѣлъ. Безбородко пишетъ: „Между разговорами, которыми прѣвзжій гость меня ежечасно удостоиваетъ, спрашивалъ онъ меня, между прочимъ, о образѣ управленія дѣлами ея императорскаго величества и дивился, когда я на его вопросъ сказалъ что всѣ дѣла министерства нашего не иначе къ министрамъ у дворовъ посылаются, какъ по аппробаціи проектовъ самою государыней; что ни одна бумага не проходитъ которая въ оригиналѣ не была бы представлена ея величеству; ибо онъ думалъ что реляціи или письма подносятся ей только кратко, и то что прямо достойно ея любопытства. Продолжая часто свои похвалы графу Руманцову и другимъ съ кѣмъ онъ сдѣлалъ знакомство, и говоря что мы не можемъ жаловаться на недостатокъ людей, обратился пока къ иностранному департаменту и началъ выхвалять слогъ нашъ, утверждая что чтеніе многихъ бумагъ, двору ихъ сообщенныхъ во время войны съ Турками и во время послѣдней негодіаціи между ихъ и Берлинскимъ дворомъ, доказало ему сколь искусно и хорошо у насъ пишутъ. Тутъ вступилъ онъ въ похвалы графу Никитѣ Ивановичу, * говоря что онъ очень радъ приобрести его знакомство, что достоинства частныхъ людей не столько признаваемы бываютъ при нихъ какъ послѣ ихъ,—авацѣжъ однихъ государей, коихъ таланты при жизни ихъ болѣе примѣтны и ощутительны, но тутъ, по его словамъ, часто участвуетъ и похлѣбство. Я сказалъ ему что и они имѣютъ министра великую славу приобрѣвшаго благоразумнымъ управленіемъ дѣлъ ему порученныхъ; но онъ мнѣ тутъ сказалъ что онъ отдаетъ всю справедливость достоинствамъ князя Кауница, но не находитъ чтобъ ему было столько случаевъ и обстоятельствъ показать себя какъ графу Никитѣ Ивановичу, который по сіе время имѣлъ репутацію министра, въ дѣлахъ всю Европу интересующихъ приобрѣтшаго такую силу что можно приписать ему какъ девизъ: fiat et fit. Послѣ того распространился онъ о трудности званія министра иностранныхъ дѣлъ, объясняя что управители другихъ частей, имѣя дѣло съ подданными государей своихъ, не

* Панину.

имѣють никакой заботы, какъ только приказывать и ожидать повиновенія, а иностранныхъ дѣлъ министр не рѣдко долженъ повелѣвать людьми кои никакъ повиноваться не привыкли, и имѣть въ виду не тѣсныя предѣлы земли своей, но дѣлаю такъ сказать вселенную. Не могу я вспомнить многихъ околичностей сего разговора, но не могу вспомнить безъ смѣха когда онъ у меня спросилъ: служилъ ли графъ Панинъ въ войскахъ, и когда ему отвѣчалъ что служилъ въ конной гвардіи, то онъ мнѣ молвилъ: вы также служили, какъ я слышалъ, всю войну подмастерьемъ толь искуснымъ. Должно признаться что напрасно думаютъ, будто бы военная служба не имѣла ничего общаго съ гражданскою, а можно сказать что первая есть очень хорошее приуготовленіе послѣдней, ибо въ первой практика научаешь быть на всѣ извороты готовымъ и скорымъ къ экзекуціи. Дошелъ онъ до особъ трудящихся въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и, видно, слышавъ отъ Кобенцеля, спросилъ о Петрѣ Васильевичѣ Бакунинѣ, любопытствуя что онъ имѣеть ли только управление департаментомъ, или участвуетъ и въ министерствѣ. Онъ, объ немъ отзывался съ большими хвалами, ставя на его счетъ и всѣ французскія піесы о которыхъ говорилъ прежде. Впрочемъ, любопытству его конца нѣтъ... Забылъ я сказать что онъ мнѣ третьяго дня говорилъ относительно особы великаго князя, изъявляя свое желаніе и нетерпѣливость познакомиться съ нимъ, какъ съ современникомъ своимъ, который по превосходнымъ дарованіямъ своимъ будетъ служить украшеніемъ нынѣшнему вѣку. Я люблю въ немъ, примолвилъ онъ, — ту точность съ которою, какъ всѣ меня увѣряютъ, управляетъ всѣ дѣла, какія онъ на себѣ имѣеть. Таковая точность вещь есть рѣдкая въ молодыхъ людяхъ, но она нужна и въ особахъ его состоянія тѣмъ полезнѣе что безъ сомнѣнія въ свое время и сдѣланное удержать и недоконченное совершить. **

Какъ видно, императоръ Иосифъ II нашелъ въ Безбородкѣ пріятнаго и полезнаго собесѣдника. Въ секретарѣ императрицы онъ видѣлъ дѣльнаго и необходимаго для государыни и Россіи царедворца, котораго онъ поздравилъ и отличилъ отъ другихъ, возведя его въ графское достоинство Римской имперіи. **

* Сб. И. О. XXVI. 372—373.

** Тамъ же 69.

Изъ письма Безбородка мы видимъ также что Иосифъ II былъ доволенъ Россіей или по крайней мѣрѣ желалъ казаться довольнымъ и Россіей, и пріемомъ ему оказаннымъ, и главными дѣйствующими лицами.

Въ письмѣ Иосифа изъ Смоленска отъ 3 (14) іюня 1780 къ Маріи Терезіи, онъ также хвалитъ и Россію, и императрицу, и выражаетъ ожиданіе важныхъ результатовъ своего путешествія. Онъ писалъ:

„Я имѣлъ честь въ продолженіи двухъ съ половиною сутокъ провожать императрицу въ ея путешествіи; я сидѣлъ съ нею въ шестимѣстной каретѣ чрезвычайно удобно и пріятно; она какъ нельзя болѣе любезна и богата познаніями.

„Дороги отличныя, широкія, обсажены деревьями, но не мощены, онѣ состоятъ только изъ земли и песку и вслѣдствіе того портятся отъ малѣйшаго дождя. Пейзажъ становится здѣсь болѣе красивымъ чѣмъ въ Бѣлоруссіи, бывшей Польши. Завтра ея величество уѣдетъ отсюда для продолженія своего путешествія; я же въ свою очередь отправлюсь въ Москву, куда я надѣюсь пріѣхать въ субботу бго вечеромъ. Вы можете легко представить себѣ каковъ нашъ караванъ, состоящій изъ 120 различныхъ экипажей составляющихъ свиту; вездѣ происходятъ торжественныя церемоніи, обѣды въ 80 кувертовъ, балы, игра въ карты при дворѣ и пр. Въ промежуткахъ и, такъ сказать, въ видѣ вознагражденія случаются и бесѣды съ ея величествомъ. Вотъ главные предметы о которыхъ говорилось:

„1. Былъ случай когда я могъ откровенно говорить о Прусскомъ королѣ и о ложныхъ слухахъ, имъ на мой счетъ распространяемыхъ. Ея величество со мною согласна и нѣсколько разъ увѣрала меня въ томъ что не вѣритъ этимъ слухамъ. Мы впрочемъ не входили въ подробности; мнѣ казалось неудобнымъ жаловаться чрезмѣрно; къ тому же это могло бы поставить императрицу въ неловкое положеніе.

„2. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, я сказалъ ея величеству что мы рѣшили во всѣхъ важныхъ дѣлахъ сообщать ей наши мысли откровенно и испрашивать ея совѣта. Ей это очень понравилось и ея отвѣты и увѣренія были какъ нельзя болѣе дружескими и честными; она обѣщала давать совѣты самые надежныя въ случаѣ обращенія къ ней за ними, изъявляя готовность руководствоваться при этомъ тѣми

самыми правилами которымъ она слѣдуетъ имѣя въ виду свой собственный интересъ.

„3. Явилась минута когда я видѣлъ что ея величество хотѣла заговорить о своемъ любимомъ предметѣ; а потому началъ бесѣдовать съ нею о послѣдней Турецкой войнѣ, о нашихъ переговорахъ начатыхъ съ Портой и имѣющихъ цѣлью заключеніе договора, и наконецъ о ея деклараціи въ пользу Прусскаго короля. Можно было видѣть какъ все это успокоило ее; она не скрывала отъ меня что сильно безпокоилась нашими переговорами; она мнѣ доказывала что мы имѣли бы большія выгоды еслибы приняла ея предложеніе внести въ договоръ выраженіе „независимо отъ какого-либо другаго обязательства“, замѣчая что она подразумѣвала подъ этимъ Прусскаго короля; она далѣе выставляла на видъ что ея народъ еще болѣе чѣмъ она сама удивлялся тому что мы не помогли ей, и что этотъ образъ дѣйствій безъ сомнѣнія объясняется внушеніями Франціи, любящей Турокъ болѣе чѣмъ какая-либо другая изъ Европейскихъ державъ, и что такая удобная минута, такой прекрасный случай быть-можетъ никогда не возобновится.

„Я считалъ нужнымъ указать на ея союзъ съ Пруссіей. Она мнѣ замѣтила что не могла дѣйствовать иначе во время своего вступленія на престолъ; миръ при всеобщемъ разложеніи, доходившемъ до невѣроятныхъ размѣровъ, былъ дѣломъ необходимости. Затѣмъ она, казалось, хотѣла заговорить о средствѣ помочь тому злу, но остановилась и ограничилась только замѣчаніемъ что у меня пока еще нѣтъ моей столицы. Эти часто повторяемые намеки на Италію заставляютъ меня думать что у нея вкоренилась въ головѣ на этотъ счетъ какая-либо мысль; пока однако не было еще возможности развить ее. Къ этому присоединяется еще другая мысль: каждый разъ когда она говоритъ со мною о Римѣ, я ей смѣясь говорю о Константинополѣ. Однажды она мнѣ тѣмъ не менѣе сказала положительно что еслибы даже она завладѣла Константинополемъ, она не оставила бы за собою этого города и располагала бы имъ иначе. Все это меня приводитъ въ мысли что она мечтаетъ о томъ какъ бы раздѣлить свою имперію и дать своему внуку Константину имперію Востока, разумѣется послѣ завоеванія ея.* Я ожидаю что князь

* „Qu'elle pense encore à partager son Empire et à donner à son petit-fils Constantin l'Empire d'Orient, savoir quand elle l'aura conquis.

Потемкинъ во время моего путешествія въ Москву захочеть поговорить со мною объ этомъ же и что отъ него мы узнаемъ болѣе подробно обо всемъ. Я не упущу ни одного случая. Частная жизнь, которую я буду вести въ Царскомъ Селѣ и которую императрица уже наслаждается, дастъ мнѣ возможность собрать болѣе подробныя свѣдѣнія.

„Во всякомъ случаѣ уже теперь самыя вкоренившіеся предразсудки, кажется, уничтожены. Ея величество оказывасть мнѣ дружбу и очевидно очень довольна мною; такимъ образомъ будетъ проложенъ путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ если только представится случай и къ дальнѣйшимъ предложеніямъ; я думаю, что не нужно ни слѣпить, ни слишкомъ настаивать, обстоятельства того не требуютъ; слишкомъ большое рвеніе могло бы испортить многое, тѣмъ болѣе потому что все это можетъ быть ловушкой съ цѣлю заставить меня высказаться и затѣмъ употребить во зло мою откровенность; я здѣсь никому не довѣряю и, какъ кажется, вообще здѣсь никто никому не довѣряеть.

„Пребыванія въ Петербургѣ, гдѣ будетъ гораздо удобнѣе жить, я жду съ нетерпѣніемъ; вы знаете мое отвращеніе отъ всѣхъ празднествъ и церемоній, и вы можете представить себѣ какъ все это на меня дѣйствуетъ. Знакомство съ великимъ княземъ должно быть дѣломъ чрезвычайно интереснымъ, но столько же щекотливымъ. Я постараюсь держаться въ извѣстныхъ предѣлахъ и принимать въ соображеніе все то что нужно имѣть въ виду. Принцъ Прусскій сюда прѣдетъ въ сентябрѣ съ цѣлю испортить все то полезное что бы удалось мнѣ сдѣлать *. Я очень сожалею что мы здѣсь не встрѣтимся; иначе я бы имѣлъ удовольствіе возобновить съ нимъ старое знакомство.

„Осмѣливаюсь приложить при семъ списокъ тѣмъ подаркамъ которые я по сіе время долженъ былъ дѣлать. Ея величество дала мнѣ моимъ господамъ и первымъ офицерамъ шкапулки и тысячу червонцевъ для всей прислуги“ **.

Гораздо менѣе подробно и открыто писала Екатерина о своемъ пребываніи въ Могилевѣ и о своемъ путешествіи съ Иосифомъ II къ Павлу Петровичу и Маріи Θεодоровнѣ. Тѣмъ не менѣе и эти краткія письма не лишены интереса.

* Regâter si j'avais fait quelque chose de bon.

** Arneht, *Maria Theresia und Joseph II*, III 256—259.

Императрица говоритъ о празднествахъ, о погодѣ, о характерѣ городовъ чрезъ которые она проѣзжала. Между прочимъ она замѣчаетъ 29 мая: „Со вчерашняго дня графъ Фалькенштейнъ рѣшилъ проѣхать чрезъ Ригу на обратномъ пути изъ С.-Петербурга. Когда мы разстанемся съ нимъ въ Смоленскѣ, полагаю что у меня появятся крылья и я полечу къ вамъ“. 30го: „Сегодня послѣ обѣда я отъѣзжаю въ Шкловъ съ графомъ Фалькенштейномъ; но до отъѣзда мы заложимъ вмѣстѣ каменную церковь, на которой будетъ подпись въ память нашего свиданія, явленія дѣйствительно рѣдкаго. Я смѣючись говорю что какъ мы уже побѣдемъ вмѣстѣ въ шестимѣстной каретѣ, то про насъ скажутъ что везутъ диковины. Графъ Фалькенштейнъ отправляется къ обѣдѣ въ церковь іезуитовъ и онъ ихъ ни мало не дичится, напротивъ того, онъ жалѣетъ что уничтожены ихъ школы и полезный орденъ, тогда какъ столь тягостные общества нищенствующіе ордена существуютъ“. Изъ Шклова 31 мая: „Вчера мы пріѣхали сюда съ графомъ Фалькенштейномъ, сидя рядомъ въ одной каретѣ и пр.“ Изъ Лядъ, 1 іюня: „Пока мы здѣсь зябли, у васъ шелъ снѣгъ и пр.“ Изъ Смоленска 1 іюня: „Здѣсь дѣло другое, а не то что дрянные городишки бѣлорусскіе; окрестности здѣсь красивы, городъ живописенъ, соборъ великолѣпенъ; графъ Фалькенштейнъ находитъ его лучше Кіевскаго собора. Здѣсь много начатыхъ каменныхъ зданій. Начавъ отъ самой границы бѣлорусской, здѣсь уже чувствительна польза учрежденій что пять лѣтъ въ дѣйствиіи и люди добры. Я этимъ довольна... Не потѣйте заранѣе: разговоръ съ графомъ Фалькенштейномъ нисколько не наскучитъ вамъ; онъ очень уменъ и вы найдете въ немъ человѣка свѣдущаго. Онъ вамъ менѣе причинитъ скуки, нежели король Шведскій; * вспомните мое слово“. Изъ Смоленска 3 іюня: „Вчера вечеромъ я принимала у себя тьму народа. Кажется, ни одна губернія не можетъ похвалиться подобнымъ числомъ благовоспитанныхъ особъ обоюго пола. Графъ Фалькенштейнъ сказалъ мнѣ что за исключеніемъ Нидерландъ, имъ бы трудно было собрать, въ какой бы ни было провинціи, столько благовидныхъ мушницъ и хорошо одѣтыхъ женщинъ. Во время бала, которымъ я занимала изящное общество собравшееся чтобы подойти къ рукѣ моей, мы катались въ восьми-

* Густавъ III былъ въ Петербургѣ въ 1777 году.

мѣстной каретѣ по городу и вокругъ него; возвратившись къ 9 часамъ, мы застали балъ въ полномъ разгарѣ; я тогда поклонившись гостямъ, отпустила ихъ (вотъ вамъ новый способъ покончить съ баломъ). Завтра я выѣзжаю по С.-Петербургской дорогѣ, а графъ Фалькенштейнъ по Московской. Здѣшній городъ пересѣченъ нѣсколькими оврагами, которые переполнены домами и садами, все это имѣетъ видъ живописный; чрезъ овраги перекинуты мосты, такъ что кровли домовъ у васъ подъ ногами. Вокругъ собора три стѣны и стѣны сіи, какъ будто въ три этажа, служатъ подлорою холму и зданіямъ выстроеннымъ на немъ. Глубина этихъ овраговъ до 12 сажень и болѣе; я никогда не видала ничего подобнаго, даже на картинахъ. Бакертъ писалъ бы со всего этого чудесныя картины.“

4 июля императрица на короткое время разсталась съ Іосифомъ II, отправившимся въ Москву. Сама Екатерина поѣхала въ Новгородъ. На дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ были торжественныя встрѣчи. Все это начинало утомлять императрицу, которая въ письмѣ изъ села Пречистаго, 5 июля, писала: „Путешествіе по Россіи нынче стало дѣломъ невозможнымъ: куда ни пріѣдешь, вездѣ дворъ, чинность; прежде это встрѣчалось въ одной Нарвѣ и Лифляндіи, теперь же всюду; во все время путешествія моего постоянный *выходъ*, особенно же въ этой Смоленской губерніи.“ 6 июля императрица пріѣхала въ Великія Луки, откуда она писала: „Мѣстоположеніе съ границъ Смоленской губерніи походитъ на окрестности Петербурга и Новгорода тѣмъ что вездѣ ли на протяженіи сотни верстъ найдется хоть одно жилище; намъ до того надоѣла эта пустота что вотъ уже дважды 24 часа, какъ мы рѣшились просто заснуть и спимъ точно сурки. Мы позасгорѣли и почернѣли всѣ какъ Негры.“ На другой день также изъ Великихъ Лукъ Екатерина писала: „Мы какъ увидимся, поговоримъ съ вами о графѣ Фалькенштейнѣ, личность коего уступаетъ развѣ только личности Прусскаго короля, который можетъ похвалиться сорокалѣтнею репутаціей.“ *

Въ Великихъ Лукахъ какъ и въ прочихъ городахъ были собраны кое-какія свѣдѣнія о состояніи города и всей мѣстности, причемъ между прочимъ оказалось что общія нужды состояли въ томъ „что за множество бѣглыхъ платятъ

* Сб. Ист. Общ. IX, 61—62.

подати“. Черезъ Порховъ и Мшагу императрица затѣмъ отправилась въ Старую Русу, гдѣ осматривала устроенныя генераль-инженеромъ Бауеромъ соляныя варницы. Въ Новгородѣ она пріѣхала 11 іюля, въ 4 часа пополудни. Тутъ между прочимъ были собраны свѣдѣнія о количествѣ добываемой соли, новгородское дворянство просило облегченія по отношенію къ починкѣ дорогъ и объ учрежденіи почты „противъ Бѣлоруссіи“; мѣщанство просило ссуды на строеніе.

Къ своимъ „дѣтамъ“ Екатерина изъ Бѣжавицъ, между Великими Луками и Порховомъ, писала 8 іюня: „Еслибы новая дорога изъ Порхова была уже готова, то до Царскаго Села оставалось бы всего 180 верстъ; нынѣ же мнѣ предстоитъ большой объѣздъ на Новгородѣ.“ Изъ Порхова: „Я думала оставить Старую Русу въ сторонѣ; придется однакоже поѣхать туда; однимъ взглядомъ я многое узнаю и буду въ состояніи отвѣчать на частыя вопросы“. *

Изъ Новгорода императрица путешествовала чрезвычайно быстро. Выѣхавъ оттуда въ четвергъ, 11 іюня, въ три часа пополудни, она прибыла въ Царское Село въ пятницу утромъ въ четыре часа.

Достоинно вниманія то обстоятельство что тотчасъ же послѣ возвращенія императрицы въ Царское Село, она приказала обревизовать и въ С.-Петербургской губерніи всѣ присутственныя мѣста совершенно такимъ же образомъ какъ это было сдѣлано въ другихъ губерніяхъ гдѣ она была во время своего путешествія. ** Трудно сказать насколько результаты ревизіи оказались удовлетворительными. Французскій дипломатъ Веракъ писалъ въ то время къ своему правительству что императрица во время своего путешествія

* *Сб. Ист. Общ.* I, 420. Нѣкоторыя подробности о пребываніи Екатерины въ Новгородѣ, см. у Блюма, *J. J. Sievers*, II, 352. Въ Старой Русѣ дочь Северса должна была пріѣхать въ императрицу стихами; дѣвочка, смущенная, не могла окончить начатой речитации; императрица подняла и поцѣловала ее. О другихъ стихахъ въ Бѣлоруссіи и пр. см. въ *Russische Bibliothek* Бакмейстера, V, 546 и слѣд. Тутъ были два стихотворенія на греческомъ языкѣ, одно на еврейскомъ, четырнадцать на латинскомъ; вообще были стихотворенія на восьми языкахъ.

** *Сб. Ист. Общ.* I, 420.

убѣдилась въ нехорошемъ состояніи присутствующихъ мѣсть. *

Потемкинъ между тѣмъ вмѣстѣ съ императоромъ Іосифомъ II находилась въ Москвѣ. Екатерина къ нему писала во время своего путешествія изъ Мшаги 9 іюня: „Батенька князь,— Письмо твое изъ Вязьмы, пріѣхавши сюда въ десятомъ часу вечера, сегодня я получила, изъ котораго усмотрѣла что графъ Фалькенштейнъ, а ты за нимъ полетишь къ Москвѣ. Мы всѣ, равно и дѣти ваши здоровы; а ихъ везу скоренько, думаю быть въ пятницу дома, слышу чтобы вы меня не упреждали; буде васъ найду въ Новгородѣ, то увезу съ собою; вы подумаете что брежу; нѣтъ не брежу, но знаю что съ проворными людьми дѣло имѣю. Буде гость заботится еще знать мое о немъ мнѣніе, то можете сказать что я думаю что ни одинъ живущій государь не подходитъ къ нему касательно заслугъ, свѣдѣній и вѣжливости. Я въ восхищеніи что познакомилась съ нимъ, даже какъ частное лицо онъ былъ бы превосходнымъ знакомствомъ.“ ** Изъ Новгорода 11 іюня: „Слышу а чтобы вы меня не упреждали въ дорогѣ; теперь чаю я выиграла скоростію.“ ***

Еще во время пребыванія въ Могилевѣ Екатерина приняла нѣкоторыя мѣры для путешествія Іосифа въ Москву и въ Петербургъ. 25 мая она писала къ генералъ-губернатору новгородскому Сиверу: „Такъ какъ теперь рѣшено что графъ Фалькенштейнъ поѣдетъ въ Петербургъ чрезъ Смоленскъ и Москву, мы повелѣваемъ: держать наготовѣ по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ по сту лошадей, привести въ надлежащее состояніе путевые дворцы и снабдить оныя простою мебелью и шпалерами. Въ городахъ для его пріема можно назначить частные дома; такъ какъ онъ однако любитъ останавливаться въ гостиницахъ, то прикажите предѣлать къ этимъ частнымъ домамъ трактирныя выѣски. Старайтесь чтобы дороги были по возможности исправлены и пр.“ ****

Послѣ того какъ въ Смоленскѣ Іосифъ II разстался съ Екатериною, бесѣды о политикѣ на время прекратились. Въ Москвѣ онъ былъ туристомъ. О частностихъ путешествія

* Негтманн, *Gesch. d. russe. Staats*, VI, 620.

** Послѣднія фразы писаны на французскомъ языкѣ очевидно для сообщенія Іосифу II; прочее содержаніе письма на русскомъ языкѣ.

*** *Сб. Ист. Общ.* XXVII, стр. 182.

**** Blum. II, 555.

императора изъ Смоленска въ Москву не сохранилось никакихъ. За то мы имѣемъ любопытное письмо Юсіфа къ Маріи Терезіи изъ Москвы, отъ 8 (19) іюня: „Третьяго дня я пріѣхалъ въ этотъ большой городъ: нужно признаться что, видѣвъ его, нельзя сожалѣть объ этомъ. Городъ гораздо обширнѣе чѣмъ все что я видѣлъ въ этомъ родѣ. Парижъ, Римъ, Неаполь не подходятъ къ нему объемомъ. Внутри, правда, есть множество древнихъ домовъ, но среди нихъ встрѣчаются великолѣпные дворцы. Улицы прекрасны, широки, расположены хорошо; вообще это чрезвычайно интересное мѣсто по разнообразію встрѣчающихся здѣсь нравовъ и одежды. Вчера я осматривалъ часть здѣшнихъ достопримѣчательностей, а именно одежды прежнихъ царей и драгоценныя вещи, соборы и могилы, и ту церковь въ которой происходитъ коронація. Военный госпиталь находится въ лучшемъ порядкѣ. После обѣда я присутствовалъ при праздникѣ по случаю Троицы; около 50.000 человѣкъ толпились на лугу: она пали, плясали, пляли, играли въ свайку. Нельзя описать веселость и оригинальность этого праздника. Оттуда я отправился въ придворный садъ гдѣ было гулянье; тамъ было изящное общество (*tout le beau monde*), около 1.000 женщинъ и дѣвицъ, всѣ одѣты по французской модѣ, многія изъ нихъ были очень красивы.

„Сегодня я буду продолжать мои описанія, мѣня займутъ Воспитательный Домъ и поѣздка на дачу губернатора князя Долгорукого. Въ вѣкоторыхъ мѣстахъ князь Потемкинъ мнѣ объясняетъ все что нужно, иногда я хожу и одинъ. Я полагаю оставаться здѣсь до 23 (12 іюня), а затѣмъ отправиться въ Петербургъ, куда я вѣроятно пріѣду 29 (18 іюня). Разстоянія большія; какъ скоро я буду въ Петербургъ мои письма будутъ доходить къ вамъ регулярно и скорѣе, потому что тамъ устроено прямое почтовое сообщеніе, между тѣмъ какъ отсюда и изъ всѣхъ концовъ всѣ письма идутъ чрезъ Петербургъ.“

Пріѣхавъ въ Петербургъ Юсіфъ въ письмѣ отъ 17 (28) іюня продолжалъ разказъ о своемъ путешествіи: „Мое пребываніе въ Москвѣ было чрезвычайно пріятнымъ: * городъ великолѣпнѣе; окрестности плодосмы и пріятны. Общество очень хорошее, особенно женщины, между которыми есть

* Въ сочиненіи Jauffret, *Catherine II*, Paris 1860, II, 237—38, сказано что Юсіфъ II былъ въ Тулѣ. Нигдѣ не упоминается объ этой поѣздкѣ.

отмѣныя красавицы. Четыре дня былъ дождь; дороги испортились и потому наше путешествіе было затруднительно. Князь Потемкинъ устроился удобно (а *gris fort ses aises*); я въ Москвѣ его видѣлъ лишь три раза. Я велѣлъ передать ему назначенный для него подарокъ. Онъ сталъ увѣрять меня въ своей привязанности и прибавилъ что желаетъ случая выказать оную. Это человѣкъ лѣживый, безпечный и слишкомъ холодный для того чтобы заняться какимъ-либо дѣломъ послѣдовательно. Кромѣ его вліянія при дворѣ, я не думаю чтобы можно было имъ воспользоваться для чего-либо, развѣ только съ цѣлью препятствовать чему-либо, въ какую-либо минуту, но никогда чтобы сдѣлать что-либо требующее систематическаго образа дѣйствій или какихъ-либо принциповъ и какой-либо послѣдовательности или настоятельнаго труда. Увидимъ какъ я выпутаюсь здѣсь; очень будетъ интересно видѣть великаго князя и весь дворъ и всѣ учрежденія.

„Воспитательный Домъ и военный госпиталь въ Москвѣ прекрасны, и я желалъ бы чтобы у насъ въ Вѣнѣ было устроено нечто подобное, съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями, такъ какъ мнѣ кажется что на нѣкоторыя мелочи обращено слишкомъ большое вниманіе. Я здѣсь квартирую у Кобенцеля, занимающаго прекрасный домъ на набережной Невы, гдѣ подъ нашими окнами идутъ суда на парусахъ. Я слышалъ нѣсколько мнѣ пріѣздомъ сюда особенно потому что ея величество слышала также. Въ пять дней я совершилъ путешествіе сюда. Завтра утромъ я отправлюсь въ Царское Село, гдѣ увижу ея величество и все семейство. Постараюсь удостоиться одобренія вашего величества и пр.“ *

VII. Пребываніе Іосифа II въ С.-Петербургѣ и Царскомъ Селѣ.

Почти исключительнымъ источникомъ исторіи пребыванія Іосифа II въ С.-Петербургѣ и Царскомъ Селѣ служатъ его письма къ Маріи Терезіи, въ которыхъ онъ подробно рассказываетъ и о впечатлѣніи произведенномъ на него Россіей вообще и Петербургомъ въ особенности, и о бесѣдахъ съ Екатериной, въ которыхъ обсуждались вопросы политическіе.

* *Agath, Maria Theresia und Joseph II*, III. 261—264.

Слѣдующее письмо отъ 20 іюня (1 іюля) было отправлено не какъ обыкновенно, чрезъ курьера, а по почтѣ, и поэтому писано нѣсколько сдержано, даже въ официальномъ тонѣ. Очевидно считалось вѣроятнымъ что это письмо на дорогѣ будетъ распечатано и прочтано. Тутъ сказано между прочимъ: „Могу васъ увѣрить что мое пребываніе здѣсь самое пріятное, что вся страна, всѣ государственныя учрежденія, всѣ памятники вкуса и великолѣлія императрицы далеко превосходятъ все то что обыкновенно предполагаютъ за границей: не видѣвъ всего этого, трудно вѣрить этимъ услѣхамъ. Я не легко восхищаюсь и не люблю преувеличивать, но я думаю что путешественники желающіе видѣть чрезвычайныя и великіе предметы, возвышающіе душу, сдѣлали бы непростительную ошибку, не завернувъ и въ этотъ край. Ея величество продолжаетъ оказывать мнѣ размыя милости; я не перестаю наслаждаться ея бесѣдой, богатствомъ ея мыслей и ея умѣньемъ говорить. Великій князь гораздо болѣе достоинъ вниманія чѣмъ полагаютъ за границей; его супруга очень хороша собою и какъ бы создана для занимаемаго ею мѣста; они живутъ въ полномъ согласіи: украшеніемъ этого брака служатъ два принца. Ея величество много занимается послѣдними; имъ предоставлено столько свободы сколько нужно для развитія ихъ умственныхъ способностей и для укрѣпленія ихъ здоровья. Въ отношеніи ко мнѣ были столь любезны что приготовили для меня въ Царскомъ Селѣ особую небольшую квартиру (не во дворцѣ); я тамъ разъ уже ночевалъ. Дворецъ имѣетъ прекрасный видъ; особенно же хороши сады и мѣста для прогулокъ устроенныя въ новѣйшее время. Между прочимъ тутъ есть довольно большой прудъ съ островкомъ, окруженный разными зданіями, который бы особенно понравился вамъ, милая матушка; мнѣ бы хотѣлось все это перевезти въ Шёнбруннъ; вы бы тамъ могли проводить вечера съ большимъ удовольствіемъ. Впрочемъ я здѣсь видѣлъ еще весьма немного, потому что жизнь при дворѣ отнимаетъ у меня много времени; но я не сожалею объ этомъ, такъ какъ это для меня предметъ первой важности, хотя я и плохой царедворецъ: я нахожу здѣшнюю жизнь гораздо болѣе пріятною нежели я ожидалъ.“

Въ письмѣ отъ 23 іюня (4 іюля) императоръ пишетъ болѣе откровенно и непринужденно: „Императрица продолжаетъ обращаться со мною столь дружески и любезно какъ только

она и весь здѣшній дворъ въ состояніи это сдѣлать. Наши частныя и продолжительныя бесѣды повторяются; я имѣлъ случай указывать на тѣ начала которыя князь Кауницъ сумѣлъ такъ хорошо привести въ систему. Я считаю невозможнымъ воспроизвести слово въ слово то что было говорено, такъ какъ предметъ бесѣды мѣнялся весьма часто, разговоръ былъ часто прерываемъ; иногда нужно было какъ бы на лету вставлять мимоходомъ какое-либо замѣчаніе, но я указываю на самые важные результаты нашихъ разговоровъ, которые заключаются въ слѣдующемъ:

„1) Ея величество не имѣетъ болѣе желчи противъ насъ и полагаетъ что достаточно отплатила намъ за нашу отказъ помочь ей въ Турецкой войнѣ своею послѣднею деклараціей имѣвшею слѣдствіемъ Тименскій миръ.

„2) Она была бы не прочь обращаться съ нами такъ же какъ она обращается съ королемъ Прусскимъ; въ настоящее время однако она не сдѣлаетъ ничего что могло бы поссорить ее съ послѣднимъ: ей хочется чтобъ ее ласкали съ обѣихъ сторонъ.

„3) Она крайне сожалѣетъ о плохомъ положеніи въ которомъ, какъ она полагаетъ, находится Англія, такъ какъ она любитъ Англію, презирая въ то же время слабость короля и глупый образъ дѣйствій министерства; она ожидаетъ что министерство сдѣлается жертвой неблагоприятныхъ обстоятельствъ.

„4) Совершенно противоположно она относится ко Франціи и особенно къ Исламію, одобряя образъ дѣйствій короля и выборъ министровъ, но не любя народа.

„5) Швеціей она, кажется, вообще недовольна, а также и королемъ.

„6) Что касается Турокъ, то нѣтъ сомнѣнія что она ихъ терпитъ не можетъ и что она и головой и душой занята проектомъ о созданіи Восточной Имперіи. Каждую минуту ея замѣчанія обнаруживаютъ это: такъ напримѣръ она сказала мнѣ что не понимаетъ почему Французы непремѣнно желаютъ чтобы мусульмане оставались въ Константинополѣ и почему они не желаютъ чтобы мусульмане были замѣнены тамъ другимъ независимымъ народомъ. Она меня часто увѣряла съ жаромъ и энергіей что никогда не могла бы заключить какого-либо союза съ Турками, ни даже съ цѣлью торговаго трактата. Она употребила выраженіе

что Прусскій король, несмотря на свою олытвость, иногда бываетъ шалуномъ въ политикѣ (*un étourdi en politique*), что онъ иногда желаетъ связывать вещи которыя положительно не вѣжутся, что его обманываютъ его министры и что онъ обманываетъ самого себя, желая притомъ заставить другихъ думать что все это происходитъ отъ его одинокой, отшельнической и меланхолической жизни, которая рождаетъ въ немъ довольно эксцентрическія мысли. Наконецъ она прибавила и повторила съ особеннымъ удареніемъ что не намѣрена начать какой-либо войны, ни даже Турецкой, но что еслибы Турки сдѣлали на нее нападеніе она старалась бы обороняться какъ слѣдуетъ. Я возразилъ что Турки послѣ строгаго урока только что ими полученнаго не вздумаютъ сдѣлать что-либо подобное. Она однако на это замѣтила что на Турокъ никогда нельзя надѣяться и что, по сосѣдству своему, они, если пожелаютъ, всегда найдутъ какой-либо мелочной поводъ къ слору, который могъ бы затѣмъ повести къ окончательному разрыву.

„7) Почти при каждомъ случаѣ когда рѣчь идетъ объ Италіи и въ особенности о Римѣ, ея величество говоритъ мнѣ съ жаромъ что это собственно моя столица, что тамъ я имѣлъ бы случай приобрести славу и безсмертіе. Я не возражаю болѣе ничего на эти замѣчанія, такъ какъ я уже прежде въ такихъ случаяхъ говорилъ что было нужно замѣтить, но эта фантазія глубоко вкоренилась въ ея головѣ. Объ этомъ же князь Потемкинъ говорилъ съ Кобенцелемъ, котораго я научилъ что возражать и который все это принялъ за шутку, замѣчая что все это возможно и даже легко устроить, но что входить въ подробности по этому предмету должно считаться преждевременнымъ. Можетъ-быть тутъ кроется нѣкоторая хитрость, нѣкоторое пронырство, можетъ-быть это просто фантазія, происхождение которой для меня остается неяснымъ.

„8) Графъ Панивъ, съ которымъ я бесѣдовалъ два раза и который далъ мнѣ случай видѣть какова разница между нимъ и княземъ Кауницемъ, потому что тутъ есть такая странная лутаница (*entortillage*) мыслей и оборотовъ что положительно нѣтъ возможности выйти изъ этого хаоса. Онъ однако мнѣ сдѣлалъ довольно важное замѣчаніе, выразивъ желаніе сообщить мнѣ полную исповѣдь политической системы ея величества и ея министерства. Разумѣется это

будеть переливаніе изъ пустаго въ порожнее (*gabâcherie*), но нельзя будетъ не выслушать его. Какъ кажется этотъ человекъ боится что я могъ бы обратиться къ его противнику князю Потемкину, или же быть-можетъ онъ видитъ что ея величество расположена въ нашу пользу и поэтому заблаговременно желаетъ увѣрить насъ и въ своемъ къ намъ расположеніи.

„9) Князь Потемкинъ постоянно твердитъ Кобенцелю что искренно желаетъ сближенія нашихъ обоихъ дворовъ. Онъ даже третьяго дня рѣшительно сказалъ Кобенцелю что, сколько ему извѣстенъ образъ мыслей ея величества, настала пора прекращенія той холодности которая господствовала между двумя дворами, и что нужно думать о восстановленіи прежняго довѣрія и прежней дружбы. Онъ однако ничего не сказалъ о средствахъ къ достиженію этой цѣли. Руководствуясь соображеніями князя Кауница, я поручилъ Кобенцелю замѣтить какъ бы мимоходомъ и отъ себя что первымъ и самымъ невиннымъ, не могущимъ оскорбить никого шагомъ была бы взаимная гарантія всѣхъ владѣній обѣихъ державъ въ смыслѣ оборонительнаго союза и что то же самое Россія могла бы сдѣлать съ Пруссіей. Такъ какъ нужно ждать удобнаго случая и избѣгать всегда какой-либо хотя бы малѣйшей нестойчивости, я выразилъ желаніе чтобы Кобенцель не казался сторожающимъ минуты для такой бесѣды; поэтому я развѣ только чрезъ нѣсколько дней буду имѣть счастье доносить вамъ о дальнѣйшемъ. Если представится случай я нѣчто въ этомъ родѣ скажу и графу Пашину. Остается ждать что они скажутъ. Этотъ первый шагъ могъ бы легко повести къ слѣдующимъ. Онъ ничего не можетъ испортить. Дѣло очень просто. Никто не можетъ обидѣться. Можно проронить такую мысль не настаивая на ней всею силой.

„Великій князь и великая княгиня (при полномъ согласіи и при искренней дружбѣ господствующихъ между ними, нужно считать ихъ какъ бы за одно лицо) чрезвычайно интересныя личности. Они остроумны, богаты познаніями и обнаруживаютъ (я не могу судить, вполнѣ ли искренно или только внѣшнимъ образомъ) самыя честныя, правдивыя и справедливыя чувства, предпочитая миръ всему прочему и ставя выше всего благоденствіе человечества. Ихъ обращеніе съ ея величествомъ, особенно это замѣтно у великаго князя, нѣсколько сдержано и принужденно; нѣтъ той сердечной

интимности без которой я, милая матушка, не могъ бы жить. Великая княгиня имѣетъ вліяніе на мужа и управляетъ всѣмъ домою. Она со временемъ, быть-можетъ, будетъ играть большую роль. Оба мы оказываемъ искреннюю дружбу, однако съ ними нужно быть осторожнымъ; слишкомъ близкія отношенія къ нимъ были бы неудобны. Я уже имѣлъ случай испытать это. Нужно избѣгать такихъ случаевъ. Такъ какъ ея величество вчера чувствовала себя не совсемъ здоровою, я объѣздъ у великаго князя, недалеко отсюда на дачѣ. Вечеромъ, какъ всегда, было театральное представленіе. Въ поедѣльникъ я оставался наединѣ съ императрицей, а затѣмъ имѣлъ приглашеніе ужинать у великаго князя. Послѣ объѣзда на дачѣ великаго князя или лучше сказать великой княгини она меня заставила участвовать въ закладкѣ храма посвященнаго дружбѣ. Я не могъ отказаться. Все это было сопровождаемо многими любезностями и увѣреніями въ вѣчной дружбѣ; при этомъ присутствовали Панинъ, Потемкинъ и разныя другія лица.

„Пока все это ладится какъ нельзя лучше. Ея величество разговаривала со мною конфиденціально, то же самое дѣлалъ даже и великій князь. Императрица между прочимъ сообщила мнѣ всѣ подробности переворота при своемъ вступленіи на престолъ, разказывала о Петрѣ III, о его странностяхъ и о мѣрахъ которыя она должна была принять. Великій князь сообщилъ мнѣ кое-что о неловкости своего положенія... Это свидѣтельствуеетъ о нѣкоторомъ довѣріи; трудно однако угодить обѣимъ сторонамъ, каждая партія желаетъ видѣть особенныя доказательства вниманія и привязанности. Мы только что переѣхали въ городъ, я имѣлъ честь ѣхать вмѣстѣ съ ея величествомъ, она помѣстилась въ Лѣтнемъ Дворцѣ: это хорошее зданіе, но деревянное. Садъ великъ и хорошъ, онъ по набережной украшенъ великолѣпною рѣшеткой. Завтра будетъ освященіе церкви, и ея величество намѣрена присутствовать при этой церемоніи; затѣмъ по случаю именинъ господина Бецкаго будетъ праздникъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. До послѣзавтра мы еще останемся въ городѣ, а затѣмъ отправимся въ Петергофъ. Черезъ двѣ недѣли я уѣду отсюда и пр.“

Двумя днями позже, 25 іюня (6 іюля) Іосифъ писалъ: „Вчера я съ ея величествомъ былъ въ Эрмитажѣ; я никогда не видѣлъ пріятнѣйшаго мѣста и очень желалъ бы устроить нѣчто въ

этомъ родѣ въ нашемъ дворѣ. Вы могли бы прогуливаться весьма удобно и зимой, что я всегда столько желаю для вашего здоровья. Тутъ есть зимній садъ съ оранжереей, окруженный большою картинною галлереей, и библіотекой ея величества: все это въ соединеніи съ покоями помѣщается во второмъ этажѣ и устроено весьма изящно; отсюда видна рѣка; сообщеніе съ комнатами ея величества самое удобное. Я намѣренъ просить у ея величества дозволенія снять колію съ этого плана, потому что я все еще считаю возможнымъ устроить въ что подобное въ нашей *Ballaria* и такимъ образомъ доставить вамъ въ связи съ вашими комнатами большое удобство зимой.

„Я видѣлъ институтъ благородныхъ дѣвицъ и кадетскій корпусъ. Что касается института, то я долженъ отправиться туда во второй разъ, такъ какъ въ первый, по случаю праздника въ честь господина Бенкаго, нельзя было осматривать всѣхъ подробностей. Въ этихъ двухъ учрежденіяхъ, благодаря милости и щедрости ея величества, воспитываются болѣе тысячи душъ дѣтей въ возрастѣ отъ лѣтаго и шестого до восемнадцатаго и двадцатаго года. Можно отсюда ожидать большихъ выгодъ для народа.“

Въ письмѣ отъ 27 іюля (8 іюля) сказано: „Ея величество продолжаетъ обращаться со мною чрезвычайно дружески. О дѣлахъ мы говоримъ лишь мимоходомъ. Кобенцель въ разговорѣ съ княземъ Потемкинымъ какъ бы случайно заговорилъ о взаимной гарантіи обѣихъ имперій. Потемкинымъ это замѣчаніе было принято хорошо и онъ обѣщаль узнать о расположеніи императрицы. Пока еще нѣтъ отвѣта, я не хочу показывать вида будто мы настаиваемъ на этомъ дѣлѣ, которое должно казаться неважнымъ, дѣломъ формальности, къ которому мы относимся съ равнодушіемъ. По случаю моего участія въ занятіяхъ двора я пока не имѣлъ случая говорить обстоятельно съ графомъ Панинымъ, обѣщавшимъ сообщить мнѣ свою политическую исповѣдь. Все это разумѣется будетъ страшною болтовней (*verbiage*), потому что отъ этого человѣка можно ожидать лишь словъ, а не дѣйствій; его подчиненные ему помогаютъ въ этомъ.“

„Впрочемъ ея величество опять перемѣнила свое мѣсто-пребываніе; я имѣлъ честь слѣдовать за нею, и вотъ мы въ Петергофѣ, гдѣ завтра будутъ праздновать годовщину переворота вслѣдствіе котораго ея величество вступила на

престола; затѣмъ, въ день Петра и Павла, именины великаго князя. Въ первый день будетъ балъ, во второй—иллюминація и маскарадъ. Затѣмъ я думаю возвратиться въ городъ. Разстояніе Петергофа отъ Петербурга такое же какъ отъ Нейштадта до Вены. Въ городѣ я намѣренъ осмотрѣть всѣ достопримѣчательности. Городъ великолѣпенъ. Нѣкоторыя учрежденія весьма замѣчательны и свидѣтельствуютъ о большихъ размѣрахъ политическихъ видовъ и о гуманности ея величества. Послѣ этого я намѣренъ дня на два возвратиться въ Петербургъ, и никакъ не позже 17 или 18 (6 или 7) я уѣду отсюда.“

Въ письмѣ отъ 30 іюня (11 іюля), отправленномъ по почтѣ и поэтому писанномъ въ нѣсколько официальномъ тонѣ, сказано: „Последніе два дня мы провели въ церемоніяхъ и празднествахъ; Петергофъ удобенъ для этого; великолѣпіе двора при этихъ празднествахъ было замѣчательно. Первый праздникъ былъ въ годовищину вступленія на престолъ императрицы; кто ее знаетъ, кто, какъ я, видѣлъ что было сдѣлано ею, кто можетъ имѣть понятіе о томъ что она еще сдѣлаетъ для благоденствія своихъ народовъ и для человѣчества, не можетъ не радоваться частию народа который, спасенный отъ гибели, удостоился такой государыни.“

„Второй праздникъ былъ по случаю именинъ великаго князя. Овъ богатъ многими качествами которыя даютъ ему полное право на уваженіе; не легко однако быть вторымъ лицомъ при такой государынѣ.“

Изъ этихъ выраженій видно что Іосифъ II ожидалъ что содержаніе этого письма отправленнаго по почтѣ сдѣлается извѣстнымъ Екатеринѣ. Мало того, есть основаніе думать что императоръ написалъ это письмо нарочно разчитывая на „перлюстрацію“.

О гораздо болѣе важныхъ дѣлахъ Іосифъ писалъ 1 (12) іюля: „Потемкинъ поговорилъ съ ея величествомъ о проектѣ взаимной гарантіи; дѣло усложнилось вопросомъ императрицы, можно ли включить и тѣ завоеванія которыя она могла бы сдѣлать впредь. Ей возразили что это невозможно, потому что этимъ исключается принципъ взаимности. Потемкинъ тогда заявилъ что они готовы гарантировать намъ всѣ завоеванія какія мы могли бы гдѣ-либо сдѣлать, исключая Германіи и Польши; но такъ какъ все это не имѣетъ смысла *,

* Ceci ayant été derechef combattu par la raison.

онъ наконецъ ограничился выраженіемъ желанія чтобъ я устно общалъ ея величеству что мы никогда не будемъ въ союзѣ съ Турками противъ Россіи; она сдѣлаетъ то же самое, то-есть никогда не будетъ дѣйствовать противъ насъ въ союзѣ съ Турками. Что касается редакціи договора о взаимной гарантіи, то я замѣтилъ что все это должно быть дѣломъ переговоровъ со стороны министровъ и дипломатовъ. Всѣ эти бесѣды происходили въ продолженіе нѣсколькихъ дней; Потемкинъ бывалъ у Кобенцеля, Кобенцель у Потемкина, Потемкинъ особенно часто у императрицы. Дѣло значитъ въ настоящее время идетъ хорошо. Если ея величество заговорить со мной объ этомъ, то я отвѣчу увѣреніемъ что мы никогда не соединимся съ Турками противъ нея, съ условіемъ однако чтобъ и она общалась никогда не участвовать въ какой-либо наступательной войнѣ противъ насъ. Что касается самаго трактата, то я скажу что будетъ доставлена графу Кобенцелю инструкция, замѣчая при этомъ что самая простая, краткая и общая редакція была бы лучшею.

„Потемкинъ сдѣлалъ графу Кобенцелю довольно странное предложеніе заключающееся въ слѣдующемъ. Императрица какъ нельзя болѣе желаетъ просить меня удостоить ее въ знакъ дружбы и близкаго знакомства ордена Золотого Руна; ей хорошо извѣстно что это не соответствуетъ правиламъ, тѣмъ не менѣе она страстно желаетъ этого публичнаго доказательства моей дружбы; она ожидаетъ что для нея, и исключительно въ этомъ случаѣ, было бы сдѣлано изъятіе изъ общаго правила. Я нахожусь въ неловкомъ положеніи; зная хорошо ея величество и ея единственный порокъ—тщеславіе, я хорошо понимаю что быть единственною женщиной удостоенною этого знака отличія доставило бы ей чрезвычайное удовольствіе. Отказать ей значило бы разстроить ее, и зачѣмъ? Неужели только потому что этого прежде не было? Чтò же стоить этотъ кусокъ ленты для этого единственнаго случая? Я поэтому счелъ нужнымъ объяснить что дѣло это представляетъ большія затрудненія, что оно почти невозможно, но что ея величество при своихъ чрезвычайныхъ заслугахъ какъ бы создана для того чтобы доказать возможность невозможнаго, какъ это было бы въ случаѣ приобщенія ея къ ордену Золотого Руна. Я теперь съ любопытствомъ жду, не заговоритъ ли она сама объ этомъ предметѣ;

тогда уже, когда она станетъ просить, не будетъ возможности отказать ей въ этомъ; нужно будетъ подумать объ отправленіи къ ней, чрезъ одного изъ вышнѣшихъ кавалеровъ, роскошно и богато, но въ небольшомъ форматѣ сдѣланный орденъ, который ея величество могла бы носить какъ бы въ петлицѣ на красной лентѣ (*comme en boutonnière avec le ruban rouge*).

„Вообще же дѣла находятся въ томъ же положеніи какъ и прежде; со мною обращаются отлично; два праздника были великолѣпны; особенно хороша была иллюминація сада: она повторяется ежегодно. Великій князь, какъ кажется, чувствуетъ себя очень хорошо со мною, великая княгиня также. Чѣмъ короче я знакомлюсь съ нею тѣмъ болѣе я ее уважаю. Эта принцесса отличается рѣдкимъ характеромъ и умомъ, къ тому же она очень хороша собою и держитъ себя отлично. Еслибъ я десять лѣтъ тому назадъ могъ найти или вообразить себѣ принцессу подобную ей, я бы женился на ней безъ затрудненія; она соответствовала бы моему положенію; мнѣ кажется что нельзя сказать болѣе. Мой отъѣздъ отсюда назначенъ попрежнему къ 18му.“

Въ слѣдующій день Иосифъ писалъ: „Я на два дня пріѣхалъ въ городъ чтобъ осмотрѣть нѣкоторыя достопримѣчательности. * Я ограничусь этимъ и рѣшилъ отказаться совершенно отъ ознакомленія съ обществомъ этого города; достаточно мнѣ двора. Вчера я уже видѣлъ нѣкоторыя, въ самомъ дѣлѣ, интересныя и хорошія вещи. Склады лѣса для флота устроены своеобразно и удобно, по крайней мѣрѣ ни во Франціи, ни въ Италіи нѣтъ ничего подобнаго. Горный Институтъ устроилъ въ саду учрежденіе поразившее меня полезностью при обученіи юношей. Это въ натуральную величину устроенныя подъ землей мины съ разными минералами и металлами, собранными нарочно для нагляднаго обученія молодыхъ людей воспитывающихся въ этомъ училищѣ. Галерная гавань даетъ понятіе о достойной этой монархіи морской силѣ на Балтійскомъ морѣ. Сто галеръ готовы къ вооруженію и чрезъ

* Императоръ посѣтилъ между прочимъ Академію Наукъ, гдѣ ему показали карту его путешествія изъ Вѣны до С.-Петербурга; въ Академіи Художествъ ему показали его портретъ съ надписью. См. соч. Жофре (Jauffret), *Catherine II*, II, 238.

шесть недѣль могутъ быть готовы къ отплытію, имѣя 30.000 человекъ экипажа, то-есть солдатъ для десанта. Онѣ всѣ съ лалубами, хорошо построены изъ здороваго лѣса; если окажется нужною лочинка, то это развѣ только можетъ относиться ко внѣшней столярной работѣ. Несмотря на всѣ расходы императрица находитъ средства для того чтобы не упускать изъ виду ни одной части своей державы; ей очень хорошо извѣстны выгоды обращенія и внутренняго употребленія денегъ и значеніе такихъ сравнительно небольшихъ издержекъ какъ средства развитія промышленности и умноженія населенія. Вообще я могу васъ увѣрить, милая матушка, что это путешествіе пользою и ученіемъ для меня превосходить два прежде сдѣланныя мною путешествія.“

Письмо отъ 6 (17) іюля, отправленное по почтѣ, олять-таки было назначено не только для Маріи Терезіи, но и для другихъ читателей. Тутъ Іосифъ писалъ между прочимъ: „Мнѣ будетъ не легко разстаться съ императрицей, и только мысль о свиданіи съ вами убавитъ мою скорбь. Меня здѣсь осылали знаками довѣрія и дружбы. Я не останусь неблагодарнымъ. Краткое время проведенное мною въ этой странѣ доставило мнѣ возможность видѣть истинно великія вещи задуманныя и исполненныя въ великомъ духѣ; нигдѣ не видно какого-либо колебанія, какихъ-либо полумѣрь; нигдѣ не замѣтна страсть къ мелочному разчету, лишающая все сдѣланное и дѣйствія и достоинства. Послѣ моего возвращенія я обо всемъ разкажу подробнѣе и проч.“

До отъѣзда изъ Петербурга Іосифъ писалъ 7 (18) іюля: „Дѣла находятся въ томъ же положеніи. Я настаиваю на полученіи скорого отвѣта по вопросу о взаимной гарантіи, которую Кобендель предложилъ Потемкину; о Золотомъ Рунѣ я не говорю и никогда не предложу его; лускай императрица заговоритъ объ этомъ и попроситъ меня: поэтому умоляю васъ сохранить въ тайнѣ все что я имѣлъ честь писать вамъ объ этомъ предметѣ. Что касается взаимной гарантіи, то мы достаточно показали свое расположеніе, но намъ вовсе не нужно настаивать на этомъ; пускай они теперь воспользуются тѣмъ что мы сдѣлали первый шагъ. То же самое можно сказать и о Золотомъ Рунѣ. Пускай императрица выразитъ желаніе,

попросить, а не то чтобъ она намъ оказала милость прима-
тіемъ этого ордена.

„Здѣсь видно лишь повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей: хотять сласти Германію, желаютъ намъ дать нѣкоторую часть Италіи, чтобъ имѣть возможность распорядиться съ Турками по своему произволу. Никогда со мною не было говорено совершенно прямо и ясно объ этомъ, но я могъ извлечь эту не подлежащую сомнѣнію программу изъ разныхъ намековъ часто повторявшихся; нужно ждать не будетъ ли еще до моего отъѣзда болѣе полнаго объясненія. Императрица чрезвычайно этого желаетъ, а вижу, по молчу; пускай она заговорить сама, потому что все это можетъ быть ловушкой, для того чтобы задобрить насъ во что бы то ни стало. Отъ меня она ничего не узнаетъ. Я повторялъ нѣсколько разъ что мы не желаемъ какихъ-либо пріобрѣтеній ни въ Германіи ни въ другихъ странахъ, но что мы также не допустимъ чтобы Прусскій король пріобрѣлъ что-либо или усилился бы посредствомъ какого-либо разбитая провинцій. Его страсть къ пріобрѣтеніямъ бросается въ глаза при каждомъ случаѣ. Императрица мнѣ однажды сказала между прочимъ что Петръ Великій, разговаривая однажды съ графомъ Пояатовскимъ, отцомъ Польскаго короля, замѣтилъ что они въ непосредственной бесѣдѣ между собою могутъ въ одинъ часъ сдѣлать болѣе нежели ихъ министры въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Все это доказываетъ что ей бы хотѣлось говорить со мною о дѣлахъ и проектахъ, но что ея самолюбіе ей мѣшаетъ или что она чего-то боится или имѣетъ кое-какую заднюю мысль. И въ томъ и въ другомъ случаѣ я могу, мало того, я долженъ ждать преслокойно исхода. Какъ скоро съ нею начнешь говорить въ серіозномъ тонѣ, она переходитъ къ другому предмету и такъ-сказать извѣщается что затронула все это какъ бы лишь для оживленія бесѣды. Поэтому нужно ей дать время развить свои мысли и ни подъ какимъ видомъ не доставлять удовольствія обмануть насъ.

„Изъ Риги я намѣренъ отправить ко графу Кобенцелю особеннаго курьера съ письмомъ къ ея величеству, въ которомъ будетъ изъявлена благодарность. Мнѣ было сказано что ея величество ожидаетъ съ моей стороны предложенія перепуски; я намѣренъ сдѣлать это предложеніе, но

хочу выждать пока она сама сдѣлаетъ мнѣ какое-либо на этотъ счетъ замѣчаніе. Впрочемъ я очень желалъ бы не брать на себя такого обязательства. Вы видите, милая матушка, что я при всѣхъ сладкихъ рѣчахъ и выраженіяхъ дружбы не совѣмъ еще сдѣлался жертвой здѣшнихъ внушеній. Они думаютъ что уже совершенно олутили меня, и это доставляетъ мнѣ возможность вникнуть глубже въ ихъ замыслы и изъ этого извлечь для себя выгоды.

„Мнѣ приходится часто сдерживать Кобенцеля; онъ молодъ, желаетъ дѣйствовать, настаивать, вести переговоры; онъ не хочетъ ждать, между тѣмъ какъ иногда нужно выиграть время. Я хочу непремѣнно или заставить ихъ высказаться открыто, или же по крайней мѣрѣ поставить ихъ въ такое положеніе что они не будутъ имѣть возможности похвастаться тѣмъ что будто насъ перехитрили. Всѣ ихъ уловки имъ ничего не помогутъ. Впрочемъ я весьма доволенъ Кобенцелемъ.

„Вчера я былъ въ Кровштадтѣ. Я былъ очень доволенъ тѣмъ что я тамъ видѣлъ. Тамъ особенно замѣчательнъ большой каналъ съ бассейномъ образующимъ докъ для восьми кораблей. Это вещь великолѣпная; нигдѣ нельзя видѣть чего-либо подобнаго.“

Цѣль этого письма, очевидно, состояла въ томъ чтобы показать Маріи Терезіи, не любившей Екатерины и не желавшей вообще сближенія съ Россіей, что императоръ въ Петербургѣ держалъ себя крайне осторожно и хладнокровно. При всемъ томъ изъ переписки его съ Екатериной и вообще изъ его образа дѣйствій можно вывести заключеніе что онъ относился къ вопросу о сближеніи съ Россіей совсѣмъ иначе чѣмъ Марія Терезія. Въ письмахъ къ Маріи Терезіи Иосифъ, повидимому, считалъ не нужнымъ говорить подробно о своемъ личномъ расположеніи къ Екатеринѣ и о разныхъ политическихъ соображеніяхъ которыя сталъ приводить въ исполненіе уже послѣ кончины своей матери.

Въ нѣкоторыхъ письмахъ къ Маріи Терезіи, письмахъ на пути изъ С.-Петербурга въ Вѣну, Иосифъ впрочемъ еще нѣсколько разъ упоминаетъ о своемъ пребываніи въ Петербургѣ. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ изъ Нарвы: „Со мною о дѣлахъ болѣе не говорили, желаютъ переписки со мною; я обязался не безусловно и съ нѣкоторою осторожностью переписываться въ

важныхъ случаевъ. Императрица впрочемъ въ самомъ дѣлѣ тронула меня нѣжностью и дружбой съ которою она протислась со мною и подѣловала меня. То же самое можно сказать о великомъ князѣ и о великой княгинѣ. Весь дворъ подражалъ имъ, и еслибы вѣрить этимъ вѣшнимъ знакамъ, то можно бы думать что въ самомъ дѣлѣ всѣ отъ души жалуютъ о разлукѣ со мною.“

Въ письмѣ изъ Риги отъ 12 (23) іюля Іосифъ на предложеніе матери подумать о вступленіи въ бракъ отвѣтилъ повтореніемъ сдѣланнаго имъ уже въ одномъ изъ прежнихъ писемъ замѣчанія что еслибы онъ десять лѣтъ тому назадъ встрѣтился съ принцессой похожею на Марію Ѳеодоровну, то не задумался бы жениться на ней. Пріѣхавъ въ Ковно, Іосифъ писалъ 16 (27) іюля о своемъ пребываніи въ Ригѣ: „Въ Ригѣ я видѣлъ весьма значительныя работы на рѣкѣ и на возморьѣ, а также достопримѣчательности этого чрезвычайно богатаго торговаго города. Не подлежитъ сомнѣнію что это настоящее сокровище для Россіи. Эта Имперія самымъ удобнымъ образомъ снабжена рѣками и каналами; это обстоятельство доставляетъ ей тѣ громадныя денежныя средства о которыхъ за границей существуютъ лишь неточныя понятія. Я счелъ нужнымъ изъ Риги писать къ императрицѣ: она желала имѣть отъ меня письмо. Мои выраженія соответствовали тѣмъ отиѣннымъ качествамъ которыя она обнаружила въ обращеніи со мною и дружбѣ ею мнѣ оказанной. Прилагаю при семь и копію моего письма, и подлинникъ отвѣта императрицы. Кобенцель сообщаетъ въ особой депешѣ къ князю Кауяциу о нѣкоторыхъ подробностяхъ. Особенно достойнымъ вниманія мнѣ кажется письмо великаго князя.“

Письмо Іосифа къ Екатеринѣ изъ Риги затерялось. За то письма Екатерины, Павла и Маріи Ѳеодоровны къ Іосифу напечатаны. Они не представляютъ ничего особеннаго, заключаая въ себѣ лишь общія, хотя и искреннія выраженія дружбы и уваженія. Въ письмѣ императрицы сказано между прочимъ: „Содержаніе вашего письма навсегда останется въ моей памяти. Я счастлива, потому что вы остались довольны мною.“ Затѣмъ императрица говоритъ о своихъ ничтожныхъ способностяхъ, которыхъ несостоятельность никогда ей будто бы не представлялась столь ясно какъ именно въ послѣднее время въ обществѣ Іосифа.

высокія качества котораго восхваляются въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

Въ письмѣ великаго князя Павла Петровича къ Іосифу говорится о томъ что отъ полнаго согласія убѣжденій и чувствъ его и Іосифа можно ожидать хорошихъ результатовъ въ будущемъ, и что такимъ согласіемъ можетъ обусловливаться счастье всего міра. Не даромъ Іосифъ въ письмѣ къ матери указывалъ на значеніе этого заявленія. Въ письмѣ Маріи Ѳеодоровны къ Іосифу сказано что пребываніе императора въ Петербургѣ навсегда должно остаться эпохой. Да, въ этомъ письмѣ встрѣчается намекъ на возможность путешествія Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ Вѣну.

Немногимъ позже, 19 іюля, Екатерина написала еще другое письмо къ Іосифу, въ которомъ было сказано между прочимъ: „Страна которую только что покинулъ графъ Фалькенштейнъ исполнена глубокимъ уваженіемъ къ его отчужденнымъ добродѣтелямъ. Однимъ этимъ она походитъ на другія страны удостоенныя посѣщенія графа. Еслибъ онъ сдѣлался на словахъ и на дѣлѣ нашимъ апологистомъ, то не только заставлялъ бы насъ быть вѣчно благодарными, но даже заслужилъ бы себѣ благословеніе двухъ церквей, и Восточной и Западной.“ Сообщая своей матери содержаніе этого письма императоръ Іосифъ обращаетъ ея вниманіе на то обстоятельство что намекъ о благословеніи обѣихъ церквей относится опять-таки „къ странной мысли завоеванія Константинополя Россіей и Рима Австріей“. *

VIII. Отзывы современниковъ о пребываніи Іосифа II въ Россіи.

Извѣстный прусскій государственный дѣятель Домъ, въ то время съ большимъ вниманіемъ слѣдившій за событіями, говоритъ въ своихъ запискахъ о свиданіи Іосифа съ Екатериной: „При этомъ случаѣ было подтверждено то правило

* См. въ эти письма въ изданіи Арнета, *Maria Theresia und Joseph II*, стр. 265—303. Тамъ же письма Екатерины, Павла и Маріи Ѳеодоровны къ Іосифу, стр. 291—294 и 302—303. Письма Екатерины напечатаны также въ изданіи Арнета, *Joseph II und Katharina*, стр. 8 и 9.

которое исторія показываетъ намъ при большей части такихъ свиданій потентатовъ, а именно что личное знакомство не содѣйствуетъ усиленію взаимнаго расположенія и настоящей дружбы.“ Затѣмъ Домъ разказываетъ подробно сколь будто бы неблагопріятное впечатлѣніе Россія вообще произвела на Иосифа, какъ онъ замѣтилъ противорѣчіе между внѣшнимъ блескомъ и внутреннею слабостью Имперіи, какъ вездѣ видѣлъ слѣды жертвъ потребованныхъ Турецкою войною, какъ бросались въ глаза недостатки военной организаціи, какъ расточительность при дворѣ препятствовала рациональному устройству финансоваго управленія, въ какой степени всюду господствовали развратъ, продажность, недобросовѣтность, каково было повсемѣстное неудовольствіе, какъ Екатерина боялась Павла и даже опасалась интригъ Потемкина и пр.

Все это, какъ полагають Домъ, не могло ускользнуть отъ вниманія Иосифа, къ тому же убѣдившагося будто бы что уваженіе Екатерины къ Фридриху не знало предѣловъ и что, благодаря внушеніямъ графа Панина, и великій князь долженъ считаться безусловнымъ сторонникомъ Прусскаго короля. Домъ продолжаетъ: „Равно какъ Иосифу далеко не все понравилось что онъ видѣлъ въ Россіи, и самъ онъ не произвелъ того благопріятнаго впечатлѣнія какое было цѣлью его поѣздки. Истинное величіе въ его характерѣ, благородная простота его нрава, снисхожденіе съ которымъ онъ относился ко всѣмъ людямъ, особенно же къ людямъ скромнаго состоянія, разнообразіе его познаній, жажда знанія, съ которою онъ старался расширить кругъ своихъ свиданій—всѣ эти качества не только не могли понравиться Потемкину, но даже сдѣлали его ненавистнымъ послѣднему, лишенному всѣхъ этихъ добродѣтелей. Отзывы же Потемкина дѣйствовали на монархію; отъ ея вниманія не ускользнули и тѣ слабости въ характерѣ Иосифа, которыя были тѣсно связаны съ его добродѣтелями.“ Домъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „При таковыхъ взаимныхъ наблюденіяхъ нельзя считать вѣроятнымъ что встрѣча этихъ двухъ царственныхъ особъ имѣла какіе-либо опредѣленные, сколько-нибудь важныя результаты“. *

Надлежитъ не забывать что все это писано сторонникомъ прусскихъ интересовъ. Въ Пруссіи не желали сближенія

* *Denkwürdigkeiten* I. 415—420.

Россіи съ Австріей и поэтому считали невѣроятнымъ чтобы пребываніе Иосифа сдѣлалось причиной важной перемѣны въ политической системѣ. Дѣло въ томъ однако что вся аргументація Дома построена не на фактахъ, а на предположеніяхъ и что всѣ доводы его, перешедшіе во многія историческія сочиненія *, оказываются лишеными всякаго основанія. Перелиска Иосифа съ Маріей - Терезіей доставляетъ намъ возможность составить себѣ весьма точное понятіе о впечатлѣніи произведенномъ Россіей на Иосифа. Оставляя въ сторонѣ тѣ письма Иосифа которыя были отправлены по почтѣ и были писаны такъ-сказать для самой Екатерины, мы изъ писемъ Иосифа, отправленныхъ съ курьерами и заключавшихъ въ себѣ правдивое воспроизведеніе мнѣній которыя онъ могъ себѣ составить о Россіи и объ императрицѣ, узнаемъ что онъ нисколько не былъ пораженъ скудостью, несостоятельностью, безнравственностью Россіи и что онъ напротивъ хвалилъ искренно войско и флотъ и имѣлъ чрезвычайно высокое понятіе о финансовыхъ ресурсахъ Имперіи. Приписывая далѣе Потемкину особенно сильное вліяніе на образъ мыслей императрицы въ отношеніи къ Иосифу, Домъ также ошибался. Екатерина въ такомъ отношеніи была вполне самостоятельною. Изъ ея писемъ къ барону Гримму, имѣвшихъ совершенно частный характеръ и отличающихся искренностью, мы знаемъ какъ она въ это время думала о Иосифѣ. Такъ напримѣръ, она писала 24 іюня: „Графъ Фалькенштейнъ уѣхалъ отсюда 10. Я бы не могла кончить, еслибы начала хвалить его; это самая солидная, самая глубокая и самая свѣдающая голова какую я знаю.“ Далѣе говорится о любви Иосифа къ музыкѣ, о томъ что онъ любитъ оперы Паэзіелло, о его познаніяхъ въ области изящныхъ искусствъ. Въ другомъ письмѣ въ началѣ октября 1780 года она пишетъ: „Мнѣ не слѣдуетъ давать уроки господину Фалькенштейну; онъ уже совершенно выучился и будетъ отличнымъ мастеромъ, тогда какъ и другой только-что у насъ бывшій (Прусскій принцъ Фридрихъ Вильгельмъ) еще долго не будетъ даже и подмастерьемъ.“ Къ этому она прибавляетъ: „Свиданіе въ Могилевѣ имѣло полнѣйшій успѣхъ; однажды мы смѣялись и шутили пять часовъ сряду, и я ему сказала: между тѣмъ

* Такъ напримѣръ взгляды Германна и Бернгарди относительно этихъ событій замѣтрованы изъ сочиненія Дома.

какъ вся Европа хочетъ знать о чемъ мы говоримъ, вотъ какъ мы забавляемся. Ему кажется здѣсь понравилось.“ *

Князь Лобковичъ писалъ изъ Брюсселя къ барону Гримму въ Парижъ: „Вы вѣроятно получили подробныя извѣстія о томъ впечатлѣніи которое мой государь произвелъ въ Россіи. Я не знаю удалось ли ему понравиться, но я знаю что онъ въ свою очередь въ восхищеніи отъ этой страны и очарованъ истинно великою Екатериной.“ Гриммъ былъ убѣжденъ въ томъ что терминъ „la véritablement grande Catherine“ вошелъ въ употребленіе не иначе какъ чрезъ самого графа Фалькенштейна. **

Въ 1781 году Гриммъ въ Спа встрѣтился съ принцемъ Гейнрихомъ и императоромъ Іосифомъ. Они обѣдали вмѣстѣ, вмѣстѣ были въ театрѣ, и главнымъ предметомъ ихъ бесѣды была Екатерина. Гриммъ пишетъ: „Піесу менѣе всего слушали, болтали о многомъ, а Могилевъ, Смоленскъ, Москва, Петербургъ, Царское Село упоминались вкривь и вкось... Если Ваше Величество жаловались на несносный звонъ случившійся въ императорскомъ слуховомъ барабанѣ 19 и 20 іюля новаго стила, это не мое дѣло и пр.“ *** Очевидно и при этомъ случаѣ отзывъ Іосифа о Екатеринѣ и о Россіи былъ благопріятный.

Англійскій дипломатъ въ С.-Петербургѣ Гаррисъ, ненавидѣвшій Пруссію, былъ очень радъ успѣху Іосифа II и вообще результатамъ встрѣчи Іосифа съ Екатериной. Къ тому еще онъ чрезвычайно былъ доволенъ обращеніемъ императора. Іосифъ бесѣдовалъ съ нимъ о политическихъ партіяхъ въ Англіи и о дружескомъ расположеніи императрицы Екатерины къ Англичанамъ вообще и къ партіи Фокса въ особенности.

Упомянутая въ своей дѣлешѣ къ англійскому министру, лорду Стармонту, отъ 14го іюля, объ отъѣздѣ Іосифа, Гаррисъ замѣчаетъ: „Графъ Фалькенштейнъ нанесъ ужасный ударъ вліянію здѣсь Прусскаго короля, такой ударъ что, какъ я полагаю, это вліяніе никогда болѣе не возобновится.“ **** Далѣе

* Сб. И. О. XXIII, 183 и 190.

** Письма Гримма къ Екатерине. Спб. 1880, 56.

*** Тамъ же, стр. 222.

**** Гаррисъ I. 324.

Гаррисъ разказываетъ что подарки розданные Иосифомъ при отъздѣ были многочисленны и цѣдры, но что тѣмъ не менѣе лица которыя получили ихъ не совсѣмъ были довольны; что же касается личнаго впечатлѣнія произведеннаго Иосифомъ на Екатерину то Гаррисъ пишетъ къ Стармунту въ ноябрѣ 1780 года: „Вамъ извѣстно что императоръ во всѣхъ отношеніяхъ удостоился уваженія и одобренія императрицы. Ихъ мысли идутъ рука объ руку. Это благоприятное впечатлѣніе глубоко вкоренилось; со времени его отъзда отсюда происходилъ уже обмѣнъ выраженій взаимнаго уваженія. Онъ употребилъ всѣ средства понравиться императрицѣ; и такъ какъ она уже предварительно была расположена въ его пользу, то ей нравилось все что онъ дѣлалъ. Этотъ результатъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія что съ другой стороны было сдѣлано все возможное для того чтобы настроить ее противъ императора. Прусскіе агенты употребляли всевозможную изобрѣтательность для достиженія этой цѣли. Они начали съ распространенія разныхъ оскорбительныхъ для императрицы отзывовъ Иосифа, которые будто были высказаны императоромъ тотчасъ же послѣ его возвращенія въ Вѣну: то было собраніе самыхъ колкихъ и злостныхъ замѣтокъ, какъ бы созданныхъ для того чтобъ узавить императрицу; эти люди въ своемъ коварствѣ доходили до такой пошлости что распространяли слухъ будто графъ Фалькенштейнъ вошелъ въ обязательства съ молодымъ дворомъ (Павломъ Петровичемъ и Маріей Θεодоровной) къ крайнему ущербу императрицы. Хотя это можетъ казаться страннымъ, но я могу васъ увѣрить что эти слухи были подъ рукой подтверждаемы французскою партіей; и хотя г. Веракъ многимъ обязанъ неограниченному довѣрью къ нему графа Кобенцеля (какъ кажется дѣйствующаго такъ по наказу своего двора), онъ и его сторонники съ крайнимъ отвращеніемъ слѣдятъ за усиленіемъ здѣсь интересовъ Австріи. Ихъ же интересы тѣсно связаны съ сильнымъ и постояннымъ вліяніемъ Пруссіи.“

Гаррисъ разказываетъ о стараніяхъ Прусскаго короля, котораго онъ называетъ „le Vieux de la Montagne“, по возможности испортить репутацію Иосифа II еще до пріѣзда послѣдняго въ С.-Петербургъ. Графу Гѣрцу было поручено доказывать въ какой степени умѣренно, безкорыстно и честно

всегда дѣйствовала Пруссія и сообщать въ то же время разныя частности о невыгодныхъ чертахъ въ характерѣ императора. Гаррисъ къ этому прибавляетъ что графъ Гёрцъ, хотя человекъ порядочный и свѣдущій, но скорѣе способенъ къ занятіямъ дипломатическими дѣлами при какомъ-либо Веймарскомъ или Цвейбрюкенскомъ дворѣ нежели къ участію въ большихъ дѣлахъ при Петербургскомъ. Впрочемъ, заключаетъ Гаррисъ, всѣ эти козни ни чуть не могли по дѣйствовать на императрицу, наконецъ убѣдившуюся въ громадной разницѣ между открытымъ и честнымъ образомъ дѣйствій императора и политическими интригами Прусскаго короля. *

Изъ французскихъ источниковъ мы знаемъ кое-что о дѣйствіяхъ графа Гёрца въ С.-Петербургѣ. Онъ между прочимъ говорилъ о новомъ проектѣ Австріи занять Баварію, выставлялъ на видъ что Марія-Терезія долго не хотѣла согласиться на путешествіе Иосифа въ Россію и пр. **

Изъ депешъ самого графа Гёрца къ королю Фридриху II мы узнаемъ впрочемъ что и послѣ пребыванія Иосифа II въ Петербургѣ, въ Пруссіи не придавали особеннаго значенія произведенному имъ впечатлѣнію. Король думалъ что вся дружба между Иосифомъ и Екатериной ограничится внѣшнею любезностью, пустыми фразами, обыкновенною учтивостью. Фридрихъ оставался въ убѣжденіи что императрица не захочетъ замѣнить вѣрнаго и ни въ какомъ отношеніи не опаснаго союзника другимъ, который, какъ думалъ король, и по своему положенію, и по характеру всегда долженъ былъ оставаться соперникомъ славы и могущества императрицы. ***

Гёрцъ въ свою очередь писалъ королю что Иосифъ II не имѣлъ успѣха. Такъ напримѣръ, сказано въ депешѣ Гёрца: „Всѣмъ не понравилось то обстоятельство что Иосифъ ни въ Москвѣ, ни въ С.-Петербургѣ не забатлся о знакомствѣ съ гордымъ и богатымъ дворянствомъ, что онъ никого не приглашалъ къ себѣ, что онъ никого не удостоивалъ чести

* Гаррисъ I. 314—315.

** Jauffret II, 236.

*** См. письмо короля къ Гёрцу, отъ 4 іюля 1780. въ *Берлинскомъ Архивѣ* у Цинкейзена VI. 261.

своего посѣщенія.“ Далѣе, доносилъ Гѣрцъ, при столь роскошномъ, пышномъ и расточительномъ дворѣ, каковъ былъ Петербургскій, не понравилась бережливость императора, доходившая до того что владѣльцы гостиницъ, гдѣ онъ останавливался со своею свитой, должны были въ послѣдствіи требовать вознагражденія отъ императрицы. Подарки Иосифа, разказываетъ Гѣрцъ, были до того ничтожны что лица получившія оныя считали себя униженными. Нельзя было, какъ замѣчаетъ Гѣрцъ, удивляться тому что многіе смѣялись надъ Иосифомъ и что не было конца колкимъ замѣчаніямъ на его счетъ. „Къ тому же, продолжаетъ Гѣрцъ, Иосифъ по своему обыкновенію говорилъ слишкомъ много и слишкомъ свободно, оскорблялъ многихъ лицъ своими сатирическими выходками и былъ въ этомъ отношеніи крайне неостороженъ. Его болтовня наконецъ надоѣла самой императрицѣ; она весьма рѣзко отзывалась о его болтливости, легкомысліи и необдуманности, находя что съ одной стороны онъ старался льстить ей самымъ пошлымъ образомъ, съ другой отталкиваетъ ее надменностью и нѣкоторою крутостью нрава. Хотя и нельзя было не признать что въ императорѣ были высокія идеи и что онъ во что бы то ни стало желалъ разыгрывать важную роль, все были однако убѣждены что по шаткости его нрава онъ никогда не будетъ въ состояніи осуществить свои предположенія ни въ качествѣ государственнаго дѣятеля, ни въ качествѣ полководца. Особенно же находили что Иосифъ не умѣлъ принимать видъ государя.“

Все эти донесенія Гѣрца заставили короля думать что пребываніе въ Россіи Иосифа II не повредитъ прусскимъ интересамъ и что событіе это должно будетъ даже содѣйствовать усилению убѣжденія Екатерины въ выгодѣ прусскаго союза. Фридрихъ II наконецъ дошелъ до того что считалъ Могилевское свиданіе совершенно неудавшимся.

И изъ Вѣны доносили королю Фридриху что тамъ все благоразумные люди не одобряли путешествія Иосифа II въ Россію уже потому что онъ такимъ образомъ доставилъ самый удобный случай видѣть его слабыя стороны. Баронъ Бретѣль, французскій посланникъ при Вѣнскомъ дворѣ, выразился въ своихъ дѣлесахъ что по его убѣженію все это событіе, надѣлавшее столько шума, ни въ какомъ

отношеніи не могло измѣнить существовавшей политической системы Европы. *

Къ тому же и Панинъ въ такомъ же смыслѣ выражался въ бесѣдахъ съ графомъ Гёрцомъ, увѣряя послѣдняго что даже, по выраженію самого Иосифа, союзъ Россіи съ Пруссіей долженъ считаться единственно цѣлесообразною политическою системою, и что желаніе императора заключается лишь въ томъ чтобы считаться другомъ Россіи. Въ бесѣдѣ съ графомъ Гёрцомъ Иосифъ хвалилъ высокія качества и необычайную геніальность Прусскаго короля. **

Такимъ образомъ король Фридрихъ II вполнѣ успокоился и не ожидалъ никакой перемѣны въ политической системѣ. Къ тому же онъ узналъ о нѣкоторыхъ не совсѣмъ благопріятныхъ отзывахъ Иосифа, порицавшаго будто чрезмѣрную обширность политическихъ проектовъ Екатерины, ограниченность и несамостоятельность великаго князя Павла, индифферентизмъ и самолюбіе Панина, безвравственность и надменность Потемкина. Далѣе, королю доносили изъ Вѣны что Иосифъ въ бесѣдѣ съ русскимъ дипломатомъ княземъ Голицынымъ въ Вѣнѣ особенно хвалилъ прекрасныя качества Русскаго народа, называя его во многихъ отношеніяхъ образцовымъ. Иосифъ, сообщали также королю, хотя считаетъ союзъ Россіи съ Пруссіей ненарушимымъ, тѣмъ не менѣе надѣется путемъ любезностей и сладкихъ фразъ въ писамахъ къ Екатеринѣ, путемъ лести въ обращеніи съ Панинымъ, путемъ подкула въ отношеніи къ фаворитамъ императрицы, до того наконецъ усилить Россію что всѣ прочіе кабинеты должны будутъ придти къ убѣжденію въ существованіи полнаго согласія между нимъ и императрицей. ***

Что касается дипломатическихъ круговъ въ С.-Петербургѣ, то тамъ о значеніи пребыванія Иосифа II толковали различно. Гаррисъ между прочимъ писалъ слѣдующее о томъ какъ императоръ прощался съ императрицей:

* N'altérerait en rien le système présent de l'Europe, см. письма короля къ Гёрцу въ іюлѣ и августѣ, у Цункейзена VI. 262—263.

** См. депешу Гёрца въ іюлѣ: „Que vous êtes, Sire, par votre génie sublime hors de la catégorie de tous les autres hommes.“

*** Письмо короля отъ 5 сентября, у Цункейзена VI. 265.

„Прощаясь съ императрицей онъ сказалъ ей въ простыхъ и благородныхъ выраженіяхъ что онъ являлся предъ ней совершенно такимъ каковъ есть, что не употребилъ никакой хитрости для того чтобы сплести ея расположеніе и дружбу, что она поэтому имѣетъ возможность составить себѣ мнѣніе о его характерѣ и дѣйствіяхъ. Безъ сомнѣнія, послѣ его отъѣзда будутъ сдѣланы попытки повредить ему, но онъ надѣется что императрица вмѣсто того чтобы вѣрить поклепамъ, прежде всего станетъ руководствоваться результатами собственнаго наблюденія. Къ этому онъ прибавилъ что не умѣетъ льстить, но не можетъ не сказать императрицѣ что впечатлѣніе произведенное ею на него далеко превзошло громкую репутацію которою она пользуется, и что онъ тѣ немногія недѣли которыя прожилъ съ нею считаетъ счастливейшими и полезнейшими въ своей жизни. Императрица до того была тронута откровенностью и искренностью этихъ словъ что пролила слезы; она поцѣловала императора съ чувствомъ и особенно дружески; между тѣмъ какъ онъ поцѣловалъ ея руку и она поцѣловала его руку. Это мнѣ разказывалъ единственный свидѣтель этой замѣчательной сцены. Не менѣе успѣха императоръ имѣлъ у молодого двора, въ особенности же у великой княгини“ *.

Иначе говорятъ о впечатлѣніи произведенномъ Іосифомъ II французскіе дипломаты находившіеся въ то время въ С.-Петербургѣ, Корберовъ, и смѣнившій его Веракъ. Веракъ въ депешѣ отъ 21 іюля замѣтилъ: „Пребываніе здѣсь графа Фалькенштейна у Русскихъ не надѣлало много шума“. Корберонъ писалъ 25 іюля: „Съ тѣхъ поръ какъ императоръ уѣхалъ не говорятъ вовсе о немъ и даже не упоминаютъ о политическомъ значеніи его пребыванія здѣсь. Онъ вообще, пребывая здѣсь, не произвелъ глубокаго впечатлѣнія, такъ что нельзя удивляться тому что его такъ легко забыли вовсе.“ **

* Кто бы могъ быть этотъ „единственный свидѣтель“ сцены? Безбородко? Потемкинъ? И отъ того и отъ другаго Гарриезъ могъ слышать этотъ разказъ. Впрочемъ этой депеши нѣтъ въ англійскомъ изданіи *Diaries and correspondence of James Harris, earl of Malmesbury*. Она напечатана въ изданіи *La cour de la Russie il y a cent ans*. Berlin 1858, стр. 343.

** *La cour de Russie*, стр. 343.

Достоиню вниманія донесеніе англійскаго дипломата, Роберта Кейта, изъ Вѣны, отъ 19 октября 1780, въ которомъ сказано:

„Императоръ сказалъ мнѣ: льстить императрицѣ есть лучшее средство проникнуть въ ея характеръ. Она безъ сомнѣнія отличается умомъ, но не можетъ же сама все дѣлать. Кто имѣетъ съ нею дѣло никогда не долженъ улускать изъ виду ея пола и не долженъ забывать что женщина всегда думаетъ и дѣйствуетъ не какъ мужчина. Я говорю по опыту: лучшимъ способомъ оставаться съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ должны считаться слѣдующія правила: не баловать ея, но также и не противорѣчить ей напрямикъ; предоставить ей полную свободу дѣйствовать по своему усмотрѣнію въ дѣлахъ менѣе важныхъ, чтобъ этимъ легче заставить ее спокойно выслушать отказы въ дѣлахъ болѣе важныхъ; показывать видъ старанія нравиться ей, но въ то же время давать почувствовать что всѣ дѣйствія обусловливаются извѣстными существенными принципами и чувствомъ собственнаго права и достоинства. Если она выразитъ какое-либо желаніе, исполненіе котораго возможно безъ нарушенія принциповъ, то нужно уступать, имѣя въ виду что она женщина; если же она станетъ требовать того что исполнить оказывается неудобнымъ, ей нужно дать почувствовать что есть предѣлы уступчивости. Такимъ образомъ можно надѣяться остаться съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ, не подвергнуться опасности со стороны несдержанности ея соображеній и убѣдить ее что каждый государь имѣетъ неоспоримое право въ дѣлахъ важныхъ не жертвовать принятыми правилами, но руководствоваться ими точно и исключительно. Несчастье императрицы заключается въ томъ что при ней нѣтъ никого кто бы могъ сдерживать хотя бы сколько-нибудь порывы ея страстей. Графъ Остерманъ какая-то кукла *; онъ ничего не дѣлаетъ и не имѣетъ никакого вѣса; что касается Безбородка, то это выскочка (parvenu); онъ былъ ничтожнымъ лицомъ, простымъ переводчикомъ при маршалѣ Румянцовѣ и не можетъ освободиться отъ обрза мыслей такихъ мелкихъ чиновниковъ. Онъ способенъ и опытенъ въ дѣлахъ, но онъ мало читалъ и не имѣетъ понятія о политикѣ въ общирномъ смыслѣ и о неотъемлемыхъ

* Est un homme de paille.

интересахъ государей. Когда государыня употребляетъ его перо и диктуетъ ему какое-либо чрезмѣрно сильное выраженіе, или мысль рожденную мгновеннымъ увлеченіемъ, онъ не имѣетъ достаточно твердости, ни, пожалуй, и охоты, хотя бы сколько-нибудь сдерживать такіе необдуманные порывы; онъ воспроизводитъ на бумагѣ все такіа мысли, не смягчая ихъ нисколько, вѣроятно думая про себя: не мое дѣло взвѣшивать возможные послѣдствія: пускай короли Французскій или Англійскій или императоръ выпутываются какъ знаютъ. Таково положенія государыни, и кто съ нею имѣетъ дѣло не долженъ упускать изъ виду этого обстоятельства. Однако, спросилъ я императора, развѣ Потемкинъ, послѣ ослалы графа Панина, не долженъ считаться главнымъ, пользующимся полнымъ довѣріемъ совѣтникомъ императрицы?—Да, отвѣтилъ императоръ, но онъ совѣтникъ несостоятельный. У него мало свѣдѣній, къ тому же онъ лѣнивъ, и даже сама императрица обращается съ нимъ какъ со своимъ ученикомъ въ дѣлахъ политики; она и говоритъ о немъ какъ о своемъ ученикѣ и какъ о человѣкѣ который скорѣе нуждается въ руководствѣ нежели способенъ быть руководителемъ. Ей доставляетъ большое удовольствіе говорить: онъ мой ученикъ, онъ знаніемъ дѣлъ обязанъ исключительно мнѣ. Вы можете представить себѣ что тѣ лица которымъ она это говоритъ не достаточно откровенны чтобы прямо возразить ей: такъ, государыня, онъ вашъ ученикъ, но онъ вамъ не дѣлаетъ чести.—Не можно ли думать, сказалъ я на это,—что вліяніе князя Потемкина и довѣріе которымъ онъ пользуется ослабѣваютъ мало-по-малу?—Нисколько, возразилъ императоръ;—но въ области политики ихъ отношенія никогда не были такими какими они считались въ публикѣ. Императрица не желаетъ разстаться съ Потемкинскимъ и на то имѣетъ тысячу причинъ. Она не легко могла бы отдѣлаться отъ него, еслибы даже желала этого. Нужно лобызать въ Россіи, чтобы составить себѣ точное понятіе о положеніи въ которомъ находится императрица.“ *

Какъ видно, самъ императоръ Іосифъ, сообщая нѣкоторымъ лицамъ не совсемъ благопріятные отзывы о Екатеринѣ и о лицахъ ее окружавшихъ, содѣйствовалъ распространенію толковъ о невозможности какихъ бы то ни было переменъ въ области политики вслѣдствіе его пребыванія въ Россіи.

* *La cour de la Russie*, 345—346.

На этотъ счетъ чрезвычайно любопытны нѣкоторыя замѣчанія въ перепискѣ Маріи-Терезіи съ Маріей-Антуанетой и графомъ Мерси.

4 (15) іюля, значить въ то время когда Іосифъ еще находился въ С.-Петербургѣ, графъ Мерси изъ Парижа писалъ къ Маріи-Терезіи: „Его величество императоръ, какъ можно видѣть изъ его письма къ королевѣ, отправленнаго по обыкновенной почтѣ, * кажется весьма доволенъ личностью императрицы Всероссійской и хвалить какъ нельзя болѣе оказанный ему приемъ. Королева находитъ путешествіе своего августѣйшаго брата слишкомъ продолжительнымъ, она думаетъ что такое продолжительное и повторающееся (въ Могилевѣ и въ С.-Петербургѣ) свиданіе должно будетъ имѣть важныя послѣдствія или въ хорошемъ или въ худомъ смыслѣ. Еслибъ эти результаты зависѣли лишь отъ великихъ и отъмѣнныхъ качествъ его величества императора, то разумѣется они были бы хорошими, но характеръ Русской императрицы, ея политика и политическіе виды лицъ ее окружающихъ заставляютъ насъ сомнѣваться въ пользѣ болѣе близкаго знакомства съ этимъ дворомъ.“ **

22 іюля (2 августа) Марія-Терезія писала къ своей дочери изъ Шёнбрунна: „Я только-что получила чрезъ курьера письмо отъ императора изъ Риги, отъ 23 (12 іюля); онъ выѣхалъ изъ Петербурга осыпанный учтивостями и выраженіями дружбы, но ничего болѣе.“ ***

Марія-Терезія и графъ Мерси не считали нужнымъ сообщать Французской королевѣ подробности политическихъ дѣлъ. Въ перепискѣ между графомъ Мерси и Маріей-Терезіей потому встрѣчаются болѣе важныя данныя о значеніи путешествія Іосифа въ Россію нежели въ перепискѣ Маріи-Терезіи съ Маріей-Антуанетой. Довольно кратко и голословно Марія-Терезія пишетъ къ дочери 31 августа (20 августа): „Чего еще не выдумаютъ на счетъ путешествія въ Россію! Императоръ кажется очень доволенъ своею поѣздкой, но онъ нисколько не ослѣпленъ. Могу васъ увѣрить что не было заключено

* Есть основаніе думать что это письмо Іосифа къ Маріи-Антуанетѣ, такъ какъ оно было отправлено по почтѣ, имѣло назначеніе быть прочитаннымъ Екатериной. Намъ извѣстны такіе случаи изъ исторіи переписки Іосифа съ Маріей-Терезіей.

** Arneht et Geffroy, *Marie Antoinette*, III, 451.

*** Mais rien de plus. Arneht, *Maria Theresia und Marie Antoinette*, 321.

договора; мнѣ только кажется что онъ имѣлъ счастье разсѣять бывшія по отношенію къ намъ сильныя предрасудки.“

Марія-Антуанета отвѣчала матери 8 (19) сентября: „Для меня главная радость что императоръ счастливо вернулся, но я принимаю искреннее участіе и въ его успѣхѣхъ. Все это можетъ принести большую пользу въ будущемъ, если только политическія интриги не измѣняютъ хорошаго расположенія такого двора каковъ Петербургскій. Пока однако можно быть довольнымъ что дѣло направлено на добрый луть.“ *

Гораздо важнѣе письмо графа Мерси къ Маріи-Терезіи отъ 5 (16) августа: „Приношу вашему величеству нижайшую благодарность за то что вы изволили сообщить мнѣ столь интересныя документы, которые я при семъ возвращаю **. Изъ нихъ можно усмотрѣть что его величество императоръ, несмотря на всё, быть-можетъ, не вполне искреннія демонстраціи, остается недовѣрчивымъ, и эта недовѣрчивость, кажется, имѣетъ основаніе. Выставленная на первый планъ, въ видѣ удочки, мысль имѣющая предметомъ Италію мнѣ кажется до того неловкою что я не могу ей надивиться. Такъ какъ нельзя предполагать что эта мысль происходитъ отъ политическаго невѣжества, то можно вывести заключеніе что такое заявленіе имѣетъ значеніе какой-то задней мысли и недоброжелательства. *** Впрочемъ прозорливость его величества императора уничтожила опасность которая могла заключаться въ этой заданѣ. Мнѣ кажется что августѣйшій монархъ сдѣлалъ нѣкоторыя важныя открытія въ отношеніи къ будущимъ планамъ Россіи и что онъ въ то же время оставался самъ сдержаннымъ. Сообщая королевѣ (то-есть Маріи-Антуанетѣ) подробности путешествія его величества императора, я считалъ нужнымъ ограничиться лишь внѣшними фактами, относящимися къ хорошему приему оказанному императору, не затрагивая ни одного вопроса имѣющаго какое-либо отношеніе къ политикѣ.“ ****

Такимъ образомъ казалось что никто не ожидалъ важныхъ послѣдствій отъ путешествія Іосифа въ Россію. Спрашивалось, какихъ послѣдствій можно было ожидать отъ поѣздки туда Прусскаго принца?

* Arneht, *Maria Theresia und Marie Ant.* Стр. 325 и 328.

** Очевидно это были письма Іосифа.

*** Очевидно тутъ говорится о сдѣланномъ Екатериной Іосифу предложеніи завладѣть Римомъ.

**** Arneht et Geoffroy, III. 460.

IX. Пребываніе Прусскаго принца Фридриха-Вильгельма въ С.-Петербурѣ.

Мы видѣли уже какъ тотчасъ же послѣ полученія извѣстія о предстоящемъ свиданіи Иосифа II съ Екатериной, весной 1780 года возникла мысль объ отправленіи въ Петербургъ наслѣдника Прусскаго престола, племянника Фридриха II, принца Фридриха-Вильгельма.

По нѣкоторымъ указаніямъ, мысль о путешествіи Прусскаго принца впервые возникла въ головѣ Панина, который, какъ сторонникъ прусскихъ интересовъ, надѣялся такимъ путемъ легче всего уничтожить результаты встрѣчи Иосифа II съ Екатериной *. По другимъ даннымъ виновникомъ этого проекта былъ Прусскій король **.

Такъ или иначе, мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ справедливости разказа Гарриса, сообщившаго англійскому министру, лорду Стормонту, что императрица совсѣмъ не понравилось это предложеніе и что она даже медлила отвѣтомъ на письмо короля, въ которомъ оно было сдѣлано. ***

Графъ Гёрцъ старался сообщить Прусскому принцу самыя полныя и разнообразныя данныя о состояніи Русскаго двора, о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ, въ особенности о дипломатахъ находившихся при Петербургскомъ дворѣ. Все это должно было приготовить Прусскаго принца къ возможно болѣе успѣшнымъ дѣйствіямъ во время пребыванія въ Россіи. Свою записку графъ Гёрцъ передалъ принцу въ Нарвѣ 23 августа. ****

Мы уже знаемъ что Фридрихъ II твердо надѣялся на успѣхъ этой поѣздки племянника. Съ тѣхъ поръ какъ Иосифъ II выѣхалъ изъ Петербурга прошло нѣсколько недѣль. Узнавъ о нѣкоторыхъ не совсѣмъ будто благопріятныхъ отзывахъ

* См. дѣлешу Гёрца отъ 3 марта 1780, въ соч. Цункеюзена VI. 257.

** См. дѣлешу Гарриса I. 293.

*** The Empress was neither flattered nor pleased with the proposition.

**** См. нѣкоторыя данныя объ этомъ путешествіи принца въ *Берлинскомъ Архивѣ*, на которыя кратко указано въ сочиненіи Цункеюзена VI. 265 и слѣд.

императора въ отношеніи Россіи вообще и Екатерины въ особенности, Фридрихъ не сомнѣвался что Екатерина недовольна Иосифомъ. Это обстоятельство заставляло его ожидать что принцъ, будучи въ Петербургѣ, произведетъ тѣмъ болѣе выгодное впечатлѣніе.

Вышло иначе. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ что надежда Прусскаго короля совершенно не оправдалась.

Довольно важнымъ источникомъ исторіи пребыванія Прусскаго принца въ С.-Петербургѣ служатъ депеши Гарриса. Онъ же сообщаетъ разныя данныя о полной неудачѣ Фридриха-Вильгельма. При этомъ не должно, правда, упускать изъ виду что англійскій дипломатъ, страстно ненавидѣвшій Пруссію, не можетъ считаться вполне безпристрастнымъ наблюдателемъ этого событія. Но разказы его о приѣмѣ оказанномъ принцу Екатериной и замѣчанія о произведенномъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ впечатлѣніи подтверждаются довольно важными и характеристическими данными, заключающимися въ перепискѣ Екатерины съ Гриммомъ.

Гаррисъ доносилъ лорду Стормонту, въ депешѣ отъ 28 августа (8 сентября): „Его королевское высочество Прусскій принцъ прибылъ сюда въ среду въ сопровожденіи генерала Гэрца и господина Фитингофа. Свиданіе, происходившее между нимъ и императрицей вчера утромъ съ большою церемоніей и при точномъ соблюденіи этикета, не могло, какъ я думаю, удовлетворить ни его, ни ее. Онъ оказался тяжелымъ, сдержаннымъ и неуклюжимъ; приѣмъ оказанный ему поражалъ его холодностью, формальностью. Вечеромъ положеніе принца оказалось столь же невыгоднымъ; императрица, которая обыкновенно въ своемъ Эрмитажѣ бываетъ разговорчивою и любезною, не обращала на принца болѣе вниманія чѣмъ было нужно для соблюденія вѣрнаго приличія.“

Въ депешѣ Гарриса отъ 15 (26 сентября) сказано между прочимъ: „Уже по образу жизни которую ведетъ здѣсь Прусскій принцъ можно видѣть что успѣхъ его ничтоженъ. Вчера употребляли самыя большія усилія чтобъ уговорить императрицу устроить при дворѣ вечеръ. Она положительно отказала въ этомъ. Въ воскресенье она вдругъ прервала свою игру въ карты, и, такъ какъ я сидѣлъ возлѣ нея, дала мнѣ почувствовать что она дѣлаетъ это потому что ей надоедаетъ тяжесть (heaviness) Прусскаго принца, сидѣвшаго возлѣ нея съ другой стороны. Ея обращеніе съ принцемъ

де-Линь, какъ должно бросаться въ глаза каждому, составляетъ крайнюю противоположность къ ея образу дѣйствій въ отношеніи къ Прусскому принцу. Ничто такъ не можетъ оскорбить принца и его друзей какъ радшіе и удовольствіе выражаемыя императрицей и княземъ Потемкинымъ въ обществѣ де-Линь.“

Въ другой делешѣ * сказано: „Императрица съ каждымъ днемъ становится менѣе учтивою въ обращеніи съ принцемъ Прусскимъ. Она даже по возможности избѣгаетъ видѣться съ нимъ. Не было и не будетъ никакихъ чрезвычайныхъ празднествъ. Она кажется рѣшилась этимъ способомъ показать что не желаетъ повторенія такихъ визитовъ съ этой стороны. ** Принцъ оскорбленъ самымъ чувствительнымъ образомъ, и нельзя считать вѣроятнымъ чтобъ онъ когда-нибудь могъ забыть что въ данную минуту играетъ чрезвычайно глупую роль, и чтобы когда-нибудь могъ простить императрицѣ. Великій князь и великая княгиня относятся къ нему съ большимъ вниманіемъ, но и въ нихъ даже принцъ не находитъ того радшія какого ожидалъ. Здѣшніе господа слѣдуютъ примѣру своего начальства, и когда принцъ является въ частныхъ домахъ, вездѣ царствуютъ холодный церемоніаль и скука. Среди всѣхъ этихъ неприятностей онъ надѣялся на нѣкоторое утѣшеніе въ компаніи своей метрессы, которая послѣдовала за нимъ сюда. Но строгость его менторовъ и страхъ предъ дядей заставили принца отправить ее во свояси. Князь Потемкинъ нисколько не старается угодить принцу и обращаетъ на него не болѣе вниманія чѣмъ требуетъ крайняя необходимость.“

Въ делешѣ отъ 22 сентября (3 октября) Гаррисъ пишетъ: „Его королевское высочество Прусскій принцъ вчера утромъ былъ въ публичномъ засѣданіи Академіи, онъ ужиналъ въ небольшой компаніи у князя Потемкина. Въ воскресенье онъ обѣдалъ и ужиналъ у ихъ императорскихъ высочествъ, вчера же онъ провелъ вечеръ у графа Кобенцеля.“

„Его королевское высочество старается задобрить князя Потемкина и, буде возможно, чрезъ него заставить императрицу оказать ему благопріятнѣйшій приемъ къ концу его

* Не въ англійскомъ изданіи, а въ сочиненіи: *La cour de la Russie*, стр. 346, гдѣ эта делеша отнесена къ 22 (11) сентября.

** Elle semble décidée à faire entendre que ce doit être la dernière visite de ce côté-là.

здѣшняго пребыванія; я однако думаю что онъ въ этомъ не будетъ имѣть успѣха; мнѣ даже кажется что еслибъ и князь Потемкинъ захотѣлъ сдѣлать что-либо въ этомъ отношеніи, онъ не имѣлъ бы достаточно вліянія на императрицу чтобъ убѣдить ее не показывать того отвращенія которое она чувствуетъ къ принцу. Послѣ того какъ она всевозможными способами дала ему понять что желаетъ его скорого отъѣзда, она наконецъ чрезъ своего частнаго секретаря велѣла сказать Панину что послѣднему вмѣняется въ обязанность устроить дѣло такъ чтобы принца скоро не было болѣе въ С.-Петербургѣ; иначе де при дальнѣйшемъ пребываніи его она можетъ-быть не вытерпѣвъ скажетъ ему какую-либо грубость. Хотя все это можетъ казаться страннымъ, но я увѣряю васъ что это фактъ. При публичныхъ встрѣчахъ она обращается съ нимъ съ холодностію и сдержанностію, совершенно чуждыми ея нраву. Съ лицами свиты принца она никогда не говоритъ. По случаю маскарада въ пятницу и при дворѣ въ воскресенье онъ не игралъ съ ней въ карты; это обстоятельство было тѣмъ болѣе замѣтно что когда я пришелъ и засталъ императрицу уже сидящею за карточнымъ столомъ, она попросила князя Барятинскаго уступить мнѣ свое мѣсто.

„Между тѣмъ какъ она относится съ необыкновеннымъ презрѣніемъ къ сторонникамъ прусской партіи, она обращаетъ особенное вниманіе на все что состоитъ въ нѣкоторой связи съ Вѣнскимъ дворомъ. Она въ присутствіи Прусскаго принца и его свиты сказала графу Кобенцелю что не проходитъ дня безъ того чтобъ она не думала о графѣ Фалькенштейнѣ и не сожалѣла объ его отъѣздѣ; въ бесѣдахъ съ принцемъ де-Ливъ она въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ говоритъ о своемъ расположеніи и уваженіи къ императору. Этотъ образъ дѣйствій императрицы далеко не соответствуетъ тому чего ожидалъ принцъ и можетъ навѣщъ на послѣдняго разныя неприятели со стороны его дяди, когда онъ вернется въ Берлинъ. Поэтому принцъ чрезвычайно разстроенъ, чувствуя себя здѣсь еще хуже нежели въ Берлинѣ.“

Въ депешѣ отъ 6 октября (25 сентября) сказано: „Ненависть которую императрица питаетъ къ Бранденбургскому дому до того сильна что если она не прекратится, то непремѣнно поведетъ къ уничтоженію союза существующаго между Пруссіей и Россіей.“ * Отъѣздъ отсюда князя

* Этой фразы, помѣщенной въ сочиненіи *La cour de la Russie*, нѣтъ въ англійскомъ изданіи депешъ Гарриса.

Потемкина также долженъ считаться, по справедливости, признакомъ неуваженія къ принцу Прусскому.... Я увѣренъ что всѣ старанія Прусаковъ подѣйствовать на Потемкина остались безуспѣшными и что развѣ только какое-либо непредвидѣнное чудо могло бы измѣнить образъ дѣйствій и мыслей императрицы въ отношеніи къ королевскому принцу. Три дня сряду я былъ свидѣтелемъ такихъ признаковъ неуваженія и презрѣнія оказанныхъ императрицей принцу что я лишь удивлялся его терпѣнію и умѣренности. Во вторникъ, въ домѣ шталмейстера Нарышкина, она не пригласила принца играть съ нею въ карты, и даже не пригласила его ужинать съ нею вмѣстѣ, между тѣмъ какъ пригласила меня, своего фаворита (Ланскаго) и князя Потемкина. Вчера на маскарадѣ она явилась въ маскѣ и тотчасъ же взяла меня подъ руку и повела по заламъ, замѣчая при этомъ: „Не оставляйте меня въ продолженіи всего вечера; я назначаю васъ моимъ кавалеромъ и хочу чтобы вы защитили меня отъ людей скучныхъ.“ Она оставалась отъ семи часовъ до десяти и во все время не обращала ни малѣйшаго вниманія ни на принца, ни на лицъ его свиты, и вообще ни на кого исключая меня и моей жены. Вы, милордъ, можете представить себѣ въ какомъ волненіи послѣ этого находятся мои противники.“

29 сентября (10 октября) Гаррисъ пишетъ: „Его королевское высочество назначилъ днемъ своего отъѣзда отсюда будущую субботу. Онъ подарилъ графу Панину свой портретъ и перстень съ алмазомъ; генераль-майору Потемкину онъ далъ табатерку и перстень съ алмазомъ. Императрица въ своихъ подаркахъ на этотъ разъ будетъ менѣе щедрою чѣмъ обыкновенно. Для принца она назначила сувениръ цѣной около 8.000 рублей, четыре куска золотой и серебряной ткани, сорокъ фунтовъ ревеню и столько же чаю. Графъ Гѣрцъ получитъ красивую шкатулку, его братъ перстень съ солитеромъ, другіе будутъ награждены соотвѣтственно.“

Въ депешѣ Гарриса отъ 2 (13 октября) сказано: „Принцъ уѣхалъ. До послѣдней минуты не было ни малѣйшей переменъ въ образѣ дѣйствій императрицы. Она постоянно обнаруживала отвращеніе и скуку въ присутствіи высокаго гостя; говоря о немъ, она отзывалась о его способностяхъ въ самыхъ неблагопріятныхъ выраженіяхъ. Несмотря на вліятельныхъ агентовъ и друзей, которыми принцъ и его партія

располагають въ здѣшнемъ мѣстѣ, я думаю что онъ ни въ чемъ не услѣлъ; я радъ этому; принцъ не только не ослабилъ того высокаго мнѣнія которое императрица составила себѣ о графѣ Фалькенштейнѣ, но даже усилилъ оное. Въмѣсто того чтобы поддерживать здѣшніе интересы своего дяди, принцъ повредилъ имъ. Князь Потемкинъ не хотѣлъ дозволить своей племянницѣ устроить для принца вечеръ. Словомъ, онъ уѣхалъ отсюда недовольный и раздраженный.“ *

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ отъѣзда Прусскаго принца изъ Петербурга Гаррисъ писалъ, 6 (17) ноября: „Принца Прусскаго здѣсь уже почти совсѣмъ забыли и развѣ только говорятъ о немъ въ тонѣ сожалѣнія похожаго на презрѣніе.“ **

Гаррисъ, недовольный Пруссіей, не желавшій услѣха принца Прусскаго, могъ, безъ сомнѣнія, составить нѣсколько одностороннюю картину пребыванія Фридриха-Вильгельма. Но сравнивая депеши англійскаго дипломата съ другими до-веселіями того же времени, нельзя не придти къ убѣжденію что пріемъ оказанный принцу въ С.-Петербургѣ былъ дѣйствительно весьма неблагопріятенъ. И французскій посланникъ говоритъ объ этомъ, хотя приписываетъ неудачу Прусскаго принца совершенно инымъ причинамъ. Вотъ что сказано въ депешѣ Верака отъ 25 сентября (6 октября): „Частныя и домашнія событія въ продолженіе послѣдняго мѣсяца дѣйствуютъ невыгодно на императрицу и разстраиваютъ ее до того что ея нравъ совершенно измѣнился. Всѣ окружающіе ее страдаютъ отъ этого; для Прусскаго же принца чрезвычайно невыгодно что онъ сюда пріѣхалъ въ такое время когда его присутствіе должно содѣйствовать ващему раздраженію императрицы, заставляя ее употреблять старанія не показывать вида такого разстройства. Я не сомнѣваюсь что при другихъ обстоятельствахъ королевскій принцъ чрезвычайно понравился бы императрицѣ. Онъ соединяетъ съ самою благородною наружностью необычайную свисходительность, отличается, какъ кажется, умомъ и познаніями, держитъ себя всегда съ соответствующимъ его положенію достоинствомъ и въ обществѣ бываетъ очень любезнымъ.“

* Harris, *Diaries and correspondence*. I. 330—337.

** Этой депеши, напечатанной въ сочиненіи: *La cour de la Russie*, 348, нѣтъ въ англійскомъ изданіи.

Немногимъ позже, 20 (31) октября, Веракъ писалъ: „Прощаніе императрицы съ Прусскимъ принцемъ было трогательно. Говорятъ даже что были слезы. Она выразила самыя благопріятныя чувства въ отношеніи къ Прусскому королю, и я не сомнѣваюсь что принцъ удостоился ея уваженія и что это путешествіе принесетъ похвалу Прусскому королю.“ *

Напрасно французскій дипломатъ приписывалъ какимъ-то непріятностямъ, происходившимъ при дворѣ въ это время, такое значеніе. Дѣйствительно мы узнаемъ изъ донесеній Гарриса что между прочимъ Потемкинъ тогда не разъ жаловался на нѣкоторую раздражительность императрицы, на то что будто съ нею въ это время нельзя было говорить спокойно о политическихъ дѣлахъ и т. п. Но тѣ неважныя столкновенія въ тѣснѣйшемъ кругу императрицы которыя быть-можетъ происходили именно въ то время когда принцъ Прусскій находился въ С.-Петербургѣ не мѣшали же Екатерину говорить съ нѣкоторымъ восхищеніемъ объ императорѣ Иосифѣ, обращать благосклонное вниманіе на графа Кобенцеля, бесѣдовать остроумно и весело съ принцемъ де-Линь и переписываться въ шутовомъ тонѣ съ барономъ Гриммомъ. Поэтому крутой образъ дѣйствій императрицы въ отношеніи къ Прусскому принцу объясняется, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ личнымъ къ нему нерасположеніемъ, а затѣмъ и расчетомъ что Россія въ это время нуждалась гораздо болѣе въ союзѣ съ Австріей нежели въ близкихъ отношеніяхъ къ Пруссіи.

Нельзя впрочемъ не удивляться тому что въ то самое время когда Гаррисъ, Веракъ и другія лица были поражены холодною обращеніемъ Екатерины съ принцемъ, прусскій дипломатъ графъ Гёрцъ не замѣчалъ или не хотѣлъ видѣть этой холодности. Въ своихъ донесеніяхъ къ королю Фридриху, писанныхъ во время пребыванія принца въ С.-Петербургѣ, Гёрцъ доносилъ что впечатлѣніе произведенное принцемъ при Русскомъ дворѣ было чрезвычайно благопріятно, и при другихъ обстоятельствахъ непремѣнно совершенно уничтожило бы эффектъ пребыванія Иосифа въ Россіи. Гёрцъ писалъ что принцъ чрезвычайно понравился императрицѣ, что между принцемъ и великимъ княземъ установились дружескія,

* *La cour de la Russie*, стр. 349.

доходящія почти до искреннѣйшей интимности, отношенія, что образъ дѣйствій Панина и Потемкина отличался учтивостью и оказаніемъ вѣжливаго уваженія. Вообще, доносилъ Гёрцъ, высшее общество въ Россіи высказалось въ пользу принца и, при сравненіи его съ императоромъ Иосифомъ, было сдѣлано множество колкихъ сатирическихъ замѣчаній въ отношеніи къ послѣднему, что, какъ прибавлялъ Гёрцъ, сильно огорчило Гарриса и Кобенцеля.

Далѣе Гёрцъ разказываетъ что при прощаніи принца Прусскаго съ великимъ княземъ опять была рѣчь о постоянствѣ союза между Россіей и Пруссіей и объ истинной дружбѣ между обоими дворами. Панинъ объяснялъ наследникамъ Прусскаго и Русскаго престола систему политики которой оба государства должны были, по его мнѣнію, держаться въ будущемъ. Онъ старался доказывать что союзъ между обоими государствами долженъ считаться вѣчнымъ, неразрушимымъ. Въ этомъ смыслѣ объяснились Павелъ Петровичъ и Фридрихъ-Вильгельмъ въ минуту прощанія, въ присутствіи графа Панина.

Долуская что Екатерина дѣйствительно старалась уговорить принца увѣхать скорѣе, графъ Гёрцъ все-таки сообщилъ королю что императрица, разставаясь съ принцемъ, со слезами повторяла ему увѣренія въ дружбѣ и обѣщанія сохраненія союза съ Пруссіей. Екатерина, впрочемъ, страдала въ это время отъ ревматизма и прощалась съ принцемъ лежа въ постели.

Что касается однако этой послѣдней сцены, то Гёрцъ замѣчаетъ что Екатерина, „большая мастерица въ искусствѣ притворяться“, можетъ-быть „сыграла комедію“, имѣя цѣлью обмануть принца и скрыть предъ нимъ свои настоящія намѣренія. По крайней мѣрѣ Гёрцу разказывали, будто императрица послѣ прощанія съ принцемъ спросила окружавшихъ ее лицъ о впечатлѣніи произведенномъ ею на принца при этомъ случаѣ и будто узнавъ что принцъ очевидно былъ тронутъ, хвалила, можетъ-быть не безъ насмѣшки, его добродушіе. *

Какъ бы то ни было, Гёрцъ казался весьма довольнымъ

* Въ депешахъ Гёрца отъ 13 и 17 октября 1780 года сказано: „Il se peut que l'attendrissement de l'Impératrice n'ait été d'abord qu'une comédie, mais elle a été si bien jouée, qu'elle a paru toucher le prince.“

пробываніемъ принца въ Петербургъ. Мало того, и Фридрихъ II, какъ видно изъ его писемъ къ Гёрцу, также рзчитывалъ на хорошіе результаты этой поѣздки своего племянника въ Россію. *

Домъ разказываетъ между прочимъ что принцъ Прусскій уже потому въ Петербургъ произвелъ болѣе благопріятное впечатлѣніе нежели Іосифъ II что послѣдній не желалъ имѣть какихъ-либо сношеній съ русскими вельможами, между тѣмъ какъ Фридрихъ-Вильгельмъ побывалъ съ визитами у главныхъ представителей петербургской знати. Онъ же сообщаетъ о великолѣпныхъ празднествахъ устроенныхъ Екатериной въ честь принца, о бесѣдахъ императрицы съ нимъ наединѣ, въ которыхъ Екатерина чрезвычайно хвалила Прусскаго короля и пр. Словомъ, замѣчаетъ Домъ, прусскіе патріоты имѣли основаніе радоваться тому что наследникъ престола воспользовался случаемъ оказать государству существенную услугу и тѣмъ самымъ заслужить одобреніе дяди въ качествѣ дипломата, послѣ того какъ онъ приобрѣлъ себѣ уваженіе короля своимъ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Домъ замѣчаетъ далѣе что Фридрихъ, когда онъ скоро послѣ возвращенія изъ Петербурга заболѣлъ серьезно, сказалъ: „Можетъ-быть я умру теперь, но противникамъ нашимъ нечего радоваться, потому что мой племянникъ, наследникъ престола, будетъ дѣйствовать совершенно въ моемъ духѣ“. Это замѣчаніе короля свидѣтельствуетъ о томъ что Фридрихъ былъ доволенъ принцемъ и что исходъ путешествія послѣдняго въ Россію не повредилъ ему въ глазахъ короля.

Съ другой стороны, король Фридрихъ былъ убѣжденъ въ неудачѣ Іосифа II и замѣчалъ говоря о его путешествіи въ Россію: „Графъ Фалькенштейнъ самый плохой посланникъ императора Іосифа II“ **.

Въ другихъ частяхъ Европы разсуждали иначе. Лордъ NN. изъ Лондона пишетъ къ одному лицу въ Вѣну 6 (17) октября:

* Какъ видно изъ сочиненій Дома и Цинкейзена, въ Берлинскомъ архивѣ хранятся многіе документы относящіеся къ этому событію. Они сдѣлались извѣстными лишь отрывками чрезъ сочиненіе Цинкейзена. VI, стр. 265—267. Между прочимъ въ архивѣ есть особенный пакетъ: „Dépêches du comte de Goertz touchant le séjour du prince de Prusse à St.-Petersbourg.“

** Dohm, *Denkwürdigkeiten*. I. 425 и 426.

„Хотя съ принцемъ Прусскимъ въ С.-Петербургѣ обращались съ тою учтивостью которую нельзя не соблюдать въ обращеніи съ таковою особой, онъ однако очень разстроенъ и чувствуетъ что онъ нисколько не понравился и не могъ понравиться. Его раздраженіе таково что онъ съ трудомъ скрываетъ оное; въ бесѣдѣ съ приближенными лицами онъ открыто сознается въ своемъ сожалѣніи о томъ что вообще предпринялъ это путешествіе.“ Въ отвѣтъ же на это письмо отъ 17 (28) октября сказано: „Князь Кауницъ сказалъ мнѣ, вы можете увѣрить лорда NN. отъ моего имени и конфиденціально что, несмотря на смѣлыя предположенія Прусскаго короля, цѣль путешествія его племянника въ Россію не была достигнута вовсе и что онъ совсѣмъ не понравился императрицѣ. Его даже обидѣли до того что императрица у себя не пригласила его играть съ нею въ карты и въ этомъ отношеніи дала предпочтеніе графу Кобенцелю.“

Весьма любопытна наконецъ еще слѣдующая депеша барона Бретѣля, свидѣтельствующая также о напряженномъ вниманіи съ которымъ дипломаты слѣдили за этими событіями. Французскій посланникъ писалъ изъ Вѣны, 30 ноября (11 декабря) 1780 года: „Принцъ де-Линъ старается всячески доказать здѣсь что путешествіе Прусскаго кронпринца не привело ни малѣйшей пользы для Пруссіи въ ея отношеніяхъ къ Русской императрицѣ. Я изъ этого усматриваю что неудача принца въ Петербургѣ и услѣхъ императора не были вовсе такими какъ разказываютъ здѣсь. Императоръ сказалъ мнѣ: императрица мнѣ писала (о Прусскомъ принцѣ), какое же впечатлѣніе можетъ произвести человекъ 37 лѣтъ, который отъ роду ничего еще не видѣлъ, ничего еще не слышалъ, а только занимался обученіемъ солдатъ! Сообщая мнѣ объ этомъ отзывѣ, императоръ казался очень довольнымъ тѣмъ значеніемъ и тѣмъ обширнымъ смысломъ которые онъ придавалъ этому мнѣнію императрицы. Что же касается меня, то я во всемъ этомъ вижу одну большую хитрость писательницы, злостный и фальшивый стиль которой мнѣ очень хорошо извѣстенъ. Екатерина играетъ свою игру и эта игра нравится императору. Она съ нимъ поступаетъ такъ какъ ей кажется удобнымъ послѣ его образа дѣйствій въ Петербургѣ“.*

* Выпуски изъ депешъ въ разныхъ архивахъ въ изданіи Раумера *Beiträge zur neueren Geschichte*, V. 459—462.

Что касается настоящаго образа мыслей императрицы въ отношеніи къ Прусскому принцу, мы можемъ составить себѣ весьма точное и полное понятіе объ этомъ предметѣ руководствуясь содержаніемъ перелиски между барономъ Гриммомъ и Екатериной. Письма эти имѣли совершенно частный, интимный характеръ, такъ что тутъ мы можемъ заглянуть такъ-сказать въ закулисную исторію дѣла.

До путешествія принца въ Россію, 18 (29) августа, Гриммъ писалъ: „Графа Фалькенштейна смѣняетъ маркизь Бранденбургскій, иначе сказать, принцъ Прусскій. По званію принца германскаго и по личнымъ своимъ качествамъ онъ состоитъ, какъ извѣстно, подъ моимъ покровительствомъ: итакъ, ваше величество должны говорить о немъ со мною осторожно, чтобъ я не подвергся искушенію поворотить влѣво. Ледяной министръ * имѣетъ прекраснѣйшій въ мірѣ случай отгадать; если онъ этимъ не воспользуется, я буду считать его положеніе отчаяннымъ.“

Императрица въ письмѣ отъ 2 октября 1780 года писала, замѣчая что Иосифъ II настоящій мастеръ, между тѣмъ какъ Прусскому принцу еще долго ждать до достиженія званія подмастерья: „Бѣднакъ; совсѣмъ нельзя разнюхать что въ немъ есть. Онъ сильно путаетъ въ разговорѣ или же отмалчивается, такъ что ничего изъ него не выходитъ; его сдержанность чрезвычайно неудобна для всякаго имѣющаго съ нимъ дѣло. Говорятъ что онъ хорошо думаетъ; это легко возможно; это можно сказать и объ индѣйскомъ лѣтучѣ; однако быть индѣйскимъ лѣтучомъ или играть роль таковаго не во всякое время выгодно. Баста.“ Разказавъ Гримму затѣмъ о Иосифѣ II и объ удовольствіи свиданія съ послѣднимъ, императрица продолжаетъ: „А другой (т.е. Прусскій принцъ) совсѣмъ тяжелъ на подъемъ; Боже! Боже! какая разница между нимъ и его дядями! Этотъ (принцъ Прусскій) какъ двѣ капли воды похожъ на прежнихъ герцоговъ Бевернскихъ, которые всѣ были колоссальными. Ледяной министръ остался ледянымъ и даже его protégé (принцъ Прусскій), какъ мнѣ кажется, чрезъ него сдѣлался ледянымъ. Если вы знаете что-либо о немъ, то сообщите мнѣ объ этомъ и пр.“ **

* Такъ (le ministre à la glace) въ перелискѣ Гримма и Екатерины иногда называется Герцбергъ. *Письма Гримма*, стр. 45 и 46.

** Сб. И. О. XXIII, 190.

X. Результаты.

Какъ видимъ, во время пребыванія Иосифа II, а затѣмъ Фридриха-Вильгельма въ Россіи, современникамъ наблюдавшимъ за событіями было не легко составить себѣ точное понятіе объ ихъ историческомъ значеніи, и въ 1780 году можно было сомнѣваться произойдетъ ли какая-либо перемѣна во внѣшней политикѣ Россіи. Но въ 1781 году всѣмъ стало ясно что настало время совершенно новыхъ политическихъ комбинацій.

Уже въ 1780 году было явно личное сближеніе между представителями власти въ Австріи и Екатериной. Известно какъ было до 1780 года личное нерасположеніе Маріи-Терезіи къ Екатеринѣ. Екатерина, въ свою очередь, говоря о Маріи-Терезіи, употребляла рѣзкія и колкія выраженія. Несмотря на то, объ императрицы скоро послѣ поѣздки Иосифа въ Россію обмѣнялись письмами.

Въ сентябрѣ 1780 года Екатерина писала къ барону Гримму: „Я надѣюсь что впредь послѣ графа Фалькенштейна не станутъ болѣе пріѣзжать такіе люди какъ вашъ *protégé*, который вообще заставилъ меня не желать подобныхъ посѣщеній. Онъ мнѣ надѣлалъ до того что даже мой ревматизмъ въ рукѣ усилился. Съ тѣхъ поръ какъ его нѣтъ, мнѣ лучше. Такихъ племянниковъ не должно посылать послѣ такихъ личностей каковы тѣ съ которыми мы познакомились въ Могилевѣ: представьте себѣ, мы теперь переписываемся, и я получила даже отъ маменьки письмо сладкое какъ медъ.“ *

Къ сожалѣнію эти письма Маріи-Терезіи и Екатерины пока намъ неизвѣстны. Но самый фактъ такого хотя бы лишь внѣшняго сближенія между этими двумя женщинами замѣчательнъ. Вообще Марія-Терезія казалась склонною дѣлать угодное Россіи. Когда въ сентябрѣ въ Австріи явились русскіе офицеры-путешественники, Марія - Терезія оказала имъ особенно благопріятный пріемъ. Изъявляя матери благодарность за такой образъ дѣйствій, Иосифъ прибавилъ: „Намъ теперь лучше дѣйствовать заодно при каждомъ случаѣ.“ **

* Сб. И. О. XIII, 192.

** Arneth, *Maria Theresia und Joseph*, стр. 314. „Il est bon que nous ne faisons qu'un en toute occasion.“

Кончина Маріи-Терезіи въ ноябрѣ того же года еще болѣе содѣйствовала сближенію Австріи съ Россіей. Самымъ краснорѣчивымъ памятникомъ дружескихъ отношеній существовавшихъ между Екатериной и Іосифомъ II до кончины послѣдняго въ 1790 году служить изданная въ 1869 году г. Арнетомъ переписка Іосифа съ Екатериной. Въ этой перепискѣ довольно часто упоминается о встрѣчѣ 1780 года. Такъ, напримѣръ, Екатерина писала въ началѣ октября, скоро послѣ отъѣзда принца Прусскаго изъ Петербурга: „Такой посягатель, какъ ваше императорское величество, заставилъ насъ быть разборчивыми въ отношеніи къ другимъ посягателямъ. Явиться непосредственно послѣ васъ, значило отважиться на слишкомъ трудное и опасное предпріятіе.“ Затѣмъ слѣдуютъ разныя увѣренія въ дружбѣ и уваженіи къ Іосифу и замѣчанія объ успѣхѣ его поѣздки въ Россію. * Послѣ многихъ учтивостей и заявленій объ уваженіи въ письмѣ отъ 2 (13) ноября, Іосифъ, сообщивъ императрицѣ многія данныя о разныхъ предметахъ, замѣчаетъ: „Извините мнѣ это слишкомъ длинное письмо, я думалъ что имѣю счастье бесѣдовать съ вами устно и поэтому не могъ кончить.“ ** Въ письмѣ отъ 20 ноября Екатерина благословляетъ ту минуту когда она въ Могилевѣ имѣла удовольствіе познакомиться съ графомъ Фалькенштейномъ. Скоро послѣ кончины Маріи-Терезіи, Іосифъ подарилъ Екатерину вышитыя его матерью ширмы, сообщивъ ей объ отправленіи этого подарка въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ. Въ кругахъ иностранныхъ дипломатовъ въ С.-Петербургѣ этотъ фактъ былъ замѣченъ какъ признакъ особенно близкихъ отношеній между Іосифомъ, и Екатериной. *** Постоянно въ своей перепискѣ и Іосифъ и Екатерина возвращаются къ воспоминаніямъ о встрѣчѣ въ Могилевѣ. Такъ, напримѣръ, Екатерина пишетъ въ мартѣ 1781 года, замѣчая что ревматизмъ быть-можетъ заставитъ ее отправиться къ Царицынскимъ водамъ: „Я однако признаю что послѣ путешествія въ Могилевъ для меня чрезвычайно трудно находить какое-либо удовольствіе въ путеше-

* Arneth, *Joseph II und Katharina*, стр. 12: „La cause du devancier du prince de Prusse était toute gagnée dans cette partie de l'Europe qu'il s'est plu à parcourir.“

** Arneth, *Joseph II und Katharina*, стр. 19.

*** Harris, I, 393.

ствіи. * Въ свою очередь Іосифъ II, отправляясь лѣтомъ 1781 года въ Нидерланды, замѣчаетъ въ письмѣ къ Екатери-нѣ что гораздо охотнѣе отправился бы въ Могилевъ или въ Херсонъ или въ какое-либо другое мѣсто, гдѣ бы встрѣ-тился съ Екатериной и наслаждался бы единственною въ своемъ родѣ бесѣдой съ нею. Находясь въ Нидерландахъ, Іосифъ сообщаетъ императрицѣ что онъ ежедневно мыслен-но проживаетъ счастливое время, ровно годъ тому назадъ проведенное имъ въ Могилевѣ и т. д. **

Все это не было внѣшнею формальностью, лустыми фраза-ми, а должно считаться доказательствомъ настоящей дружбы. Въ продолженіе десяти лѣтъ не прекращалась эта переписка, исходною точкою которой было Могилевское свиданіе и харак-теръ которой выгодно отличается отъ тона и содержанія пере-писки Екатерины II съ Фридрихомъ II, недавно напечатанной въ XX томѣ *Сборника Историческаго Общества*. Между тѣмъ какъ Іосифъ II и Екатерина видѣлись въ 1780 и 1787 году, та-кихъ свиданій между Прусскимъ королемъ и императрицей не происходила. Мало того: именно Могилевское свиданіе и сбли-женіе между Іосифомъ и Екатериной прервали на нѣкоторое время переписку между Фридрихомъ II и императрицей. Этотъ пробѣлъ бросается въ глаза. Послѣ краткаго письма Екатерины къ Фридриху отъ 2 февраля 1780 прошло нѣ-сколько мѣсяцевъ—именно время личнаго ознакомленія импе-ратрицы съ Іосифомъ—пока наконецъ Екатерина въ октябрѣ 1780 не написала королю краткое письмо по поводу пребы-ванія въ Россіи Прусскаго принца. Скоро послѣ этого пере-писка между Фридрихомъ и Екатериной, какъ кажется, пре-кратилась вовсе, между тѣмъ въ слѣдующіе затѣмъ годы переписка Іосифа съ Екатериной становится все болѣе и бо-лѣе оживленною и богатою содержаніемъ. Нельзя было и ду-мать о томъ чтобы въ письмахъ Екатерины къ Фридриху го-ворилось о Іосифѣ II, между тѣмъ какъ въ письмахъ Ека-терины къ Іосифу, какъ мы видѣли, говорилось довольно рѣзко о Прусскомъ принцѣ, а въ письмахъ Іосифа къ Ека-теринѣ нерѣдко встрѣчались сильныя нападеныя на Прусскаго короля.

Довольно замѣчательный случай, свидѣтельствующій о раз-

* Arneth, *Joseph II und Katharina*, стр. 59.

** Тамъ же, стр. 93 и 95.

драженію Иосифа противъ Прусскаго короля. Возвращаясь изъ Петербурга въ Вѣну, Иосифъ близъ города Троллау ветрѣтился съ братомъ великой княгини Маріи Теодоровны. Этому Виртембергскому принцу, находившемуся въ службѣ прусской, Иосифъ II поручилъ поклониться отъ него Фридриху II, и въ то же время далъ письмо къ Маріи Теодоровнѣ. Въ письмѣ къ своей матери Иосифъ II объясняетъ что поступилъ такъ съ цѣлью кольнуть Фридриха II. *

Англійскій дипломатъ Гаррисъ былъ чрезвычайно радъ происшедшей въ Петербургѣ перемятѣ. Онъ доносилъ что всѣ старанія Фридриха II дѣйствовать на нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ при С.-Петербургскомъ дворѣ оставались тщетными. Лѣтомъ 1781 года онъ писалъ: „Вліяніе и значеніе Пруссіи исчезли здѣсь навсегда.“ ** Возобновленіе прежнихъ союзныхъ договоровъ между Россіей и Пруссіей, которыми истекалъ срокъ въ 1780 году, оказалось невозможнымъ. ***

За то вопросъ о заключеніи союза между Россіей и Австріей сталъ на первый планъ. Въ то время когда близкія отношенія къ Пруссіи казались болѣе выгодными, главнымъ дѣльцомъ былъ Панинъ. Телерь же важнѣйшую роль въ вопросахъ внѣшней политики началъ играть Безбородко. Онъ въ концѣ сентября 1780 года, значить въ то время когда принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ находился въ С.-Петербургѣ, подалъ государынѣ записку подъ названіемъ „Меморіалъ по дѣламъ политическимъ“. Тутъ говорится что договоръ съ императоромъ Иосифомъ II долженъ обуславливаться пріобрѣтеніемъ для Россіи: 1) Очакова; 2) Крымскаго полуострова, и 3) одного или двухъ острововъ въ Архипелагѣ. Австрія могла получить Бѣлградъ съ частію Сербіи и Босніи, но въ томъ случаѣ еслибы Вѣнскій дворъ согласился относительно дальнѣйшаго жребія монархіи Оттоманской. При этомъ предполагалось что „еслибы обѣ державы, находя продолженіе войны для себя весьма убыточнымъ, а завоеванія ненадежными, предпочли заключеніе мира безъ разрушенія Турецкаго государства, въ такомъ случаѣ сверхъ обоестороннихъ пріобрѣтеній, полезно было бы имъ условливаться и постановить чтобы Молдавія, Валахія и Бессарабія

* Arneth, *Maria Theresia und Joseph*, III, 305.

** Harris, I, 432: „The Prussian interest is fallen for ever“, см. также II, 4 и 24.

*** *Dohm*, I, 423.

подъ своимъ древнимъ названіемъ Дакии, учреждена была областію независимую, въ которую владѣтель назначенъ былъ бы закона христіанскаго тамъ господствующаго, если не изъ здѣшняго императорскаго дома, то хотя другая какаѣ-либо особа на которой вѣрность оба союзника могли бы положиться; новая сія держава не можетъ быть присоединена ни къ Россіи ни къ Австріи.“

Таковы были предположенія Россіи въ ту самую минуту когда пребываніе Прусскаго принца имѣло цѣлью служить средствомъ сохраненія прежнихъ близкихъ отношеній Россіи къ Пруссіи. Мысль о раздѣлѣ Турціи могла нравиться Австріи: эта мысль должна была встрѣтить противорѣчіе Пруссіи. Въ послѣдніе годы царствованія Фридриха Великаго и въ первое время царствованія его племянника Фридриха-Вильгельма II, Пруссія не переставала противоудѣствовать видамъ Россіи и Австріи въ отношеніи къ Турціи. Прусскіе дипломаты въ Константинополь, Гафронъ и Дитцъ (Dietz), были самыми опасными противниками русскихъ дипломатовъ, въ особенности Булгакова. За то интересы Австріи и Россіи въ отношеніи къ Восточному вопросу оказывались солидарными. Уже въ Могилевѣ Екатерина заговорила съ Іосифомъ объ этомъ предметѣ. Въ это время возникъ проектъ греческій. Императрица мечтала о возможности занятія Константинополя. Не даромъ она въ бесѣдѣ съ Іосифомъ нѣсколько разъ повторяла предложеніе чтобъ онъ взялъ себя Римъ. * Предоставляя Іосифу II такъ-сказать гегемонію въ Западной Европѣ, Екатерина хотѣла имѣть полную власть на Востокѣ.

Мысль Екатерины о Римѣ и Константинополь, высказанная ею по случаю Могилевскаго свиданія, оказалась химерой. Тѣмъ не менѣе это Могилевское свиданіе сдѣлалось злохой въ исторіи Восточнаго вопроса. Договоръ заключенный между Іосифомъ II и Екатериной въ 1781 году состоялся какъ разъ въ годовщину встрѣчи въ Могилевѣ и

* Немногомъ позже Павелъ Петровичъ пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ императоръ Іосифъ сообщилъ ему объ этомъ предложеніи, сдѣланномъ ему императрицей и о томъ что Екатерина желала предоставить ему, такъ-сказать, господство надъ Западною Европой. Великій князь сообщалъ все это Прусскому кронпринцу и графу Гёрцу. См. *Denkwürdigk.*, von Dohm I. 420—421.

можетъ считаться непосредственнымъ результатомъ личнаго знакомства императрицы съ Иосифомъ. Между тѣмъ отношенія между Россіей и Пруссіей становились все болѣе и болѣе натянутыми. Ни подъ какимъ видомъ Екатерина не хотѣла дозволить чтобы великій князь и великая княгиня, отправляясь въ Западную Европу въ 1781 году, посетили Берлинъ. За то они должны были два раза побывать въ Вѣнѣ у Иосифа II. И въ отношеніи къ восточнымъ дѣламъ, и въ отношеніи къ вопросу о Швеціи Пруссія оказалась въ восьмидесятихъ годахъ противницей Россіи. Дѣло дошло до того что въ 1789 и 1790 годахъ, во время полнаго разгара Турецкой и Шведской войнъ, Россіи грозило даже нападеніе со стороны Пруссіи. Дружба Екатерины къ Иосифу сохранилась до кончины императора.

Таковы были важныя послѣдствія свиданія въ Могилевѣ.

А. БРИКНЕРЪ.

ПО НИЛУ

И

НА СУЭЗСКОМЪ КАНАЛѢ

Поездку по Египту я совершилъ въ 1876 году. Если описаніе ея появляется лишь теперь, то причиною этому служатъ обстоятельства, а главнымъ образомъ я самъ.

Слѣшно командированный въ послѣднюю кампанію изъ Петербурга въ Адрианополь и Санъ-Стефано, я имѣлъ неосторожность захватить съ собою свои „Египетскія лутевыя замѣтки“, только-что приведенныя въ порядокъ для печати (послать ихъ въ *Русскій Вѣстникъ* я не успѣлъ: оставалось еще навести кой-какія историческія справки и пополнить два-три пробѣла). „Замѣтки“ вмѣстѣ съ разными вещами были уложены въ чемоданъ и слѣдовали въ багажъ, тогда какъ при себѣ я везъ маленькій сакъ-воляжъ, заключавшій секретныя казенныя бумаги, которыхъ мнѣ *нельзя* было потерять. Бумаги эти отравляли мою походную жизнь. Отвѣтственность за нихъ я несъ огромную и потому сакъ-воляжъ не выпускалъ изъ рукъ, въ часы же отдыха клалъ его себѣ подъ голову. И вотъ однажды, пользуясь имъ вмѣсто подушки, гдѣ — то между Букурештомъ и Балканами, я проспалъ чемоданъ съ „Египетскими лутевыми впечатлѣніями“.... Его оброрили на дорогѣ или украли.

Прошло вѣсколько мѣсяцевъ, война кончилась, старыя заботы смѣнились новыми, а я все никакъ не могъ позабыть досадной утраты. Мнѣ такъ было жаль своихъ записокъ что я пытался воспроизвести ихъ на память,—возстановилъ даже первыя ихъ страницы, появившіяся въ книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1879 года подъ заглавіемъ: „Изъ Константинополя въ Каиръ“. Впрочемъ дальше Каира я въ своемъ писаніи не лѣхалъ; для остальной части путешествія у меня не хватало бы ни времени, ни памяти, ни терпѣнія: подобнаго рода приложеніе представляло настоящую египетскую работу.

Между тѣмъ потерянный чемоданъ проходилъ черезъ цѣлый рядъ сокровенныхъ мытарствъ. Гдѣ онъ скитался, въ чьихъ побывалъ рукахъ—неизвѣстно. Знаю только что взломанный и ограбленный, онъ былъ доставленъ въ одинъ изъ складовъ Краснаго Креста, затѣмъ перевезенъ въ Петербургъ и наконецъ въ прошломъ году снова попалъ въ мои руки. Всѣ вещи были украдены; воръ оставилъ однѣ *Записки* за ненадобностью... Ихъ-то я и посылаю теперь въ редакцію уважаемаго вашего журнала.

Долженъ однако прибавить что за время многолѣтняго своего исчезновенія предлагаемые наброски нисколько не устарѣли. На дняхъ еще я видѣлся со знакомымъ вѣздившимъ въ этомъ году по Египту, и изъ разговора съ нимъ могъ убѣдиться что какъ въ долинѣ Нила, такъ да Суэзскомъ каналѣ ничто не измѣнилось изъ того что здѣсь описано. Памятники пребываютъ въ томъ же видѣ, фирма Кука благоденствуетъ, мустафа Ага живъ, только Лессельсъ уѣхалъ въ Америку, да умеръ консульскій агентъ въ Кенѣ.

I.

28 января, пароходъ *Saudie*.

Железная дорога Нильской долины представляетъ мало удобствъ для путешественниковъ желающихъ осматривать древне-египетскія гробницы и развалины храмовъ: волервыхъ, отъ Каира она доходитъ пока только до Миніе; вовторыхъ, пассажирскіе поѣзда слѣдуютъ всего одинъ разъ въ день, и такимъ образомъ остановки туриста на промежуточныхъ станціяхъ поеволѣ должны длиться цѣлыя сутки, хотя бы для обзора извѣстнаго памятника было достаточно двухъ часовъ. Поэтому лучше вѣхать, или точнѣе *идти*, по Нилу въ частной *дагаби* или на правительственномъ пароходѣ.

Дагабія — собственно несклоняемое *дагабіэ* — есть предельнѣйшее въ мірѣ рѣчное судно. Кормовая часть его заключаетъ столовую, ванную и нѣсколько спальныхъ каютъ, часто самаго роскошнаго убранства; полъ ихъ ниже уровня воды, и волны близко подстулаютъ къ широкимъ окнамъ. Наверху просторная палуба съ тентомъ, уставленная качалками, складными стульями, карточными и шахматными столиками. Кухонная рубка помѣщается дальше къ носу, у мачты съ косымъ парусомъ.

Нанавѣ дагабію и подрядивъ драгомана, который уже со своей стороны договариваетъ шкипера, команду, повара и вообще принимаетъ на себя хозяйственно-административную часть путешествія, туристъ отправляется въ дальнее странствіе. Съ полутнымъ вѣтромъ дагабія подвигается быстро, въ штиль и при противномъ вѣтрѣ отстаивается. Обыкновенно при такихъ невольныхъ оставовкахъ туристъ посѣщаетъ катакомбы и пирамиды или охотится на берегу. Если надобно сидѣть на мѣстѣ, а благопріятнаго вѣтра все нѣтъ, можно попробовать путешествія на долгихъ — идти на веслахъ или тянуться бичевой. Чудные ламятники, царственная рѣка, вѣчно голубое небо, бездѣлье и свобода превращаютъ поѣздку въ прогулку по земному раю. Путешествіе совершаютъ въ одиночку и обществомъ. Общество по возможности малочисленное должно состоять изъ хорошихъ знакомыхъ, еще лучше — друзей, и во всякомъ случаѣ изъ людей покладистыхъ. Но пріятнѣе всего ѣхать одному съ молодою женой.... Говорятъ, если медовый мѣсяцъ не истекъ, — онъ растянется на все время путешествія, сколько бы оно ни длилось; если же онъ кануль въ вѣчность, то на Нилѣ для супруговъ наступитъ новый, лучшій медовый мѣсяцъ. Генералъ Θ — въ увѣренъ что объ этомъ можно справиться въ любомъ египетскомъ календарѣ.

Несомнѣнно что поѣздка въ дагабію имѣетъ неотразимыя чары, но доступна она лишь тѣмъ истиннымъ богачамъ у которыхъ столько же свободнаго времени сколько свободныхъ денегъ: чтобы лобывать на первыхъ порогахъ надо истратить три мѣсяца и нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ.

На казенныхъ почтовыхъ пароходахъ, которыми въ силу особаго соглашенія съ правительствомъ завѣдуетъ фирма „Thomas Cook and Son“, путешествіе обходится значительно дешевле и отбывается гораздо скорѣе. Поѣздка до Ассуана и

обратно стоить 46 фунтовъ стерлингъ и длится двадцать дней; поѣздка до Вади-Хальфы и обратно длится тридцать пять дней и стоить 80 фунтовъ. За эту цѣну—46 или 80 фунтовъ—путешественники имѣютъ каждый свою каюту, получаютъ столъ, пользуются услугами драгомана и совѣтами доктора и дѣлаютъ положенныя экскурсіи на ослахъ. Такимъ образомъ—въ этомъ и заключается главное преимущество поѣздки на пароходѣ—туристъ избавленъ отъ предварительныхъ договоровъ и заготовленій, а также отъ всякихъ дальнѣйшихъ путевыхъ хлопотъ. Необходимо лишь купить билетъ да отобрать побольше бѣлья на дорогу: если и есть прачки въ среднемъ и верхнемъ Египтѣ, то конечно крахмаленыя рубашки представляютъ для нихъ китайскую грамоту.

Дней пять тому назадъ я обратился за билетомъ въ агентство Омы Кука и Сына—маленькій лавальионъ, близъ сада Shepherd's Hotel, дышащій такою американскою простотою что его скорѣе примешь за бесѣдку съ продажей искусственныхъ минеральныхъ водъ чѣмъ за агентство. Только географическія карты по стѣнамъ, исполосованныя красными дорожками „туровъ Кука“, намекаютъ о важномъ значеніи мѣста. Агентъ усадилъ меня, предложилъ сигару, подѣлился нѣкоторыми свѣдѣніями касательно плаванія по Нилу, между прочимъ сообщилъ что рейсы до Вади-Хальфы дѣлаются лишь съ прошлой осени: въ іюнѣ прибыль воды была такъ велика что удалось провести одинъ пароходъ за первые пороги: это покажется единственнымъ между Ассуаномъ и Вади-Хальфой; пассажиры совершающіе полный „trip“ пересекаются на него выше Ассуана, объѣхавъ пороги сухимъ путемъ... Наконецъ освѣдомился о причинѣ приведшей меня въ лавальионъ и узнавъ что я желаю проѣхать лишь до Ассуана, похвалилъ мою умѣренность; по его мнѣнію, ѣхать далѣе ко вторымъ порогамъ и утомительно и бесполезно: увидишь еще немножко песку, еще немножко Нила, но картины не представляютъ ничего новаго...

Когда отсчитанные мною сорокъ шесть совершеновъ исчезли въ ящикѣ стола, и ключъ два раза звонко щелкнулъ въ замкѣ, я, взглянувъ въ билетъ, съ грустью замѣтилъ что моя каюта имѣетъ два нумера,—значитъ и двѣ койки. Предупредительный агентъ, понявъ мои сомнѣнія, ловко выхватилъ у меня билетъ изъ рукъ и на обратной его сторонѣ однимъ энергическимъ росчеркомъ пера написалъ: „to be left alone

in his cabin". * Потомъ занесъ въ книгу мой адресъ, крѣпко потрясъ мнѣ руку и пожелалъ счастливаго пути: дѣло-моль сдѣлано, къ чему же тратить время полусту. Для него я уже числился за номеромъ, уже былъ багажемъ. Не то чтобъ онъ сталъ невѣжливъ, напротивъ, какъ бы выразиться яснѣе? обращеніе его со мною напоминало обращеніе добросовѣстнаго артельщика съ ящикомъ, на которомъ значится: „хрупкое“. На прощанье я получилъ въ подарокъ брошюру: *Up the Nile by steam*, ** съ изображеніемъ на заглавномъ листѣ чего-то въ родѣ ордена Подвязки, какихъ-то сплетающихся лентъ, на которыхъ красовалась круговая надпись: *Europa, America, Azia, Africa, Cook's tours around and about the world.* ***

Отбытіе парохода было назначено на сегодня, 28 января. Просыпаюсь поздно и чувствую что совсѣмъ боленъ, такъ боленъ что билетъ мой долженъ пропасть даромъ, я не въ силахъ приподняться. Ломъ въ спинѣ и сильную боль въ ногахъ объясняю себѣ вчерашнимъ восхожденіемъ на Хеопсову пирамиду; но откуда тяжесть въ головѣ, внутренній жаръ, гнетущее ощущеніе недуга, котораго никогда еще не испытывалъ? Состояніе напоминаетъ лохмѣлье, katzenjammer въ превосходной степени, однако вчера не было ни малѣйшей полочки. Простуда? Но развѣ можно простудиться въ лѣтящую погоду, какая стоитъ эти дни. Я уже ищу причины въ заразѣ, перебираю въ умѣ самыя страшныя болѣзни: желтую горячку, ослу, чуму, когда лакей вмѣстѣ съ утреннимъ кофе приноситъ разрѣшеніе загадки:

— Поздравляю васъ, первый въ этомъ году *malisime*.

Случалось мнѣ страдать отъ италіянскаго южнаго вѣтра, *sirocco*, но хамсинная немочь куда непріятнѣе. Какъ-то не вѣрится что это лишь нервное состояніе, а не смертельная болѣзнь. Впрочемъ разгадка придала мнѣ бодрости. Я встряхнулся, всталъ и перемогаясь пошелъ бродить по Каиру. Странное дѣло! съ каждымъ движеніемъ силы возвращались, и чѣмъ больше я ходилъ тѣмъ мнѣ становилось легче. Къ часу полудня, времени назначенному для отъѣзда, я

* Предоставить каюту ему одному.

** Вверхъ по Нилу, на пароходѣ.

*** Европа, Америка, Азія, Африка, туры Кука по свѣту и кругомъ свѣта.

совсѣмъ что называется разгулялся и уже ничего особеннаго не чувствовалъ кромѣ легкой головной боли да общаго горѣнія кожи, сильнѣе всего на рукахъ и на ногахъ.

У желѣзнаго моста *Касръ-энъ-Нилъ* вмѣсто одного топилось два парохода; пассажировъ столько что на одномъ помѣститься не могутъ. Пароходы *Безера* и *Сидіе* будутъ идти въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи и остававляться одновременно. Устройство обоихъ совершенно одинаковое. Спальныя каюты расположены внизу, за исключеніемъ впрочемъ двухъ надпалубныхъ, возлѣ колесъ (одна изъ таковыхъ выпала на мою долю). Большая рубка—столовая, она же и гостиная, занимаетъ почти всю кормовую часть, оставая кругомъ себя у борта узкій проходъ. Крыша рубки, сзади и съ боковъ продолженная на столько что края ея приходится надъ бортомъ (они поддержаны упирающимися въ него столбиками), будетъ служить намъ сборнымъ пунктомъ въ теченіе дня; палуба эта огорожена желѣзными перилами и покрыта тентомъ. Здѣсь, какъ на дагабіяхъ, стоятъ складныя и раздвижныя кресла; они составляютъ частную собственность: каждое помѣчено именемъ своего владѣльца; не взявшіе съ собою удобнаго сидѣнія довольствуются обыкновенными пароходными скамейками.

Въ общемъ плоскодонный нильскій пароходъ отличается какимъ-то лѣтнимъ характеромъ постройки и разнится отъ морскаго судна какъ укромная дача отъ громоздкаго столбчаго дома.

Уже нѣсколько разъ звонили и свистѣли; Арабы перестали таскать съ берега уголь въ корзинахъ; часъ отхода давно просроченъ; трубы, которыми вырывающійся паръ обдираетъ желѣзныя внутренности, оглушительнымъ шумѣніемъ заявляютъ о негодованіи машинистовъ, и кажется терпѣніе послѣднихъ готово лопнуть заодно съ машиной. Мои знакомые, исчерпавъ немногочисленные предметы предразлучнаго разговора, но все еще пріятно улыбаясь, украдкой посматриваютъ на часы. Я почему-то чувствую себя виноватымъ и убѣждаю ихъ идти домой.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, говорятъ они любезнымъ тономъ, въ которомъ, Богъ вѣсть почему, чудится мнѣ скрытое недоброжелательство.

Невыносимое положеніе! Кто ихъ просилъ провожать? Безъ того само по себѣ ожиданіе отплытія томительно и

тягостно какъ первый приступъ морской болѣзни. А мы все не идемъ: караванъ не въ полномъ составѣ, одного номера не хватаетъ, и за опоздавшимъ послано на квартиру...

По билету мнѣ пришлось сѣсть на *Saudie*, болѣе людной пароходъ, съ полнымъ комплектомъ лассажировъ: лустуетъ всего-на-всего вторая койка въ моей каютѣ. Спутники, коими на двадцать дней надѣлаетъ меня судьба, принадлежать къ различнымъ національностямъ; большинство—Американцы. Вниманіе мое въ особенности привлечено богатымъ нью-йоркскимъ семействомъ, состоящимъ изъ толстаго палаша-вельскача, сентиментально улыбающейся мамаша и двухъ дочекъ: младшая лѣтъ 12, съ тоненькимъ нѣжнымъ профилемъ, похожа на тѣхъ чолорныхъ дѣвочекъ что изображаются въ карриатурахъ *Punch'a*, * когда рѣчь идетъ о какой-нибудь прелестной ребяческой наивности; дѣвочка очень занята своею наружностью и нарядомъ. Старшая—образецъ умной бойбарышни Новаго Свѣта, командуетъ всѣмъ семействомъ: на самомъ дѣлѣ путешествуетъ не толстый палецька и не глупая маменька, давно отрѣшившіеся отъ собственной воли, а старшая дочь въ сопровожденіи своего штата. Захотѣлось ей вхвать вверхъ по Нилу, — и она повѣхала, взявъ съ собою для развлечения пала, мама, маленькую сестру, горничную, а также влюбленнаго по уши Бельгійца, красиваго статнаго юношу, съ немного придурковатымъ лицомъ; какъ мнѣ сказали вечеромъ, онъ уже третій мѣсяць „всюду слѣдуетъ тѣбью за ней“. Между туристами прохаживается содержатель буфета *signor Angelo*, хитрый черноокій Италіанецъ среднихъ лѣтъ, блистающій изяществомъ манеръ и замысловатымъ сплетеніемъ золотыхъ цѣлочекъ на бархатной жилеткѣ. Онъ старается развлечь публику, рассказываетъ по-французски (съ едва замѣтнымъ италіанскимъ акцентомъ) о своихъ странствованіяхъ „en compagnie du Directeur“, т.-е. въ обществѣ знаменитаго директора Берлинскаго зоологическаго музея, Брѣма, и беретса за всякія путевыя разъясненія и коментаріи, лежаціе собственно на обязанности пародаго драгомана, Ахмета Сафи, стараго Нубійца, въ чамамъ и съ подстриженною бородой, который во время разглагольствованій буфетчика перетираетъ возлѣ кухни посуду; онъ будетъ чистить намъ салоги...

Наконецъ-то! тронулись—и какъ камень свалился съ души.

* Известный англійскій юмористическій журналъ.

Теперь другое чувство, сладостное и упоительное какъ запахъ египетскихъ полей, охватываетъ и проникаетъ все мое существо. На срединѣ Нила, объятый просторомъ неба и просторомъ рѣки, оторванный отъ суеты мірской съ ея обязанностями и заботами, вольный какъ птица, я живу всею полнотой жизни въ обаяніи молодости и счастья. Неудержимымъ порывомъ, подобно орлу, взвился я за облака и стою гдѣ-то высоко, не шевеля крыльями. Изъ обрывковъ мыслей, изъ мимолетныхъ впечатлѣній не имѣющихъ связи, слагается внутри меня великая поэма—безъ лицъ, безъ конца и начала, въ мѣста и времени,—поэма, которой не передать словами. Прошедшаго нѣтъ для меня, а будущее, уходя въ вѣчность, таетъся какою-то вереницей свѣтлыхъ праздниковъ. Я не предвижу конца моему путешествію, какъ въ субботу вечеромъ ребенокъ убравшій свои учебныя книги не предвидитъ конца завтрашнему воскресенью. Чтò за блаженство и вмѣстѣ съ тѣмъ какое полное торжество згоизма, какое полное равнодушіе и презрѣніе ко всему міру!... Меня уже не тяготитъ отвѣтственность предъ знакомыми, которые, потерявъ даромъ цѣлый день, быть-можетъ отъ души проклинаютъ свою глупую затѣю проводить; я вовсе позабылъ о нихъ. Далеко сзади, подернутая легкимъ туманомъ, миниатюрною картиной рисуется аллегорія земнаго странствованія съ его вѣчною, безцѣльною, докучливою бѣготней: по сведенному желѣзному мосту, надъ широкими его пролетами, точно крупный и мелкій бисеръ снизанный на длинную нитку движутся не переставая—одни туда, другіе сюда—Англичанки на ослахъ, верблюды съ вьюками, лошади, офицеры, мулы, водоносы, чиновники, фургоны, солдаты, разношники... А впереди только солнечный блескъ, да Ниль, да на кормѣ *Бегеръ*, перваго парохода (мы идемъ вторыми), волнуется гордое знамя свободы,—красный флагъ съ надписью бѣлыми буквами „Cook's tours“.

Мы оставили за собой слѣва островъ Родо и старый Каиръ, справа—деревню Гізз. Жители ея, для коихъ паровыя суда представляютъ рѣдкое зрѣлище, собравшись на берегу, орали, скакали и махали руками, какъ шаманы поклоняющіеся чудовищу или какому-нибудь грозному явленію природы. Въ получасовомъ разстояніи отъ Каира на правомъ берегу (т.-е. слѣва отъ насъ) расположено мѣстечко Тура съ каменоломнями время постройки большихъ пирамидъ

(3.000 сажискомъ лѣтъ до Р. Х.). По близости стоитъ старинная колтская церковь, гдѣ, по преданію, разъ въ годъ, если не ошибаюсь 9 мая, являются истинно-вѣрующимъ всѣ святые (та же легенда существуетъ относительно одного монастыря около Дамьеты). Южнѣе, на восточномъ же берегу, верстахъ въ четырехъ отъ Нула, въ пустынѣ, бьютъ цѣлебныя сѣрные ключи; возлѣ нихъ недавно построены гостиница, курзалъ съ ваннами и нѣсколько виллъ. Мѣстечко это, по имени Гелуанъ, орошаемое нильскою водою посредствомъ паровой машины, является собою искусственный оазисъ и славится здоровымъ воздухомъ. Сюда обыкновенно посылаютъ тѣхъ чахоточныхъ что и въ Каирѣ не найдутъ себѣ мѣста. Гелуанъ футовъ на сто выше уровня рѣки, и съ плоскихъ его крышъ открывается пространный видъ на долину Нула и на группы пирамидъ по ту сторону, у окраины Ливійской пустыни.

Однако оставаться долѣе на палубѣ нельзя: хамсинъ разыгрался во всей силѣ,—не настоящій хамсинъ, дующій съ юга въ теченіе пятидесяти дней * и палящій пламенемъ,—а какой-то особенный юго-западный, холодный и провизительный. Песокъ несется облакою тучей; мелкій и неуловимый какъ тончайшая пыль, онъ стѣсняетъ дыханіе, щекочетъ горло, засоряетъ глаза и вмѣстѣ съ воздухомъ проникаетъ всюду: въ уши, за воротникъ рубашки, въ карманы, въ чулки, въ портмоне, подъ стеклышко часовъ, въ закрытыя алтчевныя коробочки на днѣ чемодановъ. Солнце въ половину погасло, такъ что на него можно смотрѣть безвредно какъ на тарелку изъ латуни. Берега исчезли; мы замедлили ходъ, а дагаби и большія ларусныя лодки съ рубленою соломой словно обезумѣвъ отъ ужаса полетѣли еще скорѣе, подобно стаду чаекъ гонимыхъ бурей. Туристы удалились въ каютъ-компанію, гдѣ накрываютъ длинный-предлинный столъ. На всѣхъ предметахъ лежитъ слой пыли, неосязаемой и липкой какъ лагутина.

Послѣ обѣда (его можно бы назвать споснымъ еслибы бауда не были приправлены сахарскимъ лескомъ) въ столовой появился русый длиннородый мужчина, предводитель нашего

* Отсюда его имя (хамсинъ значитъ „пятьдесятъ“). Начинается онъ въ мартѣ и кончается предъ лѣтнимъ солнцестояніемъ. Въ просторѣчьи хамсиномъ зовется всякій южный вѣтеръ.

общества, самъ мистеръ Кукъ и громкимъ голосомъ объяроговалъ программу на завтрашній день: мы встаемъ въ шесть часовъ утра (слабый ролоть въ аудиторіи), завтракаемъ въ половинѣ седьмого, въ семь ѣдемъ на ослухъ осматривать Мемфисъ, Уступчатую пирамиду, Серапеумъ и гробницу Ти, въ одиннадцать часовъ возвращаемся „домой“ и продолжаемъ луть къ первымъ порогамъ. If any further informations are required... * Мы объявили что никакихъ другихъ свидѣній намъ не требуется.

Г. Кукъ перешелъ на нашъ пароходъ съ передняго, съ *Bateau Amiraille*, какъ называетъ его Анджело. Оба парохода уже остановились радмышкомъ подъ крутымъ берегомъ, на которомъ по твердому грунту шелестѣлъ, убѣгая отъ вѣтра, еще не совсѣмъ слегшійся песокъ, какъ шелестить по кусту сухой снѣгъ во время метели. Въ полночь, когда вѣтеръ стихъ, а сошелъ по перекинутой доскѣ къ молчаливо-неподвижному Арабу караулящему пароходы. Тепло; полнолуніе сіяющимъ покровомъ освѣило заснувшій Египетъ, и прозрачное небо, гладь благоуханныхъ нивъ, едва скользящія по Нилу ларуса,—все грезить во снѣ любвию и весной. Стройныя финиковыя пальмы, какихъ я не видалъ ни въ Александріи, ни въ Каирѣ, пальмы въ родѣ той что спилась Гейневской ели, слегка наклонились къ рѣкѣ... Грустятъ ли онѣ одинокія, отдались ли всецѣло очарованію этой *зимней* полуголубой, полусеребряной ночи или напротивъ имъ давно наскучила и безплодная грусть, и красы природы, и какъ кумушки жадныя до слезенъ согладаютъ онѣ оставшихся на палубѣ Бельгійца и Америкажку, прислушиваются къ его страстнымъ рѣчамъ, къ ея звонкому смѣху?..

II.

29 января.

Еще нѣтъ 6 часовъ, а уже многіе пассажиры, несмотря на вчерашній ролоть, вышли наверхъ. На востокѣ еле брежетъ заря, съ запада свѣтитъ надъ горизонтомъ мѣсяцъ, и Нилъ, освѣщенный съ двухъ сторонъ, спокойный и величественный какъ просылающійся богъ, покрылся весь сѣтью серебристыхъ струекъ; вслѣдствіе силы теченія онъ никогда не бываетъ совершенно гладокъ. Надъ обрывистымъ берегомъ

* Если требуются какія-либо дополнительныя свидѣнія...

на небѣ вырѣзаются темными силуетами образы жалкихъ, худыхъ ословъ, пригнанныхъ изъ ближней деревни Бедрешени (западный берегъ). Ихъ цѣлое стадо; логонщики, преимущественно малолѣтніе, безъ толку колотятъ ихъ и орутъ благимъ матомъ, вѣроятно за тѣмъ чтобы привлечь благосклонное вниманіе г. Кука, его помощника и драгомановъ, которые, отмахиваясь кнутами отъ назойливыхъ крикуновъ, дѣлаютъ выборъ между ослиами и къ отличеннымъ прилаживаютъ везомыя на пароходѣ горбатыя сѣдла. (За право пользованія сѣдломъ каждый туристъ, сверхъ цѣны билета, приплатилъ 5 шиллинговъ). Между тѣмъ разсвѣтъ наступаетъ быстро. И вотъ, пока луна уходитъ въ дальніе ливійскіе пески, изъ-за холмовъ противоположной пустыни поднимается солнце. То не наше утреннее свѣтло, румяное и холодное подобно сѣверной красавицѣ, а какое-то другое солнце, слѣпящее и грѣющее какъ въ осенній полдень. Къ тому же ни предварительныхъ огненныхъ полосъ въ небѣ, ни кокетливыхъ кудрявыхъ тучекъ, сотканыхъ изъ розоваго сіянія...

Послѣ *breakfast'a* изъ чая, кофе, топленого масла въ консервахъ и аичницы, сходимъ на сушу по губельной доскѣ, у которой въ честь дамъ устроены живыя перила: двое Арабовъ—одинъ съ берега, другой съ парохода—держать за концы, на высотѣ пояса, длинную палку.

Взобравшись на ослонъ, туристы частью пускаются кой-какъ впередъ по пыльной дорогѣ, частью же остаются на мѣстѣ, тщетно усиливаясь побѣдить зонтиками лѣнь или упорство животныхъ. Слѣдуютъ протесты всадниковъ, затѣмъ перемѣна ословъ, пересѣдываніе и ревъ отверженныхъ мальчишекъ.

Незнакомые съ сѣдломъ и мундштукомъ, привыкшіе ходить подъ туземцами какъ мать родила и слушаться однихъ тычковъ въ шею, ослы плохо ловятся намъ. Погонщики, бѣгущіе сзади въ головоломномъ *steeple-chase* похлопываютъ ихъ стержнями пальмовыхъ вѣтокъ и страннымъ образомъ пощипываютъ, производя языкомъ и губами особый противный звукъ, наломивающій какое-то непрерывное прихлебываніе или напрасныя старанія обжоры проглотить устрицу не совсѣмъ отдѣленную отъ раковины.

Толчая ослиной рыси, когда имѣешь подъ собою орудіе лытки вмѣсто сѣдла, производить впечатлѣніе лихой ѣзды

по колотью въ телѣгѣ лишенной переплета и подстилки и по меньшей мѣрѣ неприятна. Для меня она тѣмъ мучительнѣе что отъ прогулки на вершину Хеолсовой пирамиды я до сихъ поръ сохранилъ ощущеніе сплюснутаго сныака по всему тѣлу; но мое вчерашнее возвышенное настроеніе еще не прошло и духъ мой относится со спартавскимъ презрѣніемъ къ физическимъ неудобствамъ. Чтѣ за бѣда что бѣгать и трясетъ и ломить спину, есаи на душѣ покойнѣе чѣмъ когда сидишь въ самыхъ покойныхъ креслахъ.

Ужели все пространство отъ рѣки до пустыни, чрезъ которое мы теперь проѣзжаемъ, было когда-то занято Мемфисомъ? гдѣ же развалины обѣщаннаго г. Кукомъ? кругомъ видны только пальмовыя рощи, поля зеленого клевера и свѣтлыя тихія озера, притоки всевозможныхъ куликовъ...

По преданіямъ, первый фараонъ, первый изъ тридцати династій Египта, Мена, соединивъ подъ своею державой разрозненныя племена, * управлявшіяся до него богами, основалъ городъ Менеферъ, „хорошее мѣсто“; имя это обратилось сначала въ *Менфъ*, затѣмъ въ *Мемфи* и наконецъ въ Мемфисъ. Русло Нила, текшаго первоначально у Ливійскихъ возвышенностей, было отведено посредствомъ запруды на средину долины, и городъ заложенъ на западномъ берегу: такимъ образомъ рѣка служила огражденіемъ отъ набѣговъ съ востока. На югѣ была построена „бѣлая или южная стѣна“; для защиты же съ прочихъ сторонъ выкопано озеро, имѣвшее сообщеніе съ Ниломъ и огибавшее Мемфисъ съ сѣвера и запада. Мена воздвигъ храмъ богу Пта, богу правды, создателю того яйца изъ котораго вышли луна и солнце. Прежде Пта господствовала одна влага (представленіе о хаосѣ), олицетворенная въ богѣ Нунъ, и богъ Хефера, жукъ скакалецъ, каталъ между передними лапками шарикъ, заключавшій въ себѣ землю и небо. Разбивая этотъ шарикъ, Пта даетъ начало всему, и сонмъ египетскихъ боговъ и богинь расселяется въ небѣ, на землѣ и подъ землею.

Сынъ Мены Атотисъ, соорудилъ въ Мемфисѣ великолѣпный дворецъ, и городъ сталъ столицей. Время ея процвѣтанія длится до конца VIII династіи. ** IX и X династіи правятъ страной изъ Гераклеополиса, а XI переноситъ резиденцію

* 4450 до Р. X., по другимъ 3892.

** 2850 до Р. X.

въ стовратыя *Оивы*, и значеніе *Мемфиса* постепенно падаетъ. Впрочемъ въ періодъ *XXI* династіи, * царившей въ *Саисѣ*, оно временно опять возрастаетъ вслѣдствіе близости новой столицы. Въ 527 до Р. Х., въ царствованіе *Псаметиха III* (последняго фараона *XXVI* династіи), *Камбизъ* царь персидскій беретъ *Мемфисъ* приступомъ. Съ основаніемъ *Александріи* ** городъ *Мена* безвозвратно начинаетъ меркнуть и въ теченіе римско-византійскаго владычества мало-по-малу стирается съ лица земли; въ силу эдиктовъ *Феодосія Великаго* *** храмы и памятники его руются. Въ 638 году магометане завоевываютъ *Египетъ*, и кругомъ палатки *Амръ-Ибнъ-эль-Ази*, полководца халифа *Омара*, вырастаютъ *Фостатъ*, выдвинутый *Каиръ*. **** Развалины *Мемфиса* въ продолженіе многихъ вѣковъ поставляютъ строительный матеріалъ для его замковъ, дворцовъ и мечетей.

Легенды переданныя потомству *Геродотомъ*, *Страбономъ*, *Діодоромъ* и другими, нѣсколько обломковъ разбросанныхъ по нивамъ, столь рѣдкихъ что ни одного не попалось мнѣ на глаза, да безногій каменный колоссъ, статуя *Рамзеса II*, лежащій возлѣ дороги, лицомъ въ лужу—вотъ все что сохранилось нынѣ отъ величія и славы первой метрополии фараоновъ.

Изваянная изъ твердаго известняка лятисаженная статуя *Рамзеса*, по свидѣтельству историковъ, стояла у входа въ храмъ *Пта*. На поясѣ, на груди, и на сверткѣ въ лѣвой рукѣ начертано имя и эпитеты великаго утѣсителя *Израильтянъ* †: „*Рамзесъ*, любимецъ *Аммона*, Богъ солнца, могучій правдою, солнцемъ очищенный и проч.“ Лужа въ которой лежитъ его голова—глубокая яма, лишь въ зимнее время наполненная водою; лѣтомъ, когда вода высыхаетъ, можно, спустившись на дно, видѣть его красивое каменное лицо. Найденный въ 1820 году путешественниками *Кавильей* и *Слономъ*

* 1095—965 до Р. Х.

** 332 до Р. Х.

*** 379—395 по Р. Х.

**** Южная *Каира* есть мѣстечко до сихъ поръ сохранившее имя *Фостата*.

† „И возсталъ въ *Египтѣ* новый царь, который не зналъ *Иосифа*“ и т. д. (*Исходъ*, Глава I, стихъ 8 и слѣд.). *Рамзесъ II* царствовалъ отъ 1392 до 1326.

(Sloane), колоссъ былъ подаренъ ими въ Британскій Музей, но Англійское правительство до сихъ поръ никакъ не собирается перевезти этотъ тяжеловѣсный подарокъ въ Лондонъ, и придорожный фаяловый лѣсъ, волнуясь перистыми листьями, продолжаетъ докучать покойному фараону своими сѣтованіями на вѣтеръ.

Подъ Мемфисомъ пальмовые лѣса тянутся полосами въ нѣсколько верстъ. Они не имѣютъ ничего общаго съ нашими родными тайпиками, ископаемыми тѣнц, прохлады, птичьяго гама и „зеленаго шума“. Пальмы хороши лишь ночью, когда онѣ статными призраками маячатъ надъ Ниломъ и въ чуткой дремотѣ прислушиваются къ дышанію сонной земли. Днемъ пальмовый лѣсъ похожъ пожалуй на рѣдкій сосновый боръ, но и тотъ тѣнистый: вдобавокъ въ бору есть мохъ, лапортники, верескъ; а здѣсь чахая лѣчва, покрытая пылью вѣковъ, стелется каменнымъ поломъ. До верху одѣтые чешуйчатымъ ландремъ, круглые стволы наломиваютъ столпы храма исчерченные иероглифами, и пальмовый лѣсъ является какимъ-то многоколоннымъ калпщемъ съ воробьями на конькахъ блѣдно-зеленыхъ капителяхъ... Последнее оболъщевіе исчезаетъ когда узнаешь что всѣ пальмы въ Египтѣ на счету, и что каждая платитъ подать *.

Преслѣдуемые мальчишками и дѣвчонками другой, сосѣдней деревушки, Митраени, мы пробѣжали сквозь лѣсъ и пустились цѣпанкомъ по пахоти къ окраинѣ Сахары, на загородное Мемфисское кладбище. Въ лескахъ караванъ нашъ повстрѣчался съ караваномъ верблюдовъ шедшихъ изъ оазиса эль-Фаюма. Оба поѣзда съ одинаковымъ любопытствомъ разглядывали другъ друга: пока мы, закинувъ головы, любовались убогимъ, но живописнымъ народомъ Бедуиновъ, ихъ суровыми, прожженными солнцемъ лицами, сыны пустыни въ недоумѣніи озирали съ высоты своихъ сѣделъ мудреные уборы нашихъ дамъ, зонтики мужчинъ, платки кругомъ ихъ шалы, развѣвавшіеся при дробномъ ослиномъ галопѣ, и всѣхъ цвѣтовъ радуги альбомы, записныя книжки, тетрадки, которыя плющились подъ мышками, торчали изъ-за пазухи или высывались изъ многочисленныхъ кармановъ; а истомленные верблюды, чуя пастбища и воду, жадно втягивали ноздрями воздухъ.

* Пальмъ 4.800.000 штукъ; доходу съ нихъ въ казну поступаетъ 115.000.000 піастровъ.

Время и люди отвеслись къ некрополю съ большимъ уваженіемъ чѣмъ къ живому городу. Тутъ осталось еще нѣсколько осылавшихся пирамидъ и среди кучъ мусора множество могильныхъ колодцевъ. Пирамиды, подобныя издали русскимъ степнымъ курганамъ, незначительны по величинѣ, за исключеніемъ Устулчатой. Последняя меньше Хеопсовой и Хефреновой, но больше Мемкавровой (190 фут.). Воздвигнута она однимъ изъ царей первой династіи, Уменефомъ, * и слѣдовательно представляетъ самый древній памятникъ въ мірѣ. Отъ прочихъ пирамидъ Устулчатая отличается тѣмъ что стороны ея не вполне соответствуютъ четыремъ сторонамъ свѣта, причемъ сѣверная и южная короче западной и восточной, такъ что основаніе не образуетъ правильнаго квадрата. ** Подымается она шестью уступами и лишена острой вершины, что заставляетъ предполагать что постройка ея никогда не была окончена или что наружная окладка разобрана въ послѣдствіи. Внутри пирамиды и въ скалистомъ грунтѣ подъ нею устроено пять комнатъ (изъ коихъ одна въ 77 фут. вышины), соединенныхъ цѣлымъ лабиринтомъ ходовъ. Здѣсь открыто много людскихъ и бычачьихъ мумій, обстоятельство доказывающее что пирамиды не служили исключительно царскими могилами; найдены между прочимъ позолоченные человѣчскій черепъ и подошвы ногъ. Мы не были ни внутри, ни на верху; ходы, по большей части завалившіеся, замечены снаружки лескомъ, а взбираться на вершину опасно, ибо камень, изъ котораго сложены памятникъ, хрупокъ и разсыпчатъ.

Оставивъ ослось около домика гдѣ жилъ во время раскопокъ Марьеть-бей, *** лутешественники направились по леску и щелбю къ подземельямъ или катакомбамъ „Египетскаго Сералеума“. Предводившій нами Ахметъ-Сафи изрѣдка по-трублывалъ въ рожокъ, вѣроятно для того чтобы стадо не

* По историкъ Манеону; другіе относятъ ея постройку къ V династіи (2956—2708).

** Ось основанія отклоняется отъ меридіана на 4° 35' къ востоку; сѣверная и южная стороны имѣютъ въ длину 1707,3 метра, западная и восточная 120,6 метра.

*** Французъ по рожденію, директоръ Булаккаго музея, Марьеть-бей, въ послѣдствіи Марьеть-паша, въ теченіе многихъ лѣтъ занимался открытіемъ памятниковъ въ Египтѣ. Умеръ въ началѣ нынѣшняго (1881) года.

разбрелось по пустынь. Онъ несъ за плечами на концѣ палки узелокъ, очень меня занимавшій.

Сералеумы и катакомбы открыты по указаніямъ исторіи. Когда послѣ сильной бури, свирѣлствовавшей въ іюнь 1857 года, надъ песчанымъ Ливійскимъ Океаномъ показался каменный сфинксъ, Марьеть-бей призналъ въ немъ одного изъ упоминаемыхъ Страбономъ въ его описаніи „весьма песчаной мѣстности, гдѣ находилса храмъ Сералиса“. Французскій ученый немедля приступилъ къ дѣлу и откопалъ цѣлую аллею сфинксовъ, а также стоящія въ противоположныхъ концахъ ея зданія—„Греческаго и Египетскаго сералеумовъ“. Значеніе первого, въ коемъ найдены перенесенныя въ настоящее время въ Лувръ одиннадцать статуй греческихъ философовъ и поэтовъ, въ точности не опредѣлено; послѣдній же представлялъ съ одной стороны храмъ бога Озириса-Али, * съ другой — мавзолей Алисовъ, такъ какъ зданіе стоитъ надъ обширнымъ подземельемъ, гдѣ въ каменныхъ гробахъ покоились священные черные быки, рожденные отъ мѣсяца и бѣлой коровы. **

Ныньче сфинксы и сералеумы снова погребены обязательными полеченіями вѣтра, и ливійскіе пески, глубина которыхъ достигаетъ здѣсь 30 аршинъ, хранятъ ихъ для будущихъ поколѣній. Можно видѣть лишь катакомбы и то не всѣ, потому что во многихъ мѣстахъ онѣ рушатся.

У широкаго входа въ нѣдра земли Ахметъ-Сафи развязалъ таинственный узелокъ и каждому изъ насъ далъ по огарку. „Сперва я одинъ шелъ съ факеломъ“, пояснилъ онъ; „но годъ два назадъ какой-то Англичанинъ упалъ въ яму и сломалъ себѣ руку; съ тѣхъ поръ мы всѣмъ стали раздавать свѣчи.“

Главный ходъ подземелья, длиною въ нѣсколько сотъ шаговъ, наломываетъ желѣзнодорожный тоннель грубо высѣченный въ живой скалѣ. Въ стѣнахъ замѣтны небольшія углубленія, откуда вынуты таблицы хранящіяся телерь частію въ Лувръ, частію въ Булакскомъ музеѣ и служащія богатымъ

* Отсюда Сералисъ и Сералеумъ. Озирисъ и Али — два самостоятельныя божества, иногда сливающіяся воедино, какъ умерщвленныи Озирисъ—съ Пта, Аммонъ—съ Ра, Изидъ—съ Аторъ и пр.

** Алисъ долженъ былъ имѣть черныи мѣхъ, на абу бѣлую звѣзду трехугольной формы, на спинѣ свѣтлое пятно съ очертаніемъ орла и подъ языкомъ наростъ въ видѣ священнаго жука.

материаломъ для хронологіи фараоновъ. На таблицахъ этихъ обозначено въ какой день, мѣсяцъ и годъ правленія извѣстнаго царя родился и скончался тотъ или другой священный быкъ; онѣ вдѣлывались въ стѣну на память о паломничествѣ богомольцами приходившими поклониться праку Аписа на 70й день по его смерти. Ко главному ходу справа и слева, на короткихъ промежуткахъ, примыкають альковы, заключающіе каждый по чудовищному каменному саркофагу съ массивною крышкою. Полъ алькововъ аршина на два ниже пола тоннеля, такъ что изъ послѣдняго видны по обѣимъ сторонамъ только верхи гробовъ.

Въ высокихъ пещерахъ съ неотдѣланными стѣнами и сводами саркофага, продолговатые, вышиной въ сажень, четверугольные лари изъ цѣльнаго полпрованнаго гранита (чернаго и краснаго) поражаютъ строгою правильностью линий и формы. Въ одинъ изъ нихъ при помощи представленныхъ снаружи и изнутри лѣсенокъ поочередно лазили туристы; внутри для мечтателей стояли столъ и стулъ. Есть ряды помѣщеній безъ гробовъ. Во всемъ болѣе шестидесяти комнатъ, а саркофаговъ я насчиталъ лишь 24. Найдены они уже пустыми; только въ одномъ альковѣ, наглухо замурованномъ, саркофагъ заключалъ нетронутую мумію Аписа; въ извести на каменной перегородкѣ отдѣлявшей альковъ отъ главнаго хода были еще видны отпечатки пальцевъ, а за перегородкой песчаный полъ хранилъ слѣды человѣческихъ ступней, оттиснутые нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ.

Въ катакомбахъ во всѣ времена года воздухъ сухъ и теплъ. Термометръ неизмѣнно показываетъ + 21° С—средняя годовая температура окрестностей Каира.

По выходѣ добросовѣстный Ахметъ, тщательно отобравъ у насъ огарки и завязавъ ихъ въ платокъ, снова повѣсилъ узелъ на конецъ палки; затѣмъ пересчиталъ насъ какъ барановъ, и хотя всѣ оказались въ наличности, долго еще, на всякій случай, трубилъ въ рогъ, обративъ темное лицо свое къ темному входу въ подземелье.

Шагахъ въ трехстахъ отсюда находится гробница нѣкоего самовника Ти. По іероглифическимъ свѣдѣніямъ, самовникъ этотъ былъ собственникомъ одного изъ фараоновъ пятой династіи *, состоялъ при немъ „тайнымъ совѣтни-

* 2956—2708 до Р. X.

комъ и камергеромъ“, имѣлъ жену царской крови Неферхотелсъ, „въ отношеніи къ мужу любвеобильную какъ пальма“, и сыновей Ти и Тамуза, пользовавшихся званіемъ принцевъ.

Въ Египтѣ существуетъ два рода древнихъ гробницъ: одніе высѣчены въ отвѣсахъ скалъ, другія, какъ гробница Ти, построены на ровномъ мѣстѣ. Последнія называются *мастабами* и представляютъ обыкновенно небольшое четвероугольное зданіе съ гладкою крышей и наклоненными глухими стѣнами, похожее внѣшнимъ видомъ на усѣченную пирамиду; заключаетъ оно порой одну, порой нѣсколько уставленныхъ колоннами комнатъ; въ стѣнномъ углубленіи (сердабѣ) была замурована статуя умершаго; въ подвальномъ покоѣ, куда ведетъ вертикальный колодезь, стоялъ каменный саркофагъ. Саркофагъ содержалъ раскрашенный деревянный или алебастровый гробъ на подобіе спеленатаго человѣка; гробъ въ свою очередь вмѣщалъ мумію. Ставлю глаголы въ прошедшемъ времени, такъ какъ теперь врядъ ли можно найти неолустошенную гробницу; и цѣльныя-то очень рѣдки. Преимущественно на мѣстѣ мастабъ встрѣчаешь холмы щебня, въ которыхъ чернѣютъ отверстія полузасыпанныхъ, разграбленныхъ еще въ минувшіе вѣка колодезевъ.

Усыпальница Ти стоитъ посреди квартала другихъ усыпальницъ, остатки коихъ, наравнѣ съ сералеумами, хранятся для потомства подъ высокими лесчаными наметами. Сама она отколана только изнутри; снаружы песокъ до самаго верха облегаеть ея стѣны, и за отсутствіемъ потолка, мѣстами сыплется внутрь, образуя какъ бы застывшіе водопады: по одному изъ нихъ мы спустились, или вѣрнѣе скатились, въ могильные покои.

Музей древностей съ его непривлекательными осколками старины, значеніе коихъ для непосвященныхъ въ таинства науки „темно или ничтожно“,—всегда наводитъ на меня глубокое уныніе съ примѣсю самой чистосердечной скуки. Но тутъ я впервые постигаю что можно страстно, до безумія предаться археологіи: кругомъ меня развивается пространная египетская эпопея въ картинахъ. Стѣны и четырехгранные столы (числомъ четырнадцать) разграбленные на прямоугольники различныхъ величинъ и формы, по большей части горизонтально продолговатые, сплошь покрыты множествомъ окрашенныхъ барельефовъ; краска осталась не вездѣ, во

барельефы, за исключеніемъ немногихъ, главнымъ образомъ верхнихъ, сохранились превосходно. Въ каждомъ прямоугольничкѣ помѣщается какая-нибудь отдѣльная сцена; нѣтъ въ одной нѣтъ напоминанія о загробной жизни; художникомъ передана только земная жизнь въ многообразныхъ ея проявленіяхъ. То сцены государственнаго управленія, сельскаго хозяйства, ремесленнаго и домашняго быта, религіозныхъ обрядовъ, охоты, рыбной ловли и проч. Чередуясь между собою, онѣ съ эпическимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ повѣствуютъ стародавнюю, всѣми забытую быль, которая, несмотря на всю свою простоту и несложность, заманчивѣе всякой сказки.

Исполненіе, хотя въ высшей степени тщательное и добросовѣстное, во многомъ облачаетъ младенчество искусства: группировка плоха, перспективы нѣтъ вовсе, человѣческія фигуры отличаются топорною неуклюжестью; лучше всего удалась неизвѣстному артисту животныя и птицы: нѣкоторыя замѣчательно хороши, но и онѣ, подобно барельефнымъ людямъ, всегда представляемы въ профиль, причѣмъ глазъ безповоротливо изображенъ *en face*, какъ на рисункахъ дѣтей младшаго возраста.

Но если въ частностяхъ есть ошибки, то въ безхитростномъ замыслѣ, живѣемъ выхваченномъ изъ жизни, всегда сказывается правда, такая же обаятельная и неотразимая какъ въ бытовыхъ описаніяхъ *Илиады* или *Одиссеи*, и потому-то эти безусые и безбородые * коричневато-краснаго цвѣта мужчины, ростомъ съ куколку, имѣющіе всѣ, начиная отъ „тайнаго совѣтника въ званіи камергера“ Ты, одинъ и тотъ же костюмъ—кусочекъ ткани обвязанной кругомъ пояса; эти черноволосыя женщины съ блѣдножелтыми лицами и руками, въ полномъ нарядѣ, плотно облегающемъ ихъ члены,—эти четвероногія и эти пернатые всѣ кажутся живыми или по крайней мѣрѣ жившими когда-то давно, въ былые времена.

Чтобы подробно и ясно разказать все что творится въ могильной тишинѣ по стѣнамъ усыпальницы, надо бы умѣть передать жизненный строй цѣлаго народа, т. е. надо бы родиться Гомеромъ. Обыкновенный же туристъ можетъ лишь

* Борода (козлиная) служила украшеніемъ однихъ боговъ и фараоновъ.

озаглавить въ разбивку бросившіяся ему въ глаза картины. Видимой послѣдовательности въ нихъ нѣтъ, — есть только неуловимая послѣдовательность дѣйствительной жизни; гдѣ трудъ смѣняется отдыхомъ и забавой, богослуженіе—пляской и музыкой.

Въ нѣсколькихъ четверугольникахъ изображены полевые работы разныхъ временъ года. Земля пахется плугомъ и колется курками. Плугъ совершенно такой же какъ нынѣшній. Египетскій плугъ съ крюковатою корягой вмѣсто желѣзнаго сошника (лемеха), запряженъ парю воловъ; къ концу дышла взамѣнъ телерашняго ярма прикрѣплена поперечная лямка, въ которую упираются рога животныхъ. Святители сѣютъ; жнецы жнутъ большими серпами и перевозятъ на ослухъ снопы. Молотьба производится скотомъ, — такъ она * описана и у Геродота: скоть заставляють ходить по снопамъ; по жврѣ того какъ зерно отталтывается, крестьяне подбирають вилами пустую солому. Пастухи гонятъ по дорогамъ или по затопленнымъ полямъ крупный и мелкій скоть. Особенно много быковъ съ длинными, красиво изогнутыми рогами, неложжихъ на современныхъ египетскихъ буйволовъ; одного изъ нихъ связали и собираются убить; другой же убитый разрѣзается на части. Телится корова; одну со связанными задними ногами доить скотникъ, въ то время какъ его помощникъ удерживаетъ лорывающагося къ матери теленка; нѣсколько телятъ пасутся на привязи и, закинувъ хвосты, неловко скачутъ въ какомъ-то телячьемъ восторгѣ. Среди домашняго скота лошади и верблюды отсутствуютъ; они были ввезены въ Египетъ позже, во времена царей-пастырей. Повара готовятъ кушанье; поварята очищаютъ птицу, скоблятъ ее для чего-то ножомъ и чистятъ въникомъ. На птичьемъ дворѣ производится насильственное кормленіе домашней птицы (гусей и журавлей) — слѣдовательно не мы его выдумали — но производится оно безъ машинъ, первобытнымъ способомъ, руками. Птичникъ держитъ гуся за шею и суетъ ему въ клювъ кормъ, скатанный въ шарики: гусь улирается, другіе какъ будто ждутъ очереди. На скотномъ дворѣ стоятъ ручные антилопы, газели и олени. Барликъ ведетъ на привязи обезьяну. Кривобокій держитъ свору собакъ. Тридцать шесть женщинъ въ длинномъ шествіи

* Кн. II, § XIV.

несутъ для жертвоприношенія хлѣбы, валетки въ кувшинахъ, лодыня верхомъ корзины голубей, утокъ и проч. Это лугія, яства и живность изъ расположенныхъ въ Верхнемъ и Нижнемъ Египтѣ имѣній Ти; каждая женщина—представительница извѣстнаго имѣнія. По различнымъ клѣткамъ хлѣбопеки, столары, каменщици, ваятели, стекольщици, кожевники, мебельщици, гончары, занимаются своимъ ремесломъ; плотники строятъ суда, пилать, стругаютъ, рубятъ и вколачиваютъ гвозди, пуская въ ходъ особаго образца молотки, топоры, пилы и стамески. На деревянныхъ саняхъ перевозится огромная статуя Ти. Полицейскіе съ палками подъ мышкой тащатъ преступниковъ къ расправѣ; судьи, они же и секретари, сидятъ на полу противъ низенькихъ люлитровъ и пишутъ. Танцовщицы пляшутъ подъ звуки невѣдомыхъ инструментовъ. Рыбаки ловятъ рыбу вершами и сѣтью. По Нилу плывутъ парусныя суда лишенные руля и управляемыя кормовыми посредствомъ большихъ веселъ; гребцы гребутъ въ помощь вѣтру; нѣкоторые, стоя на носу, длиннымъ шестомъ измѣряютъ глубину. Главная по размѣрамъ картина изображаетъ могущественнаго Ти, охотящагося на гиппопотамовъ; онъ стоитъ во весь ростъ въ лодкѣ, и лодочники приходятся ему чуть не по колѣно; въ водѣ кишатъ бегемоты, крокодилы и всякой породы рыба. Фонъ барельефа во всю вышину исполосованъ отвѣсными параллельными чертами которыя я было принялъ за наивное изображеніе падающихъ капель дождя, но которыя должны означать исполнскіе восходы *папируса* на берегу *. Наверху, среди сплетенія бутонновъ и распустившихся цвѣтовъ, я насчиталъ до двадцати гнѣздъ куда рѣзецъ ваятеля съ неподражаемою игривостью насажалъ потѣшныхъ неоперившихся птенцовъ. Къ этимъ лакомымъ кусочкамъ снизу, по стеблямъ, подбираются красивые ихнемоны; ихъ яростно отражаютъ взрослые лугицы,—вѣроятно ибисы, служащіе воллощеніемъ материнской любви.

На картинахъ изсѣчены въ іероглифахъ монологи и діалоги дѣйствующихъ лицъ. „Вы уже послѣли“, обращается крестьянинъ къ высокимъ хлѣбамъ. „Это жатва“, повѣдаетъ жнецъ; „производящій подобную работу пребываетъ краткимъ,—и

* Папирусъ—болотное растеніе, родъ осоки, изъ коего въ старину изготовлялась бумага.

таковъ я!“ „Ты грубъ“, кричитъ лодочникъ товарищу, „а я такъ вѣжливъ!“ Тамъ, гдѣ доится корова, текстъ наставляетъ: „дой пока держать за козъна телянка“. Погонщики говорятъ своимъ осламъ: „любятъ тѣхъ кто быстро подвигается впередъ, а лѣвтяевъ бьютъ“. „О, еслибы ты только могъ видѣть свое поведеніе!“ и т. л. Пески, сохранившіе барельефы почти неприкосновенными, къ сожалѣнію не сберегли до нашихъ дней юмора въ некоторыхъ надписяхъ, представляющихъ быть-можетъ стихи тогдашнихъ басенъ или народныхъ пословицъ.

Общество наше не безслѣдно прошло въ чудной гробницѣ: на быкахъ, на журавляхъ, на ривахъ путешественники нацисали свои имена. Одинъ молодой человекъ при помощи карманнаго штопора выцарапалъ на артистически изображенной коровѣ слово: „Helen“,—надо полагать имя любимой женщины. Бойкая Американка, желая унести что-нибудь на память, вынула изъ волосъ золотую булавку и чуть не сколупнула ею очаровательнаго семейства голубей. Впрочемъ вандалку вовремя оставилъ сопровождавшій насъ Арабъ, сторожъ Марьеть-беева домика и окрестныхъ древностей. Загородивъ собою стѣну, онъ ломанымъ англійскимъ языкомъ и жестами далъ понять легкомысленной молодой дѣвушкѣ что за такой проступокъ ему и ей снять головы самъ Исмаиль-паша.

Въ полдень въ гробницѣ Ти никого уже не было, кромѣ ея постоянныхъ обитателей, большихъ круглыхъ жуковъ съ колечками по бокамъ: они забавлялись въ одиночествѣ,—опрокидывались навзничъ и толкаясь длинными задними лапками. преуморительно кувыркались черезъ голову.

Миновавъ къ вечеру пирамиды Дашура, пароходы прошли мимо эль-Харама эль-Хадъма, иначе „фальшивой“ или „Медумской пирамиды“; за нее въ это время опускалось солнце. Въ отдаленіи она казалась холмомъ, на вершинѣ коего стоитъ заколдованный замокъ безъ дверей и безъ оконъ; холмъ былъ нижнимъ уступомъ, замокъ—верхнимъ. Пирамида принадлежитъ къ величайшимъ и воздвигнута, какъ думаютъ, фараонами третьей династіи. * Но въ виду того что мы, не останавливаясь, плывемъ мимо, пирамиды, Анжело,

* До 3122 до Р. X.

соблюдая интересы Омы Кука и Сына, увѣряетъ что она не относится къ числу древнихъ памятниковъ и названа „фальшивою“ потому что построена не фараонами, а Наполеономъ I, говорилъ ему это le directeur, и что осматривать ее положительно не стоить. Однако для ученыхъ эль-Харамъ эль-Хадамъ особенно заманчива: до сихъ поръ еще не отысканъ входъ въ ея локоу.

Вечеръ былъ тихъ и прелестенъ, но заря вышла такая же неудачная какъ и утренная, безъ игры цвѣтовъ, безъ облаковъ, разорванныхъ пламенемъ надъ краемъ земли, безъ тяжелыхъ тучъ, раскаленныхъ докрасна, какъ жерло вулкана: просто въ той сторонѣ, гдѣ скрылось солнце, безоблачное небо свѣтлѣе чѣмъ съ прочихъ сторонъ. На одну только минутку востокъ вспыхнулъ слабымъ розовымъ сияніемъ и снова погасъ, какъ будто за горизонтомъ сожгли бенгальскій огонь, а затѣмъ отъ зари остались лишь двѣ узкія блѣдныя полосы—одна въ небѣ, другая въ рѣкѣ, разделенныя темною полосой берега.

III.

30 января.

Пользуясь луннымъ временемъ, пароходы ночью не отдыхали. Шумъ колеса надъ самымъ ухомъ, дрожаніе и стукъ машины не тревожили мой сонъ; но раза два я былъ пробужденъ какъ бы землетрясеніемъ, и спростовокъ неизъяснимый ужасъ овладѣвалъ мною. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ постель плавно ходила, точно на пружинахъ; потолокъ и стѣны, казалось, валялись безъ грохота, безъ треска, подобно карточнымъ домикамъ, затѣмъ колеса останавливались и на палубѣ подымалась суета. Однажды услышалъ я какъ служакааный Van den Bosch (Бельгіецъ) выскочилъ босой изъ своего помѣщенія, онъ живетъ насупротивъ, возлѣ другаго колеса, и разспрашивалъ по-арабски матросовъ. Его никто не понималъ. Ревнисто изучая арабскій языкъ, сосѣдъ мой всякое вновь услышанное слово неукоснительно заноситъ въ книжку; однако услѣхи его далеко не отвѣчаютъ прилежанію. Лишь утромъ узнали причину страннаго качанія судна и послѣдующихъ суматохъ: вслѣдствіе значительной зимней убыли воды пароходъ садился на мель.

День мы также проводимъ въ безостановочномъ плаваніи, отложивъ на завтра помышленія о новыхъ *экскурсіяхъ*. Общество размѣстилось наверху по кресламъ - лежанкамъ и скамейкамъ, и только звонки возвѣщающіе чай, luncheon (завтракъ) и обѣдъ, загоняютъ его въ столовую. Кромѣ нью-йоркскаго семейства по фамиліи Поммерой (Pommeroy) и Бельгійца, *cavalierre servante* разбитной Miss Emely, есть тутъ чрезвычайно приличный на взглядъ Французъ, Tristan de Seville, qui fait partie d'une maison de commerce, попросту *commis-voageur*; есть молодой очень бѣлокурый пасторъ, Англичанинъ; есть Ирландецъ съ глазами стальнаго цвѣта, коихъ онъ ни на минуту не сводитъ со своей пожилой подруги; смотреть на нее безъ нѣжности, безъ любви, а по привычкѣ, и притомъ смотреть особеннымъ образомъ, какъ будто только-что услышалъ что-то весьма удивительное и вмѣстѣ предосудительное; онъ вовсе не разговариваетъ; есть глубокій мыслитель, чуть ли не Нѣмецъ, со взглядомъ полнымъ возвышенныхъ мечтаній и устремленнымъ куда-то далеко, за край земли; сидитъ мало, больше прохаживается взадъ и впередъ, держа подъ мышкой никогда нераскрываемый большой томъ въ черномъ перелетѣ и нося на своей особѣ печать глубокаго благоговѣнія къ самому себѣ. „C'est comme le directeur“, * съ уваженіемъ шепчетъ о немъ Анджело, и навѣрно клеветаетъ на бѣднаго Брэма; есть мистеръ Джей (Jay), маленький, кругленькій, живой Американецъ, точно отлитый изъ гуттаперчи; есть мистеръ Монро (Montrow), тоже Американецъ, ревматическій старикъ съ искалѣченными пальцами, едва передвигающій ноги, обутыя въ спальные сапоги; въ прогулкахъ не участвуетъ; за нимъ ухаживаетъ довольно милостивая миссъ Монро, его дочь; наконецъ есть еще нѣсколько молодыхъ людей неизвѣстной народности и неопредѣленнаго образа, тѣхъ молодыхъ людей что встрѣчаются всюду во множествѣ, но присутствіе которыхъ замѣчаешь лишь тогда когда остаешься съ ними съ глазу на глазъ; кто-то изъ нихъ начерталъ „Helen“ въ гробницѣ Ту.

Одни туристы лѣниво двигаютъ шахматами, другіе лѣниво перелистываютъ путеводитель или романъ *Tauchnitz edition*, большая же часть сидитъ праздно, [отдавшись созерцанію. На всѣхъ лицахъ сказывается благодатное отдохновеніе отъ

* Совѣтъ какъ директоръ.

заботъ и даже отъ мыслей. Только мыслитель усиленно морщитъ лобъ, но очевидно притворяется. Солнце свѣтитъ такъ привѣтливо и горячо, воздухъ такъ чистъ и пахучъ, такъ хорошо и просторно кругомъ что думать о чемъ-либо право грѣшно. Дышешь, смотришь—и этого уже довольно.

Картина Египта ничѣмъ не поражаетъ воображеніе. Нѣтъ въ ней ни высоковерхихъ горъ, ни гремучихъ потоковъ, ни дѣвственныхъ лѣсовъ, а между тѣмъ не оторвешься отъ нея, не налюбишься ею. Прелестная въ своемъ однообразіи, она развертывается словно длинный свитокъ по мѣрѣ того какъ мы идемъ впередъ. Тотъ же Ниль, струясь, течетъ намъ навстрѣчу, вблизи грязно-бурыхъ, вдали отражающій голубое небо, а по направленію солнца обратившійся въ сплошной бликъ, на который больно смотрѣть. Плывуть мимо тѣ же невысокіе берега обрывомъ (сажени въ двѣ-три), съ голыми по поясъ Арабами, черпающими изъ рѣки воду посредствомъ колодезныхъ перевѣсовъ, или съ дѣтьми пригнавшими на водолы ословъ и протягивающими издали руку за бакшишемъ; плывуть мимо тѣ же яркозеленыя поля безъ прогалинь *, деревни изъ земли или глины, рѣдкія пальмы, купы акацій и сикоморъ, пасущіеся верблюды, работающіе феллахи, женщины въ темныхъ одеждахъ; а въ отдаленіи, на востокъ и на западъ, какъ бы неподвижныя стоятъ заключающія доль возвышенности Аравійской ** и Ливійской пустыни; это вѣковья кладбища Египта,—лесчаныя холмистыя грады съ пирамидами и засыпанными гробницами, или каменныя цѣли, по стремнинамъ которыхъ, подобно гнѣздамъ береговыхъ ласточекъ, чернѣютъ могильныя лещеры.

Только означенныя возвышенности, за коими съ одной стороны до Краснаго моря, съ другой до Атлантическаго океана разстлана мертвая пустыня, служатъ справа и слева предѣлами видимаго пространства, такъ что всю Нильскую долину отъ Каира до Ассуана, т.е. весь населенный

* Въ Египтѣ не имѣютъ понятія о трехпольной системѣ; пару почти не видать; все засѣвается сподрядъ, иногда два раза въ годъ. По времени посѣва хлѣбопашество подраздѣляется на лѣтнее, зимнее и осеннее.

** Пустыня на восточномъ берегу со временъ Геродота зовется Аравійскою, хотя отъ Аравіи она отдѣлена всею шириной Чермнаго моря.

Египетъ, за исключеніемъ развѣ въ некоторыхъ оазисовъ, можно во время путешествія осмотрѣть въ бинокль, не сходя съ парохода. *

Горыя цѣли сравнительно не высокія, въ нѣсколько сотъ футовъ, отстоя одна отъ другой на десять, пятнадцать верстъ, не стѣсняютъ степнаго приволья, не гнетутъ и не даютъ вась; только изрѣдка сосулаются онѣ и грозно хмурятся другъ на дружку, раздѣленные лишь омывающею ихъ подошвы рѣкой.

Нилъ съ каждымъ днемъ становится величавѣе, и сегодня ширина его мѣстами достигаетъ версты. Царица рѣкъ Стараго Свѣта не слѣдуетъ законамъ управляющимъ прочими рѣками: чѣмъ дальше отъ устья тѣмъ больше въ ней воды. Это странное явленіе объясняется тѣмъ что по своему образованію, т.-е. по сліянію рѣкъ Бѣлой и Голубой (Баръ-эль-Абіада и Баръ-эль-Апрека), ** она принимаетъ въ себя всего одинъ притокъ Атбару, слѣва близъ Хартума, и отсюда до Средиземнаго Моря, на протяженіи болѣе двухъ съ половиною тысячъ верстъ, течетъ подъ жгучимъ солнцемъ черезъ неплодную пустыню, извѣстная полоса которой обратилась въ цвѣтущій край только благодаря самому Нилу. Родить сторицею лишь пространство захватываемое его лѣтнимъ половодіемъ, а чего не касается чудодѣйственная влага, чтѣ хотя на вершокъ подымается надъ уровнемъ разлива, все то песокъ или камень.

Особенно занимаетъ меня пернатое племя на Нилѣ. У береговыхъ уступовъ нѣтъ любимыхъ приближущъ болотной лгицы—осоки и камышевыхъ зарослей, рисуемыхъ порою на египетскихъ пейзажахъ; ни тростиночки не растутъ на берегу; быть-можетъ теперь не время. За то въ рѣку вдаются большія лесчаныя отмели, часто отдѣленные отъ суши протоками и образующія такимъ образомъ острова. Отмели эти, плоскія, едва примѣтныя надъ водой, представляютъ становища всякихъ голенастыхъ и плавающихъ, стадами грѣющихся

* Такимъ образомъ бѣольшая часть Египта необитаема, и потому-то въ общей сложности на квадратный километръ жителей приходится меньше чѣмъ въ Европейской Россіи: на пространствѣ 1.021.354 квадратныхъ километровъ живетъ населеніе въ 5 $\frac{1}{2}$ милліоновъ.

** Въ буквальномъ переводѣ не „голубая“, а „темная“, „мутная рѣка“.

на прилѣкѣ. Грузные леліакаы, штукъ по восьми, по десяти, не больше, видны въ значительномъ отдаленіи за обширными плоскостями въ неприступныхъ для парохода мѣстахъ. Ближе остолбенѣвшими зѣваками, скорчивъ клубкомъ шею, стоять на одной ногѣ цапли; крупныя бѣлыя чайки, утомленныя буюканьемъ волнъ, вышли отдохнуть на мокрый песокъ; какъ бы прибитыя къ берегу, дремлютъ утки всевозможныхъ видовъ; а бойкіе кулики, длинноносые и коротконосые, большіе и маленькіе, въ хлопотахъ безъ усталы бѣгаютъ и по суху и по водѣ. Въ небѣ надъ Ниломъ широкими кругами ходять рѣчные ястреба и свирестятъ протяжно; но водяная птица ловидимому не бласается ихъ. Должно-быть у ней есть свои часовые зорко слѣдящіе за разбойничьимъ отродьемъ. Если вѣрить легендѣ, всѣхъ птицъ охраняетъ общій сторожъ на Джебель-эль-Деиръ; * въ настоящую минуту мы проходимъ у ея подножья. Сюда по преданію однажды въ годъ слетается крылатое царство, чтобъ избрать изъ своей среды сторожевую птицу, имѣющую 12 лунныхъ мѣсяцевъ безотлетно сидѣть на вершинѣ и ожидать слѣдующихъ выборовъ.

Джебель-эль-Деиръ скалистою въ нѣсколько верствъ стѣной насунулась съ востока къ самому Нилу. Ее увѣнчиваетъ бѣдная, жалкая, не похожая на монастырь колтская обитель, Деиръ-эль-Адра. Въ этомъ мѣстѣ нѣсколько ловцовъ осадило *Saudie* и, къ великому скандалу нашихъ дамъ, взобралось на лалубу. Дрожа всѣмъ бронзовымъ тѣломъ, образуя кругомъ себя дужи отъ стекающей воды, утопленнику эти съ крестными знаменіями и возгласами: „Christian, Christian“ просили у насъ милостыню. То были шюки Деиръ-эль-Адры. Они имѣють обыкновеніе брать пристуломъ всякое проходящее судно для производства церковнаго сбора. Получивъ нѣсколько ліастровъ, монахи съ колеснаго кожуха лоскакали обратно въ Нилъ и устремились къ новой добычѣ.

Наступилъ ясный вечеръ; солнце только-что закатилось; горы ушли въ даль, и свѣтлый Нилъ еще шире разметнулъ свои воды. На срединѣ рѣки затонувшее судно кажетъ верхушку своей мачты съ концами прикрѣпленныхъ къ ней веревокъ, слегка колеблемыхъ теченіемъ. Вода, разсѣкаясь о толь и натянутыя снасти, пускаетъ длинныя струи и завивается глубокими воронками. Мѣсяца два назадъ здѣсь

* Джебель или гебель—„гора“

случилось грустное происшествіе. Изъ Каира великолѣпная наемная дагабія везла въ Ассуанъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ, дочерей нѣкоего мистера Hogley. Ночью налетѣлъ шквалъ, судно легло, черпнуло воды и пошло ко дну: вѣроятно нерадивые матросы-Арабы вмѣсто того чтобы на рукахъ управлять ларусами, закрѣпили ихъ и уснули. Какъ бы то ни было, все потонуло, никто не спасся. Отецъ, узнавъ о гибели своихъ дочерей, пожелалъ чтобы тѣла ихъ остались сгоревшими въ Нилѣ; съ этою цѣлью онъ купилъ дагабію, и, яхта обратилась въ богатый саркофагъ. Трудно вообразить себѣ могильный памятникъ болѣе дикій и поэтичный, чѣмъ этотъ конецъ мачты надъ рѣчнымъ раздольемъ, гдѣ ничто не указываетъ на существованіе человѣка, откуда не видать ни одной деревушки, ни одного жилья... Широкій Нилъ кажется еще безпредѣльнѣе вслѣдствіе пространныхъ береговыхъ отмелей, олуствѣвшихъ съ наступленіемъ сумерокъ. Бабы-птицы, цапли, чайки, кулики улетѣли Богъ вѣсть куда, а дикія утки мелькаютъ въ небесахъ вереницами черныхъ крестиковъ. Тамъ, въ вышинѣ, надъ водяною могилою дѣвушекъ, творится въ этотъ разъ дивная смѣна свѣтозарнаго дня темною ночью. (Луна взойдетъ позже.) Горизонтъ кругомъ опускается ниже и ниже, и безбрежное небо становится еще необъятнѣе. Западная половина его, наполнившись отъ окраинъ земли до зенита золотою пылью, зардѣлась нѣжно розовымъ сіяніемъ; оно лишь на мгновеніе слабо вспыхнуло и исчезло, какъ метеоръ. Востокъ же окрасился ровною фіолетовою тѣнью и затѣмъ началась борьба, не свѣта и мрака, а двухъ цвѣтовъ, розоваго и фіолетоваго. Одинаково прекрасные, они оспариваютъ другъ у друга обладаніе землей,—и чудится что то ангелъ жизни и ангелъ смерти состязуются въ неравномъ бою. Фіолетовый цвѣтъ быстро и могуче одолеваетъ; постепенно густѣя и надвигаясь съ востока, онъ поглощаетъ въ себя другую половину небосклона,—однако подъ конецъ останавливается и долго не можетъ сладить съ противникомъ; а розовое сіяніе слившись съ остатками золотой пыли ушло въ послѣднее убѣжище, узкую побагровѣвшую ленту надъ горизонтомъ, которая вся отдается въ водѣ подъ низменнымъ берегомъ и на которой черными грибками-лаганками вырѣзываются дальнія лальмы. Именно отсюда, отъ этого теллага чуднаго свѣта, какъ прощальный привѣтъ ангела жизни несетъ смѣшанный запахъ гіацинтовъ и лимонныхъ цвѣтовъ...

Мачты уже нельзя разглядѣть, но младшая миссъ Поммерой, 12лѣтняя Gertrude, все еще всхлипываетъ, держась обѣими руками за рѣшетку перилъ. Молодая кокетка забыла на время и о своей красотѣ, и о своихъ уборахъ. Горюетъ ли о безвременно погибшихъ молодыхъ существахъ, сожалѣетъ ли о бѣдномъ вѣдѣ, или впервые встревожило ея дѣтскую душу ясное представленіе о смерти?

Намъ взрослымъ некогда останавливаться надъ чужимъ несчастьемъ, а къ мысли о неизбежномъ концѣ мы давно привыкли и умѣемъ отгонять ее, какъ въ сраженіяхъ ветераны отгоняютъ мысль о близкой опасности. Мы немного проголодались на воздухѣ, намъ весело—и, посмѣявшись надъ гауплю дѣвочкой, общество спустилось внизъ къ обѣду.

За столъ садятся поздно, по-Каирски, въ 8 часовъ. Мѣста распредѣлены разъ навсегда. Я сижу между Фанъ-дентъ-Бошемъ и Ирландцемъ, какъ сидѣлъ вчера и какъ буду сидѣть еще девятнадцать дней. Бельгіецъ очень молодъ, и трудно опредѣлить отчего сложилось выраженіе придурковатости на его лицѣ,—отъ врожденной ли глупости или отъ влюбленнаго состоянія. Ирландецъ, не сводя глазъ съ супруги, ежедневно выпиваетъ за жаркимъ бутылку шампанскаго, и платитъ синьору Анджело огромныя деньги; вино въ Египтѣ стоить непопозволительно дорого.

Въ полную темноту, часу въ десятомъ, пароходы остановились на западномъ берегу противъ Миніе, и мы узнали наше „расписаніе“. Завтра, отплывъ на разсвѣтѣ версть 20 отъ города, ѣдемъ въ 7 часовъ утра къ могиламъ Бени-Гассана. Donkeys will be provided (ослы будутъ заготовлены); что же касается Миніе, имѣющаго днемъ rather жалкій видъ, то единственную его примѣчательность составляетъ сахарный заводъ съ 2.000 рабочихъ; желающіе могутъ осмотрѣть оный сегодня вечеромъ. „If any further informations are required“...

Но г. Кукъ былъ прерванъ: на берегу возлѣ первыхъ городскихъ строеній, гдѣ, несмотря на теплую ночь, нѣсколько Арабовъ въ бурнусахъ грѣлись вокругъ пылавшаго костра, раздалось призывное облегченіе Ахметова рога.

На улицѣ предъ заводомъ катятся по рельсамъ платформы, нагруженныя сахарнымъ тростникомъ. Узкій переулочъ раздѣляетъ два главные корлуса. Въ одинъ изъ нихъ съ широкаго двора, уставленнаго стогами страшилищами, вползаетъ

тростникъ шестью параллельными самодвижущимися дорожками; его накладываютъ у стоговъ Арабы. Шесть маховыхъ колесъ четырехсаженнаго діаметра обращаютъ каждое по два горизонтальные соприкасающіеся кругомъ поверхностью вала. Валы отжимаютъ тростникъ. Сокъ течетъ по желобамъ черезъ переулокъ во второе зданіе; туда же холмистою грядой направляются раздавленные, рыхлые, точно жеванные стебли предназначенные на толку. Во второмъ зданіи царитъ туманистый полумракъ, какъ ночью въ стеклянныхъ желѣзно-дорожныхъ ротондахъ, и тусклыми звѣздами мерцаютъ несчастные газовые рожки. На легкой желѣзной галлерей, образующей круговые хоры, въ закрытыхъ чугунныхъ котлахъ кипятится сокъ; о степени его сгущенности можно судить по указательнымъ трубочкамъ, гдѣ безъ роздыха клопочетъ коричневая жидкость.

Въ невыносимой жарѣ, гуда и стуча, вертятся колеса, качаются рычаги, ходятъ лоршны; въ пространствѣ перекрещиваются безконечные ремни, на видъ неподвижные и только слегка вздрагивающіе; тяжелый залахъ жженого сахара, испорченнаго краснаго рома и какого-то противнаго ядовитаго растенія стѣсняетъ дыханіе. Толлою обступаютъ насъ голые потные люди и протягивая руку, шипятъ что-то; слова заглушены металлическимъ гуломъ и стукотней машинъ... Насылавъ себѣ карманы горячимъ, еще не совсѣмъ просушеннымъ сахарнымъ пескомъ, мы лоскорѣе выбрались изъ этого тартара.

На пароходы слѣзшитъ незачѣмъ—они отходятъ утромъ,—и можно вдоволь нагуляться по деревенскимъ улицамъ маленькаго городка. Фонари розданы намъ Ахметомъ только для *салтаната*, т. е. для лочета, * ибо вслывшая луна серебрить уже визенькіе глиняные домики, преображенные лавмы, дымъ отъ кизяка, струящійся изъ невидимыхъ трубъ, и подернутый легкою рябью Нилъ. Луна заглядываетъ въ темные пробои дверей, съ безмоавными домохозяевами на порогъ; въ слабо освѣщенные лавочки съ посудой или хмѣльными напитками, преимущественно англійскимъ ливомъ „stout“ и „pale ale“, въ заколтѣлыя кофейни увѣшанныя какъ антикварный магазинъ пыльными зеркаламы и старинными хрустальными люстрами всякихъ калибровъ и образцовъ...

* Точнѣе перевести французскимъ „ропре“.

Въ кофейняхъ посѣтителѣ при нашемъ входѣ встаютъ чтобы попросить бакшишъ.

Сопровождаютъ насъ — по охотѣ или по наказу—двое солдатъ, одинъ въ юлкѣ, другой повязанный женскимъ платкомъ; у обоихъ на ружьяхъ штыки. Упомянутые тѣлохранители конечно столь же бесполезны какъ Ахметовы фонари: кругомъ все тихо и спокойно; насъ ничто не обижаетъ; однѣ собаки * въ этомъ мирномъ уголкѣ * показываютъ воинственные наклонности и яростно лаютъ съ плоскихъ кровель. Впрочемъ сами мы воемъ, свистимъ, тычемъ имъ въ морды унесенными съ завода стеблями тростника, а затѣмъ со свойственною людямъ логикой пребольно кидаемъ въ нихъ камнями „чтобы впередъ не злились“. Собаки мечутся въ безсильной злобѣ, прыгаютъ съ крыши на крышу и—страшная, щетикистая, хрюкающая, задыхающаяся повисаютъ надъ вашими головами на земляныхъ оградахъ.

Поздно ночью съ обществомъ туристовъ встрѣтилась нѣсколько загадочныхъ молодыхъ туземокъ; привѣтливо, но вмѣстѣ скромно и пристойно, звали онѣ насъ на какое-то веселіе, на фантазію. Милѣе всѣхъ была стыдливо улыбающаяся мулатка съ опущенными черными рѣсницами. Узнавъ что это *гавази* ** или баадерки, наши дамы выказали такое неумѣстное любопытство, такъ беззащитно разглядывали и щупали ихъ ситцевыя платья, монеты и браслеты, столько смѣялись надъ кольцомъ съ лобякушками продѣтымъ въ ноздрѣ у одной изъ красавицъ что совсѣмъ сконфузили бѣдныхъ плясуній.

Въ мрачной смрадной комнатѣ въ родѣ подвала, мулатка исполнила для насъ свой несложный и непривлекательный танецъ. Сидѣвшіе на полу музыканты сначала негромко свистѣли въ лискавыя дудки и постукивали въ бубны, потомъ ударили въ балалайки, зурры, волюнки, и восточная музыка разразилась въ полной своей дерущей уши нескладнѣ. Танцовщица стояла посреди комнаты съ длинною палкой въ рукахъ и—то подпиралась ею какъ костылемъ, то клала на нее подбородокъ, то цѣлилась ею въ присутствующихъ. При этомъ колѣны ногами не выдѣлывалось; ходили только плеча,

* Уличная собака, приближающаяся къ волчьему типу и распрестраченная по всему Востоку.

** Множественное число; единственное—„газизъ“.

голова, станъ, и все туловище какъ-то дрожало подъ тактъ музыки. Порою, сгорбивъ спину и змѣеобразно изгибаясь, ба-ядерка присѣдала на земь. Въ общемъ танецъ являлъ плохую гимнастику, лишенную граціи и даже ловкости: ни одной живописной постановки, ни одного изящнаго движенія; заключался онъ тѣмъ что совсѣмъ опустившись на полъ, плясунья стала медленно переползать съ мѣста на мѣсто, причемъ плеча и грудь ея все еще дрожали; музыка оборвала сразу, и искусница взявъ у меня изъ рукъ шляпу съ прежнею стыдливою улыбкой и потупленнымъ взоромъ обошла туристовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ю. ЦЕРБАЧЕВЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.
Томъ 29, С.-Петербургъ, 1881.

Нельзя не порадоваться оживленію какое замѣчается за послѣднія два или три десятилѣтія въ области русскаго историческаго изслѣдованія. Цѣлый рядъ почтенныхъ и въ высшей степени интересныхъ трудовъ обогатилъ за это время нашу историческую литературу. Множество новыхъ историческихъ матеріаловъ появилось и продолжаетъ появляться на страницахъ специальныхъ повременныхъ изданій и сборниковъ русскихъ историческихъ обществъ, бросая новый свѣтъ на событія и лица, вызывая новыя изслѣдованія, побуждая къ пересмотру сдѣланнаго прежде. Изъ области занятія „любительскаго“ русское историческое изслѣдованіе выходитъ на почву дѣйствительнаго научнаго труда. Стараніями Н. В. Калачева, столь много потрудившагося на пользу русской исторической науки, устроенъ особый *Археологическій Институтъ* съ цѣлью готовить специалистовъ по русской старинѣ для занятія мѣстъ въ русскихъ архивахъ. Наряду съ архивами государственными и общественными историческому русскому изслѣдованію открыть доступъ къ частнымъ, семейнымъ русскимъ архивамъ, хранящимъ

множество документовъ которые имѣютъ громадное значеніе для бытовой и біографической стороны. Открытіе частныхъ архивовъ дало возможность появленію цѣлаго ряда въ высшей степени интересныхъ монографій, имѣющихъ своимъ предметомъ жизнеописанія выдающихся русскихъ дѣятелей. Къ числу такихъ монографій принадлежитъ изслѣдованіе г. Григоровича: *Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени*. Первая часть этого изслѣдованія появилась года два тому назадъ и заняла XXVI томъ *Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*; вторая и послѣдняя часть вышла въ настоящемъ году и занимаетъ весь XXIX томъ того же *Сборника*.

О первой части этого въ высшей степени интереснаго изслѣдованія было уже говорено на страницахъ *Русскаго Вѣстника*. Въ составъ второй части вошли послѣднія четырнадцать главъ біографіи (съ 1747 года), примѣчанія и приложения къ этимъ главамъ, отлично составленный азбучный указатель именъ, превосходно исполненный на стали портретъ князя Безбородко въ парадномъ мундирѣ, изображеніе памятника поставленнаго ему въ палаткѣ Александровской Лавры и планъ Благовѣщенской церкви, для указанія мѣста погребенія князя. Разказъ г. Григоровича обнимаетъ собою въ этомъ томѣ жизнь и дѣятельность Безбородка при Екатеринѣ, начиная отъ войны съ Турціей и Швеціей до кончины императрицы, и затѣмъ службу князя при императорѣ Павлѣ, до дня кончины канцлера. Второй томъ дополненъ извѣстіями появившимися въ литературѣ во время его печатанія и рядомъ неизданныхъ историческихъ документовъ: подлинными бумагами барона Игельстрома о Верельскомъ мирѣ, копіями съ рескриптовъ императрицы Екатерины, подлинными письмами князя Безбородка и т. д.

Нѣтъ ничего неблагоприятнаго задачи передать на нѣсколькихъ страницахъ содержаніе такого труда, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаются въ высшей степени интересныя мелкія подробности, разказы, характеристики, анекдоты, разговоры, гдѣ безпрестанно приводятся отрывки изъ подлинныхъ писемъ и документовъ. Въ этихъ подробностяхъ заключается необыкновенная прелесть. Благодаря имъ историческое лицо въ полномъ смыслѣ оживаетъ предъ читателемъ, а вмѣстѣ съ нимъ оживаютъ и всѣ тѣ съ кѣмъ это лицо жило и дѣйствовало, приходило въ соприкосновеніе, вело

вражду или дружбу. Блѣдныя тѣни получаютъ плоть и кровь, цѣль возвращается способность думать, чувствовать и двигаться. Имена превращаются въ людей, и люди эти снова переживаютъ предъ нами давно сыгранную ими драму жизни, опустѣлая сцена вновь наполняется актерами и снова звучать на ней любимому навсегда заглохнувшія рѣчи. Такова иллюзія и сила бытовыхъ подробностей и подлинныхъ выраженій, такова волшебная сила присущая человеческому слову. Одежда слова такъ тѣсно облекаетъ мысль и чувство со всѣми ихъ характеристическими особенностями что слово дѣйствительно получаетъ способность живописать людей. Подобно тому какъ г. Васильчиковъ воскрешаетъ не одинъ только родъ Разумовскихъ, но и всю эпоху, когда жилъ этотъ родъ, подобно этому поступаетъ г. Григоровичъ по отношенію ко князю Безбородко. Это не просто жизнеописаніе: это картина событій и нравовъ, гдѣ второстепенныя фигуры также интересны какъ и главное лицо, ибо всѣ они подвигаютъ другъ друга и всю эпоху. Вотъ почему ставится особенно деблагодарною задача „сжимать“ такія біографіи въ краткій очеркъ. Мы отказываемся поэтому отъ передачи содержанія всей книги,—это значило бы „своими словами“ изложить „краткую“ біографію Безбородка,—и предпочитаемъ представить рядъ хотя бы отрывочныхъ, но несомнѣнно интересныхъ подробностей, которыя, думается намъ, помогутъ читателямъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о личности князя Александра Алексѣевича Безбородка.

Вотъ выводъ который г. Григоровичъ заключаетъ свой разказъ о жизни князя:

„Эта жизнь полна дѣяній замѣчательныхъ, важныхъ, полезныхъ и славныхъ. Говоря полнѣе, Безбородко былъ гениально умный человекъ, научно и художественно образованный царедворецъ, искуснѣйшій дипломатъ, прекрасно понимавшій тогдашнія международныя отношенія, и находчивый министръ, ясно видѣвшій положеніе Россіи, любящій родотвенникъ, преданный другъ, всѣмъ доступный совѣтникъ, всегдашній радѣтель о благѣ отечества, неутомимый работникъ на службѣ и изящный сибаритъ въ часы отдыха. Недзя его потому ставить идеаломъ нравственности для будущихъ поколѣній, но по неутомимости въ работѣ, по сочувствію къ наукѣ и искусствамъ и по заслугамъ онъ всегда будетъ звѣздой, къ которой пристально будутъ присматриваться соотечественники.“

Внимательное прочтеніе двухъ огромныхъ томовъ жизнеописанія князя Безбородка заставляетъ вполне согласиться съ этою характеристикой. Сперанскій говорилъ что въ XVIII вѣкѣ въ Россіи было только четыре гения: Меншиковъ, Потемкинъ, Суворовъ и Безбородко, причемъ онъ упрекалъ однако Безбородко въ отсутствіи характера. Даже иностранцы отдавали полную справедливость опытности, уму, познаніямъ, образованію и необычайной легкости въ работѣ князя. Вотъ какъ описываетъ графъ Завадовскій въ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову впечатлѣніе произведенное смертію Безбородка на Петербургъ:

„Ты мнѣ говаривалъ, сколько покойника Москва любила. Не можешь себя представить до какой степени о немъ входило сожалѣніе и здѣсь, въ гнѣздѣ самая обильная зависти. Не первый онъ постояннымъ благоволеніемъ фортуны сопровождаемъ былъ и въ жизни, и ко гробу; но другаго никого отъ вельможъ нашего вѣка употребить нельзя, со стороны любви и привязанности, изъявленныхъ публично въ его болязнь и по кончинѣ. Сильнѣе стяжаніемъ онъ превзошелъ вознесенныхъ и богатыхъ и удивляетъ самую зависть. Не было чедовѣка, написалъ Маркъ Аврелій, толико счастливаго, чтобъ при погребеніи его не нашелся радующійся въ предстоящихъ. Изреченіе философа не оправдалось ни единою душою отъ погребавшихъ нашего друга.“ Въ другомъ письмѣ, ко графу С. Р. Воронцову, Завадовскій пишетъ: „Превознесенное состояніе подвигаетъ на себя всегда жало зависти. Покойникъ любилъ богатство и страстенъ былъ къ блеску онаго во всякомъ родѣ: домъ его начинень, какъ пирогъ, рѣдкими и драгоценными убранствами въ такомъ количествѣ что приватные всей Европы не идутъ въ улодобленіе. Народное тщеславіе и во всемъ прочемъ необычайное преуслѣваніе кололи завистливые глаза, по обыкновенному свойству людей, чтобы заорѣчить другаго въ томъ чего сами имѣть не можемъ. Безъ благоволенія фортуны и случаевъ благопріятствовавшихъ никто не вошелъ въ первую знать; но oprичъ сихъ, покойникъ имѣлъ свою собственность, уцѣдренную отъ природы, какъ-то: умъ дѣловой и острое понятіе. Непомѣрное любопытство стяжало ему обширное знаніе вещей для государственнаго чедовѣка нужныхъ, которыя удерживала всегда присутственными мыслями память его преудивительная. Къ его головѣ трудно

прибрать равную, чтобы также былъ прямижкїи нравъ и незлобивоё сердце, даже и противъ враждовавшихъ ему.“

У князя Безбородка было много „враждовавшихъ ему“: Мамонойъ, Зубовъ, Морковъ постоянно вели противъ него различныя интриги. Причина вражды совсѣмъ не заключалась въ какихъ-либо разномысляхъ по государственнымъ вопросамъ, въ различїи убѣжденїи или взглядовъ. Она сводилась къ желанїю „сбыть съ рукъ недоброхота“ и возвести на его мѣсто кого-либо „изъ своихъ“. Одно изъ писемъ Безбородка ко графу А. Р. Воронцову весьма типично рисуетъ даже самую форму въ которой проявлялась вражда. 2 сентября 1798 года торжественно праздновался заключенный Безбородкомъ съ Турками Ясскїи миръ. Императрица Екатерина сама составила „экстрактъ“ изъ росписи наградъ для провозглашенїя его съ трона. Въ этомъ экстрактѣ „изъ всего штатскаго служенїя“ оставленъ былъ „для провозглашенїя“ одинъ графъ Безбородко. *Inde irae*. Послушаемъ что пишетъ по этому поводу Безбородко ко графу Воронцову:

„Морковъ обнажилъ себя явнымъ мнѣ злодѣемъ, сопровождая такое обнаженїе самыми подлѣйшими поступками. Увѣряю васъ всю мою совѣстью, да вы и знаете, съ какою охотою я облегчаю дѣло всякое относящееся до чьего-либо удовольствїя или суетности. Сколько ни настоялъ я чтобы полнѣе читана была роспись съ трона, потомъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, имена нашихъ товарищей, графа Николая Ивановича (*Салтыкова*), вице-канцлера (*графа Остермана*) и Стрекалова, а притомъ и Моркова самого, почтены были: государыня никакъ не согласилась; сама поставила знакъ, гдѣ значатся армейскїе генераль-майоры, означила крестомъ мое имя и потомъ налѣчные изъ кавалеровъ двухъ первыхъ орденовъ. Морковъ бѣгалъ ко графу Зубову; по соглашенїю сего послѣдняго и по собственному моему желанїю Державинъ докладывалъ поутру ея величеству; но она, принявъ съ сердцемъ, велѣла Державину читать по сокращенной росписи, промолвивъ что цнако она не выдержитъ. Тутъ Морковъ Осипу Степановичу (*Судженко*) при нѣсколькихъ стороннихъ во дворцѣ самымъ злоязычнымъ образомъ ругалъ меня, твердилъ что его труды и заслуги то прямо значать, и, конечно, болѣе моихъ мнѣмыхъ; грозилъ что оны всячески платить стараться будетъ; и многое еще сїи люди и пересказывать мнѣ уклонились. По прочтенїи росписи, когда услышалъ оны что братъ мой между

своею братією армейскими былъ провозглашенъ, разверзъ оныя пасть свою на сего невиннаго человѣка, ругая его безъ милости при всей глумлѣнн. Я не захотѣлъ тогда исторію дѣлать съ симъ срамцомъ; занять будучи благодарностію и удовольствіемъ что я самъ и многіе мои щедро взысканы были со стороны государыни. Радъ я что оныя моего дому знать не будутъ. Но слыша что оныя блеетъ и телерь неумолчно, намѣренъ я выпѣть брату его, который у меня бываетъ, а какъ кончатся праздники предупредить и государыню противъ злости на меня сего неистоваго человѣка. Подлое свое мщеніе начавъ оныя на меня оказывать несообщеніемъ, разныхъ бумагъ“ и т. д.

Въ сочиненіи г. Григоровича приведены двѣ весьма интересные „исповѣди“ князя Безбородка. Одна изъ нихъ предназначена была исключительно для прочтенія Екатерины, другая относится уже къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни Безбородка и заключается въ письмѣ его къ князю Петру Васильевичу Долухину. Первая „исповѣдь“ написана по возвращеніи изъ Яссы, въ то время когда происки Зубова и его приверженцевъ не безъ успѣха направлены были къ тому чтобы совершенно „дискредитировать“ Безбородка; она составляетъ какъ бы составленное имъ самимъ *resumé* его дѣятельности въ царствованіе Екатерины. Для лучшаго уясненія читателямъ взглядовъ Безбородка на тогдашнее положеніе дѣлъ, мы предлагаемъ первой „исповѣди“ отрывокъ изъ письма его ко графу С. Р. Воронцову, въ которомъ характеризуются дѣла и люди того времени.

„По заключеніи мира зачали оказывать нетерпѣливость чтобы я окорѣ вѣхалъ и такимъ лестнымъ для меня образомъ что сама государыня нѣсколько писемъ самыхъ убѣдительныхъ мнѣ прислала, и когда меня дорогой здоровье медлить принудило—неудовольствіе оказала. Я однакожь пожертвовалъ всѣмъ и прямымъ путемъ постышился исполнить ея волю. Но что сдѣлалось? Нашелъ я идею изъ Зубова сдѣлать въ глазахъ глумлѣнн дѣловаго человѣка. Хотѣли чтобы я съ нимъ по дѣламъ сношлся; намекали чтобы я съ нимъ о томъ и другомъ поговорилъ, то-есть чтобы я пошелъ къ нему. Но вы знаете что я и къ покойнику * не учащалъ, даже и тогда когда обстоятельства насъ въ самое тѣсное согласіе привели. Вышло послѣ на повѣрку что вся дрянъ, какъ-то: сенатскіе доклады, частныя дѣла, словомъ сказать, все неприятое, заботы требующее и ни чести, ни славы за собой

* Князю Потемкину.

не влекущее, на меня взвалено, а на примѣръ дѣла нынѣшнія Польскія, которыя имѣютъ съ собою связанныя распоряженія по арміямъ, достался г. Зубову. Зачѣмъ было по симъ дѣламъ туда же присвоить исключительно, и Аркадій Ивановичъ (Морковъ) обратилъ къ тому перо свое. Привели было совѣтъ въ совершенное всѣхъ дѣлъ отчужденіе, и только государыня не хотѣла ни на что рѣшиться, не консультируя вице-канцлера и меня. Я однакожь изъяснилъ ей что гдѣ идетъ дѣло о войнѣ, тутъ никто на себя одного не возьметъ и наконецъ предусилъ поставить совѣтъ въ активитетъ. Вы не можете повѣрить сколько колобродно шло сіе Польское дѣло. Изъ арміи прислалъ я мнѣніе мое и результатъ моихъ разговоровъ съ Полаками. Графъ Александръ Романовичъ (Боронцовъ), графъ Николай Ивановичъ (Салтыковъ) и вице-канцлеръ (графъ А. И. Остерманъ) его одобрили, и государыня приняла за благо чтобы сему плану сдѣловать; но когда дѣло дошло до исполненія, то Половъ продуцировалъ какой-то планъ покойника. Аркадій Ивановичъ (Морковъ) далъ волю своей головѣ, а неискусный дѣлецъ пошелъ за мими вслѣдъ, выдавая будто за свое. Все исковеркано, и ежели тутъ выходить хлопоты, то ихъ суцая вина. Много я потерпѣлъ неприяностей, борясь съ сею конфузіей, и много надобно было выдержать баталій чтобы хотя нѣсколько дѣло исправить, не зная еще какъ кончится.

„Другая неприяность есть та что когда князь Потемкинъ умеръ, мы тогда съ графомъ Александромъ Романовичемъ (Боронцовымъ), съ графомъ Николаемъ Ивановичемъ (Салтыковымъ) и съ Петромъ Васильевичемъ (Завадовскимъ) полагали что можно будетъ скоро поправить вредъ имъ причиненный, возстановить порядокъ въ войскѣ и въ губерніяхъ его и пр., но тутъ и вышло противное. Губерніи отданы Полову въ вѣдѣніе, такъ что дѣлаетъ онъ все что хочетъ. Боятся нарушать тестаменты покойника, которые Половъ выдаетъ, и словомъ перспектива той же конфузіи, а для насъ развѣ брани: ибо всякое зло на счетъ нашъ станутъ ставить, какъ я видѣлъ примѣръ что, говоря о безденежьяхъ, не приписываютъ ихъ тому что болѣе 60 милліоновъ употребилъ и долги оставилъ, но намъ, будто мы не остерегали въ издержкахъ внутреннихъ. Когда дѣло коснется до прежней администраціи, Половъ идетъ прямо докладывать что хотятъ трогать память княжью, а тутъ и выходитъ амбарго на всѣ сдѣлствія и изъясненія. Ваше сіятельство, судите сами, можно ли тутъ располагать собой на дальнюю службу? И не согласится ли со мною что самое лучшее есть, отпраздновать миръ мною сдѣланный, пожить для своего здоровья и удовольствія? Говора о мирѣ, сколько я съ одной стороны похваляюсь добрымъ мнѣніемъ публики о моемъ въ немъ участіи, столько долженъ признаться что мало примѣтна при дворѣ моя заслуга. Кажется что несмотря на нее и несмотря на всѣ почести, изъ коихъ каждую я получалъ по крайней

миръ не въ праздникъ, а при какомъ-либо полезномъ государству событіи, участвовавъ въ немъ лично, не прочь отъ того чтобы вести меня съ Турчаниновымъ, Державинымъ и Храповицкимъ, у которыхъ еще и дѣла никакого нѣтъ.“

Телерь вотъ „исповѣдь“ Безбородка предъ Екатериной. Она озаглавлена *Къ собственному вашему императорскаго величества прочтенію:*

„Осымнадцатъ почти лѣтъ продолжая службу мою при лицѣ вашего императорскаго величества, бывъ удостоенъ отличной вашей довѣренности, имѣвъ участіе въ исполненіи многихъ важныхъ и государству полезныхъ вашихъ намѣреній и получивъ толь отличныя знаки монаршаго благоволенія, поставляя я себя за правило идти путемъ правымъ и быть во всемъ предъ вами откровеннымъ. Въ совѣсти моей убѣжденъ я что не сдѣлалъ ничего вреднаго службѣ вашей или предосудительнаго чести моей. Время открыло, да и болѣе еще откроетъ что всакое на мой счетъ порицаніе было только клевета, завистію и злостію на меня воздвигнутая. Въ такомъ совѣсти моей слокійствіи, осмѣливаюсь предстать предъ ваше величество съ чистосердечнымъ израженіемъ настоящаго моего положенія.

„Послѣ мира со Швеціею, возведенъ будучи вами на одну изъ первыхъ степеней, могъ я слокійно оставаться при лицѣ вашемъ, пользоваться довѣренностію вашею и трудами моими лодъ вашимъ руководствомъ продолжаемы, споспѣшествовать исполненію дальнѣйшихъ вашихъ предположеній. Зная справедливость и щедроту вамъ сродныя, былъ я несомнителенъ что по заключеніи мира съ Портою и по совершеніи многого, что и тогда уже было предвидѣно, усердіе и труды мои не остались бы тщетны. Въ семъ положеніи застигла вѣсть о смерти фельмаршала князя Потемкина. Въ минуту полученія ея, вѣдая, сколько заботы она принесетъ вашему величеству и зная что мирная съ Турками негоціація, въ самыхъ предлиминаріяхъ испорченная долговременнымъ срокомъ перемірія, новыми же до Кубанскимъ дѣламъ затрудненіями въ замѣшательство приведенная, не токмо продлится но и рупшится легко могла, рѣшился я представить мою готовность отправиться въ Яссы для руководства мирными переговорами. Ни безлокойства труднаго пути, для здоровья моего вреднаго, ни неизбѣжность большихъ издержекъ со званіемъ главнаго полномочнаго сопращенныхъ, ниже уваженіе что отлучаясь отъ двора, подвергаю себя жребію отсутствующихъ, кои часто теряютъ, не превозмогли надъ моимъ рвеніемъ угодить вамъ доставленіемъ отечеству мира, толико для него нужнаго. По пріѣздѣ моемъ, намедъ я дѣло безъ начала и лутеводства. Полномочныя, имѣвшіе болѣе доброй воли чѣмъ въ дѣлахъ пріобычки, ниже плана не сдѣлали, какъ трактовать. За нѣсколько дней до пріѣзда моего, получивъ указъ

объ открытіи переговоровъ, вступили они съ однимъ ультиматомъ въ рукахъ. По двумъ первымъ и ничего незначащимъ ихъ конференціямъ можно было предвидѣть и медленность, и малую надежду успѣха. По прибытіи моемъ неговіація взяла иное теченіе; но подробности ея извѣстны вашему величеству и не одинъ разъ осчастливленъ я былъ израженіями вашего удовольствія. Случался иногда въ теченіи дѣла сего критическія минуты которыя предвѣщали возможность разрыва. Я и тутъ готовился, еслибы только вамъ угодно было, остаться среди военныхъ дѣйствій, раздѣляя съ другими всѣ опасности, способствовать имъ по мѣрѣ усердія и смысла моихъ и терпѣливо ждать времени къ совершенію возложеннаго на меня служенія.

„Сверхъ мирной неговіаціи имѣлъ я отъ вашего императорскаго величества препорученіе по дѣламъ Польскимъ, которыя, при жизни князя Потемкина, ведены были чрезъ мои руки. Много мнѣ стоило труда удержать пылкость и неосновательность Поляковъ ко мнѣ тогда прибывшихъ, куда успѣлъ я одержать миръ, безъ котораго и помышлять о Польшѣ было нельзя. Наконецъ, совершенъ сей миръ на томъ основаніи какъ желали. Сверхъ прочнаго спокойства имъ установленнаго, пользы отъ него проистекшія ощутительны. Какъ присоединеніе подъ державу вашу Крыма, Тамани и части Кубани было слѣдствіе мира Кайнаржійскаго: такъ по истинѣ настоящее, гораздо важнѣйшее того, приобрѣтеніе можетъ почестся слѣдствіемъ Яскаго мира.

„По милостивому приему оконченной мною неговіаціи и по настоящему образу повелѣній отъ вашего величества ко мнѣ присланныхъ о послѣднемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, имѣлъ я причину ласкать себя надеждою что довѣренность ваша ко мнѣ не умаилася. По возвращеніи моемъ я и лаче удостовѣрился что подвигъ мой вамъ былъ угоденъ. Ваше величество желали чтобъ я лаки за дѣла принялся; требовали чтобъ я былъ точно на томъ же основаніи какъ и прежде, чтобы не обинуясь о всемъ представлялъ вамъ и сказывалъ откровенно мои мысли. Сему монаршему изреченію повиновался и по долгу подданнаго, и по долгу, благодарности. Я ссылаюся на все что я доказывалъ по разнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и на мнѣніе мое поданное о пользѣ и необходимости приобрѣтенія Украины и другихъ земель отъ Польши, какъ только первая къ тому удобность открываться начала. Если мнѣ казалось что мои представленія не въ томъ уже видѣ и цѣнѣ принимались, какъ прежде я былъ осчастливленъ: то служило мнѣ по крайней мѣрѣ утѣшеніемъ что я исполнялъ мою предъ вами обязанность и что дѣла, о коихъ я писалъ или говорилъ, производимыя въ исполненіе приносили свою пользу. Не могу однако скрыть предъ вашимъ величествомъ, пользуясь дозволеніемъ вашимъ быть предъ вами откровеннымъ, что вдругъ нашелся я въ сферѣ дѣлъ только тѣсно ограниченной что я предаюся на собственное ваше

правосудіе: сходствуетъ ли она и со степенью отъ васъ мнѣ пожалованною и съ довѣренностью каковой я прежде удостоенъ былъ? А сіе и заставило меня отъ многихъ дѣлъ уклоняться. Въ самомъ иностранномъ департаментѣ, гдѣ я, по высочайшей волѣ вашей, десятый годъ занимаю мѣсто втораго министра, встрѣчаются дѣла которыя узнаю совсѣмъ постороннимъ образомъ, какъ на примѣръ, теченіе нынѣшняго сейма въ Гроднѣ—по варшавскимъ газетамъ, а замѣшательства и затрудненія тамъ происходящія, по запискѣ конференціи прусскаго министра, хотя я знаю, съ другой стороны, что воля ваша была дабы я оставался въ полномъ вѣдѣніи связи всѣхъ дѣлъ и что при многихъ случаяхъ ваше величество вопрошали о бумагахъ, на аллобацію вашу возносимыхъ, видѣли ли ихъ графъ Остерманъ и я?

„Всемиловѣйшая государыня! Если служба моя вамъ уже негодна и ежели по несчастію лишился я довѣренности вашей которую вѣще заслужить послѣднимъ подвигомъ моимъ усповалъ, то повинуюся достожджно волѣ вашей готовъ отъ всего удалиться; но если я не навлекъ на себя такового неблаговоленія, то льщу себя что сильнымъ вашимъ заступленіемъ охраненъ буду отъ всякаго уничтоженія и что будучи членомъ совѣта вашего и вторымъ въ иностранномъ департаментѣ, имѣя подъ начальствомъ моимъ департаментъ почти и нося при томъ на себѣ одинъ изъ знатныхъ чиновъ двора вашего, не буду я обязанъ принятіемъ прошеній и тому подобными дѣлами, которыми я ни службѣ вашей пользы, ни вамъ угодности сдѣлать не въ состояніи. Готовъ я впрочемъ всякое трудное и важное препорученіе ваше исправить, не щадя ни трудовъ моихъ ниже самого себя.

„Что до жребія моего по мирной неогіаціи и по слѣдствіямъ изъ нея съ толикою пользою для государства происекшимъ касается, оный, равно и участь трудившихся въ той неогіаціи и прочихъ, людъ моимъ начальствомъ усердно и радѣтельно дѣла исправлявшихъ, осмѣливаюсь препоручить монаршему правосудію и милости“.

Записка эта была подана 30 іюня 1793 года. На другой день, т. е. 1 іюля, Храловицкій отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Поутру записка читана со вниманіемъ, никому не показывана и съ отвѣтомъ на трехъ страницахъ запечатана и ко графу Безбородку возвращена. Зотовъ (камердинеръ Екатерины) сказывалъ что ни при чтеніи, ни при писаніи отвѣта не сердились, но задумчивость была замѣтна“.

Другая „исловѣдъ“ гораздо короче и, такъ-сказать, носить отпечатокъ болѣе интимный. Написанная за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Безбородка, она представляетъ какъ бы составленную самимъ княземъ характеристику самого себя. Для поправленія здоровья Безбородко хотѣлъ отправиться

за границу, на воды. Получить разрѣшеніе на заграничное путешествіе было не совсѣмъ легко при императорѣ Павлѣ. Вотъ что пишетъ Безбородко князю П. В. Лолухину:

„Давно не имѣлъ я чести васъ видѣть и для того дозволюте обременить васъ письмомъ, прибѣгая къ дружеской вашей помощи въ такомъ дѣлѣ, которое интересуетъ спокойствіе и благосостояніе мое въ самой вышей степени. Вы мнѣ отдадите справедливость что я хотя мало имѣлъ способствъ и случаевъ, но никогда не уклонялся тамъ, гдѣ могъ друзьямъ своимъ сдѣлать что-либо угодное. Поступите и со мною такимъ же образомъ, какъ я всегда отъ добраго сердца вашего надѣялся. Никогда я не скрывалъ предъ вами моего желанія, еще при жизни покойной государыни существовавшего, чтобъ остатокъ дней моихъ прожить въ Москвѣ спокойно. Смерть ея, застигшая (меня) въ тяжкой болѣзни, поставила меня въ иное положеніе. Государю угодно было чтобъ я остался при немъ. Я повиновался волѣ его; онъ осыпалъ меня преизбыточно почестями и щедротами. Ласкалъ я себя что хотя нѣсколько могу ихъ заслужить моими трудами, но вижу крайнюю свою къ тому неспособность. Два года протекшіе были для меня исполнены болѣзней. Лѣченіе нынѣшняго года ослабило меня до самой крайности, такъ что вѣрьте, ибо я не привыкъ вещей черными видѣть, ощущаю я часто такіе снымы, которые мнѣ весьма неотдаленный конецъ предвѣщаютъ. Скоростію работы и понятіемъ награждалъ я прежде природную лѣнь свою; но теперь природное только и осталось, а память и другія дарованія совсѣмъ исчезаютъ. Хотя стыдно, но долженъ признаться что работая иногда длинными пѣснями, владаю я часто въ повторенія и другіе недостатки, каковыя, по преданіямъ Жилблаза, подъ конецъ ощущены были въ сочиненіяхъ преосвященнаго Гренадскаго. Мнѣ кажется что полная свобода, свѣжій воздухъ умѣреннѣшаго климата и лѣченіе у водъ могли бы еще поддержать безвременную старость не по лѣтамъ меня достигшую. Пускай сіе почтете и воображеніемъ; но простительно человѣку для сохраненія своего отвѣдать разные опыты. Для сего намѣренъ я принести его величеству формальную просьбу; а васъ, милостивый государь мой, прошу въ то время употребить ваше ходатайство, чтобъ я желаемое мною увольненіе и дозволеніе выхвалять на нѣкоторое время въ чужіе края получилъ. Вы за меня легко поручиться можете что я великій неохотникъ до интригъ, гдѣ много бываетъ безлокойства и заботы, но даже и до всѣхъ дѣлъ; слѣдовательно я не заслуживаю никакого сомнѣнія или подозрѣнія и въ чужихъ краяхъ, и въ Россіи живучи, кромѣ своего здоровья, покоя и удовольствія ни о чемъ не намѣренъ помышлять. По дружбѣ ко мнѣ, не оставяйте отдавать всякія неприятели, которыя клеветами злыхъ людей, на томъ и счастье свое основывающихъ или вообращеніемъ противъ меня, наивнѣннѣшаго, преспокойнѣн-

шаго въ свѣтъ существа, воздвигнуты быть могутъ. Но, между тѣмъ, покада сей рѣшительный шагъ учиню, намѣренъ я попроситься на мѣсяцъ въ Москву, для учрежденія своихъ домашнихъ дѣлъ. Возвратася примусь за васъ во всей силѣ, уловая что вы не упустите случая заранѣе сдѣлать въ мою пользу внушеніе и приуготовить, чтобы мое желаніе скорѣе и какъ лучше сбылось, и чтобы я вамъ по конецъ дней моихъ покоемъ и удовольствіемъ обязанъ былъ. Не подумайте, чтобы я имѣлъ тутъ причины какого-либо неудовольствія на одного или другаго человѣка. Я привыкъ всегда себя и должность поставять въ зависимость отъ одного государя, а конечно выше всякой посторонней инфлюенціи, Нѣтъ иныхъ причинъ моему исканію кромѣ сказанныхъ выше, и у меня одно правило: коль скоро чувствую что я для службы не могу полезнымъ быть, оставить ее; а не такъ какъ многіе, что Богъ ихъ и не сдѣлалъ прочими для службы, да они тутъ свои выгоды находятъ, такъ ея и держатся, не заботясь ни о славѣ государства, ни о его пользѣ, и ни о чемъ что на насъ налагаетъ долгъ сыновъ отечества. Вѣруя вамъ жребій свой, я ласкаю себя имѣть удовольствіе васъ видѣть и на досугѣ о сей же матеріи побесѣдовать, но временно прошу васъ и дружбою заклинаю никакихъ не употреблять способовъ къ отвращенію меня отъ принятаго намѣренія, исповѣдуясь предъ вами, что если я не достигну того заслуженнымъ мною образомъ, то, хотя и съ неудовольствіемъ, выйти изъ службы предпочту дальнѣйшему въ ней пребыванію.“

Съ 1784 года Безбородко жилъ въ Петербургѣ въ собственномъ домѣ на Почтамтской улицѣ, а лѣто проводилъ въ своей деревнѣ Полюстровѣ. Городской домъ Безбородка славился картинною галереей и считался однимъ изъ богатѣйшихъ и гостепріимнѣйшихъ въ столицѣ. Безбородко, по природѣ и по образованію, любилъ знаніе и искусство и охотно сблизался съ людьми выдававшимися на этихъ поприщахъ. Въ спальнѣ князя было 22 картины одного Вернета, а въ галереѣ его былъ Сальваторъ Роза какимъ не обладалъ даже Императорскій Эрмитажъ. По внѣшнему виду Безбородко былъ, если вѣрить разказу Терещенка, „простъ, нѣсколько неловокъ и тяжелъ; являясь къ императрицѣ во французскомъ кафтанѣ, онъ, при всемъ щегольскомъ нарядѣ придворнаго, иногда не замѣчалъ осунувшихся чулковъ и оборвавшихся пряжекъ на своихъ башмакахъ“. Роскошью и блескомъ своихъ праздниковъ и торжественныхъ обѣдовъ, на которые нерѣдко, съ Екатериною во главѣ, собирались всѣ знатнѣйшіе и образованнѣйшіе русскіе и иноземные люди проживавшіе въ Петербургѣ, Безбородко отвлекалъ вниманіе гостей отъ своей неловкости и заставлялъ ихъ славить свою

привѣтливость и свой вкусъ. Такіе вечера обходились ему иногда въ 50.000 руб. сер., а на обыкновенные расходы онъ тратилъ по 8.000 руб. въ мѣсяцъ. Совсѣмъ иначе держалъ себя Безбородко въ кругу людей близкихъ, именно родныхъ, друзей и короткихъ знакомыхъ, съ которыми онъ оставался послѣ парадныхъ обѣдовъ, парадныхъ въ смыслѣ многолюдства. Онъ становился тогда развязнымъ, веселымъ, увлекательнымъ, откровеннымъ. Вотъ нѣсколько воспоминаній графа Комаровскаго, которыя рисуютъ Безбородка въ кругу близкихъ людей: „Зять мой Алексѣй Николаевичъ (Астафьевъ) служилъ тогда при графѣ Безбородкѣ и имѣлъ казенную квартиру въ почтовомъ домѣ; я получалъ приглашеніе отъ графа ходить къ нему обѣдать когда я пожелаю. Кромѣ знатныхъ гостей, обыкновенное общество состояло изъ особъ живущихъ у графа и нѣсколькихъ челоѣкъ короткихъ знакомыхъ. Ничего не было пріятнѣе какъ слышать разговоръ графа Безбородка. Онъ одаренъ былъ памятью необыкновенною и любилъ за столомъ много разказывать, въ особенности о фельд-маршалѣ (графѣ Румянцовѣ-Задунайскомѣ), при которомъ онъ находился нѣсколько лѣтъ. Бѣглость съ которою онъ, читая, схватывалъ смыслъ всякой рѣчи, почти невѣроят. Я мнѣ случалось видѣть что привезутъ ему отъ императрицы преогромный пакетъ бумагъ; онъ послѣ обѣда обыкновенно садился на диванъ и всегда просилъ чтобы для него не беспокоились и продолжали бы разговаривать, между тѣмъ онъ только что переворачивалъ листы и иногда вмѣшивался въ бесѣду гостей своихъ, не переставая въ то же время читать бумаги. Если то что онъ читалъ не заключало въ себѣ государственнаго секрета, онъ намъ сообщалъ содержаніе онаго. Я слышалъ отъ графа Моркова что онъ не могъ никогда надивиться непостижимой способности графа Безбородка читать самыя важнѣйшія бумаги съ такою бѣглостью, и такъ вѣрно и скоро постигать смыслъ оныхъ.“ Память Безбородка была удивительная. Тотъ же графъ Комаровскій въ своихъ *Запискахъ* разказываетъ слѣдующее по поводу пріема въ Вѣнѣ великаго князя Константина Павловича, ѣхавшаго къ арміи Суворова въ Италію:

„Наконецъ назначенъ былъ день отъѣзда нашего къ Вѣнской арміи. За нѣсколько дней предъ выѣздомъ нашимъ изъ Петербурга великій князь послалъ меня, по волѣ императора, спросить у графа Безбородка: кому и какіе! должны

будуть дѣлать подарки при Вѣвскомъ дворѣ? Я не могу не отдать и при семъ случаѣ полной справедливости необыкновенной памяти, великимъ познаніямъ и свѣдѣніямъ графа о всѣхъ европейскихъ дворахъ. Онъ началъ мнѣ рассказывать, какъ будто читая по книгѣ, родословную всѣхъ вѣвскихъ вельможъ, кто изъ нихъ чѣмъ примѣчательнѣе, кто и въ какое время наиболее оказалъ услугъ двору нашему, такъ что я около часа слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Онъ познакомилъ меня съ тѣми вельможами которыхъ я увижу въ Вѣвѣ. Потомъ онъ съѣлъ и своею рукой написалъ списокъ всѣмъ которымъ должно дать подарки, и какіе именно. Когда я получилъ отъ великаго князя приказаніе дѣлать подарки, его высочество приказалъ мнѣ показать данный мнѣ графомъ Безбородкомъ списокъ послу нашему, графу Разумовскому. Тотъ, прочитавъ его, воскликнулъ: этотъ геній знаетъ всѣхъ иностранныхъ саяовниковъ, никогда не выѣзжая изъ Россіи, лучше нежели я, который пятнадцать лѣтъ живу здѣсь. Существуетъ разказъ, переданный Гречемъ, о томъ что Безбородко, застигнутый среди хмѣльнаго лира приказомъ немедленно явиться къ Екатеринѣ, приказалъ лустить себѣ кровь изъ обѣихъ рукъ, протрезвился и по совершенно другой бумагѣ прочелъ императрицѣ докладъ который она желала имѣть. Безбородко долженъ былъ сознаться въ своей импровизаціи лишь когда государыня пожелала пройти этотъ докладъ съ перомъ въ рукѣ.

Безбородко чрезвычайно любилъ Малороссовъ и постоянно имъ покровительствовалъ. „Пріемная его вѣчно была полна пріѣзжими изъ Полтавы и Чернигова, добрыми, полными своего особаго юмора Малороссами, являвшимися въ столицу искать мѣстъ или опредѣлять дѣтей на службу. Съ каждымъ изъ посѣтителей вельможа говорилъ какъ нельзя дружелюбно, каждому помогая своимъ кредитомъ и совѣтомъ; такая доступность была причиной что имя Безбородка было для всякаго Малоросса любимымъ и какъ бы родственнымъ именемъ.“ Изъ множества разказовъ про Безбородка, для характеристики его отношенія къ Малороссамъ наиболее типиченъ слѣдующій.

„Работая однажды у себя въ кабинетѣ, Безбородко услышалъ въ пріемной топанье ногъ и протяжное зѣванье съ разными переливами голоса. Осторожно взглянувъ въ полуотворенную дверь, онъ увидалъ толстаго земляка

съ добродушною физиономіей, явно соскучившагося въ-сколькихъ минутахъ необходимаго ожиданія. Безбородко улыбаясь глядѣлъ изъ-за двери какъ почититель, не привыкшій ждать, все потягивался, зѣвалъ, смотрѣлъ картины и, наконецъ, соскучившись окончателно, привался ловить мухъ. Одна изъ нихъ особенно замала Малоросса, и онъ долго гонялся за нею изъ угла въ уголь. Улучивъ затѣмъ минуту когда назойливое насѣкомое сѣло на огромной вазѣ, охотникъ поспѣшно размахнулся и хватилъ рукою. Ваза слетѣла съ пьедестала, загремѣла и разбѣлась въ дребезги. Гость изобавлялся и потерялся, а Безбородко, вошедъ въ приемную и ударивъ по плечу Малоросса, ласково сказалъ:

„— Чи поймавъ?“

Безбородко былъ бодрой охотникъ до картъ и усердный поклонникъ женщинъ. Онъ не былъ женатъ. Братъ его, графъ Илья Андреевичъ, имѣлъ сына и двухъ дочерей; сынъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, не оставивъ потомства. Такимъ образомъ родъ Безбородковъ пресѣкся въ мужскомъ колѣнѣ и осталось только поколѣніе женское. Изъ дочерей графа Ильи Андреевича старшая была замужемъ за адмираломъ Григоріемъ Григорьевичемъ Кушелевымъ, младшая—за княземъ Добановымъ-Ростовскимъ. Императоръ Александръ I, снисходя на просьбу вдовы графа Безбородка и согласно съ завѣщаніемъ послѣдняго, главнымъ же образомъ „въ ознаменованіе особенной признательности и уваженія къ отличному служенію покойнаго князя Александра Безбородка, на пользу и къ славѣ отечества всю жизнь посвятившаго“, изъявилъ свое соизволеніе чтобы внукъ отъ старшей ихъ дочери, графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ, принялъ еще фамилію Безбородко и потомственно именовался графомъ Кушелевымъ-Безбородко: „да знаменитая заслугами фамилія сія“—такъ сказано въ указѣ Сенату отъ 6 апрѣля 1816 года—„съ кончиною послѣдняго въ родѣ не угаснетъ, но, паки обновясь, пребудетъ навсегда въ незабвенной памяти руссійскаго дворянства“.

С. В.

II.

Histoire de Philippe II, par H. Ferneron.

Авторъ книги о которой мы хотимъ сказать нѣсколько словъ давно уже занимается XVI вѣкомъ. Года три тому назадъ издавъ онъ монографію подъ заглавіемъ *Les ducs de Guise et leur époque*, которая хотя и удостоилась преміи Французской Академіи, но вызвала довольно строгія замѣчанія со стороны ученой критики. По общему отзыву, новый трудъ его, посвященный царствованію Филиппа II Испанскаго, несравненно выше. У г. Фернерона былъ оласный соперникъ—Прескотъ, сочиненіе коего *History of the reign of Philip the second, king of Spain* имѣло огромный успѣхъ и было переведено на французскій и нѣмецкій языки, но, воервыхъ, авторъ не довелъ его до конца, а вовторыхъ, оно уже нѣсколько устарѣло, потому что со времени появленія его въ свѣтъ издаво множество документовъ которые были недоступны знаменитому американскому историку. Г. Фернеронъ тщательнѣе воспользовался ими; кромѣ того что въ послѣдніе годы обнародовано было преимущественно бельгійскими учеными, онъ прибѣгалъ и къ самостоятельнымъ архивнымъ изысканіямъ. Вслѣдствіе того многіе факты освѣщены у него новымъ свѣтомъ. Но большинство образованной лубки прежде всего оцѣнить конечно его талантъ, — замѣчательное мастерство съ которымъ умѣетъ онъ нѣсколькими редкѣйшими чертами рисовать портреты дѣйствующихъ лицъ и не вдаваясь въ подробности событій истолковывать значеніе каждаго изъ нихъ. Помимо ученыхъ своихъ достоинствъ вышедшіе нынѣ два тома его книги представляютъ весьма интересное чтеніе.

Какъ интересны напримѣръ главы (I, 136—156 и II, 1—22), въ которыхъ изображаетъ онъ нравы и общественную жизнь въ Испаніи и Нидерландахъ: читателю ясно что это два отдѣльные, рѣзко противоположные міра, всякое соприкосновеніе между которыми должно было только обнаружить совершенную для нихъ невозможность жить людѣ однимъ правительствомъ. Внутренній бытъ Испанскаго королевства очертилъ авторъ по мемуарамъ, донесеніямъ дипломатовъ, а главнымъ образомъ по современнымъ

романамъ и повѣстямъ, которые, повидимому, изучилъ онъ какъ нельзя лучше. Общій фонъ—страшное разореніе, крайній упадокъ производительныхъ силъ страны. Всѣ видѣли это, и въ томъ числѣ самъ Филиппъ II. „Разстройство финансовъ не полривимо, писалъ онъ въ 1575 году: мнѣ сорокъ восемь лѣтъ, и что еще ожидаетъ меня впереди! Приближается старость, а я не знаю какъ просуществовать завтрашній день.“ Между тѣмъ военныя предпріятія не прерываются ни на минуту; повсюду можно видѣть испанскія войска,—и въ разныхъ европейскихъ государствахъ, и въ Африкѣ, и въ Новомъ Свѣтѣ; войны влекутъ за собою оскудѣніе, но это нисколько не охлаждаетъ воинственный пылъ націи или до крайней мѣрѣ ея правительства. Отсюда не только огрубѣніе, но какое-то одичаніе нравовъ. „Всѣ большіе города, говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ историковъ, были наполнены сорванцами, пройдохами, грабителями, неизмѣнно появлявшимися тамъ куда ихъ привлекалъ запахъ крови. Это былъ особый классъ, съ существованіемъ коего мирлись граждане какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. Люди такого сорта играли не маловажную роль; они находили себѣ пріютъ у знатныхъ лицъ, пользовавшихся ихъ отвратительными услугами противъ своихъ враговъ; тотчасъ же можно было узнать ихъ по нафабренному уѣсамъ, войлочнымъ шляпамъ съ длинными полями, полукафтаньямъ изъ буйволовой кожи, цвѣтнымъ чулкамъ и длиннымъ ралирамъ.“ Маркизь Фивара никогда не выходилъ изъ дому иначе какъ въ сопровожденіи одного или двухъ десятковъ такихъ разбойниковъ, готовыхъ переломать ребра всякому встрѣчному; принцесса Эболи также держала ихъ при себѣ и прогнала одного изъ нихъ потому что, въ теченіе всей своей жизни онъ убилъ лишь одного человѣка. Но если обратимся къ зажиточнымъ классамъ, то развѣ и въ ихъ средѣ не встрѣтимъ такого же своеволія и грубости? Многіе возвращались изъ американскихъ колоній, обогатившись тамъ и привыкнувъ эксплуатировать туземцевъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ: они изнуряли ихъ непосильными работами, подвергали истязаніямъ, оставляли безжалостно этихъ несчастныхъ умирать отъ осны или голода и сохраняли на родинѣ варварскія наклонности усвоенныя ими за Океаномъ. Тщетно было искать противъ нихъ суда и расправы, ибо безобразія испанской юстиціи вошли въ пословицу: не находилось судни который не торговалъ бы нагло своею совѣстью;

неудивительно что если въ жизни сцены насилія и произвола встрѣчались на каждомъ шагу, то и литература старалась тщательно воспроизводить ихъ,—мало того, она не щадя для нихъ красокъ, какъ бы сознавая что именно это должно особенно привлечь читателя. Старика Донъ-Кихота и бѣднягу Санчо Пансу то и дѣло колотать палками, награждать пинками, волочать по землѣ, и это еще въ образцовомъ произведеніи великаго художника, у котораго веселость смягчаетъ то чтò иначе могло бы показаться возмутительнымъ. Но загляните въ другіе романы: тутъ преобладаетъ уже грубый реализмъ, тутъ на каждомъ шагу злодѣйство, тутъ безпрерывно враги съ ножомъ въ рукахъ подстерегаютъ друга, знатныя дамы расслачиваются подѣлами за совершенныя по ихъ наущенію убійства, невинныхъ дѣвушекъ увлекаютъ въ труппы разврата; алгвазилы занимаются дѣлежкомъ добычи съ бандитами и т. л. Литература старается дѣйствовать на нервы читателей, для нея нѣтъ ничего заманчивѣе какъ сильную страсть, сильное чувство изображать въ самыхъ неистовыхъ проявленіяхъ: если любовниковъ преслѣдуетъ злая участь, они бросаются съ балкона и могомъ своимъ обгаляютъ мостовую, если молодая дѣвушка въ горѣ, то рветъ на себѣ волосы и раздраетъ щеки ногтями; если человѣкъ разсерженъ, то имъ овладѣваетъ припадокъ бѣшенства, а если полюбитъ кого-нибудь, то великодушно жертвуетъ другу всѣмъ своимъ состояніемъ.

Весьма любопытно положеніе женщинъ въ Испаніи XVI вѣка. Продолжительное господство мусульманъ оставило слѣды и на христіанскомъ обществѣ. Дѣвушка пользовалась сравнительно свободой, но какъ скоро выходила замужъ, то обречена была на заключеніе, мало отличавшееся отъ того которое было въ обычаѣ у Мавровъ. „Не держи паклю около огня, не подпускай женщину къ мушкетѣ“, гласила пословица. „Я выходила изъ дому только къ обѣднѣ, рассказываетъ жена фермера въ романѣ Сервантеса, да и то въ сопровожденіи матери и служанокъ, густой вуаль покрывалъ меня съ ногъ до головы такъ что съ трудомъ могла я различать дорогу.“ Женщина проводила жизнь въ полнѣйшей праздности, не занималась никакими работами, да отъ нея и не требовали этого: достаточно было если оставалась вѣрна мужу,—лодь этимъ условіемъ охотно прощали ей капризы и вспышки гнѣва. „Ты кроткая голубка, говоритъ въ одной изъ

ловѣстей Сервантеса мужъ женѣ; правда, иногда ты превращаешься въ львицу, но вся твоя ярость изливается въ звонкой пощечинѣ и затѣмъ ты снова мягка какъ воскъ.“ Чтобы разсѣять безвыходную скуку сколько-нибудь знатныя и вообще зажиточныя дамы окружали себя толпой приживалокъ—молодыхъ дѣвушекъ дворянскаго происхожденія, дочерей бѣдныхъ родителей, которымъ не оставалось ничего болѣе какъ поступить въ монастырь или жить на хлѣбахъ у чужихъ людей. Съ ними коротали онѣ время въ злословіи, слетныхъ и мелочныхъ дразгахъ. Судьба этихъ затворницъ была незавидна: кормили ихъ плохо, одѣвали еще хуже, а нѣкоторыя, особенно горемычныя, подвергались даже и тѣлеснымъ наказаніямъ. Все это нисколько не мѣшало имъ однако быть въ очень близкихъ отношеніяхъ къ хозяйкѣ дома. Если много приходилось имъ терпѣть, то въ свою очередь вымещали онѣ злобу на невольницахъ. Рабство было давно распространено въ Испаніи, но въ прежнее время, между прочимъ еще при Карлѣ V, красивыя невольницы считались рѣдкостью; въ царствованіе же его преемника, когда съ одной стороны, послѣ возстанія въ Андалузіи, шелъ явный торгъ лѣвными Мавританками, а съ другой—можно было купить сколько угодно Италіянокъ лохощаемыхъ Турками и отдаваемыхъ ими для продажи Жидамъ, цѣна на этотъ товаръ значительно понизилась. Даже мелкіе дворяне позволяли себѣ эту роскошь. Нерѣдко несчастнымъ дѣлали мѣтки каменнымъ желѣзомъ на лицѣ чтобы легче можно было признать ихъ куда бы онѣ ни скрылись. Все это бросаетъ на домашнюю жизнь испанскаго общества далеко не привлекательный свѣтъ,—она не отличалась нравственными началами и даже лишена была того высшаго изящества которое составляетъ принадлежность цивилизованнаго общества. Такъ напримѣръ понятія о чистотѣ были совершенно чужды Испанцамъ XVI вѣка. Въ современной имъ Франціи женскій туалетъ, благодаря примѣру поданному Катериной Медичисъ, достигъ необычайной утонченности и вкуса, а испанскія дамы не только не заимствовали его, но извѣстны были даже какимъ-то непреодолимымъ отвращеніемъ къ банямъ и ваннамъ и предоставляли заботу о чистотѣ женщинамъ завѣдомо позорнаго поведенія. Но это нисколько не мѣшало имъ относиться съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ чужеземнымъ нравамъ и обычаямъ. Когда Филиппъ II посѣтилъ Англію, то сопровождавшія его герцогиня

Альба и дона Геронима Наваррекая только одинъ разъ появились при дворѣ королевы Маріи, ибо находили общество английскихъ дамъ не совѣмъ для себя приличнымъ (*pegse que les Anglaises sont de mauvaize conversation*). Да и что общаго могло быть между ними и Англичанками которымъ отчетъ о путешествіи Филиппа (*Viaje a Inglaterra*) ставилъ въ вину что онѣ „выходятъ изъ дома одѣвъ, съ открытымъ лицомъ и руками, гарцуютъ на лошадахъ съ такою же непринужденностью и ловкостью какъ самый опытный наѣздникъ и играютъ при гостяхъ на лютнѣ?“. Въ видѣ рѣдкаго, чрезвычайно рѣдкаго исключенія появлялись въ Испаніи женщины интересовавшіяся наукой, учавшіяся по-латыни, читавшія философовъ, но освободившись отъ гнета монотонной жизни и условныхъ приличій, онѣ неудержимо бросались въ противоположную крайность: примѣромъ можетъ служить Луиза Толедская, сочинившая книгу (*De arcanis amoris et veneris*), развратъ коей превосходить все что только можно придумать въ этомъ родѣ.

Въ галереѣ портретовъ выставленныхъ г. Фернереомъ читатель заинтересуется быть можетъ прежде всего дономъ Карлосомъ, судьба котораго привлекала и историковъ, и поэтовъ. Въ настоящее время никто уже не сомнѣвается что онъ не былъ пригоденъ для роли героя чувствительной драмы. Прескоттъ старался изобразить его такимъ какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, но только изъ очерка посвященнаго ему г. Фернереомъ получаемъ мы надлежащее о немъ понятіе. Несчастіе дона Карлоса заключалось въ тяжкихъ болязняхъ удручавшихъ его въ ранней юности и совершенно искавившихъ его характеръ. На одномъ изъ современныхъ портретовъ поражаетъ онъ мертвенною блѣдностью лица, опущенною головою, угасшимъ взоромъ; лихорадка мучила его неотступно, а противъ нея точно также какъ противъ всѣхъ почти болязней тогдашніе доктора знали лишь одинъ способъ лѣченія—кровопусканіе и слабительныя средства въ ужасающихъ размѣрахъ. Читая описаніе ихъ подвиговъ въ этомъ отношеніи, невольно удивляешься какою мощною натурой обладали люди которымъ удавалось уцѣлѣть любява въ ихъ рукахъ; но сынъ Филиппа II не отащался крикякимъ сложениемъ. Въ тому же случилось съ нимъ несчастіе: однажды вечеромъ, преслѣдуя по темной лѣстницѣ красивую дочь дворцоваго прираватника, онъ упалъ, причемъ проломилъ себѣ голову и парализована

была у него правая нога. Начались обычныя изстязанія: въ самый день несчастнаго происшествія вылучено было у него шесть унцій крови, на другой день восемь, чрезъ недѣлю столько же и т. д., а между тѣмъ на головѣ открылось рожистое воспаленіе. Король самъ привелъ ученаго Везале; по дѣлымъ даямъ просилъ оныя у больнаго, окруженный однадцатью докторами, которые улово отвѣргали совѣты Везале, а сами, когда истощилась вся ихъ мудрость, придумали еще одно средство: въ постель къ несчастному принцу положить былъ скелетъ умершаго за сто лѣтъ предъ тѣмъ повара одного изъ францисканскихъ монастырей, того самаго котораго въ послѣдствіи изобразилъ Мурильо на своей картинѣ, Везале услѣлъ однако сдѣлать операцію, послѣ которой довь-Карлосъ сталъ быстро поправляться, но врачи приписывали исцѣленіе его чуду, а никакъ не искусству своего оперника; тотъ вздумалъ было доказывать противное, и едва избѣгнулъ инквизиціи, особенно люлъ того какъ къ противникамъ его присоединился и король, обратившійся съ просьбой къ латѣ чтобы францисканскій поваръ былъ причисленъ къ лику святыхъ. Болѣзнь оставила однако неизгладимый слѣдъ на довь-Карлосѣ. Именно съ этого времени обнаруживаются въ немъ странности принимавшія нѣрѣдко чудовищный характеръ: на улицѣ, встрѣтивъ красивую женщину, даже изъ самыхъ знатныхъ, оныя бросался цѣловать ее и въ то же время называлъ ее „собакой“; боялся что умертвить малелькихъ дочерей своей мачихи, королевы Изабеллы, преслѣдуя ихъ самыми похосными ругательствами; щедрою рукой раздавалъ деньги и драгоценныя вещи своимъ придворнымъ и немилосердо колотилъ ихъ; пытался выбросить въ окно своего казначея, разрѣзать книжагомаго своего дворецкаго, давалъ пощечинъ главному камергеру. Однажды спитые для него башмаки оказались узки; оныя приказалъ разрѣзать ихъ на мелкіе куски, изжарить и заставить саложника съѣсть это кушанье. Алпетать его былъ изумителемъ. „Этотъ болѣзненный принцъ, пишетъ Катеринѣ Медичисѣ французскій посланникъ Форкво, силенъ только зубами; на даяхъ съѣлъ оныя заразъ тринадцать фунтовъ баранины.“ Болѣзненною прихотью довь-Карлоса было между прочимъ глотать жемчужины и брилліанты, такъ что продавцы которыхъ привывалъ оныя къ себѣ во дворецъ съ драгоценными вещами были очень рады если оныя яичего не покупалъ у нихъ, — лишь бы удавалось имъ унести все домой въ

сохранности. Змѣя бросилась на него въ саду, онъ убилъ ее и зубами оторвалъ ей голову. Онъ заставлялъ наказывать дѣтей въ своемъ присутствіи розгами и это доставляло ему большое удовольствіе, но вызывало противъ него жалобы доходившія иногда до короля. „Его величество, читаемъ въ современномъ документѣ, повелѣлъ выдать сто реаловъ Даміану Мартину, дочери коего были вышъчены по приказанію принца.“ Поступки донъ-Карлоса не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія что онъ страдалъ расстройствомъ умственныхъ способностей; иностранные дипломаты аккредитованные при Мадридскомъ дворѣ прямо говорили объ этомъ въ своихъ донесеніяхъ; многіе предполагали что этотъ недугъ былъ у него наследственный, такъ какъ онъ приходился роднымъ внукомъ королевѣ Хуанѣ Безумной, но въ настоящее время доказано что безуміе Хуаны отнюдь не было прирожденнымъ, что оно развилось въ ней вслѣдствіе испытанныхъ ею невыразимо жестокихъ гоненій; точно также и безуміе донъ-Карлоса объясняется болѣзнями измучившими его въ молодости и варварскимъ способомъ леченія, совершенно расстроившимъ его организмъ. Какъ бы то ни было, слѣдовало ожидать страшныхъ бѣдствій еслибы вступилъ онъ когда-нибудь на престолъ. Онъ вѣроятно напоминалъ бы собой Калигулу. Умопомѣшательство его отличалось изысканнымъ жестокосердіемъ, и вдругъ въ рукахъ такого-то человѣка очутилась бы судьба милліоновъ людей обитавшихъ почти во всѣхъ частяхъ свѣта...

Филиппъ сознавалъ свое несчастье, но до послѣдней минуты не терялъ надежды на исцѣленіе сына и старался скрыть его недугъ отъ публики, хотя съ теченіемъ времени это становилось все труднѣе. Скандальныя сцены происходившія во дворѣ служили предметомъ общихъ разговоровъ. По волю Филиппа донъ-Карлосъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ королевскаго совѣта, но безо всякаго толку вмѣшивался въ пренія, оскорблялъ министровъ, держалъ себя такъ что всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на него. Однажды, не взирая на присутствіе отца, онъ схватилъ за горло кардинала Эспинозу и воскликнулъ: „негодный монахъ, я убью тебя“. Король вслѣдствіи скрывалъ свои намѣренія относительно Фландріи предъ тѣмъ какъ задумалъ послать туда герцога Альбу, а донъ-Карлосъ разглашалъ повсюду все что было ему извѣстно на этотъ счетъ. Когда Альба явился откланяться ему, онъ хотѣлъ ударить его кинжаломъ, который тотъ съ трудомъ успѣлъ вырвать изъ

его рукъ. По этому поводу многіе историки, и въ томъ числѣ даже Прескоттъ, высказывали предположеніе будто онъ сочувствовалъ нидерландскимъ инсургентамъ: напротивъ, они должны были ожидать отъ него всего дурнаго для себя, и причина его раздраженія противъ Альбы объясняется единственно тѣмъ зачѣмъ герцогу, а не ему поручено было подавить возстаніе. Несомнѣныя данныя доказываютъ что выставать его человѣкомъ чуждымъ суеврїя, проникнутымъ идеями религіозной терпимости такъ же бессмысленно какъ говорить о нѣжкой привязанности которую будто бы питалъ онъ къ своей матери. Ему приписываютъ между прочимъ французскіе стихи адресованные къ ней, а онъ не зналъ ни одного слова по-французски.

Наконецъ король рѣшился принять мѣры. Онъ былъ тѣмъ необходимѣе что довъ-Карлосъ собирался бѣжать подъ вліяніемъ неотступной мысли что его преслѣдуютъ враги: онъ спалъ не иначе какъ одѣтый, имѣя постоянно при себѣ оружіе и запирая дверь особымъ замкомъ, секретъ коего зналъ лишь онъ одинъ. Мы не станемъ передавать здѣсь давно уже извѣстныхъ подробностей о томъ какъ Филиппъ поздно вечеромъ вошелъ въ комнату своего сына съ каской на головѣ и съ мечомъ въ рукахъ и самъ арестовалъ его. Немедленно вслѣдъ затѣмъ отправилъ онъ письма къ папѣ и къ бабкѣ принца, королевѣ Катеринѣ Португальской, въ которыхъ подробно объяснялъ причины заставившія его рѣшиться на подобный шагъ. Нѣтъ ни одного слова въ этихъ документахъ, найденныхъ въ послѣднее время и остававшихся неизвѣстными Прескотту, которое показывало бы что король хотѣлъ покарать сына за какой-нибудь проступокъ съ его стороны. „Распоряженіе мое, говоритъ онъ, не было вызвано ни преступленіемъ, ни недостаткомъ должнаго уваженія ко мнѣ. Еслибы дѣло шло о наказаніи, то оно ограничивалось бы болѣе или менѣе продолжительнымъ временемъ, а я не имѣю надежды чтобы сынъ мой измѣнился когда-нибудь. Ничто не въ состояніи помочь ему. Не было для меня другаго исхода какъ пожертвовать своею плотью и кровью, ибо интересы религіи и благо христіанскаго міра дороже для меня всякихъ человѣческихъ лобужденій.“

Было бы несправедливо обвинять Филиппа II. „Осудивъ на заточеніе своего сына, говоритъ г. Форнеронъ, онъ исполнялъ лишь долгъ относительно своихъ многочисленныхъ

подданныхъ, хотѣлъ избавить ихъ отъ случайности очутиться подъ неограниченною властью чудовища. Но какъ скоро долгъ исполненъ, зло устранено, то не естественно ли было бы ожидать что онъ обнаружитъ чувство состраданія? Дѣйствительно, вся вина донъ-Карлоса заключалась въ неизлечимой его болѣзни, и если такъ, то не возмутительно ли было видѣть что и отецъ и всѣ близкіе какъ бы совсѣмъ забыли о несчастномъ, которому отведена была комната въ одной изъ башенъ дворца, очень походившая на мрачную темницу? Носились слухи о попыткахъ уморить его тамъ медленнымъ ядомъ, но слухи эти, которые усердно распускалъ извѣстный секретарь Филиппа II Антонио Перейра, въ то время какъ велъ ожесточенную борьбу со своимъ господиномъ, не опираются ни на какихъ положительныхъ данныхъ. Да и зачѣмъ было прибѣгать къ такому средству когда самъ донъ-Карлосъ дѣлалъ все чтобы приблизить свой смертный часъ. Посланникъ Форкво доносилъ о немъ Катеринѣ Медичисъ: „Онъ льетъ въ огромномъ количествѣ воду со льдомъ и патоцкѣ и ночью, обкладываетъ себя въ постели льдомъ, ходитъ босыми ногами по намоченному имъ каменному полу, не ѣстъ по вѣсколку дней сряду, а потомъ съ жадностію набрасывается на пищу“.... Во всемъ этомъ нисколько не прельщивались ему, кажется съ вѣдома короля, который не хотѣлъ быть самъ виновникомъ его смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ нетерпѣливо ожидалъ чтобъ онъ сошелъ въ могилу, изъ боязни что если донъ-Карлосъ переживетъ его, то вступитъ на престолъ. Наконецъ эта минута наступила. Послѣ шестимѣсячнаго заключенія принцъ находился въ безнадежномъ положеніи. Онъ желалъ видѣть отца, но Филиппъ не только самъ не посѣтилъ его, но не дозволилъ этого и другимъ родственникамъ. Въ день похоронъ, на дворѣ Мадридскаго дворца, начался споръ между придворными о томъ какое кому слѣдуетъ занимать мѣсто въ процессіи: вдругъ показался въ окнѣ король который, говоритъ Форкво, „съ никогда не покидающимъ его хладнокровіемъ“, громкимъ голосомъ разъяснилъ главныя подробности церемоніала.

Хотя не было ничего загадочнаго въ судьбѣ донъ-Карлоса, публика была убѣждена однако что своимъ заточеніемъ и смертью онъ искупилъ какое-то совершенное имъ преступленіе. Носились слухи что инквизиція судила его, называли имена судей и утверждали что всѣ документы процесса

хранятся въ какой-то зеленой шкатулкѣ, *cofretillo verde*. Долго послѣ царствованія Филиппа II шкатулку эту можно было видѣть въ Саламанкскомъ государственномъ архивѣ, но никто не дерзалъ коснуться ея и даже между архивариусами почему-то господствовало убѣжденіе что тяжкая участь ожидаетъ всякаго кто осмѣлится проникнуть ея тайну. Такъ продолжалось до вторженія въ Испанію Французовъ при императорѣ Наполеонѣ: генераль Келлерманъ, въ тотъ самый день когда вступилъ онъ со своею кавалеріей въ Саламанку, приказалъ принести къ себѣ таинственный дарчикъ, открылъ его, и каково же было его удивленіе когда дѣйствительно нашелъ онъ въ немъ документы, но документы относившіеся къ процессу одного изъ секретарей герцога Лермы, котораго судили въ 1621 году. Лесажъ изобразилъ его въ своемъ *Жилблэзъ*. Странная развязка, пріурочившая трагическую судьбу сына Филиппа II къ судьбѣ человека извѣстнаго своими любовными похождениями...

Въ исторіи донъ-Карлоса уже можно подмѣтить нѣкоторыя черты характера его отца, которымъ особенно тщательно занялся г. Форнеронъ. Трудно указать другаго государя который, усвоивъ себѣ извѣстный идеалъ, посвятивъ себя всецѣло на служеніе ему, отличался бы такою нерѣшительностью и колебаніями когда нужно было ему осуществлять свои намѣренія. Это человекъ теорій, а не дѣйствія. Ничто не въ состояніи заставить его отказаться отъ предвзятой мысли и совершенно чужды ему соображенія о томъ что осуществить ее можно не иначе какъ путемъ страшныхъ бѣдствій; жалость ему незнакома,—онъ равнодушно читаетъ донесенія своихъ агентовъ о кровавыхъ мѣрахъ которыми они старались доставить услугъ его политикѣ, но было бы ошибочно принимать это за энергію. Твердость и стойкость проявлялись у него лишь въ головѣ, но не въ характерѣ. Напротивъ, его лугаетъ необходимость остановиться на какомъ-нибудь рѣшеніи, онъ постоянно откладываетъ его на неопредѣленное время, съ мучительными колебаніями взвѣшиваетъ аргументы за и противъ и почти всякій разъ упускаетъ удобную минуту. Отчужденный отъ всего міра сидитъ онъ въ своемъ дворцѣ окруженный кучами бумагъ и работаетъ неутомимо, работаетъ съ утра до ночи, но результаты этой неусыпной дѣятельности обнаруживаются съ паразитальною медлительностью. „Вотъ уже два мѣсяца, пишетъ французскій посланникъ, какъ король не

покидает своего кабинета; онъ измученъ работою, а между тѣмъ во всѣхъ дѣлахъ царитъ такая проволочка и замѣшательство что всѣ дѣшніе (*tous ceux qui resident ici*) приходить въ отчаяніе. „Эти жалобы не прекращаются въ теченіи всего царствованія.“ Что касается нашего монарха, говоритъ Гранвелла, то по обыкновенію все откладывается со дня на день и главная рѣшимость заключается лишь въ томъ чтобы во всѣхъ дѣлахъ оставаться постоянно нерѣшительнымъ (*et la principale résolution est de demeurer en toutes choses perpétuellement irresolu*). Регентша Нидерландовъ, принцесса Маргарита, тщетно проситъ инструкцій; по нѣскольку мѣсяцевъ сряду не получаетъ она отвѣта, а когда наконецъ инструкція приходитъ, то трудно уразумѣть изъ нихъ настоящія намѣренія короля. Послѣ страшнаго пораженія нанесеннаго Туркамъ въ Делантскомъ заливѣ Донъ-Хуанъ поглощенъ мыслью о томъ чтобы довершить свою побѣду,—онъ хочетъ двинуться къ Константинополю и сжечь остатки турецкаго флота; все обѣщаетъ успѣхъ, но не надо терять времени, а именно время не имѣетъ никакого значенія въ глазахъ Филиппа. Дѣло начатое Донъ-Хуаномъ такъ и осталось неоконченнымъ, потому что въ Мадридѣ цѣлые мѣсяцы обдумывали слѣдуетъ ли продолжать его. Король не выносилъ людей ожидавшихъ отъ него смѣлыхъ рѣшеній. Въ тѣхъ кого приближалъ онъ къ себѣ онъ ищетъ не таланта, не энергіи, а безпрекословнаго подчиненія своей волѣ; ему нужны не совѣтники, а рабы, и онъ прямо высказываетъ это. Если герцогъ Альба пользовался его расположеніемъ, то потому что у него было много съ нимъ общаго; и онъ всякій разъ когда представлялся важный вопросъ недоумывалъ съ какой стороны подступить къ нему. Прочтите, напримѣръ, подробное донесеніе его королю о побѣдѣ одержанной имъ надъ Лудовикомъ Нассаускимъ. Тутъ виденъ весь человѣкъ: сначала доказываетъ онъ что не надлежало бы вовсе давать сраженія; затѣмъ слѣдуютъ весьма убѣдительные аргументы что безъ сраженія нельзя было обойтись; далѣе говорится что лучше всего было бы преслѣдовать непріятельскую армію, ибо въ такомъ случаѣ вся она леложила бы оружіе, но герцогъ не сдѣлалъ этого потому что считалъ такой шагъ слишкомъ отважнымъ. Словомъ, и послѣ совершившагося событія, вмѣсто того чтобы гордиться своимъ успѣхомъ, онъ какъ будто не знаетъ хорошо

ли что оно совершилось. Но по крайней мѣрѣ было у него важное достоинство: если имѣлъ онъ опредѣленные приказанія, если заранѣе снималась съ него ответственность, то шелъ не останавливаясь ни предъ чѣмъ. Этого утѣшенія не было для Филиппа; никто не могъ приказывать ему, всѣ старались напротивъ угадывать его волю. „Нельзя не удивляться, лишьеть англійскій уполномоченный Чолломеръ, необычайному терпѣнью съ какимъ выслушиваетъ король все что ему говорятъ; во время бесѣды онъ дѣлаетъ замѣтки на бумагѣ, охотно принимаетъ мемуары и документы, но никогда не высказываетъ своего мнѣнія; не вырывается у него ни слова, ни жеста, которые нарушили бы обычную его флегму.“ Зная характеръ Филиппа, не удивительно что хотя онъ велъ много войвъ, но не любилъ войска; среди лагерь онъ чувствовалъ себя какъ-то не ловко, являясь въ немъ лишь по крайней необходимости и это не укрывалось ни отъ офицеровъ, ни отъ солдатъ. Какой-то престарѣлый воинъ подаль ему однажды бумагу, въ которой съ замѣчательною смѣлостью жаловался на нерасположеніе его къ арміи. „По какой причинѣ, говорилъ онъ, Испанцы, отличающіеся предъ всѣми другими своею доблестью, воинственностью и жаждою славы, только и помышляютъ теперь о спокойной жизни? Я вамъ объясню это, государь. Правительство перестало награждать людей храбрыхъ, добродѣтельныхъ и оказываетъ предпочтеніе трусамъ и лорочнымъ. Никогда еще Испанцы не дорожили такъ почестями какъ теперь, но видя что онѣ не достаются въ удѣлъ добродѣтели, тѣдятся свискать ихъ пороками. Чиновникъ находитъ средства обезлечить послѣ смерти своихъ дѣтей, но не случалось мнѣ еще видѣть чтобы у солдата остался кусокъ сукна которымъ можно было бы покрыть его въ гробу. А между тѣмъ кто выгналъ Мавровъ изъ Испаніи? кто завоевалъ итальянскія земли и усмирилъ Фландрію? Конечно не секретари съ ихъ бумагомараньемъ, не писцы съ ихъ чернильницей и не придворные съ ихъ расшаркиваньемъ.“

Если Филиппъ идетъ къ своей цѣли путемъ колебаній, не довѣряя себѣ и еще менѣе довѣряя другимъ, то самая цѣль какъ нельзя болѣе ясна для него. Онъ—одна изъ главныхъ опоръ католицизма въ Европѣ; нѣтъ такихъ средствъ которыя считалъ бы онъ предосудительными чтобы оградить католическую религію отъ опасностей; служа этому дѣлу онъ считаетъ себя избранныкомъ Верховнаго Промысла. Но именно потому что онъ

такого высокаго мнѣнія о себѣ, Филиппъ даже въ дѣлахъ церковныхъ какъ бы не призываетъ надъ собою высшаго авторитета. Ему неавиственна протестантская Англія, но онъ съ завистью смотритъ на права предоставленныя тамъ королевской власти относительно церкви, онъ безпрерывно вмѣшивается въ вопросы не подлежащіе его вѣдѣнію. „Я полагаю, лишеть онъ, что праздникъ Ангела-Хранителя слѣдовало бы перенести на первое марта. Надо сообразить не подобаетъ ли ввести въ богослуженіе въ честь Св. Анны акаѣистъ *Mulierem fortem*; обратить вниманіе на то что въ одномъ мѣстѣ Требника, напечатаннаго Платиномъ, говорится что при заулокѣйныхъ обѣдахъ должно произносить *lavabo inter innocentes* безъ *gloria Patri*, а въ другомъ что нужно вовсе исключить этотъ псаломъ.“ Римская курія сильно негодуетъ на Филиппа, но называя себя покорнымъ сыномъ папы, онъ не отказывается ни отъ одного изъ притязаній которыхъ Римъ не въ состояніи одобрить. Извѣстно что инквизиція пользовалась огромнымъ вліяніемъ въ XVI вѣкѣ,—она господствовала и въ Италіи, и въ Испаніи, но въ этой послѣдней странѣ имѣла совершенно особое назначеніе: задачей ея было служить орудіемъ короля для упроченія его супрематіи надъ духовенствомъ. Она свирѣлствовала главнымъ образомъ противъ духовныхъ лицъ, противъ писателей выходившихъ изъ ихъ среды; въ царствованіе Филиппа II осуждено было ею не менѣе тридцати пяти архіепископовъ и епископовъ. Какимъ недоброжелательнымъ взоромъ смотрѣли въ Римѣ на дѣла такого рода доказываетъ между прочимъ процессъ Караццы, архіепископа Толедскаго. Неудовольствіе короля вызвалъ онъ единственно тѣмъ что съ замѣчательною энергіей отстаивалъ права и независимость церковной власти: нужно было погубить его; явился дощикъ, какой-то монахъ, который находился въ комнатѣ Карла V, когда архіепископъ приготавливалъ императора къ смертному часу; по словамъ этого монаха, не трудно было замѣтить въ увѣщаніяхъ Караццы что онъ сомнѣвался въ существованіи чистилища. И вотъ архіепископъ арестованъ, посаженъ въ темницу, въ которой томится болѣе десяти лѣтъ. Всѣ поражены негодованіемъ и ужасомъ; Тридентскій соборъ отказывается принять письма Филиппа II до тѣхъ поръ пока не будетъ освобожденъ іерархъ; въ Римѣ торжественно одобряютъ катихизисъ сочиненный имъ; папа требуетъ чтобы дѣло было передано на его рѣшеніе и посылаетъ въ Испанію

трехъ судей, замѣчательныхъ между прочимъ тѣмъ что каждый изъ нихъ носилъ въ послѣдствіи тиару (Григорій XIII, Урбанъ VII и Сикотъ V); единогласно высказываются они въ пользу обвиняемаго, но Филиппъ прибѣгаетъ ко всякаго рода проволоккамъ, на которыя былъ великій мастеръ, чтобы не выпустить его изъ своихъ рукъ. Если такъ поступалъ онъ съ палой, то еще менѣе церемонилса съ иностранными правительствами, ходатайствовавшими за своихъ подданныхъ которые подвергались религіознымъ преслѣдованіямъ: у него всегда была отговорка что это дѣло инквизиціи, что инквизиція независима отъ него, тогда какъ она строго сообразовалась съ его волей. Долго веда она борбу даже съ орденомъ іезуитовъ, ненавистнымъ ей по той причинѣ что въ глазахъ этого ордена интересы Рима стояли неизмѣримо выше интересовъ Испанскаго двора, несмотря на всю его преданность католической религіи.

II.

Zeiten, Völker und Menschen, von Karl Hillebrand. Fünfter Band. Aus dem Zeit der Revolution.

Г. Гиллебрандъ не только публицистъ, но и историкъ. Много лѣтъ провелъ онъ во Франціи, занимая тамъ должность профессора въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, и внимательно изучилъ эту страну. Какъ иностранцу стоявшему вне партій и свободному отъ ихъ предразсудковъ и теорій, удалось ему въ своихъ сужденіяхъ о ней обнаружить замѣчательно тонкую и вѣрную наблюдательность, такъ что сами Французы относятся съ большимъ интересомъ ко всему что выходитъ изъ-подъ его пера. Нѣсколько времени тому назадъ познакомили мы нашихъ читателей съ капитальнымъ его произведеніемъ—исторіей царствованія Людовика-Филиппа, въ которой поразительными чертами изобразилъ онъ какой огромный вредъ причинили Франціи люди обширнаго ума и блестящихъ способностей задавшіеся несчастною мыслью будто конституціонныя учрежденія, пригодныя вслѣдствіе особыхъ условій лишь для Англіи, можно привить на совершенно чуждой имъ почвѣ. Въ высшей степени убѣдительно доказалъ онъ что пресловутый парламентаризмъ привлекавшій къ себѣ лучшія силы страны былъ не болѣе какъ миражемъ, не породилъ ничего прочнаго и полезнаго и

лишь дискредитировала значение верховной власти. Книга г. Гиллебранда произвела сильное впечатление во Франции, конечно только в тех ее кружках которые не работают ствуют предъ кодексомъ ходячихъ воззрѣній и понятій. Если и тамъ упрекаютъ его иногда что онъ не умѣетъ вполне освободиться отъ чувства національной вражды, то упреки эти кажутся намъ далеко не справедливыми. Авторъ горячо сочувствуетъ всему что способно отрезвить французское общество отъ утопій и вывести его на путь здраваго и плодотворнаго развитія. Въ подтвержденіе этого можно привести хоть слѣдующія строки изъ книги заглавіе коей выставлено нами выше: „Поколѣніе 1860 года—мы причисляемъ къ нему Французовъ родившихся въ періодъ времени отъ 1825 до 1835 года — можно упрекать въ разныхъ недостаткахъ; въ немъ мало энтузіазма, поэзіи, но оно обладаетъ великимъ достоинствомъ котораго не доставало его предшественникамъ, а именно стремленіемъ къ правдѣ. Поколѣніе это не обольщается громкими фразами, а ищетъ въ нихъ смысла; оно подвергаетъ критикѣ то что установилось по преданію; требуетъ дѣла, звонкой монеты, а не довольствуется формулами и ассигнаціями, не способно воодушевляться призрачными идеалами. Нельзя считать его ни легитимистскимъ, ни орлеанистскимъ, ни бонапартистскимъ, ни республиканскимъ, ибо для него всего важнѣе сильное и вѣрное интересамъ страны правительство какой бы ни носило оно ярыкъ. Оно напрягаетъ всѣ усилія чтобъ уразумѣть дѣйствительныя явленія жизни и сообразоваться съ ними, не подводя ихъ подъ тѣ или другія излюбленныя теоріи. Этотъ переворотъ совершился мало-помалу въ средѣ весьма достойныхъ людей, которые теперь вовсе не похожи на то чѣмъ они были еще недавно. Когда Максимъ Дюканъ (Maxime Du Camp) приступилъ къ своимъ изслѣдованіямъ о Парижѣ—о почтѣ, рынкахъ, госпиталяхъ, тюрьмахъ, проституціи, частной благотворительности, то раздѣляя всѣ крайнія предубѣжденія противъ полиціи и правительства вообще, укореившіяся во Франціи вслѣдствіе привычки смотрѣть на органы административной власти съ политической точки зрѣнія. Но лишь только присмотрѣлся онъ ближе къ дѣлу и сталъ шагъ за шагомъ слѣдить за распоряженіями администраціи, то предубѣжденіе его совершенно разсѣялось: онъ во всеуслышаніе отдалъ справедливость благотворной, неутомимой, исполненной самопожертвования,

часто даже геройской дѣятельности чиновниковъ, къ которымъ люди ублажающіе себя либеральнымъ фразерствомъ относятся съ высокомернымъ презрѣніемъ. Ему представилась, между прочимъ, возможность ознакомиться ближе съ героями баррикады, услѣвшимъ уже на его глазахъ низвергнуть два престола (Людвика-Филиппа и Наполеона III), и достаточно было этого знакомства чтобы внушить ему омерзѣніе къ нимъ. Я уломянулъ о Максимѣ Дюканѣ, но онъ принадлежитъ къ цѣлой группѣ людей, которые по своему рожденію, воспитанію, связямъ принадлежали къ демократическому лагерю, но не по какимъ-либо эгоистическимъ расчетамъ, а единственно изъ любви къ истинѣ и потому что внимательно изучаютъ дѣйствительность, стали теперь не на сторонѣ императора или республики, а на сторонѣ *правительства* вообще, то-есть на сторонѣ силы ограждающей существующій порядокъ вещей отъ агитаторовъ. Вотъ что исторія поставитъ въ заслугу поколѣнію 1860 года; если примѣръ людей о которыхъ идетъ рѣчь встрѣтитъ подражаніе, то Францію еще ожидаетъ славное будущее.“ Человѣка который разсуждаетъ такимъ образомъ, очевидно, никакъ нельзя залодозреть въ систематической враждѣ ко Французскому народу.

Кромѣ обширнаго своего произведенія, г. Гиллебрандъ писалъ много по историческимъ и литературнымъ вопросамъ и въ послѣднее время можно очень часто встрѣтить статьи его въ разныхъ нѣмецкихъ журналахъ. Иногда это просто отчеты о новыхъ книгахъ. Все что выходитъ изъ-подъ его пера отличается оригинальностью мысли, здравымъ сужденіемъ и замѣчательнымъ талантомъ. Отъ времени до времени онъ издаетъ эти малкіе очерки отдѣльными книгами, которыхъ вышло теперь уже пять. Говорить о всѣхъ нихъ было бы слишкомъ долго, а потому мы остановимся лишь на послѣдней.

Г. Гиллебрандъ помѣстилъ въ ней этюды относящіеся ко времени предшествовавшему революціи 1789 года и непосредственно слѣдовавшему за ней. Тутъ прежде всего останавливаетъ вниманіе краткая біографія Монтескьё, начертанная авторомъ на основаніи известной книги Віана. Онъ почти не касается произведеній знаменитаго писателя, говорить о нихъ лишь вскользь, а главнымъ образомъ задался мысляю изобразить его личность, его положеніе въ обществѣ и въ магистратурѣ, которая имѣла въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ представителей. „Французская магистратура совершенно перерождается въ настоящее время, говорить

авторъ. Виновицей того была вторая имперія и это конечно одна изъ самыхъ плачевныхъ ея ошибокъ, доказавшая какъ мало было историческаго смысла у Наполеона III. Въ этомъ отношеніи онъ далеко не походилъ на своего великаго дядю, который, напротивъ, сдѣлалъ все возможное чтобъ обезлечить магистратуръ, послѣ того какъ устранилъ онъ всякое вмѣшательство ея въ политику, значительное общественное положеніе, приобретаемое лишь преданіемъ. Окруженная почетомъ, она пользовалась также и независимостью. Все это рушилось вслѣдствіе наплыва въ магистратуру выскочекъ, одушевляемыхъ не сословнымъ, а исключительно личнымъ честолюбіемъ: что для нихъ сословіе, въ которомъ они сами смотрятъ на себя какъ на пришельцевъ? Республканцы пошли еще далѣе по пути указанному Наполеономъ. Теперешнее поколѣніе имѣетъ понятіе о старинной французской магистратурѣ лишь по разказамъ. Еще какихъ-нибудь тридцать лѣтъ назадъ, точно такъ же какъ во время Монтеस्कь, судьи въ каждой провинціи были почти всегда ея уроженцами; должности эти, не переходившія конечно по наслѣдству, приобретаемыя не деньгами, а заслугами, какъ бы считались достоинствомъ извѣстныхъ фамилій; занималъ ихъ лишь тотъ кто обладалъ значительными матеріальными средствами, служившими ручательствомъ его независимости. Въ настоящее время преданія объ этой независимости, обширномъ классическомъ образованіи, высокомъ чувствѣ собственнаго достоинства утрачиваются все болѣе, а чисто внѣшняя важность служить плохую ихъ замѣной.“ По своему образу мыслей г. Гиллебрандъ не можетъ не питать особеннаго сочувствія къ Монтеस्कь, а потому физіономія этого писателя, за которымъ слѣдитъ онъ въ его ученыхъ занятіяхъ и свѣтскихъ развлеченіяхъ, въ его путешествіяхъ по Италіи, Голландіи и Англіи вышла чрезвычайно привлекательною. Тутъ выразились всѣ лучшія стороны г. Гиллебранда—его умѣнье останавливаться на мѣткихъ характеристическихъ чертахъ, широта его взгляда и блестящій языкъ. Очень интересенъ также этюдъ о маркизѣ Альбергати, интересенъ уже потому что написанъ онъ по поводу отличающейся большими достоинствами, но мало извѣстной италіанской книги. Предъ нами тиль Италіянецъ знатнаго происхожденія, который томится жаждой дѣятельности, но не можетъ удовлетворить ее потому что въ родинѣ его Болоньѣ всѣ должности заняты

исключительно духовными лицами; не имѣя таланта, бросается онъ въ литературу, находится въ близкихъ сношеніяхъ съ Гольдони, Баретти и другими писателями, благоговѣть предъ Вольтеромъ, старается рабски подражать ему, хочетъ свое помѣстье превратить въ своего рода Ферней, устраиваетъ тамъ театръ и самъ разыгрываетъ на немъ плохія комедіи, которыя плодятся съ изумительною быстротою. Изъ біографіи Альбергати видно какимъ образомъ французское вліяніе отражалось на Италіи XVIII вѣка, отражалось не только въ области литературы, но и въ общественныхъ нравахъ. Знатныя фамиліи усваивали философію энциклопедистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и утонченный развратъ двора Лудовика XV. И въ этомъ отношеніи маркизь Альбергати былъ достойнымъ представителемъ своего времени: самъ пала расторгнулъ первый его бракъ; онъ женится вторично, но заложивъ въ убійствѣ своей жены и поладаетъ въ тюрьму; выпущенный на свободу спѣшитъ онъ избрать подругой жизни балетную танцовщицу. Похожденіями своими онъ могъ вообще поспорить съ любыми изъ героевъ французской скандальной хроніки.

Но для насъ гораздо любопытнѣе, конечно, статья посвященная г. Гиллебрандомъ перепіскѣ императрицы Екатерины съ Гриммомъ, вышедшей подъ редакціей Я. К. Грота. Авторъ судитъ очень строго „министра-резидента и chargé d'affairesъ европейскихъ державъ при французскомъ общественномъ мнѣніи“, какъ называлъ Гримма Сень-Бѣвъ. Многие современники отзывались невыгодно объ его характерѣ, и корреспонденція о которой идетъ рѣчь вполнѣ подтверждаетъ, по мнѣнію г. Гиллебранда, ихъ приговоръ. Императрица, при всемъ своемъ расположеніи къ нему, возмущалась его угодничествомъ, раболѣпиемъ и давала замѣтить это ему самому. „Давно уже извѣстно мнѣ, пишетъ она, что вы счастливы лишь когда находитесь вблизи, около, впереди или позади какого-нибудь нѣмецкаго высочества“.. „Послушайте, Souffre-Douleur, говоритъ она получивъ мемуаръ его подъ заглавіемъ *Екатерина съ ея подвигахъ* (Catherine dans ses exploits), вѣдь, право, не позволительно хвалить такъ людей безо всякой мѣры“. Гриммъ, знавшій лично императрицу и находившійся долгое время въ постоянной перепіскѣ съ нею, мало понималъ ее. Въ одной изъ книжекъ *Revue des deux mondes* за прошлый годъ Оссонвилъ напечаталъ его письмо, въ которомъ онъ говоритъ что цѣлью императрицы было „подкопать

основы деспотизма (!) въ Россіи, породить въ подвластных ей народахъ чувство свободы“ и что въ этомъ отношеніи политика ея имѣла много общаго съ тою которую преслѣдоваль Неккеръ! Оправданіемъ для этого страннаго сужденія можетъ служить развѣ то что письмо было адресовано къ женѣ Неккера, предъ которымъ Гриммъ всегда считалъ нужнымъ разсыпаться въ похвалахъ. „Гриммъ, говоритъ г. Гиллебрандъ, производитъ впечатлѣніе отличнаго комедіанта, котораго Французы никогда не умѣли разгадать надлежащимъ образомъ. Онъ самъ говорилъ о себѣ что у него французское сердце и нѣмецкій умъ,—фраза очень красивая, которая какъ будто даетъ понятіе о человѣкѣ, а въ сущности не означаетъ ровно ничего. Онъ усвоилъ себѣ солдацкое нѣмецкое образованіе, что давало ему сравнительно важное преимущество надъ окружавшими его французскими философами; онъ вполнѣ владѣлъ французскою формою, чѣмъ производилъ благопріятное для себя впечатлѣніе въ Германіи; былъ изворотливъ и тщеславенъ, но изворотливость была у него гораздо сильнѣе чѣмъ тщесловіе; никогда не жертвовалъ онъ дѣйствительными выгодами для удовлетворенія своего честолюбія. На него можно было положиться въ личныхъ сношеніяхъ какъ на всякаго хорошаго дѣловаго человѣка; онъ привлекалъ своею услужливостію, но нерѣдко обнаруживались въ немъ и совершенно противныя этимъ свойства. Французы удивлялись безпристрастію, объективности его критики, и дѣйствительно ему какъ иностранцу было гораздо легче чѣмъ имъ не поддаваться духу партій, тѣмъ болѣе что онъ отличался искусствомъ не возбуждать противъ себя вражды; если же являлся у него врагъ, то онъ уже не щадилъ его, какъ можно убѣдиться изъ его отзывовъ о Руссо. Онъ не былъ такимъ непогрѣшимымъ критикомъ какъ еще теперь считаютъ его Французы, но достаточно изоцирилъ свой вкусъ на античной литературѣ чтобъ умѣть сразу замѣтить и оцѣнить все дѣйствительно изящное.“

Г. Гиллебрандъ безусловно восторгается Екатериной. Вполнѣ вѣрно говоритъ онъ что обнаруженные недавно письма ея къ Гримму—письма отличающіяся совершенною непринужденностію, чуждыя всякаго сочинительства—доказали еще разъ сколько богатыхъ и разнообразныхъ даровъ соединялось въ ней. Она сдѣлалась до такой степени русскою что трудно даже подмѣтить ея чужестранное происхожденіе; природа какъ

будто нарочно создала ее для Россіи. „Я люблю лишь еще не вполнѣ воздѣланныя земли, говоритъ она Гримму; повѣрьте что это лучшія изо всѣхъ; тысячу разъ повторяю я вамъ что гоюсь только для Россіи; нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣчается *sancta natura*, все такъ манерно и искусственно...“ Но отстранившись совершенно отъ своего прежняго отечества Екатерина зорко слѣдила за такими явленіями въ немъ значеніе коихъ было недоступно людямъ непосредственно соприкасавшимся съ ними. Г. Гиллебрандъ изумляется между прочимъ вѣрности ея взгляда на успѣхи нѣмецкой литературы и на великое значеніе ожидавшее эту литературу въ будущемъ. Въ этомъ отношеніи она стояла неизмѣримо выше Фридриха II. Извѣстно что Фридрихъ еще въ молодости своей пожелавъ ознакомиться съ метафизикой Христіана Вольфа заставилъ перевести ее для себя на французскій языкъ, хотя переводчикъ Сумъ и доказывалъ ему что „языкъ нѣмецкій пригоднѣе французскаго для изложенія философскаго мышленія, несравненно богаче терминами и не допускаетъ двусмысленныхъ толкованій“. Фридрихъ остался такимъ до конца своихъ дней. На сожалѣнія Гримма по этому поводу Екатерина отвѣчаетъ: „Что вы хотите? Онъ уже усвоилъ извѣстный складъ ума, видитъ мало людей, а если и встрѣчается съ ними, то говоритъ самъ, а другіе должны слушать; никто не смѣетъ противорѣчить ему, ибо всѣ его боятся. Къ тому же и дѣта: въ 1740 году мы были молоды, а теперь уже нѣтъ.“ Екатерина имѣла основательное понятіе объ учебномъ дѣлѣ въ Германіи, слѣдила за устройствомъ тамошнихъ университетовъ, гимназій, народныхъ училищъ, читала замѣчательнѣйшихъ авторовъ, причѣмъ слѣдуетъ однако замѣтить что представители новой школы, Лессингъ, Гердеръ, Гёте и Шиллеръ были незнакомы ей. По крайней мѣрѣ она не уломинаетъ о нихъ въ письмахъ къ Гримму. Происходило это вѣроятно потому что въ своемъ выборѣ полагалась она главнымъ образомъ на приговоры *Allgemeine Deutsche Bibliothek*, которую издавалъ Николан. Иногда даже въ своемъ восхищеніи нѣмецкими авторами идетъ такъ далеко что ставитъ ихъ неизмѣримо выше Французовъ, которые по ея словамъ съ тѣхъ поръ какъ умеръ Вольтеръ „не могутъ похвалиться ни однимъ замѣчательнымъ произведеніемъ“.

Всѣ этюды о которыхъ говорили мы до сихъ поръ обни-

маютъ время до Французской революціи. Слѣдующему затѣмъ періоду посвящено нѣсколько очерковъ, между которыми особенно замѣчательны: *1789 годъ, гѣса Релюза и Наполеонъ Бонапарте, Меттернихъ*. Первый изъ нихъ составленъ на основаніи извѣстнаго сочиненія Тэна. Нечего и говорить что г. Гиллебрандъ достойнымъ образомъ оцѣнилъ великую заслугу французскаго автора. „Кто не жилъ во Франціи, говоритъ онъ, кто не знаетъ какимъ идолопоклонствомъ окруженъ тамъ переворотъ 1789 года, кому неизвѣстно какою нетерпимостью, какими предубѣжденіями отличается общественное мнѣніе въ этой странѣ, тому трудно составить себѣ надлежащее понятіе, сколько требовалось мужества со стороны г. Тэна чтобы высказать извѣстныя идеи. Нужна была рѣдкая безупречность его характера, репутація его добросовѣстнаго, основательнаго ученаго, смѣлаго мыслителя и независимаго человѣка чтобы отважиться на подобную ересь, да и то кажется это чѣмъ-то невѣроятнымъ.“ Какъ извѣстно, очень многіе готовы помириться съ воззрѣніями Тэна на якобинцевъ, но чего не прощаютъ ему, такъ это приговоры его объ „идеяхъ 1789 года“ и о конституантѣ, стремившейся осуществить эти идеи. Почти всякій, даже наиболѣе просвѣщенный Французъ убѣжденъ что конституціоанальное собраніе облагодѣтельствовало послѣдующія поколѣнія, установивъ основы того политическаго и гражданскаго строя которыя остаются незыблемы и до сихъ поръ. Съ этой точки зрѣнія задача Наполеона I не представляла будто бы особенныхъ трудностей, онъ шелъ по проложенному пути и лишь формуловалъ то что было подготовлено до него. Чтобы провѣрить въ какой мѣрѣ справедливо подобное сужденіе г. Гиллебрандъ сопоставилъ сочиненіе Тэна съ вышедшею недавно книгой Эдмонда Блана (*Napoleon I, ses institutions civiles et administratives*): онъ слѣдитъ за преобразованіями Наполеона въ области администраціи, законодательства, юстиціи, народнаго просвѣщенія, финансовъ, и повсюду встрѣчается съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ что если конституанта 1789 года превратила Францію въ *tabula rasa*, подорвала и разрушила все что было установлено въ этой странѣ вѣками, то не завѣщала почти ровно ничего что могло бы служить руководящею нитью для Наполеона, къ чему онъ могъ бы приурочить свои учрежденія. Безполезно было бъ ему искать указаній для себя въ ея дѣятельности,—заслуга его

состояла въ томъ что онъ услѣлъ, насколько допускали измѣнившіяся обстоятельства, возвратити Францію къ ея стариннымъ преданіямъ. Въ этомъ отношеніи роль его все еще не достаточно оцѣнена до настоящаго времени. Мы знаемъ теперь что такое была революція, но Наполеонъ еще ждетъ историка который разъяснитъ какимъ образомъ онъ спасъ Францію отъ послѣдствій революціоннаго разгрома. Человѣкъ котораго нельзя кажется заподозрити въ пристрастіи къ нему, герцогъ Броль, министръ Лудовика-Филиппа и другъ Гизо, говорилъ о немъ: „Онъ извлекъ французское общество, если можно такъ выразиться, изъ болота, очистилъ почву отъ развалинъ, возстановилъ семейство, собственность, цивилизацію“, словомъ, все что было разматано благодаря теоріямъ 1789 года.

Не останавливаясь на другихъ этюдахъ г. Гиллебранда, замѣтимъ только что почти каждый изъ нихъ содержитъ много что заставляетъ съ пользою задуматься читателя.

P.

Библиографическій указатель.

Издательская дѣятельность обыкновенно начинается съ септября мѣсяца. Въ виду этого мы предполагаемъ давать читателямъ перечень книгъ сколько-нибудь останавливающихъ на себѣ вниманіе. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ С.-Петербургѣ вышли въ свѣтъ слѣдующія книги:

Путешествіе пилигрима въ небесную страну и духовная война, аллегорическій разказъ Джона Буньяна съ объясненіями и 105 картинами. Переводъ съ англійскаго Ю. Д. З. Сочиненіе издано безъ предварительной цензуры.

Сборникъ новѣйшихъ свѣдѣній о вооруженныхъ силахъ европейскихъ государствъ, составленъ подъ редакціей генералъ-майора П. Л. Лобко, управляющаго дѣлами Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба и полковника П. О. Щербова-Нефедовича, старшаго дѣлопроизводителя канцеляріи того же комитета. Изданіе Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба.

Русская тля за границей. Двадцать семь очерковъ рисующихъ жизнь нашихъ соотечественниковъ-фланеровъ въ Парижѣ и Италіи, Н. А. Полова.

В. Стоюницъ. *Историческія сочиненія. Часть II. Пушкинъ.*

Сочиненія Ксенофонта, въ пяти частяхъ, перевелъ съ греческаго Г. А. Янчевскій. II. *Воспоминаніе о Сократѣ. Методика*. Съ примѣчаніями и указателемъ.

Полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго, съ портретомъ и биографіей автора, составленною Н. А. Благовѣщенскимъ. Четвертое изданіе.

Престолъ и монастырь. Историческій романъ въ двухъ частяхъ, изъ русскихъ лѣтописей XVII вѣка. Петра Полетаева. Изданіе второе.

Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко. Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Курсъ артиллеріи. Устройство артиллеріи и ручнаго оружія. Составивъ для военныхъ училищъ В. Пашкевичъ.

Il y a un quart de siècle de В. М. Маркévitch. Переводъ извѣстнаго романа *Четверть вѣка назадъ*.

Вооруженныя силы Англии. Составилъ генераль-лейтенантъ А. П. Горловъ. Изданіе Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба.

Общепонятная гигиена. Основы здравохраненія общественнаго и личнаго, съ указаніемъ на устройство и жизненныя отправления человѣческаго тѣла, происхожденіе и общее теченіе болѣзней и подачу первой помощи въ случаяхъ угрожающихъ жизни. Съ 98 рисунками и тремя приложениями. Доклада гигиены при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ доктора медицины Ир. Скворцова. Сочиненіе удостоено большой преміи императора Петра Великаго при лѣтомъ присужденіи ея въ 1879 году Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Неизданныя разказы И. А. Куцевскаго.

Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей М. Драгомирова 1856—81 г. т. II.

Религія и современное знаніе. Міровѣдѣніе. Книга втораго выпуска.

Откликъ. Литературный сборникъ въ пользу студентовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ города С.-Петербурга.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. X.

Русская Христожатія. Составилъ А. Галаховъ. Изданіе 18е безъ перемѣнъ, въ двухъ томахъ.

Долгъ. Сочиненіе Самуэля Смайльса, переводъ съ англійскаго С. Майковой.

Запросы жизни. Романъ М. И. Красова (Л. Е. Оболенскаго). Изданіе журнала *Мысль*.

Др. Феликса Нимейера *Руководство къ частной патологіи и терапіи.* Вновь обработалъ Др. Е. Зейтцъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Др. В. В. Святловскаго. Часть 2я.

Кульсъ и обпныя вещества во время лѣченія кульсомъ. Исслѣдованія доктора-химика И. Биля.

Л. Моупас. *Общая патологія и діагностика, съ рисунками въ текстъ.* Переводъ со 2го французскаго изданія слушательницы женскихъ врачебныхъ курсовъ М. Валицкой, подъ редакціей Др. В. В. Святловскаго.

Основы физическихъ методовъ лѣченія Др. Россбаха, переводъ съ нѣмецкаго Др. В. Е. Святловскихъ.

Народныя чтенія. Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ. Рейбота. Съ двумя раскрашенными картинками. Изданіе второе учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной комиссіи народныхъ чтеній.

Важнѣйшіе годы всемірной исторіи. Пособіе при повтореніи курса всеобщей и русской исторіи. Составилъ Н. Д. Новолашевный.

Славянская грамматика съ изборникомъ. П. Перевальскаго. Изданіе одиннадцатое.

Происхожденіе артикула воинскаго и изображенія процессовъ Петра Великаго по уставу воинскому 1716. Историческое изслѣдованіе П. О. Бобровскаго. Изданіе второе.

Стихотворенія Василія Ивановича Туманскаго (1817—1839).

Записки по анатоміи и физиологіи человека. Приготовительный курсъ для воспитанницъ С.-Петербургскаго родовспомогательнаго заведенія. Составилъ профессоръ Э. Ф. Биддеръ.

Вырѣзываніе рака. (Операція профессора Билльбота.) Переводъ съ нѣмецкаго Др. Е. Ильина.

Очеркъ развитія ученія о воспаленіи. Изъ лекцій общей хирургической патологіи доцента Н. Круглевскаго.

✓ *Путешествіе А. Э. Норденшельда вокругъ Европы и Азии на пароходѣ „Вега“ въ 1878—1880.* Выпускъ третій. Перевели со шведскаго С. И. Барановскій, профессоръ И. Александровскаго университета и Э. В. Коргандеръ.

Курсъ исторіи русской литературы. Составилъ М. А. Орловъ. Выпускъ первый (до Пушкинскаго періода).

Ансмалии рефракціи и аккомодации глаза, профессора А. Нагеля. Руководство для студентов и врачей. Передѣлка съ нѣмецкаго Дг. В. И. Добровольскаго. Изданіе второе.

Теорія проеціи по програмѣ военныхъ гимназій. Составилъ А. Фроловъ.

Родина. Сборникъ для класснаго чтенія А. Радонежскаго. Изданіе 8е.

Старая Индія. Забѣтки на хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина. И. Минаева.

Стихотворенія В. И. Нежировича-Данченка.

Очерки съверо-западной Монголіи. Результаты путешествія исполненнаго въ 1876—1877 годахъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества членомъ-сотрудникомъ снаго Г. Н. Потанинымъ. Выпускъ I. *Дневникъ путешествія и матеріалы для физической географіи и топографіи С.-З. Монголіи*. Съ картою и 4 таблицами рисунковъ.

Словарь писателей древняго періода русской литературы IX—XVII вѣка (862—1700). Перечисленіе и разборъ ихъ сочиненій и переводовъ, краткія біографическія данныя. Безыменные произведенія. Событія русской и церковной исторіи, имѣвшія связь съ литературой. Библиографія. Составилъ А. В. Арсеньевъ, подъ редакціей О. Э. Миллера, проф. Импер. С.-Петербур. Универс.

Отечественная исторія въ связи со всеобщую (среднюю и новую). Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ хронологической таблицы. Составилъ С. Рождественскій. Изданіе седьмое.

Счетоводство земскихъ и городскихъ управъ по тройной русской системѣ предлагаемой Федоромъ Езерскимъ. Часть II. Систематическіе счета.

Протоколы комитетовъ созванныхъ въ іюль 1881 по заводскимъ и земскимъ конюшнямъ Государственнаго Коннозаводства. За рубежомъ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедринъ).

Таинственный Монахъ. Историческій романъ изъ жизни Петра I, въ 3 частяхъ. Р. М. Зотова. Пятое исправленное изданіе.

Библиотека современныхъ писателей. Деревенская неурядица. Глѣба Успенскаго. Томы I и II.

Продолженіе алфавитно-систематическаго каталога библиотеки Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. 1865—1880. Составилъ В. Э. Иверсень.

На льсопильнѣ или свят. день воскресный. Изданіе Н. Р. К. Дубровскій. *Общедоступные физическіе приборы.*

На Волгѣ. Повѣсти и разказы. В. Н. Андреева-Бурлака. *Выращиваніе крупнаго рогатаго скота и уходъ за нимъ.* Профессора Ф. Прота. Переводъ-извлечение съ нѣмецкаго. В. Ковалевскаго.

Жизнь за Океаномъ. Очерки религіозной, общественно-экономической и политической жизни въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Сочиненіе А. Лолухина.

Въ Москвѣ въ теченіе сентября изданы слѣдующія книги: *Жельзнодорожный Календарь на 1881—82 годъ.* Изданіе А. Гольцянина.

Мой вкладъ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки Н. А. Любимова, профессора Московскаго Университета. Т. I. *Университетскій Вопросъ.*

Этимологія русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій. (Примѣнительно къ правописанію.) Составили А. Курличниковъ и Ф. Гуляровъ. Изданіе 16е.

Учебникъ клинической и оперативной хирургіи. Д-р. Э. Альберта, съ 600 рисунковъ. Переводъ подъ редакціей В. И. Кузьмина.

Дѣтмязъ отъ 7 до 9 лѣтъ. Изданіе Ергольской.

Орланская Дѣва. Либретто. Музыка Чайковскаго. Второе изданіе.

Исторія ампутацій и консерватизма въ хирургіи конечностей. Пробная лекція А. А. Боброва, на званіе приватъ-доцента хирургіи. Читана въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 3 марта 1881 года.

Азбука правописанія. Сборникъ примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи правописанія, для диктовки съ приложеніемъ краткаго орографическаго указателя. Составилъ Д. Тихомировъ, инспекторъ школъ Московскаго Благотворительнаго Общества.

Краткій учебникъ географіи. Курсъ III. Европа. Составилъ И. Явчинъ. Изданіе 4е.

Букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Составили Д. и Е. Тихомировы. Изданіе 8е.

Творенія иже во святыхъ отца нашего Ефрема Сирина. Часть первая. Изданіе третье.

Азбука, священника В. Никольскаго. *Дядюшка Пахомъ.* Приложеніе къ этой азбукѣ. Изданіе пятое.

Терновый вѣнецъ надъ гробомъ въ Бозѣ почившаго Царя-Освободителя Александра II и восшествіе на престолъ Государя Императора Александра III.

П. М. Россинскій. *Нравственность какъ источникъ общественнаго богатства.*

Le livre de l'enfance ou lecture du premier âge par Théodore Courtener. Изданіе 27е.

Уставъ Австро-Венгерскаго вспомогаельнаго Общества въ Москвѣ.

Deutsche Literaturgeschichte im Auszuge für russische Schulanstalten von, Dr. E. V. Schmidt.

Нюма Руместанъ. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго.

Сборникъ распоряженій Департамента таможеннаго сборовъ о прилженіи привозныхъ товаровъ по таможенному тарифу по 1 августа 1881 года. Составилъ казначей Московской таможни Б. И. Котовичъ.

Самочитель высшей школы верховой пѣды, составленный Бейеромъ. Изданіе 2е.

Книга для духовно-нравственнаго чтенія и первоначальнаго наставленія въ Законъ Божіемъ, составленная протоіереемъ Платономъ Аѣицкимъ. Изданіе 16е.

Всеподанныйшій отчетъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Сергѣя Соловьева. Томъ XXIII. Изданіе второе.

Викторъ Шербюлье. *Черные и красные.* Романъ. Переводъ съ французскаго.

Сочиненія В. Бѣлинскаго. Часть первая. Изданіе пятое.

Пособіе къ чтенію и изученію Гомера. Составилъ Веркгаултъ. I. *Одиссея.* Выпускъ десятый. Пѣсьнъ десятая. Изданіе второе.

Въ Перми издана книга подъ заглавіемъ *Пермская летопись съ 1263 — 1881. Первый періодъ съ 1263 — 1613.* Составилъ директоръ народныхъ училищъ Пермской губерніи Василій Шиповко.

Въ Самарѣ напечатано сочиненіе: *О современномъ лучшемъ устройствѣ и ремонтѣ частей локомотивовъ и тендеровъ.* Технолога 1го разряда Л. Зелихмана.

Въ Ригѣ изданъ *Dr. Martin Luther's Kleiner Katechismus.*

Въ Кронштадтѣ начатъ печатаніемъ переводъ съ англискаго

извѣстнаго сочиненія Макъ-Карти: *Исторія нашего времени отъ вступленія на престолъ королевы Викторіи до Берлинскаго конгресса, съ 1837 по 1878 годъ.* Въ настоящее время вышель въ свѣтъ первый томъ этого сочиненія.

Въ Кронштадтѣ же напечатанъ сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ: *Подъ впечатлѣніемъ минуты.* (Изъ альбома Сагадуиро).

Въ Вильнѣ напечатана книжка подъ заглавіемъ: *Первоначальныя основанія еврейской вѣры.* Въ трехъ частяхъ, составленныя С. И. Финномъ.

Въ Костромѣ изданъ четвертый выпускъ *Материаловъ для статистики Костромской губерніи*, подъ редакціей секретаря губернскаго статистическаго комитета В. Пирогова.

Въ Ярославлѣ напечатаны слѣдующія книги:

И. Тарасовъ. *О значеніи вѣры и знанія въ жизни.* Публичныя лекціи.

Родбертусъ. *Исслѣдованія въ области національной экономіи классической древности.* Переводъ съ нѣмецкаго. Д. Невекаго, подъ редакціей профессора И. Тарасова. Выпускъ I.

Теорія конституціонализма и самоуправленія Рудольфа Гнейста. А. Назимова.

А. Борзенко. *Материалы по желѣзнодорожнымъ вопросамъ.* I. *Желѣзныя дороги въ Англіи, Франціи и Россіи.* II. *Приложенія:* 1) концессіи и уставы желѣзнодорожныхъ обществъ въ Россіи по времени ихъ утвержденія. 2) Законъ Швейцарскаго союза о залогѣ и о принудительномъ взысканіи съ желѣзныхъ дорогъ, 24 іюля 1874 года. 3) Предварительный проектъ имперскаго желѣзнодорожнаго закона.

Гражданскія ограниченія желѣзнодорожныхъ предприятий. Часть первая. Право вещное. Сравнительно-законодательное исслѣдованіе Александра Борзенко.

При семъ № прилагается объявленіе для всѣхъ подписчиковъ отъ конторы Англійскаго агентства А. Л. ШТУММЕРЪ, въ Москвѣ.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНИЯ. Романъ Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877 — 78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Браддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВЪРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сень-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фонбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РЪКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1882 года.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1882 году, стоить въ Москвѣ, безъ доставки ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстнаго бульвара.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входяція въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англию, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. 18 р.

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

О ПОДПИСКѢ

НА

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

1882 года.

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1882 году ежедневно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными праздниками, но въ случаѣ полученія важныхъ новостей имѣютъ и въ эти дни выходить особыя прибавленія. По понедѣльникамъ (кромѣ слѣдующихъ за табельнымъ праздникомъ или за двумя праздничными днями) издается полный листъ газеты, но безъ передовыхъ статей.

Въ 1882 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и болѣе, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣщенія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты не помѣщается. Желавшіе получать газету съ этими прибавленіями платятъ особо, какъ означено ниже.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара.

Подписныя цѣны за *Московскія Вѣдомости* въ 1882 году слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, ВЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	4 р. 50 к.	На 3 мѣсяца.....	6 р.
„ 6 мѣсяцевъ.....	9 „ — „	„ 6 мѣсяцевъ.....	10 „
„ 12 „.....	14 „ 50 „	„ 12 „.....	16 „ 50 к.

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЙ ЧЕРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦИИ,
И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА ИМПЕРІИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	5 р. 50 к.	На 3 мѣсяца.....	7 р. 25 к.
„ 6 мѣсяцевъ.....	10 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ.....	12 „ — „
„ 12 „.....	17 „ — „	„ 12 „.....	19 „ 50 „

* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почти 16% подписной цѣны (съ доставкой) и сверхъ того плата за бандероль и печатный адресъ.

Цѣна для заграничныхъ подлищиковъ:

	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англiю, Францію, Австрію, Бельгію, Германию, Грецію, Данию, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію и Северо-Американскіе Соединенные Штаты	8 р.	14 р.	26 р.
	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
	9 р.	15 р.	28 р.

Въ иностранныя государства выше не упомянутыя подписка принимается по соглашенію съ редакціей.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ, по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; для частныхъ лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи, 7 руб. при подпискѣ, 7 руб. въ концѣ марта и 3 руб. 1 августа. Подписчикамъ не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ высылка газеты прекращается.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца и не далѣе какъ до конца года.

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ и во всѣхъ привислинскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроки; 10 р. въ годъ безъ казенныхъ объявленій, 12 р. въ годъ съ казенными объявленіями; 6 р. за полгода безъ казенныхъ объявленій и 7 р. за полгода съ казенными объявленіями.

Доплата почтовыми марками не допускается.

Редакція проситъ иногородныхъ подлищиковъ присылать адреса *четко* написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи въ которой раздаются газеты подписчикамъ*, а при пережвѣнъ адреса прилагать 10 к.

РУССКАЯ МИССИЯ ВЪ КАБУЛѢ

ВЪ 1878—79 ГОДУ *

V.

На томъ берегу Аму меня ждалъ небольшой конвой изъ афганскихъ всадниковъ.

Начальникъ этого конвоя Махметъ-шахъ сейчасъ же рекомендовался мнѣ и представилъ въ мое распоряженіе разбитыя на берегу палатки. За „кебабошъ“, обычнымъ афганскимъ угощеніемъ, сержантъ разказалъ мнѣ что онъ только-что прибылъ изъ Бадахшана, куда ѣздилъ изъ Мазари-Шерифа, по приказанію Лейлаба, для сопровожденія „кернала“ Матвѣева. Собесѣдникъ мой казался очень разговорчивымъ и поэтому я разспросилъ его какъ о путешествіи полковника Матвѣева, такъ и о современныхъ политическихъ новостяхъ въ Афганистанѣ. Но мой собесѣдникъ, сообщившій мнѣ подробно о всемъ движеніи полковника Матвѣева по Бадахшану, о лазаніи въ сѣвѣгахъ Фейзабада и проч., на вторую часть моихъ разспросовъ отвѣчалъ или полнымъ незнакоміемъ, или весьма неопредѣленно.

* Окончаніе. См. № 9 *Русскаго Вѣстника*.

Было около 12 часовъ дня когда послѣдній каравъ переправился съ остальною частью моего вьючаго обоза, простиравшагося, замѣчу кстати, до 25 вьючныхъ лошадей. Надо было торопиться въ путь. На берегу вочевать не представлялось удобнымъ, а ближайшее селеніе по направленію къ Мазари-Шерифу находится отъ берега верстахъ въ 50. Притомъ же дорога пролегаетъ по самой безотраднѣйшей песчаной пустыни избороденной высокими сыпучими барханами (хомами). Пустыня эта представляетъ длинный языкообразный заливъ безбрежной Арало-Каспійской песчаной степи,—заливъ, тянущійся на многія сотни верстъ параллельно южному берегу Аму. И какой контрастъ представляетъ эта полоса смерти съ узкою лентой зеленѣющихъ береговъ Аму! Здѣсь у Пота-Гюзара эта зеленѣющая лента особенно широка на южномъ берегу рѣки, рѣзко ограниченная желтою каймой песковъ. На пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ здѣсь лѣсъ, правда изъ уродливыхъ низкорослыхъ тополеи и колючки, перемежается съ довольно обширными тростниковыми лугами. Странно что на такомъ повидимому удобномъ мѣстѣ нѣтъ поселенія. Не слѣдуетъ ли искать объясненія этого явленія въ существованіи здѣсь знаменитыхъ въ Средней Азии аму-дарьинскихъ москитовъ, а можетъ-быть и лихорадокъ?

Мой караванъ вытянувшійся длиною зигзагообразною линіей быстро прошелъ лѣскомъ и тростниками и вскорѣ потерялся въ песчаныхъ буграхъ. Около 8 часовъ вечера я добрался до желанной вочевки. Селеніе Сіагирдъ въ настоящее время представляетъ жалкія развалины бывшаго здѣсь когда-то обширнаго города. Нѣскольکو узбекскихъ семействъ занимаютъ два, три караванъ-сарая, съ величайшимъ трудомъ поддерживая постоянно заносимый пескомъ узкій арыкъ (каналъ) проточной воды, проведенный сюда изъ рѣки Балха. Развалины покрываютъ мѣстность на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ. Нѣкоторыя зданія еще хорошо сохранились, такъ что уцѣлѣла внутренняя штукатурка; но это по всей вѣроятности постройки позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ стѣны ихъ сдѣланы изъ битой глины. Напротивъ, древнѣйшія зданія были построены изъ обожженаго кирпича, которымъ нѣкоторыя мѣста устланы особенно густо. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ устроены каменоломни, т.-е.

собственно добыча жжеваго кирлича изъ обрушившихся очень обширныхъ зданій. Я не замѣтилъ здѣсь ни одного изразца.

Отсюда до Мазари-Шерифа около 30—40 верстѣ. Половину этого пространства занимаетъ та же пустынная степь, но песчаные холмы здѣсь уже очень низки и немногочисленны. Около 11 часовъ дня 9 декабря сквозь туманную дымку прорѣзались два лазоревые кулола гробницы Алія, мѣсто улокоенія котораго мѣстные мусульмане приурочиваютъ къ этому городу. Гробница служитъ мѣстомъ поклоненія многочисленныхъ пилигримовъ мусульманства, которые ежегодно стекаются сюда со всѣхъ концовъ Средней Азіи. Путешествіе сюда считается за половинное путешествіе до Мекки.

Сзади кулоловъ и темной массы садовъ съ каждымъ шагомъ впередъ выростали предо мной уже знакомые мнѣ горные склоны Пароламиза. Въ нѣсколькихъ верстахъ до города новый афганскій конвой присоединился къ моей кавалькадѣ. Въ то же время мы свернули на западъ, обошли городъ съ сѣверо-запада и вышли на знакомую уже мнѣ Балхскую дорогу. На вопросъ мой обращенный къ Махметъ-шаху, зачѣмъ пришлось намъ сдѣлать такой обходъ, онъ отвѣтилъ что та дорога которую мы оставили пролегаетъ по базару, гдѣ всегда много толлится разнаго народа: было бы неудобно и опасно ѣхать по ней для иностранцевъ, хотя бы и Русскихъ. „Вы не знаете, поясняя Махметъ-шахъ, какъ много въ нашей сторонѣ дурныхъ людей, для которыхъ ничего не стоить сдѣлать вамъ какой-либо вредъ, неприятность, а я отвѣчаю своею головой за всякое лихо могущее случиться съ вами“. Хотя я и сомнѣвался въ справедливости такого объясненія, но не счелъ нужнымъ настаивать на продолженіи пути по главной дорогѣ.

Во время проѣзда по узкимъ, извилистымъ улицамъ города я былъ пораженъ тѣмъ какъ бы гробовымъ спокойствіемъ которое царило повсюду. Два-три Узбека встрѣтившіеся на пути торопливо свернули въ сторону, боязливо оглядываясь на мощъ охранителей. Тѣмъ же менѣе эти мои „охранители“, вѣроятно для большаго эффекта, обнажили шашки и образовали около меня кругъ, точно мнѣ угрожала опасность внезапнаго нападенія. Обогнувъ дворецъ Лейнаба и примыкавшія къ нему солдатскія казармы я въѣхалъ въ знакомое помѣщеніе миссіи. •

Знакомая обстановка вызвала старыя пережитыя чувства. Я замѣтилъ однако здѣсь кое-что новое. На корѣ одного изъ великолѣпныхъ чинаровъ крупными буквами была вырѣзана надпись „Н. Гродековъ съ 7 по 19 октября 1878.“ На матово-зеленой бархатистой корѣ соотвѣднаго болѣе молодого чинара замѣчалась другая очень коротенькая надпись „П. М. 18²⁸_{VI}78“. Первая надпись не нуждается въ комментаріяхъ, вторую же должно было читать: полковникъ Матвѣевъ въ 1878 году 23 ноября. Обѣ надписи были позамазаны глиной. Очень можетъ быть что садовникъ, во избѣжаніе возможной порчи дерева, замазалъ раны нанесенныя имъ путешественниками.

Въ этотъ же день вечеромъ я узналъ самыя свѣжія и въ высшей степени интересныя новости. Мой караванъ-баши Намиръ ханъ *, котораго я посылалъ изъ Ширабада впередъ, успѣвалъ побывать на городскомъ базарѣ и у своихъ знакомыхъ, которыхъ онъ имѣетъ едва ли не въ каждомъ средне-азіатскомъ городѣ, узнавалъ слѣдующее: „Въ Кабулѣ стало жить не хорошо. Эмиръ Ширъ-Али-ханъ послалъ сюда своихъ женъ и дѣтей. Недавно между Афганцами и Англичанами была битва, далеко за Джелалабадомъ; въ этой битвѣ убито 700 Афганцевъ.“ Значитъ военныя дѣйствія со стороны Англичанъ уже начались. Значитъ правъ былъ генералъ Кауфманъ, когда, прощаясь со мной, говорилъ мнѣ: „Когда вы прійдете въ Кабулъ, война Афганцевъ съ Англичанами по всей вѣроятности будетъ въ полномъ разгарѣ“. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ англо-афганскомъ кровавомъ столкновеніи я надѣялся получить отъ Лейнаба-хашъ-дилъ-хана, которому я намѣревался сдѣлать визитъ на другой день, то-есть 10 декабря.

10 декабря я однако не могъ видѣть Лейнаба, такъ какъ онъ экстренно выѣхалъ въ Ташъ-Курганъ для встрѣчи семейства эмира Ширъ-Али-хана. Свѣдѣнія эти я получалъ уже не съ базарныхъ улицъ; объ этомъ говорили чиновники Лейнаба, говорилъ объ этомъ Моисимъ-ханъ, пришедшій ко мнѣ съ визитомъ и пробѣсѣдовавшій со мной добрыя три

* Это замѣчательный человекъ, родомъ Афганецъ, но уже нѣсколько лѣтъ находящійся на русской службѣ, владѣющій четырьмя языками: афганскимъ, индійскимъ, персидскимъ и турецкимъ.

часа. Онъ даже высказалъ предположеніе что и самъ „эмиръ-саибъ“ весьма вѣроятно прійдетъ сюда въ Мазари-Шерифъ. Изъ всѣхъ этихъ сообщеній очевидно было что афганскія войска дѣйствительно потерпѣли пораженіе и притомъ настолько серьезное что эмиръ долженъ былъ принять чрезвычайныя мѣры предосторожности. Я думалъ что если онъ высылаетъ семейство изъ Кабула, то значитъ Кабулу угрожаетъ опасность занятія Англичанами. Если же онъ и самъ намѣревается выѣхать изъ Кабула, то значитъ опасность до такой степени велика что нѣтъ ни малѣйшихъ шансовъ для успѣшной борьбы съ наступающими англійскими войсками. Я даже предположилъ взрывъ революціи въ Кабуль противъ эмира, что могло быть устроено партией сторонниковъ Англичанъ и Якубъ-хана. Предположеніе это, какъ потомъ оказалось, было совершенно вѣрно. Нельзя было не задуматься также о положеніи нашей миссіи, которое во всякомъ случаѣ не могло быть удобнымъ по весьма понятнымъ причинамъ.

Вслѣдствіе отъѣзда Лейнаба, я долженъ былъ пробыть нѣсколько дней въ Мазари-Шерифѣ. Безъ разрѣшенія Лейнаба я не могъ сдѣлать ни шага впередъ. Чиновники его предполагали что онъ возвратится дней черезъ пять, шесть. Скуку свидѣній въ стѣнахъ дворца въ продолженіе означеннаго срока я думалъ уменьшить изученіемъ персидскаго языка и собираніемъ свидѣній какъ объ Афганскомъ Туркестанѣ, такъ и вообще объ Афганстанѣ, а особенно о настоящихъ его политическихъ обстоятельствахъ. Вскорѣ у меня открылась амбулаторія для туземныхъ больныхъ, охотно начавшихъ посѣщать ее. 12 декабря я узналъ подробности столкновенія и дальнѣйшаго движенія англійскихъ войскъ. Я узналъ что Али-Месджидъ взятъ штурмомъ, заняты Дакка и Дальпуръ, и что южный англійскій корпусъ очень подвинулся къ Камдагару, а нѣкоторые говорили что этотъ городъ уже занятъ, что впрочемъ оказалось невѣрнымъ, такъ какъ Камдагаръ былъ занятъ только 25 декабря.

Вечеромъ того же дня возвратился Лейнабъ. Это для меня было очень важно. Я предполагалъ послѣ визита тотчасъ же отправиться въ дальнѣйшій путь, но по пословицѣ „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“, только 14 декабря я увидѣлъ Лейбана, а уѣхалъ изъ Мазари-Шерифа только 24го.

Визитъ отданный мною ему имѣлъ уже обычную для меня обстановку. Лейлабъ привалъ меня въ парадномъ костюмѣ, во главѣ своихъ помощниковъ. Предъ террасой дворца была выстроена полурота гвардейцевъ съ ружьями на караулъ. Мои казаки въ своихъ балахахъ и походномъ платьѣ выстроенные тоже у этой террасы составляли съ нами рѣзкій контрастъ.

Сначала нашъ разговоръ имѣлъ чисто официальный характеръ. Я прежде всего осведомился о здоровьѣ эмира Ширъ-Али-хана, здоровьѣ его, Лейлаба, и о благополучіи государства; передалъ ему поклонъ членовъ афганской миссіи находившейся въ Ташкентѣ и т. п. Затѣмъ я приступилъ къ дѣлу. Я выразилъ желаніе поскорѣе отправиться въ Кабуль. Но тутъ являлась обычная въ Афганистанѣ для всѣхъ путешественниковъ точка съ запятой. Лейлабъ выразилъ категорическій, хотя и вѣжливый отказъ въ разрѣшеніи мнѣ отправиться въ Кабуль. „Я самъ лично, говорилъ Лейлабъ, не имѣю права дать вамъ разрѣшенія ѣхать въ Кабуль. Это разрѣшеніе можетъ дать вамъ только самъ эмиръ-саибъ; а потому вамъ необходимо подождать отвѣта изъ Кабула на мое доносеніе отправленное уже два три тому назадъ. Очень вѣроятно что черезъ 5—6 дней отвѣтъ получится здѣсь.“

Понятно что подобный отвѣтъ меня не удовлетворилъ, и я настаивалъ на безотлагательномъ отвѣздѣ. „Я ѣду къ русской миссіи, говорилъ я, которая имѣетъ честь быть уже знакомою не только вамъ, но и эмиру-саибу и даже всему Афганистану. Я самъ членъ этой миссіи, часть ея, и слѣдовательно не нужно мнѣ никакого отдѣльнаго дозволенія ѣхать въ Кабуль. Дозволеніе это не нужно еще и потому что я ѣду по приглашенію и просьбѣ самого эмира Ширъ-Али-хана. Значитъ въ этомъ приглашеніи было уже заранѣе дано дозволеніе на мое слѣдованіе въ Кабуль.“ Лейлабъ съ этимъ былъ совершенно согласенъ, но тѣмъ не менѣе не могъ отпустить меня въ Кабуль. „Вы не знаете, говорилъ онъ, и потому я долженъ вамъ сказать что за самостояте я отвѣчаю головой предъ эмиромъ-саибомъ. Поэтому я васъ убѣдительно прошу подождать здѣсь эти пять, шесть дней. По полученіи отвѣта эмира-саиба вы можете-быть и сами добровольно откажетесь отъ поѣздки въ Кабуль.“ При этомъ онъ присовокупилъ что кромѣ того и дорога въ горахъ неисправна, появляются

разбойники, и онъ, Лейлабъ, бѣится какъ бы не случилось во время пути со мной что-либо недоброе. Я шута поблагодарилъ его за его заботы о моей безопасности и, указавъ на моихъ молодцовъ-казаковъ, нарочно подобранныхъ на отборъ, сказалъ что съ моими десятью казаками я въ состоянiи справиться съ цѣлою сотней какихъ угодно хищниковъ. Видя однако непреклонное упрорство Лейлаба и сознавая всю справедливость мотивовъ этого упрорства, отвѣтственность предъ эмиромъ, я не настаивалъ болѣе на своемъ немедленномъ отъѣздѣ. Затѣмъ я предупредилъ его что обо всемъ случившемся, а равно и о задержанiи меня въ Мазари-Шерифѣ, я доложу буду написать туркеставскому генералъ-губернатору. Лейлабъ просилъ не дѣлать этого, а подождать письма отъ эмира. Когда я собрался уходить, онъ просилъ не сердиться на него, Лейлаба, такъ какъ онъ и радъ бы все для меня сдѣлать, да не можетъ.

Итакъ въ переспективѣ у меня была остановка въ Мазари-Шерифѣ на цѣлую недѣлю. А время не терпѣло безплодныхъ проводочекъ. До сихъ поръ стояла исключительно благопрiятная, ясная, теплая погода. 16 декабря напримѣръ въ 7 часовъ утра было $+2^{\circ}$ Р., а въ полдень въ тѣни $+14,5^{\circ}$ Р. Общее мнѣнiе туземцевъ было таково что нужно было ждать переменъ погоды; что обыкновенно въ это время бывають болѣе значительные холода или, что чаще, постоянные дожди. Та или другая переменъ погоды одинаково была неудобна для меня, имѣвшаго намѣренiе перевалить Гиндукушъ въ такое время когда перевалы считаются трудно доступными, а то даже и совсѣмъ закрытыми. По свѣдѣнiямъ англійскихъ путешественниковъ (напримѣръ Бёрса) перевалы закрыты для движенiя вьючныхъ обозовъ съ конца ноября или начала декабря по апрѣль мѣсяць. Значитъ если я имѣлъ намѣренiе достигнуть Кабула въ декабрѣ мѣсяць, то до извѣстной степени рисковалъ, и этотъ рискъ могъ обратиться въ положительное veto при малѣйшей переменѣ погоды къ худшему.

18 декабря въ Мазари-Шерифѣ прiѣхала жена (валидѣ) эмира Ширъ-Али-хана со всѣмъ семействомъ. Обозъ ея составлялъ около 3.000 вьючныхъ животныхъ, кромѣ того при немъ было десять слоновъ. Весь караванъ сопровождается былъ многочисленнымъ отрядомъ подъ начальствомъ сердаря Абдуль-хана, того самаго который встрѣчалъ русскую миссию

въ июль мѣсяцѣ. Страшная судьба выпала на долю этого маститаго старика. Въ сороковыхъ годахъ онъ скитался въ дикихъ горахъ Кохистана, съ отцомъ настоящаго эмира Достъ-Магометъ-ханомъ, послѣ низверженія его Англичанами; теперь же онъ опять принужденъ былъ бѣжать изъ Кабула съ семействомъ сына Достъ-Магометъ-хана и опять отъ огня и меча Англичанъ.

Прошло уже нѣсколько дней какъ я приготовлялъ письма въ Ташкентъ и вообще въ Россію, но отсылка ихъ подъ разными предлогами все отсрочивалась, — то Лейнабъ былъ нездоровъ, то занятъ предстоящимъ приемомъ царственной семьи, то одно, то другое, со своими же людьми я не могъ послать письма, такъ какъ не имѣлъ лишннихъ. Теперь я уже положительно узналъ что эмиръ Ширъ-Али-ханъ выѣхалъ изъ Кабула и находится въ дорогѣ.

Это частное извѣстіе подтвердилось получениемъ мною 20 декабря офціального извѣстія * эмира Ширъ - Али - хана. Письмо это было помѣчено станціей Дуабъ, 15 декабря. Въ письмѣ сообщалось что эмиръ Ширъ-Али-ханъ въ настоящее время долженъ былъ выѣхать изъ Кабула, возмездіе непріязненныхъ дѣйствій со стороны Англичанъ, что теперь онъ, эмиръ, ѣдетъ въ Ташкентъ, откуда, получивъ русскія войска, снова возвратится въ Кабулъ и съ помощію ихъ прогнать изъ Афганистана Англичанъ. Поэтому онъ проситъ доктора, то-есть меня, подождать въ Мазари-Шерифѣ его прибытія въ этотъ городъ. Я передаю письмо дословно и отказываюсь отъ объясненія его содержанія. Выѣстъ съ этимъ я получилъ нѣсколько писемъ и отъ членовъ миссіи. Генералъ Разгоновъ сообщалъ что мое письмо, посланное изъ Мазари-Шерифа, онъ получилъ въ Руп 16 декабря, свое же письмо помѣтилъ 19 декабря станціей Саядъ. Описавъ въ началѣ письма ходъ военныхъ дѣйствій Англичанъ съ Афганцами, разрѣшившійся занятіемъ англійскими войсками всего Хайберскаго прохода, со включеніемъ Лальмура, а также занятіемъ Шутуръ-Гарденскаго перевала, прдвинувшаго англійскій авангардъ на сорокаверстовое разстояніе къ Кабулу, генералъ Разгоновъ сообщалъ мнѣ что въ настоящее время эмиръ

* Къ сожалѣнію это письмо утеряно мною еще въ Афганистанѣ во время тяжелаго перехода по песчаной пустынь.

Ширъ-Али-ханъ, оставивъ правителемъ въ Кабулѣ своего сына, Магометъ-Якубъ-хана, самъ ѣдетъ въ Ташкентъ и можетъ-быть и далѣе въ Россію. Къ этому онъ прибавлялъ что, несмотря на объявленный миромъ 15 ноября хаззавать, дѣла афганской арміи плохи и Кабулу грозитъ неминуемое занятіе Англичанами. Въ заключеніе онъ увѣдомлялъ меня что чрезъ нѣсколько дней миссія надѣется увидаться со мною въ Мазари-Шерифѣ, гдѣ я и долженъ ожидать ее.

24 декабря я опять получалъ письмо отъ генерала Разгонова, въ которомъ онъ меня приглашалъ пріѣхать въ Ташъ-Курганъ, гдѣ эмиръ намѣревался пробыть нѣсколько дней. Почти всю ночь этого числа я провелъ въ дорогѣ и на слѣдующій день утромъ присоединился къ миссіи. Безъ отдыха за одинъ переходъ я сдѣлалъ около 70 верстъ.

Интересное зрѣлище представляли члены миссіи, когда я ихъ увидѣлъ послѣ четырехмѣсячной разлуки. Нѣкоторые изъ нихъ по вѣщности совершенно походили на Афганцевъ. Дѣло въ томъ что когда миссія отправлялась въ Кабулѣ въ май 1878 года, то все путешествіе ея въ Афганистанѣ и пребываніе въ немъ было разчитано генераломъ Столѣтовымъ на два мѣсяца. Повято что при такомъ разчетѣ не представлялось никакой надобности брать съ собою теплую одежду, которая могла только обременять наши очень скудные перевозочныя средства. Между тѣмъ миссіи пришлось пробыть въ Кабулѣ четыре мѣсяца, и теперь, въ зимнее время, надо было переходить перевалы въ 13.000 ф. высоты. Въ кителяхъ и лѣтвихъ пальто ѣхать было невозможно, несмотря на то что въ эту зиму стояла исключительно теплая погода. Всаждствіе этого на нѣкоторыхъ членахъ миссіи я увидѣлъ полный афганскій костюмъ и рѣшительно на всѣхъ афганскія мохнатыя шубы; всѣ казаки были одѣты въ кабульскіе полушубки. Длинная шелковистая шерсть бараньихъ шкуръ, изъ которыхъ сдѣланы шубы, сдѣлали бы честь даже нашимъ знаменитымъ „романовскимъ“ овчинамъ, а дубка ихъ до такой степени изящна, нѣжна, что я рѣдко видѣлъ подобную обработку на русскихъ обыкновенныхъ овчинахъ. Всѣ шубы расшиты шелкомъ и нѣкоторыя очень красиво, съ затѣливыми рисунками.

VI.

Съ своимъ прїѣздомъ миссія вздохнула свободнѣе. Отъ нея она получила телую одежду, деньги, разныя вещи, книги, газеты, чай, сахаръ, табакъ и т. д.

Праздникъ Рождества Христова былъ для насъ двойнѣмъ праздникомъ. Я сообщилъ ташкентскія новости, мнѣ сообщили кабульскія. По разказахъ миссіи дѣло Афганъ было совсѣмъ потеряно въ смыслѣ успѣха военныхъ дѣйствій въ начавшуюся кампанію. Ближайшіе аванпосты англійскихъ войскъ находились всего въ 40 верстахъ отъ Кабула. Кроме того англійскія войска могли обойти Кабулъ съ юга и, выйдя на Газалійскую дорогу, пройти въ Майданъ. Кабулъ былъ бы совершенно отрѣзанъ отъ Туркестана, такъ какъ въ это время года только Бамьянскій путь оставался свободнымъ отъ снѣга, Кушанскій же перевалъ былъ уже недоступенъ для проѣзда. Тогда эмиръ былъ бы взятъ въ Кабулъ какъ въ клѣткѣ. Омъ это однако замѣтилъ и, какъ ни сильно было его желаніе дать генеральное сраженіе Англчанамъ подъ стѣнами Кабула, омъ долженъ былъ, по примѣру своего отца, удалиться изъ него въ послѣдній олаотъ—въ Туркестанъ.

Увѣзая, эмиръ Ширъ-Али-ханъ задумалъ убить за одинъ разъ двухъ зайцевъ: омъ освободилъ Якубъ-хана и сдѣлалъ его правителемъ Кабула. Этимъ поступкомъ омъ хотѣлъ привлечь на свою сторону сильную партію Якубъ-хана. Отправляясь въ Туркестанъ, омъ думалъ проѣхать далѣе въ Россію, о чемъ и увѣдомилъ генерала Кауфмана, слуга нѣсколько дней по выѣздѣ изъ Кабула. Самый выѣздъ изъ Кабула былъ похожъ на бѣгство. Это совершенно лоятно, такъ какъ эмиръ въ послѣднее время сильно возставовилъ противъ себя кабульское населеніе. Нужда въ деньгахъ для войны съ Англчанами заставила его прибѣгнуть къ принудительнымъ займамъ у кулцовъ: у солпротивавшихся и отказывавшихъ въ ссудѣ имущество конфисковалось, а сами они иногда даже выводились къ позорному столбу и приковывались гвоздями за уши къ двумъ стойкамъ на нѣсколько часовъ. Занятіе Англчанами всей Курумской долины, Хайберскаго прохода и части Кабульской долины

вызвало эмиграцію Афганъ изъ занятыхъ мѣстностей въ Кабулѣ. Такимъ образомъ здѣсь оказалось крайнее скученіе людей. Скоро оказался недостатокъ въ продовольствіи, вызвавшій общую дороговизну. Массы голодныхъ людей наполняли базары и улицы. Вскорѣ открылись эпидемическія болѣзни, жертвой которыхъ сдѣлался немалый пришлый людъ. Аборигенамъ также жилось трудно. Со дня на день ожидали появленія подъ стѣнами города красныхъ мушкетеровъ. Болѣе состоятельныя и знатныя лица отправляли свои семейства или въ Кахистанъ или въ Туркестанъ. Кабульскій рынокъ переполнился рабами, которыхъ ихъ господа продавали часто за сущую бездѣлицу. Такъ напримеръ кафирскій мальчикъ продавался за 10—60 рупій.* Помянуто что общее бѣдствіе жителей Кабула не могло не отразиться на популярности эмира, побудивъ его удалиться изъ Кабула.

Наша миссія выѣхала вмѣстѣ съ нимъ. Къ счастью зима въ этотъ годъ была необыкновенно теплая. Всѣ перевалы черезъ Гиндукушъ по Бамьянскому пути были почти свободны отъ снѣга, что конечно много облегчало трудности пути. Однако многія горныя рѣчки были скованы льдомъ.

Изъ Бамьяна 8 декабря 1878 года генералъ Разгоновъ послалъ генералу Кауфману письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ начальника Туркестанскаго края что эмиръ Ширъ-Али-ханъ выѣхалъ изъ Кабула въ Туркестанъ, но что онъ не разчитываетъ остаться въ немъ на болѣе или менѣе продолжительное время, а думаетъ проѣхать въ Ташкентъ, а можетъ-быть даже и въ Россію. Цѣль этой поѣздки просить Русское правительство оказать ему, эмиру, помощь. Письмо это было получено въ Ташкентѣ около 16 декабря, то-есть тогда когда уже Англичане дали Русскому правительству завѣреніе что независимость Афганистана будетъ сохранена. Это обѣщаніе Англич., сообщенное въ

* Я думаю что наша миссія напрасно упустила прекрасный случай приобрести нѣсколько индивидуумовъ этой загадочной еще расы. Если отъ этого удерживало нравственное чувство, то это было совершенно ложно понятое чувство, такъ какъ въ данномъ случаѣ люди не покупались, а выкупались изъ рабства. Будучи куплены миссіей, они тѣмъ самымъ уже дѣлались людьми свободными.

Ташкентъ телеграммой отъ 4 декабря, было получено миссией только около 20 декабря.

Между тѣмъ 24го декабря эмиръ получилъ донесеніе отъ Якубъ-хана о занятіи Англичанами Джелалабада. Выходило такъ что Англичане увѣрили насъ о сохраненіи независимости Афганистана, а въ самомъ Афганистанѣ продолжали хозяйничать и занимали городъ за городомъ.

26 декабря я имѣлъ аудіенцію у эмира Ширъ-Али-хана. Аудіенція длилась 3¼ часа. Послѣ первыхъ привѣтствій, приправленныхъ обычными на Востоку метафорами и complimentами, эмиръ Ширъ-Али-ханъ очень обстоятельно говорилъ о своемъ настоящемъ положеніи, о своей распрѣ съ Англичанами и о своей рѣшенной уже поѣздкѣ въ Россію, чтобы „просить великаго Русскаго Царя о защитѣ противъ Англіи“. „Предъ войной Англичане всячески старались задобрить меня“, говорилъ эмиръ, — „давали мнѣ деньги, оружія; обѣщали даже увеличить мои владѣнія; но я это всего отказался и предпочелъ дружбу съ Россіей ихъ обѣщаніямъ. Я знаю что значатъ эти обѣщанія и подарки. Исторія съ индійскими владѣніями слишкомъ поучительна, чтобы закрывать на нее глаза. Теперь пусть Англичане знаютъ что я передаю ключи отъ Индіи дружественной мнѣ Россіи.“

Затѣмъ эмиръ спрашивалъ меня о политическихъ новостяхъ, объ отношеніяхъ Россіи къ Турціи, и проч. Долгое время также онъ говорилъ о выдающихся историческихъ лицахъ Россіи, о Петрѣ Великомъ, которому эмиръ положительно поклонялся, объ Александрѣ I, о Николаѣ I и о современныхъ дѣятеляхъ — князѣ Бисмаркѣ, канцлерѣ Горчаковѣ и другихъ. Было замѣтно что эмиръ хотѣлъ дать понять что ни исторія, ни политика Европы ему не безызвѣстны.

Въ концѣ аудіенціи я произвелъ медицинское освидѣтельство эмира, причемъ у него оказался хроническій катарръ глотки и гортани. Я условился относительно лѣченія и затѣмъ, принявъ малутственное привѣтствіе эмира, удался въ свое помѣщеніе. Считаю не лишнимъ дать краткое описаніе какъ этого помѣщенія, такъ и вообще мѣстности гдѣ помѣщался лагерь эмира.

Городъ Ташъ-Курганъ въ это время совершенно измѣнился

свою физиономію. Обыкновенно скучный, тихій,—даже на его грязныхъ базарахъ,—теперь онъ привираядился, взволновался и жилъ шумною жизнью. Цѣлый городъ лалатокъ придвинулся къ нему съ юга и запада. Лалатки были правильно разбиты улицами и кварталами. Въ нихъ помѣщались прішедшія съ эмпромъ войска. Въ самой срединѣ лагера возвышалась гигантскихъ размѣровъ коническая бѣлая ставка. Это лалатка эмира; она имѣла двойныя полотняныя стѣнки, отстоящія другъ отъ друга на $\frac{1}{2}$ аршина, и двойной конусъ крыши. Во всѣхъ четырехъ стѣнахъ продѣланы опускающіяся, какъ лортеры, окна и двери. Вся лалатка (каждая сторона которой равняется 8—9 сажнямъ) поддерживается только одною стойкой (вышиной около трехъ сажень), поставленною въ срединѣ конуса. Крыша лалатки укрѣплена была туго натянутыми веревками, и по всѣмъ четыремъ угламъ въ полотно зашты товкіа, но прочныя, деревянныя подлорки. Такое устройство лалатки, несмотря на ея обширность, дѣлаетъ ее чрезвычайно портативною. Обыкновенно ее везли два-три сильные мула. Внутренность лалатки устлана туркменскими и персидскими коврами. Мѣсто на которомъ сидѣлъ эмиръ было болѣе возвышено, покрыто шелковымъ кашгарскимъ ковромъ, а поверхъ него лежала тигровая шкура. Руками эмиръ обыкновенно опирался на двѣ круглыя подушки. Сидѣлъ онъ конечно по-азиатски (т. е. на корточкахъ).

Въ лалаткѣ онъ обыкновенно воссѣдалъ только или во время аудіенціи даваемой нашей миссіа, или во время суда и расправы, которые здѣсь ведутся еще совершенно патріархально. Всякое дѣло доходить до очей эмира и всякій приговоръ произносится устами эмира. Однажды, когда я посовѣтовалъ ему, въ видахъ тераневтическихъ, меньше говорить на открытомъ воздухѣ, а равно и въ лалаткѣ, такъ какъ въ ней температура ничѣмъ не отличалась отъ наружной, онъ съ особенною горечью сказалъ: „Вы не знаете что за народъ мой подданные. Они со всякимъ вздоромъ дѣзуютъ ко мнѣ; всякій даже незначительный судебный процессъ доходить до меня. Постоянно у меня въ ушахъ раздается: эмиръ-саубъ! эмиръ-саубъ! Каждого нужно удовлетворить, съ каждымъ нужно говорить о томъ что ему нужно, хотя бы это были суціе лустяки. Откажи я хоть одному, тогда будутъ говорить

что я знать никого не хочу, что я вовсе не занимаюсь дѣлами, что я тиранин и т. д. И теперь я знаю что обо мнѣ многіе отзываются дурно. Если я долженъ такъ поступать въ отношеніи простаго народа, то о сардаряхъ и говорить нечего. Вы не знаете что это за народъ!»

Обыкновенно эмиръ жилъ, т. е. отдыхалъ, ночевалъ, въ киргизской юртѣ, очень бѣдно меблированной. Здѣсь я давалъ ему сеансъ лувверизаціи. Кругомъ помѣщенія эмира было четыре пикета часовыхъ, и четыре атлетическія фигуры въ синихъ мундирахъ, въ мохнатыхъ шалкахъ, съ бѣлыми мѣховыми полушубковыми нашивками, съ ружьемъ на караулѣ, мѣрно ходили взадъ и впередъ.

Помѣщеніе нашей миссіи было очень похоже на помѣщеніе эмира; только палатка, тоже двойная, была меньшихъ размѣровъ и опиралась на двѣ стойки, а не на одну.

Городъ и лагерь жили настоящею военною жизнью. Утромъ войска будились въ 7 часовъ лучечнымъ выстрѣломъ съ драхлыхъ стѣнъ цитадели Ташъ-Кургана, и на гласисѣ ея появлялись музыканты гарнизона и играли маршъ, играли, скажу по совѣсти, очень порядочно. Въ полдень опять лучечный выстрѣлъ и опять маршъ; вечеромъ тоже. Иногда выстрѣлы и звуки марша раздавались и въ неурочное время. Это бывало обыкновенно тогда когда эмиръ выѣзжалъ въ поле на прогулку или на охоту, преимущественно съ соколами, иногда же и съ туземными борзыми.

Здѣсь мое затворничество кончилось. На мою просьбу выѣзжать иногда въ городъ и за городъ, вообще прогуливаться по окрестностямъ, эмиръ отвѣчалъ помымъ согласіемъ. На слѣдующій же день я въ сопровожденіи афганскаго конвоя извѣздалъ городъ по вѣтмъ направленіямъ. Я долженъ указать что со времени пріѣзда въ Ташъ-Курганъ мои дѣйствія нисколько не стѣснялись, и какъ теперь, такъ и потомъ, уже во время пребыванія въ Мазари-Шерифѣ, я могъ лѣзть безпрепятственно куда угодно. Въ одну изъ этихъ экскурсій я посѣтилъ крѣпость Тахта-Пуль, опоры афганскаго владычества въ Туркестанѣ, и на этотъ разъ ѣзжалъ даже безъ конвоя, въ сопровожденіи одного адъютанта эмира.

1 января 1879 года эмиръ, а вмѣстѣ съ нимъ и наша миссія выѣхали изъ Ташъ-Кургана въ Мазари-Шерифъ.

Несмотря на то что разстояніе было всего около 70 верстъ, на проѣздъ этого пути было употреблено пять дней. Бóльшая скорость движенія для эмира, по требованіямъ средне-азіатскаго этикета, предосудительна. Въ числѣ этихъ пяти дней была даже одна дневка. Въѣздъ эмира въ Мазари-Шерифъ былъ очень торжественъ. Всѣ войска находившіяся въ Тахтагалуѣ и Мазари-Шерифъ были выстроены фронтомъ на обширной долинѣ предъ городомъ. Эмиръ въѣхалъ въ городъ на слонѣ при 101 лучечномъ выстрѣлѣ.

Миссія во время пути отстала отъ эмира. Поэтому я увидѣлъ уже расходящіяся войска. Но нѣкоторыя шеренги еще были въ порядкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видѣлись отдѣльныя группы солдатъ. Эти группы образовали кругъ, а въ кругу два солдата танцевали съ обнаженными шапками въ рукахъ. Обмундировка войскъ видѣнныхъ мною здѣсь трехъ типовъ: 1) куртки и штаны чернаго сукна и бѣлая чалма; 2) синяя куртка, бѣлые штаны и черная мѣховая шапка; 3) красная куртка, синіе штаны и красная шапка съ мѣховымъ околышемъ. Всѣ они были обуты въ туфли изъ жесткой нечереной кожи. Подметки туфель подбиты крутыми гвоздями, что даетъ хорошую опоры при хожденіи по горамъ, но очень неудобно при хожденіи по ровной, степной мѣстности. Войска были вооружены винтовками заряжающимися съ дула. Штыки прикрѣпленные къ ружьямъ — стараго образца, то-есть отъ основанія къ острию утончающіяся пирамидально. Кромѣ того у многихъ были длинные ножи или шашки. Кавалерія уже почти вся разъѣхалась. На нашихъ глазахъ сдѣлалась полевая артиллерія, калибромъ похожая на наши 9тифунтовки. При насъ же сдѣлалась съ мѣста конная горная батарея. Въ каждое орудіе, когда оно на лафетахъ, впрягается по 12 лошадей попарно; на одной лошади изъ каждой пары — сѣдокъ. Когда же орудіе вывучтса, то тѣло орудія нагружается на одну очень крѣпкую лошадь, имѣющую на себѣ особеннымъ образомъ приспособленное сѣдло съ выемками на передней и задней дугѣ для помѣщенія концовъ орудія. Остальныя части, лафетъ, зарядный ящикъ и проч. принадлежности навьючиваются на 8 лошадей.

Масса народа толпилась у входа въ городъ. Улицы были залужены войсками. Кровли домовъ были усыяны

бѣлыми фигурами жевшия зыкутаныхъ въ свое печальное бѣлое покрывало, дѣлающее ихъ похожими на мертвецовъ. Видѣлась также масса дѣтскихъ головокъ; но между ними не видно было хотя бы нѣсколько красивыхъ.

Вотъ мы и олять въ знакомыхъ стѣнахъ нашего главнаго четырехугольника. На этотъ разъ съ нами помѣстился мѣнштръ цвостранныхъ дѣлъ Афганистана, визиръ Шахъ-Магометъ-ханъ. Въ этотъ же день, нѣсколько часовъ спустя, мы имѣли удовольствіе увидѣть еще нѣсколькихъ нашихъ соотечественниковъ, пріѣхавшихъ сюда съ возвратившимся изъ Ташкента афганскимъ посольствомъ. Это были всауль Булацель, адъютантъ туркестанскаго генералъ-губернатора, и чиновникъ Чаушевъ. При нихъ былъ конвой изъ 10 казаковъ.

Булацель привезъ мнѣ официальное письмо туркестанскаго генералъ-губернатора. Въ этомъ письмѣ мнѣ предлагалось, по возвращеніи изъ Афганистана, проѣхать въ Бухару къ эмиру Бухарскому, нуждавшемуся во врачевномъ совѣтѣ. Булацель разказалъ что генералъ Кауфманъ намѣревался ѣхать въ Петербургъ, что впрочемъ и мы знали по письму генерала помѣщенному 16 декабря.

Желанію эмира проѣхать въ Россію не суждено было исполниться. Въ самый разгаръ его приготовленій къ этой поездкѣ, именно 16 января, онъ получалъ довѣсеніе Якубъ-хана о занятіи Кандагара англійскими войсками. При своемъ довѣсеніи Якубъ-ханъ переслалъ описаніе занятія города, присланное ему начальникомъ города Кандагара сердаремъ Магометъ-Юсуфъ-ханомъ. Изъ этого описанія видно что сначала афганскимъ начальникомъ рѣшено было не принимать боя со значительно превосходящими его отрядъ силами непріятеля. Но пылкіе Афганцы не вытерпѣли, и 1.500 всадниковъ бросились на нѣсколько батальоновъ англійской пѣхоты при 20 орудіяхъ. Результатъ былъ конечно плачевенъ для Афганцевъ*.

* Занятіе Кандагара произошло 10 магаррема, что соответствуетъ 25 декабря 1878 года. Я говорю приблизительно, потому что вообще мусульманское времячисленіе очень залутанное. Кроме того, различныя мусульманскія страны имѣютъ собственное счисленіе, причемъ разница иногда доходитъ до нѣсколькихъ дней. Такъ напримеръ, Курбанъ-Байрамъ 1878 въ Самаркандѣ праздновался 24 ноября, а въ Кабулѣ 26.

Занятіе Кандагара произвело на эмира очень сильное впечатлѣніе. Съ занятіемъ этого города грозила опасность и Герату. Занятія Герата англійскими войсками эмиръ конечно не опасался, но онъ боялся что его вліяніе на Гератъ и всю обширную область западнаго Афганистана могло поколебаться. Можно было уже опасаться революціи въ Гератѣ и отпаденія отъ власти эмира. Онъ думалъ что при подобныхъ обстоятельствахъ неудобно было бы уѣхать изъ Афганистана. Вслѣдствіе этого онъ спардацъ и послалъ въ Ташкентъ, съ отъѣзжавшею русскою миссіей, новое афганское посольство, а самъ остался въ Мазари-Шерафѣ. Къ тому же онъ къ этому времени заболѣлъ.

Миссія наша вмѣстѣ съ афганскимъ посольствомъ * выѣхала изъ Афганистана 19 января 1879 года. Но еще ранѣе, именно 11 января, выѣхалъ обратно въ Ташкентъ эсаулъ Булудень, вмѣстѣ съ топографомъ миссіи г. Бендерскимъ. Я, по желанію эмира Ширъ-Али-хана и согласно предписанію генерала Кауфмана, выраженному въ письмѣ къ генералу Разгонову отъ 20 декабря, остался въ Мазари-Шерафѣ въ качествѣ врача при эмирѣ Ширъ-Али-ханѣ. При мнѣ остался мой конвой и мои люди. Для меня было большимъ удовольствіемъ что въ качествѣ переводчика со мной остался Закария-бекъ. Я никогда не забуду какъ мы дѣлали вмѣстѣ и радость и горе при наступившихъ затѣмъ трудныхъ обстоятельствахъ. Послѣ отъѣзда нашей миссіи мнѣ не долго пришлось пребыть въ Афганистанѣ. Еще въ день отъѣзда миссіи эмиръ жаловался на свое нездоровье. 22 января, призванный къ эмиру, я могъ констатировать остановку кровообращенія въ лѣвой столѣ. Одного этого симптома достаточно было чтобы оставить неблагоприятное предсказаніе въ смыслѣ теченія болѣзни. Очевидно дѣло могло дойти до смертельнаго исхода, а подобный болѣзненный процессъ не только не безразличенъ для состоянія всего организма, но прямо угрожаетъ ему смертельнымъ исходомъ. Случай

* Составившихъ на этотъ разъ изъ четырехъ высшихъ афганскихъ сановниковъ: 1) визира Шахъ-Магометъ-хана, министра иностранныхъ дѣлъ; 2) сердара Ширъ-Али-хана, двоюроднаго брата эмира Ширъ-Али; 3) Магометъ-Гассанъ-хана, Комлаби, перваго афганскаго посла въ Ташкентѣ, и 4) казія Абдель-Кадера.

излѣченія подобной такъ-называемой „самопроизвольной“ гангрены очень рѣдки. На мою долю выпала тяжелая обязанность бороться съ неизлѣчимою болѣзнию, а также и съ невѣжествомъ окружающей эмира среды, даже съ его придворными врачами изъ туземцевъ. Они, не понимая всей опасности постигшей эмира болѣзни, непрерывно и неустанно интриговали, стараясь подорвать ко мнѣ довѣрiе эмира.

Къ несчастiю они въ этомъ вполнѣ успѣли. Въ самое критическое время, когда еще можно было сдѣлать хотя что-либо для предотвращенiя роковаго исхода, когда нужно было употребить всѣ усилiя чтобы по крайней мѣрѣ локализовать болѣзненный процессъ, въ продолженiе нѣсколькихъ дней эмиръ пренебрегалъ моими совѣтами и помощью. Когда же онъ принужденъ былъ обратиться ко мнѣ, когда туземные врачи сами сознались предо мною и эмиромъ что они ошиблись и ничего не могутъ сдѣлать,—было уже поздно: вся стопа и голень до колѣна были поражены гангрениознымъ процессомъ, и опасность общаго зараженiя организма гнилостнымъ ядомъ была уже неустраима. Съ этого времени эмиръ Шаръ-Али-ханъ медленно угасалъ *.

Эмиръ Шаръ-Али-ханъ умеръ 8 февраля 1879 года. Не успѣвъ покойный закрыть глаза какъ подымались смуты и вражда между его родственниками. Сразу явились три претендента на опустѣвшiй афганскiй престолъ. Этими претендентами были два сына эмира: правитель Кабула Якубъ-ханъ и старшiй сынъ эмира слабодумный Магометъ-Ибрагимъ-ханъ. ** Третьимъ претендентомъ явился племянникъ эмира Магометъ-Гашимъ-ханъ, сынъ Магометъ-Шерифъ-хана, младшаго брата Шаръ-Али-хана, прославившагося какъ своими богатствами, такъ и своею двуличною игрой во время спора Шаръ-Али-хана со своими братьями Азимъ-ханомъ и Афзосъ-ханомъ за преобладанiе въ Афганистанѣ съ 1863—67. Этотъ-то Магометъ-Гашимъ-ханъ, несмотря на свою молодость—ему всего 25 лѣтъ—былъ сначала самымъ сильнѣшимъ претендентомъ. Онъ женатъ на дочери эмира Шаръ-Али-хана отъ его любимой жены. Лейлабъ Хошь-диавъ-

* Отъ операцiи отнятiя пораженной конечности эмиръ категорически отказался.

** Который скоропостижно умеръ въ прошломъ году, вѣроятно отравленный Якубъ-ханомъ.

хамъ приходился ему своякомъ и—понятное дѣло—игралъ въ его руку. Главнокомандующій войсками сѣвернаго Афганистана сердарь Феизъ-Магометъ-хамъ тоже былъ на его сторонѣ. Значить можно было думать что и содѣйствіе войскъ ему было обезпечено. Но 9 февраля, въ день похороми эмира Ширъ-Али хана, разыгралась кровавая драма, которая рѣшила дѣло въ пользу Якубъ-хана. Дѣло дошло до штурма крѣпости Тахталуль войсками стоявшими за обоихъ сыновей покойнаго эмира. Крѣпость же была занята и оборонялась приверженцами Гашишъ-хана. Штурмующіе пустили въ дѣло пушки, ворвались въ крѣпость и произвели сильную рѣзню. Сердарь Феизъ-Магометъ-хамъ былъ обезоруженъ и заключенъ въ тюрьму. Лейнабъ тоже вскорѣ былъ арестованъ. Наступилъ терроръ. Обезумѣвшіа при видѣ крови шайки солдатъ разсыпались по городу, отыскивая приверженцевъ Гашишъ-хана, любивая ихъ и грабя ихъ достояніе, насилуя женъ и производя всякія неистовства. Расходившаяся рука не ограничивалась заранѣе намѣченными жертвами: по пути прихватывались и мирные городскіе обитатели, обезумѣвшіе отъ страха Узбека и Таджики. Въ городѣ только и слышны были ружейные выстрѣлы, крики неистовствующихъ шаекъ и вопли жертвъ расходившейся солдатчины. Въ воздухѣ ладно порохомъ и кровью.

Въ день смерти эмира, наканунѣ кровавой драмы, я, получивъ свѣдѣнія о неминуемо имѣющихъ произойти безпорядкахъ, уведомилъ Лейнаба что роль моя теперь кончена. Поэтому я просилъ его дать мнѣ конвой и отпустить меня изъ Афганистана. Лейнабъ на это отвѣтилъ что по окончаніи трехдневнаго траура по умершемъ эмирѣ онъ со всѣми почестами самъ проводитъ меня изъ города; поэтому онъ просилъ обождать это короткое время. Бѣдный Лейнабъ! Ему не только не удалось проводить меня съ подобающими почестами, но на другой день онъ самъ лишенъ былъ не только власти, но даже простаго почета, заключенъ въ тюрьму, а его имущество было разграблено солдатами противной партіи. Даже домъ его былъ разрушенъ лучшими выстрѣлами. Какая горькая промія судьбы! Наканунѣ, когда я далъ ему понять что мнѣ, какъ иностранцу, угрожаетъ опасность подвергнуться оскорбленію или даже насилію со стороны фанатическихъ солдатъ, онъ важно замѣтилъ что

власть въ его рукахъ, а слѣдовательно мнѣ, его почетному гостю, не грозитъ ни малѣйшей опасности.

Но дѣло вышло иначе. Со мной случилась неприятность которую я предвидѣлъ. Я до сихъ поръ благодарю Бога что эта неприятность обошлась такъ дешево. Впрочемъ я долженъ отдать похвалу распорядительности Лейлаба. На всякій случай онъ привелъ къ присягѣ афганскій козвой содержавшій караулъ вокругъ моего помѣщенія. Солдаты поклялись что „что бы ни случилось они обязываются защитить грудью „доктора-сауба“ отъ всякой опасности“. Козвой былъ усиленъ еще нѣсколькими людьми. Наступила ночь, — памятная для меня ночь 10 февраля. Въ городѣ въ разныхъ мѣстахъ гулко раздавались отдаленные ружейные выстрѣлы. Иногда слышались трескотня залповъ. Багровое зарево окрашивало западную половину темнаго неба. Пламя костра разведеннаго на дворѣ моего помѣщенія, то вспыхивавшее, то угасавшее, отбрасывало на глянцую стѣнку темныя силуэты сидящихъ на корточкахъ Афганцевъ. Это былъ внутренній караульный постъ, состоявшій изъ людей знакомаго уже намъ афганскаго офицера Момъ-Синъ-хана. Самъ онъ сидѣлъ у меня въ комнатѣ и задумчиво поглядывалъ на мигающее пламя нагорѣвшей свѣчи. Время отъ времени съ языка его срывались два-три слова, и опять наступало безмолвіе. Мнѣ-то впрочемъ было не до словъ. Я въ это время испытывалъ сильное лихорадочное состояніе, температура тѣла доходила до 40°. Около 12 часовъ ночи Момъ-Синъ-ханъ разослалъ свой медвѣжій коврикъ и растянулся тутъ же у моихъ ногъ, готовый защищать меня буквально грудью.

Около трехъ часовъ ночи рѣзкій стукъ въ наружныя двери моего помѣщенія быстро подвѣлъ на ноги насъ всѣхъ. Въ одну минуту Момъ-Синъ-ханъ былъ за дверью комнаты. Быстро возвратясь онъ посоветовалъ мнѣ поскорѣе приготовиться къ защитѣ. Я тотчасъ собралъ казаковъ и велѣлъ имъ приготовить винтовки.

Между тѣмъ за наружными дверями слышался гвалтъ многочисленной толпы, удары прикладовъ о двери. Я вышелъ на внутренній дворикъ. Костеръ погасъ, но внѣшній дворъ былъ весь залитъ красноватымъ свѣтомъ отъ зажженныхъ многочисленныхъ костровъ. Слышно было какъ Момъ-Синъ-ханъ пытался говорить, но голосъ его заглушался беспорядочными

криками, бранью. Послышались два ружейные выстрѣла и люди просвистали въ вѣтвяхъ развѣсистыхъ чинаровъ внутреннего двора. Очевидно дѣло было плохо. Въ это время у меня блеснула мысль предложить бунтовщикамъ известную сумму денегъ. Пока я дѣлалъ необходимыя распоряженія явился Момъ-Синъ-ханъ. Узнавъ отъ него что нападеніе произведено исключительно съ цѣлью грабежа, я тотчасъ предложилъ ему попытаться вступить съ грабителями въ сдѣлку. Момъ-Синъ-ханъ сейчасъ же исчезъ и долго не являлся. Слышно было только что онъ съ жаромъ говоритъ что-то, но часто его голосъ былъ заглушаемъ грозными криками, отдѣльными злобными возгласами, бранью и проч. Мало-по-малу шумъ утихалъ, тонъ голосовъ смягчался, и когда Момъ-Синъ-ханъ возвратился, я узналъ что разбойники согласились оставить меня въ покоѣ, но запросили такую сумму которая далеко превышала всѣ мои наличныя денежныя средства. Поэтому я послалъ его торговаться. Я поручилъ ему сказать что въ крайнемъ случаѣ буду отчаянно защищаться, а съ русскими бардакками они отчасти были уже знакомы. Однако дѣло удалось кончить благополучно. Сдѣлка состоялась на такой цифрѣ какую я уже былъ въ состояніи дать.

Около двухъ часовъ ночи къ большимъ воротамъ моего „главнаго двора“ приблизилась многочисленная шайка солдатъ и хотѣла проникнуть во внутренний дворъ. Караульный постъ однако останавливалъ ее, угрожая стрѣлять въ непрошенныхъ посѣтителей. Партія же пришедшихъ грабителей укоряла караульных въ томъ что тѣ охраняютъ *кабура* (невѣрнаго) и препятствуютъ поживиться на счетъ ненавистныхъ невѣрныхъ, да и сами упускаютъ благоприятный случай „заработать нѣсколько лишнихъ рупій“.

— Мы знаемъ, говорили пришедшіе, — что эмиръ-саибъ, улокой его Аллахъ въ райскихъ садахъ, предъ смертію, отдалъ всѣ свои сокровища невѣрному доктору. * Ограбимъ его сообщя.

Караульные однако стояли твердо, ссылаясь на данную ими присягу. Тогда пришедшая банда ушла, но уходя пригрозила

* Я предполагаю что этотъ слухъ былъ пущенъ въ ходъ туземными врачами съ цѣлью вызвать противъ меня какую-либо враждебную демонстрацію со стороны фанатическихъ Афганцевъ. Разчетъ былъ вѣренъ. Но я не получалъ отъ эмира ни одной рупіи.

огрaбить моихъ защитниковъ за ихъ укорство. Сказано — сдѣлаю. Часа черезъ два приближало нѣсколько человекъ родственниковъ моихъ караульныхъ и рассказали что шайка солдатъ напала на ихъ дома и разграбила ихъ имущество. Помятая ярость овладѣвшая при этомъ извѣстїи моими охранителями. Подъ влїяніемъ раздраженїя они даже задумали было ограбить въ свою очередь меня. Но начальникъ конвоя не переставалъ убѣждать ихъ не дѣлать зла иностранцу, наломившая данную имъ клятву. За это онъ подвергся поборамъ со стороны расходившихся солдатъ, но не переставалъ уговаривать ихъ отказаться отъ преступныхъ дѣйствїй. (Онъ былъ моимъ пациентомъ до этого времени, равно какъ и нѣкоторые изъ солдатъ.)

Съ наступленїемъ дня я извѣстилъ Лейнаба о ночномъ происшествїи и уже на этотъ разъ требовалъ проводить меня изъ города и дать надежный караулъ для сопровожденїя до афганской границы. „Если же этого онъ, Лейнабъ, не исполнитъ, писалъ я, то я выйду безъ конвоя, и если со мной случится что-либо дурное, то Афганистанъ и въ частности онъ, Лейнабъ, будетъ отвѣчать за это предъ Россїей.“ Но письмо не попало къ Лейнабу, — онъ въ это время былъ уже арестованъ. Письмо было получено вновь выбраннымъ главнокомандующимъ войсками, сердаремъ Нейкъ - Магометь - ханомъ, роднымъ братомъ Ширъ-Али-хана. *

Онъ самъ не замедлил явиться ко мнѣ, извиняясь за случившееся со мною прискорбное событїе, и общалъ озабоченность о полвой моей безопасности; смѣнилъ конвой, назначивъ въ новый единственно своихъ приближенныхъ, привелъ ихъ предварительно къ присягѣ и сдѣлавъ имъ значительные подарки. Однако отъѣздъ мой онъ назначалъ въ 10 часовъ ночи, говоря что не ручается за безопасный проѣздъ черезъ огорода джамъ, что положенїе дѣла еще очень шатко и что онъ еще пользуется только номинальною властью.

Въ назначенное время сердарь Нейкъ - Магометь - ханъ прїѣхалъ въ мое помѣщенїе съ многочисленною свитой. Вскорѣ мы выѣхали изъ моего мрачнаго дворца, съ полчася колесили по узкимъ, извилистымъ улицамъ города,

* Который въ послѣднее время прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Ташкентѣ, а потомъ возвратился въ Кабуль.

нарочно выбраннымъ какъ можно пустыниѣе. Черезъ часъ я былъ уже въ открытой степи. Еще нѣсколько верстъ проволжалъ меня сердаръ и затѣмъ, пожелавъ мнѣ счастливаго пути, выразилъ надежду что дружественныя отношенія Россіи къ Афганистану не измѣнятся и возвратился въ покрытый ночнымъ мракомъ и пропитанный кровью городъ. Далѣе меня сопровождалъ неизвѣстный Момъ-Синъ-ханъ со своими людьми и съ цѣлою дружиной Узбековъ, вооруженныхъ дубинами и длинными ножами.

Едва я успѣлъ вѣхать въ полосу песчаныхъ бархановъ какъ поднялся сильный западный вѣтеръ, принесшій съ собою песчаный бурянь, который бушевалъ цѣлую ночь. Соленый песокъ наполнилъ атмосферу. Въ двухъ шагахъ ничего не было видно; да и смотреть то нельзя было: лишь только открывались глаза какъ тотчасъ же наполнялись ѣдкою соленою пылью. Въ могильной темнотѣ я ѣхалъ ощупью. Не будь Момъ-Синъ-хана, не будь узбекскихъ проводниковъ какъ бы чутьемъ отыскивавшихъ дорогу, никогда бы не выбраться мнѣ изъ этой песчаной могилы. Обиться съ дороги и заблудиться было такъ легко.

На слѣдующій день въ 4 часа пополудни я былъ уже на берегу Аму, а черезъ 3—4 часа на бухарскомъ берегу рѣки, подъ гостеприимнымъ бухарскимъ кровомъ, угощаемый всеми бухарскими свѣдами, которые принались теперь какъ нельзя болѣе кстати, ибо въ продолженіе двухъ дней смуть въ Мазари-Шерифѣ ны не могли достать себѣ провизіи и потому голодали.

VII.

Считаю не лишнимъ теперь дать общее понятіе о посѣщенной миссіей странѣ. Рельефъ страны уже намѣченъ мною въ первой половинѣ описанія путешествія. Здѣсь я только скажу что онъ очень разнообразенъ. Бамьянскій путь пересѣкаетъ систему Гинду-Куша уже въ томъ мѣстѣ ея гдѣ она представляетъ цѣлый рядъ параллельныхъ хребтовъ и втиснутыхъ между ними узкихъ долинъ восточно-западнаго направленія. Я употребилъ слово „втиснутыхъ“, потому что пространственное отношеніе ихъ къ соседнимъ хребтамъ горъ производитъ на путника именно это

впечатлѣніе. Ширина долинъ составляетъ нѣсколько сотъ футовъ, рѣдко 1—2 версты, между тѣмъ какъ ширина горныхъ хребтовъ всегда значительно боѣе.

Всѣ горные хребты отъ Ташъ-Курганъ до Кабула представляютъ глазъ путешественника какъ своею граціозностью, такъ еще боѣе своею безжизненностью. Растительности нѣтъ и слѣда. Скалы изъ отвердѣлой глины разныхъ цвѣтовъ, сланцовъ, конгломерата известняка и кристаллическихъ породъ ничѣмъ не прикрыты. Иногда пласты сланца, какъ напримеръ въ долинѣ Кэгирада, стоятъ подъ углами въ 50—60° (приблизительно).

Тощіе луга на скатахъ горъ и на плато переваловъ во время проѣзда миссіи уже были выжжены солдатами. За то долины заключающіяся между мертвыми исполинами весьма живописны. Но и въ нихъ растительность вѣроятно не была бы такъ роскошна есдабы не принималось въ очень широкихъ размѣрахъ искусственное орошеніе. Большой уклонъ русель и рѣчекъ долинъ даетъ возможность съ большимъ удобствомъ пользоваться этимъ орошеніемъ. Нельзя отказать туземцамъ въ искусствѣ и настойчивости съ какою они стараются сдѣлать изъ голаго камня плодородное поле или зеленящій садъ. Не рѣдко можно встрѣтить что оросительная канавка тянется многія версты, аѣлась по отвѣснымъ карнизамъ, по дощамъ изъщеченному въ каменной скалѣ, прежде чѣмъ достигнетъ удобнаго для орошенія доскутка земля. Иногда воду нужно поднимать на очень значительную высоту и тогда оросительная канавка тянется десятки верстъ прежде чѣмъ достигнетъ цѣли. Вообще долины снабжены водою довольно изобильно, несмотря на то что окружающія ихъ горы въ значительномъ большинствѣ не покрыты вѣчными снѣгами. Только центральныи хребты, такъ-сказать, становаая жила Пароламиза, Кухи-баба представляетъ непрерывную, уходящую изъ глазъ снѣжную линію. Даже такіе перевалы какъ Большой Иракъ (13.000 фут.) во время проѣзда миссіи были свободны отъ снѣга; свободны отъ снѣга были и пики возвышающіеся надъ нимъ до 1.000 ф. Только въ долинѣ, за нѣсколько верстъ до этого перевала, встрѣтились намъ два сугроба снѣга. На глазомѣръ можно было опредѣлить здѣсь линію вѣчнаго снѣга никакъ не менѣе 15.000—16.000 ф.

Если въ горныхъ долинахъ искусственная пригація находить обширное примѣніе, то въ степной полосѣ Афганскаго

Туркестана она является единственнымъ средствомъ борьбы съ великою Туркестанскою пустыней. Къ несчастію воды здѣсь очень мало. Всѣ рѣки вытекающія изъ отроговъ Гиндукуша и Пароламиза несутъ очень мало воды. Но и дорожать же каждою каплей этой драгоценной влаги здѣшніе жители.

Тамъ гдѣ поглощается почвой послѣдняя капля проведенной воды начинается мертвая полоса земли. Особенно рѣзко это солеричество жизни и смерти въ развалинахъ древлаго города Каршіяка.

Въ 20 часовъ іюня мѣсяца, когда миссія проѣзжала этимъ мѣстечкомъ, зрѣлище, явившееся колосья пшепцы особенно ярко отбѣляли суровый фонъ только-что пройденной нами ледяной пустыни. Да, еслибы здѣсь было больше воды! Тогда страна эта была бы въ состояніи преобразить населеніе въ 10—20 разъ больше чѣмъ теперь. Видъ рядомъ съ сыпучими песками находится здѣсь лѣсовая почва, едва ли не самая плодородная изъ всѣхъ почвъ. А между тѣмъ безъ воды она также мертва какъ и соседніе пески. Аму-Дарья, эта великая водная артерія Средней Азіи, очень мало утилизируется здѣсь съ цѣлью орошенія. Только узкая полоса зелени окаймляетъ ея берега. Масса воды протекаетъ безцѣльно для прилегающей мѣстности. Безъ сомнѣнія очень печальные берега ея прелютствуютъ до известной степени культуру окружающей мѣстности. Съ другой стороны этому прелютствуетъ и рѣдкость населенія, а притомъ такого въ жилахъ котораго еще течетъ кровь мюхамедовъ.

Въ продолженіе 25 дней которые провела миссія въ долину Аму въ іюнѣ и въ іюль мѣсяцѣ, было всего одинъ день съ небольшимъ дождемъ и три облачные дня. Зимой, въ теченіе 68 дней, которые я прожилъ здѣсь, падающихъ на декабрь, январь и февраль, было три дождявые и пять снѣжныхъ дней, облачныхъ же 26. Періоды наблюденій конечно очень коротки, но они обнимаютъ два противоположныхъ времени года и потому до известной степени могут имѣть значеніе. Въ Ташкентѣ обыкновенно въ декабрь, январь и февраль выпадаетъ очень большое количество атмосферныхъ осадковъ. Впрочемъ я здѣсь долженъ оговориться. Туземцы говорили что настоящая зима была исключительно теплая и вѣдреная.

Сообщу нѣсколько данныхъ относительно температуры. Изъ 13 наблюдений въ июнѣ и въ июлѣ мѣсяцѣ въ Мазари-Шерифѣ, средняя температура была въ 8 ч. утра +27, 6° С. въ 1 ч. дня +35, 1° С., въ 8 ч. вечера +30° С. Средняя температура декабря изъ 15 наблюдений: 8 ч. утра +1, 5° С., въ 1 ч. дня +13, 6° С., вечеромъ +6 С.

Въ январѣ, изъ 26 наблюдений, средняя температура утромъ +2° С., въ полдень +11° С., вечер. +8° С. Какъ видно изъ цифръ температура довольно высока для широты Мазари-Шерифа.

Относительно той части Афганистана которая расположена по ту сторону главной доли Гиндукуша я могу сказать только о Кабульской равнинѣ, и то очень немногое, ибо былъ здѣсь только почти проездомъ. За 13 дней моего пребыванія въ городѣ Кабуль, съ 29 июля по 11 августа, я могу дать слѣдующія цифры: утромъ +24, 3° С., въ 1 ч. дня +32, 4° С., а вечеромъ +24°. Всѣ эти цифры среднія; самый жаркій день былъ 31 июля, однако температура не превышала 34, 4° С.

Барометръ взятый начальникомъ миссiи въ дорогѣ скоро испортился, и мы лишены были возможности проверить хотя бы до нѣкоторой степени галсометрическія данныя англійскихъ путешественниковъ. Влажности тоже нельзя было определять за неимѣніемъ гигрометра, да и термометръ былъ только одинъ.

Почвой и климатомъ определяется производительная способность страны. Въ мѣстахъ орошенныхъ Афганистанъ довольно богатъ естественными произведеніями. Здѣсь воздѣлываются всѣ хлѣбныя злаки, начиная съ ячменя (высокія горныя долины) и кончая рисомъ и кукурузой (болѣе низкія долины). Неистощаемая производительность почв обуславливаетъ хорошій ежегодный урожай. Во всякомъ случаѣ средняя урожайность не ниже чѣмъ въ Русскомъ Туркестанѣ. Средняя же урожайность въ Туркестанѣ самъ 7—8 для пшеницы, а для проса, джугары, кукурузы самъ 10—20 и 25.

Изъ кормовыхъ травъ здѣсь воздѣлывается преимущественно клеверъ (люцерн) превосходнаго качества. Въ Афганскомъ Туркестанѣ онъ скашивается отъ четырехъ до шести разъ въ лѣто.

Изъ плодовыхъ деревьевъ здѣсь имѣются всѣ тѣ виды

какіе и въ Русскомъ Туркестанѣ, то-есть персики, абрикосы, гранаты, виноградъ, миндааль, фисташки, шелковица и пр. Кабуль особенно славится шелковицей, а также яблоками и грушами; особенно хороши также безсѣмевный мелкій виноградъ. Деревья годныя для построекъ отчасти тѣ же которыя помечены въ предыдущей рубрицѣ; затѣмъ чинары, тополь и *аджуда*. Карагачей я здѣсь не видѣлъ вовсе.

Относительно минеральныхъ богатствъ странъ могу сказать немногое. Покойный эмиръ Ширъ-Али-ханъ часто любилъ говорить что Афганистанъ имѣетъ все необходимое, даже болѣе чѣмъ сколько нужно. „У насъ, говаривалъ онъ, есть довольно и хлѣба, и плодовъ, и металловъ. Есть и серебро, и золото, есть и металлъ войны—жельзо. Кроме того есть мѣдь, сурьма, свѣра, всего довольно; только нѣтъ свѣдущихъ людей для правильной разработки этихъ богатствъ. Нѣтъ также бумажныхъ тканей, ситцевъ и полотнъ. Но это бѣда не великая, безъ этого можно обойтись. Можно одѣваться и въ домашнія грубыя ткани, можно, даже должно, отказаться отъ роскоши, хотя бы для того чтобъ избавиться отъ англійской олеки.“ О знаменитыхъ некогда рубаловыхъ коляхъ я почти ничего не слышалъ. Въ Мазари-Шерифѣ на рынкѣ предлагается довольно много алясъ-лазури, и здѣсь онъ не дорогъ. Гаратскіе кушцы торгуютъ здѣсь также кашгалурскою бархотой.

Я долженъ однако замѣтить что Афганистанъ получаетъ довольно много русскаго жельза чрезъ Бухару, въ обработанномъ (котлы) и необработанномъ видѣ; жельзо дорого въ Афганистанѣ. Своихъ мануфактуръ въ странѣ почти совсѣмъ нѣтъ, если не считать ручныхъ ткацкихъ станковъ употребляемыхъ почти въ каждомъ доми, на которыхъ и выдѣлываются грубыя суковныя и бумажныя, а также и шелковыя ткани. О мѣтахъ я говорилъ уже выше.

Англійскіе фабрикаты находятся на рынкахъ афганскихъ городовъ въ довольно большомъ количествѣ. Рядомъ съ суковьями, ситцами и полотнами вы увидите и кожаныя издѣлія свѣчи, металлическія издѣлія. Всѣ предметы привоза вообще очень низкаго достоинства, и сравнивая наши фабрикаты, предлагаемые на Бухарскомъ рынкѣ, съ англійскими, можно только удивляться что они до сихъ поръ не конкурируютъ болѣе или менѣе успѣшно съ англійскими въ Афганистанѣ.

Въ Ташъ-Курганѣ мы встрѣтили русскія спички „Ворождовой и Ко“, а самовары и чайная посуда даже въ Кабулѣ всё носятъ каѣйма русскихъ фабрикъ. Нѣтъ сомнѣнія что проведеніе желѣзной дороги изъ Оренбурга до Ташкента или до Самарканда значительно повліяетъ на открытіе Афганскаго рынка для русскихъ товаровъ. Рынокъ этотъ впрочемъ большаго значенія имѣть не можетъ. Афганистанъ — громадная пустыня съ узкими оазисами, имѣетъ въ совокупности едва ли болѣе 3—4 миллионъ жителей. Страна производитъ только то что нужно мѣстному населенію. Едва ли не единственный предметъ отпускнуой торговли Афганистана составляютъ сырые и сухіе фрукты, вывозимые преимущественно въ Индію. Хлѣба вывозить онъ не можетъ, металловъ тоже, ибо самъ, несмотря на богатство рудъ, постоенно нуждается въ нихъ. Значитъ Афганистанъ можетъ покупать иностранныхъ произведенія только на деньги. Денегъ же въ Афганистанѣ (въ смыслѣ дебитатаго золота и вообще благородныхъ металловъ) тоже очень мало. Эмиръ Шахъ-Али-ханъ постоянно нуждается въ деньгахъ для содержанія своей 60.000 арміи, несмотря на то что облагаетъ народъ тяжелыми налогами и самъ жилъ очень скромно. Итакъ Афганистанъ скорѣе фактивный рынокъ. Онъ служитъ только транзитнымъ пунктомъ между Индіей и Туркестаномъ. По полученнымъ мною въ городѣ Бухарѣ свидѣніямъ * изъ Индіи въ этотъ городъ ежегодно привозится отъ 10 — 12 тысячъ верблюжьихъ вьюковъ съ разными товарами, въ числѣ которыхъ не маловажную роль играетъ чай и парча (изъ Россіи въ Бухару привозится ежегодно отъ 25 до 30 тысячъ верблюжьихъ вьюковъ разныхъ товаровъ).

Что за народъ Афганцы? Каковъ его характеръ? Каковъ его этнографическій обликъ?

Если мы будемъ справляться объ этомъ у двухъ лицъ считающихся авторитетами въ данномъ вопросѣ, то встрѣтимся съ калитальнымъ противорѣчьемъ. Вотъ что говоритъ объ Афганцахъ Эльфинстонъ:

„Они средняго роста, сухи, имѣютъ широкія кости, мускулисты, хорошо сложены, имѣютъ длинная лица,

* Эти свидѣнія недавно подтверждены письмомъ ко мнѣ бывшаго члена посольства г. Замамъ-бекъ-Шихъ-алибекова.

высокія скулы, большіе носы и живой взглядъ. Волосы на бородѣ и на головѣ черныя, иногда темно-каштановые и рѣдко рыжіе. Они мужественны, просты въ обращеніи, нескрыты, живы, храбры, смѣлы, но безъ воинской гордости и не очель грубы, хотя вовсе не имѣють культуры. Окладистыя бороды даютъ имъ почтенный видъ. Они отличаются ловкостью, учтивостью, врожденнымъ чувствомъ приличія, даже когда являются въ шайкахъ какъ грабители. При чрезвычайной живости характера, подвижности въ рѣчахъ, любопытствѣ, они одарены вовсе неизвѣстною восточнымъ жителямъ скромностью. Персіане называютъ ихъ варварами, такъ какъ они чужды персидской утонченности, но за то они правдивы, менѣе порочны, хотя менѣе образованы, но столько же гордятся своимъ отечествомъ и происхожденіемъ.“ *

Больше похвалъ сказать трудно. Судя по этому портрету Афганцы неспороченныя дѣти природы. Даже разбойничаютъ со врожденнымъ благородствомъ.

Совсѣмъ иной портретъ находимъ у Феррье, другаго авторитета по занимающему насъ вопросу; онъ какъ будто нарочно задался цѣлью забросать грязью портретъ Эльфинстоиа.

„Алчность и скупость Афганцевъ, лишаетъ оны, доходятъ до крайности: нѣтъ узъ которыя бы они не порвали; нѣтъ долга котораго бы они не нарушили чтобъ удовлетворить этимъ страстямъ. Это превосходитъ всякое широкіе, и для удовлетворенія жажды къ жизни они способны на величайшія преступленія. Готовы все привести ей въ жертву, даже тщеславіе независимостью, даже честь жемъ и дочерей, которыхъ не стѣсняясь убиваютъ получивъ плату за проституцію... Честь и отечество для нихъ слова лишеныя всякаго смысла и они безъ задуманія оубыти предаются тому кто больше даетъ. Это до такой степени справедливо что они почти всегда добровольно покоряются побѣдителю... Они безусловно неспособны сѣдовать какой-либо идѣи; дѣлають все подъ вліяніемъ минуты: изъ любви къ безпорядку, или безо всякой причины. Имъ нѣтъ никакаго дѣла до законовъ: они ловилиются первому встрѣчному и позволяютъ ему управлять собой и разыгрывать тирава, лишь бы онъ платилъ имъ и не

* Риттеръ, *Иранъ*, пер. Ханькова, стр. 400.

иѣшалъ ихъ наклонности ко грабежу. Такъ какъ лѣность ихъ главный порокъ, то они почти никогда не работаютъ, а когда растратятъ все что награбятъ, то ухитряются найти средства доставать съѣстные припасы, не платя за нихъ” *.

Ни первая, ни послѣдняя характеристика Афганцевъ невѣрны, наиболѣ невѣрна послѣдняя. Ихъ противорѣчiе можно объяснить только тѣмъ обстоятельствомъ что наблюденiя двухъ путешественниковъ, отзывы которыхъ мы приведемъ, относятся къ различнымъ временамъ. Эльфинстоуъ наблюдалъ Афганцевъ конца блестящаго владычества Дурана, когда Афганская монархiя простиралась отъ Мешеда до Инда и отъ Оксуса до Келата. Афганцы были полны въ то время сознанiя своего могущества, славы, значенiя. Это не могло не отразиться на ихъ характерѣ. Феррье наблюдалъ ихъ послѣ длиннаго ряда интригъ и злодѣяній, послѣ несчастной войны съ Англией, возбуждившею въ ихъ дикiе инстинкты. Тѣмъ не мене, и то и другое изображенiе грѣшатъ преувеличенiемъ.

Описанiе физической стороны Афганца Эльфинстоуомъ сдѣлано очень вѣрно; прибавлю что тѣлосложенiе Афганца, хотя и спящее, мускулистое, но сухощавое, вслѣдствiе чего тѣло ихъ лица и всей фигуры очень выразительно. Физиономiи обладаютъ очень рѣзкими, скажу даже жесткими и часто очень мелкими чертами.

Утвержденiе Феррье будто „честь и отечество для Афганцевъ слова лишеныя смысла“, мнѣ кажется совершенно несправедливо. Мнѣ случалось слышать какъ говорятъ Афганцы о своей странѣ и въ частности о Кабулѣ: это цѣлые потоки восторговъ и похвалъ Кабулу, его базарамъ, садамъ и пр. Когда Афганецъ заговоритъ о своихъ родныхъ горахъ, въ его рѣчи слышится цѣлая поэма. Но всего дороже для него „лицевая вода“, какъ они образно называютъ личную честь. Мнѣ не рѣдко приходилось слышать отъ покойнаго эмира что Англичане поступили съ нимъ такъ что „лицевая вода“ его пострадала, и вслѣдствiе этого, несмотря на всѣ ихъ послѣдующiя заманчивыя предложенiя, онъ повернулся къ нимъ спиной. То же я слышалъ отъ многихъ другихъ Афганцевъ и былъ свидѣтелемъ какъ они подтверждали свои слова дѣломъ. Что заставляло начальника конвоя въ ночь 10 февраля уговаривать своихъ возмущившихся солдатъ не

* I. P. Ferrier *History of the Afgans*. Lond. 1858.

нападать на меня? Вѣдь онъ за это уговариваніе подвергся даже побоямъ. Только одна честь, имѣнно его присага Лейнабу и признательность ко мнѣ за лѣченіе болѣзни. То же долженъ я сказать о Момъ-Синъ-ханѣ. Его любимыми словами были всегда: „еслабъ я долженъ былъ даже умереть на службѣ, то я не задумаюся бы предъ этимъ“. И онъ доказалъ это въ ту же памятную ночь 10 февраля, когда съ горстью своихъ людей удерживалъ натискъ толпы осаждавшей мое помѣщеніе. Двѣ пули просвистали надъ его головой, и только случайно онъ не былъ убитъ.

Можно замѣтить значительную разницу между Афганцами Восточнаго Афганистана и Гератцами, къ которымъ примыкаютъ также и жители Кандагарскаго оазиса *. Кабульцы болѣе рѣзки, самоувѣренны. Они имѣютъ болѣе важный видъ. Гератцы болѣе мягки; болѣе утомченны въ обращеніи. Кабульцы сумрачны, Гератцы веселы. Въ Кабульцѣ иногда замѣчается напыщенность, граничащая съ восточною неподвижностью; въ Гератцѣ привлекаетъ его ласковость. Кабульцы воины; Гератцы лѣвцы. Гератецъ не прочь и потанцевать, танцы Гератцевъ особенно славятся, а калѣвъ „Герати“ извѣстны во всей Средней Азіи; Кабулець никогда не допуститъ себя до „такого униженія“. Не могу не припомнить по этому поводу одного случая. Въ Шаарѣ, на обратномъ пути изъ Афганистана, эмиръ Бухарскій, желая выразить свою радость по поводу пріѣзда части русской миссіи, прислалъ въ помѣщеніе ея своихъ лѣвцовъ и танцоровъ. Во время танцевъ я спросилъ Кемаабъ-Магометь-Гассенъ-хана, вѣдавшего съ нами въ Ташкентѣ въ качествѣ афганскаго посла, какъ ему нравятся лѣвіе и танцы артистовъ, и получилъ отвѣтъ: „у насъ въ Кабуль любятъ и танцуютъ женщины, дамы“, прибавилъ онъ на ломаномъ французскомъ языкѣ. Въ этомъ отвѣтѣ звучало презрѣніе къ несчастнымъ артистамъ, смѣшанное со стыдомъ за лоруганіе мужскаго пола несвойственными ему дѣяніями. Наоборотъ, я часто имѣлъ возможность въ бытность въ Мазари-Шерифѣ слышать гератскихъ лѣвцовъ, исполнявшихъ свои странныя по мелодіи

* Считаю впрочемъ необходимымъ оговориться что западныхъ Афганцевъ видѣлъ не въ ихъ родныхъ городахъ и деревняхъ, а въ Афганскомъ Туркестанѣ, въ частности въ Мазари-Шерифѣ, гдѣ они были собраны по случаю пребыванія здѣсь эмира Шаръ-Али-хана.

лѣсни съ „чааръ-тарю“ (родъ гитары) въ рукахъ. Всегда такого лѣсна обступала толпа и по окончаніи аріи награждала артиста шумными выраженіями одобренія. Повидимому соседство Персовъ не осталось безъ вліянія на гератскихъ Афганцевъ въ смыслѣ смягченія ихъ нравовъ. Едва ли могутъ похвалиться тѣмъ же ихъ восточные сосѣда, Англичане. Благодаря Англичанамъ Афганцы узнали нѣкоторый толкъ въ дешевой европейской роскоши, и вмѣстѣ съ тѣмъ они переняли современное разрушительное вооруженіе, передали военную форму и военный строй. Благодаря этому соседству эмиръ Ширъ-Али-ханъ долженъ былъ образовать и содержать армію, вѣдшую тяжелымъ, непосильнымъ бременемъ на средства страны. Благодаря этому соседству Афганцы узнали что за деньги все можно купить и продать, даже совѣсть, чего прежде не было; судя по описаніямъ Эльфинстона и Бёрриса.

И. ЯВОРСКІЙ.

ЗЛОЙ ДУХЪ*

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

Въ то самое время какъ карета Глѣба Дмитриевича отъѣхала отъ мѣста катастрофы, съ противоположной стороны другая карета, запряженная ларою разномастныхъ извозничьихъ клячъ, съ деньщикомъ и чемоданами на козлахъ, лѣзливо остановилась предъ городовымъ, энергически подававшимъ знакъ сворачивать. Деньщикъ тотчасъ вступилъ въ споръ, заявляя, что они тутъ живутъ, сейчасъ за угломъ, и что сворачивать некуда. Городовой схватилъ лошадей подъ узды. Изъ окна кареты высунулся господинъ въ бѣлой походной фуражкѣ, съ везелями на погонахъ.

— Что еще такое? рѣзко и звонко окликнулъ онъ городского, и увидя что тотъ взялся за узды, весь вслыхнулъ и крикнулъ громче прежняго:—Пошелъ вонъ! пролустить!

Городовой сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Не велѣно пущать, ваше вскородіе! объяснилъ онъ.

*См. Русск. Вѣст. №№ 4, 5, 7 и 9.

Господи въ походной фуражкѣ, привыкшіи чтобъ ему говорили „ваше сіятельство“, разозлился еще больше, и высунувшись до пояса изъ окна, махнулъ затянутою въ бѣлоснѣжную перчатку рукой стоявшему вблизи приставу. Тотъ подошелъ.

— Я здѣсь живу; что жь мнѣ въ чужую квартиру прикажете вѣхаться, что ли? Я князь Ладожскій! обратился онъ къ нему тономъ презрительнаго раздраженія.

— Пропустить! апатично скомандовалъ приставъ.

— А съ городского прошу взыскать... я справлюсь... добавилъ Ладожскій.

— Что жь, ваше вскородіе, мы ни въ чемъ не виноваты, отозвался какъ бы даже съ удивленіемъ городской.

— Васъ, болвановъ, учить надо! крикнулъ князь. — Да что такое тутъ случилось? обратился онъ тѣмъ же презрительнымъ тономъ къ приставу.

— Генерала Мезенцова убили, отвѣтилъ тотъ.

— Какъ убили? кто убилъ? воскликнулъ Ладожскій.

— Неизвѣстно, двое какихъ-то... у нихъ пролетка была приготовлена, ускакали...

— Среди бѣла дня? на улицѣ? и ускакали? не вѣрилъ своимъ ушамъ князь.

Приставъ пожалъ плечами.

— Въ послѣдствіи, надо полагать, сыщутъ... промолвилъ онъ. Ладожскій то блѣднѣлъ, то краснѣлъ въ лицѣ.

— Ничего вы не сыщете! у васъ лодъ носомъ шефа жандармовъ убиваютъ, а вы плечами пожимаете! крикнулъ онъ рѣзко, — Федора Федоровича нѣтъ, онъ показалъ бы вамъ! Это чортъ знаетъ наконецъ что такое, до чего доходить. — Пошелъ! махнулъ онъ кучеру.

И опустясь на подушку, онъ проворчалъ сквозь стиснутые зубы, неизвѣстно къ кому обращаясь:

— Мерзавцы!

Въ квартирѣ Анатоля Павловича съ пріѣздомъ его поднялась суетня. Онъ писалъ неопредѣленно, и Анна Всеволодовна хотя еще со вчерашняго дня нарочно оставалась въ городѣ, не знала когда именно ждать его. Въ пеньюарѣ, съ раслушенными еще волосами, отчего ея изящно-маленькая фигура казалась стройнѣе и выше, догадавшись по хлопавью дверьми и громкимъ голосамъ прислуги о пріѣздѣ мужа, она

выбѣжала черезъ всѣ комнаты на встрѣчу и обвила руками вокругъ его шею.

— Какъ же можно было не телеграфировать! упрекнула она, не разжимая рукъ и отступая вмѣстѣ съ нимъ маленькими шажками въ гостиную.—Я бы выбѣжала на встрѣчу...

— Вотъ потому-то и не телеграфировалъ; я вѣдь знаю что вы не любите рано вставать, отвѣчалъ князь, обнимая жену и наклоня къ ея губамъ загорѣлое лицо съ рѣзко отгнѣннымъ бѣлымъ лбомъ. — Ну, дай же посмотрѣть на тебя... продолжалъ онъ, поворачивая ее обѣими руками къ свѣту.

— Постарѣла, пожелтѣла, подурнѣла! говорила княгиня, улыбаясь и дѣлая быстрыя движенія головой, какъ будто хотѣла увернуться отъ его взгляда.—Но какъ ты загорѣлъ, я еще никогда тебя такимъ не видѣла.

Анатоль еще разъ поцѣловалъ ее и выпрямившись взглянул на себя въ зеркало.

— Да, оцѣвѣтъ лица тамъ ужь некогда было думать, сказалъ онъ съ короткимъ смѣхомъ.—Слава Богу что цѣлъ вернулся.

Анна Всеволодовна лорывисто прижалась къ нему.

— Ахъ, ужь не будемъ вспоминать... что я вытерпѣла тутъ, когда по цѣлымъ недѣлямъ отъ тебя не было писемъ! сказала она.—Но будемъ завтракать! Я нарочно эти дни на городской квартирѣ, въ ожиданіи тебя. Тутъ всѣ твои вещи, ты все найдешь. Но ты слышалъ что случилось? какой ужасъ! Мнѣ люди сейчасъ сказали...

— Чортъ знаетъ что у васъ тутъ дѣлается, отозвался Анатоль.—Въ Трелова стрѣляли, да еще оправдали; теперь Мезенцова среди дня убили, и даже не схваченъ никто... Это какъ въ Варшавѣ было!

— Ужасъ что такое! подтвердила Анна Всеволодовна.

— Но сними же саблю и пойдемъ въ твой кабинетъ, я вею туда подать завтракать.

Анатоль отцѣпилъ саблю и бросилъ ее на стульяхъ.

— Я говорилъ что если гвардію ушлютъ то тутъ чортъ знаетъ что будетъ, проворчалъ онъ, идя вслѣдъ за женой.

Въ кабинетѣ онъ зорко оглянулся по сторонамъ, и замѣтивъ что все на мѣстѣ и въ порядкѣ, потянулся съ видомъ усталости и опустился на диванъ.

— Только въ походѣ и научаешься цѣнить наслажденія

домашняго комфорта, сказалъ овъ.—Но дача у тебя, надѣюсь, приличная? вдругъ прѣшло ему на умъ.

— Даже хорошенькая; небольшая, но особнякъ, отвѣтила Анна Всеволодовна.

— Очень неприятно было бы еслибы замѣтили что безъ меня ты тутъ скупилъсь, выгадываешь... пояснилъ Анатолий свой вопросъ.—Ну, что наши?

— Всѣ здоровы; лала и Пашу я вчера видѣла.

— Ты мнѣ расскажешь потомъ обо всемъ. Я получилъ нѣсколько наградъ, ты знаешь...

— Ахъ да, я и не поздравила тебя, спохватилась княгиня.—Ты доволенъ?

Анатолий сдѣлалъ небрежную гримаску.

— У меня на этотъ счетъ непогрѣшимое мѣрило: завидуютъ—значитъ служба идетъ какъ слѣдуетъ, отвѣтилъ овъ.— Но только до чего вообще швыряли наградами, ни на что не похоже. Улусовъ моложе меня—его въ генералъ-майоры. Графу Рабеву Владимира съ мечами... овъ самъ удивился! Вообще множество такихъ карьеръ что только руками развести.

И Анатолий, внезапно оживившись, торопливо и рѣзко высказалъ все что главнымъ образомъ наболѣло у него за годъ войны, то-есть высчиталъ всѣ производства и награды, всѣ скоростѣныя карьеры, которыя овъ считалъ какъ-бы личнымъ для себя оскорбленіемъ. Овъ былъ неистощимъ, и разрывая здоровыми бѣлыми зубами котлетку, возвышался до остроумія, до творчества. Все что овъ видѣлъ за Дунаемъ было по его словамъ безконечнымъ рядомъ ошибокъ, въ которыхъ выразилась глупость, шутовство и пролазничество всѣхъ тѣхъ кто такъ или иначе обскакалъ его по службѣ. Овъ сыпалъ именами, цифрами, анекдотами, и чувствуя что это у него хорошо выходитъ, оживлялся все болѣе.

Анна Всеволодовна не хотѣла отнять у него этого удовольствія, хотя ей казалось что были другіе интересы которые могли бы занять ихъ въ эти первыя минуты свиданія. На лицѣ ея мелькала и пропадала снисходительная улыбка, съ какою слушаютъ думая о другомъ.

— А знаешь, я тутъ очень сошлась съ одною прелестною дѣвушкой, Волчець-Соколинской—ты не слыхалъ? прервала она его наконецъ.

Анатолий сдѣлалъ отрицательный знакъ.

— Онъ прѣзжія, мать и дочь, продолжала Анна Всеволодовна; — мы почти подружались. Въ Ларисѣ что-то свѣжее, не похожее на здѣшнихъ барышень; она точно ландышъ... ты помнишь какъ я люблю ландыши. Но неужели ты не слышала этой фамиліи? Они даже сродни Ладожскимъ.

— У пала страсть признаваться въ родствѣ со всеми кто только выщется, возразилъ Анатолю.—Какая-нибудь десятая вода на кисель... я этого не понимаю.

Княгиню немножко покоробилъ этотъ тонъ.

— Я думаю что ты не будешь пренебрегать ими когда узнаешь ближе, сказала она. — Къ сожалѣнію у нихъ телерь трауръ. Лариса должна получить послѣ дѣдушки громадное состояніе, говорятъ, больше милліона.

— А-а! протаянулъ какъ бы съ небрежностью Анатолю, хотя въ сущности это свѣдѣніе заставило его мгновенно переиживать мнѣніе о провинціальной роднѣ.—Такъ что онъ вполнѣ... du monde?

— Мнѣ кажется... отвѣтила Анна Всеволодовна съ нѣкоторою нерѣшительностью, выражавшею что она не совсѣмъ присоединяется къ значенію какое имѣлъ этотъ вопросъ въ устахъ мужа.

— Да, Волчецъ-Соколицкіе, я припоминаю... они въ родствѣ съ Нестужевыми и дѣйствительно чѣмъ-то намъ доводятся; во всякомъ случаѣ это историческое имя, и они всегда были страшно богаты, продолжалъ Анатолю, у котораго внезапно освѣжилась родственная память.—Что жъ, ты хорошо сдѣлала... Но кстати, какіе у тебя планы на выѣзную зиму? Опять вторники и балъ 3 февраля?

— Какъ хочешь; мнѣ кажется это удобно. Безъ тебя я мало прииимаю, вторники будутъ почти новостью, согласилась княгиня.

— Но ты не очень скучала? я разчитывалъ что пала и братъ будутъ заботиться о тебѣ... сказалъ какъ бы вскользь Анатолю.

— О да, я не знаю какъ благодарить ихъ, они меня просто подавляли своимъ вниманіемъ, съ живостью отозвалась Анна Всеволодовна.—Паша, ты знаешь, вѣдь немножко влюбленъ въ меня, добавила она скороговоркой, въ которой какъ будто прозвучала какая-то напряженная нота.—Мы съ нимъ очень подружались, что впрочемъ не мѣшаетъ намъ каждый день ссориться.

Анатоль улыбнулся, какъ улыбаются пустякамъ которые разказываетъ ребенокъ.

— Мнѣ кажется придется значительно освѣжить квартиру, заговорилъ онъ дѣловымъ тономъ, снова оживляясь.—Я объ этомъ все время думалъ. Тамъ въ Адрианополѣ я было принялся накулатъ разныя восточныя вещи—знаешь, шитье, ковры... у меня была идея создать одну турецкую гостиную... Это было бы оригинально и могло бы войти въ моду... Но потомъ какъ я увидѣлъ что все офицерство бросилось на эти вещи, я пересталъ. Кое-что ты найдешь впрочемъ... такъ, для образца. Но представь себѣ что всѣ армейскіе майоры, интендантскіе чиновники, навезли этой дряни. Послѣ этого моя идея дѣлается невозможною, ты понимаешь? Это будетъ самаго дурнаго тона. Пойдемъ, я покажу тебѣ что я хочу сдѣлать.

Онъ схватилъ ее подъ руку и потащилъ въ парадныя комнаты, объясняя какіе онъ придумалъ выбрать обои и какіе можно сдѣлать „уголки“ въ большой гостиной, если разшвырять мебель по новой системѣ и перекрыть ее новыми матеріями. Все это крайне занимало и увлекало его, и онъ имѣлъ видъ человека готоваго послѣ долгихъ лишеній возвратиться къ самымъ пріятнымъ заботамъ и привычкамъ модной жизни.

X.

Переодѣвшись и распорядившись вещами, Анатоль захватилъ къ отцу въ комитетъ и условился чтобы вся семья обѣдала у нихъ на дачѣ.

Анна Всеволодовна была прелестная хозяйка. Несмотря на отличную прислугу и вообще условія богатаго дома, чувствовалось что-то ея собственное, личное, въ томъ красивомъ и миломъ порядкѣ который у нея царствовалъ и къ ней притягивалъ. Кажется каждая мелочь здѣсь больше нравилась оттого что заранѣе была ею одобрена.

Павелъ Платоновичъ привезъ съ собою Глѣба Дмитриевича. Анатоль не очень его любилъ и выражался иронически что находить его слишкомъ для себя умнымъ, но такъ какъ Зимовьева уважали въ свѣтѣ, то близкія отношенія съ нимъ были ему пріятны. Анна Всеволодовна, напротивъ, дично

была очень расположена ко Глѣбу Дмитріевичу и чрезвычайно ему обрадовалась.

Послѣ первыхъ привѣтствій и распросовъ разговоръ перешелъ къ событію о которомъ уже толковалъ весь городъ.

— Объясните мнѣ пожалуйста, что же это наконецъ такое? что у васъ тутъ дѣлается? Я пріѣзжаю изъ Турціи, гдѣ велась война, и первое на что я наталкиваюсь—убійство министра, среди бѣла дня, въ центрѣ города! Русскій генералъ, безнаказанно зарѣзанный въ русской столицѣ! говорилъ своимъ рѣзкимъ и звонкимъ голосомъ Анатолю, обращаясь ко всемъ присутствующимъ.

— Меня не спрашивайте, я самъ только-что пріѣхалъ; во вотъ князь, представляющій одну изъ властей предержавшихъ, не далѣе какъ вчера успокаивалъ меня что агитація притихла и не заслуживаетъ вниманія, отозвался Глѣбъ Дмитріевичъ навстрѣчу какъ бы сконфуженному взгляду Павла Платоновича.

— Какая же я власть предержавая! возразилъ тотъ;—я всего только служащій дворянинъ, да и то по большому ко мнѣ снисхожденію. А успокаивалъ я васъ не по собственному убѣжденію, котораго сидя въ Петербургѣ даже и имѣть не могу, а со словъ тѣхъ кому дѣйствительно не мѣшало бы больше знать.

— Чего добраго, будутъ и теперь толковать что ничего особеннаго въ сущности не случилось... вѣдь выпустили же на свободу эту... какъ ее... которая въ градоначальника стрѣла, продолжалъ Анатолю.—По-моему, если завтра не объявятъ Петербургъ въ осадномъ положеніи, то чрезъ мѣсяць здѣсь жить нельзя будетъ.

Володя, сидѣвшій рядомъ съ братомъ, только взглядывалъ на него, когда тотъ говорилъ. Анатолю наконецъ замѣтилъ это и рѣско обернулся къ нему.

— Что ты на меня смотришь? Ну да, осадное положеніе и прекращеніе всѣхъ этихъ судовъ присяжныхъ... и высылка всѣхъ подозрительныхъ лицъ въ двадцать четыре часа... сказалъ онъ.

Нѣжное лицо Володи слегка вспыхнуло.

— А потомъ? спросилъ онъ.

— Что потомъ? Потомъ прекратятся всѣ эти мерзости, вотъ и все, отвѣтилъ Анатолю.

Паша, желавшій помѣшать дальнѣйшему спору между братьями, возразилъ своимъ обычнымъ невозмутимымъ тономъ, лѣнливо растягивая слова:

— Ну, я думаю время для этихъ мѣръ пропущено, то-есть а хочу сказать ихъ недостаточно. Революціонной партіи дали чрезвычайно усилиться.

— То-есть ей дали набраться дерзости, ты хочешь сказать, поправилъ Анатолий.—А если имъ задать хорошую остротку, то будьте увѣрены что никто изъ нихъ не полѣзетъ на ви-сѣлицу.

— Только чтобы повѣсить, прежде поймать надо, вставилъ Володя.

— Въ самомъ дѣлѣ, какой позоръ что убійцы могли скрыть-ся! замѣтила Анна Всеволодовна.

— Чтò такое что скрылись, по-моему еще позорище было когда оправдали ту... стриженую... Засулчицъ, что ли... продолжалъ разворахаясь Анатолий.—Когда мы въ Санъ-Стефано прочли въ иностраныхъ газетахъ, у насъ никто вѣрить не хотѣлъ. Оттого я и говорю что нужно осадное положеніе, и всѣхъ политическихъ судить военнымъ судомъ.

— И будутъ, конечно; только едва ли вы *сегодняшнихъ* этимъ запугаете, возразилъ Володя.

— Ну, поладись они мнѣ въ руки, я сумѣлъ бы ихъ лугнуть, отвѣтилъ Анатолий, сжимая въ кулакъ свою большую, но красивую руку.

Володя, наклонясь надъ тарелкой, прощически улыбался.

— Будемъ ждать... только пока вотъ случилось что шефъ жандармовъ попался имъ въ руки... сказалъ онъ.

— А тебѣ, чтобы ты не разсуждалъ такимъ образомъ, я бы уши надралъ! круто оборвалъ его братъ.

— Анатолий, ты забываешь что тутъ люди! вмѣшалась по-французски Анна Всеволодовна.

Володя при рѣзкой фразѣ брата мгновенно поблѣднѣлъ, такъ что тонкая кожа его сдѣлалась почти прозрачна, но встрѣтившись со взглядомъ княгини сдержался и замолчалъ; только голубые глаза его какъ-то потемнѣли, и въ нихъ точно сверкнули и пропали злыя искры.

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, что за споръ! сказалъ со своей стороны и Павелъ Платоновичъ.

Анна Всеволодовна велѣла подать кофе въ своемъ будуарѣ, подъ раскрытыми окнами котораго тихо плескалась Нева и мелькали дымки пароходовъ. Все общество перешло туда, за исключеніемъ Володи, который куда-то исчезъ, ни съ кѣмъ не простившись.

— Я нарочно его оборвалъ, потому что изъ мальчишки чортъ знаетъ что выйдетъ, сказалъ Анатолий, какъ бы оправдываясь въ своей рѣзкости.

— Овъ какой-то нервный, съ нимъ надо совѣмъ иначе, замѣтила Анна Всеволодовна, подавая кофе Павлу Платоновичу и взглядывая на него при этомъ съ особымъ, имъ обоимъ понятнымъ значеніемъ. Князь въ отвѣтъ чуть-чуть повелъ плечомъ, какъ бы говоря: „знаю, но что жь я могу сдѣлать!“

Каждый избѣгалъ возобновить прерванный за обѣдомъ разговоръ, и между тѣмъ овъ все-таки возобновился, какъ это непремѣнно бываетъ когда одно и то же впечатлѣніе подавляетъ всѣхъ.

— Любопытно, однако, что сдѣлаетъ правительство; вѣдь какія-нибудь мѣры необходимы же! сказалъ какъ бы отвѣчая на собственную мысль Паша.

Лицо Павла Платоновича приняло то почти забавное выраженіе тщетной сосредоточенности, которое у него всегда являлось когда его спрашивали что сдѣлаетъ правительство.

— Можетъ-быть учредить конную полицію, такъ какъ убійцы ускакали на рысакѣ, предположилъ овъ свойственнымъ ему замысловато-простодушнымъ тономъ, по которому никогда нельзя было судить, провизируетъ овъ или нѣтъ.

— Но невѣроятно чтобы лошадь, кучеръ, дрожки—все это могло исчезнуть безслѣдно въ Петербургѣ! сказала Анна Всеволодовна.

— Зачѣмъ еще конную полицію — просто окружить войсками Петербургъ и приказать имъ пройти его насквозь, не оставивъ необшареннымъ ни одного чердака или подвала, возразилъ отцу Анатолий, показывая движеніями пальцевъ, какъ ему представляется „пройти Петербургъ насквозь“.

— Что-нибудь надо... сегодняшнее событіе ужъ не походитъ на прежніе подвиги нашихъ революціонеровъ; очевидно что съ ними теперь приходится вести серіозные счеты, сказалъ Павелъ Платоновичъ.

Глѣбъ Дмитриевичъ съ недовѣріемъ взглянулъ на него.

— Вотъ этого-то я больше всего и боюсь, вашихъ серіозныхъ счетовъ, замѣтилъ овъ. — Вѣдь это значитъ—рядъ репрессивныхъ полумѣръ, а затѣмъ, когда убѣдятся что ими както не залуганъ—система заигрыванія, какъ было въ Варшавѣ.

— Что жь, можетъ-быть придется и на уступки пойти! сказалъ Павелъ Платоновичъ:— ясно что революціонная партія сдѣлалась силой.

— Ну конечно: вчера это была шайка сумасбродовъ, которой не стоить придавать значенія, а сегодня это политическая партія и сила... такъ всегда у насъ! возразилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.— Но вѣдь партія это значить составная часть государства, опирающаяся на сильный социальный элементъ. Какимъ же образомъ вы рѣшаетесь называть какихъ-то невѣдомыхъ бунтарей партией? На кого и на что они опираются? Это не партія, а шайка руководимая враждебными Россіи цѣлями и интересами, но эта шайка дѣйствительно получаетъ силу въ нашемъ собственномъ безсиліи и ошѣмѣніи.

— Потому-то я и говорю что съ ними приходится считаться, повторилъ Павелъ Платоновичъ.

— Вѣдь и съ ворами считаются: ихъ ловятъ и судятъ, возразилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Только едва ли этимъ ограничивается задача государства, продолжалъ князь.— Размноженіе воровъ указываетъ что положеніе дѣлъ въ государствѣ не благополучно, и что слѣдовательно необходимы общія мѣры для борьбы съ обнаружившимся зломъ.

— Совершенно вѣрно, согласился Зимовьевъ;— но вѣдь общія мѣры бываютъ разныя. Вѣроятно вы не скажете что если преступленія противъ собственности стали чаще, то надо ослабить самыя понятія и законы о собственности, понизить мѣру взысканій, словомъ, пойти такъ-сказать навстрѣчу проявившейся злой силѣ? А у насъ найдутся умники которые, видя безуспѣшность полицейскихъ мѣръ, захотятъ обезоружить анархію уступками и разведутъ такую либеральную слякоть что все и всѣ поскользнутся въ ней. Вѣдь мы все еще вертимся въ заколдованномъ кругу либерализма и реакціи, и пока не перестанемъ въ немъ вертѣться, не сдвинемся съ мѣста.

— Да, но какъ сдвинутся? произнесъ тономъ недоумѣнія Павелъ Платоновичъ.

— Какъ сдвинутся? переспросилъ оживляясь Глѣбъ Дмитріевичъ.— Вернуться лицомъ къ Россіи, отказаться отъ того что дѣлалось въ Берлинѣ — вотъ что нужно прежде всего! Васъ удивляетъ неслыханная дерзость крамольниковъ, но

развѣ они посмѣли бы такъ нагло подвѣять голову еслибы не чувствовали что въ Берлинѣ придавлена та живая Россія которой они лучше всего боятся и которая одна можетъ дать имъ настоящій отпоръ! Да нѣтъ, тутъ у васъ не поймутъ этого, потому что русскій человѣкъ давно въ васъ умеръ. Глѣбъ Дмитриевичъ раскурилъ сигару и прибавилъ съ на-пряженною улыбкой:

— Пожалуста, будемъ говорить о другомъ.

XI.

Володѣ не удалось ускользнуть никѣмъ не замѣченными: только-что онъ успѣлъ выйти въ залу, какъ услышалъ за собой легкіе шаги, по которымъ тотчасъ узналъ Анну Всеволодовну. Въ ту же минуту ея голосъ осторожно окликнулъ его. Онъ обернулся.

— Уходите? сказала княгиня, взглянувъ прямо ему въ глаза внимательными, ласковыми глазами.

— Да... я не хотѣлъ безлокоить всѣхъ, прощаться.... отвѣтилъ Володя, и его нѣжное лицо мгновенно покрылось легкой краской.

— Но вы не сердитесь на Анатоля?

— Нисколько. Это вѣдь не первый разъ.

Анна Всеволодовна протянула руку, которую Володя тотчасъ схватилъ и, краснѣя еще больше, поцѣловалъ.

— Куда же вы пойдете? спросила княгиня.

— Да куда-нибудь.... отвѣтилъ Володя, увертываясь смутившимися глазами отъ ея внимательнаго взгляда.

— Не хотите сказать? молвила она уже печально.

— Какъ же я скажу? вы не знаете всѣхъ моихъ знакомыхъ.

— Я и не могла бы ихъ знать.... тѣхъ съ которыми вы кутите....

Володя снова вслыхнулъ, и на этотъ разъ глаза его какъ-то непріятно блеснули.

— Какъ бы это я сталъ кутить? мнѣ отецъ даетъ такъ мало денегъ.... возразилъ онъ.

— Потому что вы ихъ дурно тратите, сказала Анна Всеволодовна.

— А можетъ-быть и не потому.... быстро проговорилъ Володя, и съ выраженіемъ вызова подвѣялъ свои большіе голубые глаза.

На лицѣ княгини отразилось недоумѣніе.

— Я знаю что я не такой какъ всѣ, и не могу себя передѣлать.... продолжалъ Володя, избѣгая отвѣта на ея вопросительный взглядъ. — И мы уже столько разъ говорили объ этомъ....

Анна Всеволодовна все такъ же внимательно и немножко грустно смотрѣла на него.

— Когда вы бываете съ вашими знакомыми, мнѣ бы хотѣлось чтобы вы иногда вспомнили обо мнѣ.... о томъ что я боюсь за васъ.... сказала она странно дрогнувшимъ голосомъ, и во всѣхъ чертахъ ея подвижнаго лица какъ будто внезапно выразилось и пропало ощущеніе боли. — Общаете? прибавила она съ едва мелькнувшею улыбкой.

— Хорошо, сказалъ Володя, и тоже насильно усмѣхнулся.

Онъ поклонился, но Анна Всеволодовна продолжала стоять посреди комнаты, какъ будто не отпуская его.

— Завтра поутру заѣзжайте ко мнѣ.... Анатоля вѣроятно не будетъ, а я хочу васъ видѣть, сказала она.

— Пріѣду, отвѣтилъ нерѣшительно Володя.

Онъ прошелъ черезъ садикъ, на ходу вынулъ часы, взглянулъ и послѣшню направился къ пристани. Блѣдное, жемчужно-красивое лицо его нѣсколько минутъ сохраняло напряженное выраженіе, вызванное только-что прерваннымъ разговоромъ; но очевидно другія мысли вскорѣ овладѣли имъ, и что-то своевольное, радостно-возбужденное и страстное задело у него въ глазахъ и въ юношескомъ изгибѣ губъ. Заслышавъ свистокъ, онъ пошелъ еще скорѣе, прыгнувъ черезъ бортъ пароходика и усѣлся, поднявъ отъ вѣтру воротникъ и надвинувъ шляпу.

Онъ задумался и не замѣтилъ какъ какой-то молодой человѣкъ, довольно плохо одѣтый, перешелъ качаясь съ другаго конца парохода и сѣлъ подлѣ него. Съ минуту этотъ господинъ смотрѣлъ прямо ему въ лицо, забавляясь его задумчивостью, и наконецъ хлопнулъ его по ногъ. Володя вздрогнулъ.

— Ахъ, это вы.... сказалъ онъ, послѣшню подавая руку.

— А вы о чемъ это такъ мечтаете? вѣдь съ васъ часы можно снять, подсмѣялся молодой человѣкъ. — Откуда? къ роднымъ все ѣздите нынче?

— Я въ городъ ѣду, отвѣтилъ не на вопросъ Володя.

— Вижу что въ городъ, засмѣялся знакомый. — Галерная, номеръ шестнадцатый.

— Это я думаю не ваше дѣло, сухо отозвался Володя.

— У меня, какъ вамъ извѣстно, вообще своихъ дѣлъ не бываетъ, сострилъ знакомый. — А вотъ по вашему дѣлу мнѣ хотѣлось бы словечка два съ вами перемолвить.

Легкое нервное движеніе отразилось на лицѣ Володи.

— По какому именно? спросилъ онъ почти презрительно.

— Да Венделевичъ сегодня спрашивалъ о васъ...

— Чтò жь ему надо? Вѣдь я съ нимъ уже устроилъ, проговорилъ хмурясь Володя.

— Въ томъ-то и штука что тутъ затрудненьце выходить. На пароходѣ-то намъ разговаривать неудобно, а вы заходите вечеркомъ къ Лазарю Ивановичу, тамъ и побесѣдуемъ.

— Олять игра будетъ? спросилъ какъ бы съ неудовольствіемъ Володя.

— Еще и какая! отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Алеша отда проводилъ, теперь у него денегъ куча — развернется! Магдалинка обѣщала тоже своего привести... Приходите непременно. Придете?

Володя отвернувшись молча смотрѣлъ за бортъ.

— Хорошо, приду, сказалъ онъ черезъ минуту.

Его брови олять нахмурились, съ лица какъ будто сбѣжали краски. Грустно-вопросающій взглядъ Анны Всеволодовны словно смотрѣлъ ему въ душу, шевела въ ея тайной глубинѣ скребущее чувство укоризны и раскаянія. Ему хотѣлось отогнать это чувство. „Еслибъ она знала... еслибъ она знала что я не могу дѣлать иначе, что я не принадлежу себѣ, не властенъ надъ собою... Еслибъ она знала какими минутами счастья мнѣ платать, какую жизнь я переживаю...“ кружилось въ его мозгу подъ мѣрное покачиванье парохода, скользившаго по разошедшейся зыби.

Черезъ полчаса онъ поднялся по лѣстницѣ на четвертый этажъ большаго, мрачнаго дома. Горничная влустила его въ темноватую прихожую.

— Катерина Петровна одна? спросилъ онъ.

— Одиѣ-съ, пожалуйста.

Онъ вошелъ въ гостиную и остановился предъ портьерой, отдѣлявшею ее отъ другой комнаты. Тамъ прямо противъ входа, на кушеткѣ, лицомъ къ нему лежала съ олущенною въ рукѣ книгой женщина замѣчательной наружности. Она была не самой первой свѣжести, ей можно было дать лѣтъ двадцать шесть и даже болѣе; но рука времени очевидно еще не

смѣла коснуться ея изящной красоты. Казалось этихъ лѣтъ едва было достаточно чтобы дать ей полное развитіе, сообщить выразительную опредѣленность изящнымъ чертамъ и ту высшую какъ бы внутреннюю прелесть, какую налагаетъ на человѣческое лицо пережитый опытъ сердца, переболѣвшее страданіе, залѣченная, но не зажившая рана. Въ этомъ непередаваемомъ выраженіи, въ которомъ неугомонившаяся сила жизни и молодости какъ будто блѣднѣла и вяла подъ дыханіемъ пережитаго страданія, сосредоточивалась можетъ быть вся прелесть этого затаенно страстнаго, нервнаго лица, неподвижно покоившагося на упругой массѣ блестящихъ, темныхъ, но не черныхъ волосъ. Въ красотѣ роскошной, торжествующей, счастливой, есть что-то вызывающее, почти оскорбительное; она не захватитъ сердца съ тою неотразимою, мучительною властью, съ какою вторгается въ него красота уже тронутая отравленнымъ дыханіемъ страсти и страданія.

При входѣ Володи Катерина Петровна не пошевелилась, только глубокіе синіе глаза ея какъ будто шире раскрылись, улыбаясь и зовя его. Она знала что онъ придетъ въ этотъ часъ, ей почти казалось что онъ уже съ нею. Когда онъ подошелъ, лежавшая на колѣняхъ книга тихо скользнула и стукнула объ полъ, и нѣжныя, словно выточенные изъ кости, молочныя и блестяція какъ кость руки обвилась вокругъ его шеи.

— Здравствуй... чуть слышно проговорила она.

Володя не смѣлъ пошевелинуться, не смѣлъ поднять голову; почти не дыша, охваченный внезапнымъ и радостнымъ ольпаніемъ, онъ точно сквозь сонъ видѣлъ предъ собой это несказанно милое и дорогое лицо, чувствовалъ его теллоту, задыхался тѣмъ раздражающимъ до боли ощущеніемъ, какое даетъ только неизмѣримая и счастливая страсть.

— Тебя не задержали? не отняли у меня? говорила Катерина Петровна, радостно улыбаясь глазами, губами и перебирая пальцами его мягкіе какъ шелкъ кудри.—Я все боялась и старалась увѣрить себя что сегодня тебѣ никакъ нельзя будетъ придти, а вмѣсто того только сильнѣе ждала, и наконецъ мнѣ стало казаться что ты тутъ, что я тебя держу рукой. Когда я о тебѣ думаю, мнѣ всегда кажется что ты здѣсь, что я слышу твой голосъ. Съ тобой бываетъ? ты думаешь обо мнѣ вотъ такъ.... до усталости. до галлюцинаціи?

Володя не отвѣчалъ. Примостившись на краешкѣ кушетки, онъ нагнулся и молча, медленно, бесцѣтно цѣловалъ ея обнаженные ло локоть руки. Она чувствовала его горячее дыханіе, щекотанье его рѣсницъ, потомъ жаръ слезъ, внезапно пролившихся изъ его глазъ. Удивленная, она обѣими руками подыала его голову и приблизила ее къ себѣ.

— Что съ тобой? отчего ты плачешь? спросила она тревожно, вглядываясь въ его глаза, которые онъ жмурилъ чтобы смигнуть слезы.—Милый, да что же съ тобою?

— Ничего... я только слишкомъ, слишкомъ люблю тебя! проговорилъ онъ почти забавнымъ, по-дѣтски тонкимъ и плачущимъ голосомъ, тѣмъ голосомъ въ которомъ сквозь слезы дрожитъ и смѣется безумное счастье.

ХІІ.

Володя развился преждевременно. Въ дѣтствѣ это былъ хилый и нервный ребенокъ съ прозрачною кожей и задумчиво внимательнымъ взглядомъ большихъ глазъ, обыкновенно предвѣщающимъ недолгую жизнь. Окруженный докторами и няньками, онъ подвергся всѣмъ послѣдствіямъ обязательнаго баловства съ какимъ относятся къ больнымъ дѣтямъ. На его недостатки и капризы смотрѣли не серьезно, у каждаго являлась мысль: вѣдь не проживетъ, пусть ужъ себѣ! Но ребенокъ къ общему удивленію сталъ поправляться, сохранивъ только чрезвычайную нервозность и стройную тонкость сложенія. вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ обнаружился очень ранній способности и страсть къ чтенію.

Дома онъ росъ одинъ. Старшіе братья поступили уже въ учебное заведеніе и онъ видѣлъ ихъ только по праздникамъ. Они на него не обращали вниманія и иногда со свойственною дѣтямъ жестокостью оскорбляли его неосторожно и мучительно. Притомъ у Володи не было съ ними ничего общаго: онъ въ сущности былъ развитѣе ихъ. Ему приходили въ голову вопросы надъ которыми они никогда не задумывались. Ихъ мысли вообще были такія ясныя, несложныя, кадетскія, что Володѣ почти не о чемъ было и разговаривать съ ними. Разница въ характерахъ Анатоля и Паши въ то время еще не обозначилась. Володя расходясь съ ними во всемъ мало-малу отъ холодности перешелъ къ болѣе враждебному

чувству, и это чувство перенесъ на все что ихъ занимало и что они любили. Онъ возненавидѣлъ военное воспитаніе, военную карьеру, а позднѣе и весь складъ ихъ понятій и отношеній къ окружающему.

Князь Павелъ Платоновичъ, удрученный скандальнымъ разрывомъ съ женой, занятый службой и свѣтомъ, относился къ обязанностямъ отца довольно небрежно. Обстоятельства интимнаго характера дѣлали его притомъ болѣе холоднымъ къ Володѣ чѣмъ къ старшимъ сыновьямъ. Ребенокъ инстинктивно замѣчалъ это и думалъ объ этомъ. Онъ былъ крайне самолюбивъ, даже гордъ, и понималъ свое превосходство надъ братьями. Со своею болѣе тонкою организаціей онъ больше ихъ былъ расположенъ любить отца. Почему его не любили? Случайная неосторожность одного изъ домашнихъ лицъ подказала ему неожиданное объясненіе. Володя сильнѣе почувствовалъ необычное одинокое положеніе въ семьѣ и сталъ чаще прежняго задумываться.

Мечтать, думать о чемъ-то своевольно тѣснившемся въ голову и въ сердце, было у него привычкою ранняго дѣтства. Фантазія у него какъ у всѣхъ болѣзненныхъ или артистическихъ натуръ развилась сильнѣе другихъ способностей, и эта неправильность отвѣчала неправильностямъ его положенія, литая какую-то странную неохоту къ жизни, вмѣстѣ съ затаенною жаждой чего-то неизвѣданнаго, жуткаго и страстнаго, не похожаго на то чѣмъ живутъ другіе люди.

По причинѣ слабаго здоровья Володю отдали въ учебное заведеніе довольно поздно, когда въ немъ укоренились уже привычки домашней свободы и уединенія. Онъ не сошелся ни съ кѣмъ изъ товарищей и возненавидѣлъ дисциплину пансіонской жизни. Учился онъ не дурно, благодаря счастливымъ способностямъ, но у начальства считался мальчишкомъ своевольнымъ и даже подозрительнымъ. Взяться за него не сумѣли, да и не находили нужнымъ много надъ нимъ задумываться, рѣшивъ заблаговременно что онъ „неудобенъ“ и поэтому вылетитъ до окончанія курса. И Володя дѣйствительно вылетѣлъ. Его тайное желаніе совпало въ этомъ случаѣ съ желаніемъ начальства, и онъ самъ постарался раздуть какую-то пустую исторію изъ тѣхъ что безпрестанно случаются въ казенныхъ пансіонахъ. Павелъ Платоновичъ, встревоженный и раздраженный, рѣшился взять его изъ заведенія.

Волода, несмотря на раннія лѣта, въ ту пору уже значительно опредѣлился. Вмѣстѣ съ физическимъ переломомъ

изъ котораго онъ вышелъ съ хрупкимъ и нѣжнымъ на видъ, но въ сущности здоровымъ организмомъ, закончился и преждевременный внутренній процессъ развитія. Володя очень много читалъ, жадно и безъ достаточнаго разбора. Больше всего его интересовали романы и тотъ quasi-политическій родъ литературы, тайной и явной, которая вышла изъ отрицательныхъ отношеній къ дѣйствительности. Эта литература питала давно вкоренившееся въ немъ чувство озлобленія къ окружающему, исходившее изъ неудовлетворенной потребности личной эгоистической любви. Онъ присоединился къ самымъ крайнимъ идеямъ и воспитывалъ ихъ въ себѣ тѣмъ съ большимъ упорствомъ что онѣ совладали со всею совокупностью враждебныхъ противорѣчій въ какихъ онъ находился среди семьи. Это были его собственные идеи, которыхъ онъ не дѣлилъ ни съ кѣмъ изъ князей Ладожскихъ и которыя онъ иногда ставилъ имъ въ упоръ, словно раслачиваясь ими за какую-то личную обиду. Его фантастическую натуру привлекало можетъ-быть и то что въ его лицѣ идеи усвоенныя общественнымъ подпольемъ пріобрѣтали титулъ и аристократическое имя...

Надѣясь на свои способности Володя сталъ готовиться въ университетъ, и еслибы дѣло заключалось только въ способностяхъ, то онъ безъ сомнѣнія успѣлъ бы. Но требовалось также то чего у него не было: привычка къ ежедневному труду, спокойная воля надъ самимъ собою. Володя, послѣ вѣсколькихъ дней усидчивой работы, чувствовалъ потребность болѣе разнообразныхъ и острыхъ впечатлѣній. Въ немъ жилъ полу-артистъ и полу-волкъ, и этотъ внутренній врагъ тянулъ его въ дѣсъ. У него завелась свои собственные случайныя знакомства въ той подозрительной средѣ веселящейся молодежи которая скользитъ между праздною и преступленіемъ. Павелъ Платоновичъ, оласаясь дурныхъ увлеченій, давалъ Володѣ только самыя необходимыя средства; Володя залутался въ кое-какихъ долгахъ и въ надеждѣ поправиться пробовалъ играть.

Онъ былъ слишкомъ брезгливъ чтобы сблизиться съ этими на половину потерянными людьми; но они стали необходимы ему какъ собственный, личный кружокъ, отдѣлявшій его еще болѣе отъ семьи и отъ такъ-называемаго „порядочнаго“ общества. Тамъ, среди безлутно и лихорадочно живущей

богема, его полу-артистическіе, полу-волчьи инстинкты находили просторъ.

Три мѣсяца назадъ онъ совершенно случайно встрѣтился съ Катериной Петровной Витовтъ. Встрѣча не прошла даромъ. Подъ обаятельною красотою этой женщины Володя угадалъ романтическую, впечатлительную, способную къ тонкой и страстной игрѣ нервовъ натуру и увлекся внезапно, сразу, какъ увлекаются въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ когда случайность бросаетъ на встрѣчу двѣ словно созданныя другъ для друга жизни. Притомъ условія въ какихъ находилась эта женщина дѣйствовали на воображеніе, окружая ее романтическимъ туманомъ, открывая въ этомъ туманѣ неясную и опасную перспективу. Катерина Петровна жила въ Петербургѣ одна, брошенная мужемъ, въ окончательномъ безпутствѣ котораго должна была убѣдиться послѣ пятнадцатого супружества, давшего ей очень мало счастья и очень много страданій. У нея оставалась изящная, но на половину уже распроданная обстановка и никакихъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни; молодость, красота, артистическій умъ — и ничего впереди, кромѣ грозно надвигавшихся опасностей.

Со свойственнымъ такимъ натурамъ инстинктомъ, Катерина Петровна тоже сразу поняла Володю. Въ ней родилось сочувствіе, неопредѣленная потребность занять это блуждающее, жадное воображеніе, заставить играть эти напряженные, сразу выдающие себя нервы. Онъ возбуждалъ любопытство, въ немъ еще все было прозрачно, свѣтъ и тѣни, задорная мальчишеская злость и необъятная жажда эгоистической страсти. Ему можно было довериться, не опасаясь сухаго и всегда нѣсколько циническаго анализа мужскаго ума котораго такъ боятся женщины одаренныя воображеніемъ и когда-нибудь жившія сердцемъ. У такихъ женщинъ сохраняется на всю жизнь страхъ грубаго прикосновенія къ наболѣвшей ранѣ и онѣ ищутъ мягкой, нѣжной руки которая жметъ безъ боли.

Нечаянно, подъ вліяніемъ только-что загоравшейся игры новыхъ впечатлѣній, Катерина Петровна разказала Володѣ печальную повѣсть своей жизни. И пока она разказывала, увлекаясь необъяснимымъ наслажденіемъ этихъ минутъ внезапной откровенности, этимъ втайнѣ сказавшимся взаимнымъ раздраженіемъ сердца—такъ же внезапно и незримо подкралась къ нимъ обоимъ жадно вспыхнувшая страсть. Для Володи все было рѣшено въ тотъ вечеръ. Уже не внѣшній обликъ красоты владѣлъ его воображеніемъ, а неотразимо и всевластно

заворожило его родное, страстное, опоенное одною съ нимъ отравой сердце. Предъ нимъ стояла женщина смутно мечтавшая ему съ тѣхъ поръ какъ его посѣтили первыя еще дѣтскія грезы любви,—женщина знавшая цѣну страданію и счастью и какъ онъ полная неутрахающаго, чуткаго трелета нервовъ.

Съ того дня въ маленькой квартиркѣ на Галерной начался странный, то мрачный, то пронизанный яркими ударами солнца романъ. Словно волшебнымъ кругомъ обвела ихъ страсть и въ этомъ заколдованномъ кругу оба забыли обо всемъ что тревожить неотступными требованіями и мѣшаетъ жить. Володя уже не слѣдилъ какъ росла и залутовались его счета съ разными ледозрительными личностями, снабжавшими его деньгами; зная что деньги нужны, онъ только торопился достать ихъ, увѣряя Катерину Петровну что отецъ очень много даетъ ему и что онъ не знаетъ куда дѣваться со своимъ богатствомъ. И Катерина Петровна, похваливъ его, предоставляла дѣлать какъ онъ хотѣлъ, чувствуя что сама она ничего не можетъ сдѣлать и стараясь поскорѣе закрыть глаза на эту презрѣнную сторону жизни чтобы не разсвѣять страстнаго угара, въ которомъ оба они находили свое счастье. Иногда мысль что она пользуется его средствами вдругъ обдавала ее холодомъ, заставляла мучительно оглядываться; но Володя осыпалъ ее такими жаркими упреками, такъ волновался и мучился самъ что она, утомленная, отказывалась отъ борьбы.

Разъ, уже въ недавнее время, не зная какъ достать до крайности нужныя деньги, Володя по совѣту одного изъ своихъ пріятелей влутался въ очень опрометчивую операцію. Нѣкто Венделевичъ предложилъ дать извѣстную сумму подъ обезпеченіе движимости Мше Витовтъ. Средство было очень непріятное, но не имѣя другаго, Володя рѣшился передать предложеніе Катеринѣ Петровнѣ, увѣряя что ему не хочется просить денегъ у отца раньше срока, но что скоро онъ ихъ получитъ и немедленно разчитается съ Венделевичемъ. Катерина Петровна очень обрадовалась что можетъ какъ бы сама достать денегъ и тотчасъ согласилась; нотаріусъ засвидѣтельствовалъ продажу, и затѣмъ оба обо всемъ забыли, до того дня когда знакомый молодой человекъ, встрѣченный Володей на пароходѣ, напомнилъ ему о существованіи этого непріятнаго дѣла.

XIII.

Катерина Петровна, взглянувъ въ залаканные и горѣвшіе томительнымъ счастьемъ глаза Володы, поняла никогда не обманывавшимъ ее чутьемъ что у него почему-нибудь неспокойно на душѣ.

— Что такое? отчего ты такой? спрашивала она встревоженнымъ тономъ, приподнявшись на кушеткѣ и привлекая его къ себѣ.

— Да ничего... просто я люблю тебя... сегодня я какъ-будто еще больше люблю тебя... повторилъ, стараясь улыбнуться, Волода.

— Нѣтъ, у тебя нервы... это что-нибудь значить... Милый, скажи!

Она испытывала тотъ странный приливъ прозрачной, почти материнской нѣжности который иногда вторгался въ ея чувство, сообщая ему что-то болѣзненное и вѣдкое, дѣйствовавшее на Володу съ мучительною властью. А у него сегодня дѣйствительно нервы ходили. Богъ вѣсть почему, какъ только онъ вошелъ и увидѣлъ ее лежащую на кушеткѣ съ выраженіемъ спокойна-страстнаго ожиданія въ лицѣ, неизъяснимое чувство жалости, словно лезвее, съ болью и холодомъ пронизало ему сердце. Ему вдругъ представилось что оба они такіе беспальные и беззащитные, и что одинъ порывъ вѣтра можетъ выбросить ихъ изъ этого непрочнаго гнѣзда, въ которомъ они наслаждались своимъ тайнымъ счастьемъ.

— Расскажи, мой мальчикъ, настаивала Катерина Петровна, заглядывая ему въ глаза встревоженнымъ, допытывающимся взглядомъ.—Я вижу что у тебя что-то неспокойное колошится тамъ, въ головкѣ... вѣдь не скроешь, у тѣхъ кто любить есть двойное зрѣніе...

— Такъ, лустаки... мнѣ просто неприятно стало что я еще не разчитался съ Венделевичемъ, отвѣтилъ неохотно Волода.

— Ахъ, какой вздоръ... это ты изъ-за меня тревожишься? сказала Катерина Петровна.— Полно, стоить ли объ этомъ думать. Мнѣ рѣшительно все равно, если у меня завтра же заберутъ эти остатки... Переѣду въ меблированную комнату. вотъ и все.

Но затѣмъ она задумалась и опустила голову на спинку кушетки.

— Тебѣ отецъ еще не давалъ денегъ? спросила она.

Володя отвѣтилъ что отецъ имъ недоволенъ за то что онъ ничего не дѣлаетъ и гдѣ-то пропадаетъ, и что поэтому онъ не хочетъ просить у него.

— Вотъ видишь, это все я, гадкая, закружила тебя... ты потомъ съ раскаяніемъ будешь вспоминать обо мнѣ, объ этомъ увлеченіи... молвила Катерина Петровна, опуская рѣсницы чтобы скрыть блескъ страстно возбужденнаго и развѣженнаго чувства, который, какъ она ощущала, стоялъ въ ея глазахъ и словно жегъ ихъ.—А я, дрянная такая, позволяла тебѣ тратить на меня деньги... а теперь моему мальчику онѣ самому нужны будутъ.

— Мнѣ? зачѣмъ? только для тебя! возразилъ Володя.

Онъ глядѣлъ на ея обнаженные по локоть молочныя руки, которыя она заложила подъ голову и на которыхъ не было ни одного браслета, ни одного кольца. Ему почему-то все мерещился дорогой, осыпанный бирюзой и брилліантами браслетъ на рукѣ Анны Всеволодовны, который онъ замѣтилъ прощаясь съ нею. И хотя Анна Всеволодовна была единственное нечужое и невраждебное для него лицо въ семьѣ Ладожскихъ, но онъ въ эту минуту никакъ не могъ простить ей ея брилліантовъ.

— Нѣтъ, я гадкая, дрянная женщина, я не должна была этого позволить... повторила Катерина Петровна тѣмъ тономъ томительной и томящейся нѣжности въ которомъ было что-то ѣдкое и ольяняющее.— Не надо было сбивать съ толку моего мальчика... И вѣдь я за тебя боялась, я боролась. Но мнѣ почему-то такъ было жаль тебя, я такъ мучительно поняла все что въ тебѣ болитъ и ноетъ, все что рвется... мнѣ хотѣлось дать тебѣ хоть немножко, хоть капельку счастья... чтобы хоть нѣсколько дней, нѣсколько минутъ у тебя было полнаго счастья...

Руки ея снова обвились вокругъ его шеи, и весь охваченный душистою теплотой ея тѣла, онъ прижался губами къ ея окѣмѣвшимся губамъ, терзаясь страшною мукой этого большого счастья... Онъ почти пересталъ дышать...

— За эти минуты... прости меня! сказала, тихо отталкивая его, Катерина Петровна.

Володя нервно засмѣялся.

— Простить, за счастье? за такое счастье какого миллионы людей не знали? проговорилъ онъ голосомъ въ которомъ звучало истерическое раздраженіе.

— Дорогая, да ты знаешь ли что я чувствую? Я чувствую что готовъ сдѣлать преступленіе ради тебя, и что въ этомъ будетъ заключаться какое-то неслыханное наслажденіе... Я не умѣю этого объяснить, но я чувствую. Ты отравила меня. Иногда мнѣ Богъ знаетъ что приходитъ въ голову. Знаешь, на дмьхъ...

Онъ остановился, и что-то странное сверкнуло въ сосредоточенномъ взглядѣ его глазъ.

— Ну?.. сказала содрогнувшись отъ какого-то непонятнаго нервнаго движенія Катерина Петровна.

— Нѣтъ, лустаки... продолжалъ какъ бы съ напряженіемъ Володя. — Я хотѣлъ сказать... Ты знаешь, мнѣ не хочется жить. Это странно, я вѣдь еще и не жилъ почти. Головой, нервами—да. Только въ послѣднее время, когда насъ судьба столкнула, только тутъ во мнѣ и началось что-то человѣческое. И ты знаешь счастливъ ли я. Но это у меня по-своему выходитъ. Мнѣ все-таки жить не хочется. Но только знаешь какъ я хочу умереть? Чтобъ это черезъ тебя было. Мнѣ представляется что еслибы ты... ну положимъ что такъ надо, или что мы оба съ ума сошли... Еслибы ты воткнула своєю рукой кинжалъ мнѣ въ сердце, это было бы мгновенье самаго сладострастнаго счастья... выше того которое даетъ любовь.

Онъ, досказавъ, снова засмѣялся истерическимъ смѣхомъ и отвернулся. Катерина Петровна глядѣла на него испуганными глазами.

— Володя, у тебя въ мозгу какая-то болѣзнь есть! проговорила она серьезно.

— Очень можетъ быть, отвѣтилъ такъ же серьезно Володя.—Мнѣ это и раньше приходило въ голову, а съ тѣхъ поръ что я люблю тебя, я знаю что въ моей любви есть зародышъ безумія. Здоровые люди не могутъ такъ любить. Да развѣ это не хорошо, если я такъ больше счастливъ? Вѣдь вѣчно любить нельзя; когда-нибудь пойдетъ на ущербъ. А что можетъ быть ужаснѣе—замѣчать увяданіе, возвращаться назадъ, въ этотъ ужасный мракъ... Нѣтъ, любить все больше, до послѣдняго предѣла, а тамъ умереть... или съ ума сойти... и ужъ никогда не возвращаться назадъ. Оборвать музыку на самой высокой нотѣ....

Катерина Петровна продолжала слѣдить за нимъ все тѣмъ же лодозрительнымъ взглядомъ. Наконецъ она сама себя разсмѣялась и покачала головой.

— Тотъ кому кажется что онъ сходитъ съ ума, тотъ не сойдетъ, сказала она.

И поднявшись, она быстро поцѣловала его и положила голову ему на плечо.

— Нѣтъ, я жить хочу... и чтобы ты жилъ... а будетъ или нѣтъ конецъ нашему чувству, объ этомъ я никогда и не думаю, и ты не смѣй думать! добавила она съ веселою страстностью.— Маша, дай же намъ чаю! крикнула она затѣмъ горничной.

Но неуспокоенные нервы не уступали и продолжали свою тайную и мучительную работу. Что-то вызванное ими, какой-то зловѣщій призракъ остался въ маленькой комнатѣ, притаился въ полусвѣщенномъ углу, и оба они чувствовали его враждебное дыханіе. Катерина Петровна обняла Володю, и прижавшись щекой къ его щекѣ, какъ будто вглядывалась напряженными глазами въ темноту этого угла.

— Милый, не думай ни о чемъ мрачномъ... жизнь и безъ того такая подлая вещь... Мы вотъ съ тобой умники, насильно взяли что намъ надо было. Намъ вѣдь хорошо? хорошо тебѣ? говорила она касаясь рѣсницами его горѣвшей щеки.

И говоря это, она чувствовала что это лустыя слова, что она сама не можетъ избыть чего-то тоскливо томящагося въ сердцѣ.

— Я не такой какъ ты; я жадный! отвѣтилъ, взглянувъ на нее блеснувшими глазами, Володя.

Катерина Петровна повернула его за плечо.

— Чего же тебѣ еще надо, жадный? сказала она улыбаясь.

— Мнѣ надо знать что это не кончится такъ... какъ часто кончается, объяснилъ Володя.— Развѣ ты въ самомъ дѣлѣ можешь объ этомъ не думать?

— Нѣтъ, не могу; но я думаю что когда кончится, тогда все равно будетъ... отвѣтила Катерина Петровна.

— Да, если вмѣстѣ, если для обоихъ разомъ. Но такъ вѣроятно никогда не бываетъ. Иногда мнѣ приходится въ голову что я слишкомъ ребенокъ для тебя, что ты не можешь долго любить меня. Мнѣ представляется какъ это проходить, и ты чтобы пощадить меня стараешься скрыть, а я все понимаю и... и вотъ тогда мнѣ хочется чтобы ты гораздо раньше убила меня... продолжалъ страстно тоскующимъ голосомъ Володя.

— Да развѣ это можетъ быть? развѣ ты не нуженъ для меня въ тысячу разъ? возразила, прижимаясь къ нему,

Катерина Петровна. — Предъ тобой еще все впереди, ты можешь что хочешь съ собой сдѣлать. А я... ты подумай! Для меня впереди ничего нѣтъ, или такое что хуже смерти. Вѣдь безъ тебя мнѣ останется только продавать себя. Мужъ на это прямо и разчитываетъ; онъ мнѣ еще недавно написалъ: „такія красивыя и романическія женщины какъ вы съ голоду не проладаютъ“. И я всегда знала что это будетъ его послѣднее слово. Теперь это только гадко, а тогда страшно было. Вѣдь предъ тѣмъ какъ насъ свела судьба у меня были злыя минуты, я уже на все готова была. Вотъ на этой самой кушеткѣ я все передумала и рѣшила что ничего другаго не остается. Ты спасъ меня.

Волода внутренно вздрогнулъ. Мысль что раньше или позже наступитъ минута „когда ничего другаго не останется“ точно ножомъ полоснула его по сердцу. И онъ опять почувствовалъ что готовъ идти на преступленіе, чтобъ отдалить эту минуту. Придавленный невыразимою тоской, онъ опустился къ ногамъ Катерины* Петровны и спряталъ лицо въ мягкихъ складкахъ ея платья.

— Нѣтъ, не спасъ... и не могу спасти... прошелталъ онъ, обвиняя ея колѣни.—Я мальчишка, ребенокъ, ничтожество... я не стою чтобы ты меня любила, я гублю тебя своею жадною страстью. Я, я гублю тебя, а не ты меня!

XIV.

Волода ушелъ отъ Катерины Петровны болѣе чѣмъ когда-нибудь занятый своею страстью, тревожный и мрачный. Онъ не пошелъ домой. Никогда еще своя личная жизнь не представлялась ему въ такой враждебной противоположности съ тѣмъ чѣмъ онъ долженъ былъ жить „дома“. Ему казалось что нельзя безъ нестерпимаго насилія отнять у человѣка право быть судьей своего собственнаго счастья. А это счастье уже такъ ясно опредѣнилось! Онъ долженъ жить для той которую любить и которая полюбила его. Только тогда и настоящее и будущее получили бы смыслъ. Онъ успокоился бы, принялся бы опять за занятія, отсталъ бы ото всѣхъ этихъ безлутныхъ знакомствъ, съ которыми теперь связанъ по необходимости. Развѣ эта программа собственнаго личнаго счастья мѣшаетъ кому-нибудь?

Володя очень часто размышлялъ такимъ образомъ, и находилъ себя во всѣхъ отношеніяхъ правымъ. Ему казалось что его враждебное положеніе въ семьѣ происходитъ именно отъ того что ему постоянно, съ самаго дѣтства мѣшали жить по себѣ и для себя. Хотѣли чтобъ онъ думалъ и чувствовалъ какъ другіе, имѣлъ бы готовые, подставленные другими интересы и стремленія. Зачѣмъ-то надо было что-то сломать въ немъ, къ общему удовольствію. Онъ научился сопротивляться, и образовалось состояніе непрерывной борьбы, отодвигавшее его все дальше отъ семьи и отъ всего что онъ считалъ связаннымъ съ семьей. Вотъ и теперь, думалъ онъ, шагая по тускло освѣщеннымъ улицамъ и глотая не успѣвшій остынуть, пыльный и гнилой воздухъ,—вотъ и теперь, когда нужно такъ немного... когда нужно только взглянуть простыми человѣческими глазами, понять что жизнь не переживается два раза... О, развѣ она могутъ? развѣ я могу придти и сказать имъ: спасите ее!

„У меня были злыя минуты, я на все готова была“... стояли въ его ухахъ слова Катерины Петровны. „И опять будетъ“... шевельнулось тутъ же въ его мозгу, и онъ почувствовалъ какъ его обдало жаромъ, и точно судорога сжала горло. Онъ пошелъ еще скорѣе и чрезъ нѣсколько минутъ скрылся въ темныхъ воротахъ огромнаго стараго дома.

Поднявшись по крутой лѣстницѣ въ верхній этажъ, онъ позвонилъ. Молодая и очень вертлявая горничная, снимая съ него ладью, фамильярно выговаривала что его теперь рѣдко видно.

— Венделевичъ здѣсь? спросилъ Володя.

— Всѣ здѣсь, пожалуйста, отвѣтила горничная.

Володя вошелъ въ большую, низенькую, жаркую и прокуренную табачнымъ дымомъ комнату, въ которой толпилось довольно разнообразное общество. Посрединѣ длинный столъ былъ занятъ рулеткой. Хозяинъ, Лазарь Ивановичъ Терханаецъ, крутилъ колесо и выкрикивалъ нумера. Вокругъ стола сидѣли и стояли играющіе. Володя почти всѣхъ ихъ зналъ, и они всѣ были ему ужасно противны. Каждый наломаналъ ему какую-нибудь гадкую минуточку жизни, какую-нибудь подробность которую хотѣлось забыть. Противъ cadaго у него что-нибудь было—воспоминаніе о нравственной царалинѣ, ощущеніе сальнаго латна наложеннаго оближеніемъ.

— А, ваше сіятельство! крикнулъ Лазарь Ивановичъ, поднимая жирное, лотное лицо, съ залывшимися глазами и

торчащими черными, какъ-то нагло выразительными усами.— Честь и мѣсто! добавилъ онъ подвигая стулъ, причеми рука его такъ и сверкнула брилліантами.

— Нѣтъ, я потомъ... отвѣтилъ почти презрительно Володя, и увидавъ Венделевича, подошелъ прямо къ нему.

— Мнѣ надо бы пару словъ... сказалъ онъ.

Венделевичъ, маленькій, лысый господинъ, со скромнымъ и какъ бы пощипаннымъ выраженіемъ лица и зачесанными книзу усами пыльнаго цвѣта, строго взглянулъ на него и произнесъ:

— Подождите, я поставилъ.

Другіе, не отрываясь отъ игры, поздоровались вскользь, съ видомъ людей достаточно занятыхъ соединившимъ ихъ интересомъ чтобъ обратить вниманіе на залоздавашаго посѣтителя. Володю почему-то покорило отъ этого равнодушнаго пріема. Прежде, когда онъ только-что началъ здѣсь бывать, его встрѣчали съ радостнымъ шумомъ, старались привлечь. Очевидно онъ уже утратилъ значеніе для этого общества, въ немъ разочаровались. „Потому что у меня нѣтъ денегъ“, подумалъ Володя. И по странному противорѣчію въ человѣческой природѣ, ему было непріятно замѣтить свое пониженіе въ глазахъ людей которыхъ онъ презиралъ. Ему, напротивъ, именно сегодня хотѣлось чтобъ ему здѣсь обрадовались, чтобъ его появленіе разбудило жадныя инстинкты, чтобъ его надѣялись запутать, соблазнить легкостью пріятельскаго кредита, учсть на какихъ угодно условіяхъ его будущее совершеннолѣтіе. Онъ былъ готовъ броситься очертя голову во всякую сдѣлку, лишь бы она отодвигала страшную развязку, неотступно представляющуюся его воображенію.

Онъ сталъ около стола и нѣсколько минутъ молча слѣдилъ за игрой. Алеша, тотъ самый о которомъ говорилъ ему молодой человѣкъ на пароходѣ, отчаянно проигрывался. Послѣ каждаго тура онъ подходилъ къ Лазарю Ивановичу, размѣнивалъ крупную ассигнацію на жетоны и безмысленно разставлялъ ихъ по клеткамъ. Но пачка денегъ, которую онъ вытаскивалъ изъ кармана, казалась неистощимою, и игра все болѣе оживлялась. Володя почти съ ненавистью смотрѣлъ на гаупе, красное лицо Алеши, убѣжденный почему-то что ему именно сегодня должно везти счастье и что еслибъ у него было нѣсколько такихъ ассигнацій, онъ непремѣнно сорвалъ бы банкъ. Другой господинъ, пожилой, съ огромнымъ и какъ

бы каменнымъ лицомъ, ставилъ разомъ цѣлую кучу марокъ на 36, и проигравъ, отходилъ тяжелою поступью въ уголь гдѣ стояла закуска, выливалъ рюмку водки и вернувшись олять ставилъ на 36. Это, очевидно, былъ одинъ изъ тѣхъ безнадѣжныхъ игровыхъ у которыхъ есть „система“.

— А вы что жь не пробуете счастья? обратилась къ Володѣ полденькая брюнетка, за стуломъ которой онъ стоялъ.— Теперь въ банкѣ ужь очень много!

Эта брюнетка, извѣстная между гостями Лазаря Ивановича подъ именемъ Магдалины Павловны, постоянно заговаривала съ Володей, дѣлала ему нѣжные глаза и звала къ себѣ. Сегодня она въ первый разъ пріѣхала сюда вмѣстѣ со своимъ другомъ, тѣмъ самымъ который ставилъ все на 36, и Володя былъ убѣжденъ что у нея съ Лазаремъ Ивановичемъ было условіе—пополамъ.

Онъ одѣлалъ небрежную гримасу и проговорилъ:

— Сегодня что-то не соблазняетъ. Я сюда на минутку только заѣхалъ.

— Ну, попробуйте. Мнѣ ужасно везетъ, я вамъ дамъ за себя поставить, предложила брюнетка.

Володя пожалъ плечами, вынулъ изъ кармана двѣ единственные десятирублевые бумажки и поставилъ на ближайшую кѣтку. Ставка была проиграна.

— Экой вы... Поставьте еще, а то вы мнѣ счастье испортите, сказала Магдалина Павловна.

— Нѣтъ, не хочу, отказался Володя, отворачивая злые глаза.

— Да ну, ставьте. Займите у меня марокъ.... настаивала брюнетка.

— Не буду, отвѣтилъ Володя и отошелъ.

Кажется ему никогда еще не было такъ жалко денегъ, какъ этихъ бессмысленно проигранныхъ красненькихъ бумажекъ...

Венделевичъ наконецъ всталъ и провѣривъ наличность своего портфельчика, съ кислымъ видомъ опустилъ его въ карманъ. Онъ проигрался, и полняное лицо его стало какъ будто еще пыльнѣе.

— Что жь вы прячетесь, я столько времени жду васъ! сказалъ онъ грубо, подходя къ Володѣ.

Тотъ вслыхнулъ.

— Мнѣ нечего ни отъ кого прятаться! возразилъ онъ, блеснувъ глазами.

— Вѣдь вы же знаете что заняли у меня деньги, продолжалъ тѣмъ же грубымъ тономъ Венделевичъ.—Отдать надо.

— Кажется ваши деньги хорошо обезпечены, напомнилъ Володя.

— Что мнѣ ваше обезпеченіе, возьмите его пожалуста назадъ, а мнѣ отдайте деньги, возразилъ Венделевичъ. — Вы брали на мѣсяць, мѣсяць кончился.

Ростовщикъ при этомъ махалъ руками и моталъ головой, какъ бы призывая во свидѣтели присутствующихъ, изъ которыхъ многимъ можетъ-быть и слышенъ былъ этотъ разговоръ. Володѣ ужасно хотѣлось схватить его за шиворотъ и отшвырнуть отъ себя, но онъ сдержался и сказалъ съ холодною вѣжливостью:

— Я знаю что срокъ кончился и хотѣлъ завтра принести вамъ проценты.

Пыльная фигура Венделевича пришла еще въ большее движеніе.

— Что мнѣ съ вашихъ процентовъ! когда жь мнѣ нуженъ капиталъ! почти прокричалъ онъ.

— Вѣдь вашъ капиталъ обезпеченъ, отчего жь вы не хотите оставить его у меня на новый срокъ, сказалъ Володя.

— Ну, и потомъ опять на новый, и опять на новый, пока ваша барыня богатая будетъ! засмѣялся Венделевичъ.—Присылайте пожалуста завтра деньги, будьте такой добрый... За что я буду такіе хлопоты имѣть, забирать вещи—от-то коммиссія!

Володя, какъ ни старался владѣть собою, перемѣнился въ лицѣ.

— Я завтра не могу принести вамъ деньги, сказалъ онъ.

— Ну, и я такъ думалъ. И я нарочно хотѣлъ предупредить васъ чтобы вы потомъ не сказали что я неделикатно поступилъ, отвѣтилъ уже гораздо спокойнѣе Венделевичъ.

— Но вѣдь не нуждается же вы въ такой степени въ подобной суммѣ! проговорилъ уже со злобою въ голосъ Володя.

— И очень нуждаюсь! отвѣтилъ ростовщикъ, и взглянулъ ему прямо въ лицо совершенно невозмутимыми глазами.

Володя теперь только догадался что Венделевичъ, ссужая его деньгами, имѣлъ въ виду непремѣнно воспользоваться мебелью стоившею почти вдвое.

— И что жь, если я вамъ завтра не пришлю всѣхъ денегъ, вы явитесь забирать вещи? спросилъ онъ.

— А какъ же мнѣ дѣлать! развелъ руками Венделевичъ.

Володя глядѣлъ на него, кусая губы.

— Послушайте... Казимиръ Игнатьичъ... заговорилъ онъ, рѣшаясь унизиться даже до того чтобы вспомнить какъ его зовутъ;—вѣдь не могу же я въ двадцать четыре часа достать всю сумму; отсрочьте хоть на полмѣсяца, я найду. Для меня это не просто денежный вопросъ, тутъ замѣшано другое лицо, женщина... для меня это дѣло чести... больше того!

— Ну, то ваше дѣло, а только жь я не могу ждать! отвѣтилъ Венделевичъ, и повернулся на своихъ кривыхъ каблукъ.

Володя безъ церемоніи схватилъ его за рукавъ.

— Послушайте, вѣдь вы знаете что у моего отца большое состояніе; я вамъ дамъ какое хотите обязательство, вдвое, втрое, только не требуйте отъ меня сейчасъ! проговорилъ онъ тономъ отчаянія.

Ростовщикъ слегка склонилъ свою пыльную голову.

— Вы жь несовершеннолѣтній! возразилъ онъ и окончательно повернулся.

XV.

Володя, блѣдный, машинально прошелъ вслѣдъ за нимъ мимо длиннаго стола за которымъ попрежнему тѣснились играющіе, вышелъ въ другую комнату, сѣлъ и олустилъ голову на руки. Онъ кажется ни о чемъ не думалъ, а между тѣмъ мысли кружились въ мозгу какъ олавшіе листья на лѣскѣ дороги взметенные вихремъ...

Когда онъ опомнился, предъ нимъ стояла Магдалина Павловна, близко наклонивъ къ нему удивленное, вопрошающее лицо. Рука ея унизанная брилліантами лежала на его влажныхъ, мягкихъ какъ шелкъ волосахъ.

— Чтѣ вы тутъ одни сидите? сказала она тихо.

Володя вздрогнулъ и поднялся съ кресла. Онъ испытывалъ странную сонливость, какъ будто послѣ сильнаго физическаго утомленія.

— Я усталъ, проговорилъ онъ, глядя на нее широко-раскрытыми, мутными глазами.

Магдалина Павловна взяла его за руку.

— Полноте, охота вамъ въ такое отчаяніе приходить, продолжала она.—Венделевичъ извѣстный разбойникъ, съ нимъ

нельзя дѣла имѣть. Еслибы вы тогда обратились ко мнѣ, я не допустила бы его такъ оллести васъ. Вѣдь вы знаете что я очень сочувствую вамъ... очень, очень...

Она жала ему руку, и несдержанный блескъ ея глазъ былъ такъ выразителенъ что Володя слегка вслыхнулъ.

— Благодарю васъ, но это... мое личное дѣло, сказалъ онъ и сдѣлалъ движеніе, какъ бы намѣреваясь уйти.

— Пойдите, не бѣгите, остановила его Магдалина Павловна.—Теперь тамъ рулетка въ самомъ разгарѣ, вы можете въ полчаса отыгаться. Возьмите у меня денегъ, я буду очень рада. Это изъ тѣхъ что я сегодня выиграла, счастливыя.

Она опустила руку въ карманъ, и Володя слышалъ какъ зашуршали ассигнаціи.

— Я не играю на чужія деньги, сказалъ онъ рѣзко.

— Это не чужія, потому что отъ васъ зависитъ чтобъ и я сама была вамъ не чужая! возразила Магдалина Павловна, и смѣло взглянула ему прямо въ лицо своими блистающими черными глазами.

— Перестаньте, оставьте меня! проговорилъ все болѣе смущаясь Володя.

Красивыя губы Магдалины Павловны какъ будто слегка покривило.

— Послушайте, вы сегодня видѣли моего „друга“; развѣ я могу его любить? сказала она почти шепотомъ.

— Ахъ, какое же мнѣ дѣло! отвѣтилъ Володя, и быстро освободивъ свою руку, выбѣжалъ въ залу.

Тамъ онъ отыскалъ шляпу, и ни съ кѣмъ не простившись спустился съ лѣстницы.

Ночь пронизанная мигающимъ мерцаніемъ фонарей въ безлунномъ сумракѣ, прерываемая разбѣгающимся грохотомъ колесъ, пахнула на него ядовитою свѣжестью. Онъ пошелъ пѣшкомъ, не замѣчая страшной усталости, которая словно непомятая тяжесть давила члены, и почти не соображая дороги.

Добравшись до своей комнаты, онъ, не зажигая свѣчи и не раздѣваясь, бросился лицомъ въ подушки и зарыдалъ какъ ребенокъ.

Долго въ темнотѣ и тишинѣ ночи слышались эти подавленные, судорожныя, безпомощныя и безответныя рыданія... Потомъ стало тихо. Повернувшись навзничъ, Володя лежалъ съ открытыми, обсохшими глазами, неподвижно уставленными

въ темный уголь комнаты. Онъ не думалъ, не соображалъ, а только покорялся мучительной игрѣ нервовъ, вызывавшей одинъ за другимъ отвратительные призраки. Сознаніе мутилось, и въ то же время съ поразительною, болѣзненною ясностью работало воображеніе.... Голова горѣла и во всемъ тѣлѣ чувствовался нестерпимый сухой жаръ, отъ котораго душило грудь и сжимало горло. Минутами онъ какъ будто забывался сномъ, и тогда ему казалось что Катерина Петровна наклоняется къ его изголовью и онъ чувствуетъ душную теплоту ея тѣла; но она отвѣчала мучительною улыбкой на его страстно-напряженный взглядъ, и ея глаза говорили: „у васъ съ тобою ничего нѣтъ, мой бѣдный мальчикъ, и я должна продать себя“. И она оборачивалась къ противному старику съ каменнымъ лицомъ, въ которомъ Володя узнавалъ „друга“ Магдалины Павловны. Старикъ съ отвратительною улыбкой схватывалъ ее на руки и уносилъ; а у изголовья, скорчившись на стулѣ, сидѣлъ Венделевичъ и поводилъ точно тараканъ своими пыльными усами. „Ничего, я и его тоже оплету, и тогда она будетъ моя; а васъ возьметъ Магдалина Павловна, вѣдь я видѣлъ какъ она дѣлала вамъ глазки“, говорилъ онъ.

Володя вздрогнулъ, и обливаясь холоднымъ потомъ, поднялся на постели и сѣлъ, свѣсивъ ноги и уронивъ на колѣни руки. Онъ сидѣлъ долго, и злая мысли тѣснились въ его разгоряченномъ мозгу. Прошелъ часъ, потомъ еще часъ, а онъ не перемѣнялъ своего положенія, и все тѣ же злая мысли не оставляли его. Наконецъ онъ всталъ, зажегъ свѣчу и осторожно, задерживая дыханіе и лугаясь едва слышнаго шороха собственныхъ шаговъ, пробрался черезъ рядъ лустыхъ комнатъ и корридоровъ въ кабинетъ отца.

Поутру, когда въ домѣ только-что поднялась прислуга, онъ спустился съ лѣстницы и вышелъ, незамѣченный швейцаромъ.

Анна Всеволодовна напрасно прождала его въ то утро, удивляясь и тревожась смутными предчувствіями. Володѣ вѣроятно предстояло очень много хлопотъ и дѣлъ, потому что когда онъ уже въ обѣденное время пришелъ въ знакомый намъ домъ на Галерной, Катерина Петровна была поражена его блѣдностью и утомленіемъ.

— Чтò съ тобой? откуда ты? спросила она.

Володя опустился на стулъ и обмахнулъ платкомъ влажное лицо.

— Катя, я пришелъ за тобой... проговорилъ онъ странно, глухимъ голосомъ.

— Что значить: за мной? переспросила Катерина Петровна, и угадывая что случилось нечто необычайное, поблѣдѣла и схватила его за руку.

— Ты боленъ, у тебя руки горячія... да говори же, милый мой, не томи меня! торопила она.

Володя привлекъ ее къ себѣ, повернулъ къ свѣту ея оживленное тревогой лицо и близко взглянулъ ей въ глаза.

— Катя, ты дѣйствительно такъ же любишь меня какъ я тебя? спросилъ онъ, не замѣчая что почти до боли сжималъ руками ея тонкую талію.

— Будто ты не знаешь... Но объясни же скорѣе? сказала она.

— Въ такомъ случаѣ уѣдемъ... за границу... и какъ можно скорѣе... завтра же, сегодня... проговорилъ разомъ Володя.

Катерина Петровна вырвалась изъ его рукъ, пораженная.

— Но какимъ же образомъ? развѣ можно? воскликнула она.

Володя опустилъ руку въ боковой карманъ и досталъ оттуда заграничный паспортъ и переводъ на банкирскую контору въ Берлинъ.

— Когда же ты успѣлъ? изумилась Катерина Петровна.

— Ну, все дѣло въ томъ что успѣлъ, отвѣтилъ Володя, и раскрывъ паспортную книжечку, показалъ пальцами совершенно неизвѣстное Катеринѣ Петровнѣ имя.

— Подъ чужимъ именемъ! воскликнула она, все болѣе изумляясь.—Но что же это такое? гдѣ ты взялъ?

Володя всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру и быстро повернулся.

— Я получилъ наконецъ деньги отъ отца... заговорилъ онъ, глотая воздухъ и стараясь овладѣть легкой судорогой кривившей ему губы.—Можно было бы, конечно, расплатиться съ Венделевичемъ и продолжать по старому, но эта жизнь слишкомъ невыносима для меня. Мнѣ слишкомъ ненавистно все что раздѣляетъ здѣсь насъ. Будущаго у меня здѣсь никакого. Въ университетъ я никогда здѣсь не поступлю, я могу работать только при томъ условіи если каждую минуту моей жизни ты будешь со мною. Здѣсь этого нельзя. Что жь мнѣ, въ юнкера идти? Ты знаешь мои убѣжденія. Тамъ, за границей, я тотчасъ поступлю въ университетъ или въ политехникумъ... тамъ можно работать, тамъ будетъ другая жизнь, другой воздухъ... Вдвоемъ съ тобой, среди чужихъ, словно на необитаемомъ островѣ... объ этомъ счастье я и мечтать не емѣлъ.

— Ты рассуждаешь какъ ребенокъ! прервала его Катерина Петровна.

Володя нетерпѣливо мотнулъ головой.

— Можетъ-быть. Да тебѣ не все ли равно? развѣ тебя что-нибудь привязываетъ здѣсь? развѣ ты еще не свободнѣе меня? Или тебя пугаетъ чѣмъ мы будемъ жить? О, средства будутъ, объ этомъ не безпокойся...

— Но откуда же? вѣдь если ты увидишь тайкомъ отъ отца, онъ не станетъ посылать тебѣ... возразила Мше Витовтъ.

— Откуда? вотъ отгуда же! отвѣтилъ Володя, указывая на свой паспортъ.

Онъ схватилъ Катерину Петровну за руку, посадилъ подлѣ себя на диванъ и шепотомъ сталъ объяснять ей. Она слушала, вздрагивая своими длинными рѣсницами и не размыкая любѣдѣвшихъ губъ...

— Я молодъ, я почти ребенокъ, да. Но у судьбы нѣтъ сроковъ. Такъ рѣшилось, и будь что будетъ... Я разорвалъ безповоротно, для меня нѣтъ выбора... закончилъ Володя и взглянулъ ей прямо въ глаза блистающими, лихорадочными глазами.

Катерина Петровна молчала, почти не переводя дыханія.

— Чтò же? да или нѣтъ? вскрикнулъ Володя, хватая ее за руки, и въ его зрачкахъ вспыхнуло уже что-то страстно-злое.

Катерина Петровна въ изнеможеніи опустила голову на его плечо.

— Чтò мнѣ рѣшать! у меня здѣсь кромѣ тебя никого и ничего нѣтъ... тихо сказала она.

Въ этотъ самый часъ въ кабинетъ Павла Платоновича происходила возня: князю вдругъ сдѣлалось дурно. Паша, перелуганный, хотѣлъ послать за докторомъ и за Анатолемъ, но Павелъ Платоновичъ рѣшительно отказался и попросилъ всѣхъ выйти...

(До слѣд. №.)

В. АВСѢНКО.

ПО НИЛУ

И

НА СУЭЗСКОМЪ КАНАЛѢ *

31 января.

На разсвѣтъ пароходы отвалили отъ Миніе и часа чрезъ полтора пристали къ восточному берегу противъ деревни Бени-Гассанъ. Шумная баллотировка ословъ, ихъ сѣдланіе, удары бичей, щедро рассыпаемые животнымъ и людямъ, лестрая скачка въ залуски подъ харканіе, причмокиваніе и прихлебываніе ослятниковъ—все произошло своимъ порядкомъ. Но бени-гассанскіе ослы еще меньше, еще тщедушнѣе и еще непонятливѣе мемфисскихъ. Еслибы не короткія стремена, ноги мои конечно волочились бы по землѣ. Иныхъ животныхъ отъ слабости качаетъ изъ стороны въ сторону; другія, напрягнувъ послѣднія силы, бѣгутъ по прямой линіи, ни предъ чѣмъ не сворачивая, и стучаются головой о стволы деревьевъ или расшибаютъ колѣна всадникамъ. Управлять здѣшними ослами нѣтъ никакой возможности. Принявъ эту заботу на себя, погонщики ежеминутно забѣгаютъ впередъ чтобы то справа, то слѣва. Ткнутъ ихъ въ шею, а остальное время не переводя духа хлопаютъ ихъ палками по заду, точно выколачивая пыль изъ подушекъ.

* Продолженіе. См. № 9 *Русскаго Вѣстника*.

Добравшись черезъ нивы до Аравійскаго края, мы сначала посѣтили ущелье гдѣ на небольшой высотѣ высѣчено нѣсколько пещеръ. Бѣльшая изъ нихъ, — такъ-называемый гротъ Діаны, по-арабски Стабль-Антаръ, — начата, какъ указываютъ надписи и рисунки, при Тутмесѣ или Тэутимесѣ III. * Состоитъ она изъ свѣтей или притвора (портикъ) съ тремя столпами ** и внутренней неотдѣланной комнаты. Въ притворѣ на стѣнахъ и столпахъ выдѣланы и вѣзанные барельефы, часто окрашенные, изображаютъ Тутмеса III и Сети I. *** приносящихъ жертвы богамъ залутанной египетской мифологіи. — Аммону „дарю боговъ“, Тѣту съ головой ибиса, богу мѣри, лѣтосчисленія, письменъ и вообще науки, **** и львиноголовой невѣстѣ Пта, богинѣ Пахтъ, именуемой въ іероглифахъ „госпожой грота“. Богиня эта, называемая также Сехетъ или Бастъ — у Геродота Бубастъ — приходится матерью Имхотелу, египетскому Эскулапу. Ее вѣрнѣе назвать Афродитой, богиней любви, нежели Діаной. Полагаютъ что пещера служила гробницей ея священнымъ животнымъ, кошкамъ и лвамъ. Въ настоящее время барельефы испорчены и краски уцѣлѣли только мѣстами.

Затѣмъ, повернувъ на сѣверъ вдоль подножья горъ, отправились краемъ пустыни на кладбище безслѣдно исчезнувшаго города Нусъ. Порою тропика, подойдя къ чертѣ рѣзко разграничивающей лески отъ плодородной почвы, вилась опушкой пальмовыхъ рощъ или межой роскошныхъ полей. Двѣ необитаемая деревни съ провалившимися кровлями, на половину затопленная лескомъ, попались намъ на пути. Говорятъ онѣ пользовались худою славой и были разгромлены войсками Ибрагимъ-паша. Вообще, на всемъ пространствѣ отъ Бени-Гассана до города Монфалута населеніе слыветъ крайне бѣднымъ и ненадежнымъ.

Верстахъ въ двухъ отъ Стабль-Антара, по крутому горному скату, среди обломковъ мастабъ, зяютъ могильные колодцы, а вдоль узкой террасы, окаймляющей высоты края, до 30 гробницъ высѣчены въ скалѣ. По мѣрѣ того какъ мы къ

* 1597—1447 до Р. X. (XVIII династія.)

** Четырехгранными; ихъ было 8, въ два ряда; одинъ рядъ все уничтоженъ, разрушена также крайняя колонна другаго ряда.

*** Отъ 1443—1392 до Р. X. (XIX династія.) Отецъ Раимзеса II.

**** Подруга его Сафэхъ олицетворяетъ собою мужъ.

нимъ поднимаемся, видъ за нами ширится во всѣ стороны, долина развертывается въ полномъ весеннемъ уборѣ и на югѣ и на сѣверѣ открываются новые извивы Нила.

Гробницы заключаютъ каждая по одной комнатѣ со сводами; своды поддержаны дорическими и другими колоннами; нѣкоторыя изъ колоннъ имѣютъ чисто египетскій пошибъ, сплочены, напримѣръ, изъ четырехъ стеблей лотоса и увѣчаны нераспустившимися священными цвѣтами. Въ полу отъ одного до шести колодцевъ; потолокъ и бордюръ (т.-е. верхній окоемокъ стѣны) покрыты довольно мелкими прямолинейными узорами, наминающими дешевые обои, а по стѣнамъ изображены кистью всякія событія. Живопись по желтому полю, на известкѣ, отличается грубыми контурами и отсутствіемъ тѣней; содержаніемъ она сходна съ барельефами Ти, но въ художественномъ отношеніи много уступаетъ имъ. Доказательствомъ того какъ живописцы сами мало надѣялись на свои творческія силы можетъ служить любопытный фактъ что надъ каждымъ одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметомъ выставлено его названіе. Большая часть рисунковъ попорчена: въ цѣлыхъ мѣстахъ обвалилась штукатурка, въ другихъ же краски соскребены туристами, вичавшими выцарапывать здѣсь свои имена со времени византійскаго владычества.

Всеобъемлющая поэма изваянная по стѣнамъ усыпальницы Ти въ каждой гробницѣ Бени-Гассана развивается все шире и шире, поплываясь безчисленными подробностями. Всѣ бытовыя сцены видѣныя нами тамъ встрѣчаются и здѣсь, но кромѣ того есть много новаго. Представлены битвы и единоборства, акробатическія упражненія и игра въ мячъ, палочная расправа, производимая какъ надъ мужчинами такъ и надъ женщинами; первыхъ традиціонно „раскладываютъ“, вторыхъ сажаютъ и бьютъ только по плечамъ. Винодѣаніе передано во всѣхъ его фазахъ, начиная отъ сбора винограда и кончая укладкой бутылокъ въ погребахъ. Картины охоты разнообразнѣе чѣмъ въ Мемфисской гробницѣ: кромѣ крокодиловъ и бегемотовъ, на Нилѣ преслѣдуются всякія птицы, однихъ ловятъ спеціальными западками, другихъ, какъ напримѣръ дикихъ гусей и курочекъ, накрываютъ большими наметами. Въ пустынѣ гонятся за гиенами, львами, леопардами и антилопами. Ловцы вооружены кольями и стрѣлами съ каменными наконечниками; собаки двухъ

породѣ, борзыхъ и коротколапыхъ. въ родѣ таксовъ, соллутствуютъ людямъ. Далѣе, есть музыканты играющіе на арфахъ, на флейтахъ и поющіе хоромъ, карлы и калѣки, дѣти въ корзинахъ, ежи и заяцъ въ калѣткѣ, не то шахматные, не то шашечные игроки, * цирюльникъ брѣвущій свою жертву, и еще много всякой всячины, которой и не припомнишь.

Лучшія гробницы суть двѣ крайнія сѣверныя. Принадлежать онѣ правителямъ округа Саа (Сауса), полководцамъ Амень - Аменемъ и Нумъ-Хотелу. Первый служилъ при Узертезенѣ I. ** Второй отличался въ царствованіе Аменемъ II ***. Полководецъ Амена въ образной и іероглифической автобіографіи разказываетъ о своихъ походахъ и о славѣ своей, „выросшей до небесъ“, а „князь и фараоновъ зять“ Нумъ-Хотель, въ 222 столбцахъ круговой надписи на южной части стѣны, повѣствуетъ не только о своей жизни и заслугахъ, но и о доблестяхъ отца своего Нехеры. Въ усыпальницѣ Нумъ-Хотела находится между прочимъ изображеніе пришедшихъ съ дарами переселенцевъ семитическаго племени, которыхъ сперва ошибочно принимали за Іосифовыхъ братьевъ.

Прогулка по гробницамъ Бени-Гассана имѣетъ особую прелесть: всякій разъ съ новымъ удовольствіемъ выходишь изъ темныхъ могильныхъ локоевъ на воздушную террасу, въ яркое сіяніе дня, и невольно улыбаешься и щуришься, глядя съ высоты соколинаго полета на ослѣпительную панораму Египта.

На *Sandie* я вернулся однимъ изъ первыхъ. Пароходы долго поджидали отсталыхъ. Къ берегу со всѣхъ сторонъ стекалась за бакшишемъ толпа преимущественно изъ мальчишекъ въ грязныхъ холщевыхъ рубахахъ и дѣвчонокъ едва прикрытыхъ черными или темносиними лохмотьями; были и взрослые, главнымъ образомъ старики и старухи отвратительнаго вида. Все лѣзло въ воду, орало и простирало къ намъ руки. Смѣльчаки вороватою походкой сороки подступали по неубраннымъ сходамъ къ борту, но съпались въ

* Всѣ фигуры на доскѣ одинаковаго образца; противодѣйствующія разнятся по цвѣту.

** Узертезенъ I, иначе *Ра-Шенеръ-Ка*, воздвигшій Гелиопольскій обелискъ, — фараонъ XII династіи (2454—2194 до Р. X.).

*** Той же династіи.

Нилъ какъ орѣхи, когда кто-нибудь шутя грозилъ имъ съ палубы. Туристы бросали въ рѣчку мѣдныя деньги, не имѣющія почти никакой цѣны, а въ Каиръ вовсе изъятые изъ обращенія: ими нарочно запасаются для путешествія въ Верхній Египетъ. Арабы, одни по колѣно, другіе по поясъ, третьи по шею въ водѣ, мѣшались въ общей свалкѣ, ловили ихъ на лету, доставали со дна, вырывали другъ у друга и въ заключеніе проворно прятали за щекъ. Возгласы: „бакшишъ“ и „катархерахъ кетырь“, * ревъ дѣтей обиженныхъ старшими, волли и стоны какого-то сумасшедшаго или юродиваго, сливались съ плесканіемъ воды и шумомъ рвущагося наружу пара. Для нашего развлеченія Анджело, отрѣшившись отъ обычной солидности приемовъ, шутилъ всякія забавныя шутки надъ Арабами, обливалъ ихъ помоями, осыпалъ золой или съ добродушнѣйшею улыбкой кидалъ имъ монеты предварительно раскаленные на плитѣ.

Случалось, толпу внезапно охватывало смятеніе, крики смолкали, и Арабы долоца ногами по водѣ, какъ стадо испуганныхъ гусей, выносились на берегъ, съ тѣмъ чтобы лѣтъ безъ оглядки полемъ въ разсыпную. Страхъ былъ не безъ причины: его вселялъ въ трусливыя арабскія души одинъ изъ драгомановъ, не нашъ старый кроткій Сафи, а молодой, надменный и дерзкій Мехмедъ съ *Базеры*, тилъ египетскаго драгомана, гроза Арабовъ и верѣдко бичъ самихъ путешественниковъ. Притаившись на томъ лароходѣ, омъ какъ хищникъ слѣдилъ за движеніями буйнаго кагала и улучивъ мгновеніе, неслышнымъ прыжкомъ соскакивалъ на землю. Но опасливые Арабы, чуя вовремя бѣду, избавлялись стремительнымъ бѣгствомъ, и ему удавалось зацѣпить аралникомъ развѣ какую-нибудь дряхлую старуху или малаго ребенка. Пока толотъ босыхъ ногъ стихалъ въ отдаленіи, Мехмедъ, постоявъ на мѣстѣ, медленно, въ сдержанномъ бѣшенствѣ возвращался въ засаду, какъ промахнувшійся тигръ смущенный своимъ неловкимъ наладеніемъ. А феллахи, побѣдивъ робость, снова сходились поодионокѣ къ лароходамъ, и черезъ три минуты опять подымались вой, шлепанье, драка въ водѣ и крики: „катархерахъ кетырь!“ „бакшишъ!“

* Собственно „катаръ эль-херакъ кетырь“ — благодарю покорно. Употребляется въ большей части случаевъ не для изъясненія признательности, а какъ просьба о милостыни.

Этими криками при каждой остановкѣ нищіе жители плодороднѣйшей въ свѣтѣ страны краснорѣчиво оловѣщаютъ насъ что подати и дополнительные сборы взяты съ нихъ *опредѣ* за нѣсколько будущихъ „урожайныхъ“ лѣтъ. *

Часъ спустя, мы проходили около прибрежнаго дворца хедива. Путешественники, три дня не видавшіе ничего похожего на европейскую постройку, внимательно разсматривали его въ бинокли.

Въ то время какъ *Бехера* и *Сандіе* запасались углемъ на западномъ берегу въ мѣстечкѣ Рода, мы посѣтили еще сахарный заводъ, чуть ли не большій вчерашняго, но на противолежащія развалины Антинои, основанной Адрианомъ **, за недосугомъ не поѣхали. Колонны ея, еще недавно покрывавшія мѣстность, пошли на зданія окрестныхъ фабрикъ; впрочемъ великолѣпные театръ и гипподромъ (въ 962 фута длины и 206 ширины) уцѣлѣли.

Если мы и пропускаяемъ много интереснаго, то винить въ этомъ некого: лески и скалы Египта съ ихъ гробницами и храмами представляютъ долгую, въ нѣсколько сотъ верстъ хартію, въ которой такъ мало пробѣловъ что ея во вѣкъ всю не прочитаешь. Близъ Монфалута къ Нилу надвигается каменною стѣной Джебель-Абу-Фода; въ этомъ мѣстѣ сильные порывы вѣтра буроватъ Ниль, рвутъ паруса и ломаютъ мачты, а порою совсѣмъ разбиваютъ суда о скалы. Дагабиу быстрыми чайками проносятся мимо грозныхъ твердынь и ни за что не рѣшатся, сложивъ свои бѣлые крылья, отдохнуть гдѣ-нибудь у берега. Чтобы не быть застигнутыми темнотой въ Абу-Фодскихъ воротахъ, пароходы остановились засвѣтло, гдѣ случилось, вдали отъ селеній и городовъ, и программу завтрашняго дня намъ привелось услышать на убраномъ полѣ дурры ***, куда мы вышли на встрѣчу г. Кука по стульямъ наскоро выколапаннымъ въ береговомъ обрывѣ.

„Завтра воскресенье, возгласилъ мистеръ Кукъ—и для туристовъ это было настоящею новостью, такъ какъ они перезабыли дни недѣли;—надѣюсь что путешествующій съ нами

* Подати взимаются смотря по предполагаемому урожаю, о которомъ судятъ по степени разлива Нила. Податная система весьма сложна. Достаточно сказать что со времени вступленія на престолъ Тевфикъ-паши уничтожено сорокъ или болѣе различныхъ налоговъ.

** 117—135, по Р. X.

*** Родъ проса Sorghum.

Reverend gentleman (т.е. пасторъ) не откажетъ спутникамъ въ поучительной бесѣдѣ; впрочемъ въ Сіутъ или Ассиутъ—мы приходимъ туда къ полудню и стоимъ до вечера—есть протестантская церковь. Позавтракавъ уважаемое собраніе ѣдетъ осматривать городъ и затѣмъ гробницы въ Ливійскихъ горахъ. Въ Сіутъ мы встрѣчаемся съ обратнымъ пароходомъ (изъ Ассуана), и находящееся на немъ лѣтнее будетъ перенесено на *Soudie*, а сегодня послѣ обѣда саудское общество приглашается на *Безеру* испробовать тамошній инструментъ.“

Музыкальный вечеръ, на которомъ играли и пѣли только англійскія бехерскія дамы, длился далеко за полночь. Но съ одной стороны залечательныя какимъ-то англійскимъ акцентомъ вальсы и мазурки, съ другой—строгія и угловатая, какъ фигуры островитянъ, слова британскихъ любовныхъ романсовъ, выстрѣливаемая устами колючкомъ, устами сердечкомъ, а иногда всею широко разинутою пастью, нагоняли если не на всѣхъ, то по крайней мѣрѣ на меня нервную зѣвоту, и я ушелъ въ самомъ началѣ этой цивилизованной „фантазіи“.

Теплая безвѣтренная ночь сіяла звѣздами ярче яхонтовъ и алмазовъ. Иныя горѣли низко, низко надъ чертой земли, словно огни далекихъ маяковъ,—доказательство чрезвычайной прозрачности воздуха.

Небесный сводъ значительно передвинулся съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ Константинополь: теперь Малая Медвѣдѣца съ Полярною Звѣздой стоитъ гораздо ниже, Большая—временами наполовину закатывается, а южная сторона неба открываетъ цѣлый міръ незнакомыхъ таинственныхъ свѣталъ. Болѣе тусклыя и печальныя чѣмъ звѣзды сѣвернаго полушарія, они тѣмъ не менѣе очаровываютъ своимъ холоднымъ блескомъ и манятъ воображеніе какъ неизвѣданные края полуночнаго полюса. У горизонта ярче другихъ блестятъ четыре звѣзды Южнаго Креста.

Надъ пустыней, которая вплотную подходитъ къ противоположному берегу, уже взошелъ мѣсяцъ, и я уже выставилъ для Ахмета Сафи на лунный свѣтъ свои ботинки, а изъ каютъ-кампани *Безеры* все еще долетали глухіе звуки фортепьяно, нарушавшіе чудную симфонію египетской ночи. Я вслушивался въ эту симфонію и сладко засыпалъ подъ звенящіе клики цапель надъ водою, всплески крупной рыбы, плачь совы и грустное завываніе шакаловъ и гіенъ.

1 февраля.

Lunch приближается къ концу; пароходы замедлили ходъ; направо (восточный берегъ) куча бурныхъ строений—это Эль-Амра, пристань Сіута, отстоящая верстахъ въ двухъ отъ города; направо за широкими отмелями густой и развѣсистый финиковый кустарникъ.

Въ Эль-Амрѣ погонщики чуть не сшибаютъ насъ съ ногъ и неистово голоса съ разныхъ сторонъ въ перебой придвигаютъ бокомъ осѣдланыхъ и неосѣданныхъ ословъ съ такою же расторопностью и ловкостью съ какою услужливые кавалеры подкатываютъ дамамъ кресла на колесикахъ. Между тѣмъ длинный кнутъ Мехмедъ со злобѣщимъ свистомъ и хлопаньемъ работаетъ по всѣмъ направленіямъ. Выбывшіе изъ строя мальчишки, покинувъ ословъ на произволь судьбы, трутъ ладонью кто спину, кто голое плечо, и щелкаютъ какъ звѣри зубами. Одинъ плачетъ въ три ручья,—не отъ боли, а съ горя что никто не хочетъ садиться на его осла. У мальчика большущій ротъ до ушей и красное одутлое лицо, изрытое щедриками недавней ослы, по которому за отсутствіемъ платка размазываются обильныя слезы и другія отдѣленія. У осла ободранный задъ, подобный большому наросту дикаго мяса, вслухшій, сочащійся кровью и перехваченный слишкомъ короткою шлеей. Иногда, завидя новаго туриста, мальчикъ мгновенно пробуждается отъ отчаянія, неистово дергаетъ животное за мундштукъ и какъ лопатой бьетъ по дикому мясу плоскимъ лальмовымъ стержнемъ, принявшимъ пунцовый оттѣнокъ; звукъ ударовъ напоминаетъ отбиваніе говядины; кровь брызгаетъ во всѣ стороны...

Мальчикъ очевидно жестокъ не отъ злости, а изъ нужды: когда всѣ туристы уѣхали, онъ, обнявъ своего осла, такъ и замеръ у него на шеѣ. Взволнованная миссъ Гертруда увѣряла меня что они оба плачутъ навзрыдъ. По случаю праздника путешественники принарядились. *Commis voyageur* даже вдѣлъ въ петлицу ленточку неизвѣстнаго мнѣ ордена, столь же сомнительнаго какъ частица „де“ приставленная къ его имени. Тѣмъ не менѣе скачка наша была комична какъ всегда: ослы, рѣзвые и веселые, но крошечные, безпрестанно ладали со всѣхъ ногъ, и туристы летѣли въ пыль черезъ ихъ головы. Падать съ осла на мягкую почву скорѣе забавно чѣмъ

страшно,—испытываешь только какъ бы толчекъ въ рессорномъ экилажѣ. Чаше другихъ кувыркался мой мышастый осликъ. Старшая миссъ Поммерой непремѣнно хочетъ нарисовать его карикатуру.

„О еслибъ ты только могъ видѣть свое поведеніе!“ невольно всплывало мнѣ.

Опасаясь „справедливаго“ моего гнѣва ослятникъ наскоро высвобождалъ мою ногу изъ тѣснаго стремена, подавалъ упавшуюся шляпу и затѣмъ кидался опретью черезъ поля и канавы. Эта сцена бѣгства повторилась послѣ всякаго моего паденія. Вида однако что я не порываюсь бить ни его, ни даже осла, онъ въ скорости рѣшилъ что я круглый дуракъ и сталъ отбѣгать недалеко.

Дорога въ городъ, обсаженная тѣнистыми сикоморами и акаціями, идетъ среди нивъ гребнемъ превосходной платины, не затопляемой во время лоловодья. Въ нѣсколько минутъ добрались мы до окраинъ города; кругомъ мазанокъ предметья рядами лежали на солнцѣ кирлича изъ грязи пололамъ съ рубленой соломой, обжигающіеся такимъ способомъ безъ лечей и огня; потомъ проѣхали двѣ, три прамыя улицы съ двухэтажными арабскими домами и разсыпались по базару. Въ крытыхъ его переулкахъ товары не роскошны и выборъ ихъ не великъ: лестрѣютъ ситцы различныхъ качествъ и узоровъ (шелковыхъ матерій почти нѣтъ), тускло свѣтится оловянная посуда, лыльными столами воздымаются немуравленные кувшины, горшки, кружки и другія издѣлія изъ красной и сѣрой глинны. Приманкой для иностранцевъ служатъ узкогорлыя изящныя вазы, и въ особенности грубой работы пресъ-лалье, во образѣ крокодиловъ, болѣе впрочемъ похожихъ на свинью нежели на какое бы то ни было земноводное.

Народъ толкующійся у лавокъ конечно занимательнѣе всего что въ нихъ развѣшено и разставлено: бродятъ здѣсь и мѣднокожіе отъ загара бедуины, и дымчатые мулаты, и черные точно ваксой смазанные негры. Въ общей сложности—чѣмъ ближе къ порогамъ, тѣмъ лица темнѣе. Знакомися мы и съ Колтами, составляющими значительную часть 27митыскаго сіутскаго населенія; о нихъ не слѣдуетъ судить по образцамъ видѣннымъ у Деиръ-эль-Адры. Колты—иначе Якобиты, Евтихане, по мѣстному *Юбтъ* или *Кюбтъ*, суть

Арабы монофизиты, то-есть признающіе въ Иисусѣ Христѣ одно естество божеское. Ученіе это, предложенное Евтихіемъ, архимандритомъ Константинопольскимъ, послѣдователемъ Несторія и другихъ, какъ извѣстно, отвергнуто въ 451 году на Халкедонскомъ соборѣ. Во всемъ Египтѣ Колтовы насчитывается до 300.000. Занимаясь письменными работами * и тонкимъ ручнымъ ремесломъ, они отличаются отъ Арабовъ-мусульманъ чистоплотностью, нѣжнымъ строеніемъ тѣла и какою-то почти женскою мягкостью пріемовъ.

Плотина продолжается и по ту сторону города по направлению къ пустынѣ, вплоть до канала „Сохадіе“, за которымъ начинается песокъ, прегражденный цѣлью крутыхъ горъ. По каменному мосту черезъ каналъ шли къ намъ навстрѣчу караваны изъ отдаленныхъ областей опоздавшіе въ Сіутъ на воскресный базаръ. Говорятъ, въ числѣ другаго товара они привозятъ и невольниковъ.

Въ стѣнѣ скаль одни надъ другими чернѣютъ входы гробницъ древняго Сіута, или по іероглифическому правописанію *Сута* (Ликополиса). Относятся онѣ ко временамъ XII и XIII династій, ** по большей части высѣчены грубо и во все лишены рисунковъ; каждая состоитъ изъ стѣней и ряда уходящихъ въ нѣдра горы покоевъ, числомъ до пяти. Въ послѣднемъ находится круглый или четырехгранный колодезь. Лучше другихъ сохранившаяся гробница, съ надписями по стѣнамъ и желтыми звѣздами на голубомъ потолкѣ, принадлежитъ нѣкому Ха-тефф, номарху Ликополиса. Кромѣ человѣческихъ останковъ въ могилахъ находятъ муміи собакъ, волковъ и шакаловъ, священныхъ животныхъ сына Озириса и Нефти—Анубиса (Анепа, Алъ-Херу), бога съ собачьею головою, покровителя города и стража подземнаго міра. Въ одной изъ комнатъ полъ усыпанъ мелкими человѣческими костями; можно бы между прочимъ набрать цѣлую коллекцію великолѣпнѣйшихъ зубовъ.

Входы расположены въ четыре яруса, изъ коихъ уже первый выше террасы Бени-Гассана. Дальше втораго яруса никто не полѣзъ, кромѣ меня да погонщиковъ. Утомительно было при палащемъ солнцѣ взбираться на кручу по

* Лучшими перепищиками *Корана* считаются Колты.

** Отъ 2354 приблизительно до 2000 до Р. Х.

разсыпаннымъ здѣсь въ большомъ числѣ осколкамъ раковины *Callianassa pilolita*, имѣющимъ совершенное подобіе битой глиняной посуды, какую мы только-что видѣли на базарѣ.

„Уладете, уладете“, кричала мнѣ вслѣдъ *Miss Emely*. Однако я не падалъ и побѣдоносно карабкался выше.

Съ верхней площадки, куда выходятъ обширныя могильныя комнаты съ такимъ низкимъ потолокомъ что до него можно достать рукой, открывается чуть ли не лучший въ Египтѣ видъ. Хотѣлось бы лѣзть еще дальше, но путь преграждаетъ отвѣсною скалою. Сначала видишь только океанъ зелени всевозможныхъ оттѣнковъ, безгранично спокойный и ясный какъ раскинутое надъ нимъ небо. Остальное подробности, и глазъ различаетъ ихъ лишь въ послѣдствіи. Впереди, на востокѣ, желто-сѣрою полоской тянется берегъ зеленого океана,—горы Аравійской пустыни; слѣва и справа, на сѣверѣ и на югѣ, горизонтъ открытъ. Бурными островами стоятъ поселки, каналы свѣтлыми нитями пересѣкаютъ поля, змѣяются плотины съ аллеями деревьевъ, и по всей равнинѣ обрѣзками широкихъ голубыхъ лентъ шаловливо разбросался Нилъ. Влѣво, круглый какъ блюдо, лежитъ Сіутъ—игрушечный городъ слѣпленный изъ земли и разубранный кудрявыми садами; ближе сверкаютъ свѣжой бѣлизны ограды и куполообразные памятники тѣперяшнаго кладбища, а какъ разъ подъ ногами, на огромной глубинѣ, песокъ усѣянъ неподвижными крапинками,—длинноухими насѣкомыми, въ которыхъ трудно признать нашихъ ословъ.

Пока я люблюсь декораціями природы ослатники производятъ собственными средствами раскопки и развѣдки: исчезаютъ въ различныхъ ямахъ и колодцахъ и притаскиваютъ оттуда кто человѣческой черепъ, кто собачій остовъ, кто высохшую шакалову лалку съ уцѣлѣвшими когтями и шерстью.

На первой террасѣ валялась женская мумія, завернутая въ ржавый отъ времени холстъ. Вѣроятно она была потревожена въ своемъ тысячелѣтнемъ снѣ и вытаскана изъ могилы не людьми, а гіенами: Арабы не бросили бы такого драгоценнаго толлива. Погонщики, завидѣвъ труль, накинудись на него какъ коршуны и мигомъ отодрали руки, ноги и голову; члены ломались съ какимъ-то продолжительнымъ трескомъ; съ ними вмѣстѣ ломалась и толстый слой слежавшихся и сплотившихся холщевыхъ бивтовъ. Цвѣтъ тѣла былъ темно-коричневый, почти черный. Юные антикваріи немедленно

установили цѣну на товаръ: нога отъ колѣна ввизъ и рука отъ локтя стоили каждая по три малые лiастра, * одна же стулня или кисть руки, если ихъ отломить—2 лiастра, бедро— всего одинъ лiастръ, голова—полфранка и проч. Одну изъ ногъ приобрѣлъ Ирандецъ. Продавецъ, вздѣвъ ее на палку какъ салогъ, чинно слѣдовалъ за покупщикомъ. Голова, хотя и съ оторванной челюстью (челюсть продавалась отдѣльно), стояла по правдѣ сказать недорого: ея черные волосы, строгія черты, ввалившіеся закрытые глаза, самая кожа, темная и гладкая какъ перелетъ древней книги, имѣла что-то притягивающее, словно непрочтенное. Однако она не нашла себѣ покупателя, и мальчишка, полчаса обнимавшій ее съ противною фамиллярностью (противно было не за него, а за нее), кончилъ тѣмъ что отоюда въ сторонку и присѣвъ на корточкѣ, пробилъ ей острымъ камнемъ темя, вѣроятно съ цѣлью научныхъ изслѣдованій, чтобъ открыть тайну человѣческаго мышленія. Долго, сгараа отъ любопытства, онъ то целочкой, то пальцами осторожно вынималъ изъ черепа мозгъ, рассыпчатый и желтый, какъ комокъ песку.

Когда спустились внизъ къ осламъ, Ахметъ Сафи, отвѣчающій головой за нашу сохранность, попросилъ насъ сѣсть на ословъ и затѣмъ пересчиталъ лишнихъ животныхъ.

„I count only the animals“, ** замѣтилъ онъ въ поясненіе.

Ихъ оказалось пять и слѣдовательно не доставало пяти номеровъ. Крайне огорченный Ахметъ снова полѣзъ на гору, но какъ только онъ исчезъ, пролавшіе вернулись другою дорогой, и все общество пустилось вскачь къ пароходамъ, смѣясь надъ старикомъ трубившимъ въ вышинѣ, въ сосѣдствѣ ласточкиныхъ гнѣздъ.

На берегу противъ пароходовъ удилъ феллахъ. Подѣзжая я видѣлъ какъ дергало его пальмовый удильникъ, какъ что-то плескалось въ водѣ, и послѣ нѣсколькихъ мгновеній борьбы рыбакъ на моихъ глазахъ вытащилъ изъ Нила крупную рыбу. Такая удача, раззадоривъ меня, побудила купить за бакшишъ право пользованія нехитрымъ снарядомъ. Это была донная удочка съ самодѣльнымъ крючкомъ. Только-что я ее закинулъ, тяжелая гиря не успѣла еще достать дна, какъ трость вздрогнула, согнулась кольцомъ и упруго заходила въ мои

* Малый лiастръ или поллiастра—12½ сантимовъ.

** Я считаю только скотовъ.

рукахъ. Сердце во мнѣ тоже заходило ходуномъ... Нч крючокъ подъ водой что-то огромное металось и билось и тщило меня въ рѣку... Въ тщетномъ сопротивленіи мѣсилъ я ногами прибрежную грязь, слѣдя за натянутою какъ струна лесой; она плавно носилась круговыми оборотами и съ легкимъ свистомъ разсѣкала, точно рѣзала водную поверхность. Напрасно всею силой желанія звалъ я на помощь счастье; напрасно опяненный восторгомъ Арабъ прыгалъ, хохоталъ и махалъ руками, заблаговременно требуя съ меня дополнительный бакшишъ: сильнымъ порывомъ отъ берега къ серединѣ рѣки незримый левіафанъ вытянулъ удочку въ одну прямую черту, и что-то оборвалось.... тамъ ли, въ водѣ, или у меня въ груди—я сразу не могъ разобрать, разобралъ только тогда когда ощутилъ въ рукѣ невѣсомую пальмовую трость и увидалъ разогнутый крючокъ, которымъ свободно играло теченіе.

Тутъ меня позвали купаться, общество мушницъ ѣхало на противоположный берегъ къ зарослямъ финиковаго кустарника. Скрѣпя сердце, разстался я съ удочкой; предъ уходомъ полюбопытствовалъ взглянуть на пойманную рыбу, едва ломѣщавшуюся у Араба за пазухой и хлестко бившую его хвостомъ по голой груди. Дѣло и здѣсь не обошлось безъ бакшиша. Рыба съ обольстительными для *охотника* плоскою лягушечьею головою, широкимъ ртомъ, глазами на выкатѣ, длинными, вершка въ три, усами и скользкою кожей—походила на налима или небольшого сома, но при этомъ не была безобразна: напротивъ, всѣ статьи ея, могучіе плавники, смѣлые загибы плеса—олицетворяли грацію и силу, конечно, въ рыбьемъ смыслѣ.

Выкупаться намъ не пришлось по той причинѣ что мы не могли найти сухаго мѣстечка гдѣ бы раздѣться. Вслѣдствіе мелководья до кустарника маившаго въ свою чашу добраться было нельзя; добрались мы только до песчанаго острова и то гребцы перенесли насъ поодиночкѣ на рукахъ; за островомъ на сотни десятинъ расластывались другіе такіе же острова, лустынные, мокрые, вязкіе и испещренные узоромъ всевозможныхъ птичьихъ слѣдовъ.

2 февраля.

Еще день проведенный на палубѣ подъ тентомъ безъ дѣла и заботы. Лѣнь и нѣга охватили насъ, и мы даже какъ будто довольны что никакихъ „осмотровъ“ не предстоитъ, что можно не шевелись дышать и глядѣть.

На *Caudie* и кругомъ все попрежнему. Урвавшись на минутку „отъ занятій“ на ютъ является г. Анджело: сначала онъ только расправляетъ своими бѣлыми руками лабиринтъ цѣлочекъ на жилетѣ, потомъ приближается къ кому-нибудь изъ путешественниковъ и вкрадчиво, но съ нѣкоторымъ достоинствомъ рассказываетъ про свои „chasses aux chascailles“, про Брэма или про Mme Angelo. Онъ видимо завоевываетъ себѣ почетное положеніе между туристами, въ особенности между тѣми которыхъ никто кромѣ него не замѣчаетъ. На нижней палубѣ возлѣ трубы единовластно господствуетъ добродушный Ахметъ-Сафи, съ ухватками старой бабы перетираетъ блюда суровымъ полотенцемъ или чиститъ ножи кирпичнымъ порошкомъ. Далѣе мостикъ и бакъ (носовая часть) находятся въ вѣдѣніи капитана и довольно многочисленной команды. Капитанъ и матросы похожи на тѣхъ Арабовъ что при остановкахъ лѣзутъ въ рѣчку къ лароходамъ; отличаются отъ нихъ лишь старыми, часто надѣтыми на голое тѣло военными мундирами, настолько полинявшими что о первоначальной ихъ окраскѣ судить трудно. Слѣдуетъ полагать что сукно было когда-то темносинимъ, бирюзовый же оттѣнокъ приняло вслѣдствіе продолжительнаго ношенія подъ безоблачнымъ египетскимъ небомъ. Команда и капитанъ рѣшительно ничего не дѣлаютъ и только молятся на Мекку,—молятся и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ. Удивительна вѣрность съ какою, при всевозможныхъ положеніяхъ парохода, матросы опредѣляютъ направленіе святаго города. Даже во время самой молитвы эти живые компасы при поворотахъ судна обращаются какъ флюгера, и съ юта намъ видны то ихъ спины небснаго цвѣта, то загорѣлая грудь между лишенными луговицъ мундирными бортами.

Кругомъ насъ царство свѣта: онъ ослѣпляетъ, его слышомъ много. онъ льщеть и сверху, съ неба, куда нельзя

поднять глазъ, и снизу, изъ лона рѣки, отражающей солнечное сіяніе въ своей вѣчной ряби. Свѣтъ этотъ причиняетъ извѣстную египетскую офталмію (глазную болѣзнь), въ предохраненіе отъ которой дорожники совѣтуютъ носить синіе очки. Обычная панорама—ровныя поля, группы пальмъ, сикоморъ и бѣлолистныхъ акацій, цѣли пустынныхъ возвышенностей по краямъ долины—плыветъ намъ навстрѣчу и утливаетъ назадъ. Видъ разнообразятъ первые экземпляры некрасивой, неграціозной, бѣдной зеленью пальмы *думъ* (*Succifera Thébaïque*); сѣвернѣе Сіута она не растетъ, полного же развитія достигаетъ только въ Нубіи. Издали угловатыми своими очертаніями *думъ* напоминаетъ трехъ- и четырехручныя канделябры. Изъ твердыхъ плодовъ ея поддѣлывается слоновая кость.

На берегу чаще всего видишь водокачательныя сцены: или буйволы вертятъ надъ Ниломъ колодезное колесо съ ожерельемъ кувшиновъ, * или Арабы безостановочно, какъ заведенныя машины, подымаютъ и опускаютъ длинныя журавли; если берегъ сравнительно высокъ, нѣсколько журавлей поставлены другъ надъ другомъ—второй черпаетъ воду изъ ямы, куда ее выплескиваетъ первый и т. д. Такъ производится орошеніе полей. Въ какой-то географіи, составленной чуть ли не по Геродоту, училъ я будто населенію Нильской долины легко достается жизнь, но уже одно это непрерывное качаніе,—качаніе безъ передышки съ утра до вечера, стоить любой каторжной работы.

Дичи на Нилѣ съ каждымъ часомъ прибываетъ. Первые дни мы неутомимо лалили изъ винтовокъ и револьверовъ; рикшетами скакалъ по водѣ свинецъ и будиль спляція стаи; встряхнувшись, улетали онѣ вверхъ по теченію за тридцать отмелей; одѣвъ выказывали необыкновенную смѣлость; шлепнувшаяся возлѣ пуля не производила на нихъ впечатлѣнія: только вздрогнуть крылышками, а затѣмъ снова кокетливо мелькаютъ надъ водою бѣлоснѣжными брюшками. Но вскорѣ туристы убѣдились въ бесплодности стрѣльбы по птицѣ и теперь пускаютъ въ ходъ оружіе лишь при встрѣчахъ съ дагабіями. Пока суда сааютуются флагами, пока съ пароходовъ

* Горышки кувшиновъ обращены въ ту сторону куда колесо вертится; нижніе черпаютъ воду, верхніе выливаютъ ее въ каналы.

раздаются оглушительные свистки, пассажиры взаимно приветствуются залпами и перекатною стрельбой, криками: „hip, hip, hurrah!“ и маханіемъ платковъ. Почти все дагабіи имѣютъ англійскій или америкавскій флагъ.

Однако Фанъ-день-Бошъ и миссъ Эмили Поммерой, лучшіе стрѣлки нашего общества (они безъ промаха разбиваютъ лулей бутылки подбрасываемыя на воздухъ услужливымъ Анджело), по цѣлымъ часамъ сидятъ рядомъ съ ружьями на колѣнахъ и смотрятъ... другъ другу въ глаза. Однажды замѣтивъ въ недалекомъ разстояніи двухъ дремавшихъ на островѣ огромныхъ косматыхъ грифовъ, я, поддаваясь первому движенію охотничьей страсти, кинулся было предупредить молодыхъ людей. Но увидавъ по ихъ взглядамъ что они столько же думаютъ о ловитвѣ, сколько о прошлогоднемъ снѣгѣ, не счелъ себя въ правѣ прерывать ихъ нѣмой разговоръ, и совѣ царственныхъ птицъ не былъ потревоженъ.

Иду разспрашивать Ахметъ-Сафи объ окрестностяхъ; мы съ нимъ пріятели. О степени его благосклонности туристы могутъ судить по сравнительному блеску своей обуви. Въ мои ботинки можно глядѣться какъ въ зеркало.

Онъ очень польщенъ моимъ вниманіемъ, а то Анджело отбилъ у него всю практику. Не оставляя мытья посуды, свѣдой Нубіецъ, съ важностью нянюшки разказывающей сказки, передаетъ мнѣ всякія свѣдѣнія: справа къ берегу подошла гора Джебель-эль-Хоридъ (до 800 футовъ надъ уровнемъ рѣки); деревни у ея подножія лѣтъ 10 назадъ возмущались противъ хедива. Городъ на западномъ берегу возлѣ лѣса сикоморъ называется Сухаджъ; неподалеку на рубежѣ Ливійской пустыни стоятъ древніе давно покинутые Бѣлый и Красный монастыри, Деиръ-эль-Абиадъ и Деиръ-эль-Ахмаръ (постройку ихъ относятъ ко временамъ Θεодосія). А эту деревню гдѣ мы сейчасъ остановимся за углемъ никакъ не называютъ, т.-е. можетъ-быть какъ-нибудь и называютъ, только онъ, Ахметъ-Сафи, никогда не спрашивалъ какъ именно.

При остановкахъ Фанъ-день-Бошъ и миссъ Поммерой разойдясь въ разныя стороны вновь одушевляются охотничьимъ пыломъ и бьютъ горленокъ и домашнихъ голубей. Горленки, въ нашихъ краяхъ сторожкія птицы, здѣсь до того дѣвѣрчивы и такъ близко къ себѣ подпускаютъ что рука на нихъ не подымается. Срываются онѣ лишь

когда бросить въ нихъ чѣмъ-нибудь, и тутъ же перелетѣвъ черезъ нѣсколько пальмовыхъ мохровъ садятся снова. Но наши стрѣлки, какъ истые спортсмены, не даютъ имъ опуститься и разряжаютъ по нимъ свои двуствольные дробовики въ то время какъ онѣ рѣзкими взмахами крыльевъ уносятся въ вышину. Домашніе голуби—бѣлые, пестрые и сѣрые—водятся во множествѣ по всему Египту. Для нихъ строятся особаго рода массивныя глиняныя голубятни въ формѣ четырехугольныхъ зубчатыхъ бастіоновъ, придающихъ мирнымъ египетскимъ поселеніямъ видъ какихъ-то хивинскихъ крѣпостей съ бойницами и амбразурами. Голубятни эти служатъ для сбора гуано. Впрочемъ къ истребленію голубей иностранцами Арабы относятся совершенно равнодушно. Мальчишки съ лучкомъ волосъ на бритой головѣ, худенькими членами и объемистымъ животомъ, прикрытымъ овчинкой или выющимися растеніями, кровожадно таскали за охотниками убитыхъ птицъ.

Однако миссъ Поммерой и Бельгіецъ интересуютъ меня гораздо больше всякихъ голубей. Не удивительно, даже весьма естественно что въ одиночку молодые люди опять становятся рымья охотниками; но почему же съ нѣкоторыхъ поръ они расходятся, какъ только ступаютъ на твердую почву? Не потому ли что въ то же самое время съ *Бегеры* сходитъ на берегъ Англичанинъ, мистеръ Джонсонъ, вѣдущій изъ Миніе, что миссъ Поммерой съ нимъ немножко кокетничаетъ и что Фанъ-денъ-Бошъ не въ состояніи выносить его близости? Если такъ, то для меня отчасти понятна сосредоточенная злоба съ какою Бельгіецъ толчетъ поля, стрѣлая по невиннымъ горленкамъ какъ по неприятелю.

Появленіе на нашемъ горизонтѣ мистера Джонсона, коренастаго рыжаго господина, было всѣми замѣчено. Пріѣхавъ по желѣзной дорогѣ въ Миніе чтобы нагнать пароходы (онъ не послѣлъ къ нимъ въ Каиръ), Джонсонъ сѣлъ сначала на *Saudie*, и мы въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ наслаждались его обществомъ. Я было принялъ его за чистокровнаго Янки: онъ лихо слезывалъ въ сторону, когда сидѣлъ безлокоинъ двигалъ ногами, точно на полу имъ было слишкомъ низко и хотѣлось ловыше, не снималъ въ каютъ-компаніи шляпы и часто сдвигалъ ее на глаза, даже на носъ, противнымъ подрыгиваніемъ одного указательнаго пальца, которымъ онъ дробно почесывалъ затылокъ, начиная свизу отъ шеи и

медленно подымаясь кверху, до самой макушки. Относительно другихъ пассажировъ онъ былъ невѣжливъ и грубъ, не отвѣчалъ на вопросы, ходилъ по ногамъ, садился въ чужія кресла, короче, дѣлалъ что хотѣлъ, не обращая ни на кого вниманія, точно ни души кромѣ него на пароходѣ не было. Изрѣдка лишь заговаривалъ онъ съ миссъ Эмили.

— Такъ вы подумали что это мой соотечественникъ? допрашивалъ меня толстый мистеръ Поммерой,—благодарю! Стоитъ кому-нибудь ноги положить на столъ чтобы всѣ сейчасъ закричали: „смотрите, смотрите—Американецъ!“ За что такая немилость? Манеры этого джентльмена показываютъ только что онъ принадлежитъ къ дурному обществу, а дурное общество во всѣхъ странахъ немалочисленно, и въ Великобританскомъ королевствѣ его пожалуй больше чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Быть-можетъ васъ удивляетъ что дочь моя такъ оживленно съ нимъ бесѣдуетъ? Я бы самъ удивился, еслибы давно уже не пересталъ удивляться... Пусть себѣ—ея воля. Положимъ, мы съ нимъ не въ первый разъ встрѣчаемся, но тѣмъ страннѣе. Это она называетъ „изучать нравы“! Конечно, не будь она мнѣ дочь, я сдѣлалъ бы ей замѣчаніе....

— Итакъ, смѣю васъ увѣрить, продолжалъ огорченный отецъ,—что приемы мистера Джонсона отнюдь не американскаго происхожденія. Что же касается его *сознательной грубости*, то она служить доказательствомъ что мистеръ Джонсонъ именно Англичанинъ, а не Американецъ. Грубость эта типична, безусловна, то-есть не зависитъ ни отъ воспитанія, ни отъ общественнаго положенія. Если мынче она проявляется въ мужикѣ, то это лишь простая случайность, совпаденіе въ одномъ лицѣ двухъ самостоятельныхъ особенностей, *in ipso personalis*: вы встрѣтите образованнаго, вполне приличнаго на видъ Англичанина, который въ пути будетъ такъ же грубъ какъ Джонсонъ. *Въ пути*, прошу замѣтить, только въ пути и за границей. У себя дома John Bull, какъ мы ихъ называемъ, совсѣмъ другой народъ: они и гостеприимны, и радушны; говорю я исключительно объ Англичанахъ-туристахъ. Будучи въ одинаковой степени любителями всякихъ „туровъ“, Американцы и Англичане выработали самыя противоположныя системы „путеваго обращенія“. Чтобы не скучать въ дорогѣ, Американецъ старается сблизиться со спутниками, и своею вѣжливостью и

благодушіемъ побѣждаетъ самую упорную мономанію,—завязывается знакомство, по большей части очень пріятное и во всякомъ случаѣ не стѣснительное, такъ какъ оно не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ,—визитовъ даже не приходится дѣлать. Американецъ съ охотой отвѣчаетъ на всякіе разспросы о нравахъ и обычаяхъ Новаго Свѣта, о своихъ путешествіяхъ и наблюденіяхъ въ чужихъ странахъ и проч. А между нами презрѣнными Янки право попадаются толковые люди, съ которыми не только пріятно, но и полезно побесѣдовать. Наскучить серіозный разговоръ, переходите къ болтовнѣ, къ тому что Французы называютъ *causerie*, и тутъ Американецъ не ударитъ въ грязь лицомъ; мы народъ и дѣльный, и веселый, два качества рѣдко уживающіяся вмѣстѣ; мы любимъ шутку и понимаемъ ее. Знаете ли, напримѣръ, что многія путевыя тетрадки на *Candid* (взгляните какая огромная торчатъ изъ кармана стеленной миссъ Гертруды) наполнены каламбурами, загадками, шарадами, которые цѣлыми годами собирались въ сіи изыщю переплетенныя сокровищницы. При такой системѣ для Американца время въ пути летитъ такъ же быстро какъ мелькающія за окнами вагона подробности ландшафта. Англичанинъ, наоборотъ, скучаетъ отъ души и самымъ откровеннымъ образомъ; скука сказывается въ его движеніяхъ, голосѣ, взглядѣ; онъ мирится съ нею, не ищетъ развлечения и только ставить себѣ задачей пользоваться возможными физическими удобствами, комфортомъ, то-есть занимать первое мѣсто, имѣть самую покойную постель, сѣдять лучшей кусокъ, и это во что бы то ни стало, словомъ, онъ считаетъ за благо быть вполнѣ эгоистомъ, жертвовать спокойствіемъ другихъ для удовлетворенія своихъ малѣйшихъ прихотей, считать чужое удобство прямымъ ущербомъ для себя и т. п. Преслѣдуя свои себялюбивыя цѣли, Англичанинъ изъ принципа не стѣсняется ни правилами свѣтскихъ приличій, ни даже самыми начальными законами общежитія. Онъ ни предъ чѣмъ не остановится чтобы на пароходѣ отвоевать просторнѣйшую каюту или въ поѣздѣ занять сидѣніе возлѣ окна; слустить безъ спроса стекло или будетъ при закрытыхъ окнахъ курить сигару, хотя бы въ отдѣленіи находилась женщина, даже больная. Съ женщиной, если она одна, онъ особенно мало стѣсняется, впрочемъ не посмотритъ и на мужчину. Косые взгляды, ропотъ, колкія слова, вызываемыя въ

публикѣ его поступками, нисколько не трогаютъ его и не удостоиваются отвѣта,—брань на вороту не висеть,—а дѣйствиемъ врядъ ли кто рѣшится оскорбить этого откормленнаго бифстеками и выдрессированнаго для бокса борова. И вчуужь грустно видѣть что дерзости его проходить безнаказанными.

Не знаю, можетъ-быть мистеръ Поммерой вѣсколько приотрастемъ въ своихъ сужденіяхъ о путешествующихъ Англичанахъ: мнѣ не случалось наблюдать ихъ вблизи, единичный же примѣръ мистера Джонсона для общаго вывода конечно не достаточенъ. За то съ другой стороны мнѣ не далѣе какъ сегодня привелось убѣдиться въ справедливости словъ мистера Поммероя относительно общительности и веселости Американцевъ. Уже за обѣдомъ по случаю „Валентинова дня“ * пассажиры получили шуточные письма въ стихахъ, авторомъ которыхъ оказалась миссъ Эмили, узнавшая неизвѣстно когда смастерить множество забавныхъ мадригаловъ, акростиховъ и проч.

На моемъ листкѣ нарисованъ господинъ въ очкахъ и съ большимъ портфелемъ подъ мышкой, стремительно ладающій съ крошечнаго осла. Подъ этою каррикатурой написана слѣдующее поэтическое пророчество:

Be fortunate and gay!
St. Valentine
In verses fine
Salutes you on his day.
And though you press
To mountains crest,
Or delve in earth's dark mine—
Yet still your footsteps will not slip.
While lives St. Valentine. **

Внизу въ выноску стоитъ: „Предсказаніе это имѣеть силу пока вы ходите лѣшкомъ; какъ только вы влѣзди на осла, Св. Валентинъ больше ни за что не ручается“.

* У Американцевъ и Англичанъ въ обычаѣ посылать въ этотъ день (2/14 февраля) знакомымъ письма, украшенныя особыми картинками.

** Будь счастливъ и веселъ Св. Валентинъ въ торжественный свой день привѣтотвуетъ тебя звучными стихами. Пользуешь ли ты на хребетъ горъ, спустишься ли въ темныя жѣдра земли — стола твоя не поскользнется, пока живъ Св. Валентинъ.

Вечеромъ, когда мы пришли въ городокъ Джирдже, славящійся своею грязью и вездѣсущими прыгающими наѣвкомыми, туристы собравшись кругомъ стола стали задавать другъ другу всякія задачи, и тетрадки о которыхъ упоминалъ мистеръ Поммерой были пущены въ ходъ.

Впрочемъ самые остроумные puzzles (загадки) предлагалъ мистеръ Джемъ не имѣвшій вовсе тетрадки. Съ нимъ могъ соперничать только М. Tristan de Seville и то исключительно на почвѣ каламбуровъ. Мистеръ Джемъ открылъ засѣданіе.

— Нѣкій Тунисскій бей, началъ онъ,—завѣщалъ свое состояніе тремъ сыновьямъ, съ тѣмъ чтобы старшій получилъ изъ него половину, второй—одну треть, а младшій одну девятую; но такъ какъ все имущество заключалось въ семнадцать лошадей, то по смерти бей при дѣлѣжѣ наслѣдства встрѣтилось довольно важное затрудненіе: согласно завѣщанію первенецъ долженъ былъ получить $8\frac{1}{2}$ лошадей, средній сынъ— $5\frac{2}{3}$ лошади, младшій $1\frac{8}{9}$. Съ такими дробями пришлось бы испортить не одну, а цѣлыхъ три лошади. Братья думали, думали, и порѣшили обратиться къ старому бедуину, другу ихъ отца. „Въ память бей, сказалъ имъ бедуинъ, а такъ и быть васъ раздѣлю, пойдемте. Прежде всего къ вашему наслѣдству я прибавляю одну свою лошадь, ведите ее къ себѣ. Такимъ образомъ у васъ будетъ не 17, а 18 лошадей, и при дѣлѣжѣ недоразумѣній не окажется, ибо число 18 дѣлится безъ остатка и на 2, и на 3, и на 9.“ Вернувшись домой въ сопровожденіи бедуина и восемнадцатою лошадю, братья приступили къ раздѣлу. „Тебѣ какъ старшему, распорядился бедуинъ, слѣдуетъ половина состоянія, то-есть 9 лошадей; ты, средній, получаешь одну треть—6 лошадей; ты, младшій, одну девятую—2 лошади; все же вмѣстѣ всего-навсего ($9 + 6 + 2 = 17$) вы получаете 17 лошадей, а восемнадцатую, ту которую я вамъ подарилъ, будьте такъ добры не полюбнитесь отвести ко мнѣ обратно въ конюшню.“

Нѣсколько минутъ общество находилось въ недоумѣніи. Попросили мистера Джемъ повторить: онъ повторилъ, и все-таки благодѣтельный бедуинъ могъ свободно взять назадъ подаренную имъ лошадь. Но уже М. Tristan быстро сдѣлалъ на клочкѣ бумаги какія-то вычисленія.

— Mesdames et messieurs, прошу слова! сказалъ онъ окончивъ свои выкладки:—половина, треть и девятая въ сложности не образуютъ полной единицы, а равняются $\frac{17}{18}$, и еслибы

мистеръ Джэй сохранилъ наследство въ прежнемъ его составѣ семнадцати лошадей, братья получили бы изъ нихъ всего $16\frac{1}{18}$ лошади.

Каучуковый мистеръ Джэй притворясь крайне смущеннымъ закрылъ себѣ лицо обѣими руками.

— Очередь за угадчикомъ, кричали туристы.

— Извольте я предложу вамъ шараду, согласился г. Тристанъ,—но предупреждаю что никто, ни даже мистеръ Джэй, ее не разгадаетъ, хотя разгадка основывается на чистой математикѣ. Attention: mon premier est *rosse*, mon second est *d'a* et mon tout veut dire *chair à canon*.“

Молчаніе послѣдовавшее за этими кабаллистическими словами показывало что дѣйствительно никто не могъ догадаться.

— Mais voyons, c'est *soldat!* сказалъ г. Тристанъ.

— Это намъ ничего не объясняетъ, возразилъ мистеръ Джэй;—слово это несомнѣнно у всѣхъ насъ вертѣлось на языкѣ; какъ нельзя лучше подходятъ къ нему ваше второе—*da* и ваше все—*chair à canon*, но никому непонятно какъ ваше первое, то-есть *sol*, преобразовалось въ *rosse*.

— Тутъ-то и необходимо прибѣгнуть къ математикѣ, отвѣчалъ г. Тристанъ:—вы конечно знаете аксіому въ силу коей двѣ величины равныя порознь третьей равны между собой. На основаніи этой аксіомы, *sol* и *rosse* одно и то же.

— Почему же?

— C'est clair comme bonjour: parce que Solferino et Rhinocéeros *.

Продолжительный хохотъ наградила *commis* за его изобрѣтательность.

— Если ужь дѣло пошло на математику, сказалъ мистеръ Джэй,—то я предложу вамъ загадку въ восточномъ вкусѣ; но, прибавилъ онъ съ улыбкой, предупреждаю что ее напротивъ всякій разгадаетъ, не говоря уже о такомъ Пиеагорѣ каковъ М. Tristan.

— Kss, kss, Mr Tristan, kss, kss, мистеръ Джэй! возбуждалъ мистеръ Поммерой.

— Въ пустынь Сахары шли двое Арабовъ, Али и Гуссейнъ. Али несъ на плечахъ 5 окъ * риса, Гуссейнъ—3 ока. На встрѣчу имъ попался третій Арабъ, Селимъ, имѣвшій въ

* То-есть *sol fait rino et rino c'est rosse*.

** Окъ—восточная мѣра вѣса (около трехъ фунтовъ).

карманъ или вѣрше во рту восемь золотыхъ. Накормите меня, сказалъ Селимъ, и я отдамъ вамъ все свое золото. Али и Гуссейнъ согласились, и такъ какъ сами были голодны, то сварили лавазъ изъ всѣхъ восьми окъ риса; затѣмъ, когда Арабы съѣли все до чиста, Селимъ, поблагодаривъ Гуссейна и Али, отдалъ имъ 8 червонцевъ. Но Гуссейнъ и Али не знали какъ по справедливости раздѣлить деньги и пошли къ кади (судья). Требуется опредѣлить его рѣшеніе.

— Если въ самыхъ словахъ загадки нѣтъ какой-либо ловушки, сказалъ М. Tristan, — если кади не взялъ ничего себѣ и если онъ знаетъ ариѳметику, то присудилъ имѣвшему лять окъ риса лять червонцевъ, а имѣвшему три ока три червонца.

— Совершенно вѣрно! Именно такъ и рѣшилъ кади; я знаю что вы угадаете.

— Оно кажется и не мудроно.

— Однако Али и Гуссейнъ недовольные рѣшеніемъ отправились къ другому кади, и этотъ-то другой кади доказалъ имъ что первый кади не знаетъ ариѳметики...

— Но позвольте...

— Не обижайтесь. Рѣчь идетъ о первомъ кади, мы съ вами тутъ не при чемъ. Второй кади присудилъ Али, имѣвшему лять окъ риса, семь червонцевъ, а Гуссейну, имѣвшему три ока, одинъ червонецъ. Предполагая, обратился онъ къ нимъ, что вы двое и Арабъ Селимъ съѣли лавазъ поровну, изъ восьми окъ риса на долю каждаго пришлось по $2\frac{1}{2}$ ока, следовательно если исключить изъ вашего риса собственныя ваши порціи, окажется что изъ твоихъ ляти окъ, Али; пошло на Селима $2\frac{1}{2}$ ока, а изъ твоихъ трехъ окъ, Гуссейнъ, пошло всего $\frac{1}{2}$ ока, то-есть въ семь разъ меньше.

Торжество мистера Джэя было полное. М. Tristan съ великодушіемъ истиннаго Француза призналъ себя побѣжденнымъ.

Мыслителю, котораго Анджело называетъ „le savant“, тоже захотѣлось отличиться.

— Я знаю одну очень тонкую энигму, объявилъ онъ намъ; — слушайте: je suis une bête... Однако какъ же это дальше... je suis... вотъ вѣдь досада... je suis une bête... а остальное, господа, я позабылъ!

Тутъ сильный насморкъ охватилъ всѣхъ пассажировъ; быть-можетъ нагналъ его внезапно лахнувшій сквознякъ. Не сморкался одинъ „ученый“ и все повторялъ: „je suis une bête“.

Вывела насъ изъ затрудненія миссъ Монро.

— Учили вы англійскіе склады? спросила она меня.

— Когда-то училъ.

— А теперь помните ихъ такъ же хорошо какъ первый кади мистера Джэя ариѳметику? Мы это сейчасъ увидимъ. Я буду говорить поочередно слоги какого-либо слова, а вы называйте буквы; только вы навѣрно не сумѣете этого сдѣлать—или ошибетесь, или собьетесь. Какое бы слово взять? Откуда вы пріѣхали въ Египеть?

— Я, кажется, вамъ уже говорилъ—изъ Константинополя.

— Вотъ и отлично: возьмемъ *Constantinople*.

— Какъ вамъ угодно.

— Well, then, I begin *: *Con*?...

— С, о, п.

— *Stan*?....

— S, t, a, n.

— *Ti*?...

— T, i.

— No. Нѣтъ! воскликнула миссъ Монро, отрицательно мотнувъ головой.

— Why no? въ чемъ ошибка? спросилъ я, нѣсколько изумленный.

— Хотите, начнемте снова, предложила она: *Con*?

— С, о, п.

— *Stan*?

— S, t, a, n.

— *Ti*?

— T, i.

— No!! снова остановила она меня.

— Однако, чѣмъ же не такъ?

— Позвольте! Я и не думаю находить что не такъ: я только произношу *no*, слѣдующій послѣ *ti* слогъ, а вы вмѣсто того чтобы сказать: п, о, вотъ уже второй разъ сбиваетесь и вступаете со мной въ препирательства.

Миссъ Гертруда также предложила намъ загадку, справившись предварительно въ книжкѣ исписанной крупными какъ вишни каракулями.

— Въ которое изъ трехъ своихъ путешествій, спросила она, погибъ знаменитый мореплаватель, г. Кукъ?

* Хорошо же, я начинаю.

- Сейчасъ припомню, сказалъ ученый.
- На островѣ Оваи въ 1779 году, отвѣчала невпопадъ одна изъ молчаливыхъ личностей.
- Въ первое, darling *, воскликнулъ мистеръ Поммерой.
- Пала, а что нашъ г. Кукъ родственникъ тому знаменитому Куку?
- Родной дядя, darling.
- Вы вѣчно шутите, пала.
- Люблю шутить, darling, мой грѣхъ! А вотъ ты, серьезная. леди, разръшилка-ка мнѣ слѣдующій „puzzle“: Эти развѣшанные кругомъ насъ географическія карты убѣждаютъ тебя что можно всюду ѣздить съ компаніей Кука—къ Нильскимъ порогамъ, на Суэзскій каналъ, на Синай, въ Палестину, по всему свѣту. Взгляни, что ни красная полоска, то туръ Томаса Кука. Ну-съ, теперь самая суть: увѣрили меня будто по путямъ обозначеннымъ красною полоской, на каждомъ пароходѣ, въ каждомъ поѣздѣ, во главѣ всякаго каравана, находится лицо которое путешественники называютъ мистеромъ Кукомъ. Такимъ образомъ, съ перваго взгляда казалось бы что Куковъ множество. Не сомнѣваюсь что всѣ эти лица суть знаменитые мореплаватели; тѣмъ не менѣе однако мнѣ изъ достовѣрныхъ источниковъ вѣдомо что существуетъ только одинъ единственный мистеръ Кукъ, остальные же Куки—подставные. Спрашивается, который изъ всѣхъ этихъ Куковъ настоящій, несомнѣнный мистеръ Кукъ?

— Разумѣется, тотъ который ѣдетъ съ нами!

— Нѣтъ, darling, не онъ, а тотъ который, помнишь, сидитъ въ лавальионѣ и со всѣхъ беретъ деньги за билеты... Не такъ ли мистеръ Фанъ-день-Бошъ? Что вы приуныли?

Но Фанъ-день-Бошъ не слышалъ. Не принимая участія въ нашей невинной бесѣдѣ, онъ одинъ втихомолку разгадывалъ загадку которую загадала ему миссъ Эмили, ушедши вмѣстѣ съ матерью на *Беллеру* „къ знакомымъ дамамъ“.

* Darling—милочка, голубчикъ.

VII.

3 февраля.

Съ разсвѣтомъ вышли изъ Джирдже, прошли (десять верстъ южнѣе) мимо деревни Беллиани, откуда совершается поѣздка къ Абидосскому храму, предстоящая намъ на возвратномъ пути изъ Ассуана, миновали Фаршуть и другія мѣстечки съ большими сахарными заводами, отъ которыхъ на самую середину Нила вѣетъ запахомъ горѣлой патоки и ядовитыхъ растеній, приткнулись на минуту къ берегу чтобы поглядѣть дервиша подвижника, болѣе сорока лѣтъ сидящаго на одномъ мѣстѣ, оставили за собою вправо на половину ушедшій въ землю Лендерскій храмъ (мы осматриваемъ его завтра) и наконецъ еще среди дня остановились на восточномъ берегу у пристани города Кэнэ. Но прежде чѣмъ говорить о Кэнэ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о дервишѣ.

Близъ чечевичнаго поля, въ отлогой *просиженной* ямѣ, точно гадъ свернувшійся въ клубокъ, сидитъ безобразное дряхлое существо, давно утратившее человѣческій образъ. Мѣсто вѣроятно не затопляется Ниломъ. Кругомъ постоянно смѣняются поклонники изъ городовъ и деревень, лѣтше и на ослахъ; пришли сюда и капитаны нашихъ пароходовъ, въ чистомъ бѣльѣ и свѣжихъ турбанахъ. Въ ямѣ тлѣетъ костеръ; саженьяхъ въ 10 вырыта едва замѣтная землянка.

Существо совершенно наго, даже безъ покроя на головѣ, не чесано, не стрижено и не мыто. Кожа—землянаго цвѣта, толстая какъ у слона, вся морщится складками, осадинами и шероховатостями. Туловище, съ ослабленными мускулами, похожее на неполный винный мѣхъ, согнулось въ три погибели; голова въ естественной шалкѣ самаго настоящаго грубаго войлока низко склонилась къ воздымающемуся горбомъ животу, и борода, тоже войлочная, сплелась съ войлокомъ волосатой груди. Лица не разберешь: щеки, носъ, губы припухли и сливаются въ какую-то ноздреватую массу; кисти рукъ съ нерастопыривающимися, будто сросшимися пальцами, походять на комки грязи. Кольнопреклоненные Арабы обѣими руками бережно подымаютъ ихъ съ пола, цѣлуютъ и дотрогиваются ими до лба. Отовсюду сыплются мѣдныя деньги; чудовище, не разгибая шеи, подноситъ ихъ къ

неморгающимъ полузакрытымъ глазамъ, отороченнымъ кроваво-красными вѣками, и тутъ же отдаетъ кому-либо изъ присутствующихъ. При всякомъ его движеніи ревнители въ сильномъ волненіи кланяются по восточному и кладутъ руку на грудь. Когда жѣ дервишь слабо и безсвязно гуситъ, воцаряется такая благоговѣйная тишина что кажется можно слышать какъ растетъ чечевица и какъ вѣтся, глуша ее, гусиный горошекъ. Пароходный докторъ, желая узнать бьется ли сердце у этого живаго трула, взялъ было его за руку чтобы пощупать пульсъ, но тотъ съ силой отдернулъ ее и уронивъ возлѣ себя, издалъ протяжный негодующій звукъ, которому позавидовалъ бы любой чревоущитель; звукъ наломаннаго далекій лай съ ворчаніемъ и визгомъ. Длится онъ минуту, постепенно затихая; дервишь въ это время не шевелился, ни одинъ мускулъ его лица не трогался, только животъ вздувался подобно огромной жабѣ и бородавчатая кожа его ходила и перетягивалась какъ на пресмыкающемся.

Расположенный верстахъ въ трехъ отъ берега Кънэ (или Ганэ, какъ на мой слухъ произносятъ Арабы) гораздо меньше Сіута и наравнѣ съ Джирдже относится къ числу третьестепенныхъ городовъ, съ населеніемъ не превышающимъ 5.000 человекъ. * Однако городъ имѣетъ извѣстное торговое значеніе, созданное географическимъ его положеніемъ: находясь чуть не на самой восточной точкѣ теченія Нила, онъ соединенъ съ Краснымъ Моремъ посредствомъ караваннаго пути пролегающаго чрезъ Аравійскую пустыню; до порта Новаго-Коссеира считается четыре дня верблужей ѣзды.

Кънэ извѣстенъ прежде всего своею глиняною посудой, въ особенности водоохладительными кувшинами, по всему Египту употребляемыми вмѣсто графировъ. Дѣлается она изъ глины съ примѣсью золы; налитая въ нихъ вода, слегка просачиваясь, испаряется на наружной поверхности и охлаждаетъ такимъ образомъ стѣнки. Кувшины идутъ и въ Ассуанъ, и въ Александрію, и даже, какъ увѣряютъ, въ Счастливую Аравію. Любопытнѣе способъ какимъ они доставляются въ Нижній Египетъ: хрупкіе сосуды съ наглухо закупоренными

* Города съ болѣе численнымъ населеніемъ суть на перечетъ слѣдующіе: Каиръ 350.000, Александрія 210.000, Танта 60.000, Загазигъ 40.000, Дамьета 33.000, Сіутъ 27.000, Даманхуръ 25.000, Розета 16.000, Мавсура 16.000, Партъ-Саидъ 11.000, Суэцъ 9.000.

горлышками связываются большими партиями и образуютъ сами по себѣ, безъ боченковъ и досокъ, плоты, которые въ полной сохранности сплавляются по теченію. Судя по количеству изготовляемыхъ кувшиновъ, можно подумать что издѣлемъ ихъ заняты обширные заводы; но работа производится въ жалкихъ мазанкахъ; послѣднихъ, правда, не обещаться: что ни лачуга то горшея. Въ маленькой закуткѣ, куда свѣтъ проникаетъ лишь сквозь отворенную дверь, предъ станкомъ, вращающимъ горизонтальный деревянный дискъ, сидитъ одинокій Арабъ и при помощи пальцевъ и какой-то металлической линейки лѣлитъ кувшины. Обворожительные едва ползающіе ребятишки, въ рубашонкахъ и безъ рубашонкъ, съ мордашками вылачканными глиной, осторожно относятъ на полки готовые произведенія.

Городъ славится еще ежедѣльнымъ базаромъ, на который тремя путями стекаются товары, * плясуньями, занимающими цѣлый кварталъ, и привозными финиками изъ-за Чермнago Моря (видно Египетъ не довольствуется произрастающими дома 29ю родами этихъ плодовъ).

Базара,—онъ бываетъ только по средамъ,—и плясуній, залпросившихъ невозможную цѣну, мы не видали; за то финиковъ наблись досыта, хотя и они, къ слову сказать, продаются сравнительно не дешево: коробка фунта въ полтора (тщательно обложенная снаружи и внутри бѣлою бумагой) стоить франкъ и дороже. Вкусъ ихъ, чуть-чуть отдающій черносливомъ, чрезвычайно пріятенъ.

Но главною достопримѣчательностью Кэнэ служитъ одинъ господинъ, посѣщеніе котораго входитъ въ программу туровъ Кука наравнѣ съ осмотромъ историческихъ памятниковъ. Господинъ этотъ, зажиточный туземецъ, не говорящій ни на одномъ европейскомъ языкѣ, съ давнихъ поръ состоитъ одновременно и французскимъ, и германскимъ консуломъ. Во все продолженіе Франко-Прусской войны онъ не былъ отрѣшенъ ни отъ той, ни отъ другой должности, и съ прежнимъ достоинствомъ представлялъ враждующія великія державы. Тщеславный какъ всѣ Арабы, онъ любитъ принимать иностранцевъ въ своемъ „европейскомъ“ двухъэтажномъ домѣ

* По рѣкѣ съ сѣвера, по рѣкѣ съ юга и караванною дорогою съ востока.

съ крашеными полами, западною мебелью и люстрами въ чехлахъ.

Мы ввалились гурьбой, предводимые по обыкновенію Ахметомъ-Сафи. Напрасно стараясь скрыть подъ личиною сано-витости крайнюю застѣнчивую неловкость, государственнѣй человѣкъ неумѣло пожалъ намъ всѣмъ руку, а переводчикъ его каждому изъ насъ пробормоталъ по-англійски: „Его превосходительство французскій консулъ и его превосходительство германскій консулъ“, и затѣмъ, пошелтавшись съ его превосходительствомъ, произнесъ длинную прелинающуюся рѣчь, сводившуюся собственно къ просьбѣ разказать при случаѣ за границей что вотъ въ Кэнэ живетъ его превосходительство французскій, онъ же и германскій консулъ (если бы можно въ газетахъ, то было бы еще лучше)... и что у него есть личный драгоманъ, человѣкъ разсудительный и образованный, равнымъ образомъ живущій въ Кэнэ.

— Непремѣнно, неперемѣнно, завѣрили туристы.

— Я тоже отвѣчалъ что со своей стороны конечно постараюсь и тутъ же отмѣтилъ въ памятной книжкѣ: „NB восточные г. Добчинскій и г. Бобчинскій“, за что былъ награжденъ новымъ рукожатіемъ его превосходительства и краснорѣчивымъ взглядомъ толмача, исполненнымъ глубокой признательности.

Когда мы распрощались, они стали у отвореннаго окна чтобы провожать насъ взоромъ на обратномъ пути къ лароходамъ и прогрессу... А мы убѣгая отъ преслѣдованія Арабовъ съ геджасскими финиками неслись среди изумрудныхъ полей навстрѣчу заходящему въ величій и славѣ солнцу, вдыхали воздухъ наполненный вечерними ароматами, слушали трели жаворонковъ и конечно позабыли о существованіи консула и его переводчика. Даже именъ ихъ не удержала моя память. Со свойственною людямъ неблагодарностью забыли мы любезныя рукожатія, отащныя лалиросы, вкусный кофе, которыми насъ только-что угощали, и врядъ ли кто-нибудь изъ насъ, вернувшись на родную сторону, вспомнить о своемъ легсомысленномъ обѣтѣ и врядъ ли потомство узнаетъ что въ Кэнэ жилъ когда-то франко-прусскій консулъ со своимъ разсудительнымъ и образованнымъ драгоманомъ...

На берегу ожидаетъ насъ картинка во фламандскомъ духѣ: сумерки быстро наступаютъ; въ водѣ стоятъ ослы и рогатый скотъ; среди нихъ суетятся озябшіе мальчишки и дѣвочки.

Картину эту оживляютъ крики людей, карканье воронъ на пальмовыхъ вѣтвяхъ, дремотное мычаніе буйволовъ и своеобразное ржаніе ословъ. Осливое ржаніе въ Египтѣ такъ же часто какъ у насъ лѣвіе лѣтуховъ и господствуетъ надъ хоромъ прочихъ звуковъ; состоитъ оно изъ жалобнаго и вмѣстѣ оглушительнаго всхлипыванія, съ неломѣрно глухими нотами, точно у идиота сломали любимую игрушку и онъ вопитъ безъ мѣры и удержу во все свое здоровое какъ у скотины горло.

4 февраля.

Рано утромъ произошла гонка большихъ ларусныхъ лодокъ, въ которыхъ туристы переѣзжали на западный берегъ для осмотра Дендерскаго храма. Страстные охотники до всякихъ состязаній, Американцы въ послѣднюю минуту поскакали въ воду и въ бродъ достигли суши.

Сегодня намъ приводится видѣть вблизи первый древнеегипетскій храмъ. Всѣ они построены приблизительно по одному образцу. Противъ фасада, иногда на большемъ отъ него разстояніи, стоятъ массивные каменные ворота, *пилонъ*; справа и слѣва къ нимъ примыкаютъ *пропилонъ*—двѣ башни; на видъ два полотнища стѣны; онѣ вдвое и втрое выше прочихъ частей зданія; отъ воротъ аллея сфинксовъ, *дромосъ*, ведетъ къ единственному входу въ храмъ. (Порою на ней встрѣчаются еще одинъ или два пилонъ.) Самый храмъ есть продолговатое глухое каменное зданіе съ плоскою кровлей и немного наклонными отъ низу къ верху стѣнами. Внутренность его состоитъ изъ многоколонныхъ стѣнъ *портика* или *пронаоса*, часто самаго обширнаго отдѣла храма, и изъ главнаго помѣщенія, *наоса* *, нерѣдко разгороженнаго на множество покоевъ и заключающаго въ себѣ святилище, *адитумъ* или *секосъ*. Въ портикъ еще заглядываетъ ясный египетскій день, такъ какъ передняя стѣна обыкновенно не подходитъ подъ самую крышу и оставляетъ сверху просвѣтъ во всю ширину зданія. Но въ *наосѣ* царитъ вѣчная, непробудная, непроглядная ночь; стѣны снаружи и внутри и колонны покрыты вѣчными и живописными изображеніями боговъ,

* Храмъ.

которымъ цари, собственники храма, поклоняются или приносятъ жертвы. (Храмы не были общественными зданіями, а составляли личную собственность царей). Кругомъ зданія широкое пространство оцѣлено кирпичною оградой.

Храмъ древней Тефтиры, посвященный богинѣ Аторъ, * „зеницѣ солнца“, „госпожѣ небесъ“, „великой царицѣ золотаго вѣнца,“ стоитъ за часъ ѣзды отъ берега и какъ большая часть египетскихъ памятниковъ на половину ушелъ въ землю **, хотя принадлежитъ сравнительно къ недавней эпохѣ. Сооруженіе его начато при Птоломеевѣ XI Александрѣ *** и окончено при императорѣ Тиберіи. **** Есть украшенія и пристройки относящіяся къ позднѣйшему времени †. Рядомъ находится небольшой храмъ Изиды, достроенный при Неронѣ, и такъ-называемый Тифоніумъ, символическій родильный домъ, воздвигнутый въ честь той же богини Аторъ, рождающей Эу, бога дня.

Мы исключительно занялись осмотромъ главнаго храма: прошли сначала сквозь плотные каменные, локтей въ тридцать вышины, ворота Домиціана, имѣвшіе, какъ свидѣлствуютъ іероглифы, пологенца изъ кедроваго дерева, обивку и гвозди изъ азіатскаго желѣза, засовъ изъ лалисъ лазури и замокъ изъ золота и серебра; затѣмъ, прослѣдовавъ надъ погребеннымъ дромосомъ до фасада, спустились по вновь устроенной лѣстницѣ въ полутемныя исполнскія сѣни, именуемая „большимъ небеснымъ покоемъ“. Потолокъ ихъ поддержанный 24 могучими столпами, (23 футовъ въ окружности) покрытъ разнородными рисунками, между которыми можно различить кругъ египетскихъ зодіакальныхъ знаковъ со священнымъ жукомъ вмѣсто Рака и со змѣей вмѣсто Дѣвы. Для посѣщенія нѣоса пришлось зажигать огарки. Какъ въ портикѣ такъ и въ нѣосѣ, на вѣзныхъ изображеніяхъ головы боговъ, фараоновъ, звѣрей и птицъ отличающихся одинаково надменною осанкой, посѣчены первыми христіанами.

* Греки звали ее Афродитой; какъ сказано выше, она иногда сливается съ Изидой.

** Въ пустынѣ памятники засыпаются пескомъ, а въ долинѣ заволакиваются ежегодными отложеніями рѣки.

*** 106 до Р. X.

**** Отъ 14 до 37 по Р. X.

† Такъ встрѣчаются имена Калугулы, Клавдія, Нерона и другихъ.

Снаружи остался нетронутымъ портретъ Клеопатры, не передающій впрочемъ очарованій царственной красавицы. Слѣдуетъ замѣтить что вообще рисунки въ храмахъ залечатлѣны особымъ типическимъ безобразіемъ. Двѣ внутреннія лѣстницы ведутъ на крышу: одна изломами, круговая, какія бывають въ колокольняхъ, другая—прямая, пробитая въ толщѣ лѣвой стѣны и растянувшая во всю ея длину свои едва примѣтныя, отлогія ступени. Съ крыши въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно шагнуть прямо на землю или вѣрнѣе на кучи мусора отъ старинныхъ и новѣйшихъ построекъ.

Общее впечатлѣніе производимое храмомъ вызываетъ въ посѣтителѣ сознаніе личнаго своего ничтожества предъ чѣмъ-то древнимъ, могущественнымъ, таинственнымъ; туристъ чувствуетъ невольное благоговѣніе къ обступившимъ его уродливымъ божествамъ, во славу коихъ сооружались такія величественныя капища. При этомъ, несмотря на непривѣтливую снаружи, слѣпую, глухую стѣну, несмотря на темноту внутри, въ Дендерскомъ храмѣ не испытываешь того нравственнаго гнета что обыкновенно охватываетъ человѣка среди мертвенныхъ развалинъ старины: надъ Дендерскимъ храмомъ поетъ весна своими тысячью внятными для души голосами и какъ окрестъ его, такъ и въ его нѣдрахъ, течетъ хотя и непримѣтная съ перваго взгляда, тѣмъ не менѣе многообразная и обильная жизнь. Съ неба льются любовныя лѣсныя лглицъ-невидимокъ. На каменномъ пилоѣ Домиціана, по изваяніямъ и надписямъ, страшнымъ узоромъ легли глиняные валики, улья особаго рода красивыхъ осъ или шмелей, будто скроенныхъ изъ чернаго и желтаго бархата. Подъ плафономъ большаго небснаго покоя, между калителами, бѣлая сова вилась на широкихъ крылахъ, закрывая поочередно знаки зодіака. Мнѣ очень хотѣлось рассмотретьъ ее, но ослѣпники сколько ни хлопали въ ладоши, сколько ни кидали камешковъ, не могли выгнать ее наружу, въ яркій дневной свѣтъ, а бывшаго со мной ружья я въ ходъ не пустилъ, какъ ни просилъ меня о томъ туристы... Не рѣшался я осквернять храма убійствомъ одного изъ его обитателей и портить выстрѣлами тысячелѣтніе рисунки. Съ потолка темнаго круговаго хода ведущаго на крышу, словно куколки крупныхъ бабочекъ, внизъ головой висятъ въ зимней спячкѣ ушастыя летучія мыши; стоить подвять свѣчу и, пробужденныя пламенемъ,

онѣ мгновенно слетаютъ распахнувшись въ воздухъ, точно разметнувъ черные плащи. Не сталкиваясь между собою, не цѣпляя стѣвъ, эти духи тьмы мелькаютъ въ искусномъ полетѣ по всѣмъ направленіямъ. Ихъ почти не видно, только слышится слабый пискъ, похожій на стрекотаніе кузнечика, и пламя огарковъ колеблется отъ близкаго вѣванія перепончатыхъ крыльевъ. Порою, остановивъ свой волшебный летъ, повисаютъ онѣ на шляпахъ туристовъ. Мистеръ Джей убилъ на себѣ четырехъ мышей, и одну вмѣсто цвѣтка приколовъ къ сюртуку. Когда мы бродили, впереди во мракѣ прокрадывались тѣни, нѣмыя какъ призраки; были ли то шакалы, убѣгавшіе отъ свѣта, или оборотни, готовившіеся напугать незваныхъ гостей? На крышѣ храма еще не такъ давно стояла цѣлая деревня; слѣды ея видѣются и понынѣ.

Обратную нашу поѣздку къ берегу можно бы развѣ сравнить съ двигавшеюся во всю прыть армаркой: кулцы и локупатели, кто лѣшкомъ, кто верхомъ, неслись полнымъ галопомъ, совершая торговля сдѣлки на бѣгу. Кулцы, босовогіе феллахи, соблазнили насъ товаромъ изъ-за Краснаго Моря: ясиновыми чубуками и сгибавшимися въ кольцо бамбуковыми или камышевыми тросточками. Доскакавъ до рѣки армарка размѣстилась въ лодки, и лодочки за отсутствіемъ вѣтра логянули ее бичевой противъ теченія, съ тѣмъ чтобы слуститься къ пароходамъ на веслахъ. Беззаботно шли они по береговой отмели, пропуская мимо ушей предостереженія Анджедо касательно склонности крокодиловъ къ мелямъ и отлогимъ берегамъ (Анджедо, сбываясь на италіанское произношеніе, зоветъ крокодиловъ: „sossodrilles“). Дѣйствительно въ этомъ самомъ мѣстѣ года два назадъ цари гадовъ утащили въ рѣку Араба, но теперь, благодаря пароходному движенію, ниже Ассуана они совсѣмъ перевелись. Замѣчательно что единственный пароходъ перешедшій послѣднимъ лѣтомъ за пороги и совершающій рейсы между Ассуаномъ и Вади-Халфой услѣлъ въ нѣсколько мѣсяцевъ распугать ихъ и тамъ. Мистеръ Поммерой увѣренъ что тѣ которыхъ намъ обѣщаютъ показывать по сю сторону пороговъ фальшивые и содержатся для развлечения туристовъ на счетъ компаніи Кукъ.

Въ старину рѣка противъ Кэнэ изобиловала крокодилами. Жители Тентиры славились искусствомъ безвредно играть

ими таская ихъ за хвостъ и какъ гладіаторы въ Римѣ давали представленія. Вообще они питали къ крокодиламъ большое презрѣніе, убивали ихъ и ѣли, вслѣдствіе чего находились въ непримиримой враждѣ съ жителями Омбоса, ревностными поклонниками отвратительнаго земноводнаго.

Отъ Кэнэ до Луксора часовъ семь ѣзды. Часть этого времени мы посвятили музыкѣ. Но піанино, появившееся согласно обѣщанію на *Saidie* въ Сіутѣ, было до такой степени разстроено что музыканты должны были предварительно явить себя настройщиками; они съ большимъ усердіемъ развинтили и разобрали его, и когда инструментъ, потерявъ всякое фортепьянное лодобіе, сталъ уже походить на остовъ дракона, принялись пытаться его, однообразно стучая по клавишамъ, заводя винты посредствомъ добытыхъ у машиниста плоскогубцевъ и пробуя зубчистками отдѣльныя струны каждой ноты. По окончаніи пытки, продолжавшейся три часа, возрожденный піанино пролѣлъ подъ пальцами миссъ Поммерой народныя гимны въ честь разноплеменныхъ настройщиковъ, а затѣмъ Нилъ огласился вальсомъ, операми, сонатами, на этотъ разъ съ легкимъ американскимъ акцентомъ.

Однако мы подходимъ къ такимъ интереснымъ мѣстамъ что слѣдуетъ безотлучно находиться на лалубѣ. По пути отъ Кэнэ до Луксора встрѣчаются нѣсколько деревень; главныя—Кофтъ или Кобтъ, на мѣстѣ прежняго Колтоса и Нигади, на видъ цѣлый городокъ, съ двумя монастырями (католическимъ и колтскимъ) и множествомъ зубчатыхъ голубятень. Колтосъ особенно любилъ и обожалъ дѣтей Нута и Себа—пространства и земли—близнецовъ супруговъ Озириса и Изиду. Здѣсь по мифологическимъ преданіямъ * Изиды впервые услышала вѣсть о злодѣянніи своего брата Тифона, ** измѣнически убившаго Озириса и славившаго тѣло его по Нилу. Обитатели города для выраженія своей ненависти къ Тифону ежегодно низвергали въ пропасть его священное животное, осла. Слѣдовъ этой пропасти въ настоящее время нѣтъ. Въ послѣдствіи Колтосъ служитъ колыбелью христіанства въ Египтѣ и его разрушаетъ Діоклетіанъ. Тамъ гдѣ горы уходя

* Плутархъ.

** Тифонъ—греческое имя. По-египетски его звали Сетъ и Сутехъ.

отъ рѣки широко раздвигаютъ долину, стоятъ древній Алъ или Але. —

Градъ, гдѣ богатства безъ смѣты въ обителяхъ гражданъ хранятся,

Градъ, въ которомъ сто вратъ, а изъ оныхъ изъ каждаго по двѣсти

Ратныхъ мужей въ колесницахъ на быстрыхъ коняхъ выѣзжаютъ.

(*Iliada*, пѣснь IX, стих. 382—384).

Съ приставкой члена женскаго рода, имя города, заимствованное кажется у покровительствовавшей ему богини, преобразалось въ Т'Але; отсюда римское Thebe или Thebae, греческое Θῆβαι и наконецъ русское Θивы. Въ иероглифахъ Але назывался также „городомъ Аммона“, а у Римлянъ и Грековъ по вольному переводу „Diospolis magna“.

Основаніе Θивъ относится къ воцаренію XI династіи,* фараоны которой зовутся у древнихъ историковъ Диосполитами. Процвѣтаніе „Аммонова города“ длилось приблизительно двадцать вѣковъ. Съ VI вѣка до Р. X., съ нашествія Камбиза,** онъ начинаетъ приходить въ упадокъ и постепенно разоряется Персами. Послѣдній ударъ наноситъ ему въ 84 году до Р. X. Птоломей X Сотеръ. Разгнѣванный почти трехлѣтнимъ сопротивленіемъ возмущающагося города, онъ предаетъ его огню и мечу. Послѣ того Θивы больше не подыались, вѣками ложился на стогны саой надъ слоемъ плодоносный илъ, и стѣны домовъ мало-по-малу сраивались съ землею. Теперь на мѣстѣ властной Diospolis magna—хоть шаромъ покати, гладкая какъ озеро въ безвѣтріе стелется равнина, убранныя зелеными коврами кивъ, и лишь развалины храмовъ—частью въ пустынь, частью среди полей—намѣчаютъ по обѣ стороны рѣки предѣлы „своротной столицы.“ ***

Въ наступившихъ сумеркахъ мы различаемъ только громады Карнака на восточномъ берегу, но двумъ съ Нила видны всѣ главнѣйшіе памятники: у подошвы горъ по окраинѣ Западной пустыни храмы Гурнэ, Рамезеумъ, Мединеть-Абу,

* 2400 л. до Р. X.

** 525 года.

*** До сихъ поръ не открыто остатковъ стѣны кругомъ Θивъ, и потому Гомеровскій эпитетъ стараются объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, будто бы за городскія врата были приняты безчисленные уходящія въ небо пилоны и пропаноны храмовъ.

темные входы гробницъ въ Ливійскихъ скалахъ и сидящіе рядомъ въ открытомъ полѣ два чудовищные колосса.

Къ Луксору, * важнѣйшей изъ деревень на мѣстѣ Оивъ, пароходы подошли въ темноту, когда мы уже сидѣли за обѣдомъ. Съ *Бехеры* явился г. Кукъ и въ ознаменованіе прибытія къ главной цѣли путешествія привѣтствовалъ туристовъ личнымъ, вѣжливомъ, не громкимъ *ура*; однако, несмотря на свою пристойность и нешумность *ура* это почему-то наломало мнѣ изстуженные возгласы Арабовъ втащившихъ меня на большую пирамиду. Онъ объявилъ что не считая нынѣшняго вечера, мы трое полныхъ сутокъ стоимъ въ Оивахъ и увѣжаемъ лишь на четвертый день съ разсвѣтомъ.

Всѣмъ за знаменитымъ мореплавателемъ вошелъ одѣтый по-европейски мулатъ, лѣтъ двадцати, съ чрезвычайно пріятнымъ располагающимъ лицомъ. Г. Кукъ назвалъ его Ахметомъ-Мустафою, сыномъ луксорскаго старожила Мустафы-аги, почетнаго консула многихъ державъ (Россіи, Англіи, Америки, Бельгіи), и присовокупилъ что юноша окончилъ воспитаніе въ Лондонѣ, куда на два года посылалъ его родитель. Послѣ такого вступленія Ахметъ-Мустафа, говорящій довольно гладко по-англійски, поздравилъ насъ отъ имени „его превосходительства“ своего отца съ прїѣздомъ и пригласилъ сегодня вечеромъ на „фантазію“. Затѣмъ къ крайнему моему изумленію назвалъ меня по фамиліи, точно давнему пріятелю пожалъ мнѣ руку и предложилъ „какъ соотечественнику“ переселиться на время трехдневной стоянки въ *русское* консульство. Оказывается, Мустафа-ага по лѣтшеходной почтѣ ** получилъ изъ Каира отъ дипломатическаго агента нашего письмо съ просьбой не обойти меня зависящимъ покровительствомъ и содѣйствіемъ. Конечно, я очень благодаренъ дипломатическому агенту... Но, по моему, для туриста нѣтъ ничего обременительнѣе рекомендательнаго письма къ какой-нибудь власти по дорогѣ: всѣ льготы его положенія утрачиваются, его шкотнито вольной перелетной птицы разоблачается и снова чувствуются тяжелыя пути свѣтскихъ обязанностей, визитовъ, контръ-визитовъ и всякихъ прислужаній. Въ сознаніи зависимости, кабалы, я счелъ необходимымъ раньше другихъ сойтти съ *Саудіе*, чтобы

* Восточный берегъ.

** Кромѣ пароходовъ отбывающихъ изъ Каира разъ каждыя три недѣли, по Нильской долинѣ, начиная отъ Миніе, бѣгаютъ и *почтовые скороходы*.

первымъ явиться къ Мустафа-агѣ,—явиться не обыкновеннымъ, беззаботнымъ, веселымъ путешественникомъ, а въ качествѣ „знакомаго“ приторно-любезнаго и смертельно-скучнаго. Что же дѣлать? Я чувствовалъ что былъ кѣмъ-то особеннымъ, не такимъ какъ другіе.

— Домъ нашъ въ двухъ шагахъ, у самой пристани, сказалъ Ахметъ-Мустафа;—надо только перейти небольшую площадку... Я проведу васъ.

Но впереди куда мы шли ничего не было кромѣ какой-то старинной развалины (изенькія зданія въ родѣ сараевъ стояли лишь по сторонамъ). Все ясное и ясное обрисовывался двойной рядъ непомерно толстыхъ колоннъ преграждавшихъ песчаную площадъ; мы направлялись прямо къ нимъ. Рѣшительно ничего не понимая, я все-таки пріятно улыбался въ потемкахъ, а молодой человекъ велъ меня лодъ локоть къ подножью колоннъ съ почтительнымъ и вмѣстѣ задумчивымъ ланибратствомъ. Я готовился уже спросить къ чему мы идемъ ночью въ храмъ, какъ вдругъ у самаго моего лица съ двухъ сторонъ красными языками сверкнуло пламя ружейныхъ выстрѣловъ, раздался неожиданный, оскорбительно громкій залпъ, и по щекамъ стегнуло воздухомъ, точно невидимыя руки надѣлили меня двумя увѣсистыми пощечинами. При мгновенномъ блескѣ выстрѣловъ увидалъ я за второю цѣлью столбовъ присловенный къ ней фасадомъ небольшой домъ съ крылечкомъ въ нѣсколько ступеней. Я было опять разинулъ ротъ чтобъ освѣдомиться что означаетъ такая оглушительная шутка, но внезапно вслыхнули по сторонамъ яркіе бенгальскіе огни, и тутъ, хотя и одуревный, оглохшій, ослабшій я понялъ что то коснулось *принимаетъ* меня... Огни освѣтили трехъ-четырехъ Арабовъ съ дымящимися ружьями въ рукахъ, громады ближнихъ колоннъ, развѣвавшіеся въ вышинѣ между ихъ капиталами полотнища европейскихъ флаговъ и на порогѣ дома, на верхней ступенькѣ, его превосходительство Мустафа-агу, стараго, какъ бы лобекшаго негра, съ рѣдкою сѣдою бородой, съ мутными какъ у вареной рыбы глазами, съ расплюснутымъ носомъ лшпеннымъ вовсе носовой перегородки и нѣсколько объѣданнымъ по краямъ ноздрей. На Мустафѣ при чалмѣ и фескѣ было мундирное полукафтанье англійскаго вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, украшенное звѣздой Меджидіе 4й степеніи. Серіозный и сосредоточенный, въ сіяніи то краснаго, то зеленаго свѣта, коснулось

ждалъ моего приближенія... И всѣмъ этимъ я былъ обязанъ рекомендательному письму.

Однако я долженъ оговориться. Хотя я и называю Мустафа-агу консуломъ, онъ на самомъ дѣлѣ не консулъ и даже не вице-консулъ, а нештатный консульскій агентъ, послѣдняя ступень дипломатической іерархіи на Востока. Нештатные вице-консулы и консульскіе агенты назначаются изъ мѣстныхъ жителей, оказываютъ кому надлежитъ покровительство и сообщаютъ, если грамотны, экономическія, а иногда и „политическія“ свѣдѣнія ближайшему штатному консулу. Особенно глубокомысленны эти политическія свѣдѣнія!

Введенный въ кабинетъ, одну изъ двухъ нероскошныхъ приемныхъ комнатъ, увѣшанныхъ для *фантази* разноцвѣтными бумажными фонарями, я сѣлъ на почетномъ мѣстѣ, возлѣ той книги въ полстола что замѣняетъ у здѣшняго представителя Европы всякія дѣла, картоны, палки входящихъ и исходящихъ бумагъ, шнуrowые журналы и прочее. Къ книгѣ этой Мустафа-ага относится съ большею любовью и благоговѣніемъ чѣмъ молодой только-что назначенный министръ къ своему портфелю. А въ ней просто-напросто, какъ въ книгахъ гостиницъ у швейцарскихъ водопадовъ, расписываются проѣзжіе, занося, если желаютъ, краткія замѣтки о своихъ путевыхъ наблюденіяхъ или охотничьихъ удачахъ.

И теперь еще, пока я пишу настоящія строки, тяжело мнѣ вспоминать о тѣхъ утонченныхъ учтивостяхъ, предисловіи восточнаго гостепріимства, которыя мнѣ пришлось выслушать отъ хозяина, а еще тяжеле вспоминать собственные высокопарные, пустопорожніе отвѣты, и право не знаю отъ этихъ ли отвѣтовъ или отъ выстрѣловъ на площади до сихъ поръ горятъ у меня уши. Мустафа-ага говорилъ медленно, взвѣсивая каждое слово, и такимъ голосомъ какимъ вѣроятно правительственныя лица сообщаютъ другъ другу по секрету государственныя тайны. Приблизивъ свой стулъ къ моему креслу, онъ тихо шевелилъ предъ собою въ пространствѣ всѣми десятью пальцами, раздувалъ для вящей убѣдительности рваныя ноздри и точно для братскаго добыванія придвигалъ свою темную харю съ тусклымъ взоромъ чуть не вплотную къ моему лицу. Я выпилъ четыре чашки кофе и выкурилъ три чубука, а рѣчь его все лилась рѣкою. Англійскія слова слагались въ довольно круглые обороты, изъ предложеній синтаксически истекали

другія предложенія, но тщетно напрягалъ я вниманіе, стараясь уловить ихъ смыслъ,—смысла не было... Собственно рѣчь сводилась къ такъ-называемому „комплименту“, то-есть заключительной фразѣ казеннаго донесенія: „Примите, милостивый государь, увѣреніе въ отличномъ моемъ лочтеніи и совершенной преданности, съ каковыми имѣю честь быть.“ Но вариациямъ, беззѣрно растянутымъ, не было числа, и подъ конецъ я уже рѣшительно не находилъ что отвѣчать. Къ счастью Мустафа-ага прервалъ свои увѣренія чтобы представить мнѣ старшаго сына His Excellency, the Governor of Lухor, занимающаго особый домъ въ концѣ деревушки. Съ перваго взгляда губернаторъ, или вѣрнѣе старшина, невысокаго роста, сухощавый человекъ лѣтъ 35, показался мнѣ мрачнымъ, суровымъ, почти свирѣлымъ, но вскорѣ я уразумѣлъ что подъ этою маскою новое превосходительство, подобно франко-германскому консульскому агенту въ Кѣнѣ (ибо вчерашняя *достопримѣчательность* тоже не консулъ), старается скрыть безграничную, болѣзненную, самолюбивую застѣнчивость. На статистическіе мои разспросы онъ отвѣчалъ односложно, боясь уронить свое губернаторское достоинство. Мустафа-ага представилъ мнѣ также двухъ младшихъ сыновей, смуглыхъ ребятъ десяти и двѣнадцати лѣтъ. Съ толотомъ вбѣжали они въ комнату, однако при видѣ иностранца замерли на мѣстѣ, потемнѣли отъ конфуза и незамѣтно, какъ тѣни, скрылись за дверью.

Но уже мало-по-малу сходились другіе туристы, возвѣщаемые снаружи пальбою и отблескомъ въ окнахъ бенгальскихъ огней. Хозяинъ, замѣнившій форменный нарядъ шароварами и халатомъ кофейнаго цвѣта, разсаживалъ гостей по стульямъ или по диванамъ-тюфякамъ * сообразно годамъ и важности осанки.

Не помню, говорилъ ли я что слово „фантазія“ означаетъ всякое вечернее увеселеніе. Сжигается ли фейерверкъ, говорятъ ли сказочники прибаутки, пересказываютъ ли они цѣлыя главы изъ „Эльфъ-лэлэ у лэлэ“ (*Тысячи и одной ночи*), или просто общество собравшись у кого-нибудь пьетъ кофе и куритъ чубуки подъ звуки музыки,—все это одинаковымъ

* Восточный диванъ состоитъ изъ продолговатыхъ подушекъ въ видѣ тюфяка, накаладываемыхъ другъ на друга и покрываемыхъ сверху ковромъ.

образомъ зовется „фантазіей“. Сегодня фантазія выразилась въ пляскѣ нѣсколькихъ гавазу. Въ широкихъ размѣрахъ и блестящей обстановкѣ повторилась сцена видѣнная нами ночью въ Миніе,—только луксорскія лясуньи невыпрашивали денегъ, обходились безъ лалокъ, при нихъ состоялъ шутъ, весь въ проѣхахъ, въ огромномъ коллакѣ, и танцы смѣнялись вытаскивающимъ душу лѣвнємъ. Баядерокъ было восемь: прекрасно сложенная Нубіянка съ надменно-насмѣшливымъ взоромъ, прозванная туристами „дарицей Савскою“; арабская красавица, стройная какъ пальма, съ нѣжнымъ оваломъ лица и задумчивыми глазами „яснѣ дня, темнѣ ночи“; еще Арабка, дѣтски прелестная, съ серебрянымъ голоскомъ, шаловливою улыбкой, крошечными руками и ногами; безобразная Негритянка съ татуировкой на щекахъ, нечеловѣчески ловкая, однако лишенная всякой граціи, наконецъ четыре колдуньи съ крючковатымъ носомъ, нависшими бровями и угольными глазами, вѣроятно нѣкогда пригожія и лѣвнительныя, но уже переступившія за ту черту гдѣ всякая восточная красавица неизбежно становится черномазою вѣдьмой, а старшей колдуньѣ, какъ я узналъ отъ Ахмета-Мустафы, было всего 24 года!

Онѣ надѣли лучшіе свои уборы. Платья ихъ—красныя съ чернымъ, почти сплошь покрыты заработаннымъ золотомъ: фунтами стерлингами, наполеонами, дукатами, лодуимперіалами, новенькими трехрублевиками, * вокругъ стана монеты образуютъ какъ бы ланциръ изъ золотой чешуи; шею одѣваетъ золотое мовисто, а съ головы на спину и плеча золотымъ водоладомъ спускается особаго рода унизанная червонцами сѣтка.

Танецъ былъ довольно однообразенъ: пощелкивая кастаньетами, баядерки плавво двигались взадъ и впередъ или съ поднятою рукою поскакивали на мѣстѣ, но преимущественно трепетали всѣмъ тѣломъ, причѣмъ обращались съ ногъ до головы въ какой-то волощеный блескъ и звонъ. Изрѣдка въ пляскѣ прорывалось что-то цыганское, беззаботное, удалое, что-то въ высшей степени широкое и разнузданное,—отдай все да и мало,—и денъги звенѣли тогда еще звонче.

* Золотые трехрублевики я видалъ только за границей; кажется, они чеканятся исключительно для надобностей министерства иностранныхъ дѣлъ.

Однако фантазія происходила весьма прилично, и настоящаго танца — *танца пчелы*, за который гавазы получаютъ столько денегъ, мы не видали. Благопристойность не составляетъ его отличительной черты: танцуя, плясуньи лонемного раздѣваются, и послѣдніе *па*, обыкновенно самыя смѣлыя, дѣлаются въ то время когда уже ничто, кромѣ развѣ браслетовъ и серегъ, не стѣсняетъ движеній танцовщицы.

Въ темномъ углу, подобныя кучѣ негодныхъ лохмотьевъ сложены въ сторону, сидѣли музыканты и не то играли, не то настраивали свои инструменты: слышались страшные пересвисты, бляваніе, взвизгиваніе, мяуканье, лай, и все какъ будто покрывалось дребезжаніемъ разбитаго старческаго голоса; но какъ и въ танцахъ, въ звукахъ порою сказывалась цыганская удаль и чуялось что-то знакомое, точно издали доносились отголоски трепака, казацка и комаринской. Черезъ каждыя пять минутъ балдерки постукиваніемъ кастаньетъ указывали музыкантамъ новый мотивъ и во время краткихъ передышекъ кивали и улыбались имъ. Быть-можетъ, тамъ въ этомъ сѣромъ ворохѣ были ихъ братья и отцы, съ гордостью глядѣвшіе какъ онѣ отличаются предъ разноплеменнымъ нашимъ собраніемъ.

5 февраля.

Въ яркомъ блескѣ утренняго солнца предстала намъ картина смутно рисовавшаяся вчера ночью: покатаая къ Нилу, омываемая рѣкой песчаная площадь, справа и слева пыльные жилища безъ оконъ и дверей, какія-то полуразрушенныя стѣны изъ землянаго кирпича въ перекладку съ пробитыми кувшинами, увѣнчанныя кувшинами же голубяты, надъ самымъ берегомъ стеклянная галерея и вывѣска убогой фотографіи, а во глубинѣ площади, шагахъ во ста отъ пароходовъ, четырнадцать приземистыхъ колоннъ расположенныхъ въ два ряда и поддерживающихъ брусъ въ вѣсколько сажень длины. Днемъ онѣ какъ будто еще толще: играющіе подъ ними мальчишки кажутся мухами. Тогда какъ капители, расширяясь чашечкой лотоса, чуть не соприкасаются краями; внизу у основанія совсѣмъ просторно; въ промежуткахъ виднѣются дальнія строенія, небо у горизонта точно до бѣла раскаленное, пальмы на рубежѣ земли, а между двухъ колоннъ, подъ флагами висащими какъ простыни, въ сумеркахъ задняго плана чернѣетъ дверь консульства.

Кромѣ четырнадцати большихъ столбовъ съ палубы видны и другіе остатки старины. Правѣ въ вѣкоторомъ отдаленіи стоитъ группа меньшихъ колоннъ; налѣво за минаретомъ мечети подымаются въ высь массивныя пропилоны. Вся деревня расположена на руинахъ одного изъ величайшихъ храмовъ; подобно осамъ Диоклитіановыхъ воротъ въ Дендерѣ, люди налѣзли мѣстами среди него, мѣстами ловерхъ его свои главяые невзрачныя улы.

Сегодняшняя программа зоветъ насъ на западный берегъ; тамъ путешественниковъ ждутъ уже заранѣ перевезенныя ослы.

Идемъ на веслахъ, переносимся на рукахъ черезъ мель, ѣдемъ версты полторы по кивамъ адеса * и добираемся до какого-то широкаго судоходнаго канала; здѣсь ослы, несмотря на удары, линки и щилки, отказываются лѣзть въ лодку, и поговъщники переправляютъ ихъ влпавъ, схвативъ за что попало: подъ устцы, за переднія ноги, за уши... Садимся въ мокрая сѣдла и снова несемся мимо финиковыхъ и думовыхъ пальмъ, мимо роскошныхъ полей, всходы которыхъ подымаются замѣтно для глаза, мимо лашенъ, гдѣ ослы въ намордникахъ изъ лальныхъ веревокъ и съ голубинымъ лометомъ въ перекидныхъ корзинахъ, едва двигаясь взадъ и впередъ по бороздамъ, возбуждаютъ зависть въ нашихъ лѣнливыхъ упряжцахъ. Нашимъ лѣнтяямъ до смерти наскучило видѣть надъ собою колыханіе зонтиковъ и повязокъ, слышать сзади причмокиваніе и прихлебываніе неутомимыхъ ослятниковъ съ палками и щелками въ рукахъ, и состязаться въ бѣгѣ съ крикливыми Арабами, примкнувшими къ каравану и уже откывшими походную ярмарку.

Несмотря на зимній мѣсяцъ, весна въ полномъ разгарѣ, и жарко какъ лѣтомъ. Американцы, рассылавшись въ извилияхъ предъ дамами, снимаютъ съ себя сертуки, а мистеръ Джонсонъ, ни предъ кѣмъ не извилаясь, снимаетъ заодно съ сертукомъ и жилетъ. Хотя господствующій въ эту пору года сѣверный вѣтеръ днями довольно порывистъ и свѣжъ, въ защищенныхъ мѣстахъ немилосердное, безучастное ко всему солнце всегда печетъ и мужскія, и женскія лица какъ яблоки; если держать руку неподвижно, на тыльной

* Особаго рода горохъ.

части ощущаешь горячее покалываніе, какъ въ близкомъ со-
сѣдствѣ пылающаго камня.

Весна въ полномъ разгарѣ, и хорошо телерь, отставъ отъ шумнаго общества, вдыхать всею грудью оранжерейный воз-
духъ, слѣдить за скваніемъ крупныхъ муравьевъ на высо-
кихъ лапкахъ, быстро перебѣгающихъ дорогу, слушать лѣніе
жаворонковъ, верещаніе ястребовъ, крикъ удода, полный чу-
дой прелести, вѣющій наломаніемъ шной, лучшей весны...
Смутно ожидаешь что сейчасъ за поворотомъ разметнется
русская картина, пахнетъ въ лицо духомъ пригрѣтой солн-
цемъ сирени, еще мокрой отъ утренней росы, дальнимъ
звономъ колокольчиковъ зазвенятъ рои пчелъ надъ весеннею
травой и выѣтъ со струей душистой прохлады долетитъ изъ
ближней березовой рощи таинственное, свѣжее, обаятельное
какъ сама весна кукованіе кукушки...

Но за поворотомъ—полоса пустыни, прегражденная стѣной
скаль, подъ ногами мелкій сылучій песокъ, а надъ головой
другая пустыня, безоблачное ослѣняющее небо...

Нынче прогулка обнимаетъ слѣдующіе памятники: храмъ
Гурнэ *, гробницы фараоновъ въ скалахъ Бабъ-эль-Мелюк-
ской долины, храмъ Деиръ-эль-Бахре и Колоссы.

Гурнэ, самый сѣверный изъ египетскихъ храмовъ, начатъ
фараономъ Сети I, ** посвятившимъ его „отцу своему Аммо-
ну-Ра, царю боговъ“, *** и оконченъ, какъ гласитъ надпись, „на
милліоны лѣтъ“ сыномъ Сети Рамзесомъ II ****. Но храмъ
уже частью рушился, не дождавшись истеченія этого долгаго
срока: отъ отдаленныхъ пилоновъ съ пропилонами остались
лишь два холма щебня; стѣны самаго зданія уцѣлѣли не всѣ;
потолки обвалились, ихъ громадные брусья во всевозмож-
ныхъ положеніяхъ—ребромъ, наклонно и торчмя устилають полъ,
такъ что внутренность храма представляетъ какое-то камен-
ное море въ непогоду. На стѣнахъ и столбахъ разные царі;
между прочимъ мало извѣстные фараонъ Пта-сѣ-Пта и фа-
раонша Амесъ-Нюфриаре,—бесѣдуютъ съ богами; у послѣднихъ

* По произношенію Арабовъ; въ путеводителяхъ опять также сто-
итъ Курнэ.

** 1443—до 1392 до Р. X.

*** Слито представаніе о двухъ самостоятельныхъ божествахъ:
Аммонъ (скрытый), сынъ Пта, и Ра, олицетвореніи полуденнаго солнца.

**** 1392—1326.

въ рукахъ атрибуты власти, что-то въ родѣ ключа—знакъ жизни, какая-то катушка—знакъ постоянства, и скипетръ, иногда сверхъ того бичъ. Можно здѣсь видѣть возраждающагося Пта, голубаго Аммона * въ раздвоенной коронѣ—колпакъ чуть не во весь его ростъ, триаду божествъ—Озириса, Изиду и зачатого до ихъ рожденія сына Оруса ** съ головой хищной птицы и возмутительно-нахальной осанкой, богиню Аторъ съ коровьею мордой, кормящую грудью малолѣтняго Сети, Хонзу, бога-цѣлителя, „истребителя враговъ“, опору людей на жизненномъ пути, Анубиса, провожа-таго въ подземное царство, и другихъ. Головы по большей части выдолблены.

Египетскія погребальницы распределены группами вдоль сѣверной окраины бывшаго города: въ пустынь (на лѣвомъ берегу) отъ востока къ западу, еле замѣтно уклоняясь къ югу, расположены по склонамъ каменистыхъ возвышенностей могилы Дра-Абу-Нега, Ассакифа, Шейкъ-Абдъ-эль-Гурнэ, Гурнэтъ-Мурай и Бабъ-эль-Султанатъ; гораздо сѣвернѣе этой цѣли кладбищъ, въ горахъ, находится группа Бабъ-эль-Мелюкъ. ***

Имя Бабъ, или Бибанъ-**** эль-Мелюкъ принадлежитъ изви-вающейся между стѣнами каменныхъ кражей узкой долины, которая верстахъ въ трехъ отъ своего устья развѣтвляется на два отрога; каждый изъ нихъ заканчивается глубокою котловиной, и тутъ въ неприступныхъ почти скалахъ высечены могильныя пещеры. Кладбище представляетъ такимъ образомъ два отдѣла; мы осматриваемъ лишь главный.

Въ унылой тѣсницѣ ничего не видно кромѣ неба да камня—даже леску нѣтъ; тропинка пролегающая змѣйкой на днѣ угадывается по сглаженнымъ осколкамъ; основанія крутыхъ утесистыхъ горъ такъ близко сходятся что въ нѣкихъ мѣстахъ

* У боговъ есть свои излюбленные цвѣта. Аммонъ по большей части рисуется голубымъ, иногда чернымъ.

** Онъ мститъ Тифону за своего отца. Орусъ сливается иногда съ Армасомъ, богомъ утренняго солнца.

*** Въ Дра Абу-Нега покоятся фараоны XI, XII, XVII и начала XVIII династiи, въ Шейкъ-Абдъ-эль-Гурнэ и Гурнэтъ-Мурай—XVIII и XIX династiи, въ Бабъ-эль-Мелюкъ—XVIII, XIX и XX династiи, въ Лесакифъ—XVIII, XIX, XXII и XXVI династiи и Птоломеи, наконецъ въ Бабъ-эль-Султанатъ похоронены фараонши, не знаю какихъ временъ.

**** Бибанъ—множественное отъ Бабъ—ворота.

двоимъ нельзя проѣхать въ рядъ. Въслѣдствіе безчисленныхъ излучинъ, ни спереди, ни сзади не видать товарищей; вѣдешь одинъ палимый зноемъ и мучимый жаждой; безплощадный полуденный свѣтъ только усугубляетъ уныніе навѣянное суровою природою; воздухъ недвижимъ среди накаленныхъ уступовъ и осыпей скалъ, и гробовую тишину будить только негромкій толотъ ослиныхъ копытець, да своеобразныя по- нуканія погонычиковъ.

Впрочемъ я не совѣмъ одинокъ: бокъ-о-бокъ со мною по узкому кремнистому пути мчится дѣвочка-водоноскя поразительной красоты. Нарядъ ея тотъ же что и на другихъ увязавшихся за путешественниками дѣтяхъ: рубаха достающая до середины икръ, темная юбка накинутаая сзади на голову и такъ хитро прихваченная что не скрываетъ ни ушей, ни шеи; вмѣсто серегъ мѣдныя кольца съ навязанными большими бусами и ожерелье изъ маисовыхъ зеренъ. За то лицомъ и станомъ она отлчается отъ подругъ какъ десятилѣтняя богиня отъ обыкновенныхъ чумичекъ. Курчавые волосы, черные, съ синимъ отливомъ, выбиваясь изъ-подъ головного убора, обрамляютъ женственное, покрытое нѣжнымъ загаромъ лицо. Маленькій точеный носъ, съ тонкими, изрѣдка вздрагивающими ноздрами, правильный ротъ, грустная улыбка, которая порой показываетъ бѣлые плотоядные зубки, и въ особенности большіе задумчивые глаза, такіе же какъ у вчерашней красавицы-танцовщицы, могутъ свести съ ума любого поэта или художника. Востокъ изобилуетъ огромными черными глазами, но, хотя мы и приучены съ малолѣтства находить ихъ безъ разбора прекрасными, въ нихъ обыкновенно нѣтъ ни блеска, ни выраженія. Эти же, напротивъ, какъ будто живутъ своею жизнью, какъ будто дышутъ, гланда то печально, то беззаботно, то страстно, то равнодушно, изъ-подъ ровныхъ, немного сдвинутыхъ бровей. Рѣсницы—охрана отъ пыли и солнечнаго сіянія—до того густы что края нижней и верхней вѣкъ точно обведены рѣзкою чертою съ тѣмъ же синимъ отливомъ какъ волоса. Подобную черту иногда можно замѣтить и у европейскихъ дамъ, приближающихся впрочемъ къ помощи кисточки и особыхъ неизвѣстныхъ мушьянамъ косметиковъ.

Дѣвочка съ легкостью и устойчивостью дикой козы ступаетъ босыми, статными ножками по острымъ камнямъ и ни на шагъ не отстаётъ отъ моего осла; одна рука красиво легла

на сѣдло (при видѣ этихъ худенькихъ пальцевъ съ окрашенными въ красную краску ногтями вспоминается мнѣ маленькая Черкешенка съ *Константина*), другая поддерживаетъ на плечѣ холодный кувшинъ. Я нерѣдко останавливаюсь и жадными глотками пью студеную воду, а ребенокъ, прошептавъ арабское пожеланіе, слѣдитъ за мною своимъ загадочнымъ взглядомъ. Послѣ всякой остановки я разчитываюсь. Дѣвочка беретъ деньги безъ улыбки, не какъ подарокъ, а какъ заработанную плату и поцѣловавъ ихъ прячетъ за щеку. Я нарочно плачу не мѣдью, а маленькими серебряными монетками чтобы Геба не уродовала себѣ лица.

Она понимаетъ все что ей говорятъ по-англійски, но сама говоритъ мало; однако я узнаю что ее зовутъ Фатьмой, что у ней нѣтъ ни отца, ни матери, что она меня любитъ,—и быть-можетъ я обращаюсь къ кувшину чаще чѣмъ того требуетъ моя жажда.

Ущелье пустило отъ себя отрогъ вправо, затѣмъ прозвѣдось еще версты полторы и кончилось разбившись на нѣсколько исполинскихъ каменныхъ овраговъ. Въ этой-то неправильной котловинѣ находится двадцать одна гробница, пронумерованная извѣстнымъ египтологомъ Гарднеромъ Уилкинсономъ (четыре гробницы: №№ 22, 23, 24 и 25 высечены въ другомъ отрогѣ). Входы размѣщены невысоко надъ уровнемъ дола, впрочемъ снизу ихъ не видать: они скрываются въ каменныхъ складкахъ стремнищъ.

Гробницы, устроенныя приблизительно по одному образцу, состоятъ изъ корридора круто спускающагося въ нѣдра земли и нѣсколькихъ расположенныхъ вдоль него покоевъ; нижній лежитъ иногда на глубинѣ 180 футовъ (считая по отвѣсу). Стѣны корридора и комнатъ покрыты живописными или врѣзными рисунками; изъ нихъ многіе не окончены, а иные едва намѣчены: объясняется это тѣмъ что усыпальницы, какъ мастабы, такъ и лещеры, изготовлялись только при жизни своихъ будущихъ постояльцевъ, со смертью коихъ всѣ работы сразу прекращались.

Саркофагъ съ муміей и при ней различныя драгоценности стояли въ отдаленнѣйшей или какой-нибудь боковой, секретной комнатѣ; достучь къ нимъ тщательно задѣлывался и маскировался. Снаружи гробницу заставляли большими обломками скалъ, заваливая промежутки грудами меньшихъ камней.

Вообще предосторожностямъ не было числа и быть-можетъ бабъ-эль-мелюкскіе покойники до сихъ поръ мирно поживали бы въ пустынныхъ горахъ еслибы ливни налетающіе сюда однажды лѣтъ въ двадцать не размыли съ вѣками преддверій. Какъ бы то ни было, муміи, саркофаги и драгоценности похищены еще въ незаламатныя времена. Теперь не осталось ничего что можно бы унести, однако путешественники ухищраются грабить самыя стѣны, откалывая отъ нихъ большіе куски съ рисунками. Стѣны полорчены также автографами лицъ, краснорѣчиво хотя и кратко заявляющихъ міру о своей невѣжественной грубости. Въ числѣ надписей попадаются древне-греческія и римскія, какъ бы въ доказательство того что людей которымъ не даю стажать извѣстность путемъ ума или способностей, издревле преслѣдуетъ стремленіе увѣковѣчить свое имя хотя бы и позорнымъ образомъ. При видѣ подобнаго вандализма невольно отдаешь справедливость тѣмъ любителямъ просвѣщенія которые возымѣли мысль, ничего не портя, выставить свои фамиліи по сырымъ отвѣсамъ на днѣ Иосифова колодца въ Каирской цитадели. Къ несчастью тамъ уже не осталось мѣста и слѣдовало бы выкопать для туристовъ новый провалъ или яму гдѣ бы имъ расписываться. „Да яма надобна большая!“ *

Мы посѣтили лишь нумера семнадцатый и одиннадцатый. Нумеръ семнадцатый, могила Сети I, называется иначе Бельцоніевою гробницей, по имени Италіянца открывшаго ее въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Она была расхищена гораздо раньше, и потому, неизвѣстно для чего, олять старательно задѣлана; Бельцони засталъ одинъ алебастровый саркофагъ, лустой и безъ крышки, но стѣнная живопись находилась еще въ такой неприкосновенности что казалось она была малевана наканунѣ. Теперь, по простествіи 50 лѣтъ, стулени лѣстницъ исчезаютъ подъ грудами осколковъ, въ стѣнахъ сдѣланы большія выбоины или же отлущены куски желтой штукатурки тонкимъ слоемъ покрывающей скалу въ качествѣ грунта для красокъ. Однако въ тѣхъ частяхъ гробницы гдѣ рисунки сохранились, онѣ и по нынѣ до такой степени свѣжи что люди разсѣянные отстраняются отъ стѣнъ, боясь замарать платье: краски кажутся невысохшими.

Содержаніе картинъ довольно туманно: главнымъ предметомъ

* *Метафизикъ* Хемпцера.

ихъ является страствованіе души по сферамъ Аменти, то-есть подземнаго міра. Конечно, не умѣя читать іероглифы, этого сразу не поймешь. Встрѣчаются слѣсивые боги („первый въ звѣздномъ обиталищѣ“ Озирисъ-Унеферъ * руководить фараономъ Сети), мужчины и женщины въ древне-египетскихъ позахъ, плывущія по Нилу парусныя и гребныя суда, крокодилы, змѣи, жуки катающіе земляные шарики, улитки и множество всякихъ символическихъ знаковъ. Четыре человѣка разнящіеся цвѣтомъ кожи представляютъ типы четырехъ извѣстныхъ въ то время племенъ. Такая же группа повторяется въ осьмомъ номерѣ, въ гробницѣ Менефты. **

Нумеръ одиннадцатый принадлежитъ Рамзесу III *** и называется „гробницей Брюса“ **** или „Арфистовъ“. Тутъ преимущественно изображены сцены изъ обиходной жизни, распределенныя систематично по разнымъ комнатамъ. Въ одномъ покоѣ сгруппированы картины земледѣльческаго быта, въ другомъ—картины судоходства, въ третьемъ кухоннаго хозяйства: лечение хлѣбовъ, булокъ, пироговъ и пр., есть комната съ цѣлою коллекціей нарисованныхъ ножей, кинжаловъ, стрѣлъ, палицъ и колій; ихъ лезвія и наконечники окрашены въ голубой цвѣтъ—обстоятельство указывающее что въ XIII вѣкѣ до Р. Х. употребленіе стали было уже извѣстно; есть комната посвященная домашней птицѣ, гусямъ, перелеткамъ и т. п. Куръ нѣтъ, и яйца нарисованныя тутъ же снесены не ими. Плодамъ, изъ коихъ я разобралъ лишь гранаты и виноградъ, тоже отведено особое помѣщеніе. Въ виду такой разсортировки рисунковъ думаютъ что отдѣльныя комнаты предназначались для погребенія служившихъ при фараонѣ лицъ: какъ-то повара, оруженосца, птичника, управляющаго и пр. Въ гробницѣ Брюса есть и образы боговъ, однако сравнительно въ небольшомъ количествѣ. У дверей царскаго покоя двое слѣпцовъ играютъ на арфахъ, отсюда происходитъ второе наименованіе гробницы.

* Озирисъ послѣ своей смерти становится Унеферомъ, владыкой подземнаго міра, и сливается съ Пта.

** Менефта (1326—1306) по предположеніямъ ученыхъ есть тотъ самый фараонъ войско котораго погибло въ погонѣ за Израильянами (Исходъ, гл. XIV).

*** XX династія (1273—1095).

**** Врисе, нашедшій ее путешественникъ.

Изъ остальныхъ номеровъ лучшіе седьмой, Рамзеса II, и девятый, Рамзеса IV. Но мы въ нихъ не полѣзли, съ насъ и такъ уже было довольно. Осмотръ могилъ крайне утомителенъ: безъ конца слускались мы въ земную глубь по завалившимся лѣстницамъ, перевода дыханіе лишь въ рѣдкихъ промежуточныхъ комнатахъ; воздухъ душенъ и тяжелъ; поднятая многочисленнымъ обществомъ пыль выѣдаетъ глаза; плоскіе отщербленные отъ стѣнъ и сводовъ осколки, точно битыя блюда, непріятно гремятъ подъ ногами; мелкіе камешки что ни шагъ обрываются и сылаются внизъ, въ темную глубину, того глядя полетишь туда и самъ, а тутъ еще слѣдующій туристъ каллетъ на васъ сверху стеариномъ... И едва услѣвешь мелькомъ взглянуть на стѣны, гдѣ среди лестрой іероглифической челуки оживленные колеблющимся пламенемъ огарковъ движутся вереницами или колошатся въ одиночку маленькіе шоколатнаго цвѣта люди.

На площадкѣ у входа въ осьмнадцатый номеръ (гробница Рамзеса X *) былъ лоданъ холодный завтракъ. Неугомонные продавцы и между куманьевъ прельщали насъ разными товарами. Однѣ и тѣ же вещицы совсѣмъ по фокуснически ходили у нихъ по рукамъ и прѣдъявлялись для отвода глазъ все новыми лицами.

До нынѣшняго дня просители бакшиша и торговцы принимавшіе участіе въ нашихъ прогулкахъ были преимущественно несовершеннолѣтніе; взрослыхъ фелаховъ отвлекали полевая работа. Теперь же въ окружающей толгѣ взрослые составляютъ большинство. Это отъ того что египетскіе Арабы, подобно „вольнымъ бедуинамъ“ Гизѣ, живутъ главнымъ образомъ не хлѣбопашествомъ, а обирательствомъ туристовъ. Иные навязываются въ путеводители и выручаютъ до пяти франковъ въ день; другіе поддѣлываютъ старинные предметы отыскиваемые въ саркофагахъ: каменные жучки, ожерелья и фигурки изъ какой-то голубой глазури, свитки лалируса ** и другія вещи. Поддѣлка, за которую сначала запрашивается тройной вѣсъ золота, скоролостижно уступается за грошъ. Иногда она бываетъ безобразна, предлагаются напримѣръ каменные жучки изъ чернаго воска и глиняные сфинксы изъ мятаго хлѣба, порою же бываетъ такъ искусна что лишь

* Рамзесъ III, IV, V и т. д. до XIV включительно принадлежатъ къ XX династии.

** Свитки эти находятъ только въ рукахъ царскихъ мумій.

опытный глазъ можетъ открыть лаутовство. Впрочемъ Арабы по врожденной живости почти всегда сами пробалтываются.

— Give it for five dollars! very old, real! * хрипло кричить прибѣжавшій откуда-то и до удумья запыхавшійся фелахъ вытаскивая изъ-за лазухи бережно увернутаго въ доскутъ священнаго мандриля, котораго я уже имѣю удовольствіе знать въ мельчайшихъ подробностяхъ и который на моихъ глазахъ перемѣнилъ по крайней мѣрѣ двадцать хозяевъ.

— Antic! Give it for three shillings **, оретъ продавецъ, не дождавшись отвѣта на первое свое предложеніе. У современныхъ Оиванъ *give* означаетъ глаголы *брать* и *давать* во всѣхъ временахъ, залогахъ и наклоненіяхъ; *отдаю, возьмите, дадите, беру, дамъ*—все это на мѣстномъ англійскомъ нарѣчій выражается словомъ *give*.

— It is real Ramses, give it for two francs ***, продолжаетъ онъ уступать, но я занятъ цыплятами и бараниной.

— Give it for five piasters, four piasters, three piasters... give ****.

Три піастра послѣдняя цѣна, и обезьянка ловко всучивается въ мои руки, послѣ чего Арабъ предается настоящему бѣснованію, выкрикивая на всѣ лады: „give it, give it! no give it? give it“, то-есть возьмите, давайте деньги; какъ, не берете? вѣдь я же вамъ отдаю! Тутъ и убѣдительная просьба, и крайнее недоумѣніе, и настойчивое требованіе.

— Да ты врешь, она фальшивая, не старая, возражаю я.

— Not old? very antic, quite Ramses, natural, hundred and hundred years †, трещитъ Арабъ.

— Ну, хочешь піастръ?

— Піастръ? какъ можно піастръ? піастръ нельзя: я надъ ней два дня проработалъ.

И такимъ образомъ усердный труженникъ попадаетъ въ просакъ какъ тотъ Нѣмецъ который увѣрялъ что рублевка не фальшивая, а настоящая, что онъ навѣрно знаетъ, что онъ самъ ее дѣлалъ.

* Возьмите за пять долларовъ! очень старинный, настоящій.

** Старинный, возьмите за три шиллинга.

*** Настоящій Рамзесъ, возьмите за два франка.

**** Возьмите за пять піастровъ, за четыре піастра, за три піастра... берите!

† Не старая, очень старинная, совершенно Рамзесъ, натуральная, сотни и сотни лѣтъ.

Изъ неподдѣльныхъ вещей въ обращеніи находятся только лишеныя всякой стоимости: мѣдныя монеты времяя римскихъ императоровъ, желтое тряпье изъ могилъ и разобранныя по частямъ муміи; послѣднихъ особенно много: между блюдами предъ носомъ путешественниковъ проходитъ полное собраніе древне-египетскихъ рукъ, ногъ, пальцевъ, забитованныхъ и размотанныхъ; ногти тысячелѣтнихъ мертвецовъ чуть не царапаютъ насъ по лицу.

— A head of the mummy! * заявляетъ вертлявый юноша, перебрасывая съ руки на руку человѣческую голову, не имѣющую никакого сходства съ головой сѣтской покойницы—ужасающую, облѣзлую, на половину источенную червями.

— Very nice, кричитъ онъ,—good for ladies! **

Однако всѣ, и дамы въ особенности, съ отвращеніемъ относятся къ его товару.

— Give it for twenty five sovereigns! *** величественно провозглашаетъ онъ, желая удивить насъ, но тотчасъ, какъ бы слыхавшаяся, замѣняетъ фунты шиллингами, шиллинги франками, франки листрами, и наконецъ, остановившись на крайней цѣнѣ, пяти листрахъ, кладетъ „foot of the mummy“ на мои колѣни, куда я только-что собирался поставить полученную отъ синьора Анджело тарелку со всякою всячиной.

Тутъ юноша залился самымъ добродушнымъ хохотомъ:

— Look, look! воскликнулъ онъ, тыча пальцемъ на мертвую голову,—she neill eat. ****

Дѣйствительно, ощеривъ зубы какъ бы въ ожиданіи подачки, она глядѣла своими проваленными глазами на свѣсившійся съ тарелки ломтикъ ветчины.

Съ такимъ же голоднымъ выраженіемъ смотрѣли на насъ и купцы, и ослатники, и водовосы. Порою мы кидали въ толпу корку хлѣба или обглоданную кость, что неминуемо порождало свалку, и тогда хищный Мехмедъ отрывался на мгновение отъ ѣды чтобъ однимъ ловкимъ, излучистымъ какъ молнія ударомъ охлестнуть цѣлую кучу человѣческихъ тѣлъ. Арабы безшумно, какъ испуганные звѣри, шарахались въ разныя стороны, мелькая голыми жкрами и лятками, и

* Годова муміи.

** Очень хороша, пригодна для дамъ.

*** Возьмите за 25 совереновъ.

**** Смотрите, смотрите—она хочетъ ѣсть.

затѣмъ такъ же безшумно сходились снова. Кружочки колбасы и ветчинное сало они, поднявъ съ полу, долго нюхали, но ѣсть не рѣшались и забрасывали. Нѣсколько вороновъ, ожидая нашего ухода чтобы воспользоваться объѣдами, нетерпѣливо каркали въ вышинѣ по скаламъ. Позже, при лунномъ освѣщеніи, съ окрестныхъ горъ и изъ ближнихъ могилъ соберутся сюда на полуночный лиръ гienы и шакалы.

Возвратились мы изъ ущелья не прежнею дорогою, а перебрались цѣпникомъ черезъ кряжъ, отдѣляющій „Долину смерти“ отъ равнины Оивъ (у подножія кряжа съ противоположной стороны стоитъ храмъ Дейръ-эль-Бахрѣ). На каменную кручу пришлось подыматься лѣшкомъ; ослы и безъ сѣдоковъ съ трудомъ втаскивались и подсаживались погоньщиками. За то сверху, съ зубцовъ естественной въ 1.000 футовъ стѣны, огибающей сѣверо-западный уголъ равнины, открылась обычная чудная картина зеленыхъ нивъ, лѣсовъ рѣки, каналовъ, пальмъ и песчаныхъ полей, усѣянныхъ развалинами древняго Египта. Предъ нами какъ будто развернулся планъ мѣстности въ естественную величину, то-есть съ масштабомъ верста въ верстѣ и съ памятниками въ натурѣ,—планъ, гдѣ размѣры скрадываются лишь разстояніемъ.

Съ другой стороны зияетъ только-что покинутая Бибъ-эль-Мелюкская тѣснина, во глубинѣ которой можно различить диковинную букашку,—верблюда, нагружаемого посудой и остатками нашего завтрака.

Дейръ-эль-Бахрѣ стоитъ еще въ пескахъ и скалахъ пустыни и кругомъ него только рѣютъ ласточки сѣро-желтаго оттѣнка, какъ нельзя болѣе подходящія подъ цвѣтъ каменныхъ горъ (влрочемъ разрушенные пропильны, въ разстояніи полуверсты отъ храма, находятся среди воздѣланныхъ полей, около пальмовой рошцы). Воздвигнутъ онъ фараоншей Ра-Маа-Ка-Аменъ-Кнумтъ-Хатасу, сестрой и солправительницей Тутмосовъ II и III *, но въ надписяхъ имя ея, тщательно стертое, замѣнено всюду именемъ Тутмеса III. Удостоверьшесь въ обманѣ благодаря лишь нѣкоторымъ оборотамъ рѣчи: „Тутмесъ (III)“, говорится въ іероглифахъ, „построила сей храмъ“, „она посвятила его своему отцу Аммону“ и т. п. Судьба этой египетской царевны Софіи задернута непроницаемымъ покровомъ, извѣстно только что въ послѣдніе годы

* XVIII династія (1597—1447).

своего царствованія Тутмесь III правилъ единовластно. Однако въ храмѣ поневолѣ только и думается о той имя которой изъ него изгнано; славолубивый братъ фараонши не предугадывалъ какую окажетъ ей услугу, преслѣдуя самую память о ней.

Сооруженіе отличается своеобразностью; части его—дворы и крытыя храмины лежатъ на террасахъ разной высоты, чѣмъ ближе ко хребту, тѣмъ выше, и наконецъ помѣщенія уходятъ въ скалу; они высѣчены тамъ горизонтально; нѣкоторыя были найдены наполненными до верху человѣческими трулами.

Наружу стоятъ куски стѣвъ и обломки колоннъ. Потолокъ со всегдашними желтыми звѣздами по голубому небу уцѣлѣлъ въ одномъ лишь мѣстѣ. Боги пощерблены и изуродованы, впрочемъ пребываютъ такими же гордыми и неприступными какъ въ предвѣчный день своего рожденія. Лучше другихъ устояла противъ времени и людей общая кормилица фараоновъ, богиня Аторъ, держащая на рукахъ царенка, вѣроятно одного изъ двухъ Тутмесовъ.

Если состояніе вѣшнихъ развалинъ плачевно, то наоборотъ, покои въ горѣ сохранились удивительно. И тутъ, какъ въ Бабъ-эль-Мелюкѣ, краска на барельефахъ точно еще не высохла, а гдѣ работа не окончена, можно подумать что она лишь на минуту приостановлена: художники отправились пообѣдать или прогуляться, тотчасъ вернутся и слова примутся за дѣло.

Изъ картинъ Дейръ-эль-Бахрѣ самая любопытная *Полодь въ Аравію*, въ страну *Пуніеръ*, предпринятый таинственною фараоншей: египетскіе полки идутъ подъ звуки трубъ и барабановъ, суда плывутъ по морю, съ чужеземнаго берега вводятся лѣвныя или заложники, на лодки сносится военная добыча—металлы, слоновая кость, шкуры, обезьяны, а сквозь прозрачную морскую воду видны разныя рыбы и раки, настолько живо представленные что не трудно признать въ нихъ породы до сихъ поръ существующія въ Черномъ Морѣ. Морская вода изображена зеленою, нильская голубою.

Отъ Дейръ-эль-Бахрѣ чрезъ Рамезеумъ или Мемноніумъ (тропика проходитъ среди густаго лѣса его столповъ) поѣхали мы къ Колосамъ, ковечной цѣли сегодняшней прогулки.

Они подымаются на 53 фута надъ уровнемъ ниль; съ pedestalомъ, телерь ушедшимъ въ землю, вышина ихъ достигаетъ 60 футовъ: между плечами болѣе 18, голова и шея 10 съ

половиной, предплечіе 16 съ половиной, отъ колѣна до ступни почти 20. Схожіе другъ съ другомъ какъ близнецы сидятъ они рядомъ на вольномъ просторѣ и оба съ одинакимъ недоумѣніемъ смотрятъ слѣпыми глазами на востокъ. Утесъ стоящій въ равнинѣ, башню господствующую надъ сосѣдними зданіями, поэты привыкли называть „сторожемъ“ или „часовымъ“—сравненіе ни къ чему такъ не идетъ какъ къ этимъ слѣпымъ великанамъ. Но что же сторожатъ они или чего ожидаютъ? Съ особымъ гнетущимъ чувствомъ силиться разгадать каменныхъ чудовищъ, отъ которыхъ вѣсть чѣмъ-то безличнымъ, стихійнымъ, вѣчнымъ какъ время и неизбежнымъ какъ смерть. Мрутъ отдѣльные люди, проходятъ поколѣнія, исчезаютъ съ лица земли цѣлыя племена и народы, миллионы разъ опускается и подымается солнце, они же все сидятъ и ждутъ, ждутъ, ждутъ.... Между ними, какъ въ широко-раскрытыхъ воротахъ, пролегаетъ дорога; ѣдетъ по ней со своею скрипучею лѣсной арба запряженная черными буйволами; идутъ гуськомъ верблюды; надсаживаясь отъ крика, болтая руками и ногами скачетъ на неосѣдланномъ ослѣ удалая голова; дѣти безъ рубашекъ кувыркаются въ мягкой пыли и таскаютъ за хвостъ лохматую собаку въ родѣ овчарки, а кругомъ аркозеленымъ моремъ стелются и волнуются нивы. Но они ни на что не смотрятъ, имъ ни до чего нѣтъ дѣла, какъ отжившимъ старикамъ, что, потонувъ въ древнихъ своихъ воспоминаніяхъ, безчувственные къ окружающей жизни, туло усталились въ пространство и тихо жуютъ губами.

Что такое коллосы? Шагахъ въ пятистахъ груды обломковъ образуютъ большой холмъ называемый Арабами Комъ-эль-Хеттаномъ; кое-гдѣ среди мусора тянутся карнизы или торчатъ верхи колоннъ. Это бывшій Аменотелиумъ—храмъ Аменотела или Амунофа III, фараона-ловца убившаго 110 львовъ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ своего царствованія. * Храмъ обращенъ фасадомъ на востокъ, и въ сохранившейся на фронтовѣ надписи строитель проситъ чтобы солнце, „подымаясь изъ-за горизонта, осіявало зданіе золотомъ своего лица“. Оба коллоса не что иное какъ статуи Амунофа. Онъ сидитъ на тронѣ безъ подлокотенъ и слинки; барельефъ на правой голени представляетъ его супругу Ти, а

* XVIII династія (1597—1447 до Р. X.) Амунофъ въ переводѣ *Аммоновъ муръ*.

на лѣвой его мать Мутемуу. На полпути между Комъ-эль-Хеттаномъ и коллосами лежитъ третій истуканъ во всемъ подобный двумъ первымъ, но уже почти совершенно погребенный ежегодными отложеніями Нила. Основываясь на приведенныхъ данныхъ, египтологи заключаютъ что коллосы стояли возлѣ исчезнувшихъ теперь пилоновъ Аменотелиума или же въ числѣ нѣсколькихъ такихъ же ларныхъ статуй были размѣщены по „Королевской улицѣ“ соединявшей поименованный храмъ съ другимъ великимъ сооруженіемъ Амунофа, храмомъ Луксора. Конечно это однѣ догадки: ни отъ пилоновъ, ни отъ улицы не осталось слѣдовъ, и во всѣ стороны простирается зеленая гладь безъ признаковъ какихъ бы то ни было развалинъ.

Южный коллосъ изваянъ изъ цѣльной каменной глыбы. Сѣверный же, знаменитый Мемнонъ Аммонскій (такъ я училъ по Шульгину) * въ верхней части сложенъ изъ большихъ брусевъ. Сперва онъ тоже представлялъ собою цѣльнаго болвана, но въ 27 году до Р. Х. былъ разрушенъ землетрясеніемъ. Исправилъ его и привелъ въ тотъ видъ въ какомъ онъ остается до сихъ поръ императоръ Селтимій Северъ. **

Какъ извѣстно, Мемнонъ издавалъ когда-то музыкальный звукъ при солнечномъ восходѣ. Многія лица удостовѣрили это чудо надписями изсѣченными на подножіи; одна изъ нихъ свидѣла по приказанію императора Адриана, *** выѣсть съ супругой посѣтившаго коллоса: въ присутствіи царской четы онъ привѣтствовалъ утреннее солнце „два раза въ теченіе одного часа“.

Новѣйшіе ученые расходятся въ объясненіи причины сокровеннаго звука. Одни утверждаютъ что издавала его не сама статуя, а сидѣвшій въ ней жрецъ и указываютъ при этомъ на выбоину въ ея затылкѣ, выбоину гдѣ дѣйствительно человѣкъ можетъ спрятаться отъ взоровъ людей стоящихъ вблизи памятника, и гдѣ въ одномъ мѣстѣ ударъ молотка извлекаетъ протяжно звенящую ноту. Но спрашивается, во первыхъ, съ какой стати и на чьи средства содержался бы въ теченіе многихъ лѣтъ жрецъ при статуѣ находившейся среди разгромленнаго города и не почитавшейся за святыню ни мѣстными жителями, ни чужеземцами?

*. Мемнонъ—греческое имя Амунофа.

** 193—211 по Р. Х.

*** Отъ 117 до 138.

Далѣе, почему жреца не открыли современники-очевидцы, гораздо болѣе чѣмъ мы заинтересованные въ разоблаченіи чуда? Вѣдь мысль о спрятанномъ человѣкѣ не особенно мудрена и провѣрить ее не трудно: для того чтобы не видѣть ослѣпника, усердно гремѣщаго въ выбоинѣ, мы должны почти вплотную приблизиться къ основанію памятника; стоить отойти на нѣсколько десятковъ шаговъ, и этотъ прообразъ жреца съ молоткомъ въ рукѣ предстаетъ во весь ростъ нашимъ глазамъ. Если же предположить что затылокъ колоса былъ какъ-нибудь задѣланъ снаружи, то все-таки останется непонятнымъ, какимъ образомъ человѣкъ незамѣтно взбирался туда: насколько извѣстно, и въ ту пору никому не были показаны пути кругомъ каменныхъ Амунофовъ.

Другое объясненіе дива гораздо правдоподобнѣе. Судя по надписямъ, Мемнонъ голосилъ лишь въ краткій промежутокъ времени протекшій между поврежденіемъ памятника и его починкой; до 27 года предъ Р. X. и послѣ Селтиміа Севера—211 по Р. X.—надписей изсѣкаемо не было; слѣдовательно можно заключить что однимъ изъ условій звуковъ служило извѣстное состояніе въ какое статуя была приведена землетрясеніемъ, и что съ ея починкой условіе это было уничтожено. До починки въ щели расколотаго истукана проникалъ воздухъ, тѣлѣющій здѣсь почти мгновенно послѣ солнечнаго восхода, а быть-можетъ проникали непосредственно и горячіе солнечные лучи, и камень сильно охладѣвшій за ночь отъ быстрого нагрѣванія трескался, причемъ та самая жила которая теперь звенитъ подъ ударами Араба издавала хотя сравнительно слабыя, но все же явственные тоны. Фактъ что въ Нильской долинѣ камни вслѣдствіе внезапной перемѣны температуры при восходѣ солнца иногда разсѣдаются не подлежитъ сомнѣнію и засвидѣтельствованъ многими путешественниками. Кто-то, если не ошибаюсь Бругшъ, разсказываетъ что однажды на его глазахъ съ шумомъ разорвало камень обогрѣтый только-что подывающимся дневнымъ свѣтиломъ.

Долго и въ ринсе пез, и въ бинокли глазѣли мы на „Мемнона Аммонскаго“, но издавна привыкшій ко всевозможнымъ туристамъ онъ относился къ намъ съ египетскимъ безучастіемъ и послѣ того какъ Арабъ слѣзъ на землю не подарилъ насъ ни единымъ лепетомъ.

Когда отъѣхавъ версты полторы я оглянулся назадъ, колдосы уже утратили человѣческой образъ и вытянулись въ

столбы. На этомъ разстояніи они какъ нельзя болѣе напоминають огромныя воротныя веревы, на коихъ полотенца еще не повѣшены.

На обратномъ пути тѣ самыя ослаы которыхъ приходилось тащить влავъ черезъ каналъ, чуя близкій отдыхъ, добровольно безо всякаго понужденія поскакали въ лодку.

Только оселъ мистера Джонсона заартачился, но Англичанинъ-таки посадилъ его на лучшее мѣсто, не позволивъ даже miss Emily пройти впередъ, а на замѣчаніе остроумнаго Тристана что согласно законамъ вѣжливости люди, и тѣмъ болѣе *скоты*, должны бы уступать дорогу дамамъ, невозмутимо отвѣчалъ: „I don't care about ladies“.*

Во ожиданіи нашего возвращенія, на Луксорской площади, противъ колоннъ, гарцовалъ Ахметъ-Мустафа, старавшій желаніемъ блеснуть предъ нами своею лошадыю и искусною ѣздой. Съ нимъ состязался другой всадникъ. Они играли въ джеридъ (буквально „пальмовый стебель“), плавно кружили по леску, или опрOMETRYю скакали рядомъ, стараясь тронуть другъ-друга палками, вѣроятно представлявшими дротыки. Ахметъ-Мустафа одержалъ верхъ, и побѣжденный Арабъ съѣхалъ съ арены. Оставшись одинъ, сынъ консула продолжалъ свои эволюціи: ѣздилъ кругомъ площади шагомъ, рысью, галопомъ или, лустивъ свободно поводъ, похлопывалъ длиннымъ бичемъ; конь вздрагивалъ, волновался, прялъ ушами, взвивался, храла и потряхивая гривой, на дыбы, и, круто повернувшись на мѣстѣ, тяжело уладалъ на переднія ноги. Зрѣлище это тѣмъ болѣе приковывало наше вниманіе что со дня выѣзда изъ Каира мы не видѣли ни одной лошади, даже въ храмахъ и гробницахъ не встрѣчали ея изображенія. Когда по окончаніи представленія молодой человѣкъ пришелъ на *Sauidie*, онъ былъ осыпанъ похвалами. Притворяясь крайне смущеннымъ, самолюбивый наѣздникъ благодарилъ туристовъ; онъ собственно не зналъ что на него смотреть, онъ не заслужилъ, онъ вовсе не затѣмъ, онъ только пришелъ освѣдомиться о моемъ здоровьи... и весь сіяя отъ восторга, Ахметъ-Мустафа горячо пожималъ намъ руки.

Вечеромъ у Мустафа-аги мнѣ случилось подмѣтить другое проявленіе арабскаго тщеславія или славолубія, не знаю какъ назвать. Въ консульствѣ была снова назначена фантазія-

* До дамъ мнѣ вѣтъ дѣла.

Вслѣдствіе исключительнаго своего положенія, созданнаго рекомендательнымъ письмомъ, я опять счелъ долгомъ отправиться туда раньше другихъ. Къ счастью въ этотъ разъ меня не ждали, и я избѣжалъ залповъ надъ ухомъ и бенгальскаго освѣщенія. Въ первой комнатѣ на большомъ диванномъ сундукѣ сидѣли младшіе сыновья Мустафы и съ ними пожилой Арабъ въ опрятномъ хитонѣ, должно-быть дядька. При моемъ появленіи дѣти спрыгнули было съ сундука, потомъ опять на него влѣзли, обратили умоляющій взоръ къ Арабу и потупились... Замѣшательство ихъ не походило на давешній конфузъ; одержимые какою-то мыслью, какимъ-то невысказаннымъ, завѣтнымъ желаніемъ, они какъ щенята чуть не взвизгивали отъ волненія.

— Господа мои видѣли какъ вы записали что-то въ свою книжку, объяснили мнѣ дядька,—а теперь имъ хочется чтобы вы и ихъ записали.

Дѣти, потемнѣвъ до корней волосъ, глядѣли на полъ не шевелясь и не дыша... я вынулъ записную тетрадку.

— Мустафа-баша ибнъ Мустафа-баша, * трелетно, едва слышно продиктовалъ старшій.

— Амійнъ-баша ибнъ Мустафа-баша, еще беззвучнѣе прошепталъ младшій, и когда я показалъ этимъ малолѣтнимъ Петрамъ Ивановичамъ двѣ строчки крупнаго письма на бѣлой страницѣ, оба замерли отъ восхищенія, точно ихъ наградили золотыми медалями. Конечно, этого волшебнаго праздничнаго дня они не забудутъ во всю жизнь! Мало-по-малу сходились общество съ пароходовъ, между колоннъ открылась пальба и сіяніе цвѣтвыхъ огней; въ домъ поминутно вбѣгали слуги чтобы заряжать ружья и пистолеты; потомъ, надрываясь, загудѣла музыка, задребезжало лѣвнѣе, зазвѣли танцы, а Мустафята все не шевелились, оцѣпенѣвъ въ невыразимомъ сладостномъ чувствѣ величія и какого-то благоговѣнія къ самимъ себѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ю. ЦЕРБАЧЕВЪ.

* *Ибнъ*—сынъ; *баша*—паша по арабскому произношенію.

ИЗЪ ЖИЗНИ*

РОМАНЪ

VI. Семейное счастье.

Двадцать лѣтъ незамѣтно и быстро пронеслись съ тѣхъ поръ какъ Наташа Загрянская стала графиней Смѣльскойю.

Жизнь пережить не поле перейти, говоритъ народная пословица. Многое измѣнилось кругомъ нашей героини, можетъ-статься въ ней самой. Она уже утратила первый цвѣтъ молодости, но не въ ущербъ полнѣе разившейся роскошной красотѣ.

Смѣльскихъ принято было считать образцомъ счастливѣйшей четы, и графу никогда и вскользь не приходила мысль раскаяться въ сдѣланномъ выборѣ. Овладевшая имъ страсть улегалась съ годами, уступивъ мѣсто прочной привязанности, основанной на взаимномъ уваженіи. Онъ не ошибся въ женѣ, высоко чтилъ ея добродѣтель и слѣло вѣровалъ въ нее.

На вѣку своемъ онъ знавалъ многихъ женщинъ и былъ недетнаго о нихъ мнѣнія; тѣмъ болѣе дорожилъ онъ исключеніемъ доставшимся ему, благословляя судьбу, и съ

* См. *Русск. Вѣстн.* № 9.

сострадательною усмѣшкой выслушивалъ разказы о частыхъ невгодахъ возмущавшихъ семейную жизнь людей его круга. Онъ въ гордой самоувѣренности сознавалъ что жена его не способна запятнать вѣренное ей имя, и что бури навѣваемая страстями дерзновенно не коснутся его очага.

Въ первый годъ женитьбы, у нихъ родилась дочь. Это было сильнымъ разочарованіемъ для графа. Онъ пламенно желалъ сына, будущаго представителя древняго рода, и этотъ неприличный, ему сдавалось, незаслуженный произволъ судьбы болѣзненно отозвался въ немъ. Въ присутствіи жены онъ еще кое-какъ сдерживалъ свое огорченіе, но въ душѣ досадовалъ на неповинную дѣвочку, и только уступая просьбамъ матери, изрѣдка, словно нехотя, прикасался губами къ ея сморщенному, красному лобику. Когда Наталья Николаевна кротко попрекала его холодностью, онъ пожималъ плечами и говорилъ въ отвѣтъ:

— Не взыщи, душа моя. Пустой сентиментальности отъ меня не дождешься. Няня отличная, кормилица тоже; повѣрь что крошечное существо ни въ чемъ болѣе, и не нуждается.

Годъ спустя, рожденіе сына осуществило завѣтную мечту Смѣльскаго. Весь заласъ отцовской заботливости и любви, отмѣренный ему природой, сосредоточился на головкѣ новорожденнаго. Онъ лично входилъ въ мельчайшія подробности касающіяся ребенка, просиживалъ долго у его колыбели, любуясь имъ, требовалъ чтобы приносили его въ кабинетъ, что строго воспрещалось Надѣ, подъ предлогомъ что она кричала и безлокоила его. Наташа, расточавшая ласки обоимъ дѣтямъ, къ которымъ привязалась горячею душой, зачастую навлекала на себя упреки мужа. Ему казалось что она обижаетъ сына, и всякій поцѣлуй достававшійся Надѣ въ его присутствіи казался ему похищеннымъ у ея брата.

Мы знаемъ что ничто такъ не возмущало Наталью Николаевну какъ несправедливость. Явное предпочтеніе графа огорчало ее. Она опасалась его вліянія на характеръ и будущее развитіе ребенка, и это не рѣдко служило поводомъ къ пререканіямъ. Смѣльскій былъ упрямъ, и еслибы даже признавалъ справедливость требованій жены, счелъ бы унизительнымъ сдаться на ея доводы.

— Сынъ мой. Не забывай что онъ Смѣльскій, и до гроба имъ останется, тогда какъ дочь можетъ по закону троекратно перемѣнить имя, и поэтому я одинъ имѣю рѣшающій

голосъ въ его воспитаніи. Предоставляю тебѣ Надю. Занимайся ею какъ хочешь, я прекословить не стану, но безусловно требую чтобъ и ты не вмѣшивалась въ мои распоряженія касательно Миши.

Наташа въ первые годы боролась, но убѣдившись въ безуспѣшности своихъ стремленій покорилась наконецъ установившемуся порядку, въ силу котораго заботы о Надѣ предоставлялись ей, а Миша былъ въ исключительномъ распоряженіи отца.

Различіемъ взглядовъ относительно дѣтей исчерпывались мелкіе раздоры Смѣльскихъ.

Во всемъ остальномъ предупредительность графа была безграницная. Ни въ чемъ матеріальномъ Наташа не знала отказа. Когда, вскорѣ послѣ ихъ свадьбы, графиня Бармина почилла вѣчнымъ своимъ отказавъ ей довольно значительный капиталъ, она по его совѣту отказалась отъ своей части въ пользу Миши и тѣмъ дала ей возможность выйти замужъ за любимаго человека, съ очень скудными средствами, который, благодаря вліятельному покровительству зятя, безбѣдно вице-губернаторствовалъ въ одной изъ приволжскихъ губерній.

Кстати о графинѣ Барминой. Не даромъ силилась она всегда доказать что сердце вполнѣ неумѣстная, почти вредная принадлежность человѣческаго организма. Оно отомстило ей за долги нападки. Только-что собралась она однажды на раутъ, разряженная въ пресловутыхъ изумрудахъ, какъ послѣдовалъ разрывъ сердца, и мгновенно безплощадная рука смерти скосила старую графиню. Надежда Александровна окончателно поселилась въ Слободинкѣ, дорожа этимъ мирнымъ пріютомъ послѣ испытанныхъ житейскихъ бурь. Изрѣдка навѣщала она дочерей, Машу преимущественно. Смѣльскіе настойчиво упрашивали ее помѣститься въ ихъ великолѣпномъ домѣ; она столь же упорно отказывалась. Ея врожденная гордость страдала при мысли что кто-либо могъ подумать что она ищетъ случая воспользоваться богатствомъ графа и живетъ у него на хлѣбахъ.

Первые годы замужества Натальи Николаевны были счастливѣйшимъ періодомъ ея жизни.

Выходя замужъ, она чувствовала къ мужу самую теплую, задушевную привязанность. Чувство безпредѣльной благодарности

къ человѣку доставившему ей всѣ наслажденія жизни еще болѣе укрѣпило ея благоговѣйную привязанность. Въ ея пыломъ воображеніи нравственный обликъ мужа обратился въ какой-то недосягаемый рыцарскій идеалъ.

Мы знаемъ что всѣ достоинства Смѣльскаго не имѣли въ себѣ ничего идеальнаго. Онъ былъ съ головы до ногъ человѣкъ практической. Экзальтированныя бредни жены, какъ онъ ихъ зачастую называлъ, силлившейся обаячь его въ какіе-то средневѣковые дослѣхи, вызывали у него снисходительную улыбку взрослого къ расхочившейся фантазіи ребенка.

Разочарованіе приходило неминуемо, Наташа иной разъ мучительно его испытывала, но улоурствовала въ логовѣ за призракомъ. Бывали минуты когда она раздражительно корила себя въ чудовищной неблагодарности. Развѣ онъ виновать что она жаждетъ невозможнаго? что кровь одинаково и мѣрно течетъ въ его жилахъ, а у ней стремится бурною волной? что онъ невозмутимымъ окомъ философа смотритъ на явленіе порождающее въ ней омерзѣніе или килучее негодование? Въ минутномъ порывѣ раскаянія ей приходило на мысль бѣжать къ нему, припасть къ его груди, и высказать тѣ мучительныя сомнѣнія которыя невидимою преградой пытались лечь между ними. Нѣтъ, это невозможно. Онъ не пойметъ ея лобужденій, быть-можетъ еще хуже—добродушно осмѣетъ ихъ, и тѣмъ глубже и ослзательнѣе испытаетъ она духовный разрывъ.

Смѣльскій и не подозрѣвалъ того что происходило въ душѣ жены; онъ только замѣчалъ и внутренно радовался что она все менѣе стѣсняла его свободу. Бывало, въ первое время, если онъ обѣдалъ часто въ клубъ или поздно засиживался тамъ, вернувшись домой, онъ заставлялъ слѣды худо скрываемой грусти на ея лицѣ, и хотя она не лаяла на долгіе часы одиночества, онъ чувствовалъ что они не легко давались ей. Упрекамъ или жалобамъ онъ ни за что не поддавался бы, но молчаливая покорность трогала его, и каждый разъ какъ онъ отдавался стариннымъ, закоренѣлымъ привычкамъ, ему было не по себѣ, и мысль о неодобреніи жены зачастую бросала тѣнь на вкушаемое развлеченіе.

Въ послѣдствіи она не удерживала его дома. Всегда любезно принимала его старыхъ друзей, не чуждалась ихъ общества, сама настаивала чтобъ онъ принималъ участіе въ затѣваемыхъ охотахъ, и когда бъ онъ ни вернулся, онъ могъ

вѣрно разчитывать на дружескую, ласковую встрѣчу. Онъ ничего болѣе и не требовалъ отъ жизни.

Онъ въ свою очередь увѣщевалъ Наташу чаще появляться въ свѣтъ. До замужества она его не знала; двѣ послѣдовавшія беременности удерживали ее въ семейномъ уединеніи. Мужъ уговаривалъ ее выйти изъ затворничества. „Сдѣлай это для меня, говорилъ онъ, а то чего добраго заподозрять что я нѣчто въ родѣ Отелло, и изъ ревности тебя никуда не пускаю. И въ самомъ дѣлѣ вѣроятно ли что молодой, красивой женщиной охоты нѣтъ повеселиться и потанцовать?“

Наташа не была склонна къ неумѣстному пуританизму, и въ угоду мужа перестала отклонять сыпавшіяся ей приглашенія.

Свѣтскія забавы дѣйствуютъ на непосвященныхъ какъ спиртные напитки на впервые ихъ вкушающихъ. Человѣкъ начинаетъ нехотя, чтобы не отстать отъ другихъ, незамѣтно входить во вкусъ, и наконецъ жаждетъ ольянтія. Такъ было и съ Наташей. Она искала забвенья, возможности потопить въ ежедневномъ водоворотѣ неотвязчивыя, грустныя думы. Дѣти были еще малы, они служили ей утѣхой, но не могли наполнить безконечно длинно тянувшіеся дни.

Живой умъ, неоспоримая красота, обворожительная грація въ каждомъ движеніи, не замедлили доставить графинѣ Смѣльской выдающееся положеніе въ высшей петербургской сферѣ.

Цѣлая вереница поклонниковъ образовалась кругомъ восшедшаго свѣтила. Видимый успѣхъ и польщенное самолюбіе измѣнили образъ мыслей молодой женщины. Прежняя беззаботная веселость вслыла наружу; она стала проще смотрѣть на жизнь и кончила тѣмъ что сама окрестила химерой восторженныя мечты и неудовлетворенныя стремленія.

Всѣ близкія и окружающія не переставали восхвалять ея счастливую долю, между пріятельницами вошло даже въ разговорку твердить: „*Quand on est heureuse comme elle,*“ и кончилось тѣмъ что она и сама поддавалась этой оцѣнкѣ. Для самой себя незамѣтно перешагнула она за роковой рубежъ тридцатилѣтняго возраста.

Утверждаютъ что неизмѣнно голубое небо и яркое солнце заставляютъ человѣка съ восторгомъ приветствовать появленіе тучки на горизонтѣ, и что постоянное счастье нераздѣльно съ легкою примѣсью скуки.

Можетъ-быть поэтому графиня стали прѣдаться правдыя забавы. Минутами на нее находила ничѣмъ необъяснимая тоска. Она дѣлыми днями просиживала дома, съ жадностью принималась читать, все свободное отъ уроковъ время проводила съ дѣтми. Материнское чувство дѣйствовало благотворно, и накопившій въ груди бурный источникъ утихалъ.

Графиня сидѣла одиноко въ своемъ роскошномъ будуарѣ, убранномъ съ тонкимъ изяществомъ артистическаго вкуса. Она унаслѣдовала этотъ вкусъ отъ отца. Опытнымъ взглядомъ сдѣлавъ выборъ между всѣми рѣдкостями наполнявшими старинный барскій домъ, она устроила себѣ уютный уголь, гдѣ профанъ замѣтилъ бы лишь нѣкоторую оригинальность, но знатокъ преклонился бы предъ удачно группированными разморозными произведеніями искусства.

Наталя Николаевна располагала писать къ матери, но разложенная бумага лишь до половины была покрыта ея красивымъ, четкимъ почеркомъ. Опустивъ голову на приподнятую ладонь, она напрасно созываетъ отсутствующія мысли. Пустыхъ фразъ рука стыдится; то завѣтное что хотѣлось бы передать отсутствующему другу можетъ только встревожить сердце матери, и графиня въ смущенномъ страхѣ взглядывалась въ бѣлый листъ, недоумѣвая чѣмъ наполнить нетерпѣливо ожидаемое посланіе.

Вошедшій лакей доложилъ:—Юрій Александровичъ Радичевъ.

— Просить, быстро отвѣтила графиня, и послѣшила убрать письмо въ бюваръ.

На порогѣ появился молодой статный офицеръ.

Онъ носилъ форму одного изъ самыхъ аристократическихъ полковъ, и на видъ ему нельзя было дать болѣе двадцати ляти лѣтъ, хотя въ сущности онъ былъ тремя годами старше. Высокій лобъ, черные какъ смоль густые волосы, откинутые назадъ безъ пробора, тонкій орлиный носъ, привѣтливая улыбка, выразительные глаза, составляли вмѣстѣ безукоризненно красивое лице.

Кругъ ухаживающей молодежи въ послѣднее время замѣтно порѣдѣлъ около графини. Она одинаково любезно обращалась со всѣми, но даже завзятые злые языки тщетно искали для себя лица: едва удавалось имъ уличить ее въ самомъ

поверхностномъ, невинномъ кокетствѣ. Ея репутація честной женщины была неуязвима, и вскорѣ неспособные платонически вздыхать отстали отъ нея. Другіе незамѣтно перешли къ отношеніямъ дружескаго свойства и довольствовались частыми посѣщеніями, дорожа обществомъ умной женщины, оживленная беседа которой доставляла имъ пріятное препровожденіе времени. Только-что вошедшій Юрій Радищевъ не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой категоріи. Въ свѣтѣ онъ велъ себя настолько сдержанно и осторожно что никому и въ умъ не приходило что онъ ухаживаетъ за графиней, но отъ нея не ускользало что онъ ухищрялся быть всюду гдѣ она. Въ домѣ у нихъ онъ бывалъ рѣдко, не на короткой ногѣ, и потому ей казалось страннымъ что онъ словно предугадывалъ ея намѣренія. Вздумается ли ей пойти гулять, она напередъ знала что встрѣтитъ его куда бы ни направилась; поѣдетъ ли въ театръ, онъ непремѣнно сидѣлъ въ партерѣ, никогда почти не пользуясь даже правомъ знакомаго войти къ ней въ ложу, но изрѣдка она чувствовала на себѣ его жгучій взглядъ и хорошо понимала что все это нельзя приписать постоянно возобновляющейся случайности.

Она начала съ того что удивлялась его находчивости, самолюбію, казалось, слегка тѣшилось, и она стала болѣе обращать на него вниманія. Если предположенія не сбывались и она не встрѣчала его, ей чего-то не доставало. Ему удалось ввести интригующій элементъ въ ея блетающую, но однообразную жизнь.

— Какъ я радъ что мнѣ удалось застать васъ дома, графиня, сказалъ входя Радищевъ.—Васъ прождали вчера весь вечеръ у Смагиныхъ. Софья Николаевна говорила что вы ей общались непремѣнно быть, но намъ пришлось всѣмъ испытать горькое разочарованіе. Она полагала даже что вамъ вѣроятно нездоровилось.

— Ошиблась, какъ видите, отвѣтила она протягивая ему руку.— Я знала что у нея большой вечеръ, и когда пришла пора одѣться, я просто разлѣчилась. Навѣрное и безъ меня не было недостатка въ дамахъ.

— Да, но мнѣ показалось все скучно и пусто.

— Должна ли эта фраза изобразить подразумеваемую любовь?

— Нѣтъ, графиня, прочувствованную истину.

— Надѣюсь что вѣрить въ нее не обязательно, засмѣялась она.

— Мнѣ кажется что каждая женщина должна отличить голосъ правды отъ заученныхъ комплиментовъ повторяемыхъ при каждомъ удобномъ случаѣ, а ужъ вы и подавно.

— Отчего же я болѣе другихъ?

— Потому что вы себя усвоили только оболочку свѣтской женщины. У васъ сердце способно горячо чувствовать и его притворствомъ не легко обмануть.

— Мнѣ остается лишь благодарить васъ за лестное сужденіе, хотя, въ виду нашего краткаго знакомства, его можно считать по крайней мѣрѣ послѣднимъ. Вамъ извѣстна наша народная поговорка что нужно людъ соли съѣсть вмѣстѣ чтобъ узнать человѣка.

— Я очень понимаю, графиня, что для васъ я такое незначущее существо съ которымъ вамъ суждено изрѣдка встрѣчаться...

— Не вдавайтесь въ драматизмъ, тѣмъ болѣе что мое замѣчаніе не что иное какъ шутка. Я не терплю чтобы напращивались на любезности и потому не слѣдовало бы и говорить, но на одинъ разъ куда ни шло. Вы прекрасно знаете что я всегда рада васъ видѣть и охотно бесѣдую съ вами. Въ васъ столько молодой жизни, энергіи; мнѣ такъ и кажется что я узнаю себя въ былые годы.

— А теперь? живо спросилъ онъ.

— Теперь мое время прошло. Я стала благоразумнѣе и, что еще несомнѣннѣе, состарилась.

— Не кощунствуйте, графиня. Послушать васъ, можно подумать что вамъ невѣсть сколько лѣтъ; хорошо что есть вѣрный способъ разубѣдиться, это взглянуть.

— Конечно, на лбу шифровъ не выставляютъ, за то около меня растетъ дочь которой уже двѣнадцатый годъ. Одинъ очень умный человѣкъ утверждалъ что если спросить любую женщину со взрослыми дѣтьми о ея годахъ, она навѣрное скажетъ что вышла замужъ шестнадцать лѣтъ и первый ребенокъ родился *tout de suite, tout de suite*. Я же пока всѣмъ открыто говорю что мнѣ минуло двадцать лѣтъ въ годъ моей свадьбы. Вамъ остается только подвести итогъ.

Графиня испытывала въ себѣ смутную гордость за непрощенное признаніе.

— Увольте Бога ради. Я былъ всегда слабъ въ ариеметическихкихъ задачахъ.

Въ будуаръ вошелъ Смѣльскій.

— Здравствуйте Радичевъ, сказалъ онъ, дружелюбно протягивая руку молодому человеку быстро вставшему при его появленіи.—Что васъ давно въ клубъ не видать? Совсѣмъ вы намъ измѣнили мнѣншею зимою.

— Служба одолѣла, графъ, вы сами испытали. Въ особенности теперь не легко урваться изъ полка: манежъ, новобранцы, оправдывался онъ.

— На все это съ избыткомъ достаточно для. Вечеромъ-то во всякомъ случаѣ вы свободны. Сознайтесь лучше что нашли занятіе пріятнѣе? Можетъ-быть въ присутствіи жены мой вопросъ не скроменъ? Простите великодушно въ такомъ случаѣ.

Наталья Николаева слѣдила за смущеніемъ Радичева, и ей мелькнула непрощенная мысль что онъ принесъ въ жертву возможности издали поглядѣть на нее тѣ самыя привычки которыя ея любовь не была въ силахъ искоренить въ мужѣ.

— Скрывать мнѣ нечего, твердо отвѣтилъ молодой человекъ,—я рѣже заглядываю въ клубъ, потому что чаще бываю въ свѣтѣ. Графиня не откажетъ подтвердить истину моихъ словъ.

— Я могъ бы вамъ возразить, любезный Радичевъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, но успокойтесь; допытываться я не намѣренъ, чтобы вы не подумали что я навазываюсь вамъ въ конфиденты. Я зашелъ къ тебѣ, мой другъ, обратился онъ къ женѣ,—за совѣтомъ, или вѣрнѣе выразиться, за дозволеніемъ. Твой бывший врагъ, преобразившійся въ неизмѣннаго поклонника, Барминъ справляетъ сегодня новоселье. Звалъ онъ меня давно, да я, признаться, совсѣмъ запамятовалъ. Возвращаясь домой, встрѣчаю его на Набережной и онъ напоминаетъ мнѣ данное обѣщаніе. Я пробовалъ было увернуться, да онъ и слышать не хочетъ..

— Зачѣмъ же ты передумалъ, Serge? спросила она.

— Какъ зачѣмъ? Да вѣдь я тебя не предупредилъ. Гостей никого нѣтъ. Дѣти ужъ пообедали. Одной вѣсть, всякій [аппетитъ] исчезаетъ.

— Съ одного раза меня не убедеть, весело засмѣялась она,—

я не терплю чтобы ты для меня стѣснялся. Стулай съ Богомъ и веселись за двоихъ. Обо мнѣ не заботься. Я не ребенокъ для котораго нужно изобрѣтать забавы.

— Радищевъ, хотите оказать мнѣ услугу? живо спросилъ Сибальскій, освѣженный счастливою мыслью:—если вы не званы куда-нибудь, оставайтесь отобѣдать съ женой. Надѣюсь что мы васъ накормимъ не хуже ресторана.

— Я совершенно свободенъ, графъ, отвѣтилъ Радищевъ внутренно обрадованный неожиданнымъ приглашеніемъ;—но было бы сляшкомъ самокаждянно полагать что я могу доставить удовольствіе графинѣ.

— Ты ставишь monsieur Радищева въ очень щекотливое положеніе. Изъ простой вѣжливости онъ теперь обязанъ поскучать со мной наединѣ, замѣтила Наталья Николаевна, въ свою очередь слегка смущенная непредвидѣнною выходкой мужа.

— Ну, душа моя, даромъ что нашъ медовый мѣсяцъ давно канулъ въ вѣчность, я все-таки скажу что это невозможно. Ты способна разогнать скуку, а ужъ никакъ не завести ее. Однакоже, лора. Ainsi c'est entendu: vous restez, mon cher, et je pars l'âme tranquille. Постараюсь не закутить между бывшими гусарами и даю обѣщаніе что ты останешься мной довольна. До свиданія, Наташа, прибавилъ онъ, цѣлуя жену, — искреннее спасибо, Радищевъ, — потряся ему руку, онъ вышелъ изъ комнаты.

Наступило минутное молчаніе.

Въ графинѣ пробуждалось смутное чувство радости провести часъ въ обществѣ Радищева, но вмѣстѣ и созрѣвало твердое сознаніе что довѣріе мужа возлагаетъ на нее удвоенную сдержанность. Она немедленно рѣшилась показать видъ что и не подозреваетъ даже питаемаго къ ней чувства и равнодушнымъ непониманіемъ отлларировать самыя прозрачныя намеки если Радищевъ на нихъ откажется.

Онъ силится прервать све неловкое смущеніе и машинально взялъ книгу со стола. Это оказалась *Анна Каренина*. Модный романъ давалъ неисчерпаемую тему для разговора. Радищевъ обрадовался внезапной помощи.

Завязалась живая, продолжительная бесѣда. Многое чего ни Радищевъ, ни графиня никакъ ни рѣшились бы высказать прямо, безъ труда высказывалось въ сужденіяхъ о характерѣ и дѣйствіяхъ вымышленныхъ лицъ романа. Радищевъ восторгался героиней которая всѣмъ пожертвовала охватившей ее страсти.

— Не называйте это жертвой, перебила графиня.— Отдаться безъ оглядки любимому человѣку, развѣ это не блаженство? Отречься отъ постылага, какая же тутъ заслуга? Лишенія, худая молва, даже позоръ, не ислугаютъ въ порывѣ страсти. Нѣтъ, слово жертва принадлежитъ той женщинѣ которая съ геройскимъ мужествомъ выдержитъ борьбу съ искушеніемъ, устоитъ противъ собственной слабости, противъ заманчиваго призрака счастья и вырвется изъ омута бурныхъ ощущеній съ разбитымъ сердцемъ, это вѣрно, съ надломленною силой, можетъ-быть, за то честно и безупречною предъ Богомъ и людьми! Любовь овладѣваетъ сердцемъ не испрашивая дозволенія. Для замужней женщины это величайшее несчастье. Вырвать ее — иногда уже поздно, но уступить — всегда преступно. Вѣрьте, Радищевъ, это не легко дается. Вотъ гдѣ кроются незримыя, но истинныя жертвы. Только своя совѣсть можетъ взвѣсить этотъ подвигъ, оцѣнить эту побѣду.

Графиня говорила съ увлеченіемъ; она была проникнута правотою своихъ словъ. Глаза ея блестящи гордою отвагой, но отблески подавляемаго чувства мерцали въ нихъ по временамъ. Радищевъ силится уловить ихъ. Никогда еще не казалась она ему такъ прекрасною. Онъ въ эту минуту ясно сознавалъ что любовь его безнадежна, что чувство долга закалило ея въ непреодолимую броню, и она становилась ему еще дороже, нравственно выросла въ его глазахъ, и въ нѣмомъ благоговѣніи онъ жаждалъ преклониться предъ недосягаемою святыней.

Тяжелая портьера приподнялась осторожною рукой, и беззвучный голосъ изящнаго метръ д'отеля доложилъ съ чисто парижскимъ акцентомъ:— *Madame la comtesse est servie.*

Это сообщеніе холодною струей подѣйствовало на молодого человѣка. Наталья Николаевна немедленно встала, и съ улыбкой обращаясь къ собесѣднику, сказала:

— *Il était grandement temps de revenir dans le terre-à-terre,* а то я своими разглазольствіями да теоріями чуть не усылила васъ. Предложите мнѣ вашу руку, *comme si nous étions en grande cérémonie,* и пойдемте за столъ. Гастрономы утверждаютъ что если обѣдъ простынетъ, онъ никуда не годится.

Радищевъ ловиновался, но легкое прикосновеніе любимой женщины подѣйствовало на него электрическимъ токомъ.

Первая дрожь пробѣжала по тѣлу и предательская краска выступила на лицо. Его смущеніе оставалось чуждымъ графинѣ, и во время обѣда она поддерживала разговоръ проблемами своего остроумія. Ее словно охватила живительная, неистощимая струя.

Искусство знаменитаго повара Смѣльскихъ на этотъ разъ пропало втунѣ для молодого человѣка; онъ машинально клалъ куски въ ротъ, и одного взгляда было достаточно чтобъ убѣдиться что онъ исполняетъ эту обязанность ради очищенія совѣсти. Къ десерту появились дѣти; съ разрѣшенія матери, они послѣдовали за ней въ гостиную. Ихъ веселая рѣзвость и шумные возгласы послужили новымъ подзадоривающимъ элементомъ. Ей дышалось привольнѣе, она чувствовала всю безопасность, заключающуюся въ семейной атмосферѣ.

Подъ безлечный говоръ дѣтей бесѣда ихъ текла непринужденно. Предавшись вполне обаянію переживаемой минуты, онъ не пытался возобновить отклоненнаго признанія, а она бессознательно упивалась ольганающимъ ядомъ той свѣтлой любви которую, помимо воли, ей довелось вселить въ его душѣ.

Дѣти простились, отходя ко сну. Радищевъ помышлялъ что посѣщеніе его не могло долѣе продолжаться. Онъ взялся за фуражку, сказавъ:

— Простите великодушно, графиня, если я задержалъ васъ. Вы слишкомъ добры и гостепріимны чтобы дать мнѣ почувствовать что мое общество вамъ въ тягость. Одно лишь можетъ послужить мнѣ оправданіемъ: по собственной волѣ трудно оставить рай.

— Послушайте, monsieur Радищевъ, отвѣтила графиня серьезнымъ тономъ и съ отбѣнкомъ напускной холодности: — если вы желаете чтобы мы остались добрыми друзьями (она произнесла это слово съ особымъ удареніемъ), не говорите подобной чепухи. Положимъ, слово это рѣзко, но за то хорошо поясняетъ мою мысль. Я никогда не терпѣла комплиментовъ вообще, а преувеличенныхъ и подавно.

— Даже если они служатъ выраженіемъ самихъ искреннихъ чувствъ? робко спросилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, конечно еще менѣе, сухо отвѣтила она.

Подавляющая грусть разлилась на его лицѣ. Ей стало жаль его, можетъ-быть примѣшивалось нежеланіе разстаться подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, и она добавила, желая смягчить нанесенный ударъ:

— Вы въ правѣ сердиться за мою откровенность, но я убѣждена что въ послѣдствіи оцѣните ее. Недоразумѣній между нами не будетъ. Я благодарна вамъ за пріятно проведенный вечеръ; всегда рада видѣть васъ у себя или встрѣчать у другихъ, и вы можете смѣло разчитывать на мою симпатію, подъ непремѣннымъ условіемъ чтобы вы не переставали видѣть во мнѣ вѣрнаго, опытнаго друга, многими годами старше васъ. Съ моей стороны, какъ вы видите, примосится отреченіе отъ всякаго кокетства, съ вашей требуется воздержаніе отъ ухаживанія, и трактатъ будетъ подписанъ къ обоюдному удовлетворенію. — *Est-ce dit?* спросила она, протягивая ему руку.

— *Même signé*, и пламенный поцѣлуй, безспорно противорѣчившій принимаемому объѣту, былъ запечатлѣнъ на ея рукѣ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ удалился.

Графиня не выѣзжала въ этотъ вечеръ. Она сидѣла неподвижно; задумчивый взоръ устремлялся вдаль, и на покладѣвшей рукѣ ей все чувалось минутное прикосновеніе его жаркихъ устъ. Какая-то нѣга мало-по-малу завладѣвала ею, и съ новою силою пробуждалась потребность жизни и любви. Обликъ Радищева стоялъ предъ ней, то нѣжно молящій, то локорно повинующійся, и чей-то невѣдомый голосъ напелтывалъ ей дорогія признанія. Ея разсѣянный взглядъ остановился вдругъ на большомъ портретѣ Смѣльского. Этого было достаточно чтобъ отрезвить ее.

Она схватилась за голову, и глухой вопль вырвался изъ ея груди.

„Неужели я люблю его?“ вымолвила она во внезапно охватившемъ ее исступленіи.

VII. Поздняя любовь.

Многіе люди, вичуть не отрицая пагубнаго дѣйствія морфія, временно облегчающаго ихъ страданія, не въ силахъ воздержаться отъ него. Они прекрасно сознаютъ что съ каждымъ днемъ пріемъ увеличивается, что будущему грозитъ неминуемая опасность, но съ присущею человѣку слабостью отдають предпочтеніе настоящей минутѣ. Было бы теперь полегче, а остальное какъ Богъ дастъ, успокоиваютъ

они себя, пренебрегая увѣщаніями благоразумія и осторожности.

Нѣчто подобное происходило въ сердцѣ Наталіи Николаевны. Признавъ быстрое развитіе своей любви къ Радищеву, она тутъ же поняла что ни къ чему отрадному это чувство повести не можетъ. Въ замѣвъ легкаго непредсудительнаго кокетства, ради препровожденія времени, оказывалась на лицо пылкая страсть. Она уже свыкалась съ мыслію что молодость утрачена, что безплодными стремленіями настала пора заглухнуть на вѣкъ, и тутъ-то вздумалось судьбѣ заманчиво предъщать ее олицетвореніемъ несбыточныхъ мечтаній.

Графиня знала что самымъ вѣрнымъ противодействиующимъ средствомъ было старательно избѣгать Радищева, и въ первые дни послѣдовавшіе за многознаменательнымъ обѣдомъ она улорно оставалась дома. Даже всѣ попытки ея лучшей пріятельницы, Софьи Николаевны Смагиной, вырвать ея изъ вольнаго заточенія потерпѣли полную неудачу. Она ослалась встрѣтить у нея Радищева прежде чѣмъ ей удастся хладнокровно все обдумать и придти къ какому-нибудь заключенію, долженствующему руководить ея дальнѣйшимъ поведеніемъ. Но съ сердцемъ не легко совладать. Въ часы привычной прогулки ей душою становилось въ комнатахъ. Безлокойнымъ взглядомъ слѣдила она за часовой стрѣлкой, чувствуя что онъ ждетъ ее. Все влекло ее туда. Зачѣмъ было воздерживаться отъ давнишней, полезной привычки, твердилъ назойливый голосъ, поддаживаясь къ затаеннымъ желаніямъ. Но графиня мужественно выдерживала ежедневное искушеніе. Безпрерывная нравственная борьба стала наконецъ отзываться на ея воспріимчивомъ организмѣ. Она сдѣлалась разсыяна, неровна въ обращеніи, то нервно раздражительна за каждую бездѣлицу, и словно оломившись всѣми силами старалась тутъ же загладить содѣянную несправедливость. Въ рѣдкіе часы проводимые съ мужемъ обычная веселость не измѣняла ей, но не трудно было подмѣтить принужденную ноту въ ея серебристомъ смѣхѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ лампаднаго обѣда Радищевъ воспользовавшись обычаемъ такъ называемыхъ *visites de digestion*, на четвертыя сутки заѣхалъ къ ней. Она только что отправилась кататься съ дѣтьми, уступая совѣтамъ мужа подышать чистымъ воздухомъ рѣдкаго зимняго дня, но Симбальскій былъ дома и противъ своего обыкновенія принялъ

жена поствтителя, чѣмъ лишилъ его возможности въ скоромъ времени возобновить неудавшуюся попытку.

Испытанное графиней волненіе поверхностно улеглось, и породило въ ней твердую увѣренность въ собственныя силы. „Въ самомъ дѣлѣ, размышляла она, поведеніе мое становится просто глуло. Не могу же я всю жизнь провести между четырехъ стѣнъ. Эта непонятная странность не пройдетъ незамѣченной, да наконецъ и самъ Радищевъ въ правѣ заключить что онъ весьма опасенъ для моего душевнаго покоя. Это пожалуй равносильно признанію. Я не неопытная дѣвочка чтобы при первомъ словѣ или взглядѣ выдать тайну, которая должна умереть со мной. Да, я люблю его: это несчастье, но не преступленіе. Онъ способенъ любить именно такъ какъ я всегда добивалась—безъ расчета, съ самоотверженіемъ, довольствуясь тою возвышенною сферой, гдѣ грубому матеріализму и достула нѣтъ. Это тайное, духовное слияніе душъ не оскорбляетъ правосудія Божія. На жизни мужа оно не отзовется. Преступнаго или низкаго я ничего здѣсь не вижу, сдавалась Наталья Николаевна на измышленные ею доводы, зачѣмъ же я теперь бесполезно мучаю себя? Достаточно зорко слѣдить за собой, и Радищевъ подозрѣвать не станетъ непознѣримую глубину любви, внушенной имъ. Храбро вернусь къ обычному строю жизни. Не впервые придется мнѣ совладать съ собой.“

Не успѣла графиня разрѣшить терзавшія ее сомнѣнія какъ вшедшій лакей подалъ ей изящную раздушенную записку.

— Отъ Софіи Николаевны Смагиной и отвѣта просятъ. доложилъ онъ.

Наталья Николаевна быстро пробѣжала слѣдующія строки:

„Полно хандрить, дорогая Наташа, и во внезапномъ припадкѣ затворничества чуждаться своихъ лучшихъ друзей. Но каково бы ни было твое настроеніе, знай что я не приму отговорокъ и жду тебя непременно завтра вечеромъ. Пріѣзжай пораньше, никакихъ претензій на soirée не будетъ, а соберется только нашъ интимный кружокъ.“

„Обнимаю тебя крѣпко, и несмотря на твои странные капризы остаюсь неизмѣнно тебя любящая Соня Смагина.“

— Передайте что благодарю и непременно буду, отвѣчала она.

Она предчувствовала что увидитъ его тамъ, и послѣ томительно проведенныхъ дней, казавшихся ей цѣлою вѣчностью, со смутно радостнымъ чувствомъ, воскресившимъ въ ней юношеское волненіе ея первыхъ свиданій съ Асларовымъ, она провела остальные сутки.

Въ исходѣ десятаго часа Смѣльскій вошелъ въ уборную жены въ ту минуту какъ она оканчивала свой туалетъ. Черное бархатное платье обхватывало ея роскошныя формы, на полукрѣпкой груди крупное жемчужное ожерелье солерничало бѣлизною съ ея лебединою шейю. Густые, все еще прекрасныя волосы низко спускались на лицу, а за ухомъ, въ подражаніе граціозной испанской модѣ, плотно прилегалъ букетъ изъ алыхъ розъ.

— Я зашелъ къ тебѣ проститься, душа моя, сказалъ онъ, — вздремнулъ послѣ обѣда, да и не замѣтилъ какъ ты удалась.

— Зачѣмъ же мнѣ было мѣшать твоему безмятежному сну?

— Да ты не смѣйся, я сегодня къ князю Владиміру долженъ ѣхать. У насъ тамъ важное засѣданіе. А ты поѣдешь къ Смагивымъ?

Графиня утвердительно кивнула головой.

— Спасибо Софьѣ Николаевнѣ что убѣдила тебя бросить новопридуманную затѣю. Одиночество тебѣ никуда не годится. Да и меня стѣсняетъ мысль что ты одна дома сидишь пока я по своему развлекаюсь.

— Ты не заѣдешь ужинать къ Смагивымъ?

— Нѣтъ, слуга покорный, что я тамъ позабылъ? Развѣ только изъ злороднаго чувства стѣснить твоихъ воздыхателей? Пусть страдаютъ сколько угодно; мнѣ они не мѣшаютъ.

Когда графиня входила въ гостиную, Софья Николаевна быстро встала и отошла отъ круглаго стола, гдѣ она разливала чай собирающимся гостямъ.

— Наконецъ-то ты обо мнѣ вспомнила, радостно привѣтствовала она ее;— и не грѣхъ тебѣ, Наташа, цѣлыя двѣ седы пропустить.

— Предпоследній разъ у тебя былъ большой вечеръ, и я въ правѣ была рассчитывать что мое отсутствіе останется незамѣченнымъ, а прошлую недѣлю мнѣ что-то не здоровилось.

— Mauvaise excuse! я тебя собственными глазами видѣла на Невскомъ въ четвертомъ часу. Ахъ, Наташа, Наташа, ты никогда не усвоишь себя свѣтскихъ уловокъ, засмѣялась она.

Завязался обычный салонный разговоръ. Наталья Николаевна съ виду принимала въ немъ внимательное участіе, но зачастую бѣглый, недоумѣвающий взглядъ окидывалъ входную дверь.

Въ туго стянутомъ платьѣ, шурша безконечно длиннымъ шлейфомъ, появилась молоденькая, красивая баронесса Винеръ. Пожимая руки направо и налево, она съ чуть-замѣтнымъ пришепетываніемъ, оживленно твердила:

— Вы знаете, господа, я сегодня съ большою новостью. Ну, кто первый догадается?

— А премія будетъ? весело спросилъ высокій конногвардеецъ, состоявшій при ней безсмѣльнымъ ординарцемъ, такъ по крайней мѣрѣ она сама называла его.

— Отстаньте, Зоринъ. Теперь не до шутокъ, отвѣтила она.

— Неужели, баронесса, вы стали серьезными вопросами заниматься? въ свою очередь спросилъ Смагинъ:—это въ самомъ дѣлѣ новость, да и неожиданная притомъ.

— А вотъ вамъ пока урокъ за непочтительность, и она слегка ударила его по рукѣ роскошнымъ вѣеромъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это даже досадно. *Personne ne me prend au sérieux*,—и недовольная гримаска, калризнаго ребенка, появилась на лицѣ молодой женщины.—Но постойте, я все разкажу по порядку. Я прямо изъ оперы. Давали *Севильскаго Цирюльничка*. Совсѣмъ плохо. Положимъ что у Марини голосъ прелестный, но играть оны совсѣмъ не умѣетъ. Огля и помину въ немъ нѣтъ, и можно ли такъ альмавиву носить? Просто какъ въ халатѣ шагаетъ. Знакомыхъ почти никого, и я бы не знала какъ просидѣть безконечный антрактъ еслибы судьба не сжалилась, пославъ мнѣ въ ложу графа Оберштейна, совѣтника прусскаго посольства.

— Безъ дипломата развѣ вамъ можно обойтись? вставилъ Зоринъ.

— Пожалуста, не перебивайте. Оны обѣдалъ во дворцѣ; говорили конечно о событіяхъ дня, и оны вынесъ убѣжденіе что война съ Турціей неминуема. *Elle est même décidée en principe*, привожу его подлинныя слова.

— И вы вѣрите дипломатамъ, баронесса?

— Нѣтъ, это правда. Мнѣ такъ и чудится что въ воздухѣ порохомъ залахло, и откинувъ кокетливо голову на спинку кресла баронесса слегка раздула свои розово-прозрачныя ноздри.

— Я даже рада. Я до страсти люблю героевъ, а въ обыкновенной жизни гдѣ же ихъ взять?

— Жаль что гвардія навѣрное въ дѣло не пойдетъ, сказалъ Зоринъ,—и безъ насъ много войска окажется, а то, будьте увѣрены, баронесса, что я былъ бы убитъ или предсталъ бы предъ вами съ георгиевскимъ крестомъ.

— Равенный, непременно равенный, c'est si poétique! И я стала бы за вами въ свою очередь ухаживать, перевязки бы выучилась дѣлать. Безъ шутокъ, Зоринъ, ваши акціи поднялись бы по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ процентовъ въ моихъ глазахъ. Я непременно пойду въ сестры милосердія. Какой строго-изящный костюмъ! Съ краснымъ крестомъ на груди.

— Ну, въ сестры милосердія, вы, воля ваша, не годитесь, замѣтилъ Смагинъ.

— Это почему?

— Въ живой картинѣ, при бенгальскомъ освѣщеніи, пожалуй, я бы другую и не выбралъ, а на полѣ битвы, при операціяхъ или ампутаціяхъ, черствая рука любого фельдшера мнѣ была бы гораздо пріятнѣе, да главное и полезнѣе этихъ бѣлыхъ аристократическихъ лальчиковъ.

— Вы мнѣ всегда только неприятности говорите. Чтѣ же? я по крайней мѣрѣ разнообразіе ввожу въ вашу жизнь.

Баронесса встала и подошла къ рабочему столу Смагиной, гдѣ въ изобиліи лежали паръзаные куски полотна, изъ которыхъ заблаговременно приготавлился матеріалъ для складовъ, она выбрала большой четырехъугольникъ и не стѣсняясь подошла къ зеркалу, старательно повязывая себѣ голову въ подражаніе сестрамъ.

Странную противоположность составлялъ этотъ смиренный уборъ съ ея дорогимъ, по послѣдней модѣ шпигымъ платьемъ. Она скромно опустила глаза и, подождая къ Смагину, съ назойливостью избалованнаго дитяти, продолжала:

— Повторите-ка еще, несправедливый человѣкъ, что я буду не у мѣста. Ну, чѣмъ же я не хороша?

Выходка баронессы вызвала дружный хохотъ, и молодежь осыпала ея любезностями, стараясь загладить обидѣвшую ее искренность Смагина.

На Наталью Николаевну этотъ шуточный томъ дѣйствовалъ раздражительно. Въ обыкновенныхъ случаяхъ, она обладала способностью относиться съ добродушнымъ хладнокровіемъ къ пустословію баронессы, хотя и не долюбивала ея.

Это была поверхностная, наивно испорченная натура, которая въ тридцать лѣтъ сохранила институтскіе приемы и ребяческія воззрѣнія. Прямо со школьной скамьи она не задумываясь вышла замужъ за человѣка вдвое старше ея, и на всю жизнь осталась избалованнымъ ребенкомъ. Дома ей постоянно было скучно. Вставая далеко за полдень, она единственною заботой имѣла придумать какую-нибудь забаву, чѣмъ эксцентричнѣе тѣмъ лучше. Если мужъ отваживался на малѣйшее сопротивленіе, она плакала, ломала фарфору и дорогія бездѣлушки попадавшіяся ей подъ руку, кидая въ него обломками, а въ случаѣ болѣе мягкаго настроенія, топала ногами, показывала ему языкъ, и тутъ же принималась хохотать безъ удержа надъ его сконфуженнымъ, безпомощнымъ лицомъ. Случался ли вслѣдъ за этимъ поствитель, хоть бы совсѣмъ посторонній человѣкъ, она не обинуясь посвящала его въ семейную сцену, не скрывая малѣйшихъ подробностей, взывала къ его суду, такъ что изумленный, озадаченный, онъ вопрошалъ себя: „да въ умѣ ли она, наконецъ? зачѣмъ мнѣ все это знать?“

Правиломъ баронессы, всегда свято соблюдаемымъ, было не оставлять въ покоѣ ни единого мужчину. Она немилосердно кокетничала съ отживающимъ старикомъ и съ только-что вырвавшимся на свободу юношей, и если кто-нибудь не признавалъ обаянія ея черныхъ жгучихъ глазъ, оригинальной прелести лица, обрамленнаго золотисто-рыжими вьющимися волосами, она не долго думая производила его въ невѣжи.

Софья Николаевна глазомъ опытной хозяйки замѣтила что Наталья Николаевна скучаетъ выходками баронессы и предложила ей сѣсть за карточный столъ. Обыкновенно графиня отказывалась, если въ обществѣ встрѣчались лица съ которыми можно было пріятно побесѣдовать, но въ отсутствіи Радищева сегодня ей все казалось скучно и мертво, и она радостно ухватилась за этотъ легкій способъ скоротать нѣсколько часовъ.

Столъ былъ мигомъ приготовленъ, и Наталья Николаевна съ предложенною картой въ рукахъ направилась въ соседнюю гостиную, какъ въ самыхъ дверяхъ она почти столкнулась съ Радищевымъ.

— Какъ, вы здѣсь, Наталья Николаевна! вырвался радостный возгласъ удивленія изъ его груди.

— Какъ видите, отвѣтила она подавая ему руку.

— И уже давно? освѣдомился онъ тревожно.

— Да кажется съ часъ будетъ. Баронесса Винеръ со своими глупыми шутками уже успѣла на меня тоску навести, и такъ какъ изъ двухъ золъ обыкновенно выбираютъ меньшее, я спасаюсь отъ нея подъ прикрытіе вѣста.

— На мое несчастіе, я такъ много хотѣлъ вамъ сказать. Чего я только ни предѣлалъ чтобъ увидать васъ въ теченіи этихъ нескончаемо-мучительныхъ дней, но вы словно скрылись за стѣнами заколдованнаго замка! Скажите, графиня, чѣмъ я провинился предъ вами? чѣмъ я могъ навлечь на себя эту пытку?

— Юрій Александровичъ, да перестанете ли вы задерживать Наталью Николаевну въ дверяхъ? Всѣ партнеры ждутъ, вмѣшалась Смагина.

Графиня машинально провела рукой по лбу, точно силась изгладить слѣды пережитаго смущенія, и медленно отошла, подаривъ Радищева взглядомъ который помимо ея воли былъ краснорѣчивѣе любого отвѣта.

Партію ея составляли молоденькая Вѣра Сергѣевна Карская, недавно вышедшая замужъ, глядѣвшая на все черезъ неизмѣнно-розовое стекло; братъ хозяйки дома, Иванъ, и баронъ Винеръ, ради приличія считавшій долгомъ иногда сопровождать жену.

Наталья Николаевна изрѣдка играла въ карты. Ей часто выпадала обязанность замѣнять недостающаго партнера мужа, но на этотъ разъ ей положительно не везло и къ тому же мысли ея витали далеко отъ зеленого поля.

Вскорѣ Юрій Александровичъ пріютился не вдалекѣ за круглымъ столомъ и самымъ добросовѣстнымъ образомъ принялся перелистывать одинъ альбомъ за другимъ. Но фотографіи напрасно мелькали предъ его глазами, онъ видѣлъ лишь одинъ красивый профиль съ алымъ цвѣткомъ, рѣзко выдающійся на темной драпировкѣ.

— Скажите, monsieur Радищевъ, внезапно раздался надъ его головой звонкій голосъ баронессы,—отчего вы пренебрегаете моимъ обществомъ? Je suis obligée de venir vous lancer jusqu'ici.

— Я только мимоходомъ былъ въ сосѣдней гостиной, отвѣтилъ онъ,—и къ тому же вы какъ всегда были такъ окружены что мнѣ остается только удивляться какъ вы удостоили замѣтить мое присутствіе.

— Это малуское смиреніе вамъ совсѣмъ не къ лицу.

Графиня видѣла какъ баронесса подошла къ Радищеву и завязала съ нимъ повидимому оживленный разговоръ. Наталья Николаевна съ невольнымъ безлокойствомъ взглядывала по временамъ въ ихъ сторону.

— Вамъ кажется дико, говорила между тѣмъ баронесса,— что такъ au brule rouge point, je vous lance une declaration, но вѣдь вамъ извѣстно что я горжусь тѣмъ что не похожу на остальныхъ женщинъ нашего круга. Я первобытный самородокъ. Меня такъ называли разъ одинъ студентъ, который за мной приволокнулся когда-то въ деревнѣ, и это слово мнѣ очень понравилось. Voulez vous m'aimer un peu, beaucoup, passionément, только не point du tout? Я только въ единственномъ случаѣ ретируюсь, если вакансія занята.

За карточнымъ столомъ царилъ молчаніе; одной взятки было достаточно чтобы рѣшить значительную партію въ пользу одной изъ воюющихъ сторонъ.

Послѣднія слова баронессы явственно донеслись до играющихъ и вызвала въ баронѣ Виверѣ приступъ легкаго, вполнѣ дипломатическаго кашля.

Графиня нервною рукою снесла отъ короля самъ-другъ.

— Наталья Николаевна, Бога ради, что вы надѣлали, мы погубли, отчаянно завопилъ Иванъ.

— Благодарю, не ожидалъ въ свою очередь торжествовать баронъ.

— Вѣдь у васъ другой заручки нѣтъ, поглядите на милость: вынужденъ сносить всѣ отыгранные черви. Нѣтъ, ужъ видно всѣ дамы на одинъ покрой, а я до сей поры считалъ васъ за исключеніе.

— Мнѣ въ такомъ случаѣ слѣдуетъ дважды извиниться предъ вами. У меня просто рука обдернулась, сказала графиня.—Но вы для меня слишкомъ серьезный игрокъ. Борисъ Николаевичъ, и я полагаю сами благословите судьбу если я попрошу кого-нибудь замѣстить меня, благо по моей оплошности роверъ конченъ. Сдѣлайте одолженіе, садьте поиграть за меня, обратилась она къ Смагану.

Она встала, расправила тяжелыя складки плаатья и подошла къ столу гдѣ сидѣла баронесса съ Радищевымъ.

За взрывомъ негодованія покрывшимъ ее проступокъ ей не удалось разслышать отвѣта Радищева, но онъ все еще пребывалъ въ осадномъ положеніи. Глаза баронессы то метали

искры, то томно закатывались къверху. Она расположилась такъ искусно что лучи сосредоточиваясь изъ-подъ абажура высоко поставленной лампы составляли ей золотистое сіяніе. Она держала въ зубахъ стебелекъ красной камелии, щеголяя ихъ перламутровою бѣлизной, въ сознаніи что колоритъ ея полныхъ свѣжихъ губъ ничуть не пострадаетъ отъ сопоставленія.

Графиня остановила встревоженный взоръ на Радищевѣ. Плохо скрываемаая радость при ея приближеніи мгновенно услокоила ее.

— Какъ, вы уже кончили? освѣдомилась баронесса.

— Нѣтъ, обратилась въ постыдное бѣгство, съ улыбкой отвѣтила Наталья Николаевна.— Вотъ что значить не умѣла взяться за дѣло; Иванъ не скоро мнѣ проститъ невольную ошибку; онъ по моей винѣ проигралъ.

— Разсудите насъ, графиня. Вотъ уже цѣлая четверть часа что я пристаю къ нему, какъ только я приставать умѣю, чтобъ онъ пропѣлъ что-нибудь, ну хоть самый пустой романсъ. Онъ стоитъ на своемъ: не хочу, да не хочу. Я просила, общала. Ну, скажите сами, графиня, неужели этотъ чудный цвѣтокъ, мой цвѣтокъ не стоить чтобъ изъ-за него пропѣли что-нибудь.

— Въ самомъ дѣлѣ, monsieur Радищевъ, отчего вы такъ упорно отказываетесь доставить удовольствіе баронессѣ и всѣмъ намъ?

— Сознайтесь что я не виноватъ если баронессѣ пришла хоть и лестная для меня фантазія произвести меня въ салонныя пѣвцы. Я почти уроковъ не бралъ, слѣдовательно не могъ усвоить себѣ никакой методы; въ товарищескомъ кружкѣ, — статья цная. Поешь себѣ какъ Богъ на душу положить.

— И я убѣждена что хорошо, замѣтила Наталья Николаевна.— Теперь и я не отвѣжусь. Если будете отказываться, то вынуждены будемъ устроить поѣздку къ Цыганамъ. Это не входитъ въ мои привычки, но за то доведется изъ сосѣдней залы послушать какъ вы иногда ими управляете. Лучшаго не придумаю, и она шутовно поглядѣла на него.

— Кто могъ вамъ довести объ этихъ шалостяхъ? спросилъ смущенный Радищевъ, но баронесса не дала ему продолжать:

— Вотъ чудная-то мысль. Я безъ ума отъ Цыганъ. Будь я мужчина, я бы съ утра до ночи тамъ просиживала. Но сегодня уже поздно; а я хочу васъ послушать именно сейчасъ. Хочу, слышите ли, monsieur Радищевъ, и мнѣ остается только

одно неиспытанное средство, *le grand moyen*.—Она быстро вскочила со стула, выпрямила гордо свою стройную фигуру и торжественно протягивая руку съ удареніемъ произнесла:—Я приказываю вамъ.

— А я прошу васъ, наклонивъ голову, едва слышно сказала Наталья Николаевна.

Радищева обдало живительною струей. Вставъ съ послѣдностью:

— Сдаюсь сказалъ онъ,—но предупреждаю что я не умѣю себя акомпанировать.

— За этимъ дѣло не станетъ. Я къ вашимъ услугамъ, и если вы не черезчуръ взыскательны, надѣюсь удовлетворить васъ, отвѣтила графиня.

Баронесса, въ несокрушимомъ убѣжденіи что ей одной удалось сломить упрямство Радищева, съ торжествующимъ видомъ направилась въ большую гостиную. Наталья Николаевна, послѣдовавъ за ней, сѣла къ фортепіано, и пока онъ пересматривалъ огромный запасъ нотъ, она бѣгло прелюдировала со свойственнымъ ей музыкальнымъ чувствомъ.

Радищевъ обладалъ не большимъ, но звучнымъ теноромъ. Серебристая пріятность тембра невольно подкупала въ его пользу. Знатоки были бы въ правѣ замѣтить что ему не доставало школы и методы, но онъ искушалъ этотъ недостатокъ огнемъ и чувствомъ, въ этотъ вечеръ, въ особенности.

— Bravo, bravo, bis, громко хлопала баронесса, хотя ея музыкальный восторгъ не помѣшалъ ей вести оживленную бесѣду съ Зоринымъ,—впрочемъ нѣтъ, не bis, слюйте что-нибудь другое, да повеселѣе.

— Споемте что-нибудь въ два голоса, предложила графиня.

— Развѣ вы поете, Наталья Николаевна? изумился Радищевъ.

Въ отвѣтъ она только улыбнулась. Ей казалось непонятнымъ какъ что-либо въ ней могло быть скрытымъ для него; какъ онъ могъ не видѣть что музыка всегда служила ей единственною утѣхою во всѣхъ житейскихъ невзгодахъ.

Она открыла тетрадь и напала на извѣстный романсъ Глинки: „Уймитесь волненія страсти“.

Радищевъ, одаренный рѣдкимъ слухомъ, вторилъ прекрасно; голосъ Натальи Николаевны не утратилъ своей первобытной прелести, и струи дивной мелодіи огласили пространство. Надо было много перечувствовать чтобы такъ мастерски передать и волю сомнѣнія, и жажду любви и блаженства.

Когда голоса ихъ замерли на послѣднемъ аккордѣ, кругомъ раздался взрывъ аплодисментовъ.

Графиня встала и машинально олустила крышку на клавиши. „Довольно“, сказала она изъ страха чтобы кто-нибудь другой не испортилъ только-что пережитаго эстетическаго наслажденія.

Посылались комплименты; она отвѣчала на нихъ разсѣяною улыбкой... Мысли ея витали гдѣ-то далеко... Вернувшись домой, она чувствовала себя утомленною, но безгранично счастливою.

Съ этого вечера Юрій Александровичъ сталъ часто появляться у Смѣльскихъ. Онъ попросилъ разрѣшенія Натальи Николаевны не посѣщать ея по субботамъ когда дѣри ея гостинныхъ широко распахивались предъ всеми знакомыми. Графиня позволила ему замѣнить официальные визиты интимною бесѣдой отъ четырехъ до шести.

— Я не обязательно бываю дома въ это время, сказала она, — но изрѣдка это случается, и если вы такъ таготитесь моими пріемными днями, я не мѣшаю вамъ попытаться счастія.

Юрій Александровичъ дорожилъ этими свиданіями болѣе всего на свѣтѣ. Онъ благоговѣлъ предъ графиней; страшась навлечь на себя ея негодованіе и лишиться оказаннаго ему довѣрія, никогда онъ не бывалъ такъ сдержанъ какъ съ глазу на глазъ. Будь на его мѣстѣ другой болѣе опытный въ жизни и любовной стратегіи, графиня не отдалась бы такъ беззавѣтно своему чувству. Но она знала что Радищевъ, робѣя въ ея присутствіи, безгранично подчинялся ея вліянію.

Часы пролетали съ изумительною быстротою. Они касались всего, старательно избѣгая одной мысли, хотя и всецѣло владѣвшей ими. Юрій Александровичъ разкавалъ ей про свою одинокую жизнь. Отца онъ почти не помнилъ, съ матерью изрѣдка встрѣчался; они оставались чужды другъ другу. Выдавъ кое-какъ замужъ старшую дочь, она помѣстила сына въ военно-учебное заведеніе; потомъ пріѣхала похлопотать объ его опредѣленіи въ полкъ, а затѣмъ, въ убѣжденіи что въ точности исполнила свой материнскій долгъ, вернулась къ дорогимъ привычкамъ заграничной жизни, посѣщая указаннаго модой воды и морскія купанья, чередуясь зимой между Парижемъ и Ниццей и добросовѣстно проживая свои довольно значительные доходы. Дѣтямъ она предоставила наследство отца. Юрій Александровичъ не распространялся о

ней, объясняя ея скитанія разстроеннымъ здоровьемъ не дозволявшимъ ей переносить суровый климатъ родины, но затаспанная грусть звучащая въ голосѣ многое досказала Натальѣ Николаевнѣ.

Изнѣдка Сибльскій заставлялъ ихъ вдвоемъ. Неожиданное появленіе мужа не смущало Наталью Николаевну; безмятежно дремавшая совѣсть не тревожила ея покоя. Юрію Александровичу было труднѣе совладать съ собою, и хотя графъ былъ неизмѣнно любезенъ, даже предупредителенъ съ нимъ, ему все казалось что вот-вотъ онъ доберется до его тайны.

Сибльскій по натурѣ не былъ ревнивъ, къ тому же четырнадцать лѣтъ безоблачнаго супружескаго счастья внушили ему безграничное довѣріе къ женѣ, а главное Радищевъ въ его глазахъ былъ мальчишкой, молокососомъ, и далеко не олицетворялъ попятія опаснаго соперника.

Это не помѣшало ему однажды подмѣтить невольный жаръ съ какимъ Радищевъ прильнулъ къ протянутой при прощаніи рукѣ жены, и по его уходѣ, раскуривая душистую сигару, замѣтилъ ей:

— Ба-ба-ба, Наташа, а ларчикъ-то просто открывается. Долго и безуспѣшно добивались мы всѣ причины непонятной метаморфозы Радищева. Бросилъ кутить, въ клубъ не заглядываетъ, толчется въ свѣтѣ, по баламъ, да по вечерамъ... Значить влюбленъ. Но въ кого? Мнѣ до сихъ поръ не въ домекъ было, ну, а сейчасъ внезапно озарило, и я этимъ горжусь: не на общеизвѣстный локрой мужей шить. Не даромъ онъ у тебя цѣлыми часами просиживаетъ. Какъ ни спрошу у швейцара, возвращаясь домой: кто у графини? Отвѣтъ неизмѣнный: „Радищевъ-съ“. Признавайся же, онъ въ тебя влюбленъ?

— Да, односложно отвѣтила она, и глянула серьезно и прямо ему въ глаза.

— И на здоровье, разсмѣялся графъ,—да кстати, Наташа, ужъ не съ моею ли легкой руки? Помнишь тотъ вечеръ, ты собиралась еще къ Смагинымъ, мы говорили про Радищева, а я же самъ тебѣ указалъ въ немъ героя *du pied en sар*, такъ и стремящагося лопастъ на страицы сентиментальнаго романа тобой измышленнаго. Чтò жъ онъ оправдалъ мою рекомендацію? Надѣюсь ему удалось залопотить сердце неприступной красавицы?

— Сколько разъ я просила тебя, Serge,—плохо скрываемаая досада звучала въ ея голосѣ,—оставить эти неумѣстныя шутки.

— Какъ неумѣстныя? Est-ce aussi sérieux que cela? продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ:—въ такомъ случаѣ на этотъ разъ прости, впредь не буду. Странная ты въ самомъ дѣлѣ, Наташа. Другія жены проклинаятъ судьбу пославшую имъ ревнивыхъ мужей, а на тебя не угодить. Предоставляю тебѣ полную свободу, мало того, самъ подыскиваю подходящаго субъекта, въ повѣренныя сердечныхъ тайнъ направляюсь, и все не по тебѣ.

— Ревность по крайней мѣрѣ служить иногда признакомъ любви, задумчиво сказала она.

— И навѣрняка отвлекаетъ жизнь, да къ тому же и лицемеріе разстраиваетъ, а въ моихъ лѣтахъ и до дурныхъ послѣдствій недалеко. Я дорожу жизнью, потому что умѣю выбирать изъ нея только хорошее, и постараюсь какъ можно лозже оставить по себѣ хорошенькую вдовушку, въ этомъ ты можешь быть вполне убѣждена. Любовь Радичева не является мнѣ черною точкой на нашемъ семейномъ небосклонѣ. Ты ему нравишься,—это весьма ловатно, та foi; ты пользуешься въ свѣтѣ безукоризненною репутаціей; отчего не попытаться счастья тамъ, гдѣ столько провалилось до него? Это всегда подзадориваетъ юное самолюбіе.

— Въ свою очередь скажу что лучше тебя его знаю, и поручусь головой что онъ не способенъ на низкій расчетъ, съ жаромъ перебила она.

— Постои, постои, душа моя. Вѣдь и я не даромъ же пожилъ. Повѣрь мнѣ, я знаю мушкетъ какъ они на самомъ дѣлѣ, на изнанкѣ, если на то пошло, а ты, въ угоду своему воображенію, не прочь олицетворить въ нихъ какой-то идеалъ. Было время, и надо мной, грѣшнымъ, ты такъ-то потрудилась, но вина не твоя, никакъ подъ мѣрку не угодила, за то хоть бросила да въ цокоѣ оставила. Ну, теперь очередь за Радичевымъ. А положи руку на сердце, и должна будешь признаться что вѣдь и мы, закосятые эгоисты, съ узкими понятіями, на что-нибудь да пригодны.... Какъ ты тамъ ни мудруй, Наташа, а тѣмъ не менѣе ты счастлива.

— О, да, вырвалось у нея изъ груди, и подумавъ немного она добавила:—повѣрь мнѣ, Serge, дня не проходитъ чтобъ я не вспоминала что я тебѣ всѣмъ, всѣмъ обязана.

— Не въ благодарности тутъ дѣло. Женитьба мнѣ представлялась страницей; сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ

порѣ, и я ни одну минуту не раскался въ своемъ выборѣ. Для завзятаго холостяка не можетъ быть выше этой похвалы. Наконецъ ты подарила меня сыномъ. Мы квиты. Ты знаешь, я не тароватъ на любезности и вообще не охотникъ до разныхъ мундальностей; но за то всегда говорю что думаю, и я надѣюсь доказать тебѣ этимъ что можно искренно любить не испытывая ни малѣйшей ревности. Пускай Радичевъ таетъ и вздыхаетъ вдоволь, ему это полезно. Отдохнетъ отъ кутежей и kokotokъ, и ничто такъ не шафруетъ молодежь какъ общество порядочныхъ женщинъ, я по опыту знаю. Тебѣ же легкая flirtation доставитъ пріятное развлеченіе. То-то я замѣчаю что твое сочувствіе къ замученнымъ Болгарамъ и сербскимъ героямъ притихать стало за послѣднее время. А дорого мы за него заплатились: война у насъ на носу.

— А что если изъ такъ любезно разрѣшеннаго тобой flirtation искреннее, глубокое чувство разгорится? медленно спросила она, не сводя пытливаго глаза съ его равнодушнаго лица.

— Поиграешь съ огнемъ и собственноручно зальешь пожаръ сокрушенными слезами раскаенія, засмѣялся онъ въ отвѣтъ;—Радичевъ добрый малый, веселый товарищъ, но въ немъ ничего замѣчательнаго нѣтъ; въ угоду тебѣ, его хватить на то чтобы разыграть незатѣливую роль d'un amant de la lune, но ты неизбѣжно, притомъ же скоро въ немъ разочаруешься. Если же, не приведи Богъ, твоимъ стараніемъ все-таки удастся изъ романчика сотворить романъ, переселивъ его на болѣе серьезную почву, то я твердо убѣжденъ что ты никогда не перешагнешь рубежа лазоревыхъ сферъ. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, и я слѣпо вѣрю въ твою честь. Я незалетное имя Смѣльскихъ вручилъ тебѣ,—ты не уронишь его въ грязь. Будь ты на самомъ краю пропасти, одна эта мысль должна спасти тебя.

— Ты правъ, твердымъ голосомъ сказала она, и вставъ наклонилась надъ его головой и похолодѣвшими губами прильнула къ его сѣдинамъ. Это служило подтвержденіемъ нѣмой клятвы вѣрности принесенной въ тайникѣ ея взволнованной души.

— Однакоже что это медлятъ сегодня съ обѣдомъ, я страшно проголодался, вынимая часы, заключилъ Смѣльскій.

VIII. П р и з н а в и е.

Наступилъ лоскъ. Въ воздухѣ потянуло раннею весеннею струей. Однажды Наталья Николаевна сидѣла одна на своемъ любимомъ мѣстѣ, жадно слѣдя за стрѣлкой большихъ северскихъ часовъ; ей казалось что на зло ея нетерпѣливо они никогда не дотащатся до заветной цифры четырехъ. Внезапно раздался двойной звонокъ означающій посетительницу. Быстрая тучка заволокла оживленное лицо графини, когда въ замѣвъ бряцанія шпоръ она явственно услышала приближающійся шелестъ шелкового платья, но тутъ же смѣнилась радостною улыбкой при видѣ входящей Софьи Николаевны.

— Ты, какими судьбами? Вотъ сюрпризъ, я не ждала тебя сегодня.

— Да я и сама не разчитывала къ тебѣ попасть, но вышло такое неожиданное обстоятельство. Мы затѣвали сегодня ѣхать на тройкахъ.

— Такъ и есть. Еще не уговорила послѣ зимняго сезона. Какія тутъ тройки, когда мартъ на дворѣ?

— Пустая отговорка. Погода прекрасная, за городомъ самый путь такой что лучше и желать нечего, да еще лунная ночь притомъ. Чего же тебѣ больше?

— Да мнѣ ровно ничего не нужно. Потѣжай съ Богомъ, а я дома посижу.

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ раздались мужскіе шаги.

— Это еще кого такъ не во время приносить? съ досадою спросила Софья Николаевна.

— Должно-быть Радищевъ, силась придать своему голосу равнодушный отвѣнокъ, отвѣтила графиня.

— А! протажно произнесла Софья Николаевна не сводя глазъ съ пріятельницы, и многое подразумѣвалось въ этомъ краткомъ звукѣ; но тутъ же слохватилась о своемъ проектѣ и добавила: Онъ по крайней мѣрѣ помѣхой не будетъ. Радищевъ, слѣшите ко мнѣ на помощь.

— Чтѣ прикажете, Софья Николаевна? съ любезною послѣшностью отозвался онъ, здороваясь съ дамами.

— Помогите мнѣ уговорить эту упрямую Наташу ѣхать съ нами сегодня вечеромъ на тройкахъ къ Цыганамъ.

Само собою разумѣется, Радищевъ присоединился къ Софьѣ Николаевнѣ. Графиня уступила.

— Теперь когда ты, по обыкновенію, настала на своемъ, объясни хоть кого ты позвала и къ чему такая послѣдшность.

— Видишь ли, Наташа, вчера у меня былъ обѣдъ въ честь Аспаровыхъ.

— Аспаровыхъ? съ изумленіемъ переспросила Наталья Николаевна.—Развѣ ты ихъ знаешь?

— Недавно только познакомилась.—Онъ женатъ на Бѣльскою, а она приходится мужу сродни. Жила она постоянно за границей, такъ какъ онъ служилъ въ дипломатическомъ корпусѣ. Карьера ли ему не улыбнулась, повздорилъ ли съ словомъ, право, я хорошо не разобрала, но знаю что онъ отчисленъ по какому-то министерству и теперь принадлежитъ къ партіи недовольныхъ. Ѣдутъ они въ Москву къ матери, и проѣздомъ здѣсь на короткій срокъ. Ты сама знаешь до какой степени наше общество быстро мѣняется; знакомыхъ у нихъ мало, а хочется повеселиться. Вчера разговорилась про зимнія удовольствія; она сказала что ничего бы ей такъ не хотѣлось какъ прокатиться на тройкахъ, и вотъ я вызвалась сегодня устроить прогулку. Отчего, думаю, не сдѣлать ей пріятное, да и самой не повеселиться. Кстати, чему ты такъ удивилась? Ты можетъ-быть встрѣчалась съ ними за границей?

— Ея я совсѣмъ не знаю; съ нимъ когда-то видѣлась въ деревнѣ. Я чуть не дѣвочкой была тогда; какъ видишь, дѣла давно минувшихъ лѣтъ.

— Но можетъ-быть пріятныя воспоминанія. Полевая идилія, не такъ ли, Наташа, я угадала?

— Вотъ ужъ не кстати прибавленное слово. Какъ ни заманчива молодость, я ни за какія блага въ міръ къ этой порѣ жизни не вернулась бы.

Радищевъ молчалъ, но его пылливый взоръ устремленный на графиню силсилъ насквозь пронизать ее; при послѣднихъ словахъ онъ вздохнулъ полною грудью.

— Но вернемся лучше къ Аспаровымъ. Скажи, Соня, они счастливо живутъ? продолжала она съ несвойственнымъ ей люболытствомъ.

— Затрудняюсь отвѣтить. На видъ хорошо, или вѣрнѣе сказать, прилично до крайней степени, а что дома происходитъ, это ужъ ихъ тайна. Онъ англomanъ до мозга костей, и самый безупречный gentleman; она жалкое, щедущее созданіе, преклоняющееся предъ авторитетомъ мужа въ публикѣ, что ничуть не препятствуетъ зорко слѣдить за

каждымъ его шагомъ, а главное *bien serrer les cordons de la bourse*. Впрочемъ она и умно поступаетъ. Состояніе Бѣльскихъ далеко не такъ значительно какъ предполагали, и какъ онъ, кажется, рассчитывалъ. Отдай она ему все въ руки, они весьма легко разошлись бы въ муку и прахъ.

— Я вспоминаю что во время его женитьбы единогласно утверждали что она уродъ, и единственно благодаря милліонному приданому подыскала себѣ мужа.

— Сейчасъ ужъ и уродъ; бываютъ хуже, правда что рѣдко, въ свою очередь засмѣялась Смагина.— Да что тутъ толковать, сама увидишь. А теперь мнѣ домой пора, я страшно заболталась. По рукамъ, Наташа; ровно въ девять часовъ у моего подвѣзда.

Въ десятомъ часу четыре отборныхъ тройки стояли на Сергѣевской, у подвѣзда Смагиныхъ. Софья Николаевна, совсѣмъ готовая, въ шляпѣ, поджидала гостей, соображая мысленно какъ бы лучше всѣхъ размѣстить. Задача далеко не легкая. Проявленіе скрытаго недоброжелательства, недоодрѣваемая преждѣ антипатія способны разрушить въ послѣднюю минуту хитро задуманный планъ и потребовать немедленной головоломной перетасовки.

Юрій Александровичъ прибылъ изъ первыхъ. Прогулка въ обществѣ графини представлялась ему въ восхитительныхъ краскахъ, и онъ старался устроить заблаговременно подходящую обстановку.

— Я сдержалъ обѣщаніе, началъ онъ, улучивъ мгновеніе когда Смагина была одна,— и добылъ великолѣпную тройку. Кого же вы мнѣ дадите? That is the question?

— Дайте сроку, я еще не рѣшила, спокойнымъ тономъ отвѣтила она.

Радищевъ струсиль.

— Если вы не будете препятствовать, я увѣренъ что Наталья Николаевна согласится ѣхать со мной, да если вамъ самимъ будетъ угодно, Софья Николаевна... смѣялся онъ.

— Спасибо что надоумили; собственнымъ умомъ я можетъ-быть и не догадалась бы, перебила она его съ насмѣшливою улыбкой:— ну ужъ Богъ съ вами! Ступайте съ Наташей; не хочу васъ больше мучить. На меня не рассчитывайте; я должна сѣсть съ Аспаровой.

— А съ нами кто жь еще?

— Хотите баронессу?

— Выбирайте кого угодно, но отъ нея увольте. Ея пустая трескотня до головной боли можетъ довести.

— Хорошо что не всё раздѣляютъ ваше мнѣнiе. Вы черезчуръ ужь требовательны. Мнѣ все равно. Помиритесь на Вѣрѣ Карской, да возьмите въ придачу моего брата.

Радищевъ радостно согласился, лучшаго выбора онъ и самъ бы не сдѣлалъ, и сталъ дожидаться появленiя Натальи Николаевны.

Приглашенные почти всё собрались когда она вошла въ гостиную. Мы не скроемъ что на этотъ разъ взоръ ея, блуждая по присутствующимъ лицамъ, отыскивалъ не Радищева. Она изумленно-недоумѣвающе окинула высокую, сутуловатую фигуру со тщательно зачесанною лѣтшею, длинными, рыжеватыми бакенбардами и болѣзненно одутымъ лицомъ.

„Боже! ужели онъ?“ мелькнуло въ ея умѣ; и въ сопоставленiи съ дѣйствительностью ея мгновенно представилась обликъ молодаго, красиваго юноши, такъ трепетно добивавшагося признанiя подъ мирною сѣнью Троицкихъ липъ. Съ тѣхъ поръ она не встрѣчала Аспарова. Семнадцать лѣтъ глубокою проластью легли между ними.

Софья Николаевна живо направилась къ ней, и увлекая ее отъ многочисленныхъ знакомыхъ, слѣдившихъ обмѣляться съ ней обычнымъ привѣтомъ, подвела къ худенькой черноватой дамѣ, прiютившейся на краю дивана.

— Графиня Аспарова, кузина моего мужа, сказала она, — мой лучший другъ графиня Смѣльская.

Послѣдовало рукопожатiе, и онѣ приваились съ искусно скрываемымъ любольствствомъ изучать другъ друга, обмѣливаясь пустыми фразами.

Наружность графини Аспаровой рѣзко противорѣчала самымъ непричудливымъ эстетическимъ понятiямъ. Очень малаго роста, съ узкими, острыми плечами и плоскою грудью, она на первый взглядъ казалась ребенкомъ остановленнымъ въ своемъ развитiи. Злая шутка природы наградила это мизерное туловище большою головою съ крупными чертами, выдающимся крючковатымъ носомъ между большими сѣрыми глазами, почти постоянно страдавшими болѣзненною красноватостью. Невольно представлялось уму сходство съ хищною птицей.

Аспаровъ хорошо зналъ что неминуемо настанетъ страшная минута, когда онъ униженно долженъ стать лицомъ къ

лицу съ тою которую такъ безсердечно обманулъ. Въ трепетномъ замѣраніи отдалялъ онъ эту минуту. Но жена позвала его, и робѣя, какъ уличенный школьникъ, онъ долженъ былъ приблизиться къ графинѣ.

— Благословляю случай, началъ онъ смущенно припоминая заранѣе приготовленную фразу,—дозволяющій мнѣ напомнить о моемъ скромномъ существованіи вамъ, графиня, на зенитѣ вашего могущества, услѣховъ...

— &, &, &, перебила его Наталья Николаевна, я съ удовольствіемъ замѣчаю что пребываніе за-границей развило въ васъ умѣніе говорить комплименты, а давненько мы съ вами не видались графъ.

Асларовъ озадаченный такимъ безперерывнымъ приѣмомъ вскинулъ глазами на графиню. Предъ нимъ сидѣла все та же неизмѣнившаяся Наташа, въ пышномъ разцвѣтѣ гордой красоты, съ подзадоривающимъ огонькомъ во взорѣ, съ едва замѣтною насмѣшливою улыбкой на устахъ. Смущенія въ ней и тѣни не было.

Онъ ободрился.

— Если года тяжелымъ гнетомъ сказались на мнѣ, я въ правѣ радостно изумиться что время не дерзнуло коснуться васъ.

— Скажите лучше что послѣ цѣлыхъ семнадцати лѣтъ я моложе глазу теперь нежели когда мы съ вами такъ бѣшено скакали по Троицкому парку или по Слободинскимъ полямъ. Быть-можетъ, по простосердечію, я вамъ и повѣрю.

Асларову въ этихъ словахъ почудился намекъ; онъ растерянно поникнулъ головой и не нашелся что сказать.

На его счастье подвѣялась общая суматоха. Наступила минута отъѣзда.

Дамы принялись собирать многочисленныя подробности туалета: то одна затеряла вуалетку, другая не помнила куда положила муфту, третья тщетно искала косынку, преспокойно покоившуюся у нея на плечахъ. Ронялись шляпки, посылались за булавками... Въ концѣ концовъ поиски прекратились; все приняло надлежащій видъ. Потѣздъ тронулся.

У Шпалерной, тройки спустились на Неву; Радищевъ приказалъ своей ѣхать впереди.

Ночь была восхитительна. Въ освѣжающей морозной струѣ сказывалась необоримая мощь нашей сѣверной природы. Привольно дышалось полною грудью послѣ удушливой комнатной атмосферы. Тихо всплывалъ мѣсяцъ и мягкимъ,

серебристымъ свѣтомъ озарялъ далеко раскинувшуюся снѣжную пелену. Міріады звѣздъ неподвижными брилліантами горѣли на небосклонѣ. Чудную, волшебную картину являли грандіозные облаки дворцовъ съ прямою, въ безконечной дали теряющеюся гранитною набережною у ихъ подножья.

Надъ золотистымъ куполомъ Исаакія, высоко водруженный крестъ царилъ въ безмолвной вышинѣ, проливая мирное сіяніе, какъ благословеніе съ небесъ, на безмятежно покоившуюся столицу послѣ шумяго, для многихъ труженческаго дня.

Рѣзкимъ контрастомъ промелькнули скромные деревянные домики Петербургской Стороны, зачастую покосившіеся, съ высокими заборами, занесенными снѣжными сугробами. Кой-гдѣ мигалъ тусклый огонекъ керосиновой лампы, сквозь кисейныя занавѣси освѣщая убогую обстановку, напоминающую любой уголокъ провинціального міра. Миновали и послѣднія городскія окраины съ неизбѣжными толчками на ухабахъ, каждый разъ вызывавшими испуганные возгласы Вѣры Сергѣевны, дружно покрываемые веселымъ смѣхомъ ея спутниковъ.

Выѣхали на гладкую, укатанную дорогу Каменнаго Острова, и ямщикъ съ розмаху стегнулъ рѣзваго коренника, приговаривая: „ей вы, голубчики“. Сани помчались съ изумительною быстротою, далеко опережая остальныхъ, влекомыя во всю прыть скакавшими кровными пристяжными.

Нескончаемою вереницей пронеслись столѣтнія заиждѣвѣвшія деревья съ распростертыми сучьями, словно щеголяя своимъ воздушно-серебристымъ нарядомъ, заимствуя у мягко падавшихъ лучей какой-то волшебный, фантастическій отблескъ. Снѣгъ, то мелкою пылью, то сплошными комьями вылеталъ по обѣ стороны изъ-подъ лошадиныхъ копытъ.

Вѣра Сергѣевна, задыхаясь отъ волненія и страха, жмурила глаза, опускала голову, защищаясь отъ холоднаго прикосновенія, и жалобно молила чтобы прекратили эту бѣшеную ѣзду. Графиня наслаждалась въ полномъ смыслѣ этого слова. Она жадно вдыхала морозный воздухъ, храбро подставляя чуть-чуть раскраснѣвшееся личико ледяной ласкѣ проносившагося вихря. Изъ-подъ надвинутой на лобъ круглой мерлушечьей шапочки, небрежно накрытой чернымъ кружевнымъ шарфомъ, мягкими складками обрамлявшимъ ея изящный овалъ, рѣзко выдѣлялись, пронизывая прозрачный сумракъ ночи, ея большіе, огненные глаза, то вѣжно задумчивые, то

безконечно счастливые, съ минутными вспышками дѣтскаго, беззабѣтнаго веселья.

Радищевъ, въ нѣмомъ восторгѣ, не сводилъ съ нея глазъ. Она казалась ему сто разъ краше нежели въ пышныхъ балльныхъ нарядахъ. Близость ея ускорила бѣненіе сердца; кровь бурнымъ потокомъ клокотала въ жилахъ, ключемъ была въ вискахъ и пораждала въ немъ безумное, но жгучее желаніе умчаться съ ней одной избавившись отъ ни въ чемъ неповинныхъ Вѣры Сергѣевны и Ивина, въ невѣдомую даль, гдѣ далеко отъ пересудовъ свѣта, отъ разойливаго любопытства праздной толпы, презрѣвъ семейныя оковы ихъ на вѣкъ развѣдывающія, ничто не препятствовало бы ему молвить ей страстныя рѣчи.

Приближаясь къ цѣли путешествія, ямщикъ поѣхалъ тише.

— Ну, слава Богу, сказала Вѣра Сергѣевна, — мы такъ мчались что я совсѣмъ перетрусилла. Мнѣ вотъ-вотъ казалось что мы всѣ кувырккомъ полетимъ, сейчасъ и духъ вонъ... Я даже мысленно прощалась съ мужемъ и дѣтми.

— Какъ съ дѣтми? удивленно спросилъ Ивинъ. — Вы всего четыре мѣсяца замужемъ.

— Съ будущими дѣтми. Какой вы право непонятливый! засмѣялась она. — Развѣ я обречена ихъ никогда не имѣть.

— Преклоняюсь предъ вашею необычайною предусмотрительностью и въ награду желаю вамъ по меньшей мѣрѣ полдюжину потомковъ.

Графина примкнула къ безобиднымъ шуткамъ надъ пережитымъ страхомъ Вѣры Сергѣевны.

Скоро сами подкатили къ ярко-освѣщенному подъѣзду ресторана, у Нарвской заставы. Одна за одной стали подъѣзжать и отставшія тройки.

Стараніями Ивина и Радищева, любимый хоръ петербургскаго high life'a былъ уже въ полномъ составѣ, и на полу-кругомъ разставленные стулья степенно разсаживались разраженныя Цыганки, пестротой нарядовъ затмевая другъ друга. Въ срединѣ, съ гитарой на колѣняхъ, воссѣдала примадонна, красавица Паша, невозмутимо равнодушная, со слегка скувающимъ отгвнкомъ на тонкихъ, подвижныхъ чертахъ. За ними сплошною стѣной стояли лѣвцы, въ черныхъ выложенныхъ позументомъ кафтанахъ на яркихъ шелковыхъ рубахахъ.

Посвѣтители расположились напротивъ Цыганъ, и грянула хоровая.

Наталья Николаевна находилась въ настроеніи духа наиболѣе подходящемъ къ этой для многихъ можетъ-быть дикой, но безспорно живой и страстной музыкѣ.

Радищева помѣстили на стулѣ сзади графини. Софья Николаевна жестомъ подозвала его къ себѣ чтобы навести понадобившуюся справку.

Аспаровъ издали зорко наблюдалъ за графиней. Первое свиданіе съ когда-то нѣжно любимую женщиной не можетъ пройти безслѣдно. Въ немъ что-то дрогнуло. Невѣдомая сила влекла его къ ней; пробудилось жгучее желаніе заговорить о прошломъ, попытаться оправдаться предъ ней; вызвать хоть каплю состраданія къ его неудавшейся судьбѣ.

Онъ воспользовался случаемъ и занялъ покинутый стулъ Радищева.

— Возможно ли, графиня, чтобы вы, съ вашимъ утонченнымъ музыкальнымъ образованіемъ, способны были увлечься этими дикими звуками? спросилъ онъ, тщетно отыскивая подбавющаго вступленія.

— Отчего же нѣтъ?

Наступила минутная пауза.

Графиня силсилась возобновить прерванныя мечты. Аспаровъ блѣднѣлъ отъ внутренняго волненія и съ отвагой его самого поразившею тихо спросилъ:

— Наталья Николаевна, умѣете ли вы прощать?

Она медленно приподняла густую завѣсу опущенныхъ рѣсницъ, и глядя въ узоры:

— Даже забывать обидное проявленіе мелкаго самолюбія и холоднаго разчета.

— Вы презираете меня, а это ясно вижу въ вашемъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ, и это тяжелое сознаніе незаслуженною карой отзывается во мнѣ, въ моей разбитой жизни.

— Незаслуженною? удивленно повторила она.

— Я покорился тогда непреклонной волѣ матери. Она положительно силой увезла меня изъ Троицкаго въ тотъ роковой день. О, еслибы вы могли только понять что я выстрадалъ въ эти минуты! Вѣрьте что испытанныя мною муки должны искупить мою вину.

— Вы поступили какъ покорный сынъ, а прекословить не стану, и если заявите претензію на Монтіоновскую премію, то можете смѣло разчитывать на мой голосъ, графъ. Онъ за васъ.

— Вы безжалостны, Наталья Николаевна, грустно отвѣтилъ онъ;—еслибы вы знали какъ судьба зло отмстила за васъ!

— Полагаю лучше не тревожить прошлаго. Пускай покоится непробуднымъ сномъ юношеское разочарованіе. Прислушаемтесь лучше къ веселымъ звукамъ: *Пропадай моя тетка, остъ четыре колеса*. Но я вамъ дамъ одинъ совѣтъ. Если у васъ есть сынъ, то внушите ему съ дѣтства что деньги не единственная цѣль жизни. Онъ вамъ потомъ спасибо скажетъ.

Она встала, холодно, величаво подавая знакъ что аудіенція кончена, и отошла отъ растерявшагося, уничтоженнаго Аспарова.

Отъ двухъ заинтересованныхъ наблюдателей не ускользнулъ этотъ непродолжительный разговоръ.

Подозрѣвала ли ревнивая жена въ бывшихъ отношеніяхъ мужа къ красавицѣ графинѣ, но она напряженно слѣдила за его малѣйшимъ движеніемъ, подмѣчая и нервную блѣдность, и напрасно умоляющій взоръ. Она страшилась найтти въ ней опасную, нелобѣдную солерайцу, и въ трепетномъ волненіи силилась урвать съ ее устъ тайну произносимыхъ между ними словъ. Внезапно она просіяла. Заключительный жестъ Натальи Николаевы, безпомощная фигура мужа,—ей все уяснили. Она свободнодохнула чахлою грудью.

Радищевъ, объяснившись со Смагиной, жаждалъ вернуться къ своему мѣсту, но въ величайшей досадѣ увидѣлъ что Аспаровъ воспользовался его отсутствіемъ.

„Онъ вымалываетъ себѣ прощеніе! мелькнуло у него въ умѣ, значитъ онъ оскорбилъ ее. Онъ, это ничтожество, эта заморская расфранченая кукла.“ И мгновенно въ немъ пробудилось безрасудное чувство ненависти къ Аспарову. „Этого быть не можетъ. Никогда она и имени его не упоминала... Однако-же сегодня какъ она спрашивала Смагину о его семейной жизни, и это въ моемъ присутствіи! Не даромъ мнѣ тогда что-то ужалило въ сердце. И какъ бы помѣшать этому объясненію? По мнѣ это просто неприлично. Съ чего только Софья Николаевна вообразила что эта уродливая Аспарова дрожить надъ своимъ сокровищемъ. Чего же она смотритъ?“

При видѣ графини прерывающей бесѣду, гора мигомъ скатилась у него съ плечъ. Онъ лоспѣшилъ на свое мѣсто.

Изъ утомленнаго хора, мало-по-малу стали выдѣляться солстки, ступаясь въ сосѣднія комнаты, давая легкій намекъ на необходимость перерыва. Радищеву было не до нихъ, но Иванъ, изучившій до тонкости ихъ обычаи и привычки, поклялся и тутъ же испросилъ у дамъ разрѣшенія отпустить Цыганъ на короткій отъѣздъ.

Имъ на смѣну явилась цѣлая ватага людей, послѣдшнею накрывающихъ столъ для заказаннаго ужина. Непзбѣжная бѣготня, дребезжаніе стеклянной посуды, звонкій шумъ приборовъ непріятно дѣйствовали на возбужденные нервы графини.

— Ахъ, какъ здѣсь душно! тоскливо вырвалось у нея.

Проходившая мимо баронесса подхватила это замѣчаніе.

— Вольно жъ вамъ здѣсь мучиться, когда рядомъ въ саду прохладно и прекрасно.

— Въ какомъ саду? удивленно спросила Наталья Николаевна.

— Какъ! неужели вы не знаете что одною изъ главныхъ дѣйствующихъ приманокъ служить прекрасный зимній садъ! Проидемте. Сегодня совершенно пусто.

— Душечка графиня, и я съ вами, съ возбужденнымъ любопытствомъ направили Вѣра Сергѣевна.

— Чтò же, пойдемте, разсказалась она,—храбрость города беретъ, и она приняла предложенную руку Радищева.

Карская завершала шествіе, на пути завербовавъ Смагина, серьезно внимавшаго оживленному разказу пережитыхъ имъ опасностей во время троечаснаго катанія.

Рѣзкимъ контрастомъ съ душною, ярко-освѣщенною залой являлся широко раскинувшійся, рукою опытнаго художника распланированный садъ, съ его разбросанными пригорками, кіосками изъ бѣлой березы, перекинутыми мостиками, овъ казался несравненно больше занимаемаго имъ пространства. Огибая причудливо разросшіяся клумбы и островки роскошной темной зелени, во всѣ стороны тянулись извилистыя дорожки, покрытыя густымъ слоемъ толченаго кирпича.

Наталья Николаевна, опираясь на руку Радищева, шла медленно; за ней раздавались громкія восклицанія Карской; она закидывала своего спутника вопросами и восхищалась оставившаяся предъ всякою куртеной. Вскорѣ они отстали.

— Наталья Николаевна, приступилъ Радищевъ прямо къ дѣлу желая покончить съ навѣяннымъ сомнѣніемъ,—вы давно знаете Аспарова?

— Мнѣ его два часа тому назадъ представили.

— Я это видѣлъ, но...

Онъ залпулся.

— Но что? спросила она, оставившая на его чертахъ взоръ пылливо блуждавшій по сторонамъ.

— Но вы должны были прежде съ нимъ встрѣчаться. Рано или поздно, при какихъ условіяхъ, я и самъ себя уяснить не могу, но онъ былъ замѣшанъ въ вашей жизни.

— Можно освѣдниться что наводитъ васъ на такое заключеніе?

— Мнѣ сердце сказало что онъ васъ любитъ. Простаго знакомства недостаточно чтобы такъ глядѣть какъ онъ во все продолженіе вашего разговора. Еслибы вы только знали что я выстрадалъ при одной мысли что между вами есть общая тайна. Мнѣ приходило безумное желаніе уничтожить, размокнуть его на глазахъ у всѣхъ.

— Дитя! съ сострадательною рѣзкостью вымолвила она.

— Вамъ легко говорить, Наталья Николаевна. Вамъ вѣчно останутся мертвою буквою истязанія ревности.

— Вы режете Асларова? По какому праву, Юрій Александровичъ?

— Правъ за мной никакихъ нѣтъ, съ грустною рѣшимостью отвѣтилъ онъ.—Но я люблю васъ, графиня. Вы не замѣчали меня, а сердце мое билось только для васъ одной. Все мнѣ сразу опостылѣло. Простите дерзкую мечту, я старался перевоспитать, возвысить себя чтобы быть менѣе васъ недостойнымъ! Я знаю, вамъ не впервые видѣть влюбленныхъ у вашихъ ногъ, но мнѣ сдавалось что вы и безъ словъ должны понять неизмѣримое различіе между всѣдневными салонными вельшками и страстью человѣка, для котораго вы все.

Радищевъ невольно остановился на узкой тропинкѣ: онъ говорилъ прерывающимся отъ волненія голосомъ; глаза его горѣли; Наталья Николаевна осязала нервную дрожь его руки. Она стояла неподвижно, тщетно перебирая въ умѣ подходящій отвѣтъ чтобы не выдать тревога боязливо сдающагося сердца; наконецъ она промолвила:

— Да, Радищевъ, слова напрасны.... Я это знала.... Не мнѣ корить васъ когда я сама предъ вами виновата... Я опытыѣе васъ и должна была предвидѣть наступившую минуту. Мнѣ слѣдовало удалить васъ прежде... Я и пыталась; помните

тотъ вечеръ у Смагуныхъ, но силъ не хватило... Если вы теперь несчастны, то прошу васъ объ одномъ, простите меня...

— Васъ простить, Наталья Николаевна! Развѣ можно вамъ ставить въ вину ваше состраданіе! Вы могли меня не принимать, но развѣ это могло бы измѣнить мое чувство? Вамъ пришлось бы жить затворницей между четырьмя стѣнами чтобы лишить меня единственной отрады увидать васъ хоть издали. И зачѣмъ вы упомянули про несчастіе? Развѣ я ролщу на свою участь? Видѣть васъ, внимать вамъ, думать о васъ, мечтать о скорой встрѣчѣ, радоваться вашей улыбкѣ, угадывать желаніе—моя жизнь!

— А исходъ гдѣ? задумчиво сказала графиня.—Я не скрывала отъ васъ моего трезваго взгляда на супружескія отношенія и, повторяю еще, любовь къ замужней женщинѣ прокладываетъ себѣ путь между двумя пропастями: преступленіе или испытаніе. Я всѣмъ обязана мужу, а еще выше благодарности я ставлю честь. Я не задумывалась принести самое дорогое и заветное въ жертву долгу. Я рѣшусь скорѣе умереть чѣмъ олозоренная повикнуть преступною головою предъ мужемъ и дѣтьми.

Сверхъестественная энергія воодушевляла молодую женщину. Она гордо выпрямилась; темная матерія лифа порывисто колыхалась отъ дыханія. Рѣчь ея звучала непоколебимымъ убѣжденіемъ и неподдѣльною искренностью.

— Есаубы мои самые сокровенные помыслы обнажились предъ вами, клянусь, они не могли бы вызвать у васъ краску стыда. Вы вольны жить для долга, а благоговѣю предъ вами, но предоставьте и мнѣ быть счастливымъ по своему; всю жизнь посвятить вамъ. Кто знаетъ? когда-нибудь вамъ можетъ явиться потребность въ преданной душѣ, и вы будете знать что есть человѣкъ котораго однимъ мановеніемъ руки вы можете послать на подвигъ и на смерть. Молю васъ объ одномъ: потерпите вокругъ себя полпрежнему меня и мою скромную, безпритязательную любовь.

Онъ нагнулся къ ней такъ близко что волосы ихъ почти прикасались. Она глянула ему прямо въ глаза и съ жаркимъ увлеченіемъ протягивая ему похолодѣвшую руку, твердо сказала:

— Я вѣрю вамъ, Радищевъ, и вѣраюсь вашей чести. Она должна стоять въ уровень съ моею.

Юрій Александровичъ лорывисто схватилъ ее и удерживая въ своихъ рукахъ прильнулъ къ ней долгимъ поцѣлуемъ.

— Графиня! Радищевъ! гдѣ вы? раздался вблизи голосъ Смагина.—Мы съ Вѣрой Сергѣевной весь садъ обошли; баронесса съ женой втораго гонца присылаютъ, грозятъ весь ужинъ уничтожить и насъ голодными оставить!

Возвращеніе произошло въ томъ же порядкѣ. Былъ уже четвертый часъ утра когда тройка быстро подкатила къ освѣщенному подъѣзду дома Смѣльскаго. Графиня простилась съ Вѣрой Сергѣевной и Карскимъ, замѣнившимъ Ивана, и сопровождаемая Радищевымъ подошла къ массивной двери. Пока заспанный швейцаръ съ трудомъ отмыкалъ ее, Радищевъ, поднеся къ губамъ душистую лерчатку плотно облежавшую ея руку, счастливо взволнованнымъ голосомъ, сказалъ:

— На вѣкъ мнѣ будетъ памятевь сегодняшній вечеръ. Свѣтлымъ воспоминаніемъ онъ озаритъ всю мою жизнь.

— И на мою хватить.

Полупризнаніе неволью сорвалось съ ея устъ, и подаривъ его на прощаніе любовнымъ взглядомъ, она скрылась въ широко распахнувшіяся двери.

Въ маленькомъ будуарѣ, рядомъ со спальней графини, медленно тѣли раскаленные уголья въ догаравшемъ каминѣ. На ея любимой кушеткѣ, подъ розоватымъ отливомъ горѣвшей лампы, покоился самъ графъ Сергѣй Михайловичъ, въ дорогомъ турецкомъ халатѣ на мѣху и въ вышитыхъ стараніями дочери туфляхъ на босу ногу.

Выпавшій изъ рукъ и безмятежно покоившійся на полу *Journal de St.-Petersbourg* свидѣтельствовалъ что онъ было собрался дожидаться жену, но сонъ одолѣлъ его. Взъерошенные сѣдые волосы, багровая краска разлившаяся сплошь по всему лицу, тяжелое дыханіе, изобличали что графъ чрезъ мѣру увлекся роскошнымъ ужиномъ своего амфитріона.

Наталя Николаевна безмолвно нагнулась къ нему, но тотчасъ откинулась, неприятно пораженная виннымъ букетомъ. Онъ что-то промычалъ во снѣ.

Тучка мелькнула на подвижномъ лицѣ графини. Последньюю рукой она потушила лампу и неслышными шагами скользнула въ сосѣдную комнату.

Ключъ не замедлил щелкнуть въ замкѣ.

IX. Проводы.

Прошло трое сутокъ послѣ поѣздки. Къ удивленію Натальи Николаевны, Радищевъ не являлся къ ней. Видѣть его стало для нея въ это время потребностью, и она напрасно изошряться приискать причину столь непонятнаго исчезновенія. Самую правдоподобною явилась мысль что онъ въ тотъ вечеръ простудился и заболѣлъ, но это только усугубляло тревогу и беспокойство. Будь другой близкій знакомый на его мѣстѣ она не преминула бы ему написать нѣсколько строкъ или послала бы осведомиться о здоровьѣ, но въ отношеніи къ Радищеву это простое выраженіе сочувствія представлялось ей вызывающимъ шагомъ, долженствовавшимъ выдать неминуемо сокровенную тайну и стать обильною темой пересудовъ. Ей сдавалось что каждый поступокъ, жестъ или слово могли выдать то громадное значеніе которое въ короткій срокъ удалось Радищеву завоевать въ ея жизни, и изъ уваженія къ неприкосновенности семейнаго очага она добровольно подвергалась пыткамъ невѣднія.

Часы давно уже пробили четыре, а въ уютномъ креслѣ Радищева возсѣдалъ не онъ, а потерянный нами изъ виду старинный знакомый, графъ Борисъ Гавриловичъ Барминъ.

Истекшіе годы отнеслись съ изумительнымъ доброжелательствомъ къ неисправимому жуиру; только старательно зачесанные напередъ волосы съ кое-гдѣ пробивающеюся сѣдиной плохо маскируютъ большую, лоснящуюся лѣвшъ, да выдающийся, полновѣсный абдомень повѣствуетъ что онъ наслаждается съ аплетитомъ прежнихъ лѣтъ наковецъ-то доставшимся ему тетупшкивымъ наслѣдствомъ.

Онъ игриво описываетъ ужинъ въ честь обычной французской знаменитости, но цвѣты его остроумія сыплются втунѣ. Наталья Николаевна разсѣянно внимаетъ ему, изрѣдка автоматически кивая головой въ подтвержденіе его словъ, въ перерывахъ послѣшшо вставляя вопросъ, иногда совсѣмъ не влопадъ, чтобы только избѣгнуть тяжелой обузы вести утомляющій, не интересный разговоръ.

— Что это съ вами сегодня, Наталья Николаевна? полюбилъ ствалъ онъ:—я просто не узнаю васъ. Разстроены ли вы

чѣмъ или не здоровится? Это впрочемъ не удивительно съ раннею распутицей.

— Я? ничуть не бывало, отвѣчала она тономъ только-что пробужденнаго отъ сна чловѣка,—такъ показалось вамъ.

— Ну, съ этимъ я не согласенъ. Мы съ вами не со вчерашняго дня знакомы, и хотя женскіе характеры миеологическому сфинксу не уступаютъ, васъ-то я знаю вдоль и поперекъ. Одно изъ двухъ, Наталья Николаевна, или я надоѣлъ вамъ до смерти, и вы не перестаете вопрошать себя: скоро ли этотъ старый болтувъ догадается уйти? или вы поджидаете кого-нибудь. Что скажете про мою проникательность?

— То что будь вы гадалщицей, любезный графъ, дѣла ваши шли бы далеко не блистательно. Чего добраго и голодать бы научилась.

— Что жъ? Я такой философъ отъ рожденія что и тутъ бы хорошую сторону отыскалъ. По крайней мѣрѣ хоть щи да кашу съ аллетитомъ бы улеталъ, а то вѣрите ли зачастую сажусь къ столу и ѣмъ безо всякаго удовольствія, только для препровожденія времени. А въ добавокъ, всѣ знаменитые доктора въ непродолжительномъ времени катарръ желудка предвѣщаютъ.

— Видно за пресыщеніе рано или поздно, а приходится-таки сводить счеты.

— Одно утѣшеніе осталось: пожить пока еще можно, а какъ вспомнишь про старость, морозъ по кожѣ пробираетъ. Сергѣй-то предусмотрительнѣе меня распорядился. Волей-неволей, когда откажется отъ лезировъ не по лѣтамъ, одиночество его не лугаетъ. Вы хоть кого утѣшите, Наталья Николаевна, ну и олять дѣти: какой-нибудь интересъ къ жизни останется.

— Что же вы сами не женитесь? Повѣрьте, найдутся охотницы изъ-за графской короны да крупнаго состоянія обречь себя на занятія сердобольной сидѣлки.

— А я-то что же? въ придачу что ли пойду? обиженнымъ тономъ спросилъ Бармишъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ состраданія мало. Теперь только для васъ наступаетъ пора искренней, безкорыстной любви... Истаскали молодость, утратили здоровье по будуарамъ танцовщицъ и кокотокъ, въ ворота стучится старость, предвидится хворость, вотъ и подавай вамъ любящую, заботливую

жену, которая, подавая въ себѣ всѣ порывы юности и жизни, сочла бы себя счастливою что вамъ заблагодарзудилось ее сдѣлать свидѣтельницей вашего постепеннаго разрушенія! Какое самолюбіе!

— А знаете что, Наталья Николаевна, не убраться ли мнѣ по-добру по-здорову? Вы положительно раздражены. Единымъ словомъ меня чуть не въ столѣтнія руины разжаловали. Нѣтъ мы еще за себя стоимъ. Вотъ не сегодня, завтра война: мы докажемъ что наше положимъ и отживающее поколѣніе вашихъ тщедушныхъ и вѣрныхъ молодкосовъ за насъ заткнетъ.

— А развѣ по вашему мнѣнію война неминуема? задумчиво спросила Наталья Николаевна.

— Еще бы! Кто же въ этомъ сомнѣвается? Много если какой-нибудь мѣсяцъ пройдетъ до объявленія манифеста. Съ каждымъ днемъ приготовленія обозначаются все яснѣе. Да вотъ послѣднее распоряженіе подъявшее на ноги всю нашу молодежь: въ клубъ только и рѣчи о немъ. Всѣ наперерывъ въ дѣйствующую армію стремятся.

— Какое распоряженіе? Я въ первый разъ слышу, живо спросила Наталья Николаевна, и сердце ея трепетно замерло: оно чуло зловѣщую разлуку.

— Странно, тѣмъ болѣе что вы такъ горячо принимаете къ сердцу всѣ событія дня. Петербургскому обществу грозитъ опасность лишиться многихъ блестящихъ кавалеровъ.

— Гвардія идетъ въ походъ? Несмотря на всю ослотри-тельность, эти слова болѣзненнымъ крикомъ вырвались у нея.

— Успокойтесь, Наталья Николаевна, не безъ легкой усмѣшки отвѣтилъ Барминъ: — не всѣ, только нѣкоторые. Останется еще съ кѣмъ пококетничать для великолостнаго упражненія, и поплясать даже, если вздумается, послѣ Святой, и такъ какъ вы слишкомъ горды и неприступны чтобы кого-нибудь особенно отлечить своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, то для васъ лично правительственная мѣра лишена всякаго значенія.

— Бросьте хоть разъ ваши вѣчныя шутки и объясните толкомъ, матерпѣливо возразила она.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство, и исполняю. Давно ходили по городу толки что главнокомандующій требуетъ гвардейскихъ офицеровъ на Дунай чтобы служить организаторами и инструкторами для формируемыхъ болгарскихъ

дружинъ. Въ людяхъ надобность велика. Сначала полагали откомандировать полковниковъ и эскадронныхъ командировъ, но на этихъ дняхъ пришло строжайшее распоряженіе не отрывать ихъ отъ присвоенныхъ имъ занятій, такъ какъ вопросъ окончательно не рѣшенъ, и имъ и здѣсь халотъ окажется вдоволь. Выборы же производить въ каждомъ полку исключительно между субалтернъ-офицерами до ротмистрскаго или капитанскаго чина. Помято ли я выразился?

— Влоливъ. И вы говорите что этотъ вопросъ волнуетъ теперь всѣ полки?

Она уже успѣла сообразить что чинъ Радищева прямо подходитъ подъ новое распоряженіе.

— Еще бы, однихъ интригъ-то сколько! Есть шансы отличиться, быть на виду у начальства; всякій, помято, и воровить полагать въ избранники. Число ихъ весьма ограничено и потому придерживаются что ни есть лучшаго. Одинъ полкъ предъ другимъ щегольнуть хочетъ; надо же гвардейскую честь поддержать.

— Это скоро должно рѣшиться? развязно спросила графиня, геройски подавляя внутреннее волненіе.

— Коль уже не рѣшено! Военная служба проволочекъ не терпитъ... А кажется мнѣ удалось моимъ сообщеніемъ хоть чуточку заинтересовать васъ. Ужь не попалъ ли я негаданно на слѣдъ который опытнаго охотника, чего добраго, и до зорко оберегаемой тайны доведетъ.

— Кажется у всякаго Русскаго любящаго родину сердце теперь не на мѣсть, содрогааясь при мысли о грозно подступающихъ бѣдствіяхъ, а у васъ на умъ все какія-то тайны да любовныя интриги. Въ самомъ дѣлѣ, графъ, не сочтите это за кокаость, а примите добрый совѣтъ: пора пришла и образумиться.

— Да я тутъ ни при чемъ, а вотъ вы стараетесь перемѣнить разговоръ, благо почва не надежна подъ ногами. Знаю я васъ!

Тяжелая занавѣсъ приподнялась и въ дверяхъ появился лакей, докладывая: Юрій Александровичъ Радищевъ.

— Просите, вымолвила она и, быстро наклонивъ голову къ близъ стоящему столу, сдвинулась скрыть отъ Бармина охватившее ее радостное смущеніе.

— А что, Наталья Николаевна, лукаво подмигивая спросилъ графъ, — ужь не онъ ли въ самомъ дѣлѣ?

— Что онъ? Объясняйте хоть толкомъ ваши загадки, осилить минутное волненіе, вполнѣ хладнокровно спросила она въ свою очередь.

— Ужъ не взглянулъ ли вамъ черноглазый красавецъ? Не изъ-за него ли такъ нетерпѣливо слѣдили за часовыми стрѣлками, а?

— Какъ иногда въ жизни приходится ошибаться! Я доселѣ думала, что любопытство числится исключительно женскимъ порокомъ.

— Чѣмъ отшучиваться, покайтесь лучше, графиня, а я мѣшать не люблю, сейчасъ съ вами распрошусь, а при случаѣ и добрымъ совѣтомъ услужить бы могъ.

— Мнѣ сдается что подобныя предположенія только и могутъ быть допускаемы какъ шутка. Если вы хоть на половину изучили бы мой характеръ, какъ сейчасъ утверждали, то давно бы поняли что въ моей жизни нѣтъ простора для романтическихъ тайнъ, и еслибы мнѣ довелось кого-либо полюбить, то я какъ и всегда дѣйствовала бы открыто и честно. Слѣдовательно ни чье присутствие не могло бы мана стѣснить; ни въ чьемъ пособничествѣ я не нуждаюсь.

Гордая отвага блеснула въ ея взорѣ; негодующая нота дрогнула въ голосъ; ей горько и больно было что циническіе pomysлы Бармина оскверняли ея священное чувство.

— Неудовима! промолвилъ графъ, съ досадой махнувъ рукой въ то время какъ Радищевъ входилъ въ комнату.

— Что съ вами случилось, Юрій Александровичъ? сколько дней васъ нигдѣ не было видно? спросила она привѣтливо вдорываясь съ нимъ. Подъ снѣжно полуопущенныхъ рѣсницъ она пытливо вглядывалась въ него, стараясь разгадать его сокровеннѣйшія мысли. Ей показалось что онъ былъ чуть-чуть блѣднѣе обыкновеннаго, что до сихъ поръ ей невѣдомая складка легла межъ его бровей, придавая его выраженію не то грустный, не то рѣшительный оттѣнокъ.

— Вы надѣюсь не допускаете, графиня, что по доброй волѣ. Много разныхъ хлопотъ было въ полку. Участь моя рѣшалась, и сегодня только-что урвался и вамъ первой пріѣхалъ сообщить новость.

Сердце бѣдной женщины оборвалось. Наружно она не измѣнилась, но нервный спазмъ сжалъ ей горло желѣзными тисками, лишая ее возможности произнести единый звукъ, и она судорожно скрестила руки на груди, какъ бы пытаясь подавить мучительную боль сердца.

Самъ не подозрѣвая, Барминъ выручилъ ее.

— Бьюсь объ закладъ что угадалъ: вы назначены въ дѣйствующую армію. Мы только что говорили съ Натальей Николаевной объ этой мѣрѣ до вашего прихода.

— Да, приказъ ужъ состоялся. Отъ насъ назначены двое, Солдцевъ и я.

Юрій Александровичъ проклиналъ въ душѣ присутствіе Бармина; онъ надѣялся найти графиню одну.

— Въ добрый часъ, отъ души поздравляю; въ ваши годы блестящая будущность открывается. Пока товарища въ Красномъ маневрировать да скучать будутъ, вамъ награды да чины посылаются. А кстати, не знаете ли въ другихъ полкахъ докончили съ выборами?

— Полагаю что да, но достоверно не ручаюсь.

— Такъ я отсюда заверну въ клубъ до обѣда, тамъ всегда набредешь на такого кто знаетъ новости дня. Прощайте, Наталья Николаевна, и простите что я на ваши расхоловавшіеся нервы раздражительно дѣйствовалъ. Въ будущій разъ буду осмотрительнѣе. А съ вами, Радичевъ, sans adieu, вѣдь вы не скоро еще соберетесь.

— Раньше вѣдѣли вѣдь ли послѣю.

Барминъ протянулъ ему руку и вышелъ.

Наступила минута тяжелого молчанія. Наталья Николаевна напрасно старалась сосредоточить мысли. Твердость духа измѣнила ей предъ внезапно выросшимъ угрожающимъ призракомъ безлощадной, быть-можетъ вѣчной разлуки.

— Да, Наталья Николаевна, не на долго улыбнулось мнѣ счастье непривычной ласки. Какія радостныя надежды и мечты породилъ во мнѣ послѣдній проведенный вечеръ съ вами. Я вернулся домой обезумѣвъ отъ упоенія. Вы позволили мнѣ любить. Чего же болѣе могъ я требовать отъ жизни, и вдругъ подобное пробужденіе! Случись это назначеніе мѣсяцемъ раньше, я уѣхалъ бы съ восторгомъ, благословляя судьбу; но именно теперь разстаться съ вами! Злѣйшей провіи не могла придумать судьба.

— Юрій Александровичъ! Вы призываетесь исполнить священный долгъ для всякаго Русскаго, я даже не уломинаю про военнаго.

— Еслибъ я этого не сознавалъ, то повѣрьте никакая сила не могла бы вырвать меня отсюда. Но мнѣ казалось что не слѣдуетъ идти противъ предопредѣленія свыше, что

жертвуя выдающими мнѣ на долю обязанностями своекорыстному чувству, я неминуемо долженъ умалиться въ вашихъ глазахъ. Искушаемый сомнѣніемъ, я мысленно зывалъ къ вамъ, Наталья Николаевна, и вы, такъ свято чтущая знамя долга, ободряли, укрѣпляли меня! Не правда ли, я не ошибся?

— Еслибы вы пришли ко мнѣ за совѣтомъ, я бы не обинуясь сказала вамъ принять возлагаемое на васъ порученіе. Уклоняться способны только мелкія души и слабые умы. А право, Радищевъ, мнѣ самой не легко, съ невыразимою тоской добавила она.—Не даромъ говорятъ что жить и страдать одно и то же.

— Наталья Николаевна, дорогая моя! Могу ли я вѣрить своимъ ушамъ?

— Радищевъ, къ чему послужило бы мнѣ отречься словами отъ того что вы такъ ясно должны прочесть въ моемъ сердцѣ? Я сама себя уяснить не могу то значеніе которое вы такъ быстро получили въ моей жизни. Всѣ остальные, близкіе, дорогіе интересы покорно уступили вамъ мѣсто, и теперь только, въ безотрадную пору разставанія, я постигла это во всей полнотѣ.

Юрій Александровичъ завладѣвъ обѣими ея руками и поочередно осыпалъ ихъ жгучими поцѣлуями.

— Теперь я могу уѣхать спокойно, вымолвилъ онъ, — меня поддержитъ мысль что вы не забудете меня.

Въ эту минуту явственно донесся до нихъ громкій голосъ Смѣльского изъ смежныхъ комнатъ. Юрію Александровичу было бы несказанно тяжело встрѣтиться съ нимъ въ охватившемъ его настроеніи духа; онъ немедленно сталъ прощаться.

Графиня не удерживала его.

Всю недѣлю Наталья Николаевна провела въ болѣзненномъ чадѣ, но вотъ пробилъ и неумолимый часъ разлуки.

Радищевъ, просидѣвшій наканунѣ весь вечеръ съ ней, обѣщавъ захватить предъ обѣдомъ, который нѣкоторые близкіе товарищи навязали ему въ самомъ вокзалѣ желѣзной дороги чтобъ удобнѣе устроить проводы.

На этотъ разъ она дала приказаніе никого не принимать кромѣ него и съ мучительнымъ замيرانіемъ ожидала его прихода. Ей все чудилось что вотъ-вотъ раздастся знакомый шумъ экипажа у подѣзда; она напряженно прислушивалась,

но онъ терялся вдали, и она снова принималась за безцѣльное блужданіе. Внезапно свѣтлою молніей озарила ее мысль что быть-можетъ отъѣздъ отложенъ, и она извѣдала томашую надежду преступника мечтающаго объ отмѣнѣ казни. Наталья Николаевна до того увлеклась этимъ заманчивымъ путемъ что, заслышавъ приближающіеся шаги Радищева, она бросилась къ нему на встрѣчу, и радостно-вопросающая улыбка уже разлилась на засохшихъ губахъ.

Онъ былъ одѣтъ по дорожному, съ сумкой черезъ плечо. Одного взгляда было достаточно чтобы мечта разбилась въ прахъ.

— Наслапу урвался, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ,— добавочныя предписанія, задержки по канцеляріямъ, отповѣдь и наставленіе полковаго командира—всѣ эти официальные процедуры жгли меня медленнымъ огнемъ, а душа такъ и рвалась къ вамъ, поглядѣть на васъ послѣдній разъ, моя дорогая, моя ненаглядная!

— Итакъ, все кончено! вы ѣдете сегодня? оборвавшимся голосомъ спросила она.

— Кончено, Богъ дастъ нѣтъ, съ напускною веселостію отвѣтилъ онъ:—а ѣду черезъ какіе-нибудь два часа.

Наталья Николаевна все утро мысленно перебирала вереницу вопросовъ которые хотѣла ему сдѣлать. Она чувствовала жгучую потребность высказать ему многое, но мгновенно все изгладилось изъ памяти, и она, по усвоенной привычкѣ поддержать разговоръ, разсѣянно спросила:

— Вы ѣдете съ Солдцевымъ?

Радищевъ отвѣтилъ утвердительно, и нѣсколько минутъ они обмѣнивались незначущими фразами относящимися къ постороннимъ предметамъ. Общимъ было мучительно тяжело, но они крѣпились другъ предъ другомъ и, разыгрывая неужелую комедію, не дерзали ни словомъ коснуться грозной дѣйствительности изъ опасенія не совладѣть съ собой.

Долго нельзя было медлить.

Радищевъ рѣшительнымъ движеніемъ всталъ и дрогнувшимъ голосомъ промолвилъ:

— Однако мнѣ пора, Наталья Николаевна.

Лихорадочная дрожь пробѣжала по ней съ головы до ногъ. Мертвенная блѣдность разлилась по замѣнившимся чертамъ. Невыразимое страданіе сказалось во внезапно отуманенномъ взорѣ; едва переводя дыханіе, она съ трудомъ выговаривала:

— Погодите немного, еще одну минуточку.

Похолодѣвшею рукой она принялась шарить въ складкахъ платья, отыскивая карманъ, и наконецъ достала изъ него небольшой красный футляръ.

Она открыла и вынула золотой медальйонъ на шейной цѣпочкѣ.

— Вашъ портретъ! съ радостнымъ удивленіемъ воскликнулъ Радищевъ.

— Нѣтъ. Къ чему онъ вамъ? Я знаю и вѣрю что вы и такъ меня не забудете. Я дамъ вамъ Заступицу, выше которой ничего нѣтъ. Она спасетъ и избавитъ васъ ото всѣхъ напастей. Нагнитесь, Радищевъ, я хочу благословить васъ и сама надѣну образъ.

— Благодарю васъ, тихо и нѣжно шептала она,—за все, за святой даръ съ которымъ въ вѣкъ не разстанусь. Прости надолго, быть-можетъ навсегда, моя радость, моя жизнь, Наташа, моя желанная!

Потрасающимъ стономъ звучали послѣднія слова, прерываемыя глухими, мужественно сдержанными рыданіями.

Въ бессознательномъ порывѣ графиня освободила свои руки которыя онъ покрывалъ безсчетными поцѣлуями, и мгновенно обхвативъ его голову притянула ее къ себѣ и мраморными устами припала къ его пылавшему лбу.

Она скоро опомнилась и слабо отталкивая его закрыла руками смущенное лицо.

— Напрасно обманывала я себя, напрасно думала совладать со своею тайной, едва внятно лепетала она,—теперь ужъ все равно. Ужасая, бери же съ собой сознание что никого въ жизни я такъ не любила, что все мое счастье сосредоточивается въ тебѣ одномъ... Да, я люблю тебя, люблю, люблю, съ безумно охватившею ее отвагой твердила она.—Что жъ болѣе медлить? Тебѣ пора... а у меня силъ не достаетъ выдержать долѣе эту адскую муку.

Радищевъ пытался было обнять ее, но одного взгляда, гдѣ рядомъ съ безпредѣльною любовью сливалась и мольба о пощаду, стыдъ и нѣжный укоръ, было достаточно чтобъ остановить его. Онъ обезумѣвъ выбѣжалъ изъ комнаты, пока Наталья Николаевна въ изнеможеніи упала на кушетку и уткнувшись въ кружевную подушку, безсчетно силилась заглушить неудержимыя рыданія.

X. Тяжелое время.

День 12 апрѣля на вѣкъ неизгладимо занесенъ въ лѣтопись Русской земли.

Война съ Турціей была объявлена. При колокольномъ звонѣ Высочайшій манифестъ прочитанъ въ церквахъ. Въ чемъ еще вчера нѣкоторые сомнѣвались, чего одни пламенно желали, другіе трепетно боялись, стало отнынѣ совершившимся фактомъ.

Мучительные дни переживала бѣдная графиня вслѣдъ за отъѣздомъ Радищева. Газеты не выходила у нея изъ рукъ; она жадно слѣдила за ходомъ политическихъ событій. Бывали минуты когда патріотическое чувство, такъ громко говорившее въ ней, застывало. Она жаждала уступокъ, компромиссовъ, лишь бы упрочился миръ. Если даже онъ замедлитъ возвращеніемъ, по крайней мѣрѣ жизнь его не подвергнется опасности.

Наканунѣ всеароднаго объявленія, возвращаясь изъ комитета, Сибельскій прошелъ въ кабинетъ жены.

— Поздравляю тебя, Наташа, сказалъ онъ съ нѣкоторою ироніей,—ты все жаждала войны, вотъ и дождалась. Завтра объявленіе.

Графиня порывисто скрестила исхудалыя руки, но твердо сказала:

— Богъ посылаетъ Россіи тяжкое бѣдствіе, но Онъ же и поможетъ ей!

— Да и Радищева въ придачу цѣлымъ и невредимымъ сохранить. Значитъ все къ лучшему.

Она пропустила намекъ и ограничилась вопросомъ:

— Ты не самъ-ка, скоро откроются военныя дѣйствія?

— Рѣшено не только весь планъ войны, но и малѣйшія передвиженія арміи хранить въ глубочайшей тайнѣ, но въ свѣдущихъ кругахъ сильно поговариваютъ объ отъѣздѣ Государя въ главную квартиру, и вѣдь ли до его прибытія войска перейдутъ Дунай. Трудная задача; осидить не легко. Безъ большихъ жертвъ не обойдется.

— Страхъ подумать, вздрогнувъ сказала Наталья Николаевна.

— Я всегда былъ противъ этой войны. А вы всё масло въ огонь подливали; энтузіазмъ народный разжигали,

освобожденіе угнетенныхъ, великую идею объединенія Славянъ чуть ли не на всѣхъ перекресткахъ проповѣдывали, добровольцевъ сваражали, трогательные проводы имъ устраивали, и добились результата. Вотъ теперь и расхлебывайте.

Графиня молчала.

— Сознайся, по крайней мѣрѣ, не унимался онъ,—что если бы ты могла предугадать что Радичеву выпадетъ на долю одному изъ первыхъ подставить грудь подъ пулю, то твой виновтенный пылъ разомъ простылъ бы.

— Я всегда говорила, да и впредь стану говорить только то что мнѣ внушаетъ совѣсть, спокойно возразила она.

— Жаль что я не способенъ дѣйствовать на твои убѣжденія, продолжалъ слегка раздосадованный мужъ,—ты авось поняла бы тогда что для умной женщины, извини мою рѣзкость, ты ведешь себя какъ шестнадцатилѣтняя выспренняя институтка.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— А то именно что вотъ уже болѣе мѣсяца какъ герой твоего идеальнаго романа умчался въ дѣйствующую армію, а ты все еще утѣшаться не можешь. Я давно хотѣлъ съ тобой поговорить. Ты довольно меня знаешь, я полагаю, и услѣла убѣдиться что я не способенъ ревновать. Тебя завикала платоническая любовь Радичева? Въ угоду тебѣ онъ отсталъ отъ кутильной жизни; ты спасла его душу и носилась съ ней dans les espaces imaginaires. Удивляюсь что это ему по вкусу было. Впрочемъ, это дѣло не мое. Но всему есть предѣлъ. Ты, кажется, запомнила известное, глубокое изреченіе. *Du sublime au ridicule, il n'y a qu'un pas.* Вѣдь съ той поры какъ открылось твое красное солнышко, на тебѣ лица нѣтъ; живешь какъ затворница, худѣешь, блекнешь; право, еще немножко—просто подурѣешь. Это тѣмъ болѣе непростительно что ловѣрь, мой другъ, онъ не забывалъ тебя, — нѣтъ, этого я не могу допустить,—но навѣрное размыкалъ свое горе у ногъ нѣзжей Фривы. Тамъ ихъ изъ Парижа, Вѣны и Букурешта видимо-невидимо валѣтъло.

— Что же прикажешь дѣлать, если я не могу замѣствовать у тебя столь удобный философскій взглядъ на жизнь, отвѣтила графиня, страшно тяготившаяся этимъ разговоромъ.

— Не брезговать, по крайней мѣрѣ, совѣтами опытности. Негодуй на меня сколько хочешь, а я все-таки поддерживать буду что всѣ твои страданія, извѣстное горе, словомъ *tout ton mal*, въ твоей головѣ. Вѣрнѣйшее для

тебя лѣкарство, это развлеченіе. Здѣсь въ окрестностяхъ тебѣ оставаться нечего; тоска будетъ страшная; изъ простаго приличія каждыи обязанъ сидѣть въ своемъ углу, а коль два человѣка сойдутся, только и разговору будетъ что про бюллетень о сраженіяхъ, про раненыхъ, убитыхъ, заботы о госпиталяхъ и пр. и пр. Тебя это въ конецъ разстроитъ. Я обязанъ оставаться здѣсь на своемъ посту, но ты возьми дѣтей и въ концѣ мѣсяца уѣзжай себѣ преспокойно за границу.

— Скажи, ты не въ шутку дѣлаешь мнѣ подобное предложеніе? изумленно спросила Наталья Николаевна, и задорная, прежняя искорка блеснула въ глазахъ.—Я, я стану ради какого-то развлечения, ради потѣхи, таскаться по водамъ да по морскимъ куланьямъ, обреченная читать всѣ мерзости и напрасливы которыми иностранная печать клеймитъ все русское! Я ловимаю что моя невольная грусть оскорбляетъ тебя; прости что я была не въ силахъ совладать съ нею. Я буду стараться, да, я обещаю тебѣ что отнынѣ ты пасмурнаго лица на мнѣ не увидишь. Я готова сдѣлать все что ты хочешь, но молю только объ одномъ, оставь меня здѣсь.

— Наташа, мой другъ, ты напрасно волнуешься. Я никогда тебя не неволю, и имѣлъ въ виду единственнымъ твоимъ благо. Скажи одно слово, и всѣ нужныя распоряженія будутъ приняты чтобы вскорѣ переѣхать на нашу дачу въ Царскомъ.

И поцѣловавъ жену въ лобъ Смѣльскій вышелъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Цѣль его была достигнута. Онъ зналъ что она сумѣетъ сдержать слово, что наружно дни его попрежнему потекутъ мирно и безмятежно. Главное, чтобы лица не было для комментаріевъ которые могли бы уязвить его самолюбіе.

Въ половинѣ мая, согласно принятому рѣшенію, все семейство переѣхало въ Царское Село.

Привольнѣе вздохнула Наталья Николаевна. Графъ заваленный служебными дѣлами возвращался лишь къ обѣду; иногда цѣлые дни проводилъ онъ въ городѣ.

Цѣлыми часами блуждала она безцѣльно по тѣнистымъ уединеннымъ аллеямъ Александровскаго парка и погружалась въ воспоминанія дорогаго прошлаго. Будущее не существовало для нея; оно страшило ея мысли грозною непроницаемостью. Физически утомленною и нравственно страдающею возвращалась она домой, гдѣ приходилось вникать въ сложныя

интересы семейной жизни или внимательно слушать нескончаемыя теоріи мужа о событіяхъ дня.

Великая Княгиня Цесаревна, сердечно отзываясь на стремленія русскаго общества и послѣшила открыть обширныя залы Александровскаго дворца, приспособляя ихъ къ потребностямъ дня. За громаднымъ столомъ заваленнымъ кусками грубаго полотна, кроились рубашки, простыни, наволочки; выгадывались изъ флатели больничныя халаты, нагрудники; мѣрно звучали ножницы и въ кучу складывались выкроенные предметы, которые на расхватъ разбирались по домамъ и возвращались въ складъ уже окончательно готовыми. Въ послѣдней громадной залѣ окнами выдающеюся на роскошный газонъ парка, гдѣ все отъ тяжелыхъ бронзовыхъ люстръ до величаво разставленной штофной мебели по стѣнамъ напоминало о царственныхъ приемахъ, сходился по преимуществу тѣ изъ добровольныхъ работниковъ которые, не отвлекаемыя посторонними обязанностями, занимались исключительно приготовленіемъ распределяемой работы по рукамъ.

Наташа Николаевна въ одну изъ утреннихъ прогулокъ случайно зашла въ складъ; съ перваго взгляда она устыдилась что до сей поры помогала только деньгами, и эта мирная, но кипучая дѣятельность благотворно подѣйствовала на нее; ей показалось что перстъ Божій указывалъ ей ясное поприще, гдѣ ея наболѣвшее сердце найдетъ быть-можетъ покорность и покой.

Съ этой минуты она стала самою преобладающею и одною изъ самыхъ полезныхъ послѣдителейницъ. Опытность приобретаемая въ годы первой молодости, при скромныхъ средствахъ Загряжскихъ, нашла себѣ полное примѣненіе. Она ни отъ какой работы не отказывалась, и съ рѣдкою смѣлостью, какъ бы шута, выходила побѣдительною изъ самыхъ трудныхъ задачъ.

Когда бывало предъ отъѣдомъ курьера накопится цѣлый ворохъ слѣдшій работы, и завѣдывающая отправкой, въ грустномъ недоумѣніи, не знаетъ какъ совладать съ нимъ, на выручку являлась она и съ улыбкой говаривала ей: „Не безлокайтесь, отдайте мнѣ, а все беру на себя“, и не было примѣра чтобъ она не сдержала слова.

Такъ текла дни и недѣли.

Вслѣдъ за счастливымъ переходомъ черезъ Дунай, прогрессивнѣе геройскій походъ Гурки черезъ Балканы. Съ колокольнымъ

звономъ и обильнымъ цвѣточнымъ дождемъ встрѣчалъ древній Тырновь давно желанныхъ освободителей Болгарскаго народа. Утѣшительныя извѣстія доносились до береговъ царственной Невы. Разноцвѣтные флаги чуть не ежедневно развѣивались надъ зданиями столицы; съ лихорадочнымъ трепетомъ ожидалось появленіе вечернихъ телеграммъ, съ бою вырывались онѣ изъ рукъ продавцовъ и привычный глазъ жадно искалъ извѣстій о новыхъ побѣдахъ.

Взятію Николая суждено было стать послѣднею блестящею точкой этого перваго счастливаго періода. Въ первыхъ числахъ іюня пронеслась вѣсть о первой Плевненской неудачѣ. Озабоченно стали всѣ отыскивать на картѣ этотъ невѣдомый, ничтожный уголокъ.

Смутныя, недобрыя вѣсти приносилъ телеграфъ; за свято оберегаемою тайной военныхъ дѣйствій чулось много недомолвокъ, а чѣмъ болѣе опасность затмевается туманомъ тѣмъ губительнѣе ея дѣйствіе на умы.

Почти одновременно съ безполезными попытками овладѣть Плевной пришелъ слухъ о безнадежномъ положеніи горсти храбрецовъ обороняющихъ Шилку отъ напора цѣлой турецкой арміи.

Тяжелое время переживали мы; оно слишкомъ свѣжо въ памяти всякаго скорбѣвшаго о родинѣ, и нечего распространяться о немъ.

Графиня Смѣльская мужественно боролась со щемящею тоюкой. Съ Радищевымъ она не была въ перелискѣ; писать о постороннихъ предметахъ, о лустыхъ свѣтскихъ новостяхъ, казалось ей недостойною комедіей для обоихъ; сокровенныхъ же мыслей и чувствъ не было возможности передать. Судьба писемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, даже отправляемыхъ съ вѣрною оказіей, подвергалась неизчислимымъ случайностямъ. Наталья Николаевна слишкомъ хорошо знала что общественное мнѣніе слагается по наружному виду, что одного необдуманно написаннаго слова, превратно перетолкованнаго, достаточно чтобъ олозорить женщину. Она въ душѣ сознавала себя правою и для себя конечно не устрашилась бы злорадной стоустой молвы, но мужъ признавалъ за свѣтомъ право безапелляціоннаго приговора, и она не считала возможнымъ ставить на карту семейную честь. Лишь изрѣдка имѣла она свѣдѣнія о Радищевѣ черезъ его товарищей, и послѣдній дошедшій до нея слухъ былъ что ему довелось

повести сформированную дружину на гору Св. Николая, гдѣ оказывалась крайняя нужда въ оберегательныхъ силахъ.

Отходя ко сну послѣ утомительно длиннаго дня Наталья Николаевна тщетно добивалась покоя и забвенія. Неумолимая бессонница стерегла ея изголовье. Она страдала несказанно, и возбужденное воображеніе не переставало рисовать самыя мрачныя картины. Когда подъ утро усталость одолевала ее, она забывалась тревожнымъ лихорадочнымъ сномъ, и неотступно преслѣдующая мысль облекалась иногда въ тяжелый кошмаръ.

XII. Роковой ударъ.

Наступило 6 августа. Былъ ясный, чудный день. Звонко гудѣли въ прозрачномъ воздухѣ колокола, призывая православныхъ къ молитвѣ.

Послѣ обѣды Наталья Николаевна попробовала укоротить нескончаемый, безсодержательный день прогулкой въ обществѣ дѣтей. Они избрали на этотъ разъ красивые, извилистые бульвары, огибающіе большую часть Царскаго Села. Но для нея выборъ оказался неудачнымъ. На первыхъ шагахъ имъ повстрѣчались цѣлыя груллы веселыхъ, разряженныхъ людей, слѣзлившихъ со всѣхъ ногъ на Скаковое поле. Вскорѣ за ними послѣдовали цѣлые ряды экипажей, въ разнородной, изящной упряжи, съ нарядными представительницами высшего круга. Скачки считались единственнымъ развлеченіемъ допускаемымъ приличіемъ въ эту мрачную пору, и никогда еще съ такимъ рвеніемъ не посѣщались онѣ не столько изъ интереса спорта какъ изъ желанія щегольнуть дорогими вышитыми нарядами.

Она хотѣла было повернуть домой, но дѣтей тѣшило это пестрое зрѣлище и они упрашивали такъ настойчиво что ей жалко стало быть помѣхой ихъ забавы. Она довершила прогулку, но еще болѣе разстроенною и печальною вернулась домой и заперлась въ свою комнату.

Графъ, хотя и завзятый спортсменъ, на этотъ разъ долженъ былъ пожертвовать скачками своимъ городскимъ занятіямъ и вернулся только предъ самымъ обѣдомъ.

Графиня слышала какъ его кровавые рысачи подкатили къ подъезду и собиралась уже сойти, когда хорошо знакомый веселый голосъ раздался за дверьми.

— Наташа! что это за мода за тридцать замковъ хоро-
диться? Отпирай скорѣй, это я.

Озадаченная графиня исполнила приказаніе и очутилась
въ объятіяхъ Софьи Николаевны.

— Ты, Соня, здѣсь? Какими судьбами? радостно привѣт-
ствовала она ее.

— Дай срокъ, все разкажу по порядку; теперь надо шла-
пу снять и привести прическу въ приличный видъ. И по-
ка ея проворныя руки поправляли вышедшіе изъ повино-
венія вьющіеся волосы, ея немѣнѣ подвижный языкъ уже
успѣлъ сообщить что единственный, нѣжно любимый братъ
долженъ чрезъ нѣсколько дней выступить въ походъ, что
въ деревенской глуши извѣстія съ театра военныхъ дѣй-
ствій доходятъ безбожно поздно, что ей силъ не хватило
оставаться цѣлыми днями въ неизвѣстности о важныхъ со-
бытіяхъ, что въ совокупности всѣ эти причины заставили ее
послѣшить возвратомъ въ городъ, что Смѣльскій встрѣтилъ
ее случайно на улицѣ и что ему не трудно было убѣдить
ее поѣхать съ нимъ обѣдать въ Царское. Она доканчивала
свой пространный и оживленный разказъ когда постучали
въ дверь, чтобы наломнить что обѣдъ уже поданъ.

Присутствіе Смагивой внесло давно отсутствующій эле-
ментъ оживленія въ однообразную жизнь Смѣльскихъ: сама
Наташа Николаевна позабыла на мигъ свою гнетущую тре-
вогу, и улыбка скользнула на похудалыхъ чертахъ. Смѣльскій
не могъ достаточно нарадоваться своей очастливой мысли.

Послѣ обѣда Софья Николаевна выразила желаніе отпра-
виться въ Павловскій вокзалъ.

— Я безъ мадаго три мѣсяца выжила въ деревнѣ, хочется
людей посмотреть.

Черезъ часъ, изащное лавдо Смѣльскихъ проѣзжало мимо
безконечнаго ряда экилажей унизывающихъ всю широкую
аллею отдѣляющую садъ вокзала отъ Павловскаго парка.
Софья Николаевна вышла изъ экилажа и подъ руку со Смѣль-
скимъ направилась къ мостику. Сергій Михайловичъ на-
прасно уговаривалъ жену послѣдовать ихъ примѣру.

— Вечеръ теплый, сидѣть покойно, музыку слышу отлач-
но; предоставляю вамъ вдыхать пропитанный пылью воздухъ,
и прошу только не стѣсняться моимъ присутствіемъ. Миѣ
не въ тягость ждать васъ сколько угодно.

Наташа Николаевна была вполне искренная; послѣ ихъ

ухода она забилась въ уголъ коляска, надѣясь удобно притаиться отъ знакомыхъ, гуляющихъ мимо экипажей, пытливо заглядывающихъ въ нихъ, надѣясь избѣгнуть такимъ образомъ лустой, тяготившей ее, болтовни.

Хорошо знакомый обликъ пространстваго зданія мало-помалу сталъ выплывать изъ нависшихъ сумерекъ. Яркіе огоньки забѣгали прямыми линиями по фронтонамъ, обвивъ колонны, замелькали пестротой красныхъ, зеленыхъ точекъ, и яркимъ свѣтомъ озарилось все пространство прилегающее къ музыкальной площадкѣ. Надъ головой графини мѣрно шелестили листья старинныхъ деревьевъ, промежь обнаженныхъ уже вѣтвей мерцали дрожащимъ свѣтомъ неподвижныя звѣзды, звуки оркестра Лангенбаха дробились въ воздухъ и кѣ-во ласкающею гармоніей долетали до нея.

Графиня погрузилась въ свои мысли. Ее пробудилъ звонкій голосъ Софьи Николаевны, въ сопровожденіи брата и графа Бармина подходившей къ экипажу

— Какъ уже ты! воскликнула она.

— Чтѣ изображаетъ это ироническое замѣчаніе? или ты въ самомъ дѣлѣ успѣла выслѣпаться и не замѣтила нашего отсутствія? спросила Софья Николаевна.—Я вернулась бы раньше, но сначала отыскивала брата: я увѣрена была что онъ здѣсь. Потомъ встрѣтила графа, у котораго всегда мелочатой залась новостей, и такъ съ нимъ заболталась что и не примѣтила какъ дорогой потеряла твоего мужа.

— Кто изъ васъ читалъ вечернія телеграммы? живо перебила Наталья Николаевна.

— Ничего выдающагося нѣтъ, отвѣтилъ Борисъ Гавриловичъ шаря по боковымъ карманамъ пальто:—куда этотъ листокъ запропастился? найти не могу.

— На Шилкѣ все не ладно, тихо и грустно вставилъ Иванъ.

— Новая атака была? съ замираемъ спросила она. Сердце у нея упало; вчерашній сонъ со всею ужасающею ясностью предсталъ предъ ней.

— Подослѣи только вовремя свѣжее войско, и дѣло еще не потеряно. Сумѣемъ отстоять, успокоительнымъ тономъ сказалъ Барминъ.—А каковы забытые братушки! Сегодня именно описываютъ какъ геройски выдержали они натискъ. Поль-дружины легло. Ихъ воодушевлялъ примѣромъ нашъ общій знакомый, какъ бишь его? фамилія вертится на языкѣ,

я вспомнить не могу. Еще я съ нимъ у васъ встрѣтилася предъ войной. Вы еще къ нему благоволили, графиня,—не даромъ у него голосъ сводящій съ ума всѣхъ нашихъ дамъ.

— Радищевъ! глухимъ, болѣзненнымъ стономъ вырвалось у нея изъ груди.

— Именно, именно, да вотъ кстати и телеграмма отыскалась, и вытаскивая изъ обшлага сложенную бумажку, онъ подалъ ее Натальѣ Николаевнѣ.

Она пыталась было ее взять, но какое-то смертельное оцѣпенѣніе сковывало всѣ ея члены. Жизнь въ ней застыла. Кровь прилила къ сердцу; она почти безсознательно почувствовала какую-то щемлящую боль. Убить ли онъ? промелькнуло въ умѣ, ужели все кончено? и хотя вся жизнь ея зашевелилась отъ роковаго отвѣта, она не въ силахъ была произнести ни единого слова.

— Дайте мнѣ, я прочту, сказала Смагина и, не имѣя духа взглянуть на графиню, она почти вырвала бумажку изъ рукъ Бармина.

Она поднесла ее къ глазамъ и при слабомъ освѣщеніи фонаря прочла въ полголоса краткое извѣстіе, гдѣ вслѣдъ за похвалою самоотверженію и храбрости выказанной штабъ-ротмистромъ Радищевымъ, упоминалось что онъ тяжело раненъ въ грудь. На послѣднихъ словахъ она невольно повизжала голосъ. Издали долетали звуки восхитительнаго Штраусовскаго вальса: *An der schönen blauen Donau*. Она машинально сложила бумажку и робко произнесла:

— Бѣдный Радищевъ! Богъ дастъ онъ переживетъ, сила и молодость лучшее подспорье!

— Да, но не въ грудь, *c'est mauvais, le plus souvent on a son compte*, равнодушно замѣтилъ Барминъ.

Софья Николаевна украдкой взглянула на свою пріятельницу. Кровинки не было у ней въ лицѣ, но бѣлѣвшія губы судорожно сжаты и глаза съ расширенными зрачками бессмысленно устремлены куда-то вдаль. Она испугалась.

— Наташа, ты прозябла, поѣдемъ домой? нагнувшись къ ней, участливо спросила она.

Графиня слышала что какіе-то звуки пролетѣли мимо ея ушей, но смыслъ ихъ остался ей чуждымъ.

Софья Николаевна мгновенно сообразила что присутствіе Смѣтальскаго въ подобную минуту послужило бы лишь усугубленіемъ нравственной пытки Натальи Николаевны и для

всѣхъ неминуемо создало бы неловкое положеніе. Она знала что прежде всего онъ человекъ приличій и потому, обращаясь къ брату, живо придумала исходъ:

— Боря, у тебя есть свой экипажъ, отыщи Сивьяскаго и доставь его домой. Скажи что намъ надобно дожидаться и что Наташѣ не здоровится немного. До свиданія, господя, развязно заключила она.

Баринъ пораженный внезапною необъяснимою нѣмотой Натальи Николаевны любознательно нагнулся и вперился въ нее свои подслѣповатые глаза; но тутъ же отшатнулся, увидя безмолвное отчаяніе на ея лицѣ.

Коляска мѣрно покатила по ровной аллеѣ и услѣла уже скрыться изъ виду, а онъ, пораженный неожиданнымъ открытіемъ, все еще стоялъ недвижимъ на мѣстѣ.

— Бѣдный Сивьяскій! пробормоталъ онъ наконецъ:—и ему было на роду написано не избѣгнуть общаго удѣла. А долго-таки крѣпилась графинюшка, но не устояла. А тѣмъ не менѣе умно ты поступилъ, другъ мой, Петръ Гавриловичъ, что въ былое время не увлекся смазливимъ личикомъ. То ли дѣло бѣднымъ холостякомъ прожить свой вѣкъ. Не даромъ я тогда остерегалъ Сергѣя, самъ захотѣлъ.

И самодовольно улыбаясь своей непотрѣбности онъ направился къ вокзалу насвистывая одну изъ любимыхъ Оффенбаховскихъ арій.

Въ гробовомъ молчаніи совершили обѣ женщины обратный путь.

Софья Николаевна хотѣла было рискнуть робкое утѣшительное слово, но отъ одного взгляда на безучастную графиню оно замерло на устахъ.

Заботливо проводила она ее до самой слални, передала съ рукъ на руки изумленной горничной, почти черезъ силу заставила ее проглотить успокоительныхъ капель, и на прощаніе, цѣлуя ея предестное лицо, сама не замѣчая оросила его теплыми слезами нѣжнаго состраданія.

Наташа Николаевна сама не помнила какъ ее раздѣли, облекли въ широкій бѣлый пеньюаръ и усадили на обычномъ мѣстѣ предъ туалетнымъ столомъ.

Она обвела вокругъ удивленнымъ взоромъ: суета хлопотавшей около нея женской прислуги поразила ее. Она сидѣла припомнить что съ ней произошло, но въ памяти оказывался какой-то мучительный пробѣлъ. Она схватилась за голову и искала сосредоточить блуждающія мысли. Ей вдругъ

предсталъ равнодушный обликъ Варшана съ умишкой прощально-посащаго раковой приговоръ. Она уяснила себѣ все. Волья вырвался изъ груди.

— Вонъ, ступайте вѣтъ вонъ, съ несвойственною ей раздражительностью воскликнула она:—закрите дверь чтобы никто не входилъ... я приказываю...

Въ глазахъ Натальи Николаевны сверкала такая повелѣвающая рѣшимость что горничныя не дерзнули вслушаться и неслышно одна за другой переступили порогъ.

Она осталась одна.

Адская мука терзала ее. Страсть къ Радищеву въ конецъ овладѣвшая ею порождала въ ней бессильную безумную злобу противъ Провидѣнія такъ безжалостно разбившаго всю ея жизнь. Она кляла судьбу, войну ихъ разлучившую, мужа, дѣтей, удержавшихъ ее.

Ей сдавалось что бѣшеная буря пронеслась надъ всею ея жизнью, увлекая обломки въ бездонную пропасть, а она въ безпомощномъ безсиліи прикована къ одинокому утесу, о который тщетно разбиваются разсвирѣлѣвшія волны.

„Долгъ, честь, неприкосновенность семейнаго очага, думала она, я твердо вѣрила въ эти громкія слова, я отчаянно боролась противъ самой себя, и вотъ дождалась награды. И сказать что я воспитывалась въ этихъ условныхъ бредняхъ, что я ими до сихъ поръ жила! Но онъ погибъ, и все пошатнулось.“

Она бросила вызывающій взглядъ на отдаленный уголъ комнаты, гдѣ въ старинномъ рѣзномъ кріотѣ свѣтились семейные образа, при слабомъ мерцаніи висячей лампы. Мирно и безстрастно глядѣли они на нее.

Настала минута томительнаго колебанія. Вся прошлая жизнь промелькнула предъ ней. Она вспомнила мать такъ просто и самоотверженно перенесшую всѣ невзгоды, униженіе, попреки, и устыдилась своего малодушія.

Свѣтлый лучъ вѣры проникъ внезапно въ сокровенный тайникъ ея души, вѣры, не терпящей возраженій, взвѣшаній, анализа, но безотчетнымъ отраднымъ чувствомъ охватывающей все существо, божественною неугасимой искрой заладая въ сердце, отражая сопротивленіе разума и вдохновеніемъ свыше воодушевляя на подвигъ и борьбу.

— Боже смилосердуйся надо мной, прости мое кощунство, несвязно шептала она,—Ты, не отвергнувшій кающуюся

губишцу. Я дурная жена, я, дурная мать, я превратила свои обязанности, я тяготилась своимъ долгомъ! Но, не взыщи отъ неповиннаго, не наказуй его за меня! Смерть страшна въ его годы, когда жизнь полна надеждъ и счастья! Возьми мою въ замѣнъ и я благословлю святое имя Твое! Спаси его.

Она вздрогнула, нервнѣйшая тѣнь скользя по лицу, но тутъ же смѣнилась мистическою экзальтаціей; твердо прозвучала ея надтреснутый голосъ:

— Не съ преступною надеждою молю я о сохраненіи его дней, Господи, услыши меня! Всемогущею рукою отрази отъ него смерть, и я клянусь предъ Тобой, клянусь неповинными дѣтьми, что сама откажусь отъ его любви. Ему—жизнь, мнѣ—покушеніе.

Царственный обликъ на который были устремлены ея воспаленные глаза выдѣлялся все яснѣе изъ блиставшей каменными ризы, и выростая наполняла пространство божественными лучами. Любеобильно склонялася Она надъ ней, простарая прободенная руки и небесною гармоніей протесалась надъ чающею главой: „Дерзай, вѣра твоя спасетъ тебя.“

Она поняла что въ Немъ одномъ защита и убѣжище. Дивный миръ оварилъ истомленное сердце. Всѣмъ существомъ стремилась она къ Его стопамъ... непоборимая немощь влекла ее къ землѣ...

Голова закружилась и она упала навзничь...

Когда часъ спустя по настоянію графа, горничная робко отворила дверь, она окаменѣла на порогѣ.

Вся въ бѣломъ, съ распущенными волосами, подобно марморному изваянію надгробнаго памятника, лежала графиня безъ чувствъ у подножія слабо-освѣщеннаго кіота.

Ее уложили въ постель и на другой день вечеромъ послѣднимъ созваннымъ свикнуть петербургскихъ медицинскихъ знаменитостей рѣшилъ что у графини Смѣльской первая горячка.

ХП. Письмо.

Три недѣли пролежала Наталья Николаевна между жизнью и смертію. Расшатанный организмъ далъ пищу болѣзни, и бывали минуты когда старикъ докторъ, постоянно ее пользовавшій и всею душой къ ней привязавшійся, мрачно покачивалъ головой избѣгая вопрошающаго взора Смѣльскаго.

При первомъ припадкѣ опасной болѣзни Сергій Михайловичъ немедленно вызвалъ Надежду Александровну, жарно доживавшую свой вѣкъ въ Слободякѣ, и не прошло двухъ сутокъ какъ она, съ виду спокойная, подавляя мучительное опасеніе, уже нагибалась надъ измѣнившимся лицомъ дочери, трепетно прислушивалась къ ея тяжелому, порывистому дыханію.

Больная не узнала ея.

Смильскій вздохнулъ свободнѣе съ прїѣздомъ тещи; чувство вполне искреннее и глубокое, насколько позволялъ преобладающій въ немъ эгоизмъ, неспособно было побороть въ немъ невыразимаго страха смерти и всего что могло напомнить о ней. Онъ не умѣлъ ходить за больными, но опасался предъ врачемъ и предъ прислугой прослыть за безсердечнаго человѣка и по нѣскольку разъ въ день посѣщалъ комнату жены. Жалобно скрипяи половицы подъ его тяжелыми шагами, онъ опускаясь на стулъ у ея ногъ, сочувственно пожималъ ея сухую, горѣвшую руку, каждый разъ осведомлялся полупенотомъ какъ она себя чувствуетъ, и неизмѣнно оставался безъ отвѣта, такъ какъ графиня, въ состояніи бреду, не отдавала себѣ отчета въ томъ что вокругъ нея происходило.

Надежда Александровна поповозаостію хозяйкой расположилась у постели своей дочери. Отъ ея опытнаго взгляда не укрылось нравственное настроеніе Смильскаго; она ласково, но твердо просила еге во всемъ положиться на нее и предоставить ея одной полную заботу о дочери.

— Вѣрите мнѣ, дорогой другъ, я умотребаю все свое умѣніе и приложу все стараніа чтобы спасти ее для насъ обоихъ. Съ Божіею помощію мы осилитъ болѣзнь. Мушныны никакъ не годятся въ судѣаки, и вы только себя разстраиваете оставаясь при ней. Но скажите съ чего это все приключилось?

— Право я затрудняюсь вамъ отвѣтить. Въ тотъ самый день она себя отлично чувствовала; лобхали мы вмѣстѣ со Смагиной въ Павловскѣ. Она зауправилась, не вышла съ нами въ вокзалъ. Я заболтался тамъ о политикѣ, какъ вдругъ подлетаетъ ко мнѣ Иванъ съ предложеніемъ довести домой, такъ какъ дамы не дождавшись меня уѣхали, въ виду того что жена прозябла и ей нездоровилось. Я конечно послѣдшилъ домой, и засталъ ее въ жару. Vous savez le reste.

— Докторъ утверждаетъ что она давно хворала, задумчиво сказала Надежда Александровна,—она не хотѣла высказаться прямо, но предполагаетъ какое-то нравственное потрясеніе. Мнѣ она никогда малѣйшаго намека не дѣлала; а вамъ Serge, это ближе знать.

Сергій Михайловичъ несмотрѣ на свѣтскую изворотливость слегка замаялся.

— Мнѣ не нужно увѣрять васъ что въ семейной жизни у насъ никогда не было и не можетъ быть (она самъ не замѣчая, сдѣлала невольное удареніе на полбѣдныхъ словахъ) ни малѣйшаго повода къ раздору. Но вы хорошо знаете экзальтированную голову вашей дочери, elle se monte la tête pour un rien. Вотъ, напримеръ война; каждый Русскій принимаетъ живое, сердечное участіе въ горестныхъ событіяхъ, въ тяжеломъ подвигѣ вылащемъ на долю нашей героической арміи, а Наташа ими всецѣло поглощена. Можно подумать постороннему человѣку что весь ея жизненный интересъ сосредоточился въ Плевнѣ или у Бакавъ. Les exagérations de sentiment ont ces organisations nerveuses.

Она докторальнымъ тономъ произнесла заключеніе, но въ этихъ короткихъ словахъ Надежда Александровна смутно угадала тайну дочери.

Вскорѣ дѣло для нея разъяснилось. Имя Смагиной осталось у ней въ памяти изъ разказа Сгѣльскаго, и какъ только Софья Николаевна пріѣхала освидомѣться о здравьи своего лучшаго друга, она наединѣ вызвала ее на откровенность и добилась всего что та сама знала.

Проводя безсонная ночь у метаившейся въ тревожномъ заботѣ дочери, невеселая передумывала думы. Она знала страстный, увлекающійся характеръ дочери, унаследованный отъ отца и старалась обуздать его единственно надежными программами,—строгимъ нравственнымъ воспитаніемъ и релігіозными правилами.

Она вѣрила что она западе въ благодарную почву, и прислушиваясь къ безсвязному бреду больной, убѣждалась что неудовлетворенная страсть могла скопить жизненную силу Наташи, но не могла сломить твердость ея духа въ борьбѣ.

Надежда Александровна со всею опытною отжившей женщины, со всемъ неочерпаемымъ запасомъ материнской любви, жалѣла страдающую дочь. Помимо воли отблескъ этого чувства падалъ на Радичева, и когда Софья Николаевна робко

заговаривала о немъ при частыхъ свиданіяхъ, она, наружно невозмутимая, съ живымъ сочувствіемъ прислушивалась къ ея рѣчамъ. Черезъ посредство Смагиной ей довелось узнать что врачъ, въ первую минуту приговорившіе его къ смерти, въ послѣдствіи измѣнили свой взглядъ и утверждали что онъ теперь подаетъ несомнѣнную надежду на выздоровленіе.

Когда въ состояніи Натальи Николаевны наступилъ наконецъ благотворный кризисъ и осмысленный взоръ ея упалъ на радостное лицо матери, она протянула ей исхудалую до прозрачности руку и тихо промолвила:

— Не правда ли, ты давно здѣсь, мама? Я смутно помню что со мной происходило, но сердце чувало что неизмѣнный, вѣрный другъ меня непереставно охранялъ.

Надежда Александровна наклонила взволнованное лицо къ больной и, несмотря на твердую рѣшимость избѣгать всякаго намека на нравственную жизнь послѣднихъ мѣсяцевъ, она не утерпѣла и, осылая жаркими поцѣлуями ея влажное лицо, едва внятно прошептала:

— Онъ спасенъ... онъ будетъ жить.

Безконечно кроткая улыбка, но съ легко уловимымъ оттѣнкомъ грусти, разлилась по лицу графини:

— Я это знала. Иначе быть не могло. Дорогую жертвой закупила я его дни.

Озадаченная Надежда Александровна напрасно искала смысла этихъ загадочныхъ словъ. Они показались ей остаткомъ долго томившаго ее бреда, и такъ какъ медикъ предписалъ больной строжайшій нравственный покой, она горько раскаивалась въ невольной слабости.

Однообразно и медленно тянулись дни выздоровленія для Натальи Николаевны. Мать не отходила отъ нея. Въ присутствіи мужа она видимо бодрилась, спрашивала его съ притворнымъ вниманіемъ о всѣхъ событіяхъ его лично интересующихъ, отваживалась даже на попытку бываго, звонкаго смѣха, но онъ или звучалъ фальшивою нотой, или безпомощно замиралъ въ горлѣ.

Съ дѣтьми она старалась быть нѣжнѣе чѣмъ когда-либо, но въ отсутствіи семьи, напускное оживленіе измѣняло ей, она часами лежала неподвижно на мягкой кушеткѣ, склонивъ усталую голову съ выраженіемъ глубокаго унынія на застывшихъ чертахъ.

Въ одинъ изъ лѣсныхъ и довольно теплыхъ сентябрьскихъ дней, когда врачъ въ лерный разъ разрешиль ей подышать воздухомъ, мы застали ее на широкой террасѣ въ садѣ.

Сигальскій ублажалъ въ городъ на двѣмъ день; дѣти, какъ стады вырвавшіяся изъ кѣтки, съ неумоляемыми возгласами рѣзались на роскошномъ газонѣ, матерьялы срывая уцѣлѣвшіе цвѣты чтобы составить букетъ выздоравливающей матери.

Надежда Александра только-что расположилась у небольшого столика съ цѣлымъ ворохомъ газетъ, разчитывая хоть этимъ до сей поры запрещеннымъ чтеніемъ приковать ея вниманіе, какъ вошелъ камердинеръ графини и подалъ ей письмо.

На лицѣ его выражалось какое-то брызгливое недоуманіе. Въ самомъ дѣлѣ, рѣзкимъ контрастомъ выдѣлялся на серебряномъ, изящно-артистическомъ подносіи конвертъ самой простой, грубоватой бумаги, припечатанный краснымъ сургучемъ, гдѣ взамиль воззела или герба видѣлась кѣтка приложеннаго наперстка.

Наташа Николаевна взяла письмо и завидѣвъ незнакомый почеркъ равнодушно замѣтила матери:

— Должно-быть отъ какой-нибудь бѣдной, вспомоществованія просить. Странно только что такъ ислещрено штемлеями.

И любопытно вглядываясь въ штемлея, она мгновенно вымѣлилась въ лицѣ и лорывието вскрыла конвертъ.

Оттенными буквами промелькнуло въ ея глазахъ: „Дѣйствующая армія“.

Надежда Александровна уловила жестъ и догадалась:

— Наташа, ради Бога, отдай мнѣ это письмо, умоляющимъ голосомъ просила она,—великое волненіе тебѣ вредно; ты можешь убить себя.

Она нетерпѣливо отстранила руку пытавшуюся уже завладѣть имъ и, съ укоромъ взглянувъ на мать, сказала:

— Я не дитя, и если когда пережить тотъ роковой часъ, то, вѣрь мнѣ, ничто не въ силахъ сразить меня.

Содержаніе письма было слѣдующее:

„Ваше сіятельство! Нѣтъ, позвольте мнѣ лучше полпрежнему назвать васъ дорогою Наташей Николаевной. Если бы вы знали какъ я долго колебалась прежде чѣмъ рѣшилась писать вамъ! Душа такъ и просилась высказать

многое, а разумъ все удерживала. По какому прару стару я вмѣшиваться въ цѣлѣнную жизнь высокопоставленной особы какъ вы? Больше десяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я не видала васъ, а положеніе и время такъ измѣняютъ людей! Когда я вспоминаю о васъ, а въ особенности за это послѣднее время это чуть не жестоко, вы мнѣ все кажется двадцатилѣтнею дѣвушкой, яснымъ лучемъ оживляющею богатую, но теперь сознаться-то ужъ можно, напыщенную и скучноватую гостиную покойной тетушки. Царствіе ея небесное за всѣ ея благодѣянія моимъ и мнѣ. По ея смерти, благодаря назначенной мнѣ пенсіи я безбѣдно прожила въ провинціи у старшаго брата, вдовца, воспитывая дѣтей его и уча ихъ тому что сама не успѣла перезабыть.

„Въ прошломъ году братъ окончался, но Богъ привелъ ему порадоваться на нихъ: они всѣ пристроены. Война разгоралась; ощущалась надобность въ санитарномъ персоналѣ, въ сестрахъ милосердія. Дома мнѣ было дѣлать нечего: силу кое-какую въ себѣ чувствовала, а главное хоть слабую, а все-таки хоть какую-нибудь да пользу ближнему принесу. Задумано сдѣлано, и вотъ простое объясненіе почему я пишу къ вамъ изъ подвижнаго лазарета направленного къ подножію Балканъ чтобъ оказать послѣднюю помощь нашимъ мученикамъ на Шилкѣ. И передать-то вамъ не сумѣю чего я насмотрѣлась здѣсь. Кровь стынетъ подумать только чего они бѣдненькіе ни потерпѣлись. Заботы страхъ: всѣмъ помочь, всѣмъ услужить хочется, хотя словечкомъ утѣшить, а разорваться нельзя. Зачастую до вечера и куска хлѣба во рту не бываетъ. Но это все не къ дѣлу. Приступить надо, а духу не хватаетъ. Вдругъ вы обезсудите меня.

„Вѣкъ буду помнить. Было 5 августа, вечеромъ. Весь день промалали мы, а я только-что прилегла отдохнуть какъ слышу что новый транспортъ припасаютъ. Отчаянный патокъ сдѣлалъ Судейманъ на гору Св. Николая; отбросили его наши молодцы, но легло ихъ много. Пошла тутъ обычная суматоха. Развѣивать, перевязывать. Темно, кой-гдѣ фонарь мелькаетъ, и въ этомъ мракѣ еще безотрадно раздаются вырвавшійся крикъ, сдержанный вопль, жалобный стонъ или предсмертная хрипота.

„Вдругъ слышу я зовутъ: Сестра Марья, ступайте скорѣе, васъ старшій докторъ спрашиваетъ. Я къ нему. Гдѣ хотите, говорить, а раздобудьте вы мнѣ постель для этого

офицера; отражался героемъ, всё въ одинъ голосъ утѣраютъ, не умирать же ему на голой землѣ.—Что, ужасн такъ плохо? спросила я полумелочень, и хотя частенько приходилось мнѣ видѣть смертельно раненыхъ, сердце болѣвѣнно ёкнуло.—Нечего шептаться, полное отсутствіе сознанія, врадъ ли до завтра протянетъ. Двѣ жули застали, ну а вы все-таки похлопочите о койкѣ, да помогите его раздѣть и уложить.

„Бросилась я на поиски, а ужъ все что было свободнаго разобрано. Къ счастью, у меня своя была; а ее въ мигъ приспособила и съ помощью санитаровъ смесли мы туда нашего раненаго. При свѣтѣ фонаря разглядѣла я его: молодой такой, красавецъ, лицо блѣдное какъ смерть выдѣляется изъ-подъ черныхъ вьющихся волосъ, полурастворенныя занекшіяся губы и страдальческое выраженіе такое, щегольской гвардейскій мундиръ изодранъ, весь въ крови! И жалко мнѣ его стало, невыразимо жалко! Называть я вамъ его не стану. Вы угадали, графиня.

„Черезъ нѣсколько времени докторъ пришелъ, освидѣтельствовать надо; велѣлъ положить на ампутаціонный столъ, застучалъ рукава... Да нѣтъ, зачѣмъ вамъ всё эти ужасы описывать! Отъ себя прибавлю, блаженны не видѣвшіе. Я хлопотала вокругъ, поддерживала голову. Прежде чѣмъ къ дѣлу приступить, онъ замѣтилъ у него на шеѣ цѣлочку, а на ней два большіе золотые медальона. Это что такое? Образъ и молитва на немъ вырѣзанная мелкимъ шрифтомъ. Любопытно сталъ онъ разсматривать: пуля скользнула по немъ, вотъ и приплюснутый знакъ остался. Хорошій человекъ нашъ докторъ, но изъ вывѣщихъ, не вѣрующихъ. Снял онъ цѣлочку съ больнаго, да и швырнулъ мнѣ: Возьмите, говоритъ, сестра Марія, поберегите у себя эти сантиментальности, вамъ мѣшаютъ, а кому-нибудь дороги. Я опустила цѣлочку въ карманъ передника, а сама, вѣрите ли, стою ни жива, ни мертва, думаю: каковъ-то приговоръ будетъ. Сталъ онъ рану соединять въ груди. Боль должно-быть невыносимая. Раненый такъ застоналъ что у меня мурашки по слуху забѣгали; подвѣлъ онъ отяжелѣвшія вѣки, а глаза большіе, такіе чудные, блуждаютъ по сторонамъ, и судорога все лицо свела. Докторъ только покачалъ головой. Недобрый знакъ. Мучить его не зачѣмъ, сурово промывчалъ онъ; потомъ поглядѣлъ ногу.—Ну, а эту пулю слѣдуетъ вынуть по всѣмъ правиламъ искусства, чтобы не могли корить насъ что

мы неглижируемъ пациентами. И не долго думая, онъ приступилъ къ несложной операци. Я упросила чтобъ его хлороформировали, и операци удалась какъ нельзя лучше. — Неужели, докторъ, надежды нѣтъ? спросила я когда онъ собрался уходить. — Странная вы право, сестра Марія! Мало ли людей у васъ перемерло на рукахъ, а еще не наметались; сидитъ она въ самомъ легкомъ, и достать ее оттуда и пробовать нечего. Изъ сотни случаевъ бываетъ одинъ, гдѣ кругомъ нея образуется нѣчто въ родѣ пленки; она сама медленно опускается, и человекъ выздоравливаетъ. На мой взглядъ для этого потребовалось бы нѣчто въ родѣ чуда, а я чудесамъ плохо вѣрю. — Богъ можетъ, на все Его святая воля. убѣжденно отвѣтила я, и слабая надежда прокрадлась мнѣ въ душу.

„Обошла я своихъ раненыхъ, а сердце такъ и тянетъ къ незнакомцу; пріютилась я у его койки, да такъ всю ночь и провела. Жаромъ такъ и лышетъ отъ него, и безпрестанная жажда томить. Метнуться хочеть, а малѣйшее движеніе растремлетъ раны. Не знала что придумать чтобъ облегчить его страданіе. Не до сна тутъ когда въ глазахъ борьба молодости со смертью происходитъ. Въ бреду-то онъ все кого-то призываетъ. Прислушалась я и разобрала что Наташу все зоветъ. А ей-то каково? думается мнѣ; не вѣдаетъ, сердечная, какое горе надъ нами страслось! Ужь не она ли образкомъ его благословила? Дайка помолюсь я ему, да сохранить онъ ему, Всемогущій, уже приговоренную жизнь!

„Достала я цѣлочку, смотрю—оба медальйона въ крови. Пришла я ихъ платьемъ обтирать, сперва тотъ что съ молитвой, про которой докторъ говорилъ, потомъ и второму очередь пришла. Массивный и совсѣмъ глухой. Невзначай должно-быть придавила я секретную пружинку... Онъ открылся, и я такъ и обмерла. Предо мной дорогое, знакомое, не измѣнившееся лицо! И вдругъ стало мнѣ такъ больно и грустно. Каюсь чистосердечно вамъ, безцѣнная Наталья Николаевна, недобрый помыслъ пришелъ мнѣ на умъ. Столько разказываютъ про петербургскіе нравы! Неужели и она? А жаль мнѣ его еще лучше прежняго стало! На утро пришелъ докторъ, какъ завидѣлъ меня:—А что вашъ протеже, ужели живъ? — Такъ и такъ, рапортую ему... Сталь онъ прислушиваться да постукивать, да и порѣшилъ на томъ что

сильнѣйшее воспламеніе легкихъ съ нимъ сдѣалось. — Присматривайте за нимъ, сестра Марія, скажите онъ уходитъ; если силъ хватить вынести больного на площадку, чѣмъ чортъ не шутить, пожалуй и оживетъ.

„Все свободное время отъ своихъ занятій проводила я около больного; не до счета дней было намъ тогда, но знаю только что долго смертная тѣнь склонялась надъ нимъ. Точно свѣтлый праздникъ сталъ у меня на душѣ, когда докторъ объявилъ что онъ въ моихъ глазахъ сталъ несомнѣннымъ дуракомъ, потому, что нашъ больной находится вне опасности и вскорѣ можно будетъ приступить къ перемѣщенію его въ болѣе удобный госпиталь. Тѣмъ временемъ Георгіевскій крестъ къ намъ подослѣлъ.

„Принялъ онъ его, руки дрожать отъ волненія, и невольно вырвалось:— Она узнаетъ! я не совсѣмъ ея недостойна! И такъ это отъ сердца, такъ горячо что слезы у меня къ горлу подступили. Не вытерпѣла я, нагнулась къ нему да тихо такъ и спрашиваю:— А что, Юрій Александровичъ, не написать ли мнѣ ей?— Ей? что вы хотите сказать? о комъ вы говорите? да такъ даже испуганно воспрянулъ съ подушки. — Кому же какъ не нашей графинюшкѣ?— Должно-быть въ бреду проговорилась, молвилъ онъ, и лицо его совсѣмъ мрачное стало. Тутъ я рассказала ему все, присовокупляя какъ давно и откуда я, скромная сестра милосердія, могла знать знатную графиню. Во время своей долгой болѣзни Юрій Александровичъ привыкъ къ моему уходу, и не безъ гордости скажу, привязался ко мнѣ, но съ этой минуты новая, крѣпкая связь словно сроднилась насъ. Онъ безъ устали разспрашивалъ о мельчайшихъ подробностяхъ вашей прошлой жизни, и я жадно прислушивалась къ его повѣствованіямъ о васъ. Его пламенному, чистѣйшему восторгу нѣтъ конца. Вы страдаете, Наталья Николаевна, но у васъ есть утѣшеніе которому многіе страстно позавидовать могутъ. Вы такъ свято любимы какъ ни одна женщина въ мірѣ!

„Юрія Александровича скоро увезутъ отсюда. Ему неммыслимо оставаться на войнѣ. Чтобы полученная рана не отозвалась крайне вредно на его здоровьѣ, доктора непремѣнно требуютъ чтобъ онъ провелъ наступающую зиму въ теплыхъ краяхъ. Онъ и слышать не хочетъ; вы одни способны уговорить его.

„Я утомила васъ своимъ чрезмерно длиннымъ посланіемъ, пора кончить. Писала долго, урывками. Времени мало, а еще больше труда впереди.

„Въ молодости, за чайнымъ столомъ покойной графини, я молча слушала наставленія о свѣтскихъ приличіяхъ. Съ тѣхъ поръ я много позабыла, и можетъ-статься мое письмо жестоко оскорбляетъ ихъ. Это безыскусное повѣствованіе не подходитъ къ ихъ узкой рамкѣ, я это чувствую, но знаю что сердце ваше не осудитъ меня и проститъ, дорогая Наталья Николаевна, что я пыталась описать вамъ общее горе, подѣлиться общою радостью.

„Съ чувствомъ неизмѣнной признательности и глубокаго уваженія остаюсь

„До гроба преданная вамъ
„Марія Крутикова.“

Внизу дрожащимъ почеркомъ и карандашомъ была краткая приписка:

„Думалъ все кончено: васъ болѣе не увижу. Доктора сами не понимаютъ какимъ чудомъ я живъ остался. Я чувствую что вы тамъ молились обо мнѣ, здѣсь другая святая женщина неотступно ходила за мной. Вамъ двумъ я обязанъ спасеніемъ. Какъ только соберусь съ силами, дотащусь до Петербурга. Дождусь ли я наконецъ блаженнаго часа свиданія? Несчетными поцѣлуями осылаю ваши ручки.

„Ю. Р.“

Когда чтеніе письма приблизилось къ концу, тихія слезы заструились по лицу Натальи Николаевны и неслышно капали на развернутые листы.

Смутное, противорѣчивое чувство навѣвало оно на нее. Она терзалась, представляя себѣ страданія любимаго чловека, и радовалась что грозный призракъ смерти отъ него отошелъ. Задушевные, теплые слова скромной, безответной Машеньки, услѣвшей преобразиться въ энергическую, дѣятельную сестру Марію, трогали ее до глубины сердца.

Чѣмъ пламеннѣе и ярче свѣтилось ей безавѣтное чувство Радищева, тѣмъ мрачнѣе и неумолимѣе рисовалась въ близкомъ будущемъ вѣчная разлука, ею свободно избранная.

Судорожно замерли пальцы на прочитанномъ письмѣ, и она безпомощно олустила руки на колѣни.

— Наташа, дитя мое, тихо сказала Надежда Александровна тревожно слѣдившая за ея выраженіемъ,—я была права, это несчастное письмо еще болѣе разстроило тебя. Ты знаешь, я не изъ любопытства спрашиваю, отъ кого оно?

— Отъ Машеньки Крутиковой, помнишь бѣдную воспитанницу, въ послѣдствіи загнанную компаніонку тетушки Варминой?

— Отъ нея? изумилась Загринская,—какимъ образомъ это робкое созданіе могло туда попасть? Вѣдь она извѣщаетъ тебя о... немъ?

— Да, отвѣтила Наталья Николаевна прямо и гордо глядя въ глаза матери.—Прочти это письмо, мнѣ скрывать нечего.

Надежда Александровна въ свою очередь погрузилась въ чтеніе, а графиня сидѣла неподвижно, съ безнадежнымъ равнодушіемъ на лицѣ.

Когда Загринская кончила, возвращая письмо дочери, она промолвила:

— Благодарю Бога что ошиблась; кромѣ отраднхъ извѣстій, оно ничего не заключаетъ. Какое золотое, преданное сердце у этой Машеньки! Года не измѣнили ея.

Графиня упорно молчала.

Надежда Александровна терялась въ догадкахъ: она полагала что письмо отзовется на настроеніи ея духа къ лучшему, выходило наоборотъ. Послѣ продолжительной паузы, она отважилась спросить:

— Ты дочитала до конца? Онъ скоро будетъ. Ты чувствуешь что недостаточно оправилась, тебя страшитъ скорое свиданіе?

— Не напоминай мнѣ, не мучь меня, ради самого Бога! Я знаю что тяжелый крестъ мнѣ предстоитъ скоро.—Да, я изнемогаю предъ нимъ!

Графиня закрыла лицо руками и залилась неудержимыми слезами.

Надежда Александровна привлекла ее къ себѣ. Подстрѣленною птичкой прижалась она къ надежной, неизмѣнной материнской груди. Ей вспомнилось то далекое прошлое гдѣ она такъ довѣрчиво повѣрила ей свое порывистое, дѣтское горе, и чѣмъ-то давно забытымъ, блаженно умиротворяющимъ повѣяло на нее.

Черезъ нѣсколько минутъ она настолько оправилась что выговорила тихимъ, наружно спокойнымъ тономъ:

— Не даромъ ты всю жизнь посвятила долгу, пожертвовала дѣтямъ. Никто лучше тебя не поддержитъ примѣромъ, не одобритъ словомъ. Пойдемъ ко мнѣ. Ты отъ постороннихъ узнала мою тайну. Ее быть-можетъ исказили, и ты могла усомниться во мнѣ. Я несчастна, я страдаю, но знай что за твою Наташу тебѣ нечего краснѣть. Теперь настало время, приди и выслушай всю мою исповѣдь.

Выстрыми шагами она увлекла Надежду Александровну за собою, и заперевъ дверь, приступила къ искреннему, живому разказу своей любви къ Радищеву. Задыхаясь отъ волненія, она прервала его на обѣтъ должествовавшей искушительной жертвой сласти его дна.

— Теперь ты знаешь все, заключила она,—суди меня.

Надежда Александровна крѣпко обняла ее.

— Страдальческая испытываемая душа, вырвалось у нея,—да подкрѣпить тебя Господь!

XIII. Жертва принесена.

Ранняя дождливая осень, заволакивая горизонтъ сплошными свинцовыми тучами, преждевременно обнажала деревья, погнала дачниковъ въ городъ. Графъ торопился переѣздомъ, и какъ только дозволили возстановляющіяся силы Наталья Николаевна, они вернулись въ городъ.

Тулая безнадежность смѣнила мало-по-малу гнетущую боль и безумные порывы первыхъ дней.

Она не раскаивалась въ своемъ экзальтированномъ, можетъ-быть необдуманномъ порывѣ. Мысль что Богъ спасъ его жизнь, видалъ ея пламенной молитвѣ и принявъ ея нестримую жертву, что она доказала не словами, а дѣломъ что оны дороже ей собственнаго счастья и покоя, способна была пролить цѣлительный слезъ въ измученное сердце, но ее страшала отвѣтственность предъ нимъ. Она знала что оны скажетъ ей: На что мнѣ жизнь безъ твоей любви, и кто тебѣ далъ право предѣлшать за меня?

Обуреваемая сомнѣнїемъ, томась близостью тяжелаго свиданія, предвкушая муку послѣдняго проща, графиня страдала и ждала.

Октябрь былъ въ половинѣ. Мелкій, но частый дождь, не перестававшій съ самаго утра, усердно барабанилъ въ широкія

зеркальныя стекла, злоѣще пронеслся порывистый морской вѣтеръ, и прислушиваясь въ его однообразному гулу безотрадная тоска еще безжалостнѣе щемила сердце Наташи Николаевны.

Мать не задолго предъ тѣмъ, въ виду состоявшагося выздоровленія, рѣшилась предпринять необходимую поѣздку въ деревню, гдѣ внезапно покинутыя дѣла настойчиво требовали хозяйскаго глаза. Мужъ, пообѣдавъ дома, по усвоенной привычкѣ отправился понавѣдаться въ клубъ. Дѣти только-что отошли ко сну, а графинѣ предстояло корѣтаться въ одиночествѣ однообразный и нескончаемо долгій осенній вечеръ. Внезапно до ея слуха донесся звонокъ на парадной лѣстницѣ. „Хорошо что я распорядилась никого не принимать, промелькнуло у ней въ умѣ, не до пустой болтовни мнѣ теперъ!“ Но слышались приближающіеся шаги, и на порогѣ появилась лакей почтительно докладывая:

— Ваше сіятельство приказали никого не принимать, и такъ и сказалъ неизвѣстной сестрѣ милосердія, но она такъ настоятельно требуетъ быть допущенной къ вамъ по неотложному дѣлу что я осмѣлилась безлокоить ваше....

— Сестра милосердія? прервала графиня, и сердце тревожно забилось;—что же ты стоишь? Проси, проси скорѣй.

Лакей вышелъ, и чрезъ минуту Марья Васильевна, измученная, загорѣлая, во сѣ тѣмъ же безпредѣльно добрымъ и кроткимъ взоромъ, уже входила въ роскошный будуаръ графини.

— Машенька, ужели вы? радостнымъ крикомъ вырвалось у нея, и она стремительно кинулась въ ея объятія. Слезы навертывались у нея на глазахъ; омѣ душила ее, и она съ величайшимъ трудомъ произнесла односложные вопросы, подавляя бушевающее ея волненіе.

Усадивъ желанную гостью около себя, она стала жадно прислушиваться къ ея краткому повѣствованію.

Марья Васильевна, утомленная трудами, согласилась въ видѣ отдыха сопровождать санитарный поѣздъ съ равными до самаго Петербурга.

— Признаться откровенно, улыбнулась она,—просьбы самого Юрія Александровича подѣйствовали на меня болѣе чѣмъ всѣ увѣщанія начальства. Такъ хотѣлось мнѣ доставить его сюда въ цѣлости.

— Онъ совсѣмъ оправился? замирая спросила Наталья Николаевна.

— Не чаяли мы всѣ что смѣръ лощадить его. Видно угодно было Богу услышать наши грѣшныя молитвы. Докторъ самъ дивился.

— Но теперь? настаивала она.

— Довезли благополучно, хотя страшно измаялся онъ, бѣдняжка, и кашель-то такой частый, сухой, все донимаетъ. Всѣ ему совѣтовали какъ-нибудь пробраться до Вѣны, а оттуда прямо въ Италію. А онъ только раздражается. Всегда жилъ въ Петербургѣ, говорить, и былъ здоровъ. Значитъ мнѣ къ климату не привыкать, а съ Божьею помощію тутъ окончательно поправлюсь.

— Когда вы пріѣхали? со внезапно охватившею рѣшимостью спросила графиня.

— Сегодня въ часъ. Встрѣча-то какая намъ восторженная была, затеребили совсѣмъ. Надо было всѣхъ на руки сдать, размястить, вотъ только теперь и урвалась къ вамъ.

— Юрій Александровичъ гдѣ? у себя дома?

— Еще бы! Сама его и отвезла, распорядилась всѣмъ, все приковривала къ его привычкамъ.

— Послушайте, Машенька, Радищевъ вамъ многимъ обязанъ, не слѣдуетъ вамъ бросать недоконченное дѣло. Умоляю васъ, ради Бога, въ память той привязанности которую вы питали ко всей моей семьѣ, проводите вы его въ Ниццу, въ Ментону, или хоть до Парижа, гдѣ проживаетъ его мать. Съ какою радостью я замѣнила бы васъ, исполнила бы эту обязанность! Еслибы вы могли только знать съ какою затаенною завистью я смотрю на вашъ скромный, святой уборъ, съ какимъ восторгомъ я промѣняла бы все это богатство на право носить красный крестъ на груди.

— Да, и черезъ золото слезы льются, всякому на роду свой удѣлъ написанъ, тихо проговорила она,—а что до Юрія Александровича касается, то я съ величайшею радостью проводила бы его, да какъ начальство-то на это посмотритъ? Время ужъ больно горячее для насъ.

— Это я берусь уладить.

— Оно пожалуй и можно, но какъ его-то урезонить?

— Вы согласны, Машенька? я смѣло могу на васъ рассчитывать? Такъ ѣдьте же скорѣй.

— Куда? удивленно спросила сестра Марія.

— Къ нему, съ непоколебимою твердостью отвѣтила она.

— Въ эту позданю пору?

— Вы сами только-то заявили что каждый часъ дорогъ.

— Въ этой теплой, уютной комнатѣ вы и представить себѣ не можете какая вьюга на дворѣ.

— Васъ же она не удержала, да еще послѣ долгаго утомительнаго путешествія.

— Ахъ, Наталья Николаевна, мнѣ ни къ усталости, ни къ простудѣ не привыкать.

— А я и вниманія на нихъ не обращаю.

— Наконецъ, дорогая графиня, я страшусь за васъ... Что подумаетъ графъ, если узнаетъ...

— Я и скрывать не буду. Единственный судья котораго я признаю, совѣсть, одобряетъ мое рѣшеніе. Менѣ чѣмъ въ пять минутъ я буду готова, и мы поѣдемъ вмѣстѣ. Медлить невозможно.

Не прошло и получаса какъ продрогнувшій ночной извозчикъ высаживалъ двухъ женщинъ у новаго, изящно-отстроеннаго дома на Дитейной.

Робко дрогнулъ звонокъ у входной двори въ первомъ этажѣ. Послышались грузные шаги, и загорѣлый деньщикъ, не успѣвшій еще переменить потертаго лаття, сердито отворилъ ее. Но при видѣ Марьи Васильевны улыбка засвѣтилась на его добродушномъ лицѣ:

— Вотъ ужъ кстати-то пожаловали, сестрица. Надумьте что сдѣлать... Товарищи у насъ сидѣли, утомили барина. Вышелъ я ихъ проводить, а онъ уснулъ тѣмъ временемъ, какъ былъ, одѣвшись, на диванѣ; не знаю, будить ли его чтрѣ уложить въ постель.

— А вотъ погодя, дай я сама посмотрю, отвѣчала Марья Васильевна, помогая графинѣ раздѣться.

Неспящему постукию прокрались онѣ сквозь подутемную гостиную, а на порогѣ обширнаго кабинета Наталья Николаевна мезольно остановилась и безсознательно прижала сердце рукой. Оно билось такъ сильно что ей казалось что учащенныя біенія должны были прервать глубокую, таинственную тишину.

Висячій узорчатый фонарь проливалъ скудный свѣтъ на средину комнаты, въ углубленіи догоралъ огонь въ черномъ мраморномъ каминѣ, и минутными вспышками озарялъ фантастическимъ, красноватымъ блескомъ отдаленный уголъ съ

волшебною силой приковывавшей все вниманіе молодой женщины.

На низкомъ, широкомъ диванѣ, убранномъ дорогими коврами, неподвижно лежалъ Радищевъ.

Графиня подошла. Онъ сдѣлалъ легкое движеніе, медленно приподнявъ отяжелѣвшія вѣки, блуждающій мутный взоръ остановился на вѣщо-склопенномъ силуэтѣ.

Недоумѣніе длилось съ секунду; онъ мгновенно просіялъ, и съ радостнымъ крикомъ: „Наташа“, приподнялся и несчетными поцѣлуями покрывая объ руки колѣнопреклоненной графини старался поднять ее.

Но силы измѣнили ему. Внезапная радость и нецѣлѣбное волненіе стѣснили грудь и разразились неудержимымъ приливомъ сухаго кашля. Зловѣщая краска выступила на щекахъ, и на багистовомъ платкѣ, судорожно прижатомъ къ губамъ, графиня въ ужасѣ замѣтила алая пятна.

Припадокъ былъ непродолжителенъ. Сестра Марія подоспѣла на помощь растерявшейся Натальи Николаевны, заставила его хлебнуть нѣсколько глотковъ и усадила въ удобное, мягкое кресло.

— Не нахожу словъ чтобы благодарить васъ, началъ онъ глубоко растроганнымъ голосомъ, но она не дала ему продолжать, и приложивъ палецъ въ видѣ запрета къ его воспаленнымъ губамъ, перебила:

— Юрій Александровичъ, я здѣсь у васъ въ эту позднюю пору не для того чтобы напрасно утомлять васъ. Мое неожиданное появленіе обратилось вамъ во вредъ, и вы не захотите, я въ томъ увѣрена, заставить меня раскаяться въ моемъ поступкѣ. Мнѣ слѣдуетъ извиниться, мало того, урезонить васъ; вы поступили безразсудно. Зачѣмъ вы здѣсь?

— И вы это можете спрашивать? съ грустнымъ удивленіемъ произнесъ онъ.

Густая краска разлилась на подвижномъ лицѣ графини; на минуту она смутилась.

— Докторъ предостерегалъ васъ: что этотъ климатъ убійственъ для ослабѣвшей полученной рамы?

— Ахъ, Наталья Николаевна, оставьте вы мое здоровье! Прежде смерти никто не умиралъ, а кто ее видѣлъ такъ близко какъ я, того, повѣрьте, она болѣе не устрашитъ. Сестра Марія писала вамъ что я выздоровѣлъ на зло наукѣ и всему свиклиту докторовъ. Еслибы въ нашъ скептическій

вѣкъ можно было вѣрить чудесамъ, а первый сказалъ бы что оно сотворилось надо мной.

— Говоря такъ, вы не ошиблись бы, Радищевъ, и въ глубокомъ взорѣ молодой женщины мгновенно что-то сверкнуло, тутъ же подавленное гнетущею грустью.—Оно мнѣ слыхкомъ дорого стоить.

— Вамъ, моя дорогая? изумленно спросилъ онъ, тревожно схватывая ея безжизненную руку.

— Выслушайте меня, а главное, поймите меня!

Тяжелая борьба происходила въ ея истерзанной душѣ; она оласалась что ея неожиданное рѣшеніе жестокимъ ударомъ отзовется на неокрѣпшихъ силахъ любимаго человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей казалось что другаго исхода быть не могло, что своею жертвой она предотвратитъ призракъ смерти, все еще носившейся надъ нимъ. Въ сжатыхъ, полныхъ чувства словахъ она рассказала ему про нравственную пытку, доведшую ее до роковаго обѣта.

Радищевъ чувствовалъ что ея любовь впервые такъ открыто и твердо высказывалась что никогда они такъ близко не были другъ къ другу, но что добровольно положенная преграда съ каждымъ мигомъ расла и упрочивалась между ними. Всѣ доводы разсудка должны были разбиться о ея непоколебимую вѣру, всѣ мольбы лишь стать для нея напраснымъ терзаніемъ.

— Рѣшеніе безповоротно; если вы не уйдете, меня здѣсь не будетъ. Меня ничто не въ состояніи удержать. Вы видите, я здѣсь чуть не ночью. Я не устрашилась олозорить себя.. Но сегодня мы видимся въ послѣдній разъ.

— За что вы такъ жестоко мучаете и себя и меня? вырвалось изъ его груди.

Графиня олустилась предъ нимъ на колѣни такъ быстро что онъ не успѣлъ удержать ее, и сжимая руки, глядя ему въ упоръ, съ невыразимой мольбой тихо прошептала:

— И вы не пожалѣете меня?

У него силъ не хватало сопротивляться долѣе; слезы медленно и непоборимо тѣснились сквозь рѣсницы, и устало махнувъ рукой, онъ едва могъ выговорить:

— Дѣлайте со мной что хотите.

— Вѣчное спасибо вамъ на этомъ словѣ. Я знаю и чувствую во что вамъ обошлась моя побѣда, грустно сказала она.—Вамъ отдыхъ необходимъ. Сестра Марія давно ужъ знаками гонитъ меня. Пора мнѣ уйти; прощайте!

На послѣднемъ словѣ голосъ оборвался, энергія измѣнилась ей.

— Неужели теперь, сейчасъ, надолго? испуганно спросилъ онъ.

— На вѣкъ, беззвучно отвѣтила она.

Смертельная блѣдность разлилась по его исхудалому лицу. Одни глаза свѣтились мрачнымъ огнемъ. Его страстное дыханіе обдало ее пламенною струей, и дрожащимъ полупшепотомъ онъ проговорилъ:

— Вспомни то, первое прощаніе! хоть надежда была впереди! Вспомни тотъ неожиданный поцѣлуй! Онъ долго, долго жегъ меня. Теперь все кончено, ты говоришь; возьми же его обратно.

Наталья Николаевна невольно опустила голову, и его сухія губы встрѣтили только зардѣвшійся лобъ... Онъ жадно прильнулъ къ нему.

Мысли ея мѣшались... Безумный страхъ и необъятное блаженство завладѣли ею разомъ.

„Вотъ теперь бы умереть!“ мелькнуло у нея въ умѣ. Она рванулась, и быстро вышла изъ комнаты.

XIV. Но не принята.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Радищева, довольно многолюдное общество весело спрыскивало въ одномъ изъ аристократическихъ клубовъ столицы только-что подписанный Санъ-Стефанскій договоръ.

Настроеніе умовъ было ликующаго свойства.

Послѣ тягостныхъ дней Плевненскаго сидѣнія, уже канувшихъ въ вѣчность въ образѣ кроваваго кошмара, дышалось привольно. Утраченный авторитетъ снова завоеванъ въ глазахъ изумленной Европы.

Съ каждою минутой бесѣды становились все оживленнѣе; составлялись кружки, толковали, спорили, не давая другъ другу высказаться, горячились не въ мѣру. Одинъ графъ Смѣльскій не поддавался общему веселому настроенію. Сумрачно бродилъ онъ по ярко освѣщеннымъ комнатамъ, изрѣдка сквозь зубы пропѣвая ѣдкое или насмѣшливое замѣчаніе.

Впервые оказался недочетъ въ его самолюбивыхъ замыслахъ. Выдающійся лоскъ, котораго онъ терпѣливо и долго

дождался и на который имѣлъ, какъ ему по крайней мѣрѣ казалось, несомнѣнные права, только-что былъ предложенъ (ему это передали изъ достовѣрнаго источника) генералу гораздо моложе его, но услѣвшему заявить себя съ выгодной стороны, благодаря послѣднимъ событіямъ. Постоянный баловень судьбы, онъ не въ силахъ былъ перенести неожиданнаго удара, недоувѣрчиво оглаживалъ прежнихъ друзей и товарищей, стараясь выискать коварнаго врага, такъ искусно подкравшагося подъ его взлелѣванный нравъ.

— Присяжь къ намъ, Смѣльскій, позвалъ его слегка уже повеселѣвшій Барминъ,—полно бродить какъ тѣнь командора. Потолкуемъ, выпьемъ вмѣстѣ по случаю радостнаго событія.

— Чему тутъ радоваться? брюзгливо возразилъ онъ.

— Помилуй, братецъ, миръ подписанъ, да еще какой!

— Подписать—одно, исполнить—другое. Посмотримъ еще что дадѣще будетъ.

— И съ чего это ты сегодня лѣтушишься? Общее ликование, радость, а онъ детовируетъ!

— Не виноватъ я что ваша близорукость граничитъ чуть не со слѣпотой.

— Qui vivra vege, а теперь поговоримъ о завтрашнемъ событіи.

— О какомъ? ничего не слыхалъ, съ налускнымъ равнодушіемъ отвѣтилъ Смѣльскій.

— Полно притворяться-то со мной, государственный мужъ; назначеніе Главина уже вышло изъ области канцелярскихъ тайнъ. Каково метнулъ! Молодецъ!

— Высочка! прощадилъ Смѣльскій презрительно.

— А все-таки насъ съ тобой за флагомъ оставилъ.

— Пусть опережаетъ сколько угодно, я никогда ни на что не мѣтилъ.

— Ужь будто бы? лукаво прищурясь осѣдомился Барминъ.

Смѣльскій вслыхнулъ.

— Я жажду только одного—отдыха. Довольно потрудился, пора и для себя пожить.

— Помилуй, да ты съ ранней молодости только это и дѣлаешь! Меня-то, батенька, официальными фразами не проведешь.

— Барминъ, ты сегодня несноснѣе обыкновеннаго. Съ тобой просто говорить нельзя.

— Полно, полно, не сердись, ну къ чорту ее, политику со всеми дипломатическими соображеніями! Потолкуемъ и о другомъ. Что Наталья Николаевна? За послѣднее время ея видѣ не видно.

— Здорова.

— Зачѣмъ же ты держишь ее за сорока замками, точно сказочную царевну, ужь не ревность ли подъ старость разобрала?

— Я держу ее въ заперти! Этого только не доставало. Попытайся хоть ты убѣдить ее на самую пустую вечеринку появиться, узнаешь тогда что значитъ бабье упрямство.

— Неужели безвызвано дома сидитъ, удивился Барминъ, — вѣдь это со скуки умереть можно.

— Да еще хуже и на другихъ нагнать. Упаси Господи отъ экзальтированныхъ женщинъ. *C'est à dégoûter de la vertu.*

— А что, старина, въ молодости-то лучше было? дружески потрепалъ его Барминъ по плечу: — помнишь черموокую Машу?

— Какъ не помнить? Да, то было хорошее времячко. Не женщина, а огонь, и ты изъ первыхъ носъ повѣсилъ когда мнѣ удалось ее изъ табора увезти, А Величскій? Горы золота сулилъ, жениться готовъ былъ! Да, умѣли мы бывало за себя постоять, — и самодовольная улыбка осветила утробное лицо Смѣльскаго. — Человѣкъ, шампанскаго! Что толку что доктора твердятъ что это мнѣ сущій ядъ; учевые шарлатаны, гдѣ имъ нашу гусарскую науку понять! Выпьемъ, Барминъ, за прежнихъ неслѣсивыхъ красавицъ, выпьемъ за нашу молодость!

Тема оказалась неизсякаема. Гости быстро смѣнялись; было уже далеко за полночь когда надомный бокалъ врезално выпалъ изъ онемѣвшей руки Сергія Михайловича и въ дребезги разбился о полъ.

Барминъ взглянулъ на него и полуградно вскричалъ.

Съ налитыми кровью, бессмысленными глазами, съ искаженными чертами и злобно открытымъ ртомъ, свѣсился на спинку кресла еще за минуту предъ тѣмъ, долныи жизни Смѣльскій.

— Ударъ, *apoplexie foudroyante*, кровь бросить, доктора, скорѣе доктора! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ растерянно засуетились около больного, напрасно сцѣлясь привести его въ чувство.

Прошло мучительное полчаса пока оторопѣвшій послѣдній наконецъ вернулся съ медикомъ.

Одного взгляда было достаточно чтобъ убѣдиться что всѣ старанія науки останутся тщетными.

Медикъ помогъ только бережно уложить Смѣльскаго въ карету и вмѣстѣ съ Барминымъ отвезъ его домой.

На слѣдующее утро въ парадной залѣ дома Смѣльскихъ лежалъ уже бездыханный трупъ графа Сергѣя Михайловича.

Э П И Л О Г Ъ.

Это было въ Венеціи, осенью 1879 года.

Высоко на темномъ небосклонѣ свѣтилась луна, дробя свои серебристые лучи въ тихой зыби уже опустѣвшихъ каналовъ. Мириады звѣздъ трелетно дрожали, придавая голубую прозрачность чудной южной ночи. Безмятежный покой охватилъ всю природу. Далекимъ эхомъ доносилась лѣсъ залоздалаго гондольера.

Опершись о мраморныя перила высокаго балкона, украшающаго старинный дворецъ, въ нашъ меркантильный вѣкъ преобразованный въ одинъ изъ самыхъ роскошныхъ отелей столицы дождей, стоялъ молодой человекъ, въ безмолвномъ созерцаніи наслаждаясь неподражаемою поэзіей слабо набросанной нами картины.

Какъ въ волшебномъ лестромъ калейдоскопѣ воскресали въ немъ и быстро проносились воспоминанія пережитыхъ событий. Одинокое юношество, бурная молодость, чудная зоря сильной, искренней любви, сомнѣніе, ревность, горькое сознаніе жажды невозможнаго, проблескъ краткаго, улоительнаго очастія, затѣмъ разлука, кровавыя битвы, смерть стерегущая жертву, свиданіе полное радостныхъ надеждъ, замѣненныхъ мрачнымъ отчаяніемъ; скучные, однообразные дни въ Ниццѣ, лодное одиночество, прерываемое рѣдкими посѣщеніями матери, принужденными ласками и свѣтскою болтовней доводившемъ его до крайнихъ предѣловъ раздражительности; озабоченное выраженіе добряка врача, зорко слѣдившаго за медленнымъ развитіемъ грозной болѣзни, и наконецъ тотъ незабвенный часъ когда предъ нимъ блѣдная, усталая, но съ блаженною улыбкой предстала сестра Марія и, протягивая обѣ руки, просто и увѣренно сказала:

— Жить надо, Юрій Александровичъ. Богъ положилъ конецъ испытанію; она свободна.

Нѣтъ, отъ счастья не умирають. Оно слобобно воскресить.

Новая, живительная, почти сверхъестественная сила, овладѣла подточенными, но все еще крѣпкимъ организмомъ, и съ каждымъ днемъ силы возстановяались. „Resurrection miraculeuse“, твердилъ повсюду обрадованный эскулапъ и не упускалъ случая выхвалять благодатный климатъ и его послѣдствія.

Наконецъ вотъ и послѣдняя, недавняя картина. Вѣтхій храмъ далекой Слободки, обновленный стараніями графини Смѣльской. Пышный закатъ іюльскаго дня пурпуровымъ блескомъ озаряющій темный деревенскій храмъ. Старичокъ-священникъ, знавшій Паташу еще ребенкомъ, своимъ добрымъ совѣтомъ разсѣявшій послѣднія сомнѣнія прелатствовавшія ихъ союзу, съ кроткою улыбкой ждалъ ее у аналоя. Она вошла въ простомъ бѣломъ платьѣ, съ живою розой въ темныхъ волосахъ, и Юрію Александровичу отъ избытка счастья казалось что все что вокругъ него совершается видѣніе.... По окончаніи обряда онъ нагнулся, и уста его коснулись ея счастливо-взволнованнаго лица.

— И вотъ у пристани! съ радостнымъ вздохомъ, самъ того не замѣчая, громко заключилъ онъ свои мечтанія.

— Юрій, неужели ты все еще на балконѣ? Какая неосторожность! раздался за нимъ тревожный голосъ, и въ дверяхъ появилась стройная фигура Натальи Николаевны.

— Сдай излишнія оласенія въ архивъ, моя радость, теперь я давно изъ инвалидовъ выписался, и ступай лучше сама сюда, ко мнѣ, полюбуйся очаровательнымъ зрѣлищемъ. Какъ хорошо здѣсь дышется!

Она приблизилась къ нему, а онъ нѣжно обвилъ ея станъ.

— Да, Юрій, ты правъ, задумчиво сказала она,—бываютъ минуты гдѣ душа изнемогаетъ подъ бременемъ непривычнаго счастья. Оно своею полнотою смущаетъ ее. Мнѣ все кажется что я недостойна своей участи, что я вѣроломно преступила свое обѣщаніе...

— Опять за старое, съ ласковымъ укоромъ прервалъ онъ ее:—ты не можешь же допустить что лучше было бы бросить меня на произволь быстро развившейся чахотки. Я безъ тебя не прожилъ бы, это вѣрно.

Наталья Николаевна не возражала. Она скрестила обѣ руки на плечъ мужа и, склонивъ на нихъ голову, съ выраженіемъ исполненнымъ любви вглядывалась въ дорогія черты.

На соседнемъ балконѣ отворилась дверь и появилась желтоватая фигура, облеченная въ дорожный костюмъ самаго безукоризненнаго англійскаго покроя.

Появившійся разсѣянно поглядѣлъ по сторонамъ, но лишь только взгляды его упали на лицо Натальи Николаевны, облитою голубымъ серебристымъ свѣтомъ луны, онъ неподвижно замеръ на мѣстѣ.

Жгучее чувство зависти боролось въ немъ съ безплоднымъ сожалѣніемъ. Скоро раздался кисло-сладкій голосъ позади его, резко слѣдившій за его поглощеннымъ вниманіемъ.

— *Bonté divine, Nic, vous allez nous faire manquer le train de nuit. Un joli minois suffit à vous faire perdre toute notion du temps.*

— *Romeo et Juliette!* съ глубокимъ вздохомъ въ отвѣтъ собственнымъ мыслямъ промолвила Аспаровъ.

— *C'est tout-à-fait scandaleux de s'exposer ainsi,* желчно отрѣзала высокоприветвенная дурнушка.—*Quitte importer! Please, Nic, come, и,* громко хлопнувъ дверью, она увлекла послушнаго супруга.

Последнее замѣчаніе долетѣло до Натальи Николаевны, она словно провинившись метнулась въ сторону.

Сильная рука мужа удержала ее.

— Чего же ты испугалась, Наташа? Пускай болтаютъ всякій вздоръ. Мало ли людей на свѣтѣ намъ завидовать stanno! Что же, по-твоему, стѣсняться ими? А мнѣ всему міру хотѣлось бы показать наше заслуженное, отвованное счастье!

ПЕТРЪ ДОРОШЕНКО.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ*

БЕСѢДЫ О РЕВОЛЮЦИИ

НАБРОСКИ И ОЧЕРКИ ВЪ РАЗГОВОРАХЪ ДВУХЪ ПРІЯТЕЛЕЙ

РАЗГОВОРЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Авторъ. И друзья и враги политическаго крушенія Франціи въ исходѣ прошлаго вѣка одинаково свидѣтельствуютъ что вопросъ быть или не быть революціи былъ утвердительно рѣшенъ чрезъ собраніе нотаблей. Есть книга, *Апология Французской революціи въ отвѣтъ на нападки Борка*, писанная Макинтошемъ и изданная въ 1791 году на англійскомъ языкѣ. У меня подъ руками ея французскій переводъ съ третьяго изданія вышедшаго въ Парижѣ въ 1792 году (*Apologie de la révolution française par Jacques Mackintosh, Paris, 1792*). Авторъ, разбирая событія съ точки зрѣнія приверженцевъ революціи, говоритъ (стр. 21): „Собраніе нотаблей не замедлило дать достопамятное свидѣтельство оласности для деспотизма всякаго рода общественныхъ соборовъ, хотя бы закономерно и не облеченныхъ правами (*danger que font courir au despotisme toutes les assemblées publiques, quand même elles ne seraient revêtues de pouvoirs légaux*).. Нотаблѣи уничто-

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 3 и 6, 1881 г.

жили своего создателя (Калона). Поверхностные наблюдатели не усматривали въ этомъ паденіи чего-либо важнаго. Провидательные умы видѣли что все уже было сдѣлано (que tout était fait).“

Когда [въ странѣ распространено, отъ тѣхъ или другихъ причинъ, недовольство существующимъ порядкомъ, а власть въ то же время слаба, то для правительства нѣтъ ничего опаснѣе представительныхъ собраній и ничего нѣтъ выгоднѣе для революціи. Недовольство и такъ ходитъ по землѣ. Требуется ли собрать его во едино, дать ему кровь, одѣть, накормить его?

Пріятель. Твои слова напомнили мнѣ выраженіе Шагобріана (*Mém. d'outre-tombe* II, 3): „Милліе умираетъ отъ безсилія или безумства если не помѣстится въ собраніи которое дѣлаетъ его силой, снабжаетъ его волей, даетъ ему языкъ и руки. Революціи всегда происходили и будутъ происходить чрезъ собранія законныя или незаконныя“ *.

Авторъ. Въ подобныя эпохи, и это для насъ поучительно, всякая общественная сила, всякое корпоративное учрежденіе имѣетъ стремленіе стать въ оппозицію, иногда столь сильное что заставляетъ забывать свои истинные интересы. Необходимо станеть въ оппозицію и общее представительное собраніе, созванное имъ, выборное имъ; сокрушеніе существующей власти сдѣлается первою задачею.

Въ такіа эпохи человекъ преданный родинѣ, если убѣжденіе говорить ему что сокрушеніе существующей власти, передача ея въ другія руки будетъ пагубно для страны, долженъ направлять усилія насколько отъ него зависитъ къ тому чтобы поднялось значеніе власти, чтобы существующее правительство стало достойно своего званія. Смыслъ имѣющие правительственные люди должны стремиться къ тому чтобы исчезло недовольство, остановилось требованіе; они должны искать элементовъ на которые правительство могло бы опираться чтобы подняться въ значеніи. Тутъ пагубнѣе и преступнѣе всего путь уступокъ якобы общественному мнѣнію, а на дѣлѣ тѣмъ кто орудуютъ имъ въ видахъ перемѣщенія власти.

* Toute opinion meurt impuissante ou frénétique, si elle n'est logée dans une assemblée qui lui rend pouvoir, la manit d'une volonté, lui attache une langue et des bras. C'est et ce sera toujours par des corps légaux ou illégaux qu'arrivent et arriveront les révolutions.

Пріятель. Неккеръ, впрочемъ, находитъ что послѣ паденія Калона дѣло не было въ отчаянномъ положеніи и могло еще быть исправлено. „Отчего, говорилъ онъ дочери (Stael, *Oeuvres*, XII, *Considér.*, 164) при вступленіи въ министерство послѣ Бриена, отчего не дали мнѣ эти пятнадцать мѣсяцевъ архіепископа Савскаго (de Sens, Бриена). Теперь уже поздно.“ „Еще было, пишетъ онъ объ злохъ вступленія въ министерство Бриена (*De la révol.* Paris, 1797, I, 26), время заключить новый договоръ съ общественнымъ мнѣніемъ. И я не сомнѣваюсь что вполнѣ разумное управленіе могло бы еще развлечь націю отъ тревожныхъ чувствованій съ какими она уже стремилась къ созыву сословныхъ представителей и которыя побуждали ее искать охраны въ лучшемъ политическомъ строѣ (*dans une meilleure constitution politique*)“.

Авторъ. Намекъ на „разумное управленіе“ понятенъ. Это то управленіе которое было бы еслибы преемникомъ Калона король назначилъ желаннаго общественному мнѣнію Неккера, а не Бриена. Задѣлалъ ли бы онъ прорванную уже плотину—позволительно усомниться. Документъ въ которомъ наиболѣе выразился политическій характеръ Неккера, его донесеніе королю 27 декабря 1788 года (о двойномъ представительствѣ средняго сословія), мало говоритъ въ пользу его государственнаго ума. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что управленіе Бриена могущественно ускорило переворотъ. Все дѣлалось такъ какъ еслибы въ планахъ правительства было подготовить революцію на погибель монархическому строю государства. Фальшивый во всемъ существѣ своемъ, этотъ невѣрующій архіепископъ, окончившій жизнь, какъ подозреваютъ, самоубійствомъ, не имѣвшій ни хитрой честности Неккера, ни отваги Калона, дѣйствовавшій въ лихорадочномъ состояніи души и тѣла, при организмѣ потрясенномъ, какъ говорили, излишествомъ наслажденій, получилъ въ свои руки дѣло, для спасенія котораго прежде всего требовалось крѣпкое сознаніе его правоты. Отсутствие этого сознанія въ предреволюціонномъ правительствѣ и было одною изъ главнѣйшихъ причинъ ея слабости. Въ умѣ самого короля идея власти смѣшивалась съ идеей деспотизма. Въ представленіи большинства правительственныхъ лицъ тотъ государственный строй который по чести и званію они обязаны были защищать, и тотъ идеальный, крайне неясный, который казался соответствующимъ требованіямъ высшей справедливости.

вості и новыхъ поватій, имѣющимъ неизбѣжно вытѣснить первый, громадно разстояли между собою. Легкомысленнѣйшіе готовы были ускорять паденіе. Носителями крѣпкихъ монархическихъ преданій были люди стараго времени и локроя, считавшіеся отжившими своей вѣкѣ антиками и отчасти дѣйствительно бывшіе таковыми. Люди съ дѣйствительнымъ государственнымъ разумѣніемъ, отвѣчающимъ истинной исторической потребности минуты, были, какъ обыкновенно въ эпохи роковыхъ кризисовъ, въ тѣни и безвѣстности. Гдѣ основаніе сказать чтобъ ихъ совѣтъ не было? При такихъ условіяхъ кормило всего правленія попало въ руки министра преобладающимъ качествомъ котораго была юркость ума и характера. „Объясните мнѣ наконецъ Бриена, спрашивалъ разъ Малербъ Безанвала (*Mém. de Besenval, éd. Barrière, IV 333*): нѣтъ свадьбы, сплетни, дѣла, общаго и частнаго, чтобъ онъ не былъ тутъ какъ тутъ: у него должно быть нѣсколько тѣлъ.“

Каломъ, столь неосмотрительный какъ министръ, но обнаружившій вдали отъ дѣлъ замѣчательную провидательность въ сужденіяхъ о событіяхъ и людяхъ, въ письмѣ къ королю (*Lettre 9 février 1789, 5*) такъ говорить о Бриенѣ, упоминая о громадности шага отдѣланнаго страной на пути крушенія въ эпоху отъ собора нотаблей до выборовъ въ собраніе сословныхъ представителей: „Взгляните, государь, говорить онъ, что были вы два года тому назадъ и что вы теперь. Посмотрите какъ на направленіе принятое во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ, повліяло на высоту уваженія какимъ пользовались вы у всѣхъ дворовъ Европы въ эпоху когда министры только содѣйствовали осуществленію вашихъ лучшихъ намѣреній. Иностранцы дивятся переменѣ, ваши истинные слуги возмущены. Всѣмъ извѣстны причины. Министръ колеблющійся во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, непослѣдовательный во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ, постоянный только въ интригахъ, попеременно являлся то слабымъ, то неудержимымъ; то льстилъ парламентамъ, то раздражалъ ихъ. Выставить цѣлый арсеналъ началъ непоколебимѣйшей власти и тотчасъ съ низостью отъ нихъ отступить. Заставить внести законъ въ сводъ и немедленно его отиѣдтъ; возвѣстить что духовенство отказывается отъ привилегій несправедливость которыхъ была показана мною, а затѣмъ, жертвуя государствомъ желанію угодить своей корпораціи, вырветъ у вашей

доброты подтвержденіе этихъ самыхъ привилегій. За дѣйствіемъ слабости недостойной вашего характера заставить послѣдовать дѣйствія утѣшенія несогласныя съ чувствованіями вашего сердца. И злоупотребляетъ вашею властію, и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляетъ ее.“

Пріятель. Мармонтель (*Mém. IV, 2*) рисуетъ фігуру этого архіепископа-министра такими чертами: „Отъ природы тонкій, пронизательный, пронырливый, онъ не умѣлъ и не хотѣлъ скрыть намѣренія быть таковымъ. Его взглядъ, наблюдая васъ, васъ высматривалъ; самая веселость его имѣла нѣчто внушавшее безпокойство. Что-то ужъ черезчуръ хитрое въ фізіономіи располагало къ недовѣрью. Со стороны таланта онъ обладалъ пронизательностію походившею на коварство. Ясность въ идеяхъ и обширность, но лишь на поверхности; нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, болѣе взгляды чѣмъ истинныя воззрѣнія; граненый умъ (*esprit à facettes*), если можно такъ выразиться. Въ важныхъ вещахъ легкость схватить мелкія подробности, при полномъ отсутствіи способности объять цѣлое. Съ нравственной стороны—карикатурный эгоизмъ во всей его живости и жесткость скупости въ соединеніи съ крайнею жесткостью честолюбія (*âpreté de l'avarice réunie au plus haut degré à celle de l'ambition*). Въ свѣтѣ, гдѣ по всему скользять ни во что не углубляясь, Бриенъ владелъ политическимъ лустомельствомъ (*un certain habil politique*) сжатымъ, быстрымъ, прерываемымъ таинственными остановками, заставляющими предполагать затѣмъ что нѣчто не договорено и оставляющими неопредѣленную ширь мнѣнію какое говорящій внушаетъ о себѣ. Этотъ способъ выставлаться, притворяясь скрывающимся, эта самоувѣренность смѣшанная со скромностію и воздержностію, эта смѣна полусловъ и напускнаго молчанія, а по временамъ легкая и презрительная критика того что дѣлалось безъ него, соединенная съ удивленіемъ какъ это не видѣли что надлежало сдѣлать—вотъ въ чемъ собственно былъ секретъ и искусство Бриена... И вотъ почти во всѣхъ кругахъ, гдѣ составляются репутаціи, никто не сомнѣвался что онъ вступаетъ въ министерство съ головою полною широкихъ воззрѣній и съ портфелемъ набитымъ самыми свѣтлыми проектами. Онъ вступилъ, и портфель и голова оказались одинаково пустыми.“

Надо, впрочемъ, замѣтить что аббатъ Мореле, извѣстный политико-экономъ, членъ Французской Академіи (*Mém. inédits*

de l'abbé Morellet, Paris 1822, II, 465), энергически протестуетъ противъ этого изображенія, продиктованнаго Мармонтелю, полагаетъ оныя, Ламуаньёномъ, врагомъ Бриена. Въ особенности возстаетъ оны на обвиненія Бриена въ эгоизмъ и жадности, и говоритъ что архіепископъ, напротивъ, отличался чрезвычайною щедростію и благотворительностію.

Мореле прибавляетъ что виною неудачъ Бриена была не столько неспособность сколько несчастное стеченіе трудныхъ обстоятельствъ. „Я спросилъ бы, говоритъ оны, этихъ искусниковъ которые теперь знаютъ что тогда надо было сдѣлать, что сдѣлали сами они, что сдѣлали столько мнимыхъ великихъ людей возвѣщавшихъ столь вѣрные рецелты имѣющіе де спасти государство. Могу спросить ихъ какой могущественный гений поднялся изъ нѣдръ нашего крушенія въ продолженіе десяти лѣтъ, до эпохи 18 брюмера“ (когда Наполеонъ разогналъ собраніе представителей).

Авторъ. Мореле въ извѣстной степени правъ въ томъ отношеніи что отсутствіе плана, непослѣдовательность были главною чертою правительственныхъ дѣйствій не только при Бриенѣ, но и послѣ него, во весь періодъ крушенія королевской власти. На это обстоятельство указываетъ Мунье (*De l'influence attr. aux philos.* Paris, 1828; 90) говоря: „отсутствіе плана которое можно поставить въ упрекъ всему совѣту Людовика XVI есть одна изъ величайшихъ причинъ несчастій Франціи, о которой между тѣмъ наименѣе говорятъ. Королевская власть пала благодаря ряду слѣдовавшихъ одна за другою противорѣчивыхъ мѣръ. Лястя надеждамъ всѣхъ партій, поочереды благопріятству имъ и покидая ихъ, правительство дѣлало тщетными всѣ усилія тѣхъ кто хотѣлъ ему служить и ободряло тѣхъ кто хотѣлъ его гибели. Всякое правительство которое въ эпоху политической смуты не дѣйствуетъ быстро и энергически, не имѣетъ умѣнья или примирить между собою партіи, или связать себя съ одною изъ нихъ чтобы побѣдить или погибнуть вмѣстѣ, должно неизбѣжно пасть.“

Но непослѣдовательность Бриена была такихъ размѣровъ что оны дѣлаетъ впечатлѣніе человѣка мечущагося изъ угла въ уголъ. Оны вступилъ въ министерство при обстоятельствахъ лично для него благопріятныхъ: оны былъ однимъ изъ вожаковъ собора въ борьбѣ съ Каломъ и назначеніе его было торжествомъ нотаблей. Но оны не удовлетворилъ ни чьихъ ожиданій.

Онъ началъ съ того что торопливо приступилъ къ распуценію нотаблей, не давъ имъ даже констатировать состоявія финансовъ, что лишило бы парламенты возможности обратиться къ правительству съ требованіемъ росписи доходовъ и расходовъ, какъ они немедленно сдѣлали. (Неккеръ, *De la rée.* I, 26.) „Онъ хотѣлъ угодить двору, который, онъ видѣлъ, былъ утомленъ поведеніемъ нотаблей и тѣмъ значеніемъ какое они приобрѣли своимъ сопротивленіемъ Калону. Онъ имѣлъ къ тому же не мало теоретическихъ идей которыя вѣтерливо желалъ испробовать на дѣлѣ и не былъ увѣренъ чтобы нотабли раздѣлили его любопытство.“

Парламенты приняли наследство оставленное нотаблями и почувствовали удвоенными свои силы для борьбы съ правительствомъ. Опытъ съ нотаблями показалъ что при тогдашнемъ общественномъ настроеніи ничто не могло такъ разчитывать на общую поддержку какъ оппозиція правительству. Нотабли собравшіеся при недовѣрчивомъ къ нимъ отношеніи общественного мнѣнія разошлись въ сіяніи популярности именно потому что обозначилось ихъ противодействие правительству, а приобрести популярность значило приобрести силу. Это обстоятельство намѣтило дальнѣйшій образъ дѣйствія парламентовъ и обратило ихъ болѣе или менѣе сдержанную оппозицію въ страстную борьбу. Наступилъ періодъ прямыхъ столкновеній. Явилось лагубное раздѣленіе власти на двѣ враждующія стороны, вступающія въ битвы, входящія въ договоры. Съ одной король съ его совѣтами и министрами, съ другой нація не имѣющая живаго выраженія, но именемъ которой хочеть дѣйствовать каждая сила въ странѣ могущая противодействовать правительству. На первомъ планѣ парламенты, но, какъ увидимъ, далеко не одни парламенты. Скоро въ роли сопротивляющихся явятся дворянство, духовенство. Наступаетъ періодъ страстей съ ихъ своеобразною логикой, совершенно отаичною отъ логики сужденій. Первенствующія силы страны—правители, парламенты, дворяне, духовенство—всѣ дѣйствуютъ противъ истинныхъ своихъ интересовъ, подготавливая свое крушеніе, къ торжеству силы медленно выступающей, почти еще не замѣтной, въ злоху которую разсматриваемъ. Эту силу мы назвали интеллигентнымъ разномыслиемъ (будущее якобинство). Главная характеристика ея въ томъ что она не имѣеть собственнаго вклада въ общемъ

дѣлъ, своей доли въ политическомъ капиталѣ, но чувствуетъ себя въ роли ходатая по чужимъ дѣламъ, адвоката въ обширномъ смыслѣ, живущаго чужими тяжбами.

Пріятель. Ходатаевъ этихъ уже можно тамъ и самъ замѣтить въ годы предшествовавшіе революціи. „Въ 1788 году, говоритъ Малле дю-Панъ, я слышалъ какъ Марать на публичной прогулкѣ читалъ и пояснял *Contrat social* при рукопискахъ восторженныхъ слушателей.“ (*Sainte-Beuve Cam. de lundi. IV, 365. Paris 1853, статья о Малле дю-Панѣ.*)

Авторъ. Явленія которыми намъ предстоитъ заняться ясно свидѣтельствуютъ какъ могутъ быть въ заблужденіи цѣлые классы, какъ можетъ обманываться цѣлое общество, какъ слѣдовательно фальшиво ученіе о непогрѣшимости „мнѣнія“ и какъ осторожно и съ разумніемъ подлежитъ отнестись къ этому во всякомъ случаѣ важному фактору общественной жизни.

Знамя матажа поднимаютъ, по ироніи судьбы, тѣ группы и классы которыхъ первыхъ унесетъ революція. Правительство въ борьбѣ съ ними не усматриваетъ съ какой стороны горюшка идетъ гроза, слѣпнеть ея на встрѣчу и ускоряетъ ея приближеніе. Александръ Ламетъ, членъ Национальнаго Собранія, говоритъ въ своей исторіи Конституанты (*Hist. de l'assembl. const.*; цитата въ *Mém. de Mirabeau, VI, 24*): „Кто приучилъ народъ собираться толпами и оказывать сопротивленіе? Парламенты. Кто въ провинціяхъ обнаружилъ наиболее вражды противъ королевской власти? Дворянство. Кто обнаружилъ наиболее упрямства въ отказѣ придти на помощь государственному казначейству и наиболее употребилъ лукавства чтобъ ускользнуть отъ общей тяготы? Духовенство. Такимъ образомъ парламенты, дворянство, духовенство, и только парламенты, дворянство и духовенство, вотъ кто на дѣлѣ объявилъ войну правительству и подалъ знакъ къ возстанію; народъ былъ только пособникомъ.“

Пріятель. Припоминаю что то же самое, отъ лица можно сказать революціи, говоритъ Камиль Демуденъ въ рѣчи о политическомъ положеніи націи, произнесенной въ обществѣ друзей конституціи 21 октября 1791 года“.

„Да, господа, для того кто какъ я три года посвятилъ всей своей мысли Революціи, слѣдиль ея не издали, а на мѣстѣ, вовсе не парадоксъ что народъ нисколько ея не требовалъ, что онъ не шелъ на встрѣчу свободѣ, а его вели... Чтобы

здрово судить о нашемъ политическомъ состоянїи, не должно терять изъ виду что сколь ни много обязаны мы основателямъ нашей свободы, неспособность и грубыя ошибки аристократовъ уже такъ высоко вывели ея фундаментъ что искусству патриотовъ ничего почти не оставалось дѣлать. Вспомните, господа, неспособность визиря Вержена, утѣсителя Женевы и освободителя Америки, заставившаго нашихъ солдатъ переѣхать Океанъ чтобы, простите за выраженіе, ткнуть ихъ носомъ въ объявленіе правъ. А визирь Калонъ, столь впрочемъ тонкій, на которомъ теперь вертится контръ-революція, не ояъ ли, среди общаго крика противъ его грабительства, далъ націю точку соединенія въ собранїи нотаблей? А визирь Бриенъ развѣ не далъ обѣщанія созвать сословныхъ представителей въ отвѣтъ на предложеніе безсмысленное (*stupidité*) въ устахъ Эпремевиля, яростѣйшаго изъ аристократовъ? Кто не видитъ что именно аристократы за руку привели къ возстанїю равнодушный народъ. Наконецъ и этотъ другой столбъ аристократїи, безумный баронъ Коппетъ (Неккеръ), развѣ не двинулъ двойнымъ представительствомъ средняго сословія со всею силой въ минуту когда *Общественный договоръ* (*Contrat social*) былъ у всѣхъ въ рукахъ... Корни нашей свободы аристократическіе. Парижскій народъ былъ только орудїемъ революціи.“ (*Oeuvr. de Cam. Dumoulin, II, II, Paris 1874.*)

Замѣчательно что самое слово *аристократїя*, сдѣлавшееся потомъ такимъ страшно обвинительнымъ наименованїемъ въ противоположность *патриотамъ*, было въ первый разъ въ обличительномъ смыслѣ употреблено правительствомъ и вложено въ уста королю. Въ отвѣтъ на представленіе парламента 17 апрѣля 1788 король говоритъ: „Еслибы парламентское большинство могло насиловать мою волю, то монархїя стала бы *аристократїей* судебныхъ властей, столь же противною интересамъ націи какъ и верховной власти.“ (*Arch. Parlem. I, 284.*) „Судьи, говоритъ Приюдомъ (*Hist. des révol., I, 101; Paris, 1824*), обвиняли министровъ въ деспотизмъ, министры бросали имъ упрекъ въ аристократїи, и упрекъ этотъ, столь часто потомъ повторявшїйся, въ первый разъ вышелъ изъ устъ короля.“ Подобнымъ образомъ, революціонное наименованіе *король Французскъ* вмѣсто *короля Франціи* дано Французскому монарху духовенствомъ. Представленіе свое (Еггерсъ, IV, 116) отъ 15 іюля 1788 года духовенство заключаетъ

словами: „Слава вашего величества не въ томъ чтобы быть королемъ Франціи, но въ томъ чтобы быть королемъ Французовъ; сердце вашихъ подданныхъ лучшее изъ вашихъ владѣній.“

Авторъ. Послѣ раслушенія нотаблей всѣ ожидали (Lacretelle, Histoire VI, 72) что Бриенъ устроитъ королевское засѣданіе Парижскаго парламента для внесенія въ сводъ законовъ всѣхъ разсматривавшихся въ собраніи нотаблей правительственныхъ предложеній съ тѣми измѣненіями какія найдено будетъ возможнымъ допустить. Въ особенности это было важно для поземельнаго налога, имѣвшаго коснуться привилегированныхъ классовъ. Въ засѣданіяхъ такого рода, по выслушаніи мнѣній, рѣшенія постановлялись волею короля, тогда какъ при обычномъ теченіи дѣлъ парламента, въ случаѣ усмотрѣнныхъ затрудненій, останавливали занесеніе закона и дѣлали свои представленія. Чтобы побѣдить сопротивленіе, правительство прибѣгло къ формѣ королевскаго засѣданія, носившей наименованіе *lit de justice*. Въ засѣданіи такого рода король безъ преній объявлялъ призванному въ его присутствіе парламенту свою волю, и законъ немедленно заносился въ сводъ. Бриенъ избралъ путь обыкновенныхъ засѣданій и внесъ прежде всего постановленія о провинціальныхъ собраніяхъ, о натуральной повинности и о хлѣбной торговлѣ. Постановленія были занесены безъ сопротивленія. Парламентъ высматривалъ непріятеля. Затѣмъ Бриенъ внесъ постановленіе о гербовомъ налогѣ касавшемся всѣхъ классовъ. Это повело къ первой стычкѣ. Парламентъ, предварительно внесенія, потребовалъ сообщенія росписи доходовъ и расходовъ. Было отвѣчено что предметъ этотъ разсматривался нотаблами и не входитъ въ кругъ занятій парламента. Это было сигналомъ къ рѣшительному дѣйствию.

Особенно замѣчательна система борьбы неожиданно принятая Парижскимъ парламентомъ. Парламентъ объявлялъ что не въ правѣ вносить въ сводъ законовъ постановленія о налогѣ. Для утвержденія налога, говорилъ онъ, требуется согласіе націи въ лицѣ сословныхъ представителей, и если парламентъ доселѣ заносилъ такого рода постановленія въ сводъ, то дѣлалъ это неправильно, въ уступку вѣдѣніямъ власти. Такимъ образомъ, для успѣха борьбы парламентъ отказывался ото всего своего прошлаго. Этотъ маневръ которымъ была куплена популярность,—такъ что, по выраженію Мирабо, Франція непостижимымъ образомъ сдѣлалась парламентарскою,—нѣкоторые современные свидѣтели называютъ прямо непонятнымъ,

другіе усматривали въ немъ разчитанный ходъ. „Трудно понять, говорить Безанвадъ (*Mém. éd. Baggière*, 301), какой былъ мотивъ подобнаго постановленія парламента, ибо парламентъ съ давнихъ временъ, во всѣхъ случаяхъ, подъ предлогомъ защиты народа, всегда искалъ какъ бы вышаться въ управленіе; а тутъ повидимому принижалъ себя, требуя собранія сословныхъ представителей, которое уничтожило его власть.“ То же постановленіе Бертранъ Молевиль (морской министръ Лудовика XVI въ 1791 году, а предъ революціей интендентъ въ Бретани, *Mémoires*, Paris, 1823, стр. 18) называетъ „непостижимою ошибкою парламентавъ“ (*faute à jamais inconcevable que firent les parlements*).

Пріятедь. Какой въ самомъ дѣлѣ могъ быть расчетъ у парламентавъ желать созыва сословныхъ представителей? Сословное представительство необходимо должно было удалить ихъ на второй планъ, лишить всякаго законодательнаго значенія, какого они такъ добивались, въ лучшемъ случаѣ оставивъ за ними скромную роль чисто судебного учрежденія.

Авторъ. Старшіе, болѣе опытные члены такъ и разсуждали, но большинство, въ началѣ незначительное, было увлечено желаніемъ произнести роковое слово: сословные представители (*états généraux*). Это слово, являвшееся устрашающимъ по отношенію къ правительству, уже было произнесено Ларайетомъ въ совѣщаніяхъ нотаблей, высказано въ представленіяхъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ парламентавъ и пользовалось большою популярностію у политикующей части общества. Произнося его парламентъ становился во главѣ либеральнаго движенія. Въ эту эпоху въ парламентѣ господствовали горячія молодыя головы, „jeunes têtes bouillantes“, по выраженію Мармонтеля. Изъ нихъ одни, какъ Эпремениль, искренно увлекались заблужденіемъ что собраніе сословныхъ представителей вовсе не опасно для парламентавъ, что уничтоживъ деспотизмъ министровъ оно напротивъ еще болѣе укрѣпитъ значеніе парламентавъ. Когда говорилъ Эпременилю что парламентамъ придется дать отчетъ собранію представителей, онъ отвѣчалъ „что собраніе не преминетъ заключить тѣсный союзъ съ парламентами, что оно почувствуетъ необходимость утвердить эти великія корпораціи, которыя будутъ наблюдателями за всѣмъ происходящимъ въ продолжительный промежутокъ отъ одного созыва до другаго, что парламентамъ откроется возможность противопоставить производу не слѣд-

ное какое-либо право, а право истекающее изъ чистѣйшаго источника“. (Lacretelle, *Hist.* VI, 183). Другіе, выставяя тѣ же аргументы, имѣли болѣе широкіе виды на имѣющій произойти переворотъ, открывавшій широкій путь честолюбію, а объ исключительныхъ интересахъ парламентской корпораціи не очень заботились. Многие, какъ указываетъ маркизъ Булье въ своихъ запискахъ (*Mém. du marquis de Bouillé*, ed. Berville, et Bagrière, Paris 1827, стр. 65), требовали собранія представителей „въ увѣренности что члены магистратуры, въ большомъ числѣ входя въ составъ дворянскаго сословія, будутъ на собраніи въ немъ господствовать краснорѣчіемъ и привычкою говорить публично. Еще болѣе льстили себя надеждою имѣть вліяніе въ среднемъ сословіи чрезъ второстепенныхъ членовъ судебной корпораціи, долженствующихъ, какъ дѣйствительно и случилось, наполнить собою составъ представителей этого сословія и направлять ихъ. Духовенства не боялись; полагали что зависть и нерасположеніе внушаемая богатствами и привилегіями этого сословія лишать его вліянія и послужать въ его невыгоду, сравнительно съ двумя другими сословіями; а на второстепенное духовенство, должноствовавшее имѣть численное преобладаніе, разчитывали, ибо оно привыкло глядѣть на парламенты какъ на свою опору противъ власти высшаго духовенства, постоянно обращаясь къ судамъ чтобъ уйти отъ дисциплины и встрѣчая въ нихъ поддержку.“ Нѣкоторые надѣялись что чрезъ собраніе представителей „парламентамъ или по крайней мѣрѣ привилегированнымъ классамъ будетъ добыто постоянное и прямое участіе въ управленіи страной и что классы эти будутъ ограждены напередъ отъ мечтаній Тюрго или отчаянныхъ предпріятій Калона (замѣчаніе Эггерса въ его *Denkwürdigkeiten der Fr. Revol.*, Kopenhagen 1795, II, 304). „И нечего удивляться, прибавляетъ Эггерсъ, что парламентскіе члены могли такъ сильно ошибаться. При той блестящей роли какую они до сихъ поръ играли, при ощущеніи своей силы питаемой успѣхомъ борьбы съ правительствомъ, при незнакомствѣ со среднимъ сословіемъ, къ которому только немногіе изъ нихъ принадлежали, какъ могли они не считать себя необходимыми!“

Въ брошюрѣ *Catachisme Parlementaire*, вышедшей въ 1788 году, можно видѣть какъ представляли себѣ образъ дѣйствій парламентаревъ ихъ противники. Вотъ отрывокъ приводимый въ *Archives Parlem.* (I, 580).

„Вопросъ. Что вы такое по своей природѣ?

„Отвѣтъ. Мы королевскіе чиновники, на обязанности которыхъ лежитъ давать судъ народу.

„Вопросъ. Чѣмъ стремитесь вы сдѣлаться?

„Отвѣтъ. Законодателями и следовательно властителями въ государствѣ.

„Вопросъ. Какъ можете вы сдѣлаться такими властителями?

„Отвѣтъ. Захвативъ законодательную и исполнительную власть, мы не будемъ имѣть ничего что могло бы намъ противиться.

„Вопросъ. Какъ же вы думаете этого достигнуть?

„Отвѣтъ. Мы будемъ имѣть особую политику съ королемъ, съ духовенствомъ, съ дворянствомъ и съ народомъ.

„Вопросъ. Какъ думаете вы вести себя, вонервыхъ, относительно короля?

„Отвѣтъ. Мы постараемся отнять у него довѣріе націи, противоудѣствуя всѣмъ его велѣніямъ, увѣряя народы что мы ихъ защитники и для ихъ блага отказываемся заносить въ сводъ налоги.

„Вопросъ. А не замѣтитъ ли народъ что вы отказываете въ налогахъ потому что вамъ самимъ пришлось бы платить?

„Отвѣтъ. Нѣтъ; ибо сдѣлаемъ поворотъ, говоря что только нація можетъ давать согласіе на налоги и потребуемъ созванія сословныхъ представителей.

„Вопросъ. А если на ваше несчастіе король поймаетъ васъ на словѣ и сословные представители будутъ созваны, какъ вы тогда вывернетесь?

„Отвѣтъ. Мы начнемъ дѣлать затрудненія по вопросамъ о формѣ и потребуемъ формы 1614 года.

„Вопросъ. Зачѣмъ это?

„Отвѣтъ. Ибо при этой формѣ среднее сословіе будетъ представлено судейскими (*gens de loi*) и это дастъ намъ преобладаніе.

„Вопросъ. Но судейскіе васъ ненавидятъ.

„Отвѣтъ. Ненавидятъ, за то боятся, и мы согнемъ ихъ людъ свою волю...“

Во всякомъ случаѣ главную роль въ парламентскомъ рѣшеніи требовать созыва представителей играло увлеченіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже характеръ лица бывшаго

главнымъ двигателемъ предпріятія. Нѣсколько мѣсяцевъ этотъ неустойчивый ораторъ, южной крови (онъ родился въ Пондишери) былъ популярнѣйшимъ человѣкомъ во Франціи. Онъ былъ герой минуты подходившей къ ея требованіямъ. Человѣкъ увлеченія, безъ чутья истины, умъ способный поддаться обману и софизму. Достаточно вспомнить что Эпремениль страстно поддавался шарлатанству Месмера и даже Калиостро, и былъ ихъ ревностнымъ адептомъ. Отсутствие серьезной логичности соединялось съ замѣчательною способностью легко говорить и театрално воодушевляться собственной шумихой фразъ. Его тѣшили эффекты краснорѣчія, и онъ искалъ прелестствій чтобъ имѣть случай проявить шумную смѣлость слова. Но онъ былъ пѣвецъ по небольшой залѣ, и въ многолюдномъ, безпорядочномъ національномъ собраніи, гдѣ требовались грудь и энергія Мирабо, его деликатный ораторскій талантъ съ небольшимъ запасомъ болѣе или менѣе тонкихъ эффектовъ, требовавшій любительской оцѣнки, не могъ производить дѣйствія. Онъ затерялся въ толгѣ. Но онъ оказался наиболее пригоднымъ орудіемъ въ самоубійственной войнѣ парламентовъ съ правительствомъ. „Его водили, говоритъ Лакретель (VI, 179), а казалось что онъ всѣхъ ведетъ... Этотъ глава оппозиціи былъ человѣкъ самый веселый, самый довѣрчивый, самый простой. Агитація его забавляла. Нужно было подумать что въ то время какъ онъ мутилъ всю Францію у него не было другой мысли какъ хорошо вывернуться изъ драматическаго положенія. Залапчиво выступая противъ двора, онъ почиталъ себя вѣрнѣйшимъ подданнымъ короля; компрометируя интересы и самое существованіе своей корпораціи, онъ былъ въ то же время самый пылкій ея приверженецъ.“ Старый членъ парламента, сказавшій въ отвѣтъ на горячія рѣчи Эпремениля: „Провидѣніе накажетъ за ваши пагубные совѣты исполнивъ ваши пламенные желанія“, былъ правъ съ точки зрѣнія интересовъ корпораціи.

Іюль 1787 года прошелъ въ препирательствахъ съ правительствомъ по поводу внесенныхъ имъ эдиктовъ. Отъ 6 до 24 іюля происходили пренія, составлялись представленія, получались уклончивые королевскіе отвѣты. Роковое слово было произнесено въ засѣданіи 16 іюля въ формѣ каламбура. „Вы хотите финансовыхъ штатовъ, а нужны вамъ генеральные штаты“. (*Vous demandez messieurs les états de recette et de dépense, et ce sont les états généraux qu' il vous faut*), восклицая

одинъ изъ членовъ, аббатъ Сабатье. 24 іюля состоялось то замѣчательное представленіе въ которомъ парламентъ, отказывая въ занесеніи гербоваго налога, высказалъ ученіе о необходимомъ собраніи націи предварительно всякаго новаго налога. Идея созыва сословныхъ представителей прошла въ парламентѣ не безъ затрудненій и въ началѣ незначительнымъ числомъ голосовъ. Когда рѣшено было наконецъ выказать такое желаніе, изъ двухъ редакцій представленія избрана была умереннѣйшая—Феррана, и отклонена болѣе рѣзкая—Элременила. Представленіе 24 іюля 1787 года заслуживаетъ большаго вниманія по тому тону съ какимъ парламентскіе вожаки сочли возможнымъ обратиться къ верховной власти въ странѣ съ неограниченнымъ монархическимъ правленіемъ. Возможность такого тона—одно изъ яркихъ свидѣтельствъ паденія власти. Представленіе это находимъ въ сборникѣ Эггерса (II, 418 стр., въ *Arch. parlem.* его нѣтъ).

Пріятель. Ужь тонъ послѣднихъ мнѣній въ собраніи нотаблей былъ рѣзко оппозиціонный. Правительство, вымаливая одобреніе предложенныхъ налоговъ, торжественно обѣщало сокращеніе издержекъ на 40 милліоновъ ливровъ. Но это не было поставлено ему въ заслугу, а вызвало новыя декламациі о экономіи вообще. „Народы, говорится въ представленіи бюро герцога Пантьевра (Penthievre), подавлены сборами, а государство не становится богаче.... Что можетъ возратить ему благосостояніе и старый блескъ? Экономія, не та экономія которая довольствуется преходящею реформой и даетъ минутное утѣшеніе удрученнымъ горемъ народамъ, но та которая, будучи возведена въ принципъ управленія, простирается на всѣ предметы расхода не представляющіе безусловной необходимости. Вѣроподобное чувство не позволяетъ намъ скрыть отъ вашего величества что народъ столько разочаровавшійся въ своихъ надеждахъ, многочисленный народъ, приношенія коего, орошенные его лѣтомъ и слезами, поддерживаютъ изобиліе и наслажденіе столицы и двора, ваша вѣрная и покорная нація, судьбы коей покоятся въ рукахъ вашего величества, будутъ приведены въ отчаяніе если экономія не сдѣлается главнымъ средствомъ уврачевать зло какимъ поражено государство“.... Рекомендуются, замѣчаетъ Родо (*La France avant la rév.*, 169), экономіей покрыть годичный дефицитъ во 140 милліоновъ, то-есть уменьшить чуть не вдвое государственныя издержки. Какъ будто это было

возможно. Бюро графа д'Артуа требовало опубликованія сокращеній, «дабы предметы коихъ они коснутся были явственно означены, и публичность объявленія стала нѣкоторымъ образомъ охраной прочности таковыхъ сокращеній.» Такъ недовѣрчиво относились нотабли къ торжественнымъ заявленіямъ власти.

Авторъ. Представленіе парламента отличается духомъ высокоумнаго поученія, производящаго особенное впечатлѣніе есаи вспомнимъ что оно идетъ отъ парламентской молодежи, юныхъ совѣтниковъ считающихъ себя мужами Плутарха, увлеченныхъ желаніемъ борьбы съ «деспотизмомъ», не грозившей имъ при слабости правительства никакой серьезной опасностію, но дававшей популярность, сдѣлавшуюся въ ту эпоху главною приманкой для честолюбій всякаго рода.

„Государь, говорится въ представленіи, вашъ парламентъ повергаетъ къ подножію трона и свои почтительныя моленія, и справедливыя тревоги народовъ. Одно прочтеніе объявленія о гербовомъ сборѣ поразило его глубокимъ смущеніемъ. Послѣ пяти лѣтъ мира, послѣ постыднаго увеличенія доходовъ на сто тридцать милліоновъ менѣе чѣмъ въ тринадцать лѣтъ, казалось бы самое слово налога не должно быть произносимо благодѣющимъ монархомъ какъ развѣ для того чтобы смягчить ихъ тягость или уменьшить число. И между тѣмъ въ эту-то эпоху, государь, возвѣщаютъ намъ о новыхъ налогахъ и предлагаютъ одинъ изъ разорительнѣйшихъ. Первое рождающееся размышленіе спросить: да какое же нынѣшнее состояніе финансовъ? Каково же должно быть послѣднее управленіе, есаи зао котораго оно источникъ требуетъ подобнаго средства? Ваше величество припомните съ какой точки зрѣнія представляли вамъ въ 1784 и 1785 годахъ состояніе казны. Казалось или точнѣе хотѣли показать что близко время освобожденія отъ обязательствъ, а между тѣмъ никогда казна не была такъ обременена долгами. Парламентъ дѣлалъ тщетныя усилія вывести истину на свѣтъ. Но было слышкомъ много интереса скрывать ее отъ вашего величества. Всѣ представленія парламента были бесполезны. Умѣли даже вышить вашему величеству сомнѣніе относительно чистоты его намѣреній. Избытокъ зла вынудилъ наконецъ изслѣдовать его размѣры. Нотабли созданныя по повелѣнію вашего величества приподняли завѣсу которая скрывала эту администрацію. Тотчасъ всѣмъ глазамъ представилось страшное зрѣище.

Открылась громадная пустота. Стали искать какъ бы ее наполнить... Таково, государь, послѣдствіе претающихъ общему чувству (*qui semblent contredites par un sentiment universel*) назначеній въ управленіи, для котораго чистѣйшія руки и тѣ недостаточны. Таково великій, но печальный примѣръ указывающій государямъ до какой степени должны они уважать общественное мнѣніе, рѣдко могущее ошибаться, ибо рѣдко люди въ совокулности (*les hommes rassemblés*) обнаруживаютъ или получаютъ впечатлѣнія противныя истинѣ.“

Пріятель. Сколько зла принесло и не одной Франціи это ученіе о коллективной непогрѣшимости какое проповѣдывалъ парламентъ!

Авторъ. Подобно нотаблямъ, парламентъ указываетъ на сокращеніе расходовъ какъ на главное средство исправленія финансовъ и съ упрекомъ обращается къ королю. „Еслибы ваше величество знали истинное состояніе финансовъ, нѣтъ сомнѣній, не предприняли бы этихъ громадныхъ построекъ, не дозволили бы разорительныхъ даровъ прикрытыхъ именемъ обмѣновъ; въ особенности не потерпѣли бы ужасающей легкости бланковъ (*acquits-comptant*), этого смертельнаго яда всякой администраціи.“ Общанное сокращеніе на сорокъ милліоновъ и на парламентъ не произвело ожидавшагося впечатлѣнія. „Вмѣсто предложенныхъ сорока милліоновъ, ваше величество легко могли бы довести сокращеніе до двойнаго количества.“ Намекается главнымъ образомъ на издержки двора. „Есть, государь, почтенная экономія. Царскія лишеныя которыя не только не уменьшаютъ блескъ трона, но еще увеличиваютъ его достоинство. Монархъ всегда великъ когда подданные счастливы, и зрѣлище счастья цѣлаго народа есть самая внушительная пышность, повсюду возбуждающая удивленіе и признательность. Этихъ реформъ, сокращеній о коихъ столько разъ ходатайствовали ваши парламенты, коихъ требовали нотабли и кои были обѣщаны ихъ справедливой настойчивости, ждетъ несчастный земледѣлецъ, орошающій слезами свои поля, содѣйствующія столькимъ бесполезнымъ тратамъ прежде чѣмъ доставить средства существованія сѣющему. Ихъ ждетъ рабочій, еще болѣе несчастный, имѣющій только руки для себя и семьи, лишенаго, берущій со своей бѣдности чтобъ удовлетворить нуждамъ государства. Государь, эти несчастные—Французы, они люди“...

Любопытенъ этотъ тонъ задора и преувеличеній въ декла-

маціяхъ партіи парламентской молодежи. Правительственный замыселъ состоитъ въ томъ чтобы, не отягчая низшіе классы, наложить нѣкоторыя тягости на привилегированныя сословія. Борьба парламента была въ сущности борьба за присвоенныя права и за привилегіи. Съ точки зрѣнія либерализма, правительство, вступившее, къ тому же весьма серьезно, на путь экономіи, было несравненно либеральнѣе парламентовъ. И между тѣмъ оно было предметомъ поруганія тогда какъ парламенты превозносились. Весь интересъ сосредоточивался на борьбѣ съ правительствомъ.

Пріятедь. Прибавь что эти сентиментальныя фразы о слезахъ земледѣльца и потѣ рабочаго говоритъ тотъ самый парламентъ который столько разъ держалъ совѣтъ иныя рѣчи. Какъ возставалъ онъ, напимѣръ въ 1776 году, по случаю эдикта предложеннаго Тюрго объ обращеніи дорожной барщины въ денежную повинность. Парламентъ доказывалъ что „личная служба духовенства состоитъ въ обученіи, богосауженіи и дѣлахъ милосердія; дворянство жертвуетъ кровью для защиты государства и предстоить на царскихъ совѣтахъ; третій же классъ, который не можетъ оказывать подобной особой заслуги, исполняетъ долгъ взносами, прилежаніемъ и тѣлеснымъ трудомъ.“ Обратить дорожную повинность въ денежную значитъ де возложить ее и на тѣхъ которые всегда были отъ нея свободны. „Не будетъ никакой разницы между подданными. Духовенство и дворянство подвергнутся барщинѣ, ибо, что рѣшительно все равно, денежная повинность имѣющая замѣнить барщину падетъ и на нихъ. А должны ли всѣ подданные быть смѣшаны?... Не выйдетъ ли что когда вздумается обратиться эту денежную повинность въ натуральную, можно будетъ дворянъ принудить къ барщинѣ? и т. д.“ Вотъ какъ ревниво защищались привилегіи (Eggers, II, 301).

Авторъ. Осторожно переходитъ парламентъ къ главному пункту представленія редижированному партіей благоразумія. Лудовикъ XIV, указываетъ парламентъ, ввелъ налогъ—сборъ одной десятой (*dixième*). Парламентъ занесъ этотъ налогъ въ сводъ приравъ въ соображеніе что онъ долженъ имѣть лишь временное значеніе, а положеніе государства не допускало отсрочки. „Иначе онъ сказалъ бы...“

Пріятедь. Это при Лудовикѣ-то XIV, который входилъ въ парламентъ въ охотничьемъ костюмѣ и съ хамстомъ въ рукахъ и приказывалъ заносить свои распоряженія.

А в т о р ы . . . „сказалъ бы что только нація созванная въ собраніе, сословныхъ представителей (réunie dans les états généraux) можетъ дать необходимое согласіе для постоянного налога; что парламентъ не имѣетъ права замѣнять это согласіе своимъ, а еще менѣе свидѣтельствовать о такомъ согласіи, когда ничто его не подтверждаетъ. Уполномоченный государемъ возвыщать его волю народамъ, онъ никогда не былъ уполномоченъ народомъ замѣнять его собою. Вотъ что парламентъ беретъ почтительную свободу высказать вашему величеству... Только нація ознакомленная съ истиннымъ положеніемъ финансовъ можетъ искоренить великія злоупотребленія и доставить великіе ресурсы. Вамъ, государь, было предложено возобновить національныя собранія, возвеличившія царствованіе Карла Великаго, изгладившія несчастія короля Иоанна, содѣйствовавшія вмѣстѣ съ парламентомъ составленію Карла VII на тронѣ. Нотабли приготовили націю къ восстановленію права великой и благородной цензуры, какую она столь часто обнаруживала по отношенію къ самой себѣ, и къ тѣмъ невѣроятнымъ жертвамъ (sacrifices incroyables) которыя кажутся ей легкими, когда онѣ испрашиваютъ чувствительнымъ монархомъ (par un monarque sensible) и требуютъ дѣйствительною нуждой. Парламентъ думаетъ что пришла минута высказать предъ вашимъ величествомъ желаніе продиктованное чистѣйшимъ усердіемъ. Да, государь, монархъ Франціи никогда не можетъ быть такъ великъ какъ посреди своихъ подданныхъ. Нечего опасаться избытка ихъ любви, нечего брать предосторожности противъ предложеній которыя были бы выше средствъ исполненія. Все выиграетъ отъ такого созыва. Въ ожиданіи счастливой и желанной минуты когда ваше величество удостоитъ оказать это благодареніе націи, вашъ парламентъ умоляетъ съ самою почтительною и живѣйшею настойчивостію отмѣнить объявленія о гербовомъ сборѣ, совершенно недопустимомъ, одно извѣщеніе о которомъ произвело общее огорченіе въ королевствѣ, а исполненіе повергло бы въ трауръ.“

Король при представленіи перваго президента высказалъ свое огорченіе и хотѣлъ дать рѣзкій отвѣтъ, но смягчился, и отвѣтъ его дошелъ въ парламентъ въ уклончивой формѣ. „Я разомо-
 трю внимательно представленіе парламента о гербовой пошлинѣ и сообщу мою волю.“ Упомянулось о внесеніи новаго эдикта касательно поземельнаго налога, вопросъ о сословномъ

представительствѣ обоидеть молчаніемъ. Между тѣмъ слухи о происходящемъ въ парламентѣ распространялись всюду, парламентъ печаталъ свои опредѣленія, они читались наперерывъ. „Парламентъ въ нѣсколько дней возвратитъ себѣ старую популярность“. (Roquain, 447.) Движеніе не ограничилось Парижскимъ парламентомъ, провинціальныя слѣдовали примѣру столичнаго.

РАЗГОВОРЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

Авторъ. Исторія борьбы парламентовъ съ правительствомъ въ 1787 и 1788 годахъ можно раздѣлить на нѣсколько актовъ. Мы разобрали первый изъ нихъ: сопротивленіе эдиктамъ сопровождавшееся заявленіемъ желанія чтобы были созваны сословные представители. Правительство рѣшило настоять на внесеніи эдиктовъ и съ этою цѣлью объявило засѣданіе *lit de justice*. Оно состоялось 6 августа 1787 года. Король повелѣлъ занести эдикты въ связи и заключилъ засѣданіе словами: „вы слышали мою волю, разчитываю на ваше повиновеніе“.

На другой же день парламентъ имѣлъ засѣданіе въ которое были приглашены принцы и лорды. Восемь часовъ продолжались пренія. Состоялось рѣшеніе прямо противное волѣ короля. Внесеніе эдиктовъ въ сводъ, состоявшееся въ засѣданіи *lit de justice*, парламентъ призналъ незаконнымъ. Парламентъ собирался и въ слѣдующіе дни, 10 и 13 августа. Былъ поднятъ вопросъ о преданіи, заднимъ числомъ, суду Калона, произносились самыя запальчивыя рѣчи. 13го состоялось рѣшеніе порицавшее въ рѣзкихъ выраженіяхъ дѣйствія правительства и призывавшее къ неповиновенію эдиктамъ, которые въ промежутокъ послѣ бго августа были напечатаны во всеобщее свѣдѣніе, безъ обнародованія протокола о томъ что происходило въ *lit de justice*. „Парламентъ объявляетъ что эдикты эти и королевскія объявленія не могутъ лишить націю ни одного изъ ея правъ и уполномочить сборъ новыхъ налоговъ, каковой былъ бы противенъ всѣмъ началамъ, правиламъ и обычаямъ королевства.“ (Eggers, II, 470.)

„Въ продолженіе длинныхъ преній, пишетъ Веберъ (I, 181) объ этомъ засѣданіи, отъ восьми часовъ утра до семи вечера, громадная толпа народа наполняла залы, дворъ суда (Palais

de justice) и даже прилежація улицы. Когда закрылось засѣданіе, двери залы собранія отворились, и рѣшеніе, по существу долженствовавшее оставаться въ тайнѣ, было прочитано публично. Какое-то изступленіе овладѣло толпой. Это были не крики, а вой, выраженіе изступленнаго восторга, почти опасное для тѣхъ кто его возбудили; крики негодованія противъ правительства и моленіе какъ на идоловъ на членовъ парламента, сопротивлявшихся правительству. Степенные сенаторы старались укрыться отъ изліяній восторга, внутренно довольные что ихъ не заслужили: съ ихъ стороны было значительное противодѣйствіе. Молодые совѣтники, чувствовавшіе наслажденіе быть центромъ првлеченія, выдавали такъ-сказать одинъ другаго и указывали для триумфа тѣхъ изъ своей среды которые отличились особою смѣлостію въ преніяхъ палаты. Совѣтникъ Эпремениль едва показался какъ былъ поднятъ надъ головами и на рукахъ отнесенъ до кареты. Подражатели его смѣлости были приобщены къ его славѣ. Храмъ правосудія сдѣлался незамѣтно ареной возмущенія.“

Въ тотъ же вечеръ и на другой день въ Версалѣ происходили чрезвычайныя засѣданія королевскаго совѣта. Было рѣшено выслать парламентъ изъ Парижа и перемѣстить въ Труа. Въ ночь на праздникъ Успенія, каждый членъ парламента получилъ именное повелѣніе (une lettre de cachet) предписывавшее въ двадцать четыре часа выѣхать изъ Парижа и чрезъ четыре дня быть въ Труа. Постановленія Парижскаго парламента и другихъ парламентовъ, подобно Парижскому заявлявшихъ свои протесты, были кассированы королевскимъ совѣтомъ. Бриенъ получилъ усиленные полномочія со званіемъ перваго министра.

Въ новомъ мѣстопребываніи парламентъ продолжалъ засѣданія. Но судебныхъ разбирательствъ не было, такъ какъ никто не являлся, адвокаты и прокуроры остались въ Парижѣ. Со всѣхъ сторонъ приходили знаки привѣтствія и ободренія. Являлись многочисленныя депутаціи. Настоятель кафедральнаго собора въ Труа прислалъ привѣтствіе, Парижскій университетъ препроводилъ латинскую рѣчь. Но время взяло свое. Жаръ скоро поутихъ, прѣбываніе въ Труа наскучило; сильнѣе и сильнѣе развивалось желаніе вернуться въ Парижъ. Со своей стороны и Бриенъ думалъ о компромиссѣ и уже сожалѣлъ что потерпѣлся изгнаніемъ. „Едва услѣвъ парламентъ прибыть въ

Труа, говоритъ Мармонтель со словъ хранителя печатей Ламуаньёна, какъ Бриенъ совѣщаясь съ Ламуаньёномъ вспомнилъ, точно случайно, что присутствіе парламента будетъ ему необходимо для ноябрскихъ займовъ. Подумай я объ этомъ прежде, воскликнулъ онъ, я бы его не выслалъ; надо поскорѣе его вернуть.“ И тотчасъ его эмиссары пришли въ движеніе. Бриенъ въ переговорахъ старался все свалить на Ламуаньёна, къ которому парламентскіе литали нерасположеніе за проекты судебной реформы и на котораго смотрѣли какъ на измѣнника своей корпорациі, такъ какъ онъ былъ прежде членомъ парламента. Бриенъ обѣщавъ его удаленіе. „Я отправилъ мое вѣрительное письмо“, сказалъ онъ Ламуаньёну.—Какое письмо? спросилъ тотъ.—„Письмо въ которомъ обѣщавъ ваше удаленіе, если они вернутся къ благоразумію. Но не беспокойтесь“. (Мармонтель, IV, со словъ самого Ламуаньёна.) Эдиктъ о гербовомъ сборѣ и поземельномъ налогѣ Бриенъ соглашался взять назадъ.

Парламентъ вернулся въ Парижъ съ торжествомъ. Сряду нѣсколько вечеровъ мелкій судейскій людъ и чернь принуждали жителей въ окрестностяхъ суда освѣщать дома и били стекла у неповиновавшихся. 1 октября 1787 чучело изображавшее Калона было сожжено на площади Дофина, двѣ другія куклы, изображавшія барона Бретёля и герцогиню Полиньякъ, были съ гамомъ и свистомъ пронесены по улицамъ.

У Бриена былъ новый планъ. Онъ возымѣлъ надежду поправить финансовое положеніе помощію займовъ не прибѣгая къ налогамъ. Онъ тѣмъ болѣе разчитывалъ на удачу плана что Эпремениль неожиданно посѣтилъ Ламуаньёна и совѣтовалъ прибѣгнуть именно къ значительному займу, а затѣмъ созвать сословныхъ представителей. Бриенъ, чтобы провести заемъ, прибѣгъ ко всевозможнымъ интригамъ. Онъ рѣшилъ сдѣлать неожиданное королевское засѣданіе тотчасъ послѣ парламентскихъ ваканцій, когда члены далеко еще не всѣ собрались. На день засѣданія, чтобъ отвлечь подозрѣнія, была назначена королевская охота и распоряженіе о засѣданіи было сдѣлано ночью наканунѣ 19 ноября (*Mém. de Besenval*, 318). Бриенъ старался войти въ сношенія съ членами парламента, лускалъ въ ходъ всевозможныя увѣщанія, даже деньги. „Надо сознаться, прибавляетъ Безанваль, что человекъ который хочетъ быть первымъ министромъ долженъ бы лучше знать

людей и вещи, долженъ бы ловимать что многочисленное собраніе такъ скоро не перемѣняетъ своего мнѣнія, особенно когда оно открыто стало на сторону оппозиціи и возмущенія; что въ такомъ случаѣ убѣжденія и ласканія не приводятъ къ результату и даже разбрасываемыя деньги оказываются брошенными лопусту. Такъ по всей вѣроятности было и съ архіепископомъ, если судить по словамъ его секретаря, имѣвшаго неосторожность въ комнатѣ королевской свиты (*dans le cabinet de gens de roi*) сказать что онъ потерялъ за ночь восемь голосовъ. Это доказываетъ что предстоящее прибытіе короля въ парламентъ не сохранилось въ тайнѣ, какъ думалъ архіепископъ, и что ожесточеніе противъ власти было такъ укоренено что нельзя было побѣдить его съ такою легкостію.“

Но входя съ одной стороны въ переговоры и соглашенія, Бриенъ съ другой дѣйствовалъ между тѣмъ такъ какъ есаибы ни въ какихъ соглашеніяхъ не нуждался. Правительственное объявленіе о займѣ разсроченномъ на пять лѣтъ, послѣ чего имѣютъ быть созваны сословные представители, было въ королевскомъ засѣданіи парламента 19 ноября 1787 года сдѣлано въ тонѣ сильной власти. Возвѣщая о займѣ и указывая что предположенныя пятьдесятъ милліоновъ экономіи позволять его перенести, Бриенъ напоминалъ парламенту что „законодательная власть пребываетъ въ лицѣ государя безъ зависимости и безъ раздѣла“, что „право созванія сословныхъ представителей принадлежитъ одному королю и когда сочтеть онъ это полезнымъ и необходимымъ“. вмѣстѣ съ тѣмъ членамъ парламента было предоставлено высказать свои сужденія. Они широко воспользовались дозволеніемъ чтобы высказать все что накопилось въ раздраженіи преній и подѣйствовать на присутствующаго короля. Робертъ Сенъ - Венсалъ (*Robert de Saint Vincent*) рѣзко, обычно грубымъ тономъ, но и съ явственною силою убѣжденія указывалъ на необходимость послѣдствовать созывомъ представителей. „Не пришло, говорятъ, еще время, воскликнулъ онъ. Ищу что можно подѣ этимъ разумѣть. Развѣ безпорядокъ въ финансахъ не довольно еще великъ?... Правда вотъ въ чемъ. Ваши министры хотятъ избѣгнуть сословныхъ представителей, ибо страшатся ихъ наблюденія. Но надежды эти тщетны. Государственная необходимость заставитъ васъ обратить ихъ чрезъ два года. Да, заставить, и всего разумѣе

было бы воспользоваться добрымъ настроеніемъ умовъ, этимъ желаніемъ общественнаго блага которое вынѣ одушевляетъ всѣхъ Французовъ.“ Эпремениль говорилъ вкрадчиво, умолая короля объявить рѣшеніе о немедленномъ собраніи представителей. „Государь, обратился онъ къ Лудовику XVI, одно ваше слово—и общее завѣтное желаніе исполнится. Общій порывъ энтузіазма мгновенно изъ этой замы распространится по столицѣ и отъ столицы по всему королевству. Предчувствіе, которое не обманетъ меня, внушаетъ мнѣ увѣренность; а читаю это во взорахъ вашего величества: намѣреніе это въ сердцѣ вашемъ, слово на вашихъ устахъ. О, произнесите его, государь, даруйте его любви всѣхъ Французовъ!“ Друзья Эпремениля минутой думали что король уступить уваченію какое казалось имъ овладѣло, но онъ устоялъ, замѣчаетъ Радо (*La France avant la révol.* 228). Собраніе продолжалось нѣсколько часовъ. Президентъ приступилъ ко сбору голосовъ, собираясь формулировать мнѣніе парламента, но дѣло привало неожиданный оборотъ. Хранитель печатей подошелъ къ королю. Лудовикъ XVI обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами и затѣмъ громко произнесъ: „Выслушавъ ваши мнѣнія, нахожу что необходимо сдѣлать заемъ указываемый въ моемъ эдиктѣ. Я обѣщалъ созвать сословныхъ представителей не позже 1792 года. Моего слова должно быть достаточно. Повелѣваю занести мой эдиктъ въ сводъ.“ Хранитель печатей немедленно провозгласилъ занесеніе по формѣ какая употреблялась въ засѣданіяхъ *lit de justice*. Блѣдный, смущенный, поднялся герцогъ Орлеанскій, помедлил нѣсколько мгновеній и прерывисто произнесъ слова: „Государь, это занесеніе кажется мнѣ незаконнымъ. Надо такъ и сказать что оно сдѣлано по особому повелѣнію вашего величества.“ Король также смутился. „Мнѣ все равно, сказалъ онъ, какъ вы хотите... Нѣтъ, это законно, потому что я такъ хочу.“ Король удалился; было пять часовъ полудни, засѣданіе началось въ восемь утра. Герцога Орлеанскаго просили чтобъ онъ формуловалъ свой протестъ. Къ протесту присоединилось все собраніе.

Герцогъ Орлеанскій получилъ именованное повелѣніе ссылавшее его въ его имѣніе Вилле-Коттере (*Villers-Cotterets*). Два совѣтника, Сабатье и Фрето, были арестованы: они участвовали въ совѣщаніи въ Пале-Рояль когда былъ рѣшенъ протестъ герцога Орлеанскаго. 23 ноября парламентъ обратился къ королю съ настойчивою просьбой возвратитъ изъ ссылки

герцога Орлеанскаго и освободить арестованныхъ членовъ. „Иностранцы, государь, не поймутъ, говорилъ парламентъ, потомство откажется вѣрить чему можно подвергнуться высказывая правду вашему величеству его личному вашему величеству. Присутствіе ваше всюду вносило милость, должно ли оно отнынѣ нести съ собою страхъ и огорченіе... Наше довѣріе, ободряемое вашимъ величествомъ, сдѣлалось сигналомъ ссылки и ареста. И какого ареста! Честь содргается, человѣчество и справедливость стенаютъ. Грязныя руки поднялись на вашего судебного савоуника. Его домъ осажденъ, полицейскіе удалили его семью... Если ссылка есть награда вѣрности принцевъ вашей крови, заключеніе грозитъ искренности первыхъ судебныхъ савоуниковъ, первыхъ слугъ вашего величества, то не должны ли мы съ ужасомъ и горестью спросить себя что же станется съ закономъ, общественною свободой, тѣсно связанною съ нашею свободой, съ національною честью и французскими правами, столь мягкими сохранить кои необходимо въ общемъ интересѣ трона и народовъ“. Постановленіе состоялось безъ участія принцевъ крови и перовъ, получившихъ отъ короля лисьменное приказаніе не являться въ парламентъ впредь до распорядженія. Тотчасъ же семнадцать перовъ сдѣлали представленіе королю, ссылаясь на свои права участвовать въ парламентскихъ засѣданіяхъ и ходатайствуя о герцогѣ Орлеанскомъ и двухъ арестованныхъ членахъ.

Пріятель. Я любопытствовалъ прослѣдить какъ относился къ событіямъ этого времени Мирабо, который жадно прислушивался къ шуму борьбы приближавшей неизбѣжный, ему желанный, переворотъ. Въ сборникѣ названномъ *Мемуарами Мирабо*, встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи нѣсколько интересныхъ указаній. Входя съ одной стороны въ сношенія съ правительствомъ, онъ съ другой имѣлъ закулисное участіе въ парламентскомъ возбужденіи. Въ началѣ октября мы видимъ Мирабо въ сношеніи съ лицомъ близкимъ Бриену, молодымъ Суфло (Soufflot). Повидимому Суфло звалъ Мирабо въ Версаль. „Что буду дѣлать я въ Версаль“, говорить въ отвѣтномъ лисьмѣ (*Mém. IV, 450*) Мирабо и указываетъ на предубѣжденіе какое министръ противъ него имѣеть. Въ то же время искусно намекаетъ что предубѣжденіе неосновательно. „Въ чемъ можетъ онъ меня упрекнуть? Въ томъ ли что я содѣйствовалъ паденію человѣка на развалинахъ

котораго онъ подвѣлся до высшей власти?... Оставьте же меня въ моемъ удаленіи. Я имѣю твердое намѣреніе не выходить изъ него пока изъ нынѣшней смуты не выйдетъ правильный порядокъ вещей и какой-либо великій переворотъ (*quelque grande révolution*) ко благу или ко злу не повелитъ каждому доброму гражданину, всегда ответственному за свои мнѣнія и даже за свои таланты, возвысить свой голосъ. Эта революція не замедлитъ. Пролетъ въ какой вошелъ государственный корабль одинаково и узокъ и труденъ. Искусный лоцманъ конечно можетъ вывести его въ открытое море. Если такой найдется, корабль спасенъ; но и онъ не можетъ обойтись безъ содѣйствія экипажа. Никакимъ матросомъ вышѣ пренебрегать не слѣдуетъ.“ Не трудно ловить чье содѣйствіе искусно предлагается. Мирабо говоритъ далѣе о займѣ и указываетъ на свой планъ изложенный въ запискахъ какія онъ представлялъ Калову. Около того же времени Мирабо (12 октября 1787) обращался съ письмомъ къ Монморену, министру иностранныхъ дѣлъ, предлагая свои услуги въ этотъ разъ по дипломатической части: „въ Варшаву, Петербургъ, Константинополь, Александрію — все равно.“ Исканія Мирабо не увѣщались успѣхомъ. Правительство не пожелало воспользоваться его услугами и сдѣлало этимъ незначительную ошибку.

Въ то же время Мирабо находилась въ сношеніи съ нѣкоторыми членами парижскаго парламента и возбуждалъ ихъ къ сопротивленію министерскимъ планамъ. 10 ноября онъ пишетъ къ какому-то молодому члену парламента, котораго, повидимому, сманивали на министерскую сторону, и подбиваетъ его примкнуть къ той партіи которая имѣла въ виду противодействовать замыслу министра надѣявшагося провести заемъ общія созвать сословныхъ представителей, но въ неопредѣленный срокъ.

„Созваніе сословныхъ представителей, пишетъ Мирабо (*Mém., IV, 461*) въ такой мѣрѣ предписывается необходимою, такъ неизбежно, что съ первымъ министромъ или безъ перваго министра, при Ахиллѣ или Ферситѣ, оно непременно будетъ, и особой благодарности правительство не получитъ, въ какую бы эпоху его ни назначило. Но если эпоха эта будетъ удалена, то это будетъ еще лишній поводъ къ недовольству, нерасположенію и зложелательству. Въ нашемъ возрастѣ, когда человѣкъ только-что освободился отъ крѣпкой мелочливости юности, вы можете имѣть прекраснѣйшую долю

въ революціи которая устроитъ Францію и разовьетъ ея величіе. Не давайтесь же въ обманъ, не теряйте вашей благородвѣйшей ставки, не повредите изъ-за личнаго дѣла игръ въ которой согласно замѣтаны интересъ и честь, ибо нація ея не проиграетъ. Данный толчекъ таковъ что даже тѣмъ кто дали его изъ дурныхъ видовъ уже поздно вернуться назадъ. Вѣкъ ушелъ уже слишкомъ впередъ, умы слишкомъ возбуждены чтобы мы могли потерять что-либо изъ того что пріобрѣли. Какъ судебный савоаникъ воспользуйтесь нелостижимымъ порядкомъ вещей сдѣлавшимъ Францію парламентскою; какъ гражданинъ содѣйствуйте всѣми силами вашими великому дѣлу конституціи и не дайте себя развлекать никакою иллюзіей, никакою уверткой. Спросите себя за много ли дней можемъ мы ручаться и боитесь медленности еще болѣе чѣмъ послѣдности.... *Vale, spes altera Romae.*"

Не правда ли любопытное письмо! Мирабо понималъ какой безповоротный шагъ былъ сдѣланъ созваніемъ нотаблей. Для него былъ ясенъ дальнѣйшій луть революціоннаго движенія, и онъ не улускалъ случая когда могъ сколько-нибудь содѣйствовать его ускоренію.

Въ парламентъ заемъ былъ отвергнуть. На другой день Мирабо пишетъ къ Монморену: „Заемъ отвергнуть. Иначе и быть не могло.... Но что будутъ дѣлать, великій Боже, что будутъ дѣлать?... Вотъ о чемъ съ ужасомъ спрашиваютъ себя добрые граждане.... Вы честный человѣкъ въ министерствѣ, вы кого мы почитаемъ добрымъ гражданиномъ; вы другъ короля, не можете его покинуть, какъ не можете обмануть и ожиданія націи въ этомъ ужасномъ кризисѣ. Вотъ почему я счелъ себя обязаннымъ предъ вашею репутаціей, предъ добротой какую вы мнѣ оказывали, предъ привязанностью какую она внушила, наконецъ предъ самимъ собою, не остаться въмолвующимъ среди безумнаго отчаянія моего отечества.“ Мирабо стращаетъ банкротствомъ, какъ позоромъ и несчастіемъ страны. Что же дѣлать? спрашиваетъ онъ далѣе, и даетъ обстоятельный отвѣтъ. „Возвѣстить въ точныхъ и торжественныхъ выраженіяхъ созывъ сословныхъ представителей на 1789 годъ. Безъ нихъ обойтись уже нельзя. Тщетно удалять злоху созыва.... Годъ когда король соберетъ націю будетъ лучшимъ годомъ его жизни.... Франція возродившаяся внутри, подаявшаяся вѣнъ, локроетъ монарха лучемъ своей славы. Да, при одномъ словѣ: собраніе сословныхъ представителей въ 1789 году кредитъ

возродится и заемъ необходимый при современномъ положеніи дѣлъ съ избыткомъ состоится. Вы знаете, теперь не то время когда милости короля было достаточно чтобы сдѣлать славу министра, немилости чтобы ее увачтожить. Источникъ истинной славы теперь инакъ и выше: теперь отъ націи и только отъ націи будетъ зависѣть политическая фортуна (c'est la nation seule qui fera les fortunes politiques). Прочтите и перечтите, умоляю именемъ отечества, эти наскоро набросанныя строки, которыя шлю вамъ подъ печатью секретѣйшаго довѣрія.“

Монморенъ предлагалъ Мирабо написать сочиненіе противъ парламентовъ. Изъ черноваго его отвѣта, facsimile котораго приложено къ *Межуарамъ*, видно какъ Мирабо колебался, хотѣлъ было принять на себя составленіе сочиненія, написалъ: „je ferai l'ouvrage que Vous me demandez, я напишу сочиненіе которое вы у меня спрашиваете“ и потомъ вычеркнулъ эти слова. Онъ доказываетъ что при условіяхъ въ какія поставило себя правительство такое сочиненіе было бы бесполезно и несвоевременно. „Правительству слѣшкомъ не довѣряють, и не безъ основанія.... Я никогда не поведу войны съ парламентами иначе какъ въ присутствіи націи. Тогда, и только тогда они должны и могутъ быть приведены къ значенію простыхъ служителей правосудія.“ Въ заключеніе Мирабо возвращается къ мысли о необходимости созыва сословныхъ представителей.

А в т о р ь. Послѣ громкаго событія 19 ноября 1782 года сопротивленіе парламентовъ продолжалось. „Они образовали, по выраженію Мармонтеля, общую лигу противъ министерства.“ Въ Парижѣ, въ январѣ 1788, состоялись парламентскія постановленія противъ употребленія lettres de cachet и административныхъ высылокъ. Постановленіе сопровождалось энергическими заявленіями противъ произвольныхъ дѣйствій правительства. Правительство рѣшилось было на энергическія дѣйствія. Хотѣли выслать значительную часть членовъ парламента, ограничили призывомъ парламента въ Версаль и заявленіемъ неудовольствія. Постановленія его предписано вычеркнуть изъ протоколовъ. Правительство однако не прочь было отъ уступокъ. Въ декабрѣ было объявлено о созывѣ представителей, но чрезъ пять дѣтъ. Въ мартѣ 1788 герцогъ Орлеанскій былъ возвращенъ изъ изгнанія и сталъ популярнѣйшимъ лицомъ въ Парижѣ.

Но о соглашеніи съ парламентомъ нельзя было и думать. Тогда Бриенъ замыслилъ обширный, крайне рискованный планъ, уничтожить значеніе парламентовъ, возстановивъ древнее учрежденіе именовавшееся *conseil plénier*, или точнѣе, образовавъ новую высшую палату на обязанности которой было бы заносить въ сводъ всѣ законы общіе для королевства. Хранитель печатей Ламуаньонъ возставалъ противъ идеи *conseil plénier* и предложилъ ослабить парламенты усиливъ значеніе судей низшей сравнительно инстанціи. Бриенъ настоялъ на необходимости *conseil plénier*. Образовался обширный планъ, осуществлявшій много желанныхъ усовершенствованій въ дѣлѣ правосудія, но вмѣстѣ съ тѣмъ равнозначительный съ уничтоженіемъ парламентовъ. „Мнѣніе“ предполагалось удовлетворить объявленіемъ скорого созыва представителей.

Возможность такого рѣшительнаго плана есть свидѣтельство что правительство далеко не сознавало той степени слабости до какой была уже доведена власть. Бриенъ былъ склоненъ переходить отъ крайности къ крайности, но едва ли онъ рѣшился бы приступить къ такой реформѣ какъ уничтоженіе политическаго значенія парламентовъ въ эпоху когда парламенты стояли на высотѣ своей популярности, еслибы не имѣлъ увѣренности въ полной крѣпости королевской власти несмотря на увлеченіе мнѣнія. Въ такое время, при имѣвшихся на лицо средствахъ, такой крутой поворотъ кажется теперь почти безумствомъ, но не казался таковымъ въ маѣ 1788 года.

Мѣры заготовлялись въ великой тайнѣ. Ихъ предположено было объявить во всемъ королевствѣ 8 мая 1788 года. Губернаторамъ провинцій было предписано быть на своихъ мѣстахъ, отданы распоряженія военнымъ начальникамъ въ городахъ гдѣ были парламенты. Тайна впрочемъ не сохранилась. Эпременцлю удалось какъ-то достать оттискъ печатавшихся постановленій. 3 мая парламентъ собрался въ засѣданіе и составилъ знаменательное постановленіе въ которомъ выразилъ „основныя начала Французской монархіи“. Рѣшеніе было принято единогласно, о чемъ и упомянуто въ заявленіи. „Парламентъ, сказано между прочимъ въ немъ, объявляетъ что Франція есть монархія управляемая королемъ по законамъ... Нація имѣетъ право свободно дѣлать постановленія о налогахъ чрезъ посредство собранія сословныхъ представителей

правильно созываемаго и оставленнаго... Сохраненіе особенностей и правъ провинцій.... Судьи не смѣлемы.... Парламентъ имѣетъ право провѣрять въ каждой провинціи королевскія велѣнія, внося въ сводъ тѣ кои согласны съ конституціонными законами провинціи и основными законами государства. Каждый гражданинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приведенъ предъ иныхъ судей кромѣ своихъ естественныхъ, то-есть указанныхъ закономъ... Никто ни по чьему приказанію не можетъ быть задержанъ, не будучи немедленно передавъ въ руки компетентныхъ судей.“ (Droz, 205.) Въ заключеніе члены парламента клятвенно обязались, по отношенію къ упомянутымъ началамъ, „не уполномочивать ни малѣйшаго нововведенія и не принимать никакого мѣста въ какомъ-либо новомъ учрежденіи, которое не было бы самимъ парламентомъ, составленнымъ отъ тѣхъ же лицъ съ тѣми же правами“.

Правительство въ виду такого постановленія рѣшилось дѣйствовать крутыми мѣрами. Предписано арестовать Эпремениля и еще другаго члена Гуалара. Арестъ произошелъ въ засѣданіи парламента, куда они укрылись отъ угрожающей опасности. Салье во *Французскихъ Анналахъ* такъ описываетъ сцену ареста.

„Парламентъ былъ предупрежденъ что маркизь д'Агу (d'Agoust), aide-major французскихъ гардовъ, испрашиваетъ разрѣшеніе войти въ засѣданіе, имѣя королевское порученіе. Онъ былъ немедленно введенъ, и предполагалъ передать содержаніе порученія въ выраженіяхъ которыя сгладили бы то что строгость распоряженія могла заключать въ себѣ для него неблагопріятнаго. Но видъ собранія болѣе чѣмъ изъ ста двадцати судебныхъ саовниковъ, среди которыхъ засѣдали герцоги и леры, маршалы Франціи, прелаты, невольныя внушавшіе почтеніе; тишина ночи, глубокое молчаніе царствовавшее въ залѣ суда, освѣщенной слабымъ свѣтомъ; толла идей порождавшихся величіемъ мѣста, историческими воспоминаніями, серіозностью обстоятельствъ— все это внесло смущеніе въ душу маркиза, и онъ измѣнившимся голосомъ могъ только прочесть королевское повелѣніе, гласившее: „Повелѣваю маркизу д'Агу отправиться немедленно въ палату во главѣ шести ротъ гардовъ, занять всѣ выходы и арестовать въ залѣ засѣданій или гдѣ окажутся гг. Дювала д'Эпремениля и Гуалара де-Монсабера (Goislard de Mont-

sabert) чтобы предать ихъ чинамъ высшего полицейскаго суда * (entre les mains des officiers de la prévôté de l'hôtel), получившимъ надлежащія распоряженія.“ Подписавъ *Дюдоуикъ*. Президентъ отвѣчалъ: Судъ будетъ совѣщаться. Маркизь д'Агу оправившись отъ перваго волненія и возбуждая себя къ твердости отвѣтилъ рѣзко: „Ваша форма совѣщаться, но я не знаю этихъ формъ. Мнѣ дано королевское порученіе, оно не терпитъ отлагательства и должно быть исполнено.“ Наставшая въ своемъ порученіи маркизь требовалъ отъ президента чтобъ онъ или выдавалъ двухъ сказанныхъ сановниковъ или подписалъ отказъ. Президентъ, отвергнувъ первое предложеніе презрительнымъ жестомъ, на второе отвѣчалъ что ему не въ чемъ отказывать, что онъ можетъ дать отвѣтъ только отъ имени парламента, а его волю онъ можетъ узнать только изъ совѣщанія. И кромѣ того, повелѣніе короля обращено не къ парламенту и не къ президенту, а къ подателю его, и слѣдовательно ему надлежитъ рѣшить какъ поступить. „Необходимо однако, отвѣчалъ маркизь, чтобы вы мнѣ показали этихъ двухъ господъ: я ихъ не знаю и этимъ лишень возможности исполнить приказъ.“ Тогда изъ угла залы послышался голосъ, повторенный со всѣхъ сторонъ: „Мы всѣ Эпремениль и Гуаларъ; такъ какъ вы ихъ не знаете, то арестуйте насъ всѣхъ или выбирайте.“ Глубокое молчаніе послѣдовало за этимъ восклицаніемъ. Маркизь д'Агу прерывалъ его отъ времени до времени настояніями, въ бесполезности которыхъ наконецъ убѣдился. Онъ удалился объявивъ что сдѣлаетъ донесеніе полковнику и будетъ ждать повелѣній короля... Ночь прошла какъ среди осажденной крѣпости. Всякое сообщеніе внѣ было прекращено, членамъ парламента была предоставлена только свобода выходить изъ залы засѣданія въ другія комнаты суда, но въ сопровожденіи стражи. Письма приходилось передавать начальникамъ отряда только вскрытыми. Было одиннадцать часовъ утра когда маркизь д'Агу появился вновь. Напомнивъ о своемъ порученіи, и безуспѣшно повторивъ убѣжденіе чтобы г. Эпремениль слѣдовалъ за нимъ, онъ приказалъ войти одному изъ чиновниковъ при судѣ и показать ему требуемаго члена

* Судъ этотъ засѣдалъ по подугодку въ Парижѣ (въ Луврѣ) и въ Версалѣ. Онъ состоялъ изъ „grand prévôt de France, de deux lieutenans généraux de robe courte, civile, criminels et de police, et d'un procureur du roi.“ (Cassagnac, *Hist. des causes de la rév.*, I, 359.)

парламента. Чиловникъ, по имени Артъе, обвелъ глазами собраніе, какъ бы исполняя приказъ, и затѣмъ объявилъ что не видитъ г. Эпремениля. Трижды повторялъ маркизъ приказаніе посмотреть внимательно, но получилъ тотъ же отвѣтъ и принужденъ былъ еще разъ удалиться не исполнивъ приказанія. Великодушіе произвело то чего власть безуспѣшно стремилась достигнуть въ продолженіи двадцати четырехъ часовъ. Эпремениль, чувствительно тронутый поведеніемъ чиновника и видя что тотъ теряетъ чрезъ это и мѣсто и свободу, хотѣлъ пощадить его отъ этихъ бѣдъ, попросилъ позвать маркиза д'Агу и открылся самъ. „Я, сказалъ онъ, тотъ членъ парламента котораго вы пришли съ вооруженною силой захватить во святилищѣ закона.“ Затѣмъ нѣсколько разъ переспросилъ о свойствѣ повелѣнія и средствахъ какія маркизъ долженъ былъ употребить для приведенія его въ исполненіе. „Я хочу, сказалъ онъ, пощадить собраніе и самого себя отъ ужаса зрѣлища какое намъ приготовлено. Объявляю что принимаю отвѣтъ вашъ равнозначащимъ употребленію насилія въ моемъ лицѣ. Слѣдую за вами.“ Обратившись къ парламенту, прибавилъ: „Я жертва которую заклали на самомъ алтарѣ, преступленія мои въ томъ что я защищалъ общественную свободу отъ безчисленныхъ на нее покушеній. Желаю чтобы побѣда одержанная нынѣ врагами законовъ не причинила зла государству. Прошу собраніе не забыть преданности какую я ему оказывалъ и могу увѣрить, какая бы участь меня ни ожидала, какія бы предложенія ни были мнѣ сдѣланы, я всегда останусь достойнымъ быть однимъ изъ его членовъ.“ Онъ сошелъ со своего мѣста объявись съ окружавшими и послѣдовалъ за маркизомъ. Маркизъ хотѣлъ передать его въ руки молодого подпоручика, но съ тѣмъ сдѣлалось дурно при этомъ порученіи. Маркизъ самъ увелъ г. Эпремениля“ (*Ann. franç.* приведено издателями мемуаровъ Вебера, I, 483).

Прія т е л ь. Въ этомъ очевидно калыщенномъ и театральномъ описаніи, даже съ обморокомъ юнаго офицера, заслуживаютъ вниманія слова вложенныя въ уста Эпремениля. Онъ говоритъ: „Какія бы предложенія ни были мнѣ сдѣланы.“ Онъ ждалъ значить что его будутъ смакивать. Слабое правитель-ство въ самыхъ рѣшительныхъ своихъ дѣйствіяхъ, пуская въ дѣло весь аппаратъ неограниченной власти, не внушало особаго страха и ясно что не требовалось очень большого

гражданскаго мужества сопротивляться ему. Веберъ, который, привлеченный любопытствомъ, самъ былъ въ этотъ день если не въ засѣданіи, то въ залахъ суда, разсказываетъ эпизодъ менѣе театрално и нѣсколько иначе. По его словамъ, Эпременилла побудило открыться замѣчаніе одного молодого члена что еслибъ онъ былъ на мѣстѣ Эпременилла, то не сталъ бы изъ-за личнаго своего дѣла компрометтировать весь парламентъ. Веберъ утверждаетъ также что арестованный Эпременилла, проходя по двору суда, локушался взволновать народъ. Послышалось нѣсколько криковъ, но тѣмъ и кончилось.

А в т о р ь. 8 мая 1788 года состоялось объявленіе объ учрежденіи *conseil plénier* и о судебной реформѣ. Король въ Версалѣ открылъ засѣданіе *lit de justice* словами упрека къ парламентамъ. „Цѣлый годъ, сказалъ онъ, парижскій Парламентъ позволялъ себѣ всяческія правонарушенія. Провинціальныя парламенты подражали ему. Въ результатѣ вышло неприведеніе въ дѣйствіе законовъ заслуживающихъ всяческаго вниманія и желанныхъ, проволочка въ дѣлахъ самыхъ важныхъ, потеря кредита, прекращеніе правосудія, наконецъ потрясеніе всего общественнаго зданія. Общественное спокойствіе, охраненіе котораго моя обязанность по отношенію къ моимъ народамъ, ко мнѣ самому и къ моимъ преемникамъ, требуетъ чтобъ я положилъ конецъ этимъ нарушеніямъ.“ Столь повидимому твердо объявленное рѣшеніе правительство оказалось безсильнымъ исполнить. Новыя мѣры возбудили общій ропотъ всюду гдѣ занимались политикою. Средній классъ въ тѣсномъ смыслѣ смотрѣлъ на происходившее какъ на борьбу правительства съ парламентами, къ которымъ сочувствія не питалъ, и оставался спокоенъ. Но оцѣнить выгоды новаго порядка можно было только въ его примѣненіи, а между тѣмъ отправленіе правосудія пріостановилось въ королевствѣ. Сановники изъ коихъ должна была составиться новая палата улобно отказывались участвовать въ ней. Въ Парижѣ стали проявлять себя низшіе элементы мятежа, поощряемые подъ рукой. „Магистратура, говоритъ Мармонтель (IV, 25), выдвинула чернь на свою защиту, и безнаказанно чинились на глазахъ полиціи дерскія явленія своевольства.“ О волненіяхъ въ эту эпоху Безаваль говоритъ (*Mém.* § 41): „Легко представить себѣ какъ эти событія увеличивали народное волненіе, раздуваемое парламентскими. Покушенія были пропорціональны раздраженію и въ особеннота

безнаказанности. Тщетно стража стремилась противостоять беспорядкамъ. Чернь болѣе многочисленная чѣмъ стража не только брала надъ нею верхъ, но и обходила съ ней чрезвычайно дерзко. И такъ какъ было предписано не употреблять оружія, то ей оставалось бѣгство. Такая слабость увеличивала дерзость черни, которая начала нападать на стражу, выгонять ее съ гаунтвахтъ въ разныхъ мѣстахъ Парижа и разрушать ихъ.“

И въ высшихъ слояхъ парламенты нашли дѣятельныхъ союзниковъ. Ихъ сторону приняли нѣкоторыя провинціальныя дворянства во имя мѣстныхъ привилегій. Въ провинціяхъ разыгрались сцены мятежа, предвѣстники революціи. Особенно характеристичны явленія въ шумной Бретани. Бретань принадлежала къ привилегированнымъ провинціямъ, имѣла сословныя собранія; ея крикливое и бурливое дворянство ревниво дорожило привилегіями и охотно вступало въ борьбу за ихъ охраненіе.

Эпоха сословныхъ собраній здѣсь всегда была весьма шумною. „Обѣдали, описываетъ Шатобрианъ (*Chateaubriand, Mém. d'outre-tombe* II, 11), у коменданта, обѣдали у предводителя дворянства (*président de noblesse*), обѣдали у предсѣдателя собраній духовенства, обѣдали у главнаго казначея (*trésorier des états*), обѣдали у интенданта провинціи, обѣдали у президента парламента. И пили!... Дворяне присутствовавшіе на собраніи очень напоминали польскіе сеймы... Госпожа Севинье такъ описывала подобные сѣзды своего времени: „Безчисленное множество подарковъ, немсій, поправокъ до рога и городовъ, пятнадцать или двадцать большихъ обѣдовъ, постоянная игра, вѣчные балы, спектакли, опера разъ въ недѣлю, великое щегольство—вотъ сословный сѣздъ (*voilà les états*). Я забыла триста или четыреста выпитыхъ боенокъ лива!“

„Бретонское дворянство, разказываетъ Шатобрианъ, бывшій очевидцемъ событій, безъ разрѣшенія собралось въ Реннѣ (въ концѣ мая 1788) чтобы протестовать противъ учрежденія *conseil plénier*. Я отправился на этотъ сеймъ. Это было первое въ моей жизни политическое собраніе на которомъ я присутствовалъ. Я былъ ошеломленъ и забавлялся криками какіе слышалъ. Вздвигали на столы, на кресла, жестикулировали, говорили всѣ разомъ. Маркизь Тремерга (*Trémérgat*) на деревашкѣ кричалъ голосомъ стевтора: „Пойдемте всѣ къ

коменданту Тиару (Thiard); скажемъ ему: Бретонское дворянство пришло къ вамъ и хочетъ говорить съ вами; самъ король не отказалъ бы ему въ томъ.“ Тиара встрѣчена громкимъ *браво*. Маркизь началъ орать: „Самъ король не отказалъ бы намъ въ этомъ“. Крики и топанье удвоились. Мы отправились къ графу Тиару, человѣку придворному, эротическому поэту, человѣку мягкаго и легкомысленнаго характера, смертельно скучавшему нашимъ гвалтомъ. Онъ смотрѣлъ на насъ какъ на кабановъ или дикихъ звѣрей. Горѣлъ желаніемъ скорѣе покинуть нашу Арморикю и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія закрыть предъ нами двери своего жилища. Ораторъ нашъ высказалъ что хотѣлъ, послѣ чего состоялась наша декларация: „Объявляемъ безчестными всѣхъ кто рѣшится принять мѣста въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ или въ управленіи, несогласованныхъ съ конституціонными законами Бретани (lois constitutives de la Bretagne)“. Двѣнадцать дворянъ были избраны отвезти этотъ документъ королю. По прибытіи ихъ въ Парижъ, ихъ заключили въ Бастилію, откуда они скоро вышли съ ореоломъ геройства, были приняты по возвращеніи съ лавровыми вѣтвями. Мы носили тогда широкія перламутровыя луговицы съ надписью вокругъ полатыни: „лучше смерть чѣмъ безчестіе“. Мы торжествовали надъ дворомъ, надъ которымъ весь свѣтъ торжествовалъ, и летѣли вмѣстѣ съ нимъ въ ту же пропасть.“

На мѣсто арестованныхъ двѣнадцати депутатовъ дворянство выслало новыхъ, уже нѣсколько десятковъ. Со своею ственною правительству непослѣдовательностію эти были приняты. О представленіи какое повергалось на воззрѣніе короля можно судить по слѣдующему отрывку:

„Министры вашего величества развернули въ городахъ нашихъ всѣ алпараты войны, подняли громкій голосъ деспотизма, заглушили голосъ законовъ. Они мнили что страхъ принудить насъ къ молчанію: они ошиблись... Голосъ общественнаго мнѣнія, имѣющій болѣе силы велѣнія чѣмъ голосъ министровъ и королей, заклеимилъ впередъ всякаго кто приметъ мѣсто въ этой новоустроенной палатѣ (cour plénière) и въ трибуналахъ не признаваемыхъ націей, установленныхъ противъ всѣхъ законовъ, основанныхъ на развалинахъ истинной магистратуры... Ваши министры обманули васъ, государь: они преступны. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, вашимъ поданнымъ

достаточно противопоставить министерское поведение съ характеромъ монарха, котораго они обожаютъ.“ (Eggers, IV, 171.)

Отвѣтъ короля депутатамъ Бретани 10 іюня 1788 былъ таковъ (Eggers, IV, 181): „Я чрезвычайно недоумелъ происшедшимъ въ Реннѣ. Прокуроръ-судикъ осмѣлился возставать противъ моихъ эдиктовъ, даже еще не знаа ихъ, и клевететь на заключающіяся въ нихъ распоряженія. Дворяне собрались въ значительномъ числѣ безъ моего позволенія, и это отсутствіе полномочія еще малѣйшій изъ недостатковъ ихъ собранія. Коммиссія позволила себѣ шаги которые назову только необдуманными и нежелательными. Члены парламента, не довольствуясь протестомъ противъ эдиктовъ, въ такой мѣрѣ, вопреки моему повелѣнію, умножили свои собранія и дѣйствія неповиновенія что я вывелся вынужденнымъ ихъ разсѣять и не могу имъ дозволить возвратиться въ ихъ собственномъ интересѣ... Сообщите вашимъ согражданамъ что снисходительность короля имѣетъ предѣломъ моментъ когда начинается грозить опасность общественному порядку.“

Беарнское дворянство также протестовало, въ сепаратистскомъ духѣ, по поводу учрежденія *conseil plénier* (Eggers, IV, 160). „Неожиданный ударъ въ одинъ день поразилъ все королевство. Вѣрные подданные всѣ удивлены и огорчены... Внезапное разрушеніе трибуналовъ, правительственныхъ кары, прекращеніе правосудія, что инде могутъ видѣть во всемъ этомъ ваши народы, какъ не желаніе министровъ вашего величества разрушить основныя законы государства? Государь, народы должны были существовать прежде королей: есть необходимо нѣкоторый договоръ между государями и народами. У Беарнскаго народа общаго съ провинціями вашего королевства одно: счастье жить подъ вашимъ правленіемъ. Общія повелѣнія по королевству не относятся до нашей страны: здѣсь она не имѣютъ силы. Мы не должны принимать ихъ отъ отдаленнаго трибунала чуждаго странъ и ея конституціи.“

Представители сословій въ Провансѣ, въ свою очередь, говорили: „Новая система законодательства, поддержанная страшнымъ аппаратомъ власти, внесенная въ сводъ по высшему повелѣнію, то-есть безъ свободнаго обсужденія, присоединяетъ насъ ко Французскому королевству въ качествѣ не болѣе какъ простой его провинціи.“ Представленіе заключается просьбой немедленнаго созыва сословныхъ представителей.

Въ Дофинѣ, въ Греноблѣ, происходили событія подавшія

поводъ къ сценамъ самаго скандальнаго свойства. Дворяне, собравшись 11 мая, чрезъ три дня послѣ опубликованія эдиктовъ, постановили отправить депутаціи къ королю и просить отмены эдиктовъ, возобновленія сословныхъ собраній (*états particuliers*) въ Дофинѣ и созыва сословныхъ представителей королевства. Члены парламента, не имѣя доступа въ залы палаты, уже залертыя, собрались у своего президента и составили протестъ, оканчивавшійся словами: „Надо же наконецъ показать имъ (министрамъ) что можетъ великодушная нація которую они хотятъ заковать въ цѣпи“. Приняли именныя приказы предписывавшіе членамъ парламента выѣхать изъ города въ свои имѣнія. Въ городѣ началось волненіе. Лавки залерли, на всѣхъ колокольняхъ забили въ набатъ, толпы собрались на улицахъ, осадили жилище военнаго начальника (герцога Клермонъ-Тоннера) и несмотря на довольно сильныя отряды войскъ ворвались во дворъ. Герцогъ появился у окна, уговаривая толпу, но тщетно. На звукъ набатовъ сбѣжались тысячи издѣ предѣльцевъ. Дворъ, садъ, домъ военачальника наполнились народомъ. Могира разбиты, мебель переломана и летитъ въ окна. Герцога схватили за шиворотъ, толпой поднять надъ его головой. Его заставляють подписать калитуляцію: ею онъ обязывался считать разосланныя приказы медвѣдствительными, возвратитъ ключи залы засѣданія, велѣтъ войскамъ, — и такъ оставшимся въ бездѣйствиіи — возвратиться въ казармы. Толпа бросилась въ помѣщеніе парламента, опозоривъ его сценами пьянства и разврата (*par des scènes d'ivresse et de prostitution*); другіе отправились разыскивать членовъ парламента, привели кого услѣли, заставили засѣдать, украсивъ предѣдателя вѣнкомъ изъ розъ. На другой день парламентъ составилъ протоколъ въ которомъ, отклоняя отъ себя всякую отвѣтственность за происшедшее, заявлялъ что только насиліе не позволило ему исполнить королевскія повелѣнія. Городское управленіе прислало благодарность отряду охранявшему домъ военнаго начальника за то что щадилъ народъ, то-есть тому отряду который допустилъ толпу подвергнуть его начальника позорнѣйшему насилію. Вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось удаленіе отряда *Royal-marine* убившаго двухъ мятежниковъ когда въ него летѣли тысячи камней.

Такъ разказываетъ Веберъ, прибавляя: „Читатель замѣтитъ конечно съ грустію какой страшный шагъ сдѣлало общее

разстройство. Не только собраніе дворянъ, корпораціи судебныхъ сановниковъ находятся въ состояніи противленія власти, но и часть арміи представляетъ распущенность близкую къ мятежу. Тамъ набиваютъ пеллою дула ружей; здѣсь офицеръ допускаетъ въ ряды солдатъ публичныхъ женщинъ, безстыдствомъ связывающихъ ихъ дѣятельность. Одному отряду приказъ стрѣлять былъ данъ унтеръ-офицеромъ, а офицеръ тому противился. Солдаты тогда еще не безъ удивленія слышали слова, къ которымъ потомъ привыкли: „неужели будете стрѣлять въ братьевъ? Съ этой минуты стало несомнѣнно что посылать въ воюющійся городъ войска значило скорѣе испытывать вѣрность солдатъ чѣмъ приводить въ повиновеніе подданныхъ“.

Парламенты были въ борьбѣ съ правительствомъ. Дворяне въ мѣстностяхъ гдѣ пользовались нѣкоторыми политическими правами принимали сторону парламентовъ. Архіепископъ-министръ разчитывалъ на поддержку духовенства. Въ іюнѣ 1788 года созвано было въ Парижѣ общее собраніе духовенства, въ надеждѣ получить отъ него субсидію въ формѣ *don gratuit*. Финансовыя отношенія духовенства къ государству были весьма неправильныя. Оно само дѣлало раскладку приходившихся на его долю государственныхъ повинностей, не допускало оцѣнку своихъ имуществъ, съ которыхъ получало до 180 милліоновъ дохода, и съ давнихъ поръ считалось обязаннымъ вносить въ казну до 10 милліоновъ. Но это было только номинально, благодаря хитро придуманной системѣ *don gratuit*. На собраніяхъ происходившихъ каждая лять лѣтъ дѣлалась постановленія о такомъ *поднесеніи*, обыкновенно въ 15 милліоновъ. Чтобъ образовать эти суммы какъ бы приносимыя въ даръ королю, духовенство дѣлало займы и проценты по нимъ вычитало изъ 10 милліоновъ своихъ повинностей. Въ 1787 году такой долгъ духовенства возросъ до 160 милліоновъ и оно улачивало около семи милліоновъ процентовъ, такъ что въ казну приходилось три милліона, изъ которыхъ король платилъ пенсіи священникамъ, суммы на больницы и духовныя учрежденія. Въ концѣ концовъ выходило что духовенство при громадныхъ имуществвахъ не только ничего не платило казнѣ, но обходилось ему болѣе чѣмъ въ милліонъ ливровъ. (Заимствуемъ этотъ расчетъ у маркиза Булье: *Mém.*, 44.)

И духовенство обратилось противъ правительства, высказалось противъ учрежденія *cour plénière* и за созваніе

сословныхъ представителей. Мягко и лукаво выступило оно въ своемъ представленіи отъ 15 іюня 1788: „Когда первое сословіе въ государствѣ, говорило оно, одно можетъ возвысить голосъ, когда общественный крикъ (*le cri public*) побуждаетъ его принести къ подножію короля общее желаніе всѣхъ другихъ, когда предписываютъ ему это и національный интересъ, и его рвеніе на службу вашему величеству, явтъ особенной славы говорить, но было бы постыдно молчать. Наше молчаніе было бы преступленіемъ котораго нація и потомство намъ никогда не простили бы.“ Духовенство входитъ за тѣмъ въ историческія подробности о *cong plénière*, какъ одной общей палатѣ для всего государства, указываетъ на особыя условія и нравы провинцій и крайнія неудобства новаго учрежденія, и переходитъ къ главному предмету—собранію сословныхъ представителей. „Соберите, государь, націю, и вы будете немобѣдимы... любовь къ вамъ вашего народа и національный духъ суть неисчерпаемая чувствованія... Ваше величество найдете среди сословныхъ представителей вѣрныхъ подданныхъ одушевленныхъ тою англичкою гордостью которая никогда послѣ пораженія не хотѣла слышать о мирѣ... Духовенство вашего королевства простираетъ къ вашему величеству умоляющія руки. Трогательно и прекрасно видѣть когда сила и могущество уступаютъ мольбамъ.“

Предъ всеобщностию требоваеи рѣшено уступить. Отвѣтъ короля заключалъ въ себѣ обѣщаніе собрать представителей и среди ихъ приступить къ совершенію великаго дѣла возрожденія королевства.

Духовенство (*Eggers*, IV, 308) отвѣчало въ новой меморіи 25 іюня 1788: „Ваше величество хотите посреди собранія сословныхъ представителей обезлечить свободу и счастье народовъ. Такое благородное чувствованіе могло выдти лишь изъ великой души. Да пошлетъ небо намъ скорѣе насладиться его счастливыми послѣдствіями. Всѣ права будутъ уважены, всѣ части государственнаго тѣла приведены во взаимное равновѣсіе, направляемые вашею мудростию. Тронъ заблещетъ новымъ блескомъ... Франція сильная своимъ древнимъ, государственнымъ строемъ (*forte de son ancienne constitution*) удержитъ свое положеніе во вселенной и поведетъ страну на враговъ.“ Надо замѣтить что политическое значеніе Франціи быстро упало въ послѣднее время предъ революціей и, на примѣръ, въ волроств о голландскихъ столкновеніяхъ оказалось весьма слабымъ.

Декретомъ 8 августа 1788 съезды сословныхъ представителей въ маѣ 1789 года были объявлены всеародно. Вынотъ съ тѣмъ послѣдовала равносильная отиѣтъ отсрочка несущественнаго еще учрежденія. „Его величество, сказаво въ декретѣ, рѣшилъ приставить учрежденіе оуи рленіе до собранія сословныхъ представителей и подождать, относительно существованія этого учрежденія, состава его и предѣловъ власти, представлений какихъ могутъ быть сдѣланы собраніемъ.“ Такъ мотивировано отступленіе (Eggers, IV, 324). Въ надеждѣ угодить мнѣнію прибавлено: „Его величество не допуститъ чтобы какая-либо изъ отдѣльныхъ корпорацій перешла границы ей предписанныя въ то время когда ему угодно *есть сручить кауи елоиъ по мованіе тѣмъ же правали бама ой принадлежатъ.*“ Резолюціонная доктрина торжественно признана королемъ. Незадолго предъ тѣмъ съ цѣлью также лобызитъ мнѣнію правительство обратилось къ содѣйствию общества и печати нобуждая (постановленіе севѣта 5 іюля 1788) къ собранію и доставленію стѣдній и соображеній касательно прежнихъ собраній сословныхъ представителей и наилучшаго устройства предстоящаго собора. Но и такое рѣшительное вступленіе на путь утжденія мнѣнію не могло уже поправить положеніе Бриена. Дни его были сочтены. Финансовое положеніе оставалось затруднительнымъ, и когда при срокѣ платежей пришлось объявить родъ банкротства, постановивъ уплачивать ренгу на двѣ пята монетой и на три пята бумажными обязательствами, общее неудовольствіе разразилось съ неудержимой силой. Представился одинъ исходъ. Въ интимныхъ совѣтахъ двора рѣшено уволить Бриена и привать къ управленію финансами популярнаго Неккера. „Я былъ, говоритъ Неккеръ, призванъ въ Версаль. Король пожелалъ меня видѣть въ кабинетѣ королевы и въ ея присутствіи. Въ великой добротѣ своей онъ испытывалъ нѣкоторое смущеніе, такъ какъ въ прошломъ году онъ меня выслалъ. Я говорилъ ему только о моей преданности и моемъ почтеніи. Съ этой минуты я вновь занялъ то мѣсто моего монарха какое имѣлъ въ прежнее время.“ (De la rev., I, 43.)

За отставкой Бриена послѣдовала отставка Ламуальиона, ненавистнаго парламентамъ. Послѣдній не долго пережилъ паденіе. Парламентская ненависть преслѣдовала его въ семьѣ. Благодаря ей разстроилась свадьба его сына. Разбитый

духомъ, Ламуаньѳомъ кончилъ жизнь самоубійствомъ въ маѣ 1789 года.

Неккеръ возвратился. Восторгамъ не было, казалось, конца. Она вернетъ обиліе, она надежда націи, злые гевіи бѣгутъ при его видѣ. Не успѣлъ онъ вступить, его уже поздравляютъ со счастливою администраціей. Ему посвящаются оды; портреты его всюду, на табатеркахъ, даже на пуговицахъ. Города даютъ праздники и переименовываетъ одну изъ улицъ въ улицу Неккера. Выбито до четырнадцати медалей въ его честь. (*Challamel Hist.-Musée de la rév. fr. Paris, 1857, 17.*) Фейерверки, иллюминаціи. „Въ Греноблѣ курьеръ привезшій великую новость прибылъ днемъ. Жители не дождавшись ночи зажгли иллюминацію.“ (*Droz, 216.*)

Низкій судейскій людъ и чернь ознаменовали восторги по случаю паденія Бриена и Ламуаньѳона сценами скандала и буйства. Изображенія архіепископа Савскаго и Ламуаньѳона, пишетъ Безавваль (*Mem., 349*), были сожжены. Площадь Дофина походила на поле битвы по громадному числу постоянно бросаемыхъ петардъ. На Pont Neuf останавливали экипажи и проходящихъ, заставляли становиться на колѣна предъ статуей Генриха IV. Женщины освобождались отъ этой церемоніи, но и мужчины и женщины должны были кричать: да здравствуетъ Генрихъ IV, къ чорту Ламуаньѳона! Случалось что у проходящихъ брали деньги подъ предлогомъ покупки ракетъ. Затѣяли устроить похороны Ламуаньѳона. Отъ Pont Neuf лотавались веревницей два ряда факельщиковъ и направлялись къ Гревельской улицѣ, гдѣ былъ домъ хранителя печатей: котѣли поджечь его. Одинъ изъ моихъ людей находившійся въ толлѣ слышалъ этотъ заговоръ и побѣждалъ увѣдомить людей Ламуаньѳона. Тотъ потребовалъ военную силу изъ Дома Инвалидовъ, и когда скопище приблизилось, командовавшій офицеръ говорилъ съ такимъ жаромъ и угрозами что произвелъ дѣйствіе. Все отхлынуло къ дому Бриена (графа) на улицѣ Св. Доминика, также съ намѣреніемъ произвести пожаръ. Графъ Бриенъ только что вернувшійся домой, вида происходящее, бросился въ Домъ Инвалидовъ. Посланъ отрядъ, и тогда какъ онъ входилъ съ одной стороны улицы, съ другой подослѣлъ отрядъ Французскихъ гардовъ, получившихъ приказъ прекратить обнаружившіеся безпорядки. Командовавшій отрядомъ сержантъ подвергся оскорбленіямъ, получилъ даже ударъ; онъ двинулъ

отрядъ на толпу которая не могла убѣжать встрѣтивъ отрядъ изъ Дома Инвалидовъ. Нанесены были удары штыками, были убитые и раненые. Пока эта сцена происходила въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, болѣе кровавая разыгралась на улицѣ Меле (Mehlée), гдѣ жилъ Дюбуа, командиръ внутренней стражи, противъ котораго какъ и противъ его команды была озлоблена чернь. Съ Pont Neuf большая толпа двинулась къ площади Дофина съ намѣреніемъ истребить всѣхъ стражниковъ кто попадется и сжечь домъ Дюбуа. Увѣдомленный вовремя, онъ далъ приказъ командѣ скрыться въ домахъ улицы Меле. На своемъ дворѣ поставилъ конную стражу, и когда толпа наполнила улицу выдвинулъ лѣвшихъ стражниковъ со штыками изъ домовъ, тогда какъ отрядъ двинулся прямо на толпу съ саблями. Этимъ онъ спасъ себя и свой домъ, но было много раненыхъ и убитыхъ.“

Много убитыхъ, это повидимому преувеличеніе, основанное на слухахъ.

Любопытно какъ отнесся къ этимъ сценамъ парламентъ. „Парламентъ, говоритъ Салье (приведено въ мемуарахъ Мирабо, V, 161), счелъ обязанностію собрать свѣдѣнія о происшедшемъ, и первое послѣ того собраніе его обратилось въ возданіе почестей черни. Ничѣмъ неоправдываемое беспорядочное волненіе, сцены крайняго буйства (scènes de brigandages) представились невинными въ глазахъ парламента, и обвиняемыми явились полицейскіе офицеры и военные начальники. Декламациі вожаковъ партіи были повторяемы судебными сановниками. Они говорили, какъ бы въ священномъ негодованіи, о преступной стрѣльбѣ въ народъ, о неизвѣстномъ, но надо де думать громадномъ числѣ убитыхъ и раненыхъ. Рисовали картины какъ солдаты будто бы не усмирляли мятежныхъ, а безразлично набрасывались на всѣхъ проходящихъ и т. д. Послѣдствіемъ этихъ рѣчей былъ призывъ къ рѣшеткѣ парламента полицеймейстера (lieutenant de police) и командира внутренней стражи (commandant de guet). Ихъ призвали среди засѣданія. Народъ наполнявшій залы нагло ликовалъ. Призванные чиновники были оскорбляемы при проходѣ, надо было тайно проводить ихъ изъ засѣданія чтобы спасти отъ ожидавшихся оскорбленій при выходѣ. Парламентъ заключилъ засѣданіе постановленіемъ подвергнуть разслѣдованію не сборища и мятежныя дѣйствія, но превышеніе власти со стороны полиціи и внутренней стражи.

Другимъ постановленіемъ, болѣе благоразумнымъ, воспрещались сборища и пусканіе ракетъ. Но чтобы не потерять расположенія толпы, въ томъ же постановленіи прибавлено увѣщаніе лолціи обращаться съ народомъ гуманно, благоразумно и умѣренно. Народъ такъ хорошо понималъ постановленіе что сборища и шумныя выраженія восторговъ продолжались попрежнему, лолціи и стража были правильно каждый вечеръ оскорбляемы.“

Наступила послѣдняя зима старой Франціи. Хлѣбъ былъ дорогъ, такъ какъ лѣто 1788 года было несчастно для земледѣлія: страшный градъ опустошилъ множество мѣстностей. На дворѣ стояли большіе холода; много дней держалась температура семнадцать градусовъ мороза. За то никогда благотворительность не достигала такихъ значительныхъ размѣровъ. Еще лѣтомъ была обильная подписка для пострадавшихъ отъ града. Французскій Театръ, Опера, Италіанскій Театръ давали представленія въ пользу потерпѣвшихъ. Зимой герцогъ Орлеанскій, искавшій всячески популярности, учредилъ даровую раздачу хлѣба въ разныхъ приходахъ и устроилъ для холодныхъ дней костры на площадяхъ; о бокъ со своимъ дворцомъ устроилъ двѣ даровыя кухни. Архіепископъ Парижскій Жюинье (Juigné), не только потратившій весь свой доходъ, но и вошедшій въ долги чтобы помогать бѣднымъ, еще усилялъ свою благотворительность. Король приказалъ сдѣлать порубки въ прилежащихъ къ Парижу лѣсахъ и раздавать даромъ дрова, носилъ дырявые башмаки и позволялъ себѣ проигрывать не болѣе экю въ триктракъ.

Въ высшемъ кругѣ увеселенія шли своимъ чередомъ. По случаю холода вошли въ особую честь муфты, и франты прогуливались мося на себѣ, по калризу тогдашней моды, по двое часовъ и скрывая руки въ громадныхъ муфтахъ. Игра достигла крайнихъ предѣловъ; мушкетеры и жевщины ночи проводили въ игорныхъ притонахъ высшаго тона, носившихъ наименованіе *ada*. Карнавалъ былъ продолжительный и блестящій. Шелковыя кофты (*caracos de satin*), китайскіе башмачки, бархатные ланталоны, фраки съ цвѣтною подкладкой, пряжки *aux poeds d'amour* и *aux coquilles*, редиинготы и двойныя воротники дѣлали фуроръ (Challamel. *Hist.-Musée*, I, 22).

Но крушеніе приближалось. Точно предвѣдая грядущіе ужасы, одянь проповѣдникъ, бывшій іезуитъ, отецъ Борегаръ (Beauregard), произнесъ Великимъ Постомъ съ церковной

каждыя замѣчательныя слова, которыя чрезъ четыре года кощунство Гебера и Шометта, съ богишей разума въ крамѣ Парижской Богоматери, обрѣкло въ удивительное пророчество. „Да, Господи, воскликнулъ оны, Твои крамы будутъ раскиданы и разрушены, Твои праздники уличены, кула пропалесется на имя Твое, служеніе Тебѣ будетъ пресѣдаться. Но что слышу я, великій Боже? Что вижу? Святые исполненія, потрясавшія священныя своды въ честь Тебя, замѣнены мерзостными и безстыдными лѣсками! И ты, мерзостное божество алычества, мерзостная Венера, дерзко занимаешь мѣсто Бога живаго, сядишь на престолъ гдѣ святая святыхъ. Тебѣ курать землемъ твои новые обожатели“ (Lacretelle, *Hist. de France*, VII, 11. Paris 1821).

РАЗГОВОРЪ ДВАДЦАТЫЙ.

Авторъ. Періодъ которымъ мы занимались, — отъ раслушченія собора потоблей въ маѣ 1787 года до правительственнаго рѣшенія, состоявшагося въ августѣ 1788, созвать сословныхъ представителей и до замѣны Бриена Неккеромъ, есть, какъ мы видѣли, періодъ борьбы главныхъ государственныхъ силъ, парламентовъ и привилегированныхъ сословій съ королевскою властію. Личное личтожество короля дѣлало возможнымъ искусственное отдаленіе его отъ его правительствва. Явилась иллюзія раздѣлявшаяся громаднымъ числомъ лицъ, по положенію, вѣтуфъ и убѣжденіямъ вовсе не революціонныхъ, будто борьба направлена не къ потрясенію монархическаго строя, а только противъ деспотизма министровъ злоупотребляющихъ ижевомъ и властію короля. Духъ оппозиціи есарѣлъ до досѣдней стелани. Быть въ оппозиціи сдѣлалось не только главнымъ, но и единственнымъ средствомъ приобрѣсти значеніе. Возглашеніе неотложной необходимости созвать сословныхъ представителей сдѣлалось центромъ соединенія для оппозиціонныхъ стремленій, дало предметъ, знамя требованіямъ. Наконецъ правительство уступаетъ, и уступаетъ съ полнымъ желаніемъ заключить, по выраженію Неккера, договоръ съ общественнымъ мнѣніемъ. Именно эту задачу дѣлаетъ своею новый министръ. Если дѣйствія правительства въ полеміи согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ должны необходимо вести къ благоденствію,

то злока отъ вступленія въ министерство Неккера и созыва представителей должна бы быть самою благотвительною для страны и приготовить ей не крушеніе, а действительное возрожденіе.

Пріятедь. Не совсѣмъ думать какъ самая увлекательная, повидимому, теорія разбиваются о подводные камни действительности. Король и нація въ полномъ согласіи предпринимаютъ задачу возрожденія страны. Чего бы желать лучшаго?

Авторъ. Легко было бы благотворительствовать людямъ ослабъ историческую действительность можно было строить на добротѣ памфлетчикъ и „широко либеральныя“, по нашей терминологіи, планы. Опытъ безнадежно разбиваетъ эту иллюзію. Вѣща вѣрѣдко складывается на тѣхъ кого имѣется въ виду облагодѣтельствовать. Но подлежатъ внимательному разбору, и благодѣтели, и вся система. Французскій примѣръ представлялъ много поучительнаго матеріала. Въ физикѣ бывають опыты въ которыхъ испытателю такъ удается уединить дѣйствующую причину отъ створоннихъ причинъ могущихъ возмутить явленіе, что дѣйствіе ея обнаруживается въ полной чистотѣ и заключенія могутъ дѣлаться безъ опасенія. Подобныя опыты и называются чистыми. Къ такимъ именно принадлежатъ историческій опытъ предпринятый въ девять мѣсяцевъ съ августа 1788 года и кончившійся въ 1789 году. Правительство, въ удовольствованіе общественнаго мнѣнія, предпринимаетъ дѣло наилучшаго переустройства государства, съ согласія и по указанію націи, представителемъ собраніемъ народныхъ избранниковъ, назначенныхъ вполнѣ свободнымъ голосомъ страны, при долготщательной свободѣ печати и невозвратности общественныхъ скодокъ. Выборыныя снабжены приказаніемъ избирателей, вѣстивою выказавшихъ желанія и чаянія земан до послѣдняго ея уголка. Представители организованы въ собраніе по указаніямъ того же общественнаго мнѣнія, при самомъ искреннемъ желаніи со стороны правительства въ лицѣ его главныхъ представителей, короля и его первенствующаго министра, идти объ руку съ мнѣніемъ къ услѣдствію разрѣшенію вопроса. Вотъ какой былъ предпринятъ опытъ. Могъ ли оны не увѣнчаться ожидаемымъ услѣхомъ; могъ ли быть неудачнымъ? А если вопреки чаянія, оказался таковымъ и привелъ къ пагубнымъ результатамъ, то какой выходитъ изъ такого факта непререкаемый выводъ? Выводъ, очевидно, по меньшей мѣрѣ тотъ что всѣхъ этихъ

условіи недостаточно для разрѣшенія вопроса о государственномъ благоустройствѣ и при помощи ихъ соблюденіи возможно государственное крушеніе въѣсто государственнаго благоустройства.

Пріятель. Но былъ ли дѣйствительно опытъ, какъ ты его называешь чистымъ?

Авторъ. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія и изъ ближайшаго разбора фактовъ не трудно въ томъ убѣдиться. Укажу мимоходомъ черту свидѣтельствующую о искренности намѣренія правительства неуклонно слѣдовать тому что, повиданному, указывалось мнѣніемъ страны въ его свободномъ проявленіи. Въ запискахъ маркиза Буае, начальника войскъ въ Метцѣ въ 1789 году, родственника Лафайета, члена собора нотаблей въ 1787 и 1788 годахъ, читаемъ (*Mém., Paris 1823, стр. 68*): „Нѣкоторые друзья Неккера, люди честные и просвѣщенные, старались дать ему почувствовать неудобства начала принятыхъ имъ для образованія собранія ессловныхъ представителей и предлагали полезныя смѣненія. По ослабленію ли или по упрямству, онъ постоянно отказывалъ въ этомъ. Предлагали ему также позволить на выборы, чтобы доставить правительству нѣсколько приверженцевъ въ собраніи. Онъ отвергъ эту мѣру какъ безправотвенную; отвергъ также вскорѣ потомъ сдѣланное предложеніе привлечь подкупомъ нѣсколькихъ опасныхъ членовъ собранія.“ Буае прибавляетъ: „Неккеръ не зналъ людей и мѣрилъ ихъ въ кабинетѣ съ философскимъ компасомъ въ рукахъ.“ Въ другой разъ когда Буае обращалъ вниманіе Неккера на оласость вооружить народъ противъ высшихъ классовъ, къ чему неминуемо должны вести нѣкоторыя правительственныя мѣры, способныя возбудить чувство „мщенія, направляемого двумя дѣятельнѣйшими страстями человѣческаго сердца—своекорыстіемъ и честолюбіемъ,“ министръ „холодно отвѣчалъ, поднявъ глаза къ небу что надо же имѣть разчетъ и на людскую добродѣтель (qu'il fallait bien compter sur les vertus morales des hommes). Я возразилъ, прибавляетъ Буае что это отличный романъ; но что онъ увидитъ страшную трагедію съ окровавляемою сценою; совѣтовалъ только избѣжать катастрофы. Неккеръ улыбнулся, жена его сказала что я человѣкъ преувеличеній (un homme exagéré) и если не выразила что я

сумашедшій, то подумала это.“ (*Mirr.* 78.) Можно основательно полагать что сентиментальныя ожиданія Неккера по отношенію къ собранію народныхъ представителей были искренны. Можно привести данное самою революціей похвальное свидѣтельство теченію дѣлъ во Франціи въ эпоху правительственнаго объявленія о созывѣ собраній въ Версалѣ. Я говорю о гимнѣ въ честь новой наступающей де эры свободы на первыхъ страницахъ брошюры Камилля Демулена *La France libre*, написанной въ концѣ мая, отпечатанной въ іюнѣ 1789 года (но выданной по вѣнѣ книгопродавца 17 или 18 іюля). Послѣ нѣсколькихъ строкъ вступленія, противоположивъ эпоху Неккера, эпохѣ Цезаря, Демуленъ говоритъ „Слушайте Парижъ, Лионъ, Руанъ и Бордо, Кале и Марсель! Отъ одного конца Франціи до другаго слышится одинъ кличъ, общій кличъ. Какое наслажденіе для добраго гражданина пробѣгать провинціальныя наказы выборнымъ! Какую ярость должны они возбуждать въ сердцахъ нашихъ притѣснителей! О благодарю тебя Небо, что родился я къ концу вышшняго вѣка! Я увижу значить какъ на всѣхъ площадяхъ нашихъ возвысатся бронзовыя колонны, подобныя той какую испрашиваетъ Парижскій наказъ, и гдѣ написаны будутъ наши права и исторія нашей революціи, а учить читать дѣтей моихъ буду по тому катехизису гражданъ какого требуетъ другой наказъ. Нація ласкою выразила одно желаніе. Всѣ хотятъ быть свободными. Да, дорогіе сограждане, да, мы будемъ свободны. Кто въ силахъ тому воспрепятствовать!... И Парижъ какъ остальная Франція громко призываетъ свободу. Мерзостная полиція, это чудовище съ десятию тысячами головъ, наконецъ кажется парализована во всѣхъ своихъ членахъ. Глаза ея уже не видятъ, уши не слышатъ. Одни патріоты подымаютъ голосъ. Враги общественнаго блага молчатъ, а если осмѣливаются заговорить тотчасъ получаютъ кару за свое вѣроломство и изменничество. На колѣняхъ должны просить прощенья“... Вотъ результатъ обращенія къ свободному мнѣнію націи съ подлымъ самоустраненіемъ правительства.

Важнѣе можетъ быть другое возраженіе. Опытъ повелъ къ крушенію, но можетъ-быть крушеніе-то и требовалось. Можетъ-быть оно-то и есть то благо которое должно было родиться изъ принятыхъ мѣръ. Мы можемъ съ тобою, надѣюсь, любѣдносно доказать что въ предреволюціонную эпоху правительство

и высшіе классы дѣйствовали такъ какъ еслибъ ихъ цѣлью было произвести революціонное крушеніе въ странѣ, и что если какое-нибудь правительство желаетъ произвести въ своей странѣ революцію, то должно дѣйствовать по образцу французскаго; если же не желаетъ, должно дѣйствовать иначе. Но что же изъ этого? Можетъ быть революція-то и требуется для народнаго блага и если сопровождалась жертвами, то жертвы де эти ничто въ сравненіи съ культами или благами для человечества: вѣдь вѣтъ въ чемъ революціонная доктрина. Вѣдь восклицаетъ же въ началѣ революціонной болтовни Мишле приступая къ изображенію революціоннаго крушенія какъ завѣта всей предшествовавшей исторіи (*Hist. de la rév.* I, CXXVII): „святая, святая революція, что медленнѣе придетъ! Тысячу лѣтъ, съ порога Среднихъ Вѣковъ ждалъ я тебя; жду еще. О какъ медленно время; сколько сосчиталъ часовъ! Придешь ли наконецъ!... Что такое старый порядокъ, король, полъ въ древней монархіи? Тиранія во имя Благодети (*Grâce*). Что такое революція? Реакція справедливости, позднее пришествіе вѣчной Правды. Правда моя мать; Право мой отецъ; они едины съ Богомъ“. Правда эта къ концу страницы оказывается Любовью и становится тождественною съ Благодатою, во имя которой только что была тиранія, и такъ далѣе. Вотъ до какой мистикѣ доходитъ культъ революціи какъ благотѣльнѣйшаго переворота, хотя и не дешево де стоившаго. Надѣлила ли французская революція міръ благами и чѣмъ собственно она его надѣлила и справедливо ли пріорочивать движеніе человечества, насколько оно представляется намъ восходящимъ, ко французскому революціонному погрому, какъ къ вѣкоторой огромной ступени,—это вопросъ важный, особый, которымъ надѣюсь еще займемся, а теперь онъ отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Вернемся къ изученію любольнаго опыта. Говоря объ условіяхъ его, о согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, свободѣ выборовъ и свободѣ печати, послужившихъ дѣлу крушенія вмѣсто того чтобъ явиться средствомъ созиданія, а не желаю нисколько вносить элементъ прониіи. Желая только внимательно разобратъ явленіе. Начнемъ съ общественнаго мнѣнія. Правительство, съ призваніемъ Неккера, вступило съ мнѣніемъ въ самое искреннее соглашеніе. Какія же указанія дало оно? Чему научило оно правительство?

Въ непродожительный періодъ, отъ августа 1788 до мая 1789, и даже точнее въ послѣдніе четыре, пять мѣсяцевъ этого періода, одѣлись значительный шагъ. Сложилось среднее сословіе, *tiers état*. Не оспори возражать и прибавить что я хочу сказать. Когда мы обращаемся назадъ, то этотъ шагъ общественнаго мнѣнія намъ не представляется въ его действительной ширинѣ, и имъ охвачена не захвачена. Мы склонны представлять явленіе въ логической постепенности и думать что къ началу 1789 года среднее сословіе находилось въ томъ настроеніи какое выразилось въ писаніяхъ его хвалителей. Въ то время какъ привилегированныя сословія клонились къ ладенію, среднее возрастало богатствомъ, трудомъ, познаніями и почувствовало де наконецъ свою силу. Ощущеніе этой силы перешло де въ общественное сознаніе и стало общественнымъ мнѣніемъ страны. Печать и ораторы общественныхъ собраній явились его выразителями. Предъ напоромъ его уступило правительство. Вглядываясь ближе не трудно убѣдиться что такая картина не есть точное изображеніе явленія. Общественное мнѣніе обыкновенно вовсе не есть естественное порожденіе общественнаго организма. Исключительные случаи когда выразитель мнѣнія является действительнымъ глашатаемъ національнаго чувства или національнаго интереса напередшимъ слово для общаго ощущенія, рѣдки и знаменуютъ благодатные историческіе моменты. Такого голоса между писателями и ораторами воспитавшими революціонное мнѣніе 1789 года не нахожу. Общественное мнѣніе обыкновенно фабрикуется. Это есть мнѣніе нѣсколькихъ лицъ, иногда порожденное действительнымъ убѣжденіемъ, иногда составленное какъ придуманная формула для достиженія цѣлей властолюбія той или другой партіи. Если есть въ обществѣ закваска броженія, то пять, шесть ловкихъ агитаторовъ могутъ навязать свою формулу массѣ людей жаждущихъ чтобъ ихъ научили.

Пріятедь. Не могло же однако среднее сословіе, будущая буржуазія, не сознавать своей силы и значенія и не оскорбляться незаслуженнымъ преимуществомъ привилегированныхъ классовъ нерѣдко нагло о томъ напоминавшихъ своимъ презрѣніемъ.

Авторъ. Конечно для узора требуется канва, и если среднее сословіе одержало верхъ, къ тому были задатки. Я

говору о сознаниі политическаго значенія. Такого не было. Ощущеніе недовольства, отъ котораго впрочемъ до сознаниа себя націею съ исключеніемъ всего остальнаго еще чрезвычайно далеко, было сильно именно въ классѣ названномъ нами классомъ интеллигентныхъ разношцецевъ и отчасти въ классѣ негодяитовъ завидовавшихъ почестямъ которыхъ нельзя купить. Въ массѣ его не было, ей оно привито было искусственно. Нагаго презрѣнія которое могло бы раздражать массы также не вижу. Въ большинствѣ было готовность отказаться отъ привилегій. Угнетенія никакого.

Повторяю, среднее сословіе, какъ исключительная политическая сила, было, при содѣйствіи правительства, сочинено и создано въ краткій промежутокъ фактической свободы печати и клубнаго ораторствованья со времени замѣчательнаго постановленія королевскаго совѣта 5 іюля 1788 года. Прослѣдимъ какъ сформировалось въ этотъ промежутокъ общественное мнѣніе. Мысль моя станетъ чрезъ это яснѣе. Этотъ періодъ даетъ яркое свидѣтельство какъ быстро можетъ распространяться уваженіе въ революціонныя злохи.

Пріятель. Эта быстрота насъ удивлять не должна. Вспомни какъ было мы шагнули въ подобномъ отношеніи въ памятный годъ „умиротворенія“.

Авторъ. Совершенно вѣрное замѣчаніе. Если многое что происходило въ предреволюціонной Франціи можетъ служить поучительнѣйшимъ для насъ урокомъ, то съ другой стороны наблюденіе явленій на нашихъ глазахъ происходившихъ и происходящихъ можетъ во многомъ служить къ лучшему пониманію событій во Франціи наканунѣ 1789 года.

Перенесемъ мыслію къ осени 1788 года, въ эпоху ладенія Бриена и вступленія Неккера. Рѣшено собраніе сословныхъ представителей. Но кто будутъ призваны, какая ихъ задача, что будутъ они дѣлать и что должны сдѣлать? Въ злоху объявленія о созывѣ всѣ эти вопросы были въ великомъ туманѣ. Всѣ произносили желанное и роковое слово—*états généraux*, но ни въ правительствѣ, ни въ обществѣ никто еще не представлялъ себѣ съ ясностію чѣмъ должно быть это собраніе. Последнее собраніе было въ 1614 году и было неудачно. Нечего было думать чтобы порядки начала XVII вѣка могли удовлетворить общественному возбужденію конца XVIII. Ожидаемое собраніе должно было представить собою вѣчто

совершенно иное, высшее. Но что именно? „Никогда, говорить Неккеръ о злохѣ своего вступленія въ министерство, не приходилось подвергать разбору предметы столь великой важности въ столь краткій промежутокъ времени. Предметы эти были *абсолютно новы для взглядовъ* людей эпохи, въ томъ числѣ и для министровъ. Если они, прибавляетъ Неккеръ, совершили какія ошибки, то могутъ справедливо предъявить свои права на снисхожденіе“ (*De la rév. D.*) О политическомъ преобладаніи средняго сословія нѣтъ еще и мысли. Скорѣе раждалась мысль о преобладаніи привилегированныхъ классовъ; ихъ оппозиція главнымъ образомъ заботила правительство, и оно хотѣло опереться на народъ въ смыслѣ средняго класса; но вмѣсто народа всею силою свей выдвинуло, какъ увидимъ, тотъ революціонный классъ который мы назвали интеллигентнымъ разночинствомъ.

Въ путешествіи Англичанина Йонга, посѣщавшаго Францію въ 1787, 1788 и 1789 годахъ, встрѣчаемъ любопытную страницу гдѣ подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго имъ осенью 1787 года, въ эпоху когда зрѣла мысль о созывѣ представителей, онъ высказываетъ (I, 213) что собраніе сословныхъ представителей можетъ повести къ вѣщему преобладанію привилегированныхъ классовъ. Въ октябрѣ 1787 года Йонгъ въ Парижѣ обѣдалъ въ одномъ обществѣ. Разговоръ былъ исключительно о политикѣ. „Во всей компаніи было одно мнѣніе, а именно что находимся наканунѣ какого-нибудь великаго переворота въ правительствѣ (*quelque grande révolution dans le gouvernement*). Безпорядокъ въ финансахъ чрезвычайный. Оказался дефицитъ который нельзя пополнить безъ собранія сословныхъ представителей. *И между тѣмъ нѣтъ никакой определенной идеи о послѣдствіяхъ такого собранія.* Нѣтъ министра, неизвѣстно никого и вѣдъ министерства кто обладалъ бы достаточнымъ талантомъ чтобы предложить какое-либо средство кромѣ палліативныхъ. На престолѣ государь съ прекрасными намѣреніями, но недостаточно способный чтобы въ подобныя минуты править безъ министровъ. Дворъ погруженный въ удовольствія и расточительность только прибавляетъ затрудненій... Великое броженіе въ умахъ, жадное желаніе переменъ безъ знанія чего собственно хотять, на что могутъ надѣяться; сильныя дрожжи свободы накопившіяся съ эпохи

американской революціи, все это образуетъ соединеніе обстоятельствъ грозящее взрывомъ, если какой-нибудь искусный человѣкъ вышшихъ талантовъ и мужества не станетъ у кормила дѣла чтобы направлять событія вмѣсто того чтобы уноситься ихъ потокомъ... Всѣ согласны, невозможно чтобы собраніе представителей не привело къ увеличенію свободы. Но я встрѣтилъ очень мало людей имѣющихъ истинное понятіе о свободѣ, такъ что не знаю какой родъ свободы изъ этого выйдетъ. Они не умѣютъ оцѣнивать привилегіи народа. Что же касается духовенства и дворянства, то *если революція еще увеличитъ ихъ преобладаніе*, то думаю что отъ этого будетъ болѣе вреда чѣмъ пользы.“ Помѣщая эти строки въ своемъ сочиненіи, Йонгъ дѣлаетъ примѣчаніе (отъ 20 іюня 1790) что приводитъ ихъ дабы показать настроеніе мнѣнія во Франціи предъ революціей и какъ доказательство того какъ мало еще предвидѣлись событія. Годъ прошелъ въ борьбѣ привилегированныхъ классовъ съ правительствомъ. Сужденія осени 1787 года едва ли много отличались отъ сужденій осени 1788. Но въ послѣдующіе девять мѣсяцевъ правительствомъ причиненное возбужденіе общественнаго мнѣнія пустило въ оборотъ массу новыхъ помятій и чаяній. Какъ еще мало политическая жизнь была развита въ среднихъ общественныхъ кругахъ, особенно провинціальныхъ, даже когда революція была уже въ разгарѣ о томъ свидѣтельства встрѣчаемъ у того же Йонга. Въ августѣ 1789 года, находясь опять во Франціи, онъ былъ въ Муленѣ (Moulins) и удивлялся что въ главномъ городѣ большой провинціи, мѣстопробованія интенданта, въ самой посѣщаемой кофейной, „скорѣе можно было найти слона чѣмъ газету.“ Содержатель оказалъ ему что не держитъ журналовъ потому что дороги. Въ Клермонѣ около того же времени онъ „обѣдалъ вѣсколько разъ за общимъ столомъ въ обществѣ двадцати или тридцати негоціантовъ, кулцовъ, офицеровъ и т. под.... И почти ни слова о политикѣ въ моментъ когда всѣ сердца должны бы были биться политическими чувствами.“

Есть письмо Мирабо знакомящее съ ожиданіями какія революціонные вожди имѣли въ августѣ 1788 года по отношенію къ собранію представителей, котораго такъ добивались. 16 августа онъ писалъ къ книгопродавцу Ливро (Livrault) въ Страсбургъ (*Mém, V, 187*): „Нельзя сомнѣваться что сословные

представители будутъ собраны. Какъ иначе, спрашиваю васъ, заплачено было бы 1 мая 1787 года? Съ правительствомъ случилось, то что я ему столько разъ предоказывалъ: *если вы не пойдете изъ конюшни, вероломъ придетъ* (*si vous ne les voulez pas à pied, ils viendront à cheval*). Стараясь удалить срокъ, правительство приблизило его до торопливости. И это отзвѣтса. Что будутъ они дѣлать? Конечно массу глупостей. Но не бѣда. Нации какъ дѣти растутъ съ кракомъ, слезами въ животъ, прорѣзываемымъ зубомъ. Первый созывъ сословныхъ представителей будетъ шуменъ, пойдутъ слишкомъ далеко; второй поидетъ болѣе увѣреннымъ шагомъ, а третій завершитъ конституцію. Не будемъ уклоняться отъ потребности создать ее въ цѣломъ составѣ. Пусть все будетъ сегодня справедливо, завтра все будетъ законно (*que tout soit juste aujourd'hui, tout sera legal demain*). Въ особенноти станемъ остерегаться учести. Нечего смотрѣть на то что было сдѣлано, поищемъ что надо сдѣлать и на станемъ предпринимать саишкомъ многого. Сомасіе націи на налоги и займы, гражданская свобода, періодичность представительныхъ собраній. Вотъ три капиталныя пункта которые должны покоиться на точномъ объявленіи національныхъ правъ; остальное придетъ. Что касается моихъ личныхъ взглядовъ, я окажу вамъ точно. Война съ привилегированными и съ привилегіями, вотъ мой девизъ. Привилегированные полезны противъ короля, но нигуда не годны противъ націи. Никогда наша не приобрететъ общественнаго духа, пока отъ нихъ не освободится. Вотъ почему мы должны оставаться ревностными монархистами, и я лично буду таковымъ. * И правду сказать—чѣмъ была бы республика составленная изъ всяческихъ аристократій насъ гложущихъ? Очагомъ самой дѣятельной тираниа.“

Вотъ какая сила приписывалась еще Мирабо привилегированнымъ классамъ. Торжество надъ ними, такъ легко потомъ достигнутое, казалось возможнымъ лишь чрезъ соединеніе короля съ среднимъ классомъ, точка зрѣнія искорѣнъ усвоенная правительствомъ.

* То же писалъ Мирабо въ ноябрѣ 1788 къ герцогу Лозенскому (*duc de Lauzun*). „Совершенно вѣрно и можете этому повѣрить что въ національнотъ собраніи я буду самымъ ревностнымъ монархистомъ, ибо глубоко сознаю какъ нуждается мы въ томъ чтобъ убить деспотизмъ министровъ и поднять авторитетъ короля“.

„Вы убѣдитесь въ томъ, прибавляетъ Мирабо, по той внутренней борьбѣ какая будетъ пожирать собраніе сословныхъ представителей, особенно если правительство будетъ упорствовать, чтобъ оно не было многолюдно. Восемьсотъ человекъ (ниже этого числа не можетъ быть представительство достойное французской націи) можно направлять легче чѣмъ тридцать. Пять или шесть человекъ будутъ заправлять стадомъ какъ оно ни велико. Если оно мало, то частныя раздоры будутъ имѣть болѣе значенія. Если же будетъ велико, то значеніе получить талавтъ. И правительство можетъ не прибѣгая къ подкулу (кого можно подкупить такіе никогда не стѣять быть подкупленными) приурочить себѣ этихъ пять, шесть человекъ.“

Замѣчательно что можетъ-быть революціоннаѣ всѣхъ смотрѣло на дѣло собранія правительство. Въ июнѣ 1788 года духовенство препроводило свои представленія. Въ уста короля вложенъ былъ отвѣтъ заключающій въ себѣ освященіе революціонной доктрины. „Я хочу вновь (Eggers, IV, 216) довѣрить націи пользованіе правами которыя ей принадлежать. Я соберу ее, и не разъ, а буду собирать какъ только того потребуютъ нужды государства. Среди сословныхъ представителей, имѣя въ виду навсегда обезпечить свободу и счастье моихъ народовъ, а совершу великое предпринятое мною дѣло возрожденія королевства и возстановленія порядка во всѣхъ его частяхъ.“

Правительство объявляетъ что предпринимается перерожденіе королевства чрезъ возвращеніе націи принадлежащихъ ей правъ. Но въ этомъ и была революціонная программа, хотя возрожденіе представлялось конечно и не въ той формѣ какъ мнилось королю.

Какимъ же путемъ завершилось революціонное воспитаніе страны, какъ былъ пройденъ послѣдній его курсъ приведшій къ нагнѣролтво быстрому крушенію всего стараго порядка въ нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи національнаго собранія? Какъ произошло,—на это указывали прицды крови въ лисьямъ къ королю * въ концѣ 1788 года, — что „мнѣнія которыя еще недавно показались бы предсудительными, теперь кажутся разумными и справедливыми, а то что нынѣ возбуждаетъ негодованіе разсудительныхъ людей завтра быть-можетъ будетъ признано правильнымъ и законнымъ?“ Революціонное воспитаніе это было сдѣлано главныхъ образомъ самимъ правительствомъ, его мѣропріятіями.

* На этотъ документъ указывалось въ двѣнадцатомъ разговорѣ.

Началось съ того что постановленіемъ королевскаго совѣта состоявшимся въ присутствіи Лудовика XVI, отъ 5 іюля 1788 года (Eggers, IV, 318), предпринято какое-то всенародное ученое историческое изслѣдованіе о собраніяхъ сословныхъ представителей прежняго времени. Мѣра придумана Бриеномъ и принята въ видахъ популярности. „Вида, говоритъ г-жа Сталь (*Оеувг.* XII, 134), что его деспотическія мѣры не удаются и недовольный привилегированными классами, онъ хотѣлъ угодить націи, приглашая всѣхъ писателей выразить мнѣнія о способѣ организаціи собранія сословныхъ представителей.“ Мѣра эта, хотя и принятая Бриеномъ, какъ вѣдьма лучше подошла къ направленію и Неккера и осуществлена при его поощреніи.

Въ постановленіи совѣта 5 іюля, указывается что отъ прежняго времени сохранилось не мало подробностей относительно происходившаго на собраніяхъ, но очень мало о порядкѣ созыва, числа и квалификаціи выборныхъ.

„По этой причинѣ его величество пожелалъ пополнить то о чемъ умащиваютъ старые документы, но не иначе какъ спросивъ желаніе его подданныхъ, дабы они получили полное довѣріе къ собранію истинно національному, по составу и дѣйствіямъ. А потому король повелѣлъ чтобы возможныя изысканія были сдѣланы во всѣхъ провинціальныхъ архивахъ касательно упомянутыхъ предметовъ.“ Не ограничиваясь предписаніемъ официальныхъ разысканій, совѣтъ приглашалъ всякаго имѣющаго какіе-либо документы касающіеся прежнихъ собраній доводить таковыя до свѣдѣнія правительства. Наконецъ въ параграфѣ 18 постановленія значится: „его величество приглашаетъ въ то же время всѣхъ ученыхъ и образованныхъ людей его королевства и въ особенности членовъ Академіи Надписей и, Словесности его добраго города Парижа препровождать къ хранителю печатей всѣ свѣдѣнія и мемуары о предметахъ упомянутыхъ въ настоящемъ постановленіи.“

Это приглашеніе, такъ торжественно объявленное и сопровождавшееся допущеніемъ свободы печати, имѣло большія послѣдствія. Въ то время когда и безъ правительственнаго приглашенія число публицистическихъ писаній быстро возрастало, правительственное поощреніе и фактическое допущеніе свободы печати удеостерили скривль перьевъ. Франція, по общему свѣдѣтельству, была наводнена брошюрами посвященными

политическимъ вопросамъ. Всѣхъ писаній по случаю предстоящаго созыва въ мартѣ 1789 года, по увѣренію нѣмецкаго *Политическаго Журнала* (*Politisches Journal*, mars 1789, Hambourg), насчитывалось громадное количество 2.700.

Калонъ хорошо понималъ значеніе этого возбужденія. Онъ говоритъ въ письмѣ королю (отъ 9 февраля 1789) когда нѣкоторыя главнѣйшія писанія, какъ напримѣръ брошюра Сіеса, еще не появились (*Lettre*, 11): „Несомнѣнно было великою ошибкой побуждать чрезъ постановленіе совѣта всѣхъ и каждаго къ сообщенію и опубликованію своихъ изслѣдованій и наблюденій о вопросахъ относящихся къ созванію сословныхъ представителей. Какъ будто правительство нуждалось въ помощи для разрѣшенія воображаемыхъ трудностей существующихъ только для тѣхъ кто не умѣетъ принять рѣшеніе. Такое приглашеніе никогда не бывало вложило перо въ руки цѣлой толпы писателей и писакъ (*une foule d'écrivains et d'escrivailleurs*) возманившихъ себя уполномоченными поучать націю и выдававшихъ овои политическія мечтанія за основанія государственнаго права. Они наперерывъ одинъ передъ другимъ изощрялись въ диссертацияхъ всякаго рода. Въ началѣ толковали о формѣ прежнихъ національныхъ собраній, затѣмъ о существѣ предметовъ ими обсуждавшихся, а далѣе о правахъ народа и о томъ что предстоитъ сдѣлать его представителямъ. Начали рыться въ лампачикахъ нашей исторіи дающихъ всѣхъ матеріалъ и нить которыхъ немногіе въ состояніи прослѣдить. Отъ нихъ перебрались къ авторамъ наиболѣе антимонархическимъ, приводили цитаты вкривъ и вкось примѣняемыя, выводили слѣдствія не выдерживающія критки. И когда ни въ исторіи, ни въ политическихъ сочиненіяхъ не нашли авторитетовъ на которые могли бы опереть свои теоріи нагромоздивъ одна на другую до верхней ступени дерзости, кончили тѣмъ что взяли въ основаніе исключительно отвлеченныя начала естественнаго права. Отправились къ происхожденію человеческихъ обществъ чтобъ утвердить понятія какія принадлежатъ нынѣ французской монархіи! И такимъ-то образомъ въ промежуткѣ какихъ-нибудь четырехъ, пяти мѣсяцевъ „мнѣніе“ сдѣлало шагъ поистинѣ невѣроятный, о которомъ иностранцы не могутъ составить понятія. Писанія безъ числа наводнили публику, такъ сказать, воспламеняясь чрезъ взаимное треніе. Многія, конечно,

были продиктованы горячимъ желаніемъ общаго блага, но такъ какъ наиболее смѣлыя наилучше принимались толпой, то дерзость поощрялась дерзостью. Она терпѣлась, чтобы не сказать воодушевлялась, тѣми кто должны были ее сдерживать, и перешла всѣ границы; произвела наконецъ такую революцію въ умахъ что нынѣ, дабы привести какой-нибудь издаваемый памфлетъ въ токъ ея интересующихся читателей, едва достаточно то что года два тому назадъ сочлось бы политическою ересью или чудачествомъ.“ Каломъ поименовываетъ рядъ брошюръ и продолжаетъ: „Ваше величество, можете усмотрѣть что въ нихъ читается открытое нападеніе на права короны, о правленіи чисто монархическомъ (régement monarchique) говорится какъ будто оно стыдъ чловѣчества и варварство нетерпимое въ вѣкѣ столь просвѣщенномъ какъ нашъ; высказывается какъ нѣчто несомнѣнное необходимость безконечно ограничить власть французскихъ королей: они де не имѣютъ права отказывать въ созваніи представителей. Утверждается что принята минута передѣлать всю конституцію государства, или точнѣе, создать таковую, такъ какъ ея де нѣтъ во Франціи; что первымъ основаніемъ ея должно быть возвращеніе націи законодательной власти у ней похищенной, но которая принадлежитъ ей исключительно; государю слѣдуетъ де оставить много, много власть исполнительную. Наконецъ, принимая за образецъ то что революція 1688 года произвела въ Англіи и дѣлая ложныя примѣненія переходятъ въ выводахъ своихъ далеко за предѣлы оригинала, ибо согласно этимъ новымъ законодателямъ французскіе короли относительно власти будутъ поставлены не на уровнѣ британскихъ королей, но гораздо ниже. При полномочіяхъ не болѣе обширныхъ, они для поддержки этихъ полномочій не будутъ имѣть ни помощи верхней палаты, ни другихъ принадлежностей сохраняющихъ равновѣсіе въ конституціи, которую Французы, въ большинствѣ, знаютъ не болѣе теперь, когда ее восхваляютъ, какъ знали когда клеветали на ея достоинства.“

„Собственно говоря, не знаютъ чего хотятъ и куда стремятся. Слишкомъ мало образованы чтобы составить разумный планъ. Но опасность тѣмъ еще значительнѣе. Тѣмъ болѣе угрожаютъ эти слѣпыя претензіи, неспособны породить прочный порядокъ. Съ такими вожаками мы не сдѣлаемъ конституціи, а поколеблемъ всѣ начала. Раздѣлимся,

разгорячимся; число возьметъ верхъ надъ разумомъ. Идя оцуплю по пути исполненномъ опасности ввергнемъ государство въ страшную пропасть. Отсутствие плана не имѣетъ потому ничего въ себѣ усложнительнаго. Революція, которая имѣетъ свой источникъ въ неясныхъ идеяхъ, тѣмъ опаснѣе. Вотъ, государь, въ какомъ мы положеніи. Вотъ что произвело постановленіе совѣта 5 іюля 1788 года!“

Слова въ высшей степени замѣчательныя, показывающія пронизательность выходящую изъ ряда. Не забудемъ, они писаны въ началѣ февраля 1789 года, и какъ оправдались событіями!

Вотъ еще нѣсколько свидѣтельствъ, съ разныхъ сторонъ, о послѣдствіяхъ правительственнаго обращенія къ помощи печати.

Бертранъ де-Молевиль говоритъ: „Архіепископъ Савскій (Бріенъ) имѣлъ несчастіе побудить короля дать торжественное обязательство созвать въ 1789 году сословныхъ представителей. Къ довершенію безумства онъ заставилъ выдать совѣтское постановленіе уполномочивавшее всѣхъ безъ различія писателей королевства свободно публиковать для наставленія правительству свои идеи и планы относительно способа созыва представителей, состава собранія, предметахъ сужденія и проч. и проч., какъ будто во Франціи никогда не было собранія сословныхъ представителей или какъ будто бы вопросъ шелъ объ уставовленіи новой формы правительства. Такова именно была цѣль тысячи памфлетовъ болѣе или менѣе возмутительныхъ, наполнившихъ столицу и провинціи.“ (*Mém.* I, 34).

„Свобода печати, включая сюда періодическія изданія, замѣчаетъ Лакретель (VII, 331) была отвоевана у устрашеннаго правительства за четыре мѣсяца предъ взятіемъ Бастиліи: этого достаточно чтобъ объяснить взятіе Бастиліи и всю революцію.“

Составители *Введенія къ Монитеру* (*Arch. parlem.*, I, 563), приверженцы революціи, указываютъ что „революція мнѣній и вещей“ (*une révolution d'opinions et des choses*), обнаружившаяся въ 1789 году, была слѣдствіемъ быстрого распространенія, въ годъ предъ переворотомъ, идей и ученій заключающихся въ сочиненіяхъ до того времени мало доступныхъ массамъ и остававшихся въ бібліотекахъ людей достаточныхъ и образованныхъ. Авторы брошюръ „сослужили эту службу

отечеству“... „Они истолковали для массъ начала Руссо, Маблю, Райналя, Дидро, Бюфляка и проч.; въ краткихъ, легко понимаемыхъ разсужденіяхъ они напомнили естественныя права народовъ; тѣ коими пользовались древніе Франки, значеніе первыхъ національныхъ собраній; и искусными намеками и аллегоріями раскрыли злоупотребленія деспотизма и феодализма. Туча брошюръ вдругъ наводнича Францію, и самыя важныя вопросы государственнаго права быстро перешли во всѣ уста, освѣтили всѣ умы: революція съ тѣхъ поръ уже совершалась во мнѣніяхъ (*fut dès lors dans les opinions*).“ Это вѣрно, но весьма невѣрно утвержденіе будто авторы брошюръ „сослужившихъ службу“ обнаружили мужество дѣйствуя „вопреки инквизиціи и цензорамъ“. Они дѣйствовали, какъ видимъ, не только благодаря снисходительной терпимости правительства, но по его приглашенію, при фактически допущенной свободѣ печати.

Въ предреволюціонной журналистикѣ, занимавшейся преимущественно литературными явленіями и общественными сплетнями, форма осмѣянія всегда была въ большемъ употребленіи. Та же форма послужила сильнѣйшимъ орудіемъ и для народившейся политической печати. „Въ каждодневно появляющихся брошюрахъ и ламфлетахъ, негодуетъ Салье (*Ann. Franç.* 308; цитата въ изданіи мемуаровъ Вебера, I, 261), народъ предрасполагали къ преступленію проповѣдая ему звѣрство подъ формою шутки. Въ то же время чтобы приучить его къ осмѣянію всего что быдо для него священно, для этихъ книжонокъ заимствовали заглавія и формулы отъ религіозныхъ дѣйствій. Тутъ были молебень средняго сословія, его евангеліе, его проповѣди, вечерни, страсти, смерть и воскресеніе. Богами и святыми новаго культа были тѣ на кого народная партія возлагала свое довѣріе. Наиболѣе восхваленій получалъ Неккеръ и улюлся ими. И король получалъ дань хваленій къ которой не остался нечувствительнымъ. Мораль этихъ евангелистовъ матежа была избіеніе дворянъ и судебныхъ сановниковъ. И эти-то произведенія нечестія и разбойничества продавались публично. Эмиссары партіи раздавали ихъ даромъ народу. Книжные магазины выставляли взорамъ публики. Они безъ малѣйшаго препятствія читались въ кофейняхъ, и никто не боялся быть за нихъ обезпакоевнымъ.“

Пріятель. Да, приходится признать что допущенная

правительствомъ фактическая свобода печати могущественно помогла революціонному движенію. Эта драгоценная для мыслящаго ума форма свободы, такое бесспорное казалось бы благо, причинила зло. Неужели то мечта что правда возьметъ наконецъ верхъ, что въ самой свободѣ есть дѣйствительная сила противъ ея злоупотребленій? Какъ-то тяжело винить правительство за то что оно допустило и поощряло свободу слова, столь дорогую каждому мыслящему человѣку, и притомъ въ эпоху когда все рвалось къ этой свободѣ и она была несомнѣнно общимъ желаніемъ націи. Это видно изъ наказовъ выборнымъ: въ рѣдкомъ нѣтъ упоминанія о свободѣ печати въ ряду главныхъ народныхъ желаній.

А в т о р ь. Въ обсужденіи важнаго и труднаго вопроса о свободѣ печати мы часто дѣлаемъ смѣшеніе, производящее не малую смуту понятій. О какомъ правѣ, о какой свободѣ идетъ рѣчь когда говорится о свободѣ мысли и слова какъ одномъ изъ главныхъ пріобрѣтеній,—хотя еще и ослабляемомъ,—цивилизациі новаго времени, какъ о благѣ купленномъ великими пожертвованіями, мученіями Галилея, тяжелою борьбой съ инквизиционными гоненіями мысли, но въ полное владѣніе которымъ и до нынѣ еще не вступило человечество? Порывъ человеческого духа на рубежѣ новой философіи въ славномъ XVII вѣкѣ, къ исканію истины путемъ естественнаго разума все подвергающаго разсмотрѣнію сдѣлалъ свободу изслѣдованія исходнымъ пунктомъ научнаго знанія. Для испытующаго разума нѣтъ запретныхъ областей. Онъ имѣетъ въ себѣ мѣрило истины. Полученный мною, путемъ напряженной умственной работы, выводъ, каковъ бы онъ ни былъ, хотя бы противорѣчилъ всему что принято, мнѣнію всего человеческого рода, имѣетъ право на нескрытое существованіе какъ опытъ движенія въ области гдѣ всѣ пути открыты для изысканія. Можетъ-быть выводъ мой есть заблужденіе. Опровергайте меня, но не лишайте меня права предъявить мои аргументы. Нѣтъ такого научнаго убѣжденія которое бы возбранялось, подлежало преслѣдованію, было бы лишено права существованія. Инквизиція мысли должна быть печальнымъ преданіемъ прошлаго, ея костры, матеріальныя и нравственныя, потушены на вѣкъ. Вотъ въ чемъ свобода мысли. Ея допущеніе обуславливается существованіемъ *убѣжденій*. Но тутъ и возникаетъ трудность, дѣлающая вещь теоретически простую на практикѣ крайне сложною.

Достаточно ли того чтобы я сказала: таково мое убѣжденіе, чтобы сказанное мною чрезъ это получило значеніе свободнаго вывода пытливаго разума. А если это сознательный обманъ или легкомысленная недодуманность? Гдѣ признакъ дѣйствительнаго убѣжденія и кто тутъ судья? И гдѣ граница со стороны государства между допущеніемъ и поощреніемъ, такъ какъ нынѣ крайне рѣдко чтобы высказывающій былъ въ такой мѣрѣ независимымъ, частнымъ человекомъ, какъ былъ напримеръ Декартъ, котораго все званіе было философъ и выказанное имъ было исключительно теоретическое значеніе. Многоразличныя общественныя отношенія, правительственныя, наставническія и иныя обязательства, не препятствуя свободѣ изысканія, вносятъ не мало ограничительныхъ условій въ свободу выраженія. Нѣтъ ничего труднѣе какъ удовлетворительно регламентировать эту свободу формальными параграфами закона. Еще ни одно законодательство не разрѣшило задачу и врядъ ли скоро разрѣшитъ, хотя составители французской конституціи надѣялись достичь цѣли нѣсколькими почерками пера. Дѣло улаживается лишь сложными условіями дѣйствительности.

Наибольшая свобода научнаго изслѣдованія въ настоящее время замѣчается въ Германіи, въ ея университетахъ, гдѣ съ кафедръ могутъ безвозвратно сообщаться всякіе результаты научнаго изслѣдованія. Условія учрежденій таковы что дѣло становится необходимо серьезнымъ и злоупотребленія имѣютъ такую незначительную силу что имъ оказывается возможность пренебречь. Но и въ Германіи Верховъ на ученомъ съѣздѣ счелъ не лишнимъ напомнить о благоразуміи чтобы не нанести ударъ счастливо пріобрѣтенному пользованію свободой. Политическая печать свободнѣе всего въ Англіи; и опять потому что злоупотребленія оказываются настолько не опасными для самой Англіи что могутъ быть пренебрежены.

Область свободы политическихъ сужденій много еще сложнѣе чѣмъ область свободы научнаго изслѣдованія. Теоретическій идеалъ и тутъ тотъ же: право на невозвратное существованіе каждаго независимаго, честнаго (въ смыслѣ отсутствія сознательнаго обмана) и серьезнаго убѣжденія. Но въ чемъ безошибочные признаки такого убѣжденія. Какой пагубный грузъ нельзя провести подъ этимъ флагомъ? Тулоуміе по отношенію къ щекотливымъ вопросамъ свободы обыкновенно

удовляется тѣмъ что ему вывѣшиваютъ флагъ яко бы либеральный и оно до сути дѣла не доходитъ. Печать, и въ особенности политическая, не есть только средство выраженія свободнаго убѣжденія, она есть орудіе, и крайне могущественное, пролагодны. Французскій примѣръ нами изучаемый есть вѣское свидѣтельство что и въ какой короткій срокъ можетъ быть сдѣлано печатью для обработки общественнаго мнѣнія. Вспомнимъ быстрое движеніе у насъ въ эпоху умиротворенія и тѣ небезуспѣшныя старанія чтобъ оно охватило провинціальную печать, вдругъ сдѣлавшуюся предметомъ особенныхъ заботъ.

Требовать отъ правительства безучастнаго отношенія къ фабрикаціи на его глазахъ общественнаго мнѣнія, есть одна изъ капитальныхъ глупостей намъ преподаваемыхъ подъ именемъ либерализма. Расписываютъ дѣло такъ: выскажутся де разныя мнѣнія, изъ ихъ столкновенія выйдетъ истина. Надо быть очень наивнымъ чтобы ждать академической борьбы мнѣній и повѣрить газетамъ въ родѣ *Голоса* что у нихъ непочатые кораба истины, остающіеся закрытыми только по недостатку свободы слова. А лопатся и на эту удочку! Безучастное отношеніе правительства равносильно покровительству и поощренію. Требовать отъ правительства чтобъ оно въ виду явно чуждой пролагодны не принимало зависящихъ отъ него мѣръ, значить требовать отъ него глупости, а не либерализма.

Эти разсужденія предполагаютъ конечно правительство умное и сильное. Неразумное и безсильное тѣмъ себя и выдаетъ что дѣлаетъ неразумныя вещи.

Какъ далека отъ неприглядной дѣйствительности розовая картина свободнаго столкновенія мнѣній въ свободной политической печати, долженствующаго по теоріи вести къ непремѣнному торжеству правды, можно видѣть въ слѣдующемъ печальномъ изображеніи набросанномъ либеральнымъ маркизомъ де-Феррьеромъ и относящемся къ 1790 году, когда политическая журналистика сдѣлалась первенствующею революціонною силой, служа звеномъ соединившимъ двигателей мятежа съ его орудіями.

„Якобинскіе журналисты, говоритъ де-Феррьеръ, описывая положеніе дѣла лѣтомъ 1790 года (*Mém.*, II, 125), наводили Парижъ и Францію зажигательными писаніями. Говорили безпрерывно о заговорахъ, аристократахъ, лигахъ

иностранныхъ государствъ, вторженіяхъ на французскую территорію. Поселяли недовѣріе въ народъ къ королю, королеви, министрамъ. Малузъ, Клермонъ-Тоннеръ, Виріе и другіе конституціоналисты хотѣли остановить это наводненіе клеветъ и неистовствъ. Ихъ усилія были тщетны. Когда не были въ состояніи противополжить законъ произволу, стали противополгать книжонки книжонкамъ (*libelles à libelles*). Журналисты раздѣлились: якобинцы, аристократы, конституціоналисты пѣли своихъ писателей. Шайка людей безъ знанія и заслугъ, покрытыхъ лозоромъ, продавшихся партіямъ разрушенія, безстыдно восхвалявшихъ злодѣевъ которые имъ платили, создала диктатуру которою подчинила себѣ короля, національное собраніе, каждаго депутата, каждаго гражданина. Честному человѣку оставалось только завернуть голову въ плащъ и молча принимать ядовитые удары продажныхъ перьевъ. Камилль Демулень, Бриссо, Горса (*Gorsas*), Карра, Марать и другіе, если можно еще болѣе низкіе, были агентами комитета возстанія, который направляли вожди якобинцевъ и орлеанистовъ. Желали произвести мятежъ—пускали неопредѣленные толки объ убійствѣ (*on répandait des notions vagues d'assassinat*) и съ помощію пяти, шести сообщниковъ незамѣтно пробравшихся въ народъ образовывали сборища праздной и легковѣрной толпы къ которымъ присоединялись агенты партіи. Такъ, помощію клеветъ, невѣрныхъ розказней, ссылаясь на какое-нибудь знаменитое лицо, легко смущали невѣжественную чернь, которую убійственныя писанія журналистовъ сдѣлали звѣрскою. Совѣтовали грабежъ и убійство, якобы средство остановить заговоры враговъ народа. И тогда какъ одни разгорячали умы, другіе — раздаватели денегъ — ходили между группъ. Замѣтять лицо отмѣченное печатью злодѣяства, начинаютъ заговаривать, разспрашивать: наѣвасъ можно положиться? Если отвѣтить: вѣрный человѣкъ, ему давали двѣнадцать франковъ. Этимъ заключалось обязательство слѣдовать приказамъ вождей мятежа. Если дѣло шло о томъ что бы собрать разсѣяныя шайки, возвѣщали заранѣе что въ такой-то день въ Парижѣ или въ такомъ-то городѣ произойдутъ большіе безпорядки, убійства, грабежъ, которому будетъ предшествовать раздача денегъ по рукамъ вѣрнымъ людямъ и подначальнымъ вожакамъ. Бродяги, браконьеры, бѣглые каторжники, сбѣгались изъ-за тридцати, сорока лѣе въ назначенное мѣсто. Вотъ способъ какъ якобинцамъ и орлеанистамъ

удалось собрать: цѣлую многочисленную, сильную армию злодѣевъ, помощью небольшихъ денегъ тамъ и сямъ разбросанныхъ и внутреннихъ надеждъ на грабежъ и беззаконность!“

Преобладающій потокъ въ журнальномъ наводненіи послѣднихъ мѣсяцевъ предъ собраніемъ сословныхъ представителей имѣлъ противъ привилегированныхъ классовъ къ возвышенію средняго сословія. Наиболѣе характеристическимъ выразителемъ движенія былъ знаменитый памфлетъ *Что такое среднее сословіе?* (брошюра во 130 страницъ появившаяся въ мартѣ 1789 года) аббата Сіеса.

Пріятель. Ты произносишь Сіесъ. Имя пишется Sieyès иногда Sieyes. Правильно ли произносить Сіесъ?

Авторъ. Да. Кампль Демулемъ въ письмѣ къ отцу отъ 3 іюня 1789 года говоритъ между прочимъ: „Аббатъ имя котораго вы не разобрали, авторъ книги вышедшей третьимъ изданіемъ *Qu'est ce que le Tiers?* аббатъ Sieyès, произносится Syessa“ (*Oeuvr. de C. Demoulin, II, 315*). Вотъ нѣсколько мѣотъ изъ брошюры:

„Мы имѣемъ сдѣлать три вопроса: 1) Что такое есть среднее сословіе? — Все. 2) Чѣмъ было оно до нынѣ въ нашемъ политическомъ строѣ? — Ничѣмъ. 3) Чего оно требуетъ? — Сдѣлаться въ немъ чѣмъ-нибудь... Среднее сословіе есть вся нація... Оно одно, говорятъ, не можетъ образовать собраніе сословныхъ представителей. Ну такъ тѣмъ лучше. Оно образуетъ *національное собраніе*... Депутаты духовенства и дворянства не имѣютъ ничего общаго съ народнымъ представительствомъ; никакой союзъ не возможенъ между тремя сословіями въ собраніи... Они могутъ еще соединиться въ одномъ общемъ желаніи какъ могутъ въ общемъ желаніи соединиться три союзныя націи, но вы никогда не сдѣлаете изъ нихъ *одной* націи, *одного* представительства, *одной* общей воли... Нынѣ среднее сословіе все; дворянство одно наименованіе, но подъ это наименованіе прокралась новая невыносимая аристократія; и народъ имѣетъ все основаніе не хотѣть аристократіи... Среднее сословіе представляетъ собою двадцать пять милліоновъ людей и охватывается объ интересахъ націи... Два первыя сословія представляютъ собою не болѣе двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, думающихъ только о своихъ привилегіяхъ. Въ чемъ интересъ средняго сословія? Во благѣ націи. Народъ есть единственная

корпорация которая не живетъ злоупотребленіями и иной разъ отъ нихъ умираетъ. Чего требуетъ онъ? Общественной свободы и національной реформы... Что сдѣлали нотабли 1787 года? Они защищали привилегіи противъ короля. Что сдѣлали нотабли 1788 года? Они защищали привилегіи противъ націи. У трона значить одинъ другъ—нація, у націи одинъ другъ—тронъ. Когда другимъ была нужда въ монархѣ, они простирались ницъ предъ нимъ. Прекратилось нужда, они недовольны, изъ рабовъ становятся цензорами, изъ просителей дѣлаются противниками... Жалуются что писатели возбуждаютъ, разгорячаютъ, мутятъ націю. Но вотъ два года дворянство, духовенство, магистратуры только и твердятъ что о націи. Она является: они отказываются отъ нея, зовутъ ее безумною... (Prudhomme *Hist., des révol.*, I, 119. Paris 1824, *Arch. Parl.* I, 589).

Итакъ нація есть среднее сословіе. Вотъ новый политическій догматъ проповѣдуемый и распространяемый предреволюціонною періодическою печатью.

Но какъ ни значительно было вліяніе печати, не ею была обезпечена побѣда. Дѣло было рѣшено правительствомъ, тѣми распоряженіями какія были сдѣланы въ концѣ 1788 года и которыя заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВАРФОЛОМЕЙ КОЧНЕВЪ.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ*

ЗАПИСКИ НЕИЗВѢСТНОЙ

VIII.

Зиму эту мы провели очень скромно, въ кругу друзей и нѣкоторыхъ литераторовъ. Разъ въ недѣлю продолжали принимать. Въ положенный день обѣдали у насъ самые интимныя, а вечеромъ собирались многіе. Въ началѣ поста у насъ былъ обѣдъ замѣчательный въ томъ отношеніи что на немъ присутствовали литераторы всѣхъ партій. Такъ какъ мужъ мой самъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, то и могъ соединять людей разныхъ цвѣтовъ. На этомъ обѣдѣ между прочими былъ Гречъ, котораго я не знала прежде. Онъ очень зло и мѣтко острилъ насчетъ Воейкова, разговаривая съ нимъ же самимъ. Злой старикашка отражалъ удары довольно слабо и небрежно.

На этомъ обѣдѣ я увидѣла также въ первый разъ новаго поэта, Жуковскаго 2го, явившагося подъ псевдонимомъ *Бернета*. Его четыре стихотворенія напечатанныя въ *Библиотека для Чтенія* многими понравились и сдѣлали ему литературное имя. Онъ написалъ еще *Графъ Меца*, нѣчто фантастическое, шутовское *Фаустомъ*. Самъ оно имѣлъ довольно поэтическую

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 9.

наружность, опущенные глаза, золотые очки, скромные приемы, тихий голосъ, но со мною онъ ни слова не сказалъ.

Въ началѣ поста Кукольникъ читалъ у насъ новое свое произведеніе *Смерть Петра*. На чтеніи этомъ было много литераторовъ, но изъ аристократической партіи только Плетневъ. Чтеніе началось въ 10 часовъ. О *Смерти Петра* много говорили. Ожиданіе услышать что-нибудь необыкновенное не оправдалось, какъ это часто случается. Слышалось много громкихъ словъ, предназначавшихся для того чтобы трогать, но не достигавшихъ своей цѣли, потому что въ нихъ не было теплоты, а чувствовалась искусственность. Хорошо были переданы только впечатлѣніе и чувства Русскихъ при смерти Петра. У Кукольника было много мыслей, начитанности, но въ немъ *чего-то* не доставало. Ему вредили чрезмѣрное самолюбіе и самонадѣянность. Въ его пламенной любви къ искусствамъ было что-то поэтическое, но его скрытность и хитрость были антипоэтичны. Онъ былъ оригинально любезенъ; не многихъ людей я слыхала съ такимъ удовольствіемъ какъ его, всегда узнавала отъ него что-нибудь новое, особенно изъ области искусствъ, но нельзя было безусловно наслаждаться его бесѣдой, потому что въ ней было что-то надутое. Послѣ чтенія пошли ужинать, что продолжалось очень долго; разговоръ не умолкалъ. Воейковъ былъ опять предметомъ подшучиванья, на этотъ разъ со стороны Кукольника.

Юр. Ник. Бартевскъ, въ домѣ котораго я познакомилась съ моимъ мужемъ, пріѣхалъ на житье въ Петербургъ, и по случаю этого мы давали обѣдъ, на которомъ, кромѣ нашихъ друзей и обыкновенныхъ посѣтителей, былъ еще Карлъ Брюловъ. *Последній день Помпеи* приводилъ меня въ восторгъ, и мнѣ пріятно было познакомиться съ его творцомъ. Маленькій, полновѣсый, съ добродушнымъ смѣющимся лицомъ, Брюловъ походилъ болѣе на беззаботнаго помѣщика нежели на великаго художника; но когда говорилъ, особенно про искусство, сейчасъ замѣтно было что въ немъ горитъ священный огонь.

Около этого времени былъ намъ представленъ Соколовскій, котораго называли нашимъ Сильвіо Пелико. Соколовскій имѣлъ неосторожность сочинить пьесю цензурнаго содержания, и въ разгульномъ обществѣ въ Москвѣ пѣлъ ее предъ бюстомъ императора. На него донесли, и онъ двухлѣтнимъ заключеніемъ заплатился за свой поступокъ.

Соколовскій содержался въ Динабургской крѣпости, въ крошечной комнаткѣ, никого не видѣлъ, даже не имѣлъ позволенія выходить на воздухъ. Къ счастью, предшественникъ его въ этой канурѣ былъ какой-то ученый, неутомимо занимавшійся, но такъ обрадовавшійся когда его освободили что убѣжалъ опрометью и оставилъ въ тюрьмѣ всѣ свои книги. Почему этихъ книгъ не прибрали и оставили ихъ въ распоряженіи новаго узника—неизвѣстно, Вѣроятно по презрѣнію къ такому негодному товару. Книги были все ученныя, латинскія и еврейскія. Соколовскій всегда отличался религиознымъ настроеніемъ, и въ случайности предоставившей ему эти книги видѣлъ перстъ Провидѣнія. По нимъ изучилъ онъ еврейскій языкъ. Проникнутый религиознымъ чувствомъ, отдаленный ото всего житейскаго, вдохновенный высокою мыслью, онъ написалъ поэму *Альма*, исполненную религиознаго восторга. Онъ прочелъ намъ первую часть своей поэмы, гдѣ душа (*Альма*) жаждетъ Искупителя. Въ томъ что мы слышали было много трогательныхъ чувствъ и утѣшительныхъ истинъ. Соколовскій былъ бѣденъ; ему не на что было даже купить лѣкарства. Мнѣ пріятно было что мужъ мой съ радостію подѣлился съ нимъ половиной денегъ которыя мы имѣли въ ту минуту и сдѣлалъ это такъ деликатно что мысль о полученномъ вспоможеніи не могла тяготить поэта.

Въ концѣ мая у насъ былъ семейный праздникъ, на которомъ собралось многочисленное общество; изъ литераторовъ были: неизмѣнный Крыловъ, князь Вяземскій и нѣмецкій литераторъ баронъ Зебахъ, саксонскій *chargé d'affaires* въ Петербургѣ, человекъ чрезвычайно симпатичный; онъ любилъ русскую литературу, научился писать и говорить по-русски, что дѣлалъ соп amoge. Въ послѣдствіи онъ женился на графинѣ Нессельроде и былъ кажется посланникомъ въ Парижѣ. Лѣто 1837 года я провела въ Ревелѣ съ моею вѣрною, преданною Настасьей Яковлевной, и подъ покровительствомъ одной изъ моихъ тетюшекъ. Мужъ мой, къ сожалѣнію, долженъ былъ по службѣ остаться въ Петербургѣ, но пріѣзжалъ навѣщать меня. Мы поселились въ слободкѣ близъ Екатериненталя; стѣна объ стѣну со мною жила дама которая заинтересовала меня тѣмъ что безпрестанно то рисовала, то играла на арфѣ, моемъ любимомъ инструментѣ: я видѣла это проходя часто мимо ея окна. Мы познакомились и очень подружились. Дама эта была госпожа Кьюрингъ, рожденная

графиня Буксгевденъ. У ней былъ мужъ, трое дѣтей, большія помѣстья въ Эстляндіи, гдѣ они проводили большую часть года.

Ревельскій сезонъ былъ въ тотъ годъ чрезвычайно оживленъ. Много было прїѣзжихъ изъ Петербурга, и ревельскія власти прилагали всевозможное стараніе чтобъ оживить общество. Губернаторомъ тогда былъ Бенкендорфъ, толстый добрякъ, любезный, прїятливый. Онъ казалось только и думалъ о томъ какъ бы каждому угодить и сдѣлать прїятное. Онъ бывалъ вполнѣ доволенъ и счастливъ когда на его вечерахъ, которые давалъ каждую недѣлю, было весело и многолюдно; несмотря на свою корпуленцію, суетился, бѣгалъ, любезничалъ съ дамами. Военнымъ губернаторомъ былъ тогда графъ Гейденъ, герой Наварина, также человѣкъ необыкновенно добрый. Жена его была милая старушка, но еще милѣе была старшая дочь, баронесса Шлиппенбахъ, вдова, жившая съ родителями. Она имѣла музыкальный талантъ, притомъ была чрезвычайно прїятлива, радушна и необыкновенно умѣла оживлять ихъ вечера по понедѣльникамъ, отличавшимся простотой, свободой и веселостью. Изъ прїѣзжихъ замѣчательнѣе другихъ были: Шишковъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, пламенный патріотъ и ревностный блюститель чистоты русскаго слова. Въ то время когда я его узнала, онъ начиналъ терять зрѣніе, не могъ болѣе заниматься, но любилъ чтобъ ему читали, продолжалъ интересоваться литературой, а вечерами игралъ въ карты. Партія виста для него была необходима какъ насущный хлѣбъ, и потому домашніе заботились чтобы для него всегда были партнеры. Онъ женился уже въ старости на Полькѣ, женщиноу очень любезной и образованной, умѣвшей принимать и дѣлать домъ прїятнымъ. Шишковъ написалъ мнѣ въ альбомъ, который постоянно обогащался автографами нашихъ писателей, слѣдующіе стихи огромными буквами, разлетающимися въ разныя стороны:

Сего альбома хозяйкѣ милой
Шишковъ слѣпой и хилой
Дрожащею и слабою рукою
Насилу написалъ стишокъ плохой!

Изъ лицъ высоко поставленныхъ еще былъ въ Ревелѣ князь Хованскій, который участвовалъ въ Отечественной Войнѣ и былъ въ послѣдствіи гдѣ-то генераль-губернаторомъ.

Онъ былъ человекъ не безъ достоинствъ, но имѣлъ такой тяжелый нравъ и такъ горячился въ картахъ что многіе отъ него бѣжали. Жена его напротивъ была очень кроткая женщина. Былъ статсъ-секретарь Тамбовъ съ семействомъ, человекъ образованный, гуманный и гостеприимный. Изъ *начинателей* были Кабылины, замѣчательные по трагическимъ исторіямъ случившимся въ ихъ семействѣ. Дѣвица Кабылина, довольно хорошенькая, была помолвлена за Апрѣлева имѣвшаго хорошее состояніе и репутацію порядочнаго человека. Этотъ господинъ ухаживалъ прежде за какою-то дѣвицей, обѣщалъ на ней жениться, но по какимъ-то причинамъ оставилъ ее и сдѣлалъ предложеніе Кабылиной. Братъ дѣвицы, говорятъ, нѣсколько разъ вызывалъ его на дуэль, но тотъ отказывался принять ее. Въ самый день свадьбы Апрѣлевъ былъ предупрежденъ что будетъ убитъ, если не согласится драться. Счастливый женихъ пренебрегъ угрозой; вѣнчаніе было совершено, Апрѣлевъ возвращался чтобъ у себя дома встрѣтить молодую жену, но въ ту минуту какъ онъ выходилъ изъ кареты къ нему подошелъ братъ обманутой дѣвицы, поздравилъ и нанесъ кинжаломъ смертельный ударъ. Убийцу схватили, окровавленнаго Апрѣлева внесли въ домъ. Каково было положеніе молодой, когда она, возвратившись изъ церкви, вмѣсто радостной встрѣчи, нашла всѣхъ въ смятеніи и отчаяніи! Ей сказали что мужа ея разбили лошади; услышавъ это она упала въ обморокъ. Апрѣлевъ прожилъ три дня, и умеръ въ ужасныхъ страданіяхъ. Я познакомилась въ Ревелѣ съ этою дѣвушкой-вдовой и она сама рассказала мнѣ всю эту трагическую исторію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ревельскаго сезона повторилось ужасное событіе въ семействѣ Кабылиныхъ, которое сильно взволновало меня, тѣмъ болѣе что я принимала большое участіе въ молодомъ Кабылинѣ и его судьбѣ. Онъ былъ влюбленъ въ дѣвицу Колень, писаную красавицу, которая съ матерью и сестрой жила въ одномъ этажѣ съ нами дверь обь двери, такъ что изъ кабинета моего мужа можно было слышать все что происходило въ сосѣдней комнатѣ,—неудобство нѣкоторыхъ петербургскихъ квартиръ. Я очень любила всѣхъ Колень, мы безпрестанно видѣлись и я радовалась что Маргарита сдѣлаетъ хорошую партію, притомъ по любви. Кабылинъ былъ богатъ, казался хорошимъ человекомъ, а у Маріи Колень

не было состоянія. Разумется семейство Колленъ желало этой свадьбы, и Кабылины были не противъ. Однажды молодой человѣкъ обѣдалъ у Колленъ, провелъ у нихъ цѣлый день и, отпустивъ свои сани, въ 11 часовъ отправился домой лѣшкомъ. Онъ шелъ канавой; не далеко отъ Михайловскаго замка къ нему подскакалъ человѣкъ верхомъ и выстрѣлилъ въ упоръ. Несчастнаго нашли улавшимъ на рѣшетку канавы... Онъ прожилъ нѣсколько дней, находился въ памяти, пожелалъ видѣть гжу Колленъ и ея дочерей, простился съ ними, говорилъ что враговъ не имѣлъ и не знаетъ кто убилъ его. Смерть его осталась тайной, и убійца никогда не былъ открытъ. Въ городѣ распространились самые разнообразные и скандалезные слухи, жертвой которыхъ были несчастныя Колленъ.

По поводу этой исторіи я въ первый разъ въ жизни узнала какъ пагубна можетъ быть клевета, и съ тѣхъ поръ ужасуюсь ея. Она наноситъ особенно беззащитнымъ такіе удары отъ которыхъ трудно оправиться. Гжа Колленъ была вдова генерала, она и ея дочери были необыкновенно хороши собой, но не имѣли ни богатства, ни связей, и потому ихъ легко было забросать грязью. Такъ какъ мы были безпрестанно вмѣстѣ съ Колленъ, то я знала все что у нихъ происходитъ и ихъ семейная жизнь была мнѣ известна какъ моя собственная; потому именно я принимала къ сердцу клеветы которыя на нихъ сыпались. Я нарочно какъ можно чаще ѣздила съ ними въ театръ, въ собраніе, приглашала къ себѣ когда у насъ бывали гости. Мой мужъ ободрялъ меня и раздѣлялъ мое негодованіе.

Въ послѣдствіи одинъ изъ оставшихся братьевъ Кабылина изъ гвардейскихъ офицеровъ вдругъ пошелъ въ монахи. Что побудило его на отреченіе отъ міра—осталось также тайной.

Возвращаясь къ моему пребыванію въ Ревель. Кромѣ ежедневныхъ вечеровъ у Бенкендорфа, Гейдена, баловъ въ салонѣ, кромѣ званыхъ вечеромъ повторявшихся довольно часто у нѣкоторыхъ пріѣзжихъ изъ Петербурга, бывали еще экстраординарные праздники. Устроились люстфарты въ Гельсингфорсъ, прежде никогда не бывалые. Пароходъ *Штерфукстъ*, привезшій насъ изъ Петербурга въ Ревель, возилъ повеселиться въ Финляндію. Въ назначенный для прогулки день, въ два часа полудни, мы отправились съ тетужкой въ гавань, загроможденную уже экилажами. На пароходѣ толпилось множество

отъѣзжавшихъ и провожавшихъ. Было роздано^о слишкомъ 250 билетовъ, такъ что едва можно было найти мѣсто на палубѣ, и потому суета на ней продолжалась до тѣхъ поръ пока капитанъ, ставъ на возвышенность, не закричалъ громкимъ голосомъ: „Alle Fremde an's Land.“ Не участвовавшіе въ прогулкѣ немедленно удалились; артистки, для которыхъ была устроена маленькая эстрада посреди палубы, заиграли, дерптскіе студенты залѣли, пароходъ двинулся при громкихъ крикахъ ура и при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Погода была дивная, море лежало гладкимъ зеркаломъ. Въ 7 часовъ начали показываться гранитные берега Финляндіи. Громъ пушекъ, крики ура, гремущая музыка, радостные возгласы множества народа покрывавшаго берегъ привѣтствовали прибытіе наше въ Гельсингфорсъ. Едва услѣвъ остановиться пароходъ нашъ какъ принесли пригласительные билеты на балъ для всего общества. Скоро всѣ высыпали на берегъ; тѣ у кого были знакомые или приготовленныя квартиры отправились отдыхать отъ пятичасоваго лута. Мы же не знали куда преклонить голову; къ счастью, насъ познакомили съ полковникомъ Бурнашевымъ, начальникомъ Свеаборгскаго порта, который, узнавъ въ какомъ мы находились затрудненіи, бросился отыскивать намъ помѣщеніе и обѣгалъ всѣ гостиницы, которыя были биткомъ набиты; наконецъ онъ отыскалъ комнату въ частномъ домѣ, проводилъ насъ туда и обѣщалъ въ 9 часовъ сопровождать насъ на балъ. Мы имѣли хорошенькую чистенькую комнату съ опрятною мебелью; проворная дѣвушка прислуживала намъ, обстановка напоминала Германію. Хозяинъ нашъ, кондитеръ, вѣроятно изъ гостепріимства взялъ чрезвычайно дешево за квартиру и за все что мы ни спрашивали. Балъ довершилъ наше очарованіе. Мы не ожидали въ Гельсингфорсъ найти такое великолѣпіе. Огромная зала была роскошно убрана и освѣщена, туалеты были изящны, хотя нѣкоторые довольно просты; хорошенькихъ свѣженькихъ лицъ множество: веселость и оживленіе необыкновенныя. Финляндки особенно отличались тѣмъ что отчетливо выдѣлывали ла. Гельсингфорцы были чрезвычайно внимательны къ гостямъ, угощеніе и ужинъ предлагались дамамъ, но мы не вкусили гостепріимной тралезы и въ часъ отправлялись на ночлегъ, а балъ продолжался до четырехъ часовъ утра. На другой день, въ 9 часовъ утра, пошли въ

Ботаническій садъ и въ заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, находившееся въ прекрасномъ, обширномъ паркѣ. У галлерей играла музыка, множество гуляющихъ было разсыяно по всему саду. Мы осмотрѣли заведеніе и оранжерею, отлично содержимыя. Съ галлерей прекрасный видъ на заливъ моря, усѣянный островками, на которыхъ растутъ лѣсъ и строились какія-то красивыя зданія. Не въ дальнемъ разстояніи отъ галлерей находится возвышенность, на которую мы долго подымались и были награждены за трудъ прекраснымъ видомъ: направо мрачная дикая природа, влѣво веселый красивый городъ построенный на холмахъ. Изъ саду отправились въ университетъ, осмотрѣли музей, великолѣпную актовую залу, устроенную амфитеатромъ, аудиторию, оттуда пошли въ сенатъ, гдѣ въ залѣ находится хорошій портретъ Императора Николая I. Всѣ гельсингфорскія общественныя учрежденія содержатся въ такомъ порядкѣ и чистотѣ какъ будто только отстроились и ожидали какого-нибудь высокаго посѣтителя. Вообще Гельсингфорскъ красивый городъ. Особенно замѣчательна четырехугольная площадь, на которой находятся громадныя зданія университета, сената, кауба и пр. и строилась великолѣпная лютеранская церковь. Въ заключеніе нашей экскурсіи отправились въ лавку, гдѣ сдѣлали нѣкоторыя покупки. Полковникъ Бурнашевъ отыскалъ насъ въ рядахъ и просилъ посѣтить Свеаборгъ. Мы охотно согласились. Четырнадцати-весельныя шлюпки ожидали насъ у гавани, и съ нимъ было еще нѣсколько дамъ. Мы отправились въ Свеаборгъ, который отстоитъ только въ трехъ верстахъ отъ Гельсингфорса, и мы мигомъ тамъ очутились. У пристани стояло нѣсколько экипажей приготовленныхъ полковникомъ; мы въ нихъ размѣстились, а Бурнашевъ на дрожкахъ предводительствовалъ намъ, останавливался у каждаго любопытнаго мѣста и все объяснялъ. Крѣпости построены на нѣсколькихъ островахъ. Строители съ необыкновеннымъ искусствомъ воспользовались мѣстностью и обратили скалы въ стѣны и укрѣпленія. Добрый полковникъ остался въ Свеаборгѣ; мы простились съ нимъ, поблагодарили за его обязательность, и на катерѣ возвратились въ Гельсингфорскъ. Матросы лѣла русскія лѣсни, что доставило намъ большое удовольствіе. Едва успѣли мы побѣдять какъ хозяинъ прибѣжалъ сказать что на пароходѣ разводять пары. Мы послѣшно собрались и такъ торопились идти что дорогой

я растерзала всѣ мои покулки, но какой-то честный Финляндецъ подобралъ ихъ, догналъ насъ и передалъ.

Насъ провожали съ такимъ же радушіемъ какъ и принимали. Погода была такая же чудная какъ наканунѣ, и мы могли сказать что прогулка вполнѣ удалась.

Мой мужъ пріѣзжалъ въ Ревель, и двѣ недѣли которыя онъ провелъ со мной были изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Мы осматривали вмѣстѣ все что было замѣчательнаго въ Ревелѣ, посѣщали его окрестности, были въ Фальѣ, въ великолѣпномъ помѣстьѣ графа Бенкендорфа, на островѣ Вимсѣ, принадлежавшимъ родителямъ гжи Кворингъ и проч. По вечерамъ ѣздили по знакомымъ, иногда бывали на балахъ. Одно маленькое обстоятельство привело меня въ смущеніе. Я писала моему мужу въ Петербургъ каждый день и со всевозможною подробностью о всемъ что происходило въ Ревелѣ. Мужъ находилъ письма мои интересными и имѣлъ нескромность прочесть одному своему искреннему пріятелю описаніе нашей поѣздки въ Гельсингфорсъ; такъ какъ эти *мистфарты* были тогда еще небывалою новостью, то этотъ пріятель и уговорилъ моего мужа напечатать письмо мое въ *Сѣверной Пчелѣ*, разумѣется безъ подписи. Когда мужъ разказалъ мнѣ объ этомъ, я пришла въ отчаяніе. Я предвидѣла что письмо заинтересуетъ ревельское общество, что догадаются кто написалъ его, и никто не повѣритъ чтобъ оно было напечатано безъ моего вѣдома. Все такъ и случилось, и я неволью попала въ писательницы, чего вовсе не желала. За то письмо доставило большое удовольствіе полковнику Бурнашеву, котораго я въ немъ расхваляла и который во вторую нашу поѣздку въ Гельсингфорсъ очень благодарилъ меня. По отъѣздѣ моего мужа мнѣ стало скучнѣе въ Ревелѣ; однако я продолжала выѣзжать, была между прочимъ на праздникѣ который Ревельцы дали Гельсингфорцамъ, въ благодарность за ихъ радушный пріемъ.

Въ августѣ начали разъѣзжаться; оставшіеся еще болѣе сблизились, и всѣ сдѣлались еще интимнѣе. Я долго оставалась въ Ревелѣ, потому что мужа моего не было въ Петербургѣ; онъ былъ командированъ по службѣ во внутреннія губерніи. Выѣхала изъ Ревеля по его возвращенію въ Петербургъ.

IX.

Въезду осень дебютировала на Большомъ Театрѣ Тальйони въ балетѣ *Сильфиды*. Я была на первомъ ея представленіи. Она довела танцы и мимику до высшей степени искусства. Въ ея движеніяхъ было столько благородства и граціи, въ ея позахъ столько изящества что она представлялась великою художницей. Она была столько же пластична въ балетѣ сколько Рашель въ драмѣ. Возставали на дирекцію за огромную цѣну мѣстъ въ балетахъ съ участіемъ Тальйони. Ложи въ бельэтажѣ и бенуарѣ стоили 100 руб. (ассигнаціями), въ первомъ ярусѣ 75 руб., во второмъ—50 руб.

19 октября, день нашей свадьбы, мы праздновали вечеромъ на которомъ было болѣе ста человѣкъ и много хорошихъ, что въ Петербургѣ рѣдко случается. 7 ноября у насъ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали Крыловъ, Кукольникъ, К. Брюловъ, баронъ Розенъ, баронъ Зебахъ, Н. Полевой и многіе другіе. Посреди оживленнаго застольнаго разговора, мужъ мой взялъ Крылова за руку и сказалъ что имѣть до него просьбу. Тотъ отвѣчалъ что непременно исполнить ее если это только въ его волѣ: „Такъ вы будете у насъ обѣдать 2 февраля?“ Крыловъ немного задумался, наконецъ смекнулъ въ чемъ дѣло, поблагодарилъ моего мужа и обѣщаль быть у насъ 2 февраля. Мы тутъ же пригласили на этотъ день всѣхъ присутствовавшихъ. 2 февраля, день рожденія Крылова, и въ этотъ годъ должно было исполниться пятидесятилѣтіе литературной его дѣятельности. Я упоминаю объ этомъ разговорѣ по послѣдствію которое онъ имѣлъ, о чемъ въ свое время разкажу.

Я не говорила еще о Сенковскомъ, съ которымъ мы коротко сошлись, особливо съ его женой. Она, не знаю за что, полюбила меня, и хотя была вдвое меня старше, подружилась со мной. Мы часто видались, иногда ѣздили вмѣстѣ во французскій театръ, который построилъ мужъ ея сестры, архитекторъ Брюловъ, братъ живописца, и за это ему предоставлена была въ его всегдашнее распоряженіе одна изъ ложъ Iго яруса.

Ею часто пользовалась гжа Сенковская и приглашала меня. Осипъ Ивановичъ Сенковскій, знаменитый баронъ Брамбеусъ, издатель *Библиотеки для Чтенія*, былъ необыкновенно уменъ, ученъ и даровитъ, что не мѣшало однако ему шарлатанить и быть невыносимо самолюбивымъ и самонадѣяннмъ. Онъ былъ родомъ Полякъ, развелся съ первою женой и въ другой разъ женился на баронессѣ Раль, дочери разорившагося банкира. Сенковскій былъ очень дурень собой: на рябомъ лицѣ его были какіе-то сныяки, которые его безобразили; несмотря на это, онъ разыгрывалъ изъ себя моднаго джентльмена, любилъ вести свѣтскій разговоръ, къ которому примѣшивалъ польскую любезность и авторскія самолюбивыя выходки.

Я не знала человека тщеславнѣе барона Брамбеуса. Непомѣрною роскошью жизни онъ приводилъ всѣхъ въ удивленіе и очень былъ этимъ доволенъ. Квартиру нанималъ прелестную, въ Почтамтской, великолѣпно ее убралъ; на мѣсто лачей вездѣ поставилъ мраморныя камни, отчего въ комнатахъ было чрезвычайно холодно. Лѣстница, всѣ окна, корзины разнаго рода, всевозможныя горки были уставлены цвѣтами. Садовникъ доставлявшій ихъ и заботившійся о нихъ получалъ 3.000 въ годъ. Сенковскій иначе не вѣдилъ какъ на четверть отличныхъ лошадей, нанимавшихся помѣсячно, и такимъ важнымъ бариномъ являлся въ университетъ читать лекціи (онъ былъ профессоромъ восточныхъ языковъ). На свои вечера и обѣды онъ приглашалъ только сіятельства и превосходительства, а къ большинству литераторовъ откосялся пренебрежительно.

Въ началѣ нашего знакомства съ Сенковскимъ, мы съ мужемъ присутствовали на одномъ изъ этихъ *превосходительныхъ* вечеровъ. Собрались часовъ въ 9; гостей было довольно много, разговоръ не вязался, болѣе можетъ-быть оттого что всѣ дрожали отъ холода; камни не могли нагрѣть высокихъ, большихъ комнатъ. Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ чая, но къ сожалѣнію онъ не являлся. Наконецъ, въ половинѣ 12го, Сенковскій попросилъ въ залу, гдѣ былъ накрытъ столъ съ роскошнымъ угощеніемъ. Тутъ былъ ужинъ, чай, варенцы, мороженое, десертъ и наконецъ разносили кофе. Сенковскій всегда и во всемъ старался отличиться и не такъ дѣлалъ какъ другіе. И образъ его жизни былъ особенный: онъ цѣлыя ночи напролетъ занимался, а днемъ спалъ.

Госпожа Сенковская обожала своего мужа, и онъ ловиди-мому былъ съ нею довольно вѣженъ, требовалъ чтобъ она всегда была нарядна, дарилъ ей богатыя платья, и такъ какъ она никуда почти не выѣзжала, то приходилось надѣвать ихъ на маленькіе вечера или когда пріѣзжали запросто ко мнѣ, что было даже неумѣстно. Потому я узнала что супружеская жизнь Сенковскихъ не совѣмъ была счастлива.

Конецъ 1839 года ознаменовался грустнымъ событіемъ. Вечеромъ 17 декабря я спокойно сидѣла въ своей комнатѣ и занималась, какъ приближали сказать мнѣ что горитъ дворецъ. Бросились въ гостиную и были поражены увидавъ два зарева. Попросили моего девера, который жилъ съ нами, скорѣе лѣхать и удостовѣриться точно ли горитъ дворецъ. Въ большомъ волненіи ожидали его; наконецъ онъ возвратился и сказалъ что весь дворецъ объятъ пламенемъ, и что другой пожаръ на Васильевскомъ Островѣ. Я сокрушалась болѣе всего о томъ что добычею пламени могутъ сдѣлаться сокровища искусствъ, которыя неоцѣнимы, что можетъ сгорѣть Эрмитажъ... Воображеніе мое, всегда слишкомъ пылокое, всегда внушающее мнѣ страшныя и горестныя опасенія, на этотъ разъ встревожилось особенно тѣмъ что вдругъ два пожара... Смѣтра на этотъ огненный горизонтъ, на эти столбы дыма безпрестанно усиливающіеся я подумала, нѣтъ ли поджоговъ, не кроется ли какого-нибудь заговора, злоумышленія, и только успокоилась когда возвратился мой мужъ.

Пожаръ не утихалъ въ продолженіе всей ночи. Государь, несмотря на холодъ и вѣтеръ, все время стоялъ на пожарѣ и распоряжался со свойственными ему присутствіемъ духа и твердостью.

Когда сдѣлалось очевидно что никакія человѣческія усилія не могутъ спасти дворца,—это было часа въ три ночи,—государь приказалъ перестать тушить и не подвергать бесполезно утомленію и опасности людей. На площади водворилась глубочайшая тишина. Народъ въ какомъ-то вѣномъ оцѣпенѣніи смѣтралъ на страшное и вмѣстѣ великолѣпное зрѣлище. Весь дворецъ былъ объятъ пламенемъ, все пожара неодолима стихія; только бѣлыя статуи стояли по стѣнамъ какими-то привидѣніями да крестъ на церкви несокрушимо держался какъ символъ святой вѣры неодолимо

никакими бѣдствіями. Молчаніе прерывалось только громомъ падающихъ потолковъ, на минуту унылый гулъ оглашалъ окрестность и потомъ снова водворялась тишина... Она была такъ велика что можно было слышать какъ начали бить во дворѣ стѣнные часы, и только услѣли пробить послѣдній часъ своего существованія въ величественномъ жилищѣ какъ въ то самое мгновеніе обрушились со стѣною. Въ одномъ небольшомъ отдѣленіи, куда еще не достигъ огонь, теплилась лампада предъ образомъ, какъ чистая молитва посреди ада разрушенія...

На другой день сильно еще догоралъ дворецъ, и всѣ жители Петербурга пріѣзжали посмотреть на него и погоревать. Стеченіе народа было огромное. Площадь представляла какое-то печальное погребальное зрѣлище. Неодолимаа скорбь волновала душу при видѣ какъ уничтожалось это великолѣпное зданіе.

Огромный, великолѣпный, роскошный былъ дворецъ, прекрасный, какъ подобаетъ жилищу царей Русскихъ. Онъ былъ украшенъ произведеніями искусствъ, богатъ рѣдкостями, съ нимъ соединялось много воспоминаній новѣйшей русской исторіи. Его достроила кроткая дочь Петра и дожила въ немъ свое царствованіе, называвшееся благословеннымъ, послѣ жестокой бирюковщины. Въ немъ сіялъ вѣкъ Екатерины, и гениальная государыня старалась украсить его чудесами искусствъ, изящества, роскоши, и достигла того что онъ соответствовалъ ея требованіямъ. Въ немъ царь Русскій и его семья грустили при нашествіи Наполеона; въ немъ двѣ святыя женщины, Марія и Елисавета, молились за народъ Русскій и проливали слезы радости узнавая о побѣдахъ нашихъ и о славѣ Россіи. Дворецъ стоялъ непоколебимымъ среди волнъ осаждавшихъ его когда разъяренное море нахлынуло на Петербургъ. Съ его балкона Александръ I со скорбію смотрѣлъ на ужасную картину наводненія. Какъ было не жалѣть дворца! Конечно онъ долженъ былъ быстро возобновиться, но что погибло, того уже не воротить. Говорятъ причина пожара была толка печи. Припоминаю при этомъ случай черту характеризующую русскаго человѣка. У насъ былъ лакей довольно глухой и очень безпечный, но какъ-то ему случилось скопить нѣсколько денегъ и приобрести золотой. Онъ принесъ мнѣ его со словами: „Отдайте пожалуста,

я жертвую это на постройку дворца". Никто не готовъ такъ на жертвы какъ нашъ добрый народъ!

Въ январѣ мы начали уже помышлять объ обѣдѣ который хотѣли дать у себя въ день рожденія Ивана Андреевича, по его любезному обѣщанію подарить намъ этотъ день. Мы часто говорили съ мужемъ объ этомъ обѣдѣ, начали даже дѣлать списокъ тѣхъ кого хотѣли пригласить, какъ въ одно прекрасное утро пріѣхалъ къ намъ нашъ искренній пріятель Василій Дмитріевичъ Камовскій, правитель канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, по его порученію. Я упоминала выше о томъ какъ Крыловъ далъ слово моему мужу обѣдать у насъ 2 февраля. Но Кукольникъ съ Булгаринымъ и Гречемъ возымѣли мысль устроить Ивану Андреевичу публичный обѣдъ. Уваровъ стороной узналъ объ этомъ и спрашивалъ Камовскаго не слышалъ ли онъ что именно затѣвается. Тотъ отвѣчалъ что еще въ ноябрѣ, у насъ на обѣдѣ, Крыловъ при немъ обѣщавалъ праздновать день своего рожденія у насъ.

— Такъ поѣзжайте же къ ***, сказалъ министръ, — попросите его ко мнѣ, чтобъ онъ самъ разказалъ мнѣ все какъ это происходило.

Мой мужъ отправился къ министру, который просилъ моего мужа освободить Крылова отъ обѣщанія и, на мѣсто семейнаго обѣда, высказалъ желаніе сдѣлать торжество это общественнымъ. Разумѣется мой мужъ ничего не могъ противъ этого возразить. Уваровъ предложилъ моему мужу, вмѣстѣ съ В. А. Жуковскимъ, Плетневымъ, княземъ Одоевскимъ, учредить родъ комитета, подъ предсѣдательствомъ Оленина, друга Крылова, и постараться устроить праздникъ какъ можно торжественнѣе. Господа эти каждый день собирались у Оленина; князь Одоевскій и мой мужъ приняла на себя всѣ хлопоты и находились цѣлые дни въ разъѣздахъ. Я принимала живое участіе во всѣхъ этихъ приготовленияхъ, помогала уговариваться съ поваромъ, съ кондитеромъ; сообща сочиняли меню обѣда. Разумѣется была стерляжья уха подъ именемъ *Дельяновой Ухи*, и все что можно было придумать тонкаго, роскошнаго и вмѣстѣ соотвѣтствующаго гастрономическимъ вкусамъ Крылова. Жаль что не сохранился экземпляръ съ меню обѣда. На листкѣ очень искусно были изображены герои басенъ Крылова. Билетъ на праздникъ стоилъ, ломניתся мнѣ, 30 рублей ассигнаціями,

во желавшихъ было такъ много что невозможно было всѣхъ удовлетворить. Число билетовъ было ограничено и предоставлено преимущественно литераторамъ и артистамъ.

Наступило наконецъ 2 февраля. День этотъ для меня еще тѣмъ былъ замѣчательнъ что мой мужъ въ первый разъ надѣлъ фракъ. Онъ оставилъ военную службу и перешелъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія по особымъ порученіямъ.

Съ ранняго утра 2 февраля у Крылова толпились съ поздравленіями друзья, знакомые и поклонники его таланта. Въ 4 часа, мой мужъ съ Плетневымъ поѣхали къ Ивану Андреевичу и какъ невесту повезли его въ домъ Энгельгардта, гдѣ тогда помѣщалось Благородное Собраніе. Уваровъ, Оленинъ, литераторы и всѣ участвовавшіе въ праздникѣ встрѣтили его въ первой комнатѣ.

Уваровъ отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ привѣтствовалъ его, прочелъ рескриптъ государя и надѣлъ звѣзду. Старикъ заплакалъ отъ радости и совершенно растроганный вошелъ въ залу, гдѣ его ожидало столько новыхъ, сладостныхъ ощущеній.

Въ великолѣпно освѣщенной и убранной залѣ былъ накрытъ ложемъ роскошный столъ. Посрединѣ стѣны стоялъ мраморный бюстъ Крылова, украшенный лавровымъ вѣнкомъ, и подъ нимъ на столѣ покрытомъ краснымъ сукномъ лежали всѣ сочиненія Крылова, всѣ ихъ переводы на иностранные языки, по экземпляру всѣхъ изданій какія только были его сочиненій и на нихъ лежалъ также лавровый вѣнокъ. Въ 5 часовъ сѣли за столъ. Подлѣ Крылова съ одной стороны Уваровъ, съ другой Оленинъ, распорядители: Жуковскій, Плетневъ, князь Одоевскій и мой мужъ, напротивъ. Первый тостъ за здоровье Ивана Андреевича провозгласилъ Уваровъ и произнесъ нѣсколько словъ. Потомъ говорили Оленинъ, князь Одоевскій, Жуковскій. Умиленіе старика возрастало, когда же Петровъ своимъ прекраснымъ голосомъ запѣлъ стихи Вяземскаго (музыка Вьельгорскаго):

На радость полуѣвковую
Скалкаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ всѣ мы сватья
И не къ чему таить вину,

Всѣ заодно, всѣ безъ изъятія,
 Мы влюблены въ его жену.
 Длись счастливая судьбою
 Нить любезныхъ намъ годовъ.
 Здравствуй съ милою женою,
 Здравствуй дѣдушка Крыловъ!

всѣ съ восторгомъ и съ оглушительными рукоплесканіями привѣтствовали каждый кулетъ. Счастливый Крыловъ залился слезами. Петровъ долженъ былъ безчисленно повторять эти счастливые кулеты. Не могли наслушаться ихъ, не могли наглядѣться на виновника торжества, и многіе невѣжливо съ увлеченіемъ вторили:

Здравствуй съ милою женою,
 Здравствуй дѣдушка Крыловъ!

Я была на хорахъ, гдѣ находились еще нѣсколько дамъ и между ними графиня Уварова, княгиня Одоевская, княгиня Вяземская. Намъ очень хорошо угощали, приносили бокалы съ шампанскимъ. Сказали Крылову что дамы желаютъ пить его здоровье, онъ вышелъ на средину зала; мы всѣ встали, отъ души его привѣтствовали и бросили лавровый вѣнокъ.

Обѣдъ кончился, но никому не хотѣлось уѣхать, всѣ желали какъ можно долѣе продлить радостный день и долго еще толпились гости въ залахъ Собранія. Уѣзжая, Крыловъ объявлялъ моего мужа и сказалъ что ему обязанъ этимъ счастливымъ днемъ. Стихи Вяземскаго имѣли успѣхъ необыкновенный, и когда мы сѣли въ карету, то слышали какъ на улицѣ пѣли:

Здравствуй съ милою женою,
 Здравствуй дѣдушка Крыловъ!

X.

Лѣтомъ 1838 года мы ѣздили въ наши небольшія деревни въ Пензенской и Владимірской губерніяхъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія очень благоволилъ къ моему мужу, и далъ ему кстаги порученіе осмотрѣть учебныя заведенія въ этихъ губерніяхъ, съ присоединеніемъ еще Воронежской.

По возвращеніи въ Петербургъ мы нашли очень миленькую квартиру на Сергіевской, какой у насъ еще не бывало, и

важили очень пріятно въ кругу людей замѣчательныхъ по уму и дарованіямъ, и вмѣстѣ пользовались нѣкоторыми свѣтскими развлечениями, особливо театромъ, который продолжали страстно любить. Друзей у насъ было много, и я съ благодарностію вспоминаю о томъ какимъ вниманіемъ, какою привѣтливостію я была окружена. Однимъ изъ самыхъ близкихъ намъ былъ В. Д. Камовскій. Онъ мнѣ особенно нравился тѣмъ что не любилъ ничего свѣтскаго, никуда не ѣздилъ, былъ выше житейскихъ дразгъ и волненій, любилъ науку и весь былъ поглощенъ дѣломъ. Ему некогда было заниматься литературой, но въ свободное время онъ переводилъ съ нѣмецкаго. Его переводъ исторіи литературы Менцеля считался очень хорошимъ.

Въ ноябрѣ или декабрѣ, не помню, однажды я цѣлое утро дѣлала визиты и по возвращеніи домой узнала что у моего мужа князь Дундуковъ-Корсаковъ, и что они оба давно занимаются въ кабинетѣ. Это меня удивило, тѣмъ болѣе что Дундуковъ-Корсаковъ къ намъ не ѣздилъ.

Наконецъ онъ вышелъ изъ кабинета, пожелалъ меня видѣть и сказалъ что просить меня не препятствовать мужу моему согласиться на предложеніе которое онъ ему сообщилъ. Проводивъ гостя мой мужъ сказалъ мнѣ что Уваровъ присылалъ князя Дундукова просить его принять мѣсто помощника полечителя Кіевскаго учебнаго округа. Многие студенты университета Св. Владиміра были замѣшаны въ политическомъ заговорѣ, вслѣдствіе чего университетъ былъ закрытъ; полечитель и его помощникъ должны были выйти въ отставку. Мой мужъ предоставилъ мнѣ рѣшить взять или нѣтъ предлагаемую ему должность. Я не долго колебалась и совѣтовала принять. Хотя мнѣ въ Петербургѣ жилось очень пріятно, но я знала благородныя стремленія моего мужа, его желаніе приносить пользу и радовалась что ему предстоитъ обширное поприще для благотворной дѣятельности. При томъ же я всегда имѣла большое влеченіе къ Кіеву и наконецъ была еще причина заставлявшая меня не жалѣть о Петербургѣ, несмотря на всѣ его привлекательности. Мы жили слишкомъ открыто, слишкомъ неразчетливо, не по состоянію, — недостатокъ, къ сожалѣнію, встрѣчающійся у насъ Русскихъ очень часто. Долговъ мы не дѣлали, но едва сводили концы съ концами и часто нуждались въ деньгахъ, что ставило насъ иногда въ затруднительное положеніе, для

меня, по моему характеру, особенно неприятное. Я такъ привыкла къ довольству и такъ любила *независимость*, которую всегда стѣсняетъ бездежье. Переменить образъ жизни въ Петербургѣ было бы затруднительно, въ провинціи же, съ большимъ жалованьемъ (6.000 руб. сер.) назначеннымъ моему мужу, мы могли жить очень хорошо. Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ я была какъ нельзя болѣе довольна нашимъ переселеніемъ. Мой мужъ часто бывалъ у министра, который говорилъ что никого не могъ бы назначить на это мѣсто съ такою увѣренностію какъ его, передавалъ свои мысли, свои требованія на счетъ Кіевскаго университета и безпрестанно повторялъ ему что онъ не знаетъ князя Давыдова, котораго государю угодно было назначить лютечителемъ, но что онъ надѣется только на него и его *посылаетъ управлять Кіевскими учебными округами*. Въ ожиданіи утвержденія въ должности и прибытія въ Петербургъ князя Давыдова, который былъ губернаторомъ въ Минскѣ и долженъ былъ предварительно представиться государю и министру, мы цѣлую зиму прожили въ Петербургѣ.

Я продолжала часто посѣщать театры; мой мужъ рѣдко сопровождалъ меня. Однажды были въ очень пріятной компаніи въ Большомъ Театрѣ, и вдругъ безо всякой причины мнѣ сдѣлалось невыносимо грустно, и когда возвратившись домой я позвонила въ колокольчикъ, у меня забилось сердце, и какой-то голосъ сказалъ мнѣ что у насъ случилось какое-нибудь несчастіе... Моя добрая Настасья Яковлевна отворила мнѣ дверь. Я въ ту же минуту замѣтила что она взволнована. „Что случилось?“ спросила я въ услугѣ. — „Баринъ чуть не умеръ,“ отвѣчала она мнѣ. Я бросилась въ спальню и нашла моего мужа блѣднаго, лежащаго на постели. Онъ съ нѣжностію обнялъ меня и сказалъ что не надѣялся болѣе меня увидеть. Съ нами дѣлались такія судороги въ горлѣ что онъ не могъ дышать; послали за докторомъ. Къ счастью, въ одномъ съ нами домѣ жилъ докторъ Мамдтъ, въ послѣдствіи сдѣлавшійся врачомъ императора Николая и пріобрѣтшій знаменитость. Онъ оказалъ немедленную помощь, предписалъ средства отъ которыхъ мой мужъ получилъ облегченіе, но три недѣли проболѣлъ и съ тѣхъ поръ никогда совершенно не выздоравливалъ.

Это было начало горловой чахотки, отъ которой онъ и умеръ. Когда въ этотъ разъ онъ поправился, я ожила и снова

предалась развлеченіямъ. Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ братъ министра, отставной генералъ Уваровъ, съ которымъ мы вмѣстѣ изъ Дрездена съ фурманами ѣхали до Варшавы. Мы тащились болѣе десяти дней, досадовали на себя что рѣшились выбрать такой томительный способъ путешествія, бѣдствовали на дурныхъ ночлегахъ, и когда попали въ Польшу голодали въ жидовскихъ корчмахъ. Уваровъ былъ большой гастрономъ, и когда мы не находили ничего для обѣда, онъ самъ изобрѣталъ какія-нибудь кушанья и съ помощію своего камердинера приготовлялъ ихъ. Онъ былъ притомъ страстный любитель цвѣтовъ, ѣхалъ въ дорезѣ нагруженномъ луковичами, растеніями, обставленный цвѣтами, отводками которые везъ изъ-за границы. Скука, лишенія, непріятности, которыя мы вмѣстѣ переносили не очень терпѣливо, сблизили насъ, и мы разстались большими пріятелями. Когда Уваровъ пріѣхалъ въ Петербургъ, мы, соображаясь съ его вкусомъ, сдѣлали обѣдъ, и такъ какъ онъ сочувствовалъ литературѣ, то угостили его и умственною пищей, пригласивъ многихъ знакомыхъ намъ литераторовъ. Министръ поручилъ брату сказать что онъ собирался пріѣхать незванымъ и очень жалѣеть что по нездоровью не могъ это исполнить.

Еженедѣльные вечера наши продолжались попрежнему. Я не говорила еще объ одномъ замѣчательномъ человѣкѣ который постоянно посѣщалъ насъ, объ отцѣ Іакинѣ. Не знаю его біографію, но знаю что онъ пятнадцать лѣтъ прожилъ въ Китаѣ и такъ сроднился со страной, такъ полюбилъ ее, такъ изучилъ что самъ сдѣлался похожимъ на Китайца. Физиономія его рѣшительно имѣла выраженіе какое имѣютъ Китайцы. Онъ не былъ строгимъ монахомъ, кушалъ скоромное, безъ устали игралъ въ карты, любилъ хорошее вино, веселую бесѣду, и хотя жилъ въ Александро-Невской Лаврѣ, но пользовался, на особыхъ правахъ, большою свободой и часто возвращался домой когда благочестивая братія шла къ утреннимъ молитвамъ. Я съ любопытствомъ слушала его разказы о Китаѣ и часто играла съ нимъ въ вистъ.

Наконецъ пріѣхалъ князь Давыдовъ, и отъѣздъ нашъ приблизился. Министръ желалъ чтобы мужъ мой прежде полечителя поѣхалъ въ Кіевъ и обо всемъ его увѣдомилъ.

Наканувъ нашего отъѣзда у насъ былъ прощальный вечеръ, на которомъ были ваши друзья: Крыловъ, Камовскій,

Бенедиктовъ, Кукольникъ и tutti quanti. За веселымъ ужиномъ, за тостами сопровождаемыми искренними пожеланіями, мы простились съ нашимъ петербургскимъ житьемъ.

Мы отправились въ двухъ экипажахъ. Въ закрытой коляскѣ на полозьяхъ ѣхали мы съ мужемъ и Англичанкой, миссъ Долленъ, которую я съ большимъ трудомъ отыскала и убѣдила сопровождать меня въ Кіевъ. Я непременно хотѣла выучиться англійскому языку, притомъ же думала что мужъ мой безпрестанно будетъ въ отсутствіи и я буду чувствовать себя одинокою безъ семьи, въ незнакомомъ городѣ. Въ кибиткѣ ѣхали вѣрная моя Настасья Яковлевна и горничная. Дорогой мужъ мой часто прихварывалъ, что приводило меня въ отчаяніе, но пріѣхавъ въ Кіевъ, предавшись съ увлеченіемъ новой обширной дѣятельности, онъ сталъ себя лучше чувствовать. Квартира намъ была нанята на Крещатицкѣ; приготовленъ домъ, въ который мы прямо пріѣхали, и на другой день профессора, учителя гимназій, и разные чиновники служившіе по Министерству Народнаго Просвѣщенія явились въ мундирахъ къ моему мужу. Я изъ двери смотрѣла на этотъ торжественный пріемъ.

Мой мужъ желалъ сблизиться съ профессорами и на этотъ же вечеръ пригласилъ нѣкоторыхъ. Помню что мнѣ показались очень странными манеры Невольна, ректора университета, и его пріятеля, проректора Богородскаго. Они явились къ намъ въ синихъ вицъ-мундирахъ самаго форменнаго цвѣта. Невольнъ средняго роста, худой, съ подвижною, но не красивою физиономіей; Богородскій маленькій, полновѣскій, со смѣющимися глазами. Въ послѣдствіи мы очень сблизились съ обоими, съ Невольнымъ даже подружился; они часто бывали у насъ, а Невольнъ ежедневно у насъ обѣдалъ. Невольнъ, какъ ученый, пользовался большою извѣстностью и какъ человекъ заслуживалъ большаго уваженія. Онъ былъ скрытенъ, недовѣрчивъ и казался холоднымъ, но въ сущности былъ способенъ на дружбу и никогда не измѣнялъ ни друзьямъ своимъ, ни убѣжденіямъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія и какъ отлично кончившій курсъ былъ посланъ за границу. По возвращеніи въ Россію находился нѣкоторое время при Сперанскомъ и потомъ былъ назначенъ профессоромъ при университетѣ Святаго Владиміра.

Скоро мы познакомились со всѣмъ городомъ. Приведа въ

порядокъ хозяйство наше и заведясь хорошимъ экипажемъ я пустилась дѣлать визиты. Ко мнѣ всѣ оказались ласковыи и пріятливы, какъ это почти всегда бываетъ въ провинціяхъ къ новому лицу. Мы очень скоро сблизились съ семействомъ Васильчиковыхъ. Александра Ивановна Васильчикова, рожденная Архарова, принадлежала къ высшему петербургскому обществу. Они переселились въ Киевскую губернію не столько для поправленія обстоятельствъ, какъ предполагали, какъ для того чтобы воспитывать дѣтей вдали отъ лагубнаго вліянія большаго свѣта. Васильчиковы лѣто проводили въ украинскомъ имѣніи, а зиму въ Киевѣ. Александра Ивановна въ молодости была красавицей, блистала при дворѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, была ея любимую фрейлиной и находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ императорскою фамиліей. Мать ея отличалась строгостью правилъ, которыя передала и дочерямъ своимъ. Александра Ивановна была неприступною красавицей, за ней не дерзали ухаживать, но ей удивлялись и всѣ уважали ее. Когда при императорѣ Александрѣ разсуждали о томъ за кого она выйдетъ замужъ, онъ сказалъ что не знаетъ никого кто былъ бы ея достоинъ. А между тѣмъ она вышла за человѣка весьма обыкновеннаго, но добраго, богатаго, знатнаго рода и имѣвшаго большія аристократическія связи. Разумовскіе, Рѣвнцны, знаменитая Загряжская, были его родней. Сестра его Марія Васильевна, которую онъ вѣжно любилъ, была за княземъ Кочубеемъ.

Ея особенное вниманіе ко мнѣ было для меня чрезвычайно лестно. Мы обѣ жили на Крещатикѣ, не далеко другъ отъ друга. Александра Ивановна безпрестанно приглашала меня къ себѣ и между нами возникли самыя искреннія отношенія. Я безъ ума полюбила Александру Ивановну. Домъ ея велся на англійскій манеръ, и гувернеръ Англичанинъ мистеръ Джонсъ игралъ важную роль; дочери ея походили на англійскихъ леди, хотя имѣли русскую гувернантку, а старшій изъ двухъ мальчиковъ (самаго старшаго не считали, онъ былъ цдіотъ) былъ настоящій master Peter.

Мы познакомились съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, знаменитымъ проповѣдникомъ, бывшимъ тогда викаріемъ Киевской епархіи и архимандритомъ Михайловскаго монастыря, гдѣ онъ и жилъ. Мы часто къ нему ѣздили; онъ также иногда

бывалъ у насъ и проводилъ цѣлые вечера. Каждое воскресенье онъ говорилъ проповѣди, и я съ благоговѣніемъ его слушала. Кромѣ Михайловскаго монастыря, онъ иногда служилъ и проповѣдывалъ въ другихъ мѣстахъ. Я это всегда узнавала заранее и не разу не пропустила случая присутствовать при его служеніи. Я была въ восторгѣ отъ его краснорѣчія; бесѣда его была для меня высочайшимъ наслажденіемъ какое я когда-либо испытывала. Впрочемъ, по силѣ сочувствія, Инокентій самъ былъ къ намъ очень хорошо расположенъ; во всѣхъ случаяхъ онъ доказывалъ намъ свою пріязнь.

Ничего не можетъ быть улощительнѣе кievской весны. Въ началѣ апрѣля мы уже дѣлали съ Александрой Ивановною раннія прогулки. Въ 7 часовъ утра, а иногда и ранѣе, я приходила къ ней, и мы отправлялись вмѣстѣ въ Лѣтній Садъ, или куда-нибудь далѣе. День ото дня природа украшалась все болѣе, распускались деревья, расцвѣтали цвѣты, въ воздухѣ лилось благоуханіе, въ чащѣ деревъ пѣли хоры соловьевъ.

Кромѣ утреннихъ прогулокъ, мы дѣлали довольно отдаленныя прогулки пѣшкомъ на богомолье. Разъ мы отправились пѣшкомъ въ Печерскую Лавру, когда Инокентій служилъ въ пещерахъ и сказалъ тамъ чудную проповѣдь. Послѣ обѣды мы вмѣстѣ съ нимъ ходили по пещерамъ, по саду, и пили чай у настоятеля пещеръ отца Досіея.

Любимымъ мѣстомъ моимъ въ окрестностяхъ Кіева былъ Выдубецкій монастырь. Кто бы ни пріѣхалъ въ Кіевъ изъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ, я непременно везла туда. Въ ущельѣ между живописныхъ горъ построена святая обитель. По историческому преданію, когда князь Владиміръ сокрушилъ идоловъ и бросилъ ихъ въ Днѣпръ, то народъ бѣжалъ за ними, и тамъ гдѣ теперь стоитъ монастырь, раздавались крики толпы, обращенныя къ вырвавшимся идоламъ: „Выдыбай боже, выдыбай боже!“ думая криками атаки вызвать своихъ боговъ. Отъ этого, говорятъ, и произошло названіе монастыря.

Монастырь не богатъ и не обширенъ, но онъ такъ красиво пріютился между горъ, Днѣпръ такъ торжественно катитъ свои воды къ этой пустыни, и горы такъ живописно обставили всю мѣстность, что сдѣлали ее вполне оцаровательною. Много прегладскихъ вечеровъ провела я тамъ.

Мы разъ устроили пикникъ въ Китаевскую пустынь. Въ Кіевѣ былъ содержатель гостиницы Ливовскій (отецъ

даровитаго профессора, такъ трагически погибшаго отъ руки пьянаго лакея), который былъ мастеръ устраивать всякія празднества и къ которому мы обратились и въ этомъ случаѣ. Въ прекрасный майскій день, въ 7 часовъ утра, все что въ Кіевѣ считалось лучшимъ обществомъ, со всѣхъ сторонъ быстро летѣло въ разнообразныхъ экипажахъ на Подоль къ пристави, гдѣ уже дымился пароходъ. Когда собрались всѣ участвовавшіе въ прогулкѣ, на палубѣ произошла большая суета; всѣ разсаживались, устраивались кому какъ лучше, добрый Ридигеръ, корлусный командиръ, совершенно довольный, рассказывалъ взадъ и впередъ. Около молодыхъ дѣвужекъ вертѣлась военная молодежь, къ кружку дамъ подошелъ генераль-губернаторъ Бибииковъ и расточалъ свои любезности, преимущественно Мше Ридигеръ, молодой супругъ пожилаго генерала, и Мше Брамвель, очень милой дѣвужкѣ за которую неотвязчиво ухаживалъ. Музыка грянула, пароходъ тронулся, и всѣ вскочили съ мѣстъ чтобы любоваться очаровательною лаворамой раскрывавшеюся предъ нами. Помоему ни берега Рейна, ни Эльбы, ни Дуная, немогутъ сравниться съ Днѣпровскимъ побережьемъ, начиная съ Подола до самой Китаевской пристави.

Сначала представился Подоль со своими многочисленными лавками, каменными домами, Флоровскимъ монастыремъ; вдали на холмѣ видѣлась церковь Андрея Первозваннаго, построенная архитекторомъ Растрелли, легкая, будто готовая улѣтѣть на небо, потомъ показалась Аскольдова могила, дворцовый садъ со своею роскошною растительностью, представилась Печерская лавра со своею святыней, во всемъ своемъ великолѣпнѣ, за нею послѣдовали холмы разнообразной формы, покрытые лѣсомъ, выглянулъ мой любимый Выдубецкій монастырь и вскорѣ за нимъ показалась Китаевская пустынь, похожая по мѣстоположенію на Выдубецкій монастырь, только обширнѣе. Пароходъ остановился, и мы шумною гурьбой вышли на берегъ и отправились къ тому мѣсту гдѣ приготовлено было пиршество, недалеко отъ монастыря. Намъ ожидалъ роскошный завтракъ, послѣ котораго мы долго гуляли и собрались только къ обѣду, также великолѣпному. Оркестръ музыки гремѣлъ все время. Шумное веселье наше встревожило безмолвіе удивленной обители; мы видѣли какъ изъ засаженныхъ мѣстъ благочестивые иноки посматривали на веселіе сыновъ міра сего.

Привычный благовѣсть къ вечеру возбудилъ и въ насъ желаніе помолиться, мы пошли въ Китаевскую пустынь. Послѣ службы подробно ее осматривали. Вдоволь нагулявшись и навеселившись, мы начали собираться въ возвратный путь, но прежде напившись еще чаю, лѣбли мороженого и фруктовъ. На пароходѣ, при свѣтѣ луны, устроились танцы, и дяблровскія русалки могли бы, еслибы захотѣли, полюбоваться на грацію нѣкоторыхъ изъ своихъ земныхъ сестеръ. На другой день послѣ этого веселаго дня, бѣднаго Ливовскаго, распорядителя праздника, который такъ вполне удался, нашли мертвымъ въ его саду. Онъ умеръ ударомъ.

Другой ликникъ на подобіе перваго предприняли въ Межегонье, отстоящее отъ Кіева далѣе Китаевской пустыни, живописное мѣсто, какъ всѣ окрестности Кіева. Тамъ находилась извѣстная фаянсовая фабрика, отличавшаяся необыкновенною дешевизной своихъ произведеній, которыя я находила очень красивыми, хотя можно было бы желать болѣе тщательной отдѣлки и болѣе изящныхъ формъ.

Въ разнообразныхъ загородныхъ прогулкахъ, въ неутомимомъ плясаньи на еженедѣльныхъ балахъ въ заведеніи искусственныхъ водъ и на вечерахъ у знакомыхъ, быстро прошло время до половины іюня. Отъ всѣхъ этихъ развлеченій самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ остался незабвенный день проведенный въ Вишаніи, загородной дачѣ преосвященнаго Иннокентія. Все кіевское общество, которое было близко между собою, было приглашено преосвященнымъ. Мы отправились на этотъ праздникъ съ Васильчиковыми; много экипажей слѣдовало въ томъ же направленіи. Когда мы пріѣхали въ Вишанію, то нашли тамъ уже большое общество. Небольшой сельскій домъ, при которомъ была церковь, весь былъ наполненъ цвѣтами, на полу были разбросаны душистыя травы, что придавало свѣжесть и распространяло благоуханіе. Маленькая комната въ сторонѣ, также вся въ цвѣтахъ, была приготовлена для дамъ въ родѣ уборной. Преосвященный пріятливо принималъ гостей своихъ, и когда они всѣ собрались, онъ пригласилъ садиться за столъ и прочелъ краткую молитву. Онъ исполнялъ обязанность хозяина съ тактомъ свѣтскаго человѣка и съ прелестью свойственною ему только одному. Обѣдъ состоялъ изъ рыбы, зелени, молочнаго, пирожныхъ разнаго рода и плодовъ; но

для генерала Ридигеръ и моего мужа, которые оба были лютеране и очень слабого здоровья, приготовлены были мясныя кушанья. Въ большомъ количествѣ подавали вина и шампанское, но разумѣется всё оказались чрезвычайно умѣренны въ ихъ употребленіи. Послѣ обѣда отправились въ садъ пить кофе. Высокое наслажденіе было находиться посреди этой чудной природы и слушать бесѣду преосвященнаго. Находчивость ума, разнообразіе свѣдѣній, увлекательность въ выраженіи мыслей, изумляли меня. Съ генераломъ Ридигеромъ и другими бывшими тутъ военными онъ говорилъ о Турецкой кампаніи, съ Бибиковымъ разсуждалъ объ администраціи края, съ другими говорилъ о политикѣ, съ дамами о литературѣ и поэзіи, даже коснулся французскихъ романовъ въ разговорѣ съ баронессой Фредерикъ, женой начальника штаба, очень модною дамой. Глубоко любилъ преосвященный природу и свою милую Виеннію. Онъ показывалъ намъ улучшенія которыя въ ней дѣлалъ, и когда мы обошли всё его владѣнія, онъ предложилъ намъ ѣхать въ лещеры, отстоявшія въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Виенніи. Экипажи были быстро поданы и мы всё отправились. Дорога шла посреди живописныхъ горъ, и красиво было видѣть какую длиною веревницею тянулись экипажи, когда мы тихо ѣхали по дорогѣ проложенной по косогору. Погода была чудная, воздухъ былъ пропитанъ упоительнымъ ароматомъ и къ довершенію наслажденія такъ были симпатичны люди съ которыми мы находились. Насъ привезли въ чащу лѣса, гдѣ были лещеры. Онѣ были вырыты, кажется, еще во времена Θεодосія. Преосвященный выводилъ насъ по всѣмъ ихъ переходамъ, и когда мы выбрались на свѣтъ Божій мы нашли вблизи лодъ деревьями накрытый столъ съ чаемъ, фруктами и разными разностями. Тутъ опять пошла бесѣда и опять мы съ жадностью слушали преосвященнаго, но солнце уже село, начало смеркаться и къ сожалѣнію надобно было уѣхать. Мы всё отъ души поблагодарили преосвященнаго за дивно проведенный день, и при сіяніи луны, въ тихую украинскую ночь, возвратились въ Кіевъ.

Васильчиковы уѣхали въ деревню за сто верстъ отъ Кіева, мужъ мой отправился осматривать округъ. Я собралась въ Одессу кулаться въ моръ. Мой мужъ предварительно написалъ люту Подолискому, хорошему его знакомому, чтобъ

онъ приготовилъ намъ квартиру и заботился о насъ во время нашего пребывания въ Одессѣ. Для того чтобъ имѣть тамъ своихъ лошадей, я рѣшилась отправиться на *долгизъ*; тогда этотъ родъ передвиженія былъ въ большомъ употребленіи и не казался ужаснымъ какъ телерь. Въ одно прекрасное утро запрягли шестерню нашихъ добрыхъ коней въ споконную оффенбаховую коляску и мы отправились въ путь. Меня сопровождали миссъ Доленъ, неизмѣнная моя Настасья Яковлевна и горничная.

Въ самый день отъѣзда насъ постигла ужасная гроза и за-немогла лошадь, дурное предзнаменованіе для путешествія. Мы не въ хорошемъ расположеніи духа пріѣхали въ Бѣлую Церковь, остановились на постояломъ дворѣ и когда прошелъ дождь пошли въ садъ славившійся въ городѣ, но въ которомъ мы не нашли ничего замѣчательнаго, кромѣ чудесныхъ аллей и прекрасной растительности.

Во всю дорогу ужасныя грозы преслѣдовали насъ, черныя тучи непрерывно висѣли надъ нашими головами и разрѣшились проливнымъ дождемъ, страшною молніей и сильными ударами грома. Гроза лютѣйшая всѣхъ предыдущихъ разычилась вечеромъ, и мы едва добрались до ночлега. Это было въ субботу; Евреи не хотѣли пустить насъ, мы съ трудомъ могли упротить ихъ укрыть насъ отъ непогоды и провели ужасную ночь. Гроза не утихала, буря свистѣла въ окна, удары грома потрясали корчму, въ соседней комнатѣ Жиды громко молились. Миссъ Доленъ въ отчаяніи бѣгала по комнатѣ и размахивала руками; я безмолвно сидѣла въ углу, горько раскаиваясь что затѣяла эту поѣздку и рѣшилась добраться только до Умани и возвратиться. Присутствіе духа сохранила одна Настасья Яковлевна, но и та упрекала меня: „По дѣломъ вамъ! Охота была ѣхать въ Одессу, лучше бы дома сидѣла.“

На другой день благополучно прібыли въ Умань, отдохнули въ лордочной квартирѣ и нѣсколько разъ ходили въ знаменитую Софіевку, уже тогда принадлежавшую императрицѣ. Ничего нельзя вообразить себѣ великолѣпнѣе этого сада; искусство удачно воспользовалось живописною мѣстностью, изобиліемъ воды, прекрасною растительностью; разбиты были красивые цвѣтники, разведены рѣдкія растенія, посажены всевозможныя деревья... Хотя былъ уже июль мѣсяць, но соловьи еще не умолкали, и я ихъ слушала съ такимъ же

наслажденіемъ какъ раннею весной въ Кіевѣ. Когда я читала описаніе Софійки, то удивлялась какъ ухитрились на шлюбкѣ изъ одного озера въ другое переплывать подъ землею и послѣдила удостовѣриться въ этомъ чудѣ... Насъ посадили въ хорошенькую шлюбку, и мы поплыли по озеру живописно окаймленному деревьями, достигли лещеры, и шлюбка наша посредствомъ открывшагося шлюза начала понемногу опускаться и вдругъ нырнула въ лещеру; нѣсколько минутъ мы плыли во мракѣ и очутились на другомъ озерѣ! Софійка такъ понравилась мнѣ что я не могла ею налюбоваться и большую часть времени нашей стоянки провели въ ней.

Я понимала что смѣшно такъ налутаться грозы и возымѣть такое отвращеніе къ еврейскимъ жилищамъ чтобы не рѣшиться доѣхать до Одессы и возвратиться съ половины дороги. Но я разочла что возвратясь теперь дѣлаю только 500 верстъ, а доѣхавъ до Одессы пришлось бы на обратномъ пути сдѣлать 1.000. Не долго думая я рѣшилась вернуться. Дурная погода продолжала преслѣдовать насъ какъ бы наказывая за легкомысленно предпринятое лутешествіе и за смѣшное возвращеніе. Подъѣзжая къ Кіеву мы повсюду замѣчали слѣды олутошенія. Проливные дожди произвели наводненіе, прорвано было много плотинъ, много свесло мостовъ. На Крещатикѣ, гдѣ мы жили, вода затопила нижніе этажи и по улицамъ ѣздили въ лодкахъ. Событіе небывалое, потому что Крещатикъ находится на возвышенной мѣстности. Неожиданное возвращеніе наше всѣхъ удивило. Пріатели наши, Неволицъ, Богородскій, Федотовъ, добрый Траутфетеръ, учившій меня ботаникѣ, очень обрадовались. Въ городѣ же подтрунивали.

Въ числѣ нашихъ короткихъ знакомыхъ въ Кіевѣ былъ профессоръ Максимовичъ, можно даже сказать что онъ былъ нашъ искренній пріатель. Онъ имѣлъ большія способности, пріятный складъ ума, безо всякаго педагогизма, и пламенно любилъ науку. Въ Москвѣ онъ былъ профессоромъ ботаники, а въ Кіевѣ перешелъ на кафедру русской словесности. Его *Книга Наума о мѣрѣ Божіемъ* имѣла большой успѣхъ, но къ сожалѣнію не продолжалась. У Максимовича, при всѣхъ его литературныхъ достоинствахъ, не хватало настойчивости для совершенія какого-нибудь важнаго труда: онъ за многое брался и ничего не кончилъ. Причиной этому вѣроятно было его разстроенное здоровье. Когда мы

съ нимъ познакомился онъ былъ очень боленъ, у него былъ ужасный ревматизмъ во всѣхъ членахъ, особенно въ ногахъ, одною онъ почти не владелъ и ходилъ опираясь на костыль. Несмотря на свои долги страданія онъ сохранилъ очень пріятную наружность, и поэтому, можетъ-быть, возбуждалъ такое общее сочувствіе. Съ нимъ жила сестра, молоденькая дѣвушка, лѣтъ семнадцать, очень хорошенькая. Существованіе ея не было веселое, она безпрестанно ухаживала за больнымъ братомъ, никуда не выѣзжала и не пользовалась никакими удовольствіями. Я сблизилась съ ней и старалась доставлять ей всякія развлеченія. Мой мужъ очень полюбилъ Максимовича, безпрестанно навѣщалъ его и уговорилъ издать альманахъ серьезнаго содержанія, который бы служилъ доказательствомъ что перерывъ университетскихъ курсовъ не прекратилъ ученой дѣятельности профессоровъ. Преосвященный весьма сочувствовалъ этой мысли, и на общемъ совѣщаніи людей заинтересованныхъ было положено издать книгу подъ названіемъ *Киелянинъ*. Статьи скоро набрались и приступили къ печатанію. Мужъ мой былъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета, повелѣніе долженъ былъ имѣть осторожность, и хотя смягчилъ сколько могъ безсмысленную придирчивость тогдашней цензуры, однако не рѣшился пропустить нѣкоторыхъ статей, что мнѣ было очень досадно. Меня чрезвычайно занимало изданіе *Киелянина*, я такъ безпокоилась объ его участи. Мужъ мой своею заботливостію и литературными связями много содѣйствовалъ его успѣху, а онъ былъ полный. Книга вышла дѣльная и быстро разошлась. Жалѣю что у меня не уцѣлѣло ни одного экземпляра; это было бы дорогое воспоминаніе хорошаго прошлаго. Я давно уже приставала къ Максимовичу чтобъ онъ написалъ *Исторію Киева*, но при его болѣзненномъ состояніи, на большой трудъ онъ не рѣшался, а помѣстилъ въ *Киелянинъ* „Историческій очеркъ Киева“, для того чтобы, какъ онъ увѣрялъ, хотя отчасти исполнить мое желаніе.

Мой мужъ очень желалъ чтобъ университетъ какъ можно скорѣе открылся; онъ всѣми силами хлопоталъ объ этомъ, и когда наконецъ пришло разрѣшеніе на возобновленіе лекцій, мы были оба чрезвычайно обрадованы. Преосвященный и всѣ наши друзья также. Открытіе университета произошло 5 сентября, въ день моихъ именинъ.

По возвращеніи попечителя князя Давыдова изъ округа

возникли между имъ и моимъ мужемъ непріятныя столкновенія; хотя явно они не ссорились, но видно было что князь досадовалъ на вліяніе которое мой мужъ всюду имѣлъ и на предпочтеніе которое ему всѣ оказывали. Становилось очевидно что дѣла въ такомъ положеніи остаться не могли. Мой мужъ хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ чтобъ объясниться съ министромъ. Но князь Давыдовъ самъ послалъ прошеніе объ отпускѣ, вслѣдствіе чего мужу моему отвѣтили что онъ можетъ пріѣхать по возвращеніи полечителя въ Кіевъ. Давыдовъ зиму просбирался и выѣхалъ только въ февралѣ.

Весна 1840 года не такъ была для меня пріятна какъ весна прошедшая. Хотя возобновились и раннія прогулки съ Александрой Ивановной и загородныя поѣздки, но не весело было на сердцѣ. Состояніе здоровья моего мужа было хуже и непріятности съ княземъ Давыдовымъ дѣлали его службу невыносимою. Онъ рвался въ Петербургъ. Давыдовъ зажился тамъ, что не предвѣщало для насъ ничего хорошаго, однако на Святой недѣлѣ мужъ мой получилъ Владиміра на шею.

Въ концѣ мая, мой мужъ получилъ бумагу отъ министра, въ которой было сказано что онъ переводится въ Одесскій округъ. Онъ немедленно сообщилъ мнѣ это извѣстіе, которое насъ обоихъ чрезвычайно взволновало. Мужъ былъ оскорбленъ. Послѣ похвалъ которыми осыпалъ его министръ, онъ никакъ не ожидалъ быть переведеннымъ, даже безъ предуведомленія, въ округъ гдѣ нѣтъ университета и гдѣ слѣдовательно его дѣятельность не могла имѣть такого обширнаго полрища. Переводъ состоялся, очевидно, по происканью полечителя.

Не только близкіе намъ, но и всѣ учащіе, всѣ служащіе по Министерству Народнаго Просвѣщенія, пріѣзжали въ мушкетерахъ проститься съ моимъ мужемъ. Весь нашъ обширный дворъ и вся улица были заставлены экипажами. Я изъ дверей смотрѣла на это прощанье и мнѣ было такъ грустно, я понимала какъ было тяжело ему. Всѣ служившіе въ вѣдомствѣ Кіевскаго учебнаго округа были огорчены переводомъ моего мужа. Онъ безпрестанно получалъ письма изъяснявшія живѣйшее сожалѣніе о его удаленіи. Преосвященный оказалъ намъ въ этомъ случаѣ искреннюю дружбу. Онъ старался смягчить наше огорченіе, и въ бесѣдахъ съ нимъ мы находили истинное утѣшеніе. Онъ далъ для насъ въ Венеціи прощальный обѣдъ и просилъ привести съ

собою всѣхъ кто намъ былъ близокъ и кого мы желаемъ. Это было такъ сердечно съ его стороны. Мы приятно провели цѣлый день и забыли о всѣхъ своихъ огорченіяхъ.

Здоровье моего мужа было очень плохо, и я уговорила его проситься на четыре мѣсяца въ отпускъ за границу; но мужъ хотѣлъ прежде отъѣзда повидаться съ Императоромъ и имѣть съ нимъ категорическое объясненіе, долженствовавшее рѣшить можетъ ли онъ продолжать службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Мы отправились въ Петербургъ, оставивъ Кіевъ съ тяжелымъ чувствомъ, но унесли много отрадныхъ воспоминаній. Мы ѣхали шесть дней не останавливаясь ни день, ни ночь. Я была такъ взволнована что вовсе не могла спать, трепетала чтобъ это длинное путешествіе не утомило моего мужа, и усложнялась немного только когда онъ засмалъ. Въ Петербургѣ остановились на квартирѣ брата моего мужа и остались долѣ нежели предполагали. Уваровъ принималъ моего мужа очень любезно, и убѣдилъ не оставлять службы....

IX.

Отпускъ за границу былъ данъ, и мы отправились 29 іюля на пароходъ *Александръ*; но поднялась такая буря что не могли достигнуть Кронштадта и принуждены были возвратиться въ Петербургъ, и только вечеромъ когда буря стихла отправились снова. Я любила море и очень была довольна что мужъ рѣшился ѣхать на пароходѣ. Прежде онъ ужасно страдалъ морскою болѣзнію, но въ этотъ разъ ни мало серьезно больные обыкновенно отъ нея освобождаются. Мнѣ нравилось морское путешествіе, тѣмъ болѣе что можно было, если не было качки, вести обыкновенную жизнь, заниматься музыкой, читать, писать, гулять и спать на хорошей постели.

Мы проплавали лишній день по случаю неблагоприятной погоды, и хотя я люблю море, но съ большимъ удовольствіемъ ступила на твердую землю. Поля прекрасно обработаны, красивые чистенькіе каменные домики поселенъ окружены садами и огородами, владѣльцы ихъ обратво одѣты и имѣютъ здоровыя, веселыя лица. Въ Любекѣ мы пробыли часа три, успѣли погулять по городу, похожему на всѣ старинныя нѣмецкіе города; тамъ мы наняли

хорошую коляску и отирались въ Гамбургъ. Не проѣхали мы четверги мили какъ мой мужъ вдругъ приказалъ кучеру остановиться... Тутъ я увидѣла что мы встрѣтили коляску ѣхавшую изъ Гамбурга и что она также остановилась. Мой мужъ выскочилъ изъ коляски и пригласилъ меня за нимъ послѣдовать. По близорукости я не видѣла кого мы встрѣтили и не спросивъ подошла къ остановившемуся экипажу; изъ него вышелъ бѣдный, больной человекъ, это былъ В. Д. Камовскій. Мы знали что онъ очень боленъ и поѣхалъ за границу, надѣялись его встрѣтить гдѣ-нибудь, но никакъ не ожидали увидать его возвращавшимся въ Россію. Мы очень ему обрадовались, но онъ остался холоденъ къ нашимъ изліяніямъ, и каково же было наше изумленіе и горестъ когда послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора мы замѣтили что онъ помѣшанъ! Однако онъ еще издали узналъ насъ, и экипажъ остановился по его приказанію. Онъ толковалъ о свѣтилахъ небесныхъ, о томъ что онъ самъ животный магнетизмъ, потомъ съ глубокою горестію говорилъ что онъ сдѣлался посмѣшищемъ всей Германіи, что онъ срамитъ имя Русскаго, и ѣдетъ умирать въ Россію. Можетъ-быть мы могли бы уговорить его поѣхать съ нами назадъ, но хорошо что не сдѣлали этого. Онъ находился въ такомъ состояніи что для него лучше всего было возвратиться въ Петербургъ къ роднымъ. Камовскій и въ своемъ безуміи былъ такъ трогателенъ, такъ симпатиченъ, что вѣроатно и въ постороннихъ возбуждалъ участіе; каково же было намъ! Мы долго съ нимъ постояли. Въ Гамбургъ пріѣхали мы въ половинѣ одиннадцатаго и принуждены были заплатить штрафъ у обоеихъ городскихъ воротъ, такъ какъ они запираются кажется въ 10 часовъ. Несмотря на грустное расположеніе духа я была пріятно поражена Гамбургомъ, съ его ярко освѣщенными улицами килачами народомъ, съ бульварами наполненными гуляющими, съ кофейными откуда гремѣла музыка.

Всѣ гостиницы были полны, и мы съ трудомъ могли найти комнату и то въ четвертомъ этажѣ гостиницы *Balders*, откуда былъ прекрасный видъ на городъ. Могли ли мы тогда думать что чрезъ два года не будетъ ни этой гостиницы, ни окрестнаго гулянья? Въ 1842 году страшный пожаръ уничтожилъ почти весь Гамбургъ.

Сначала это оживленіе, кипучая дѣятельность, общественныя

развлеченія, дешевизна и удобства жизни такъ понравились намъ что мы готовы были бы остаться долѣе, но потому мнѣ все прискучило и я утомилась отъ бѣготни по магазинамъ и разныхъ покупокъ и заказовъ.

Мы призвали знаменитаго гамбургскаго врача Фрике. Онъ внимательно осмотрѣлъ моего мужа, старался выискнуть въ его болѣзнь и посоветовалъ ѣхать въ Эмсъ. Это такъ противорѣчило назначенію всѣхъ петербургскихъ и кievскихъ врачей слѣдившихъ за болѣзнію моего мужа что мы не рѣшились принять его совѣтъ, а положили консультировать еще кого-нибудь изъ знаменитыхъ докторовъ Дрездена. Послѣдствія доказали что лучше было бы намъ послушаться Фрике. Мы кое съ кѣмъ познакомились, и въ воскресенье, въ довольно большомъ обществѣ собрались осматривать окрестности Гамбурга. Наняли двѣ огромныя коляски и отправились въ 10 часовъ утра. Гамбургъ весь окруженъ садами, бульварами, нѣтъ клочка земли который не былъ бы обработанъ и не представлялъ бы цвѣтущаго вида. Прежде всего мы остановились въ Элендорфѣ, гдѣ находятся искусственныя минеральныя воды, погуляли по саду, очень роскошно позавтракали и отправились далѣе. Вторая остановка была во Флотенбергѣ, тамъ прекрасный ботаническій садъ братьевъ Бартъ. Съ большимъ любопытствомъ осматривали оранжереи и удивлялись огромному собранію тропическихъ растений. Обѣдали въ Навштетѣ, находящемся на берегу Эльбы. Вспомнили о Двѣлрѣ, который такъ недавно оставили, и съ сожалѣніемъ сравнивали его безмолвіе съ оживленіемъ Эльбы, загроможденной лодками, судами, съ безпрестанно проходившими парходами, на которыхъ раздавалась музыка и глѣли глѣсенники, и которые развозили желавшихъ въ праздничный день повеселиться въ живописныя мѣстности на Эльбѣ. Послѣ обѣда мы поѣхали въ загородный садъ Бауэра. Тамъ мѣстность гористѣе и живописнѣе. Вездѣ находили множество гулявшихъ, вездѣ около круглыхъ столиковъ пили кофе, пиво, кушали вдоволь за самую умеренную цѣну; вездѣ прекрасныя гостиницы, удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ; поэтому загородныя прогулки пріятны и всѣмъ доступны. Бѣдные люди за ничтожную плату могутъ ѣхать въ омнибусѣ или на парходѣ, и найдутъ что поѣсть, какъ бы ни были скудны средства.

Въ Дрезденѣ мы остановились въ той самой гостиницѣ гдѣ

останавливались въ первое наше путешествіе. Мнѣ пріятно было увидѣть знакомый домъ, то же доброе лицо хозяина, ту же комнату, ни мало не измѣнившуюся, въ которой мы жили; какъ будто здѣсь четыре года прошаи совершенно безслѣдно. Мы познакомились въ Дрезденѣ съ Лудовикомъ Тикомъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей Германіи. Онъ жилъ въ старинномъ домѣ на площади. Входъ этого дома походилъ на кабакъ, въ сѣняхъ стояли бочки и разнаго рода неблагородныя утвари. Мнѣ казалось невѣроятнымъ чтобы Тикъ могъ обитать въ такомъ велоситическомъ жилищѣ, и я спросила моего мужа не ошибаюсь ли мы. Мы однако поступались, кухарка отворила намъ и сказала что Herr Hofrath нездоровъ, но что она все-таки доложить ему. Минуты черезъ двѣ воротилась, объявивъ что хотя гофратъ нездоровъ, но желаетъ насъ видѣть.

Горбатый, съеженный старичокъ съ умною и доброю физиономіей привѣтливо встрѣтилъ насъ. Вступить въ разговоръ съ человѣкомъ незнакомымъ, особливо со *знаменитымъ*, всегда бываетъ затруднительно; поневолѣ приходится прибѣгать къ избитымъ мѣстамъ. Но Тикъ былъ такъ добродушенъ и привѣтливъ что замѣшательство было не продолжительно и мы скоро разговорились.

Я подарила ему мой переводъ піесы принцессы Амаліи Саксонской, даровитой нѣмецкой драматической писательницы. Тикъ казался былъ доволенъ что переведены піесы съ авторшей которыхъ онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и сказалъ мнѣ что принцессѣ было бы пріятно со мною познакомиться, но я отвѣчала что по краткости нашего пребыванія въ Дрезденѣ никакъ не могу быть ей представлена. Тикъ непремѣнно хотѣлъ еще разъ насъ видѣть и пригласилъ на чай въ 6 часовъ. Въ назначенный патріархальный часъ мы опять отправились къ Тику, который приварядился во фракъ и казался еще горбатѣе нежели по утру. Онъ представилъ насъ графинѣ, фамилію которой забыла, владѣтельница дома въ которомъ онъ жилъ. Графиня эта, повидимому, исполняя у него обязанность хозяйки, и скандальная хроника Дрездена злословила что онъ находился съ ней въ болѣе нѣжныхъ отношеніяхъ нежели какія обыкновенно бываютъ между жильцомъ и хозяйкой дома.

По нѣмецкому обычаю Тикъ познакомилъ насъ со всѣми кто у него былъ, съ какимъ-то гехеймратомъ, съ какимъ-то

молодым графомъ и прочими; впрочемъ общество было не многочисленное. Немного погодя въ гостиную вошла дочь Тука, настоящій тиль Нѣмки; она познакомилась съ нами, а потомъ безмолвно сѣла и принялась вязать чулокъ. Я помѣстилась возлѣ Тука и говорила по большей части съ нимъ. Онъ много спрашивалъ насъ о русской литературѣ, съ которою былъ мало знакомъ; мы рассказали о всемъ что у насъ показалось любопытнаго въ послѣднее время, упомянули и о сочиненіяхъ Кукольника. Тикъ удивлялся какъ онъ могъ написать хорошую драму взявъ въ герои Лезевца, который, по его мнѣнію, не представляетъ ничего поэтического въ своей жизни. Тикъ говорилъ намъ о Гѣте, съ которымъ былъ близко знакомъ, и увѣрялъ что даже при его жизни и при Шиллерѣ Веймаръ не былъ пріятнымъ городомъ.

• Общій разговоръ шелъ о нѣмецкой литературѣ, о новомъ романѣ Тука, который на дняхъ долженъ былъ показаться въ свѣтъ. Въ 10 часовъ мы простились съ Тикомъ очень дружески.

Мы обратились къ Геденіусу, одному изъ лучшихъ дрезденскихъ врачей. Послѣ нѣсколькихъ визитовъ, онъ посоветовалъ намъ ѣхать въ Карлсбадъ, чѣмъ мы были очень довольны. Мы знали какъ тамъ шумно, какъ тамъ наряжаются, но Геденіусъ увѣрялъ что карлсбадскія воды принесутъ величайшую пользу моему мужу, и мы побѣхали. Теперь, чрезъ много лѣтъ, ужасаюсь думая какъ могъ докторъ, при горловой болѣзни, послать насъ въ Карлсбадъ?

Карлсбадъ лежитъ на пространной долинѣ обставленной живописными горами, къ нему ведетъ прекрасная дорога извивающаяся по крутымъ горамъ. Дорогу эту устроилъ императоръ Францъ. Въ 10 часовъ дилижансъ остановился у почтоваго двора и мы отправились искать квартиру. Всѣ дома были переполнены и мы съ трудомъ могли найти три комнаты, не очень красивыя, но довольно большія. Сезонъ Карлсбада былъ въ полномъ разгарѣ. Рано поутру у источниковъ толпились чающіе излѣченія и послѣ каждаго выпитаго стакана гуляли преимущественно по аллеѣ ведущей къ Постгофу.

Карлсбадъ и его окрестности такъ извѣстны и столько разъ были описаны что бесполезно повторять то же самое.

За недѣлю до нашего отъѣзда изъ Карлсбада мой мужъ сильно заболѣлъ. Сдѣлались слазмы въ горлѣ, что съ нимъ нѣсколько разъ уже бывало, и онъ думалъ что умираетъ. Это

случилось ночью. Горничная приходила по утру служить намъ, въ нашихъ комнатахъ никто не спалъ. Хозяева жили наверху, я бросилась искать помощи и къ ужасу увидѣла что насъ заперли снаружи! Вѣроятно отчаяніе придало мнѣ силы, я такъ сильно толкнула дверь что она растворилась. Я побѣжала наверхъ разбудить хозяевъ, послали за врачомъ, который тотчасъ явился и успокоилъ насъ и увѣрилъ что это слѣдствіе карлсбадскихъ водъ, но что потомъ онѣ принесутъ пользу. Мой мужъ скоро поправился, но уже боялся пить воды, и отъѣздъ нашъ былъ ускоренъ, къ величайшему моему удовольствію. При насъ еще Карлсбадъ началъ видимо лустѣть, въ аллеяхъ не тѣснилось болѣе такого множества гуляющихъ, въ нѣкоторыхъ магазинахъ начинали уже укладываться, у подъѣздовъ домовъ стояло по нѣскольку экипажей отъѣзжающихъ. Съ башни не трубили болѣе для возвѣщанія вновь пріѣзжающихъ, какъ это дѣлалось во время сезона, и Лабцикій не давалъ болѣе серенадъ. Мы отправились въ отдѣльномъ экипажѣ, что конечно дороже дилижанса, но за то ѣдешь скорѣе и не имѣешь солугниковъ. 18 августа нашего стиля пріѣхали мы въ Прагу. Къ сожалѣнію, всѣ лучшія гостиницы были заняты и мы попали въ такую дурную что я готова была бы тотчасъ уѣхать, не предвидя что проведу въ Прагѣ самыя отрадныя минуты. Въ первый же день были у Шафарика, но не застали его дома. Долго бродили мы по городу, который намъ чрезвычайно понравился. Обѣдали въ превосходной гостиницѣ. Столы были накрыты въ хорошенькомъ саду и отражались въ зеркальной стѣнѣ, прилегающей къ саду галлерей, вблизи журчалъ фонтанъ и къ довершенію удовольствія отличный обѣдъ стоить только 40 крестцеровъ; было одно только не хорошо, что обѣдъ продолжался слишкомъ долго. На другой день въ 10 часовъ утра отправились на Грачинъ посмотреть на торжественную церемонію по случаю собранія совѣта. Предварительно зашли въ національный музей, гдѣ жилъ Ганка. Онъ принималъ насъ съ истинно славянскимъ радушіемъ, говорилъ съ нами по-русски, мы нашли его окруженнымъ русскими книгами и журналами. Мы вмѣстѣ отправились въ замокъ, на дворѣ коего стояла гвардія и блестяція кареты магнатовъ Богеміи. Засѣданіе совѣта еще продолжалось, насъ пустили въ огромную залу, возлѣ которой находилась конференцъ-зала. Хотя двери были растворены, но около нихъ

стояла такая толпа что мы сквозь нее не могли продраться и, не предвидя скорого окончанія засѣданія, пошли въ соборъ, находящійся близъ дворца. Соборъ построенъ въ готическомъ стилѣ и прекрасной архитектуры. Я не видѣла въ Германіи великолѣвье этого храма. На одной изъ стѣнъ находится большая мозаичная картина, сдѣланная по повелѣнію Карла IV. Моцци Непомука, покровителя Богеміи, находятся въ богатой серебряной рактѣ. Въ капеллѣ Сигизмунда показываютъ подсвѣчникъ стоявшій будто бы въ Соломоновомъ храмѣ въ Іерусалимѣ, удивительный по красивости работы и по фантастическому расположенію фигуръ. Услышавъ звуки трубъ возвѣщавшихъ окончаніе засѣданія совѣта, мы послѣшили пойти ко дворцу, видѣли какъ вельможи богемскіе садились въ великолѣвныя кареты шестерней. Лошади, сбруя, одежда кучеровъ были роскошны, за каждою каретою шли попарно лакеи въ богатыхъ ливреяхъ. Зрѣлище это давало понятіе о великолѣвнн церемоній старыхъ временъ. Музыка играла во все время. Хотя было уже довольно поздно, но Ганка непремѣнно желалъ показать намъ національный музей, въ которомъ былъ бібліотекаремъ.

Ганка желалъ чтобы мы осмотрѣли достопримѣчательности столицы Богеміи. По его совѣту, мы были въ одной изъ древнѣйшихъ церквей края, гдѣ находятся гробницы Тиходе-Браге, богемскаго историка Гаммершильда и картины Шкреты. Ганка еще разъ былъ съ нами въ музей, показалъ намъ кабинетъ рѣдкостей и нумизматическое собраніе. Вошелъ въ картинную галерею находящуюся также въ зданіи музея, довольно богатую. Изъ картинной галереи мы отправились вмѣстѣ въ церковь Святаго Георгія, гдѣ прежде былъ женскій монастырь. Тамъ находится гробница Святой Людмиллы и многихъ монаховъ чтимыхъ Чехами. Намъ показывалъ этотъ монастырь католическій священникъ Кробецъ, съ которымъ мы еще прежде познакомились у Ганки. Онъ жилъ въ кельи прежнихъ настоятельницъ и пригласилъ насъ къ себѣ. Помѣщеніе его было очень красиво и видъ изъ оконъ прекрасенъ. Хотя и католическій священникъ, онъ былъ пламенный Славянинъ въ душѣ, и не имѣлъ ни малѣйшаго релігіознаго фанатизма. Онъ страстно желалъ независимости Чеховъ. Но даже самостоятельность Богеміи не хотѣлъ

бы приобрѣсть цѣною кровопролитія и государственныхъ потрясеній. Бѣсѣду съ нимъ чувствовалось что-то примирительное. Мы не видали какъ пролетѣло время. Солнце уже закатывалось, и мы пошли всѣ вмѣстѣ любоваться Прагой. Грачина или Рачина высокая гора, на которой находится дворецъ и много великолѣпныхъ зданій и откуда чудесный видъ на Прагу. Бывшая столица Богеміи лежитъ въ пространной долинкѣ, олеянной рѣкою Молдавою, обнесенная каменною стѣною и охраняемая двумя горами. Нѣкоторые находятъ что Прага похожа на Москву; но это неосновательно. Москва стоитъ на холмахъ, а Прага расположена въ долинкѣ; какое же можетъ быть сходство? Мы не могли насмотрѣться на Прагу и пошли домой когда уже совершенно смерклось. Они оба живутъ на Грачинѣ. Спуститься съ такой горы и опять на нее подыматься очень утомительно, но имъ это ни почемъ. Ганка давалъ мнѣ руку, Кробецъ шелъ съ мужемъ впереди, и мы разговаривая не умолкая, нечувствительно дошли до моста. Они и тутъ не хотѣли съ нами расстаться и довели до самой нашей квартиры. Ганка обѣщалъ придти на другой день проводить насъ, но съ Кробцемъ мы простились, и конечно навсегда. Онъ обѣщалъ не забывать насъ въ своихъ молитвахъ.

22 августа, въ пять часовъ послѣ обѣда, мы оставили Прагу, увезя самыя отрадные воспоминанія.

На другой день мы пріѣхали въ Будвейсъ, а оттуда отправились въ Линцъ по конно-железной несносной дорогѣ. Рельсы тянутся по горамъ и доламъ, поворачиваются, дѣлаютъ изгибы и по нимъ двѣ тощія клячи тащатъ шагомъ длинный поѣздъ. Дорога эта имѣетъ полезное назначеніе перевозить соль изъ Будвейса въ Линцъ, но для чего таскать по ней несчастныхъ путешественниковъ? Мы два дня провели въ Линцѣ, мой бѣдный мужъ нехорошо себя чувствовалъ и ему нужно было отдохнуть. Изъ Линца мы отправились въ Гмунденъ, тоже по конной железной дорогѣ, но не такой невыносимой какъ первая. Лошади шли шибче, и природа была живописнѣе. Налѣво тянулись горы, между которыми знаменитый Трауенбергъ представляетъ необыкновенную игру природы. Очеркъ его вершины изображаетъ ясно человѣческой профиль, похожій, какъ находятъ нѣкоторые, на профиль Людовика XVI. Гмунденъ лежитъ на Трауенскомъ озерѣ, обставленномъ мрачными горами. Иныя изъ нихъ голыя, известковыя; другія покрыты мелкимъ лѣсомъ. Мѣсто-

положеніе чрезвычайно мрачное. Изъ Гмундена отправились на пароходъ въ Эбензе, а отсюда въ дилижансѣ въ Ишль. Мы пріѣхали въ Ишль когда уже смеркось. При лунномъ сіяніи оныъ произвелъ на насъ очень хорошее впечатлѣніе. Здѣсь мы нашли еще большое оживленіе: театръ, брацанье арфъ, много пріѣзжихъ, ярко освѣщенные дома, особливо такъ-называемый дворецъ Маріи-Луизы и квартира принцессы Вазы. Съ величайшимъ удовольствіемъ узнали что въ Ишлѣ находится Мме Ридигеръ и на другой день налившись по утру чаю отправились къ ней. Она была очень обрадована нашимъ неожиданнымъ появленіемъ. Мы не могли наговориться о Кіевѣ, и во все время нашего пребыванія въ Ишлѣ были неразлучны. Ишль не такъ обширенъ какъ Карлсбадъ, но лежитъ живописно. Для прогулокъ есть два сада довольно красивые; въ одномъ изъ нихъ находится бюстъ эрцгерцога Карла, а въ другомъ памятникъ воздвигнутый благодарными жителями доктору Вирту, создавшему извѣстность Ишля, который безъ него всегда остался бы уединеннымъ мѣстомъ среди своихъ горъ. Находящому доктору пришла счастливая мысль воспользоваться соседствомъ соленыхъ озеръ чтобъ устроить соленыя ванны и къ нимъ присоединить лѣченіе сывороткой. Прекрасное мѣстоположеніе и живописныя окрестности много способствовали тому чтобъ это лѣченіе привялось, и Ишль скоро сдѣлался моднымъ сборищемъ больныхъ людей желавшихъ дышать горнымъ воздухомъ. Мнѣ необыкновенно нравилась рѣка Траунъ, широкая, быстрая и чуднаго цвѣта. На ней сдѣланъ для лѣшиходовъ длинный мостъ цѣлущій зигзагами. Выдумка довольно необыкновенная: гуляя назадъ и впередъ по этому мосту можно вдоволь налюбоваться на изумрудную рѣку. Часто мы ходили по утрамъ пить кофе на Шмаллину гору, куда собирался завтракать весь beau monde. Была разъ въ театрѣ. Театръ снаружи довольно хорошъ, но внутри бѣденъ. Всѣ дамы высшаго общества имѣли абонированныя ложи. Въ срединѣ находилась ложа Маріи-Луизы, скудно драпированная; внутри ея висѣло маленькое зеркало, стоялъ столъ съ двумя подсвѣчниками, въ которыхъ вѣроятно горѣли восковыя свѣчи (стеариновыя не были еще тогда въ употребленіи), но въ люстрѣ висѣвшей посреди театра горѣли саловныя свѣчи, почему въ театрѣ было сумрачно и мрачно. Я имѣла возможность хорошо рассмотретьъ

ех-императрицу. Въ огромной шляпѣ, неподвижная, сморщенная, она смотрѣла 70лѣтнюю старухой, а ей было только 50 лѣтъ; впрочемъ глаза ея были хороши и въ молодости она можетъ-быть была красива. Она не дорожила своимъ историческимъ значеніемъ, и послѣ смерти Наполеона два раза выходила замужъ: сначала за графа Пейкурха; отъ него она имѣла двухъ дѣтей, которыя офиціально признаны, но не наследуютъ герцогства и даже не приняты къ Австрійскому двору. Теперь она была замужемъ за графомъ Бомбелемъ, человѣкомъ чрезвычайно любезнымъ.

Во время нашего пребыванія въ Ишль пріѣхалъ изъ Россіи генералъ Ридигеръ; жена его очень ему обрадовалась. Вечеромъ они пришли къ намъ пить чай. Мой бѣдный мужъ, который такъ любилъ генерала, теперь встрѣтилъ его безо всякаго удовольствія. Ему никогда не было такъ худо какъ въ Ишль; онъ впасть въ илохомдрію, кромѣ меня, ни съ кѣмъ не говорилъ, никого не желалъ видѣть, нехотя сопровождалъ насъ въ прогулкахъ, ходилъ въ безмолвіи, на все смотрѣлъ безъ участія. Тяжело было видѣть его въ такомъ состояніи, его, прежде такого веселаго, оживленнаго, такъ сильно любившаго природу и искусство.

Наконецъ 8 сентября мы оставили Ишль. Мужу моему опротивѣли дилижансы и мы взяли лон-кучера. Утро было чудное, ночью въ горахъ шелъ снѣгъ, всѣ вершины были бѣлыя. Мы ѣхали въ прекрасной, удобной коляскѣ и находились въ лучшемъ настроеніи нежели обыкновенно бывали въ послѣднее время.

Обѣдали въ С.-Галинѣ, деревнѣ лежащей у прекраснаго озера окруженнаго горами. Болѣзнь моего мужа причиняла мнѣ столько горя что въ эту заграничную поѣздку я ничѣмъ не наслаждалась, но природа Тироля благотворно повліяла на меня и я восхищалась яркою зеленью какой никогда не видывала, его многочисленными озерами, хотя нѣсколько однообразными, но все-таки красивыми горами.

Въ 7 часовъ пріѣхали въ Зальцбургъ и остановились въ прекрасной гостиницѣ. Намъ отвели комнату со штофною мебелью, съ вольтеровскими креслами, роскошь, которой мы давно не встрѣчали. Путешествіе въ этой прекрасной странѣ казалось привнесло нѣкоторое облегченіе моему мужу; онъ былъ нѣсколько веселѣе, и на другой день мы отправились ходить по городу. Встрѣтили Ридигеровъ; они выѣхали изъ Ишля въ одно

время съ нами на почтовыхъ, а прѣехали ночью позднее насъ, потому что на каждой станціи имѣли остановку, за что генералъ вознегодовалъ на Германію вообще и на станціонныхъ смотрителей въ особенности. Въ Зальцбургѣ была ярмарка, двѣ площади были покрыты лавками и представляли пестрый, веселый видъ. Madame Ридигеръ, хотя Нѣмка по происхожденію, любила покупать какъ Русская, и отправилась съ сестрой по лавкамъ, мужъ пошелъ отдохнуть въ гостиницу, а я съ генераломъ Ридигеромъ отправилась въ крѣпость. Комендантъ живетъ въ городѣ; мы зашли къ нему попросить позволенія посѣтить крѣпость. Услышавъ имя генерала Ридигера и всѣ его громкіе титулы, онъ разсыпался въ привѣтствіяхъ и предложилъ быть нашимъ путеводителемъ. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ красивѣе становился видъ. Когда же взобрались на самый высокій пунктъ, на башню висящую надъ самою пропастью, тогда Зальцбургъ и его окрестности представились намъ во всей своей красотѣ. Городъ лежалъ предъ нами какъ на ладони, мы могли рассмотреть его во всѣхъ его деталяхъ и любоваться прекраснымъ видомъ на окружающія его горы, на монастыри, сады и загородныя дачи. Ничего нельзя вообразить живописнѣе и разнообразнѣе картины этой въ ея цѣломъ. О крѣпости въ военномъ значеніи судить не могу; она показалась мнѣ неприступною и грандіозною. Показывали намъ комнаты гдѣ во время осады жили епископы, любопытныя по убранству носящему средневѣковой отпечатокъ. Старикъ Ридигеръ очень былъ благодаренъ мнѣ за компанію, и мы возвратились домой гордясь нашимъ подвигомъ. Не шутка въ самомъ дѣлѣ взобраться слишкомъ на 500 ступеней.

Въ Зальцбургѣ мы разстались съ Ридигерами, они повѣхали зимовать въ Италію, а мы не рѣшили продолжать путешествіе и двинулись въ обратный путь чрезъ Вѣну. Здѣсь оставались не долго, купили очень хорошенькую коляску и 29 сентября выѣхали въ Россію. Измученные скучною дорогою дотрапились мы наконецъ на шестой день до Лемберга (Львова) и цѣлый день отдыхали въ прекрасной гостиницѣ. Въ Броды прѣехали въ 6 часовъ утра, хотѣли напиться только кофе и отправиться въ Радзивиловъ, но намъ объявили что прежде должно послать наши паспорта на границу, гдѣ ихъ будутъ визировать, а иначе не пустать въ Россію. Мы просидѣли до втораго часа въ гадкой комнатѣ, наконецъ жидъ-факторъ принесъ намъ паспортъ, и мы отправились.

Дорога до Одессы была пренесносная, дождь лилъ ливнемъ, грязь была по колѣна, мы томились и холодомъ, и голодомъ и жаждой. Иногда не могли даже напиться чаю, до того было грязно на станціяхъ; помню гдѣ-то въ Новороссійскомъ краѣ мы на станціи не нашли ножа чтобъ отрѣзать кусокъ лекваннаго хлѣба, которымъ запаслись, и соли чтобы посолить его! Въ продолженіи всего этого томительнаго путешествія мы испытали, однако, пріятныя ощущенія въ Немировѣ и Виницахъ, гдѣ останавливались на вѣсколько часовъ. Директоры тамошнихъ гимназій, которымъ мужъ по службѣ въ Кіевскомъ округѣ имѣлъ случай оказать какую-то услугу, узнавъ о его пріѣздѣ, встрѣтили насъ съ чрезвычайнымъ радушіемъ.

(До слѣд. №.)

СМЕРТЬ СВЯТОПОЛКА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА

Дѣйствующія лица:

СВЯТОПОЛКЪ ОКАЯННЫЙ (Великій князь Кіевскій).

СХИМОНАХЪ ВАРФОЛОМЕЙ.

Строитель скита пустынножителей, старецъ ПРИНАРХЪ.

1я { ДРУЖИННИКИ СВЯТОПОЛКА.
2я

Дѣйствіе происходитъ въ 1019 году, послѣ пораженія Святополка войсками Ярослава въ битвѣ при Альтѣ. Внутренность келіи схимоника въ лѣсу между Чехіей и Лехіей. Направо въ углу предъ иконами аналой и на немъ горящій свѣтильникъ. Влѣво къ иконамъ открытый гробъ, крышка котораго стоитъ прислоненная къ стѣнѣ.

Ночь. Гроза.

Схимонахъ Варфоломей стоитъ предъ аналоемъ и читаетъ божественную книгу.

ВАРФОЛОМЕЙ (*закрываетъ книгу*).

Теперь, свершивъ обычное стоянье,
Дерзнулъ бы я и плоти дать покой,
Да обновитъ слабѣющія силы
Для новыхъ подвиговъ, но въ эту ночь
Я не усну: въ смятеніи природа,
Съ небесъ грозитъ разгнѣванный Господь...

Не спи монахъ, стой бодро на молитвѣ!
 Не то придетъ неожиданно Судія,
 Во снѣ раба лѣниваго застанеть
 И приговоръ конечный прречеть!

(Молнія и громъ.)

Не попусти Господь ночному духу
 Стрѣлой убить скота или человѣка,
 Объять огнемъ селеніе людское,
 Иль возмутить младенца мирный сонъ.

(Молнія и громъ.)

О, Господи! помилуй и спаси
 Рабовъ твоихъ въ путяхъ, въ моряхъ далекихъ;
 Дай сырымъ кровь въ часъ бури, непогоды
 И отведи грозящую десницу.

(Молнія и громъ.)

Какой-то чудный страхъ меня объемлетъ,—
 Ужель грядетъ послѣдній, страшный часъ?
 Не знаю что... но слышитъ духъ тревожный
 Какъ нѣкій стонъ, или чье-то приближенье...
 Чу! на дворѣ и шумъ, и конскій толотъ...
 Къ дверямъ идутъ... Господь, помилуй мя!

*(Дверь быстро отворяется, два
 дружинника вводятъ раненаго Свя-
 тополка.)*

СВЯТОПОЛКЪ.

Ведите дальше, дальше... въ темный уголъ!
 За мной бѣгутъ несмѣтныя дружины!
 Впередъ, скорѣй, бѣгите безъ оглядки,
 Не выдайте меня, друзья мои!

*(Дружинники останавливаются у
 скамьи.)*

Что жь стали вы? Гдѣ я? *Указывая на гробъ.* А это что?
 Досчатый гробъ?! Такъ, такъ, все понимаю:
 Насталъ конецъ, меня пригнали къ гробу,
 Открылся гробъ—и некуда бѣжать!

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ *(къ Варрололею).*

Честный отецъ! Къ тебѣ вломилась мы
 Безъ спроса, что разбойники ночные,
 Прощенья просимъ...

ВАРФОЛОМЕЙ.

Не трудися сынъ,
Молю азъ недостойный о прощеньи—
Есмь бо убогъ и нищъ и не имѣю
Ни яствъ, ни вина, ни даже ложа
Для отдыха...

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Объ насъ не безлокобся,
Мы не привыкли къ нѣгѣ... лишь бы князю...

СВЯТОПОЛКЪ.

Шт... замолчи... не князь я, что ты врешь!
Не вѣрь ему старикъ—я бѣдный странникъ.
Я нищій, я слуга... а... но чему
Смѣешься ты, оскаливъ страшно зубы?
Чему?... чему? А? Ты меня узналъ,
На лбу моемъ прочелъ мое ты имя
Проклятое... клянешь и ты меня.
На всей землѣ нѣтъ мѣста Святополку!
Скорѣ прочь отсюда, дальше, глубже
Въ подземный склепъ заройте вы меня...
Я слышу смѣхъ побѣдный Ярослава,
Меня въ ночи какъ звѣря травить охъ:
Все ближе шумъ, все яростнѣй—спасите!
Подъ кровомъ тьмы бѣжимъ, бѣжимъ, бѣжимъ!

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Да полно, князь, тебѣ лустой боязнью
Смуцать свой духъ. Мы въ безопасномъ мѣстѣ,
Погоди нѣтъ за нами, ужь давно
Мы русскую границу миновали.

СВЯТОПОЛКЪ.

Погоди нѣтъ... мы въ безопасномъ мѣстѣ.
А этотъ шумъ что значитъ?

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Въ небесахъ
Собрались тучи, громъ гремитъ и буря
Гудитъ въ лѣсу.

СВЯТОПОЛКЪ.

А эта хата чья?

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Мы на нее наткнулися случайно,
Дорогу потерявъ.

СВЯТОПОЛКЪ (*указывая на стланика*).

А это кто?

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Ея хозяинъ.

ВАРӨОЛОМЕЙ (*низко кланяясь*).

Грѣшный, недостойный
Рабъ Божій, схимонахъ Варөоломей.

СВЯТОПОЛКЪ.

Ты здѣсь въ лѣсу живешь? Ты куда
Отсюда не выходишь?

ВАРӨОЛОМЕЙ.

Трижды въ годъ
Подъемлю путь я въ ближнюю обитель
И тамъ за литургіей приобщаюсь
Христовыхъ Тайнъ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Приди ко мнѣ... сюда,
Стань ближе здѣсь... тебя спросить хочу я:
Ты никогда доселѣ не слыхалъ
О добромъ русскомъ князѣ Святополкѣ,
До этихъ мѣстъ не долетала слава
Его благихъ дѣланій и побѣдъ?

ВАРӨОЛОМЕЙ.

Нѣтъ, княже, нѣтъ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Приди еще поближе,
Склонись ко мнѣ... вотъ такъ... теперь скажи:

(*Шепотомъ.*)

Ты никогда доселѣ не слыхалъ
О Святополкѣ грозномъ, окаянномъ,
Что незаконно княжескій престолъ
Похитилъ, что отвергся правой вѣры,
Что братьевъ трехъ убилъ?... ну что жь?... слыхалъ?

ВАРӨОЛОМЕЙ.

Да, княже, слышалъ.

СВЯТОПОЛКЪ *(отталкивая сощлиника)*.

Будь же проклять ты!

Ты ворогъ мнѣ, слуга ты Ярослава!
 Бѣги къ нему... зови его сюда.
 Вы всё измѣнники, я это знаю.
 Такъ быть должно: измѣна за измѣну
 И кровь за кровь!... убейте же меня...

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ *(сторому)*.

Онъ помутился въ разумѣ, смотри,
 Въ очахъ его видна печать безумья...

ВТОРОЙ ДРУЖИННИКЪ.

Что дѣлать намъ?

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ *(сощлинику)*.

Ты научи насъ, отче,
 Что дѣлать намъ; быть-можетъ ты искусенъ
 Въ цѣленіи недуговъ...

ВАРФОЛОМЕЙ.

Сей недугъ

Душевный, не тѣлесный, исцѣлить
 Его Господь лишь властевъ.

ВТОРОЙ ДРУЖИННИКЪ.

Намъ казалось

Что рана не опасна.

СВЯТОПОЛКЪ.

Что же вы

Меня неидете убивать? Я жду.
 Скорѣи совѣтъ кончайте вашъ лукавый...
 Что? Угадалъ я ваши мысли?... О!
 Я ихъ прочелъ въ трусливыхъ вашихъ взглядахъ.
 Нечистая лишь совѣсть такъ глядитъ,
 Какъ вы теперь всё на меня глядите,
 Убийцы!

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Княже!

СВЯТОПОЛКЪ.

Нѣтъ, молчи, молчи!

Я знаю все, я по себѣ все знаю...
 Вотъ... вотъ опять взглянулъ ты на меня
 Украдкою, но ласково и жадно;
 Такъ на невѣжество смотритъ сластолюбецъ

Предъ гнуснымъ блудодѣйствомъ, такъ убійца
Ласкаетъ взглядомъ избранную жертву.
Такъ я смотрѣлъ когда-то самъ... но братья
Не вѣдали того что знаю я.
Меня вы не обманете... гдѣ мечъ?
Гдѣ мечъ? (*схватывая мечъ.*) А, вотъ онъ мой товарищъ
вѣрный!

Мой славный мечъ—не выдай.

ВАРФОЛОМЕЙ (*дружинникамъ*).

Удадитесь,

Оставьте насъ вдвоемъ!

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Ты не боишься

Остаться съ нимъ наединѣ? Въ безумствѣ
Князь можетъ умертвить тебя.

ВАРФОЛОМЕЙ.

Не можетъ

Онъ надо мною сдѣлать ничего
Безъ Божья пощенья... удалитесь.

ВТОРОЙ ДРУЖИННИКЪ.

Господь да сохранить тебя. Мы будемъ
Поблизости, и въ случаѣ чего
Лишь позови, мы прибѣжимъ на помощь.

(*Уходятъ.*)

*Святополкъ, опираясь на мечъ, приподнимается со скамьи и
вглядывается въ монаха. Сжимникъ дѣлаетъ шагъ чтобы къ не-
му приблизиться.*

СВЯТОПОЛКЪ.

Ни съ мѣста!... Стой!... Такъ это ты, старикъ,
Меня убить собираешься? Избрали
Они тебя, и ихъ послушный волѣ
Ты Святополка мнѣшь убить? Но гдѣ же
Оружіе твое? Въ моей, хоть слабой
И равной рукѣ держу я мечъ.
Гдѣ мечъ твой? гдѣ кинжалъ?... Иль задушить
Меня ты хочешь? (*молчаніе.*) Но зачѣмъ такъ смотришь
Ты пристально въ глаза мнѣ? Говори:
Что значить этотъ взглядъ, какою силой
Во мнѣ всю кровь онъ леденить? Не имъ ли
Меня убить ты хочешь? Отвернись!

Закрой глаза, хотя одно мгновенье
 Дай отдохнуть отъ взгляда твоего;
 Онъ въ душу мнѣ вонзается, какъ жало
 Змѣиное; я чувствую какъ ядъ
 Его по всѣмъ моимъ разлился членамъ
 И немощью всего меня объялъ!
 О, пощади, старикъ! Ты видишь я
 Передъ тобой безсиленъ (*роняя мечъ*), безоруженъ—
 Я уронилъ свой мечъ и не могу
 Его поднять... (*Сжимникъ подходитъ.*) Молю тебя, молю!
 Оставь меня, уйди... я на колѣнахъ
 Тебя молю смиренно... пощади! (*Падаеть со скамьи.*)

ВАРФОЛОМЕЙ.

Господь да ниспослетъ душѣ твоей
 Прощеніе и миръ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Твой грозенъ лукъ,
 Но въ голосъ нѣтъ мести и угрозы...
 Такъ ты меня не хочешь убивать?
 Ты мнѣ не врагъ? ты противъ Ярослава
 И за меня?

ВАРФОЛОМЕЙ.

Смири духъ неприязни,
 Забудь вражду и злобу; покаяньемъ
 Очистися, о княже.

СВЯТОПОЛКЪ.

Хочешь ты

Чтобъ я тебѣ грѣхи свои повѣдалъ?

ВАРФОЛОМЕЙ.

Не мнѣ, во Господу: онъ знаетъ все
 И милосердъ; покайся лишь смиренно,
 Твои грѣхи тебѣ простятся, сыне!

СВЯТОПОЛКЪ.

Зачѣмъ, старикъ, меня зовешь ты сыномъ?
 Мнѣ чуждо, ненавистно это слово
 Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ дядя мой Владиміръ
 Лишилъ меня отца убійствомъ гнуснымъ,
 Въ наложницы къ себѣ взялъ мать мою,
 Меня жь сталъ сыномъ называть и мыслить—
 Загладить тѣмъ кровавую обиду,
 Смирить во мнѣ духъ мести и вражды!

Ошибся онъ! Я отомстил жестоко:
 Названный братъ я братьевъ умертвилъ,
 Названнаго отца сынковъ любимыхъ,
 И каяться въ томъ не хочу... и еслибъ
 Мнѣ сызнова пришлось...

ВАРФОЛОМЕЙ

Умолкни!

СВЯТОПОЛКЪ.

Нѣтъ,

Не прерывай, я все тебѣ открою...
 Не звѣремъ же я дикимъ родился!
 И я былъ добръ, и я былъ чистъ душою!
 На Божій міръ глядѣлъ веселымъ окомъ,
 Въ невѣдѣнны счастливомъ росъ и, помню,
 Любилъ, ласкалъ, смѣялся, какъ и всѣ!
 Волшебнымъ своимъ мнѣ чудится то время:
 Я помню мать—тогда не вѣдалъ я
 Причину слезъ ея и тихой грусти.
 Мнѣ хорошо, мнѣ сладко было къ ней
 Порою прибѣгать и прижиматься
 Къ ея груди, и слушать какъ она
 Шелтала мнѣ слова любви и ласки!
 Недолго въ томъ невѣдѣнны я жилъ:
 Не мать, о, нѣтъ! она сносила молча
 Безропотно печаль свою,—другіе
 Недобрые, лукавые уста
 Мнѣ истину ужасную открыли!
 Я все узналъ... и началась тогда
 Иная жизнь: все вокругъ преобразилось,
 Моя душа наполнилась ядомъ
 Безмолвной, лютой злобы, съ каждымъ днемъ
 Она росла во мнѣ неукротимо,
 И вотъ однажды, словно огонекъ
 Въ лотьямахъ глухой и непроглядной ночи,
 Сверкнула мысль... Постой... какъ это было?
 Припомнить дай... я былъ одинъ, въ лѣсу;
 Надъ головой шумѣли тихо сосны,
 А я лежалъ и думалъ. Солнце сѣло,
 Умолкли птицы, гаснула заря,
 А я лежалъ и думалъ... Въ небесахъ
 Зажглася звѣзды, ночь въ лѣсу настала.

Кругомъ деревья, словно великаны
 Мохнатые, стояли въ мертвомъ снѣ.
 Пахучей, свѣжей сыростью земля
 Дышала мнѣ въ лицо, и долго, долго
 Со всѣхъ сторонъ ко мнѣ тѣснился мракъ...
 Потомъ опять свѣтлѣй на небѣ стало,
 Взошла заря... Я все лежалъ и думалъ!
 И вдругъ тогда впервые прошелталъ
 Мнѣ на ухо неожиданный, тайный голосъ:
 „Ты отомстишь“... И всталъ я, и пошелъ,
 Пошелъ съ склоненной низко головою;
 И вышелъ изъ лѣсу... и въ первый разъ
 На Божій мѣръ, на Кіевъ градъ, на солнце
 Чтò надъ Давпромъ изъ-за горы вставало
 Взглянулъ я изподлобья... а въ душѣ
 Какъ ночью и темно и страшно было!
 Потомъ... потомъ... нѣтъ, погоди, старикъ,
 Я не могу... позднѣй когда-нибудь
 Я разкажу тебѣ все по порядку,
 Не утаю, не скрою ничего;
 Теперь лишь объ одномъ тебя молю я
 Взоръ отъ меня свой строгій отврати,—
 Я чувствую изъ раны снова кровь
 Обильнѣй потекла, смутились мысли
 Въ моей усталой, тяжкой головѣ.
 Оставь меня, уйди! Я изнемогъ,
 Я спать хочу, хочу я позабыться.

ВАРФОЛОМЕЙ.

Миръ надъ тобой да будетъ!

(Молчаніе).

Онъ заснулъ,

Но, тяжело дышетъ грудь и голова
 Горитъ въ огнѣ (Святополкъ стонетъ во снѣ); тревож-
 ная мечтавъ

Его во снѣ не покидаютъ. Бѣже
 Благій и всепрощающій! услышь
 Мое ты недостойное моленье—
 Не полпусти исконному врагу
 Діаволу во адъ низвергнуть душу
 Грѣхами отягченную; не дай
 Жизнь грѣшнику скончать безъ покаянья;

т. слѣ.

По благоути своей неизреченной
 Излей на недостойнаго щедроты,
 Да на землѣ познаетъ всяка тварь
 Что ты Господь и Богъ ему же слава
 И присво, и во вѣки вѣкъ... Аминь.

СВЯТОПОЛКЪ *(въ бреду)*.

Чуръ, чуръ меня! Прочь страшныя видѣнья!
 Зачѣмъ встають изъ гроба мертвецы.
 Борисъ, Борисъ! Глѣбъ, Святославъ!... Проклятыя!
 Я васъ узналъ... прочь! спиньте! *(кричитъ дикимъ го-*
лосомъ).

(Вбѣгаютъ дружинники.)

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Что такое?

ВТОРОЙ ДРУЖИННИКЪ.

Что съ княземъ?

ВАРФОЛОМЕЙ.

Смертный часъ его грядетъ .

И духъ его томится предъ исходомъ
 Сознаніемъ содѣянныхъ грѣховъ.
 Слѣшите други въ ближнюю обитель—
 Взошла луна и путь вамъ недалекъ.
 Отъ келии моеи сверните вправо
 И по тропѣ все слѣдуйте—она
 Васъ выведетъ къ опушкѣ лѣса; тамъ
 Увидите вы одинокій холмъ
 Съ того жь холма широкая равнина
 Предстанетъ вашимъ взорамъ и на ней
 На берегу рѣки стоитъ обитель.
 Тамъ старца вы спросите Иринарха:
 Великій сей предъ Господомъ подвижникъ
 И той обители строитель. Слезно
 Его молитѣ именовъ моимъ
 Да скоро притечетъ сюда съ Дарами
 И князю дастъ налутствіе.

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Одинъ

Изъ насъ остаться можетъ здѣсь съ тобою,
 Другой же пусть идетъ.

ВАРҀОЛОМЕЙ.

Нѣтъ, други, вмѣстѣ
Идите оба... луть проходить лѣсомъ:
Отъ звѣря, отъ лихаго человѣка
Блюдите старца и святыню.

ДРУЖИННИКИ.

Будеть
Все сдѣлано какъ ты намъ повелѣлъ,
Святой отецъ... Благослови насъ въ луть.

ВАРҀОЛОМЕЙ.

Господь да спутешествуетъ вамъ, чада,
И оградить отъ всякой неприязни.
Не медлите, бо близокъ часъ!

СВЯТОПОЛКЪ (*Очнулся*).

Куда
Онъ посылаетъ ихъ? О чемъ они
Тамъ шепчутся?

ДРУЖИННИКИ.

Исполнимъ все... Прости.

(*Уходятъ.*)

Варѣоломей подходитъ къ аналою и раскрываетъ книгу.

СВЯТОПОЛКЪ (*Про себя.*)

Я отгадалъ! онъ вѣсть далъ Ярославу.
Я слышалъ какъ сказалъ онъ: послѣдите,
Они жь отвѣтили, исполнимъ все!
И скрылся точь въ точь какъ въ оный день,
Когда я посылалъ и мнѣ въ отвѣтъ
Сказали: все исполнимъ!.. На всю жизнь
Заломнилъ я два эти слова, будто
Ихъ вѣзалъ кто мнѣ въ сердце глубоко
Какъ надпись на могильномъ камнѣ. Да,
„Исполнимъ все“—и ждалъ я исполненья
Какъ этотъ ждетъ теперь—и дождался!
И все исполнилось! но съ той поры
Не вѣдаю ни сна я, ни покоя!
О это все звучить въ моихъ ухахъ
Всегда, вездѣ, немолчно, неустанно!
Его я слышалъ внятно на лирахъ
При звонѣ чашъ заздравныхъ, при шумящемъ
Веселіи дружины и гостей;

Его я слышалъ въ полѣ на ловитвѣ,
 Когда скакалъ на бѣшеномъ конѣ
 За вепремъ вслѣдъ, иль турпцею дикою,
 Когда въ рога трубили и нагнавъ
 Закалывалъ ревущаго я звѣря.
 Ни крикъ людей, ни бури вой, ни битвы
 Широкий громъ его не заглушали.
 Но явственнѣй еще во мракѣ ночи
 Мнѣ словъ тѣхъ слышалось дыханье... „все
 „Исполнено... все... все...“ И отовсюду
 Одинъ и тотъ же шелотъ раздавался,
 Хоть тихій, но жестокий, безплощадный,
 Какъ смертный приговоръ, когда бѣ его
 Уста младенца нѣжно лепетали.
 Но то обманъ воображенья былъ,
 То было лишь недужное мечтанье.
 Ни побороть его, ни убѣжать
 Отъ призрака тогда я не былъ властенъ;
 Теперь не то! Изъ устъ живыхъ я слышалъ
 Свой приговоръ, досель неуловимый
 И безтѣлесный—въ плоть облекся онъ,
 Въ лицо взглянулъ мнѣ человѣчимъ окомъ
 И въ голосѣ людскомъ вдругъ прозвучалъ.
 Конецъ моимъ несказаннымъ терзаньямъ,
 Конецъ борьбѣ съ невидимой мечтою!

(Указывая на сжимника.)

Вотъ лютый врагъ мой, тотъ что мнѣ локая
 Ни днемъ, ни ночью не давалъ! Въ глазахъ
 Его узналъ я взглядъ тотъ ненавистный
 Что, не спросясь, читалъ въ душѣ моей
 Минувшаго кровавыя страницы
 И, до конца дойдя, вновь начиналъ
 Все сызнова, сначала, безконечно!

(Съ усмѣшкой всматривается въ сжимника.)

Въ какомъ ничтожномъ, старческомъ, безсильномъ
 И жалкомъ образѣ явился ты,
 Мучитель тайный мой! Одинъ ударъ,
 И нѣтъ тебя... и духъ мой здравъ опять,
 И никогда ужъ не раздастся шелотъ
 Въ тиши ночной! Да, такъ... одинъ ударъ,
 И для него во мнѣ достанетъ силы.

(Осторожно вставая.)

Я чувствую какъ мощь во мнѣ растетъ

(Нагибается чтобы поднять мечъ.)

Нѣтъ, мечъ не нуженъ, мечъ тяжелъ—онъ шумно

Вздывается предъ тѣмъ чтобъ поразить!

(Хватая за поясомъ кинжалъ.)

Кинжалъ надежнѣе и молчаливѣй

Что вѣрный рабъ онъ волю господина

Въ безмолвіи творить... *(Подходя къ сжимнику.)* Одинъ
ударъ.

(Заноситъ кинжалъ. Варѳоломей оборачивается, Святополкъ быстро прячетъ кинжалъ за спину.)

ВАРѢОЛОМЕЙ.

Что ты замыслилъ, княже? Для чего

Подкрался ты ко мнѣ, какъ тать, какъ ворогъ?

Ты хочешь умертвить меня?

(Святополкъ молча утвердительно киваетъ головой.)

За что?

Что жъ ты молчишь? отвѣтствуй мнѣ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Зачѣмъ

Ты обернулся? Я не ожидалъ

Что обернешься ты; я думалъ... тихо,

Безъ словъ... однимъ ударомъ, а теперь

Все спуталось... Зачѣмъ ты обернулся?

Не нужно словъ, не нужно взглядовъ.

ВАРѢОЛОМЕЙ.

Княже,

О смерти помышляя ежечасно,

Отрекшися отъ всѣхъ земныхъ суетъ,

Я смерти не боюсь, но...

СВЯТОПОЛКЪ *(перебивая).*

Ты все хочешь

Узнать за что?

ВАРѢОЛОМЕЙ.

Не смерть, а окаянство

Твое меня страшить.

СВЯТОПОЛКЪ *(Не слушая).*

За что... за что?!

Тебѣ нужны слова; испить я долженъ

До дна моихъ терзаній горькихъ чашу!

Такъ слушай же: я видѣлъ какъ злодѣевъ

Ты посылалъ за смертію моею.

ВАРФОЛОМЕЙ.

За жизнь твою и воскресеньемъ!

СВЯТОПОЛКЪ.

Молчи и слушай.—Я не спалъ, я видѣлъ
Какъ ты послалъ.

Не могъ ты не послать!

Я это зналъ заранѣ такъ же вѣрно
Какъ то что завтра утромъ встанетъ солнце
Иль что за лѣтомъ осень вслѣдъ придетъ,
Всегда и неизмѣнно... Мнѣ былъ выборъ:
Я властенъ былъ послать и не послать,
Иль посланныхъ опять вернуть обратно,
Сказать: не нужно, не ходите, но
Я имъ сказалъ тогда: идите! Нынѣ
Не могъ ты не сказать того же слова,—
Таковъ законъ: измѣна за измѣну,
Убийство за убійство, кровь за кровь!
Вина твоя не въ томъ передо мною
Что ты послалъ... Но... для чего старикъ
Меня терзалъ и мучилъ ты такъ долго?!
Такъ долго что и вспомнить я не въ силахъ
О времени когда былъ счастливъ я,
Когда я не страдалъ! Ты хочешь знать
За что? Тебѣ отвѣчу я: за ночи
Бессонныя, когда шелталъ ты мнѣ—
Невидимый, но близкій, неизбежный,
Шелталъ—а я... не могъ же я не слышать!
Не могъ же я отвѣтствовать: ты лжешь
Проклятый голосъ! Мнѣ сказали: „все
Исполнено“, я въ томъ не сомнѣвался,
И ты напоминалъ! Какъ тѣнь за мною
Ты слѣдовалъ повсюду; ты смущалъ
Веселіе, покой, отдохновеніе,
Ты на меня вотъ этимъ самымъ взглядомъ
Смотрѣлъ всегда и отовсюду: днемъ
Я этотъ взглядъ встрѣчалъ неотразимый
Порой межъ тучъ и бѣлыхъ облаковъ
Въ клочкѣ прозрачномъ голубаго неба,
Порой у ногъ моихъ въ былинкѣ малой
И полевомъ цвѣткѣ, порой въ очахъ

Затравленного на охотѣ звѣря,
 Въ очахъ коня когда его за холку
 Я схватывалъ предъ тѣмъ чтобъ съѣсть, а онъ
 Дрожалъ какъ листъ и на меня косился.
 Всего жь большій твой взглядъ меня извилъ
 Когда во взглядѣ друга, или жены,
 Или глаулаго ребенка онъ являлся
 И мѣткой, ядовитою стрѣлою
 Вонзался прямо въ сердце мнѣ. Старикъ,
 Ты отравилъ мнѣ дружбу, страсть, любовь!
 Какъ волкъ я бѣгалъ отъ людей... А ночью
 Во мракѣ и молчаньи! Волосъ дымомъ
 Становится, лишь вспомню я о томъ
 Чтѣ я видалъ въ ужасныя тѣ ночи,
 Чтѣ я слышалъ въ той страшной тишинѣ!
 Я не забывалъ: дни, мѣсяцы и годы,
 Да, годы такъ я проводилъ, а ты
 Мнѣ не давалъ ни часа, ни мгновенья
 Сомкнуть глаза, забыться, отдохнуть!
 Нѣтъ, не проси себѣ теперь пощады!
 Ты былъ жестокъ! я отыскалъ тебя,
 Узналъ я взглядъ и голосъ твой... и нынѣ
 Насталъ конецъ терзаніямъ моимъ:
 Нельзя мнѣ колебаться, мнѣ единый
 Послѣдній, краткій мигъ, одинъ ударъ
 И кончено!—И тишина, забвенье...
 Спокойный сонъ! Мнѣ... мнѣ тебя простить?
 Нѣтъ, не могу! я спать хочу, я долженъ
 Убить тебя! *(бросается на сжимника).*

ВАРФОЛОМЕЙ *(удерживая его руку).*

Остановись!

СВЯТОПОЛКЪ *(съ изступленіем).*

Ни слова,

Ни слова больше!

ВАРФОЛОМЕЙ *(падая на колѣна).*

Боже милосердный

Прости его, помилуй ма и съ миромъ

Духъ грѣшнаго раба прями!

СВЯТОПОЛКЪ *(наноситъ ударъ).*

Аминь!

Варфоломей падаетъ ницъ. Святополкъ надъ нимъ склоняется, прислушивается и потомъ быстро встаетъ.

Не дрогнула рука, умолкъ на вѣки,
 И кажется все тихо вокругъ меня!
 Нѣтъ прошлаго! *(Озираясь прислоняется къ навою. Сѣ-
 тильникъ падаетъ и угасаетъ.)*
 А! это чтѣ такое?!

Кругомъ темно... мнѣ страшно, я дрожу!
 Но страхъ пройдетъ, пройдетъ сейчасъ, онъ долженъ
 Сейчасъ пройти!.. Чу, что-то шевельулось,
 Не можетъ-быть чтобъ шевельулся онъ,
 Чтобъ онъ шелталъ и мертвыми устами!
 Кто жь шелчетъ мнѣ?.. Чтѣ я сказалъ? Опять
 Мнѣ слышится знакомый, прежній шелпотъ...
 Такъ стало-быть то было заблужденье!
 Такъ стало быть шелталъ тогда... не онъ!
 Не онъ! и я ошибся, я напрасно
 Его убилъ?! Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть.
 А если и ошибся я, такъ чтѣ же?
 Я убѣгу отсюда безъ оглядки
 На край земли, туда гдѣ Океанъ
 Реветь и плещеть, гдѣ не будетъ слышно
 Ни шелота, ни стоновъ, ни имевъ!

(Въ раздумьи покинувъ головой.)

Опять бѣжать, и стало-быть опять
 Все то же, то же чтѣ и прежде было!
 Лишь новыхъ два за мной помчатся слова
 Не онъ, не онъ!... Но кто жь, когда не онъ?
 Не я же самъ!... А почему я знаю?
 Кто мнѣ сказалъ: не я?... А если я!
 Ха, ха, ха, ха, и я искалъ такъ долго!!
 И я убилъ... *(Смотря на тѣло сжимника.)* Прости ме-
 ня, старикъ!

*(Слышится шумъ. Свѣтополкъ
 скрывается въ темный уголъ.
 Входятъ дружинники и старецъ
 Ирмаркъ.)*

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Нѣтъ свѣта... не свершилось ли чего?
*(Зоветь, увидавъ при свѣтѣ лунны
 трупъ.)*
 Честный отецъ! Никто не отвѣчаетъ.
 О Господи помилуй! Посмотрите
 Здѣсь чье-то тѣло мертвое.

ВТОРОЙ ДРУЖИННИКЪ.

Гдѣ князь?

Огня добыть бы надо.

СВЯТОПОЛКЪ *(выходя изъ темнаго угла
и подходя къ окну озарен-
ному луной).*

Не ищите,

Я здѣсь... Я все сейчасъ вамъ разкажу.

(Указывая на тѣло сжимника.)

Его убилъ я оттого что онъ
Мнѣмалъ мнѣ спать, такъ мнѣ тогда казалось,
Но это вздоръ, пустое... я ошибся:
Не онъ шепталъ мнѣ по ночамъ, не онъ
Меня терзалъ и жегъ мнѣ сердце. Нынѣ
Какъ бѣлый день мнѣ вдругъ все стало ясно.
Я понялъ все, я своего врага
Любвишаго позналъ... хотите ль вы
Чтобъ показалъ его я вамъ?... Смотрите жь
Во всѣ глаза и вѣдайте *(Ударяя себя кинжаломъ въ
грудь.)*

Вотъ онъ!

(Падаетъ)

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Онъ ладаетъ! себя убилъ онъ!

ВТОРОЙ ДРУЖИННИКЪ.

Княже,

Что сдѣлалъ ты? *(Святополкъ умираетъ.)**(Молчаніе.)*

ПРИНАРХЪ.

Свершился Божій судъ!

Преклонимся предъ нимъ покорно, чада,
И Гослоду молитву воснесемъ
Да праведнаго къ праведнымъ причтеть
Игрѣшника да улокоитъ душу.

Графъ А. ГОЛЕНИЦЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

ЕГИПЕТСКІЙ ГОЛУБЬ *

РАЗКАЗЪ РУССКАГО

ХІІІ.

Послѣ этого послѣдняго визита нашего, послѣ этихъ рѣчей о симпатіи сердець и загробномъ соединеніи душъ на землѣ раздѣленныхъ неодолимыми преградами, настала для меня невыразимо свѣтлый праздникъ жизни. Онъ длился долго, всю остальную часть зимы, всю весну и все лѣто...

Были прелятствія, была борьба, наставали тяжелые дни. „Скорби, нужды, гнѣвъ“, объ устраненіи или смягченіи которыхъ мы такъ постоянно молимъ Бога въ христіанскомъ храмѣ, конечно не исчезли на все это время мнѣ въ угоду съ лица земли. Были и скорби, томили нужды, и гнѣвъ обуревалъ не разъ; случилось и самый тяжкій родъ гнѣва—гнѣвъ безсильный.

Я не знаю, могъ ли хоть одинъ человѣкъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь прожить полгода, мѣсяць даже, безъ этой переходящей боли тонкихъ и тайныхъ ощущеній.

Конечно, все это *было*, и о многомъ я помню живо и съ болью до сихъ поръ. Но чтобы даже и мнѣ самому стало яснѣе теперь, почему я считаю счастливымъ этотъ

* Продолженіе. См. №№ 8 и 9 *Русскаго Вѣстника*.

годъ, я скажу вотъ что: хотя я былъ и молодъ въ то время, но молодъ не опытомъ, а только годами и еще болѣе характеромъ. Въ лѣта самой первой юности, при самомъ вступленіи моемъ въ сознательную жизнь, тогда еще

„Когда мнѣ были новы
Всѣ впечатанья бытія...“

я испыталъ много душевныхъ лишеній, мукъ и обидъ; но жизнь мнѣ нравилась. Я сталъ учиться пользоваться ею.

Послѣ первыхъ удачъ, сообразныхъ съ моими идеалами, я полюбилъ жизнь со всѣми ея противорѣчіями, непримиримыми во вѣки, и сталъ считать почти священнодѣйствиємъ мое страстное участіе въ этой живописной драмѣ земнаго бытія, которой глубокой смысль мнѣ казался невыразимо таинственнымъ, мистически неразгаданнымъ.

Приучая себя къ борьбѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ учился какъ можно сильнѣе и сознательнѣе наслаждаться тѣмъ что посылала мнѣ судьба. Немногіе умѣли такъ какъ я умѣлъ восхищаться розами, не забывая ни на мигъ ту боль которую причиняли мнѣ тогда же даже и самыя мелкія шипы!

Люди любятъ разказывать о томъ какъ они нестерпимо страдали, я же хочу здѣсь разказать о томъ какъ и чѣмъ я былъ счастливъ въ то время.

Малымъ ли я былъ доволенъ или я требовалъ многого разомъ—я не знаю; объ этомъ судить не мнѣ.

Я не забуду, конечно, въ разказѣ моемъ и этихъ „шиповъ на вѣткахъ розы“, но право они были такъ ничтожны!

Такъ все ладилось тогда само собою, такъ удавалось! Такъ счастливо выросло изъ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ. Все возбуждало меня идти смѣло и на битву, и на радость.

Опять ожили вокругъ меня картины любимаго Востока; опять защебетали птички; лица на улицахъ повеселѣли; обнаженныя зимніе сады стали еще узорнѣе и милѣе прежняго, движеніе пестрыхъ и грязныхъ базаровъ осмысленнѣе и живописнѣе. Прежде все это было похоже на драгоценную, прекрасную рамку въ которой еще нѣтъ полотна, или на полотно которой нѣтъ милаго образа; теперь на меня изъ разноцвѣтной рамы этой взирають добрыя, большія, черныя „очи“ и свѣтить мнѣ знакомымъ свѣтомъ лукавая улыбка—не то небесная по кротости, не то заманчиво и неуловимо растлѣвающая—не знаю какая, но знаю *какъ* она свѣтить мнѣ. И все мнѣ кажется что только мнѣ одному!

Стояли теплые дни и солнце было ярко; я восхищался тѣмъ что я на югѣ. Начиналъ падать снѣгъ и становилось холодно; я радъ былъ огню печей и мечтательно вспоминалъ о милой и бѣдной родинѣ моей, такъ недавно и такъ жестоко покинутой мною! Всѣ силы мои удвоились; я сталъ и дѣятельнѣе по службѣ, и пріятно-лѣнивѣе во время отдыха; я сталъ и добрѣе, и въ то же время до злости смѣлѣе; я больше мыслить (мнѣ казалось такъ), чаще лѣлъ и декламировалъ стихи и дома (погромче), и въ дальнихъ кварталахъ на прогулкѣ (вполголоса и оглядываясь):

Свѣжъ и душисть твой роскошный вѣнокъ,
Всѣхъ въ немъ цвѣтовъ благовопія савшны;
Кудри твои такъ обильны и дышны,
Свѣжъ и душисть твой роскошный вѣнокъ.

**

Свѣжъ и душисть твой роскошный вѣнокъ,
Яснаго взора губительна сила.
Нѣтъ, я не спрю чтобъ ты не любила:
Свѣжъ и душисть твой роскошный вѣнокъ.

**

Свѣжъ и душисть твой роскошный вѣнокъ,
Счастію сердце легко предается,
Мнѣ ближе тебя хорошо и поется.
Свѣжъ и душисть твой роскошный вѣнокъ!...

Я лѣлъ и декламировалъ. Я дѣлалъ новые подарки Вѣлико и другимъ домохадцамъ своимъ, чтобъ и они чувствовали до чего мнѣ хорошо теперь, чтобъ и они всегда помнили меня *именно въ это время!*

Конечно, одно только присутствіе Машы Антоніади въ городѣ, одинъ только осторожный намекъ ея *на любовь* не могли бы такъ очаровательно и сильно, сразу и надолго вдохновить меня. Нѣтъ, кромѣ чувства ея близости, кромѣ ея намековъ, были и другіе поводы къ веселому напряженію душевныхъ силъ моихъ. Сама по себѣ адрианопольская жизнь къ срединѣ этой зимы стала гораздо занимательнѣе и оживленнѣе. Всеобщій подъемъ духа на Востокѣ и въ Евролѣ отзывался и здѣсь. Въ Критѣ уже давно геройски бились Греки; въ центрѣ Европы подымалась новая грозная сила—униженная Австрія облачалась для прикрытія своей полититеской нищеты въ подновленную и ювошенную мадыарскую одежду; въ

Балканахъ ждали волненій; въ дальнемъ Петербургѣ давали балы въ пользу Критянъ; Славяне собирались пировать на съѣздѣ въ Россіи. Сербія грозила вступить съ Элладой въ союзъ противъ султана, и нѣкоторые изъ арабскіихъ Болгаръ, преувеличивая себѣ разстройство Турціи и силу княжества (въ послѣдствіи оказавшейся столь малою), уже начинали бояться что Сербы пройдутъ безпрепятственно чуть не до Царьграда и захватятъ себѣ часть ихъ земель.

Другіе въ городѣ опасались вспышки мусульманскаго фанатизма. Въ то время еще были живы многіе люди двадцатыхъ годовъ; они помнили со свѣжестью дѣтской памяти прежнія казни, помнили слезы, крики женщинъ, видали кровь и блѣдныя лица отцовъ и родныхъ своихъ.

Христіане и въ городѣ, и въ ближнихъ селахъ были робки; возстанія никто здѣсь не ждалъ, но боязнь избіеній подобныхъ сирійскимъ была отъ времени до времени сильна.

Турки со своей стороны принимали мѣры, слѣдили реформами, передвигали войска. Прибыли съ этою цѣлью изъ Константинополя вмѣстѣ двое пашей: Хамидъ-паша—генералъ-губернаторъ всей области, худой, высокій, важный и почтенный, и губернаторъ округа Арифъ, толстый, низенькій Боснакъ, игравшій въ славянскую популяриность, умный, просвѣщенный, но лукавый до низости и безстыдства. Учреждались новыя области—вилайеты, и новыя суды.

Адрианополь въ то же время наполнялся Поляками. Сначала, когда я еще въ первый разъ видѣлъ Вѣлико верхомъ на базарѣ, въ городѣ стояла небольшая часть этой кавалеріи.

Молодцоватые бѣлокурые офицеры въ фескахъ и съ красивыми саблями гордо ходили по городу, встрѣчались съ нами въ обществѣ; явились и дамы полковныя; показались лишнія противу прежняго кареты; всадники, драгуны и казаки гарцовали по улицамъ. Высокій, энергическій, полный и красивый Мурадъ-бей, графъ Доливо-Лавицковскій былъ замѣтнѣе всѣхъ; Вехби-бей, пожилой и почтенный полковникъ (когда-то просто — Вержбицкій, офицеръ русской службы на Кавказѣ), пріѣхалъ съ женой, еще довольно молодою, и двумя бѣлокурыми дочерьми, у которыхъ волосы были необыкновенно густы, свѣтлы и красивы.

Все вокругъ меня, и вблизи, и въ отдаленіи, было возбуждено, взволновано, тревожно. Все становилось крулѣе и какъ

бы осмысленнѣе; всѣ ждали общаго пожара національныхъ и религиозныхъ страстей. Все спѣшило куда-то вдаль, все было въ движеніи... Все отражалось и на мнѣ: все меня возбуждало, веселило; все придавало боевой и многозначительный характеръ даже нашему письменному съ Богатыревымъ труду. Я помню, однажды я сидѣлъ ночью въ канцеляріи консульства и кончалъ большой, срочный трудъ къ проѣзду изъ Рущука въ Царьградъ русскаго верховаго курьера. Богатыревъ, который вообще готовъ былъ заниматься дѣлами еще больше моего, на этотъ разъ усталъ и удалился на покой. На дворѣ была оттепель; ночь была не морозная, а только прохладная, какія бываютъ у насъ въ сентябрѣ. Желѣзную печку натопили слишкомъ жарко, до красна, и я, раскрывъ окно чтобъ освѣжить и увлажить слишкомъ высохшій, горячій воздухъ комнаты, продолжалъ съ одушевленіемъ трудиться. Канцелярія была въ нижнемъ этажѣ, но окна были настолько высоки что пѣшеходы не могли меня видѣть. Да ихъ почти и не было; было уже очень поздно, и темная улица была безмолвна. Какъ вдругъ раздался крикъ и громкій свистъ; застучали по мостовой конскія копыта... Я слушалъ. Стукъ копытъ приближался; раздавался свистъ еще громче и ближе... Верховые поровнялись съ окнами моими... Я не знаю до сихъ поръ что это было — залоздалая турецкая верховая почта, или верховой какой-нибудь объѣздъ... Я продолжалъ писать.

Всадники, поровнявшись съ окнами нашими, примолкли; они, должно-быть придержавъ лошадей, смотрѣли на меня. Я былъ ярко освѣщенъ свѣчами.

— Пишеть! сказалъ одинъ изъ нихъ громко.

— Кто это? спросилъ другой, и они проѣхали.

Толотъ и крики олять на мгновение усилились, и потомъ мало-по-малу затихли. Я вообразилъ себѣ чувства этихъ мусульманъ (а можетъ-быть и Поляковъ) при видѣ пишущаго Русскаго. „Что онъ можетъ писать кромѣ вреднаго намъ?“ и хотя мнѣ лично и Турки, и польскіе офицеры очень нравились, я съ удовольствіемъ и съ улыбкой гордости вспомнилъ объ ихъ политической ненависти, и сказалъ себѣ:

— Какъ бы можетъ-быть было имъ пріятно теперь бросить мнѣ въ голову большой камень или даже прицѣлится въ меня!

И правда, писалъ я въ эту ночь вещи невыгодныя и для Турокъ, и для римской пропаганды, которою такъ справедливо со своей точки зрѣнія должны были дорожить лихіе наездники лихаго пана и поэта Садыкъ-паши.

Я наслаждался внутреннимъ сознаниемъ той полуоткрытой, почти ежеминутной борьбы, въ которую все сильнѣе и сильнѣе вовлекались и мы среди всеобщаго броженія умовъ; я былъ бы радъ еслибы борьба эта приняла и здѣсь открытый и страшный видъ войны или возстанія. Самолюбіе мое внушало мнѣ что я сумѣлъ бы выдти хорошо изъ тѣхъ затрудненій и опасностей которыя всегда могли предстоять здѣсь Русскому въ такіе дни...

Конечно, все это ощущать, всѣмъ этимъ наслаждаться я могъ бы и въ отсутствіи Маши, но мнѣ пріятно было имѣть близко „даму сердца“, которая могла бы одѣлать и бесѣду мою „о мірахъ“ и „загробной жизни“, и голубую шубку русскаго покроя, и шалочку на бекрень, и лошадку вороную, и доброту души (которой я тогда между прочимъ тоже гордился), и политическій тактъ на службѣ, и какой-нибудь ударъ хлыста, въ родѣ того за который меня, наказуя для вида, перевели сюда и повысили, поручивъ сразу серіозный и дѣятельный постъ.

Кустъ „весенней черемухи“ цвѣлъ теперь уже близко отъ меня, и я могъ надѣяться когда-нибудь срывая цвѣты его сплестъ изъ нихъ себѣ „душистый и свѣжій“ вѣнокъ побѣды. Какой побѣды? надъ кѣмъ? надъ чѣмъ побѣды? Я не зналъ и не жаждалъ знать. Мнѣ было весело; мнѣ было пріятно жить тогда на свѣтѣ; мнѣ стало пріятнѣе прежняго и гулять, и трудиться, и ѣсть, и пить, и спать, и бодрствовать, и мыслить, и смѣяться, и не только любить,—мнѣ ненавидѣть даже стало какъ-то слаще.

Я ненавидѣлъ, на примѣръ, новаго драгомана австрійскаго консульства: фамилія его была Бояджіевъ; онъ былъ Болгаринъ-уніатъ, отъявленный врагъ Россіи и поклонникъ всего европейскаго. Серіозный, солидный, черный какъ Цыганъ, съ большимъ горбатымъ носомъ, всегда въ фескѣ и какомъ-то грубомъ сакъ-пальто лиловаго цвѣта, сшитомъ изъ мѣстной „абы“, для покровительства національному руководѣлю. Онъ воображалъ себя образованнымъ и позволялъ себѣ отъ времени до времени судить обо всемъ съ гордымъ, стойкимъ и язвительнымъ видомъ. Я ненавидѣлъ его солидность и

презиралъ его лошлость. Мнѣ казалось почему-то что и онъ въ душѣ презираетъ меня...

И вотъ (я сказалъ что многое само собою слагалось въ этотъ годъ лиризма и удачи)... и вотъ пришлось мнѣ сразу въ одинъ день и почти въ одинъ часъ проучить надолго этого ненавистнаго мнѣ человѣка,—и узнать кое-что о такихъ дѣлахъ которыя могли имѣть большое вліяніе на положеніе въ городѣ мужа милой моему сердцу женщины.

Проучить глупца и врага Россіи и остаться правымъ! Узнать секретъ и тотчасъ же воспользоваться имъ съ немедленнымъ успѣхомъ для себя и для консульскихъ дѣлъ—развѣ это не весело? развѣ не надо цѣнить такіе ясные дни?

Я ихъ цѣнилъ и веселился!

XIV.

Случилось все это вотъ какъ.

Для чрезъ два, чрезъ три можетъ-быть послѣ того „чреватаго будущимъ“ визита въ „бѣлый“ домъ, *среди домовъ розовыхъ и тепло-красныхъ*, я увидалъ поутру что на дворѣ туманъ и сырость и мнѣ это очень понравилось.

Я спросилъ себя: „куда-бы мнѣ пойти?“ и рѣшилъ что лучше всего пойти къ тому самому человѣку подъ начальствомъ котораго состоитъ ненавистный мнѣ „въ принципѣ“ уніать и ученый мужикъ Бояджіевъ,—къ австрійскому консулу *Остеррейхеру*.

Да, его фамилія была такая странная—*Остеррейхеръ*, * хотя родомъ онъ былъ, напротивъ того, вовсе не изъ Австріи, а Баварецъ, и только послѣ цѣлаго ряда замѣчательныхъ приключеній поступилъ на службу имперіи Габсбурговъ.

Остеррейхера я любилъ. Онъ нравился не мнѣ одному своею удивительною оригинальностью. Хорошій, благонравный семьянинъ лѣтъ около сорока; худой, сухой, высокій, сильный, лицомъ безобразный, краснокожій; взоромъ мрачный, въ иные минуты даже страшный съ виду, но въ сущности веселый и общительный. Вспыльчивый нерѣдко до изступленія, до дерзости, онъ, горячася, имѣлъ привычку щипать себя ногтями со злости за лицо такъ сильно что на

* Австриецъ.

лбу и щекахъ его оставались надолго небольшія ятна. Большею частію любезный и до изысканности вѣжливый, пока его не раздражали. Танцоръ, съ большими шпорами, всегда въ какой-то полувойенной формѣ, въ какихъ-то чуть не курточкахъ заливчатскаго локроя; серьезно начитанный, воинственный, и въ политикѣ и лично; драчунъ и добрый малый; атеистъ и покровитель римской пропаганды въ ея дѣйствіяхъ противу насъ и православія. Родомъ Баварецъ (какъ я сказалъ), Австріецъ по службѣ, по духу дѣйствій на Востокъ, Прусакъ по общегерманскимъ сочувствіямъ, смолоду онъ былъ революціонеромъ, социалистомъ; едва не былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ прусскими войсками; бѣжалъ и спласся; служилъ кажется матросомъ на кулеческомъ кораблѣ, который привезъ его въ Царьградъ; здѣсь онъ жилъ сначала письменнымъ трудомъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе интернуція и поступилъ на австрійскую службу. Жена его, смиренная, бѣленькая, простоватая, полная, многодѣтная, всегда не по модѣ и безъ вкуса одѣтая—была ему кузина; онъ ее когда-то и гдѣ-то увлекъ, похитилъ, а теперь кричалъ на нее даже при насъ грозно: „Schlechte Kuh!“ когда она ему чѣмъ-нибудь надоѣдала и танцовала съ нею какую-то особенно лухую польку или *шотинъ* на консульскихъ вечерахъ; бряцая шпорами онъ нѣжно улыбался ей сначала, потомъ внезапно отталкивалъ ее отъ себя съ грознымъ видомъ чтобъ она танцовала особо и, подперевъ руки въ боки, опять умильно улыбался и снова рыцарски бряцалъ, наскакивая на бѣдную женщину, которая танцовала бы можетъ-быть и гораздо лучше еслибы не была такъ напугана имъ. Какъ было не любить такого занимательнаго человѣка?

Я бывалъ у Остеррейхера нѣрѣдко прежде, и мы за кружкой пива иногда до поздней ночи бесѣдовали съ нимъ о всевозможныхъ предметахъ, но любимымъ его разговоромъ былъ разговоръ о развитіи германской націи въ отношеніяхъ политическомъ, экономическомъ, *эстетическомъ*. Онъ кричалъ объ этомъ по-французски, произнося да какъ *тэ*, а *ѵ* и *г* какъ *ша*:

— Вотъ, вотъ наше призваніе на Востокъ: распространять въ средѣ здѣшняго славянства германскую культуру. Вотъ наше призваніе, вотъ оно!

И потомъ начиналъ хохотать и, хватая меня за руку, восклицалъ:

— О! вы молчите, вы улыбаются... Знаю, знаю. Я знаю что вы представители этой бюрократической и самодержавной націи, вы намъ самые опасные соперники... Vous êtes des compétiteurs habiles et terribles, mais terribles... Schlechte Kuh! (кричалъ онъ вдругъ грозно на мадамъ Остеррейхеръ, которая послѣ полуночи начинала обыкновенно дремать, слушая насъ съ работой въ рукахъ):—Ты слышь. Donnerwetter, вели подать намъ еще пива!

И проводивъ жену взглядомъ минутной ненависти, онъ обращался снова ко мнѣ вѣжливо и спокойно, съ улыбкой любезной тонкости на раскраснѣвшемся отъ пива больше обыкновеннаго худомъ и суровомъ лицѣ:

— Но простите если вамъ я скажу: вы дѣлаете одну ошибку, да!

— Какую? просвѣтите насъ.

— Эта ортодоксія ваша! И вы, и вашъ Богатыревъ люди образованные; онъ человѣкъ привыкшій къ высшему свѣту, вы человѣкъ съ большою начитанностью. И вы встаете рано, ходите къ *мессѣ* въ это Иерусалимское подворье. Ба! (онъ топалъ ногой)... Всѣ эти здѣшніе Греки и Болгары старшины, они ни въ Бога, ни въ дьявола не вѣрятъ, также какъ и я. Богатыревъ читаетъ самъ Сень-Поля и Сень-Пьерра въ церкви. Donnerwetter!.. Поэтому и мы должны противо-дѣйствовать вашей прелетенціи на той же почвѣ. Эти польскіе попы въ одеждѣ восточнаго капра! это не плохая выдумка. А? Qu'en dites-vous?..

— Желаю вамъ успѣха! говорилъ я смѣясь...

— А! какая фраза!.. Амалія, гдѣ ты? Гдѣ пиво, чортъ возьми!.. Пиво!.. Да, въ настоящемъ вы здѣсь очень сильны, но будущее наше... Ха-ха! Вы не вѣрите? Вы вѣрите въ призваніе de la Sainte Russie. Ну что жъ, исторія покажетъ, поборемся. Цивилизація за насъ! Le développement économique, éthique et ethnique est nôtre force, vous ne possédez que la force politique! Амалія!.. Чортъ возьми! Еще пива...

Я очень любилъ его патріотическое хвастовство и ни мало не сомнѣваясь въ благоприятномъ для Россіи исходѣ борьбы за преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ, забавлялся только тѣмъ что еще болѣе возбуждалъ его высказываться, и потомъ, конечно, передавалъ все Богатыреву, который

тоже очень утѣшался его выходками и восклицалъ иногда „бѣдный Остеррейхеръ!“ И дѣйствительно въ то время Австрія очень мало значила во Фракіи; родъ службы Остеррейхера былъ болѣе наблюдательный чѣмъ дѣятельный въ самомъ дѣлѣ. Въ дѣятельную и серьезную борьбу были вовлечены четыре консульства: французское, великобританское, греческое и наше. Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ этотъ умный, энергическій чудакъ выдумалъ выписать польскихъ священниковъ и одѣть ихъ по православному въ черныя рясы и камилавки, но осуществить все это, устроить и поддержать денежною помощію могъ только французскій консулъ, а никакъ не австрійскій, бѣдный даже и матеріальными средствами. Поэтому-то вся лихость Остеррейхера казалась намъ болѣе занимательною чѣмъ опасною и въ самой его манерѣ говорить и хвастаться было что-то добродушное и забавное, которое насъ не только не оскорбляло, но заставляло даже искать его общества.

Во время продолжительнаго и убійственнаго унынія, въ какомъ я находился, я пересталъ къ нему ходить. Я исполнялъ тогда лишь мои служебныя обязанности, но бесѣда мнѣ въ то время нужна была иная, мнѣ нужны были тогда стовы сердца, томленія неудовлетвореннаго романтизма. Только такой человекъ съ которымъ бы я могъ вмѣстѣ томиться, изливая всю душу мою, который могъ бы оживить меня и поймавъ мою тоску, заставить меня ее забыть!.. Но этого я не встрѣчалъ даже и въ московскомъ нашемъ Богатыревѣ. Мы съ нимъ никогда не заходили далеко въ откровенности, и пріязнь наша была только внѣшнею пріязнью удачно ужившихся сослуживцевъ. Какая же была возможность сказать австрійскому консулу, (въ особенности такому каковъ былъ Остеррейхеръ) что я тоскую оттого что мнѣ не въ кого влюбиться и не съ кѣмъ тосковать? Онъ бы толпулъ ногой и закричалъ:— „А! ба!.. Старый романтизмъ, отъ котораго давно пора отказаться“!.. Или прибавилъ бы можетъ-быть въ добрую минуту:

— Vous êtes encore *cheune* mon cher. La *cheunesse* est un *téfaut* dont on se *corrige* chaque *chour*!..

Или, наконецъ, подумалъ бы или сказалъ бы мнѣ съ восторгомъ:

— C'est du *romantisme chermanique*! Это доказываетъ какъ я правъ, утверждая что мы, южные Нѣмцы, должны надѣяться

на полное торжество германскаго духа въ этой податливой славянской средѣ, на распространеніе и въ здѣшнихъ странахъ *des principes politiques, économiques, éthiques et ethniques, pour ainsi dire, du chemie chermanique...* Амалія, вели дати еще лива!

И къ тому же какаѣ возможность говорить объ идеальныхъ чувствахъ сердца, о томъ что меня терзаетъ „жаръ души истраченный въ пустынь“ человѣку который при мнѣ кричить на меня свою: „Schlechte Kuh!“

Вотъ почему я такъ долго не былъ у Остеррейхера. Теперь, когда всѣ силы души моей были возбуждены и утробны, я захотѣлъ и съ нимъ повидаться и опять слышать его крикъ и топотъ въ перемежку съ разумною, тихою и вѣжливую рѣчью.

Задумалъ и пошелъ....

XV.

Я засталъ Остеррейхера на этотъ разъ не за ливомъ и не въ обществѣ дремающей Амаліи, а въ обществѣ Бояджіева и за бутылкой мѣстнаго краснаго вина.

Остеррейхеръ, казалось, очень мнѣ обрадовался и началъ спрашивать меня: почему я такъ долго у него не былъ? чѣмъ я теперь занимаюсь въ часы досуга? и т. п.

Я нарочно (несмотря на присутствіе „интеллигентнаго“ цдола въ фескѣ и показывая видъ что „игнорирую“ его), съ цѣлю слышать какой-нибудь оригинальный и рѣзкій возгласъ, сказалъ Австрійцу если не всю правду, то почти.

— Все унывалъ, все скучалъ, отвѣчалъ я,—а въ часы досуга читалъ Чайльдъ-Гарольда...

— А! прежде я угадалъ! радлеи! воскликнулъ Остеррейхеръ,—Шайльдъ-Гарольдъ!.. Все старина!.. все поэзія! Ха-ха-ха!..

Но потомъ онъ на минуту призадумался и отливъ немного вина, сказалъ:

— Безъ сомнѣнія поэзія есть великая вещь. Но въ наше время она должна служить инымъ интересамъ. Времена Байрона прошли и не вернутся. Вы имѣете понятіе о Кинкель?

— О Кинкель? Кто такое Кинкель? Ни малѣйшаго понятія, отвѣчалъ я съ удивленіемъ.

Остеррейхеръ съ негодованіемъ затопталъ ногами и вздѣвъ руки къ небу яростно вскрикнулъ.

— Кивкеалъ! Кивкеалъ! Не звать Кивкеала!.. Кивкель, это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей германской революціи 48 года! Онъ былъ заключенъ въ тюрьму и посаженъ за ткацкій станокъ.

Съ этими словами австрійскій консулъ вскочилъ и бряцая шпорами кинулся къ дверямъ столовой.

— Амалія! Амалія! закричалъ онъ пронзительно:— гдѣ мои перстни! Перстни! Пришли мнѣ перстни мои, бѣлый эмалевый съ ахонтомъ и другой маленькій!.. Амалія, гдѣ ты?..

— Я слышу, слышу, сейчасъ, отвѣчалъ голосъ Амаліи.

— И еще пришли мнѣ ту маленькую книжку, желтую, гдѣ Кивкелевы лѣсны!.. Слышишь ты или вѣтъ?..

— Сейчасъ, сейчасъ.

Бояджіевъ все это время молчалъ и съ достоинствомъ курилъ и пилъ помемногу вино.

Турокъ кавасъ скоро прибѣжалъ и принесъ перстни и книжку, въ которой воспѣвались страданія Кивкеала за ткацкимъ станкомъ.

Остеррейхеръ радостно схватилъ книжку, надѣлъ перстни и началъ читать мнѣ стихи съ большимъ чувствомъ.

Я не помню ни одного слова, ни одной мысли изъ этого чтенія. Едва ли я и тогда внимательно слушалъ. Я былъ до того равнодушенъ къ несчастной судьбѣ „великаго“ Кивкеала что вѣроятно все что и слышалъ невольно тотчасъ же забывалъ. И даже теперь я пишу наобумъ и не совсѣмъ увѣренъ твердо ли я запомнилъ имя этого героя социальной революціи. Кивкель онъ былъ, или иначе звался, признаюсь, не знаю и не интересуюсь знать. Почитатель „мученика революціи“ занималъ меня несравненно больше чѣмъ самъ мученикъ; а мое отвращеніе къ безмолвному Бояджіеву все расло и становилось мало-по-малу горько живѣе чѣмъ всѣ остальные чувства.

(Мнѣ показалось что онъ позволилъ себѣ насмѣшливо улынуться когда я заговорилъ о Байронѣ!)

Остеррейхеръ прочелъ еще два, три стихотворенія и оставившись спросилъ меня:

— Какъ вы это находите?

— Извините, я нахожу это очень скучнымъ!.. Вашъ Кивкеалъ и всѣ подобные ему люди не внушаютъ мнѣ ни малѣйшей симпатіи. Я очень радъ что его засадили. Я не понимаю что именно подобные люди чувствуютъ и удивляюсь какъ могутъ такіе утилитарные мечтатели вдохновить истиннаго

посталъ.. Вотъ, несчастная судьба вашего же Бенедика меня трогаетъ. Я люблю вашихъ молодцовъ въ бѣлыхъ мундирахъ, и хотя вы намъ солдаты въ политуки, какъ вы сами говорили мнѣ не разъ, но какое-то живое чувство заставляетъ меня всегда жалѣть когда ихъ побѣждаютъ или убиваютъ. Еще прусскій юнкертумъ можетъ мнѣ внушать то же сочувствіе; всѣ эти Штейнмецы и Мантейфели наломиваютъ мнѣ мое дѣтство и русскихъ генераловъ хорошаго старикаго стиля.. Слышится что-то содержательное, крѣпкое, глубокое, не до дна еще исчерпанное, но я вѣдь не понимаю штатскихъ будущицхъ съ утилитарною цѣлью.

Остеррейхеръ слушалъ съ большимъ вниманіемъ; онъ былъ видимо тронуть и, покачавъ головой, отвѣтилъ задумчиво и кротко:

— *Ché vous comprends! Ché vous comprends..* (Я васъ понимаю, я васъ понимаю!) Это въ своемъ родѣ ясно и последовательно...

Боджіевъ въ эту минуту разверзъ уста:

— Сочувствіе милитаризму и аристократіи очень понятно въ Русскихъ, которые такъ недавно принуждены были отказаться отъ рабства, сказалъ онъ.

Я вслыхнулъ, но на первый разъ ограничился только тѣмъ что спросилъ его тихо:

Вы такъ думаете?

— Да, отвѣчалъ Боджіевъ,—таково мое убѣжденіе!

— Остеррейхеръ насупилъ брови; онъ былъ недоволенъ этою выходкой своего переводчика и слегка притолкнувъ сказалъ ему, впрочемъ болѣе уговаривающимъ, чѣмъ сердитымъ тономъ:

— Милитаризмъ, аристократизмъ! Надо эти понятія отличать.. Англія, на примѣръ, страна аристократіи, но милитаризма въ ней нѣтъ; Франція напротивъ.

Но Боджіевъ настаивалъ:

— Это такъ, г. консуль, но я говорю о Россіи. Въ ней примѣнимы оба термина. Привилегированное дворянство и военный деспотизмъ императора.

— Не совсѣмъ такъ, возразилъ я уже съ большимъ раздраженіемъ.—Привилегій у дворянства уже нѣтъ, а тотъ деспотизмъ, который вамъ такъ не нравится, судя по вашему тону, теперь, я нахожу, недостаточно строгъ ко всякой сволочи, воображающей себя въ правѣ разсуждать, оттого что она, эта сволочь (*cette saaille*), кой-чему обучилась. И у насъ

въ Россіи развелось, къ несчастію, много разсуждающей и лишущей драги.

Бояджіевъ свисходительно улыбулся и замѣтилъ совершенно покойно:

— Я не думаю чтобы въ Россіи очень много писали! Чтобы литература была развита необходимы многочисленныя читатели, а въ Россіи ихъ не можетъ быть много. Русскіе, это всѣмъ извѣстно, почти такъ же необразованы какъ и наши Болгары.

Эта послѣдняя дерзость, высказанная такъ рѣшительно и твердо гадкимъ Славяниномъ, никогда даже въ Россіи не бывавшимъ, до того поразила меня что я внезапно всталъ не знаю какъ и выразить во что — скорѣе всего въ тихое и въ своемъ родѣ непоколебимое спокойствіе отчаянія и, обратясь къ Бояджіеву, сказалъ:

— Вотъ видите, г. Бояджіевъ, выслушайте меня внимательно, — это вамъ будетъ полезно. Когда разсуждаетъ о Россіи, даже и не зная ея хорошо, такой напимѣръ человекъ какъ г. Остеррейхеръ, это еще не бѣда. Съ нимъ я могу спорить: онъ сынъ дѣйствительно великой германской цивилизации, которой и мы, Русскіе, очень многимъ обязаны. Но вы? Ваши какія права? Вы даже не понимаете что вѣжливо и что нѣтъ... Русскому, конечно, нѣтъ обиды въ томъ что вы ничего не понимаете — и вы можете безъ насъ обнаруживать сколько угодно вашу плачевную образованность, но пока я здѣсь, я прошу васъ въ разговоръ не мѣшаться и со мной не говорить вообще ничего и никогда. Слышали?

Бояджіевъ покраснѣлъ и не сказалъ на это ни слова. Я думалъ что онъ по крайней мѣрѣ уйдетъ, но онъ остался, продолжая молча пить и курить.

Остеррейхеръ былъ нѣсколько смущенъ. Онъ что-то чертилъ пальцами по столу и принужденно улыбался.

Вѣроятно онъ былъ обуреваемъ разными противоположными чувствами: — желаніемъ заступиться за драгомана, который какъ увиатъ былъ ему очень нуженъ по дѣламъ пропаганды; восхищеніемъ по поводу того что я призналъ такъ торжественно его собственныя великія культурныя права; досадой на то что я такъ смѣло позволяю себѣ командовать у него въ домѣ; сочувствіемъ своему брату консульскому чиновнику, умѣющему обрывать „этихъ банабаковъ“. Donnerwetter!.. Это иногда необходимо для консульскаго *prestige*

(pour conserver le prestige des *agents* consulaires). Чортъ возьми! Поколебавшись съ минуту онъ однако послѣдшій перемѣнить разговоръ.

— Такъ вы скучаете здѣсь, сказалъ онъ мнѣ съ участіемъ.

— Я не говорю что я скучаю всегда. Теперь мнѣ олять весело; но было время унынія.

— Это отъ недостатка общества.

— На что мнѣ это общество! возразилъ я съ досадою.— Вы ошибаетесь. Все зависитъ отъ нашего внутренняго чувства.

— Нѣтъ, нѣтъ, настаивалъ *Остеррейхеръ*,—это недостатокъ общества. Нѣтъ театровъ, нѣтъ баловъ, литературныхъ чтеній.

Я хотѣлъ еще разъ протестовать, но *Остеррейхеръ* возвысилъ голосъ чтобы перекричать меня и продолжалъ:

— Да, теперь стало въ Адрианополѣ скучнѣе, но года два тому назадъ было очень весело. Тутъ были и нѣкоторыя условія мѣстной политики, которыя благопріятствовали обществу оживленію. Генералъ-губернаторъ былъ знаменитый *Ахмедъ-Киритли*. Вы знаете, это настоящій *grand-seigneur*. Онъ самъ былъ не разъ великимъ визиремъ и посломъ при европейскіхъ дворахъ. Онъ былъ посломъ при коронаціи вашего Императора въ Москвѣ, имѣлъ ленту Св. Анны, образованъ, уменъ, у него множество энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ скорѣе принадлежить къ старо-турецкой партіи по убѣжденіямъ чѣмъ къ партіи *Мидхадъ-паша* который теперь въ Русукѣ. Предъ пріѣздомъ *Богатырева* все было въ разладѣ, господствовалъ одинъ *Виллартонъ*, потому что онъ дремыкался (*Остеррейхеръ* съ привабреженіемъ пожалъ плечами и толкнулъ ногой; онъ не любилъ англійскаго вице-консула) предъ *Киритли-пашой*. Съ предъѣлникомъ *Богатырева*, *Шампаннымъ*, *Киритли* былъ на ножахъ за переселеніе *Болгаръ* въ Россію; съ французскимъ консуломъ еще хуже, за то что велѣлъ схватить по подозрѣнію французскаго каваса-*Албанца* на улицѣ,—по подозрѣнію въ укрывательствѣ одного изъ тѣхъ *Арнаутовъ-разбойниковъ* которые на *Филиппопольской* дорогѣ убили американскаго миссіонера. А, Боже мой, что тутъ было! телеграммы къ *Тувенелю*, телеграммы отъ *Тувенеля* сюда. Послѣдняя отъ *Тувенеля* была такая: „Пошлите секретаря вашего сказать *Ахмедъ-Киритли-пашѣ* что его поступокъ недобросовѣстенъ и что онъ будетъ имѣть дѣло со мной самимъ, если не освободитъ

сейчасъ же каваса!..“ А! какое это было вывести Ахмедъ-Киритли?... Конечно, все это поселяло холоднооть и раздраженіе и мѣстная власть всегда можетъ наитытысячу случаевъ „класть лапки въ колеса“ тѣмъ консуламъ которые ей досадили. Мы были трое—Шамшинъ, французскій консулъ Муляръ и я—почти всегда заодно, но этотъ дьяволъ Виллартоновъ помогалъ всячески намъ парализовать наши усилія; когда же приѣхали почти въ одно и то же время Богатыревъ и де-Шервиль, тогда все перемѣнилось въ общественной нашей жизни... Богатыревъ сумѣлъ расположить къ себѣ нашу и сблизился съ Виллартономъ...

— Тутъ Остеррейхеръ приостановился и чуть-чуть унынувшись спросилъ:

— Вы видѣли мадамъ Виллартоновъ?

— Да, я познакомился съ нею всего дней за пять до ея отъѣзда въ Вѣну.

— Это женщина довольно умная... довольно умная, да! продолжалъ Австріецъ.—Она больше дипломатъ чѣмъ ея мужъ!.. Богатыревъ сталъ чаще и чаще бывать у нихъ. Они у него. Начались вечера, балы, пикники, театры. Киритли-паша принималъ во всемъ участіе... Мы веселились тогда. Однажды въ нашемъ консульствѣ послѣ ужина, когда паша уѣхалъ, мы даже затѣяли драку... Тогда только-что кончилась шлезвигъ-голландскія дѣла, и Виллартоновъ любилъ дразнить меня какъ Нѣмца героизмомъ Датчанъ. Онъ предложилъ представить въ лицахъ Шлезвигъ-Голландскую войну. Вообразите, онъ влѣзъ въ залъ у Богатырева на угловой диванъ, схватилъ подушку и кричалъ: „Я Данія, я Данія!“... „Кто со мной противъ Нѣмцевъ?“ Де-Шервиль схватывалъ другую подушку и тоже прыгаетъ на диванъ и кричитъ: „Я противъ Нѣмцевъ“. Богатыревъ со мною; онъ ирображалъ Пруссію... Мадамъ де-Шервиль испугалась и спряталась за молодого человѣка, за Джемса, вы знаете его. Она говорила потому что никогда не видала чтобы такіе взрослые, серьезные мужчины дрались и кидались подушками... Это былъ штурмъ... Рагбле! настоящий штурмъ... Я повалилъ Виллартона, самъ упалъ.... Жаль что вы не знаете мадамъ Виллартоновъ,—это интересная женщина...

Я ждалъ еще новыхъ замѣчательныхъ подробностей, тѣмъ болѣе что Остеррейхеръ выпилъ много вина, но насъ прервали.

Вошелъ казась и почтительно оставовиися у дверей.

Остеррейхеръ опять нахмурился.

— Что такое? что тебѣ нужно? спросилъ онь тихо и сурово.

— Одишь суддить * пришелъ, вашъ суддить.

— Который?

— Азаріанъ, Армянинъ.

Остеррейхеръ произнесъ вполголоса, сдерживая гнѣвъ свой, нѣсколько самыхъ непристойныхъ турецкихъ ругательныхъ словъ: „Керат! пезеванг!“ и потомъ прибавилъ громко и спокойно:—Зови!

Азаріанъ вошелъ. Онь былъ одѣтъ по-восточному, въ фескѣ, въ длинной шубѣ, на легкомъ мѣху, съ широкими рукавами какъ у монашеской расы, и въ подосатомъ халатѣ свизу, подпоясанномъ кушакомъ.

— Садись, сказалъ ему консулъ по-турецки довольно скромно и кротко. (Вѣроятно онь вспомнилъ въ эту минуту или объ вѣческомъ принципѣ германскаго генія или объ экономическомъ строѣ мѣстной жизни, такъ какъ Азаріанъ былъ богатъ и могъ поэтому пригодиться.)

Азаріанъ сѣлъ почтительно на край дивана и уже сѣда раскланялся со всѣми нами по-турецки.

Консулъ вѣжливо и даже съ маленькою улыбкой отвѣтилъ ему; но я чувствовалъ что онь волнуется и зная его, ожидалъ грозы.

Азаріанъ глядѣлъ на всѣхъ насъ и лукаво, и весело, и глупо, ожидая вопроса.

— Э, что новаго? спросилъ Остеррейхеръ все еще вѣжливо.

— Гюзельникъ! * равнодушно произнесъ Армянинъ.

Долгъ восточныхъ приличій требовалъ чтобы онь не начиналъ прямо съ изложенія своего дѣла, а велъ бы сначала съ господиномъ консуломъ пріятные общіе разговоры о здоровьѣ, погодѣ, о взаимной дружбѣ и т. д.

Но это слово „гюзельникъ“ было искрой воспламенившаго австрійскій порохъ. Остеррейхеръ затопалъ, зазвенѣлъ шпорами, застучалъ кулакомъ по столу, закричалъ какъ бѣшеный:

* Суддить — sujet, такъ зовутъ Турки иностранныхъ подданныхъ, преимущественно мѣстныхъ уроженцевъ, снабженныхъ иностраннымъ паспортомъ, въ отличіе отъ подданныхъ султана—раба.

** Все прекрасно! „Красота, тишина“. Все равно что у насъ: „сава Богуй!“

— Гюзельникъ! а! гюзельникъ! мнѣ вѣтъ времени твоими гюзельниками заниматься! Говори дѣло, начинай прямо съ дѣла... что у тебя тамъ?.. Гюзельникъ! гюзельникъ! повторилъ онъ съ ненавистью.

Азаріанъ, вѣроятно уже привычный къ такимъ вспышкамъ, не особенно испугался, но смиренно и спокойно склонивъ голову, даже улыбнулся и сказалъ:

— Ну, хорошо, хорошо. Начнемъ съ дѣла.

Остеррейхеръ утихъ и слушалъ.

Дѣло было несложное: о недоплатѣ денегъ другимъ Армянскомъ, турецкимъ подданнымъ, за продаваемаго ему Азаріаномъ буйвола, который у новаго хозяина тотчасъ же издохъ.

Остеррейхеръ велѣлъ Боджіеву пойти съ Азаріаномъ въ канцелярію и записать для памяти имя противника и сущность дѣла и прибавилъ ласково:

— Боджіевъ топ шер, вы займитесь тамъ, а мы пока побесѣдуемъ съ мсье Ладверымъ.

Оставшись со мною наединѣ, Остеррейхеръ почти тотчасъ же заговорилъ объ Антоніадѣ и Виллартовѣ.

XVI.

Какъ только Боджіевъ исчезъ за дверями вмѣстѣ съ Азаріаномъ, мнѣ захотѣлось поскорѣе и вполнѣ увѣриться что Остеррейхеръ не сердится на меня, и я сказалъ ему:

— Мнѣ право очень жаль что я былъ вынужденъ дать вашему драгоману такое строгое наставленіе. Я считаю себя правымъ, но мнѣ непріятно что это случилось у васъ въ домѣ и при васъ. Впрочемъ увѣряю васъ что мое искреннее уваженіе къ вамъ заставило меня придать всему этому болѣе мягкую форму. Въ другомъ мѣстѣ я позволялъ бы себѣ большее.

Остеррейхеръ принужденно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Да, онъ невозможно грубъ и не знаетъ что можно сказать и чего нельзя.

Потомъ онъ дружески подлилъ мнѣ еще вина и продолжалъ:

— Эти драгоманы большое затрудненіе. Я въ одномъ завидую вамъ, Русскимъ, что вамъ такъ давно служить такой несравненный человекъ какъ Михалаки Канцелярію. Это

сокровище. И съ какимъ удовольвіемъ отнялъ бы я его у васъ! Но я знаю что это невозможно. Онъ не разстанется съ русскимъ консульствомъ.

Остеррейхеръ былъ правъ; положеніе нашего драгомана было совсѣмъ не похоже на положеніе другихъ драгомановъ въ городѣ. Михаилъ Канкеларио, даже и не служа при русскомъ консульствѣ, по состоянію своему, по чрезвычайно тонкому уму и по нѣкоторой образованности своей имѣлъ бы видное мѣсто въ городѣ. У него былъ въ Кастро хорошій домъ (мнѣ нравилось то что онъ былъ яркосиняго цвѣта); была прекрасная дача въ подгородномъ селѣ Карагачѣ, съ садомъ, бесѣдками обвитыми душистыми жасминомъ, съ небольшимъ фонтаномъ; были свои лошади; торговалъ онъ счастливо разнымъ мелкимъ и грубымъ товаромъ, стеклянною посудой, гвоздями, замками, желѣзными лечами, дешевыми коврами европейской поддѣлки. Безвозмездная служба при русскомъ консульствѣ въ соединеніи съ его независимыми средствами, при способностяхъ и тактѣ, удваивала его силу и значеніе въ средѣ христіанъ Адрианополя. Въ консульскихъ домахъ онъ былъ бы принятъ и не служа, какъ „архонтъ“ или „примать“, какъ одинъ изъ представителей мѣстной плутократіи. Консульскія жены платили визиты его старой и болѣзненной женѣ, которая ходила въ короткихъ платьяхъ и повязывалась платочками. Михалаки бывалъ по торговымъ дѣламъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, и практическое знаніе французскаго языка еще больше облегчало ему сношенія запросто съ консулами. Совсѣмъ иначе были поставлены въ обществѣ драгоманъ другихъ консульствъ. Драгоманъ французскаго консульства былъ въ то время Полякъ Менжинскій, энергичекій фанатикъ польскаго дѣла, галиційскій эмигрантъ, бѣдный, бездомный скитаецъ, врагъ Русскихъ до такой явной степени, до такой личной дерзости что Богатыревъ вынужденъ былъ официально отказать ему отъ входа въ консульство даже и по дѣламъ, встрѣчался не говорилъ и не кланялся съ нимъ и мнѣ приказывалъ поступать также. Французскіе консулы протестовали, выставляя на видъ официальное значеніе Менжинскаго, но тщетно, Богатыревъ не уступалъ. Болджіева я ужъ описалъ; онъ тоже самъ по себѣ, безъ австрійскаго драгоманата, мало бы значилъ въ обществѣ. Бѣдный Болгаринъ, народный учитель изъ дальняго и глухаго города, перешедшій изъ политическихъ видовъ и корысти въ увѣат-

ство—что могъ онъ значить въ обществѣ еслибы не саужилъ у Остеррейхера? При этомъ, какъ видно было всякому сразу, грубый, невѣжливый, напыщенный кой-какимъ званіемъ языковъ и воображаемою ученостью. Его консулы принимали только по дѣламъ и въ торжественные дни царскихъ именинъ и королевскихъ рожденій. Визитовъ ему не платили. Богатыревъ руку подавалъ ему, но всегда сурово и стараясь даже не глядѣть на него. У Виллартона по мелкимъ дѣламъ въ Портѣ и въ другихъ консульствахъ хлопоталъ скромный, небогатый, робкій, низенькій, невзрачный и умомъ ограниченный Грекъ Сотираки. Онъ имѣлъ небольшой домикъ въ дальнемъ предмѣстіи Ильдиримъ; въ общество консульское и высшее торговое самъ втираться не старался, на него тоже мало обращали вниманія, но скорѣе, по какому-то забвенію чѣмъ по недоброжелательству. Я сказалъ что онъ былъ человѣкъ скромный и почтительный; у Виллартона при почетныхъ гостяхъ онъ сидѣлъ на кончикѣ стула, въ углу, и очень скоро куда-то скрывался. Словомъ, если примѣнить приблизительно впечатлѣніе которое производили всѣ эти четыре драгомана къ отгѣнкамъ нашей русской провинціальной жизни, то выйдетъ такъ что въ приемной Богатырева, Виллартона и де-Шервиля (весьма благовоспитаннаго человѣка) Сотираки производилъ впечатлѣніе скромнаго и дѣльнаго управляющаго имѣніемъ; Менжинскій—отставнаго майора, бѣднаго, но гордаго и сердитаго, съ которымъ многіе боятся сблизиться чтобъ онъ не прибилъ или не вызвалъ на дуэль; Бояджіевъ былъ похожъ на твердаго и ничего (даже и вѣжливости) не признающаго нигилиста, который обѣдая случайно съ дворянами думаетъ о томъ какъ бы хорошо было ихъ всѣхъ перевѣшать или зарыть живыми въ землю, орошенную потомъ и слезами „меньшей братіи“. И только одинъ нашъ Михалаки напоминалъ не совсѣмъ благообразнаго, вовсе не изящнаго, но все-таки равноправнаго съ богатыми и свѣтскими хозяевами дома сосѣда-землевлдѣльца. Немного *mauvais genre*, немного подлець, очень скверно одѣтъ, но чрезвычайно уменъ, всякому очень нуженъ по положенію своему и ужъветь держать себя въ обществѣ независимо и почтительно.

Понятно поэтому что австрійскій консулъ былъ правъ, сокрушаясь о томъ что у него нѣтъ такого Михалаки (вдобавокъ около двадцати лѣтъ служащаго бесплатно вѣрой и правдой только изъ идеи и самолюбія).

— Да! продолжалъ австрійскій консулъ. — Боджіевъ мнѣ необходимый человѣкъ, и я очень имъ дорожу. Но мнѣ бы хотѣлось имѣть еще другаго, собственно почетнаго драгомава „ad honores“, для представительства въ Портѣ и для общественныхъ сношеній. Боджіевъ радъ, это его иногда стѣсняетъ, и кромѣ того се n'est pas un homme du monde! Я обратилъ недавно вниманіе на одного человѣка. Но Виллартонъ предлагаетъ ему то же самое. Я вчера узналъ это изъ самаго вѣрнаго источника. Вы угадываете?

Остеррейхеръ сдѣлалъ плутовское лицо. Я догадался, смутился до чрезвычайности, самъ не знаю почему, и послѣшилъ отвѣтить какъ бы недоумѣвая:

— Нѣтъ, право не могу догадаться!.. Не могу!

— Ба! это такъ легко! Конечно, я говорю объ этомъ хіосскомъ кулцѣ, объ Антоніади. Онъ человѣкъ богатый и представительный: я довѣряю вамъ эти планы по личной пріязни и еще потому что онъ кажется вамъ давно знакомъ. Жена его Русская. Быть-можетъ вы поддержите меня и даже возьмете на себя трудъ узнать мысли Антоніади. На чью сторону онъ склоняется, на сторону Виллартона или на мою? Берегитесь, Виллартонъ большой интриганъ. Вамъ Антоніади не нуженъ, у васъ есть Михалаки.

Что мнѣ было отвѣтить на такую рѣчь? Я отвѣтилъ такъ:

— Я очень радъ вамъ сдѣлать услугу, но вы знаете что я не могу себѣ позволить никакаго подобнаго шага безъ разрѣшенія г. Богатырева. Хотя я увѣренъ конечно что и онъ не меньше моего будетъ радъ быть вамъ полезнымъ. Онъ очень любитъ и уважаетъ васъ.

— О! Богатыревъ, прекрасный коллега! съ восторгомъ воскликнулъ Остеррейхеръ. — Это истинный джентльменъ! Я всегда говорю что именно для дипломатіи необходимо сохранить аристократическій оттѣнокъ воспитанія. Есть нѣчто неуловимое у людей такого типа! Однако согласитесь что этотъ элементъ рыцарской власти, извѣстный оттѣнокъ привычной прелетендіи внесены первоначально въ европейскую жизнь все тѣмъ германскимъ завоевательнымъ и устроительнымъ гениемъ (*touché par ce génie germanique conquérant et organisateur*)! Однако оставимъ это и обратимся къ Антоніади. Если возможно будетъ вамъ взять на себя это дѣло, то прошу васъ внушите Антоніади что я для какихъ-нибудь

коммерческихъ тѣхъ отрывать его отъ личныхъ дѣлъ не буду. Цѣль моя, повторяю, только одно представительство въ Портѣ и въ консульствахъ. Боджіевъ не умѣетъ держать себя ни въ конакѣ, ни въ обществѣ консуловъ.

— Все это такъ, отвѣтилъ я,—но услуга за услугу. Вы говорите что узнали именно о такихъ видахъ Виллартона на Антоніади изъ самаго вѣрнаго источника. Мнѣ пріятно было бы знать отъ кого? Довѣрьтесь мнѣ.

Австрійскій консулъ засмѣялся.

— Отъ самого Виллартона, конечно. Вы знаете, когда онъ поставитъ предъ собой маленькій турецкій столикъ, начнетъ подливать воду въ *раки*, вы знаете, послѣ этого онъ... говорить...

— Да, это бываетъ съ нимъ, сказалъ я, — радуясь такому положительному свидѣнію.

Я общалъ австрійскому консулу мое содѣйствіе въ предѣлахъ возможности; онъ горячо поблагодарилъ меня, и я собрался идти.—Я слышалъ къ Богатыреву чтобъ отдать ему во всемъ этомъ отчетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы поскорѣе узнать что придумалъ Михалаки сдѣлать съ нашей стороны, все для той же цѣли—для привлеченія „хіосскаго кулца“.

Остеррейхеръ проводилъ меня до самаго крыльца со множествомъ лестныхъ, дружескихъ словъ и добрыхъ пожеланій, а въ заключеніе всего сказалъ:

— Нѣтъ, послушайте меня, оставьте ваше уныніе. *Vous êtes cheune, ropuste, choli garçon. Choisissez!* Заходите по-прежнему вечеромъ, мы олять займемся за кружкой пива вопросами высшей цивилизаціи. Помните какъ мы съ вами хорошо спорили чуть не до разсвѣта, а жена моя дремала и меня это бѣсило?

Все это Остеррейхеръ сказалъ такъ весело и мило какъ будто онъ находилъ что такъ и надо, что кричать при мнѣ на Амалію „*Schechte Kuh!*“ есть одно изъ необходимыхъ и выдучшихъ проявленій культурной германской ээки.

Распростившись съ нимъ, я немедленно пошелъ къ Богатыреву и засталъ его съ Михалаки за завтракомъ. Они оба очень мнѣ обрадовались, и Богатыревъ воскликнулъ:

— Вотъ, вотъ, посовѣтуйте! разрѣшите одинъ очень трудный вопросъ! Иванъ, подай поскорѣе приборъ.

Я сѣлъ и приготовился отвѣчать на этотъ трудный вопросъ.

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АРХИМАНДРИТЬ ПИМЕНЬ

НАСТОЯТЕЛЬ НИКОЛО-УГРЬШСКАГО МОНАСТЫРЯ *

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

(1810—1880)

ГЛАВА Ш.

Дѣятельность отца Пимена какъ казначея; заслуга его предъ монастыремъ; при какихъ обстоятельствахъ приобрѣлъ онъ опытность какъ строитель и управитель.—Посѣщеніе въ 1837 году митрополитомъ Филаретомъ Угрѣшш.—Перестройка собора.—Освященіе въ 1843 году.—Происки благочиннаго.—Гнѣвъ митрополита.—Поѣздка въ 1847 году въ Вологду.—Игуменъ Теофанъ Комаровскій.—Наговоръ на Пимена въ его отсутствіе.—Въ 1849 году знакомство съ Александровой.—Новая церковь.—Александровъ.—Нестыжательность Пимена.—Обновленіе Успенской церкви.—Пріѣздъ Филарета на освященіе.—Игуменъ Иларій просится на покой; его характеръ; отъѣздъ.—Пимень назначенъ управляющимъ Угрѣшскаго монастыря.

I.

Назначеніе отца Пимена исправляющимъ должность казначея не болѣе какъ чрезъ три мѣсяца послѣ его посвященія во іеродіакона ** доказываетъ какое хорошее имѣлъ о

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 12й 1880 года.

** Въ монашество постриженъ въ 1838 году, марта 26; въ 1839 году, февраля 23—іеродіаконъ; того же года, мая 31—исправляющимъ должность казначея; въ 1840 году, апрѣля 25—іеромонахъ; утвержденъ казначеемъ въ 1844 году, февраля 26.

вѣтъ повятіе митрополитъ московскій Филаретъ, который, несмотря на свои постоянныя и многотрудныя занятія по управленію епархіей, ученые труды и обширную переписку со множествомъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ, весьма бдительно слѣдилъ за всѣми монастырями своей епархіи и даже находилъ еще время, довольно часто посѣщая ихъ, вглядываться вездѣ въ братію и какъ человѣкъ провицательный умѣлъ высматривать людей способныхъ и могущихъ быть полезными для церкви. Самое посвященіе во іеродіакона прежде узаконенныхъ тридцати лѣтъ, а менѣе чѣмъ чрезъ годъ и во іеромонаха и притомъ человѣка чрезвычайно моложавого, служить еще новымъ доказательствомъ что владыка московскій имѣлъ вѣрный взглядъ на людей и какъ видно изъ опыта рѣдко ошибался въ своихъ соображеніяхъ и заключеніяхъ о способностяхъ того или другаго человѣка.

Благочиннымъ Николо-Угрѣвскаго монастыря и нѣкоторыхъ другихъ загородныхъ монастырей въ то время былъ высоко-петровскій архимандритъ Гавріилъ, не благоволившій почему-то къ игумену угрѣвскому, отцу Иларію, и старавшійся ему вредить во мнѣніи владыки, свое неблагорасположеніе простеръ онъ и на его келейника и помощника Пимена, котораго называлъ не иначе какъ *мальчишкой* и *молокососомъ*. Владыка слушалъ что наговаривалъ ему благочинный и потому еще зорче слѣдилъ за Угрѣвшею, но и это не повредило ни Иларію, ни Пимену, хотя благочинный и пользовался немалымъ довѣріемъ митрополита: игумень, послѣ восьмнадцатилѣтняго настоятельства, чувствуя себя болѣе не въ силахъ нести бремя правленія, добровольно и съ честію удаллся на покой, а келейникъ его между тѣмъ созрѣлъ, приобрѣлъ опытность въ управленіи и заступивъ мѣсто своего старца и игумена выказалъ всю свою способность и сдѣлался обновителемъ и преобразователемъ Угрѣвши.

Двѣ весьма извѣстныя пословицы: русскую—*не мѣсто краситъ челоуѣка, а челоуѣкъ краситъ мѣсто*, и не русскую—*обстоятельства слагаютъ челоуѣка*, * отецъ Пименъ оправдалъ вполнѣ.

Угрѣвша, бѣдная средствами, убогая зданіями, скудная братіей, извѣстная не благочестіемъ своихъ иноковъ, а ихъ распущенностію, даже и при строго подвижнической жизни

* *Les circonstances font l'homme.*

игумена Иларія не могла никого особенно польстить своимъ настоятельствомъ, но благодаря неусыпнымъ трудамъ, изобрѣтательности ума, быстротѣ соображенія, а главное добросовѣстной нестяжательности и неутомимаго усердія отца Пимена она поднялась на такую высоту во всѣхъ отношеніяхъ что послѣ Троицкой Лавры и нѣкоторыхъ еще изъ первостепенныхъ монастырей Московской епархіи стала во главѣ прочихъ какъ по вѣншности своей, такъ и по численности братіи. Въ теперешнемъ ея положеніи настоятельство въ оной не показалось бы унизительнымъ и для святителей желающихъ удалиться отъ дѣлъ управленія и житьствовать на покой, еслибы по уставу общежительному братіи не имѣла права сама избирать своихъ настоятелей. Всѣмъ этимъ Угрѣша обязана отцу Пимену. Въ свою очередь и отецъ Пименъ обязанъ можетъ-быть Угрѣшѣ, ежели онъ сталъ тѣмъ чѣмъ его видѣли мы въ послѣдніе годы его жизни: онъ сложился и выработался подъ вліяніемъ, скажемъ не обинуясь, подъ гнетомъ мудраго, но крайне взмокательнаго правленія митрополита Филарета и при побудительныхъ обстоятельствахъ нуждою удрученной Угрѣши, заставлявшихъ его изыскивать средства выдти побѣдителемъ изъ отъселемаго положенія обителя, не потерять довѣрія владыки и сдѣлать все возможное.

„Когда начиналось дѣло о перестройкѣ Угрѣшскаго собора, говоритъ отецъ Пименъ въ своихъ воспоминаніяхъ, я былъ еще послушникомъ и не могъ принимать въ немъ участія, но когда пришлось приступить къ перестройкѣ, я былъ уже іеромонахомъ и казначеемъ, и волей-неволей долженъ былъ приняться за дѣло для меня вовсе чуждое.“

Вотъ что про это время разказывалъ отецъ Пименъ и что сообщилъ онъ про тѣ обстоятельства владѣніе которыхъ оказалось неизбежнымъ приступить къ обновленію соборнаго храма въ Угрѣшскомъ монастырѣ.

За монастыремъ издавна состояло въ Москвѣ на Маросейкѣ подворье и несмотря на то что оно было на очень бойкомѣ и выгодномъ мѣстѣ, до того было залущено что приносило всего только 6.500 рублей ассигнаціями. Перестроить его было необходимо; на это было испрошено дозволеніе начальства; приступлено весною 1837 года, а къ концу октября вся работа окончена и подворье вчернѣ готово, но такъ какъ у монастыря не было на что отдѣлать внутренности

зданія, то и было придумано средство — сдать подворье внаймы съ условіемъ чтобы съемщикъ заплатилъ за годъ впередъ. Консисторія предписала чтобы сдѣлана была объ этомъ публикація въ вѣдомостяхъ, чтобы назначены были торги съ переторжкой и происходили въ монастырѣ. Это было въ послѣдней половинѣ октября того же 1837 года. Въ день переторжки, въ исходѣ девятаго часа утра, незадолго до обѣда, совершенно неожиданно пріѣхалъ на Угрѣшу митрополитъ Филаретъ, а потомъ начали съѣзжаться и купцы намѣревавшіеся сдать подворье.

Было ли извѣстно владыкѣ что въ монастырѣ назначено быть переторжкѣ, или пріѣздъ его въ этотъ день только случайно совпалъ съ переторжкой, этого никто не зналъ: онъ самъ не считалъ за нужное что-либо о томъ сказать, а игуменъ конечно не посмѣлъ спросить его. Монастырю неожиданно посчастливилось, ибо подворье, никогда не приносившее болѣе 6.500 р. ассигн., тутъ было вдругъ сдано слѣшкомъ за 15.000 ассигн., а такъ какъ тогда на бумажныя деньги былъ большой лажъ, то и составило это около 20.000 р. ассигн.

Въ это посѣщеніе владыка сказалъ игумену Иларію: „Во всей епархіи вѣдь у меня бѣднѣе и хуже вашихъ церквей.“

Не легко это было слышать игумену, который вполнѣ сознавалъ что сказанное владыкой совершенная истина, потому что какъ Николаевскій соборъ, такъ и Успенская церковь были дѣйствительно весьма ветхи, залущены отъ времени, грязны, черны, бѣдны.

При прежнихъ скудныхъ средствахъ обители (отчасти можетъ-быть и во зло употребляемыхъ предмѣстниками отца Иларія) невозможно было бы и помыслить о какомъ-либо улучшеніи храмовъ, но совершенно неожиданное почти вдвое увеличеніе дохода монастырскаго новою и выгодною сдачей подворья въ аренду облегчало отчасти разрѣшеніе этой трудной задачи, отъ которой отецъ Иларій до сихъ поръ постоянно уклонялся, ссылаясь на скудость средствъ монастырскихъ. Въ сущности, главною причиною его бездѣйствія была не столько бѣдность монастыря, сколько его непреодолимое отвращеніе отъ всякихъ вещественныхъ поличеній, несовмѣстныхъ съ его наклоностію къ подвижнической и созерцательной жизни.

Весьма вѣроятно что владыка вполнѣ похваля и оцѣнивалъ доброе устройство отца Иларія какъ инока (но не какъ

настоятеля) и не вида возможности, по скудости обители, требовать обновленія храмовъ и зданій до тѣхъ поръ молчалъ, но съ увеличеніемъ средствъ онъ какъ бы вдругъ сталъ требовательнымъ и не замедлил высказать игумену свое неудовольствіе.

Послѣ словъ владыки отцу Иларію пошевола пришлось подумать о томъ какъ бы обновить и украсить небольшой и какъ видно когда-то благоулыный соборъ, но отъ времени и вѣдѣнія приходившій почти въ разрушеніе.

Сперва думали соборъ совершенно перестроить и сдѣлать его трехпрестольнымъ, но таковой составленный планъ представленный митрополиту не былъ имъ одобренъ.

— Соборъ самъ по себѣ хорошъ, сказалъ владыка, — его разрушать и замѣнять новымъ не слѣдуетъ; онъ долженъ остаться какъ есть, только измѣненныя палерты которыя его окружаютъ, по моему мнѣнію, надлежало бы отнять и пристроить палерть бѣльшаго размѣра, одну, къ западной части храма, и это дастъ проеторъ и будетъ хорошо.

Нѣсколько помолчавъ онъ прибавилъ:

— Ты обратись къ лицу довѣренному и отъ правительства одобренному, потому что потребуется дѣлать представленіе вслѣдствіе состоявшагося Высочайшаго повелѣнія чтобы древніе храмы не были ни перестраиваемы, ни обновляемы самопроизвольно безъ предварительнаго осмотра и Высочайшаго разрѣшенія. * Это надлежитъ имѣть въ виду чтобъ опрометчивостію нашею, прося разрѣшенія, намъ не получить вмѣсто того отказа и, очень статься можетъ, не безъ замѣчанія, что было бы и тебѣ непріятно, а мнѣ не извинительно.

Губернскимъ архитекторомъ и то время былъ Дмитрій Омичъ Борисовъ, къ нему и обратился игумень Иларій для составленія плана по указанію владыки.

* Высочайшее повелѣніе о неприкосновенности древнихъ храмовъ жосѣдовало (съ 1827, марта 23 и было повторяемо въ 1843, февр. 18 и 26), вслѣдствіе обмолвенія живописи въ одномъ древнемъ соборѣ. „Остатки древнихъ зданій не только не разрушать, но сохранять и поддерживать, и вообще никакихъ древнихъ предметовъ не уничтожать и не измѣнять безъ Высочайшаго разрѣшенія, по резолюціи Его Величества: „Строго подтвердить впредь во всѣхъ подобныхъ случаяхъ ни къ какимъ обновленіямъ древнихъ памятниковъ не приступать безъ Высочайшаго разрѣшенія.“

Планъ составленный Борисовымъ былъ представленъ владыкъ. Онъ внимательно и подробно рассмотрѣлъ его и оставшись имъ доволенъ представилъ его въ Петербургъ на утвержденіе. Такъ какъ тутъ потребовались осмотры, свидѣтельствованія и проч., завязалась продолжительная переписка, дѣло тянулось около трехъ лѣтъ, и начатое въ 1837 году окончилось уже въ 1840 году, когда послѣдовало наконецъ и Высочайшее разрѣшеніе.

Со времени вступленія отца Иларія въ Никола-Угрѣшскій монастырь въ 1834 году и до 1840 года никакихъ значительныхъ построекъ произведено не было, а отъ времени до времени только кое-что поправлялось или поновлялось, и то когда нужно было сдѣлать что-либо подобное, казначей отецъ Пименъ долженъ былъ всегда дѣйствовать весьма осторожно съ игуменомъ, объясняя ему въ чемъ дѣло или испрашивая благословенія, изъ опасенія чтобъ его не разстроить и не нарушить его мира душевнаго, который тотчасъ возмущался когда дѣло доходило до какихъ-либо хлопотъ хозяйственныхъ, въ сущности даже ничтожныхъ и незначительныхъ.

Тутъ уже предстояло дѣло весьма немаловажное, требовавшее опытности, неутомимой дѣятельности и бдительнаго надзора, и не имѣй отецъ Иларій казначеемъ отца Пимена, Богъ знаетъ что бы вышло и чѣмъ бы окончилась перестройка собора.

При малочисленности угрѣшской братіи, кромѣ отца Пимена, къ тому же и казначея, поручить наблюденіе за постройкой собора было совершенно некому, но Пименъ при всей своей готовности служить монастырю былъ молодъ и малосвѣдуецъ по строительной части. Однако игуменъ не усомнился довѣрить ему это дѣло.

Вотъ что отецъ Пименъ самъ разказывалъ про это время: „Когда я припоминаю всѣ тогдашнія обстоятельства, я не могу самъ себѣ довольно надивиться какъ я могъ, при моей неопытности, имѣть довольно отважности чтобы рѣшиться на дѣло очень опасное и которое требовало и терпѣнія и умѣнья. Я сталъ просить отца игумена дозволить мнѣ заняться этимъ дѣломъ, и онъ на это согласился. Ни онъ, ни я, мы ни мало не подозрѣвали какой мы подлежимъ отвѣтственности, такъ какъ постройка должна была происходить съ Высочайшаго разрѣшенія, почему слѣдовательно должно было ожидать строжайшаго и тщательнаго осмотра, что

потомъ дѣйствительно и было. Теперь я сознаюсь чистосердечно что удивляясь своей тогдашней смѣлости взяться за это дѣло, удивляюсь еще болѣе тому что отецъ игуменъ, нисколько не испытавъ моихъ способностей, не усомнился поручить мнѣ, строеніе собора. Это доказываетъ только его довѣріе ко мнѣ, котораго я тогда ничѣмъ не могъ еще заслужить.*

Не считаю нужнымъ входить въ подробный разказъ о перестройкѣ собора, весьма обстоятельно сообщенный архимандритомъ Пименомъ въ его *Воспоминаніяхъ*, потому бытъ-можетъ что въ его жизни это было событіемъ немаловажнымъ и послужило къ великой его пользѣ, вовлекши его въ кругъ дѣятельности дотолѣ совершенно ему чуждый, но для читателя это были бы утомительныя и вовсе не интересныя страницы, и потому ограничиваемся только нѣсколькими строками объ этой продолжительной постройкѣ, длившейся три года.

Соборъ этотъ, во имя святителя Николая (древняя и чудотворная икона котораго * и составляетъ главную святыню Угрьши), когда именно отстроенный неизвѣстно, былъ освященъ при началѣ воцаренія Михаила Феодоровича и на освященіи онаго присутствовалъ и самъ юный царь, 5 мая 1614 года. Иконостасъ, сохранившійся до настоящаго времени, по своему зодчеству дѣйствительно относится къ началу XVII вѣка, и должно полагать что въ то время онъ и былъ вновь устроенъ. Что же касается постройкѣ храма, то по многимъ признакамъ оно относится къ древнѣйшему времени, но такъ какъ въ несчастную для Россіи годину *междоусобицы* монастырь Угрьшскій переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ Русскихъ къ Полякамъ, и былъ занимаемъ то Самозванцемъ, то казаками, и по всей вѣроятности не остался безъ поврежденій, то чрезъ годъ *благополучнаго затишья*, послѣ опустошительной бури *трехлѣтняго безначалія* соборъ и былъ обновленъ и освященъ при молодомъ

* Эта храмовая икона святителя весьма древняя и прославленная многими чудесами, но она ли самая есть та которая явилась надъ сосной великому князю Димитрію Иоанновичу, утвердительно сказать невозможно,—тѣмъ болѣе что монастырь неоднократно горѣлъ, и сохранилась ли явленная икона или погибла, или же была она взята великимъ княземъ Димитріемъ и въ монастырь оставленъ только списокъ—совершенно неизвѣстно.

государь, въ первый разъ посѣтившемъ тогда Угрѣшу, и очень легко быть можетъ что это было первымъ освященіемъ въ его присутствіи *.

Отъ времени, вслѣдствіе нерадѣнія настоятелей, ихъ весьма частой перемѣны, а по отобраніи населенныхъ имѣній у монастырей, по скудости средствъ, соборный храмъ пришелъ въ такую ветхость что пришлось мѣстами разбирать стѣны, на которыхъ оказывались значительныя трещины, но верхніе своды казались прочными и потому думали ихъ оставить въ томъ видѣ какъ они были, нетронутыми. Ихъ ветхость обнаружилась совершенно случайно, и едва при этомъ казначей Пимень не поплатился жизнью; это было въ 1842 году. Осматривая однажды работы, онъ ходилъ по лѣсамъ и съ одной стороны постройки хотѣлъ перейти на другую, причемъ ему пришлось переходить по своду надъ алтаремъ, и вдругъ его нога провисла сквозь сводъ и посыпались внизъ кирпичи. Онъ всталъ благополучно, безъ малѣйшаго вреда, и, какъ онъ рассказывалъ, не очень даже этимъ испугавшись, и продолжалъ еще нѣкоторое время присутствовать при работѣ, пока рабочіе не разошлись обѣдать и отдыхать. Спустя часа два послѣ того вдругъ послышался трескъ и грохотъ, спавшіе рабочіе, многіе изъ братій и казначей послѣшили на стройку и увидѣли что весь наалтарный сводъ обрушился, но къ счастью, рабочіе еще не успѣли возвратиться и потому никто отъ этого не пострадалъ.

Это очень поразило отца Пимена, онъ нѣкоторое время воздерживался отъ хожденія по лѣсамъ, но вскорѣ, забывъ случившееся, сталъ опять полпрежнему смотрѣть за работами и жертвуя своею безопасностію заботился о выгодахъ монастыря и о возможно скоромъ окончаніи перестройки собора.

II.

Благочинный архимандритъ Гавріиль, какъ мы уже упомянули, не расположенный къ игумену Иларію, доложилъ митрополиту что соборъ на Угрѣшѣ вышелъ неудаченъ. Не принимая на себя никакой отвѣтственности за построеніе, владыка представилъ по принадлежности что постройка собора окончена и что онъ проситъ прислать сдѣлать осмотръ.

* Избраніе царево 14 марта 1613, въездъ въ Москву 2 мая 1613.

Наражена была комиссія для ревизіи; прибыли на Угрѣшу два архитектора и академикъ изъ Петербурга, которые все тщательно осмотрѣвъ нашли что все сдѣлано не только правильно и удовлетворительно, но и *что все выполнено какъ нельзя лучше.*

Такъ происки благочиннаго оказались безуспѣшными; владыка успокоившись ободрилъ игумена, который, и безъ того не очень отважный, не мало натрусился, и назначено было быть освященію собора сентября 2го (1848). Наканунѣ этого дня владыка пріѣхалъ въ монастырь поутру. Вышедши изъ кареты онъ прямо направился къ собору; внутри и снаружи стѣны были только выбѣлены, но еще не расписаны. За митрополитомъ направо шелъ благочинный, а по лѣвѣе игумень Иларій и казначей Пименъ. Взошедъ на крыльцо, что съ западной стороны ведетъ на лалерть вновь пристроенную, Филаретъ все окинулъ своимъ быстрымъ оравнымъ взглядомъ и прошедши въ самый соборъ остановился предъ иконостасомъ, опершись рукою на рѣшетку идущую вдоль соеи. Онъ съ большимъ вниманіемъ началъ разсматривать иконостасъ, который былъ оставленъ безъ измѣненій, только вновь позолоченъ. При яркомъ освѣщеніи асаго осеняго утра и окаймленный бѣлыми сводами и стѣнами собора, онъ поражалъ своимъ блескомъ, а древнія большія иконы въ пять ярусовъ, также поповлены, но довольно темныя, какъ обыкновенно бываютъ древнія иконописныя изображенія, рѣзко выдѣлялись между золоченыхъ витыхъ столбовъ и узорчатыхъ подзоровъ. Все это вмѣстѣ произвело на владыку весьма хорошее впечатлѣніе, и подумавшись къ благочинному онъ повторилъ нѣсколько разъ ясно и внятно:

— Хорошо, очень хорошо; а тебѣ какъ кажется, отецъ благочинный, не правда ли что хорошо?.. И рѣшетка очень кстати и умѣстна.

Это замѣчаніе о рѣшѣткѣ было сдѣлано съ намѣреніемъ, потому что благочинный докладывалъ владыкѣ „что въ соборѣ надѣлали какихъ-то рѣшѣтокъ“. Осмотрѣвъ алтарь и выйдя оттуда митрополитъ, остановившись посрединѣ храма, снова сталъ любоваться иконостасомъ и олять повторалъ вслухъ: „воля ваша, а хорошо, очень хорошо“. При обыкновенной умѣренности и сдержанности митрополита въ похвалахъ, эти немногія слова одобренія въ его устахъ были весьма многозначительны.

Вышедши изъ собора, митрополитъ спросилъ игумена:

— А что, какова лѣстница на колокольню?

Игуменъ отвѣтилъ что она нѣсколько крута, но хороша, и владыка направился къ колокольнѣ чтобы посмотреть храмъ во имя Усѣкновенія Главы Иоанна Предтечи, не задолго предъ тѣмъ тамъ устроенный московскимъ куцомъ И. П. Пятицкимъ и котораго владыкѣ еще не довелось видѣть. Предтечская церковь, весьма не великая, съ бѣлымъ иконостасомъ, по мѣстамъ съ небольшими золочеными окаймленіями около оконъ и съ весьма незатѣливыми рѣзными украшеніями, стоила всего-навсего около тысячи лятисотъ рублей и не представляла ничего особенно изящнаго взорамъ владыки. Но владыкѣ довольный соборомъ онъ свисходительно одобрилъ и этотъ малый храмъ и похвалялъ его, къ немалому прискорбію благочиннаго, оказывавшагося лицепріятнымъ въ своихъ показаніяхъ.

Желая наказать его за несправедливое его недоброжелательство, митрополитъ вскорѣ по приходѣ въ келью спросилъ у него: гдѣ всѣ привѣски которыя были прежде на иконѣ и почему онѣ святы и гдѣ одна въ особенности замѣчательная по своей древности цата?

Благочинный, не предчувствуя что надъ нимъ собирается гроза, отвѣчалъ просто:

— Почему же мнѣ знать, владыко святыи, это дѣло игумена, онъ про то знаетъ куда дѣвались привѣски...

— Какъ почему тебѣ знать? строго замѣтилъ митрополитъ,—какой же ты послѣ этого благочинный ежели ты не знаешь и не видишь что у тебя дѣлается въ благочиніи, а видишь то чего вовсе нѣтъ; я тебя подъ судъ отдамъ. Отыщи мнѣ древнюю цату; не игуменъ за нее отвѣтитъ, а ты...

И долго и очень строго ему выговаривалъ, хотя тутъ находилась налицо и самъ игуменъ, но владыка не обращался къ нему съ вопросомъ и замѣчаніями, и все свое неудовольствіе излилъ на благочиннаго, который, въ сущности въ этомъ нисколько не виновный, понялъ что митрополитъ имъ весьма недоволенъ за совершенно иное, а только воспользовался этимъ предлогомъ чтобы наказать его за недоброжелательство.

Митрополитъ потребовалъ всѣ привѣски съ иконы, которыя оказались въ ризницѣ и, разсмотрѣвъ ихъ и указавъ игумену на древнюю цату, сказалъ:

— Берегите, это рѣдкость.

А благочинному прибавилъ, обратясь къ нему:

— Счастливъ ты что цата нашлась; твое дѣло смотрѣть

и знать что дѣлается; а съ тебя бы звискалъ, а не съ него, добавилъ онъ указывая на игумена,—и въ отвѣтъ предъ судомъ былъ бы ты, а не онъ... Помни это.

На слѣдующій день совершилось освященіе возобновленнаго собора; для сослуженія съ владыкою имъ были назначены кромѣ благочиннаго и игумена Иларія, Знаменскій архимандритъ Митрофаній * и игуменъ Перервинскій—Пармень. Обоихъ игуменовъ митрополитъ награждалъ ладанцами и по случаю обновленія храма произнесъ слово **.

Къ вечеру митрополитъ уѣхалъ въ Перервинскій монастырь. Такъ это посѣщеніе владыки, съ злорадствомъ ожидавшагося благочиннымъ, желавшимъ удаленія игумена, для него самого обошлось не совсемъ благополучно, и чашу горечи которую онъ готовилъ другому пришлось испить самому, а къ игумену и къ молодому казначею владыка видимо расположился еще болѣе.

III.

Въ 1847 году Угрѣшу посѣтилъ настоятель Сергіевской близъ Петербурга пустыни архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ, который нѣкогда, будучи назначенъ на Угрѣшу въ игумены, вмѣсто себя предложилъ митрополиту отца Иларія, и только уже тринадцать лѣтъ спустя увидѣлъ ту обитель гдѣ не пришлось ему настоятельствовать. Онъ вслѣдствіе происковъ неблагожелателей и завистниковъ испыталъ непріятности, отчего здоровье его стало разстраиваться и онъ началъ проситься на покой въ Костромскую епархію въ Николо-Бабаевскій монастырь ***. Но достаточно

* Архимандритъ Митрофаній до поступления своего въ монашество былъ священникомъ при церкви Николая Явленнаго что на Арбатѣ; имя его было Михаилъ Лаврентьевичъ Воронцовъ; онъ славился своими проповѣдями и потому въ воскресные и праздничные дни въ церкви бывало всегда множество богомольцевъ.

** Почему-то не напечатанное ни въ одномъ изъ *Собраній рѣчей и словъ митрополита Филарета*. Осталось ли оно въ рукописи?

*** Непріятность испытанная Сергіевскимъ архимандритомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ была слѣдующаго рода. Онъ былъ довольно коротко знакомъ съ находившимся тогда въ Петербургѣ

повредивъ ему, чтобы не опасаться его восхожденія сплпкомъ высоко и влоаятъ сознавая что онъ выдающаяся личность въ средѣ духовенства, его не уволили совершенно на покой, а только дали ему временный отгусъкъ для поправленія здоровья, и онъ проѣзжая черезъ Москву пожелалъ поѣхать отца Иларія въ его обители. Митрополитъ Филаретъ обошелся съ нимъ отменно прлвѣтливо, сдѣлалъ ему самый почетный и радушный пріемъ, неоднократно прижимая его у себя и посѣщая его въ домѣ И. А. Мальцова, гдѣ онъ останавливался, и пригласивъ его къ себѣ на обѣдъ собралъ высшее московское духовенство чтобы его съ нимъ познакомиться. Свиданіе съ отцомъ Игнатіемъ, пробудивъ въ отцѣ Пименѣ воспоминаніе о его юности, объ оставленной имъ родицѣ, внушило ему желаніе лобывать въ Вологдѣ и поглядѣться со своимъ семействомъ. Родителя его въ живыхъ уже не было, но родительница, братья и сестры были еще всѣ живы.

Отпросившись у шугема онъ отправился въ 1848 году на третьей седмицѣ Великаго Поста въ Вологду и по пути

французскимъ посломъ (кажется Барантъ), который пошлдимому къ нему былъ расположено и иногда приглашалъ его къ себѣ обѣдать. Однажды въ числѣ прочихъ обѣдавшихъ у посла гостей былъ какой-то пріѣзжій іезуитъ, который незамѣтнымъ образомъ въ разговорѣ вовлекъ архимандрита въ богословское преліе, довольно долго продолжавшееся и окончившееся только когда всѣ вышли изъ-за стола. Не могу сказать кто въ дѣйствительности одержалъ верхъ въ этомъ богословскомъ состязаніи, но посланникъ и іезуитъ хвалялись тѣмъ что архимандритъ пришелъ въ тупикъ и не зналъ что говорить. Это дошло какими-то путями до государя Николая Павловича, и вѣроятно ему передано еще въ преувеличенномъ видѣ, что конечно не могло не оскорбить его, потому что архимандритъ Игнатій почитался выдающеюся личностью въ духовенствѣ, и вдрутъ про этого человека ходятъ такіе саухи. Государь приказалъ сказать Брянчанцову чтобы онъ къ нему не являлся и запретилъ ему у кого бы то ни было бывать въ Петербургѣ, такъ что Брянчанцовъ долгое время въ Петербургъ вовсе не ѣздилъ, а потомъ весьма рѣдко и даже сталъ избѣгать встрѣчи со знакомыми.

Весьма естественно что подобныя обстоятельства не могли повліять благоприятно на здоровье человека благовоспитаннаго и смиреннаго какъ инока, но самолюбиваго какъ представителя русскаго монашества.

Этотъ разказъ записанъ нами со словъ Софьи Борисовны Полторацкой, лично знавшей отца архимандрита Игнатія.

захватъ навѣстити въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ архимандрита Игнатія и провелъ у него около двухъ сутокъ.

„Отецъ Игнатій мнѣ очень обрадовался, принималъ меня радушно, разказывалъ отецъ Пименъ, и какъ прошли эти двое сутокъ я не видалъ. Бесѣда его преимущественно о монашествѣ, о старчевствѣ и объ извѣстныхъ старцахъ, про которыхъ онъ любилъ говорить и говорилъ хорошо, была въ высшей степени увлекательна. Онъ обладалъ удивительною памятью и перечитавъ много отеческихъ книгъ, умѣлъ воспользоваться читаннымъ и нередко приводилъ на память цѣлыя отрывки изъ того или другаго имъ усвоеннаго творенія Исаака Сиринянина, Иоанна Лествичника, Скитскаго Патерика и иныхъ.

„Я присталъ на гостиницѣ, которая отъ монастыря саженахъ въ двадцати; она каменная, двухъэтажная, весьма хорошая и просторная. Западную сторону монастыря составляетъ длинное зданіе, лицомъ обращенное къ Волгѣ, и въ ономъ совмѣщались въ то время: архіерейскіе покои, кельи настоятеля, братская трапеза, братскія кельи, просфорня, пекарня и прочее. Съ остальныхъ трехъ сторонъ монастырь окруженъ каменною оградой, очень небольшою, съ маленькими по угламъ башенками. Игуменомъ былъ тогда отецъ Феоктистъ, бывшій эконоомъ Московскаго Троицкаго подворья. Церквей въ монастырѣ было только двѣ, первоначальная, каменная, строевая, должно полагать, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, двухъэтажная, пятиглавая, и другая новѣйшаго построенія, судя по вѣвшности, Александровскихъ временъ.“

Послѣ двухдневнаго пребыванія отецъ Пименъ отправился въ Ярославль и оттуда въ Вологду. Преосвященнымъ въ то время тамъ былъ епископъ Евмалій, который имѣлъ ту особенность въ служеніи что совершалъ литургію съ необычною медленностію, такъ что начиная служеніе въ обыкновенное время—часовъ въ десять, онъ оканчивалъ оное весьма различно—въ первомъ часу, во второмъ и въ третьемъ, на что сослужащіе съ нимъ сильно роптали. Принявъ благословеніе отъ преосвященнаго, отецъ Пименъ неоднократно служилъ въ Вологдѣ и ѣздилъ не на долгое время въ Горницкій-Бѣлозерскій женскій монастырь, гдѣ находилась въ числѣ монахинь одна изъ сестеръ его, въ послѣдствіи постриженная подъ именемъ Арсеніи, и посѣтилъ Новозерскій Кирилловъ монастырь, въ которомъ онъ долагалъ начало при игуменѣ

Аркадіи и при жизни архимандрита Теофана, какъ мы уже сказали о томъ выше.

По смерти игумена Аркадія (1847), продолжавшаго поддерживать строгій порядокъ введенный его предшественникомъ и старцемъ, блаженныя ламаты архимандритомъ Теофаномъ (Соколовымъ), по избранію братіи игуменомъ былъ сдѣланъ Теофанъ Комаровскій.

Заимствуетъ отчасти изъ *Воспоминаній* архимандрита Пимена и изъ словесныхъ разказовъ его о посѣщеніи имъ Кириллова Новозерскаго монастыря и подробности о настоятель оного Теофанѣ Комаровскомъ, одновременно съ нимъ бывшемъ тамъ въ 1832 году послушникомъ.

„Комаровскій (Александръ Теодоровичъ), родомъ изъ Бѣлозерскихъ дворянъ, лѣтъ 22 или 23, года съ три уже какъ находился въ монастырѣ. Родительница его жила въ Горницкомъ-Воскресенскомъ монастырѣ что на Бѣлозерѣ, при игуменіи Маврикіи, женщина характера весьма непокойнаго и сварливаго, почему и смиренной игуменіи она была въ тягость и не была за то никѣмъ любима изъ монашествующихъ. Александръ Теодоровичъ напротивъ того имѣлъ характеръ, какъ казалось, самый мягкій, кроткій, смиренный, и такъ какъ онъ былъ весьма ласковъ и услужливъ, то былъ всѣми любимъ и уважаемъ, и не только братіями, но и самимъ игуменомъ Аркадіемъ. Старецъ Теофанъ въ особенноти къ нему благоволилъ, считалъ его своимъ самымъ искреннимъ ученикомъ; видимо отличалъ его ото всѣхъ прочихъ, и глядя на его приближенность къ старцу и дерзновеніе и особое того къ нему расположеніе, невольно бывало ему позавидуешь и подумаешь про себя: „экой какой счастливецъ, какъ старецъ его любить!“ Многіе про него говорили что онъ со временемъ будетъ для обители вторымъ старцемъ Теофаномъ, и будь онъ не такъ молодой, его готовы были бы избрать себѣ въ настоятеля,—таково было къ нему всеобщее расположеніе братіи и такъ объ немъ всѣ разумѣли. Въ послѣдствіи времени это всеобщее желаніе видѣть его начальникомъ обители дѣйствительно и осуществилось, но только не на пользу для него самого, къ явному вреду благоустроенной обители и къ великой скорби всей братіи, къ которой онъ видимо измѣнился. Всѣхъ старшихъ братій стоявшихъ за прежній порядокъ и напоминавшихъ ему объ ономъ онъ сталъ преслѣдовать и мало-по-малу

изъ монастыря вытѣсвилъ; окружилъ себя людьми неблагонадежными и неодобрительнаго поведенія, но выигравшими въ его глазахъ тѣмъ что ему лотакали, и чрезъ это въ непродолжительное время обитель Новозерская до того разстроилась и измѣнилась что ее и узнать стало невозможно.

„Когда чрезъ шестнадцать лѣтъ послѣ моего выхода изъ Новозерскаго монастыря я посѣтилъ его, и Комаровскій былъ уже игуменомъ Теофаномъ, я не нашелъ въ немъ, къ крайнему моему сожалѣнiю, ни единой черты которая могла бы мнѣ напомнить того юношу чей привлекательный образъ сохранился въ моемъ воспоминанiи. вмѣсто благообразнаго и смиреннаго юноши съ бѣлокурыми волосами, съ перваго взгляда къ себѣ неволью каждаго располагавшаго, я увидѣлъ предъ собою сорокалѣтняго мужчину весьма отучившаго, всѣ черты какъ-то огрубѣли, волосы порыжѣли, голосъ, мягкiй и прiятный, сдѣлался рѣзкимъ и хрилымъ и во всѣхъ движенiяхъ и приемахъ проглядывало что-то жесткое, самоувѣренное и весьма непрiятное. Словомъ сказать, не было и тѣни того милаго, смиреннаго и ласковаго юноши котораго я оставилъ.

„За нѣсколько дней до моего приѣзда только-что окончилась Алексѣевская ярмарка (17 марта), съ которой сборъ бываетъ преимущественно мѣдными деньгами.

„Когда я пришелъ посѣтить игумена отца Теофана, онъ былъ занятъ повѣркою ярмарочной выручки: въ одной изъ комнатъ игуменскихъ келiй на полу были разсыпаны мѣдные деньги, и четыре послушника нагнувшись надъ кучею считали. На столѣ стояла грибная закуска и графинъ съ водкой. Отецъ Теофанъ встрѣтилъ меня довольно прiвѣтливо, не скажу чтобъ обнаружилъ особое удовольствiе послѣ столь долгаго времени что мы съ нимъ не видѣлись, но обошелся прiлично; это все что можно сказать, а совсѣмъ не такъ радушно и ласково какъ бы слѣдовало ожидать по его прежнему прiвѣтливому обхожденiю.

„Мы тутъ же усѣлись и занялись разговоромъ, который послушники то и дѣла что прерывали подхода къ игумену и прося его благословенiя *подкрѣпиться*, иными словами, выпить водки, жалаясь что у нихъ *считаютъ* заболѣвала олимп, и отецъ Теофанъ соизволялъ...

„Меня ужасно коробило глядя на эти продѣлки, и сперва я дѣлалъ видъ что не вижу этихъ питуекъ, но какъ я ни крѣпился,

однако не вытерпѣлъ, мнѣ противна стала эта пошлая комедія и въ особенности досадно на игумена что онъ былъ въ ней участникомъ, и потому насколько могъ спокойно скавалъ ему:

„— Зачѣмъ это, отецъ игумень, дѣлаете вы такіа послабленія и позволяете въ этихъ кельяхъ ставить водку? Помните ли вы какъ строго относился къ этому блаженнаго памяти старецъ Теофанъ который здѣсь жилъ; съ какими благоговѣніемъ переступали мы его порогъ? Бывало придешь къ двери и со страхомъ и трепетомъ берешься за скобку, тихонько сотворишь молитву; гдѣ страхъ тамъ и благочестіе. И въ этихъ-то самыхъ кельяхъ, гдѣ жилъ старецъ Теофанъ, вы теперь позволяете пить водку!

„Мое замѣчаніе повидимому не совсѣмъ-то понравилось игумену, и онъ мнѣ довольно рѣзко на это сказалъ:

„— На все есть свое время, и что было хорошо и возможно тогда, того не можемъ мы требовать теперь: не должно возлагать на слабого бремена неудобноносимыя... Что всякое излишество предосудительно, этого я не отрицаю и съ вами спорить не стану, но всегда скажу что по моему несравненно терпимѣе слабость чѣмъ высокоуміе: кто ничего не льетъ, тотъ часто этимъ гордится, а кто испиваетъ тотъ лучше смиряется, зная свою немощь...

„— Конечно это въ вашей волѣ... Поставить вино было очень легко, и вы едва ли встрѣтили въ этомъ сопротивленіе, но попробуйте-ка теперь убрать его, такъ вотъ и увидите что выйдетъ. Вы этимъ поколеблете всю обитель до основанія.

„Мои слова къ сожалѣнію осуществились.

„Послѣ этого свиданія съ отцомъ Теофаномъ намъ не суждено было болѣе свидѣться.

„Главныя отступленія его отъ устава прелодобнаго Кирилла и отъ постановленій старца Теофана, предъ которымъ и онъ самъ, казалось, такъ благоговѣлъ, состояли въ слѣдующемъ: 1) въ несоблюденіи устава церковнаго, за чѣмъ весьма строго слѣдили и старецъ Теофанъ и игумень Аркадій, не допускаяшіе никакихъ сокращеній и отступленій; 2) въ невнимательности къ жизни и нравственности братіи, и 3) наконецъ въ допущеніи въ обители винопитія, строго воспрещеннаго основателемъ ея прелодобнымъ Кирилломъ и преслѣдовавшагося старцемъ Теофаномъ, обновителемъ оной, строгость которую, казалось, надлежало бы и ему усвоить, такъ какъ былъ и самъ воспитанъ въ этомъ духѣ.

„И вслѣдствіе всѣхъ сихъ отступленій мало-по-малу братія стала отступать отъ прежнихъ устоявленій, что повлекло за собой всеобщую распущенность, оскуднѣніе средствъ и уладокъ обители.“

Феофанъ Комаровскій былъ потомъ однако сдѣлавъ архимандритомъ и переведенъ въ большой Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь, который тоже подъ его управленіемъ сталъ приходить въ уладокъ. Но имѣя связи и сильныхъ покровителей онъ шелъ впередъ и подымался выше, такъ что былъ переведенъ въ Соловецкій монастырь и здѣсь довелъ себя до того что наряжено было сѣдствие, которое окончилось бы для него весьма неблагопріятно, но большой карбукулъ образовавшійся у него на спивѣ положилъ конецъ его жизни прежде нежели ему было объявлено состоявшееся о немъ въ Свѣтѣшнемъ Синодѣ рѣшеніе. *

Въ Лавареву субботу отецъ Пименъ возвратился изъ своего путешествія въ свой монастырь на Угрьшу.

IV.

Повѣдка отца Пимена на родину не обошлась для него безъ прискорбныхъ послѣдствій, ибо отсутствіемъ его воспользовался одинъ изъ приближенныхъ къ нему братій чтобы повредить ему въ глазахъ настоятеля; по крайней мѣрѣ онъ желалъ поколебать его довѣріе къ отцу Пимену, имѣя въ виду занять его мѣсто. Онъ старался внушить отцу игумену что казначей поѣхалъ де не просто на родину чтобы только повидаться со своими родственниками, ищетъ де себѣ другаго мѣста, будучи недоволенъ своимъ на Угрьшѣ и добивается даже быть гдѣ-нибудь настоятелемъ. Передавалъ онъ это игумену не какъ обвиненіе, а какъ бы съ удивленіемъ и съ сожалѣніемъ что Пименъ недоволенъ его милостями и что онъ желаетъ еще большаго, тогда какъ и то что

* Постановлено было отставить его отъ должности, быть ему въ числѣ братій и съ запрещеніемъ священнослуженія. Объявленіе сего рѣшенія дошло въ Соловецкій монастырь, по случаю осенняго времени, уже послѣ его кончины, посаждовавшей дѣйствительно отъ карбукула, а совѣтъ не отъ того чтобъ онъ ее ускорила, какъ некоторые полагаали.

въ дѣйствительности уже имѣеть далеко превосходить его заслуги и т. п. Отецъ Иларій, какъ и всегда бываетъ съ людьми правдивыми и немыслящими никому зла, былъ излишне довѣрчивъ и, не предполагая даже и возможности чтобы кто-нибудь рѣшился изъ своекорыстной цѣли наговоривать на ближняго и искренняго своего, все что было ему говорено про Пимена принималъ за истину и не мало смутился мнимою неблагодарностью его къ нему самому и ко святой обители.

Когда отецъ Пименъ возвратился, отецъ Иларій сперва ему обрадовался, но вскорѣ послѣ того сталъ чувствовать какую-то неловкость въ его присутствіи и видимо началъ его избѣгать. Пименъ сначала этого не замѣтилъ, и зная неровность характера игумена, думалъ что онъ чѣмъ-нибудь разстроенъ, нисколько не подозрѣвая что тотъ изъ братіи котораго онъ считалъ къ себѣ расположеннымъ строить ему такіе ковы и старается подставить ему ногу чтобы вынудить его выдти и завладѣть его мѣстомъ, какъ это въ послѣдствіи оказалось. Отецъ Иларій со своей стороны, ежедневно ожидая что вотъ-вотъ казначей придетъ къ нему откланиваться и объявить что хочетъ выдти изъ монастыря, былъ насторожѣнъ, дулся на него и видимо тяготился его присутствіемъ и потому по возможности избѣгалъ оставаться съ нимъ наединѣ, какъ будто даже чего-то опасаясь. Въ прежнее время онъ часто заживалъ въ келью казначея, и ежели тотъ пьетъ чай, онъ садится у него и скажетъ: „Ну-ка, угости чайкомъ“ или: „хорошо бы сварить кофейку“. Послѣ же возвращенія Пимена игуменъ ни разу не заходилъ къ нему и у себя не оставлялъ его пить чай. Мало-по-малу глаза у Пимена открылись, и онъ, увѣрившись что есть дѣйствительная перемѣна въ обращеніи съ нимъ игумена, сталъ себя допрашивать: ужъ не подаль ли онъ самъ ему повода къ неудовольствію? Но такъ какъ его совѣсть была совершенно чиста и онъ не зналъ никакой вины за собой, то и рѣшилъ наконецъ не обращать вниманія на перемѣну къ нему игумена и продолжалъ жить и дѣйствовать попрежнему, а наговорщикъ, видя что его ковы ни къ чему не повели, нашель какую-то причину, изъ монастыря вышелъ и поступилъ въ другой. Послѣ его выхода, въ обращеніи игумена стала замѣтна нѣкоторая перемѣна: онъ попрежнему иногда дѣлался довѣрчивъ и откровененъ какъ бывало и до того, но потомъ

олять какъ будто спокваившись начиналъ избѣгать отца Пимена и обнаруживалъ неловкость и неудовольствіе въ его присутствіи. Такія отношенія между игуменомъ и его казначеемъ, одинаково томительныя для того и для другаго, продолжались около года. Наконецъ Пимень, увидѣвъ удобное время, совершенно неожиданно спросилъ игумена:

— Скажите, батюшка, чѣмъ вы недовольны мною и въ чемъ я заслужилъ ваше неудовольствіе что вы меня избѣгаете и чуждаетесь? я желалъ бы это знать. Ежели я въ чемъ невольно васъ оскорбилъ, скажите мнѣ, и я поживюсь, если же вы желаете чтобъ я вышелъ, то такъ мнѣ и объявите напрямикъ безъ дальнихъ околичностей—ищи молъ себѣ другое мѣсто, а мнѣ ты не нуженъ.

Игумень, никакъ не ожидавшій что Пимень такъ просто и прямо, безо всякихъ обиняковъ, сдѣлаетъ ему такой допросъ, очень смутился, замаялся и не нашелся что отвѣчать, а только пробормоталъ едва слышно:

— Да что ты, отецъ казначей, съ чего ты это взялъ... я ничего, это тебѣ такъ показалось... ты ошибаешься...

— Нѣтъ, батюшка, не ошибаюсь я и не показалось мнѣ, потому что прошло не мало времени, чуть ли не годъ что я вижу въ васъ перемѣну. Прошу васъ, сдѣлайте милость, скажите мнѣ чѣмъ я могъ васъ оскорбить, а если я вамъ не нуженъ, то отпустите меня.

— А что, развѣ ты мѣстечко уже приискалъ себѣ и здѣсь не хочешь болѣе оставаться? спросилъ игумень.—Ты ужъ лучше не лицемерь, и прямо скажи что не хочешь здѣсь оставаться...

— Какъ же могу я это вамъ сказать, когда и не думаю отсюда выходить.

Игумень посмотрѣлъ на Пимена съ удивленіемъ.

— Какъ не думаешь, когда ты для этого и въздилъ въ Вологду? Вѣдь ты былъ же недоволенъ мною и монастыремъ, такъ ужъ лучше покончи разомъ.

— Я этого и въ помышленіи никогда не имѣлъ, отвѣчалъ Пимень съ неменьшимъ удивленіемъ.—Да кто же могъ вамъ это сказать, батюшка, прошу васъ, скажите чтобъ я зналъ кто это насъ старается поссорить.

— Ну, не все-ли равно кто бы это мнѣ ни сказалъ, отвѣтилъ игумень, избѣгая прямого отвѣта на вопросъ казначея.

— Нѣтъ, я прошу васъ, настаивалъ Пимень,—надобно изобличить клеветущаго оглокольника...

— Его теперь уже нѣтъ въ монастырѣ, онъ вышелъ, такъ тебѣ его имени и знать не нужно.

— А! воскликнулъ отецъ Пименъ, — теперь я знаю кто мнѣ эту службу сослужилъ... Спаси его Господи, добромъ заплатилъ онъ мнѣ за мое къ нему расположеніе. И вы, батюшка, зная меня столько времени, повѣрили новому человѣку что онъ про меня вамъ наговаривалъ.

— Прости, Господа ради, а даже очень на тебя оскорбился... но ежели ты меня увѣряешь что ты не думалъ выходить... и не искалъ настоятельскаго мѣста...

— Вотъ еще что! А вы всему этому и повѣрили... Благодарствуйте, батюшка... признаюсь вамъ, я отъ васъ этого никакъ не ожидалъ... Такъ онъ вамъ сказалъ что я недоволенъ вами и хочу уйти съ Угрьши?

— Сказалъ, отвѣтилъ нехотя игумень.

— Что я желаю настоятельства, продолжалъ допрашивать Пименъ, — онъ говорилъ вамъ это?

— Говорилъ... да, кажется... отвѣтилъ игумень заливаясь и чувствуя что онъ проговаривается и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣстясь признаться что повѣрилъ наговору.

— Ну а еще что онъ вамъ на меня напелелъ, приставалъ отецъ Пименъ, — вижу что вы не все высказываете...

— Да нѣтъ же, ничего, такъ пустое...

— А что именно, надобно же мнѣ знать, вѣдь это меня касается...

— Ничего... только еще про книги, да я не вѣрю.

— А что такое про книги, про какія книги?

— Про расходныя, чуть слышно выговорилъ игумень. — Онъ говорилъ...

— Что же, что я ихъ не такъ веду что ли... Это говорилъ онъ вамъ?

— Ну да, и это...

— А! вотъ видите ли... Въ чемъ же видите онъ меня?

Этотъ разговоръ неоднократно передавалъ архимандритъ Пименъ пишущему эту біографію, но не заблагодарсудилъ помѣстить въ свои *Воспоминанія*.

„Видно было, разказывалъ отецъ Пименъ, — что игумену было совѣстно предо мною что онъ такъ легко повѣрилъ наговору, и наконецъ онъ все мнѣ высказалъ что было ему на меня наговорено. Его хотѣли увѣрить что я нѣкоторыя поправки и поправки записывалъ по три раза, въ доказательство

указывали на какое-то окно, которое дѣйствительно было упомянуто въ расходныхъ книгахъ три раза, ибо за него платили каменщику, штукатуру и плотнику, но обвинявшій меня или самъ не сообразилъ этого, или умышленно не объяснилъ этого отцу игумену, который не выкрикнувъ въ дѣло повѣрилъ обвиненію и залодозрилъ меня въ недобросовѣстности.

„Признаюсь что это повидимому незначительное обстоятельство меня глубоко уязвило, и я не столько скорбѣлъ на оклеветавшаго меня сколько на игумена, который зная меня и видя труды мои и старанія для обителя могъ повѣрить пошлымъ и хитрымъ обвиненіямъ челоѣка желавшаго вытѣснить меня изъ монастыря, и долгое время я не могъ придти въ себя, пересилить и быть съ отцомъ игуменомъ въ прежнихъ отношеніяхъ.“

Нельзя не сказать къ чести отца Пимена что хотя овъ и не забылъ обиды причиненной ему оговорившимъ его братомъ, но никогда ему объ этомъ не намекалъ, остался съ нимъ *повидимому* въ прежнихъ отношеніяхъ, отдавалъ ему полную справедливость въ его хозяйственной распорядительности, и въ послѣдствіи времени, когда по своей дружественной близости съ преосвященнымъ Леонидомъ имѣлъ возможность повредить ему, никогда не думалъ отплатить ему зломъ за зло и при свиданіи всегда бывалъ съ нимъ привѣтливъ и оказывалъ ему радушное гостепріимство.

Будучи весьма откровененъ съ преосвященнымъ Леонидомъ и часто разказывая ему многое изъ своего прошедшаго, отецъ Пимень никогда не упоминалъ ему о разказаномъ нами обстоятельствѣ, касавшемся челоѣка зависѣвшаго отъ преосвященнаго; вѣроятно изъ опасенія поколебать его къ нему довѣріе и чрезъ то повредить своему бывшему собрату въ умѣ непосредственнаго его начальника, весьма строго преслѣдовавшаго всякое лукавство, ложь и въ особенностяхи искательство и клевету.

V.

Къ 1849 году относится знакомство отца Пимена съ женой Павла Матѣевича Александрова, принявшаго такое дѣятельное участіе въ положеніи Угрѣшской обители и чрезъ то имѣвшаго и на судьбу Пимена большое вліяніе.

Вотъ что самъ отецъ Пимень разказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ приспомятаемомъ для Угрѣши днѣ.

„Мая 9 1849 года, день былъ жаркій и прекрасный; предъ обѣдню прѣѣхала къ намъ въ монастырь Марья Григорьевна Александрова, жена мануфактурь-совѣтника Павла Матвѣевича. Она прѣѣхала съ одною изъ своихъ родственницъ, старушкой Елизаветой Ивановной, въ дормезѣ въ шесть лошадей, и такъ какъ гостиницы при монастырѣ тогда не было, то пристала у меня въ кельяхъ. Александровой было въ то время съ чѣмъ-нибудь лѣтъ пятьдесятъ; она была средняго роста, довольно тучная, лицомъ нѣсколько смуглая и весьма некрасивая наружностію. Отецъ ея былъ Персіянинъ по происхожденію, а мать, по имени Софія, Русская. Они имѣли сына Андрея и трехъ дочерей. Жена Григорія умерла; старшая изъ дочерей, Татьяна, вышла замужъ за штатнаго служителя Богоявленскаго московскаго монастыря, а вторая—Марья, будучи всего тринадцати лѣтъ отъ роду, выдана была за одного сельскаго причетника Звенигородскаго уѣзда. Онъ былъ лѣтъ сорока, во второй разъ уже вдовый, имѣлъ пятерыхъ дѣтей; былъ высокаго роста, рыжій; человекъ добрый, но очень скудный средствами. Проживъ въ замужествѣ не болѣе года Марья овдовѣла и возвратилась жить въ Москву, гдѣ и познакомилась съ купцомъ Александровымъ. Онъ былъ тогда еще молодыхъ лѣтъ, человекъ весьма достаточный средствами и прекрасный собою. Вступивъ въ самыя близкія отношенія съ молодою вдовой онъ вознамѣрился было жениться на ней, но мать Александрова, старуха весьма настойчиваго характера, объ этомъ и слышать не хотѣла, такъ что во все время ея жизни связь Александрова съ Марьей Григорьевной не могла быть освящена бракомъ, и уже только послѣ кончины матери Александровъ женился наконецъ на своей давнишней пріятельницѣ.“

Александрова обѣдала у казначея въ кельи и просила его чтобъ онъ ее всюду выводилъ. Прѣѣздъ ея въ монастырь въ день храмоваго праздника могъ бы показаться обременительнымъ для казначея въ другомъ монастырѣ, такъ какъ ему приходилось съ нею заниматься исключительно, но при тогдашнемъ состояніи Угрѣши, и въ самый праздникъ не особенно посѣщаемой богомольцами, отецъ Пименъ не былъ въ большомъ затрудненіи что ему приходилось угощать случайную гостью, а удовлетворить ея любознательству и всюду ее выводить было весьма легко, потому что кромѣ теллой Успенской церкви, которой она еще не видала, и вести ее было некуда.

Въ какомъ состоянiи была въ то время Успенская церковь мы говорили уже о томъ выше: тѣсна, бѣдна, грязна, а другой теплой церкви не было. Вѣроятно состоянiе этой церкви поразило и почитательницу и она спросила казначея:

— А гдѣ же бывають у васъ раннiя обѣды? какъ бы удивляясь что въ такой церкви служить.

— Кромѣ этой у насъ еще теплаго придѣла нѣтъ, отвѣчалъ Пимень,—а потому зимой саужится всего только одна литургiя, а ранней вовсе не бываетъ.

— Ну, а это что же такое? спросила Александра указывая на дверь съ лѣвой стороны церкви.

— Это просто чуланъ для дровъ, отвѣчалъ отецъ Пимень и отворилъ дверь.

— Нельзя ли бы вотъ здѣсь сдѣлать престолъ? спрашивала почитательница.

— Да отчего же нельзя, сказалъ ей въ отвѣтъ казначей, нисколько не сообразивъ что на пространствѣ четырехъ квадратныхъ аршинъ никакого алтаря сдѣлать невозможно.

Но желанiе его имѣть еще теплую церковь было такъ велико что онъ и не подумалъ объ этой несообразности радуясь мысли что будетъ гдѣ служить раннюю литургiю.

— Когда вы будете въ Москвѣ, сказала Александра,—прошу васъ побывайте у насъ, мы квартируемъ въ Пѣвческой у Космы и Дамiana въ домѣ Касаткина болѣе двадцати лѣтъ; спросите только гдѣ мы живемъ, и вамъ всякій укажетъ куда пройти, насъ всѣ тамъ знаютъ.

Дѣйствительно Александровы въ свое время были известные люди не только въ Пѣвческой, но и во всемъ торговомъ мiрѣ. Павелъ Матвѣевичъ слылъ за человѣка весьма богатаго, считавшагося однимъ изъ крупныхъ капиталистовъ Москвы. Онъ былъ единственнымъ сыномъ одной купеческой вдовы, по имени Прасковьи Федоровны Александровой, оставшейся по смерти мужа молодой лѣтъ съ малолѣтнимъ сыномъ. Она вела торговлю краснымъ товаромъ при помощи *лодобушниковъ*, *вадившихъ* по городамъ и домамъ, и таковыхъ *разношниковъ* она содержала до *семидесяти* человѣкъ, потому что дѣлала большiе обороты...

Александровъ былъ человекъ весьма умный, дѣятельный, оборотливый и который въ жизни не разъ испытывалъ превратности судьбы, но будучи одаренъ рѣдкою силой воли онъ умѣлъ выходить изъ самыхъ затруднительныхъ и стѣсненныхъ

обстоятельствъ, и когда другіе считали его накануне совершенной несостоятельности, онъ къ великому удивленію всѣхъ выходилъ побѣдителемъ изъ временнаго затрудненія и еще болѣе прежняго расширивъ кругъ своей дѣятельности.

Онъ имѣлъ сукожную фабрику устроенную имъ въ Калужской губерніи, въ Мещовскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Александра Андреевича Рябицина. Большую часть своихъ суковъ онъ ежегодно отправлялъ въ Китай, такъ что сбытъ его доходилъ иногда до двадцати тысячъ половинокъ.

Посѣщеніе Александровой и приглашеніе ею отца Пимена къ себѣ чрезвычайно его обрадовали, подавая ему много надеждъ на будущее. Когда онъ проводилъ гостя за святые ворота до ея кареты, онъ возвратился къ себѣ въ келью въ самомъ радостномъ настроеніи духа и началъ обдумывать какъ поладить передать отцу игумену о предложеніи Александровой устроить на Угрьшѣ еще теплый храмъ, ибо зная отвращеніе игумена отъ всякихъ построекъ онъ сталъ опасаться чтобы тотъ какъ-нибудь не вздумалъ тутъ воспрепятствовать... И потому не безъ нѣкотораго опасенія лошемъ онъ послѣ вечера къ игумену и какъ умѣлъ лучше такъ и сообщилъ ему что вотъ дескать Александра вызывается дать денегъ на устроеніе теплаго придела, гдѣ бы зимой можно было служить ранаія литургіи.

Къ крайнему удовольствію Пимена игумень нисколько не воспротивился предложенію Александровой, напротивъ принялъ даже съ радостію и только замѣталъ мимоходомъ:

— Охъ, опять это будетъ возня и ломка у насъ, мусоръ и всякая нечистота...

— Вы на этотъ счетъ не безлокойтесь, батюшка, отвѣчалъ казначей успокоительно,—это вѣдь не соборъ, того что тогда было теперъ уже быть не можетъ, это только небольшая передѣлка... Можетъ-быть намъ и Успенскую церковь они же поковать.

— Хорошо бы коца такъ, сказалъ игумень,—но только самъ ты и хлопочи обо всемъ, а меня ужь сдѣлай милость избавь отъ всѣхъ этихъ хлопотъ и денегъ не прося...

VI.

Нѣсколько дней спустя отецъ Пименъ отправился въ Москву и посѣтилъ Александрову. Марья Григорьевна занимала главную половину дома, т.-е. парадныя комнаты, а мужъ ея имѣлъ всего двѣ комнаты, изъ нихъ одна была его спальная, а другая контора. Мужъ и жена жили отдѣльно, хотя и въ одномъ домѣ, каждый имѣлъ свою прислугу и свои особые часы для обѣда, чая, потому что Александровъ былъ уже давно въ разслабленіи; сперва его водили къ обѣду на половину Марьи Григорьевны, но потомъ ему и это сдѣлалось въ тягость и онъ почти безвыходно сидѣлъ и лежалъ у себя въ комнатѣ

Александрова встрѣтила отца Пимена привѣтливо и тотчасъ объяснила ему что ей давно желалось въ какомъ-нибудь монастырѣ устроить придѣлъ во имя преподобной Маріи Египетской, ея ангела, что она съ этою цѣлю была на Перервѣ и въ Екатерининской пустынѣ, но что ни та, ни другая ей не припались по мысли, а Угрѣша ей нравится и она желала бы тамъ осуществить свое давнишнее желаніе и готова на это употребить до пяти тысячъ рублей.

Начали переговоры объ устроеніи новаго придѣльнаго храма. Отецъ Пименъ бывая довольно часто у Александровой мужа ея ни разу не видалъ. Такъ прошло все лѣто, осень и наступила зима. Планъ на предполагаемый придѣлъ былъ составленъ, представленъ владыкѣ, имъ одобренъ и утвержденъ, и послѣ этого стали заготовлять матеріаль.

Въ началѣ зимы 1850 года, когда однажды вечеромъ отецъ Пименъ сидѣлъ за чаемъ у Марьи Григорьевны, въ комнату вошелъ человекъ и доложилъ что Павелъ Матвѣевичъ проситъ отца казначея пожаловать къ нему.

Отецъ Пименъ къ нему отправился...

„Я пришелъ къ нему, разказывалъ онъ; комната была довольно просторная, въ два окна; вся мебель была очень хорошая, но давнишняя, и какъ это въ прежнее время водилось, изъ краснаго дерева: конторка, шкафъ, столъ, два, три стула и кровать съ высокими щитками. Самъ Александровъ сидѣлъ въ старинномъ бѣломъ креслѣ съ позолотою. Больше семнадцати лѣтъ онъ былъ уже въ разслабленіи и когда не лежалъ то сидѣлъ въ этомъ креслѣ, а ходить онъ не могъ;

его велили подѣ руки и ноги ему передвигали, потому что самъ онъ не могъ ихъ двигать. Онъ былъ лѣтъ шестидесяти, средняго роста, весьма тучный, съ круглымъ и бѣлымъ лицомъ, нависшими бровями и съ головою почти безъ волосъ. Не смотря на свое болѣзненное состояніе Александровъ ежегодно два раза ѣздилъ въ Брынѣ (Калужской губ.) гдѣ была его суконная фабрика и при тѣлесномъ своемъ убожествѣ сохранялъ всѣ умственныя способности и такую имѣлъ твердую память что помнилъ куда въ своей конторкѣ какое письмо или бумагу велѣлъ положить. Познакомившись съ Александровымъ: отецъ Пименъ въ скоромъ времени съ нимъ весьма сошелся и оба они другъ друга очень полюбили: и тотъ и другой были отъ природы люди умные, не получившіе образованія, но сами себя образовавшіе и потому умѣвшіе цѣнить и понимать другъ друга.

Это сближеніе Александра съ отцомъ Пименомъ тѣмъ еще болѣе удивительно что онъ былъ весьма предрасположенъ противъ монашествующихъ и даже старался избѣгать ихъ.

Онъ говаривалъ въ послѣдствіи отцу Пимену:

— Знаешь ли что я тебя опасался.

— Отчего же это такъ?

— А вотъ отчего, оттого что ваша братія монахи все ханжаты, да калячатъ, выраниваютъ, а ужъ въ особенности настоятели, всѣмъ бы готовы завладѣть, что ни дай имъ все имъ мало, ничѣмъ не бываютъ довольны.

Несмотря, однако, на такое неблагоприятное мнѣніе о монашествѣ, Александровъ слыша иногда отъ жены своей въ разговорѣ: „отецъ Пименъ или отецъ казначей“, однажды сказалъ ей: „Да приведи ты мнѣ когда-нибудь своего монашка, покажи мнѣ его кто такой, познакомъ съ нимъ“.

Марья Григорьевна этимъ воспользовалась, и въ первый разъ что послѣ того былъ у нея Пименъ она и послала о томъ мужа своего уведомить, вслѣдствіе чего онъ велѣлъ звать къ себѣ отца казначея. Несмотря на скудость тогдашнихъ средствъ (при залуценности монастырскихъ зданій) отецъ Пименъ былъ весьма остороженъ и никогда ни у кого ничего не выпрашивалъ; онъ говаривалъ:

— Просить никогда ничего не проси для монастыря, вы-сказывай, ежели представляется удобный случай, какія монастырь имѣетъ нужды, но отнюдь не вымогай ничего, этимъ только можешь отбить охоту у желающаго что-нибудь

сдѣлать; гораздо же лучше предоставить каждому сдѣлать по своему желанію и по усердію съ охотою что Богъ ему по сердцу положить, нежели по нашей усиленной просьбѣ и можетъ-быть даже и съ досадою, потому только что мы выклянчили.

И дѣйствительно отецъ Пимень всегда такъ и дѣйствовалъ. Бывали и такіе случаи что онъ отказывался принять предлагаемое чтобы не подать именно повода сказать что *монахи попрошайки*. Такъ однажды одна очень достаточная вдова изъ купечества собиравая поступить въ монастырь *наказывала* ему мебель изъ краснаго дерева на цѣлую гоставую, онъ не захотѣлъ принять.

— Нѣтъ, благодарю васъ покорно, я не приму, пожалуй еще скажутъ ваши родственники что я васъ обираю.

— Усердно прошу васъ, батюшка, примите, у васъ такая плохенькая мебель, эта все-таки лучше будетъ, утѣшите меня, примите...

— Вы лучше ее продайте, вамъ деньги въ монастырь пригодятся.

— Я продавать ее не намѣрена, а желаю подарить и именно вамъ...

Но Пимень настоялъ на своемъ и такъ и не принялъ.

Можетъ-быть именно эта-то сдержанность отца Пимена въ его отношеніяхъ съ Александровымъ такъ и расположила того къ нему и была причиною что Александровъ сдѣлалъ для Угрѣши несравненно болѣе нежели сколько отецъ Пимень рѣшился бы у него просить.

VII.

Въ 1850 году мая 1, следовательно послѣ уже того какъ Александровъ познакомился съ отцомъ Пименомъ, совершили на Угрѣшѣ закладку предполагаемаго прѣдѣла прелодобной Маріи Египетской, въ теченіе лѣта успѣли все выстроить вчернѣ, а къ декабрю мѣсяду покрыли.

Декабря 1 Александровъ прѣѣхалъ на Угрѣшу, гдѣ до того времени никогда еще не бывалъ, и посѣтивъ церковь и осмотрѣвъ сдѣланное остался всѣмъ доволенъ и обратившись къ жентъ тутъ же въ церкви сказалъ ей:

— Ну, благодарю тебя, другъ мой, ты свое дѣло сдѣлала, а теперь позволяю уже распорядиться и мнѣ самому.

И съ этого времени сталъ онъ благотворить Угрюмскому монастырю, и въ такой мѣрѣ въ какой онъ не благотворилъ никакому другому монастырю, хотя онъ жертвовалъ и во многіе и строилъ и украшалъ храмы. Но при случаѣ скажемъ что хотя его пожертвованія на Угрюму и были весьма значительны, однакоже далеко не достигаютъ той цифры какъ нѣкоторые предполагаютъ, желая этимъ укорить отца Пимена и доказать что можно было сдѣлать больше нежели сколько сдѣлаю на такую сумму, какую пожертвовалъ Александровъ.

Какую же сумму пожертвовалъ онъ?

Одни говорятъ *одинъ миллионъ* р. сер., другіе—*два миллиона*, третьи—*три миллиона* ассигнаціями, то-есть около 900 тѣс. сер., но и это несправедливо.

По самымъ достовернымъ счетамъ оказывается что съ 1849 по 1858, когда послѣдовала кончина Александрова, имъ пожертвовано въ равное время до *трехсотъ тысячъ* р. сер. на постройку, ризы иконъ и обновленіе храмовъ, и по завѣщанію его купленъ для монастыря доходный домъ въ Москвѣ (на Таганкѣ) за 110.000 р. сер.

Слѣдовательно Александровымъ пожертвовано только въ половину столько сколько предполагали называвшіе наименьшую цифру.

Преувеличенность эту мы приписываемъ двумъ побужденіямъ: одни этою *гражданскою пожертвованіемъ* хотѣли доказать до какой степени отецъ Пименъ *умѣетъ спрашивать* и *обойти всякаго челоука*; а другіе, болѣе пристрастные обвинители, говорили: „Помилуйте, какъ у Пимена не быть деньгамъ, сколько онъ перебралъ у Александрова, болѣе *двухъ* миллионъ, и что же онъ сдѣлалъ? На такіа деньги можно было бы сдѣлать несравненно болѣе... Какъ у него не быть деньгамъ!“

Но мы увидимъ сколько у отца Пимена осталось когда онъ скончался.

Въ 1851 году сентября 16 послѣдовало освященіе придѣла (при Успенской церкви) во имя прелюбной Маріи Египетской. Освященіе совершалъ самъ митрополитъ Филаретъ и съ нимъ участвовали въ служеніи Андроньевскій архимандритъ Платонъ (послѣ Гавріила сдѣланный благочиннымъ) и игуменъ Иларій. Погода была ясная, жаркая, совершенно лѣтняя, и потому стеклось такое множество богомольцевъ что за

длинными столами разставленными по всему монастырю обѣдало до 8.000 человекъ. Угощеніе всѣмъ присутствующимъ было сдѣлано на счетъ Александрова, по его желанію.

Къ освященію были сдѣланы три серебряныя ризы на мѣстныя иконы и четвертая на Иверскую икону Божіей Матери находящуюся на столбѣ подъ аркою между Успенскою церковью и придѣломъ Маріи Египетской. Александровъ послѣ освященія придѣла выразилъ владыкѣ свое желаніе обновить Успенскую церковь, казавшуюся еще болѣе грязною, закоптѣлою и убогою въ сравненіи со вновь отдѣланнымъ придѣломъ изящной отдѣлки и гдѣ все блестяло золотомъ.

Почти цѣлый годъ продолжалась работа въ Успенской церкви и только къ августу 1852 года все было вполнѣ окончено, и когда игумень отправился къ митрополиту съ докладомъ, владыка сказалъ что онъ будетъ самъ освящать и назначилъ освященіе на 10 августа.

Наканунѣ владыка пріѣхалъ, какъ почти это всегда было, предъ литургіей и послѣ того отправился осматривать вновь отдѣланную церковь; все обозрѣвалъ весьма тщательно, остался всѣмъ весьма доволенъ и сказалъ:

— Это совершенный раскѣ.

Въ тотъ же день только нѣсколько поздне пріѣхалъ на Угрѣшу и обновитель храма Александровъ, велѣвшій тотчасъ нести себя въ Успенскую церковь, и такъ какъ она только черезъ сѣни отъ настоятельскихъ келій, въ которыхъ оставался всегда владыка, онъ пожелалъ его видѣть и послалъ спросить, угодно ли ему будетъ принять его? Владыка зналъ чего стоить разслабленному старику переходеніе съ мѣста на мѣсто и потому не допустилъ его трудиться и послалъ сказать что тотчасъ же самъ придетъ.

Отецъ Паменьъ разказывалъ объ этомъ свиданіи такъ:

„Обоимъ поставили кресла одно противъ другаго, и когда владыка благословилъ болящаго и оба они сѣли, Александровъ первый сказалъ:

„— Благодарю васъ владыко: вы мнѣ оказали довѣріе въ устройствѣ обители.

„Митрополитъ отвѣчалъ:

„— Меня вамъ благодарить не за что, это напротивъ того мнѣ обязаны благодарить васъ за оказанныя благодѣянія и молить за васъ Бога; вы не только исправилъ нужды монастырскія, вы сдѣлали изъ Угрѣши вторую Лавру.“

„Во время этого свиданія совершенно неожиданно для всѣхъ насъ находившихся со владыкою Александровъ вдругъ спросилъ у митрополита:

— А что, владыко святыи, можетъ ли здѣсь быть общежитіе?

— Да почему же не можетъ быть? возразилъ владыка.— Я даже, кажется, именно съ этимъ намѣреніемъ и опредѣлилъ сюда отца игумена, но почему это не состоялось не знаю.

„Послѣ этихъ словъ отецъ игуменъ, тутъ же находившійся нѣсколько поодаль отъ митрополита, подошелъ къ нему, поклонился и сказалъ:

— Ваше святѣйшество! Я два раза докладывалъ вамъ объ этомъ, но вы ничего не сдѣлали, и я даже, прискрѣпясь сказать, на васъ за это и сердить.

„Владыка улыбнулся слыша такое странное признаніе игумена и указывая на него сказалъ смѣющимся голосомъ:

— Вотъ, я думалъ что онъ виноватый-то, а повтому ужъ выходитъ что это я.

„По возвращеніи изъ церкви въ келью, владыка потребовалъ къ себѣ игумена, и когда онъ пришелъ, весьма ласково спросилъ:

— Ну что мнѣ скажешь, какъ ты себя чувствуешь и успокоился ли ты теперѣ?

„Игуменъ былъ взволнованъ и на привѣтливый вопросъ отвѣчалъ довольно отрывисто:

— Я подалъ уже прошеніе на покой, потому и не намѣренъ уже продолжать болѣе служенія.

„У митрополита мелькнуло на лицѣ выраженіе удивленія и досады, однако онъ подавилъ его и тихимъ и сдержаннымъ голосомъ сказалъ игумену: „Ну хорошо, какъ хочешь, я тебя уволю“.

„По всей вѣроятности, еслибъ игуменъ не такъ отвѣчалъ и не повторилъ бы своего желанія идти на покой, владыка на слѣдующій день при освященіи храма произвелъ бы его въ архимандриты, но вѣрно не суждено ему это было.“

На слѣдующій день, августа 10, погода была ясная, теплая, и потому стеченіе народа было весьма значительно, даже болѣе въ полтора раза чѣмъ на предыдущемъ освященіи за годъ предъ тѣмъ. Кромѣ благочиннаго архимандрита Платона, отца игумена Иларія и монастырскихъ іеромонаховъ, посторопныхъ никого въ сослуженіи не было.

Александровъ еще до освященія за нѣсколько времени выразилъ свое желаніе чтобы сотскіе оловѣстили по селеніямъ что тогда-то будетъ освященіе, что всѣ присутствующіе пригащаются къ трапезованію, что будетъ раздача денегъ. Столы были разставлены по всему монастырю, трапезовавшихъ оказалось до 12.000 человекъ, кушанье изготовлено московскимъ кондитеромъ, а деньги роздано болѣе тысячи рублей серебромъ, потому что раздавали не мѣдью, а серебряною монетою.

Кромѣ отдѣлки самаго храма и строенія новаго съ ризницею золоченаго иконостаса, Александровъ поусердствовалъ рѣзавъ нѣсколько серебряныхъ большихъ ризъ на иконы, хоругви, утварь служебную, окладъ на царскіе древніе врата по древнему образцу, облаченія газетовыя, серебряную церковную утварь, подовѣчники, ланикадила, большія висачія лампады и пр., что въ сложности стоило, безъ того что употреблено на храмъ, конечно не менѣе десяти тысячъ руб., если еще не болѣе.

Митрополитъ остался вполнѣ всѣмъ доволенъ, очень благодарилъ Александра еще разъ за его усердіе и въ самомъ лучшемъ расположеніи духа уѣхалъ предъ вечеромъ изъ монастыря.

VIII.

Несмотря на то что отецъ игуменъ повторилъ митрополиту что не отложитъ мысли идти на покой, онъ тѣмъ не менѣе и послѣ освященія все еще оставался на Угрѣшѣ. Былъ у митрополита чтобы благодарить за освященіе, онъ ему не напомнилъ о прошеніи на покой, а владыка, думая можетъ быть что дѣло такъ обойдется, тоже ему ничего не сказалъ, и отецъ Иларій продолжалъ попрежнему спокойно настоятельствовать, пока ничтожный случай не смутилъ его и не рѣшилъ его окончателно проситься на покой и оставить Угрѣшу. Даже странно сказать что именно побудило его уѣхать съ Угрѣши: *пропали большыя сушенныя грибы.*

Вотъ разказъ отца Пимена объ этомъ странномъ обстоятельстве:

„Такъ какъ нашъ монастырь былъ еще тогда штатнымъ монастыремъ, и настоятель не участвовалъ въ братской трапезѣ, то готовили его кушанья на особой поварнѣ, которая

была въ связи съ настоятельскими кельями, и столовые припасы закупались для него отдѣльно отъ братскихъ. Предъ Успенскимъ постомъ было куплено сколько-то бѣлыхъ грибовъ, они вышли не всѣ и нѣсколько осталось. Наступилъ Рождественскій постъ, отцу игумену вздумалось заказать себѣ грибную кашицу; стали искать грибовъ, ихъ не оказалось; куда они дѣвались, никто не зналъ; да и всего-то было быть-можетъ не болѣе полудюйма. Изъ этой мелочи была такая буря что себѣ и представить невозможно: отецъ игуменъ ужасно обидѣлся, разсердился, разстроился и не взирая на худую осеннюю погоду немедленно поѣхалъ въ Москву, явился ко владыкѣ, сталъ усиленно проситься на локоу. На этотъ разъ владыка не сталъ его отговаривать и видя его твердое намѣреніе удалиться тотчасъ же согласился, принявъ его прощенье и назначилъ исправляющимъ должность игумена меня, угрѣвскаго казначея. Это было 16 ноября 1852 года.“

Конечно митрополиту не было извѣстно смѣшное обстоятельство что игуменъ окончательнo рѣшился на локоу потому что у него пропало съ полдюйма сухеныхъ грибовъ!

Отцу Иларію представилось что это было сдѣлано съ умысломъ; и конечно не самая пролажа раздосадовала его, но мысль что нарочно ему досаждаютъ его взволновала, а когда онъ былъ въ такомъ разстройствѣ, то успокоить его было весьма трудно. Послѣ отъѣзда его открылось что грибы упали со шкафа на который были положены, завалились за него и потому ихъ не могли найти, а они были всѣ цѣлы. Вотъ это вышло какъ говорится по пословицѣ *что отъ малыхъ при-
чинокъ бываютъ иногда важныя послѣдствія.*

Митрополитъ весьма благодушно отнесся къ выходу игумена Иларія съ Угрѣви, оттого ли что убѣдился въ его малоспособности къ настоятельству, потому ли что видѣлъ въ лицѣ молодого казначея задатки обѣщавшіе болѣе искуснаго правителя. Какъ бы тамъ ни было, онъ милостиво предложилъ отцу Иларію даже выборъ обители гдѣ онъ пожелаетъ житьствовать, въ Николо-Пѣвномскомъ ли монастырѣ или Берлюковской пустынѣ. Отецъ Иларій предпочелъ Пѣвному и возвратясь на Угрѣву тотчасъ сталъ собираться въ путь, и чрезъ три дня, октября 19, положилъ выѣхать.

Приводимъ разказъ отца Пимена, ближайшаго ученика отца Иларія, котораго онъ зналъ лучше другихъ, любилъ, чтилъ и несмотря на всѣ его странности и угловатости характера,

высоко цѣнилъ, отдавая ему полную справедливость какъ иноку и до конца своей жизни съ любовью и уваженіемъ вспоминаая о немъ какъ о богомудромъ и строгомъ подвижникѣ, котораго считалъ своимъ отцомъ и старцемъ.

„Въ день отъѣзда отца игумена, послѣ трапезы всѣ братія собралась въ Успенскую церковь, куда пришелъ и отецъ Іларій. Ему было въ то время лѣтъ около 56, но такъ какъ и смолоду, и послѣ онъ былъ всегда и во всѣхъ отношеніяхъ весьма воздержной и строгой жизни, то хотя и казался моложе своихъ лѣтъ, начиналъ уже однако видимо ослабѣвать здоровьемъ. Обителью онъ управлялъ въ продолженіе 18 лѣтъ. Проведя большую часть своей монашеской жизни въ общитіяхъ, онъ былъ весьма не расположенъ къ монастырямъ штатнымъ, почему и къ Угрѣшскѣ не лежало его сердце, а для преобразованія у него не доставало рѣшимости, потому что онъ понималъ какую ему пришлось бы вынести бурю и сознавалъ что это было бы ему не по силамъ. Онъ мало входилъ въ нужды и положеніе братіи.

„Кельи его были постоянно затворенными: въ часы свободные отъ богослуженій онъ занимался главнымъ образомъ чтеніемъ отеческихъ книгъ и преимущественно на славянскомъ языкѣ, почитая ихъ испорченными въ переводѣ, или лучше сказать не вполнѣ довѣряя переводамъ, и въ этомъ онъ слѣдовалъ внушеніямъ своего старца Θεодора, съ которыми онъ жилъ въ Александро-Свирскомъ монастырѣ и отъ котораго многое заимствовалъ.

„Сдѣлавшись настоятелемъ, онъ мало противъ прежняго измѣнилъ свой образъ жизни: неопустительно ходилъ къ утрени въ 4 часа, къ литургіи въ 9 и къ вечерни въ 4 часа. До литургіи чаю не пилъ. По буднямъ онъ въ братскую трапезу никогда не ходилъ, и ему стряпалъ кушанье обыкновенно его келейникъ; поваровъ не было. По праздникамъ и иногда и по воскреснымъ днямъ служилъ; прямо приходилъ въ церковь, встрѣчи ему недѣлали. Когда нужно было топить у него въ кельи печь, то келейникъ только приносилъ и складывалъ у печи дрова, а онъ самъ, когда не былъ чѣмъ-нибудь особенно занятъ, надѣвъ варешки или перчатки („потому что, говаривалъ онъ, іеромонахъ совершающій таинства и прикасающійся ко Святымъ Дарамъ долженъ наблюдать свои руки“), самъ клалъ дрова въ печь, всегда съ молитвой, и если въ это время приходилось кому-нибудь быть въ его кельи, онъ непременно говаривалъ

монашествующимъ: „Благослови, отче“, а послушникамъ или своему келейнику: „Благослови, брате“. Онъ строго воспрещалъ и топить печь, и закрывать ее безъ молитвы, и самъ это всегда въ точности соблюдалъ. Впрочемъ, въ прежнее время, когда строже сохранялись преданія старцевъ и не допускали еще тѣхъ послабленій которыя вкралось въ монастыри въ послѣдствіи, не одинъ только нашъ игуменъ, но и всѣ монашествующіе вообще соблюдали эти правила.

„Вотъ какой однажды былъ случай въ кельяхъ у отца игумена. Это случилось въ послѣдній годъ моего келейничества, въ 1838 и 39. Въ зимнее время пріѣхалъ строитель Екатеринбургской пустыни, отецъ Мельхиседекъ, и въ то время какъ онъ съ игуменомъ сидѣлъ въ гостиной на диванѣ, возлѣ котораго была печь съ толкой, мой помощникъ, второй келейникъ, послушникъ Гавріилъ, привнес охапку дровъ и сложивъ ихъ у печи въ недоумѣніи посмотрѣлъ на меня (такъ какъ мнѣ тутъ пришлось быть съ подносомъ въ ожиданіи чтобы принять пустую чашку). Я подошелъ къ нему, онъ и спрашиваетъ меня шепотомъ:

„— А что молитву сотворить?

„— При гостѣ съ какой стати, отвѣчалъ я.

„Такъ онъ и сталъ класть дрова безъ молитвы, не благословясь.

„Къ великому нашему удивленію, строитель вдругъ прекратилъ свой разговоръ и, обернувшись къ Гавріилу, спрашиваетъ его:

„— А что, рабъ Божій, давно ли ты здѣсь живешь въ монастырѣ?

„Тотъ отвѣчаетъ: — Недавно.

„— А почему же у тебя такъ длинны волосы если ты въ монастырѣ недавно?

„— А я полагаю начало въ Оптиной пустынѣ, отвѣчалъ тотъ такимъ голосомъ,—и жилъ тамъ три года.

„— Ну, и что же тамъ подъ старцемъ жилъ или нѣтъ?..

„— Какъ же, батюшка, подъ старцемъ.

„— Ну, а старцы тамъ какъ же учатъ, на примѣръ, печь надобно топить съ молитвой или можно и безъ молитвы?

„Гавріилъ ужасно сконфузился, сталъ просить прощенія и, сотворивъ уже молитву, началъ класть дрова въ печь, и съ упрекомъ посмотрѣлъ на меня: „Ты дескать подвелъ меня людъ это замѣчаніе.“

„Я тоже смутился, а игумень, вскочивъ съ дивана, сталъ ходить по комнатѣ скорыми шагами и, потирая себѣ руки, приговаривалъ:

— Вотъ хорошо, вотъ спаси Господи, отецъ строитель, что вы моихъ дурней учите, вотъ это я люблю, это по-монашески, по-старчески, такъ и слѣдуетъ пробирать, ничего молъ безъ молитвы и безъ благословенія не начинай и не дѣлай.

„Когда отецъ игумень принимался за чай онъ также всегда сперва прочитывалъ „Пресвятая Троица“, а потомъ говорилъ присутствующимъ: „благословите“. Чай онъ пилъ умеренно, вина никогда никакого когда бывалъ одинъ, а при гостяхъ наливалъ себѣ для виду и никогда не допивалъ рюмки; очень любилъ кофе, но позволялъ его себѣ рѣдко какъ лакомство и баловство. Простота и воздержность отца игумена простиралась и на его одежду и обувь, все было очень не изысканно и тщательно имъ берегаемо, такъ что когда онъ примѣтитъ что у него ветшаетъ бѣлье, чулки, платки, онъ самъ штопалъ и каплъ заллаты и почищалъ одежду ни мало не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ... Когда случалось что разстраивалось леченіе просфоръ (которыхъ до открытія общегитія не продавали, лежали только для своего обихода), то отецъ игумень, какъ бывшій когда-то просфорникомъ въ Свирскомъ монастырѣ, шелъ въ ту келью гдѣ лежали просфоры (просфорни не было), надѣвалъ фартукъ и самъ показывалъ какъ печь просфоры, и тѣ которыя онъ лекъ выходили очень хороши и вкусны. До поступления на Угрюшу отецъ Иларій велъ жизнь келейную, былъ подъ руководствомъ строгихъ старцевъ и проходя разныя послушанія имѣлъ мало случаевъ быть въ непосредственномъ соотношеніи съ людьми и потому не приобрѣлъ навыка распознавать людей и весьма часто въ нихъ ошибался и поддавался обману людей хитрыхъ, которые подъ личиною искренности проводили его пользуясь его неопытностію и слабостію проистекавшею отъ излишней довѣрчивости, свойственной людямъ готовымъ всегда видѣть одно хорошее и не предполагающимъ въ ближнемъ за которому сами не причастны.

„Послѣ молебна игумень приложился къ святымъ иконамъ и сталъ прощаться со всею братіей; это его очень растрогало, онъ долго и горько плакалъ, можетъ-быть уже и сожалѣя что послѣшилъ и такъ настоятельно отпросился на покой, и продолжая плакать, провожаемый всеми нами до святыхъ воротъ, онъ поѣхалъ...

„Я столько лѣтъ провелъ съ нимъ вмѣстѣ и мнѣ было очень грустно съ нимъ разставаться.“

Отецъ Иларій первоначально избралъ для своего мѣсто-
пробыванія монастырь Николо - Пѣшиношскій, въ Дмитров-
скомъ уѣздѣ, верстахъ въ 80ти отъ Москвы. Этимъ мона-
стыремъ управлялъ тогда архимандритъ Сергій, прежде
того бывший игуменомъ Срѣтенскаго монастыря. Онъ обо-
шелся довольно холодно и сухо съ отцомъ Иларіемъ, кото-
рый проживъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ на Пѣшиношѣ возвра-
тился въ Москву, жилъ мѣсяца два въ Покровскомъ мона-
стырѣ и наконецъ поступилъ въ Геесиманскій скитъ, гдѣ и
прожилъ послѣдніе одиннадцать лѣтъ своей жизни, пріѣзжая
влрочемъ на Угрѣшу погостить на довольно продолжительное
время. Такъ однажды онъ прожилъ въ Угрѣшскомъ монасты-
рѣ около года. Въ Геесиманскомъ скиту онъ нашель для
себя желаемое услокоеніе въ сообществѣ богомудрыхъ стар-
цевъ и, принявъ за нѣсколько лѣтъ до своей кончины схиму
съ прежнимъ мірскимъ именемъ Иліи, тамъ и скончался въ
1863 году.

О послѣднемъ свиданіи отца Пимена со схиигуменомъ Иліею
мы разкажемъ въ своемъ мѣстѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Д. Б.

ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА

УКРАИНСКАЯ ДУМА

Не тучей туманы надъ дальнимъ Азовомъ вставали:
Три брата родные изъ тяжкой неволи бѣжали;
Два конныхъ, а третій имъ лѣвій во слѣдъ послѣдуеть,
Босыми ногами на острые камни стулаеть,
Слѣды свои кровью бѣгущею съ нихъ поливаеть
И такъ, чуть дыша, старшихъ братьевъ своихъ умоляетъ:
— Ой, братцы, постойте, такъ шибко коней не гоните,
Живымъ до земель христіанскихъ дойти помогите.

И, сжалившись, старшаго брата середній пытается,
А тотъ ему, тучей нахмурившись, такъ отвѣчаетъ:
— Аль хочется, братъ, тебѣ снова въ неволю отдаться?
Какъ ставемъ его мы въ голодной степи дожидаться,
Лихіе враги насъ догнать, изловить, изрубятъ,
А если и вѣтъ, то въ неволѣ несвободной погубятъ.

— Когда подождать меня сираго вы не хотите,
Имъ младшій въ отвѣтъ,—то съ дорогъ вы лучше сверните,
Булатными саблями тѣло мое изрубите
И здѣсь подъ курганомъ высокимъ въ степи закопайте,
Но звѣрю и птицѣ его вы въ добычу не дайте.

Середній братъ съ горестью горькимъ словамъ тѣмъ вѣ-
щаетъ

И младшему брату на рѣчь его такъ отвѣчаетъ:
— О братья нашъ родной, мы того никогда не слышали
Чтобъ братья да въ братней крови свои сабли купали,
Себѣ избавленье булатнымъ кольемъ добывали!
А младшій имъ:—Если убить вы меня не хотите,
То въ балкахъ полутныхъ терновыхъ вѣтвей нарубите,
Возьмите съ собой ихъ, усталыхъ коней погоняйте
И мнѣ по дорогѣ тѣ вѣтви примѣтой кидайте.

Шумитъ буеракъ. Братъ середній къ нему подѣзжаетъ,
Булатною саблей,—душа милосердіе знаетъ—
Со степнаго терновника вѣтви срубать начинаетъ
И брату меньшому тѣ вѣтви примѣтой кидаетъ;
Но стало бросать ему нечемъ примѣту по праху,
Когда подѣзжать они стали къ Муравскому шляху.
Тогда онъ рубашку червонную съ тѣла снимаетъ,
Ее разрываетъ, куски за собою роняетъ
И брату примѣту тѣмъ въ голой степи оставляетъ.

Какъ сталъ лѣшеходъ изъ терновыхъ кустовъ выбираться,
Что шагъ—на китайку червонную сталъ наткаться.
Глядитъ, безтаманный, и тѣ доскутки подымаетъ,
Цѣлуешь, слезами горючими ихъ омываетъ
И такъ свое горе въ словахъ золотыхъ выливаетъ:
— Не даромъ китайка валяется прахомъ по шляху—
Быть-можетъ отъ братьевъ моихъ не осталось и праху.
Быть-можетъ логова за ними по слѣду бѣжала,
Заскувшего въ чащѣ терновой меня миновала,
А братьевъ моихъ, захвативъ средь степи, лопочила,
Ихъ кровь источила, тѣла на куски изрубала.
О, еслибъ Господь милосердый мнѣ далъ только силу
Сыскать ихъ тѣла средь степи и зарыть ихъ въ могилу!
Одно—это жажда, другое же худшее—голодь,
А третье—то вѣтеръ жестокій что въ бурю и холодъ
Въ степи неисходной свободно и шумно гуляетъ,
Усталого путника съ ногъ молодецкихъ сшибаетъ.
Ой, полно въ степи мнѣ за конными братьями гнаться:
Пора моей грѣшной душѣ съ грѣшнымъ тѣломъ разстаться

Сказалъ такъ бездольный, теряя послѣднiя силы—
 Сказалъ и на землю поклонился у Саворъ-Могилы.
 И вотъ къ нему стая орловъ сизокрылыхъ слетаетъ,
 Садится на землю и глазъ съ казака не спускаетъ.
 Онъ видитъ ихъ сизыхъ и шлетъ имъ слова золотыя:
 — Орлы сизокрылые, гости мои дорогiе,
 Прошу васъ—дождитесь сходящаго сумрака ночи
 И выключите мнѣ вы тогда мои черныя очи,
 Когда ими видѣть ужъ больше не въ силахъ я буду
 Ни яснаго Божьяго свѣта, ни Божьяго люду.

Сказалъ онъ и отдалъ на волю Его пресвятую
 Творцу милосердому душу свою золотую.
 Сказалъ—и на тѣло спустились орлы полумочи
 И стали выклеивать съ крикомъ казацкiя очи,
 А мелкая птица, собравшись вкругъ мертваго тѣла,
 Съ костей его бѣлыхъ кровавое мясо объѣла;
 А сѣрые волки изъ темныхъ лѣсовъ набѣжали
 И долго въ оврагахъ тѣ бѣлыя кости гнодали
 И выли надъ ними, смолкали и вновь завывали—
 Ну точно обрядъ похоронный надъ ними справляли.
 Но вотъ и кукушка изъ темныхъ лѣсовъ прилетѣла
 И, слезы роняя, на иву плакучую сѣла
 И долго на деревѣ плачущемъ томъ куковала,
 Какъ первенца мать или брата сестра поминала.

А два казака къ христіанскимъ землямъ подѣвзаютъ,
 Но горе—не радость и здѣсь ихъ сердца наполняетъ.
 И старшему молвить середній печальное слово:
 — Какъ много въ сердцахъ нашихъ гора скопилось злаго!
 Ой, видно въ живыхъ не увидѣть намъ брата меньшаго.
 И какъ къ отцу - матери въ домъ мы съ тобою прибудемъ?
 Какъ стануть насъ спрашивать что отвѣчать мы имъ будемъ?

Нахмурившись, старшій словамъ тѣмъ печальнымъ внимаешь
 И брату середнему такъ, помолчавъ, отвѣчаетъ:
 — Да то что не вмѣстѣ мы горе свое коротали,
 Что позднею ночью изъ тяжкой неволи бѣжали,
 Будили его и никакъ не могли добудиться
 И волей-неволей пришлось однимъ намъ домой воротиться.

Середній словамъ тѣмъ недобрымъ внимаеть
И старшему брату на рѣчь его такъ отвѣчаетъ:
— Когда они, старые, правды отъ насъ не узнають,
Святыя молитвы ихъ насъ за грѣхи покарають.

Вотъ старшіе братья къ Самарскимъ землямъ подѣзжаютъ,
Бросають коней и въ зеленой травѣ засыпають,
Но вслѣдъ басурмане пришли и уснувшихъ убили,
Тѣла христіанскія ихъ на куски изрубили,
Со смѣхомъ куски тѣ по голой стелѣ раскидали
И долго на сабляхъ ихъ головы вверхъ лодымали.

Н. ГЕРБЕЛЬ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Вновь найденные стихи Пушкина изъ *Мѣднаго Всадника*.

Въ только-что вышедшей книгѣ *Русскаго Архива* помѣщенъ цѣлый рядъ неапечатанныхъ стиховъ Пушкина изъ *Мѣднаго Всадника*, найденныхъ г. Бартевымъ въ рукописяхъ, какъ извѣстно, ему одному предоставленныхъ для просмотра семействомъ поэта. Слѣшимъ познакомить читателей съ любопытнымъ открытiемъ: каждый новооткрытый стихъ Пушкина драгоценная находка принадлежащая всей Россiи.

Во время нашествiя Французовъ императоръ Александръ Павловичъ сдѣлалъ распоряженiе о спасенiи монумента Петра. Онъ поручилъ статсъ-секретарю Молчанову снять *Мѣднаго Всадника* съ его гранитной скалы и водою увезти въ безопасное мѣсто, на что Молчанову секретно были даже выданы изъ казначейства нужныя деньги. Молчановъ самъ передавалъ объ этомъ князю П. А. Вяземскому, который, сообщая этотъ разказъ, прибавлялъ что „старикъ“, то-есть Петру, „подлинно слишкомъ грустно было бы видѣть какъ сквозь прорубленное имъ окно влѣзали воры“. Мысли и чувства возбуждаемыя памятникомъ Петра, говоритъ г. Бартевъ, часто и много занимали Пушкина. Ему могло быть извѣстно

даже еще въ Лицевъ что статью хотѣли увозить изъ Петербурга; „чуткимъ отрокомъ“ слѣдилъ уже онъ за событіями 1812 года, какъ это видно изъ многихъ его стихотвореній. Г. Бартевевъ приводитъ изъ „одной“ между тремя хранящимися теперь въ Московскомъ Румянцевскомъ Музее рукописями *Мѣднаго Всадника* слѣдующіе неоконченные стихи Пушкина:

Была ужасная година;
Объ ней начну простой разказъ.
Давно, когда я въ первый разъ
Услышалъ мрачное преданье,
Я далъ тогда же обѣщанье
Стихомъ... передать.

Стихи эти чрезвычайно знаменательны: мы впервые узнаемъ изъ нихъ что *Мѣдный Всадникъ* является результатомъ „обѣщанія“ даннаго поэткомъ въ „ужасную годовину“; такъ сильно было уже тогда патріотическое чувство Пушкина, это чувство которое постоянно все росло и крѣпло въ немъ по мѣрѣ того какъ все болѣе зрѣлъ и развивался его великій талантъ.

Рукописи *Мѣднаго Всадника* наполнены, по словамъ г. Бартевева, перемарками и поправками. Поэма писана осенью 1833 года, въ Нижегородской деревнѣ, и начата 6 октября. Въ перемежку съ *Мѣднымъ Всадникомъ* идетъ „Родословная моего героя“, которая, какъ извѣстно, должна была входить въ составъ поэмы. Вотъ строфы найденныя г. Бартевевымъ и относящіяся къ „обѣщанію“ русскаго дворянства:

Мнѣ жаль, что дома наши новы,
Что прибываемъ мы на нихъ
Не льва съ мечомъ, не щитъ гербовый,
А рядъ лишь выѣсокъ цвѣтныхъ.
Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной
Вѣряя чистый свой доходъ,
Съ трудомъ въ столицѣ кругамъ годъ
Влачимъ ярмо неволи темной
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто...
Что не живемъ семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Въ своихъ владѣньяхъ родовыхъ;
Что наши села, нужды ихъ

Намъ вовсе чужды, что наука
 Пошла не въ прокъ намъ, что съ прѣста
 Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état,
 Что будутъ нищѣ наши внуки;
 Что русскій вѣтреный бояринъ
 Теряетъ грамоты царей
 Какъ старый сборъ календарей;
 Что историческіе звуки
 Намъ стали чужды...

Слѣдующія за тѣмъ строфы составляютъ какъ бы вторую редакцію помѣщенныхъ выше; дальнѣйшее развитіе мыслей поэта мы обозначаемъ курсивомъ:

Что нищѣ будутъ наши внуки.
 Мнѣ жаль что мы рукъ наемной
 Дозволя грабить свой доходъ,
 Съ трудомъ аремъ заботы темной
 Влачимъ въ столицѣ круглый годъ;
 Что не живемъ семьею дружной,
 Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Старья близъ могилъ родныхъ
Въ своихъ помѣстьяхъ родовыхъ,
Гдѣ въ нашемъ теремѣ забыто
Ростетъ пустынная трава,
 Гдѣ геральдическаго льва...

Продолженіе извѣстно. При стихѣ „старья близъ могилъ родныхъ“ невольно вспоминается другое стихотвореніе Пушкина, его извѣстные *Стансы* (Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ):

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
 Въ бою ли, въ страствѣнн, въ волнахъ?
 Или сосѣдняя долина
 Мой приметъ охладѣлый прахъ?
 И хоть безчувственному тѣлу
 Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бы хотѣлось поживать.

Здѣсь есть несомнѣнно аналогія, несомнѣнное родство мыслей. Какъ много новаго даютъ для характеристики Пушкина вновь открываемые отрывки изъ его произведеній! То что казалось прежде случайнымъ, отрывочнымъ, единичнымъ, становится теперь характернымъ, получаетъ важное значеніе для опредѣленія внутренней жизни поэта и его идеаловъ. „Пушкинъ испыталъ всю разорительность петербургской

жизни“, говорит г. Бартевевъ, „и, какъ извѣстно, денежное разстройство держало его въ томъ раздражительномъ состоянiи которое отчасти было одною изъ причинъ его гибели. Осенью 1836 года онъ думалъ бросить Петербургъ и поселиться совсѣмъ въ Михайловскомъ; по словамъ покойника Нащокина, Наталья Николаевна соглашалась на это, но ему не на что было перебраться туда съ большою семьей, и Пушкинъ умолялъ о присылкѣ пяти тысячъ рублей, которыхъ у Нащокина въ ту пору не случилось.“ Вотъ вновь открытый, весьма характерный отрывокъ въ рукописи *Мѣднаго Всадника*:

Тутъ онъ развѣжился сердечно
И размечтался какъ поэтъ:
„А почему жь? Зачѣмъ же нѣтъ?
Я не богатъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
И у Парашы нѣтъ имѣнья.
Ну что жь! Какое дѣло намъ!
*Ужели только богачамъ
Жениться можно? Я устрою
Себѣ смиренный уголокъ.*

Мирная и тихая жизнь въ родовомъ имѣнiи, жизнь въ досужной тишинѣ, жизнь при которой „нужды сель“ не могли бы оставаться чуждыми „вѣтреному боярину“; жизнь исторически сложившаяся, а не построенная на основанiи наукъ „не пошедшихъ въ прокъ“; уваженье къ своему историческому прошлому, а не заимствованiе формъ жизни съ иностранныхъ образцовъ (*... сз проста—изз барз жы лъземъ оз tiers-état*), вотъ идеалы Пушкина. Можно быть увѣреннымъ что по мѣрѣ открытiя новыхъ матеріаловъ духовный образъ поэта будетъ возставать предъ нами все болѣе свѣтлымъ и яркимъ. Пора, давно пора отдѣлать въ этомъ образѣ все случайное, внѣшнее, несущественное, и воссоздать во всей его могучей правдѣ Пушкина каковъ онъ былъ въ дѣйствительности, каковъ онъ былъ оставаясь наединѣ со своимъ гениемъ въ тиши своего рабочаго кабинета.

Г. Бартевевъ приходитъ къ заключенiю что „первоначально Пушкинъ хотѣлъ разказать что-то другое“ про Ивана Езерскаго, героя извѣстной „Родословной“. Въ доказательство онъ приводитъ слѣдующiй „полуразобранный“ отрывокъ, неизвѣстный доселѣ:

Тогда по каменной площадкѣ
Пескомъ усыпанныхъ сѣней (?)
Взбѣжалъ по ступенямъ пологимъ

Широкой лѣстницы своей,
 . . . кто-то съ видомъ строгимъ
 Звонилъ у залертыхъ дверей.
 Минуту ждалъ метерпѣливо.
 Дверь отворилась. Онъ брачно
 Вошелъ
 Лакею выговоръ прочелъ
 И въ кабинетъ къ себѣ прошелъ.
 Радостно залагалъ
 Церберъ косматый
 И положилъ ему на плечи
 Свои двѣ лапы и потомъ
 Улегся тихо подъ столомъ.
 Раздѣлся: былъ онъ озабоченъ
 Какъ тотъ, у коего просрочень...

Просрочень... конечно вексель; дѣло несчастному поэту обычное, добавляетъ г. Бартевевъ. Не будемъ приводить цѣлаго ряда стиховъ помѣщенныхъ въ *Русскомъ Архивѣ* и представляющихъ первоначальную редакцію описанія наводненія, равно какъ и нѣсколько новыхъ строфъ изъ „Родословной“. Нѣтъ сомнѣннй что всѣ интересующеся успѣхами критики Пушкинскаго текста сами прочтутъ все это въ *Русскомъ Архивѣ*, получающемъ теперь чрезвычайно важное значеніе для всего что касается вопросовъ о Пушкинскихъ рукописяхъ. Ограничимся еще одною выпиской, которая и заключить ваши выдержки. Это совершенно законченная, впервые открытая картинка рисующая то что могло происходить во внутренности петербургскихъ домовъ во время наводненія:

Со сна идетъ къ окну сенаторъ
 И видитъ—въ лодкѣ по Морской
 Плыветъ военный губернаторъ.
 Сенаторъ обмеръ: Боже мой!
 Сюда, Вамюша! Встань немножко;
 Гляди: что видишь ты въ окошко?
 — Я вижу-съ, въ лодкѣ генералъ
 Плыветъ въ ворота мимо будки.
 — „Ей-Богу?“—Точно-съ.—„Кромѣ шутки?“
 — Да такъ-съ. Сенаторъ отдохнулъ
 И чаю просить. Слава Богу!
 Ну, графъ * надѣлалъ мнѣ тревогу:
 Я думалъ, я съ ума свихнулъ.

* „Графомъ“ называли въ Петербургѣ военнаго губернатора графа Милорадовича.

II.

Православный Палестинский Сборник. Выпускъ 1. Изданіе В. Н. Хитрово. С.-Петербургъ, 1881.

Было бы чрезвычайно трудно опредѣлить по первому выпуску *Православнаго Палестинскаго Сборника* тѣ задачи и цѣли которыя ставить себѣ его издатель. Г. Хитрово не даетъ читателю никакой программы и не связываетъ себя никакими обѣщаніями. Мы не узнаемъ будетъ ли его Сборникъ появляться періодически, будетъ ли онъ постоянною хроникой событій и религіозной жизни Святой Земли или же собраніемъ отдѣльныхъ монографій историческаго и археологическаго содержанія. Намъ неизвѣстны имена сотрудниковъ, неизвѣстно будетъ ли „издатель“ въ то же время и единственныимъ вкладчикомъ въ свой Сборникъ или же онъ явится собирателемъ, обнародователемъ и популяризаторомъ цѣлаго ряда русскихъ и иностранныхъ трудовъ имѣющихъ своимъ предметомъ Палестину. Вотъ почему нельзя еще въ настоящее время говорить объ изданіи г. Хитрово какъ о „Сборникѣ“. Остается пріивѣтствовать въ этомъ первомъ выпускѣ появленіе весьма интересной отдѣльной монографіи предметомъ которой служить историческій очеркъ положенія православія въ Святой Землѣ и его отношеній къ католичеству и протестантству. Весь первый выпускъ занятъ этимъ очеркомъ, написаннымъ съ большимъ знаніемъ дѣла и изобилующимъ чрезвычайно интересными фактами и цифрами. Можно быть увѣреннымъ что для значительнаго большинства русскихъ читателей впервые сдѣлается теперь извѣстнымъ дѣйствительное положеніе православія, католичества и протестантства въ Палестинѣ, взаимныя отношенія ихъ между собою и къ туземцамъ, ихъ дѣятельность и историческій ходъ ея развитія. Сборникъ г. Хитрово представляетъ въ русской литературѣ первую попытку разработки вопросовъ которые давно уже интересуютъ не только Европу, но и Америку, вопросовъ служенію которымъ посвящена въ различныхъ европейскихъ странахъ дѣятельность специальныхъ обществъ и специальныхъ журналовъ. Это большая и несомнѣнная заслуга.

Имѣемъ ли мы, Русскіе, ясное представленіе о Палестинѣ? Г. Хитрово отрицательно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Нѣтъ

страны, говоритъ онъ, которая была бы для Русскихъ и такъ извѣстна, и такъ незнакома. Множество священныхъ воспоминаній какъ бы заслоняетъ дѣйствительность духовно-реалигюзными представленіями. Вся Святая Земля представляется для многихъ „какъ бы застывшею въ минуту Вознесенія Спасителя и съ тѣхъ поръ не измѣнившееся“. Съ другой стороны, рядомъ съ воспоминаніями священными, Палестина будитъ рядъ воспоминаній о своихъ послѣдующихъ историческихъ судьбахъ, о томъ что въ ней попеременно властвовали различные народы и племена, Византія, Арабы, крестоносцы, Турки. „Воспоминанія объ историческихъ судьбахъ Палестины и разказы о ней вводятъ большинство въ олтическій обманъ. Взвѣсившая претерпѣнное нашими поклонниками на пути, возсоздавая рядъ пережитыхъ Святою Землей событій, она представляется намъ и крайне отдаленною, и крайне обширною.“ Г. Хитрово прежде всего старается установить правильную точку зрѣнія. Правы тѣ, говоритъ онъ, которые нѣмнѣшній Іерусалимъ отождествляютъ съ Іерусалимомъ горьнимъ: „справедливость этого представленія поймутъ лишь тѣ на долю коихъ выпало счастье въ ночной тиши молиться на Голгоетѣ, ладать ницъ предъ гробомъ Господнимъ и въ молитвенномъ настроеніи забывать все земное.“ Правы и тѣ для которыхъ Святая Земля представляется такою же какъ и была она за тысячелѣтія тому назадъ. „Когда вы стоите на горѣ Елеонской, вы можете утвердительно сказать: да, на этихъ горахъ и долинахъ покоился взоръ Божочеловѣка при его Вознесеніи. Когда происходила нагорная проповѣдь, предъ глазами Говорившаго и слушавшихъ разстилалась та же, какъ и теперь, гладкая лазурь Тиверіадскаго озера. Вотъ гробница Рахили, колодезь Іакова, погребальная пещера Авраама. Все это во очію олицетворяется предъ вами, все это существуетъ, какъ существовало тысячелѣтія назадъ.“ Не менѣе переносятъ въ сѣдую старину настоящіе обитатели Палестины, ихъ жизнь, обычаи, одѣяніе. На Востокъ сотни и тысячи лѣтъ остается неизмѣннымъ все до чего не касается рука Европы. Но рядомъ съ этимъ не слѣдуетъ забывать что миновало уже время „голичныхъ странствованій“ въ Святую Землю. Желѣзныя дороги и пароходы такъ приблизили ее къ намъ что можно быть въ Іерусалимѣ на одиннадцатый день по выѣздѣ изъ Петербурга. Какъ велика Святая Земля? Вся Земля Обѣтованная, составляющая

въ настоящее время, почти въ тѣхъ же границахъ, православный патріархатъ Иерусалимскій, занимаетъ приблизительно площадь Тульской губерніи. Какъ велико населеніе Палестины и изъ кого оно состоитъ? Во всей Палестинѣ, говоритъ г. Хитрово, едва насчитаешь нѣсколько сотенъ лицъ турецкаго племени, большею частію правительственныхъ чиновниковъ. Нѣсколько тысячъ Европейцевъ, Армянъ и Евреевъ живутъ исключительно въ городахъ; до 20.000 чистокровныхъ Арабовъ отчасти живутъ въ городахъ и большею частію, подъ общимъ именемъ бедуиновъ, кочуютъ по всѣмъ окраинамъ Святой Земли. „Остальные 300.000 жителей составляютъ мѣстное, осѣдлое, сельское населеніе известное подъ именемъ феллаховъ и относящееся къ древнимъ народамъ, населявшимъ Землю Обѣтованную, почти также какъ нынѣшніе Колты относятся къ древнимъ Египтянамъ. Это остатки туземнаго населенія, тысячелѣтія живущаго въ этой странѣ и смѣшаннаго со всѣми человѣческими племенами, послѣдовательно проходившими по ней и въ ней властвовавшими. Это низшіе слои народа въ которыхъ, какъ святой огонь, сохраняются его характерныя очертанія самобытности.“ Туземцы эти были послѣдователями іудейства въ цвѣтущее время царства Іудейскаго, были язычниками при Грекахъ и Римлянахъ, составили „первое стадо Христово“ и затѣмъ, при покореніи Святой Земли Арабами, большею частію отступили отъ христіанства. Меньшая часть туземцевъ остается однако и донынѣ вѣрною христіанству и составляетъ паству православнаго Иерусалимскаго патріарха.

Г. Хитрово дѣлаетъ чрезвычайно интересный обзоръ дѣятельности протестантства, католицизма и православія въ Палестинѣ съ 1840 по 1880 годъ. Каждому изъ этихъ обзоровъ посвящена отдѣльная глава, а въ послѣдней, заключительной главѣ авторъ изслѣдуетъ что сдѣлано Россіей для православія въ Палестинѣ. Этотъ сравнительно-историческій методъ изложенія избравъ какъ весьма удачливъ; мы также будемъ держаться его въ нашемъ ознакомленіи читателей съ замѣчательнымъ трудомъ г. Хитрово. Само собою разумѣется что намъ возможно будетъ заимствовать изъ этого труда лишь самые крупныя, выдающіеся факты, лишь результаты и выводы къ которымъ приходится авторъ, причемъ мы должны предоставить читателямъ самимъ ознакомиться съ дѣлами рядомъ подробностей. Цѣль наша была бы достигнута если

мы могли бы содѣйствовать своимъ изложеніемъ общему ознакомленію съ современнымъ положеніемъ и дѣятельностію въ Палестинѣ трехъ главныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: православнаго, католическаго и протестантскаго. Это чрезвычайно интересная и важная глава изъ современной религіозной, духовной и политической жизни.

До 1840 года протестантской общины совсѣмъ не было въ Святой Землѣ. Въ настоящее время въ Палестинѣ считается до 2.000 протестантовъ, а въ основаныхъ ими школахъ воспитывается до 1.300 дѣтей. По мнѣнію г. Хитрово, протестанты не могутъ разчитывать въ Святой Землѣ на особенно значительную религіозную пропаганду, ибо „холодная философія протестантизма мало дѣйствуетъ на пылкое воображеніе сыновъ Востока“. Результаты достигнутые протестантскимъ миссіонерствомъ въ Палестинѣ важны „какъ кадры для будущей *протестантской колонизаціи* Святой Земли“. Возможна ли такая колонизація? Г. Хитрово приводитъ примѣры. Въ октябрѣ 1868 года въ Каифу прибылъ съ восьмью слугами нѣкто Гофманъ, основатель особой протестантской секты „храмовниковъ“. При весьма рационалистическомъ вѣроученіи главная мысль этой секты заключается въ томъ что второе пришествіе будетъ только по воссозданіи храма Иерусалимскаго. „Важно, конечно, не ихъ ученіе,—аберація человеческого ума нечислится,—важны не споры и не пререканія ихъ между собой и съ евангелическою общиною въ Иерусалимѣ. Важно то что теперь, чрезъ 18 лѣтъ, мы имѣемъ въ Святой Землѣ нѣмецкую колонію состоящую изъ 600 душъ, разселенную преимущественно двумя, почти равными общинами, въ Каифѣ и Яффѣ“. Вотъ какъ описываетъ г. Хитрово свое посѣщеніе Каифской нѣмецкой колоніи и вынесенныя имъ оттуда впечатлѣнія:

„Когда мнѣ пришлось, въ ноябрѣ прошлаго (1880) года, посѣтить Каифскую колонію, при видѣ широкихъ улицъ, домовъ съ высокими красными крышами и палисадниками, гостиницы съ неизбѣжною бесѣдкой, столами и скамейками для вечерняго паволитія, при видѣ блѣдурныхъ и голубокихъ дѣтей съ книгами, тетрадами и неизбѣжнымъ лекалемъ, возвращающихся изъ школы, когда встрѣчавшіе привѣтствовали меня на улицѣ столь знакомыми мнѣ: *Griess Gott*, я воображалъ себя перенесеннымъ въ любой городокъ южной Германіи, а случайно выглядывающая изъ-за забора или угла

дома стройная пальма, краса Палестины, казалась какою-то аномалией среди полнѣйшей германской жизни. Но достаточно взглянуть съ вершины Кармеля на окружающія колонію обработанныя поля, чтобы понять, что это есть сила, и сила предъ которою ничто всѣ усилія епископовъ и протестантскихъ миссіонеровъ. Благодаря этимъ колонистамъ ходятъ нынѣ diligенсы между Кайрой и Акрой и можно проѣхать по колесной дорогѣ до Назарета. Яффская колонія прежде всего развела цѣлый лѣсъ, до 2.000 деревьевъ, противолѣкорачивыхъ эвкалиптъ; между Яффою и Иерусалимомъ везуть вась, правда, пока еще въ открытомъ шарабанѣ, но съ кучеромъ Нѣмцемъ, который, покуривая свою коротенькую трубочку, тормозитъ при спускахъ и сходить съ козелъ при подъемахъ, какъ на любой дорогѣ въ Швабскихъ альпахъ. Встрѣтите по дорогѣ досмотрщика надъ ремонтомъ шоссе—вы услышите отъ него нѣмецкую рѣчь; взойдете въ гостиницу на лутц—все та же Германія.“ Въ 1851 году прѣбылъ въ Иерусалимъ пасторъ Флиднеръ съ четырьмя кайзервертскими діакониссами и поселился въ небольшомъ домѣ, въ которомъ три комнаты были отдѣлены для больныхъ, для странниковъ и для школы. Въ настоящее время каждая изъ этихъ *комнатъ* разрослась въ *большое самостоятельное заведеніе*. Въ госпиталѣ лѣчились въ 1880 году 650 человекъ и подана помощь болѣе чѣмъ 5.000 приходящихъ больныхъ. Для школы построены особый домъ, обошедшійся діакониссамъ въ 40.000 рублей; въ школѣ этой воспитываются 110 дѣвочекъ, почти исключительно туземокъ. Пріютъ для странниковъ такъ увеличился что передавъ въ завѣдываніе прусскаго ордена Иоаннитовъ.

Къ этой *культурной* пропагандѣ протестантскаго міра, говорить г. Хитрово, слѣдуетъ присовокупить также и различныя ученыя общества и изъ года въ годъ повторающіяся ученыя экспедиціи и путешествія важныя въ томъ отношеніи что поддерживаютъ въ образованныхъ классахъ интересъ къ Святой Землѣ. Сотни Европейцевъ развѣзжающихъ по Святой Землѣ важны какъ проводники политическаго вліянія. Указавъ на посылку Германскимъ правительствомъ двухъ ученыхъ въ городъ Тиръ для отысканія костей Фридриха Барбароссы и упомянувъ что результатомъ экспедиціи было убѣжденіе что Барбаросса вѣроятно никогда и не былъ здѣсь похороненъ, г. Хитрово прибавляетъ: „Важнѣе, конечно, не

этотъ научный результатъ, до котораго нѣмецкіе ученые могли бы додуматься и на своей родинѣ. Важно то обаяніе которое пріобрѣтается подобными экспедиціями на мѣстномъ населеніи, и я полагаю что въ Турѣ и его окрестностяхъ еще долго будутъ помнить сорившихъ деньгами двухъ Пруссовъ которымъ ни паша, ни даже самъ султанъ не смѣли запретить рыть и копать, гдѣ и сколько имъ было угодно.“

Весьма интересно описываетъ авторъ какъ возникаютъ въ Святой Землѣ католическія и протестантскія общины.

„Вглядитесь, говоритъ онъ, какъ возникаетъ въ Святой Землѣ латинская община. Въ деревнѣ является путешественникъ, по костюму даже трудно признать въ немъ духовное лицо. Второй и третій разъ является онъ, сводитъ знакомство съ мѣстными шейхами, поможетъ больнымъ, приласкаетъ дѣтей, подаритъ кому красный шнурокъ, кому цвѣтокъ или картинку, кому металлическую медаль „непорочнаго зачатія“. Посѣщеніе дѣлается каждый разъ все продолжительнѣе, и въ одно изъ нихъ онъ уже не уѣзжаетъ, помѣстившись въ какой-либо изъ неравнливыхъ хижинъ Феллаха. Раздѣлая жизнь мѣстныхъ жителей, какъ бы неохотно втягиваясь въ нее, дѣлается онъ совѣтникомъ, учителемъ, нерѣдко защитникомъ. Первый шагъ къ образованію латинской общины сдѣланъ. Тогда приступаютъ ко второму шагу. Каждый обязанный, получившій ли подарокъ или услугу, признается уже членомъ латинской общины: миссіонеръ начинаетъ учить дѣтей, но число ихъ увеличивается, помѣщеніе становится тѣсно. „Жалко видѣть стремленіе этихъ многочисленныхъ дѣтей къ ученію“, такъ обыкновенно лишется въ журналахъ и газетахъ, „а между тѣмъ, кромѣ доброй воли, средствъ не имѣется, дѣти эти пропадають въ рукахъ невѣжественныхъ невѣрныхъ, а тѣмъ болѣе *схизматическихъ* родителей.“ Другаго названія нѣтъ для насъ бѣдныхъ православныхъ. Черезъ малое время, смотришь, начинается уже, на пріобрѣтенной землѣ, возводиться зданіе которое окажется помѣщеніемъ для миссіонера, отводится комната для школы, а другая для аятаря. Дѣти прислуживаютъ при богослуженіи, въ бѣлыхъ платьяхъ и розовыхъ вѣнкахъ, со статуями въ рукахъ, ходятъ они въ процессіи вокругъ дома. Ихъ примѣру слѣдуютъ и родители, ничего подобнаго не видавшіе. А между тѣмъ услуги, совѣты, а, главное, для этого забытаго населенія—защита, дѣлають свое дѣло. Выстроится домъ,

олять статьи въ журналахъ и газетахъ: „Желающихъ молиться такъ много что комната ихъ не вмѣщаетъ, сердце „обливается кровью видѣть этихъ схизматиковъ, лишенныхъ „религіознаго утѣшенія.““ Кстати присовокупляется разказъ о мальчикѣ который въ дребезги бы разбился, еслибы не призвалъ вовремя на помощь Св. Иосифа; разказъ о дѣвочкѣ долго борющейся со смертію и требующей непремѣнно увидѣть добраго отца Северина или мать Терезію и при исполненіи ея желанія умирающей съ радостію, въ увѣренности что тотъ или другая спасутъ отъ схизмы ихъ несчастныхъ родителей. Смотришь, начинается класться фундаментъ церкви и, не проходитъ года или двухъ, и тамъ, гдѣ о латинской общинѣ и помину не было, является новая латинская община.“

Вотъ, въ параллель къ только-что приведенному описанію, разказъ о возникновеніи протестантской общины.

„Прежде всего является въ извѣстномъ мѣстѣ консуль, окруженный кавасами и драгоманами, съ торжественностію намѣчаетъ мѣсто на которомъ начинають возводиться въ широкихъ размѣрахъ: домъ для школы, храмъ, домъ для пастора, кругомъ садъ и служебныя пристройки, все это обнесено красивымъ заборомъ и рѣшеткой. Когда все устроено, убрано съ европейскимъ комфортомъ, тогда является какъ бы на придачу ко всему самъ пасторъ съ чадами и домочадцами. Затѣмъ не онъ идетъ къ населенію, не онъ заискиваетъ въ немъ—онъ годъ проведетъ со своею семьей въ домѣ, храмѣ и школѣ, какъ бы говоря: „понадоблюсь я, а еще болѣе—защита моего консула, и вы охотой или нехотя, рано или поздно, а придете ко мнѣ и хотя для вида наполните мою школу, мои храмы.““ Какъ говорить, такъ и сбывается.“

Сравнивая дѣятельность протестантскихъ и католическихъ миссіонеровъ, г. Хитрово отдаетъ преимущество послѣднимъ. По его словамъ „земныя стремленія“ рѣзче выдаются у протестантовъ, выдвигаются на первый планъ, между тѣмъ какъ у католическихъ миссіонеровъ имѣють большую силу „стремленія идеальныя“. Католическіе миссіонеры умѣють необыкновенно искусно дѣйствовать на туземное населеніе и на восточную фантазію. Г. Хитрово приводит описаніе религіозной католической процессіи: шествіе открываютъ шесть чернѣйшихъ Негровъ въ бѣлыхъ одеждахъ; статуя Лурдской Богоматери несетса хорошенькими дѣтьми; мальчики несутъ изящныя фонари; дѣвочки посылають луть цвѣтами изъ красивыхъ

коробочекъ и т. д. „Предоставляю судить,“ говоритъ г. Хитрово, „насколько подобная процессія, подъ сипимъ небомъ Палестины, среди южной растительности, окруженная облаками еуміама, со звуками, далеко разносимыми по воздуху, священныѣхъ гимновъ, должна дѣйствовать и дѣйствительно дѣйствуетъ на пристрастныхъ ко всѣмъ зрѣлищамъ и лачкъ до всего блестящаго—южныхъ жителей. А такихъ процессій въ Иерусалимѣ и его окрестностяхъ бываетъ по вѣскольку въ мѣсяцъ.“ Весьма краснорѣчивы цифры приводимыя авторомъ. Въ 1840 году латинянь было до 2.000 чело-вѣкъ и до 30 латинскихъ учрежденій въ 10 разныхъ мѣстахъ Святой Земли. Въ 1881 году число латинянь возрасло до 12.000 чело-вѣкъ, а число латинскихъ учрежденій до 150, въ томъ числѣ 56 учебныхъ заведеній, въ 36 разныхъ мѣстахъ Святой Земли. За отсутствіемъ цмьхъ школъ и вслѣдствіе образцоваго вѣшняго порядка въ латинскія школы отдають на воспитаніе и православныхъ дѣтей.

Если припомнимъ какъ живучи впечатлѣнія перваго дѣтства, если отдадимъ себѣ отчетъ въ бѣдности и политическомъ угнетеніи православнаго туземнаго населенія, то для насъ станетъ яснымъ, что большинство этихъ воспитанниковъ протестантскихъ и латинскихъ школъ составляютъ ежегодное приращеніе иновѣрныхъ общинъ, и что безъ принятія неотложныхъ, энергическихъ мѣръ противодѣйствія имъ, *достаточно будетъ немногихъ лѣтъ чтобы православіе перестало существовать въ той именно странѣ гдѣ возсіяло Солнце Правды и откуда свѣтъ Христова ученія распространился по лицу всей вселенной.*“ Г. Хитрово приводитъ весьма характерный примѣръ изъ школьной практики католическаго „пріюта Сіонскихъ сестеръ“: одна восьмилѣтняя дѣвочка была исключена изъ этой школы за то что ея православная мать *осмѣлилась причащать и въ русской церкви.*

Что же дѣлало за это время православіе?

Поставивъ этотъ вопросъ г. Хитрово прежде всего сознаетъ ся что когда онъ излагалъ дѣятельность протестантства и католичества въ Палестинѣ, то его затрудняло обиліе матеріаловъ: матеріаловъ этихъ было такъ много что онъ не зналъ какъ съ ними справиться. „Иной страхъ овладѣваетъ мною когда приходится излагать настоящее положеніе православія въ Святой Землѣ,—страхъ, происходящій отъ полнаго отсутствія

материаловъ. Двѣ, три книги и съ небольшимъ 30 газетныхъ корреспонденцій и журнальныхъ статей—вотъ весь годово́й итогъ русской палестинской библиографіи. Прибавьте къ этому такое же количество греческихъ статей, и вы будете имѣть весь православный матеріалъ о Святой Землѣ. Если же вы матеріалъ этотъ будете цѣнить не по количеству, а по качеству, то и того будетъ еще меньше. Какъ ни грустно, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ ни совѣстно, а приходится сознаваться что для того чтобы слѣдить за событіями православной жизни на Востока, кромѣ частныхъ разспросовъ и разговоровъ, что не всегда бываетъ удобно, приходится по преимуществу прибѣгать къ иностраннымъ изданіямъ. А насколько чтеніе подобныхъ изданій бываетъ тяжело, можно заключить изъ того что выраженія: схизматики, еретики, ученики и послѣдователи Фотія—суть еще самыя безобидныя названія, употребляемыя какъ нѣчто совсѣмъ обыкновенное западными не только духовными, но и свѣтскими писателями, когда дѣло касается православныхъ. „Вслѣдствіе такой скудости матеріаловъ г. Хитрово заранѣе извиняется на тотъ случай если бы представляемый имъ очеркъ настоящаго положенія православія въ Палестинѣ оказался неполнымъ. Авторъ заявляетъ что его „цѣль будетъ отчасти достигнута“, если очеркъ этотъ вызоветъ возраженія, дополненія или опроверженія.“

Православные занимаютъ въ Святой Землѣ особое положеніе сравнительно съ прочими христіанами. Въ протестантской и латинской общинахъ пришлое духовенство и туземная паства суть подданные различныхъ правительствъ, между тѣмъ какъ православное духовенство и православная паства—подданные одного и того же мусульманскаго правительства. Это вопервыхъ. А вовторыхъ, православные не составляютъ въ Турціи случайную христіанскую общину, образованную въ новѣйшее время, каковы, напримѣръ, общины протестантская и латинская. „Православные—это исконные туземные жители, принявшіе свѣтъ Христова ученія отъ самихъ апостоловъ и составлявшіе со своими единовѣрцами, подданными Византійскихъ императоровъ—единую, святую Апостольскую церковь, въ единеніи которой не могло быть рѣчи о какомъ-либо различіи національностей.“ Въ какомъ же положеніи стоитъ теперь это исконное православіе Палестины къ пришлымъ христіанскимъ общинамъ, къ латинству и протестантству? Мы уже видѣли какъ побѣдоносно

дѣйствуетъ католичество противъ того что оно считаетъ „схизмой“; мы видѣли что за послѣдніе двадцать лѣтъ двѣа треть православныхъ туземцевъ обращена къ ученію латинской церкви и что это обращеніе продолжается все далѣе и далѣе. Что же протестантизмъ? Въ какомъ отношеніи къ нему находится православіе? Отвѣтъ на это мы находимъ въ приводимомъ г. Хитрово отрывкѣ изъ рѣчи произнесенной англо-прусскимъ еписколомъ Гобатомъ († 1879) при его посвященіи. „Одна только англиканская церковь,“ публично и торжественно заявилъ Гобать, „можетъ вдохнуть новый духъ въ пришедшую въ упадокъ и безжизненность Восточную церковь.“ Въ официальномъ письмѣ къ лорду Пальмерстону Гобать высказывалъ „что обращеніе православныхъ въ протестанство не есть вмѣшательство въ дѣла Восточной церкви, а прямая его обязанность, какъ протестантскаго епископа.“ Слѣдовательно православіе въ Палестинѣ не есть церковь торжествующая; это церковь борющаяся. Борьба стояла особенно горячею и опасною за послѣднія сорокъ лѣтъ. Какъ велась со стороны православія эта борьба? „Подводя итогъ 350лѣтней дѣятельности Иерусалимскаго патріархата и вполнѣ сознавая услугу его относительно сохраненія Святыхъ Мѣстъ“, говоритъ г. Хитрово, „слѣдуетъ, чтобы быть безпристрастнымъ, также сознаться что въ послѣднія сорокъ лѣтъ, для борьбы съ пловѣрными пролагадами, для поддержанія туземной православной паствы, Иерусалимскимъ патріархатомъ не было сдѣлано—ровно ничего.“

Въ чемъ же заключаются причины этого бездѣйствія и бесилія?

Главною причиною самъ патріархатъ признаетъ свое безденежье. По мнѣнію г. Хитрово, „причину эту едва ли можно признать справедливою и это легко было бы доказать еслибы въ Святогробскомъ братствѣ существовалъ хоть бы не контроль, но простое денежное счетоводство“. Авторъ лично сомнѣвается въ существованіи такого счетоводства: во всякомъ случаѣ оно составляетъ „недостижимую тайну“ для самихъ членовъ братства, и бюджетъ патріархата приходится „воссоздавать приблизительно“. По расчету г. Хитрово, подробности котораго мы здѣсь не приводимъ, у патріархата должно было бы ежегодно оставаться до 50 тысячъ рублей, а между тѣмъ въ дѣйствительности не только не оказывается остатка, но въ послѣднія девять лѣтъ патріархатомъ

еще сдѣлано 700 тысячъ рублей долга, за который приходится платить въ годъ до 100 тысячъ руб. процентовъ. Интересно сопоставить съ этими цифрами другія. Въ теченіе 80 лѣтъ, т.-е. съ 1800 по 1880 годъ, ежегодный доходъ частныхъ протестантскихъ миссіонерскихъ обществъ возросъ съ 300 тысячъ до *восьми миллионъ*.

„Но болѣе отсутствія достаточныхъ денежныхъ средствъ губить патріархатъ отсутствіе дисциплины.“ Въ чемъ же выражается оно? Въ возможности возводить и низлагать Иерусалимскихъ православныхъ патріарховъ посредствомъ интригъ и денегъ. „Примѣръ частыхъ смѣненій Константинопольскихъ патріарховъ перенесенъ въ Иерусалимъ, съ тою только разницей что свѣтскій элементъ, столь сильный въ Константинополь, не существуетъ вовсе въ Иерусалимѣ, что въ Константинополь имѣетъ еще вѣсь голоса Порты, замѣняемой въ Иерусалимѣ лишь губернаторомъ, и такимъ образомъ въ Иерусалимѣ избраніе и низложеніе патріарха оказывается всецѣло въ рукахъ одного Святогробскаго братства, и стоитъ сему послѣднему сойтись съ іерусалимскимъ папой или Константинопольскимъ патріархомъ чтобы сослать въ изгнаніе стараго патріарха и обезпечить выборъ новаго. Помянуто что при такомъ положеніи дѣлъ патріархъ становится только орудіемъ того или другаго изъ членовъ Святогробскаго братства и встрѣчаетъ при малѣйшемъ стремленіи къ самостоятельности противъ себя все братство, которое только въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуетъ сообща. Въ остальныхъ же каждый ведетъ борьбу противъ всѣхъ, съ цѣлью получить болѣе доходное мѣсто, а при случаѣ патріаршее достоинство, а такъ какъ для всякой борьбы, а особенно на Востокѣ, необходимы деньги, то погоня за ними сдѣлалась, къ крайнему прискорбію, отличительною чертой большинства членовъ Святогробскаго братства.“

Начало этому грустному положенію вещей положено, по мнѣнію г. Хитрово, ошибкой блаженнаго патріарха Кирилла. Уроженецъ Крита, онъ не могъ свергнуть тяготѣвшаго надъ нимъ вліянія Константинопольскаго патріархата. Замѣнивъ „прішельцами съ Архипелага“ вымирающихъ старыхъ членовъ Святогробскаго братства, жившихъ трехсотлѣтними предавіями, патріархъ Кириллъ ввелъ въ составъ Иерусалимскаго синода новый элементъ, который г. Хитрово считаетъ „растлѣвающимъ“ и жертвой котораго сдѣлался самъ Кириллъ.

„Во время несчастной распри Константинопольскаго патріархата съ Болгарами онъ, за заступничество за сихъ послѣднихъ, былъ низложенъ и подъ предлогомъ сторонничества Россіи, его, 80лѣтняго старца, осмѣливагося быть не одного мнѣнія съ Константинопольскимъ патріархомъ, въ замѣную ночь, не позволивъ съ нимъ проститься ни русскому консулу, ни начальнику русской духовной миссіи, подъ турецкимъ конвоемъ, увезли верхомъ въ Яффу, а оттуда отправили въ заточеніе на одинъ изъ Приацевыхъ острововъ, гдѣ онъ и скончался.“

Въ чемъ же заключается „растлѣвающее“ вліяніе заставляющихъ теперь въ Иерусалимскомъ синодѣ „прішельцевъ съ Архилелага“? Оно заключается въ томъ что въ Иерусалимскій патріархатъ все болѣе и болѣе прокрадывается чуждый церкви духъ раздѣленія по національностямъ, духъ сѣющихъ плевелъ раздора. Въ патріархатѣ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ все болѣе сторонниковъ *панэллинизмъ* и *руссофобство*. Г. Хитрово ближе опредѣляетъ эти понятія. Указавъ на то что духъ раздѣленія православныхъ по національностямъ не присущъ церкви, что онъ есть порожденіе Запада, что до начала XIX столѣтія всѣ православные подданные Турецкихъ султановъ составляли одно неразрывное цѣлое, не раздѣляясь на Грековъ, Болгаръ, Сербовъ, Арабовъ и т. д., г. Хитрово продолжаетъ:

„Среди этого православнаго населенія выдавались Фанариоты, жители православнаго квартала Константинополя—Фанара. Выдѣлялись потому что, какъ неоднократно было уже замѣчено, преобладающее значеніе въ православномъ турецкомъ мірѣ имѣлъ Константинопольскій патріархатъ, въ которомъ свѣтскій элементъ имѣлъ всегда весьма значительное вліяніе. Этотъ свѣтскій элементъ православныхъ города Константинополя и составляли Фанариоты. Отдѣльной національности составлять они не могли, такъ какъ въ составъ ихъ входили: наследники жителей непокоренной еще Византіи, прішельцы изъ Румыніи, Сербіи, Болгаріи, острововъ Архилелага, Элады, Македоніи и другихъ провинцій Оттоманской имперіи. Такой разношерстный составъ сохранили Фанариоты и до настоящихъ дней. Если нынѣшнее Элліическое королевство съ древнею Греціей имѣетъ общаго только одну греческую азбуку, то только та же связь существуетъ между Фанариотами и выставляемою впередъ идеей панэллинизма. Я повялъ бы

еще идею, если можно такъ выразиться, лаввизантизма, идею возстановленія Византийской имперіи, но для этого необходима сила которая слотила бы во едино палестинскаго Феллаха съ Сербомъ, Колта съ Румыномъ, а этой силы конечно у Фшариотовъ нѣтъ и искать ее слѣдуетъ не въ національности, а въ церкви. Филлеленизмъ и результатъ его лаввизантизмъ есть порожденіе западнаго увлеченія въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія греческимъ возстаніемъ; оттуда же, съ Запада, перешли они къ quasi-образованнымъ классамъ Эллинскаго королевства и Турецкой имперіи. Если еще въ первомъ изъ нихъ они имѣють отчасти свою *raison d'être*, то едва ли во второй они имѣють другое значеніе какъ затверженный полугаимъ урокъ. Отсюда же, съ Запада, и по той же причинѣ, идетъ къ этимъ quasi-образованнымъ классамъ и руссофобство. Со всею неблагодарностію обязаннаго, забывая что своимъ нынѣшнимъ положеніемъ православные на Востокаъ обязаны исключительно одной только Россіи, они удивляются какъ до сихъ поръ Россія пользуется вліяніемъ на массу необразованныхъ православныхъ и, вмѣсто того чтобъ объяснить это себѣ просто тѣмъ что не всѣ же обязаны быть неблагодарными, они, также со словъ Запада, громко кричатъ противъ всепоглощающаго стремленія сѣвернаго медвѣдя. Эти, такъ-сказать, модныя политическія воззрѣнія восточныхъ людей обуяли и архиепеллагскихъ прительцевъ Іерусалимскаго патріархата.“

По словамъ г. Хитрово, разладъ высшаго духовенства Іерусалимскаго патріархата съ мѣстнымъ православнымъ населеніемъ принимаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе острый характеръ. „Константинопольская партія“ восторжествовала послѣ низложенія Кирилла, и съ той поры разладъ этотъ сдѣлался особенно ощутителенъ. Отношеніе протестантскаго и католическаго духовенства къ своимъ ластвамъ, его заступничество религиозное и политическое съ каждымъ днемъ нагляднѣе указываютъ „оставленному безъ призора“ православному населенію его угнетенное положеніе, заставляя его дѣлать далеко неутѣшительныя для себя сравненія. Сердце читателя болѣзненно сжимается когда г. Хитрово сообщаетъ *общій результатъ* того что онъ лично видѣлъ проѣзжая Святую Землю въ 1880 году. Въ предѣлахъ Іерусалимскаго патріархата *нѣтъ ни одной православной школы*. Болгарскіе храмы, при видѣ которыхъ въ послѣднее время „сердце

православныхъ обливалось кровью“, *похожи на соборы* при сравненіи ихъ съ туземными храмами въ Святой Землѣ. При храмахъ *часто не иждется священнослужителей*. Въ Лиддѣ, кафедрѣ архіепископской, смотрѣніе за храмомъ Св. Георгія, однимъ изъ величественнѣйшихъ во всей Палестинѣ, поручено простому прислужнику, ибо прежній священникъ умеръ, а новый нашелъ пребываніе въ Лиддѣ для себя невыгоднымъ. „И это въ Лиддѣ, гдѣ считается до 2.000 православныхъ и которая лежитъ почти на большой дорогѣ изъ Яффы до Іерусалима. Что же послѣ этого требовать для небольшихъ селеній раскиданныхъ вдали отъ торныхъ дорогъ?“

Сознаетъ ли Іерусалимскій патріархатъ всю опасность такого положенія дѣла „грозящаго привести къ поголовному переходу“ православныхъ въ иновѣрные общины? Нѣтъ, отвѣчаетъ г. Хитрово. Патріархатъ видитъ въ этомъ движеніи лишь „интригу Россіи, желающей будто бы выгнать греческихъ пришельцевъ, замѣнить ихъ туземцами и черезъ нихъ пріобрѣсти вліяніе въ патріархатѣ. Положеніе армянскаго патріарха въ Іерусалимѣ составляетъ идеалъ, даже нескрываемый, для многихъ изъ Святогробскаго братства“. Въ чемъ же состоитъ этотъ идеалъ?—Патріархатъ безъ ластвы; доходы тѣ же, расходовъ меньше; корпорація эллинская и уничтоженіе предлога для русскаго вмѣшательства. Въ 1840 году православные составляли слишкомъ 90% христіанскаго населенія Святой Земли; въ 1880 году число ихъ составляло лишь 67% того же населенія. На 13.000 латинянь и протестантовъ существуютъ 82 латинскія и протестантскія школы. На 26.000 православныхъ существуютъ лишь *дѣтъ школы* и то въ одномъ Іерусалимѣ. „Если по прошедшему судить о будущемъ, то можно почти съ достовѣрностію сказать что менѣе чѣмъ чрезъ полвѣка въ Святой Землѣ останутся православными только 100 или 200 членовъ Святогробскаго братства.“

Гдѣ же искать защиты православію? Великая, единственная защитница православія есть Россія. Последняя глава изслѣдованія г. Хитрово посвящена обзорѣнію того что было сдѣлано Россіей для поддержанія православія въ Святой Землѣ. Приводимъ изъ нея конечные выводы автора.

„Подводя затѣмъ итоги достигнутаго нами въ теченіе 35 лѣтъ нашихъ непосредственныхъ дѣйствій въ Святой Землѣ мы должны сознаться что за исключеніемъ русскихъ построекъ,

оказывающихся впрочемъ нынѣ недостаточными даже для половины нашихъ поклонниковъ, кое-что нами добытое слѣдуетъ приписать преимущественно нашей духовной миссиі.

„Такъ, благодаря личнымъ переговорамъ преосвященнаго Кирилла съ французскимъ консуломъ Барреромъ, дождь льется болѣе на часовню Гроба Господня и ее покрываетъ куполъ сооруженный на совмѣстныхъ средства Русскаго и Французскаго правительствъ.

„Такъ, благодаря ежегоднымъ щедротамъ покойной государыни императрицы, подъ надзоромъ нашей духовной миссиі, устроена въ Бейтъ-Джалѣ единственная во всей Святой Землѣ школа для православныхъ дѣвочекъ, о которой латинскій патріархъ Викентій Бракко въ своемъ отчетѣ, уломяая о Бейтъ-Джалской латинской женской школѣ, выразился: что эта послѣдняя служить дѣйствительнымъ противовѣсомъ для школы Русскихъ.

„Наконецъ, благодаря частнымъ скуднымъ пожертвованіямъ, цифра которыхъ въ 10 лѣтъ, съ 1865 по 1875, едва превзошла 50 тыс. руб., теперешнему начальнику нашей духовной миссиі, архимандриту Антонину, удалось не только закрѣпить за Россіей земельные участки въ Яффѣ, Тиверіадѣ, Іерихонѣ, на горѣ Елеонской и около дуба Мамвритскаго, но и соорудить на нихъ пріюты для посѣщающихъ эти Святыя Мѣста православныхъ поклонниковъ и съ Божіею помощію—церкви, въ которыхъ они могутъ молиться, и это въ то время когда наше мѣсто близъ храма Гроба Господня, находящееся въ завѣданіи Палестинскаго комитета, остается такимъ же заглохшимъ пустыремъ какъ и 25 лѣтъ тому назадъ. Одна исторія этихъ пріобрѣтеній и сооруженій, не потребовавшихъ отъ Русскаго правительства ни копѣйки денегъ, а между тѣмъ безо всякаго спора содѣйствовавшихъ къ поддержанію русскаго вліянія, могла бы послужить лучшею иллюстраціей къ этой борьбѣ, которую приходится Русскимъ же выдерживать съ тѣми для которыхъ защита русскихъ интересовъ и содѣйствіе имъ должны быть единственною обязанностію.

„Дѣйствительно, благодаря всему вышелприведенному, мы теперь въ Святой Землѣ не нуждаемся болѣе въ греческомъ гостепріимствѣ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ половина русскихъ поклонниковъ находятъ пріютъ въ своихъ родственныхъ постройкахъ, мы имѣемъ возможность вдали отъ родины слышать на родномъ языкѣ богослуженіе совершаемое такъ благолѣпно что оно поражаетъ даже иностранцевъ, но для поднятія значенія Россіи въ Святой Землѣ, для поддержанія тамъ православія, придется повторить вышелприведенныя слова о миссиі преосвященнаго Порфирія: нами не сдѣлано ничего.

„Затѣмъ какая и кому польза добираться, въ комъ или въ чемъ искать вину такого глубоко безотраднaго положенія православія въ Святой Землѣ.

„Вина прежде всего въ насъ самихъ, для которыхъ вопросы о православіи и его колыбели становятся тысячестепенными среди другихъ вопросовъ ежедневной нашей жизни. Но сознание сдѣланныхъ ошибокъ должно служить намъ урокомъ для будущаго.

„Оканчивая, позволю себѣ только напомнить вытекающее изъ всего сказаннаго.

„Помимо обще-религіознаго значенія, Святая Земля имѣетъ для насъ еще два особо выдающихся значенія: политическое и нравственно-образовательное.

„Мы не должны забывать завѣта на насъ возложеннаго—защиты православія и помнить также мною выше приведенныя слова протестанта Американца Робинсона: если католикъ—прирожденный союзникъ Франціи, протестантъ—Англии и Германіи, то православный—такой же союзникъ Россіи. Если Иерусалимскій патріархатъ забываетъ это, то онъ вѣроятно хорошо помнитъ что половина его денежныхъ средствъ идетъ изъ Россіи и что Россія всегда можетъ дать ему это почувствовать.

„Мы не должны забывать тѣхъ трехъ тысячъ русскихъ поклонниковъ которые ежегодно посѣщаютъ Святыя Мѣста, и помнить что благодаря этимъ сѣрымъ мужичкамъ и бабамъ, ходящимъ по ней словно по любви русской губерніи, поддерживается въ Святой Землѣ то влияние на мѣстное населеніе, котораго достигаютъ иноверныя общины своими учеными экспедиціями.

„Не отвергаю что среди Русскихъ встрѣчаются въ Иерусалимѣ личности не заслуживающія никакого уваженія, но эти единичныя личности исключительно, слѣдуетъ сознаться, принадлежать не къ простонародію. За то посмотрите, какъ большая часть русскихъ простолюдиновъ богомольцевъ, пришедшихъ не рѣдко изъ Сибири, пѣшкомъ, терпя лишения, нужды и непогоды—вѣрять и молится. Въ этой, немудрующей лукаво, вѣрѣ слѣдуетъ искать причину того огромнаго влияния которое имѣютъ на Русскій народъ со временъ еще Св. Θεодосія Печерскаго—странника изъ Иерусалима. Расходясь, по возвращеніи въ Россію, до отдаленнѣйшихъ ея окраинъ, они желанные гости въ любой крестьянской избѣ, гдѣ старъ и малъ заслушиваются ихъ разказовъ.

„Поэтому въ чьи руки они попадаютъ при своемъ богомольи, что вывозятъ изъ него, не можетъ и не должно быть безразлично для Россіи.

„Представивъ такимъ образомъ, насколько могъ и сумѣлъ, что въ теченіе прошедшихъ 40 лѣтъ сдѣлано протестантскою и латинскою общинами и что не сдѣлано Иерусалимскимъ патріархатомъ и нами, казалось необходимымъ дополненіемъ высказать: что же слѣдуетъ дѣлать православнымъ въ будущемъ? Но предметомъ этой статьи было прошедшее и настоящее, а не будущее. Не говорю о будущемъ и потому что

припоминаю девизъ который приводилъ выше: Сила не въ силѣ, сила въ любви. Если же будетъ любовь, то сердце всегда вѣрно подскажетъ что и какъ сдѣлать.“

С. В.

III.

Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко. Изданіе второе исправленное и дополненное, С.-Петербургъ, 1881.

По случаю открытія въ Нѣжинѣ памятникъ Гоголя вышелъ вторымъ дополненнымъ изданіемъ любопытный сборникъ, заглавіе котораго здѣсь выписано. Сборникъ составленъ известнымъ издателемъ великихъ поэтовъ въ русскомъ переводѣ Н. В. Гербелемъ, который самъ былъ воспитанникомъ Нѣжинскаго лицея, и составленъ какъ все издаваемое почтеннымъ переводчикомъ весьма тщательно. Книга издана изящно, снабжена портретами и раздѣлена на два отдѣла. Въ первомъ, открывающемся стихотвореніемъ г. Гербеля *Въ дорогу*, помѣщены статьи *Нѣжинъ* г. Сребняцкаго, *Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко* г. Лавровскаго, обстоятельная статья заключающая въ себѣ очеркъ исторіи этого весьма оригинальнаго учрежденія; далѣе *Лицей князя Безбородко* г. Сребняцкаго и длинный рядъ біографій основателей и почетныхъ почитателей, директоровъ, профессоровъ и замѣчательнѣйшихъ воспитанниковъ этого учрежденія, между которыми, кромѣ Гоголя и Кукольника, встрѣчаемъ Базиліа, Гербеля, Гребенку, Журавскаго, Каталя, Рѣдкина, Рославскаго-Петровскаго, Сементовскихъ и другихъ. Во второмъ отдѣлѣ помѣщенъ списокъ сочиненій литераторовъ получившихъ воспитаніе въ гимназіи и лицей, составленный г. Гербелемъ; нѣсколько шуточныхъ произведеній нѣжинскихъ студентовъ начиная съ шуточного посланія Гоголя; списокъ должностныхъ лицъ и наконецъ списокъ студентовъ.

Гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ открылась въ 1820 году, хотя пожертвованіе на ея учрежденіе было сдѣлано еще въ 1805 году графомъ Ильею Андреевичемъ Безбородко; во исполненіе завѣщанія его брата оставившаго значительный капиталъ на богоугодныя заведенія. Императоръ Александръ I утвердилъ пожертвованіе и пожаловалъ графу Безбородко орденъ Св. Владиміра I класса. Приступлено къ возведенію зданія, обошедшагося въ шестьсотъ тысячъ рублей и оконченнаго

только чрезъ много лѣтъ, такъ что гимназія могла открыться лишь чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ состоявшагося пожертвованія, въ 1820 году, когда графъ И. А. Безбородко уже умеръ и ближайшимъ наслѣдникомъ его остался пятнадцатилѣтній сынъ старшей его дочери графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко.

Первымъ устройствомъ и начальнымъ процвѣтаніемъ новое заведеніе было обязано первымъ директорамъ своимъ, двумъ ученымъ вызваннымъ изъ славянскихъ земель, Кукольнику, отцу извѣстнаго писателя, и Орлаю, особенно послѣднему. Дальнѣйшая судьба заведенія представляетъ рядъ превратностей. Въ эпоху Александра I возникло много высшихъ учебныхъ заведеній, одни по общему германскому типу университетовъ, другія, какъ Царскоселскій Лицей, Демидовское училище высшихъ наукъ въ Ярославлѣ, Гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, по планамъ болѣе или менѣе оригинальнымъ. Оригинальность къ сожалѣнію не особенно удалась. Лицей, какъ учрежденіе государственное, въ высшей степени привилегированное, правда, процвѣтаетъ, но въ ущербъ распространенію серіозныхъ знаній, такъ какъ имѣетъ назначеніемъ открывать доступъ къ высшей государственной службѣ, съ обширными правами, путемъ облегченнаго, поверхностнаго обученія. Основанныя на частныя пожертвованія заведенія въ Ярославлѣ и Нѣжинѣ въ теченіе болѣе полувѣка прошли чрезъ рядъ преобразованій и все еще ищутъ своего назначенія. Ихъ первоначальная оригинальность отчасти по бѣдности нашихъ педагогическихъ силъ, не оказалась настолько живучею чтобы сохраниться и развиваться съ теченіемъ времени. Воспреобладало, напротивъ того, стремленіе войти въ привычную колею казенныхъ учебныхъ заведеній. Министерство Народнаго Просвѣщенія не разъ приходило въ затрудненіе что сдѣлать съ этими учрежденіями и по цѣлямъ, и по средствамъ, и по мѣстностямъ не укладывавшимся въ рутинныя рамки, и какъ подладить ихъ къ общепринятымъ формамъ. Нынѣ Демидовское училище есть подъ бокомъ Московскаго Университета находящійся юридическій факультетъ. Нѣжинская гимназія, въ 1832 году преобразованная въ Лицей со спеціальнымъ физико-математическимъ направленіемъ, была въ 1840 передѣлана въ Лицей юридическихъ наукъ, почти было закрытый по проекту 1865 года, сдѣлавшійся затѣмъ по слабости пріемныхъ испытаній лазейкой въ университетъ,

ставшей наконецъ съ 1874 года Историко-Филологическимъ Институтомъ.

Въ первую эпоху существованія Нѣжинскаго училища, несмотря на всѣ недостатки, замѣтно присутствіе живой педагогической струи, благодаря дѣятельности двухъ пришельцевъ принесшихъ на службу нашего отечества свое европейское образованіе. И едва ли случайнымъ только совпаденіемъ надлежитъ объяснять то обстоятельство что Нѣжинское училище именно въ первую эпоху своего существованія выпустило нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей. Н. В. Кукольникъ написалъ небольшой біографическій очеркъ объ отцѣ своемъ, первомъ директорѣ и объ И. С. Орлаѣ его преемникѣ. Очеркъ этотъ по интересу своему занимаетъ видное мѣсто въ сборникѣ г. Гербеля.

„Иванъ Семеновичъ Орлаѣ, лишетъ Кукольникъ, въ 1790 году былъ профессоромъ словесныхъ наукъ въ Велико-Карловской гимназій, откуда перебрался въ С.-Петербургъ. Бросивъ учительское поприще, онъ опредѣлился въ Медико-Хирургическое училище студентомъ, а чрезъ полтора года выдержалъ экзаменъ въ Государственной Коллегіи и былъ назначенъ лѣкаремъ въ генеральную сухопутную гошпиталь. Слособности и познанія Орлаѣ обратили на него тогда же вниманіе начальства, такъ что въ сентябрѣ того же года онъ былъ сдѣланъ помощникомъ ученаго секретаря той же Коллегіи, которая поручила ему привести въ порядокъ находившуюся при Коллегіи весьма разстроенную библіотеку и анатомико-физиологическій кабинетъ. Иванъ Семеновичъ предложилъ Коллегіи и, съ ея разрѣшенія, открылъ и сталъ объяснять этотъ кабинетъ петербургской публикѣ. Лѣтомъ слѣдующаго 1794 года Коллегія отправила Ивана Семеновича за границу для усовершенствованія—прямо въ Вѣнскій университетъ, гдѣ онъ и пробылъ три года, а возвратясь занялъ прежнее мѣсто. 14 февраля 1798 года, произведенный въ штабъ-лѣкаря, Иванъ Семеновичъ назначенъ былъ, сверхъ занимаемой имъ должности, лѣкаремъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ, но тамъ оставался всего годъ, а 30 сентября 1799 года перешелъ лѣкаремъ въ почтайтѣ, постоянно сохраняя званіе помощника ученаго секретаря въ Государственн. Медицинской Коллегіи. Во все время служенія при Коллегіи Иванъ Семеновичъ тщательно собиралъ все что являлось замѣчательнаго по части медицины въ Россіи, все это переводилъ съ разныхъ языковъ на

латинскій, въкоторыя статьи пополнялъ и даже обрабатывалъ вновь. Государственная Медицинская Коллегія нашла этотъ трудъ столь важнымъ что рѣшилась напечатать отъ себя подъ заглавіемъ: *Observationes Medico-Chirurgorum Ruthenici Imperii*. 9 марта 1800 года Иванъ Семеновичъ окончательно оставилъ Коллегію и назначенъ былъ гофъ-хирургомъ его императорскаго величества; въ этомъ званіи, по случаю кончины Павла I, ему высочайше повелѣно было находиться неотлучно при тѣлѣ императора, что и продолжалось съ 12 марта до дня погребенія.

„Иванъ Семеновичъ въ 1803 году подалъ статсъ-секретарю Николаю Николаевичу Новосильцеву записку, въ которой предложилъ весьма легкое, вѣрное и дѣйствительное средство имѣть въ самомъ скоромъ времени способныхъ и знающихъ преподавателей, которые бы могли въ самый непродолжительный срокъ излагать науки по-русски. Средство это заключалось въ приглашеніи иноземныхъ наставниковъ славянскаго происхожденія, и преимущественно Карлато-Россовъ, такъ какъ они обыкновенно знаютъ основательно церковно-славянскій языкъ... Проектъ Ивана Семеновича не только былъ одобренъ безъ малѣйшей проволочки, но ему же самому, надворному совѣтнику и то, такъ-сказать, вчера только пожалованному, поручено было лично заняться этимъ дѣломъ и пригласить кого знаетъ и считаетъ способнѣйшимъ. Иванъ Семеновичъ такимъ порученіемъ не затруднился и по его приглашенію пріѣхали въ Россію: отецъ мой, профессоръ политическихъ наукъ въ Велико-Варадской Академіи М. А. Балугьянскій, профессоръ любомудрія и математики во Львовскомъ университетѣ П. Д. Лоди, профессоръ А. П. Стойковичъ, профессоръ Терлаичъ (оба изъ венгерскихъ Сербовъ) и нѣкоторые другіе. Начальство не ошиблось въ довѣренности своей и официально благодарило Ивана Семеновича за оказанную услугу, со внесеніемъ этой признательности въ послужной его списокъ.

Такимъ образомъ мѣра, первоначальная идея которой принадлежитъ Петру Великому, но которая при ея осуществленіи въ новѣйшее время вызвала такіа пристрастныя, бессмысленно несправедливыя нареканія, сослужила дважды службу рускому просвѣщенію: въ началѣ нынѣшняго вѣка и въ послѣдніе годы, когда призывъ славянскихъ педагоговъ, сдѣлавъ возможнымъ немедленное введеніе гимназической реформы.

„Василій Григорьевичъ Кукольникъ, читаемъ далѣе въ біографіи Кукольника-отца, былъ выписанъ, какъ видно изъ

писемъ Новосильцева и Орлаа, для занятія кафедръ римскаго права, но когда прѣѣхалъ въ С.-Петербургъ — кафедра была замѣщена, и графъ Завадовскій, не безъ затрудненія, принужденъ былъ спросить у отца моего: „не можетъ ли онъ преподавать что-либо другое?“ „Все то что прописано въ докторскихъ моихъ дипломахъ.“ „Неужто и физику?“ „Охотно!“ И вотъ почему отецъ мой 6 августа 1803 года попалъ въ профессора физики. Забавное сближеніе! Отецъ мой тогда еще не зналъ русскаго языка; студенты не знали иностранныхъ языковъ — и дѣти священниковъ и церковниковъ, составлявшихъ тогда всероссійскій расадникъ будущихъ наставниковъ юности, слушали физику на языкѣ славянскомъ. Въ двойныхъ трудахъ преподаванія и изученія русскаго языка Василій Григорьевичъ проводилъ безсонныя ночи, но въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже удовлетворительно изъяснялся по-русски, тогда какъ Михайло Андреевичъ Балугьянскій, когда всѣхъ трехъ утвердили въ седьмомъ классѣ и они по этому случаю представлялись Государю, на вопросъ императора Александра I, въ какой чинъ ихъ переименовали, отвѣчалъ добродушно: „Въ надворные совѣтники, ваше благородіе!“ Прибывъ въ Нѣжинъ, Василій Григорьевичъ принужденъ былъ чрезъ мѣсяць открыть курсъ ученія. Воспитанниковъ набралось до 50 и ихъ раздѣлили на два класса: больше и меньше знающихъ. Видя что преподаватели не вѣдутъ, отецъ, съ помощію сына Платона, сталъ учить всему самъ. Помаленьку стали являться и профессора, но на бѣду не всѣ тѣ которыхъ просилъ отецъ, и какъ обѣщали. Это былъ первый и слишкомъ чувствительный ударъ добросовѣстному педагогу. Надежды разомъ были уничтожены; средства отняты; къ тому присоединилась тяжкая скука ученаго, совершенно изолированнаго, потому что не только общество, но и тѣ которые должны были служить ему помощниками, не могли вполнѣ понимать видовъ его, раздѣлять его мысли и чувства, и тоска слишкомъ скоро потрясла чувствительный его организмъ. Онъ впалъ въ гипохондрію, быстро и неотразимо увлекшую его въ преждевременную могилу. Рано утромъ, 6 февраля 1821 года, никѣмъ не замѣченный, онъ выбросился изъ окна третьяго этажа и убился до смерти, на пятьдесятъ шестомъ году жизни. Тѣло Василія Григорьевича похоронено въ оградѣ стараго Нѣжинскаго монастыря, по

желанію единственнаго въ Нѣжинѣ друга его и соотечественника архимандрита Виктора.“

По смерти Кукольника И. С. Орлай согласился принять директорство въ Нѣжинѣ. Слѣдующія строки Н. В. Кукольника даютъ понятіе объ этомъ оригинальномъ организаторѣ гимназіи высшихъ наукъ въ первую эпоху ея существованія.

„Иванъ Семеновичъ легко раздражался; постепенно загораясь, онъ иногда прибѣгалъ къ пріемамъ Петровскимъ, не только въ отношеніи къ ученикамъ, но и къ преподавателямъ. Какъ не любилъ онъ ученическихъ прогулокъ по корридорамъ, такъ не жаловалъ чтобъ и преподаватели при смѣнѣ лекцій терали время въ неумѣстныхъ бесѣдахъ въ тѣхъ же корридорахъ; такъ однажды набѣжавъ слуста уже съ полчаса послѣ смѣннаго колокольчика на профессора, который за недостаткомъ матеріи для лекцій, сокращалъ время урока бесѣдой съ гувернеромъ, Иванъ Семеновичъ безъ церемоніи взявъ профессора за воротникъ, ввелъ въ классъ; „пора, пора!“ сказалъ гнѣвно и ушелъ, хлопнувъ дверью. Мы чуть не померли со смѣху. Но мы смѣялись не надъ Иваномъ Семеновичемъ, а надъ трусомъ профессоромъ, который пренебрежно хабрился предъ нами. Ставъ въ фехтовальную позу и обратясь къ замертой двери, герой восклицалъ: „а ну, ну! попробуй!“ Тѣмъ и кончилось. Вечеру того же дня я игралъ въ директорской столовой на фортепіано, а тотъ же профессоръ въ гостиной низко кланялся, слезно извинялся. Иванъ Семеновичъ все просталъ ему, даже собственную гордость и достоинствъ своею бесѣдой. Я уже имѣлъ случай говорить что Иванъ Семеновичъ любилъ Китайцевъ или правильнѣе сказать этическую сторону философіи Кунъ-Дзи. Профессоръ на свою голову зналъ это и завелъ разговоръ про далекую Хину. Вдругъ—слышу: „Потелъ вонь! самъ ты Конфуціусъ!“ и профессоръ подвергся постыдному изгнанію изъ гостиной. И по дѣломъ: вопервыхъ, потому что того вполнѣ заслуживалъ, вовторыхъ, потому что Конфуціусъ есть слово бранное, изобрѣтенное іезуитами, въ насмѣшку надъ великимъ китайскимъ философомъ Кунъ-Дзи. Хотя и теперь еще многіе называютъ философа Конфуціемъ, но такого названія Иванъ Семеновичъ не прощалъ никому, а тѣмъ болѣе профессору.

„И этотъ повидимому слабый, раздражительный, странный начальникъ умѣлъ свискивать любовь къ себѣ дѣтей почти

неограниченную. Никто въ присутствіи его никогда не забывался, но никто и не стѣснялся его присутствіемъ. Шалли напропалую, училась еще лучше и наблюдали только за тѣмъ чтобы въ шалости тая подлости не залѣзла. Такое направленіе получило характеръ рыцарскій въ особенности съ открытіемъ 7го класса. Тогда Иванъ Семеновичъ останавливалъ молодежь, если больно шалила, словами: „неловко, господа! вѣдь вы уже офицеры.“ И юношество рывалось, укладывалось въ благородныя формы, лѣзло, рвалось быть образованнымъ, даже ученымъ. Я помню наприкладъ что П. Г. Рѣдкинъ и я, между дѣломъ и бездѣльемъ, въ часы досуга, перевели почти цѣлый томъ продолженія исторіи Роллена Бревье. У насъ многіе гнушались проходить исторію по Кайдавову. Проходятъ крестовые походы—всѣ читаютъ Мишо и отвѣчаютъ иногда даже къ видимому смущенію учености профессора; проходятъ исторію Тридцатилѣтней войны—всѣ читаютъ собственный переводъ Шиллера. Каковъ былъ переводъ—это дѣло другое, но точность его была исправлена профессоромъ Зингеромъ—и факты отъ того не могли измениться. Во время преподаванія исторіи римскаго права были ученики которые могли разказать внутреннюю домашнюю жизнь Римлянъ какъ будто сами тамъ въ то время жили, а самое право учили по римскому своду законовъ, т. е. по Юстиниановымъ Институціямъ, на языкѣ подданица. Да и вообще многіе предметы проходили *ex fontibus*. Есть живые свидѣтели. Это еще не болѣе древняя исторія. И всѣмъ этимъ мы были обязаны духу заведенія, тому высокому, поэтическому и веселому направленію, которое въ воспитанниковъ умѣлъ вдохнуть достойный начальникъ.

„Но сколько добрымъ, сколько свисходительнымъ, даже до парижской слабости, казался Иванъ Семеновичъ, еголько же строгимъ, неумолимымъ являлся онъ въ дѣлахъ и поступкахъ которые могли повести къ направленію вредному для юношества. Онъ не слѣдовалъ въ этомъ отношеніи теоріямъ гуманистовъ, а придерживался тѣхъ же началъ которые такъ краснорѣчиво выразились подъ перомъ Песталоцци. И потому тѣлесное наказаніе, эта чуть не смертная казнь въ педагогическомъ смыслѣ, у насъ существовало. Не легко было заслужить эту казнь, потому что Иванъ Семеновичъ подлисъывая приговоръ долго страдалъ самъ, медлил, даже хворалъ, но признавая что подобною уклончивостью, какъ

говорить Песталотци, „руководить не нѣжность нашего чело-
вѣколюбія, а слабость, что въ этихъ случаяхъ наша любовь
не довольно сильна, не довольно чиста“, Иванъ Семеновичъ
одолевалъ свою врожденную доброту и предавалъ преступни-
ка лекторамъ. При этомъ случаѣ я всломнилъ забавное
происшествіе: Яновскій (Гоголь—тожъ) еще въ низшихъ
классахъ какъ-то провинился, такъ что попалъ въ уголовную
категорію. „Плохо, брать!“ сказалъ кто-то изъ товарищей:
„высѣкутъ.“ — „Завтра!“ отвѣчалъ Гоголь. Но приговоръ
утвержденъ, лекторы явились. Гоголь вскрикиваетъ такъ про-
зительно что мы всѣ испугались—и сходить съ ума. Подни-
мается суматоха. Гоголя ведутъ въ больницу; Иванъ Се-
меновичъ два раза въ день навѣщаетъ его; его лѣчатъ; мы хо-
димъ къ нему въ больницу тайкомъ и возвращаемся съ
грустью. Помѣшался, рѣшительно помѣшался! Словомъ, до
того искусно притворился что мы всѣ были убѣждены въ
его помѣшательствѣ, и когда, послѣ двухъ недѣль удачнаго
лѣченія, его выпустили изъ больницы, мы долго еще погла-
дывали на него съ сомнѣніемъ и опасеніемъ, пока не попри-
выклое и текуція новости не вытѣснили воспоминаній.
Больница вообще играла важную роль въ нашей студенче-
ской жизни. Отлучаться изъ музеевъ—такъ назывались рабо-
чія наши залы—куда-нибудь подальше было затруднительно:
гувернеръ долго не видитъ, какъ-нибудь замѣтитъ, станеть
искать, догадается; а больница, подъ непосредственнымъ над-
зоромъ любознательнаго сторожа Евлампія, представляла всѣ
удобства для экскурсій. Докторъ зайдетъ разъ въ день, ин-
спекторъ разъ въ день—и конечно; подсунулъ Евлампію ма-
дамъ Радклифъ со всеми ужасами разныхъ аббатствъ и сту-
лай куда хочешь. Къ тому же и мѣстоположеніе отъ все-
дневной дѣятельности гимназической удаленное. На лѣстницѣ
никто не попадетъ. Встрѣтилась и мнѣ надобность воспользо-
ваться выгодами нашей удобной больницы. Разумѣется я
захворалъ съ утра. Иванъ Семеновичъ пришелъ въ столовую.
„А гдѣ Несторъ Васильевичъ?“ Не удивляйтесь! Не одного
меня изволилъ онъ звать по имени и отчеству. „Болезнь“,
отвѣчали товарищи. Тогда прямо изъ столовой Иванъ Се-
меновичъ является въ больницу. У меня все какъ слѣдуетъ—и
жарь ожиданія и языкъ бѣлый: все въ порядкѣ. Пролисано-
лѣкарство, Евлампію дамы приличныя наставленія. Ушелъ;
но чрезъ часа два не больше опять является. Я доживъ

былъ выпить лѣкарство въ его присутствіи, лечь въ постель, укутаться и погѣть. Евлампій торчитъ надо мной съ сухою рубшкой въ рукахъ. Иванъ Семеновичъ уходитъ, Слава Богу! Съ Евлампіемъ сладимъ. Но увы! онъ на порогѣ говорить: „если заснетъ, не буди, а попозже я самъ зайду“. Жду, жду, смеркается, смерклось, и уже поздно вечеромъ, часу въ десятомъ онъ зашелъ; но я-то ужъ не могъ никуда выдти. Такъ даромъ и пропала моя хитрость.

„Я разказалъ эту пустую исторію собственно для того чтобъ указать на отеческую заботливость о насъ Ивана Семеновича. Два года онъ безплатно исполнялъ должность гимназическаго врача и всегда съ такою же рачительностью. Наконецъ здоровые посѣтители больницы утѣшились назначеніемъ къ намъ штатнымъ лѣкаремъ доктора Фибинга.

„О честности, безкорыстіи Ивана Семеновича и говорить бы не слѣдовало. Но теперь вѣкъ такой что многіе сами себѣ не вѣрятъ и сомнѣваются, честны ли они или нѣтъ? Поэтому только упоминаю о безкорыстіи Ивана Семеновича, хотя и боюсь что этимъ оскорбляю его память. Малѣйшій намекъ въ этомъ смыслѣ приводилъ Ивана Семеновича въ такое раздраженіе что онъ даже забывалъ что говорилъ, тогда какъ рѣчь его всегда отличалась самою точною логикою. Я помню какъ меньшому сыну Ивана Семеновича товарищъ, именно Гинтовъ, подарилъ крохотную живую лошадку. Иванъ Семеновичъ ничего не звалъ объ этомъ. Однажды, въ сырую погоду, онъ гуляетъ въ портикѣ гимназіи. Лошадку ведутъ на водолой. „Чей это коникъ?“—„Андрея Ивановича“.—„Какого Андрея Ивановича?“—„Вашего сына“.—„Откуда онъ взялъ?“ Сказали. Иванъ Семеновичъ вѣсколько минутъ не могъ вымолвить слова отъ душевнаго волненія. „Вонъ!“ наконецъ закричалъ онъ, забываясь отъ досады: „выведи ее вонъ за ворота и скажи ей: пусть себѣ домой *птыкомъ* идетъ.“

IV.

Ученныя Божествознанія съ послѣднее пятидесятилѣтїе. Рѣчь сэръ-Джона Лѣббока на юбилей Британскаго Общества.

Въ среду 31 августа праздновало пятидесятую годовщину своего основанія знаменитое Британское Общество Слослѣствованія Наукъ, возникшее, какъ извѣстно, въ городѣ Йоркѣ изъ мѣстнаго кружка ученыхъ и съ тѣхъ поръ своими съѣздами и трудами членовъ оказавшее не мало услугъ естествознанію. На этотъ разъ „колыбель Общества“ городъ Йоркъ снова привѣтствовалъ его въ своихъ стѣнахъ послѣ полувѣковой постоянно развивавшейся дѣятельности. Юбилейное торжество происходило въ зданіяхъ Выставки. Число присутствовавшихъ членовъ, собравшихся со всѣхъ концовъ Англіи, простиралось до 2.254. Зданіе Выставки, деревянное, обычнаго продолговатаго типа, по случаю торжества было изящно декорировано, а зала освѣщалась электрическимъ свѣтомъ, такъ какъ празднованіе юбилея происходило вечеромъ. Профессоръ Рамсей, выбывающій предсѣдатель Общества, въ нѣсколькихъ словахъ сложилъ съ себя свои обязанности и передалъ ихъ сэръ-Джону Лѣббоку, новому президенту, который, посреди рукоплесканій, занялъ кафедру для произнесенія обычной въ такихъ случаяхъ рѣчи. Специальный характеръ этого юбилейнаго собранія Британскаго Общества какъ бы обязывалъ предсѣдателя предложить слушателямъ нѣчто отличное отъ обычнаго типа предсѣдательскихъ рѣчей. По установившемуся правилу, лицо избранное президентомъ Общества въ его годичномъ собраніи можетъ въ своей рѣчи почти не выходить за предѣлы своей специальности; на этотъ разъ требовался болѣе многосторонній обзоръ, и сэръ-Джонъ Лѣббокъ съ успѣхомъ исполнилъ задачу. Пользуясь отчетомъ помѣщеннымъ въ газетѣ *Times*, приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ этой рѣчи:

Указавъ на громадное значеніе возрѣвній Дарвина сильно подвинувшихъ впередъ изученіе естественныхъ наукъ и установившихъ множество новыхъ понятій, ораторъ обобщаетъ успѣхи эмбриологіи и между прочимъ останавливается на любопытномъ разрядѣ фактовъ обратившемъ на себя вниманіе ученыхъ въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

„Въ 1842 году, говоритъ оны, Стенструупъ обнаружилъ свой знаменитый трудъ *Перлота на генераций*, въ коемъ показалъ что во многихъ видахъ представителями ихъ являются два совершенно различные типа или выводка, отличающиеся одиъ отъ другаго формой, строеніемъ и образомъ жизни, причемъ въ одномъ изъ типовъ совсѣмъ нѣтъ самцовъ, и размноженіе типа совершается дѣленіемъ или почками. Въ примѣръ, Стенструупъ приводилъ болѣею частью морскіе или чуждаыя виды, чрезвычайно интересныя, но извѣстныя не многимъ, кромѣ естествоиспытателей. Съ тѣхъ поръ открыли что то же самое происходитъ съ обыкновенною орѣхотворкой (*Cynips*) или черничною мухой. Давно уже было извѣстно что у нѣкоторыхъ родовъ принадлежащихъ къ этой группѣ вовсе нѣтъ самцовъ, а затѣмъ Бассетъ и еще ястре Адлеръ показали что нѣкоторые изъ этихъ видовъ размножаются путемъ двухъ послѣдовательныхъ выводковъ и что эти два выводка прежде принимались за различные роды (genera). Такъ напримѣръ, насѣкомое извѣстное подъ названіемъ *Neuroterus lenticularis*, коего попадаются лишь самки, производятъ столь обыкновенныя на нижней сторонѣ листьевъ дуба извѣстныя дубовыя орѣшки, изъ которыхъ выходятъ не *Neuroterus lenticularis*, а совсѣмъ другія насѣкомыя, считавшіяся до тѣхъ поръ особымъ видомъ и даже относившіяся къ иному роду, *Spategaster baccharum*. У *Spategaster* встрѣчаются уже оба пола, они производятъ ложіе на смородину и находящіяся также на дубѣ черничныя орѣшки, въ коихъ снова развиваются особо *Neuroterus*. Такъ изъ орѣшковъ лежащихъ на дубовыхъ вѣтвяхъ выводятся виды извѣстныи подъ названіемъ *Teras terminalis*, который спускается на землю и производитъ небольшіе орѣшки на корняхъ дуба, изъ этихъ послѣднихъ выходитъ насѣкомое называемое *Biorhiza aptera*, снова производящее орѣшки на вѣтвяхъ. Казалось бы что подобныя изслѣдованія едва ли могутъ имѣть практическое значеніе, но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ что они могутъ повести къ весьма важнымъ результатамъ. Напримѣръ, по видимому, оказывается что глеста производящая падежъ овецъ проводитъ одну стадію своего существованія въ черномъ слизѣ (улиткѣ), и мы надѣемся что изысканія коими былъ занятъ предъ кончиною оилакиваемый другъ нашъ, профессоръ Ролстонъ, поведутъ если не къ прекращенію, то во всякомъ случаѣ къ уменьшенію язвы наносящей такіе громадные убытки нашимъ фермерамъ.

„Что касается, продолжаетъ г. Дѣббокъ, описательной биологии, то значительно бѣльшая часть извѣстныхъ нынѣ видовъ опредѣлены и описаны въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія. Др. Гюнтеръ былъ такъ добръ что сдѣлалъ за меня это вычисленіе. Цифры эти конечно лишь приблизительныя, тѣмъ не менѣе изъ нихъ оказывается что общее число животныхъ описанныхъ до 1831 года было не болѣе 70.000, тогда какъ нынѣ число ихъ простирается по крайней мѣрѣ до 320.000. Въ заключеніе дабы показать сколь обширное поле остается еще для изслѣдованій, я могу прибавить что, по мнѣнію г. Ватергауса, въ одномъ Британскомъ Музеѣ найдется не менѣе 12.000 видовъ насѣкомыхъ которые еще не были описаны, а коллекціи наши по всему вѣроятію содержатъ не болѣе половины всѣхъ нынѣ существующихъ видовъ. Сверхъ того, анатомическое строеніе и образъ жизни даже описанныхъ животныхъ представляютъ неисчерпаемый матеріалъ для изслѣдованій, и мы безъ преувеличенія можемъ сказать что нѣтъ ни одного вида который не вознаградилъ бы сторицею труды ученаго рѣшающагося посвятить на его изученіе свою жизнь. Замѣчательную черту современныхъ успѣховъ биологической науки составляетъ примѣненіе усовершенствованныхъ методовъ наблюденія и производства опытовъ, а при физиологическихъ изслѣдованіяхъ введеніе точныхъ измѣреній, употребляемыхъ опытною физикой. Наши микроскопы подверглись также значительному усовершенствованію. Употребленіе химическихъ реагентовъ при микроскопическихъ наблюденіяхъ оказалось весьма поучительнымъ, а другой не менѣе важный методъ изслѣдованія далъ возможность получать чрезвычайно тонкія пластинки изучаемыхъ веществъ посредствомъ погруженія ихъ въ парафинъ или тому подобныя мягкія вещества. Такимъ образомъ мы теперь можемъ получить до 50 отдѣльныхъ разрѣзовъ таракашняго яйца или головного мозга пчелы.

„Въ концѣ прошлаго столѣтія Шпренгель издалъ весьма поучительное сочиненіе о цвѣтахъ, въ коемъ указалъ любопытное соотношеніе ихъ съ насѣкомыми, кои переносятъ пыльцу съ одного цвѣтка на другой. Наблюденія его, впрочемъ, прошли почти незамѣченными, пока Дарвинъ не обратилъ на нихъ вниманіе въ 1862 году. Давно уже было извѣстно что нѣкоторые виды первоцвѣта (*Primula*) представляютъ двѣ формы, почти одинаково распространенныя

и отличающіяся одна отъ другой расположеніемъ тычинокъ и плодниковъ: у одной изъ этихъ формъ тычиночки расположены на вершинѣ цвѣтка, а плодникъ вдвое ниже; въ другой же формѣ относительное положеніе ихъ обратное, плодникъ находится на вершинѣ трубчатого вѣника, а тычиночки сидятъ вдвое ниже его. Эту разницу приписывали простому видоизмѣненію; но Дарвинъ показалъ что это есть предусмотрительное приспособленіе, въ силу коего насѣкомыя оплодотворяютъ каждый цвѣтокъ пыльцою принесенною ими съ другаго цвѣтка. Когда такимъ образомъ на вопросъ этотъ было обращено вниманіе ученыхъ, поразительное множество самыхъ разнообразныхъ открытій въ этомъ направленіи сдѣлано было ботаниками, преимущественно Гукеромъ, Акселемъ, Дельпино, Гильдебрандомъ, Беннеттомъ, Фрицемъ Мюллеромъ, а болѣе всѣхъ Германомъ Мюллеромъ и самимъ Дарвиномъ. Общій выводъ былъ таковъ что красотой нашихъ садовъ и полей мы обязаны насѣкомымъ, и въ особенности пчеламъ. Ихъ благотвительному, хотя и бессознательному дѣйствию цвѣты обязаны своимъ запахомъ и окраской, медомъ, — мало того, во многихъ случаяхъ самою формой. Нынѣшняя форма цвѣтовъ и различное ихъ расположеніе, блестящія краски, медъ и душистый запахъ, все происходитъ отъ подбора производимаго насѣкомыми. Въ этихъ случаяхъ отношенія между растеніями и насѣкомыми служатъ къ обоюдной ихъ выгодѣ. Другіе же виды растеній представляютъ весьма сложныя приспособленія въ защиту ихъ отъ насѣкомыхъ; таковы напримѣръ, смолистыя железки дѣлающія листья невкусными; лучки волосковъ и другіе предохранительные органы не позволяющіе муравьямъ лизать цвѣты ихъ меда. Болѣе столѣтія тому назадъ, нашъ соотечественникъ Эллисъ, описалъ американское растеніе мухоловку (*Dionaea*), у котораго листья нѣсколько вогнутые съ длинными боковыми нервами и съ шарниромъ посрединѣ, который захлопывается на подобіе мышеловки тотчасъ какъ только неосторожное насѣкомое садеть на такой листъ. Растеніе это въ самомъ дѣлѣ захватываетъ и пожираетъ насѣкомыхъ. Это наблюденіе также оставалось изолированнымъ фактомъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, когда Дарвинъ, Гукеръ и прочіе показали что у многихъ другихъ видовъ есть любопытныя и чрезвычайно разнообразныя приспособленія для добыванія животной пищи.

„Всего невѣроятнѣе казалось бы что изслѣдованія касательно теоріи произвольнаго зарожденія принесутъ практическую пользу врачебной наукѣ. Однакожь на дѣлѣ это было такъ. Еще немного лѣтъ тому назадъ бактерія считалась не болѣе какъ научнымъ куріозомъ. Давно уже было извѣстно что растительный настой,—напримѣръ, сѣна,—будучи выставленъ на воздухъ, по истеченіи нѣкотораго времени переполняется живыми существами. Даже продолжающіе вѣрить въ то что жизнь можетъ произвольно возникнуть въ подобномъ настое, и тѣ уже допускаютъ что эти мельчайшіе организмы, если не вполнѣ то болѣею частью, происходятъ отъ зародышей посаженныхъ въ нашей атмосферѣ; и если принять извѣстныя предосторожности для удаленія этихъ зародышей, какъ при тщательнѣо произведенныхъ опытахъ Пастѣра, Тиндаля и Роберта, всякій согласится что въ 99 случаяхъ изъ ста подобнаго развитія жизни не произойдетъ. Эти факты имѣли весьма важныя послѣдствія для врачебной науки. Одна изъ причинъ почему сложныя переломы костей такъ опасны состоитъ въ томъ что при разрывѣ кожи въ рану проникаетъ воздухъ, а вмѣстѣ съ нимъ и безчисленныя зародыши, которые часто обуславливаютъ гнилостное состояніе. Листеръ впервые практически воспользовался этими наблюденіями. Онъ задался мыслью подыскать такое вещество которое убивало бы зародыши не будучи само по себѣ слишкомъ ядкимъ, и нашелъ что разжиженная карболовая кислота вполнѣ удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Открытіе это позволило дѣлать многія операціи которыя до тѣхъ поръ считались почти безнадежными. Той же идеѣ повидимому суждено привести не меньшую пользу и медицинѣ. Весьма основательно полагаютъ что многія болѣзни, особенно змотическаго свойства (т.-е. сопровождающіяся явлениями броженія) имѣютъ своимъ источникомъ зародыши особыхъ организмовъ, специальныхъ для каждой такой болѣзни. Мы знаемъ что лихорадочныя болѣзни имѣютъ извѣстное определенное теченіе. Чужеродныя организмы появляются сначала въ небольшомъ количествѣ, но потомъ постепенно размножаются на счетъ больного и затѣмъ вымираютъ. Теперь уже вполнѣ установлено что причину многихъ болѣзней составляетъ чрезмѣрное размноженіе микроскопическихъ организмовъ, и мы не лишены надежды открыть средства коими безъ вреда больному будутъ истребляемы эти страшныя, хотя и мелкіе враги, чѣмъ обусловится

и прекращение боли. Любопытныя исследования Бордена Сандерсона, Гриффилда, Коса, Пастёра, Туссана и других позволили оправдывать надежду что мы получим возможность изменять свойства этика и других зародышей и затѣмъ посредствомъ прививанія оныхъ предохранять себя отъ лихорадки и другихъ острыхъ болѣзней. Исторія анестезирующихъ средствъ представляетъ самый замѣчательный примѣръ того какъ долго можно простоять на порогѣ великаго открытiя. Эфиръ, какъ теперь всѣмъ извѣстно, производящій полнѣйшую нечувствительность къ боли, открытъ былъ еще въ 1540 году. Анестезирующее свойство закиси азота, нынѣ играющей столь обширное приращенiе, наблюдалась впервые въ 1808 году сэръ-Гумфри Дэви, который производилъ опыты надъ самимъ собою, причемъ у него безъ малѣйшей боли выдернули зубъ. Онъ даже прямо высказалъ что „такъ какъ закись азота позволило способомъ уничтожить боль, то ее вѣроятно можно съ пользой употреблять при хирургическихъ операціяхъ“. Мало того, это свойство закиси азота обыкновенно объяснялось и приводилось въ примѣръ на лекціяхъ химіи въ клиникахъ, и тѣмъ не менѣе въ 50 лѣтъ газъ этотъ не былъ употребляемъ при хирургическихъ операціяхъ.

„Не многія отрасли знанія сдѣлали столь быстрые успѣхи въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтiя какъ та что занимаетъ древнѣйшій бытъ человѣка. Настоящими исследованiя Лейбурна, Раулинсона, Ботты и другихъ познакомили насъ не только со статуями и дворцами древне-ассирійскихъ монарховъ, но и съ ихъ библиотеками; разобрамы и прочтены были живообразныя письмена, и мы можемъ не только видѣть, но и читать въ Британскомъ Музее на цилиндрахъ изъ обожженной глины современныя извѣстiя о событіяхъ упоминаемыхъ въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завета и у Геродота. Изысканiя въ Египтѣ позволили установить фактъ шеститысячлѣтней древности пирамидъ, а между тѣмъ очевидно что ассирійская и египетская монархіи не могли разомъ достигъ того благосостоянiя и могущества, общественнаго устройства и преуспѣнiя въ искусствахъ, дивныя доказательства коихъ нынѣ у насъ предъ глазами, сохранены въ пескахъ пустыни отъ разрушающей руки человѣка. Что касается Европы, творенiя древнѣйшихъ историографовъ и повтозъ указали что

прежде чѣмъ вошло въ употребленіе желѣзо, въ ней было время когда обыкновенный матеріалъ для выдѣлки оружія, топоровъ и другихъ рѣзущихъ орудій составляла бронза, и хотя а priori кажется невѣроятнымъ чтобы славъ мѣди и олова предшествовалъ простому металлу, желѣзу, тѣмъ не менѣе изслѣдованія археологовъ доказали что въ Европѣ дѣйствительно былъ „бронзовый вѣкъ“, на зарѣ историческихъ временъ уступившій мѣсто „желѣзному“. Содержимое древнихъ могилъ, кои во многихъ случаяхъ были выкапываемы такъ какъ будто имѣлось въ виду чтобы погребенный могъ захватить съ собою въ міръ духовъ по крайней мѣрѣ часть своего имущества, оказалось весьма поучительнымъ. Въ особенности результаты добытые Нильсономъ въ Скандинавіи, Горомъ и Борлезомъ, Бетманомъ и Гринвелемъ въ нашемъ отечествѣ и содержимое богатаго кладбища въ Гальштадтѣ, не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ дѣйствительномъ существованіи бронзоваго вѣка; но болѣе полное понятіе о положеніи челоука въ этомъ періодѣ мы получаемъ изъ озерныхъ селеній Швейцаріи, впервые открытых Келлеромъ, а въ послѣдствіи изученныхъ Тройономъ, Морло, Дезоромъ, Рютимейеромъ, Гезромъ и другими швейцарскими археологами. Вдоль по не глубокимъ окраинамъ швейцарскихъ озеръ нѣкогда процвѣтали многолюдныя селенія или города, выстроенныя на помостѣ на сваяхъ, точь въ точь какъ вышшія селенія Малайцевъ. При такой обстановкѣ, безчисленное множество разныхъ предметовъ домашняго обихода падало въ воду; иногда цѣлыя селенія выгорали, причемъ вся движимость становилась добычей волнъ, и такимъ образомъ мы получили возможность добыть изъ водъ забвенія въ коихъ они оставались болѣе 2.000 лѣтъ не только оружіе и утварь этого древняго народа, кости его животныхъ, гончарныя издѣлія и украшенія, но даже ткани его одеждъ, запасы зерноваго хлѣба, лады и печеный хлѣбъ. Но эти народы бронзоваго вѣка не были древнѣйшими обитателями Европы. Содержимое древнѣйшихъ могилъ указываетъ эпоху когда и этотъ металлъ былъ еще неизвѣстенъ, что подтверждено и доказательствами неожиданно добытыми изъ тѣхъ же швейцарскихъ озеръ. Бокъ о бокъ съ селеніями бронзоваго вѣка открыты были другія, не менѣе обширныя, въ коихъ буквально тысячами поладаются орудія изъ камня и кости, но не встрѣчается еще и слѣдовъ металла. Кучи всевозможныхъ остатковъ

нагроможденные древними рыбаками вдоль берегов Дании влопнѣ подтверждаютъ существованіе каменнаго вѣка. Ни костей сѣвернаго оленя, ни остатковъ вымершихъ животныхъ не встрѣчается ни въ одномъ изъ швейцарскихъ озерныхъ селеній или могильныхъ холмовъ (tumuli) кои были раскопаны въ Англіи и другихъ странахъ средней и южной Европы. Но содержимое пещеръ и рѣчнаго гравія представляетъ обильныя доказательства что было время когда мамонтъ и носорогъ, мускусный быкъ и сѣверный олень, пещерные левъ и гіена, громадный пещерный медвѣдь и ирландскій лось-великанъ бродили въ нашихъ лѣсахъ и долинахъ, между тѣмъ какъ гиллолотамъ переплывалъ наши рѣки, когда Франція и Англія составляли нераздѣльный материкъ, а Темза и Рейвъ имѣли общее устье. Эту эпоху долго считали предшествовавшею человѣку. Однако въ концѣ концовъ открытія Буше-де-Перта въ долинѣ Соммы, подтверждаемыя изслѣдованіями многихъ естествоиспытателей на материкѣ Европы, а въ Англіи Годвиномъ-Устиномъ и Макъ-Энвери, Прествичемъ и Ляйелемъ, Вивіанамъ и Пенджелли, Кристи, Эвансомъ и многими другими доказали что и человѣкъ въ незначительномъ числѣ входилъ въ составъ этого страннаго сборища. Мало того, даже въ этомъ раннемъ періодѣ были по крайней мѣрѣ двѣ различныя человѣческія расы въ Европѣ, одна изъ коихъ, какъ указалъ Бойдъ-Даукинсъ, весьма близко подходила къ нынѣшнимъ Эскимосамъ по формамъ тѣла, по оружію и утвари, весьма вѣроятно и по одеждѣ, равно какъ и въ отношеніи большей части животныхъ ее окружавшихъ. Въ эту эпоху человѣкъ ловидимому еще не зналъ издѣлій изъ горшечной глины, не имѣлъ понятія о земледѣліи, не держалъ домашнихъ животныхъ, за исключеніемъ развѣ собаки. Оружіемъ его были топоръ, колюе и острога; я не думаю чтобъ ему извѣстно было употребленіе лука и стрѣлы, хотя оны вѣроятно владѣлъ дротикомъ. Само собой разумѣется что оны не вѣдалъ металла, и его каменные орудія, хотя и весьма искусно выдѣланныя, были совершенно иной формы чѣмъ появившіяся во вторую эпоху каменнаго вѣка и отнюдь не были подпировапы. Этотъ ранній каменный періодъ, въ коемъ человѣкъ жилъ совмѣстно съ вымершими млекопитающими, извѣстенъ подъ названіемъ палеолитической эпохи или древняго каменнаго вѣка, въ отаичіе отъ неолитической эпохи или новаго каменнаго вѣка.“

Перехода къ геологii, г. Ляббокъ замѣчаетъ что основанiе Британскаго Общества совпало съ появленiемъ Ляйелевыхъ *Nachrichte geologisch*, первый томъ коихъ изданъ въ 1831 году, а второй въ 1832.

„Въ то время, говоритъ онъ, преобладало мнѣнiе что геологическiя явленiя могутъ быть объяснены лишь конвульсивными периодическими потрясенiями и крайнимъ возбужденiемъ земной энергии достигающимъ своего апогея въ повторяющемся катастрофаль. Прада, Гуттонъ и Шлеферъ уже утверждали что и причины подобныя нынѣ действующимъ, если допустить влiянiе ихъ въ теченiе продолжительнаго времени, совершенно достаточно для объясненiя геологическаго стресснаго земли; но тѣмъ не менѣе противоположный взглядъ господствовалъ до тѣхъ поръ пока Ляйель, съ рѣдкою проницательностью и замѣчательнымъ краснорѣчiемъ, богатствомъ приговоровъ и мощною аргументацiей, убѣдилъ геологовъ что нынѣ действущiя силы, если только дать имъ время, достаточно для произведенiя тѣхъ результатовъ коими мы поражаемся въ вѣтописяхъ науки. Что касается стратиграфической геологii, то во время перваго собранiя Британскаго Общества въ Шоркѣ, слои залегающiе между каменноугольнымъ известнякомъ и мѣломъ были только что приведены въ порядокъ и классифицированы главнѣйше трудами Уильяма Смита. Но классификацiя слоевъ лежащихъ выше мѣла и ниже каменноугольнаго известняка представляла еще полнѣйшiй хаосъ. 1831 годомъ начинается периодъ совокупныхъ работъ Седжвика и Мурчисона, окончившiйся установленiемъ кембрийской, силурiйской и девонской системъ. Навы до-кембрийскiе слои недавно были раздѣлены Гуксомъ на четыре группы необъятныхъ толщъ, которыя требовали громаднаго времени для своего образованiя и въ коихъ до сихъ поръ еще не найдено ни одного ископаемаго. Ляйелева классификацiя третичныхъ осадковъ, результатъ несравненной предпринятыхъ при содѣйстви Дез (Deshayes) и другихъ, вошла въ третьемъ томѣ *Nachrichte geologisch* въ 1833 году. Установленное Ляйелемъ дѣленiе этихъ слоевъ на эоценъ, миоценъ и палеоценъ послужило исходною точкой Прествичу и другимъ для дальшаго ряда важныхъ изслѣдованiй касательно этихъ послѣднихъ осадковъ, равно и послѣ-третичныхъ и кватернарныхъ, которые представляютъ особенный интересъ какъ продолженiе свѣтъ на древнѣйшую исторiю человека. Относительно

физическаго строенія земли господствовали двѣ теоріи: она принимала жидкую внутренность покрытую тонкою корой; другая—твердое шарообразное тѣло. Первая изъ этихъ теорій нынѣ, какъ астрономами, такъ и геологами считается несоотвѣтственною. Преобладающее мнѣніе геологовъ по этому предмету прекрасно выражено профессоромъ Де-Ковтомъ, который говоритъ: „Вся теоретическая геологія должна быть перестроена на допущеніи твердости земнаго шара.“ Въ 1837 году Агассисъ поразилъ ученый міръ своимъ сочиненіемъ *Discours sur l'ancienne extension des Glaciers*, въ коемъ онъ, развѣсивъ уже сдѣланныя Шарпантье и Венедомъ наблюденія что эрратическіе валуны были заносимы на громадные разстоянія и что скалы расположенныя вдали отъ нынѣ существующихъ ледниковъ или гораздо выше ихъ отлопачены и исчерчены дѣйствіемъ льда, смѣло заявилъ о бывшемъ нѣкогда „ледяномъ періодѣ“ въ теченіе котораго Швейцарія и Оверная Европа, погребенныя подъ неогладнымъ ледянымъ покровомъ, подвергались жестокой стужѣ. Древніе поэты приписывали нѣкоторымъ осободареннымъ смертнымъ способность проникать въ нѣдра земли и напрягали свое воображеніе описывая находимыя тамъ чудеса. Но, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, указанная наукой дѣйствительность оказалась развообразнѣе и поразительнѣе самихъ пылкихъ грезъ фантазіи. Бѣлая часть гигантскихъ и чудовищныхъ животныхъ, съ коими мы познакомились этимъ путемъ, была описана въ теченіе обозрѣваемаго нами періода. Такъ наприимѣръ громадный *Ceinosaurus* описанъ Оуэномъ въ 1838 году, мовозеландскій *Dinornis* тѣмъ же замѣчательнымъ натуралистомъ въ 1859, *Mylodon* въ томъ же году и *Archaeopteryx* въ 1862. Въ Америкѣ множество замѣчательныхъ формъ описаны преимущественно Маршемъ, Лейди и Коломъ. Мартъ познакомилъ насъ съ *Titanosaurus*, изъ американской юри (въ Колорадо), быть-можетъ величайшимъ изъ земныхъ животныхъ, имѣвшимъ 100 футовъ длины и по крайней мѣрѣ 30 футовъ вышины, хотя весьма возможно что даже эти громадные размѣры не имѣютъ размѣровъ *Атлантосира*. Не могу пропустить и *Hesperornis*'а, описаннаго въ 1838 году Маршемъ плотояднаго страуса, могшаго плавать и вооруженнаго зубами; а также *Ichthyornis*'а, еще болѣе странной формы, съ дву-вогнутыми позвонками какъ у рыбъ и зубами въ луночкахъ. Дабы въ нѣсколькихъ словахъ дать понятіе о быстрыхъ успѣхахъ

этой отрасли знанія, упомяну что въ Моррисовомъ Каталогѣ британскихъ ископаемыхъ, изданномъ въ 1843 году, содержится 5.300 видовъ, между тѣмъ какъ нынѣ составленный г. Этериджемъ каталогъ заключаетъ уже 15.000. Но если эти цифры свидѣтельствуютъ о томъ какъ быстро двигалась въ послѣднее время наука, то не менѣе ясно указываютъ онѣ и неполноту геологическихъ свѣдѣній, давая намъ если не точный объемъ этой неполноты, то по крайней мѣрѣ приблизительное объ ней понятіе. Число описанныхъ современныхъ намъ видовъ болѣе 300.000, но въ спискахъ нашихъ безъ сомнѣнія нѣтъ и половины всѣхъ нынѣ живущихъ, и мы смѣло можемъ принять общее число современныхъ видовъ не менѣе 700.000. Въ прошлыя же времена было по крайней мѣрѣ 12 періодовъ съ огромнымъ числомъ видовъ въ каждомъ. Правда что число это въ древнѣйшихъ періодахъ было вѣроятно менѣе нынѣшняго; но если сдѣлать въ этомъ отношеніи самую щедрую скидку, все-таки получимъ общій итогъ по крайней мѣрѣ въ 2.000.000 видовъ, изъ коихъ только 25.000 занесены въ списки; причемъ многіе изъ этихъ видовъ найдены лишь въ немногихъ экземплярахъ, нѣкоторые въ одномъ или даже въ обломкахъ. Кромѣ того, къ услѣхамъ палеонтологіи должна быть отнесена та глубь времени въ которую, если можно такъ выразиться, отодвинуты нынѣ существованіе нѣкоторыхъ группъ. Такъ, напримѣръ, еще въ 1830 году древнѣйшими млекопитающими считались двуутробки стонсфильдскихъ слоевъ; нынѣ же самое древнее млекопитающее есть *Microlestes antiquus* изъ виртембергскаго кейлера. Древнѣйшая птица извѣстная въ 1831 году принадлежала къ періоду лондонской глыбы, нынѣ таковой является *Archaeopteryx* изъ золенгофенскихъ сланцевъ, хотя весьма вѣроятно что и нѣкоторые отпечатки лапъ найденныя въ триасѣ суть птичьи слѣды. Точно также гады прослѣжены изъ триаса до каменноугольной формаціи; рыбы—изъ древняго краснаго песчаника до верхне-силурийскихъ пластовъ. Формаціи же залегающія ниже кембрійской, хотя и необъятной толщины, не доставили еще остатковъ животной жизни за исключеніемъ развѣ проблематическаго *Eozoön canadense*, столь обстоятельно изученнаго Давсономъ и Карлентеромъ. Но если палеонтологія до сихъ не пролила еще свѣта на первоначальныя формы животной жизни, то мы должны помнить что простѣйшіе и низшіе организмы до того нѣжны и хрупки что не оставляютъ за собой и слѣда.“

Въ области географіи, упоминая о недавно изданномъ трудѣ г. Кламентсъ Маркхема превосходномъ сводѣ всего сдѣланнаго по части путешествій и картографіи за послѣдніа 50 лѣтъ г. Лёббокъ указываетъ на новѣйшіа ученія о распредѣленіи озеръ, о явленіяхъ представляемыхъ ледниками, о происхожденіи вулкановъ и о строеніи коралловыхъ острововъ.

„Происхожденіе и распредѣленіе озеръ есть одна изъ наиболее интересныхъ задачъ физической географіи. Дабы убѣдиться что они не разбросаны какъ попало, достаточно одного взгляда на карту. Ими преизобилуютъ горныя страны и сравнительно бѣденъ тропическій поясъ; они умножаются по мѣрѣ удаленія на сѣверъ, такъ что Шотландія и сѣверная часть Америки буквально кишатъ ими. Быть-можетъ *a priori* первое напрашивающееся само собою объясненіе происхожденія озеръ заключается въ томъ что они образовались во впадинахъ земли обусловленныхъ перемѣщеніемъ земныхъ слоевъ, которые сдвигаясь приняли форму бассейна. Однако озера не бассейны такого рода на самомъ дѣлѣ составляютъ большую рѣдкость; обыкновенно озера не имѣютъ формы бассейновидныхъ синклинаическихъ впадинъ. Мой знаменитый предшественникъ, профессоръ Рамсей, дѣлитъ озера на три класса: 1) тѣ которыя обязаны своимъ происхожденіемъ случайному накопленію пловучихъ льдовъ и которыя обыкновенно мелки; 2) тѣ кои образуются моренами, и 3) тѣ что наполняютъ настоящіе бассейны, вырытые въ твердой горной породѣ движеніемъ льдовъ ледника. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ большаа часть обширныхъ швейцарскихъ и итальянскихъ озеръ. Профессоръ Рамсей приписываетъ ихъ углубленія дѣйствию ледниковъ, ибо очевидно что рѣки не могутъ образовать бассейновидной впадины окруженной со всѣхъ сторонъ скалистою породой. А между тѣмъ Женевское озеро, лежащее на 1.230 футовъ надъ уровнемъ моря, имѣетъ 984 фута глубины; Бриенцкое озеро, 1.850 футовъ надъ уровнемъ моря, 2.000 футовъ глубины, такъ что дно озера на самомъ дѣлѣ ниже уровня моря. Итальянскія озера еще замѣчательнѣе. Озеро Комо, 700 футовъ надъ уровнемъ моря, имѣетъ 1.929 футовъ глубины; Лаго-Маджоре, 685 футовъ надъ уровнемъ моря, не менѣе 2.625 футовъ глубины. Надо замѣтить что эти озера подобно многимъ лежащимъ въ горныхъ областяхъ, напримѣръ скандинавскимъ, лежатъ какъ разъ въ руслѣ великихъ древнихъ ледниковъ. Если умъ нашъ

становится въ тупикъ предъ громадною масштаба, то мы должны помнить что ледъ прорывшій долину въ коей нынѣ залегаетъ Женевское озеро нѣкогда имѣлъ 2.700 футовъ толщины, а морены были такихъ величественныхъ размѣровъ что, напримѣръ, Иврейская возвышалась болѣе чѣмъ на 1.500 футовъ. Такимъ образомъ теорія профессора Рамсея превосходно объясняетъ множество интересныхъ фактовъ. Переходя отъ озеръ къ горамъ, мы встрѣчаемся съ двумя соперничающими теоріями устройства и происхожденія вулкановъ, которыя долго боролись между собой за преобладаніе. Наиболѣе распространено было мнѣніе что слои лавы и шлаковъ образующіе конусы вулкановъ—какъ, напримѣръ, у Этны и Везувія—въ началѣ были почти горизонтальны и что вслѣдствіе того сила дѣйствовавшая снизу и производившая давленіе одновременно вверхъ и въ стороны отъ центральной оси по направленію всѣхъ румбовъ компаса, приподняла разомъ всю слоистую массу и заставила ее принять форму конуса, въ то же время образовавъ на его вершинѣ широкое и глубокое круглое отверстіе, которое приверженцы этой теоріи называютъ *кратеромъ элевации* (поднятія). Эта теорія, коей на нашъ взглядъ нанесенъ уже смертельный ударъ въ замѣчательныхъ мемуарахъ Скропа, лѣтъ 50 тому назадъ была всею принимаема, такъ какъ полагали что компактная и кристаллическая лавы не могли бы застыть на склонахъ превышающемъ одинъ или два градуса. Но въ 1858 году Лайель окончательно доказалъ что подобныя лавы могутъ застывать при значительномъ углѣ наклоненія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже превышающемъ 30°, и нынѣ вообще принимаютъ что хотя слои лавы могли подвергаться незначительному угловому поднятію со времени ихъ отложенія, все же конусы вулкановъ приобрѣли свою форму главнымъ образомъ вслѣдствіе накопленія лавы и пепла, извергаемыхъ однимъ или нѣсколькими кратерами. Чрезвычайно интересны проблемы представляемыя ледниками. Въ 1843 году Агассисъ и Форбсъ доказали что середина ледника, подобно срединѣ рѣки, движется съ большею скоростью нежели его бока. Но какимъ образомъ и почему происходитъ самое движеніе ледниковъ? Рандю, въ послѣдствіи епископъ Аннесийскій, въ 1841 году пытался объяснить это предположеніемъ что ледникъ обладаетъ въ нѣкоторой степени тягучестью. Эту теорію „вязкости ледниковъ“ также принималъ и весьма

остроумно защищал Форбс, сравнивавший строение ледника съ содержимымъ бочки дегтя вылитымъ въ покатоое русло. Однакоже всё мы имѣли случай видѣть длинныя, узкія трещины, менѣе дюйма ширины, простирающіяся на значительное разстояніе поперекъ ледника—явленіе несовмѣстимое съ понятіемъ о вязкости и тягучести. Въ послѣдствіи въ объясненіе движенія ледниковъ приводились явленія смерзанія (regelatio). Поводомъ къ этому послужило одно наблюденіе Фарадея. Въ 1850 году онъ замѣтилъ что два куска тающего льду, будучи приведены въ соприкосновеніе, смерзаются въ одинъ на мѣстѣ соприкосновенія. Развивая это указаніе, Тиндалль нашель что если вдавливать кусокъ льду въ форму, то можно придать ему какой угодно видъ. Напримѣръ прямая ледяная призма давленіемъ гидравлическаго пресса можетъ быть согнута въ прозрачное ледяное полушаріе. Эти опыты повидимому доказывали что русло ледника есть форма въ которой протискивается ледъ и къ коей онъ приспосаблиется; между тѣмъ какъ „жилковатое строеніе льда“, какъ показали Тиндалль и Гѣксли, обусловливается давленіемъ точно также какъ и кляважи сланцевыхъ породъ.

„Въ 1842 Дарвинъ издалъ замѣчательное свое сочиненіе *О коралловыхъ островахъ*. Береговые коралловые рифы не представляли особаго затрудненія; они могли быть объясняемы поднятіемъ земли, причемъ кораллъ первоначально нараставшій подъ водой являлся приподнятымъ надъ уровнемъ моря. Но кругообразныя и овальныя формы многихъ рифовъ, снабженныхъ притомъ лагуною въ центрѣ, окруженныхъ глубокимъ Океаномъ и возвышающихся лишь на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря, долго составляли загадку для физико-географовъ. Любимая теорія состояла въ томъ что эти рифы суть вершины подводныхъ вулкановъ, обросшія кораллами. Но такъ какъ образующій рифы кораллъ не живетъ на глубинѣ превышающей 25 сажень, то огромное большинство такихъ рифовъ составляли почти неодолимое опроверженіе помянутой теоріи. Напримѣръ, Лакедивскіе и Мальдивскіе острова—названіе коихъ въ переводѣ буквально значитъ „100.000 острововъ“ и „1.000 острововъ“—представляютъ безконечныя вереницы подобныхъ атолловъ, такъ что невозможно представить себѣ такого множества кратеровъ почти одинаковой высоты. Кромѣ того, Дарвинъ показалъ что не только коралловое кольцо не залегаетъ на гребнѣ горной породы, но

напротивъ того лагуна занимаетъ мѣсто нѣкогда бывшее вышею точкой твердой земли. Онъ указалъ что нѣкоторыя лагуны, напримѣръ Ваникорская, имѣють въ центрѣ своемъ островъ; между тѣмъ какъ другіе острова, подобно Таити, окружены кольцомъ прѣсной воды, отдѣленной отъ Океана коралловымъ рифомъ. Предположимъ что Таити будетъ медленно понижаться погружаясь въ море, въ такомъ случаѣ онъ постепенно приблизится къ очертанію Ваникоро; а если погрузится Ваникоро, то центральный островъ лагуны скроется подъ водой, между тѣмъ какъ новыя наростанія коралловъ будутъ нейтрализовать погруженіе рифа, и въ концѣ концовъ получится простой атоллъ съ его лагуной. Тѣмъ же соображеніями объясняется и происхожденіе „барьерныхъ рифовъ“, каковъ напримѣръ простирающагося на 1.000 миль вдоль сѣверо-восточнаго берега Австраліи. Такимъ образомъ теорія Дарвина объясняетъ форму и приблизительную тождественность высоты коралловыхъ острововъ. Но, сверхъ того, она показала что громады пространства земли находятся въ процессѣ погруженія, хотя и медленно, но играющемъ весьма важную роль въ физической географіи.“

Переходя къ успѣхамъ астрономіи, ораторъ прежде всего упоминаетъ объ открытіи въ 1845 году планеты Нептунъ одновременно Леверрье и Адамсомъ, объ увеличеніи числа извѣстныхъ меньшихъ планетъ отъ 4 до 220 и останавливается затѣмъ на замѣчательныхъ открытіяхъ какими наука обязана спектальному анализу.

„Спектроскопомъ, говорить онъ, пролить свѣтъ не только на химію небесныхъ тѣлъ: ихъ физическое строеніе, исторія, также разъяснены помощью этого дивнаго способа изслѣдованій. Прежде обыкновенно полагали что солнце есть темное тѣло окруженное свѣтащеюся атмосферой. Теперь оказывается совершенно противоположное. Тѣло солнца, или фотосфера, отличается интенсивнымъ блескомъ; его облекаетъ солнечная атмосфера состоящая изъ сравнительно холодныхъ газовъ, дающихъ темныя линіи въ спектрѣ; наконецъ, хромосфера—сфера состоящая преимущественно изъ водорода, коего отдѣльныя струи бьютъ иногда на высоту 100.000 миль и болѣе, врываясь въ наружную оболочку солнца или корону, свойства коей до сихъ поръ еще малоизвѣстны. Въ прежнее время красныя языки пламени (такъ-называемые протуберанцы) въ высшихъ слояхъ хромосферы могли быть наблюдаемы

лишь въ рѣдкихъ случаяхъ при полномъ затменіи. Жансанъ и Локьеръ, посредствомъ примѣненія спектроскопа, дали намъ возможность изучать эту область солнца во всякое время. Сверхъ того, очевидно что могущественный способъ изслѣдованія представляемый спектроскопомъ отнюдь не ограничивается веществами входящими въ составъ солнечной системы. Всякое свѣтящееся тѣло можетъ быть наблюдаемо спектроскопически какъ бы ни было велико его разстояніе отъ насъ, пока свѣтъ его достаточно силенъ. Что этотъ методъ изслѣдованія приложимъ и къ неподвижнымъ звѣздамъ, теоретически давно уже было извѣстно, но на практикѣ представлялись значительныя затрудненія. Сириусъ, самая свѣтлая изъ всѣхъ звѣздъ, удаленъ отъ насъ круглымъ числомъ на 100.000.000.000 миль, и хотя онъ по объему равняется шестидесяти солнцамъ, но свѣтъ его достигнувъ земли послѣ шестидесяти лѣтъ пути оказывается въ двѣ тысячи миллионъ разъ слабѣе солнечнаго. Тѣмъ не менѣе, еще въ 1815 году, Фраунгоферъ распозналъ постоянныя линіи въ свѣтѣ четырехъ звѣздъ, а въ 1863 году Миллеръ и Гѣггинсъ въ Англіи и Рутерфордъ въ Америкѣ опредѣлили темныя линіи въ спектрѣ нѣкоторыхъ свѣтлѣйшихъ звѣздъ, показавъ такимъ образомъ что эти дивныя и таинственныя свѣтила содержатъ въ себѣ многія изъ хорошо извѣстныхъ намъ веществъ. Въ Альдебаранѣ, напримѣръ, мы можемъ констатировать присутствіе водорода, натрія, магнія, желѣза, кальція, теллура, сурьмы, висмута и ртути, хотя нѣкоторыя изъ этихъ веществъ еще не найдены въ солнцѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, составъ звѣздъ не однообразенъ и по видимому всѣ звѣзды могутъ быть распределены на нѣсколько рѣзко различающихся классовъ, по разницѣ въ температурѣ или, другими словами, по продолжительности ихъ существованія. Нѣсколько фотографическихъ звѣздныхъ спектровъ полученныхъ Гѣггинсомъ по видимому подтверждаютъ этотъ взглядъ. Такимъ образомъ мы заставляемъ звѣзды излагать намъ ихъ составъ посредствомъ свѣта исшедшаго изъ нихъ прежде основанія нашего Общества.

Наконецъ помощью спектроскопа Гѣггинсу удалось опредѣлить движеніе звѣздъ по направленію къ намъ или отъ насъ, Александръ Гершель изучалъ спектръ падающихъ звѣздъ.

„Что касается метеоритовъ падающихъ на землю, то до сихъ поръ въ нихъ не было открыто ни одного простаго

тѣла котораго бы не встрѣчалось на землѣ, но явленія представляемыя метеоритами указываютъ что они должны были образоваться при условіяхъ весьма отличныхъ отъ тѣхъ что преобладаютъ на поверхности земли. Уломяну, напримѣръ, о своеобразной формѣ кристаллическаго кремнезема, которую Мяскелинъ назвалъ асманитомъ, и о цѣломъ классѣ метеоритовъ состоящихъ изъ желѣза въ соединеніи съ никкелемъ, которые Добреъ называетъ голосидеритами. Однако интересное открытіе Норденшельдомъ близъ Овифика въ 1870 году нѣсколькихъ глыбъ желѣза въ соединеніи съ никкелемъ и кобальтомъ, въ связи съ базальтами содержащими вкрапленное желѣзо, по словамъ Джэда (Judd), „составляетъ весьма важное звено связующее земныя и внѣземныя горныя породы“. До сихъ поръ мы еще не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для заключенія что въ небесныхъ тѣлахъ есть вещества не встрѣчающіяся на землѣ, хотя въ спектроскопѣ наблюдались многія линіи кои не могутъ быть приурочены ни къ какому земному элементу. Съ другой стороны, нѣкоторыя вещества встрѣчающіяся на землѣ до сихъ поръ еще не открыты въ солнечной атмосферѣ. Еще не такъ давно на подобныя открытія не было никакой надежды. Такъ Контъ въ 1842 году, въ своемъ *Cours de Philosophie Positive*, поставилъ въ отношеніи небесныхъ тѣлъ аксіомой что „мы допускаемъ возможность опредѣлить ихъ формы, разстоянія, величину и движеніе, но никогда и никакимъ способомъ не удастся намъ изучить ихъ химическій составъ или минералогическое строеніе“. И однако, немного лѣтъ спустя, эта предполагаемая невозможность на дѣлѣ оказалась возможностью доказавъ какъ шатко всякое ограниченіе вѣроятностей въ наукѣ. Едва ли нужно уломять о томъ что если спектръ научилъ насъ уже многому, то еще больше остается изучать. Почему нѣкоторыя вещества даютъ въ спектрѣ немного линій, другія же много? Почему одно и то же вещество даетъ различныя линіи при разныхъ температурахъ? Каковы отношенія между линіями и физическими или химическими свойствами веществъ? Отъ будущихъ изслѣдованій съ помощью спектроскопа мы можемъ ожидать болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о скрытомъ дѣйствіи атомовъ и молекулъ. Быть-можетъ спектроскопъ заставитъ насъ измѣнить самыя понятія о такъ-называемыхъ простыхъ тѣлахъ. Пру, пораженный замѣчательнымъ фактомъ что атомныя вѣса почти всѣхъ тѣлъ суть простые кратныя атомнаго

вѣса водорода, полагалъ что водородъ долженъ быть первоначальнымъ веществомъ. Исслѣдованія Броди естественно навели его на мысль что такъ-называемыя простыя тѣла суть на самомъ дѣлѣ тѣла сложныя и что составныя части ихъ встрѣчаются отдѣльно въ наиболѣе жаркихъ слояхъ солнечной атмосферы. Локіеръ полагаетъ что его собственныя исслѣдованія придаютъ большую вѣроятность этому воззрѣнію. Предметъ этотъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ, и намъ остается только радоваться что онъ занимаетъ умы многихъ ученыхъ.

„Когда геологія значительно расширила наши понятія о прошломъ, вопросъ о постоянствѣ солнечной теплоты приобрѣлъ болѣе чѣмъ когда-либо интересъ. Гельмгольцъ указалъ что допуская небулярную гипотезу, нѣтъ надобности полагать что туманная матерія была первоначально въ раскаленномъ состояніи, но что теплѣе ея высокая температура можетъ быть и вѣроятно должна быть главнымъ образомъ приписана взаимному притяженію ея частей. Отсюда слѣдуетъ что потенциальная энергія солнца далека еще отъ истощенія и что продолжая сжиматься оно будетъ испускать свѣтъ и теплоту безъ замѣтнаго уменьшенія ихъ силы въ теченіе многихъ милліоновъ лѣтъ. Подобно песку морскому, звѣзды небесныя всегда были символомъ многочисленности, а усовершенствованіе нашихъ способовъ наблюденія лишь подтвердило эти первоначальныя впечатлѣнія. Мы теперь знаемъ что земля наша не болѣе какъ частица одного изъ по крайней мѣрѣ 75.000.000 міровъ. Но это еще не все. Кромѣ свѣтящихся небесныхъ тѣлъ, несомнѣнно должно быть безчисленное множество другихъ невидимыхъ намъ по причинѣ ихъ большаго удаленія отъ насъ, меньшей величины или слабѣйшаго свѣта; и дѣйствительно, мы знаемъ что есть много темныхъ небесныхъ тѣлъ, которыя нынѣ вовсе не испускаютъ свѣта или сравнительно мало его испускаютъ. Такъ, напримѣръ, въ *Проціонѣ* присутствіе невидимаго небеснаго тѣла доказывается движеніемъ видимой звѣзды. Далѣе, я могу сослаться на любопытное явленіе представляемое *Альголемъ*, свѣтлою звѣздой въ *Головъ Медузы*. Эта звѣзда свѣтитъ безъ измѣненія въ теченіе 2 сутокъ и 13 часовъ; затѣмъ, въ продолженіе 3 $\frac{1}{2}$ часовъ, она отъ 2й величины постепенно уменьшается до 4й величины, и наконецъ, въ слѣдующіе 3 $\frac{1}{2}$ часа снова возрастаетъ до первоначальной величины и блеска. Эти измѣненія повидимому несомнѣнно указываютъ на присутствіе непрозрачнаго тѣла, которое

черезъ извѣстные промежутки времени перехватываетъ часть свѣта исходящаго отъ Альгола. Итакъ, сводъ небесный не только „слошь усянъ бляхами чистаго золота“, но еще и погасшими звѣздами, нѣкогда вѣроятно столь же яркими какъ наше солнце, а теперь мертвыми и холодными, каковыми, по вычисленіямъ Гельмгольца, будетъ и наше солнце черезъ 17 милліоновъ лѣтъ. Общій результатъ астрономическихъ изслѣдованій резюмируется Прокторомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Звѣздная система въ совокупности гораздо сложнѣе и болѣе разнообразнаго строенія чѣмъ до сихъ поръ полагали: въ одной и той же звѣздной области существуютъ звѣзды различныхъ порядковъ. Всѣ роды туманныхъ пятенъ, газообразныхъ или звѣздовидныхъ, кольцеобразныхъ, эллиптическихъ или спиральныхъ, находятся въ предѣлахъ Млечнаго Пути; и въ добавокъ вся эта система оживлена движеніями, законы коихъ быть-можетъ нѣкогда будутъ изучены, хотя теперь они кажутся слишкомъ сложными для уразумѣнія ихъ.“

„Въ области физики теорію свѣта какъ волнообразнаго движенія эѳира едва ли можно относить къ послѣднему пятидесятилѣтію; ибо хотя Брюстеръ въ своемъ „Отчетѣ объ оптикѣ“, напечатанномъ въ первомъ томѣ Трудовъ нашего Общества, называетъ вопросъ этотъ открытымъ и выставляетъ себя все еще не убѣжденнымъ, но повидимому въ ту эпоху онъ одинъ лишь оказывалъ еще предпочтеніе теоріи истеченія свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, явленія интерференціи не оставляли уже мѣста сомнѣнію. Но окончательно вопросъ разрѣшенъ былъ знаменитыми опытами Фуко въ 1850 году. По теоріи волненія скорость свѣта должна быть значительнѣе въ воздухѣ нежели въ водѣ; тогда какъ еслибы теорія истеченія была справедлива, должно было бы происходить обратное. Однакоже скорость свѣта—290.000 верстъ въ секунду—такъ велика что попытки опредѣлить разницу этой скорости въ воздухѣ и въ водѣ могли казаться вполне безнадежными. Тѣмъ не менѣе скорость свѣта въ воздухѣ опредѣлилъ въ 1849 году Физо посредствомъ быстро вращающагося колеса. Въ слѣдующемъ году Фуко посредствомъ вращающагося зеркала показалъ что скорость свѣта значительнѣе въ воздухѣ нежели въ водѣ, заключивъ такимъ образомъ рядъ доказательствъ въ пользу теоріи волненія. Теперь все болѣе и болѣе распространяется мнѣніе, высказанное Клеркъ-Максвелемъ, что самый свѣтъ есть электро-магнитное возмущеніе, причемъ свѣтоносный эѳиръ

служить проводникомъ какъ свѣта, такъ и электричества. Юнгъ еще въ концѣ прошлаго вѣка показалъ что три основныя цвѣта суть красный, зеленый и фіолетовый, но результаты его изслѣдованій обратили на себя мало вниманія, и большая часть ученыхъ придерживались мнѣнія что главныхъ цвѣтовъ семь: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фіолетовый, изъ коихъ четыре: оранжевый, зеленый, синий и фіолетовый считались происходящими отъ смѣшенія остальныхъ трехъ. Красный, желтый и голубой поэтому назывались первообразными цвѣтами, причемъ полагали что для произведенія блага цвѣта необходимо присутствіе этихъ трехъ. Однако Гельмгольцъ въ 1852 году снова показалъ что цвѣтъ представляющійся невооруженному глазу бѣлымъ можетъ происходить отъ соединенія желтаго съ синимъ. Въ то время желтый считался простымъ цвѣтомъ, и на явленіе указанное Гельмгольцемъ смотрѣли какъ на исключеніе изъ общаго правила что для составленія блага необходимы три простые цвѣта. Далѣе, всѣ полагали и до сихъ поръ нѣкоторые еще думаютъ что соединеніемъ синяго съ желтымъ образуется зеленый цвѣтъ. Однакожъ это совершенно ошибочно. Конечно, всѣ мы знаемъ что синяя краска съ желтою краской даютъ зеленую краску; но это есть слѣдствіе поглощенія свѣта полупрозрачными частицами пигментовъ, а не простая смѣсь цвѣтовъ происходящая отъ желтыхъ и синихъ частицъ; напротивъ, какъ легко доказать при помощи двухъ листовъ цвѣтной бумаги и оконнаго стекла, синий и желтый свѣтъ будучи соединены не даютъ и слѣда зеленого, но если они совершенно чисты, то дадутъ бѣлый цвѣтъ. Поэтому зеленый цвѣтъ отнюдь не происходитъ отъ смѣси желтаго и синяго. Съ другой стороны, Клеркъ-Максвелъ доказалъ въ 1860 году что желтый можетъ произойти отъ смѣси краснаго и зеленого, что и положило конецъ притязаніямъ желтаго считаться простымъ цвѣтомъ. Изъ этихъ и другихъ соображеній, слѣдовательно, оказывается что три первообразныя цвѣта—если ужъ удерживать это выраженіе—суть красный, зеленый и фіолетовый. Существованіе лучей за фіолетовыми, хотя и невидимыхъ глазу, давно уже доказывалось ихъ химическимъ дѣйствіемъ. Стоксъ однако указалъ въ 1852 году что существованіе ихъ можетъ быть доказано другимъ приемомъ, такъ какъ есть нѣкоторыя вещества которыя подъ вліяніемъ этихъ лучей выдѣляютъ свѣтъ видимый нашему глазу. Это явленіе онъ

назвалъ флуоресценціей. На другомъ концѣ спектра Абнею недавно удалось получить фотографическія изображенія множества линій за краснымъ цвѣтомъ; въ лучахъ существованіе конхъ первоначально указано было сэръ-Уильямомъ Герше-лемъ. Вслѣдствіе рѣдкости, а во многихъ случаяхъ и полного отсутствія упоминовеній въ литературѣ древнихъ о синемъ цвѣтѣ, Гейгеръ, усвоивъ и развивъ намекъ впервые сдѣланный г. Гладстономъ, высказалъ что еще во времена Гомера предки наши были слѣпы относительно синяго цвѣта. Хотя со своей стороны я и не могу раздѣлять этого воззрѣнія, но конечно замѣчательно что ни Ригведа, почти сплошь состоящая изъ гимновъ небу, ни Зендавеста, ни Ветхій Заветъ, ни поэмы Гомера не называютъ неба синимъ. Съ другой стороны, на самой зарѣ поэзіи великолѣпіе утренняго и вечерняго неба вызывало восторгъ въ человѣчествѣ. Какъ говоритъ Рускинъ, все небо „отъ зенита до небосклона волнуется зыбкимъ моремъ огня и красокъ; каждая темная закраина тучъ становится золотою, каждое облачко окрашивается алымъ пурпуромъ и тѣми красками коимъ нѣтъ названія на человѣческомъ языкѣ и нѣтъ представленій въ умѣ, которыя понятны лишь пока видимы; сквозь все это просвѣчиваетъ бездонная синева высшихъ слоевъ воздуха, являя свою глубину, чистоту и прозрачность, кое-гдѣ отбѣляемая безформенными парообразными облачками, пока и тѣ наконецъ окрасятся въ пурпуръ и золото.“ Но чѣмъ объясняются эти великолѣпныя краски? Почему небо сине? Почему восходъ и закатъ солнца пурпурно-золотистый? Можно сказать что воздухъ синь, но ежели это такъ, то какимъ образомъ облака принимаютъ ихъ разнообразную окраску? Брюкке показалъ что мельчайшія частицы плавающая въ водѣ кажутся синими вслѣдствіе отраженія свѣта. Тиндалъ разъяснилъ намъ что синій цвѣтъ неба зависитъ отъ отраженія свѣта мельчайшими частицами носящимися въ атмосферѣ. Если голубые лучи блага солнечнаго свѣта перехватываются такимъ образомъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы, то достигающіе нижнихъ слоевъ лучи будутъ желтые, оранжевые и красные. Гдѣ разстояніе коротко, солнечный свѣтъ будетъ казаться желтоватымъ. Но по мѣрѣ того какъ солнце клонится къ горизонту, увеличивается атмосферическое разстояніе, а слѣдовательно и число плавающихъ въ атмосферѣ частицъ. Онѣ ослабляютъ слѣдовательно лучи фіолетовые, иногда синіе и даже нарушаютъ пропорцію зеленыхъ.

Поэтому доходящие до насъ лучи должны измѣняться отъ желтаго чрезъ оранжевый до краснаго, и такимъ образомъ когда въ полдень мы любуемся яркою синевой неба, тѣ же самыя лучи лишеныя своею синевы въ другомъ мѣстѣ освѣщаютъ вечернее небо всѣмъ великолѣпиемъ заката.“

Г. Лѣббокъ упоминаетъ далѣе объ изобрѣтеніи фотографіи и стереоскопа, объ улучшенныхъ способахъ освѣщенія, объ открытіи что теплота въ тѣлахъ происходитъ отъ движенія невидимыхъ частицъ, объ опредѣленіи механическаго эквивалента теплоты, о доказательствахъ непрерывности различныхъ агрегатныхъ состояній матеріи, о кинетической теоріи газовъ, о приобретенныхъ свѣдѣніяхъ объ атомахъ и частицахъ, о плодovitомъ послѣдствіями законъ сохранения энергіи и о великихъ успѣхахъ въ области электричества и его примѣненій.

„Всемирная исторія, заключаетъ г. Лѣббокъ свою рѣчь, не заломнитъ періода столь богатаго великими научными результатами какъ послѣднее пятидесятилѣтіе, съ другой стороны, никогда еще виды на будущее не были столь благоприятны. Правда, не слѣдуетъ слѣпо отвергать возможность крушенія; войны, духъ анархіи, социализмъ, эти и другіе опасныя элементы могутъ омрачить свѣтлыя надежды на будущее. Но не могу вѣрить чтобъ эти элементы восторжествовали. Я не могу не выразить увѣренности что чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, когда городъ Йоркъ бытъ-можетъ возобновить свое гостепріимное приглашеніе, преемникъ мой по этому креслу,—надѣюсь, болѣе меня компетентный въ изложеніи великой темы,—разкажетъ о цѣломъ рядѣ открытій, еще болѣе неожиданныхъ и болѣе блестящихъ чѣмъ тѣ о которыхъ я пытаюсь дать вамъ сегодня вечеромъ, боюсь, весьма неполный отчетъ. Ибо одинъ изъ величайшихъ уроковъ почерпаемыхъ въ естествознаніи состоитъ въ томъ какъ мало мы знаемъ и сколь многое остается еще изучать“....

V

Histoire de l'art dans l'antiquité par Georges Perrot et Charles Chipiez.

Предъ нами первый выпускъ чрезвычайно интереснаго изданія. Извѣстный французскій ученый г. Ж. Перро, при содѣйствіи архитектора г. Шилье, предпринялъ ознакомить публику съ исторіей искусства въ древности на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій. Сюда должны войти Египеть, Ассирія, Персія, Малая Азія, Греція, Этрурія и Римъ. Изданіе будетъ выходить выпусками каждый по 16 страницъ in-quarto; всѣхъ ихъ предполагается не менѣе 300, такъ что когда трудъ окончится, то онъ будетъ заключать до 5.000 страницъ и образуетъ шесть обширныхъ томовъ. Полученные нами первые десять выпусковъ имѣютъ особую обложку и стоятъ они 2 р. 25 коп.,—цѣна весьма умѣренная если принять во вниманіе что мы насчитали въ нихъ около ста рисунковъ, изъ коихъ два находятся не въ текстѣ, а приложены къ нему. Вообще въ типографскомъ отношеніи изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго: оно отличается тѣмъ изяществомъ къ которому уже давно приучили насъ Французы.

Что касается текста, то имя г. Ж. Перро служитъ достаточнымъ ручательствомъ за его достоинства. Основательное знаніе предмета соединено въ немъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ изложенія. Авторы, какъ уже сказано выше, начинаютъ съ Египта; искусство всегда слишкомъ тѣсно связано съ географическими условіями страны, съ характеромъ ея жителей, съ религіозными ихъ вѣрованіями и исторіей, вслѣдствіе чего всему этому посвященъ блестящій очеркъ въ первой главѣ; затѣмъ уже идетъ глава объ архитектурѣ, а именно объ архитектурѣ надгробной, говорить о которой было нельзя не коснувшись обстоятельно помятой Египтянъ о будущей жизни. „Въ предпринятомъ нами главѣ, поясняютъ издатели, исторія восточнаго искусства служитъ лишь подготовительнымъ этюдомъ который долженъ насъ привести къ исторіи искусства греческаго; нужно обратиться къ отдаленной эпохѣ чтобъ установить черту между тѣми элементами которые геній Грековъ заимствовалъ отъ своихъ предшественниковъ и которые всецѣло принадлежать ему. Мы обозримъ въ цѣломъ и въ исторической послѣдовательности

результаты художественной дѣятельности многихъ великихъ народовъ занимавшихъ на землѣ обширное пространство и плодотворно трудившихся въ теченіе долгихъ вѣковъ, но мы не намѣрены описывать одинъ за другимъ всѣ главнѣйшіе памятники Египта или Ассиріи, Персіи или Финикіи. Уклониться на этотъ путь значило бы улустить изъ виду преслѣдуемую нами цѣль. Задача наша трудна; мы намѣрены въ очеркѣ посвященномъ Востоку, не престулая извѣстныхъ предѣловъ, совмѣстить всѣ факты и соображенія могущія служить опорой при тѣхъ постоянныхъ сравненіяхъ которыя придется намъ дѣлать между искусствомъ Греціи и искусствомъ народовъ примѣръ коихъ не пропалъ безслѣдно для Грековъ. Есть одно средство достигнуть этой цѣли, а именно, изучивъ со всевозможнымъ тщаніемъ и точностью подробности, излагать тутъ только общіе результаты. Повторяемъ еще разъ, мы не займемся исключительно тѣмъ или другимъ египетскимъ храмомъ или надгробнымъ памятникомъ, не будемъ писать монографію каждаго изъ нихъ, но дадимъ ясное понятіе о томъ какъ Египтяне смотрѣли на архитектуру и какимъ перемѣнамъ, сообразно смѣнявшимся эпохамъ, подвергался стиль ихъ монументальныхъ зданій.“

Задача эта, насколько можно судить по началу труда, выполнена какъ нельзя болѣе удачно. Видно что авторы отнеслись съ особенною любовью къ Египту, для котораго такъ много сдѣлано французскою наукой начиная съ Шампольона и кончая недавно умершимъ Марьеттомъ и преемникомъ его по управленію Булакскимъ музеемъ г. Масперо. Долгое время относительно египетскаго искусства господствовало самое невыгодное мнѣніе; Рауль-Рашеттъ, открывая свой курсъ въ 1828 году, замѣтилъ что со времени первыхъ фараоновъ до послѣднихъ Птолемеевъ искусство это не подвигалось ни на шагъ, всегда стояло на одной и той же ступени. Но подобныя сужденія невозможны теперь, послѣ открытія цѣлаго ряда памятниковъ, которые дѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ были неизвѣстны ученымъ. Они не оставляютъ никакого сомнѣнія что въ отдаленномъ періодѣ египетской исторіи, въ періодѣ первыхъ династій искусство Египтявъ отнюдь не отличалось тою неподвижностью, тѣми условными формами въ которыя оно было заключено въ послѣдствіи. Но эти архаическія произведенія до послѣдняго времени были почти недоступны писателямъ говорившимъ о Египтѣ.

„Главнѣйшіе европейскіе музеи, замѣчаетъ г. Перро, наполнены статуями и барельефами эпохи Эвскихъ и Саитскихъ династій; что же касается памятниковъ династій Мемфисскихъ, т.-е. наиболѣе древнихъ, они встрѣчаются у насъ чрезвычайно рѣдко. Нѣсколько весьма замѣчательныхъ изъ нихъ находятся, благодаря Марьетту и Лепсіусу, въ Парижѣ и Берлинѣ, но кто хочет составить себѣ о нихъ вполнѣ вѣрное понятіе, долженъ ѣхать въ Булакъ; только тамъ увидитъ онъ отличнѣйшіе образцы того искусства о существованіи котораго и не подозрѣвали когда изученіемъ Египта занимался Шампольонъ,—увидитъ Кефрена, двѣ статуи найденныя въ Мейдумѣ, барельефы гробницы Ти и т. д. Именно туда и отправились по нашему порученію два искусные художника, гг. Бургуенъ и Бенедитъ; съ замѣчательною точностью и совершенствомъ воспроизвели они для нашего изданія памятники, которые еще не появлялись ни въ фотографіи, ни въ гравюрѣ. Немногіе изъ этихъ памятниковъ красовались на парижскихъ всемірныхъ выставкахъ 1867 и 1878 годовъ, но потомъ снова были возвращены въ Каиръ.“ Вопреки мнѣнію такихъ ученыхъ какъ напримѣръ Ренавъ, которые считаютъ древній Египетъ своего рода Китаемъ, замершимъ на извѣстной ступени самобытной цивилизаціи и вовсе не вліявшимъ своимъ искусствомъ на другіе народы, г. Перро вслѣдъ за Марьеттомъ убѣжденъ что искусство это шло путемъ разнообразнаго развитія, что оно имѣло свои періоды процвѣтанія и упадка и поставилъ себѣ задачей познакомить публику главнымъ образомъ съ тѣмъ что онъ называетъ его процвѣтаніемъ.

Искусство это проливаетъ яркій свѣтъ на характеръ народа которому принадлежало оно. Основываясь на немъ Бругшъ возстаетъ противъ укоренившагося предрасудка будто Египтяне отличались суровымъ, до крайности сосредоточеннымъ, даже мрачнымъ характеромъ, будто всѣ помыслы ихъ обращались исключительно на загробную жизнь,—словомъ, какъ выражается онъ, будто это были своего рода траллисты древняго міра. Возможно ли, говоритъ уломянутый ученый, чтобъ эта плодоносная почва, чтобы величественная рѣка орошающая ее, чтобъ это ясное небо породило націю какихъ-то живыхъ мумій, угрюмыхъ философовъ, смотрѣвшихъ на жизнь какъ на несносное бремя? Ознакомьтесь съ памятниками, взгляните внимательно въ сцены изображенныя

красками или рѣзцомъ на стѣнахъ склеповъ, вчитайтесь въ надписи сохранившіяся на гробницахъ или палаткахъ, и вамъ придется рѣзко измѣнить свое мнѣніе. Трудно представить себѣ народъ болѣе веселый, наивный, жаждавшій удовольствій, который болѣе любилъ бы жизнь и слѣдилъ бы наслаждаться ею. Не только не призывалъ онъ смерть, но напротивъ страшился ея, и въ надписяхъ часто содержатся молитвы къ богамъ о продленіи существованія „если возможно до ста десятилѣтняго возраста“. Правда, въ Египтѣ господствовало такое же деспотическое правленіе какъ въ любомъ изъ государствъ древняго Востока; люди высшихъ классовъ были вполнѣ рабами монарховъ, а низшій классъ былъ кромѣ того подавленъ тяжкими работами. Этого недостаточно однако чтобъ изображать состояніе народа въ безусловно мрачномъ свѣтѣ, недостаточно потому что при благодатныхъ климатѣ и почвѣ никакой деспотизмъ не въ состояніи до такой степени удручить жителей чтобъ имъ были недоступны житейскія радости. Въ этомъ отношеніи теперешній Египетъ можетъ дать понятіе о томъ что происходило за нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ. Едва ли когда страдалъ онъ такъ много какъ при Мехметѣ-Али и предшественникѣ теперешняго хедива; нѣчто подобное этому можно было видѣть развѣ въ Каролинѣ и Виргиніи, гдѣ до недавней междуусобной войны толпы Негровъ работали подъ кнутомъ съ утра до ночи до истощенія силъ. Несчастныхъ феллаховъ силою сгоняли изъ деревень и они тысячами умирали подъ открытымъ небомъ; тѣ которымъ разрѣшалось оставаться дома для обработки полей, должны были за два года впередъ уплачивать подати, но и это не ограждало ихъ отъ невыносимыхъ поборовъ. „А между тѣмъ, говоритъ г. Перро, путешественникъ посѣщавшій Египетъ изумился бы разчитывая видѣть предъ собою только сцены горя и отчаянія. Въ 1862 году, возвращаясь изъ своей ученой экспедиціи въ Анкиру съ архитекторомъ г. Гильомомъ и докторомъ Дельбе, мы избрали самый длинный путь, а именно ѣхали чрезъ Сирію и Египетъ. Въ Каирѣ Маріеттъ показывалъ намъ Булакскій музей и хотѣлъ непремѣнно познакомиться насъ съ сокровищами своего Сералеума; мы должны были провести ночь въ его домѣ расположенномъ въ лустынѣ чтобы при свѣтѣ факеловъ осмотрѣть обширныя усыпальницы Алисовъ. Днемъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ,

присутствовали мы при расколахъ, которыя подъ руководствомъ Марьетта производились четырьмя стами ребятишекъ и взрослыхъ, согнанныхъ сюда какъ бы на барщину изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ деревень. При закатѣ солнца весь этотъ людъ прекратилъ работу, расположился группами на лескѣ. Каждый слѣшилъ вынуть сухари изъ мѣшка, въ которомъ хранилась его провизія на двѣ или три недѣли; болѣе достаточные, кромѣ сухарей угощали себя лукомъ или сушеными грушами. Ужинъ продолжался недолго, но предъ тѣмъ какъ лечь спать вся эта толпа принялась лѣтъ; образовалось два хора смѣнявшіе одинъ другой—и это до очень позднаго часа. Никогда не изгладится изъ моей памяти ни эта ночь проведенная въ пустынѣ, ни странный фантастическій характеръ который принимаетъ песчаное море при лунномъ свѣтѣ! Человѣкъ какъ будто не сознаетъ гдѣ онъ находится, недоумѣваетъ что это за однообразное, безбрежное серебристое пространство разстилающееся предъ его взорами; можно было бы подумать что лывешь по Океану, и только то что никакая звѣзда, никакой лучъ не отражались на окружавшей поверхности разогнало миражъ. Не легко было заснуть подъ вліяніемъ испытанныхъ мною впечатлѣній, но засылая и прислушиваясь къ замирающимъ нагѣвамъ размышлялъ я о томъ какъ мало нужно этимъ людямъ, какъ мало нужно было ихъ предкамъ чтобы чувствовать себя довольными и счастливыми, чтобы не заботиться о завтрашнемъ днѣ, и невольно являлось тутъ сравненіе между этимъ безлечнымъ существованіемъ въ пустынѣ и тѣми никогда не умолкаемыми душевными тревогами которыя липають насъ спокойствія въ нашихъ европейскихъ городахъ....“

Странно было бы ставить египетское искусство на ряду съ искусствомъ греческимъ, — между ними непреходимая бездна, — но есть у нихъ одна общая черта: искусство Египтянъ касалось всѣхъ сторонъ общественной жизни, оно интересовалось всѣмъ и ничто что дорого человѣку не было ему чуждо. Въ этомъ отношеніи Египтяне имѣли огромное превосходство надъ другими народами Востока. До насъ дошло напримѣръ много ассирійскихъ памятниковъ, но содержаніе ихъ крайне однообразно: это исключительно сцены войны и побѣдъ, изображеніе алоееоза царской власти. Конечно и въ египетскомъ искусствѣ преобладаетъ та же тема; царю всегда принадлежитъ первое мѣсто по важности

религіозныхъ и надгробныхъ памятниковъ, воздвигаемыхъ имъ, по обилію и размѣрамъ изображеній долженствующихъ увѣковѣчить его черты, но на ряду съ этимъ какое множество сценъ, отдѣльныхъ фигуръ и группъ выхваченныхъ изъ обыденной жизни: земледѣльческія работы въ различныхъ видахъ, охота на сушѣ и на водѣ, рыбная ловля, пастухи со своими стадами, хлѣбопеки, чиновники надзирающіе за публичными работами—все это тщательно воспроизводится на рисункахъ съ весьма любопытными характеристическими чертами дѣйствующихъ лицъ. Изображая сильныхъ земли египетское искусство не забывало и тѣхъ которые стояли неизмѣримо ниже ихъ на общественной лѣстницѣ. „Съ этой стороны, замѣчаетъ г. Перро, было въ немъ много популярнаго, человѣческаго,—даже демократическаго, еслибъ это слово не звучало странно въ примѣненіи къ самой деспотической монархіи какая когда-либо существовала на землѣ.“ Въ книгѣ о которой мы говоримъ, издатели отвели много мѣста рисункамъ которые могутъ дать наглядное понятіе о домашнемъ и общественномъ бытѣ древняго Египта, и конечно никто не поспѣуетъ на нихъ за это.

Р.

IV.

Книжныя новости.

На дняхъ въ С.-Петербургѣ окончено печатаніемъ изслѣдованіе А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго въ четырехъ томахъ, подъ заглавіемъ: *Графъ П. Д. Киселевъ и его время*. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II. Первый томъ содержитъ свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни и началѣ службы Киселева (1788—1819), о службѣ Киселева въ званіи начальника главнаго штаба второй арміи (1819—1828), объ участіи въ войнѣ съ Турціей (1828—1829) объ управленіи Дунайскими княжествами (1824—1834). Второй томъ знакомитъ съ дѣятельностью графа Киселева по управленію Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и съ трудами его при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Третій посвященъ пребыванію графа Киселева въ Парижѣ въ качествѣ русскаго посла. Четвертый заключаетъ въ себѣ различныя приложенія. Биографъ графа Киселева пользовался для

своего труда обширнымъ архивомъ оставленнымъ послѣ смерти Павла Дмитриевича, его записками и дневникомъ, равно архивами Великаго Князя Константина Николаевича и министерствъ Военнаго и Государственныхъ Имуществъ. Два первые тома, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, еще въ рукописи удостоились прочтенія покойнаго Государя Императора и были едва ли не послѣднимъ его чтеніемъ.

Извѣстно что Министерство Юстиціи озабочено уже давно вопросомъ о пересмотрѣ нашего уголовного законодательства и съ этою цѣлю собираетъ матеріалы. На дняхъ Министерствомъ изданъ третій томъ этихъ матеріаловъ. Онъ содержитъ замѣчанія чиновъ судебного вѣдомства 1880—1881 на Уложеніе о Наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и на Уставъ о Наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями.

Всеобщая исторія литературы, составленная по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей г. В. Кюрта, тоже продолжаетъ выходить въ свѣтъ. Въ выпускѣ XI помѣщено окончаніе исторіи римской литературы г. Модестова и начало труда г. Кирпичникова: Средневѣковая литература западной Европы и Византии.

Г. Суворинъ предпринялъ изданіе сочиненія въ русскомъ переводѣ: *Нашъ Вѣкъ*—общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности послѣдняго столѣтія, Отто фонъ-Лейкснера. Вышли первый и второй выпуски. Изданіе украшено портретами, рисунками и другими иллюстраціями.

Г. Авенаріусъ издалъ для дѣтей *Образованія сказки русскихъ писателей*. Сборникъ этихъ сказокъ украшенъ 62мя рисунками работы Каразина.

Вышло въ свѣтъ четвертое изданіе *Основъ химіи* г. Менделѣева.

Русская аристократія, составленная Галаховымъ, на дняхъ въ Петербургѣ напечатана восемнадцатымъ изданіемъ.

Въ С.-Петербургѣ же отпечатаны слѣдующія книги:

Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля. Второе изданіе, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. III. Изд. М. О. Вольфа.

Метеорологическій сборникъ, издаваемый Академіей Наукъ. Т. VII. Выпускъ второй.

Труды С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей. Т. XII. Выпускъ второй.

К. Ельницкій. *Общая педагогика*.

Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. А. А. Головачева.

Викторъ Рагозинъ: *Волга*. Томы второй и третій: Отъ Оки до Камы.

Полный курсъ физики. А. Гано. Изд. 4е.

Веселовскій Ф. *Прижиреніе Русскихъ съ Поляками*. Воспоминанія прошлаго. Историческая брошюра, основанная на документахъ XVI вѣка и составленная по поводу столѣтней годовщины перваго раздѣла Польши.

О некоторыхъ полиномахъ съ одною и многими переменными. Разсужденіе Герасима Орлова, представленное въ физико-математическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета для полученія степени магистра чистой математики.

Объ интегрированіи въ конечномъ видѣ ирраціональныхъ дифференціаловъ. Разсужденіе И. Пташицкаго, представленное въ С.-Петербургскій Университетъ для полученія степени магистра математики.

С. П. Глазеналъ: *Рефракціонный уклонъ*.

Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique par le baron Victor Rosen. Première livraison.

Определение влажности воздуха помощью психрометра. Н. Зворыкина.

Притворныя болѣзни призывныхъ и новобранцевъ. Сочиненіе Дерблиха оберъ-штабъ-доктора австрійской службы. Переводъ съ нѣмецкаго.

Материалы для фармакологіи пикриновой кислоты и ея солей. Ветеринарнаго врача Ф. Соцъвича.

Франскій ярусъ мѣловой почвы и палеонтологическій его характеръ. Г. Д. Романовскаго.

Учебникъ физиологіи профессора М. Фостера. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія и дополненія профессора И. Тарханова. Томъ I.

Новыя основы физиологіи человека въ связи въ сравнительномъ и общемъ физиологіей Н. Beaunis, профессора физиологіи въ Нанси, переводъ Дг. Цыбульскаго съ предисловіемъ профессора И. Тарханова.

Краткій курсъ Психіатріи. Лекціи читанныя при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ Дг. Фрезе. Выпускъ второй.

Протоколы засѣданій Общества психіографовъ въ С.-Петербургѣ за 1880 годъ.

Гальванопластика. Краткое руководство для любителей. Составилъ Н. Россовскій.

Вентиляторъ Рута, его теорія и проектированіе. Составилъ А. Кондратьевъ, горный инженеръ.

О причинахъ и механизмъ образованія грыжъ живота и о способахъ ихъ предупрежденія доктора медицины Н. Круглевскаго.

Домашній уходъ за больными Дг. Курвуазье. Перев. съ нѣмецкаго М. Ловцовой съ предисл. Манасеина.

Инфекціонныя болѣзни домашнихъ животныихъ. Сочиненіе профессора Релля. Перев. Шмулевичъ. Изд. второе.

Русскій скотъ. Сравнительный очеркъ условій русскаго скотоводства А. Калангара.

Учебная русская христоматія съ толкованіями. Составилъ П. Полевой. Часть вторая. Средній возрастъ. Изд. 8е.

Русская христоматія, съ примѣчаніями. Составилъ Филоновъ. Часть четвертая. Проза. Изд. 3е.

Отечественная исторія въ разказахъ для высшихъ школъ и вообще для дѣтей старшаго возраста. Составилъ Рождественскій. Изд. 5е.

Нѣмецко-русскій военно-техническій словарь. Составили И. Миллеръ и К. Модрахъ. Выпускъ III.

Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составилъ С. Весивъ. Изд. третье.

Избранныя жизнеописанія Корнелія Непота. Видоизмѣнилъ, исправилъ, дополнилъ и прибавилъ словарь К. Люгембиль. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Второе исправленное изданіе.

Краткая русская грамматика для младшаго и средняго возраста съ задачами и алфавитомъ 1790 словъ на букву ѣ. Составилъ П. Крилицкій.

Краткая отечественная географія съ картами въ текстѣ. Составлена подъ редакціей П. Михайлова.

Нѣмецкая христоматія. Составилъ Н. Бертье. Изд. тринадцатое.

Краткій учебникъ латинскаго языка для школъ, лѣкарскихъ помощницъ и фельдшерницъ С.-Петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета Россійскаго Общества Краснаго Креста. Составилъ А. А. Кеммерлингъ.

Н. Бунаковъ: *Обученіе грамотѣ по звуковому способу.* Изд. десятое.

Обученіе взрослымъ грамотѣ (Какъ выучился Ивановъ грамотѣ). Съ листомъ подвижныхъ буквъ. Разказъ Ѳ. Студитскаго.

Н. Бунаковъ. *Азбука и уроки чтенія* и письма съ постепенно возрастающимъ числомъ буквъ. Изд. девятнадцатое.

Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсъ первый. Составилъ К. Маакъ. Изданіе 7е, исправл.

Уроки чистописанія и рисованія. Составилъ В. Зотовъ.

Ариметика для начальныхъ народныхъ училищъ, составленная А. Лева.

Солдатская азбука для совмѣстнаго обученія письму и чтенію. Составилъ Н. П. Столяновскій.

Даръ слова. Классная книга для практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ съ дѣтьми 10—12 лѣтъ. Составилъ Д. Семеновъ. Второе особое изданіе.

Н. Бунаковъ: *Книжка-первинка.* Чтеніе послѣ азбуки, съ картинками, задачами для самостоятельныхъ работъ и матеріаломъ для обученія церковно-славянскому чтенію.

Сборникъ прилговъ для письменныхъ упражненій въ ариметическихъ вычисленіяхъ. III ступень элементарнаго курса.

Учебникъ всеобщей географіи. Составилъ П. Бѣлоха. Курсъ элементарный. 14е изданіе.

Руководство къ обученію письму, составленное В. Гербачемъ. Прописи русскія, латинскія и греческія.

Н. Бунаковъ. *Христоматія для изученія образцовъ русской словесности.* Отдѣлъ второй. Изд. 5е.

Сборникъ статей и стихотвореній для дѣтскаго чтенія въ школѣ и дома, составили А. и П. Кореневы. Выпускъ I. Крестьянская семья.

Н. Бунаковъ. *Въ школѣ и дома.* Книга для чтенія въ народныхъ школахъ и городскихъ училищахъ. Курсы III и IV. Изданіе шестое.

Объ огражденіи правъ кредиторовъ въ случаѣ смерти должника. Докладъ А. К. Рихтера, представленный гражданскому отдѣленію Юридическаго Общества.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства, К. Анненкова. Т. III. 1) Частныя производства, 2) сокращеніе и 3) исполнительное производство.

Курсъ русскаго тѣснаго законодательства. Составилъ М. Романовскій.

Алфавитный указатель юридическихъ вопросовъ, разрѣшенныхъ гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ Правительствующаго Сената въ 1879 и 1880 годахъ. Составили г. Шайкевичъ и А. Поваривскій. Изд. Министерства Юстиціи.

Систематическій сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената и распоряженій правительства; разъясняющіе городское положеніе, составили баронъ В. Майдель и В. Блястинъ. Изданіе 2е, дополненное.

Экономическія и финансовыя записки. Б. М.

А. Лопухинъ: *Религія въ Америкѣ.*

А. Лопухинъ. *Римскій католицизмъ въ Америкѣ.*

Священникъ Городцовъ: *Позитивизмъ и христіанство,* религиозно-философскія воззрѣнія Дж. Ст. Милля и ихъ отношеніе къ христіанству. Апологетическое изслѣдованіе.

Прот. А. Рудаковъ: *Исторія христіанской православной церкви.* Изд. 16е.

Епископъ Гермогенъ: *Литургика.*

Робертъ Дэль Оуенъ: *Спорная власть между двумя мірами.* Наблюденія и изысканія въ области медиумическихъ явленій. Съ рисунками. Съ англійскаго К. Полянскій.

Исторія вѣпшней культуры. Одежда, домашняя утварь, полевая и военныя орудія народовъ древнихъ и новыхъ временъ. Рисованы и описаны Ф. Готтенротомъ. Изданіе М. О. Вольфа. Русскій переводъ С. Клячко. Выпуски V и VI.

Эллада и Римъ. Культурная исторія классической древности Якова Фалькъ. Изданіе А. Суворина. Выпуски XXIII и XXIV.

Естественная исторія племенъ и народовъ Фр. Гельвальда со множествомъ иллюстрацій художника Келлера-Лейцингера. Изд. А. С. Суворина. Выпуски первый и второй.

Земля и люди. Всеобщая географія Элизе Реклю. V. Выпускъ первый. Скандинавскія государства. Изд. картографическаго заведенія А. Ильина.

Мои семидесятилетнія воспоминанія и съ тѣмъ связать моя полная предсмертная исповѣдь. Н. Макарова.

Картины минувшаго. Стихотворенія и драматическіе отрывки А. А. Навроцкаго.

Разоренное гнѣздо. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ. А. Привольскаго.

Съ хорошею утлѣю. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. А. Привольскаго.

Повѣсти Карамзина. Третье изданіе.

Леонидъ или чертъ изъ жизни Наполеона. Историческій романъ въ четырехъ частяхъ Р. М. Зотова. Изданіе четвертое, исправленное.

Мошенники большаго свѣта. Романъ Васъ-Рикуара. Переводъ съ французскаго.

Снѣгурочка. Весенняя сказка. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ. Текстъ заимствованъ изъ піесы А. Н. Островскаго того же названія. Музыка Н. А. Римскаго-Корсакова.

Сердце Панинъ (Жизнь за жизнь). Романъ Жоржа Оне. Переводъ съ французскаго подъ редакціей П. И. Вейнберга.

Пиковый король. Юмористическій листокъ.

Червонный тузъ. Юмористическій листокъ.

Муза. Юмористическій листокъ.

Миценіе факира. (Смерть Евы). Романъ Генри Ковена, переводъ съ французск. В. Ранцева.

Голо Раймундъ: *Майоратъ.* Романъ.

Грѣшница. Романъ Элленъ Мезерсъ. Перев. съ англійск. Лѣтнева.

Повѣсти и разказы Д. Б. Григоровича. Кошка и мышка. Повѣсть. Изд. книгопродавца Мартынова. Цѣна 40 коп.

Сочиненія Майнъ Рида. Т. V. Изд. третье.

Сочиненіе капитана Марріэта *Петръ Силпелъ.* Изд. Вольфа. Разказъ капитана Марріэта. *Пиратъ.* Обработалъ для юношества Гофманъ. Переводъ съ нѣмецкаго Софьи Дестунисъ.

Запечателенные русскіе люди: Ерофей Хабаровъ и Семень Дежневъ.

Памятный листокъ воспитанниковъ С.-Петербургской духовной семинаріи выпуска 1863 года.

Отчетъ С.-Петербургской ремесленной управы за 1879 годъ.

Всеобщій календарь на 1882 годъ. Изданіе Германа Голле.

Сонъ Петра Иваныча. Фантастическое представленіе въ шести картинахъ. В. Щигрова.

Кожевниное производство Изд. второе. Составилъ М. Рыловъ.
S.-Petersburger Deutscher Familien-Kalender für das Jahr 1882.

Практическія замѣтки для требователей денежнаго содержанія чинамъ военнаго ведомства. Изданіе второе, дополненное.

Иванъ ротозый. Книга для малыхъ дѣтей.

Календарь-счетоводъ на 1882 годъ. Ф. В. Езерскаго.

Русскій карманный календарь для всѣхъ 1882 г.

Техническій календарь на 1882 годъ. Картинная, записная и справочная книжка для инженеровъ, архитекторовъ, строителей и механиковъ. Составилъ Бихеле.

Еврейскій календарь на 5642 годъ, то-есть отъ 12 (24) сентября 1881 по 1 (13) сентября 1882 составленный Дг. А. И. Гольденблюмомъ.

О печахъ русской и комнатныхъ и объ употребленіи въ этихъ печахъ минеральнаго топлива, Ф. А. Пирюцкаго.

Карта Шлиссельбургскаго уѣзда. Составлена уѣздною управой по даннымъ собраннымъ въ 1880 году.

Новыя задачи благотворительности. Проектъ устава Общества Народной Помощи. Докладъ Н. Н. Дворяшина.

Соль. Исслѣдованіе русскаго богатства солью и употребленіе этого вещества. Составилъ Василій Гомилевскій.

Собраніе польскихъ и другихъ печатей, принадлежащее Академіи Художествъ. Разобралъ и описалъ Д. Прозоровскій.

Отчетъ Государственнаго Банка по городскимъ сберегательнымъ кассамъ за 1880.

Списокъ пожертвованій въ пользу образованія „Общества ремесленнаго и земледѣльческаго труда среди Евреевъ въ Россіи.“ Выпускъ I.

Въ Москвѣ изданы:

Коммерческая ариѳметика и торговля операціи. Составилъ А. В. Прокофьевъ. Изд. 2е.

Учебникъ органической химіи, составленный А. Карцевымъ. Выпускъ Iа.

Р. Фрезениусъ: *Руководство къ качественному химическому анализу.* Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. П. Сабаниева.

Руководство къ хорошему пѣнію по циферной методъ Шева. Составилъ К. Альбрехтъ. Выпускъ первый. Изд. 8е.

Польскій колдунъ панъ Твардовскій. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Изданіе книгопродавца Прѣснава.

Краткій учебникъ неорганической химіи. Составилъ Г. Волковскій.

J. Orlh. Курсъ нормальной гистологіи. Перев. съ нѣм. Л. Даркшевича подъ редакціей Э. И. Сивуцына.

Полный толковый словарь всѣхъ общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ вошедшихъ въ русскій языкъ. Составилъ Н. Дубровскій.

Христоматія для употребленія при преподаваніи русскаго языка. Курсъ второй. Составлена П. Басистовымъ.

Отчетъ по Императорскому Московскому Воспитательному Дому за 1880 годъ.

Воскресныя объясненія коллекцій Московскаго Политехническаго Музея. Томъ четвертый (1880—81), подъ редакціей секретаря комитета музея П. П. Петрова.

Русскій языкъ Р. И. Шредеръ. Біографія.

Исследования о соединеніяхъ азетисена. А. Сабанъева.

Таблицы для вычисленія курсовъ на Лондонъ, Берлинъ, Парижъ и Амстердамъ, составленныя Жаке.

Снаряды и способы для спасанія людей при кораблекрушеніяхъ. Н. П. Боголюбова.

Добро-азбука. Обученіе грамотѣ по способу фонетическому. А. Дмитревскаго.

Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ. Соч. В. Н. Соболева.

Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ К. Э. Ярошевскій.

На память Русскому народу. Описаніе событія 1 марта 1881 года.

Тяжелые дни Русскаго народа съ 1 по 15 марта 1881 года. Описаніе событій и кончины Государя Императора Александра Николаевича.

Н. П. Тимофеевъ: *Судъ присяжныхъ въ Россіи.* Судебные очерки.

Къ вопросу о земледѣльской будущности русской черноземной полосы.

Библиографическій Листокъ. Труды комиссіи при учебномъ отдѣлѣ Московскаго Общества Распространенія Техническихъ Знаній по составленію критическаго каталога книгъ и статей для дѣтскаго чтенія.

Очерки (Изъ записокъ В. А. К.). Выпускъ I съ двумя фотографіями.

Фидлеръ: *Руководство къ изученію нѣмецкаго языка.* Курсъ I. Изд. 7е.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Томъ XXV. Изд. 2е.

Архивъ князя Воронцова. Книга XXII.

Уставъ Московскаго Гигіеническаго Общества.

Дѣтскія басни. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. Общ. Распространенія Полезныхъ Книгъ.

Разказы старушки объ осаду Севастополя. Съ тремя портретами. Т. Толычевой.

Объяснительный текстъ къ картинкамъ для нагляднаго обученія, составленнымъ Гр. Тарасенковымъ.

Годичный отчетъ о дѣятельности Общества Распространенія Техническихъ Знаній за 1879—1880.

Пособіе къ чтенію и изученію древнихъ классиковъ въ объемѣ классическихъ гимназій. Составилъ Ф. В. Отто. Выпуски I и II. Цезаря комментаріи о Гальской войнѣ.

Vocabularium къ сочиненіямъ Юлія Цезаря. Составилъ Ф. Отто.

Планъ преподаванія русскаго языка въ начальной школѣ. Составилъ М. Соловьевъ.

И. Деркачевъ: *Школьные ступени.* Годъ второй. Книга для чтенія въ начальной школѣ. Третье изд.

Материнская любовь. Разказъ для дѣтей съ картиною. Соч. В. Коровина.

Отчетъ Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества за 1881.

Въ Одессѣ изданы:

Разсѣдки о доисторическихъ временахъ Русь-Славянскаго народа. А. С. Великанова. Т. II, выпускъ 2й.

Спорынья. Краткій очеркъ съ таблицею рисунковъ. Составилъ врачъ В. В. Филиповичъ.

Отчетъ Одесскаго Общества для призрѣнія младенцевъ и родильницъ. Годъ семнадцатый.

Уставъ Французскаго Благотворительнаго Общества въ Одессѣ.

Оса. Листокъ рисунковъ и каррикатуръ.

Въ Кіевѣ изданы:

Очеркъ Кіевской губерніи. В. Г. Мозговаго.

Дятская Библиотека. Вып. I.

Къ переселенческому вопросу. Д. П.

О рациональной передачѣ греческихъ и латинскихъ словъ въ русскую рѣчь и письмо. А. А. Иванова.

Жизнь за Царя. Большая опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ. Музыка М. И. Глинки. Текстъ барона Розена.

Рисунки къ руководству патологической анатоміи Dr. Бирхъ-Гиршфельда.

Двойная бухгалтерія (итальянская). Для коммерческихъ и реальныхъ училищъ и для самообученія. Составилъ по программѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія Н. Васильевъ-Яковлевъ.

Кіевскій народный календарь на 1882 годъ. Редакторъ-издатель А. Андрияшевъ.

Летучая мышь. Комическая оперетка въ 3хъ д., музыка Шраусса, слова Р. Гене. Переводъ Сѣтова и де-Рибаса.

Надѣла ветерановъ земель и военныя поселенія въ Римской имперіи. Эпиграфическое изслѣдованіе Юліана Кулаковского.

Руководство къ разведенію кукурузы. Составилъ И. Черкесь. Изд. второе.

Фальсификація важнѣйшихъ питательныхъ продуктовъ. Составилъ технологъ Л. Фаерманъ.

Въ Ярославлѣ напечатана книга: *Двадцать рѣчей изъ учебной практики,* преподавателя Ярославской духовной семинаріи Н. Корсунскаго.

Въ Харьковѣ издана брошюра А. Ф. Риттиха, подъ заглавіемъ: *Переселенія.*

Народный календарь для Южной Россіи на 1882 годъ.

Тамъ же напечатаны вторымъ издавіемъ очерки профессора М. П. Петрова, подъ заглавіемъ: *Изъ всемірной исторіи.* Содержаніе этихъ очерковъ: 1) *Евангеліе въ исторіи,* 2) *Германікъ,* 3) *Мохаммедъ,* 4) *Ульрихъ фонъ - Лихтенштейнъ,* 5) *Жанна д'Аркъ,* 6) *Лудовикъ XI,* 7) *Савонарола,* 8) *Томасъ Мюнцеръ,* 9) *Эразмъ Роттердамскій,* 10) *Филиппъ II* и 11) *Петръ Великій.*

Въ Тулѣ напечатано *Нормальное положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ.*

Въ Дерптѣ изданъ *Abriss der geschichte Russland's*.

Тамъ же напечатано сочиненіе подъ заглавіемъ: *Первая помощь въ отсутствіи врача*. Составилъ Др. Трояновскій.

Въ Петрозаводкѣ изданъ *Уставъ о гербовомъ сборѣ*, дополненный узаконеніями и распоряженіями правительства по 1881. Изд. Н. И. Ходова.

Въ Вильнѣ напечатаны:

Учебникъ русской грамматики. Выпускъ первый. Этимологія. Составилъ Е. Романовъ.

Скорбные мысли. Соч. учителя С. Липскаго.

Первая учебная книжка по закону еврейской веры. Составилъ М. Немзеръ и М. Вольперъ.

Тамъ же напечатана брошюра стихотвореній, подъ заглавіемъ: *Последніе звуки обетшалої лиры*.

Въ Кашилевѣ напечатаны:

Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Составилъ Г. Бахталовскій.

Блаженная память отца нашего старца Паисія *Сочиненія*.

Въ Радомѣ издана книжка подъ заглавіемъ: *Оскорбленіе должностныхъ лицъ дѣйствіемъ при отправленіи должности по русскому праву*. Этюдъ И. Соболева, кандидата правъ.

Въ гор. Звенигородкѣ, Кіевской губерніи, напечатаны *Рѣчи звенигородскаго раввина Эльцина*.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ТОМА СТО ПЯТЬ ДЕСЯТЬ ПЯТАГО.

С Е Н Т Я Б Р Ъ .

	Стр.
Страница изъ нашего прошлаго. <i>С. П.</i>	5
Русская миссія въ Кабулъ въ 1878—79 году. Гл. I—IV. <i>И. Яворскаго</i>	43
Въ захолустьи <i>Н. Л—на</i>	84
Жизнь прожить не поле перейти. Залуски неизвѣст- ной. *** Гл. I—VII.....	117
Изъ жизни. Романъ. Гл. I—V. <i>Петра Дорошенка</i>	158
Египетскій голубь. Разказъ Русскаго. Гл. VIII—XII. <i>К. Н. Леонтьева</i>	226
Злой духъ. Романъ. Часть вторая. Гл. I—VIII. <i>В. Г. Австенка</i>	270
Въ альбомъ. Не издавное стихотвореніе графа Алексѣя Ковстантиновича Толстаго.....	309
Путешествіе Императрицы Екатерины II въ Моголевъ въ 1780 году. Окончаніе. <i>А. Г. Брикнера</i>	311
По Нилу и на Сузскомъ Каналѣ. Гл. I—III. <i>Ю. Н. Щербачева</i>	368
Новости литературы: I. <i>Сборникъ Императорскаго Рус- скаго Историческаго Общества</i> . Томъ 29. <i>С. В.— II. Histoire de Philippe II, par H. Fournier— III. Zeiten, Völker und Menschen, von Karl Hille- brand. Fünfter Band. Aus dem Zeit der Revolution. P. Библиографическій указатель</i>	400

О К Т Я Б Р Ъ.

	Стр.
↳ Русская миссія въ Кабуль въ 1878—79 году. Окончаніе. <i>И. Яворскаго</i>	433
↳ Злой духъ. Романъ. Часть вторая. Гл. IX—XV. <i>В. Г. Асспенка</i>	475
По Нилу и на Суэзскомъ Каналѣ. <i>Ю. Н. Щербачева</i> ...	508
↳ Изъ жизни. Романъ. Окончаніе. <i>Петра Дорошова</i>	566
Противъ теченія. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей. Гл. XVIII—XX. <i>Вароололея Кочнева</i>	649
↳ Жизнь прожить не поле перейти. Записки неизвѣст- ной. *** Гл. VIII—XI.....	714
! Смерть Святополка. Драматическая сцена. <i>Графа А. Голеницева-Кутузова</i>	755
↳ Египетскій голубь. Разказъ Русскаго. Гл. XIII—XVI. <i>К. Н. Леонтьева</i>	772
Архимандритъ Пименъ настоятель Николо-Угрѣтскаго монастыря. Біографическій очеркъ. Гл. III. <i>Д. Б.</i>	794
Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова. Украинская дума. Стихотвореніе. <i>Н. В. Гербеля</i>	830
Услѣхи естествознанія въ послѣднее пятидесятилѣтіе. Рѣчь сэръ-Джорджа Лѣббока на юбилей Британска- го Общества.....	834
Новости литературы: I. Вновь найденные стихи Пуш- кина изъ <i>Мѣднаго Всадника</i> .—II. <i>Православный Палестинскій Сборникъ</i> . Выпускъ 1й. <i>С. В.</i> — III. <i>Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Без- бородко</i> . Изданіе второе.—IV. <i>Histoire de l'art dans l'antiquité</i> , par Georges Perrot et Charles Chipiez.— V. Книжныя новости.....	861

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНИЯ. Романъ Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНИЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антоны Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Брайдонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

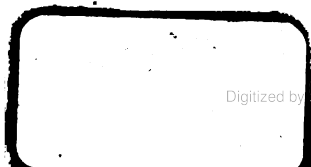
МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВЪРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Севъ-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фовблака. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

OCT 19 1904

Digitized by Google

LEATHER — FULL CHROME

